АРЦАХСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Посвящается контингенту миротворческих сил
Российской Федерации в Нагорном Карабахе

ЭТНОГРАФИЯ НАГОРНОГО КАРАБАХА

Составитель и главный редактор к.фил.н., доцент,
заслуженный деятель науки НКР
Армен Юрикович Саркисян

СТЕПАНАКЕРТ
2021

УДК 39
ББК 63.5
Э 916

Рекомендовано к печати Ученым советом Арцахского государственного университета

Редакционная коллегия: Саркисян А.Ю. (председатель), Аванесян В.М., Акопян И.Г., Амирджанян А.А., Арустамян Н.Э., Маргарян Л.Г., Оганесян Л.Л., Сафарян В.А.

Этнография Нагорного Карабаха.- *Степанакерт: Арцахский*

Э 916 *государственный университет, 2021.- 788 с.*

Настоящий сборник включает основные исследования, труды, статьи, научные доклады, туристические заметки и другие материалы, связанные и касающиеся этнографии Нагорного Карабаха, которые были изданы на русском языке.

Сборник предназначен для этнографов, историков, а также широкого круга читателей, интересующихся этнографией Нагорного Карабаха.

УДК 39

ББК 63.5

ISBN 978-9939-1-1311-1

© Арцахский государственный университет, 2021

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник включает основные исследования, труды, статьи, научные доклады, туристические заметки и другие материалы, связанные и касающиеся этнографии Нагорного Карабаха, которые были изданы на русском языке армянскими и иностранными разными учеными, общественными и государственными деятелями, путешественниками, учителями и инспекторами учебных заведений города Шуши и некоторых сел, другими авторами с середины 19-го века по сей день.

Материалы представляются в определенной редакции и с корректировкой, в целом приведя их в соответствие с современными принципами правописания и транскрипции.

В предисловии рассматривается история изучения этнографии Нагорного Карабаха. В конце дается полная библиография записанных и проведенных в указанный период исследований и других материалов.

Сборник включает следующие материалы.

1. Константинович, ***Шуши****, «Кавказский календарь на 1852 г.», Тифлис, 1851, с. 430-435*

2. Гакстгаузен А., ***Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями****, Санкт Петербург, 1857, Часть I, 248с., Часть II, 215с. /В настоящий сборник вошла лишь часть, касающаяся Нагорного Карабаха/*

3. Давидбеков И., ***Село Гадрут, Елисаветпольской губернии, Джебраильского уезда****, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. шестой, Тифлис, 1888. отд. I, с.153-192*

4. Израелов Г., ***Домашнее воспитание армян Джеванширского уезда Елисоветпольской губернии****, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. седьмой, Тифлис, 1889, отд. II, с. 73-76*

5. ***Промысловые занятия в некоторых населенных пунктах Закавказья*** (Зедгенидзе Я., Захар-беков С., Тер-Егиазаров А., ***Город Шуши****, с.1-79,* Ибрагимбеков Б., ***Шушинский уезд: Агдамское общество****, с.79-87,* Погосов М., ***Шушинский уезд: селение Тут****, с.87-88,* Погосов М., ***Шушинский уезд. Селение Мухренес****, с.88-89,* Израелов Г., ***Джеванширский уезд. Селение Касапет****, с.105-113,* Давидбеков И., ***Джебраильский уезд. Село Гадрут****, с.113-116), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. одиннадцатый, Тифлис, 1891, отд. I*

6. ***Описание кавказского шелководства, (Джеванширский уезд****, с.87-90,* ***Шушинский уезд****, с.90-95,* ***Джебраильский уезд****, с.96-111), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. одиннадцатый, Тифлис, 1891, отдел II*

7. Израелов Г., ***Село Касапет Джеванширского уезда Елисаветпольской губернии,*** *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. тринадцатый, Тифлис, 1892, отд. I, с. 42-58*

8. Осипов Г., ***Селение Даш-Алты, Шушинского уезда, Елисаветпольской губернии,*** *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. двадцать пятый, Тифлис, 1898, отд. II, с.101-136*

9. Зелиский С., ***Материалы по народной медицине у армян Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии и Шушинского и Зангезурского уездов Елисаветпольской губернии****. «Известия Кавказского отделения Императорского Русского географического общества», т. XII, вып. 1-й, Тифлис, 1898, с. 31-64*

*10.*Сегаль И., ***Елисаветпольская губерния, впечатления и воспоминания****, «Кавказский вестник», кн. 5, Тифлис, 1902, 104 с.*

11.Заварян С., ***Экономические условия Карабаха и голод 1906-1907 гг.***, *Санкт-Петербург, 1907, 87 с.*
12.Лисициян С., ***К изучению армянских крестьянских жилищ (Карабахский карадам)***, *«Известия Кавказского историко-археологического института», т.III, Тифлис, 1925, с.97-108*
*13.*Лисициян С., ***Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк***, *Ереван, 1992, 240 с.*
*14.*Кочарян Г., ***Нагорный Карабах***, *Баку, 1925, 68 с.*
15.Шагинян М., ***Нагорный Карабах. Очерк***, *Москва - Ленинград, 1927, 41 с.*
*16.*Петрушевский И., ***О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха***, *«Известия АзГНИИ. Историко-этнографическое и археологическое отделение», том 1, вып. 5, Баку, 1930, 43 с.*
*17.*Петров В., ***Этноботаника Нагорного Карабаха***, *Баку, 1940, 167 с.*
*18.*Авакян Н., ***Народная одежда армян Арцаха в XIX-начале XX в,*** *«Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв.. Материалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу», вып. I, Москва, 1971, с. 209-223*
*19.*Мирзоян Б., ***Нагорный Карабах (Размышления над статистикой)***, *«Вестник общественных наук», Ереван, 1988, N7, с. 43-56*
*20.*Марутян А., Саркисян Г., Харатян З., ***К этнокультурной характеристике Арцаха***, *«Вестник общественных наук», Ереван, 1989, N6, с. 3-18*
*21.*Карапетян М., ***Этническая структура населения Нагорного Карабаха в 1921г. (По сельско-хозяйственной переписи Азербайджана 1921г.)***, *Ереван, 1991, 21 с.*
*22.*Мкртчян А., ***Общественный быт армян Нагорного Карабаха (вторая половина XIX- начало XX в.)***, *Ереван, 2010, 168 с.*
*23.*Тер-Саркисянц А., ***Армяне Нагорного Карабаха. История. Культура. Традиции***, *Москва, 2015, 920 с /В настоящий сборник вошли лишь главы, касающиеся этнографии: «Традиционно-бытовая культура армян Нагорного Карабаха (XIX - начало XXв.) /с.561-690/, «Этнокультурное развитие армян Нагорного Карабаха во второй половине XX - начале XXIв.» /с.691-824/*
*24.*Саркисян Г., ***Население Нагорного Карабаха за 100 лет (1823-1923 гг.) (Этнодемографическое исследование)***, *«Вопросы арменологии. Ереванский государственный университет», Ереван, 2016, N2, с. 59-81*

ВВЕДЕНИЕ

Арцах, истоки истории которого коренятся в глубине тысячелетий, занимает особое место в этнографии Армении. К сожалению, исследование богатой истории края началось лишь с середины XIX века.

В целом, историю изучения этнографии Арцаха можно условно разделить на три периода: досоветский, советский и постсоветский. Первый период связывается с 1822 годом, когда было ликвидировано Карабахское ханство и сформировалась Карабахская провинция, которая до 1840 года входила в состав Каспийской области, а в 1868-1917 гг. составляла часть Елисаветпольской губернии. Непосредственно после вхождения в состав Российской империи, в связи с проводимой Россией политикой в Закавказье, объектом исследований становятся проблемы этнодемографии жителей региона. Так, в 1866 году в Тифлисе издается работа *«Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 году действительным статским советником Могилевским и полковником Ермоловым II-ым»*, ставшая первым опытом подобных исследований. Здесь авторы представляют составленные в 1822-1823 годах списки, в которых зафиксированы данные о доходах и о жителях Шуши и сел Карабаха. В целом исследование включает в себя 34 ведомости и один обобщающий список, а также одну дополнительную опись о численности семей, переехавших из Джебраила в Иран. В последующие годы усилиями различных ученых, общественных деятелей, учителей образовательных учреждений города Шуши и некоторых сел в издаваемых в Тифлисе многотомниках *«Кавказский календарь»*, «*Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края»*, «*Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества», «Этнографический вестник»* (на арм. языке) и в других журналах, а также в выходящей в Тифлисе, Вагаршапате, Шуши и других местах периодической печати по специальной программе стали печататься разнообразные исследования, статьи, материалы и сообщения по этнографии Арцаха.[1]

Среди этих исследований особое место занимает основанный в 1881 году в Кавказском учебном округе в Тифлисе журнал «*Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК)»*. Вышло в свет всего 46 томов данного сборника, из которых 44 были изданы в Тифлисе в 1881-1915 гг., а 45-й и 46-й том – в Махачкале, соответственно в 1926 и 1929 годах. В журнале печатались на русском языке многочисленные этнографические, фольклорные, лингвистические, археологические, историографические материалы, относящиеся к Кавказу, в том числе к различным районам Армении, авторами которых в основном являлись учителя и смотрители местных школ и гимназий. Несмотря на то, что авторы не были опытными учеными и их работы носят описательный характер, без глубокого анализа, все же их исследования очень важны, поскольку в середине XIX века этнография нашего региона только формировалась и подобные исследования являются единственным надежным источником для освещения соответствующих явлений этого периода. *СМОМПК* имел важное значение в деле становления армянской этнографии, одновременно став прецедентом осно-

[1]Константинович, ***Шуши***, «Кавказский календарь на 1852 г.», Тифлис, 1851, с. 430-435; Уразов Г., ***Медико-топографический очерк Джебраильского уезда Елисаветпольской губернии***, «Медицинский сборник», Тифлис, 1889, № 50; Зелиский С., ***Материалы по народной медицине у армян Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии и Шушинского и Зангезурского уездов Елисаветпольской губернии***, «Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества», Тифлис, 1898, т. XII, вып. 1-й, с. 31-64; Скибицкий М., ***Карабахские казенные летние пастбища***, «Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе», Тифлис, т. IV, 1898. с. 1-203; Кара-Мурза Г., ***Из сельскохозяйственной жизни Джеванширского уезда***, «Кавказское сельское хозяйство», Тифлис, 1903, № 497; Кара-Мурза Г., ***Производство арб и колес в Шушинском и Джеванширском уездах***, «Кавказское сельское хозяйство», Тифлис, 1903, № 503; Мириманов Г., ***Шелкомотальные заводы в Шушинском и Джебраильском уездах***, «Труды Кавказской шелководственной станции», Тифлис, 1891, т. II, с.145-151; ***Город Шуши***, «Армянский мир», Шуши, 1874, N1-2, с. 34-39 (на арм.яз.); Плузян М., ***Джрабердский уезд провинции Арцах***, «Арарат», Вагаршапат, 1871, №8, с. 440-443 (на арм.яз.); Атабеков Н., ***Карабахские армяне***, «Кавказ», Тифлис, 1857, № 56, 58; Егоров П., ***Мои поездки по Карабаху***, «Русский инвалид», 1857, № 217, 218, 221, 239, 241, 244; Никитин К., ***Географическое описание Шушинского уезда***, «Кавказ», Тифлис, 1872, № 149; 1873, №1,2; ***Состояние шелководства в Шушинском уезде***, «Кавказ», Тифлис, 1890. № 140 и др.

ванного в Шуши в 1896 году журнала *«Азгагракан андес»* (Этнографический вестник) и разных этнографических исследований. Среди исследований, опубликованных в сборнике, немало места занимают материалы по Арцаху. Уже в 6-ой книге, изданной в 1888 году, было опубликовано исследование Н.Григорова, посвященное селу Бегум Саров.[1] В первых двух частях автор обращается к общей характеристике поселения, происхождению названия, географическому положению, конструкции жилых домов, погоде и оросительной системе, основному занятию (земледелие и скотоводство), а в последующих главах он очень подробно представляет быт, традиции и религиозные ритуалы жителей села. Н. Григоров подчеркивает гостеприимство, щедрость жителей, а также наличие нищеты, причину которой он считает лень, разбросанность семей, неорганизованность, бесцельные расходы, общение с татарами соседних населенных пунктов. Как показывают эти описания, общения эти были настолько обширны, что сельчане многое переняли, в частности, широкое распространение получили татарская одежда и некоторые обычаи. Однако бегумсаровцы являлись истинно верующими и ревностно сохраняли национальные обычаи. Своеобразно описывается праздник Вознесения, во время которого молодые девушки пели соответствующие песни и чтили Великий пост Вардавар (Преображение). Жители часто посещали церковь, ставили свечи. По свидетельству автора, здравоохранение находилось в плачевном состоянии: не было медицинских работников, и в случае болезни сельчане обращались к знахарям и гадалкам или полагались на священное писание и святые места. Из сообщения также узнаем, что в открывшемся 17 октября 1885 года в Бегум Сарове сельском училище обучалось 35 мальчиков, из коих 34 армянина и 1 русский.

В той же книге опубликовано исследование И. Давидбекова в шести частях о селе Гадрут.[2] В первой части представлены этимология названия села, которая связывается с персидскими словами «ha» (между), «du» (два) и «rut» (река) – «между двух рек», а также местоположение поселения, археологические памятники территории («*Крапашти ангыстаран»*, что означает *Языческое кладбище, «Хин ангстаран» – Старое кладбище, «Галин бант» – Вход в крепость, «Цца хачи гала», «Спитак хач» – Белый крест, «Внеса гала» – Крепость Внеса, Астхаблур – Холм звезд, «Охты дрни» - Семь дверей, Мина-Хорен, Шагах)* и границы. Во второй части автор обращается к внешнему виду, постройкам и родникам *(Хор-ахбюр, Шен-ахбюр),* флоре и фауне села. В отдельных разделах третьей части автор представляет численность населения, земельные угодья, повинности, систему орошения, занятия жителей *(садоводство, земледелие, огородничество, скотоводство, ремесла*), наиболее подробно обращаясь к виноградарству и виноделию, торговле и шелководству. В четвертой части приводятся данные об образовательных учреждениях, правительственных и общественных учреждениях поселения, о военном штабе с лазаретом, который был основан в селе Ванк в 1838 г. и перенесен в Гадрут в 1847 г. В пятом разделе Давидбеков описывает жилище (*карадам*) с домашней обстановкой, сообщает важные сведения о пищевом рационе жителей, одежде, языке и религии, отмечая, что почти всякий безграмотный поселянин в состоянии говорить по-русски, что является следствием общения с русским военным штабом. Наиболее обширен шестой раздел, в котором описываются свадьба, различные обряды при рождении и крещении, похоронах и поминках, народные праздники и ритуалы.

В 13-ой книге журнала, изданного в 1892 году, опубликовано исследование Г. Израелова «*Село Касапет*», состоящее из 6-ти разделов.[3] В первом разделе автор обратился к этимологии названия, истории, местоположению и внешнему виду села, во втором разделе – к вопросу об орошении и климате, в третьем разделе – к археологическим памятникам на территории села и сопредельных территориях («*Егинахбюр*», то есть *«Родник оленя», «Гариби хач» – «Крест странника», «Инны мас» – «Девять мощей», «Тавара хач» – «Святыня скота», «Ерекманкунк»*

[1]Григоров Н., ***Село Саров Елисаветской губернии Джеванширского уезда***, вып. шестой, 1888, отд. I, с.123-132
[2]Давидбеков И., ***Село Гадрут Елисаветпольской губернии Джебраильского уезда***, вып. шестой, 1888. отд. I, с.153-192
[3]Израелов Г., ***Село Касапет Джеванширского уезда Елисаветпольской губернии***, вып. тринадцатый, 1892, отд. I, с. 42-58

– *«Три отрока», «Кагакатег» – «Место города», «Джрмокин гала» – «Крепость близ воды», монастырь «Егише - Аракел» – «Монастырь апостола Егише», «Катогикосаран» – «Резиденция католикоса»*. В четвертом разделе автор представляет минеральные источники и рудники, в пятом разделе – нравы, обычаи и суеверия касапетцев. Среди характерных черт сельчан автор выделяет строгость, грубость, гостеприимство, в то же время подчеркивая отрицательное влияние соседних татар, вследствие чего распространилось воровство, мстительность, одежда татар, частое употребление татарских слов, умыкание девушек и т.д. Отмечается также, что всюду господствовали старые обычаи и предрасудки, и во время болезней сельчане продолжали обращаться только к знахарям и святым местам. В шестом разделе описываются основные занятия жителей *(скотоводство, земледелие, садоводство, виноделие)*.

В другом материале[1] Израелов описал минеральный источник Истису, находящийся в Джеванширском уезде Елисаветпольской губернии, подчеркивая его лечебное значение. Важное значение имеет и другое его исследование *«Домашнее воспитание армян Джеванширского уезда Елисаветпольской губернии»,*[2] в котором автор обращается к проблеме воспитания детей в Джеванширском уезде, взаимоотношениям детей и их родителей.

Примечательна работа О. Джейранова,[3] в которой автор в отдельных разделах представляет историю селения Геташен Северного Арцаха, его местоположение, жилища, климат и распространенные болезни, а также сады, огороды и леса, животный мир и охоту, состав и занятия населения, государственные повинности и сельские расходы, виноградарство и виноделие, пчеловодство, шелководство, выделку масла, мыловарение, одежду и пищу, народные игры (*карпеталахти, джизилахти, фанди, чилинги, пози-пози, веки, hоти, чхклдани*), достопримечательности, монастыри и святые места *(Гог-гел, Чрага дзор, Нахатак, Егнасар, Аваг сурб ншан и др.),* верования, суеверия и приметы, праздники *(Великий пост, Ночь Вербного Воскресения, Вардавар, Навасард, Св. Саркис (хашиль*).

Такую же структуру имеет исследование Г. Осипова[4], посвященное селу Карин так. Здесь автор обращается к проблеме основания поселения, климату и орошению, постройкам, занятиям жителей, в частности, земледелию и гашению извести, пище, одежде, семейной жизни и образованию, распределению податей, общественному суду и наказаниям, окрестным пещерам, народным праздникам, обручению и свадьбе, а также связанным с ними ритуалам и обычаям, религии и суевериям.

Важные материалы по этнографии Арцаха содержатся также в опубликованных в журнале сборных исследованиях. Так, в работе *«Промысловые занятия в некоторых населенных пунктах Закавказья»,*[5]опубликованной в 11-ом томе, представляются рапространенные в городе Шуши в конце 19-го века ремесла *(производство ковров и паласов, носков, шапочное дело, свечной промысел, мыловарение, шитьё обуви, выделка кожи, скорняжный промысел, шорное производство)*, в Агдамском обществе *(кирпичное производство, мыловарение, портняжное производство, кузнечное дело, ковроткачество*), в селе Тог *(шерстяное производство*), в селе Мохренис *(вырубка леса),* в селе Кусапат *(кузнечное производство, гончарное производство, бондарное производство, производство из хлопчатой бумаги, изделия из шерсти*), в селе Гадрут *(ткацкое дело, изделия из серебра, кузнечное производство, каменотесное, кирпичное,*

---

[1]Израелов Г., ***Описание минеральнаго источника Истису (теплый ключ), Елисаветпольской губернии, Джеванширского уезда***, вып. седьмой, 1889, отд. II, с.84-85

[2]Израелов Г., ***Домашнее воспитание армян Джеванширского уезда Елисаветпольской губернии***, вып. седьмой, 1889, отд. II, с.73-76

[3]Джейранов Ф., ***Селение Чайкенд Елисаветпольского уезда той же губернии***, 1898, вып. двадцать пятый, отд. II, с.59-100

[4]Осипов Г., ***Селение Даш-Алты, Шушинского уезда, Елисаветпольской губернии***, выпуск двадцать пятый, 1898, отдел II, с.101-136

[5]***Промысловые занятия в некоторых населенных пунктах Закавказья,*** *(*Зедгенидзе Я., Захар-беков С., Тер-Егиазаров А., ***Город Шуши)****, с.1-79,* Ибрагимбеков Б., ***Шушинский уезд: Агдамское общество****, с.79-87,* Погосов М., ***Шушинский уезд: селение Туг****, с.87-88,* Погосов М., ***Шушинский уезд. Селение Мухренес****, с.88-89,* Израелов Г., ***Джеванширский уезд. Селение Касапет****, с.105-113,* Давидбеков И., ***Джебраильский уезд. Село Гадрут****, с.113-116), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. одиннадцатый, Тифлис, 1891, отдел I*

известковое и гончарное производства), в которых авторы часто подробно описывают средства и приемы производства, добычу материала, продажу товара и цены на них. В опубликованной во втором разделе того же тома работе *«Описание кавказского шелководства»* представлено описание шелководства в Джеванширском, Шушинском и Джебраильском уездах Елисаветпольской губернии.[1]

В журнале опубликована также работа Е. Мелик-Шахназарова, в которой представлен материал, описывающий монастырь «Кусанац анапат» и древнее кладбище селения Чанахчи Шушинского уезда.[3]

18-ый том содержит материал А. Калашева[2] о праздновании Вардавара в селе Геташен, к которому приложены собранные автором 122 джангюлюма, исполняемых во время этого праздника (некоторые на татарском языке) с параллельным переводом на русский.

Известно, что в армянской действительности еще в конце 19-го века фольклорные материалы часто представлялись совместно с этнографическими и демографическими материалами. Многочисленные подобные образцы, в частности, легенды, включены в вышеупомянутые исследования.[3]

В истории изучения этнографии Арцаха важное значение имеют материалы, включенные в многотомник *«Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края»,* изданный в Тифлисе в 1885 - 1887 гг. В опубликованной в 4-ом томе работе А.Деконского «*Экономический быт государственных крестьян Шушинского, Джебраильского уездов Елисаветпольской губернии*»[4] автор подробно описывает географическое положение и границы Шушинского и Джебраильского уездов, численность и национальный состав жителей, земельное довольствие, площади общественных земельных угодий, средства орошения, формы земельной собственности и способы их использования, виды пахотных земель и пастбищ и отношение общественности к ним, вырубка леса и отпуск лесных материалов, источники благосостояния сельчан, земледелие (севооборот зерновых, время сева, очистка зерна, количество семян), огородничество, шелководство, скотоводство, свиноводство, посторонние виды дохода и другие вопросы.

Важное значение имеют также приложенные в конце исследования ведомости, в которых отражены сведения об исследованных селах, количестве земель и размере наделов, причитающихся на дым и душу, о податях и повинностях на дым, душу и десятину земли и т.д.

В 6-ой том включено исследование А.Хан-Агова,[5] в котором автор отдельными главами представляет географическое положение и естественные богатства, население Джеванширского уезда Елисаветпольской губернии по этническому составу, полу, вероисповеданию, поселениям, образованности и т.д., формы владения и способы пользования землей, поливные средства, леса, отношение обществ к казенным летним и зимним пастбищам, источники благосостояния крестьян и их занятия (земледелие, виноградарство, шелководство, скотоводство, промыслы), подати и повинности и т.д. К исследованию приложены подробные таблицы со сведениями об исследованных поселениях.

---

[1]Описание кавказского шелководства**,** вып. одиннадцатый, 1891, отд. II, с. 87-90 (***Джеванширский уезд***), с. 90-95 (Шушинский ***уезд***), с. 96-111 (***Джебраильский уезд***)

[3] Мелик-Шахназаров Е., ***Из древностей селения Ченахчи (Елисаветпольской губернии, Шушинскаго уезда)***, вып. девятнадцатый, 1894, отд. I, с. 78-83

[2]Калашев А., ***Вардавар (сел. Чайкенд Елисаветпольской губернии, Шушинского уезда)***, вып. восемнадцатый, 1894, отд. второй, с.1-36

[3]Давидбеков И., ***Село Гадрут, Елисаветпольской губернии, Джебраильского уезда***, вып. шестой, 1888, отд. I, с. 153-192, Израелов Г., ***Легенда и сказка. (Из армянской словесности)***, вып. седьмой, 1889, отд. II, с.86-89; Погосов М., ***Тамерлан по рассказам джеванширских армян***, вып. седьмой, отд. II, с. 64-68; Мелик-Шахназаров Е., ***Из древностей селения Ченахчи (Елисаветпольской губернии, Шушинского уезда)***, вып. девятнадцатый, 1894, отд. I, с.79; Осипов Г., ***Селение Даш-Алты, Шушинского уезда, Елисаветпольской губернии***, вып. двадцать пятый, 1898, отд. II, с.101, 128-136 и др.

[4]Деконский А., ***Экономический быт государственных крестьян Шушинского и Джебраильского уездов Елисаветпольской губернии***, 1886, т. IV, с. 1-157

[5]Хан-Агов А., ***Экономический быт государственных крестьян Джеванширского уезда Елисаветпольской губернии***, Тифлис, 1887, т.VI, ч.2-ая, с.335-435

Подобную структуру имеет и работа Н. Абелова, опубликованная в 7-ом томе.[1] Здесь автор в рамках исследования Елисаветпольской губернии обращается и к некоторым поселениям Карабаха.

В истории этнографии Армении и, в частности, Арцаха беспрецендентным явлением было издание в 1896 году в Шуши известным этнографом Е. Лалаяном журнала «*Азгагракан андес*» («*Этнографический вестник*»), которым «*было заложено основание для последующих этнографических исследований*».[2] Очень скоро вокруг журнала объединились именитые интеллигенты М. Абегян, Лео, Ст. Малхасян, Гр. Ачарян, Т. Тораманян, Е. Шахазиз, Х. Самвелян, Л. Меликсет-Бек, В. Папазян, Г. Левонян и многие другие, которые, активно сотрудничая с журналом, публиковали свои исследования и сборники, представляющие большую этнографическую ценность. Вскоре редколлегия журнала переехала в Тифлис, где вышли в свет второй и последующие тома. В целом, в 1896-1916 гг. было опубликовано 26 книг, в которых наилучшим образом были представлены этнографические, фольклорные, диалектные, археологические и другие разнообразные исследования, сборники и материалы как по армянской этнографии, так и отдельным этнографическим районам.

Основание и издание первой книги «*Азгагракан андес*» в типографии Махтеси Акобяна в городе Шуши имело исключительное значение в духовной жизни Арцаха, в частности, Шуши, который в конце 19-го века считался по своему значению третьим городом Закавказья, где наблюдался бурный подъем общественной жизни, культуры и образования.[3] Не случайно, что именно в Шуши, объединив вокруг себя группу интеллигентов Арцаха, Е. Лалаян за короткое время собирает богатый этнографический материал из разных населенных пунктов уезда, редактирует, дополняет его материалами по Варанде, опубликованными на разных языках, а также рукописными, архивными материалами и официальными статистическими данными с рядом таблиц и списков, который публикует во второй и третьей книге под общим названием «*Варанда*».[4]

Большую часть материалов, включенных во вторую книгу сборника, собрал Е. Лалаян. В качестве соавторов названы также Л. Атабекян – «*Статистические данные (о всем уезде Шуши*)», Г. Тер-Гевондян – «*Экономическая ситуация*», Е. Ованнисян – «*Болезнь и врачевание*» и др.

Сборник начинается разделом «Два слова об историческом прошлом Варанды»,[5] в котором представлена краткая история уезда Варанда: отдельно говорится о монастыре Амарас.

В отдельных частях раздела «*Местоположение Варанды*»[6] представляются границы провинции, горы, поля, реки, озера, родники, пещеры *(Уноти каран, Шманек, Авана каран, Ворван каран, Ццкари каран*), климат, растительный и животный мир, рудники, город Шуши и значимые села (*Аветараноц, Шош, Кюни Чартар, Сарушен, Варазабун, Нор Таглар*), знаменитые монастыри (*Амарас, Св.Григорис, Кусанац Анапат, Гевондац Анапат, Егиша куйси анапат, Бри ехци, Кармир екехеци, Богрхани ванк, Маваси ванк, Шошка ванк*), значимые крепости (*Ахчкаберд, Галин хут, Брдаонджин гала*).

Серьезные статистические сведения о городе Шуши и уезде в целом представлены в разделе «*Статистические данные (о всем уезде Шуши)*».[7] Примечательны численность и плотность населения в 1886 и 1895 гг., этнический состав, вероисповедание, местожительство (в городе и

---

[1]Абелов Н., ***Экономический быт государственных крестьян Елисаветпольского уезда***, 1887, т. VII, с.1-141

[2]Хемчян Э., ***Сбор и публикация этнографического материала в городе Шуши с 60-х гг. 19 века по 60-е гг. 20-го века***, «Шуши – колыбель армянской цивилизации. Материалы научной конференции, посвященной 15-ой годовщине освобождения Шуши», Ереван, 2007, с. 343 (на арм.яз.)

[3]***Нагорный Карабах (историческая справка)***, /Ред. Г.А. Галоян, К.С. Худавердян/, Ереван, 1988, с. 83

[4]Лалаян Е., ***Варанда: материалы для будущего исследования***, «Азгагракан андес», Тифлис, 1897, книга 2-ая, с. 5 -244 (на арм.яз.); ***Варанда, знаменитые праздники***, «Азгагракан андес», Тифлис, 1898, книга 3-я, с. 338-349 (на арм.яз.)

[5]Книга 2-я, с. 5-8

[6]Там же, с. 9-53

[7]Там же, с. 54-76

уезде) населения, как и изменение положения жителей – свадьбы, рождения, смертность (опубликованы таблицы, представляющие рост армянского населения и соответствующий им анализ).

Объемен и содержателен раздел «*Экономическая ситуация*»,[1] в котором подробно и с необходимыми таблицами представлены экономические занятия жителей Варанды – земледелие, садоводство, скотоводство, шелководство, пчеловодство, рыболовство, охота, промыслы, фабричная промышленность, торговля.

В следующем разделе под названием «*Просвещение*»[2] Лалаян обращается к школам, библиотекам, периодическим изданиям, театру, типографиям, почте и т.д, представляя результаты анализа в различных таблицах.

В разделе «*Семейные нравы*» отдельными главами «*Брак и свадебные обычаи*»,[3] «*Рождение и крестины*»,[4] «*Семейная жизнь*»,[5] «*Болезнь и врачевание*»,[6] «*Смерть, похороны и поминки*»,[7] «*О душе и потустороннем мире*»[8] подробно освещаются семейные нравы и ритуалы. Анализируя свадебные обычаи, автор в отдельных подразделах обращается к таким ритуалам и явлениям, как *обручение в колыбели, вербное обручение, венчание у очага, венчание у тонира, женитьба через умыкание, женитьба за выкуп, левират, расходы, обручение, подношение подарков, кавор (посаженный отец), корыто и сито, купание, ритуал бритья, венчание, приданое невесты, чествование и т. д.*

В ходе описания семейной жизни анализируются нравы патриархальной семьи, представляются степени родства. Обращается внимание и на мораль, отмечаются причины отмирания патриархальных нравов и моральных устоев.

В разделе «*Болезнь и врачевание*» представлен ряд болезней, распространенных в уезде – *шум в ушах, боль в глазах, бессонница, кровотечение, опухоль, зубная боль, ожог, головная боль, понос, холера, глухота, бешенство, боль в боку, кашель, насморк, мочеиспускание, мозоль, крапивница*, *болезнь костного мозга, потение ног, температура, мышечная боль, увеличение селезенки, боль в животе, запор, укус змеи*, а также причины появления этих болезней и народные средства их лечения.

Описываются также ритуалы, связанные с рождением и крещением, смертью и похоронами, народные представления о душе и потусторонней жизни.

Наиболее обширным в работе является раздел «*Верования*»,[9] в котором знаменитый этнограф в отдельных подразделах анализирует виды поклонения горам, камням, огню, воде, деревьям, животным, светилам, обращается также к злым духам (*кашк*), колдовству и суевериям.

Автором второй части работы[10] также является Е. Лалаян, который отмечает, что для своего исследования, кроме самостоятельно собранного материала, использовал материалы, собранные из разных сел Аллахвердяном, Вардапетяном, Оганисяном и другими.[11] В разделе под названием «*Примечательные праздники*» довольно подробно проанализированы распространенные в Варанде в конце 19-го века праздники – *Новый год, Рождество и Крещение, Сурб Саргис, Барикендан (Масленица), Сретение (Тыарнындарач), Великий пост, Вербное воскресенье (Цахказард), Страстная неделя, Пасха, Вознесение, пост Просветителя, Преображение (Вардавар), Навасард* и связанные с ними различные ритуалы, блюда, игры и т.д.

---

[1]Там же, с. 77-101
[2]Там же, с. 102-112
[3]Там же, с. 113-144
[4]Там же, с. 144-150
[5]Там же, с. 151-172
[6]Там же, с. 173-178
[7]Там же, с. 178-184
[8]Там же, с. 185-186
[9]Там же, с. 187-244
[10] Книга 3-я, с. 338-349
[11]Там же, с. 349

Важное значение имеют приложенные к работе фотографии – «*Шуши», «Шушинская армянка и ее внук», «Шушинская бабушка и ее невестка», «Шушинка на улице», «Мулла, призывающий к молитве», «Оружие», «Шушинский водонос», «Армянская крестьянка из Варанды», «Армянка из Варанды*», являющиеся уникальными образцами того времени, а также фольклорные материалы.[1]

Этнографические материалы Арцаха были опубликованы и в других номерах «*Азгагракан андеса*».

Еще в изданной в Шуши в 1896 году 1-ой книге было опубликовано сообщение Л. Бабаяна «*Ходжалинский могильник*»,[2] посвященное археологическим раскопкам, осуществленным в конце 19-го века в Карабахе (в частности, в Ходжалу и Арачадзоре) членом Петербургского археологического общества, преподавателем немецкого языка Шушинского реального училища Э. Реслером. Из сообщения узнаем, что немецкий археолог выявил в результате раскопок остатки зданий, курганы, сосуды, монеты, оружие, украшения, орудия, керамику, некоторые из которых были покрыты росписью, «*указывающей на высокий уровень художественного вкуса местного населения*».[3]

Еще об одних раскопках – в селе Карабулах Джебраильского уезда – опубликовал сообщение Е. Лалаян.[4]

В журнале также нашли место исследования Е. Лалаяна, посвященные соседним с Арцахом этнографическим районам.[5]

Примечателен сборник А. Дадяна «Из устной литературы Варанды»,[6] изданный в 17-ой, 18-ой и 19-ой книгах, куда включены народные песни – джангюлюмы, собранные автором в 1903 году и его братом, известным этнографом Х. Дадяном в 1885 - 1889 гг. в селах Варанды и частично Дизака и Хачена.

Важные сведения по этнографии Арцаха сосредоточены в обобщающих работах и сборниках (являющихся результатом осуществленных в досоветское время путешествий) ряда армянских и иностранных деятелей.[7] В них авторы обращаются к святыням, древностям, церквям, монастырям, горам, рекам, растительному миру региона и отдельных поселений, географическому положению, климату, численности населения, национальному составу, хозяйственным занятиям, обычаям, верованиям, сообщают исторические, эпиграфические, этнографические, фольклорные, статистические, образовательные и другие сведения.

В ряду этих исследований особое значение имеет сборник М. Бархударяна «*Арцах*»,[8] в отдельных разделах и подразделах которого описываются границы Арцаха, горы, поля, долины, реки и речушки, большие родники, холодные и горячие минеральные источники, озерки, леса, флора и фауна, рудники, провинции и находящиеся в их составе, историко-архитектурные

---

[1]Подр. см. Варданян С. ***Фольклорное наследие Варанды в записях Е. Лалаяна и его собирателей-корреспондентов***, «Вестник общественных наук», Ереван, 2015, N2, с. 356-367 (на арм.яз.)

[2]Бабаян Л. ***Кладбиша Ходжалы*** , «Азгагракан андес», Книга 1-я, Шуши, 1896, с.37-40(на арм.яз.)

[3]Там же, с. 39.

[4]Лалаян Е., ***Курганы села Карабулаг***, книга 2-я, стр. 307-308 (на арм.яз.)

[5] Лалаян Е., ***Сисиан***, книга 3-я, N1, Тифлис 1898, с.105-207 (на арм.яз.), ***Зангезур***, книга 4-я, N 2, Тифлис 1898, с.716 (на арм.яз.), ***Зангезурский уезд***, Капан, книга 7-я, Тифлис 1904, с. 175-202, ***Гандзакский уезд***, книга 5-я, Тифлис 1899, с. 213-360, книга 6-я, Тифлис 1900, с. 231-382, книга 7-я – 8-я, Тифлис 1901, с. 255-270 (на арм.яз)

[6]Дадян А., ***Из устной литературы Варанды***, «Азгагракан андес», книга XVII, Тифлис, 1908, N1, с. 37-48; книга XVIII, Тифлис, 1908, N2, с. 25-32; книга XIX , Тифлис, 1910, N1, с. 85-89.(на арм.яз.)

[7]Джалалянц С., ***Путешествие в Великую Армению***, часть 1-ая, Тифлис, 1842, часть 2-ая, Тифлис, 1858 (на арм.яз.); **Тагиадян М.,** Путешествие в Армению. Калькута, 1847 (на арм.яз.); ГакстгаузенА.**,** ***Закавказскийкрай. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями***, Санкт-Петербург, 1857, часть I, 248 с., часть II, 215 с.; (**Верещагин В**.), Путешествие по Закавказью в 1864-1865 гг. Василия Верещагина**,** «Всемирный путешественник», т.7, Санкт-Петербург, 1870, с. 209-305; Бабаханян А., ***Заметка пиллигрима***, Шуши, 1885 (на арм.яз.); Бабаханян А. ***Моя заметка***, Шуши, 1890 (на арм.яз.); Айкуни (Егише (Оваким) протоирей Гегамянц, ***Путевые очерки***, «Меху Айастани», Тифлис, 1885г. (напечатана в номерах 46-95 с., 16 июня до 5 декабря) (на арм.яз.); Раффи, ***Два месяца от Агванка до страны Сюник***, «Лума», Тифлис, 1896, книга 1-ая, с. 60-109; книга 2-ая, с. 193-228 (на арм.яз.); Madame B. Chantre, ***A travers Larménie Russe***, Paris, 1893; Сегаль И., ***Елисаветпольская губерния, впечатление и воспоминание***, Тифлис, 1902 и др.

[8]Бархударянц М., ***Арцах***, Баку, 1895 (на арм.яз.)

памятники-монастыри, церкви, часовни, дворцы, священные места, пещеры, крепости, древние поселения и т.д.

Особое внимание уделяется географическому положению, численности населения(мужчин и женщин) и дымов, средней продолжительности жизни, занятиям, видам земель, получаемому урожаю в каждом поселении, рукописям, хранящимся в церквях. В конце представлены примечания, указатель собственных имен, разрушенных поселений, крепостей, монастырей и часовен, списки пещер и обобщенные сведения о жителях, рождениях, свадьбах, умерших, церквях и священиках отдельных поселений.

Достойны упоминания два исследования, опубликованные в 18-ом томе журнала *«Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества»* о Елисаветпольской губернии, в том числе относящиеся к Джебраильскому, Джеванширскому и Шушинскому уездам,[1] в первом из которых представлены статистические данные об экономике названных уездов за 1894 год, в отдельных подразделах приводятся данные о земледелии, огородничестве, табаководстве, хлопководстве, виноделии, производстве водки, скотоводстве, шелководстве, добыче полезных ископаемых, торговле, составе и передвижении населения и т.д., а во втором – отдельные таблицы и столбцы сообщают данные относительно этих уездов и некоторых поселений согласно занимаемым территориям (в квадратных верстах, десятинах, милях, километрах), численности населенных пунктов, количеству жителей (по семьям, полу, плотности, национальному составу).

Важно исследование С. Заваряна.[2] Здесь автор представляет сведения, собранные Аграрной секцией действующего в Баку Армянского культурного союза в ноябре-декабре 1906 года в ходе посещения Арцаха, в частности, Шуши, Хачена и Варанды, полученые у соответствующих местных органов, из периодической печати с определенной классификацией и анализом. В отдельных разделах кратко характеризуются топографические особенности Арцаха, естественные условия, горные богатства, состояние и особенности образования и культуры, условия землевладения, размеры посева и урожая, экономическое положение крестьян и сословия села, сторонние заработки, промышленность, отходничество, ростовщичество, хозяйственная жизнь и тому подобное. В исследование включены также списки с данными по указанным отраслям.

В истории армянской этнографии особое место занимает советский период, начало которого связано с деятельностью Степана Лисицяна. Не остался без внимания именитого ученого и Арцах, многосторонний этнографический анализ которого представлен в работе «***Армяне Нагорного Карабаха***».[3] Публикация труда без оснований откладывалась десятки лет.[4]

Работа начинается с предисловия «***От автора***»,[5] где Лисицян сообщает об обстоятельствах создания этнографического очерка. Согласно данному сообщению, автор во время научной экспедиции, организованной летом 1924 года Закавказской научной ассоциацией при Зак. ЦИК-е, с целью сбора этнографического материала поехал в Нагорный Карабах. В соответствии с маршрутом, выработанным в Степанакерте с руководителями области, он обследовал села Аветараноц, Дашушен Аскеранского района, Тагавард, Сос, Гюне Чартар, Гиши, Ннги Мартунинского района, Таглар, Тог, Гадрут, Дзамдзор, Чракус Гадрутского района, Ванк, Вагуас,

---

[1]***Краткие статистические сведения о Елисаветпольской губернии за 1894 год***, книжка XVIII, Тифлис, 1896, с. 423-439; ***Этнографические карты губерний и областей Закавказского края, составленные правителем дел Кавказского отдела Императорского русского географического общества Е. Кондратенко по своду статистических данных о населении Закавказья, извлеченных из посемейных списков 1886 года, изданному по распоряжению главноначальствующего Закавказским статистическим комитетом в 1893 г.***, книжка XVIII, Тифлис, 1896, Приложение, I, с. 1-46

[2]Заварян С., ***Экономическая условия Карабаха и голод 1906-1907 гг.,*** Санкт -Петербург, 1907

[3]Лисицян С. ***Армяне Нагорного Карабаха*** (***Этнографический очерк***),«Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования», Ереван, 1981, с. 9-84 (на арм.яз.)

[4]Об этом подробно см.Варданян Л.,***Степан Лисицян и истоки армянской этнографии,*** Ереван, 2005, с. 287-292

[5]Лисицян С. ***Армяне Нагорного Карабаха*** (Этнографический очерк), с. 9-10

Атерк, Магавуз, Ериц-Манкунк, Мец Шен, Кусапат, Мартакерт Мартакертского района, «*собрав обширный и разносторнний материал*».[1]

Здесь автор упоминает о том, что по этнографии Арцаха были опубликованы определенные работы, материалы которых на местах были проверены, территориально расширены и значительно дополнены.

За предисловием следует раздел «*Географический очерк*»,[2] в отдельных подразделах которого кратко, но содержательно представляются границы, рельеф, реки, леса Нагорно-Карабахской автономной области по районам.

Собственно исследование состоит из пяти глав. В первой главе «Население»[3] подробнейшим образом анализируется этнический состав и социальные группировки. Лисицян сообщает, что во время его исследования население Нагорного Карабаха составляло 130 тысяч человек, из коих 120 тысяч были армяне, 10 тысяч – азербайджанцы, 5 тысяч из них проживали в Шуши, однако, несмотря на это, продолжительное соседство с тюрками – татарами Карабахской и Муганской низменностей, многовековое политическое подчинение верховной власти персидских шахов, хозяйственные отношения с мусульманскими племенными старшинами привели к проникновению тюрко-иранского влияния на армянское население, что выразилось в повсеместном знании тюркского языка, усвоении восточной музыки, присвоении детям мусульманских имен и т.д..

В этой главе наиболее глубоко описываются социальные группировки. Отмечается, что в период русского господства коренным образом видоизменились сословные отношения в Нагорном Карабахе. В новых условиях экономической и политической жизни сословные группировки персидско-армянской общественности стали непригодными, уступив место новым формам. Сословные изменения коснулись и духовенства. В новых условиях границы сельских общин расширились за счет монастырских земель, в результате чего доходы духовенства сократились, были ограничены благочестивые подношения, что привело к ликвидации многих братий. Авторитет духовенства еще более упал после установления советской власти, параллельно с этим из деревень ушло большое число ремесленников в поисках заработка в города Шуши, Гандзак, Нухи, Грозный, Тифлис и др. В результате, параллельно с распадом старых социальных группировок, сформировались слои мелких и крупных торговцев, предпринимателей, покупателей, был дан толчок развитию винокурения и шелководства, были основаны шелкомотальные фабрики.

Автор обращается и к состоянию учебных заведений, указывая, что перед гражданской войной их число в Нагорном Карабахе не превышало 50-ти, из коих только Духовная семинария и Реальное училище, действующие в Шуши, были средними. Их выпускники, как и других подобных учебных заведений, не находя работы на родине, обосновывались в городах Закавказья, Закаспия и других частей России, включаясь в местную промышленную и культурную жизнь.

В разделе «Армяне и соседи» [4] той же главы представляются отношения между армянами и татарами (так до революции официально называли тюрок - азербайджанцев), которые в период русского господства еще более обострились и привели к кровавым столкновениям. Упоминаются резня в Шуши в 1905 и 1920 гг. и в находившейся под самим Шуши армянской деревне Кайраликенте – в 1919 году.

Во второй главе, «Город и село»,[5] автор приводит важные сведения о городах Шуши и Степанакерт, селах, домах, фермах, внешности и одежде арцахцев .

---

[1] Там же, с. 9-10
[2] Там же, с. 9
[3] Там же, с.11-15
[4] Там же, с. 24-26
[5] Там же, с. 27-37

Автор представляет Шуши в качестве важного экономического центра, где были развиты ремесла, торговля, промышленность, культура, типографское дело, образование. Он был также летней дачей для шушинцев, живущих в других местах. Город состоял из четырех основных кварталов: Агулецоц, Казанчецоц, Тавризецоц и Мегрецоц, жители которых, в основном, переселились сюда из соответствующих мест. Каждый из них по принципу землячества объединялся вокруг церкви, и до утверждения российского политического устройства управлялся квартальной организацией. Численность жителей Шуши с семи тысяч в 1823 году достигла 25 тысяч в 1914 году, и «на территории Закавказской Армении она была единственным поселением чисто городского типа, оторвавшимся совершенно от сельскохозяйственных занятий».[1]

Однако, как замечает Лисицян, после пожара в Шуши значение местной городской жизни для создания нового быта доведено было до крайне ничтожных пределов. Административный центр переходит в Степанакерт, который в 1927 году имел около трех тысяч жителей, появляются новые торгово-промышленные центры, такие, как Мартакерт и Хонашен, а также села Агдам и Карягино, граничащие с Нагорным Карабахом. Здесь же приводятся данные об отходничестве, отмечается, что большое число сельчан в силу неблагоприятных для сельскохозяйственного производства условий (особенно в Дизаке и Варанде) в поисках работы уходили в Низменный Карабах и Муханскую степь (на время пахоты и уборки урожая), но особенно в Баку, Грозный и другие города, где устраивались на заводах, фабриках, в магазинах, на строительных работах и в государственных и частных учреждениях. Уходившие в города крестьяне привносили в карабахскую деревню городские привычки, воздействие которых сказывалось на внешней бытовой стороне, особенно на одежде и домашней утвари.

Согласно описанию Лисицяна, села Нагорного Карабаха располагались на высоких склонах долин и ущелий, возле отвесных скал, главными причинами чего была целесообразность защиты и близость родников. Дома разбросаны неправильными массами, без какой-либо планировки, но с явными следами старой группировки по родам. Новые семьи подыскивали свободные участки вдали от родовых кварталов, на окраинах сел, где селились, не считаясь уже с родственными связями. В качестве повсеместно распространенной формы домов он описывает карадам (черный дом), который постепенно уступает свое место новым, часто двухэтажным домам с жестяной или черепичной крышей, нижний этаж которых служил хозяйственным целям, а верхний – жилым, хотя летом жители предпочитали жить в нижнем этаже, где было более прохладно. Саманник, хлев для скота и другие хозяйственные строения возводились несколько в стороне от домов и покрывались соломой или камышом. Часто крестьяне большую часть рабочей поры проводили вдали от дома, ближе к пашням, поэтому там возводились временные жилые помещения, которые часто превращались в постоянные. Согласно автору, такие отселки возникли у старых деревень Чартар, Сос, Тахавард. Многие из них до сих пор еще не имеют собственного названия и просто известны под названием *калэртока*. Отселки образовывались и в тех отдаленных от села местах, где издавна содержался зимой скот в прочных хлевах – *кюм*. В результате здесь возникли самостоятельные отселки. Лисицян указывает, что таким образом от Вагуаса откололся Арутюнакюмер, от Арчадзора – Погосакюмер и Вырсыкюмер, от Кусапата – Дамирлу, Оратах и Мартакерт, от Бердадзора (Каладараси) – села Новые Каладараси, Хрхан, Коразерк, Каначтала и Чобан-гюне, а отделение сел Аламацкюмер, Мргаманцкюмер, Плканцкюмер, Асананцкюмер от Аветараноца было связано с тем, что мелики удаляли из деревни слишком размножившиеся семьи.[2]

В разделе «*Обстановка дома*» представлены интерьер дома, посуда, блюда. Лисицян указывает, что в двадцатых годах 20-го века в карадам проникли фарфоровые тарелки и

[1] Там же, с. 29

[2] Там же, с. 34

эмалированные кружки, ножи и вилки, венский стул с откидной спинкой, а в новых домах ничего не осталось от старой обстановки. Здесь комнаты отапливаются каминами или железной печкой, используется городская мебель. Согласно описанию, самую ценную часть обстановки опять составляют ковры и постель, среди кухонной посуды преобладает толстая медь, конические котлы, глубокие сковородки с длинной ручкой, тяжелые дуршлаги местных форм, очень распространенные среди армянского населения Закавказья. В пище упоминаются блюда из овощей, плов, яичница, кололак, кюфта, толма (голубцы), из мучной пищи – выпеченная на молоке гата, тонкие сладкие пышки, из видов хлебы – толстые круглые хлебы *проз*-ы, запас которых рассчитан на два-три дня и т. д. Сообщается также, что из овощей сравнительно недавно появился картофель, а баклажан нигде не встречается, из птиц – много кур, гусей и уток нет, многие вместо коров предпочитают содержать коз, по причине чего везде чувствуется нехватка сыра, масла, мацуна и мяса.

В следующем разделе «*Внешность и одежда*»[1] знаменитый этнограф обращается к внешности карабахских армян, описанию прически и одежды. При сравнении карабахских армян с армянами других мест указываются особенности внешнего вида арцахцев – высокий рост, сравнительно более белый цвет кожи и светлый оттенок волос, отсутствие выпяченного живота, быстрая и легкая походка, ускоренный темп речи и т.д. В домашнем промысле в качестве основного сырья выделывается шерсть, постепенно распространяется хлопок, а шелк не имеет широкого распространения, поскольку местная ткацкая техника не дает тонких шелковых тканей. Из мужской одежды упоминается *архалух, чоха, кюлба* (носки), широкая конусообразная папаха из овечьей шкуры, *кюлк* (овечья шуба), *япнджи (айценакач* – бурка), *трэх* (лапти), *кош* (полутуфля с каблуком), из женской одежды – длинная нижняя рубашка *шапик, хонджан* (панталоны), *архалух* с тремя прорезями, широкий шелковый пояс, *кюлк* (шуба), которые, однако, уступают свое место городским видам одежды.

Внутрисемейным и общественным отношениям, нравам и ритуалам посвящена третья глава работы «*Семья*»,[2] в первой части которой под названием «*Раздел*» даются формы раздела отцовского имущества после его смерти или даже при его жизни, взаимоотношения членов семьи, место и положение каждого из них в семье. При дележе сначала выделяется часть движимого имущества неженатым братьям и незамужним сестрам: сестры получают все, что им полагается в приданое – белье, одежду, постель *(хардж),* а братья – по преимуществу постельное белье, то, что должно быть затрачено на свадьбу. Определенная доля предназначается и матери – вдове, которая чаще всего остается жить со старшим сыном, но иногда и с младшим сыном. Остальное имущество делится между женатыми братьями, а если отец жив, то и его доля не превышает доли братьев. Дом распределяется или по жребию или по обоюдному соглашению.

Как сообщается, в дореволюционном Арцахе даже «*в обособившейся индивидуальной семье внутренние взаимоотношения определялись началом полного подавления личности младших членов авторитетом отца и матери и подчиненного положения женщины*».[3] Во главе семьи стоял отец: он распределял по своему усмотрению все работы, одновременно являлся полномочным представителем семьи на сходах и собраниях, на свадьбах, похоронах и. д. Ему подчинялись все, и лишь полная дряхлость и неспособность заведовать хозяйством лишала отца власти: тогда его замещал старший сын. Однако реальная власть в доме принадлежала матери, которая «*бесконтрольно ведала всеми припасами, распределяла между женщинами многочисленные домашние работы и следила за нравственностью всех*».[4] Автор подчеркивает ту сплоченность, которая царила в традиционной арцахской семье и вообще в роду, несмотря

[1]Там же, с. 35-37
[2] Там же, с. 38-52
[3]Там же, с. 39
[4] Там же, с. 39

на то что бывали и случаи неповиновения молодежи. Наиболее униженным было положение женщины, которая не говорила со свекром и посаженным отцом до самой смерти, а со свекровью – до рождения первого ребенка, с деверем – десять лет и вообще была обречена на целый ряд запретов и молчание. Лисицян обращается также к утвердившимся после революции новым семейным порядкам, указывая, что семейные трения становятся все чаще после запрещения ранних браков. Меняются также взаимоотношения между старшими и младшими членами семьи, молодежь все смелее и активнее вмешивается в разрешение семейных и других вопросов. Параллельно с этим увеличиваются случаи нарушения супружеской верности и любовные связи на стороне, среди основных причин которых указываются продолжительное отсутствие мужей вследствие ухода на промыслы, продолжительная военная служба, насильственное замужество, совместная работа мужчин и женщин на шелкомотальных заводах и т.д.

В разделе «*Соседи*» рассматриваются взаимоотношения между семьями одной и той же деревенской общины и, в частности, соседями. В качестве важных видов взаимопомощи описываются *Хракаш* (кооперация-объединение движимого и недвижимого инвентаря) и *миджи* (мирская помощь личным трудом).[1]Нравственно обязательной считалась помощь беднякам.

В разделе «*Свадьба*» знаменитый этнограф подробно описывает весь процесс этого важного для создания семьи явления. Кратко останавливаясь на сговоре, он замечает, что с целью точного установления дня свадьбы и определения материальных условий в доме отца невесты организовывались переговоры, называемые *hхе ктрел* (дословно «*преграждать путь*»), с участием самых близких родственников с обеих сторон, в присутствии сельского старшины, священника и крестного отца. Устанавливалось, сколько должно быть женихом уплачено семье невесты на покрытие свадебных расходов, а затем составлялся полный реестр предметов приданого невесты, в который входили верхнее и нижнее платье, все принадлежности постели, ковры, кухонные принадлежности, *сундук, мафраш* (ковровый дорожный мешок для постели). Собственно свадьба приходилась на осень или зиму, когда прекращаются полевые работы, в особенности на Масленицу, и обычно продолжалась три, иногда семь дней.

Затем описываются подготовительные работы к свадьбе, ритуалы и виды приглашения гостей. Особенно торжественно приглашали *кавора* (посаженного отца) – с подношением подарков. Вечером в доме жениха под звуки зурны начинался вступительный свадебный пир с обильным возлиянием вина и водки под управлением *тойбаши* (распорядителя свадьбы) или *тамады*, избранного из среды ближайших родственников (это или зять, или двоюродный брат жениха). Вслед за этим происходило бритье жениха и его друзей (*макаров*) и ритуал освящения платья жениха, после чего дружина макаров во главе с *макарбаши*, вооружившись кинжалом, саблей или ружьем, вместе с женихом и другими участниками свадебной церемонии шли в дом невесты. В отцовском доме невесты, согласно сообщению, пир продолжался до утра или же далеко за полночь. Утром священник освящал платье невесты (ктэторхнэк), после этого одевали невесту и шли в церковь. Венчание происходило в церкви, но, если в селе не было церкви – возле тонира (печь в земле). Из церкви свадебная процессия направлялась к священным местам, где возжигали свечи, курили ладан и прикладывались к святыням, затем возвращались в дом родителей невесты, по пути принимая угощения от родственников молодой пары. После участия в пиршестве, организованном в отцовском доме невесты, наконец группа направлялась в дом жениха, где богатый пир продолжался до поздней ночи, а на следующий день происходило чествование, называемое м*ецарк*, после чего начинался *канч*[2](клич). Наконец, священник в присутствии кавора снимал с жениха и невесты кыныч –

[1]Там же, с. 43-44
[2] Там же, с. 49

кармур, и они уже имели право возлечь на брачное ложе. В брачную ночь жениха и невесту оставляли одних. На следующий день утром женщины из семьи мужа и кавор проверяли целомудрие невесты, доказательство которого – брачная простыня с поздравлениями посылалась родителям невесты, а мать невесты через неделю приходила купать дочь – *кылхылва*.

Представляя весь этот свадебный процесс, Лисицян приводит целый ряд ритуалов и мелочей, связанных с ним. Отмечается также, что в течение сорока дней молодая пара считалась нечистой, жена почти не выходила из дома, а муж не имел права быть ни на чьей свадьбе, войти в дом к роженице, даже пройти по ее крыше, ходить в хлев. Этот период назывался *красунк*.

Отдельные разделы составляют описания рождений и крестин, похорон и поминок. Самым ужасным несчастьем для карабахской армянки автор считает бездетность, а потому как только у нее возникало на этот счет подозрение, она прибегала к содействию знахарей и колдунов, к ворожбе, к молитвам, к обетам, хождению на богомолье к святым местам. Как только начинались роды, всех мужчин выпроваживали из дому, а при повивальной бабке оставались только старые женщины и близкие родственницы, которые верили, что в доме около роженицы витают злые духи (*кашки*), потому разного рода обрядами старались помешать духам овладеть роженицей, в частности, когда роды затягивались. О рождении ребенка тотчас же сообщалось родственникам и ближним, в первую очередь, крестному отцу, которые свою радость выражали присылкой различных блюд. Особенно большой радостью было рождение мальчика, в этом случае «*бабка отправлялась с поздравлениями (мыштылых) к отцу и в шутку срывала с его головы шапку и кидала ее на землю, требуя подарка (деньгами, платком, нитками и т.п.)*».[1]

До сороковин ребенка роженица считалась нечистой, не имела права пользоваться общей посудой, кроить и шить, даже притрагиваться к ребенку, которого в этот период купала повивальная бабка или кто-либо из старух в доме.

Крестины обычно совершались в церкви спустя неделю после рождения, иногда дома, возле тонира. Священник объявлял имя, нареченное ребенку, которое выбиралось по желанию родителей или по календарному, на этот день рождения, имени святого, или давалось имя какого-либо героя и выдающегося деятеля.[2]

Церемонии, связанные с похоронами и поминками также сопровождались различными ритуалами. Описывается, что сразу после смерти собирались родственники и соседи, священник освящал саван и воду, которой должны были обмыть покойника. После обмывания, скрестив руки на груди, покойника заворачивали в карпет, клали на плетеные носилки – *наж*, а в новое время укладывали в гроб и переносили в церковь. Перед выносом собравшиеся родственницы, соседки и специально приглашенные плакальщицы садились вокруг тела, и начиналось оплакивание, перечисляя все достоинства покойного, его отношение к членам семьи и соседям, вспоминали разные его слова и частности жизни. На кладбище покойника провожали только мужчины, тело опускалось в могилу завернутым в саван или в гробу. Один из близких родственников первый кидал горсть земли, предварительно дав священнику благословить ее крестом, за ним и все остальные делали то же. После этого, по приглашению старшего представителя дома, все участвовали на поминальном обеде – *жымахац* (церковный обед), на котором, угощаясь пшеничной крупой с бараниной или говядиной (к*уркут)*, вином и водкой, делились разными воспоминаниями о покойнике, а на следующий день на могилу приходили женщины. Кратко описываются также ритуалы, связанные с седьмицей *(охны*) и годовщиной *(тари)*.

[1]Там же, с. 50

Во введении к главе «*Верования*»[1] знаменитый этнограф обращается к генеалогии сложного комплекса верований карабахского армянина, пытаясь связать одну его часть с язычеством, зороастризмом, и домаздеистскими верованиями, одновременно отмечая, что «наличные материалы еще настолько не полны, что многие вопросы сравнительной этнографии в связи с их эволюцией у нас могут только быть намечаемы, но не разрешаемы категорически».[2]

В разделе «*Места поклонения*»[3] под отдельными заголовками представлены освященные горные вершины, рощи, родники, *нахатаки* (место мученика), очаги и культ животных.

Нахатаки представляют собой уникальный объект поклонения, где во имя веры или во время войны, или от удара молнии без причащения погибли отдельные личности. Из таких мест упоминаются *Большой* и *Малый Нахатаки* у с. Кызкала, *Коба* – у с.Пирджамал, *Чгнаворци* – у с.Нахичеваник, *Спитак хол* – у с. Нор Кятук, *Ахин Нахатак* – у с. Дрнаваз, *Нахатак Антона Тифлисеци* на старом шушинском кладбище, *Гариб хач* – у с. Кусапат и другие места поклонения.

В разделе «*Формы поклонения*»[4] Лисицян обращается к общественным и частным жертвоприношениям *(матах*) и магическим приемам. Согласно описанию, общественные *матахи* (жертвоприношения) приносились жителями села во время больших праздников, обычно близ церкви, без совершения какого-либо церковного обряда, а также во время засухи и другого стихийного бедствия, а частные жертвоприношения приносились обычно у мест богомолья, но иногда и в деревне по поводу выздоровления тяжелобольного или по обету. При этом присутствие священника было не обязательным.

Из магических приемов упоминаются смазывание груди и больного места землей, водой и древесным порошком со священного места, питье воды с растворенной в ней святой землей и порошком, навешивание кусков платья на ветки священного дерева, вбивание гвоздей в священное дерево, троекратный обвод руки над головой ребенка, «*задетого*» злой силой («*кохвац*»), троекратный обход святого места на коленях, прохождение сквозь отверстие в святом камне, бросание части пуповины новорожденного мальчика на открытое место, а девочки – куда-нибудь в угол, стирка белья покойного после похорон, «*связывание волка*» (*кюлкап*), скрытие своего достатка и дохода от чужих, навешивание на люльки, на плечики детей, на шеи животных различных талисманов –*ашкаулунк* (бусы от сглаза) и т.д.

В отдельных разделах даются описание чертей (*кашков*), «рабов святых», видов клятв, космогонических воззрений, представляется восприятие небесных светил, грома, молнии, радуги, землетрясений.

В разделе «*Праздники*»[5] подробно описываются распространенные в то время знаменательные праздники – Навасард, Сурб Саргис, Барекендан (Масленица), Теарындарач (Сретение), Цахказард (Вербное воскресенье), Страстная неделя, Пасха, Вознесение, Преображение (Вардавар), а также представляются ритуалы, игры и блюда, связанные с ними.

Необходимо отметить, что в главу «*Верования*» включено множество легенд и преданий, а также проклятья и заклинания, которые имеют важное значение для изучения фольклора Арцаха.

Последняя глава работы «*Язык и искусство*»[6] посвящена краткому описанию Карабахского диалекта, музыке и танцам. Здесь автор обращается к особенностям грамматики и фонетики карабахского диалекта и к работам, опубликованным до этого.

Из музыкантов упоминаются имена некоторых гусанов – Рустама, Саргиса Гзгалеци, Григора Галояна и др., число которых, однако, постепенно редеет. Отмечается, что в Карабахе

---

[1] Там же, с. 53 -55
[2] Там же, с. 55
[3] Там же, с. 55-60
[4] Там же, с. 60-63
[5] Там же, с.67-73
[6] Там же, с.75-77

нет массового всенародного творчества, местных героических поэм, слабо отражено армянское собственно лирическое творчество, в частности, отсутствует женская песня, между тем как народное прозаическое слово яркое, а свирель уже исчезает.

Как сообщается, танцев не много, исчезли бывшие хороводные танцы, имеющиеся танцы медленные, нет прыжков и восклицаний. Подчеркивается, что в Карабахе танцует не мужчина, а женщина, и то незамужняя, а возвратившиеся из города подростки и молодежь старым танцам предпочитают такие как полька, вальс и мазурка.

В 1930-ом году Лисицян вновь посетил Нагорный Карабах, изложив полученные впечатления в качестве заключения работы «*Армяне Нагорного Карабаха*»,[1] в котором нашли отражение большие перемены в жизни, быте и представлениях армян края, произошедшие за период с середины 1920-х годов до середины 1930-х годов: увеличение населения, механизация сельского хозяйства, строительство гидроэлектростанций, тепловых электростанций, заводов, расширение посевных площадей, увеличение поголовья скота, развитие шелководства и шелкового ткачества, ковроделия, строительство новых двухэтажных домов с окнами на боковых стенах, вместо старых карадамов, расширение сети образовательных и культурных учреждений, повышение роли женщины в семье и общественной жизни, что, по мнению автора, явилось результатом утверждения советской власти.

В работу «*Армяне Нагорного Карабаха*» включены материалы из личного архива автора, соответствующие чертежи, иллюстрации, фотоматериалы из фондов Института археологии и этнографии НАН РА и государственного исторического музея Армении, выбор которых, а также научно-техническую работу, связанную с публикацией, осуществила внучка С.Лисицяна, этнограф Л. Варданян, внесшая большой вклад в дело изучения научного наследия знаменитого этнографа.[2]

Необходимо отметить, что под редакцией Л.Варданян было опубликовано также издание на русском языке,[3] во вводной части которого («*От редактора*») характеризуется научная биография знаменитого этнографа. К работе приложены глоссарий этнографических терминов и указатель географических названий, список исторических памятников и святынь, составленный Л. Варданян.

Собранный в Нагорном Карабахе материал стал основой другой важной научной работы С.Лисицяна, в которой представлено исследование древнего традиционного жилища арцахца – карадама[4]. В начале статьи автор, обращаясь к имеющимся описаниям армянского сельского жилища, подчеркивает важность и неотложность исследований этой сферы, в частности, потому что, с одной стороны, армянские поселения Западной Армении почти окончательно исчезли, а с другой стороны, старые подземные жилища повсеместно заменяются новыми домами, с окнами в боковых стенах и железной или черепичной крышей. Лисицян указывает также, что ему все же удалось летом 1924 года встретить в очень немногих окраинных деревнях Нагорного Карабаха крестьянские постройки древнейшей конструкции, называемые *карадам (черный дом),* описание которого он и приводит в данной статье. Согласно описанию, карадамы строились на склоне горы так, что три его стены почти целиком уходят в землю, и только передняя, с дверью и навесом, находилась выше двора. Карадам в основном имел квадратную форму, его стороны обычно не превышали 12-ти аршинов, а стены, толщиной в 1.5 аршина, из которых только передняя выкладывалась более или менее тщательно, внутри

---

[1] Там же, с. 77-82

[2]Варданян Л., ***Степан Лисицян и истоки армянской этнографии***, Ереван, 2005; ее же: ***Из истории этнографического изучения Нагорного Карабаха (конец XIX- начало XX вв.)***,// «Нагорно-Карабахская республика: Прошлое, настоящее и будущее». Сб. докладов международной научной конференции, 21 - 24 июня 2006 г., Ереван, 2007, с. 488-496; ее же: ***Степан Лисицян и основные проблемы армянской этнографии***, «Историко-филологический журнал», Ереван, 2015, N2, с. 208-228 и т.д.

[3]Лисицян С., ***Армяне Нагорного Карабаха***. ***Этнографический очерк***, Ереван, 1992

[4]Лисицян С., ***К изучению армянских крестьянских жилищ (Карабахский карадам)***, «Известия Кавказского историко-археологического института», Тифлис, 1925, т. 3, с. 97-108

покрывались штукатуркой из глины или гажей и имели ниши – *патрhан*, служившие в качестве открытых шкафов. Затем подробно описывается конструкция потолка, поддерживаемого четырьмя дубовыми столбами, ердик, дверь, каменная стойка под задней стенкой, на которой укладывалась посуда, мешки с мукой, различные предметы и т.д. Также представляется план карадама. Лисицян отмечает, что карадам служил, собственно, зимним помещением, а весь период с ранней весны и до поздней осени вся семья проводит на открытых балконах в передней части карадама, сконструированного из 5-7 столбов. Крыша карадама также покрыта толстым слоем глины, а помещения для скота, описание которых также приводится в статье, обособлены от карадама.

Автор кратко описывает и новые типы домов, которые в 20-х годах XX века уже почти сменили старые постройки. Одновременно он делает вывод о том, что изучение уже одного карабахского карадама дает полное основание ставить его план в непосредственную связь с планом жаматунов.[1]

С этнографией Арцаха непосредственно перекликается фундаментальная работа С. Лисицяна «*Армяне Зангезура*»,[2] где, анализируя и описывая различные этнографические явления и вопросы, он часто сравнивает их с Арцахом, подчеркивая общие черты и особенности.

Пожалуй, к этому необходимо добавить составленный ученым знаменитый «*Этнографический вопросник*»,[3] которым десятки лет пользуются многие этнографы при сборе материалов как в Арцахе, так и в других этнографических районах Армении. Составленный им вопросник вплоть до наших дней остается непревзойденным методическим и практическим пособием для всесторонней записи материалов на местах.

Летом 1924 года в рамках экспедиции научной ассоциации «*Общества обследования и изучения Азербайджана*» экономист Г. Кочарян собрал в различных поселениях Нагорного Карабаха соответствующий материал, в результате чего появилось исследование «*Нагорный Карабах*».[4] В своей работе Г. Кочарян в отдельных разделах и подразделах представляет географическую характеристику края, административное деление, численность и состав населения, народное образование, сельское хозяйство (земледелие, скотоводство), торговлю, промышленность, виды налогов и т. д. В конце приводятся заключение, примечания, список селений области по районам и волостям, численность жителей по половозрастным группам, количество скота по видам, площадь земельных угодий по видам использования, число плугов, фургонов, сведения о городе Степанакерте и т.д. Автор часто сопоставляет собранные им данные с данными сельскохозяйственной переписи Центрального статистического управления Азербайджана от 1921 года, указывая на неточности в последней.

Летом 1924 года в Степанакерте Лисицян встречает преподавателя местного сельскохозяйственного техникума А. Кисибекяна и предлагает ему записать свои воспоминания об имевших место в последние десятилетия событиях в Нагорном Карабахе как очевидца и участника. Следуя совету знаменитого ученого, Кисибекян в последующем записывает свои воспоминания, начиная с детских лет, с конца XIX-го века, доводя их до 60-х годов XX-го века. Они публикуются посмертно, в 2011 году.[5] Здесь автор представляет политические, общественные, военные события, происходившие в Нагорном Карабахе в указанное время, очевидцем и участником которых был также и он, сообщает важные сведения об истории ряда деревень и города Шуши, о Духовной семинарии, знаменитых педагогах, этнографии, быте жителей, о своем пребывании в Баку, в районах Ханлар и Касум-Исмаил, в ссылке, Ташкенте и Ереване. С точки зрения этнографии, особое значение имеют разделы первого тома «*Отчий*

---

[1] Там же, с. 108
[2] Лисицян С. ***Армяне Зангезура***, Ереван 1969 (на арм.яз.)
[3] Лисицян С. ***Этнографический вопросник***, Ереван, 1946 (на арм.яз.)
[4] Кочарян Г., ***Нагорный Карабах***, Баку, 1925
[5] Кисибекян А., ***Воспоминания***, т. 1, 2, Ереван. 2011 (на арм. яз.)

дом» (с. 15-78) и «*Родная деревня*» (с. 79-109), в которых А. Кисибекян описывает свой отчий дом, патриархальную семью, хозяйство, привычки, родное село Схторашен Мартунинского района, его достопримечательности, занятия жителей, а также сообщает определенные сведения о соседних селах Мавас и Блблак.

В 1926 году, в 6-ом номере издаваемого в Санкт-Петербурге журнала «*Звезда*» (с. 136-156), а затем и отдельной книжкой[1] известная советская писательница и публицистка Мариетта Шагинян опубликовала очерк, в котором представила свои впечатления, полученные в ходе поездки в Нагорно-Карабахскую автономную область в 1925 году. Описывая экономическую жизнь НКАО, она обращается в отдельных разделах к истории области, некоторым видам деятельности местных жителей (винокурение, шелководство, ковроделие, добыча полезных ископаемых, лесное хозяйство, коневодство) и перспективам их развития, всемирно известным коням Карабаха, эпидемии, распространенной среди скота, средствам ее преодоления и т.д. Писательница повествует также об организованной в 1920-ом году резне армян в Шуши.

С точки зрения этнографии (изучения вопроса) важно исследование Г. Сейрана «*Экономическая жизнь Карабаха и ее перспективы*».[2] Здесь, на основе собранных из разных источников материалов, автор представляет краткую историю Нагорного Карабаха, административное деление, территорию и население, земледелие, землепользование, посевные площади и урожай (пшеница, ячмень, пшено, полба, картофель, фасоль, хлопок, табак и др.), усадебные угодья (фруктовые, виноградные, тутовые сады, производство водки), животноводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота, свиноводство, коневодство, пчеловодство и др.), шелководство, пастбища, леса, распространенные виды деревьев и деревообработка, домашние промыслы (прядение, ковроткачество, вышивка), кузнечное дело, гончарное дело, лесные богатства, минеральные источники и параллельно с этим – перспективы развития соответствующих отраслей.

Достойно упоминания исследование А. Ахвердова и А. Долуханова.[3] Авторы исследования, посвященного изучению растительности летних пастбищ горного края, представляют результаты своей поездки в июле-августе 1929 года в Н К А О и Курдистан. В отдельных главах дается характеристика естественной истории, общая характеристика растительности, описание видов растений (субальпийские луга, субальпийские степи, альпийская растительность, скальная растительность, горная ксерофильная растительность, растительность верхних слоев лесного пояса, общее состояние пастбищ), список собранных растений. В исследование включены карта, фотографии и таблицы.

В тот период продолжали свою широкую этнографическую деятельность Х.Дадян, К. Мелик-Шахназарян, С. Исраелян и др.[4]

В 1930 году в Баку было опубликовано исследование И. Петрушевского «*О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха*»,[5] в котором автор на основе полевых материалов, собранных во время поездки в Нагорный Карабах и Зангезур в июле-августе 1928 года, представляет господствующие среди крестьян Нагорного Карабаха дохристианские верования. Согласно исследованию, местные крестьяне в послереволюционное время больше веруют в освященные камни, деревья, горы, родники, чем в церкви. В отдельных параграфах описываются Дизапайт Дизакского района, Каму-хач, близ села Аракюль, Оциоджах, Агоглан,

---

[1]Шагинян М., ***Нагорный Карабах***. Очерк, Москва-Ленинград, 1927

[2]Сейран Г., ***Экономическая жизнь в Карабахе и ее перспективы***, Тифлис, 1928 (на арм. яз.)

[3]Ахвердов А., Долуханов А., ***Очерк растительности летних пастбищ Карабахского хребта***, «Труды по геоботаническому обследованию пастбищ С. С. Р. Азербайджана», Серия В. Летние пастбища, Выпуск 3-й, Баку, 1930

[4]Подробно см. Хемчян Э., ***Сбор и публикация этнографического материала в городе Шуши с 60-х гг. 19 века по 60-е гг. 20-го века***, «Шуши – колыбель армянской цивилизации. Материалы научной конференции, посвященной 15-ой годовщине освобождения Шуши», Ереван, 2007, с. 335- 351 (на арм.яз.)

[5]Петрушевский И., ***О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха***, «Известия АзГНИИ. Историко-этнографическое и археологическое отделение», том 1, выпуск 5, Баку, 1930

святой Шагах близ села Шагах, святой Сарибек в 5-ти км от Степанакерта и другие святыни. В заключение автор делает вывод о том, что такие верования не имеют будущего.

Достойно упоминания исследование А. Аракеляна,[1] в котором описываются географическое положение и климат НКАО, основные сельскохозяйственные отрасли, состояние шелководства и шелкоткачества до советизации и после (перспективы развития), сырье шелкопряда, необходимые условия содержания шелковичных червей, куколка, кокон, особенности кормления червей, болезни, вредители и методы борьбы с ними и т.д. В работу включены также таблицы, чертежи и рисунки.

Важную этнографическую ценность представляет сборник В. Петрова,[2] обобщающий результаты исследования материалов, собранных в НКАО во время научной экспедиции 1934-1937 годов. В развернутом предисловии (с. 4-35) подробнейшим образом анализируются использование и роль различных растений в хозяйстве и быту карабахцев, связанные с ними верования и т.д. В собственно сборнике отдельными подразделами описываются десятки растений, приводятся названия каждого из них на латинском, русском, азербайджанском языках и на карабахском диалекте армянского языка, ареал распространения, роль в быту, в пищевом рационе, в народной медицине, а также фотоснимки. К сборнику, в алфавитном порядке, приложен именной список указанных растений. Следует отметить, что С. Лисицян выступил с рецензией о данном сборнике,[3] перечисляя достоинства исследования и по охваченному материалу, и по методам его изучения, считая его важным для научной истории Карабаха, одновременно указывая на некоторые недостатки и пробелы, нашедшие место в работе.

В 1963 году публикуется пособие С. Барсе Нагорный Карабах (Краткое краеведческое пособие). [4]Здесь автор представляет физико-географическую характеристику НКАО (географическое положение и границы, площадь, реки, природно-климатические пояса, метеорологические данные, типы земель, растительность, леса, дикие животные и птицы), описывает народное хозяйство: промышленность (шелковая промышленность, виноделие, местная промышленность, производство обуви, деревообработка, ковроткачество, маслоделие и сыроварение), сельское хозяйство (перестройка сельского хозяйства на социалистический лад, распределение сельскохозяйственных отраслей, растениеводство, скотоводство), население (карабахский диалект, карабахское трудолюбие и гостеприимство, быт и нравы и некоторые привычки), культуру, здравоохранение, транспортные связи, город Степанакерт, древности и памятники культуры. Работа содержит некоторые карты, чертежи и фотографии.

В советское время в исследованиях, посвященных различным отраслям и вопросам армянской этнографии, серьезное внимание Арцаху уделили В. Бдоян,[5] Н. Авагян,[6]В. Темурджян,[7] А. Патрик,[8] Л. Петросян,[9] Ю. Мкртумян,[10] А. Марутян [11] и др.

---

[1]Аракелян А., ***Шелководство в Нагорно-Карабахской автономной области***, Степанакерт, 1936 (на арм.яз.)

[2]Петров В., ***Этноботаника Нагорного Карабаха***, Баку, 1940

[3]Лисицян С., ***О книге В. А. Петрова «Этноботаника Нагорного Карабаха»***, Изд. АЗФАН, Баку, 1940 г., «Известия армянского филиала АН СССР», Ереван, 1942, N1-2, с. 187-190

[4]Барсе С., ***Нагорный Карабах (Краткое краеведческое пособие)***, Баку,1963 (на арм.яз.)

[5]Бдоян В., ***Земледельческая культура в Армении***, Ереван, 1972; его же: Армянские народные игры, №. 1-3, Ереван, 1963-1983 (на арм.яз.).

[6] Авагян Н. ***Традиционная народная одежда армян Арцаха (XIX- начало XX в.)***, Ереван, 1983 (на арм.яз.).

[7]Темурджян В. ***Ковроделие в Армении***, Ереван, 1955 (на арм.яз.).

[8] ***Армянская традиционная одежда: с древних времен до наших дней*** (Исследование и иллюстрации А. Патрика), Ереван, 1983 (на арм.яз.).

[9]Петросян Л. ***Армянские народные средства передвижения***,, «Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования», Ереван, 1974, т .6, с. 93-159 (на арм.яз.).

[10]Мкртумян Ю., ***Формы скотоводства в Восточной Армении (вторая половина XIX- начало XX в.)***, «Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования», Ереван, 1974, Ереван, 1974, т.6, с.5-90.

[11]Марутян А., ***Интерьер армянского народного жилища (вторая половина XIX-начало XX в.)***. Материалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу, «Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования», Ереван, 1989, т.17, с. 63-142.

Достойны внимания богатые этнографические материалы из десятков поселений Нагорного Карабаха, собранные в 1960-70-х годах этнографической экспедицией Института археологии и этнографии АН Арм.ССР (руководитель Д. Вардумян) и в 1970 -80-х годах армянской экспедицией того же института (руководитель А. Тер - Саркисянц).

Особое значение имеют также десятки статей и докладов, опубликованные в этот период в других журналах и научных сборниках.[1]

Начавшееся в 1988 году арцахское национально - освободительное движение, развал советского строя и провозглашение 2 сентября 1991 года Нагорно-Карабахской Республики открыли новый этап для развития в крае общественных наук и, в частности, этнографических исследований. Данный этап можно назвать постсоветским или периодом независимости. Несмотря на тяжелое экономическое положение, навязанную войну, в освобожденном от десятков запретов и диктатуры Арцахе национальное образование, культура и наука с каждым днем получают новый размах и развитие. Десятки ученых из Арцаха, матери-Армении и зарубежных стран сосредоточили свое внимание на сборе и изучении этнографического материала освобожденной родины.

В 1989 году была опубликована объемная статья А. Марутяна, Г. Саркисяна, З.Харатяна,[2] в которой на основе исследования архивных, полевых и печатных материалов, обращаясь к этническому составу и численности населения, земледелию и скотоводству, обработке сельскохозяйственных продуктов, разным ремеслам, народным средствам передвижения, поселениям, жилищам, сельским общинам, структуре семьи, свадебным и похоронным ритуалам и другим явлениям, а также фольклору и диалекту, дается общая этнокультурная характеристика армян Арцаха XIX-XX-х веков.

Изучению общественного быта армян Нагорного Карабаха второй половины XIX-го -начала XX-го века посвящена кандидатская диссертация (1988г.) первого председателя Национального собрания НКР А. Мкртчяна, которая посмертно была опубликована в 2010 году.[3] В первой главе работы автор представляет общую этническую и социально-экономическую характеристику Нагорного Карабаха во второй половине XIX-го - начале XX-го века, подробно останавливаясь на этническом составе населения, характере расселения и его причинах, основных отраслях хозяйства и межэтнических взаимоотношениях. Вторая глава посвящена составу и органам управления общины, малым и большим семьям, значению семейно-родственных групп в системе общественного быта, семейно-соседским отношениям. В третьей главе анализируются границы поселения, некоторые особенности образования поселений, культовые места и обьекты. Четвертая глава посвящена изучению обычаев и нравов, календарным праздникам, гостеприимству, межэтническим отношениям. Данная ценная работа, как отмечает С. Варданян «*один из первых серьезных опытов научно-практически и*

---

[1]Татикян В., ***Выражающие особый смысл арцахские ковры***, Результаты этнографических и фольклорных полевых исследований 1978-1979 гг. Тезисы докладов, 5 - 7 мая 1980 г., Ереван, 1980, с. 13-14 (на арм.яз.); Хачатрян Ж. ***«Исцеление» хаглацава (одержимости) пляской***, « Вестник общественных наук», Ереван, 1980, N10, с. 89-96 (на арм.яз.); Хачатрян Ж., ***Арцах – Средняя Азия – Шулавер – сравнительный очерк***, «Республиканская научная сессия. Основные результаты этнографических и филологических полевых исследований 1986-1988 гг. Тезисы докладов, 5 – 7 июня, 1990», Ереван, 1990, с. 30-31(на арм.яз.); **Мелик-** Шахназарянц К. ***Расчесывание шерсти и изготовление ковра в Карабахе***, «Андес амсориа», Вена, 1928, № 9-10, с. 475-478 (на арм.яз.); **Мелик-**Шахназарянц К., ***Материалы для этнографии армян Карабаха***, «Андес амсориа», Вена, 1931, № 3-5, с. 246-252, 1932, № 5-6, с. 331-337 (на арм. яз.); Погосян С., ***Традиционная одежда Арцаха и ее эволюция***, «Культурно - просветительская работа», Ереван, 1988, N 5-6, с. 37-43 (на арм.яз.); Тер- Гаспарян Р., ***Население Шуши с 18-го века до наших дней***, «Вестник АН Арм.ССР. Общественные науки,», Ереван, 1963, N9, с. 67-76 (на арм.яз.); Авакян Н., ***Народная одежда армян Арцаха в XIX-начале XX в.***, «Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX-XX вв. (Материалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу)», Вып. I., Москва, 1971, с. 209-222; Бабаян Е., ***О женской одежде Карабаха*** /Конец XIX-начало XX веков/, «Ученые записки АГУ. Серия истории и философии», Баку, 1966, №7, с. 85-91, Валесян Л., Мурадян Ю., ***О некоторых итогах и проблемах экономического развития Нагорного Карабаха***, « Вестник общественных наук», Ереван,1989, N5, с. 3-18; Карапетян М. ***Этническая структура населения Нагорного Карабаха в 1921 г.*** (***По Сельскохозяйственной переписи Азербайджана 1921 г.***), Ереван, 1991

[2] Марутян А., Саркисян Г., Харатян З., ***К этнокультурной характеристике Арцаха***, «Вестник общественных наук», Ереван, 1989, N6, с. 3-18

[3]Мкртчян А***., Общественный быт армян Нагорного Карабаха (вторая половина XIX-начало XX в.)***, Ереван, 2010

научно-теоретически обоснованного освещения особенностей общественного быта отдельного региона».[1]

Достойна упоминания работа Р. Тер-Гаспаряна.[2] Автор, на основе изучения различных источников, достоверных фактов и как очевидец, представляет географическое положение, систему водоснабжения, краткую историю, численность и национальный состав, культуру (типографское дело, образование, театральное дело, библиотеки, периодическую печать и т.д.) родного города Шуши с конца XVIII-го до середины XX-го века. В отдельных параграфах подробно анализируются общественная и хозяйственная жизнь города до становления его в центр Карабахского ханства и после этого-в первой половине XIX-го- второй половине XIX-го века и в первых двух десятилетиях XX-го века.

В этнографии Арцаха периода независимости уникальное место имеют исследования Аллы Тер-Саркисянц. Впервые побывав в Арцахе в 1968 году в составе этнографической экспедиции Института археологии и этнографии АН Арм. ССР, этнограф, уроженка Шуши, навсегда связала себя с родным краем. Она множество раз после этого приезжала в Карабах, обьехала десятки поселений, где собрала богатый материал, ставший основой свыше двух десятков научных статей и докладов,[3]посвященных в основном этнокультурным процессам, в частности, многосторонним исследованиям современной армянской арцахской семьи. В 2015 году в Москве вышла в свет объемная работа знаменитого ученого *«Армяне Нагорного Карабаха. История. Культура. Традиции»,* 6-ая и 7-ая главы которой (с. 561 - 824) посвящены этнографии. В шестой главе работы автор в отдельных параграфах подробно представляет динамику этнического состава населения Арцаха в XIX-ом - начале XX- го века, земельные и сословные отношения, хозяйственные занятия, народные средства передвижения, поселения и жилище, одежду, пищу, семью, брак и обряды свадебного цикла. Седьмая глава посвящена этнокультурному развитию армян Нагорного Карабаха во второй половине XX-го - начале XXI-го века. Здесь в отдельных параграфах анализируются этническая, социально-демографическая и культурная ситуация в Нагорно-Карабахской автономной области во второй половине XX-го века, этнокультурные изменения в материальной сфере, в семье, изменения в брачно-семейных обычаях и обрядах, социально-экономическая, культурная и демографическая ситуация в Нагорно-Карабахской Республике в начале XXI-го века, этнокультурная ситуация в селах Нагорно-Карабахской Республики в начале XXI-го века. В предисловии представляется краткая история и этнография Арцаха. Особое значение имеет приложенная к книге обширная библиография.

Серьезным стимулом в деле изучения этнографии Арцаха явились международные и республиканские научные конференции, организованные в постсоветское время. Достойны упоминания доклады А. Багдасаряна, А. Тадевосяна, С. Мкртчяна, С. Погосяна и А. Степаняна, Л. Варданяна, А. Тер-Саркисяна, представленные на международной научной конференции под названием «*Нагорно-Карабахская Республика: прошлое, настоящее и будущее*», организованной в июне 2006 года в Степанакерте,[4] доклады К.Базеян, М. Габриеляна, А. Дабагяна, Э.

---

[1]Варданян С., ***Артур Мкртчян. Общественный быт армян Нагорного Карабаха (вторая половина XIX-начало XX вв.)***. Ереван, издательство «Гитутюн» НАН РА, 2010, 168 с., «Историко-филологический журнал», Ереван, 2010, N2, с. 266 (на арм.яз.)

[2]Тер-Гаспарян Р., ***Город Шуши***, Ереван, 1993 (на арм.яз.)

[3]Тер-Саркисянц А., ***Структура современной семьи у армян Нагорного Карабаха***, «Всесоюзный симпозиум по демографическим проблемам семьи», ч. II, Ереван, 1975, с. 176-183; ее же: Изучение современной сельской семьи у армян Нагорного Карабаха, «Итоги полевых работ института этнографии АН СССР в 1970 г.», Москва, 1972, с. 93-102; ее же: ***Изучение современного и традиционного быта армян Нагорного Карабаха***, «Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги работ института этнографии АН СССР в 1972 г.», Москва, 1974, с.179-189; ее же: ***Новое и традиционное в современном быту армян Нагорного Карабаха***, «Полевые исследования Института этнографии АН СССР. 1975», Москва, 1977. с. 99-110; ее же: ***Некоторые тенденции этнокультурного развития армян Нагорного Карабаха***, «Вестник общественных наук», Ереван, 1988, N8, с. 14-23; ее же: ***Этнографическая поездка в Нагорный Карабах***, «Вестник РГНФ», Москва, 2009, № 1. с. 163-171 и др.

[4]Багдасарян А., ***Вопросы инструментальной народной музыки Арцаха***, «Нагорно-Карабахская Республика. Прошлое, настоящее и будущее. Сборник докладов международной конференции, 21-24 июня, 2006 г.», Ереван, 2007, с. 282-294 (на арм.яз.); Тадвосян А., ***Семантика ритуального образа кузнеца в верованиях арцахцев (19-20 вв)***, «Нагорно- Карабахская Республика. Прошлое, настоящее и будущее. Сборник докладов международной конференции, 21-24 июня, 2006 г.», Ереван, 2007, с 321-325 (на арм.яз.)

Хемчян,[1] представленные на прошедшей в Шуши научной конференции под девизом «*Шуши – колыбель армянской цивилизации*», как и связанные с этнографией Арцаха доклады разных этнографов, представленные на различных конференциях.[2]

Научные статьи, относящиеся или перекликающиеся с разными сферами этнографии Арцаха, были опубликованы в журналах «*Историко-филологический журнал*» (Ереван),[3] «*Вестник общественных наук*» (Ереван)[4], «*Ученые записки АрГУ» (Степанакерт),[5] «Армено-ведческий журнал АрГУ»,[6] «Образование и наука в Арцахе»* (Ереван),[7] «*Андес Амсоря*» (Венна)[8]и других журналах,[9] а также в сборниках научных статей.[10]

В 2009 году вышел в свет «*Атлас Нагорно-Карабахской Республики*»,[11] семь десятков карт которого, как и тексты и диаграммы, представляют важные сведения о формировании, географическом положении, природных условиях и ресурсах, животном и растительном мире, населении, хозяйстве, культуре молодой независимой республики. С точки зрения поставленной нами задачи особое значение имеют цветные карты под номерами 82, 83, 84, 85, составленные Л. Оганисяном (*Земледельческая и скотоводческая культура*, *Пища и напитки*, *Традиционная одежда*, *Домашние промыслы и ремесла*), а также составленная А. Погосяном

Мкртчян С., ***Праздники в традиционном быте карабахцев***, «Нагорно-Карабахская Республика. Прошлое, настоящее и будущее. Сборник докладов международной конференции, 21-24 июня, 2006 г.», Ереван, 2007, с 395-402 (на арм.яз.); Погосян С., Степанян А., ***Традиционная одежда Сюник – Арцаха в системе армянских костюмов***, «Нагорно-Карабахская Республика. Прошлое, настоящее и будущее. Сборник докладов международной конференции, 21-24 июня, 2006 г.», Ереван, 2007, с. 417-425 (на арм.яз.); Варданян Л., ***Из истории этнографического изучения Нагорного Карабаха (конец XIX- начало XX вв.)***, «Нагорно-Карабахская Республика. Прошлое, настоящее и будущее. Сборник докладов международной конференции, 21-24 июня, 2006 г.», Ереван, 2007, с. 488-496; Тер-Саркисянц А., ***Тенденции развития сельской семьи у армян Нагорного Карабаха в постсоветский период***, «Нагорно-Карабахская Республика. Прошлое, настоящее и будущее. Сборник докладов международной конференции, 21-24 июня, 2006 г.», Ереван, 2007, с. 455-464

[1]Базеян К., ***Школа вышивки Шуши***, «Шуши – колыбель армянской цивилизации. Материалы научной конференции, посвященной 15-летию освобождения Шуши», Ереван, 2007, с. 244-251 (на арм.яз.); Габриелян М., ***Переселение как социально-культурный процесс. Пример города Шуши***, «Шуши – колыбель армянской цивилизации. Материалы научной конференции, посвященной 15-летию освобождения Шуши», Ереван, 2007, с. 360-367 (на арм.яз.); Дабагян А., ***Общественная жизнь Шуши***, «Шуши – колыбель армянской цивилизации. Материалы научной конференции, посвященной 15-летию освобождения Шуши», Ереван, 2007, с. 330-335 (на арм. яз.); Хемчян Э., ***Сбор и публикация этнографического материала в городе Шуши с 60-х гг. 19 века по 60-е гг. 20-го века***, «Шуши – колыбель армянской цивилизации. Материалы научной конференции, посвященной 15-ой годовщине освобождения Шуши», Ереван, 2007, с. 335-351 (на арм.яз.)

[2]Погосян А., ***Об ареале распространения традиций культуры арцахского ковроткачества***, «Материалы международной научной конференции», Степанакерт, 2009, часть 1-ая, с. 256-259 (на арм.яз.); Тер-Саркисянц А., ***Этнокультурное развитие карабахских армян в постсоветский период***, «Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений», Санкт-Петербург, 2009, с. 407-408 и др.

[3]Варданян С., ***Культовые элементы в арцахских вариантах песен «Аллилуйя»***, 2002, N2, с.148-156 (на арм.яз.)

[4] Айвазян А., ***Демографическая ситуация в Карабахе в 1710 -1720 гг***, 2010, N1-2, с. 59-67(на арм.яз.); **Саркисян С**., ***Качагакаберд***,, 1990, N1, с. 41-48 (на арм. яз.)

[5]Балаян В., ***Шелководство в Нагорном Карабахе со второй половины 19-го века до наших дней***, 2000, N1, с. 88-92 (на арм. яз.); Саркисян А., ***Этнография, фольклор и диалект Арцаха на страницах «Азгагракан андес»*** , 2017, с. 59-66 (на арм.яз.)

[6]Балаян В., ***Социально-экономическое положение в Арцахе в 19-ом веке***, 2011, с. 94-103 (на арм.яз.); Ованнисян Л. ***Население Арцаха по данным 1-ой Всероссийской переписи населения 1887 г.*** 2010, с. 60-63 (на арм.яз.); его же: Осколки насильственно исламизированных армян в Карабахе, 2011, 187-192 (на арм. яз.); Саркисян А., ***Этнография, фольклор и диалект Арцаха в исследованиях Степана Лисициана***, 2016, с. 67-86 (на арм. яз.)

[7]Манасян М., Сучян С., ***Влияние естественных факторов на расселение в Нагорно-Карабахской Республике***, 2011, N1-2, с. 109-116 (на арм.яз.); Айрапетян Т. ***Ритуально-мифические элементы, бытующие в волшебных сказках Карабаха согласно собранным в 2006-2008 гг. материалам (сравнительное исследование)***, 2008, N3-4, с. 31-39 (на арм.яз.)

[8] Газиян А. ***Этнографическая и фольклорная деятельность Хачика вардапета Дадяна***, 1999, N1-12, с. 387-402 (на арм.яз.)

[9]Габриелян М., Дабагян А., Саргсян Г., ***Структура переселенных в Шуши семей в 1996-2000 гг.*** «Армянская народная культура», Ереван, 2004, N12, с. 25-31 (на арм.яз.); Погосян А., ***Шуши – центр ковроткацкой культуры (конец 19-го- первая четверть 20-го века)***, «Эчмиадзин», 2014, 2, с. 42-50 (на арм.яз.); Погосян А., ***Об ареальной распространенности ковроткацких традиций Арцаха и их взаимоотношениях с ковроткацкими центрами юго-восточного Кавказа***, «Вестник арменоведения», Ереван,, 2015, № 2-3, с. 78-104 (на арм.яз.)

[10]Погосян А., ***Традиции ковроделия в Арцахе в центрах ковроделия юго-восточного Закавказья,*** «Сборник научных статей. Государственный университет Гавара», Ереван, 2011, с. 240-250 (на арм. яз.); **Арутюнян Г**., ***Ювелирное дело в Шуши в 18-19 вв по новонайденным эпиграфическим материалам***, «Историографические исследования. Сб. статей, Степанакерт, 2006, часть 2-ая, с. 55-57 (на арм.яз.); Саркисян А., ***Изучение этнографии Арцаха в годы независимости, АрГУ***, «Научные чтения (сборник статей)», Степанакерт, 2016, часть I-ая, с. 255-260 (на арм.яз.); Саркисян А., ***Этнография Арцаха на страницах СМОМПК (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа)*** , «АрГУ, научные чтения. Сборник статей», Степанакерт, 2017, с. 86-90 (на арм.яз.)

[11] ***Атлас Нагорно-Карабахской Республики (главный редактор Манук Варданян***), Ереван, 2009

карта номер 86 (*Культура ковроткачества*), которые представляют состояние этих сфер в XIX-XX веках.

Исследование культуры ковроделия Арцаха представлено в ряде научных докладов и статей А. Погосяна и особенно в монографии, опубликованной на немецком языке,[1] где автор в отдельных главах дает историю ковроделия в Арцахе и ареал распространения традиций арцахского ковроделия (северо-восточное Закавказье, северо-западный Иран, Малая Азия), группы и типы арцахских ковров (изобразительно-сюжетные, растительно-цветочные, украшенные крестами, с многогранным крупным орнаментом, звездным орнаментом, слоистые, украшенные ромбами, вишапагорг, «Джраберд» и др.), сопровождая их прекрасными иллюстрациями.

В рамках темы необходимо отметить исследование В. Татикяна «*Родовые ковры Арцаха*»,[2] во введении которого представлены генеалогия ковроткачества и орнаментов ковров, изображений, символических знаков, а в самом сборнике – иллюстрации сотни ковров и нескольких карпетов (палас) из Арцаха и других армянских этнографических районов с необходимыми комментариями.

В сборнике М. Балаян «*Коллекция тканей историко-краеведческого музея Арцаха*» представлено собрание ковров, карпетов, покрывал, хурджинов (переметная сумка) с иллюстрациями и сведениями о месте, времени и размере.[3]

Примечательна книга С. Маркосяна «*Народные музыканты Арцаха*»,[4] в которой автор научно-популярным и образным языком представляет жизнь и деятельность шестидесяти народных музакантов края 19 - 20 веков, а также традиции и обычаи музыкального искусства того времени. С. Маркосян собрал и записал более 150 образцов народной инструментальной музыки.

«*Арцахская кухня*» – так озаглавлен сборник Ж. Бабаян,[5] хотя необходимо отметить, что в книге представлена армянская кухня в целом и не выявлены особенности арцахской пищи.

В годы независимости были опубликованы сборники и исследования о десятках поселений Арцаха,[6] в каждом из которых так или иначе авторы обращались также к вопросам этнографии. Некоторые из них имеют более важное значение в контексте нашего исследования.

Исследование К. Каграманяна[7] в основном посвящено истории, историко-архитектурным памятникам и документальным материалам Шаумяновского района Северного Арцаха, параллельно с которыми большое место уделяется описанию народной медицины, пищевого рациона, видов игр, различных обычаев и ритуалов.

---

[1]Pogosyan A.**, *Rug weaving Culture of Artsakh, Historico-Ethnographic illustrated study***, Saarbrucken, 2015

[2]Татикян В., ***Родовые ковры Арцаха***, Ереван, 2004 (на арм.яз.)

[3]Балаян М. ***Коллекция тканей историко-краеведческого музея Арцаха***, Ереван, 2012 (на арм. яз)

[4]Маркосян С. ***Народные музыканты Арцаха***, Ереван, 2004 (на арм., русск.яз.)

[5] Бабаян Ж. ***Арцахская кухня***, Ереван, 2007(на арм. яз.)

[6] Абрамян Ж. ***Даграв***. ***Воспоминания о родине***, Аскеран, 2005(на арм. яз.), Абрамян Г., ***Керт (с древнейших времен до наших дней),*** Ереван, 2010, (на арм.яз.), Агасарян Г., ***История села Хндзристан***, Степанакерт, 2002,(на арм.яз.), Агасян А., ***Колатак. Краткие истории о селе и о его жителях***,Степанакерт, 2013, Амирджанян С., ***Дизак***, Ереван, 2006,(на арм.яз.), Аракелян М., ***Сказание о Карабахе и о селе Нги. Этнографическая история (с начала 16-ого до конца 20-ого веков***), Аветисян Н., ***Агорти***, Степанакерт, 2009,(на арм.яз.), Балаян Г., ***О село Ашан и его жителей***, Степанакерт, 2006, (на арм.яз.), Балаян В., ***Гиши.Историческое прошлое и настоящее***, Ереван, 1997,(на арм.яз.), Багдасарян А., ***Родной край. Исторический очерк,*** Степанакерт, 2004, (на арм.яз.), Бегларян М., ***Наш Караундж Карабаха,*** Степанакерт, 2004,(на арм.яз.), Галстян А., ***Победа (О селе Норагюх),*** Степанакерт, 2000, (на арм.яз.), Григорян Г., ***Мохратаг***, Степанакерт, 2004, (на арм.яз.), Григорян Ж., ***Улубаб***, Степанакерт, 2011, (на арм.яз.)***,*** Тадевосян Г., ***Старый и новый Аветараноц***, Степанакерт, 2006, (на арм.яз.), Акобян П., ***История села Дрмбон***, Степанакерт, 1999, (на арм.яз.), Газарян Х., ***Туми***, Ереван, 2003, (на арм. яз.), Мелкумян С., ***Чартар***, Ереван, 2003, (на арм.яз.), Минасян С., ***Чапар (Акаракаберд***), Степанакерт, 2010,(на арм.яз.), Петросян В., ***Неркин шен.Скрепленная тоска***. Москва, 2008,(на арм.яз.) Саркисян С., ***Хнапат. С древнейших времен до наших дней***, Ереван, 2006, (на арм.яз.), Самвелян Э., ***Зов тоски***, Ереван, 2004, (на арм.яз.), Саркисян С***., Талиш***, Ереван, 2007, (на арм.яз.), Севян В., ***Шуши,*** Ереван, 1991, (на арм.яз.),Ванян Г., ***История села Кочогот,*** Степанакерт, 2009, (на арм.яз.), Кочарян В., ***Саргсашен,*** Степанакерт, 2015, (на арм.яз.), Оганян Н., ***Талиш***, «Арцахапатум», книга 4, Степанакерт, 2015, (на арм.яз.) и др.

[7] Каграманян К., ***Книга очага: Реликвии***, Ереван, 2002. (на арм.яз.).

В книге Е. Абрамяна, посвященной селу Мец Тагер Гадрутского района,[1] приводятся важные сведения о местах поклонений, растительности и животном мире, различных ремеслах, земледелии, садоводстве и скотоводстве.

Довольно объемна работа М. Агаджаняна, посвященная селу Атерк Мардакертского района,[2] в которой автор в отдельных разделах представил быт и нравы жителей села, разные обычаи и ритуалы, связанные со свадьбой, рождением и семьей, церемонии, связанные с похоронами, верования, а также разножанровые фольклорные материалы.

С. Гулян в книге «Банадзор»[3] обратилась к святым местам, ремеслам, традиционной одежде, видам игр, способам получения натуральных красок, знахарству, шелководству, виноградарству одноименного села того же Гадрутского района.

Отдельные отрасли и явления этнографии Арцаха нашли свое отражение в ряде серьезных обобщающих исследованй, посвященных армянской этнографии. Достойны внимания работы Г. Харатян-Аракелян,[4]Г. Шагоян,[5] С. Хобосяна,[6] М. Галстяна,[7]Ф. Григорян,[8]А. Тадвевосяна,[9]С. Мктрчяна,[10] а также множество научных статей.[11]

Этим не ограничиваются исследования, посвященные этнографии Арцаха. Подобные материалы имеются и в работах, сборниках, статьях, альбомах, художественных произведениях, различных статистических бюллетенях, написанных и опубликованных в разное время и посвященных истории, фольклору, диалекту Арцаха, а также соседним этнографическим районам.[12]

А. Ю. Саркисян,
к.фил.н., доцент, заслуженный деятель науки НКР

---

[1]Абрамян Е.. ***Мец Тагер***, Степанакерт, 2009 (на арм.яз.)
[2]Агаджанян М., ***Атерк***, Степанакерт, 2012 (на арм.яз.)
[3]Гулян (Гулунц) С., ***Банадзор***, Ереван, 2013 (на арм.яз.)
[4] Харатян- Аракелян Г., ***Праздники армянского народа***, Ереван, 2005 (на арм.яз.)
[5]Шагоян Г., ***«Семь дней, семь ночей» панорамы армянской свадьбы***, Ереван, 2011 (на арм.яз.)
[6]Обосян С., ***Культура маслоделия в Армении (XIX - середина XX в.)***. ***Историко-этнографическое исследование***, «Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования», Ереван, 2007, т. 23, с. 5 - 98 (на арм.яз.)
[7]Галстян М., ***Отходничество в Армении (вторая половина 19-го - 80-е годы 20-го века***, «Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования», Ереван, 2009, т. 26, с. 7 - 88 (на арм.яз.)
[8]Григорян Ф., ***Армянская традиционная одежда***, Ереван, 2011 (на арм.яз.)
[9]Тадевосян А., ***Кузнец в армянской ритуальной системе (историко-этнографическое исследование)***, «Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования», Ереван, 2007, т. 23, с.99 - 184 (на арм.яз.)
[10]Мкртчян С., ***Праздичный цикл в быте современных армян (этно-социологическое исследование)***, «Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования», Ереван, 2007, т. 22, с. 129 - 238 (на арм.яз.)
[11]Айрапетян Т., ***О двойственом восприятии ритуалов вызывания и прекращения дождя***, «Историко-филологический журнал», Ереван, 2004, N3, с. 217 - 227 (на арм.яз.); Аракелян Г., ***Виноградарство и производство алкогольных напитков в Елисаветпольской губернии (19-й век)***, «Историко-филологический журнал», Ереван, 2006, N3, с. 126-134 (на арм.яз.); ее же: ***Хлопководство в Елисаветпольской губернии (середина 19-го века***), «Историко-филологический журнал», Ереван, 2007, N3, с. 181-185 (на арм. яз.); ее же: ***Шелководство и текстильная промышленность в Елисаветпольской губернии (19 век***.), «Вопросы истории Армении. Сборник научных статей», Ереван, 2007, № 8, с. 171 - 188 (на арм.яз.); Петросян А., ***Культ медведя в народных верованиях армян***, «Вестник Ереванского университета», Ереван, 1995, N3, с. 163 - 170 (ан арм.яз.); Асоян Л., ***Армянское население Елисаветпольской губернии в конце 19 века (по переписи 1897 г.)***, «Вестник общественных наук», Ереван, 2008, N1, с. 241 - 246 (на арм.яз.); Асоян Л., ***Расселение и рост армян в Закавказье по переписи 1897 г.***, «Вестник общественных наук», Ереван, 2003, N3, с. 99 - 105(на арм.яз.); Погосян А., ***К вопросу о генеалогии и ареалам распространения ковров «Вишапагорг»***, «Андес амсоря», Венна – Ереван, 2004, № 1 - 12, с. 367 - 415(на арм.яз.) и др.
[12]Каганкатваци М., ***История страны Агванк***, Москва, 1860; ***Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г., Елисаветпольская губерния***, кн. 63, Санкт-Петербург, 1904; Ширакуни Н., ***Зангезурский уезд Елисаветпольской губернии***, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», выпуск тридцать четвертый, Тифлис, 1904, отд. I., с. 182 – 217; Лео, ***История армянской епархиальной школы Карабаха (1838 - 1913)***, Тифлис, 1914 (на арм. яз.); Авдеев М., ***Мильско-Карабахская степь: Кочевое и оседлое хозяйство. Территория – население - экономика***, Баку, 1929, ***Итоги всесоюзной переписи населения. 1959, Азербайджанская ССР***, Москва, 1963; Алишан Г., ***Арцах***, Ереван, 1993 (на арм. яз.); Улубабян Б., ***История Арцаха с начала до наших дней***, Ереван, 1994 (на арм. яз.); Баратов Б., ***Разоренный рай: Путешествие в Карабах***, Москва, 1998; Мкртчян Ш., ***Сокровища Арцаха***, Ереван, 2000 (на арм. яз.); Карапетян С., ***Северный Арцах***, Ереван, 2004 (на арм. яз.); Арутюнян Л., ***Реликвии фольклора Арцаха***, Ереван, (на арм. яз.); ***Данные переписи населения Нагорно-Карабахской Республики 2005 г. (показатели НКР)***, Степанакерт, 2006 (на арм. яз.); Овсепян Г., ***Армяне Карабаха*** Ереван, 2009 (на арм. яз.); Маргарян Л., ***Язык фольклора Арцаха***, Степанакерт, 2011 (на арм. яз.); Бахши К., ***Духовные сокровища Арцаха***, Москва, 2012; Саркисян А. ***Словарь карабахского диалекта***, Ереван, 2013 (на арм. яз.); Саркисян А., ***Фольклор Арцаха***, Ереван, 2015 (на арм. яз.); ***Данные переписи населения НКР за 2015 год (показатели НКР)***, Степанакерт, 2016 (на арм. яз.); Манукян М., ***Районы, города и села Нагорно-Карабахской Республики: Историко - культурные, физико - географические, административно - экономические описания***. Ереван, 2016 (на арм. яз.); Балаян В., ***Шуши***, Ереван, 2017 (на арм. яз.); ***Статистичекий ежегодник Арцаха***, Степанакерт, 2019 (на арм. яз.); ***Районы Республики Арцах в цифрах***. Степанакерт, 2019 и др.

ШУШИ

Шуши, уездный город Шемахинской губернии, крепость и столица бывшего Карабахского ханства, богатейшей провинции Закавказского края, основан около 1752 года Панах Али-беком, жителем общества сариджалы Джеванширского магала.

Панах Али-бек, устав вести праздную жизнь в толпе слуг Надир Шаха, бежал в Карабах, где в долине Куры в участках, ныне Джеванширском и Кеберлинском, с толпою наездников, увеличивавшеюся постепенно из любви к праздности, сначала скитаясь, нападал на путешествующих, потом, боясь наказания Ширванского хана, которого для этого призывали местные жители, укрепился в развалинах старинной крепости Баят. Из Баята, местность которого не представляла никаких условий для защиты, приняв титул хана, перешел к источнику Шах-булаг и у подошвы горы Ирик основал город Тернеут.

Расширяя постепенно владычество свое над Карабахом, Панах-хан, дабы совершенно обезопасить себя от влиятельных армянских меликов, управлявших нагорными магалами Карабаха и не признававших еще его власти, и от соседних ханов и, наконец, чтобы иметь возможность уклоняться от повиновения Персии, ослабевшей после смерти Надир-шаха, и таким образом образовать независимое ханство для себя и потомства своего по совету мелика Шахназара избрал невыгодную и почти неприступную местность, напротив армянской деревни Шушикент, и основал на ней город и крепость, получившую потом название Шуши. После смерти Панах-хана сын его Ибрагим Халил-Ага в 1759 году завладел совершенно Карабахом, истребив мелик Атама, последнего мелика, неповиновавшегося ханской власти и под именем Ибрагим-хана управлял Карабахом и до того счастливо вел дела своего правления, что многие ханы, персидские и соседние закавказских провинций, искали его дружбы и покровительства; но потом виды на счастливую будущность нового ханства начали исчезать. Завладевший персидским престолом, Ага-Магомед-хан в 1795 году, идя на кровавый пир в Тифлис, осаждал Шуши и был отражен с потерями. В 1797 году Ага-Магомед-хан после повторной осады взял Шуши. Ибрагим-хан, не полагаясь на этот раз на свое могущество, до прибытия под Шуши персиян удалился в Джаробелоканскую область. Несмотря на удаление Ибрагим-хана, карабахцы сразились с персиянами в нескольких верстах от Шуши, в урочище Ханкенды, где ныне построен штаб Мингрельского егерского полка. Там Ага-Магомед-шах после битвы учинил над побежденными кровавый суд и расправу; но зато, вступив в Шуши, дал джаллятам (палачам) отдых, ограничиваясь денежными штрафами. На 8 день пребывания шаха в Шуши, двое из слуг его, присужденные им накануне к смерти, сами его казнили. Узнав о смерти шаха, храброе войско бежало из города и, в свою очередь, отдало в добычу отважным шушинцам все его богатство. Ныне шушинцы уверяют, что в окрестностях Шуши Мамед-беком, управлявшим ханством до возвращения Ибрагим-хана, зарыты в земле все драгоценности шаха, заключающиеся в огромном количестве золота, жемчуга и дорогих камней.

После покорения русскими Ганджи (ныне г. Елисаветополь) Ибрагим-хан в 1805 году явился к генералу Цицианову с предложением принять его под покровительство России; вследствие чего заключен был мирный договор, по которому Ибрагим-хан обязался платить 8000 червонцев дани. На основании договора в Шуши вступили русские войска, в обеспечение обязательства хана. Спустя некоторое время Ибрагим-хан вознамерился освободить ханство от зависимости от русских и, чтоб достигнуть желаемой цели, обратился к Персии, прося ее помощи, и в ожидании персидских войск сам с семейством выступил из города; но замысел его не удался, и он погиб вместе с большею частью своего семейства, разбитый командиром Шушинского гарнизона майором Лисаневичем, которому с целым гарнизоном грозила неминуемая смерть. После Ибрагим-хана провозглашен был ханом младший сын его Мехти-Кули-хан. В 1813 году Карабах был присоединен к России трактатом, заключенным с Персиею в урочище Гюлистан. После по-

бега в 1822 году Мехти-Кули-хана в Персию в Карабахе было введено русское правление. В 1826 году Шуши выдержал 47 дневную блокаду персиян под начальством Абас-Мирзы, прибывшего для покорения Закавказского края. Спасением своим шушинцы, в особенности армяне, обязаны 42 егерскому полку и командиру оного, полковнику Реуту (ныне генерал-лейтенанту), известному даже всем сельским жителям Карабаха под именем Иосифа Антоновича. В 1840г. Карабахская провинция переименована в Шушинский уезд.

Местность Шуши – возвышенность, покатая с юга и запада к северо-востоку, прорытая несколькими оврагами, глубина которых, сначала незначительная, оканчивается ущельями, неприступная с трех почти сторон, с четвертой от северо-востока, обведенная каменною стеною, заключающая в себе пространства 569 дес. земли. Для въезда в город существуют трое ворот: Ах-огланские с востока, Эриванские с запада, для верховых и вьюков и Елисаветпольские с севера, для повозок. Сия последняя дорога спускается весьма круто и извилисто, по каменному грунту на расстояние 3 верст, к мосту Ага-кюрпи. Это почтовый тракт в Шуши. Город построен неправильно, улицы кривы, местами весьма круты, и хотя в верхней армянской половине города большей частью вымощены, но чрезвычайно неровны.

Неровность эту образуют стремительные потоки от сильных дождей, изобильно падающих весною. В нижней части города, населенной мусульманами, служат для сообщения узкие переулки. Постройки в городе каменные; камень добывается на месте, взрывом выдающихся из земли скал. Городскими постройками занято до 200 дес. земли; остается незастроенною крутая возвышенность на южной стороне города, растянутая от запада к востоку; но в течение немногих лет и это место застроится, тогда город не будет иметь никакой возможности расшириться. Шуши с юго-запада и северо-запада окружен высокими горами, покрытыми лесом, отделяется от них двумя ущельями: к югу скалистым, отвесно углубляющимся до речки Дашалты; к северу отлогим, покрытым мелким лесом и кустарниками, на дне которого протекает речка Халифалу; на северо-востоке, за постепенно понижающимися горами, открывается долина Ходжалинской станции, и далее к северу, чрез широкое ущелье по реке Каркар, видна во всю ширину долина р. Кура, Нухинские горы и покрытые снегом вершины гор Кавказских. К юго-востоку углубление гор открывает долину Аракса, а за Араксом в ясную погоду видны Карадагские горы Персии. Местность не позволяет горожанам иметь за городом ни садов, ни хлебопахотных земель; но зато в городе, при каждом почти доме, есть фруктовые садики, зелень которых летом придает ему живописный вид. Выгонами жители пользуются по прилегающим горам и ущельям. К главным неудобствам города относится совершенный недостаток хорошей воды, хотя редкий дом не имеет колодезей, но вода в них горько-соленая и негодная для питья; хорошую воду доставляют в город на вьюках, в деревянных баклагах, из источников, находящихся в ущельях.

Климат в Шуши умеренный; нет ни сильной жары, ни сильных морозов. Ветры обыкновенные с востока и запада, первые дуют весною, осенью и зимою, всегда холодны и весьма продолжительны; западные ветры сухие, в феврале месяце очень теплы и сильны. Частые и продолжительные дожди и туманы с восточными ветрами отличают Шуши от прочих городов Закавказского края.

Каменных домов в городе 1856 и несколько сот турлучных лачужек в мусульманской части города. Лавок 476, улиц, удобных для повозочного сообщения 11, площадок 6, мостов каменных 4 и 2 деревянных.

Для полицейского управления город разделяется на две части: армянскую, верхнюю и мусульманскую, нижнюю. Кроме полиции, в городе находятся Уездное Управление, Уездный Суд, Армяно-Григорианская Духовная Консистория и Мусульманский Духовный Суд Шаро.

Главные статьи городского дохода суть сбор с пригоняемого в город на убой скота и сбор с комнат; каждая из этих статей дает дохода до 1200 рублей.

Главные статьи расхода - суть: на содержание полиции и на устройство мостовых.

Общее число постоянных жителей: муж. пола 6556, жен. пола 6418, всего 12 724.

Родится средним числом ежегодно до 500, умерших около 500, браком сочетается 200.

Болезни обыкновенные бывают: катары, ревматизмы и ломоты. Частые и продолжительные туманы, особенно весною, способствуют развитию золотухи.

Жителей по званиям

	муж.	жен.
Духовенства: Православного	1	
Армяно-григорианского	57	58
Церковнослужителей	19	55
Мусульманского	26	40
Дворян: ханской фамилии	16	22
Меликов	10	18
Беков и чиновников	742	780
Гражданских чиновников	10	8
Крестьян: казенных	5076	5055
помещичьих	2581	2432

Шушинские жители, не имея возможности заниматься ни хлебопашеством, ни садоводством, исключительно посвящают себя ремеслу и торговле.

Ремесла

Столяров	7	Шорников	44
Плотников	42	Кожевников	27
Каменщиков	58	Портных	52
Кузнецов	27	Шапошников	28
Слесарей	20	Чапрачников	7
Изготовляющих подковы	19	Войлочников	12
Медников и лудильщиков	15	Цирульников	25
Серебряков	24	Красильщиков	13
Часовых мастеров	2	Хлебников	21
Башмачников	40	Базарных поваров	12
		Кондитеров туземных	6

Фабрики

Фабричною промышленностью Шуши не может похвалиться. Шушинские фабриканты выделывают в год более 1000 шт. шелковой и полушелковой материи под названием Дарап и Касаб и сбывают ее на месте.

Заводы

Кожевенных	4	Красильных	5
Кирпичных	2		

Материалы для фабрик и заводов приобретаются в уезде, произведения сбываются местным жителям.

Положение Шуши на труднодоступном месте, неудобство путей сообщения останется всегдашним препятствием для развития торговли ее. Главную торговлю Шуши ведет с персидским городом Тавризом и в России с Нижним Новгородом. Из Тавриза привозятся: бумажные ткани, шелковые материи, сукна, бархат, шали, парча, бухарские и багдадские смушки, табак и прочее. Из Нижнего Новгорода: сукна, бумажные и шелковые материи в малом количестве, посуда фарфоровая и стеклянная, железо, железные и медные изделия, беличьи меха, стеариновые свечи, писчая бумага и прочее; из Тифлиса - сахар. Вывоз заключается: в Персию в звонкой монете, в Россию в малом количестве шелка, лисьи и куньи меха. Весь оборот этой торговли превышает 70-80 т. р. с. несмотря на такую ограниченность торговли в Шуши, все

почти шушинские жители, кроме ремесленников и знатнейших беков, заняты всякого рода торговлею: есть купцы богачи, у которых в обороте до ста, двухсот и более тысяч рублей серебром; но они ведут транзитную торговлю между Лейпцигом, Константинополем и Тавризом, и многие торгуют шелком в Москве.

В городе караван-сараев 5, питейных лавок (духанов) 20, бань 7.

	муж.	жен.
Православных жителей ……	2	5
Армян ……	5,155	5,222
Мусульман……	5,175	5,196
Армянский девичий монастырь…….…….	1	
Церквей Православных…….	1	
Армянских…….	4	
Мечетей…….	9	
Учебных заведений:		
Уездное училище 1, в нем учащихся ……	110	
Армяно-григорианская семинария 1, в ней учащихся…….	74	
Мусульманское училище Алиевой секты 1, в нем учащихся…….	58	
Училищ при мечетях 9, в них учащихся……...	до	400

ЗАКАВКАЗСКИЙ КРАЙ. ЗАЯВКИ О СЕЛЬСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ОТНОШЕНИЯХ ГОРОДОВ, ОБИТАЮЩИХ МЕЖДУ ЧЕРНЫМ И КАСПИЙСКИМ МОРЯМИ

Русские чиновники и жители сообщили мне, по приказанию генерала Нейдгарта, множество сведений, собранных ими в надлежащих местах. В странах восточных, ближе к Каспийскому морю, я сам не был, но получил оттуда множество заметок, отчасти от трех спутников моих, посетивших тамошние страны. Особенно подробны эти заметки о Карабахской провинции, и я сообщаю их здесь для сравнения с подробными о гурии и Армении, приведенными мною выше.

Ныне русскую провинцию Карабах[1] с смешанным народонаселением, состоящим преимущественно из армян и татар, составляло прежде Армянское княжество рода Абамелек, платившее дань Персии. В половине прошедшего столетия владычество перешло к трем братьям, которые при первенстве старшего брата правили совокупно. По смерти первого, между оставшимися возникли раздоры, народ был недоволен и бунтовал, в особенности татары. Большая татарская деревня в горах избрала сельским главою Панах-хан-Яспаша, неизвестного происхождения, и объявила себя независимою от армянских князей (меликов). Окрестные деревни присоединились к первой, и власть Панах-хана так усилилась, что ему удалось низвергнуть с престола армянский княжеский род. Таким образом, власть от армян перешла к татарам, от христиан к мусульманам. Панах-хан сумел удержать свою независимость и против Персии. Он построил Шуши и сделал ее столицею. По смерти Панах-хана в 1790 году наследовал его сын Ибрагим-хан, очень притесняемый персиянами. В 1794 году шах Ага-Могамед-хан напрасно осадил Шуши, оттуда пошел в Тифлис и разрушил его, опять подошел к Шуши и, наконец, в 1796 году в третий раз. Ибрагим бежал, и шах занял город, но там его убили. Ибрагим возвратился в Шуши , но, чувствуя себя слишком слабым против персиян, обратился к России и даже испросил у генерала князя Цицианова русский гарнизон. Непостоянный характер скоро отвратил его от русских и сделал доступным для персидских интриг. К нему приехал посланник шаха и предложил ему руку дочери хана, для его старшего сына Джаффара Кули-хана, еще очень молодого. Но сын не принял персидских предложений, не верил персиянам и держался России. Персидские интриги начали действовать свободнее: 80-летний Ибрагим совершенно им подчинился. Иначе действовал Джаффар, наследовавший от отца своего всю ненависть к персиянам. Он скрытно отправился к русскому коменданту Лисаневичу и уведомил его о случившемся. Собрали военный совет, в котором участвовал и Джаффар, решили арестовать Ибрагима и отвезти его в Россию. Джаффар просил, чтоб позволили ему сделать последнюю попытку на полюбовное убеждение деда; в случае неудачи, он вызывался схватить его. Так и случилось. Джаффар, Лисаневич и 50 человек солдат выехали ночью из цитадели и отправились в загородное жилище Ибрагима. Утром Джаффар вошел один к деду и на коленях упрашивал его отказаться от союза с персиянами, которые искали гибели его и всего рода и от которых нечего более ожидать, кроме козней и постоянной опасности жизни и имущества. Старик остался непоколебимым и тогда Джаффар схватил его, посадил на лошадь и привез к Лисаневичу, который тут же отправил его в Россию.

---

[1] *Карабах настоящий Иран древней Персидской Монархии, гаже новейшие восточные писатели называют его Аран, Аравитяне Ран. Это Эриана Цендских кинг зороастра и, в следствие Вендидаца Эрисковедия (частый Иран)- первое населенное место на земле. Здесь было местопребывание древнейших персидских царей. Здесь задолго до зороастра жил первый законодатель Геэмо. Карабах составлял часть Эхриэмрно-Армении или Великого Ирана. Когда во II столетии, Арзацид Вагарник вступил на престол Персии, он из части Карабаха образовал особое княжество Сезогов. Князья сначала подчинялись Армении, потом усилились и защищали свою независимость даже протов Калифов. Княжеский род именовался Гайгации, потомки Гайка, родоначальника армян. Еще в 1722 году потомок Гайгацни держался против персидских Сардаров Армении, в неприступных долинах Сиуник или Сизаган. См. Дюбуа К. II стр. 200. Карабахская земля очень плодородна, прибрежные долины Аракса превосходят плодородием своим все страны в мире. Карабах был местом рождения Рустана, Мамелюка Наполеона I. Карабах значит черный виноград*

Теперь рождается вопрос: кому следовало вступить на престол? Большее право, без сомнения, имел Джаффар, который притом всегда выказывался верным другом России. Но смелый, предприимчивый юноша на престоле казался военному начальству слишком опасным. Оно провозгласило владетельным Князем второго сына Ибрагима Мехти-Кули-хана. Это происходило в 1806 году. Джаффару было тогда 15 лет. В гневе своем он собрал всю свою дворню (нукаров), с обнаженною саблею выскакал из Шуши, прорезал себе путь через русский отряд и скрылся в Персии. Но и там ему не понравилось и, в следствии приглашения России, он возвратился в Шуши, где был восстановлен во владении всеми имениями. Между тем Мехти-Кули-хан притеснениями и слабостью характера возбудил общую ненависть. Против него стали интриговать, уверяли в опасности его жизни, так что он в 1822 году бежал в Персию и сделался одним из главных зачинщиков русско-персидской войны. Персияне, без предварительного объявления о нарушении мира, вступили в 1826 году в числе 40000 человек в Карабахе, окружили в горах русский батальон, изрубили его после героической защиты и приступили к осаде Шуши, но русский гарнизон, состоявший только из 350 человек, защищался с таким упорством, что после трехмесячной осады персияне должны были отступить. Во все это время Джаффар оставался спокойным. Однако в продолжение войны он на год был отправлен в Симбирск, а потом на 4 года в Санкт-Петербург. Государь Император принял его весьма ласково, пожаловал в генералы и назначил ему 24000 рублей ассиг. ежегодного дохода. Впоследствии он опять переселился в Шуши, где жил в бытность мою на Кавказе.

Спутник мой, г. Адеркас, представлялся ему в Шуши и был приглашен им к чаю. Он застал странную смесь восточной и европейских обычаев и образ жизни. Снаружи дом ничем не отличался от прочих домов богатых татар в Шуши, но внутри была зала, убранная со всем европейским комфортом. На стенах были зеркала, у потолка люстра, у стены стояла щегольская мебель из красного дерева, диваны, кресла, столы, стулья, стены было покрыты обоями, украшены картинами - одним словом, все предметы европейского удобства и роскоши. Джаффар, в русском генеральском мундире, со многими орденами, принял гостей своих - г. Адеркаса и других европейцев - по европейскому обычаю. Он красивый, статный мужчина, с благородною и привлекательною физиономией, гордою осанкою, и теперь еще необыкновенной силы. Они сели за черный стол, явились и восточные домашние, и гости, которые, по своему обычаю, расселись, поджавши ноги, на диване у стены, курили трубки, пили чай и в разговоре участвовали только в случае обращенного к ним вопроса. Между ними был и Мирза-Чамиль, прежний министр Ибрагима, давший ему совет искать помощи русских. Слуги в европейских ливреях подавали чай, пирожное, варенье, пунш, шербет и мороженое. Другие слуги были в татарской и черкесской одежде. Драгоценные венские часы с музыкой играли увертюру из Фенелы. У Джаффара богатый гарем и множество детей, чего гости, однако, не заметили.

По окончании войны, вследствие ходатайства генерала Паскевича и дяди Джаффара, бежавшему хану Мехти-Кули-хану дозволено возвратиться, и он ныне живет в Шуши, также в чине генерал-майора и получает пенсию. После бегства Мехти-Кули-хана в 1822 году русские сами стали управлять Карабахом. В это время провинции составили подробную опись и, между прочим, старались определить доход с поземельного имущества, потому что платимые во время татарского владычества помещикам и правительству подати казались слишком высокими. Это интересный историко-статистический памятник, достойный большого прилежания и знания дела. Я почерпнул из него следующие заметки.

Карабахские татары и армяне жили в совершенном смещении. Первые - большею частью, народ, кочующий летом; после небрежного возделывания полей, он скитается по горам, богатым лесом и травою, во время самой сильной жары переходит до снежных гор Асрита, место пребывания курдских разбойничьих татар. Осенью к жатве они спускаются в равнину, которая в влажное время года дает стадам отличный корм, и тогда собирают плоды свои. Они зажиточны и гостеприимны. Некоторые из них имеют тысячи овец, сотни и более буйволов и большие табуны

лошадей прекраснейшей породы. Жители гор беднее. Посреди карабахских гор находится просторная плоская возвышенность, имеющая характер равнины и где, в противоположность к раскаленным берегам Куры и Аракса, дающим сараченское пшено и хлопчатую бумагу, произрастает свойственный более холодному климату озимый хлеб, между тем как более глубокие долины Бергошет, Гакджаре и другие пользуются южным климатом и имеют прекрасный виноград.

Вся тяжесть податей лежит на арендаторах или обществе их селения. Подати, кажется, определены отчасти по доходу с земли и отчасти по нуждам помещика. Большая часть податей взимается в натуре. Система их очень сложна и изменяется почти в каждой деревне. Ханы имели большие поместья и доходами с них покрывали часть государственных расходов. К этому присоединялись часто государственные подати, платимые не помещику, а главе страны. Страна делилась на 22 магала, или округа.

Каждая деревня образовала общину, имевшую старшину, *кевыка*, десятников, *чауш*, одного из двух фельдшеров и муллу. Эти лица, так же, как и дворы вдов и нищих, освобождены от податей, распределенных между состоятельными очагами. Кроме этого, из сельского населения избавлены от податей: дворы лиц, которые могут предъявить тунигу (изъятие от податей), ханы, далее нукеры, большая часть речпаров, обязанных барщине, джувары или смотрители каналов, потому что все эти лица работают не для себя, а для помещика.

Главнейшие роды податей суть следующие: городская государственная подать, определена в деньгах. Подобная, но менее значительная, *атешь харидши* (подать от огня). Далее, разные поставки на содержание двора хана, к.т. *Атирпази*, поставка ячменя для ханских лошадей. *Карчан хорадши*, поставка на ханскую кухню масла, овец, быков, дров, а иногда и денег на содержание товаров и хлебопеков. *Каллуха и Тагвилани* - денежная подать на содержание нукеров в виде прибавочной доли по другим податям, на пр. 59 к. ханской монеты *каллуха* и 25 коп. ханской монеты тагвилана от каждого дуката горача.

Сольян, поставка пшеницы Мальдшахат - весьма обыкновенная подать, состоящая из пятой части хлеба и других продуктов, к. т. хлопчатой бумаги и сарачинского пшена.

Калантанлгха - соединение податей в натуре и правительству, поставка всадников для почты, пахота с определенным числом плугов, определенное число дней, сбор урожая с ханских полей (поденною работою называется вспахивание поля, на котором можно засеять 2 ½ четверика). Подати эти взимаются не одинаково в одних и тех же местах, и они смешаны без определенного отношения к ценности их. Кочующие общины платят преимущественно произведениями скотоводства и незначительным количеством хлеба. Малые подати в натуре часто заменяются деньгами.

И. Давидбеков
Смотритель Гадрутского двухклассного земского нормального училища

СЕЛО ГАДРУТ

Елисаветпольской губернии Джебраильскаго уезда.

I. Название села. Местоположение. Археологические памятники и границы.

Селение Гадрут принадлежит наследнице подполковника Мадатова Софии, по мужу жене войскового старшины Мирзоева.

Название Гадрут персидское; оно состоит из трех слов: « га - ду - рут», из коих «га» значит между, «ду» - два, «рут» - река, т.е. пространство между двух рек, отчего и самое село, по своему местоположению, получило весьма подходящее название Гадрут: по-армянски последнее переводится или одним словом «мичагет» (միջագետ), или тремя словами «ерку гети мэч» (երկու գետի մեջ.) Действительно, по обеим сторонам села текут две речки, под названиями: Гузей - чай и Гуней - чай, которые образуются из множества источников, принимающих свое начало из западных гор: Джанкалавар, Форак, Кара - булаг, Флуту, Акен - дзор и Гасабан.

Они, протекая по скалистым местностям, с запада на восток, порознь, в конце села, под Хор – Ахбюр, соединяются вместе и носят одно имя Гозлу – чай; обе речки, как вообще горные реки, по временам от таяния снегов и продолжительных проливных весенних и осенних дождей разливаются и наносят вред домам, садам и скоту жителей, поселившихся по близости их берегов. Один из гадрутцев, бывший подрядчик местного штаба Бегляр Тер-Оганов, рассказывал мне, что в июне месяце 1876 года от разлива этих речек наполнился водой нижний этаж его дома, где помещалась в то время полковая лавка, отчего он потерпел много убытка; что даже прекратилось на день сообщение с штабом, находящимся на другой стороне речки Гуней – чай, куда он должен был доставлять съестные продукты.

Гадрут, по местоположению своему, занимает центральное место и окружен следующими деревнями: с запада – Тагасыр, Ворнашат и Сарэн – шен или Шахах, из которых первые две отстоят на ¾ версты, а последняя на 2 версты; с юга – Ванк и Таанк – на ½ версты; с юго-востока Норашен на 5 верст; с востока – Кошбек (Коч – бек), Мелик – Джанлу и Кара – Колу, из коих первые две находятся на расстоянии от 1 ½ -2 верст, а последняя на 7 верст, с северо – запада – Камракюч на ¾ версты. Население во всех этих деревнях армянское, исключая Кара – колу, где живут мусульмане. Гадрут, вместе с окрестными десятью деревнями, по местоположению составляет ущелье, окруженное с юга, запада и севера горами; оно простирается верст на десять и во всем своем протяжении представляет так называемую местными жителями, Гозлу–чайскую низменность. Название это произошло от ореховых деревьев, которых на всем расстоянии ущелья и низменности весьма много.

Из археологических памятников и богомольных мест, находящихся в Гадруте и в его окрестностях, обращают на себя внимание следующие:

1) В нижней части села, к востоку, находится старое кладбище со старой церковью. На надгробных камнях этого кладбища нет никаких надписей и изображений, за исключением только двух камней, на коих выбиты кресты.

При раскопках найдены человеческие кости, четырёхугольные большие камни и остатки стен когда-то бывших домов, ныне покрытых толстым слоем земли. От церкви остаются одни только полуразвалившиеся стены и часть свода, тоже без надписи; развалины эти в настоящее время обращены в саманник. Никто из местных старожилов не помнит основания ни кладбища, ни церкви. По древности и неизвестности основания кладбище это когда-то носило в народе название «Крапашти ангстаран» (կռապաշտի հանգստարան), это значит языческое клад-

бище, а в последнее время стали его называть «Койна» или «хин ангстаран» (քոհնայ կամ հին հանգստարան), т.е. старое кладбище.

2) На восточной стороне села, над родником Хор – Ахбюр, стоит многолетний, в три сажени окружности, чинар, который жители прежде считали святым, а потому боялись употреблять его засохшие ветви. Упавшие в разное время большие и толстые сучья этого дерева лежат под ним и служат скамейками для отдыха усталым прохожим. По словам здешних старожилов, этому чинару около 300 лет.

3) В северо-восточной части села виднеется небольшое искусственное возвышение, где, по рассказам жителей, в старину была крепость с башнями. В ней когда-то местные жители защищались от нападения неприятелей, а потому народ, по настоящее время, называет ее «Галин – бант» (դալին բանտ), что значит вход в крепость.

При раскопках находили и находят следы старых стен и башен. 15 апреля сего 1887 года я сам был очевидцем того факта, что один из гадрутцев раскопал место в северо-восточной части ее с целью строить себе дом, и оказалась довольно длинная и высокая стена бывшей крепости.

4) К югу от села, в двух верстах, на холме находится старая крепость, называемая в народе “Цца – хачи – гала” (ծծախաչի դալայ), от которой теперь есть только остатки развалившихся стен. В этой крепости в свое время была большая нужда в воде. Это доказывается тем, что из селения Шахах или Сарэн-шен, отстоящего от него на расстоянии около четырех верст, искусственным образом обывателями того времени сюда была проведена вода. Об этом свидетельствуют остатки глиняных коленчатых труб, называемых по местному тюнги (թունգի). Гробница владетеля этой крепости, Велиджана, сына Хумара, находится в ограде монастыря «Спитак-хач» (Սպիտակ խաչ). На надгробном камне его написано: Ես Խումարի որդի Վելիջանս կանգնեցի զխաչս 1527 թ.; это значит: « Я – сын Хумара Велиджан поставил сей крест 1527 года».

5) К северо-западу, верстах в 5, на высокой лесистой горе «Внеса - сар» есть древняя крепость, называемая «Внеса – гала» (Վնեսա–դալայ), т.е. крепость эта принадлежала владетелю того времени Ванесу. От нее теперь есть ветхая церковь без свода и остатки стен других бывших построек.

6) На юге Гадрута и в нескольких шагах к северо–востоку от сел. Ванк стоит на холме церковь по названию «Спитак – хач» (Սպիտակ խաչ), что значит белый крест. Об этом кресте в народе имеется следующее предание: несколько сотен лет тому назад один из бывших монахов того монастыря приобрел неизвестно откуда совершенно белый и блестящий крест, который, будучи после украшен серебром, занимал почетное место в монастыре. Монах, в виду своего личного интереса, с целью привлекать посетителей, распустил в народе слух, что будто бы крест этот вручен ему во сне Богом и что решившийся украсть его будет наказан крестом же, а крест, чудесным образом, опять вернется на свое место.

С того времени народ усердно посещал монастырь с дарами и жертвоприношениями. Недавно крест кем-то похищен. Но народ, по настоящее время, не перестает ходить.

7) На северо – западе от Гадрута, в 10-15 верстах, находится Тизафайтская гора, отличающаяся от других соседних гор своей высотой: на ней есть крепость, ставшая первым богомольным местом в Джебраильском и Шушинском уездах.

Об этой горе и крепости в армянской книге «Айсмавурк» (Յայսմաւուրք) сказано следующее: «Передовые воины грузинского царя, напав на Арцах (нынешний Карабах), берут в плен многих из учеников архимандрита Месропа[1], которые, после смерти его, остались в

[1] *Месроп-составитель армянской азбуки, гробницу которого я, будучи смотрителем Аштаракского училища, видел под алтарем нововыстроенной церкви сел. Ошаган, Эчмиадзинского уезда*

Арцахе. В числе пленных была одна женщина, по имени Такухи. Полководцу тех воинов нравится ее красота, почему он предлагает ей выйти за себя, но она, будучи христианкой, отказывается выйти за язычника. Тогда полководец приказывает разрезать ее в куски и разбрасывать по полю. Ночью, на куски трупа и кровавые капли ее падает небесный свет; случай этот приводит всех язычников в удивление. Они расспрашивают своих пленных священников, которые проповедуют им христианскую веру. После того полководец со своими двумя сыновьями и воинами принимает христианство и совершается крещение на празднике святой Пасхи. Затем собирают разбросанные куски трупа (мощей) той мученицы и хоронят на вершине одного холма, который называется, «Астхаблур» (Աստղաբլուր), что значит холм звезды. Узнав об этом происшествии, грузинский царь приказывает убить изменника – полководца и его последователей.

Тогда сыновья полководца, Мосес и Еранос, с воинами пускаются в бегство и избирают себе убежищем вершину Тизафайтской горы, куда следуют за ними воины царя. Разрубив их там, складывают куски трупов друг на друга в виде стогов сена и жгут их на костре: посему эта гора, после такого печального события, случившегося в V веке после Рождества Христова, и стала называться «Тизафайт» (Դիզափայտ)».

Это слово армянское: оно составлено из двух слов: «Тиз» и «файт» (դէզ և փայտ), из коих первое значит стог или складывание, а второе – дрова, из которых составляется костер. От имени горы Тизафайт получил название самый Тизакский участок, входящий в состав частью Шушинского уезда и частью Джебраильского.

Эта гора весьма высока и крута. В ясное время оттуда на протяжении 50-100 верст виднеются Аракс, множество сел и горы Персии.

От подошвы до вершины ее ведет зигзагами единственная каменистая и опаснейшая тропинка. Малейшая неосторожность на этом пути ведет к гибели. Вершина гор, за исключением лета, бывает покрыта снегом.

Религиозные армяне и отчасти местные мусульмане Шушинского и Джебраильского уездов летом, в начале осени и в конце весны, отправляются туда на поклонение мощам мучеников, а в остальное время года, по причине холода и снега, вершина ее делается недоступной.

На самой вершине ее, где, по преданию, сожжены несчастные воины, прежде не было никаких построек. Но в последнее время одна женщина того участка, с большим трудом доставив туда воду на ослах, построила одну сводчатую комнату. В ней, кроме небольшого алтаря, нет никаких образов и украшений; от горения восковых свечек стены покрыты копотью и исписаны на разных языках именами посетителей.

Возле Тизафайтского монастыря находится большой камень, из – под которого суеверные женщины вынимают по горсти черной земли. Если вместе с нею пшеничные зерна, то они бывают в полной надежде, что родят мальчиков, а если ячменные - наоборот, т.е. девочек. Суеверный народ полагает, что эти хлебные зерна будто бы остались от тех снопов, которыми сожгли там мучеников. Но из достоверных источников я узнал, что какой-то Мугдуси, житель одного из окрестных сел, каждый год накануне праздника Преображения Господня, носит туда по равной части пшеницы и ячменя и перемешивает с землею, под камнем.

В день праздника «Преображения Господня», называемого по местному «Вартавар» (վարդավառ), богатые и бедные армяне с различных концов двух уездов, приготовив заблаговременно съестных припасов и захватив по барану, с семействами отправляются на Тизафайтскую гору. В субботу, вечером, у подошвы ее собирается множество караванов. Каждый старается первым подняться на гору: толкотня бывает страшная.

На следующий день, в воскресенье, за недостатком воды и дров на горе, богомольцы спускаются и располагаются в лесу, по родникам у подошвы горы. Только на 2-й или 3-й день, наевшись, навеселившись вдоволь, возвращаются богомольцы домой.

Главные родники, при которых останавливаются богомольцы, следующие:

а) Родник «Коши -Агбюр» (Կոշի աղբիւր), который славится своей холодной и весьма здоровой водой.

б) Далее к западу от него есть другой родник по имени «Арджи – Агбюр» (Արջի աղբիւր), что значит Медвежий родник. О нем в народе существует следующее предание: В старинное время какой-то медведь, вышедши из соседнего леса, поднимается по Тизафайтской горе. Поднявшись до того места, где теперь находится названный родник, он от сильной жажды падает и начинает лизать землю и реветь, обращаясь лицом к небу. В этот момент, вдруг из земли забила ключом вода. Медведь, напившись холодной воды, продолжал свой путь, но, не доходя до вершины Тизафайтской горы, падает, пораженный ударом молнии. Родник же стал называться Арджи – Агбюр (Արջի աղբիւր).

8) Недалеко от Тизафайта находится чтимое место под названием «Охтэ- трни» (օխտը դռնի), что означает семь дверей. Охтэ-трни стоит на вершине одного холма и окружено лесом.

Оно состоит из ветхого каменного домика, без крыши, с одним входом снаружи и семью отделениями внутри; от последних семи отделений с особыми семью входами самое место получило в народе имя «Охтэ – трни». Сюда отправляются те лица, у которых болят глаза.

9) На юг от Гадрута, почти на половине дороги, ведущей в Джебраил, находится богомольное место под именем «Мина-Хорэн» (Մինայ – Խորէն). Мина имя сестры, а Хорен - брата. На Мина-Хорэн едут люди, страдающие ревматизмом.

10) К западу от Гадрута, около селения Сарэн – Шэн, есть богомольное место, называемое «Шахах», отчего и самое село получило название Шахах (Շաղախ). Сюда богомольцы едут в день праздника Вознесения Господня.

II. Внешний вид. Постройки. Вода для питья. Климат. Флора и фауна.

Прежде Гадрут мало отличался от других соседних деревень, но со времени основания здесь штаба, некоторые жители от подрядов доставлять разного рода провиант для названного штаба имели возможность наживать немало денег. Такие жители, смотря по своим средствам, в последнее время стали устраивать на европейский лад одноэтажные и двухэтажные дома с железными крышами. Но у простого или бедного сословия дома – под плоским или конусным навесом, который поддерживается деревянными столбами: последние очень близко размещены друг к другу, так что издали представляются будто бы сплоченными вместе, и виднеются только конусообразные отверстия для прохода света и выхода дыма. Материалом для построек служил лес, камень, известь, глина с песком и, в небольшом количестве, жженный кирпич. Для хозяйственных и общественных построек и для изделий, необходимых в хозяйстве поселянина, лесные материалы приобретаются за установленную плату из казенных или помещичьих лесов, находящихся к западу от Гадрута, на расстоянии 10-15 верст. Прочие же материалы доставляются в самом Гадруте и по близости его.

В целом селе существует только единственная улица, которая, начинаясь у штаба и не доходя до половины села, далее сужается и уже не представляет возможности проезду экипажам; все прочие улицы – узкие переулки, заваленные разным сором.

Штаб, церковь, некоторые по-европейски выстроенные дома, виноградные и тутовые сады с высокими ветвистыми деревьями, расположенные по подошвам гор и низменности, придают красивый вид этому ущелью.

Вода. Для питья употребляют воду из двух родников: Хор-Ахбюр и Шен–Ахбюр. Из них первый находятся на юго-восточной стороне села, около штаба, под большим многолетним чинаром: этот источник служит, собственно, для штаба; а второй – в южной части села, которым пользуются исключительно поселяне. Вода в обоих родниках чистая и весьма здоровая. Из Шен-Ахбюра воду доставляют крестьянки в глиняных или медных кувшинах; носят их на плече.

Климат. О климате в Гадруте я могу сообщить только некоторые сведения, состоящие из результатов моих личных наблюдений за два года. Зима здесь начинается с ноября, первый снег в 1885 году выпал в ноябре, а в 1886 году 20 сентября. Земля и вода (в лужах) начинают замерзать с 20 ноября, а в реках с декабря. Лед на реках трогается в начале марта и исчезает в конце. Первые грозы бывают в начале апреля, град - весною и летом. Весна начинается с апреля: она большей частью бывает туманная и дождливая. Первые весенние цветы: подснежник, фиалка и первоцвет весенний появляются со второй половины февраля и исчезают в конце марта. Почки на деревьях показываются в начале апреля, листья с деревьев опадают в октябре. Летние теплые дни начинаются с июня и продолжаются до 20 августа.

Осень начинается в конце августа; она сопровождается постоянными туманами и частыми, продолжительными дождями, изредка и снегом.

Распределить время, в течение которого шли дожди или снег в Гадруте, начиная с 1-го сентября 1886 года по 1-е июня 1887 года , можно так:

Месяц	Дождь	Снег
В сентябре:	15, 16, 17, 18 и 19.	20, 21, 22 и 23.
октябре:	не было	не было
ноябре:	не было	не было
декабре:	не было	26, 27 и 31.
январе:	не было	1, 2, 3, 8, 9 и 28
феврале:	не было.	1, 5, 10, 12, 13, 14, 15, 23, 24 и 25
марте:	9 и 27	10 и 11
апреле:	4, 5, 15, 16, 17 и 20.	7, 8, 9, 18 и 19.
мае:	1, 3, 4, 5, 6, 24, 25, 26, 27 и 28	Град - 10.

По этому распределению, в течение наблюдаемых мной 9 месяцев, шел дождь всего 23 дня, снег – 30 дней, град – 1 день. Все прочие дни были туманные и ясные. Первая гроза в 1887г. была 4 –го апреля.

Особенно сильные ветры в 1887г. были: 12 января с 10-12 ч. утра дул сильный ветер с востока на запад, а с 12 часов вечера – с запада на восток, 17-го февраля с 9ч. утра до 5 ч. вечера был сильный восточный ветер; 19, 23 и 24 февраля подул сильный ветер со снегом (метель) с востока на запад.

Флора. Растительность выражается следующими видами:

1) Неплодовые деревья: дуб, ольха, осина, ель, верба, ива и др.
2) Плодовые деревья и кусты: орешник, кизил, боярышник, шишка, алыча, яблоня, груша, шиповник, ежевика и т.д.

3) Травы, употребляемые жителями в пищу: подснежник, ма́льва, щавель, мята, крапива, спаржа и т.д.
4) Цветы и разные травы: ландыш, первоцвет весенний (разных видов), фиалка, лютик, бузина, василек, подорожник, белена, трилистник, лисий хвост, дикий лук, звездчатка и т.д.
5) Хлеба: пшеница разных сортов, как-то: кара-клчг, тегин – зарда, бозах, кукани, гарнани и др.; затем ячмень и просо.

Всякого рода хлеба всходят с апреля и поспевают в конце мая и в начале июня.

В садах растут:

1) Деревья неплодовые: тополь, верба, ива, чинар и др.
2) Плодовые деревья: яблоня, груша, орех, тута, персик, алыча, слива, кизил, шишка, айва, вишня, миндаль и виноград.
3) Овощи: лук, чеснок, картофель, капуста, репа, редиска, помидор, лоби, бобы, горох, мак, свекловица, тыква, огурец, перец, кориандр, базилик, кукуруза, морковь и др.

Календарь местной флоры на 1887 год.

	Названия растений.	**Когда образовались почки.**	**Когда раскрылись почки.**	**Когда расцвели.**	**Когда показались первые листья.**	**Когда отцвели.**	**Когда распустились листья.**	**Когда показались первые незрелые плоды.**	**Когда созрели плоды.**
1	Ива и верба.	1 марта	15 марта	18 марта	20 марта	-	10 апреля	-	-
2	Миндаль.	25 февр.	5 марта	10 марта	28 марта	5 апреля	15 апреля	28 апреля	-
3	Кизил.	20 февр.	4 марта	25 марта	28 марта	5 апреля	20 апреля	15 апреля	-
4	Персик.	2 марта	15 марта	28 марта	28 марта	15 апреля	15 апреля	20 апреля	-
5	Алыча.	3 марта	15 марта	28 марта	25 марта	13 апреля	10 апреля	25 апреля	-
6	Яблоня.	15 марта	25 марта	5 апреля	25 марта	15 апреля	15 апреля	20 апреля	-
7	Груша.	15 марта	25 марта	5 апреля	25 марта	15 апреля	15 апреля	20 апреля	-
8	Черешня.	2 марта	22 марта	25 марта	5 апреля	15 апреля	15 апреля	18 апреля	20 мая
9	Вишня.	2 марта	25 марта	8 апреля	5 апреля	15 апреля	15 апреля	20 апреля	-
10	Слива.	3 марта	12 марта	15 марта	20 марта	12 апреля	15 апреля	20 апреля	-
11	Курага.	3 марта	22 марта	25 марта	28 марта	28 марта	15 апреля	20 апреля	-
12	Пшат или лох.	20 марта	24 марта	4 апреля	25 марта	20 апреля	25 апреля	12 мая	-
13	Тута.	5 марта	30 марта	10 апреля	12 апреля	-	20 апреля	20 апреля	25 мая
14	Виноград.	15 марта	10 марта	15 апреля	15 апреля	-	25 апреля	1 мая	-
15	Айва.	25 марта	27 марта	2 апреля	30 марта	15 апреля	25 апреля	10 мая	-
16	Орех.	25 марта	5 апреля	10 апреля	28 марта	-	15 апреля	28 апреля	-
17	Шишка.	30 марта	5 апреля	10 апреля	3 апреля	25 апреля	20 апреля	20 апреля	-
18	Крыжовник.	20марта	25 марта	5 апреля	28 марта	15 апреля	25 апреля	30 апреля	-
19	Орешник.	20 марта	23 марта	3 апреля	25 марта	10 апреля	15 апреля	15 мая	-
20	Гранат.	1 апреля	20 апреля	28 мая	20 апреля	20 июня	15 мая	25 июня	-
21	Боярышник.	25 марта	10 апреля	15 апреля	9 апреля	20 апреля	25 апреля	5 мая	-
22	Дуб.	25 марта	28 марта	-	30 марта	-	15 апреля	-	-
23	Роза.	25 марта	25 апреля	3 мая	15 апреля	-	20 апреля	-	-
24	Шиповник.	25 марта	20 апреля	1 мая	15 апреля	-	20 апреля	-	-

Фауна. 1) Домашние животные здесь - лошадь, катер, осел, буйвол, бык, корова, коза, баран. Для перевозки тяжестей, преимущественно, употребляются лошадь, катер и осел, а для земледельческих работ – бык и буйвол. Все домашние животные зимою живут в теплых хлевах и кормятся сеном и саманом, а в прочие три времени года пасутся на пастбищах, под надзором

одного или двух пастухов, которые получают за каждую голову скота известное, по условию, вознаграждение деньгами или хлебными зернами.

2) Из диких животных водятся: медведь, волк, лисица, заяц, белка, коза (дикая), крот, ласка; иногда в больших лесах попадается олень, а в местностях близ Аракса – джейран, серна и водяная собака (выдра?).

3) Из домашних птиц – курица, гусь, индейка и утка.

4) Из диких птиц – фазан, куропатка, курочка, перепелка, дятел, кукушка, удод, сорока, ворона, коршун, ястреб, сова, филин, орел, кобчик, воробей и др.

5) Из перелетных и певчих птиц – соловей, ласточка, щегол, чиж, дрозд, жаворонок, скворец и др.

6) Из пресмыкающихся водятся: уж, ящерица, черепаха, саламандра и др.

7) Из насекомых – золотой жук, навозный жук, саранча, сверчок, кузнечик, стрекоза, пчела, паук, бабочка и др.

III. Численность населения; земля, повинности и орошение; занятия землей, виноделием, торговлей, шелководством.

Численность населения. Коренных жителей в Гадруте вначале, было очень мало: нынешние жители большей частью переселенцы из разных местностей, обретшие здесь убежище от нашествия персов. В селе Гадрут, по камеральному описанию 1863 года, было семейных крестьян 287, а одиноких -151, всего - 438 крестьян.

По камеральному описанию 1873 года, в Гадруте и в его окрестных селах было:

	НАЗВАНИЕ СЕЛ	Число дымов	Число душ	
			Мужского пола	Женскаго пола
1	В Гадруте	196	801	-
2	Тагасыре	84	328	-
3	Ванке	24	110	-
4	Таанке	27	143	-
5	Норашене	12	68	-
6	Кермакуче	36	121	-
7	Кочбеге	16	53	-
	Итого	395	1,624	-

По последнему камеральному описанию 1886 г., оказалось:

	НАЗВАНИЕ СЕЛ	Число дымов	Число душ	
			Мужского пола	Женскаго пола
1	В Гадруте	252	1,040	833
2	Тагасыре	104	452	379
3	Ванке	30	150	109
4	Таанке	33	171	130
5	Норашене	17	111	108
6	Кермакуче	47	231	220
7	Кочбеге	20	66	56
	Итого	503	2,221	1,835

Число дымов и душ камеральнаго описания 1873 года, сравнительно с последним описанием 1886 года, увеличивается в следующем размере:

	НАЗВАНИЕ СЕЛ	Число дымов	Число душ	
			Мужского пола	Женскаго пола
1	В Гадруте.....	56	239	-
2	Тагасыре.....	20	124	-
3	Ванке	6	40	-
4	Таанке	6	28	-
5	Норашене.....	5	43	-
6	Кермакуче	11	110	-
7	Кочбеге.....	4	13	-
	В семи селах увеличилось всего на	108	597	-

Участковая земля. Согласно камеральному описанию 1863 года, всех крестьян в Гадруте было 438. Из них пользовались землей 425 крестьян, а не пользовались вовсе землей 13. Всей земли в пользовании поселян под усадьбами, садами виноградными и тутовыми, а также полевой – пахотной оказалось 591 десятина и 508 ½ квадратных сажен. Что же касается до земли сенокосной, то таковой вовсе не имеется, а сенокос производится исключительно по садам виноградным и тутовым, для довольствия домашнего скота, на некоторое время года.

Всех поселенских участков в Гадруте 140. Особого выгона для пастбища скота, при селении Гадрут, по крайней малоземельности, не имеется, но в пользовании поселян находится ныне два участка, неудобные ни для хлебопашества, ни для сенокоса, по каменистому грунту и крутизне и покрытые кустарником. Первый – мерою в 138 десятин 1,300 кв. саж., второй – в 50 десятин 450 кв. саж.. Они-то и служат местом для выгона и пастбища скота, безвозмездно. Водопой для скота дают Гуней – чай и Гузей – чай. По неимению при Гадруте леса, для топлива жители пользуются безвозмездно кустарником произрастающим на участках.

Участки земли, занимаемые ныне: а) тремя общественными кладбищами (одно мерой в 1,520 квадрат. сажень, другое – 1,350 квадрат. саж., третье – старое, оставленное вследствие близости к селению, в 1,500 квадрат. саж.) и б) церковью с папертью, мерой в 105 квадр. саж., составят вместе 4,475 квадр. сажень.

Повинности. В счет земледельческой повинности (малджагат), поселяне платят землевладелице, Софье Мирзоевой, десятую часть урожая всех земных плодов. По взаимному соглашению ее доверенного с поселянами, установлены правила о порядке определения и взыскания таковой повинности, а именно:

1) С шелковичных садов взимают десятую часть кокона, весом, в сыром виде.
2) С садов виноградных - десятую часть сусла, маджар (матчар?), или шира, с выжимками, на меру жидкостей.
3) Вообще со всех земных произведений обыкновенно взимают десятую часть урожая, мерой или счетом (с хлеба снопами (счетом) или зерном, для удобства перевозки, и в таком случае на вес или меру, без выделения самана).

К обыкновенному, приблизительно, времени образования и выхода шелковичных коконов, как раннего произведения, не терпящего отлагательства, а затем, последовательно, ко времени уборки других произведений земли (начиная с 1-го июня), землевладелица, получив известие от поселян о готовности сбора, обязана или прибывать сама, или же присылать своих доверенных (дарга), для определения и назначения количества и меры следуемого малджагата, именно - десятой части урожая, в чем от нее или ее доверенных выдаются квитанции каждому

поселянину; а поселянин, в свою очередь, выдает им, т.е. землевладелице или ее доверенным, такие же квитанции о количестве и мере малджагата, с него следуемого и взаимно определенного.

Кроме сей повинности, жители Гадрута, взамен обязательных рабочих дней, должны вносить за каждую десятину состоящей в их пользовании удобной земли, как усадебной, так и полевой, по 30 коп. ежегодно, что составит, по числу 591 десятину и 508 ½ квадратных саж., 171 руб. 36 коп.

Орошение. В селе Гадрут имеется главных оросительных канав три: Гуней - чай, Гузей - чай и Гозлу - чай; второстепенных - семнадцать. Последние проведены из главных канав: из Гуней – чая - пять, из Гузей - чая - пять, из Гозлу - чая - семь.

Занятия. Занятия здешних жителей весьма разнообразны: они занимаются садоводством, огородничеством, земледелием, скотоводством, торговлею и разными ремеслами. Некоторые из ремесленников и торговцев, покидая на целые годы свою родину и семью, отправляются за заработком в Закаспийский край, одни – надеясь на свои ремесла, другие с целью поступить в приказчики или слуги, третьи – вести торговлю.

Сады здесь преимущественно виноградные, изредка попадаются тутовые. Виноградные кусты на зиму не зарывают в землю, как в Эриванской губернии, а во всякое время года оставляются на открытом воздухе. С наступлением же весны привязывают их к кольям, называемым по местному кюлусар: их втыкают одним концом в землю, около каждого виноградного куста. Виноград во всех садах бывает, исключительно, одного сорта, именно - темно-красный, овальной или круглой формы, с крупными зернышками и толстой кожицей; из него получается вино слабое, кисловатое, темно-красного цвета. Сбор винограда начинается с 15 сентября и продолжается до конца месяца. Если судить по вкусу, здешнее вино заключает в себе малый процент спирта. Вследствие слабости, оно не доживает до следующего урожая: от влияния летней жары оно скоро портится и делается негодным для питья. Вино хранится в больших глиняных кувшинах, называемых карасами (կարաս), конусообразной формы. Они вкопаны в землю. Карасы бывают различной величины (от 3 до 15 кож). Почти каждый гадрутец имеет свой собственный виноградный сад, откуда получает несколько кожей вина. Для измерения вообще всякого рода жидкостей между жителями Шушинского, Джебраильского и Зангезурского уездов принято употреблять кож. Приведем здесь, кстати, и другие местные меры, по их видам:

1) Меры жидких тел.

Карас содержит от 3 до 15 кож.
Кож . . . . . 12 пhарч, или 48 фунтов.
Пhарч . . . . . 2 ¼ бутылки.
Кож . . . . . около 2 ведер.
Ведро вина или водки весит 28 фунтов.
(1 кож местного вина стоит от - ,, 80к. – 2 руб.
1 кож местной водки ,, ,, 5р. - ,,- 7 ,,)

2) Меры сыпучих тел.

Четверть содерж. 12 лак, или 24 чанаг, весит 9 пуд.
Чувал . . . . . 10 лак, или 20 чанаг, весит 7 ½ п.
Лак . . . . . .2 чанаг, весит 30 фунтов.
(Чувал пшеницы . . . . . .от 3р. 60к. до 5р. 50к.
,, ячменя (вес. 5-5 ½ п.) ,, 1 ,, 40 ,, - 2 ,, - ,,
,, проса (вес. 7 ½ пуд.) ,, 1 ,, 60 ,, - 2 ,, - ,,

3) Меры тяжести.

Фунт содержит 96 мискал.

Мискал . . . . . 24 нухуд , или 1 золотник.

Стил . . . . . 8 куриных яиц, или 4 руб.

Руб . . . . . .2 „ яйца, или ¼ фунта.

В Гадруте есть неусовершенствованные винокуренные заводы: их – 46. Здесь водку гонят из тутовых ягод, виноградных выжимок и остатков старого вина. Заводы по величине весьма разнообразны. Главная принадлежность завода – котел, вместимостью от 5 до 22 ведер. Куб, или, вернее, медный котел, накрываемый при выделке водки, медной или глиняной выпуклой крышкой, имеет рукав, упирающийся в деревянное корыто, в коем погружена медная холодильная труба.

Земледелие, скотоводство и огородничество, по причине малоземельности для гадрутцев составляют маловажные занятия. Почва здесь преимущественно – чернозем. Средний урожай сама - пять (?). Землю пашут сохою (?), для чего запрягают по паре буйволов и волов или три пары волов.

Домашнего скота на все селение приходится так: 10 лошадей, 20 катеров, 36 ослов, 70 коров, 50 быков, 20 буйволов и 300 коз; всех животных насчитывается до 506 голов, средним числом на каждый двор, при 252 дымах, приходится две головы.

В здешних огородах преимущественно разводятся лук, картофель, капуста, свекловица, морковь и помидор, которыми снабжается проживающий здесь 1-й Полтавский конный полк, а остальное, вместе с др. овощами, идет для своего домашнего употребления.

В Гадруте два базара, из коих один находится в самом селе и называется сельским базаром (Շէն կամ գիւղի բազար), а другой – около штаба и называется штаби или Хор – ахбюри базар (Շտաբի կամ Խոր – աղբիւրի բազար); он находится к востоку от первого на расстоянии около 150 сажен.

Сельский базар состоит из 25 лавок: из них 6 принадлежат лицам, торгующим мануфактурным товаром; 3- серебряных дел мастерам; 2 - красильщикам; 1- европейскому сапожнику; 1 - азиатскому сапожнику; 12 лавок с табаком, папиросами и разным мелочным товаром; кроме этого - 5 кузниц; всего 30 помещений.

Базар при штабе состоит из 15 собственно лавок: 1 (полковая) лавка напитков, табаку, папирос, красного товара и разных съестных продуктов: при ней же пекарня и мясная; 7 лавок мануфактурного и разного красного товара, 3 – мелочных, 2 духана с трактирами, 2 пекарни; 1 лавку занимает серебряных дел мастер, 3 – оружейных дел мастера; сверх этого 10 кузниц. На этом последнем базаре всего 25 помещений.

Товары для всех лавок покупаются в Шуши, отстоящем от Гадрута на 60 верст к северо-западу, и доставляются сюда на лошадях, вьюками. Извозом товаров занимаются сами гадрутцы и жители ближайших деревень (Чиракуз, Таг, Туг, Азух, Мамеда – дцор и др.) Шушинского уезда. За доставку товаров платится по 20-25 коп. с пуда.

В лавках и духанах, наряду с мелочным и красным товаром и напитками, можно встретить посуду, табак, папиросы, крупу, фотоген, фуражки, учебные книги, тетради, ветчину, масло, сыр, яйца, деревянные и железные орудия для земледелия и для домашнего употребления. Товары продаются жителям окрестных деревень, самим гадрутцам, казакам и офицерам местного штаба[1].

[1] *Средняя цена предметов первой необходимости такова:*

Интересно, что, проходя по базару, можно у дверей некоторых лавок встретить детей с армянскими букварями в руках; бедные детишки, во всякое время года сидят, поджавши ноги, на сырой, голой земле, даже иной раз и в грязи: это учит их армянской грамоте по патриархальному методу полуграмотный лавочник – армянин, получая за свой труд с каждого мальчика 15-30 коп. в месяц или взамен денег, заставляя их служить в лавке.

	Таблица лиц, по роду их занятий.	Мастера.	Подмастерья	Всего.
1.	Каменщиков	60	40	100
2.	Плотников	3	-	3
3.	Бондарей	3	2	5
4.	Кузнецов.	6	4	10
5.	Красильщиков.	4	4	8
6.	Оружейников.	6	-	6
7.	Портных	1	-	1
8.	Подковщиков(?)	6	2	8
9.	Жестяных дел мастеров	1	-	1
10.	Мельников (по числу мельниц).	6	-	6
11.	Сапожников европейских.	1	3	4
12.	„ азиатских.	1	3	4
13.	Папахчи (шапочников).	2	1	3
14.	Кожевников и скорняков	1	-	1
15.	Костоправов.	1	-	1
16.	Бабок.	3	-	3
17.	Зурначей	2	2	4
18.	Пурщиков (в азиатских пекарнях, пурнях).	6	-	6
19.	Цирюльников	3	1	4
20.	Серебряных дел мастеров.	3	2	5
21.	Кирпичников	2	-	2
22.	Мясников (резников).	4	-	4
23.	Торговцев	60	20	80
24.	Пастухов	2	-	2
25.	Гробовщиков	1	-	1
	Общее число всех	188	84	272

Шелкомотальная фабрика. В южной стороне села существует с 1877 года шёлкомотальная фабрика, принадлежащая трем товарищам: гадрутцу Гули Акопову, шушинцу Ивану Зорабову и норашенцу Аваку Исаханову.

В течение года она работает только с апреля до ноября месяца, а в остальные четыре месяца остается в бездействии. Эта фабрика в течение 8 месяцев приготовляет от 50 до 60 пудов шелку, который продается во Францию, по 250-300 рублей за пуд. На приготовление одного пуда шелка расходуется 50-60 рублей. Один пуд шелка получается из 20-22 пудов сырых коконов или из 8-9 пудов сухих коконов. Кокон производится из японских шелковичных яичек. Шелк этой фабрики был на двух выставках: Московской, в 1882 году, и Американской (?), в 1883 году; причем на первой выставке удостоился бронзовой медали, а на второй – золотой.

1 фунт хлеба.	*1 фунт масла.*	*1 фунт сыру.*	*1 фунт баранины.*	*1 фунт говядины.*	*1 фунт свинины.*	*1 курица.*	*10 яиц.*	*1 бутылка молока.*	*1 бутылка вина.*	*1 бутылка водки.*	*1 фунт фотогену.*	*Цена квартиры в одну комнату.*
2 ½ к.	*25 к.*	*10к.*	*7 к.*	*5 к.*	*4 к.*	*15 к.*	*6 к.*	*10 к.*	*10 к.*	*25 к.*	*3 к.*	*40 руб.*

На этой фабрике работают исключительно девушки бедных родителей и вдовы жителей Гадрута и окрестных деревень. Каждая работница получает в день от 10-35 коп. Труд приказчиков оплачивается так: 1) азиатский (?) самоучка – механик получает в месяц жалованья 25 руб.; 2) мотальщик, он же крутильщик ниток, - 20 руб.; 3) руководитель работниц, он же надзиратель, - 20 руб. Кочегар, он же сторож, получает 15 р. жалованья.

Число всех служащих на фабрике лиц таково:

Приходо – расходчиков (кто-либо из хозяев) 1
Приказчиков. 3
Кочегаров. 1
Работниц 40

Всего 45

IV. Училище и школа. Другие разные правительственные и общественные учреждения в Гадруте.

Число учеников в двухклассном земском нормальном училище в 188 3/6 учебном году было 65, а в 188 6/7 учебном году, по причине тесноты училищного помещения, уменьшилось до 62.

Число учеников - 62, в отношении к числу дымов гадрутского общества (в состав которого входят жители трех сел: Гадрута, Тагасыра и Ванка) – 386, составляет более 16%. Это же число учащихся мальчиков, в отношении к числу душ обоего пола – 2,963, составляет более 2%.

В течение двух лет существования училища было подано прошений более 100, а общее число желающих учить своих детей около 200. Такое число ясно доказывает, что у здешних армян чувствуется стремление к образованию.

Помещение для училища и его учителей, отопление и освещение отпускаются от гадрутского общества натурой; от него же дается и сторож.

Есть еще армянская церковно – приходская одноклассная мужская школа. Она открыта в первый раз в 1881 году и закрыта в 1884 году; но 15 ноября 1886 года снова открыта, в составе одного класса, с 40 учениками. Школа эта содержится на процентные деньги с 1,000 рублей (пожертвование гадрутского жителя Маркара Тер-Восканова). Сверх того взимается с каждого ученика в год по 5 руб., за право учения, что составляет всего 200 руб., из коих учителю дается жалованье в год 150 руб., и на наем помещения школы идет 30 руб. – При этой школе три попечителя.

Сельская администрация состоит из сельского старшины, помощника, или кандидата его, и чавуша.

Сельский суд составляют три лица – судьи: один из Гадрута, другой из Тагасыра и третий из Ванка. Заседание и разбор дел бывают только по воскресным дням и совершаются под открытым небом. По сельскому положению, им дано право наказывать виновных денежным штрафом от 1-3 руб. или арестом на 1-7 дней, а также постановлять решения о взыскании по распискам или векселям от 1 до 100 руб. Для записывания постановлений и решений по разным подсудным крестьянским делам, у них есть шнурованные книги.

Как первые (т.е. лица сельской администрации), так и вторые баллотируются обществом, через каждые три года и служат безвозмездно.

Открытие ныне существующего земского училища и взятие с общества мирского приговора по этому делу отчасти обязаны деятельности бывшего старшины гадрутского общества, Хосрова Абалова.

Земская сельская аптека с приемным покоем, как это видно из сообщения сельского врача, г.Уразова, открыта 12 апреля 1885 г. При ней находится приемный покой с четырьмя постоянными кроватями, из коих две для женского пола и две для мужского. Кровати помещаются в двух отдельных комнатах; при них имеются две прислуги, женского и мужского пола.

Личный состав служащих состоит из одного врача, трех фельдшеров и одной повивальной бабки. Аптека открыта исключительно для жителей Джебраильского уезда. В приемный покой принимаются стационарными больными только для подачи первоначальной необходимой помощи.

Приемный покой отпускает бесплатно медикаменты и дает врачебные советы всякому крестьянину, только Джебраильского уезда. В 1886 году принято 3,687 больных.

В случае появления в уезде заразных болезней и вообще в случаях надобности врач с фельдшерами разъезжает по селам и деревням и предпринимает меры к устранению таких болезней.

Годовое содержание личного состава и приемного покоя выражается в следующих цифрах:

Содержание приемного покоя . . . . . .1,100 р.
Врачу жалованье, квартирных, столовых и разъездных . . . . .1,655 „
Старшему фельдшеру. . . . . 375 „
Младшему фельдшеру . . . . . .310 „
Ветеринарному фельдшеру . . . . . .245 „
Повивальной бабке . . . . . .310 „

Итого. . . . . .3,995 „

Мировой отдел. Согласно обязательно доставленному мне г. следователем Бельдзешевским сведению, с 1868 по 1875 год Гадрут принадлежал по администрации Шушинскому уезду, а по судебной части - Шушинскому Мировому отделу и входил в состав Агдамского Мирового участка. С 1875 года, с образованием отдельного Джебраильского уезда, образован и отдельный Мировой отдел того же уезда. Помещение Мирового отдела с 1875 года до 1882 было в Джебраиле, а с 1 января 1882 года в Гадруте. Штат этого Мирового отдела составляют следующие лица: 1) Мировой судья, 2) помощник его, или следователь, 3) судебный пристав, 4) делохранитель, 5) переводчик местных языков при следователе, и 6) четыре канцелярских писца: из них Мировой судья, помощник его, пристав и делохранитель служат по назначению от Правительства, а все остальные - по вольному найму.

Содержание Мирового судьи в год .....2,400 руб.
„ следователя ..... 1,700 „
Ему же отпускается на наем переводчика и на канцелярские расходы... 400 „
Содержание пристава ..... 600 „
„ делохранителя.....450 „
На наем четырех канцелярских служителей .....500 „
„ сторожа.....100 „
„ всадника .....100 „
„ помещения.....240 „
На хозяйственные и др. мелочные канцелярские расходы.....600 „

Итого..... 7,090 руб.

Мировой посредник. В Гадруте живет Мировой посредник Джебраильского отдела, под ведомством которого находится меньшая часть Шушинского уезда и весь Джебраильский уезд, за исключением только некоторых обществ по течению реки Акару, Зангезурского уезда. Должность эта открыта здесь с 1870 года. Личный состав сего учреждения состоит из Мирового посредника и переводчика местных языков. Название и утверждение в должности Мирового посредника зависят от главноначальствующего, а назначение переводчика от губернатора.

На содержание канцелярии, на наем рассыльного и другие издержки по отправлению должности Мировому посреднику Джебраильского отдела назначено в безотчетное распоряжение ежегодно по 2000 рублей; никакого другого оклада по своей должности он не получает. Переводчик местных языков получает в год содержания 600 руб. Расход на этот предмет производится из местных доходов края.

Телеграфная станция. Она открыта 25 декабря 1880 года. Личный состав состоит из начальника станции и двух телеграфистов.

Содержание станции определяется так:

Начальнику станции, при казенной квартире, жалованье и столовых….720 руб.
Телеграфисту с чином .....354 „
Телеграфисту без чина..... 276 „
На наем помещения для станции, начальника и телеграфистов..... 240 „
„ рассыльного.....156 „
На отопление, освещение и др. хозяйственные расходы..... 230 „
„ ремонт, приблизительно, средним числом .....120 „

Итого.....2,096 руб.

Из акцизных чиновников в Гадруте живут двое: 1) Старший питейный Контролер и 2) один надсмотрщик.

Содержание контролера с разъездными.....1,050 руб.
„ надсмотрщика.....620 „

Итого.....1,670 руб.

Штаб с лазаретом. Он находится к юго-востоку от Гадрута на полверсты. Этот штаб прежде был в западной части соседней деревни - Ванк, в составе лазарета (почему и самое место получило название «урочище Ванк»). Основание его в Ванке положено в 1838 году. Отсюда он перенесен на нынешнее место в 1847. Все время существования его составляет 49 лет.

При штабе стоит Первый Полтавский конный казачий полк Кубанского войска.

Дома здесь одноэтажные и устроены на европейский лад; комнаты расположены в известном порядке и снабжены приличной обстановкой. Вокруг всех домов, за исключением квартиры полкового командира и казармы, обведена невысокая стена. Эти дома, будучи расположены на террасе и частью на ровной площади, издалека имеют красивый вид.

V. Жилище, домашняя обстановка. Пища, одежда. Язык и религия гадрутцев.

Жилище, домашняя обстановка. С внутренней стороны жилище гадрутца имеет вид четырёхгранной пирамиды, основанием которой служат четыре стены, окруженные снаружи, большей частью с трех сторон, землею. Плоские крыши таких домов представляют местами одну сплошную площадь, на которой виднеются только конусообразные возвышения с дымопроводными отверстиями. В каждом углу, на высоте стен, вертикально вбиты одним концом в землю или укреплены на каменной подставке по одному толстому четырехгранному столбу, называемому по-местному сун или сутун (սիւն կամ սիւթուն). На них, по направлению длины стен, кладутся четыре толстые балки, или правильнее, круглые бревна. Затем на этих последних наклонно возвышаются круглые или неправильные четырехгранные стропила, плотно соприкасающиеся друг с другом боками. Таким образом, получается четырехгранная пирамида, имеющая основанием четырехгранное тело, а боковые стороны - четыре треугольника с отсеченной вершиной, оканчивающейся отверстием для прохода света и выхода

дома. Когда все это сделано, для закрытия снаружи всех дырок и щелей настилается крыша, сначала соломой, за ней колючками, а под конец сверху насыпается земля. Крыши таких жилищ, несмотря на толстый слой насыпанной земли, все-таки протекают даже во время небольшого дождя. Ввиду этого обстоятельства, заботливые хозяева, при начале дождя, как только земля немного размягчится, начинают бить крышу особым, приспособленным к тому домашним орудием до тех пор, пока все трещины закроются, и течь, таким образом, прекращается. Орудие это делается из деревянного шеста длиною около сажени, к одному концу которого прикрепляется баранья или козловая шкура.

Для варения пищи и нагревания жилища в самой середине его разводится огонь, отчего внутренность жилища покрывается сажей и копотью, а все домашние вещи желтеют. Вот почему подобного рода жилище по-местному называется карадам (դարադամ), что означает черный дом или черная хата или изба.

При входе в карадам гадрутца прежде всего бросается в глаза очаг, где пылает огонь; вокруг него обыкновенно располагаются на разостланных коврах и паласах, поджавши ноги, все члены семьи. Отец как старший член семьи и глава дома занимает почетное место около самого очага. В одном из углов жилища хорошего, домовитого хозяина помещаются разной величины кувшины с маринованными или посоленными овощами: здесь вы найдете капусту, похи (перекати – поле), огурцы, помидоры, перец, и проч. В другом углу лежит большое деревянное корыто с печеными круглыми и плоскими хлебами, называемыми, по местному, проз (պրոզ).

В третьем стоят мешки, по местному, чувал, вытканные из овечьей шерсти, с мукою и другими хлебными зернами. В четвертом углу помещается курятник, над которым лежат земледельческие орудия, остатки шкур и кож убитых или издохших от разных болезней домашних животных. Перед одною стеною, вдоль ее, сделана деревянная тахта, с аршин высотой и около 10 аршин длиной, куда укладывают постель и другие домашние вещи, а под тахтой прячут посуду. Около другой стены стоят карасы с водкой. На стенах развешаны сушеные овощи, веревки, маленькие мешки с орехами и другими сушеными фруктами. Освещается жилище гадрутца одной глиняной лампадой, в которой горит черная нефть; фитиль делается из остатков старых, совершенно изношенных бумажных материй. Всякого рода горячие кушанья готовятся женщинами на очаге, а хлеб два раза в неделю пекут в тондыре.

Для топлива употребляются исключительно дрова, которые доставляются из окружающих казенных и помещичьих лесов. Кубическая сажень таких дров продается здесь от 1,2-1,5 руб. и более, лошадиный вьюк 35-60 коп., ишачий -15-35 коп.

Пища. Все жители употребляют пшеничный хлеб, состоятельные же крестьяне, проживающие здесь шушинцы и чиновники (из армян) пекут дома каждый раз из 10-12 пудов муки, тонкий и продолговатый хлеб называемый по-здешнему лаваш (լաւաշ); хлеб этот в длину более аршина, а в ширину ¼ арш. После печения лаваши сушатся на солнце и затем уже складываются друг на друга на особо приготовленном месте, и сохраняются по целым месяцам. Затем каждый день, по мере надобности, берут несколько штук таких лавашей и немного сбрызгивают с руки водой, отчего они делаются мягкими и годными для еды. Здешний хлеб отличается своим белым цветом, мягкостью, хорошим вкусом и, несомненно, питателен.

В каждый из скоромных дней, осенью и зимою, в Гадруте режется, средним числом до пяти быков или коров и до 10 баранов и свиней. Здешние, как и карабахские, бараны отличаются от эриванских и нахичиванских тем, что хвост у них гораздо меньше и мясо вкуснее, чем у последних.

Баранина ценится дороже говядины: фунт баранины продается от 5-10 коп., тогда как говядина от 3-5 коп.

В скоромные дни гадрутскими армянами употребляются следующие кушанья: 1) плов (փլով), 2) клолак или кувта (գլոլատկ կամ քուվտայ), 3) долма (դոլմա), 4) бозбаш (բոզբաշ), 5) лула – кабаб (լուլաքաբաբ), 6) шашлык или хоровац (խորոված), 7) куркут с мясом, род хариси, (կուրկուտ կամ հարիսա), 8) тану-панджар (спас или апур) (թան ու բանճար), 9) сыр (պանիր), 10) масло (իւղ), 11) молоко (կաթ), 12) кислое молоко (մածուն), 13) катов – джаш (կաթով ճաշ), 14) мса-джаш (մսաճաշ), азиатский суп и 15) яичница (իւղաձու).

В постные дни употребляются: 1) лоба – хашу (լոբախաշու կամ լոբաճաշ), 2) цетов (постное масло) плов и кашовы (ձէթով փլավ և քաշովի), 3) бозбаш с грибами или картофелем и постным маслом (կարտուփլով կամ սնզով բոզբաշ), 4) хашхашов шорва (хашхаш значит мак) (խաշխաշով շորվայ կամ ճաշ), 5) качап (կաջապ),6) хашиль (խաշիլ), 7) кчехашь (գջեխաշ), 8) картофель (գետնախնձոր), 9) репа(պոռկ), 10) лук (սոխ),11) маринованная капуста и похи (перекати-поле) (թթվում դրաց կաղամբ և բոխի), 12) огородная зелень и некоторые полевые травы, как то: мальва, щавель, подснежник, спаржа и др.[1]

Одежда. Все жители Гадрута мужского пола, кроме служащих, поверх рубахи носят архалук, доходящий до колен, с рукавами по длине рук. Верхним платьем служит чуха или черкеска, сшитая из местного грубого сукна или из лезгинского; лезгинское сукно или шаль гадрутцы приобретают в Шуши . Из такого же сукна носят брюки или шаровары. Чуха или черкеска зимою у многих заменяет пальто.

Шубу и тулуп из овечьей шкуры и пальто из лезгинского сукна носят только состоятельные лица. Архалук опоясывается более или менее ценным поясом с серебряными пуговицами, ценой от 10-20 рублей. На голове мужчины носят конусообразную или цилиндрическую папаху из бараньего меха, с короткой и курчавой шерстью. В последнее время многие из молодых стали носить европейские шапки с козырьками. Мало-мальски образованные гадрутцы ходят в сапогах, другие в азиатских кошах, некоторые же в лаптях. Женский пол, одетый по-грузински, носит полусапожки, а все остальные женщины - азиатские коши, называемые здесь сагри башмак или чмошк.

Головной убор у здешних и вообще карабахских армянок. Он состоит из следующих вещей:

1) Таки лачак (տակի լաչակ).
2) Клха – шор (գլխաշոր).
3) Пали или тач (պալի կամ թաջ).
4) Джакатаноц (ճակատանոց), с золотыми или серебряными монетами.
5) Чанабант с золотыми или серебряными шариками или пуговицами (չանաբանդ ոսկի կամ արծաթի բոժոժներով).
6) Кеткал, под который кладут мягкий волан или подушечку для втыкания булавок (քեթկալ, որի տակին դնում են խրնլու փափուկ բարձ կամ տալու քորոցները ցցելու համար).
7) Коли – лачак (կոլի լաչակ).
8) Большой шелковый чергат, или чершав (платок или покрывало) (մեծ աբրեշումի չարդաթ կամ չարշաւ).

[1] *Здесь я ограничился только наименованием местной пиши, по той причине, что бывшим учителем Эриванской гимназии, г. Зелинским, было довольно подробно составлено описание пищи у армян (см. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.» Выпуск II.Отд. II. Стр. 73-84). У нас говорят также, как у эриванцев, только с некоторой незначительной разницей. Авт.*

Старинный головной убор у карабахских старух – армянок.

1) Таки лачак (տակի լաչակ).
2) Клхи или вереви лачак (գլխկի կամ վերևի լաչակ).
3) Варси – аглух (վարսի աղլուխ).
4) Тапа или джакатаноц с серебряными монетами. (թափա կամ ճակատանոց արծաթի փողերով).
5) Поза – шор (պոզա - շոր).
6) Чинабант с серебряными шариками или пуговицами (չինաբանդ արծաթի բոժոժ-ներով).
7) Большой чершав или лачак, или шаль (չերշավ կամ լաչակ կամ շալ).
8) Коли Шамаху аглух, заменяющий бородку (Գոլի Շամախու աղլուխ, որը միրուքի տեղ է բռնում)

Вообще же платьем служат: 1) цилиндрическая рубаха, по длине всего тела, с рукавами и особыми узорчатыми нагрудниками; 2) узкие кальсоны или панталоны с теплою подкладкою; немного повыше ступни надевают когер (քողեր), сотканный из шерсти пополам с шелком; 3) поверх рубахи надевают архалук; 4) затем носят бархатную или шелковую шубу, по длине роста, с длинными висячими рукавами; сверху шуба опоясывается шелковым или бумажным коти (кушак).

Язык и религия. Так как Гадрут населен исключительно, армянами то все говорят на армянском языке, примешивая к нему татарские и русские слова. Армяне при встрече с татарами говорят по-татарски, а с русскими по-русски.

После принятия русского подданства и основания здесь штаба жители, часто вращаясь между русскими, имели возможность научиться говорить по-русски: теперь почти всякий безграмотный поселянин в состоянии говорить по-русски. Открытием же в 1885 году здесь земского нормального училища дана возможность молодому поколению получать правильное первоначальное образование. Все жители Гадрута армяно–григорианского исповедания. В центре села находится весьма красивая армянская церковь. В этой церкви служат два армянских священника, которые жалованья не получают, а живут на добровольные вознаграждения за совершаемые ими обряды.

VI. Свадьба. Различные обряды при рождении и крещении, похоронах и поминках и праздники.

Свадьба. Перед свадьбой жених заблаговременно покупает пару быков, из которых накануне венчания одного, по местному обычаю, отправляет в дом невесты, а другого оставляет для своих гостей. Свадьбы у здешних крестьян бывают исключительно зимой и большей частью на масленицу. В день свадьбы, утром, один из близких родственников жениха разносит по домам лист бумаги, исписанный именами и фамилиями приглашенных на свадьбу гостей. То же самое делается со стороны невесты. Гости, приглашенные на свадьбу, прочитав свои имена, отмечают, согласны ли они или нет присутствовать на торжестве. Вечером того же дня желающие из приглашенных собираются в доме жениха, где при звуках зурны их угощают чаем, водкой и вином. Затем жених, он же царь, садится на стул или тахту, а за ним становится цирюльник, который, наточив бритву, бреет его лицо. Когда он кончит свое дело, все присутствующие гости поодиночке подходят к жениху, целуются с ним и кладут в заранее подготовленный для этой цели платок по несколько копеек в пользу цирюльника. Потом является приходской священник и освещает подвенечное платье. Жених, получив родительское благословение, вместе с гостями, по приказанию той-баши, т.е. главы свадьбы, отправляется в дом невесты.

Там повторяется освящение подвенечного платья, и в полночь жених и невеста с гостями идут с зурной в церковь. По совершении обряда венчания, возвращаются в дом невесты и под звуки зурны, гости едят, пьют, танцуют и веселятся до рассвета. Как только начинает заниматься утренняя заря, всем присутствующим раздается по восковой свечке, и новобрачные, в сопровождении зурны, медленно отправляются в дом жениха; проводив молодых, все гости расходятся.

На следующий день гости являются в дом жениха на обед; все рассаживаются, поджав ноги; кушанья сперва подаются мужчинам, а затем женщинам. В конце обеда, каждый из присутствующих гостей подносит новобрачным подарки, которые большей частью заключаются в вещах или деньгах, от 40 коп. до 10 руб., смотря по состоянию и родственным связям. Но этот обычай постепенно выводится, и следы его остались только между малообразованными жителями. Здесь более всего интересно то обстоятельство, что невесту прячут за занавесом, в один из углов того дома, где сидят приглашенные гости. Угол этот вместе с занавесом называется, по-местному, кярдак. До сорока дней бедная невеста должна сидеть там: туда же подают ей есть и пить. До истечения года она обязана ходить не иначе как с закрытым лицом, а до первых родов она не вправе говорить как с родителями мужа, так и со старшими членами ближайших его родственников. В течение всего этого времени ей, в случае надобности, дозволяется объясняться с ними только при посредстве переводчиков, роль последних исполняют маленькие дети.

Девушка, при выходе замуж, получает из отцовского дома пару мафрашей, большой палас, ковер, медный кувшин, сумку и постель. Все же остальное имущество сыновья, по смерти отца, делят поровну между собою.

Крестины. На следующий день после рождения дитяти все родственники и знакомые спешат поздравить родителей, при этом выражают свои пожелания ребенку в будущем счастья, а больной родительниц - скорого выздоровления. В день крестин дитяти, рано утром, от родственников получаются подносы с фруктами, с раскрашенными яйцами, хлебным печением, сладостями и по бутылке водки. Родители новорожденного приглашают поздравивших вместе с приходским священником и крестным отцом в свой дом, где стараются как можно лучше угостить гостей.

Обряды при похоронах и поминках. Когда кто-либо серьезно заболеет, все родственники спешат навестить больного. Наиболее пожилые из родственников, видя трудное положение больного, стараются ласковыми словами утешить родителей и обнадеживают их скорым выздоровлением.

В случае же смерти больного тотчас же являются родственницы, соседки, а иногда и посторонние женщины, которые садятся кругом тела умершего и оплакивают его.

При этом одна из этих женщин, более сведущая старуха, высказывает в печальных песнях лучшие достоинства покойного и все события его жизни, а остальные поддерживают ее довольно протяжным хором.

После обмывания тела являются родственники и священник, усопшего выносят в церковь, где оставляют на ночь.

Утром следующего дня, часов в 8 или 9, священник служит в церкви обедню. Оттуда женщины после прощального отпевания возвращаются в дом умершего, а мужчины несут тело на кладбище, где совершаются, по общепринятому у христиан обычаю, похороны.

С кладбища все присутствующие на похоронах возвращаются тоже в дом покойника, где едят по тарелке приготовленного для них куркута,[1] пьют по нескольку стаканов вина и затем расходятся по домам.

---

[1] *Куркут – пшеничная крупа, которую варят с говядиной или бараниной*

Таким же образом совершается у состоятельных людей седьмица (եօթն) и годовщина (տարի).

В дни поминок усопших, совершаемых у здешних армян пять раз в году, именно по навакатикам, тянутся со всех сторон к кладбищу толпы мужчин, женщин и детей, неся с собою заблаговременно приготовленные для этой цели всякого рода съестные припасы. Там со всех сторон раздается монотонное пение священников, плач, рыдание и вопли сердобольных плакальщиц; этими воплями оглушаются все окрестности кладбища. Отовсюду от курения ладаном поднимается дым. По совершении всего этого, раздав остатки взятых с собою припасов нищим, все возвращаются к вечеру домой.

Навасарт. Осенью, после недельного поста, у армян наступает праздник «Навасарт», (նաւասարդ) который считается у них новым годом. Праздник Навасарт у здешних армян сопровождается приготовлением куркута, который готовят ночью и едят рано утром, а в других деревнях пекут разные хлебные печения. Здесь сохранился весьма редкий обычай, состоящий в том, что ранним утром этого дня жители целыми толпами рвутся в дом сельского старшины и подносят ему в подарок по яблоку с вотканными серебряными монетами и по бутылке водки, чем выражают свою признательность за безвозмездные услуги, оказываемые им обществу.

Старшина в этот день, чинно сидя у себя дома, с особенно приятным удовольствием принимает всех посетителей и, получая от них подносимые подарки, кладет их в лежащий перед ним для этой цели поднос. Затем сажает всех гостей на устланные вдоль стен ковры и угощает их любимым и уважаемым всеми кушаньем - куркутом, водкой и вином.

Недельный пост накануне Рождества Иисуса Христа. С 1-го дня поста до Крещения по всем переулкам села бродят толпы крестьянских мальчишек. Каждая партия состоит из 8-10 вооруженных палками мальчиков, лет 10-12. Один из них несет сумку или мешок, другой - колокольчик. Мальчики хором поют церковную песню о Рождестве Спасителя.

Хозяева, по окончании песни, вознаграждают их мукою, крупою, яйцами, маслом, солью, хлебом и дровами. Обойдя таким образом несколько ближайших деревень, мальчики чрез 6,7 дней возвращаются домой.

Часть собранных вещей продается ими, и на вырученные деньги покупается желаемая провизия, затем, каждая партия кутит (?) по нескольку дней, а оставшуюся часть добычи делят поровну между товарищами. Дележ этот иногда сопровождается дракой и ссорой: старшие обижают маленьких, давая им меньше следуемой части.

В последний вечер перед Крещением, по выходе из церкви, священники, по общепринятому у армян обычаю, ходят по домам. Примеру их следуют целыми толпами деревенские мальчики, которые, ради получения несколько копеек, лезут в дома, не давая всю ночь покою жителям, в особенности, чиновничьему классу.

Оригинальнее всего следующая церемония: один из этих мальчиков играет на дудуке, другой на барабане, третий спускает чрез дымоотводное отверстие корзину с яблоками или другими фруктами и с зажженной свечою, держа в руках конец привязанной к корзине веревки; желающие берут что-нибудь из корзины и взамен кладут в корзинку несколько копеек; четвертый товарищ заходит с сумкой в дом за получением муки или какого - либо другого подаяния; пятый берет масло и соль; шестой яйца и хлеб; седьмой тащит дрова; восьмой надев маску, шутит и танцует.

То же самое практикуется детьми и в первый день нового года, и на масленице.

Масленица. На масленице, начиная с четверга до вторника, т.е. включая сюда и 2 дня великого поста, все женщины, мужчины и дети перестают работать.

В течение этих 5 дней женщины и дети отдаются разным играм и забавам: преимущественно, качаются на качелях, а мужчины, не исключая и взрослых, играют в снежки, горелки, жмурки и другие игры.

Религиозные армяне, предвидя семинедельный пост, все правила коего должны быть соблюдаемы ими точно, в течение последних двух дней масленицы едят и пьют особенно много. В последний вечер масленицы в каждом доме, кроме других кушаний, готовят обязательно плов.

После ужина в каждой семье простолюдина дети подают отцу поднос, на котором находятся заранее приготовленные ими разного рода фрукты **с кнутом и веревкой.** Отец за такую услугу вознаграждает их несколькими копейками. Кнут и веревка, по рассказам народа, символически обозначают, что если отец откажет им в вознаграждении, дети взбунтуются и, вроде шутки, свяжут веревкой руки и ноги его и будут бить кнутом. Вечер этот сопровождается ружейной стрельбой почти изо всех домов.

Первый день великого поста. Рано утром, все уже на ногах, и в доме религиозного гадрутца царствует тишина: все вспоминают о 49 постных днях. Вдруг отворяется дверь, являются мальчики соседей и близких родственников; они молча подходят сначала к старшим, потом к младшим членам семьи, целуют руки и, вынимая из кармана по яблоку или груше, поздравляют семью с великим постом. Иногда мальчики эти, по поручению своих родителей, являясь к более важным лицам, несут с собою по бутылке водки, по тарелке сухих фруктов или вареного гороха или лобио.

В этот день и учащиеся мальчики также не забывают посетить своих учителей.

Г. Израелов
Смотритель Касапетского сельского училища

ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНИЕ АРМЯН

Джеванширскаго уезда, Елисаветпольской губернии[1]

Правильно поставленного, так сказать, рационального домашнего воспитания у большинства армян нет. Они думают, что их обязанности по отношению к детям состоят в физическом выращивании и выкармливании последних. Армянин, упрекая сына своего в черной неблагодарности, не говорит ему: «я тебя воспитал», но говорит: «я тебя накормил и выпоил». О развитии же умственных способностей ребенка ничуть не думают. Придавая мало значения уходу за детьми, армяне также мало заботятся и о беременных женщинах: последняя исполняет у них всевозможные тяжелые работы. Она не перестает работать даже тогда, когда приближается срок разрешения ее от беременности. В это время она даже участвует в полевых работах своего мужа. Этим, между прочим, объясняется то обстоятельство, что среди простого народа встречается много случаев уродливости. Если роды случаются зимою, то родильная комната представляет собою настоящий ледник, а если летом, осенью или весною, то она бывает ярко освещена: днем светлыми лучами солнца, ночью же лампою или свечою. Как только ребенок появляется на свет, повивальная бабка приказывает поднести лампу или свечу как можно ближе к новорожденному, чтобы узнать пол новорожденного дитя. Надо заметить, что рождение дитя мужского пола встречается с большим торжеством, а потому повивальная бабка торопится определить пол ребенка, чтобы в случае рождения мальчика скорее получить вознаграждение от родственников и родственниц новорожденного.

Сейчас же после отрезания пупка и омовения все тело ребенка сильно солят, всыпая соль и в глаза: это делается для того чтобы придать крепость телу дитя. Потом ребенок укутывается в пеленки, причем особенно туго обвязывается его головка, и затем ребенок помещается на несколько дней близко к очагу, подле матери. До истечения сорока дней ребенка ежедневно купают в теплой воде, потом, число купаний ограничивается одним или двумя разами в неделю, после чего ребенок опять укутывается в грязные лохмотья. Только у зажиточных людей шьются из чистой и новой материи особые, предназначенные для пеленания свивальники. После крестин ребенок укладывается в колыбель, где укутывается в куски старых одеял и перевязывается широким бинтом, назначение которого состоит в том, чтобы предостеречь ребенка от сильных телодвижений и падения. В колыбели питание ребенка идет неправильно: уложив ребенка в колыбель, мать кормит его, когда придется; она же качает колыбель или, что бывает чаще, заставляет качать ребенка одну из своих дочерей. С колыбели же набивают голову ребенка разными предрассудками, действуют на него страхом, словом, запугивают ребенка.

Пугание считается лучшим средством успокоить ребенка, чтобы он не отрывал взрослых от работ. Хорошим воспитательным средством считали также побои, от которых не избавляются и грудные дети. При разговорах взрослые не стесняются присутствием детей: обращаются друг с другом грубо, ругаются, взаимно обманывают и т.д. Нередко муж безбожно бьет свою жену за какой - нибудь маловажный поступок: последняя, в свою очередь, чтобы избавится от побоев мужа, прибегает ко лжи, даже к ложной клятве. Иногда случается, что мать втайне от мужа или свекрови продает что-нибудь другим в присутствии ребенка и, упрашивая его никому не говорить об этом, приучает его таким образом ко лжи. Естественно, что ребенок, будучи

---

[1] *Для сравнения см.* ***«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа»****, Вып. II. отд.2.:* ***Этнографические очерки из быта армян - переселенцев из Персии, живущих в Нахичеванском уезде, Эриванской губернии.*** **С.Зелинского.** *Прим.Ред.*

очевидцем подобных явлений, происходящих ежедневно в семействе, учится сызмальства многим порокам, которые постепенно развиваются и крепнут. Обычным явлением служит обучение ребенка ругательствам: делается это, по-видимому, с целью доставить себе приятное времяпровождение. Взрослые подучивают ребенка ругать присутствующих тут же лиц, за что его хвалят и поощряют к этому. Не считается предосудительным обманывать детей и, пообещав им что-нибудь, потом не исполнять обещанного. С другой стороны, встречаются случаи крайнего баловства. Если дитя, неосторожно бегая, падает и начинает плакать, мать вместо того, чтобы объяснить ему, что оно само виновато, что надо бегать с осторожностью, бьет землю, как виновницу слез ребенка. Вообще же с ребенком говорят мало, и то особым языком: ему не называют предметов и качеств их настоящими именами, а передают названия в исковерканном виде. Когда ребенок достигает четырех лет, то, если это мальчик, он с этого возраста остается без всякого надзора и проводит время в играх; девочка же делается няней своего меньшого братишки; как она общается с ним, как он относится к ней, в это родители не вникают. С 7-9 летнего возраста ребенок вступает в практическую жизнь: труд является для него школой, так же и дальнейшую свою жизнь он проводит в труде.

Таким образом, мы видим, что в армянских семействах дети с ранних лет впадают в многие пороки, искоренение которых стоит впоследствии для школы много трудов.

Поставить дело воспитания детей иначе может только образованная мать, но, к сожалению, наши крестьяне и крестьянки смотрят на женское образование, как на вещь совершенно ненужную.

ПРОМЫСЛОВЫЯ ЗАНЯТИЯ В НЕКОТОРЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ ЗАКАВКАЗЬЯ

Я. Зедгенидзе

Учитель Шушинского городского училища

Елисаветпольская губерния
ГОРОД ШУШИ

1. Производство ковров и паласов. По переписи (1886 года) в Шуши насчитывается 30.945 душ обоего пола. Все это количество по национальностям и полам распределяется так:

	Мужчин	Женщин	Всего	
Русских ……	264	51	315	
Армян ……..	10.594	8.096	18.690	
Татар ……	6.740	5.200	11.940	
Всего ……	**17.598**	**13.347**	**30.945**	

Из всех видов кустарного производства, существующих в Шуши, первое место, по количеству и качеству изделий занимает ковроткание. Промысел этот состоит в изготовлении ковров и паласов из местной овечьей шерсти.

По количеству и качеству изготовляемых ковров и паласов Шуши принадлежит первое место на всем Кавказе. Занимаются ковропроизводством и в окрестных селениях Шуши, а также и в уездах Джебраильском и Зангезурском, но эти изделия по изяществу далеко уступают шушинским, оттого последние и ценятся дороже, несмотря на то, что краски на них и не всегда прочны: зангезурский ковер, в 2¼ х 1¼ ханских[1] аршина стоит в Шуши 7-8 р., тогда как такой же шушинский - р. 15. По ковропроизводству Шуши стоит вполне обособленно от соседних уездов и не имеет никакого влияния на изделия их. Вся связь Шуши в этом отношении с уездами ограничивается закупкою ею там шерсти, затем - тех видов изделий, которых не производит она сама, каковы: мафраши, хурджины, чувалы, джиджимы (из Джебраильского уезда) и др., и в незначительном количестве - ковров и паласов. Это отсутствие влияния Шуши на изделия деревень объясняется тем, что посылать девушек в Шуши на обучение ковротканию затруднительно для крестьянской семьи- для татарской потому, что там девушка уже с десяти лет считается невестой, для армянской же - потому, что все почти ковропроизводство в Шуши сосредоточено в *татарских* семьях, а отдать на обучение свою дочь в татарскую семью армянин не согласится, по понятным причинам. Кроме того, у крестьян нет и побуждений посылать своих дочерей на обучение в Шуши : в деревнях ткут для себя (продают только в случае нужды) и потому не особенно заботятся об изяществе изделий - даже в ущерб этой стороне дела стараются избегать сложных узоров, имея в виду сберечь время, тем более, что ткут ковры, большей частью весною, летом и осенью, когда время в деревне особенно дорого.

Ковры. Ковроткание в Шуши составляет почти буквально *кустарное* производство: ткущие ковер на заказ составляют редкое исключение - все работают на свободного покупателя. Определить точно число кустарей по этому производству весьма трудно: оно неизвестно даже местному уездному управлению. Можно только сказать, что почти вся татарская часть населения города занята этим производством. Среди армян ковротканием занимаются немногие. Сами армяне объясняют это явление тем, что им небезопасно выезжать в татарские

[1] *Ханский арш. = метр (22½ верш.; но есть и в 16, 20, 21 верш.): он здесь в большом употреблении, в особенности среди татарского населения*

кочевья за шерстью ко времени стрижки, а покупать ее в лавке у скупщиков невыгодно. Кроме этого, исторические и бытовые условия не могли содействовать развитию у них этого производства.

Самые бытовые условия у армян менее благоприятны для коврового производства, нежели у татар. Татарин ленив, он даже считает труд[1] за стыд и стремится жить до некоторой степени за счет своей жены, которая почти раба в руках его. Оттого татарка вынуждается посвящать большую часть своего времени не домашнему хозяйству и уходу за детьми, а заработку, в данном случае - ковротканию. Не то в армянской семье: тут мужчина добывает жизненные средства; на женщине же лежат домашние хозяйственные заботы и уход за детьми. Отсюда у армянки нет настоятельных побуждений заниматься ковротканием, и она действительно мало занимается им, но зато она лучше, опрятнее ведет хозяйство, больше заботится о детях, нежели татарка.

Ковропроизводство в нынешнем своем виде не требует ни особых помещений, ни специальных приспособлений. Станок для ткания можно встретить и в жилой комнате, и в передней, и на балконе, и под балконом, и во дворе под навесом - словом, везде, где только можно установить или, вернее, прислонить его к стене. Обилие или недостаток света, качество воздуха, сырость и проч. в этом роде не имеют, видимо, никакого значения в производстве, а сами производители в этом отношении не требовательны.

Все орудия и инструменты[2], употребляемые в ковропроизводстве, можно разделить на две группы. К первой будут относиться те, которые необходимы *собственно для тканья*, как-то: станок с принадлежностями, *h*ава[3], киргит, обыкновенный нож и ножницы; ко второй группе - гребень, прялка и киртиз, употребляемые *при обработке материала*.

Станок - это простой деревянный прямоугольный четырехугольник, состоящий из двух боковых толстых столбов, называемых по-татарски (как и весь станок) *h*ана, и двух менее толстых, поперечных, называемых ох. Поперечники соединены с боковыми столбами не у концов последних, а несколько отступая от них. Для этого в боковых столбах делают четырехугольные отверстия, в которые свободно входят концы перекладин. Так как на одном и том же станке приходится ткать ковры разной величины, то таких отверстий делается по нескольку, чтобы, по мере надобности, можно было сдвинуть или раздвинуть поперечники. Иногда вместо нескольких отверстий делается вдоль столба по одному общему отверстию, занимающему приблизительно столько же расстояния, как и несколько отверстий. *Под* концами верхней и *над* концами нижней перекладин во всяком станке есть по паре простых деревянных клиньев, с назначением которых ознакомимся в своем месте. Поперечники служат для намотки на них основы, а боковые столбы для того, чтобы удерживать их во все время работы на равном расстоянии друг от друга.

Станок легко может быть изготовлен дома; в деревне большей частью так и бывает; в городе же его обыкновенно заказывают местным плотникам за 5-8 руб. Станок долговечен и переходит по наследству. Бывают случаи, когда станок берется напрокат; если ткут большой ковер (хали), то платят так: за боковые столбы - 1 р. и за поперечники - 40 к.; для маленького же ковра - за боковые - 40 к., за поперечники - 25 к.

Принадлежности станка, носящие общее имя *hана-hаман-салаhи*, такие: *кюджу-агаджи, кюджу-чубухи, охлу, тал-агаджи* (вместо нее при тканье паласов - *чилик*, числом всегда несколько), далее - *агыз-чубухи* и *юмаг-агаджи*. Все это просто, деревянные палки, толщиною в палец и меньше; только толщина кюджу-агаджи - около 1 верш. Длина этих палок зависит от

---

[1] *В последнее время, впрочем, татары стали заниматься и торговлей*

[2] *Հեղինակը գորգագործական տերմինները ներկայացրել է միայն թաթարերենով (ծնթ. խմբ.)*

[3] *Как в этом слове (первая буква), так и в некоторых, других татарских словах употреблено латинское h, за неимением соответсвующего русского знака*

ширины основы и станка, кроме охлу, обыкновенная длина которого ¾ - 1 арш., и чилика 5-6 верш. Для некоторых из этих принадлежностей станка даже нет специального назначения: напр., кюджу-чубухи, без ущерба делу, можно заменять чрез-агыз-чубухи и обратно; и та, и другая часто заменяются простой крепкой камышиной; вместо кюджу-чубухи и юмаг-агаджи употребляются нередко толстые шнурки и т.д. Назначение и употребление каждой из них может быть понятно только при описании намотки основы и процесса ткания: там и будет речь о них. Понятно, что все эти принадлежности станка легко может сделать каждый; в покупке цена им всем 5-10 к.

hава– Инструмент этот состоит из ручки и пластинки, соединенных под тупым углом. Длина ручки - до 2½ верш., она заканчивается небольшим утолщением в виде шарика, чтобы легче было держать ее в руке. Пластинка имеет в длину 3½-4 верш., а в ширину 3 верш.; она оканчивается маленькими зубцами, числом до 20. Инструмент этот бывает или железный, или деревянный; железные делают местные кузнецы по 1 руб. за штуку; деревянный же делается из орехового дерева и употребляется больше в деревне. Разница между ними в зубцах: на железных они бывают мельче, а на деревянных крупнее. В промежутках между зубцами как на тех, так и на других должны вмещаться нитки основы. Инструмент этот служит для укрепления так называемой «..ильмы» (ворс) и вообще для уплотнения ткани.

Киргит состоит из 3-х, редко 4-х железных, несколько загнутых в конце, пластинок шириною в палец, имеющих форму косы. Широкими концами эти пластинки скреплены железной заклепкой. В промежутках между пластинками, как и у *h*авы, должны свободно вмещаться нитки основы. За пластинками идет также несколько изогнутая железная ручка, иногда, впрочем, роговая. Киргит делается также местными кузнецами, коп. по 30 за штуку. Он служит для того, чтобы ровно уложить уток. Оба последних инструмента переходят по наследству.

Кроме этих инструментов, при ковропроизводстве употребляются еще обыкновенный карманный нож и простые ножницы (гачи); но эти вещи составляют принадлежность каждого дома и потому не приняты здесь в расчет при определении общей стоимости всех орудий и инструментов коврового производства. Ножницы служат для стрижки, а нож для перерезывания пряди («чин»), при завязывании «иль-киргит». (Таким образом, станок стоит 5-8р.; *h*ава - 1 р.; киргит - 30 к. Если прибавить к этому прялку, стоящую около 1 р., и гребень, стоящий коп. 60, то получим общую сумму в 7 р. 90 к. - 10 р. 90 к. Но и этот единовременный расход, не достающий и 11 р. на обзаведение инструментами должен быть рассчитан не на одного рабочего, а на двух или даже на трех, так как на одном и том же станке единовременно могут работать два или даже три лица).

Материалом для ковров и паласов служит овечья шерсть, бумага же входит в весьма незначительном количестве, да и то не всегда. В местных коврах только иногда уток бывает бумажный - или весь, или с некоторой долею шерсти. Употребляют бумагу отчасти ради дешевизны, а отчасти, вероятно, для тонкости ткани; в персидских коврах очень часто и основа бывает бумажная. Ковропроизводителями употребляется *обыкновенно* шерсть *весенней* стрижки (яз-юну): она длиннее осенней и потому удобнее для пряжи; притом она дешевле (пуд весенней 4 р., а осенней 7-8 р.) и чаще встречается в продаже, так как скотоводы осеннюю шерсть, как лучшую, оставляют на собственные потребности. Шерсть осенней стрижки (гюзам) идет только на более тонкие изделия: с больших овец на «кеча» (войлок), с ягнят - на туземные шали. Ягнячья шерсть (гузу-юну) наиболее нежна, но она «берет» только черную краску.

Ковроткание - дело чисто семейное: каждая семья занимается этим производством отдельно и в небольших размерах; оттого и шерсть закупается незначительными партиями (обыкновенно не более 10 пудов, и только редкие семьи покупают шерсть на целый год - пудов 20-25). Покупка шерсти производится мужчинами. Для этой цели они отправляются в деревни или

кочевья весною, в апреле, ко времени весенней стрижки. Все стараются попасть на стрижку и купить шерсть из первых рук, так как у скупщиков она значительно дороже: разница доходит иногда до 2 р. на пуд. На месте пуд шерсти стоит 2-3 р., и перевозка обходится коп. 15 с пуда; в городе же пуд стоит 4 р. и дороже. При покупке шерсти у кочевников составляет затруднение то, что они, как говорят, не позволяют выбирать шерсть - разворачивать руно, которое нарочно бывает свернуто вместе с брюшиной, шеиной и с находящеюся на шерсти грязью. Но, несмотря на это, у них покупать шерсть все же выгоднее, нежели у скупщиков в городе. Поэтому в городе покупают только в случае, если закупленное количество шерсти оказывается потом недостаточным; покупают еще бедные семьи, которые не в состоянии купить за раз более 2-3 пудов шерсти. Эти семьи покупают обыкновенно на часть денег, вырученных от продажи ковра (остальная, большая часть выручки расходуется на домашние потребности). Покупка шерсти в городе производится женщинами, так как они лучше могут выбирать ее; торговцам, впрочем, все же удается время от времени взбрызгивать шерсть водой, чтобы она была тяжелее. Больше покупается белой шерсти - вдвое и втрое больше против черной; других цветов идет шерсти сравнительно немного.

Обработка материала. 1. *Мойка*. Мойки требует весенняя шерсть (осенняя моется на овцах перегоном стада через реку). Мойка производится женщинами, иногда с помощью мужчины. Мыть обыкновенно отправляются на ближайшую речку или ручеек, верст за 5-6, а шерсть или перевозят на лошадях, на ослах, или переносят амбалы (местные носильщики); за первое платят 40-50 к. в день, за 2-ое - 30 к., а амбала нанимают за 20-25 к. Но, если возможно, моют ее дома дождевой водой. Иногда шерсть моют сначала чуть тепловатой водой, чтобы лучше отстал жир, а потом уже холодной. Мойка требует участия, по крайней мере, двух лиц. Способ мойки таков: выбирают довольно большой камень на берегу реки и укладывают на него часть шерсти; одна женщина становится в речку и постоянно обливает шерсть, лежащую на камне, другая же колотит по шерсти тяжелой палкой; это продолжается до тех пор, пока из-под шерсти не начнет течь совершенно чистая вода. Тогда шерсть считается вымытой. Чтобы уравновесить свой труд при мойке, женщины меняются своими ролями друг с другом, если же в мойке участвует мужчина, то все время колотит палкой уже он. Вымытая шерсть расстилается для просушки тут же, около речки - на камнях, кустарниках, траве или же на полосах, привезенных с собою для этой цели. Мойка шерсти - единственная внедомашняя работа в ковро-производстве. Так как во время мойки шерсть «сваливается», то после просушки, прежде чем приступить к расческе, ее *выбивают* ударами палки.

2. *Расческа*. После взрыхления шерсть подвергается двукратной расческе на гребнях, называемых по-татарски «дараг». Деревянная часть гребня состоит из трех досок, шириною в 3-3½ верш.; две из них покороче, вершков по 5, а третья длиннее, вершков 12. Все три доски соединены так, что образуют остроугольный треугольник, причем большая сторона, служащая основанием, по обе стороны выступает вершка на 3½. При соединении боковых досок между собою у вершинного угла образуется горизонтальная четырехугольная площадка, служащая местом прикрепления роговой четырехугольной пластинки, на которую отвесно насаживают в два ряда обыкновенно 38 железных зубьев. Расстояние между рядами и зубьями незначительно. Высота зубьев до 2½ верш.; концы их всегда заострены. Гребни эти изготовляются и в деревнях, и здесь же, в Шуши, местными кустарями: стоят коп. по 60. Эти гребни вообще довольно прочны, - только зубья на них кривятся; но это легко поправляют или сами хозяева, или же местные мастера за ничтожное вознаграждение. Против искривления же зубьев вкладывается между рядами их дощечка - «агызлыг», на то время, пока на гребне не работают.

Расческа шерсти на гребне производится следующим образом. Чесальщица садится, поджавши ноги и ставит перед собой гребень так, чтобы ряды зубьев его были в перпендикулярном положении по отношению к ней; для более прочной устойчивости гребня на

выступы основания чесальщица упирается коленом (или ногой). Затем, взяв обеими руками маленький клок шерсти, нанизывает она его на гребень и раздергивает его с обеих сторон. Негодные части шерсти от этого завязают между рядами зубьев, а лучшая часть ее, остающаяся в руках, снова нанизывается на гребень, и так продолжается до тех пор, пока не будет замечено, что шерсть освободилась от негодных частей. Расчесанная шерсть называется по-татарски «пальпи»; ее наматывают в «буруг» (кудель). Это - первая расческа; но одной расческой обыкновенно не довольствуются и раз расчесанную шерсть подвергают вторичной расческе на тех же гребнях и тем же способом, как и в первый раз. Вторично перечесанная шерсть называется «альчими».

Очески, полученные при 1-ой и 2-ой расческе, называются «*килька*». Их (от 1-ой и 2-ой расчески) смешивают и снова перечесывают на тех же гребнях, причем новые очески, называемые «аджи-килька», идут для постелей или же продаются шапочникам по 10 коп. с 1 фун.; а расчесанная часть, называемая «килька-альчими», идет на дешевые ковры, паласы, на попоны, хурджины, чувалы и т.п.. Из нее же приготовляются нитки для основы. Вторичная переческа «кильки» и изготовленные из очесок ниток для основы большей частью поручается ковропроизводителями другим, бедным женщинам, за плату по 10 к. с фунта изготовленных ниток. Очески «аджи-килька» возвращаются хозяевам.

Расческа шерсти есть чуть ли не единственный вид работы в ковропроизводстве, основанный на началах взаимопомощи. Лишь только в крайне редких случаях для расчески нанимают работниц; обыкновенно же в какой-нибудь день (и только днем) приглашаются для расчески соседки, большею частью молодые. Это называется «имаджи» (между собою). Отказа идти на имаджи почти не бывает: каждая знает, что ей самой придется просить других на такую же работу и потому не принять теперь участие - значит самой лишиться возможности попросить других. Приглашаются обыкновенно на день. Так как все необходимое количество шерсти должно быть расчесано за день, то и число прошеных лиц зависит от количества работы. Работа прерывается только на время еды. Хозяйка дома в имаджи угощает своих помощниц лучшими кушаньями, три раза в день. Таким образом производится только первая расческа шерсти, вся дальнейшая работа в этом производстве поступает в руки исключительно хозяев.

3. *Пряжа*. Когда шерсть расчесана, все наличное количество свободных и способных рук принимается за прядение ниток. Иногда же, когда нитки бывают к спеху или по другой какой причине нанимают и работниц с платой - по 10 коп. с фунта ниток для основы и коп. по 8 для ворса. Так как на такую поденную работу идут исключительно бедные, то часто вместо денег им уплачивают натурой, напр., старым платьем и т.п.

Прядут шерсть на прялках (джара). Инструмент этот - деревянный. Он состоит из следующих частей: из основания, двух пар ножек, махового колеса и оси с ручками. Основание имеет форму буквы *Т* и состоит из двух поперечных четырехугольных брусков: в 5½ верш. и в 12, скрепленных между собою двумя продольными, рядом лежащими круглыми брусками , длиною в 11 верш. В поперечные бруски вставляется по 2 ножки: в маленький вставляются передние ножки высотой более 3 верш., нужные для установления железного веретена, а в большой - задние, большие ножки, около 11 верш. длины для установления между ними колеса. Расстояние между передними ножками немного менее 2 верш., а между задними - 6 верш. Передние ножки прикреплены к основанию под прямым углом, а задние - под тупым. В задних ножках, на высоте 8 верш., сделаны отверстия, в которые продета горизонтально деревянная ось с диаметром менее ½ верш.; на нее наглухо насажено дощатое колесо, с диаметром до 11 верш.: это – два круга, не из цельных досок, на расстоянии 3 верш. один от другого. Между ними на оси наглухо насажен вал, чтобы круги оставались в равном расстоянии друг от друга; кроме этого вала, с наружной стороны колеса, на оси же бывает иногда по маленькому валику.

С внутренней стороны, между этими кругами, *по окружности* сделан переплет из ниток, натянутых зигзагами. Иногда переплет этот обивается материей. На этом переплете лежит шнурок, огибающий колесо и веретено. К концу оси, на расстоянии 3 верш. от ножки, прикрепляется под прямым углом ручка, вершков в 5, иногда имеющая на конце отверстие. В это отверстие свободно вставляется тоненькая палочка, которую и приводят в движение ось и колесо, а с ними и веретено. Если же не бывает палочки, то колесо приводится в движение прямо ручкой, хотя это гораздо труднее. Для прикрепления веретена в отверстия маленьких ножек вставляются с наружной стороны так называемые ушки[1]: это - два кусочка толстой кожи с маленькими отверстиями, в которые продевается веретено. Так как отверстие в маленьких ножках сделаны не на одинаковой высоте, а одно (в дальней) немного выше другого, то и само веретено имеет не горизонтальное положение, а несколько наклонное книзу (На ту часть веретена, которая находится в промежутке между передними ножками прялки, наглухо насажена «*каргара*»: это - обыкновенная катушка. «*Каргара*» встречается на прялках, употребляемых армянами; татары же почему-то не употребляют ее: у них нитка навивается прямо на веретено). Возле ближней ножки к острию веретена на него насаживается деревянный круг (*тагалак*), чтобы нитки при прядении лучше наматывались на веретено. От «*тагалака*» моток (*дюкджа'*) получает коническую форму, широкую у основания, у круга, и суженную к концу; в противном случае он принимает овальную форму. «*Тагалак*» стоит 4-5 коп.

Веретено бывает непременно железное, 10-ти вершков длины и приготовляется местными кузнецами-слесарями. Стоит оно 10 коп.

Так как задние ножки прялки стоят не перпендикулярно, а наклонно кнаружи, то прялка всегда опрокидывается в сторону наклона. Чтобы удержать ее в прямом положении, на продольных брусках прядильщица кладет какую-нибудь тяжесть, напр., камень, гирю и т.п. Такое наклонное положение задних ножек, по мнению прядильщиц, облегчает прядение тем, что при вращении колеса приходится не так высоко поднимать руку, а от этого рука не очень скоро и устает. Но это едва ли так: кажется, такой наклон дают просто по раз заведенному обычаю; в самом деле, и при отвесном положении задних ножек ось колеса поднимается всего на один, много на полтора верш. Если же и такое поднятие оси будет чувствительно для руки, то можно укоротить ножки и ручку и уменьшить само колесо. Одним местным жителем (армянином) устроено против опрокидывания прялки приспособление: он привинтил под передний поперечный брусок маленькую дощечку, которая во время работы выдвигается вперед, по направлению продольных брусков, и на нее уже кладется тяжесть, но только сравнительно меньшая.

Неосновательны оправдания, приводимые прядильщицами и в защиту наклонного положения веретена. По мнению их, оно при горизонтальном положении скоро гнулось бы от тяжести наматываемых ниток. Но моток сосредоточен у основания и весит не более полфунта и потому едва ли может искривить железное веретено, а между тем такое наклонное положение и сильнее перетирает пряжу.

Прялки эти изготовляются здесь же, в деревнях (в городе мало), местными кустарями и стоят около рубля. Лучшими считаются прялки кандзасарские (часть Джеванширского уезда). Прялки служат подолгу.

Прядут нитки, сидя на полу. Прялка при этом ставится впереди так, что ручка оси проходится у правой руки прядильщицы, а веретено - у левой. Правой рукой вращают колесо, а левой держат шерсть; последняя от вращения веретена, к которому она прицеплена, скручивается в нитку. Работа эта не особенно тяжела, но все же занимаются ею только

[1] *Впрочем, иногда в ближней (по отношению к острою веретена) ножке не бывает отверстия, и ушко к ней привязывается особой ниткой*

взрослые, так как при прядении имеют значение тугость скручивания, толщина и ровность нитки.

4. *Сучение*. Сначала пряжа получается в маленьких мотках. Затем наматывают ее в большие клубки, причем, смотря по назначению, соединяют вместе или по две нитки - это для ворса, или по три - для основы. Уток же составляется или из 2 шерстяных ниток, или из 3 бумажных, или же из 2 бумажных и 1 шерстяной. Предназначенные для ворса нитки собирают в „*кялаф''* (пучок, связка) и затем уже красят; основу же и уток сучат, т.е. скручивают на тех же прялках, причем для основы более туго.

«*Киртиздамаг*». Сучением не заканчивается вся работа над основой и утком: они еще требуют «киртиздамага», т.е. очистки ниток от неровностей посредством «киртиза». «Киртиз» - род толстой иглы, без ушка и острия, около 3 верш. длины; стоит он 3-4 коп.; при покупке «*h*авы» и «киргита» он дается в придачу. Киртиздамаг производится таким образом: женщина, сидя на полу, протягивает вперед одну ногу, обыкновенно – левую; затем в левую руку берет нитку, которая огибает большой палец вытянутой ноги, а в правую - киртиз, которым перекручивает нитку и водит по ней взад и вперед несколько раз. Очищенная часть наматывается на пальцы левой руки. После очистки нитки снова наматываются в клубки и затем уже поступают в дело.

Для утка бумага (в нитках) покупается в городе у лавочников, по 35 коп. за фунт.

5. *Окраска*[1]. Все краски делятся на два вида: «хаса» - нелинючая, прочная - она приготовляется из растительных и животных веществ, - и «амалли» (поддельная) - непрочная, линючая, но зато довольно яркая краска; к ней относятся ализариновые краски, которые имеются здесь в каждой мелочной лавке и стоят 3-4 коп. золотник. Если ткут ковер для себя или же по особому заказу, то употребляют *хасу*; если же ковер предназначается к продаже, то почти всегда прибегают к *амалли* как недорогому и более легкому средству. Начали употреблять ализарин всего лет 7-8 тому назад.

Окраска ниток производится самими кустарями дома, за исключением окраски в синий и иногда в зеленый и голубой цвета. Окраска в эти цвета поручается красильщикам (*бояхчи*), с платою по 30 коп. с фунта ниток. Для получения других цветов употребляются местные средства, как-то: *для желтого* - растение *«наз»* и дерево *«нариндж-агадж»*, *для алого* - марена, *для верблюжьего* - гранатовая шелуха и иногда листья орехового дерева, *для черного* - черный сандал (*багам-агаджи*) и т.д.; черный цвет получается также из верблюжьего (*дава-юни*) с помощью медного купороса (*заг*). Процесс окраски не для всех цветов одинаков.

Чтобы из *наз* и *нариндж-агадж* получить *желтый цвет*, нитки предварительно держат некоторое время в моче скотины, а затем варят их вместе с *«наз»* и *«нариндж-агадж»*.

Черный цвет получают от черного сандала следующим образом: нитки сначала держат в квасцах, затем вынимают их и дают раствору стечь, а потом укладывают нитки вместе с сандалом в котел так, что слой сандала чередуется с слоем ниток, и долго кипятят. Сверх ниток кладется камень, чтоб они не всплывали. 1 фунт черного сандала стоит у лавочников 10-12 коп.

Иногда в черный цвет (*сюрмой*) окрашивают черные же нитки (из черной шерсти), если натуральный цвет их находят неудовлетворительным. Для этого употребляется растение (*бальгя*), привозимое из Агдаша (Арешского уезда), с Аракса и других мест. 1 фунт этого растения стоит 4-5 коп. и может окрасить 4 фунта ниток. К нему подмешивается медный купорос в толченом виде, по фунту на каждые 3 фунта ниток. 1 фунт медного купоросу стоит 7-8 коп.

---

[1] *Названия большей части животных и растительных веществ, употребляемых при окраске, и все вообще технические термины в описываемом промысле удержаны туземные. Сведения об окраске собраны автором от наиболее сведущих кустарей, так как ему, при всем старании, не удалось быть при процессе окраски. Авт.*

Для *красного* цвета употреблялся прежде красный сандал (*кырмызы-багам-агаджи*) - тем же способом, каким и черный. Но так как при этом получался несколько бледный, хотя и прочный цвет, то он теперь заменен фуксином, дающим, правда, линючий, но зато яркий цвет (1 золотник фуксина стоит 3-4 к. и может окрасить ½ ф. ниток). Фуксин в малой пропорции дает светло-розовый цвет, в большей - темно-розовый. Нужное количество фуксина предварительно растворяют в стакане, потом выливают в кипящую воду и тогда уже опускают нитки. Когда нитки окрасятся, их достают и развешивают для просушки. Для определения времени, необходимого на окраску, некоторые кладут в котел немного рису и, как рис сварится, нитки вынимают. Чтобы цвет получить прочный, нелинючий, иногда употребляют листовую кислоту (*туршу-лаваша*), приготовляемую из кислых слив, и квасцы. На 1 фунт ниток нужно ¼ фун. *туршу-лаваша* и ⅛ фунта квасцов.

В *синий*, *голубой* и *зеленый* цвета нитки окрашиваются, как было замечено, красильщиками; иногда же в последние два цвета окрашивают нитки и дома - тогда эта окраска производится следующим образом. Покупают у тех же красильщиков готовую краску «*жангяри*» (1 золотник по 3 коп.); а *жангяри* приготовляется красильщиками из синьки (1 фунт стоит 4 руб.) и купоросного масла. Вскипятив воду, опускают в нее по 2 зол. *жангяри* на 1 фунт ниток. Белые нитки, опущенные в этот раствор, окрашиваются в голубой цвет; нитки же, выкрашенные в желтый цвет назом, окрашиваются в этом растворе в зеленый цвет.

Цвет *бордо* получали из червей[1], называемых по-татарски «*гырмыз*», и винного камня (*дарт*). На 1 фунт ниток необходимо 8-10 золотн. гырмыза и 6 золотн. дарта.

1 фунт гырмыза стоит 1 р. 20 коп., а 1 фунт дарта - 50 коп. И гырмыз, и дарт толкут отдельно в порошок, а затем то и другое всыпают в кипящую воду; потом уже опускают туда и нитки. Цвет получается очень прочный, но сравнительно дорогой, и потому краску эту часто заменяют ализариновыми.

Для окраски нет ни специальных приспособлений, ни определенного времени: она производится в обыкновенной домашней посуде и не только при заготовке материала, а во всякое время, т.е. и во время тканья, если окажется недостаток в нитках того или другого цвета. Окраска производится обыкновенно взрослыми и притом опытными в этом деле женщинами. Точной пропорции между количеством краски, воды и ниток не установлено, в особенности между первыми двумя: она определяется просто на глаз. Неопределенно точно и то, сколько времени нитки должны оставаться в воде во время окраски: когда замечают, что нитки получили желаемый цвет (для чего их часто достают и смотрят), их вынимают и, обмыв сейчас же в холодной воде, развешивают для просушки в тени, чтобы цвета не полиняли; впрочем, черные нитки развешиваются на солнце. Нередко случается, что нитки вынимаются не вовремя - или запаздывают их вынуть, или вынимают раньше; в последнем случае можно их докрасить.

Красятся нитки только для ворса (*ильма*), а основа и уток как незаметные части ковра (или паласа), остаются без окраски.

Тканье. Изготовив материал, приступают к тканью. Это очень кропотливая, поглощающая много времени работа, работа, требующая эстетического вкуса, в особенности при составлении узоров и постоянного внимания в течение всего своего процесса. Как всякое кропотливое и сложное занятие, эта работа с трудом поддается описанию.

1. Установка станка. Если предполагается работать во дворе (под балконом или навесом) или в комнате нижнего этажа, тогда боковые столбы станка нижними концами врывают на несколько вершков в землю; если же станок устанавливается на балконе, то для укрепления боковых столбов пробиваются отверстия в полу балкона. И в том, и в другом случае верхними концами станок упирается в стену. При установке станка больших размеров в невысокой

[1] *Вероятно, это кошениль*

комнате в потолке пробивают отверстия и туда вводят верхние концы станка. Станок прислоняют к стенке под углом, приблизительно в 45°. Наклон станка имеет немалое значение: чем уклон меньше, тем труднее стричь ковер; наоборот, чем больше уклон, тем труднее передвигать основу и забивать ряды *h*авой. Вследствие этого установка станка производится особыми мастерами, впрочем, при помощи самих хозяев. Плата мастерам за это 40 коп.

2. Наматывание основы. Для намотки основы необходимы три женщины: одна работает у основания станка, пред нижней перекладиной, другая – на середине, а третья у верхней перекладины, стоя обыкновенно на маленькой лестнице. Главная работница - первая: она исполняет самую трудную часть работы и следит за работой тех двух женщин, как бы уже помощниц ее. Намотка основы требует умения и опытности; исполнить эту работу в состоянии далеко не всякая женщина: для этого в каждом квартале есть известные мастерицы, которых и приглашают, обыкновенно с платой от 25 до 60 коп. Само наматывание происходит *следующим образом*.

Первая женщина, сидящая у нижней перекладины, привязывает один конец нитки, предназначенной для основы, к концу агыз-чубухи; затем, оставив возле себя весь клубок ниток, эту палку с помощью прежде 2-ой, а потом 3-ьей женщины перекладывает через верхнюю перекладину, спереди - назад; палка с ниткой обходит станок с задней стороны. Затем проводят ее под нижней перекладиной и прикладывают ее к последней сбоку, таким образом, чтобы конец, к которому привязана нитка, был у левого бокового столба. Первая работница крепко придерживает левой рукой агыз-чубухи в данном ее положении до тех пор, пока не будет замечено, что она держится сама, т.е. пока не будет намотана значительная часть основы дальнейшим образом. Та же первая работница проводит нитку с правого конца агыз-чубухи между этой последней и нижней перекладиной и помещает ее над первой, задней ниткой: так получается *первая пара ниток основы*.

Затем нитку, снизу обогнувшую агыз-чубухи, перекидывают с помощью 2-ой и 3-ьей работниц с передней стороны станка чрез верхнюю перекладину. С верхней перекладины нитку опускают петлей с задней стороны станка; затем эту петлю проводят на переднюю сторону станка под нижней перекладиной и надевают ее на агыз-чубухи с правого конца.

Вновь образованную петлю отодвигают на левый конец агыз-чубухи и, потянув за свободный конец нитки, находящейся на передней стороне станка, придают желаемую тугость намотанным ниткам.

Далее повторяется прежняя работа. Таким образом получается основа (*арыш*), намотанная на обе стороны станка, чрез перекладины. Передняя сторона основы делится сама собой, посредством агыз-чубухи, на два ряда: передний называется «*диши*» (самка), а задний - «*эркяг*» (самец). Намотав всю основу, конец нитки привязывают к первому концу агыз-чубухи.

На перекладинах нет для ниток основы определенных мест, вроде желобков или надрезов: они во время наматывания разравниваются 1-ой и 3-ьей работницами на глаз - отсюда неустойчивость и неровность в положении ниток. Сами ткачихи сознают этот недостаток станка и, чтобы придать ниткам основы большую устойчивость, смазывают, после намотки основы верхнюю перекладину тестом: последнее, высохнув, удерживает нитки в том положении, в каком они были. Но это ненадолго. Как скоро соткана некоторая часть ковра, эта сотканная часть передвигается на зад станка, и на место ее выдвигается часть основы, которую следует ткать непосредственно вслед за сотканною частью. Таких передвижений основы во время процесса тканья бывает несколько, пока основа не сделает целого круга около перекладин станка. Перед каждым таким передвижением снимается старое тесто и после такого передвижения снова смазывается верхняя перекладина опять тестом же. Во время этих передвижений нитки основы располагаются еще более неровно: хотя каждый раз ткачихи и стараются расправить нитки, но уже в прежнее положение привести нитки им не удается.

Вследствие этого очень часто ковры получаются с неровными сторонами, и притом еще на одном конце - шире, а на другом - уже, и это тем заметнее, чем ковер больше.

Кроме того, в станке есть еще слабая сторона: это клинья. Их три пары. Первая пара клиньев вставляется *под* концы верхней перекладины, вторая пара - *над* концами нижней; эти обе пары клиньев называются «*паз*». С назначением 3-ьей пары клиньев ознакомимся в своем месте, а теперь скажем о первых двух.

При наматывании основы невозможно натянуть нитки в необходимой степени туго, а потому, намотав всю основу, вколачивают клинья, от этого перекладины раздвигаются, и нитки основы натягиваются туже. Но клинья почти никогда не бывают совершенно одинаковой формы и величины; кроме того, невозможно вбить одинаково глубоко все клинья, в особенности когда одновременно забивают двое - один с одной стороны станка, а другой - с другой. Вследствие всего этого основа не во всех своих частях бывает одинаково туго натянута.

3. Подвязывание *«кюджу-агаджи»* и *«кюджу-чубухи»*. *«Охлу»* и *«таль-агаджи»*. Непосредственно за намоткой основы следует подвязывание к ней кюджу-агаджи. Привязывают кюджу-агаджи с лицевой стороны основы, приблизительно на ½-¾ арш. от нижней перекладины и параллельно с этой последней. Сначала привязывают ее к боковым столбам.

Далее берут охлу и вставляют ее между 1-м и 2-м рядами передней стороны основы, как раз позади левой половины кюджу-агаджи.

Затем, привязав один конец нитки (предназначенной для подвязывания кюджу-агаджи и называемой *кюджу*) к левому концу кюджу-чубухи, прикладывают ее спереди к кюджу-агаджи: теперь все три палки приняли одно направление, причем посередине помещается кюджу-агаджи, а по обе стороны – охлу и кюджу-чубухи. Нитка, одним концом привязанная к кюджу-чубухи, проводится снизу, под всеми тремя палками (кюджу-чубухи, кюджу-агаджи и охлу), по правую сторону первых ниток переднего и заднего рядов основы. Оттуда на переднюю сторону станка ведется она уже поверх всех этих трех палок, причем огибает первую нитку заднего ряда основы уже с левой стороны и выходит с правой стороны первой нитки переднего ряда, т.е. проходит между первой и второй ниткой основы. Затем нитку петлей продевают сверху вниз, между кюджу-агаджи и кюджу-чубухи. Свободный же конец этой нитки продевается сквозь эту петлю, отчего на кюджу-чубухи получается узел.

Дальнейшая работа состоит в повторении всего того, что сейчас было объяснено, и притом такое число раз, сколько ниток во 2-м или в 1-м ряду основы.

Так как охлу по длине короче ширины станка, то при работе ее необходимо передвигать в сторону работы, т.е. слева направо. По мере отодвигания охлу с левого конца ее начинают соскакивать нитки основы; чтобы они не смещались, вставляется немного повыше охлу, между 1-м же и 2-м рядами основы, другая длинная палка - тал-агаджи, которая движется так же, слева направо, за охлу.

Закончив подвязывание кюджу-агаджи, вынимают охлу: она уже более не нужна. Затем концы кюджу-агаджи отвязываются от боковых столбов, к которым кюджу-агаджи была привязана все это время, и под концами ее подставляются подставки, или же простые деревянные клинья; вследствие этого кюджу-агаджи отклоняется от столбов и еще сильнее натягивает основу.

Так как таль агаджи длиною только немногим больше широты основы, то вследствие и незначительного, случайного передвижения таль-агаджи в сторону с концов ее соскакивают нитки основы и, конечно, смешиваются. Ввиду этого некоторая часть 1-го переднего ряда ниток с обеих сторон основы, повыше таль-агаджи, связывается через «*корх-ипи*» (предохранительная нитка). Если при работе и случится, что нитки 1-го и 2-го рядов соскочат с концов таль-агаджи и смешаются, то их легко разъединить: для этого стоит только потянуть за корх-ипи, и они разъединятся, и тут уже легко надеть их на таль-агаджи. После всего этого

повыше таль-агаджи подвешивается *юмаг-агаджи* (это тонкая палка во всю ширину станка; иногда она заменяется толстым крепким шнурком. На юмаг-агаджи вешаются клубки ниток, которыми потом подвязывают ильму.

Этим и кончаются все подготовительные работы. Время, потребное на это, зависит от величины ковра (или паласа): так, при длине ковра в 6 ханских аршин и при ширине в 2 хан. арш., 3 человека могут окончить подготовительные работы в 1 летний или в 2 зимних дня.

4. Продевание утка (*аркач*). Собственно, тканье начинается продеванием утка. Оно состоит *в следующем*. Берут небольшими кусками нитку, предназначенную для утка, и одним концом привязывают к правому концу агыз-чубухи; затем, приподняв таль-агаджи, несколько раз надавливают рукой на часть основы, находящуюся между кюджу-агаджи и таль-агаджи. От этого пониже кюджу-агаджи, в месте тканья, происходит изменение в положении рядов: передний 1-ый ряд отходит назад, на место 2-го ряда, а этот последний заступает место 1-го. В этом случае нитки каждого ряда проходят в соответствующие промежутки между нитками другого ряда. Между полученными рядами и продевается первый уток, справа налево.

Вследствие отсутствия приспособлений для продевания утка нет возможности продеть его за раз через всю широту основы; главное затруднение при продевании составляет ничтожное расстояние между рядами ниток. Продевают уток поэтому частями, постепенно, в несколько приемов, сообразно с широтой основы. Отделив с правого края основы некоторую часть ее, вершков в 5, ткачиха надавливает на основу левой рукой, наружной стороной ее; нитки, находящиеся под рукой, подаются внутрь станка, от чего становится возможным продеть пальцы этой руки, слева направо, между рядами ниток, той части основы, которая находится непосредственно рядом с рукой; вследствие этого ряды раздвигаются еще больше. В это же время пальцы правой руки, просунутые так же, только справа налево, передают уток левой. Это повторяется до тех пор, пока уток не будет продет через всю основу. Стоит только представить себе, какое количество утков приходится проводить в коврах даже самых малых размеров, чтобы понять, какая масса времени должна уйти только на эту работу… Уток не натягивают, а проводят свободно, пальца на 3 выше того места, где он должен улечься, и забивают его киргитом. Для этого последний держат за ручку так, что наружная выпуклая сторона его обращена к утку. При ударе киргита, пластинки (зубцы) его заходят между нитками основы и забивают уток.

Когда уток забит, его проводят обратно, слева направо. Для этого предварительно опускают таль-агаджи вниз, вплоть до кюджу-агаджи. При этом движении таль-агаджи ряды основы опять меняются местами, именно: задний ряд (бывший первый ряд) отходит назад, на свое прежнее место. Для лучшего разделения на ряды, пониже кюджу-агаджи проводят по основе ручкой киргита несколько раз. Слева направо уток продевается тем же способом, как и справа налево. Таким образом проводят исключительно утком полосу в 1-2 пальца. Эта часть ковра носит специальное название „агыз-паласи''.

5. Ворс. Вслед за упомянутым *«агыз-паласи»* подвязывается прядь (*чин*), образующая ворс (*ильма*). С обоих краев основы берут по три крайние нитки (две переднего ряда и одну заднего). К ним петлей привязывается «*кыраг-ипи*» (крайняя нитка): это вчетверо сложенная нитка, длиною в 1-2 арш. Она берется из той же пряди, из которой подвязывается ильма; назначение ее - покрыть собою упомянутые крайние нитки. Ворс же получают следующим образом: указательным и средним пальцами левой руки берут две нитки основы - одну переднего ряда (самку), а другую - соответствующую ей нитку заднего ряда (самца) таким образом, чтобы нитка переднего ряда легла на пальцах слева, а заднего ряда - справа. Затем, свободный конец пряди, которая берется с клубка, висящего на юмаг-агаджи, проходит между этими двумя нитками, заворачивает налево и, обогнув левую нитку (самку), проходит *над* прядью, огибает

правую нитку основы (самца) и выходит опять между нитками основы вперед и *под* прядью. Получается своего рода *петля*.

Петлю эту привязывают сначала немного выше сотканной части, вершка на 4, а потом, потянув ее за оба конца вниз, доводят до требуемого места; затем прядь перерезывают ножом и на основе остается петля, с концами немного менее ½ вершка.

Вся дальнейшая работа по этому ряду состоит в подвязывании такой ильмы. Возле 1-ой петли подвязывается другая, потом 3-ья, 4-ая, 5-ая, и т.д., целый ряд, во всю ширину основы, причем, смотря по узорам, берется прядь того или другого цвета. Узоры на коврах (как и паласах) составляются во время же тканья, посредством сочетания нитей различных цветов. При работе имеются всегда готовые ковры, которые и служат образцами; разумеется, против образцов делаются и изменения, напр., в сочетании цветов, в узорах. Нередки случаи, когда узоры берутся с ситца. Сами ткачихи уверяют, что они могут соткать ковры наподобие текинских и персидских, если бы для этого были у них образцы.

Когда ряд петель закончен, принимаются за *дерганье* ильмы (*сифтамаг*): большим и указательным пальцами ткачиха подергивает ильму за концы, отчего в руках у нее остаются шерстинки, которые не закрепились подвязыванием петли. За дерганьем следует *забивание* ряда *h*авой, для чего берут ее так, чтобы наружной стороной она была обращена к основе. Зубцы *h*авы, помещаясь при ударе между нитками основы, забивают и еще более закрепляют ильму. Инструментом этим бьют со всей силой, по всему ряду, от конца до конца, несколько раз. Когда весь ряд забит, повторяют то же самое дерганье. Далее, чтобы совершенно закончить ряд, необходимо провести уток еще 2 раза; проводя в 1-ый раз, слева направо, уток натягивают, для чего придерживают его у правого края основы одной рукой, а другой в это время забивают крепко-накрепко *h*авой; обратно же справа налево проводят свободно, не натягивая его, пальца на 3 выше предыдущего утка, и забивают его не особенно крепко, уже киргитом. Потом еще раз повторяют дерганье ильмы и затем приступают к стрижке.

6. Стрижка ряда производится справа налево обыкновенными ножницами, которые берутся большим и указательным (а иногда и средним) пальцами правой руки и держатся по направлению ряда к левому концу его. Для большей верности, а отчасти и легкости, концы ножниц придерживаются с нижней стороны большим, а с верхней - прочими 4-мя пальцами левой руки. Если стрижка производится маленькими ножницами, в которых одна половина шире, а другая - уже и острее, то эта последняя должна быть сверху, а широкая снизу, так как она лучше прилегает к поверхности раньше остриженной части и, следовательно, вернее направляет ножницы. После стрижки становится уже заметно, что ворс ложится к началу работы, т.е. к агыз-паласи. Срезанная часть шерсти (*кырхынти*) продается с 1 фунта по 5 коп.: она идет вовнутрь дешевых туземных папах, ради тепла, мягкости и проч.

Стрижкой заканчивается ряд. Дальнейшая работа в тканье ковров состоит в повторении предыдущего: за 1-ым рядом проводят 2-ой, потом 3-ий, 4-ый и т.д.; и только после каждого ряда кыраг-ипи обматывается один раз вокруг тех трех ниток, к которым она привязана.

Стригут ковер исключительно взрослые, опытные в этом деле ткачихи, так как неумелая рука может или слишком коротко или слишком высоко срезать ворс и таким образом испортить всю работу.

На станке, смотря по его величине, работают два, три, иногда даже четыре и, редко, одна женщина. Перед станком, во всю ширину его, стоит маленькая низкая тахта, на которой, поджавши ноги, сидят работницы рядом. Между ткачихами нередко встречаются даже дети: они принимают участие в подвязывании ильмы, в продевании утка и т.д., даже нередко вполне заменяют взрослых, когда последних отвлекают от тканья домашние работы. Все ткачихи работают одновременно над каждым рядом, так как в коврах не может быть начат следующий ряд, если вполне не закончен предыдущий. Когда соткана полоса в ½ ханского аршина, основу

передвигают: иначе было бы неудобно далее продолжать работу сидя. Для этого вынимают клинья у нижней перекладины и у кюджу-агаджи, если основа не туго натянута; иначе же клинья вынимаются и у верхней перекладины. Затем одна ткачиха становится на кюджу-агаджи и бьет по ней ногами. Кюджу-агаджи вследствие этого опускается вниз вместе с основой; последняя, таким образом, делает оборот вокруг поперечных перекладин, и сотканная часть отходит на заднюю сторону станка. Затем поднимают на свое место кюджу-агаджи, вколачивают клинья, ставят подставки, смазывают тестом на верхней перекладине основу, предварительно разровняв ее, и продолжают работу далее. Так как ткачихи сидя могут ткать каждый раз полосу не более ½ ханского аршина, то число передвижений основы значительно при тканье даже небольшого ковра. На конце ковра ткут такую же полосу - агыз-паласи, как и при начале.

Так как соткать всю основу невозможно - этому препятствуют палки: кюджу-агаджи и таль-агаджи, - то от основы всегда остается не сотканная часть в ½ ханского арш. (*сачаг*), которую после снятия ковра срезывают. Желая снять ковер со станка, вынимают предварительно все клинья, чтобы ослабить ковер, а затем перерезывают основу под самую кюджу-агаджи; тогда эта последняя свободно снимается с основы вместе с кюджу, т.е. вместе с накрученными на ней нитками; после этого выдергивают таль-агаджи и агыз-чубухи. Нетрудно заметить на любом ковре, что на одном конце его нитки основы короче и заканчиваются петлей: это те петли, которые получились на агыз-чубухи при наматывании основы; что на другом конце ковра нитки длиннее и не заканчиваются петлей, это - от перереза основы при снятии ковра со станка. Чтобы концы ковра не расползались, их иногда обшивают тонкой кожей или материей.

Паласы - это почти те же ковры, только - *без ворса*. Все орудия и инструменты, вся подготовительная работа, все это - одно и то же, как для ковровой ткани, так и паласовой; Только в коврах нитки основы сидят ближе, гуще, нежели в паласах. В паласах нет еще крайней нитки, кыраг-ипи (в коврах она берется из пряди, назначенной для ворса). Далее, вместо одной таль-агаджи употребляется при тканье паласов несколько коротких палок (*чилик*). В коврах после агыз-паласи подвязывают ильму, а в паласах этого нет: здесь тканье состоит в продевании пряди (чин) вместо утка; она берется из тех же ниток, из которых подвязывается ворс на коврах и проводится так же, как и уток в коврах или для агыз-паласи. Следовательно, палас состоит из основы и, так сказать, цветного утка. Так как паласы, подобно коврам, бывают узорчатые, то прядь известного цвета проводится не от одного края основы до другого, как проводится уток в коврах, а смотря по узору. Уток в коврах проводится посредством движения вверх и вниз таль-агаджи, которая пропускает нитки одного ряда в промежутки между нитками другого ряда и обратно; в паласах то же самое делается чиликами, хотя, впрочем, и тут бывают случаи, когда необходима таль-агаджи, это когда прядь проходит от одного края основы до другого, как, напр., в кайме. В коврах работа идет рядами и притом так, что не может быть начат новый ряд, если вполне не заключен предыдущий; в паласах же этого нет: здесь тканье идет скорее узорами; каждая ткачиха работает, не дожидаясь других и пользуясь своим чиликом как самостоятельной таль-агаджи. Вследствие этого, а также и потому, что в паласах нет подвязывания ильмы, узоры здесь крупнее и проще, и работа идет гораздо успешнее, чем в коврах. Татарки забивают в паласах прядь (цветной уток) киргитом, а *h*авы совсем не употребляют; армянки же забивают *h*авой, только слабее, чем в коврах, отчего у них и получается ткань крепкая. Это объясняется тем, что армянки ткут для себя, а татарки - для продажи, лишь бы только нашелся покупатель.

Так как удары киргитом слабее, не такие, как удары *h*авой, то они не могут сдвигать с места ниток основы на верхней перекладине. Поэтому, при тканье паласа, основа (на верхней перекладине) не смазывается тестом.

Передвигают основу при тканье паласов, равно - как и снимают готовый палас со станка, так же, как и ковер.

Для паласов нет особых ткачих: кто в состоянии ткать ковер, тот может ткать и палас и наоборот. Нет для них и особых ниток: изготовленные для ковра нитки могут пойти на палас и обратно. Нет для паласов также и определенного времени: оно определяется потребностью; вообще же ковров изготовляется несравненно больше, чем паласов, в особенности маленьких (ковров), хотя соткать палас и легче, чем ковер. Это объясняется тем, что ковры более в ходу (особенно теперь), ценятся несравненно дороже, держатся дольше и даются всем дочерям в приданое.

Виды ковров и паласов. Ковры в Шуши различаются по своей величине, форме, узорам и назначению и в этом отношении носят здесь различные названия.

a. Ковры по *величине, форме и назначению* различаются следующего рода:

1. *Хали* - самый большой из ковров. Он стелется посередине комнаты (залы, гостиной). Обыкновенная величина его - 2 ханских аршина в ширину и 5, 6, редко 7 ханских арш. в длину. Ширина ковра больше 2 ханских арш. бывает редко, потому что чем шире ковер, тем труднее его ткать: в этом случае края ковра легко кривятся. Впрочем, хали ткут чаще по заказу, поэтому величина и форма его зависит от комнаты, где хотят его постлать.

2. *Ян* - узкие длинные ковры; стелятся они по бокам хали. Их постоянная ширина - 1 ханский аршин с 1-им или 2-мя вершками; длина же зависит от хали, к которому их прикупают. Яны продают и покупают попарно: пара ян стоит обыкновенно столько же, сколько соответствующий им хали.

3. *Гяба* - все прочие виды ковров, которые по своей величине уступают хали и шире ян.

4. *Тахт-усты* - ковер длиною до 3-х ханских аршин и шириною около 1½ ханских аршин; этого рода ковры прибиваются, как показывает самое название их, над тахтами, кроватями, к стене.

5. *Хали-баласи* (в переводе: „сын хали’’) - обыкновенно величина его в 4x1½ ханских аршина.

6. *Джейнамаз* - коврик для намаза. Величина его - 1¼x¾ хан. арш.

По *узорам* (кайма не принимается в расчет) ковры носят различные, чаще всего – следующие названия:

1) *Лямпа* (потолок) - в нем фон одного цвета, при маленьком узоре в середине. 2) *Стол*. 3) *Машин* (от слова „машина’’) - на нем смешанные европейские узоры. 4) *Балых* (рыба) - с рыбообразными узорами. 5) *Бута* - с миндалевидными узорами. 6) *Гюли-яйлых* (красный платок). 7) *Подноц* - подносообразный. 8) *Агима-юмма*. 9) *Булут* - облачный: фон его ткется из двух цветов (серых). 10) *Мунджух* (бусы). 11) *Зармахмар* - золотисто-бархатный (обыкновенно - ян).

b. Паласы делятся вообще на „*ер-паласи*" - простые, полосатые и на „*килим*" - узорчатые, наподобие ковров. К килимам относятся следующего рода паласы:

1) *Сумах*. 2) *Лямпа* – то же, что и в коврах. 3) *Джабраилли* (Джебраильский). 4) *Гюль-вангели*.

Больших ковров (хали) ткут мало вследствие трудности работы и дороговизны этих ковров: их делают почти только для дома, обыкновенно на приданое для дочери - невесты, или по заказу; на неопределенного же покупателя - редко.

Достоинство ковра (следовательно, и цена), кроме величины его, во многом зависит и от узоров. Так, из перечисленных выше видов узоров ковры с узорами 4, 9, 10 и 11 ценятся дороже остальных. Лучшими качествами ковра считаются: тонкая, крепкая ткань, короткий ворс, ровная стрижка, прочная краска, ровные концы, ровные края и шерстяной уток (при бумажном утке ковер служит почти вдвое меньше времени). Лучше всего при выборе ковра постлать его

на ровном месте и посмотреть - ровно ли ложится ковер, нет ли складок на нем, и не съеживаются ли края его. Чтобы узнать прочность красок, трут сомнительный цвет белым мокрым платком: линючая краска сейчас же переходит на платок. Чтобы сохранить ковер, нужно обсыпать его табаком или ореховыми листьями, когда необходимо его сложить. Хорошо также часто проветривать ковры, вывешивая их, - только не на лицо, а наизнанку.

Тканье ковров (а также и паласов) заметно подвигается вперед в качественном отношении, хотя еще очень многого остается желать, в особенности - по части узоров и сочетания цветов. Глаз европейца поражается безвкусицей в этом отношении, пестротой и неправильностью фигур.

Неудовлетворительность рисунков на коврах объясняется, помимо недостаточного эстетического развития ткачих, еще отсутствием хороших образцов рисунков; если при заказе ковра дать ткачихам образец для рисунка, они выполняют его удовлетворительно. Это последнее дает надежду, что со временем, если будут образцы, какие существуют теперь, напр., для работы по канве, ковропроизводство в качественном отношении подвинется вперед. Надежда на усовершенствование изделий этого промысла не только в отношении узоров, но и во всех других отношениях тем более основательна, что ковропроизводители относятся с живым интересом к каждому улучшению в коврах. Лет пять тому назад здесь, в доме некоего Фарад-бека, как передавали, был соткан из шерсти ковер (*тахт-усту*) в 3х1½ арш., который по своим достоинствам ничуть не уступал текинским коврам; этот ковер как редкость носили напоказ, причем, конечно, многие рассматривали его в качестве образца.

Шушинские ковры, занимая на Кавказе первое место, уступают, однако, персидским и в особенности текинским коврам. Причина этого, по словам самих производителей, лежит, главным образом, в меньшей доброкачественности здешней шерсти по сравнению с текинской и персидской. И только в настоящем году, в первый раз были случаи замены местной шерсти или *привозной*, или *другим материалом*. Одним из жителей города привезена из Хорасана (в Персии) шерсть, из которой и заказан ковер в 2х1¼ ханских арш. Кильки (оческов) эта шерсть будто бы совсем не дает и сама по себе, по местному выражению, "даже мягче шелка". Овер, как полагают, будет стоить 50 р. Местная Ханша заказала из гаруса или, как здесь называют татарки, "тифлисских ниток", три ковра: 1 хали и 2 яна, по 8 хан. арш. длины, на приданое своей дочери. Один из местных крупных торговцев коврами заказал ковер (2х1¼ хан. арш.), весь из шелка; за одну работу только он заплатил 40 рублей… Но возможно ожидать и других подобных фактов.

Представители труда. Каждое семейство, занимающееся ковротканием, работает своими силами и только иногда, когда работа к спеху, обращаются к соседям за помощью. Бесплатная помощь и здесь (как и в расческе) называется «*имаджи*». Сперва приглашают для помощи одну соседку на несколько дней, даже на целую неделю, с пятницы по пятницу (в этот день не работают), потом другую, а там третью и т.д. Но зато впоследствии всем им нужно отработать по стольку дней, поскольку каждая из них помогала. Если же нанимают за плату, то наемная работница называется в этом случае «*янчи*» (крайний): она всегда работает *с краю* и притом до половины, если ткущих двое, или $^1/_3$ ковра, если их трое. Плата назначается не поденно, а по количеству работы: так, за 1 ханский аршин в длину ковра, хозяйских харчах и инструментах, платят янчи от 1 руб. до 1 р. 80 к., смотря по ширине ковра и трудности узоров. Впрочем, большое значение, при определении платы, имеют знакомство, родственная связь, степень бедности нанимающейся янчи. На ночь янчи уходят домой. При расчете, иногда дарят ей что-нибудь, напр., материю на платье и т. п. Наем работниц бывает только во время тканья больших ковров, следовательно, весною, летом и отчасти осенью. Мелкие ковры ткут всегда сами. Нанимаются ткать ковры бедные и притом нанимаются сравнительно охотно. Особенно выгодно это занятие по сравнению с заработками, напр., на местных шелкомотальных заводах:

там за тяжелую работу в очень удушливой атмосфере работница получает всего 15-20 коп. в день, здесь же на хозяйских харчах она получит не меньше, если не больше, и за работу чистую, нередко производимую на чистом воздухе - на дворе.

Сбыт изделий. Прежде (лет 20 назад) число ковропроизводителей было несравненно меньше. Ковры расходились здесь же и редко вывозились, и то разве с целью подарка; теперь же вывозятся они из Шуши целыми партиями. Вывозом занимаются, кажется, только три купца…

Прежде сам хозяин, еще почти за неделю до окончания ковра, говорят, выходил в армянскую часть города (город делится на две части - армянскую и татарскую) с целью найти покупателя и объявлял, что у него через неделю будет готов ковер. Теперь это делается несколько иначе: продажа ковров поручается хозяевами, так называемым, ,,далалам'' (местным маклерам). Далалы или на плечах таскают ковры по улицам, или же выносят их в воскресный день на армянскую площадь и ищут покупателей. Они стараются выискивать покупателей преимущественно среди чиновников, так как продажа в этом случае бывает более выгодна, если же нет таких честных покупателей, тогда предлагают скупщикам и подчиняются уже предложенной последними цене. При передаче ковра далалу, хозяин назначает minimum продажной цены. В пользу далала из этой суммы идет 1 р. и больше, смотря по цене ковра. Вырученные от продажи деньги далал сейчас же передает лицу, которое вручило ему ковер. Если же ему удается продать ковер дороже предположенной цены, и если об этом излишке он сообщит хозяину ковра, то получает такую или иную часть, смотря по добросовестности хозяина. Но, конечно, нередки случаи утайка далалом всего излишка или части его. Прежде, когда в Шуши ткали сравнительно и меньше, и хуже, состоятельные армяне выписывали ковры из Персии, впоследствии же, когда и здесь стали ткать больше и лучше, они перестали выписывать оттуда и начали покупать ковры местные, шушинские. До последнего времени армяне покупали ковры в большем количестве, так как они в комнатах полы устилали коврами; теперь же среди армян вошли в моду крашеные полы, которые уже не устилаются коврами. Меньший спрос ковров среди армян ныне отчасти обусловливается еще заменою у них кош сапогами: коши носят только вне дома, при входе же в дом их снимают с ног и входят в комнату в носках; при таких условиях, конечно, устилание полов коврами было более необходимо, чем теперь, когда коши заменяются сапогами, которых армяне уже не снимают при входе в дом. И обычай устилать полы коврами начинает выводиться, (но только среди армян)…

Сильный толчок рассматриваемому производству дан был лет 8 тому назад, в 1879-80 г., наплывом иностранцев. Иностранцы стали покупать старые и исключительно старые ковры за очень дорогие цены, для отправки их за границу. Собирание старых ковров и вывоз их громадными партиями продолжается и в настоящее время, и не только здесь, в городе, но и в уездах: Шушинском, Джебраильском и Занзезурском.

С появлением спроса на старые ковры число ковропроизводителей стало расти, а цена на ковры подниматься. К сожалению, в качественном отношении ковры стали ухудшатся, вследствие введения ализарина, замены шерстяного утка бумажным, а также вследствие небрежного отношения производителей к своему делу: производители, имея в виду продажу, стали обращать внимание не на добротность ковра, а на то, чтобы внешний вид его был хорошим. Во время тканья уже не крепко бьют *h*авой, отчего ткань получается неплотная; но зато в этом случае работа кончается скорее, и материалу идет меньше. В настоящее время на ковры и паласы существуют приблизительно такие цены:

Хали при 5х2 хан. арш. стоит 60-70 р., а прежде тот же хали можно было купить за 50-55 руб.; хали при 6х2 хан. арш. стоит 80-90 руб., 7х2 - 100-120 руб.

Пара ян стоит столько же, сколько и соответствующий им хали; так, пара ян, каждый в 5 хан. арш. длины при постоянной ширине в 1 хан. арш. с 1-2 верш., стоит, как и хали в 5х2 хан. арш., 60-70 руб., и .д. Прочие виды ковров ценятся *так*:

при 6х2 арш. русских в 35-40 руб.
„ 4х2 „ „ „ 25-28 „
„ 3х1½ „ „ „ 15-18 „
„ 3х1¼ „ „ „ 10-12 „
„ 2¾х1¾„ „ „ 14-15 „
„ 1¾х1 „ „ „ 4-5 „

Паласы цельные *так* ценятся:

при 5х2 хан. арш. 25-35 руб.
„ 6х2 „ „ „ 35-45 „
„ 7х2 „ „ „ 45-50 „

Стоимость ковров много зависит также и от узоров. Ковер, с вышедшим из моды узором стоит дешевле, и его каждый старается продать; таков, напр., узор "подноц" (подносообразный). Ковер с этим узором, напр., при 5Х2 хан. арш., стоит рублей на 20 дешевле, чем такой же величины ковер с модным узором, каким ныне считается "балых" (рыба). Но цена ковра, конечно, зависит и от уменья покупателя торговатся…

Районом сбыта шушинских ковров до последнего времени было почти только Закавказье. В последнее же время один из местных торговцев-татар стал отправлять ковры большими партиями в Константинополь. С недавнего сравнительно времени существуют еще склады шушинских ковров в Пятигорске и в Петербурге. Если производители с большей добросовестностью будут относиться к своему делу, то возможно, что район сбыта расширится еще новыми рынками.

Определить в точности, на какую сумму изготовляется ковров и паласов ежегодно в Шуши, нет возможности, за неимением статистических данных. Известно только, что почти все татарское население города занято этим производством: не занимаются им только беднейшие жители, не имеющие возможности работать своим материалом, и некоторая часть беков (многие состоятельные бекские дома ткут ковры, конечно не ради уже выгоды; сама ханша, имеет, говорят, свой станок, на которым ткут ее „гараваши'', и изредка даже сама она принимает участие в работе с своими серебряными инструментами). По словам лиц, близко знакомых с ковропроизводством, в Шуши ежегодно производят ковров на сумму свыше 200.000 р.

Труд и капитал. Трудно узнать точно, какое количество труда и капитала затрачивается на ковер известной величины, сколько получается барыша от него, во что обходится рабочий день одной ткачихи. Сами производители не знают точно, сколько купили шерсти, вся ли шерсть была испрядена, все ли нитки были употреблены в дело или еще их осталось, на какую сумму ушло красок, во сколько дней сработали ковер и т.п. Записей и заметок ковропроизводители не ведут. Наконец, из подозрительности они дают далеко не правдивые показания, напр., одни опасаются, собирание сведений о ковропроизводстве предвещает наложение „акциза'' на этот промысел, другие не хотят открыть „секретов'', как окрашивают нитки. Многие притом даже в дом не пускают, но и при позволении войти в дом пользы бывает мало: при появлении нового человека во двор, ткачихи разбегаются, и остается или мужчина, или старуха. Мужчина ничего не знает в этом деле, за исключением цены на шерсть; старуху же почти бесполезно расспрашивать. Спрашиваешь, напр., на сколько купили красок вот для этого ковра, и указываешь на тут же ткущийся ковер - после долгой паузы старуха нехотя отвечает: „я не знаю, моя невестка покупала''. Просишь ее спросить у невестки. Старуха нехотя идет и через несколько времени возвращается с ответом, вроде того, что „она тоже не помнит, было давно, а покупала и на 5 к., и на 20 к., и на 50 к.'' и т.д. При следующем вопросе повторяется подобное же. Понятно, что

при таких условиях задать нужное количество вопросов невозможно, и, не добившись толку, направляешься назад. Но и в другом доме повторяется то же: или отказываются отвечать под предлогом незнания, или дают уклончивые, неопределенные ответы. Напр., на вопрос: „во сколько времени можно соткать такой-то величины ковер?’’- отвечают: „можно в 2-3 месяца’’; на вопрос: „сколько человек должно работать все это время?’’- отвечают: „2, 3, 4 человека’’, и т.д.

Пишущему эти строки посоветовали расспрашивать татарок-ткачих под предлогом заказать им ковер. В этом случае ткачихи, действительно, вступали в разговор, но зато, из желания взять за заказ возможно дороже, давали преувеличенные показания насчет количества материала, красок, времени и вообще расходов. Оставалось *путем* собственного *опыта проверить* показания ткачих (что и было исполнено).

В *мойке* пуд хорошей шерсти теряет, по словам одних, 10 ф., по словам других, - 15 ф., плохая же шерсть теряет будто бы даже половину. Некоторые производители передавали, что 5 пудов шерсти теряют в мойке 2 пуд., т.е. 1 пуд - 16 ф. По опыту мойки, произведенной в присутствии автора над пудом купленной им кислой шерсти (снимаемой с овчин), оказалось, что шерсть потеряла в мойке $^1/_5$ часть своего веса, т.е. 8 ф., и дала, таким образом, 32 ф. чистой шерсти. Но мы возьмем *за норму потери* от мойки некислой шерсти 16 *фунтов* с пуда; разумеется, это будет уже слишком большая уступка показаниям ковропроизводителей.

В *расческе* пуд вымытой шерсти дает, по словам одних, 36 фунтов расчесанной шерсти и 4 фунта кильки (оческов), по словам других, то же самое количество шерсти дает даже при 1-ой расческе 30 ф. «пальпи» и 10 ф. кильки; при 2-ой же переческе из 30 ф. пальпи остается 25 ф. альчима и 5 ф. новой кильки. Но эти показания после проверки на опыте оказались неверны. В опыте пуд *вымытой* шерсти дал, при двух переческах, $23^1/_3$ ф. альчима и $16^2/_3$ ф. кильки; следовательно, 1 пуд. *грязной* шерсти дает около 14 ф. окончательно расчесанной шерсти (альчим) и 10 фут. кильки.

В *прядении* альчим ничего не теряет: он весь обращается в нитки. Кильки из 10 ф. дает до 4 ф. ниток для основы; 6 ф. остатка кильки, аджи-килька, продается, следовательно, 1 п. грязной шерсти должен дать около 18 ф. готовых ниток (14 ф. + 4 ф. = 18 ф.).

Итак, один пуд грязной шерсти *дает*:

В мойке		**В расческе**		**В пряже**		
Грязь	**Чистая шерсть**	**Альчим**	**Килька**	**Готовые нитки**		**Аджи-килька**
16 фун.	24 фун.	14 фун.	10 фун.	18 фун. В том числе		6 фун.
				Для ворса и утка 14 фун.	Для основы 4 фун.	

Из двух пудов ниток, по словам ткачих, *получается*:

		В ханских аршинах		**Площадь в русских квадратных аршинах**	**Вес 1-го кв. аршина (русск.)**
		Длина	**Шир.**		
ковер	хали	6	2	Почти 24	$3^1/_3$ ф.
	гяба	8	1½	Столько же	$3^1/_3$ ф.
или палас		8	2½	Почти 40	2 ф.

Взвешивание самих ковров и паласов не подтверждает и в данном случае слов ткачих. Вес 1 кв. арш. (русского) не доходит до 3 ф. (maximum - $2^4/_5$ ф.) в коврах любой величины, а в паласах вес квадр. аршина maximum $1^3/_4$ ф. Правда, во время тканья с ковров срезывается стрижкой ворс (кырхынты), а от основы, после снятия ковра со станка, отрезывается полоса в ½ ханского арш. (сачаг), но кырхынты с шерсти-аршинного ковра, по словам же ткачих, бывает около 6 ф., а сачага - менее 2 ф. ($1^2/_3$ ф.). На этом основании нужно думать, что из двух пудов ниток должен получится ковер больше, чем это показано выше.

Не менее разноречивы показания относительно времени, потребного на обработку материала. Здесь взято среднее количество. За летний день, с раннего утра, 1 мужчина и 1 женщина вымоют пуда 4 шерсти. В 1 день, в 12 рабочих часов, 1 женщина, работая в одиночку, может расчесать около 5 фунтов шерсти (опыт: $4^5/_7$ фунтов); но при существующем здесь способе расчески (имаджи), вследствие соревнования, возможно, что каждая женщина расчешет шерсти фунтов до 6. В день, при 12 же часах работы, одна женщина может напрясть ниток для ильмы фунтов 6, для основы же и утка меньше: для первой 5 ф., а для второго 4 ф.; это - оттого, что нитки для основы и утка скручиваются туже; для утка, кроме того, нитки прядутся тоньше. Определить время, какое потребно собственно на тканье ковра или паласа известной величины, нет уже возможности. Сами ткачихи не могут дать точного ответа на этот вопрос, так как ткут ковры урывками, в свободное от домашних работ время. Ответ на этот вопрос затрудняется еще тем, что быстрота работы находится в зависимости от сложности узоров: чем сложнее узор для ковра или паласа, тем больше времени тратится на тканье его. Для приблизительного представления о количестве времени, необходимом для тканья ковров разных величин, приводим *следующие* показания самих ткачих.

Предмет тканья	Величина в ханских аршинах		Число ткачих	Время в днях		Сколько ткет 1 ткачиха за 1 день	
	Длина	Ширина		С домашней работой	Без домашней работы	С домашней работой	Без домашней работы
						кв. верш.	кв. верш.
Ковры	8	2½	5	90	-	$22^1/_3$	-
	4	1¼	2	30	-	42	-
	¾	2	2	-	6	-	$63^1/_3$
	1	2	3	-	6	-	56
	½	2½	4	6	-	26	-
Палас	4	1¼	2	20	-	$63^1/_3$	-
	1	2	2	-	6	-	84¾

Таким образом, при домашних работах одна ткачиха ткет в день от 22-42 квадр. вершков ковра; без домашних же работ она соткет от 56-$63^1/_3$ кв. вершков. Далее, в графе „число ткачих'' в первом случае показано 5, а в пятом – 4, и все-таки при одинаковой ширине ковра и при меньшем количестве рабочих в последнем случае работа идет быстрее. Это оттого, что в первом случае на долю 5 ткачих выпало домашней работы гораздо больше, чем во втором на долю четырех; кроме того, на одном и том же станке редко работают одновременно 4 ткачихи, а 5 - никогда, и в данном случае нужно представлять себе дело так, что над ковром (или паласом) работали разных 5 лиц в разное время.

Как ни любопытно определить дневной заработок ткачихи, однако с точностью сделать это невозможно, по известной уже читателю неопределенности относительно количества труда и денег, затрачиваемых на ковры и паласы. Сами же ткачихи полагают, что ковропроизводство совсем безвыгодно, и что занимаются они им только по привычке говорят, что оно дает в день ткачихе не более 10 копеек и в доказательство своих слов преувеличивают расходы по производству и количество времени работы: „Труда много, а выгоды никакой'', - вот характерное выражение татарки о ковропроизводстве.

Для приблизительного определения дневного заработка ткачихи все же есть путь. Известен средний вес квадр. аршина ковра: отсюда возможно определение всего количества ниток, ушедших на ковер. Далее известно взаимное весовое отношение между частями ковра - утком, основой и ильмой: по словам ткачих, они относятся между собой, как 3 (уток): 5 (основа): 15 (ворс); отсюда возможно определить, сколько и каких именно ниток ушло на ковер. Далее,

исвестны стоимость шерсти в продаже и стоимость окраски. Наконец, приблизительно уже высчитана здесь потеря метеряла при отделке. Таким образом, есть возможность приблизительно рассчитать стоимость всего материала, ушедшего на ковер: разность этой суммы с ценою готового ковра и будет заработком ткачихи. Отсюда уже легко приблизительно определить и дневной ее заработок, так как известно время, необходимое на ткание и на приготовления работы к нему. Для производства расчета возьмем ковер-хали как наиболее распространенный, в 6х2 ханских арш. (метра) или рус. 8 арш. 7 вер. х2 арш. 13 верш. (24 квад. арш.).

Ковер (хали) 6х2 хан. арш. (8 арш.)

Вес готового ковра			Всего ушло ниток	В том числе:			Всего ниток, полученных из		Следовательно потребно:			Всего для этого необходимо грязной шерсти.	РАСХОД				
	Стрижка.	Срезано:											Деньгами				
	1.Ильмы (ворс)	При снятии ковра со станка.		1.Утка	II. Основы.	III. Ильмы.	a. «Альчима» для ильмы и шерстяной части утка	b. Кильки (оческов) для основы.	a. Альчима.	b. Кильки	В С Е Г О		На шерсть, считая по 4 руб. пуд	На бумажную часть утка.	На мойку.		
67ф.	6.ф.	2 ф. ($1^2/_3$ ф.)	75ф.	10 ф. ($9^{13}/_{23}$) Считая в том числе	16 ф. ($16^7/_{23}$)	49 ф. ($48^{21}/_{23}$)	55ф.	16ф.	55ф.	40ф.	95ф.	Почти 160 ф.(4 п.)	16р.	1р.50к.	50к.		

Р А С Х О Д И Временем (в д н я х) на 1 т к а ч и х у.	Выручено от продажи	Остается, за вычетом расходов:	Заработок в 1 день на 1 ткачиху.

Всего	На обивание шерсти	На двойную расческу.			На прядение:				На другие мелкие работы, как–то: наматывание в клубки, сучение, киртиздамагъ и проч.	На окраску.	На наматывание основы.	На тканье, считая по 60 квадр. верш.	В С Е Г О.	Ковра.	Аджи-кильки.	Кырхынты.	В С Е Г О.		
		В 1-ый раз	Во 2-ой раз																
		Считая по 5 ф.	Считая по 4 5/7 ф.	В С Е Г О.	Утка (по 4 ф.).	Основы (по 5 ф.).	Ильмы (по 6 ф.).	В С Е Г О.											
3	3	19	14	33	1 1/2	3 1/5	8 2/6	Почти 13	20	5	2	101	180	85Р.	2р 40к.	30 к.	87 р. 70 к.	63 р. 20 к.	35 к.

Итак, судя по сделанному сейчас расчету, *день тканья даст ткачихе 35 коп*. (или около этого): так это при исключительном занятии тканьем. Но при домашних работах, как здесь и занимаются тканьем, при строгом соблюдениии пятниц и других праздников (напр., 2 недели во время праздника Шахсея), при соблюдении недельных трауров по умершем члене семейства, по умершем соседе или родственнике, наконец, при свободной работе, не по найму или заказу, ткачиха ткет сравнительно гораздо меньше и потому, при всех этих условиях, заработок ее в день не должен быть более 15-20 коп.

Любопытны условия, на каких делаются заказы ковров. Заказывают почти всегда большие ковры. Заказчик сам доставляет весь материал в готовом виде, в нитках, иногда даже окрашенных. Если же он поручает красить самим ткачихам, то платит за это им, кроме расходов на краски, от 40 к. до 1 р., смотря по количеству ниток. Кроме материала, заказчик обязан дать станок с принадлежностями и инструменты, если таковых нет у ткачихи или если они у нее заняты. Плата при заказе ковра (или паласа), очень неопределенна: она зависит, во 1-х, от величины заказываемого ковра, во 2-х, от количества и трудности узоров и, в 3-х, от степени нужды в деньгах ткачихи, берущей заказ. В общем, ткачихи предпочитают работать своим материалом: должно быть, дневной заработок ткачихи, когда она работает на заказ, ниже, чем при работе своим материалом. Вот плата ткачихе с ковра на заказ: за ковер (гяба) в 4Х1¼ ханск. арш. платят 10-12 р., за работу паласа руб. 9, за хали в 6х2 хан. арш. – руб. 25-30. Помимо денежного вознаграждения, заказчик дает ткачихе «*халат*» (подарок), напр., или ситец на платье, платок, и т.п., или голову сахара, или 1 «*мотал*» фунтов в 30 (местный сыр), иногда 1 пуд. рису, или же 1 или 2 пуда муки и т.п. Эта плата натурой имеет характер подарка и потому при заказе редко ставится в условие заказчику. Заказчику прийти посмотреть, как ткется его ковер, просто неудобно без подарка, уже утвержденного обычаем, тем более, что тогда не будет поощрения ткачихам особенно заботиться об изяществе и прочности ткани.

Санитарные условия. Ковроткание - работа чистая и производится на чистом воздухе, на дворе, по крайней мере, так в большинстве случаев; только когда ткут ковры зимой (но это бывает слишком редко и притом ткут тогда небольшие ковры), работа производится на дому (зимой татарки заняты другими работами: вяжут, напр., носки). Это приурочение ковроткания к лучшему времени года обусловливается просто неудобством ставить станки в домах: большие станки даже иногда положительно невозможно установить в доме. Отсюда понятно, конечно, что при таких условиях влияние этого производства на здоровье ткачих может быть скорее благодетельным, нежели неблагоприятным: ковропроизводство необходимо держит ткачих на чистом воздухе. Такое влияние на здоровье ткачих тем более вероятно, что татарки *не переутомляются* за работой: они ложатся очень рано, работают только днем и притом не всю сплошь неделю, или вовсе не работают, по разным случаям. Впрочем, не вполне безвредно ковроткание: при работе на холоду пухнут и болят наружные стороны пальцев.

Культурное влияние. Ковроткание должно некоторым развивающим образом действовать на производителей: составление узоров, сочетание цветов и т.п., держит в некотором напряжении ум ткачихи и изощряет ее вкусы. Оно, как своего рода искусство, должно действовать облагораживающим образом и на нравственную сторону ткачихи; не говорим уже о том, что, как и всякое занятие, оно приучает производителя к труду, а это очень важно для татар, лень которых вошла в пословицу. Впрочем, далеко не такого высокого мнения о ковропроизводстве сами татарки: единственное предание о ткачестве происходит от чёрта.

Вот это *предание*: «Бог, создав человека, позаботился и о том, чтобы научить его какому-нибудь полезному занятию, ремеслу, и действительно научил, напр., шить себе платье и вообще заниматься тем, что прямо необходимо для человека. А чёрт, проведав об этом, сманил человека к себе и показал ему свою ткацкую. Человек действительно был прельщен ткацкой и научен чертом ткать ковры “ …Поэтому, теперь станок с принадлежностями, гребень и прялка - все это вместе называется «*шейтан–кархана*», т.е. чертова мастерская.

Будущность промысла. Вопрос о будущности исследуемого промысла выяснится сам собою, если укажем как благоприятные, так и неблагоприятные ему причины.

К *благоприятным* условиям могут быть отнесены следующие:

1. *Характер данной работы* - таков, что ею с успехом могут заниматься женщины и подростки, т.е. более свободные и ничем не занятые руки.
2. *Дешевизна обзаведения* инструментами.
3. *Техника тканья,* состоящая в исполнении всей работы исключительно и непосредственно руками: два-три инструмента, которые при этом употребляются, играют весьма ничтожную роль, и их употребление не требует ни особого навыка (за исключением ножниц), ни знания.
4. *Распространенность* и все более и более *возрастающий спрос* на предметы этого производства.
5. *Отсутствие* в городе *фабрик и заводов,* могущих занять все наличное количество свободных женских и детских рук.
6. *Привычка* спать, сидеть и производить разные работы на полу (Это в связи с отсутствием мебели: среди низшего и среднего класса (у татар же – у всех) отсутствует мебель или она встречается в качестве украшения).
7. *Богатство сырого материала* – шерсти и сравнительная легкость его получения от местных же скотоводов.
8. *Преимущественная выгодность* рассматриваемого промысла перед домашними занятиями.
9. Возможность для ткачихи, без ущерба производству, во всякое время *оторваться от работы* и заняться хозяйственными делами.
10. Производство это не требует ни *специальных помещений*, ни особых *приспособлений*.

11.В числе причин, благоприятствовавших этому промыслу, вероятно, немалую роль играло и то обстоятельство, что *обучение* этому производству не требует, в настоящем своем виде, ни особых *школ,* ни *учителей*. К тому же обучение не сопровождается особенной и долгой тратой времени, а тем более – денег и не требует особенной физической *силы и здоровья*, а также и специальных дарований: дети, девочки, не отлучаясь никуда, учатся у себя дома, исподволь, имея постоянно пред глазами наглядные уроки и в 8-10 летнем возрасте являются помощницами для старших.

II. Переходя к причинам, неблагоприятно отзывающимся на этом промысле, следуетъ сначала упомянуть, что сами производители ни в чем не видят недостатка в своем промысле. Это в высшей степени знаменательный факт для определения того, задумываются ли над своей работой татарки-ткачихи. Кроме этого, нужно указывать и на другие неблагоприятствующие промыслу причины. Они кроются:

1) в способе обработки материала. Мойка шерсти расческа, пряжа, очистка ниток киртизом, намотка ниток в клубки, их размотка, окраска и т.п. все это при теперешнем способе работы отнимает слишком много времени, что сильно влияет на заработную плату. К тому же шерсть теряет много в весе; окраска (тона цветов) делается на глаз; краски линючи, а последнее обстоятельство очень вредно сказывается на ценности изделий.

2) *в плохой конструкции станка*. Данный недостаток вредно отзывается как на качестве изделий, так отчасти и на скорости работы. К сказанному выше при описании тканья можно добавить еще одно обстоятельство. Так как на одном и том же станке обыкновенно работают 2 и 3 лица и забивание ряда зачастую производится ими всеми вместе, одновременно, то, вследствие различия силы ударов и ряд не во всех местах забивается одинаково, а отсюда и ткань в одном месте получается более плотная, чем в другом: это, в свою очередь, составляет недостаток изделия.

3) *в способе сбыта.* Мы видели, что лично производители ни в одиночку, ни вместе не отправляют своих изделий никуда, а должны продавать их на месте или частным покупателям, или нескольким скупщикам, и за ту цену, какую последние предложат. При этом, как мы видели, немалый процент переходит в руки далалов.

4) *в степени спроса* на изделия: она слишком невысока (скупщиков – трое только), хотя - о чем уж выше было упомянуто - спрос на здешние ковры возрастает.

Соответственно благоприятствующим и неблагоприятствующим причинам занимающего нас промысла, можно указать хотя и на *некоторые меры* для его поднятия.

1. Необходимо *ускорение производства*, т.е. уменьшение времени, употребляемого теперь на изготовление ковра. Но оно находится в прямой зависимости как от способа обработки материала, так равно и от техники ткания; следовательно, необходимо:

а) Усовершенствование способа мойки, чтобы шерсть вымывалась лучше и теряла меньше;

б) Введение нового гребня и прялки, при которых на одно и то же количество обрабатываемой шерсти требовалось бы возможно меньше времени, а ниток выходило бы больше и по качеству своему лучше;

в) Усовершенствование конструкции станка;

г) Усовершенствование техники тканья, насколько это окажется возможным в данном деле.

2. Для улучшения *качества изделия* необходимо:

а) Усовершенствование красок и способа окраски;

б) Введение рисунков и узоров по клеткам, какие теперь существуют для работы по канве: если теперь ткачихи могут брать узоры с ситца, то с проектируемых образцов будет еще легче, да и самые узоры будут более правильны;

в) Улучшение материала - шерсти; из местной шерсти лучшей считается шахсеванская (кочевье Джевадского уезда);

г) Устройство образцовой ткацкой или *музея* по кустарной промышленности с образцами улучшенного материала, орудий и инструментов.

3. Ввиду характера закупки шерсти, а также ввиду того, что некоторые бедные дома не занимаются этим промыслом за неимением, денег, правильно устроенное *кредитное учреждение* или товарищество могло бы оказать в данном случае большую услугу.

4. Наконец, необходимо поднять спрос и удалить скупщиков.

2. Носки.. Вязанием носков занимаются исключительно женщины, в своих домах. Носки вяжут пятью обыкновенными спицами. Спицы покупают у мелких торговцев на месте, в гор. Шуши, куда их привозят из других городов. Пять штук спиц стоят 2 коп. Вяжут носки из шерстяных и бумажных ниток. Последние привозят из других городов готовыми, а шерстяные нитки приготовляют сами женщины из овечьей шерсти. Шерсть доставляется из следующих уездов Елизаветпольской губернии: Джеванширского, Джебраильского и, главным образом, Шушинского. Пуд немытой шерсти стоит четыре рубля. Купленную немытую шерсть прежде всего моют: если ее немного, моют дома, иначе - на ближайшей речке. В мойке шерсть *теряет половину* веса. Обыкновенно мойка шерсти производится в ясные летние дни. Вымытую и просушенную шерсть расчесывают дома на железных гребнях (*дарах*), чтобы она немного смягчилась. При расческе шерсти работница ставит гребень против себя - так, что обе ее ноги лежат на особом выступе его. Это сообщает устойчивость гребню. Потом она нанизывает шерсть на спицы гребня и раздергивает ее в обе стороны. Одна женщина в день может расчесать 3 фунта шерсти. После расчески шерсти (5 ф.) часть (3 ф.) получается хорошей шерсти и часть (2 ф.) оческов - „кильки”; килька идет на матрасы и папахи; фунт ее стоит 10 коп. Хорошая же шерсть наматывается в клубок (*бурух*) и второй раз подвергается расческе. После второй расчески шерсти опять часть превращается в кильку; а остальная (2 ф.) часть шерсти, годной на хорошие изделия (ковры, паласы, носки и т.п.), прядется на прялке в нитки.

Прялка, или, как татары ее называют, «*джаара*», состоит целиком из деревянных частей: основания, двух пар ножек, колеса и оси с ручкой. Основание состоит из 2 поперечных брусков (длиною 11 верш., шириною 2 верш. и длиною 5 верш., шириною 2 верш.), скрепленных между собою двумя продольными круглыми брусками (каждый длиною по 9 верш., с диаметром в 1 верш.). В поперечные бруски вставляются 4 ножки: 1) (длиною по 4 верш., с диаметром в ½ верш.) – для веретена, на расстоянии 2 вершков одна от другой; *между этими ножками* прикреплены *вертикально три палочки*, длиною 4 верш.; палочки веревкой связаны между собою и ножками, чтобы они не шатались во время прядения; 2) другие две ножки (длиною по 11 верш., с диаметром в ½ верш.) – для колеса, на расстоянии 7 верш. одна от другой. Ножки для веретена прикрепляются вертикально, а ножки для колеса – под тупым углом. Между ножками помещается дощатое колесо, состоящее из двух кругов (каждый диаметром в 10 верш.); *между кругами* помещается большая круглая *катушка* (диаметром 4 верш.). В ножках, в кругах, составляющих колесо , и в катушке сделаны отверстия, в которые помещается горизонтально ось (длиною 10 верш., диаметром в ¼ верш.). К концу оси под прямым углом прикрепляется деревянная ручка. В ножках для веретена есть отверстия, через которые продеваются жилы (ушки) с отверстиями; в эти жилы концом продето веретено, длиною в 12 верш., а толщиною с куриное перо; на веретено надевается маленькое деревянное колесо (*тагалах*), в 1½ верш. в диаметре. Веретено и большое колесо огибаются *двумя* общими *длинными веревками* или ремнями, из которых один (или одна) проходит между левой и средней палочками, а другой - между средней и правой. При вращении кругов начинает вращаться и веретено. Прежде чем начинают прясть шерсть, надевают на веретено тагалах, который касается правой ножки прялки и вращается вместе с веретеном; тагалах предупреждает трение ниток о ножку прялки; на продольные круглые бруски кладут большой камень, чтобы прялка не теряла равновесия.

Процесс прядения на этой прялке таков. Женщина садится против большого колеса прялки и за ручки колеса начинает правой рукой вращать его слева направо; а левой рукой берет клочок шерсти и часть его прикрепляет к веретену; этот клочок шерсти прядется от действия на него

двух сил - от вращения колеса и от того, что женщина медленно тянет его вверх, насколько хватает длина ее руки. Если она хочет получать тонкие нитки, то взятый клочок она поднимает медленно, а если толстые - то быстрее. Когда спрялся намотанный на веретено клочок шерсти, она останавливает вращение колеса слева направо и слегка начинает вращать колесо в противоположную сторону, т.е. справа налево: спряденная нитка разматывается с острия веретена, куда во время прядения сама собою наматывается каждая нитка. Размотав нитку, она, не отрывая нитки от клочка шерсти, движением слева направо (тем движением, каким и прядут) снова наматывает нитку на веретено, но теперь уже - около тагалаха. Так она прядет взятый клочок шерсти, пока тот не кончится, за ним берет другой, прикрепляет несколько волосков его к свободному концу ниток на веретене и снова начинает прясть. Когда нитки на веретене достигают одной высоты с тагалахом, она останавливает вращение, отрывает нитки от клочка шерсти (если клочок не кончился) и снимает с веретена. Такой моток шерсти, имеющий форму конуса, называется «*дюкча*». Таким образом женщина прядет всю шерсть.

Если из этих ниток хотят вязать носки, то две дюкчи наматывают в один общий клубок (*юмак*). Потом юмак вторично прядется для того, чтобы нитки приобрели большую крепость. После этой второй пряжи наматываются клубки уже по одной нитке. Для образования мотков (*калаф*) клубки эти перематывают на колени.

Мотки красят в разные цвета: красный, синий, желтый и пр. Окраска шерстяных ниток производится самими женщинами, в котлах. Если требуется окрасить, напр., 1 ф. ниток, то берут котел, вмещающий в себе приблизительно 20 ф. воды, наполняют его водою и ставят на разведенный костер. Краску, вместе с толченым порошком квасцом, опускают уже тогда, когда вода кипит; перемешивают все это и опускают нитки (в мотках) часа на 3-4; чем больше времени оставлять нитки в котле, тем лучше они окрашиваются. На окраску одного фунта ниток нужно взять 4 золотника краски и 5 золотников квасцов. Квасцы примешиваются к краске для прочности ее. Золотник краски стоит от 2 до 4 коп., а 10 золотников квасцов - 1 коп. Краску и квасцы привозят из других городов.

После окраски ниток их тотчас моют холодной водой, чтобы они потом не полиняли. Затем нитки просушиваются на солнце и наматываются в клубки. Для окрашивания большого количества ниток женщины отправляются на речку и там совершают вышеуказанный процесс. За окраской ниток следует очищение ее железной спицей (киртиз), длиной приблизительно в 3 вершка, а толщиной - с куриное перо (киртиз делается местными кузнецами, по 10 к., за штуку). Свободный конец ниток держат между большим и указательным пальцами правой ноги, клубок держат в левой руке, а киртиз в правой. Нитку обматывают раз на киртиз, проводят от себя к ноге и обратно (2 раза): с ниток от этого отделяются маленькие частицы, составлявшие шереховатости на них. Очищенную часть ниток складывают впереди себя и снова с клубка сматывают такое же количество их для очистки. От этой чистки нитки не теряют почти ничего в своем весе. Такие нитки идут уже на носки. Когда носки готовы, их надевают на «тахт», имеющий вид подошвы: это для того, чтобы растянуть носки.

Вяжут носки все одним и тем же способом, с той только разницей, что лучшие носки вяжут с различными узорами из ниток разных цветов.

Производство шерстяных ниток и вязание носков, по словам старожилов, существует с самого основания города Шуши и до некоторой степени постоянно улучшается, так как каждая женщина заботится об усовершенствовании себя в этих производствах.

Носки не только продаются в Шуши, но и посылаются для продажи в другие города: Тифлис, Баку, Елисаветполь.

Обыкновенно из 10 фунтов немытой шерсти получаются только 2 фунта окрашенных ниток; из этих ниток, в продолжение 24 дней, вяжут 8 пар носков и продают от 40 до 50 коп. за пару, смотря по тому, какая работа и какие узоры. Значит, от продажи 8 пар носков получают до 3 р.

60 к. (средн.) и от продажи 3 ф. кильки (оческов) - 30 коп.; всего - 3 р. 90 к. Весь материал стоит 1 руб. 25 коп.: 10 фун. шерсти 1 р., 8 золотников краски 24 коп. и 10 золотн. квасцов почти 1 коп. Итак, в продолжение 30 дней (10 ф. шерсти день моют; 5 ф. 3 дня расчесывают, день прядут, день окрашивают и очищают, наконец, 24 дня вяжут) получают 2 руб. 65 коп. за работу, что состаляет в день $8^5/_6$ коп.

Бумажные нитки покупают на месте, у мелких торговцев, по 60 коп. за фунт. Из 1 фунта вяжут 4 пары носков; их продают от 20 до 30 к. за пару; за все 4 пары в среднем получат 1 р. Значит, за 8 дней заработает женщина 40 к., или 5 к. в день. Но и этот ничтожный заработок все-таки служит некоторым подспорьем для существования бедных семей.

Приготовлением носков женщины занимаются целый год, больше же всего – зимою. Эта работа не имеет дурного влияния на здоровье производительниц, так как вязать носки она может во всяком положении: и сидя, и стоя, и даже при ходьбе. Судя по той любви, с какой женщины занимаются вязанием носков и составлением рисунков для носков, нужно думать, что это производство еще долго будет существовать здесь, в Шуши, постепенно совершенствуясь.

3. Шапочное дело. Шапочное дело в Шуши довольно развито. Шапочники работают в своих мастерских, каждый со своими подмастерьями отдельно: артелей нет. У них употребляют следующие инструменты: ножницы, иголки, утюг, наперсток, выкройка, маленькая низенькая тахта, болван, шухра и доганак.

Болваном служит деревянный конус в ½ арш. высоты, с основанием в диаметре ¼ арш. Болван по-татарски «*калиб*». Заказывается он столяру, по 1 р. за штуку.

Шухра по форме напоминает русскую сечку для рубки капусты: это – металлический полукруг, заостренный с наружной стороны. Этот полукруг насажен на металлическую рукоятку. Шухра делается кузнецами, по 20 к. за штуку.

Доганак - это деревянный крюк, внутри которого вделан тупой нож. На длинном конце крюка приделывается петля в 1 арш. длиною. Такой крюк отыскивают специально в лесу, так как склеить две деревянные палки так, чтобы они представляли из себя крюк, в данном случае нельзя: поработать доганаком приходится над сырыми шкурами и потому палки скоро расклеились бы.

Материалом для шапок служат овечьи шкурки (мерлушки): бухарские, ширазские и местные. Самые дорогие из них - бухарские: их привозят из Хорасана; немного дешевле их - ширазские (из Шираза), самые дешевые – местные. Овечьи шкурки прежде чем поступить в шитье подвергаются обделке. Обделку для папах производят сами шапочники. Для этого шапочники, с своими подмастерьями, отправляются на ближайшую речку, обыкновенно в ясные летние дни. Там, если нужно обделать бухарские шкуры, на разведенный костер ставят котел с водою (для чистки сотни шкурок берут котел, вмещающий приблизительно 25 фун. воды). Как только вода в котле закипит, опукают туда „чоган''[1]; если для чистки привезено до 100 шкур, опускается 1 фунт чогана. Через 2 часа после этого котел снимают с костра и смачивают этой жидкостью, посредством клочка попоны, волосистую сторону шкур. Чоганом шкуры очищаются от грязи и приобретают особый блеск. Затем голую сторону шкур обсыпают толченым порошком квасцов и соли и раскладывают их на земле для просушки. Соль и квасцы привозятся из других городов. Для очистки 100 бухарских шкур нужно 10 фун. соли, по 1 коп. за фунт, и 2 ½ фунта квасцов, по 6 коп. за фунт. Таким образом, всего материала на приготовление одной бухарской шкуры пойдет 0.37 к.

Приготовление ширазских шкур производится немного иначе: здесь смачивают волосистую поверхность кожи раствором железного купороса на холодной или тепловатой воде. Процесс

[1] *Чоган растет в полях, большею частью на берегах Аракса. В Шуши привозят его крестьяне, предварительно просушив его на солнце. Фунт чогана стоит 12 коп.*

смачивания и способ сушки одни и те же что для бухарских, то и для ширазских шкур. На 100 шкур требуется 10 фун. железнаго купороса; 1 фун. его стоит 8 коп. За этим следует окраска ширазских шкур. Способ смачивания и сушки опять тот же; раствор же на этот раз состоит из чернильных орешков, 5 фунтов на 100 шкур; и железного купороса, 3 фун. на 100 же шкур. Эти вещи кладутся уже в кипящую воду и остаются в кипящем на огне котле 2 или 3 часа. Воды употребляется фунтов 20 на 100 шкур. 1 фунт чернильных орешков стоит 40 коп. Чернильные орешки и железный купорос привозят из других городов.

Как только шкуры высохнут, их моют холодной водой и сразу же обсыпают голую сторону шкур порошком соли и квасцов и снова просушивают на солнце. Приготовление одной ширазской шкуры стоит шапочнику больше 3 коп. ($3^{35}/_{100}$).

Приготовление местных шкур проще. Голую сторону их обрызгивают водой и обсыпают порошком соли и квасцов в той же пропорции, как бухарские и ширазские; а потом раскладывают на земле для просушки (порошок квасцов и соли придает шкурам мягкость).

Остальная работа над очисткой шкур совершается уже по мере надобности - перед самым шитьем папахи. Расстилают кожи поодиночке, на тахте, шерстью вниз, обрызгивают голую сторону водой и начинают скоблить эту сторону шухрою; от этого исчезает шероховатость шкуры, но последняя все-таки остается жесткой. Чтобы сделать ее мягкой, скоблят шкуру доганаком. Для этого шкуру за лапку привязывают к столбу, так что шкура находится в висячем положении; потом снова обрызгивают голую сторону ее водой; в петлю доганака просовывают ногу, в правую руку берут доганак, а левой придерживают шкуру. Движением ноги вниз опускают доганак сверху до низу шкуры, а движением ноги вверх дают возможность поднять доганак опять к верху шкуры. Руководят этими движениями, держа доганак в правой руке. Приготовление шкур этим и кончается. Далее следует шитье.

Кройку шкур для папах производит сам шапочник, шитье же поручает кому-нибудь из подмастерьев. Сперва шкуре шитьем дается форма папахи, потом выворачивают ее и расстилают на ее голой стороне вату или кильку, чтобы сделать папаху мягкой. Сверх ваты или кильки кладут лист сахарной бумаги: от этого папаха сохраняет приданную ей форму; конечно, сахарный лист обрезывается по форме и величине папахи. Потом сверх сахарного листа подшивают подкладку из какой-нибудь материи и выворачивают папаху на волосистую сторону. Готовую папаху слегка поколачивают в течение 4-5 минут палкой, взбрызгивая водой: держат папаху в это время на левой руке, надев на нее. Потом, часов на 5-6, папаха надевается на болван. Этим и заканчивается приготовление папахи.

Старики носят конусообразные, длинные, тяжелые папахи, чуть не в 8 фунтов весу. Молодые и дети носят легкие, круглые папахи, «карабахского фасона».

Подмастерья обыкновенно набираются из шушинских мальчиков, от 7 до 15 лет; они служат у мастера года 3-4, на его одежде и пище, но без жалованья. По истечении срока подмастерье сам открывает мастерскую. Более состоятельные шапочники покупают товар на наличные деньги, а бедные в долг.

Шапочное производство существует с самого основания города Шуши; оно постепенно расширяется: шкуры выделываются лучше, да и спрос на папахи разросся, так что теперь почти все носят папахи.

Шапочники принимают заказы, но шьют и для продажи, - в последнем случае обыкновенно из дешевых местных шкур.

Папахи из бухарской и ширазской шкур покупают состоятельные жители города, «деревенские» ханы и беки, а папахи из местной шкуры - крестьяне и бедные из городских жителей. Папаха из бухарской шкуры стоит от 8 до 14 рублей, смотря по величине и достоинству шкуры. Одна шкура для такой папахи стоит от 6 до 12 руб.; подкладка - от 40 до 60 коп.; вата - 7 коп.; сахарный лист - 3 к.; приготовление шкуры - 0.37 коп. За трехдневную

работу шапочнику (день моет, день чистит и день шьет), таким образом, остается 1 р. 20 – 1 р. 50 к. (для круглого счета скидываем $^{37}/_{100}$ коп.), а в день 40-50 коп. (средн. – 45 коп.). Папаха из ширазской шкуры стоит от 5 до 7 рублей; шкура для такого папахи стоит от 3 руб. до 5 руб.; подкладка – от 30 до 50 к.; вата – 7 коп.; сахарный лист – 3 к. и окрашивание – $3^{35}/_{100}$ к. (для круглого счета берем только 3 коп.). Итак, за работу в 3 дня (день окрашивает, день очищает и день шьет) остается 1 р. 37 к. – 1 р. 57 к., а в день $45^{2}/_{3}$–$52^{1}/_{3}$ коп. (среднее – немного более 49 к.). Папаха из местной шкуры стоит от 50 к. до 1 руб. 50 коп.; шкура для нее стоит от 20 до 80 коп.; подкладка – от 5 до 10 к.; килька – 2 к.; сахарный лист – 3 коп. За работу в день, средним числом, остается 22 коп. Более умелые и состоятельные шапочники шьют папахи исключительно из бухарских и ширазских шкур, а бедные и неискусные – из местных. Шапочники работают круглый год, но особенно сильно в апреле и мае, когда в Шуши приезжают деревенские ханы и беки и когда через Шуши проезжает кочевой народ.

Шапки шьют сидя и наклоняясь над шкурой. От этого у шапочников замечаются сгорбленность и ослабление зрения. Шапочники вообще народ степенный и трудолюбивый: они заняты с раннего утра до поздней ночи. Благосостояние шапочников зависит от степени уменья их шить шапки; наиболее искусные из них имеют и больше заработков. Особенно хорошо работают в Шуши три шапочника - татарина. Хотя папахи теперь и в большом ходу, но в будущем они могут выйти из употребления, потому что, при своей дороговизне, они все-таки неудобны - слишком тяжелы; а с выходом из моды папах и шапочный промысел должен будет упасть.

4. Свечной промысел. Шуши со своим уездом (в них 81.268 жителей обоего пола: 37.089 армян, 44.179 татар, коренных жителей) лет 15 -20 тому назад обходился, большею частью, льняным маслом или черною нефтью для освещения. Льняное масло выжималось из льняных семян в деревнях и сбывалось в город: лучший сорт масла шел в пищу, худший (горький) – на освещение. Деревни же снабжали город и посудой - назовем эту посуду лампочкой – для освещения маслом. Лампочка делалась из простой горшочной глины: она состояла из пустого конуса, оканчивавшегося у самой вершины чашечкой, несколько суживающеюся в одном краю. Лампочка снабжена была ручкой. Чашечка наполнялась маслом; в масло клали круглый фитиль из хлопчатой бумаги, диаметром в 3-4 линии. Конус фитиля вынимался по суженному краю чашечки. Когда вынутая часть фитиля сгорала, то выдвигали новую часть его шилом или гвоздем, привязанным к ручке лампы. Этот гвоздь лежал постоянно в масле на стенке чашечки. Свет этой лампы – тусклый. Держать такую лампу в чистоте почти невозможно: засыхающее льняное масло прилипает грязным слоем ко всей поверхности лампы, так что ее без подставки неудобно ставить на стол. Употребляется эта лампочка и теперь, большею частью рабочим народом. Зажиточные же горожане, как и везде, употребляют сальные и стеариновые свечи и керосин.

В деревнях для освещения пользуются черною нефтью; с недавнего, впрочем, времени входит, мало-помалу, в употребление в деревнях и керосин. И в город, и в деревни нефть доставляли из Баку татарами на верблюдах. В городе нефть шла для факелов на иллюминациях и на брачных шествиях; для освещения же в домах в городе употребляли нефть только переселившиеся сельские жители, и то лишь на первых порах.

Лампа для нефти по своей форме представляет совершенный штиблет, с суживающимся к верху голенищем, с плоской подошвой, без каблука и с отверстием вверху носка. Ручка лампы прикрепляется к задку и голенищу. Делается эта лампочка из горшечной глины. Фитиль, толщиною в полвершка, скручивается из старых бумажных материй и продевается в отверстие в носке, а через верхнее отверстие, представляемое голенищем, вливается нефть. Когда же сгорает вынутая часть фитиля, достают из лампы новую часть его несколько загнутым гвоздем. Пламя от такой лампы очень обильное, но свет - тусклый и жирный; при этом отделяется масса копоти, от которой до некоторой степени освобождает широкое отверстие в крышах деревенских изб. Высота лампы всего вершка 3-4, и потому ставят ее на высокую подставку из двух деревянных кругов, соединенных деревянным стержнем в 1½ арш. высотой.

На изготовление свеч идет, главным образом, сало говяжье, редко - овечье и козье. Оно покупается у городских резников. Число кустарей, занимающихся свечным производством, прежде было довольно значительно. Теперь же оно сократилось: теперь изготовляют свечи только 9-10 стариков и старух (исключительно - татар). Главный сбыт сальных свеч - в татарские мечети, в которых, по шариату, запрещено употребление восковых и стеариновых свеч. Кроме того, свечи покупаются еще несколькими десятками татарских лавок и домов. Любопытно, что способ приготовления свечей в настоящее время более несовершенен, чем в недавнем прошлом. В недавнее время для литья свечей употреблялись формы. Это были свинцовые трубочки, сужающиеся книзу, где было только отверстие для продевания фитиля. Эти трубочки, в количстве трех – четырех десятков, укреплялись вертикально, в деревянных штативах, с ящиком наверху. Через нижнее отверстие трубок продевались бумажные фитили, которые проводились, сквозь всю трубочку проволокой, лежащей на дне ящика. Растопленное сало наливалось в ящик, откуда оно стекало в трубки. По охлаждении сала вынимали

проволоки, снимали слой сала, оставшийся в ящике, а потом острым крючком вытаскивали уже готовые свечи из форм.

Теперь производство свеч совершается более простым способом. Приготовляют свечи или на маленьком дворике, в несколько квадратных сажен, или даже в небольшой комнате. Медный или чугунный котел в 3-4 ведра, нож для отскабливания свеч, ножницы для разрезывания фитилей и несколько палок для развешивания готовящихся свеч - вот и все принадлежности свечного дела. Сало для свеч покупается в городе у резников, за раз не более двух–трех пудов, - говяжье и овечье по 4 рубля пуд и козье по 5 рублей. Сало на свечи берется в такой пропорции: пуд говяжьего или овечьего и около 10 пудов козьего; без козьего сала трескаются свечи. Сало, положенное в такой пропорции в котел с некоторою долею воды, разогревается на огне. Кустарь готовит фитили так: разрезывает пряжу на куски, вершков по 8, складывает их надвое и слегка скручивает. Фитили надевает он на палочки, штук по 8-10. При этой работе помогают ему жена и дети.

Растопленное сало снимается с огня, чтобы осели в них посторонние примеси. Затем кустарь осторожно опускает в сало фитили, навешанные вертикально на палочки. Когда фитили пропитаются салом, их вынимают из котла и дают им остынуть. Так же поступают со второй палочкой с фитилями, затем с третьей, четвертой и т.д. Пропитав все фитили салом, кустарь возвращается к первой палочке и, начиная с нее, проделывает по порядку со всеми палочками то же, что и в первый раз. Это повторяется несколько раз, пока свечи не достигнут надлежащей толщины. Затем кустарь приступает к подравниванию свеч; он подскабливает их, заостряет, округляет, подрезывает лишние части фитилей, и этим работа заканчивается; только свечи, приготовляемые к какому-нибудь особенному случаю, напр., на торжественное освещение в мечетях или на Шахсей, еще «раскрашиваются разноцветными пятнами».

Свечной промысел из года в год заметно падает: керосин все более и более вытесняет употреблене свечей. Средний дневной заработок кустаря, занимающегося приготовлением свечей, едва ли доходит до 10 коп.

5. Мыловарение. Мыловарением занимаются в городе армяне и татары: в городе 5 мыловаренных заводов, при пяти хозяевах и 8 помощниках; приготовляют мыло и в домах - женщины, местах в 10. Один завод содержится армянином, а четыре – татарами.

Мыловаренным заводом здесь называется просто особое помещение, где изготовляемое количество мыла больше, нежели в домах (Заводы должны быть, по распоряжению полиции, на окраинах города, подальше от жилья; но это распоряжение выполняется заводчиками не во всей точности). Устройство завода несложно: всякий сарай может служить помещением для него. Лица, занимающиеся мыловарением в небольшом количестве, производят работу прямо под открытым небом или под навесом, что, конечно, из соображений гигиенических гораздо лучше, нежели производство на заводах.

Необходимыми пренадлежностями завода служат два,- три чугунных котла, ведер по 15-20, и столько же кадушек. Кадушки, без дна, ставятся на котлы для увеличения высоты котлов; под котлами устраивается кирпичная печь. Кроме того, имеется при заводе еще несколько котлов и кадушек *с просверленным днищем*, для процеживания щелока. Котлы и кадушки ставятся на маленькое возвышение, под которое подставляются кувшины; в эти кувшины и стекает процеженный щелок из котлов. Необходима еще маленькая площадка, для смешивания поташа с известью. Инструментов для мыловарения нужно немного: два-три черпака, столько же деревянных лопаток, несколько ведер и весы. Черпаки и ведра приобретаются у местных бондарей; лопатки делаются в деревнях; весы привозятся из России.

Материалом для мыла служат поташ, известь и жир. Поташ привозится татарами из Мильской степи. Эта степь покрывается весною высоким растением - «чоган», или «гараган». Гараган скашивается в сыром виде и складывается в копны. Высохший в копнах гараган

складывается, в сажень высотою, на яме, имеющей аршин в диаметре и ¼ аршина в глубину, и зажигается: *в остатке* получается *поташ*. В городе поташ продается по 60-70 копеек за пуд. Известь приобретается у жителей Дашалтов (деревня на юге от Шуши). Пуд извести с доставкой в город стоит 10-15 копеек.

Мыловарение совершается в *4 приема*: сначала приготовляют щелок; затем процеживают его; далее варят сало в этом щелоке и, наконец, формуют мыло.

1) На земляном полу мыловаренного завода, на площадке в одну квадратную сажень рассыпают пудов 6 поташу («мыльного камня», по терминологии туземцев) и пуда 3[1] извести. Эту смесь обливают водой: тогда от этой смеси начинают отделяться пары; эти пары наполняют помещение затхлой сыростью и сильно поднимают его температуру. На следующий день слой извести, лежащий над поташом, перемешивается с ним деревянными лопатками.

2) Вся эта смесь собирается в пробуравленные котлы и кадушки для процеживания. Котлы и кадушки наполняются водой, которая, пропитавшись поташом и известью, течет светлой струей в подставленные кувшины. Конечно, чем меньше берется воды, тем сильнее получается щелок и тем скорее варится мыло; но точного отношения между количеством воды и смесью нет.

3) Щелок вливается в котлы на печах. Потом туда кладется сало, жир и жирные остатки от столов; остатки эти собираются городскими женщинами и промениваются на мыло, на равный вес. Под котлами со щелоком и жиром разводится огонь, и вся масса кипятится в продолжение трех суток. Через трое суток жир смешивается с щелоком, образует мыло.

4) Остужают это мыло в формах - в обыкновенных цветочных горшках и в набитых доверху кувшинах. Мыло, таким образом, получает форму усеченного конуса. Этим и заканчивается приготовление мыла.

Вся эта работа исполняется хозяином завода с одним или двумя помощниками. *В домах* занимаются этим делом только женщины, в одиночку, без чужой помощи, если не считать материала на базаре: это производится мужчинами, так как туземки считают неприличным выходитъ самим на рынок за покупками. В настоящее время мыло приготовляется гораздо ниже качеством, чем прежде. Это обусловливается вздорожанием материала, из которого делается мыло: пуд поташу стоил прежде самое большее - 40 к., теперь - 70 к.; пуд извести стоил прежде - 8-10 копеек, теперь - 12-15 к.; прежняя цена сала - 3-4 р. за пуд, теперь – 5-6 рублей. Да и плата рабочему и за помещение прежде была гораздо меньше, чем теперь. Цена же на мыло упала теперь с 13-15 к. (1 ф.) на 10-12 к.

Свежее мыло тратится в большом количестве на стирку и сообщает белью, нужно заметить, свой особенный, тяжелый запах; необходимо долго продержать мыло в сухом воздухе, чтобы уничтожился этот неприятный его запах. Но от времени мыло теряет в весе, и потому заводчик и кустарь стараются сбыть мыло свежим.

Приготовление мыла существует в городе давно, в деревнях же этим промыслом не занимались до сих пор. В городе количество изготовляемого мыла возрастает с каждым годом: прежде город снабжали мылом только кустари; теперь же в нем пять заводов и 10 кустарей. Все кустари работают в одиночку: артелей нет.

Все мыло сбывается заводчиками в городе: или непосредственно потребителям, или же через купцов. В первом случае покупателями являются состоятельные лица: они закупают по несколько пудов за раз и дают мылу время высохнуть. У купцов же покупают мыло бедные горожане, которые не могут за раз приобрести мыла больше, как на одну-две стирки. С недавнего времени стали покупать мыло и в деревнях; возможно, что в данном случае дело

[1] *Поташ берется в двойном количестве по сравнению с известью. Авт.*

обходится не без влияния крестьянских детей, учившихся в городских училищах. В деревни мыло доставляется разносчиками мелкаго товара.

Пуд мыла продается по 3 р. 40 к. заводчиками. Завод приготовляет, средним числом, в день 5 пудов. Годичная производительность всех пяти городских заводов должна быть приблизительно в 9.125 пудов, на сумму в 31.025 рублей. К 9.125 пудам заводского мыла нужно прибавить еще более 1.000 пудов мыла, приготовляемого женщинами в домах. Таким образом, Шуши производит в год, средним числом, приблизительно 10.125 пудов всего мыла, на сумму в 34.425 рублей. Главным образом, мыло потребляется городом с окресными деревнями; излишек же его отправляется в Зангезурский уезд и отчасти в Елисаветполь. Пуд мыла обходится заводчику в 3 р.: следовательно, средний годовой заработок его доходит до 730 р. Деньги эти почти целиком поступают в пользу заводчика; своим помощникам заводчик только доставляет пищу - и только довольно скудно, но зато обязывается научить их искусству мыловарения. Вследствие этого, с целью эксплуатировать почти даровой труд, заводчик никогда серьезно не учит своих помощников мыловарению, а держит их у себя лет по 16-20.

Определенного начала и конца дневной работы нет на мыловаренном заводе: мыло варится трое суток, непрерывно день и ночь, и все это время, днем и ночью, помощники без отлучки, находятся на заводе и поддерживают огонь в печи. Работа на заводах и в домах во все времена года продолжается одинаково, ровно.

Мыловарение, нужно думать, имеет вредное влияние на здоровье рабочих. Едкие пары извести, поташа, готовящегося мыла, сырость самого помещения, вонь от гнилого жира, удушливый жар от накаленной печи – все это не может не вредить здоровью - даже все это отражается дурно на настроении рабочих. Цвет кожи у рабочих бледный. Одеты они весьма грязно. Сами рабочие, впрочем, не сознают гибельных следствий для своего здоровья от мыловарения: они, как магометане, веруют, что болезнь посылается свыше, и человек не вправе подводить итоги болезням и смертности: судьба человека везде одна. С другой стороны, мыловарение как занятие, требующее *постоянного* присмотра, благодетельно влияет на нравы занимающихся этим производством: оно отучает их от безделья и нередко связанного с ним буйства. Что касается вообще вопроса о влиянии заводов на население, то здесь нужно сказать, что местной полиции следовало бы принять меры к удалению заводов от жилых домов за город. Вонь от заводов слышна за несколько десятков сажень от него. Остатки от мыловарения зачастую выбрасываются тут же, около завода.

Кустарь или заводчик, по-видимому, зарабатывают только на необходимое: особенно состоятельных между ними нет. Это обусловливается отчасти и тем, что, вследствие индифферентного отношения их к каким-нибудь улучшающим нововведениям, мыло до сих пор приготовляется ими далеко невысокого качества. Возможно, что конкуренция заставит улучшить качество приготовляемого мыла. Но школ, где бы обучались кустари своему делу, нет. Мыловарению, как видно из возрастающего количества потребляемого мыла, предстоит хорошая будущность.

6. Приготовление обуви. В Шуши 57 лавок занимаются приготовлением местной обуви: в 26 работают армяне и в 31 - татары. Мастеров армян 32 человека, татар - 43. Помещением для приготовления обуви может служить всякая лавка, так как это производство не нуждается в особых приспособлениях. Помещение нанимается ремесленником обыкновенно в стороне от своего дома, где-нибудь на базарных улицах.

Материалом служат разные виды кож; кожи приготовляются или на местных кожевенных заводах, или привозятся из Персии. Из Персии (из Тавриза) привозятся главным образом следующие виды кож: 1) *тумач*; он выделывается из козьей шкуры и окрашивается в разные цвета: в черный, красный, зеленый, желтый, алый и т.д.; 2) *сагри* - приготовляется из шкур лошадей, ослов и катеров, а окрашивается обыкновенно в черный цвет; 3) *мешун* – из бараньих

и козьих шкур; окрашивается в разные цвета; 4) *ген* (толстая кожа) приготовляется из бычьих шкур.

Тумач продается обыкновенно по 5 штук, завернутых вместе: высшего сорта - за 6-7 руб., низшего - за 3 руб. Лучший сорт получается от животных жирных; он отличается большим весом и крепостью; низший сорт – от худых животных, он бывает легок и тонок. Сагри продается по 2 руб. за штуку. Мешун, 5 штук вместе, продается кожевниками по 1 руб. 20 коп. – 2 руб. 50 коп.; ген - по 7-8 руб. за штуку.

Местная обувь, коши, имеет форму башмака, с загнутым вверх носком, но с тем отличием по форме от башмака, что задняя часть кош, в треть всей длины их, состоит почти из одной подошвы, без задней и боковых стенок. Кроит коши сам мастер по выкройкам; шьют подмастерья и сам мастер. Точного распределения частей работы не существует. Коши шьют только мужчины; помощь женщин ограничивается приготовлением бумажных ниток из пряжи, получаемой из Ордубата и Тавриза. Инструментом для приготовления ниток служит веретено. Мастера сидят на табуретках и шьют на коленях; выделываемая вещь крепко придерживается ремнем, надетым на обе ноги и одно колено.

Фасоны, приемы работы, способы выполнения ее издавна остаются почти неизменными; вообще об улучшении качества приготовляемой обуви ремесленники мало заботятся; даже, скорее, напротив, они стремятся подделать обувь там, где это возможно. Это обьясняется избытком производителей обуви по сравнению со спросом на нее; многие мастера в виду этого, отправляются в другие города Елисаветпольской, Бакинской и Эриванской губерний. В последнее время местную обувь начинают вытеснять сапоги русского, европейского фасона.

Тумач и сагри, привозимые местными купцами, приобретаются сапожниками сообща - покупают за раз штук по 15-20 и делят все это между собою; при этом каждый обязывается заплатить купцу за свою долю через неделю. Такие сделки производятся с той и с другой стороны охотно, без всяких затруднений.

Изделия сбываются в городе и в окрестных деревнях. Крестьяне сами приезжают за покупками. Коши шьются большей частью на неизвестного покупателя, реже – по заказу. Пара ширванских кош продается по 60 к. – 1 р. 20 к., пара мужских, армянского фасона, с низкими каблуками, - по 80 - 1 р. 20 к., дамских - по 35-50 к., с высокими каблуками, пара мужских - 1 р.- 1 р. 50 к., дамских - 80 - 1 р. 50 к. Пара чуст идет по 30 к. – 1 р. 20 к. Сапоги из местного материала продаются по 30 к. – 1р. 20 к. Обуви больше всего продают осенью. Средний заработок мастера 1 рубль в день. Подмастерья не получают денежного вознаграждения: они поступают к мастерам учиться. В подмастерья берут мальчиков лет 10-ти, по контракту, на 5 или на 6 лет. Мастера учат их, вообще говоря, дурно, из опасения будущей конкуренции со стороны своих подмастерьев – теперь даровых их помощников, не получающих за свой труд даже хозяйских харчей.

Ремесленниками не подмечено, чтобы шитье вредило здоровью, если не считать того, что руки слишком мозолятся от резцов и навощенных бумажных ниток, какими здесь шьют обувь. Иголки, употребляемые при этой работе, приготовляются в Дагестане или привозятся из Тавриза: это – кусочки проволоки, в 1½ вершка длиной, с ушком.

Школ у кустарей и ремесленников нет. Пьянства между ними не замечается.

Деревенские жители носят главным образом поршни: они приготовляются из сырой бычьей, лошадиной, ослиной или свиной кожи; их делают сами потребители для себя. Выкраивается обыкновенная подошва, с острым носиком, с множеством отверстий по бокам ее, и на ней из тонких, ровных ремней, скрученных вдвое, плетется остальная часть поршней, представляющих по своей форме подобие туфли. Плетение начинается с носка поршней. Ремни режутся самими же крестьянами из кожи, а перед работой предварительно просушиваются. Женщины заканчивают работу поршней: они плетут тесемки, аршина в 2 длиною, из шерстяных ниток и

продевают их через промежутки между ремнями обуви: этими тесемками обувь прикрепляется к ноге.

7. Производство кожи. Кожевенные заводы строятся за городом и обязательно при воде: на ручейке, источнике; это – домики, в которых помещаются деревянные чаны числом, по крайней мере, 6, по 3 в ряд. Чаны эти выдалбливаются из орехового дерева, глубиною и шириною в 1 аршин, длиною же вдвое больше. Поверх каждого чана проходит перекладина; за нее держится работник при работе. Инструментом в кожевенном производстве служит *гладилка,* имеющая форму скобки, чуть изогнутой в дугу. К этому инструменту приготовляется еще доска, длиною в 1 сажень, шириною в 3 вершка, а толщиною в 2 вершка. От этой доски, вдоль нее, отпиливается часть, приблизительно в ¾ ее длины; таким образом у доски образуется плечо. Плечом доска ставится на землю; противоположный конец ее упирается в стену. В длину доски, до ее плеча, кладется кожа. Эту кожу и скоблят гладилкой, в направлении сверху вниз. При этом плечо доски предохраняет голые ноги рабочего от ударов гладилки.

Материалом для производства служат воловьи и коровьи шкуры, которые приобретаются у городских резников, по 4-5 руб. штука. Сырые шкуры отправляются на речку (в 4 верстах от города); там затопляют их в воду. По истечении дней 10 шкуры вынимаются из речки, обильно обсыпаются отрубями и обливаются водой. В отрубях шкуры остаются дней 20; от этого шерсть вылезает со шкуры и получается голая сырая кожа. Такую кожу солят морской солью и держат в ней дней 5-10. Продолжительность пропитывания солью зависит от погоды: кожа скорее пропитывается в теплую погоду. Из соли кожа кладется в дубильное вещество дней на 20. Дубильное вещество - это тертые сушеные листья какого-то куста (кермек?), привозимого из Нухи и из деревень Шушинского уезда. Затем кожа тщательно промывается холодной водой и кладется на доску наружной стороной. С внутренней стороны кожа оскабливается гладилкой и затем поступает в продажу. Штука продается по 5-8 рублей местным производителям азиатской обуви.

Кожевенных заводов 5, с 5 хозяевами. Из них один - армянин, прочие -татары. Рабочих - 60 человек: 4 армянина, 56 татар. В рабочие принимаются лица не моложе 13 лет. Взрослые получают в месяц, самое большее, по 5 рублей. Работа начинается с наступлением теплых дней и продолжается до зимы, так как, вследствие плохих, почти открытых кругом помещений для заводов, вода в чанах, с наступлением холодов, замерзает и заставляет, таким образом, прекратить работу. И этот перерыв тянется почти полгода, потому что так продолжительна зима в Шуши. Въ каждом чане работает один человек: вся его работа состоит в том, что он топчет в чанах кожу. Кроме 30-40 рублей, получаемых заводах за все время годового производства, рабочие кожевенных заводов зарабатывают в городе в зимние месяцы, на черных работах, рублей по 60.

Все, и хозяева, и рабочие, убеждены, что их занятие полезно для здоровья, что дубильное вещество лечит от множества болезней; действительно, многие пораженные параличом, страдающие ревматизмом, подкожными и накожными болезнями, приходят купаться в чанах с дубильным веществом. Личное наблюдение составителя этой записи тоже говорит в пользу благоприятного влияния кожевенного производства на здоровье рабочих: все рабочие выглядят очень крепкими и здоровыми. Но зато, к сожалению, рабочие, будучи удалены от города, слишком грубеют.

Шуши со своими деревнями мог бы иметь даже несколько кожевенных заводов. Но привоз кожевенных товаров из Нухи, Елисаветполя, Тифлиса, из России и из Персии подрывает сбыт местного товара. По мнению кожевников, капитал мог бы поднять это производство, но это едва ли: недостает уменья и искусства у местных кожевников делать кожи так, чтобы конкурировать с привозным товаром.

8. Скорняжный промысел. Скорняжный промысел мало развит в Шуши и в его уезде. Местные азиатские шапочники, шьющие барашковые шапки – папахи, приготовляют бараньи меха для шапок весьма просто: счищают с бараньих шкур жир и мясо, расстилают шкурки на земле и обсыпают их смесью из соли и железного купороса (соли берется вчетверо больше, чем купороса). Когда шкура высыхает, ее взбрызгивают водою и оскабливают ее шероховатую поверхность инструментом, называемым по-татарски «*шухра*», или «*арен*»: кожа делается гладкою, но мех все же остается жестким. Мягкость придается ему доганаком[1]. После этого мех идет на папахи.

Шапочник покупает шкуры у резника по 15-30 к. Издержки на обработку одной шкуры составляют 10-15 к. Промысел этот до такой степени мало развит, что трудно проследить влияние его на здоровье и материальное благосостояние кустаря.

Меха на шубы и папахи лучшего качества получают из Закаспийского края и Персии.

9. Шорное производство. Шорники нанимают лавки рядом с другими ремесленниками, без всяких особых приспособлений. Местные шорники приготовляют только вьючные седла и седла для верховой езды с их принадлежностями. Шлеи и хомуты делаются в Нухе или в Елисаветполе. Приготовление седел подразделяется на три специальности: 1) приготовление вьючных седел – паланов (мастер называется по-татарски «паландуз»); 2) приготовление деревянной части седла для верховой езды (мастер – «галтагчи»); 3) приготовление придатков седла (мастер – «саррадж»). Каждый из этих мастеров работает независимо от других.

1) Вьючное седло шьют из старых кусков ковров, паласов, а также из грубых материй и набивают соломой. Это седло имеет форму двух горбов, на двух же плоских подушках. При работе употребляются всего три инструмента: игла, слегка изогнутая на конце, длиною в четверть аршина; лом, с суживающимся и раздвоенным концом, для набивки соломы, длиною в 1½ аршина и ножницы.

2) Галтагчи, приготовляющий деревянные части седел, для своей работы употребляет большей частью кожу и липовые и карагачевые доски: но лучшим материалом при этой работе считается ива, по своей легкости. Галтагчи употребляет обыкновенные инструменты: топор, пилу, рашпили, прямые и кривые шила, круглые и четырехугольные, молоток, щипцы, стамески, фуганки и др.

Для приготовления седел у мастера всего три деревянных «выкройки»: *джнаг* (лука), *дал* (задник) и *тахта* (бок). Каждой части приготовляется по 2 штуки по каждой выкройке, и по обделке и склеивании их получается седло, которое плотно обтягивается кожей, лошадиной, бычьей и верблюжьей; в последнем случае стоимость седла удваивается. По словам ремесленников, работник приготовляет такое седло в 3 дня, но работа эта в такой степени проста, что этот продолжительный срок для нее возможен разве только при азиатской лени и беспечности работника и при тупых, пришедших в негодность инструментах его (этим делом занимаются, кроме Шуши, в деревне Чанагчи, в нескольких верстах от Шуши). Каждый такой деревянный остов седла продается по 3 руб.

3) Желающие обзавестись седлом покупают у галтагчи этот остов, затем обращается к сарраджу за придатками. Саррадж дополняет это седло двумя вальтрапами: верхним и нижним, стременами, подпругой, чересседельником и др. Нижний вальтрап надевается на голую спину лошади (он делается из кожи, на войлочной подкладке); на него кладут галтаг, который покрывается верхним вальтрапом; чрез отверстие в передней стороне его проходит лука. Верхний вальтрап приготовляется из кожи, сукна, а для украшения обшивается бахромой и вышивается узорами из разноцветных шелковых ниток. Стремена прикрепляются к галтагу.

---

[1] *Описание этих инструментов и способ употребления их см. выше*

Инструменты сарраджа – иголки, резцы, молотки и ножницы. Из кожи саррадж делает повода, подпруги, пояса, патронташи и пороховницы. Железные бляхи, пряжки и стремена, нужные при его работе, он покупает у местных кузнецов и слесарей.

Дети и женщины не принимают участия в труде седельщиков. Улучшений в приемах и фасонах не замечается: даже, по-видимому, эти кустари считают свои изделия не нуждающимися ни в каких усовершенствованиях.

Это производство существует очень давно; оно может быть подорвано, если, с улучшением дорог, станут перевозить тяжести на колесах, а не на седлах. Работа совершается круглый год, но, тем не менее, кустари зарабатывают едва на предметы первой необходимости. Хорошего или дурного влияния производства на их здоровье не заметно.

Общий обзор. Все ремесленники, о которых говорено было здесь, не имеют ни хороших инструментов, ни удобных помещений. Обыкновенно берется первое попавшееся помещение; не работают у себя дома только потому, что много тратилось бы времени на разноску товара для продажи: в лавках же, рядом с производством, происходит и сбыт. Инструменты мастеров всех этих производств так несложны, что каждый из них может в несколько минут собрать все свои принадлежности и перейти в другое помещение. Недостаток средств не позволяет заменить негодные инструменты новыми, более годными и более совершенными. Это же самое заставляет работника приобретать плохой, дешевый материал.

Рассматриваемые занятия так малосложны, что их не приходится разделять между различными лицами; если же мастера только сами кроят и не учат кройке подмастерьев, то это только из-за того, чтобы ученик его подольше работал на него. Ученик же, просидев долго у своего мастера и переняв от него его искусство, только с виду спешит сам начать производство самостоятельно, и этим только способствует падению ремесла.

Все местные произведения сбываются на месте же, по одной штуке, любому покупателю: сбыт ограничивается городом с уездом. Покупатель является лично к промышленнику. Средний дневной заработок кустарей невелик, судя по их жизни: сухой хлеб, иногда с сыром и зеленью, составляет обыкновенное кушанье рабочего люда; мясо покупается по праздникам.

Какое влияние имеют названные ремесла на здоровье ремесленника, в большинстве случаев не подмечено ни самими ремесленниками, ни жителями города; всякие недуги считаются предопределениями судьбы, карой Божией; от этого нет возможности определенно обозначить болезни от известного рода занятий.

Ремесленники гораздо благонравнее праздных людей; от пьянства к тому же удерживает татар их религия, а армян понятие о мастере как наставнике и начальнике своих подмастерьев.

Школ, где бы обучались ремеслам, нет ни в городе, ни в его уезде. Артелей тоже нет.

Б. Ибрагимбеков
Смотритель Агдамского земского нормального училища

Шушинский уезд:
АГДАМСКОЕ ОБЩЕСТВО

1. Кирпичное производство. В селении Карадаглу кирпичным производством занимаются 3 персиянина: один из них, пожилой, считается мастером, а двое других - работниками. Приготовляется кирпич так: вырытую глину просевают чрез решето, затем сваливают ее в яму и обливают водой. Когда глина размокнет, укладывают ее на особую площадку, обложенную досками, мнут ногами и дают ей несколько часов вылежать; затем набивают ее в формы, сделанные из дерева и обсыпанные мелким песком. Срезав с формы излишнее количество глины лопаточкою, опрокидывают каждую форму на землю, тоже обсыпанную песком, для просушки. Подсушенные так кирпичи затем складывают в обжигательную печь - таким образом, чтобы пламя могло проходить между кирпичами. За раз в такой печи можно обжигать несколько тысяч кирпичей. Держат кирпичи в огне дня 2 или 3, после чего огонь тушат закрытием отверстия печи. Остывший кирпич считается готовым.

Инструменты употребляются для этого производства следующие: тесак, стоимостью в 1 р. 20 к., приготовляемый в Шуши и приобретаемый на агдамском базаре для обтесывания формы кирпича; молоточек - в 80 коп., приготовляемый на месте, для вколачивания гвоздей при приготовлении формы; кирка - 90 коп., заступ - 1 руб. 50 коп., лопатка - 25-30 коп., приобретаемые на месте, для рытья ямы.

На улучшение и хорошую будущность данного производства нельзя надеяться, так как изделиям нет хорошего сбыта: большая часть жителей живут в землянках или в турлучных, каменных, редко в кирпичных домах. Производством этим обыкновенно занимаются весною и осенью, словом – когда бывают заказчики. Кирпич постоянно сбывается заказчикам, тысячами: каждая тысяча стоит 10 р. Средний заработок каждого работника составляет 50 коп. в день. Работники не жалуются на вредное влияние самого производства. Правда, они часто болеют ревматизмом и лихорадкою, но приписывают все эти болезни простуде. Влияния промысла на нравственность и благосостояние работников не замечено: напитков рабочие не употребляют, хотя тут и существуют питейные заведения. Они едва живут за счет скудного дохода и в свободное от занятий время нанимаются в чернорабочие. Было бы хорошо и выгодно, если бы они обучались еще и гончарному производству. Закупки материалов, займа денег и др. п. у них нет; нет и школы. Это производство существует здесь более 5-ти лет, но мало развивается, отчасти и потому, что глина плоха.

2. Мыловарение. Более 5 лет существуют три мыловаренных завода в Агдамском обществе: один – при селении Мурадбеклу и два – при Кулларе. Эти заводы помещаются в особых конурах, при жилищах мастеров. На каждом заводе работает 1 мужчина (татарской национальности), при помощи своего семейства: артелей нет. Для этого производства построена печка, а к печке приспособлен чугунный котел, вместимостью в 4 или 5 ведер: он приобретается в Шуши за 8 или 10 р.: по сторонам расположены две или три кадки, стоимостью в 3-6 руб. каждая. Они тоже приобретаются и приготовляются в Шуши. Кроме того, для производства еще необходимы топор (1 р. 60 к.), заступ (1 р. 20 к.), лопатка (25-30 к.), кирка (80 к.), разливная деревянная (5 коп.) ложка (*чомча*), прикрепленная к длинной палочке. Все эти орудия можно добыть на агдамском базаре, кроме лопатки и разливной ложки, которые привозятся со стороны. Материалы для производства закупаются по следующим ценам: коровье или овечье сало – от 2 руб. 60 коп. – 3 руб. 80 коп. за пуд; 1 пуд негашеной извести – по 10-15 коп.; 1 пуд «*караган-даши*» (зола, получаемая при обжигании растительного корня

«*караган*»)[1] – по 50-70 коп. Все это приобретается на агдамском базаре, кроме караган-даши, который привозится из Кайнага (Шушинского же уезда).

Чтобы приготовить мыло, насыпают караган-даши в кадку с продырявленным дном; к нему примешивают негашеную известь и обливают водой: тогда из-под кадки течет щелок. Полученный щелок вливают в котел, в который кладут коровьего или овечьего сала; прибавляют сюда еще соли и всей этой смеси дают прокипеть. Собравшийся на поверхности воды слой жира, будущее мыло, процеживают, а потом варят его в новом щелоке и опять процеживают. Данный прием так повторяется до тех пор, пока состав мыла не будет липнуть к пальцам; тут мыло считается готовым - его разливают в формы и дают остынуть. В раз приготовляется 2 или 3 пуда мыла. Вся эта работа происходит одиночно, только при топке печи, разрыхлении сала помогает мыловару кто-нибудь из семейства.

Сбывается мыло так: мыловар собирает его в хурджин и отправляется на агдамский базар, где его продает фунтами, по 8-10 к. за фунт. Средний заработок одного мыловара бывает 40-60 к. в день. Время работы – неопределенное: то работают с сентября до декабря, то с октября до 11-го декабря, а еще - с 20-го апреля по 20-ое июня. Влияние производства на здоровье сказывается в том, что, как кустари сами объясняют, они часто болеют воспалением глаз, ломотою и простудою. На развитие производства в будущем нельзя надеяться. По мнению мыловаров и составителя записки, единственным средством к улучшению этой профессии может служить снабжение производителей нужными для этого производства улучшенными инструментами, деньгами (займа нет) для приобретения нужных материалов; профессиональная школа немало могла бы способствовать развитию промысла. Пьянством кустари не страдают, хотя под боком есть питейные заведения.

3. Портняжное производство. На агдамском базаре работают 6 азиатских портных, в трех лавках: в каждой лавке живут по 2 мастера-хозяина и 4 подмастерья (артелей нет): кроме двух мусульман, все прочие – армяно-григорияне. Их лавки служат жилищами для рабочих и самих мастеров.

Инструменты употребляются для этого производства в каждой мастерской следующие: дазгах (род четырехугольного прямоугольного стола, длиной в 2, шириною в ¾, а высотою в ¼ метра), ножницы, швейная машина, ханский полу-аршин, наперсток, игла, шнурок, утюг. Они приобретается в г. Шуши по следующим ценам: дазгах – от 2-4 руб., ножницы 1 р. 80 к., швейная машина – 40 -90 р., игла – 1 к., наперсток – 3 к., полу-аршин деревянный, складной – 25 к., утюг – от 1-2 р. Швейная машина, иглы, наперстки и утюги привозятся из Тифлиса, а прочее приготовляются в Шуши. Материал для одежд: сукно, драп, трико, хлопчатобумажные и шелковые материи, пуговицы, нитки, приобретается у агдамских купцов, которые все это привозят из Тифлиса и других городов (шали – из Дагестанской области). Приемы данного производства – обыкновенные.

Цены приготовленным вещам такие: черкеска, детская, из шали, - от 1 р. 60 к. - 5 р.; черкеска для взрослых, тоже из шали - от 5 - 25 р. (шали приобретаются самими мастерами, за 5 - 18 р. каждый кусок; из одного куска выходят черкеска и одни брюки); башлык, тоже из шали – от 80 к. - 7 р.; рубашка бумажная - от 45 к. – 60 к.; архалук ситцевый от 1 р. 40 к. – 2 р. 40 к.

Одежду из сукна, шелка и из других тканей шьют постоянно на заказу и за работу получают так: с архалука – 50 к. – 90 к.; с черкески 80 к. – 2 р.; с брюк 40 к. – 80 к.; с рубашки 25 к. – 40 к.; с «*катиби*» (женская куртка) 1 р. 40 к.; с «*чепкан*» (женская кофточка с талией) 80 к.; с «*кюрди*» (женская полушубка) 1 р. 20 к.

[1] *Это – неочищенный поташ*

Профессия эта существует тут более 20 лет и улучшается: так, напр., прежде работа совершалась только руками и потому очень медленно, а ныне ручная работа облегчается машиною и потому идет быстрее и искуснее.

Средний заработок каждого мастера в день – до 1 р. Работают постоянно, за исключением праздничных и летних дней, когда кочующие жители бывают на кочевке. Особенного влияния производства на здоровье, на нравственность и на благосостояние производителей не замечено. Напитки употребляют умеренно.

Школы для портных нет: каждый мастер обязан обучать своих подмастерьев, именно – как сидеть, во время шитья, за платьем, держать иглу, нагибать голову, выкраивать и разглаживать сшитое. Подмастерье же за это обязан 2-3 года работать своему учителю даром; после этого он получает от 40-50 к. содержания в день. Года же через 4-5 он имеет полное право открыть собственную мастерскую. Для улучшения производства необходимо иметь профессиональную школу.

4. Кузнечное. В агдамском обшестве есть 3 кузницы: одна - в селении Мурадбеклу, в одной конурке, другая – при винокуренном заводе Хубларова (в лавке); третья – на агдамском базаре (тоже в лавке). Все эти мастерские вместе с тем служат жилищами для ремесленников. В них работают по 3 человека – армянина: один – хозяин-мастер, два подмастерья; но, кроме них, в каждой есть по одному работнику-мальчику, который только заведует мехами; артелей нет.

По середине кузницы выведена маленькая глиняная стенка, высотою в ¾ и длиною в ½ аршина; внизу стенки, по направлению к дверям, устроено маленькое углубление, называемое горном, а к горну приделаны меха, которыми работник-мальчик раздувает огонь. С одной боковой стороны горна прикреплена к большому обрубку дерева железная наковальня, а по углам помещения расположены различные кузнечные инструменты и полосы железа.

Меха приготовляются в г. Шуши за 25 руб.; наковальня привозится из России и приобретается за 18 руб. в Шуши; молоты, клещи и щипцы приготовляются самими кузнецами на месте. Материал для производства, т.е. железо, привозится тоже из России и приобретается в Шуши пудами, по 2 р. 60 к. – 3 р. 20 к. за пуд. Все орудия продаются или грудно (по 4 р. за 37 фунтов), или по штучно: тесак 80 к. - 1 р. 60 к.; щипцы 20 к. - 80 к.; молотки 40 к. - 3 р.; ножи 40 к. - 60 к. и т.п.

Приемы производства - обыкновенные. Куют здесь гвозди, подковы, топоры, тесаки, щипцы пр. Можно сказать, что кузнечное производство, существующее здесь более 20 лет, улучшается: так, напр., настоящие орудия несравненно лучше и изящнее старинных. Вся эта работа происходит ручным способом.

Предметы производства сбываются заказчикам. Средний заработок каждого ремесленника достигает до 1 р. 20 к. в день. Работают постоянно, кроме праздничных дней и полутора летних месяцев.

Благосостояние кузнецов, сравнительно с прежним, значительно лучше: как рассказывают, они прежде жили в крайней бедности. Относительно нравственной стороны их можно отметить, что они вспыльчивы, вздорны и суеверны. Пьянства среди них нет, хотя питейные заведения здесь существуют.

5. Ковры и паласы. В Агдамском обществе почти во всех хижинах мусульманские женщины занимаются производством ковров. Хижины эти служат жилищами ткачих. Инструменты[1] употребляются для этого производства следующие: 1)*hана* (станок), опирающийся в стену и образующий с нею угол в 35^0 - 45^0. *h*ана приготовляется в селении Казанчи Джеванширского уезда, и стоит более 5 руб. 2) *Киргит*, длиною в 5 верш., весом в ¾ ф. - 1 ф., с 5-ью продолговатыми зубцами, стоит 40 -60 коп.; он приготовляется в Шуши ; 3) *hана* состоит из

[1] *Об инструментах по этому производству сравн. выше, в статье: «Производство ковров и паласов»*

железной пластинки, длиною в 3, шириною в 2 верш., а толщиною в 1 линию, и из ручки, которая вертикально поднимается по отношению к пластинке: она - длиною в 2½ верш. Пластинка снабжена 15-18 зубчиками, длиною в 2 линии каждый. Она весит 1½ - 2 ф. Приобретается этот инструмент в Шуши за 60 коп. 4) *Джаара* (прялка) приобретается за 80 к. – 1 р. 20 к., приготовляется в окрестных армянских селах. 5) *Киртиз*, из железа, длиной в 3 вершка, весом в 3 лота, приобретается в Агдаме за 3 коп., для очистки крученых ниток основы. 6) *Перочинные ножики* – по 15-60 к. каждый.

Материал для производства ковра составляет главным образом шерсть. Она приобретается на агдамском базаре, за 3 р. - 4 р. пуд. Каждый же пуд шерсти теряет при мойке 10-15 фунтов.

Данное производство существует давно и улучшается: теперь для ковров прядут нитки лучше, и узоры делаются правильнее и изящнее прежнего. Но на большее улучшение можно рассчитывать только в том случае, если в дело введены будут машины.

Ковры сбываются на агдамском базаре покупателям: сам хозяин носит их на плечах по базару и продает за деньги, поштучно или обменивает на красный товар. Средний заработок женщины на коврах достигает 7-10 к. в день. Заказчиков на ковры нет. Ковры ценятся соответственно длине, ширине и достоинству: так, напр., ковер при длине в 1 арш., ширине в ¾ = 5 р.

,,	,, 2	,,	,,	,, 1½	,, 12-15	,,
,,	,, 3	,,	,,	,, 2	,, 20-30	,,
,,	,, 4	,,	,,	,, 2¼	,, 30-50	,,
,,	,, 6	,,	,,	,, 2½	,, 50-60	,,
,,	,, 7	,,	,,	,, 2½	,, 60-80	,,

Это производство не составляет исключительного занятия женщин: они им занимаются только зимою, притом так, что в одну зиму они прядут и окрашивают нитки, а в следующую ткут. Школы у них нет: каждая хозяйка заменяет в семействе учительницу - она обучает свою дочь, как мыть шерсть, чесать ее гребнем, прясть и окрашивать нитки, натягивать основу, сидеть за станком, продевать челнок, держать *h*аву и киргит, стричь ворс и пр.

Паласы, хурджины и чувалы ткут тоже, как и ковры - только без ворса, посредством продевания утка. Паласы ткут легко и скоро и ценят дешевле, нежели ковры.

М. Погосов
Смотритель Тугского земского училища

СЕЛЕНИЕ ТУГ

Производство из шерсти. В селении Туг жителей обоего пола - 1.664 ч. (889 м., 775 ж.): из них – армян 757 м. и 665 ж., татар 132 м. и 110 ж. Работы из шерсти производятся исключительно женщинами, как в селении Туг, так и в прочих окрестных деревнях. Целый год женщины занимаются прядением шерсти и изготовлением из нее ковров, паласов, чувалов и проч.; в редкой семье не занимаются этими работами, наиболее любопытными и интересными для здешних женщин. Работа совершается в жилых помещениях. Заметно постоянное улучшение в шерстяных изделиях, в особенности – в коврах; можно надеяться, что ковры в качественном отношении в недалеком будущем близко подойдут к персидским.

Приготовляемые изделия сбываются на месте производства. Сбыт незначителен; всего, в таком селе, как Туг, продается в год рублей на 550; большей частью шерстяные изделия идут на украшение жилищ самих хозяев. Продают обыкновенно скупщикам, которые приезжают в разное время и покупают по несколько штук, по 15-20 рублей за штуку. Ткачиха может заработать в год до 40 руб. Шерстяное производство не дает материального благосостояния ткачихам, так как на продажу они готовят изделий мало, так как нередко у них не хватает шерсти на такое количество изделий, сколько они могли бы приготовить. Ткачихи, от сидячего, с поджатыми ногами, труда страдают ревматизмом. Смертность между ними - незначительная.

СЕЛЕНИЕ МУХРЕНЕС

Пилка леса. Пилку леса производят крестьяне (всех жителей 316 ч.: 179 м., 138 ж.; все – армяне) села Мухренес в местностях, находящихся в самом лесу. Инструментами при этом служат азиатский топор, урак (особый вид топора с длинной рукояткой), пила. Эти инструменты в большинстве случаев покупаются по невысокой цене в деревнях; иногда, впрочем, пилы лучшего сорта выписываются и из городов. Лесопильное производство составляет общее занятие всех сельчан: оно существует лет 20 слишком.

Сырые дубовые доски, длиною в 5 арш., шириною в 5 верш. и толщиною в 1 вершок, продаются по 20 коп. за штуку на месте производства, в лесопильнях, принадлежащих селению. Скупщики доски эти увозят на арбах в близлежащие местечки и продают уже по 45-50 к. за штуку. Один рабочий зарабатывает, в течение своего четырехмесячного занятия, до 120 руб.; все рабочие села зарабатывают около 6.000 руб. Пилка леса производится в зимние месяцы, до мая.

Лесопильное производство благотворно влияет на здоровье рабочих: постоянно чистый воздух и физическая работа значительно сокращают смертность, так что даже старики, 60-70 лет, оказываются хорошими пильщиками. Крепкие напитки мало употребляются пильщиками - больше пьют они местное кислое вино.

Пильщики, помимо распилки леса, другими кустарными промыслами не занимаются. Пилка леса поэтому производится неэкономично, а вследствие этого местности грозит опасность лишиться лесов. Вредные последствия обезлесения понятны.

Оба описанных вида кустарных промыслов имеют здесь характер вспомогательных, второстепенных занятий, для которых посвящается лишь время, свободное от крестьянских работ.

Г. Израелов
Смотритель Касапетского сельского двухклассного училища

СЕЛЕНИЕ КАСАПЕТ

Джеванширский уезд.

1. **Кузнечное производство**. Всех жителей в селении Касапет - 2.279 ч.: 1210 м., 1069 ж., - армяне. Кузнечным делом занимаются 10 мужчин, в отдельных зданиях, находящихся недалеко от жилищ кузнецов. Эти помещения обыкновенно имеют вид сарая, с трех сторон (сзади и с боков) имеющего каменные стены или плетень, а с передней стороны совершенно открытого. Случается, что кузнец живет и в самой кузнице, если он работает не в своем родном селе. Орудия, необходимые для кузнечного ремесла, - обыкновенные; их приготовляют сами кузнецы, кроме терки и наковальни, которые покупаются в городах. Материалом для кузнечного производства служат железо и сталь, покупаемые также в городах.

Производство у кузнецов происходит одиночно, только у кузнеца бывают два-три ученика, которые помогают ему при ковке железа и вообще в работах, за что кузнец обязан учить их кузнечному ремеслу в течение двух или трех лет. По прошествии этого времени он назначает определенное жалованье тем из своих учеников, которые пожелают работать у него. Кузнечество существует с давних времен. Артели кузнецов нет ни для производства, ни для покупки материалов, ни для сбыта изделий. Изделия их сбываются на месте производства сельчанам и в большинстве случаев приготовляются по заказу. Цены изделиям - разные: топор -1 р. 50 к., серп - 60 к., кирка - 2 руб., и др. под. Один кузнец в год зарабатывает до 200 руб. от изделий. Чем дальше, тем кузнечное ремесло больше улучшается. Работа у кузнецов начинается с начала осени и продолжается до конца весны. Есть кузнецы, которые в течение года занимаются своим ремеслом не больше двух-трех месяцев.

Кузнечное ремесло вредит зрению: вообще кузнецы бывают слабы глазами - среди них часто встречаются и такие, которые страдают воспалением глаз. Между кузнецами встречается много полуглухих, вероятно, от постоянного и сильного стука в кузнице. Кузнец, привыкший к жару, не переносит холод: он легко подвергается простуде. Имея дело с углем, кузнец дышит не чистым воздухом, что должно вредно влиять на его здоровье, хотя, по мнению кузнецов, дыхание воздухом, насыщенным угольной пылью, полезно здоровью человека. Смертность между ними незначительна.

2. **Плотничное дело**. Плотники (20 чел.) в большинстве случаев работают там, где воздвигаются строения, в хорошую погоду - под открытым небом, а в дурную - в сараях, недалеко от места дела. В своих жилищах плотники делают столики, кровати, шкафы, табуретки, столы по заказу. Работы - постройки зданий они ищут по селениям.

При работе ими употребляются топор, рубанки, пила, долото, бурав, циркуль и угломер, носящий местное название «*гюняна*». Это орудия, кроме пилы, рубанков и бурава, плотники покупают у местных кузнецов, а пила, рубанки и бурав выписываются из городов. Материалом служит дерево, которое приготовляется хозяевами постройки; только для мелких работ плотники готовят у себя дома материал. Многие из плотников, знакомясь на стороне с усовершенствованиями, обучают им тех, которые всегда *работают* на месте жительства: благодаря этому плотничное ремесло улучшается; а существует оно здесь не очень давно.

Хотя и бывает, что 5-6 плотников работают вместе, но они не составляют постоянной артели для закупки материалов, сбыта изделий, выписки орудий для общего пользования: эти плотники работают вместе только до тех пор, пока начатой работы не кончат, после чего они работают одиночно у разных лиц. Цены на изделия и работу – разные. Кровать, напр., продается за 3 руб., а из орехового дерева – за 5 руб., стол – за 3 руб., табуретка – за 60 коп.,

шкаф – за 12-15 руб. При постройке домов плотники получают за ханский арш. по 1 р., соответственно длине и ширине здания: напр., за здание из двух комнат, длиною в 7 хан. арш., при соответственной ширине, с сараем, плотники получают приблизительно 50 р., сверх тех, которые следуют им за настилку пола и штукатурку потолка. Средним числом один плотник в год зарабатывает до 200рублей. Они работают только весною и осенью, а зимою и летом занимаются сельским хозяйством. По словам плотников, их занятие сильно оттягивает мышцы, особенно мышцы рук и спины. Особой болезненности среди них не замечается. Смертность между ними незначительна.

3. **Производство гончарное**. Им занимаются 3 мужчин в отдельных помещениях. У гончаров, кроме станка и дощечки для срезывания излишнего количество глины, других инструментов нет. Станок – деревянный: он состоит из двух кругов, соединенных осью, на некотором расстоянии друг от друга. Этот станок помещается в яме так, что верхний круг находится на одном уровне с поверхностью пола комнаты. Гончарные станки делаются плотниками из дерева, согласно указаниям гончаров. Материалом для гончарного производства служит глина; ее добывают сами гончары. Вырытую землю засыпают на гладкую площадку, устланную досками, обливают водою и мнут ногами, выбирая из глины посторонние предметы. Гончар, взяв глины достаточное количество, мнет ее еще раз руками и кладет на верхний круг станка; сам он садится за станком и, упираясь ногою в нижний круг, толкает его и приводит как верхний, так и нижний круг во вращательное движение: это и есть то основное движение, при помощи которого гончар приготовляет свои изделия, придавая им ту или иную форму, соответственно целям изделий. Хотя гончарное ремесло существует с давних времен, но не замечается по этому производству улучшения: гончары не научились даже покрывать свои изделия глазурью и не заботятся отыскать лучшей глины. Артелей гончаров нет.

Свои изделия гончары сбывают на месте: средний заработок одного гончара в год не превышает 10 руб. от изделий. Гончары работают только весной и осенью; летом они бывают заняты полевыми работами, а зимою мешает холод. Гончарное производство имеет весьма вредное влияние на здоровье человека. Гончар портит свое здоровье тем, что он постоянно находится в тени, в сырой комнате; зато они все бледны. На вопрос же составителя записки, какой вред наносит им их ремесло, они отвечали, что оно их только сильно утомляет, но что вреда от него нет.

4**. Бондарное производство**. Им занимаются 3 человека, в отдельных помещениях: в сараях, комнатах, находящихся вблизи к их жилищам, при помощи обыкновенных инструментов, которые выписываются ими из разных городов.

Материалом служат дубовые доски, приготовляемые самими бондарями или сельчанами. Бондарный промысел существует здесь с 1882 года и, очевидно, быстро распространяется среди народа и заметно улучшается. Изделия сбываются на месте; приготовляются часто и по заказу. Цены бондарным изделиям разные: есть бочки, стоящие 15 руб., 10 руб., 3 руб. и т.д., смотря по тому, сколько ведер они вмещают в себя: с одного ведра берут 36 коп.; потому, если бочка, напр., в 10 ведер, то она стоит 3 р. 60 к. У бондарей не всегда бывает работа и не во всякое время года, преимущественно же с начала июня, когда гонится из туты водка, и еще осенью, при сборе винограда. Зимой бондари занимаются приготовлением материалов для своего промысла. Средний заработок в год одного бондаря – около 150 руб. Артелей среди бондарей нет.

5. **Производство из хлопчатой бумаги**. Хотя почва и климат благоприятствуют разведению хлопчатой бумаги, хотя сельчане чувствуют большую нужду в ней, но она разводится в малом количестве, и только для домашних надобностей; причиною этому служит недостаток в воде. Место для посева хлопка пашется плугом. Со дня посева до созревания он поливается не больше двух раз, а иногда только раз; зато в лета засушливые бывает плохой урожай, или

совершенно его не бывает. Когда созревает хлопчатая бумага, дергают ее и досушивают дома на солнце, сряду два-три дня. Зимой из других уездов, особенно – Зангезурского, приходят сюда артели людей рабочих (чигирихчи), которые, посредством своих инструментов, называемых, на местном наречии, «чигирих», отделяют хлопок от семян.

«Чигирих» состоит из двух досок, вертикально укрепленных в третьей горизонтальной доске, на расстоянии друг от друга, сообразно со своим назначением. Верхние концы их соединяются ремнем, чтобы они не расходились. В своей средней части вертикальные доски имеют по одному отверстию; в эти три отверстия помещаются концы валика, который вращают посредством проделанной к нему ручки. Под валиком параллельно к нему идут две подвижные (вниз и вверх) доски, а над валиком железный стержень - так, что расстояние между ним и валиком незначительно (оно еще уменьшается, когда вставляют деревянный клин между подвижными досками). Над железным стержнем, параллельно ему, идет камыш, который концами прикрепляется к вертикальным доскам. На нижние концы вертикальных досок надето по одному кольцу из ремня, чтобы чигирих стоял на земле неподвижно, через эти кольца вбивают в землю колышки. Отделение семян от хлопчатой бумаги происходит следующим образом: чигирихчи берет небольшой клочок хлопчатой бумаги и, приставив его к валику, вращает последний: валик влечет бумагу за собой, и, вследствие сильного прижимания валика к железному стержню, семена выделяются из хлопчатой бумаги и падают на землю с передней стороны, а сама бумага проходит между валиком и стержнем и падает на землю сзади. Камыш же не позволяет выделившимся семенам обратно смешиваться с хлопчатой бумагой.

После этого хлопчатую бумагу готовят для пряжи; это делают шерстобиты, приходящие из других уездов, при помощи снаряда, который состоит из деревянной доски, имеющей вид лопаты, без одного (которого-нибудь) бока, с рукояткой, несколько изогнутой в верхнем конце, в сторону бока лопаты; от последнего к концу рукоятки проведена струна. Струна, погруженная в хлопчатую бумагу, приводится в быстрое движение ударами колотушки: так она и очищает хлопчатую бумагу от посторонних примесей.

Дальше женщины прядут нитки на прялке. Из ниток хлопка ткут бязь и джиджимы; из бязи шьют архалуки, шаровары, рубашки для мужчин и т.п. Бязь предварительно отдают окрасить в синеватый цвет. Красильщик с одного ханского аршина бязи берет 20 к. Для тканья же джиджимов предварительно красят нитки в черный, желтый, красный, синий и др. цвета. Джиджимы ткут крестьянки для своих надобностей, но иногда нужда заставляет их продавать: они продаются по 6, 7, 8 р. (а шелковые за 15, 20 руб.).

6. **Изделия из шерсти**. Крестьянки из шерсти, добываемой со своих овец или покупаемой у соседей, ткут ковры, шали, мафраши, джиджимы, чувалы и хурджины. Сначала шерсть моют теплой водой и чешут железным гребнем два раза; потом уже начинают из нее прясть нитки на прялке. Нитки, предназначенные для ковров, чувалов, хурджинов, красят в желаемые цвета: красный, желтый, черный, синий и т.п. В красный цвет красят посредством марены, обращая ее в порошок в ступке. Этот порошок засыпают в котел с кипящей водой, куда и кладут шерстяные нитки: через несколько времени вынимают из воды нитки, уже окрашенные в красный цвет. Для окраски ниток в желтый цвет употребляется растение «*наз*». Собирают его весной, когда оно сочно. Сварив наз в воде, кладут в эту воду нитки, которые, пролежав тут часов 5-6, окрашиваются в желтый цвет. Черная краска получается двояким образом: 1) куски железа, покрытые ржавчиной, кладутся в глиняный сосуд с водою; по истечения десяти дней переливают воду в медный сосуд и греют ее, всыпав туда немного толченых квасцов; когда вода закипит, опускают в нее нитки на некоторое время, причем, их перемешивают несколько раз палочкой; потом дают им остыть: тут нитки получают черный цвет; 2) или же, вместо заржавленных железных кусков, всыпают в сосуд с водой несколько корок граната, тоже прибавив

к воде немного квасцов (на 1 фунт ниток - ¼ ф. квасцов); далее все делается по вышеописанному способу. В синий цвет красят нитки раствором синьки.

Крестьянки, приготовив нитки, приступают к тканью. Джиджимы из шерстяных ниток ткутся так же, как джиджимы из хлопчатой бумаги и из шелковых ниток. Ковры, чувалы, хурджины и мафражи ткут только из шерстяных ниток на особом станке, под названием „востан'', с тою только разницею, что уток для ковров прядется толще и удваивается без крученья на прялке, тогда как уток для тканья джиджимов, чувалов, хурджинов прядется тоньше и удваивается посредством крученья.

У крестьян существует обычай созывать знакомых и родных для исполнения какой-нибудь работы, требующей много рабочих рук, конечно, без денежного вознаграждения, а только на хорошее угощение: соблюдая этот старинный обычай, во время чески и тканья приглашают девиц, родных и соседей на помощь.

По мнению составителя записки, все ремесла, обеспечивая человека в материальном отношении, понижают его нравственность. Желая побольше зарабатывать денег, ремесленники обещаются нескольким заказчикам изготовить изделия в самое короткое время, хотя им вполне известно, что они не успеют к назначенному времени исполнять заказы. При таком положении дела им приходится выдумывать причины, почему изделия не готовы к сроку. Раз привыкши к обману, они затем надувают людей, не чувствуя угрызения совести. Что касается вопроса об улучшении ремесел, то, по мнению ремесленников, нет средств к улучшению ремесел. Составитель же записки полагает, что для достижения этого нужно составить компанию из ремесленников, иметь запасную общую сумму, на что можно было бы выписывать орудия, машины, отправлять молодых, способных людей в специальные школы учиться ремеслам и т.п.

И. Давидбеков
Смотритель Гадрутского двухклассного земского училища

Джебраильский уезд.
СЕЛО ГАДРУТ

1. Ткацкое дело. В Гадруте и вообще в Джебраильском уезде весьма распрастранено шерстяное производство. Преимущественно приготовляются ковры, паласы, сукна, а также и другие разные мелкие изделия из шерсти, как-то: хурджины, мафраши, чувалы, носки, джиджимы, веревки и пр.

Шерсть тщательно моют в воде, высушивают, расчесывают гребнем, потом прядут на особом прядильном снаряде, называемом, по местному, «*джахарак*». Все эти работы исполняются женщинами; обязанность мужчин – доставлять в дом только известное количество шерсти. Труд таких работниц оплачивается слабо. Так, напр., над ковром в 12 кв. арш. женщина сидит 5 месяцев, работая до 12 часов в сутки; на выделку такого ковра выходит всего 50 фунтов пряжи, по 80 коп. фунт, да на окраску 5 руб.; а продажная цена такого ковра на месте – около 50 рублей; следовательно за 150 дней работы получается до 5 р., следовательно $3^1/_3$ коп. за день.

Тканье паласов также плохо окупается. Напр., на палас в 40 кв. арш. (8Х5) требуется немытой шерсти 6 пудов, по 4 руб. красок -на 10 руб., за чесание и прядение - 8 руб., за работу 5 ткачихам в 60дней -36 рублей; всего расхода 78 руб.; палас такой величины продается на месте за 80 руб., стало быть, чистого барыша остается 2 руб., или вместе с 36 руб. за работу (если сами хозяева ткут), получится 38 рублей. Если разделить 38 руб. на 60 рабочих дней, получится 63 $^1/_3$ коп. в день 5 женщинам, или каждой работнице в день придется 12 $^2/_3$ коп., а за час (при 10 рабочих часах в день) приблизительно 1 $^1/_4$ коп.

Из волокнистых веществ, кроме шерсти, в большом употреблении здесь еще шелк и хлопок. Туземки из коконов низшего сорта, превращая их посредством варки в растворе древесной золы в волокнистые и беловатые, прядут особым веретеном грубые шелковые крученые нитки, которые употребляются дома на разного рода шитье. Такие нитки подкрашивают в разные цвета и ткут из них на особых ручных станках различные шелковые материи, а преимущественно джиджимы для лицевых сторон тюфяков и одеял: хотя материя эта и груба, но она красива и довольно прочна. Кусок такой материи, в 5 $^1/_4$ кв. арш. (в длину 3 аршина, в ширину $1^3/_4$ арш.), стоит от 3 до 5 руб., смотря по качеству. Из более тонких ниток женщины ткут на разных станках, «*аладлса*», из которой шьют себе длинные рубахи.

Из хлопчатой пряжи на таких же станках ткут грубую бязь для домашнего употребления, именно на брюки, рубахи, а в крашеном виде и архалуки.

2. **Изделия из серебра**. В Гадруте три серебряных дел мастера. Двое из них занимаются выделкою разных мелких вещей, идущих на украшение платьев туземок. Вещи эти по-местному именуются так: сурма, кочак, пожож, чанкал, пояс и разного рода булавки и крючки. Третий же приготовляет исключительно из польского серебра предметы для украшения рукоятки и ножен кинжалов и шашек офицерам и казакам проживающего в Ванке 1-го Полтавского полка.

3. **Кузнечное производство**. Здесь 10 кузниц, где приготовляются из железа различные сельскохозяйственные орудия: топоры, косы, серпы, ножи, заступы, цепи, подковы. Сверх этого есть несколько оружейных дел мастеров, которые занимаются починкою холодного и огнестрельного оружия. Кроме того, есть 7 «подковщиков»: они подковывают, кроме лошадей и ослов, еще быков, которых запрягают в молотильные доски.

4. **Бондарное**. Бондарей в Гадруте три: они делают бочки, ванны и ушаты. Цена материала бочки в 50 ведер - 6 руб.; бондарь на изготовление такой бочки употребляет два дня; продажная цена ее – 9 руб.; следовательно, в 2 дня он зарабатывает 3 рубля. Материл на приготовление трехведерного ушата обходится в 1 руб. 40 коп.; бондарь делает его в 1 день, а продает за 2 руб. Стоимость материала ванны в 6 ведер – 3 руб., работа над нею продолжается 1 день, а продается она за 4 рубля.

5. **Каменотесное, кирпичное, известковое и гончарное производства**. Каменотесов в Гадруте до 70 человек. Многие из них, не находя здесь работы, отправляются в Закаспийский край и в разные города Кавказа, где получают хорошее вознаграждение за свои труды - за каждый рабочий день по 1 руб. 40 коп. - 2 руб. Вся работа их состоит в выломке камня и в грубой его обделке, полировать и шлифовать камни им почти не приходится. Вследствие этого они ограничиваются только обтеской камней для разных построек, для надгробных памятников, для жерновов и т.п. Камни для построек они добывают поблизости от Гадрута: кубик такого камня продается по 8-10 рублей. Для жерновов и надгробных памятников добывают камень в 20-30 верстах от Гадрута. Пара жерновов продается за 15-25 рублей, а пара надгробных памятников – от 3 до 100 руб., смотря по величине и качеству отделки. По словам жителя Тагасыр Мелкума Петросова, в 3 верстах к югу от Джебраила, в местности Гумбат-Кагриз, находится *гипс*.

Обжиганием *кирпичей* занимаются приезжие татары из Персии, по заказу, а приготовлением *извести* занимаются сами гадрутцы. Изготовление извести производится для своей собственной надобности и для других, по заказу.

Гончарного ремесла, к сожалению, в Гадруте не существует ввиду того, что материал очень дорого обходится. Этим промыслом занимаются жители сел Агбулаг (Джебраильского уезда) и Гакаку (Шушинского уезда).

ОПИСАНИЕ КАВКАЗСКОГО ШЕЛКОВОДСТВА

Джеванширский уезд

В селении **Касапет** и в его окрестностях (сообщено смотрителем Касапетского училища *г. Израеловым*) в последние пять лет разведение шелковичных червей стало общим занятием для женщин; им занимаются в следующих селениях: в Касапете, Гюль-ятаге, Джан-ятаге, Улу-Карабеке, Кичик-Карабеке, Марагаллу, Тоношене, Чардахлу и Чайлу. Каждое семейство воспитывает по нескольку сотен червей. Старожилы о происхождении червей рассказывают, будто они появились на свет Божий из тела Иовы, известного в священном писании как человека набожного и добродетельного. Взращивание шелковичных червей идет здесь весьма неправильно: получают грену из коконов крестьянки сами; они не обращают внимание на здоровье коконов и получают грену безразлично - из больных и здоровых коконов. Грена сохраняется завернутою в куске какой-либо материи, иногда очень плотной, так что воздух не имеет доступа к ней, в ящиках и мешках. С наступлением мая или конца апреля, когда появляются первые почки на шелковице, грена вынимается из ящиков и мешков, носится на теле или ставится у огня. Чтобы получить обильный урожай, в некоторых местах в грену бросают семь штук пшеничных зерен и одну серебряную монету. После оживления грены около шелковичных червей кладут куриное яйцо, чтобы посторонние лица их не сглазили. Молодые черви в решетах и сосудах, накрытых чем-нибудь сверху, ставятся у очага, кругом которого сидит вся семья; на этом же очаге приготовляются кушанья, издающие разного рода запах. Почки, а также только что развернувшиеся листья собираются в грязные мешки, и этими листьями кормятся шелковичные черви.

Пуд сырых коконов продается в сел. Касапет по 8-10 руб.

Здесь распространена французская, итальянская и японская породы, но лет 10-15 тому назад была другая порода, называемая местными жителями – *карабахскою*; эта порода доставляла, по словам крестьянок, большие овальные коконы и вообще хороший урожай; теперь этой породы не существует. На червях наблюдаются болезни: желтуха и мертвенность; в 1889 году первая болезнь приняла повальный характер, вследствие чего урожай был дурной. По мнению *г. Израелова*, причиною появления этой болезни послужил не только дурной уход, но и непогода. Хотя присланные Инспектором Народных училищ ½ золотника грены белой багдадской породы разводились по возможности правильно, но все-таки появилась на червях болезнь - желтуха, не принявшая, однако, повального характера. Из ½ золотника грены получилось 6 фун. сырых коконов. Ввиду того, что воспитанием шелковичных червей занимаются в весьма ограниченных размерах (больше двух пудов сырых коконов никто не получает), коконы употребляются преимущественно на домашние надобности.

Из решет и сосудов переносят червей на тахту, называемую местными жителями „*триджа*" и приготовленную в одном углу того дома, где живут сами крестьяне; только зажиточные крестьяне обращают одну из своих комнат в червоводню. Когда замечают, что настало время завивки коконов, приготовляют пучки из веточек орешника, дуба и из стеблей спаржи и ставят на *тридже* рядами. Замаривают коконы следующим образом: коконы тонким слоем расстилают на солнце - под влиянием солнечных лучей куколки умирают в коконах. К числу недостатков шелководства относится и то, что мало или вовсе не обращают внимания на чистоту червоводни и никогда не переменяют постилки, вследствие чего из веточек шелковицы образуются слои прутьев и эти слои покрываются плесенью.

Для размотки коконы бросаются в горячую щелочную воду, варятся, а потом вынимаются, сушатся на солнце и прядутся посредством веретена. Нитки, спряденные на веретене, употребляются на шитье и на тканье джеджимов и на чухи. Для получения более тонких ниток поступают следующим образом: коконы бросают в кипящую воду, выделяют из них 3-4 нитки, проводят через отверстие, проделанное в деревянной дощечке, и начинают, передвигая, мотать;

потом крутят на прялке. Из этих ниток ткут шелковые ткани, напр., - „*чершо*”, служащие покрывалом и т.п., а также джеджимы. Для тканья джеджимов нитки красят в черный, желтый, красный, синий и другие цвета. Станок для тканья джеджимов устанавливается следующим образом: в сарае или в доме в земляной пол вбивают четыре деревянных кола, имеющих сзади на верхнем конце по выемке, через которые прокладывается по одной палочке; колья вбиваются в землю попарно, притом так, чтобы расстояние от первой пары кольев до второй равнялось половине длины джеджима, а расстояние между первыми кольями и вторыми, составляющими одну пару, должно соответствовать ширине джеджима. Недалеко от первой пары кольев ставится подставка для поддержания ниток джеджима над землею.

Нитки протягиваются от перекладины одной пары кольев чрез перекладину второй пары и связываются, образуя бесконечную основу. Для прибивки утка служит дощечка в виде трапеции, называемая „тур” (шашка).

Шелковые джеджимы продаются по 15-20 руб.

Шушинский уезд

1. В сел. **Агдам** в 1889 году (сообщено смотрителем Агдамского училища *г. Ибрагимбековым*) занимались шелководством около 30-ти человек, каждый отдельно, при содействии членов семейства, а прежде, как рассказывают, почти все население Агдамского общества поголовно предавалось этому занятию, оживляя грену „*карабахской*” породы; но когда несколько лет сряду не получали урожая, то большею частью порубили свои тутовые плантации и обратили их в пахотные поля. Только с некоторого времени шелководы возобновили свое занятие, оживляя грену японской зеленой породы, которая хотя в прошлых годах и доставляла порядочный урожай, но в 1889 году, пострадав от болезней „*салма*” (мертвенность) и „*каракет*” (чахлость), принявших повальный характер, перестала заслуживать внимание. Полученные в 1889 году в незначительном количестве коконы были недоброкачественные, с тонкими стенками, притом очень маленькие (с 1 зол. получено приблизительно 3-5 фун.); каждый пуд продавался от 6 до 8 руб.

Уход за шелковицею производится так: в конце осени шелковичную плантацию тщательно поливают, чтобы она зимою не пострадала от заморозков; к весне, когда температура поднимется до 10^0, разрыхляют землю около шелковицы и вторично поливают (некоторые предварительно удобряют разрыхленную землю навозом), чтобы пробудившемуся от зимнего покоя дереву было возможно получать из земли необходимые питательные соки; при этом высохшие и лишние веточки на шелковице заблаговременно срезываются, чтобы они не мешали свободному росту дерева. Когда листья тутового дерева распустятся, сначала щиплют их руками, потом срубают ветки большим кривым ножом, избегая царапать или сдирать кожу шелковицы. Этим ограничивается весь уход за шелковицею.

Не раз были примеры, что грена местной породы не доставляла хорошего урожая; потому-то шелководы стали покупать ее у продавцов на агдамском базаре. Последние приобретают эту же самую грену из с. Агдаш, Арешского уезда; 1 фунт грены итальянской породы стоит 4-8 руб. Грена также не доставляла хорошего урожая, хотя разводилась неоднократно: это, по всей вероятности, - вследствие неумения ухаживать за червями, в чем сами шелководы сознаются.

Для оживления грена носится на теле, или ее держат близ печи или камина, либо, наконец, помещают ее вообще в теплом месте. Оживление происходит в первых числах апреля.

Почки шелковицы распускаются в первых числах апреля, а лист - около 10-го апреля; цветет шелковица в конце апреля; ягоды ее созревают около 20-го мая, листья опадают от начала до конца ноября.

Червоводни устраиваются из камыша, фасадом к востоку, без окон, с соломенною крышею длиною в 12, шириною в 5, а высотою в 2½ метра, иногда и больше. Они бывают так непрочны, что не могут защищать червей от ветра, тепла, холода и течи во время дождя.

Этажерки не употребляются, а взамен их употребляется что-то вроде лотка, сплетенного из камыша, - „*тередже*”, которое держится на 4-х вбитых в землю под прямым углом колышках, высотою в 1 фут.

После оживления черви сначала переносятся посредством листа на „*саганах*” – снаряд вроде сита или плетеного решета и тут их кормят до 2-ой линьки разрезанным листом, производя кормление 2 раза в сутки: утром и в 2 часа пополудни. После второй линьки червей переносят на „*тередже*”, о чем упомянуто выше, устланное заблаговременно бумагою, и тут продолжают их кормить 3 раза в сутки: утром, в полдень и вечером, причем кормление идет веточками. После четвертой линьки кормление производится 6 раз в сутки и даже больше: дают - сколько черви в состоянии съесть. Во время выкормки шелководы обращают внимание на то чтобы лист не был сырым, и если он сырой, то скорее оставляют червей голодными по целым дням, как это случается в дождливое время. Постилку меняют два раза в течение всей жизни червей, т.е. со дня оживления до завивки кокона: после второй линьки и после четвертой линьки.

Коконников не ставят, а ограничиваются тем, что, когда черви перестают есть и собираются завивать коконы, в последний раз накладывается им свежий лист, после чего шелковод уходит. Чрез неделю он возвращается в червоводню и собирает завитые в постилке и на веточках коконы или же находит одних мертвых червей. Полученные коконы шелководы продают торговцам или у себя дома, или на агдамском базаре, или же употребляют их на домашние потребности. Так как местная грена не дает хорошего урожая, то шелководы сами гренажем не занимаются, а приобретают грену на агдамском базаре у продавцов, которые таковую, в свою очередь, привозят из сел. Агдаш. Замаривание производится на солнце.

У местных жителей размотка шелка или шелкоткацкого производства не существует.

Недостатки шелководства следующие. Червоводни не имеют надлежащей вентиляции; правильной выкормки, с соблюдением в червоводне необходимых гигиенических для червя условий, не наблюдается; этажерки неудобны и т. д. Равным образом немало влияют на упадок шелководства дешевый сбыт кокона и, в особенности, резкие переходы внешней температуры.

До второй линьки червей кормят в том помещении, где живут сами шелководы, и каждый раз, когда начинают кормить червей, повторяют: „*Бисмиллах иррахман иррахим*”, т.е. „во имя Бога милостивого и милостивейшего”, потом продолжают : „*Аллах бедназарден сахласин*”, т.е. „пусть Бог сохранит от злых глаз”; наконец производят кормление. При оживлении к грене присыпают несколько штук изюму, думая, что он дает червям живой и здоровый организм; это, однако, практикуется не у всех. Прежде чем переносят червей в червоводню, к дверям ее привешивают растение „*руту*” и молитву - „*веин вкадил лезина реферо…*” (выписанный из Корана отрывок в две строки). Посторонних, не совершающих часто омовения, не пускают в червоводню, думая, что испарение от них и глаза их вредно могут подействовать на здоровье червей.

Полагают, что грена, пущенная на оживление в четверг (день счастья у мусульман), дает хороший урожай, который отчасти приписывают шелководы „*счастью*”; об этом у них сложена следующая поговорка: „неопытный пастух кормил червей терновным листом и получил самый хороший урожай вследствие доброкачественности грены и хорошего ухода за нею”. О хорошем уходе существует поговорка: „терпение сварит мед из кислого зеленого винограда и соткет атлас (шелковая ткань) из листа шелковицы”.

2. В сел. **Туг** шелководство (сообщает учитель Тугского училища *г. М.Погосов*) по легкости выкормки червей и по местным условиям есть обязательное и вместе с тем весьма важное занятие тугцев и окрестных крестьян. Самый последний крестьянин имеет понятие о выкормке червей. Выкормка червей производится следующим образом. До четвертого сна черви остаются в жилищах хозяев на досках или на плетенках из камыша; в 20-ый день жизни червей хозяева переносят их в червоводни. Червоводни устраиваются в шелковичных садах в виде чердака. В них червей располагают в 3-4 ряда на земле, обсыпанной саманом, без соблюдения степени теплоты: здесь

черви остаются на загнивших остатках листьев, смешанных с гниющими испарениями и трупами погибших червей до завивки коконов. Кормление червей происходит неправильно: иногда черви остаются без корма целые дни, а иногда в день дается корм несколько раз; при кормлении червей не обращается никакого внимания на сырость листьев от дождя и росы, тогда как листья должны быть сухи. Для правильного развития червей не увеличивают занимаемую ими поверхность при росте тела их. Хотя червоводство существует в Туге с давних времен и число червоводов ежегодно увеличивается, но само производство не улучшается с технической точки зрения. Червоводы, не имея понятия о влиянии климата, не выбирают породы, подходящей к климату. Коконы местных червоводов покупаются в сыром виде фабрикантами местных двух шелкомотальных фабрик, принадлежащих шушинцам Н.Агаронову и А.Мугунову; фабрика последнего перестала действовать со второго года своего существования. Они существуют с 1887-го года.

Пуд сырых коконов ценится на месте производства в среднем в 10 рублей. Один червовод при хорошем урожае получает 20-25 рублей заработка. Сел. Туг, средним числом, получает 3 тысячи рублей дохода от шелководства. Оживление яичек начинается с 15-20 апреля и продолжается до 20 июня. Червоводство обеспечивает крестьян в материальном отношении и потому заслуживает улучшений и примет большие размеры, если распространится правильное воспитание червей.

Джебраильский уезд

1. В **Джебраильском** уезде (составлено помощником учителя Нахичеванского городского училища, *Фарадж-беком Султановым*) считается по последнему камеральному описанию всего 8.687 дымов, из которых - духовного звания - 69, бекского и чиновничьего - 296, крестьянского - остальные. За исключением молоканского села Карабулах (45 дымов: 104 мужчин и 109 женщин) и некоторых кочевьев (Кюрдмахмудлу: 94 дыма - 327 мужчин и 313 женщин; Мавджанлу, большой и малый: 202 дыма - 565 мужчин и 372 женщины, Молла-Магеррамлу и др.) во всех остальных оседлых деревнях и селах, а также в кочевьях занимаются шелководством.

Раньше оно шло успешно, потому что, как говорят сами шелководы, никаких болезней на червях не было; за последнее же двадцатилетие пошли болезни, так что в первые годы появления их, в целом уезде не уцелело ни у кого червей - все они передохли. Спустя два-три года попробовали возобновить грену; несмотря на это, однако, болезнь совсем не уничтожилась, но все-таки часть червей осталась здоровой и завила коконы.

До появления болезни были в употреблении исключительно яички так называемой хорасанской породы, но после болезни она была заменена японскою. Несколько раз делали опыты - разводили французскую породу, но она не дала удачных результатов, а потому и была оставлена.

Болезнь на червях появляется в разных возрастах: иногда через некоторое время по вылуплении червей из яичек, иногда после первой линьки, иногда после второй, третьей, четвертой, наконец, тогда, когда наступает пора вить коконы. Бывают случаи, что черви совсем не вылупляются вследствие негодности яичек.

Болезнь на червях местные жители приписывают воле Божьей и смотрят на нее, как на наказание, ниспосланное за недобродетельную нашу жизнь; поэтому они ничего не предпринимают против нее, да в сущности и средств никаких против нее им неизвестно. Ухаживают за червями по прадедовскому примитивному способу - не улучшают ни способов оживления яичек червей и выкармливания, ни устройства червоводень и пр. Вследствие этого и постоянных неудач местные жители относятся более или менее пренебрежительно к шелководству, почему в настоящее время некоторые тутовые сады даже запущены. Вследствие неудовлетворительного состояния шелководства все жители усердно принялись за хлебопашество, более щедро вознаграждающее их, так как почва в Джебраильском уезде вообще очень плодородная.

Сбором яичек, как и вообще шелководством, исключительно занимаются женщины. Берут, положим, 8 фунтов отборных коконов, их раскладывают на куске бязи в прохладном месте. Спустя

4 или 5 дней из каждого кокона выходит бабочка, довольно вялая, с большим брюшком, не способная летать. На второй день по выходе из коконов эти бабочки начинают спариваться, а потом кладут яички. Вначале они бывают желтого цвета и прилипают к бязи. Когда все бабочки передохнут, берут этот кусок бязи, смывают яички с нее холодной водой и сушат несколько дней, после чего зашивают в мешочек, вывешивают на каком-нибудь прохладном месте или кладут в глиняный горшок, который закрывают сверху, чтобы туда не могли проникнуть мыши и съесть грену. Иногда в горшок всыпают рис, поддерживающий будто бы прохладу. Грена кладется в горшок или вешается в прохладном месте, чтобы от теплоты летом из яичек преждевременно не вывелись личинки и чтобы потому она не пропала даром. Если взвесить полученные яички, то будет ½ фунта. Итак, из 8 фун. сырых коконов получается обыкновенно ½ фун. яичек. Они после отмывки бывают цвета синеватого, имеют круглую форму с впадиною с обеих сторон.

Весною, когда только что распускаются тутовые деревья, женщины взвешивают яички по $^1/_8$, ¼ или ½ фун., всыпают в кусок какой-нибудь бумажной материи, связывают слабо ниткой и кладут за пазуху, а на ночь кладут около себя в постель. От этого яички согреваются и начинают развиваться черви. При оживлении же яички согреваются настолько, чтобы личинки от излишней теплоты не передохли в зародыше, что случается нередко. Когда червяков вывелось достаточное количество, то утром, после восхода солнца, насыпают яички с червями на деревянный поднос (табах), выносят на солнце и кладут поверх яичек несколько метелок из камыша, покрывая их листьями тутового дерева. Метелки кладутся для того, чтобы к листьям не приставали яички и их можно было бы отделить от червей. Через метелки черви поднимаются и собираются на свежих, сочных листьях, которые начинают есть. Эти листья с червями переносятся на „тараджа”, обсыпанный сверху саманом, который служит подстилкой червям. Тараджа делается из камыша самими червоводами – мужчинами для содержания на них червей до второй линьки. Для этого берется камыш и к подставкам из дерева или камыша, числом от 6 до 10, прикрепляется посредством коры молодых тутовых веточек. Лишняя часть камыша срезается. Тараджа имеет форму прямоугольника длиною от 2½ до 3-х арш. и шириною от 1 до 1¾ арш. Со всех сторон она имеет выступы, чтобы черви не могли сваливаться с нее.

Для тараджи камыш вырубается на берегах Аракса, где он растет в изобилии, и привозится вьюками. Длиною бывает до 1½ саж. При купле и продаже, что случается редко, вьюк камыша на месте потребления стоит 30-40 коп. Камыш привозится, главным образом, кочевниками, проживающими на берегу р. Аракс.

Особых помещений для оживления яичек, выкормки червей, сохранения яичек и т.д. не существует. Все эти операции производятся в жилых помещениях шелководов.

Назначенные для кормления червей листья первоначально рубятся мелко острым ножом.

Выход червей из яичек продолжается 3 или 4 дня. Количество яичек, недавних червей, зависит от качества их. Если яички здоровы, то оно бывает незначительно, в противном же случае оно доходит до ¼ всего количества грены.

Из ¼ ф. здоровых яичек выходит 4 тараджи личинок.

В первом возрасте личинок называют „*мурджа*”. Мурджу кормят в день, при хорошей погоде, 2-3 раза, а при пасмурной - один раз. Нужно сказать, что сырая погода вредно действует на червей, а потому дождливая весна служит предвестницей плохого урожая на коконы. Первый возраст червей продолжается 6 дней, после которых черви делаются совершенно вялыми, почти не едят и не двигаются и приступают к линьке. Это состояние местные червоводы называют „*сном*”; он продолжается 2 дня. Первый сон называется „*кара-юхи*”, т.е. черный сон. Назван он так потому, что „*мурджа*” бывает черного цвета и белеет после первого сна. Снов четыре. Обыкновенно каждый из четырех снов продолжается по 2 дня, а промежуток между ними 6 дней. В период между первым и вторым сном черви в росте значительно увеличиваются (в 3-4 раза), а потому их рассаживают на другие „*тараджа*”, так что из одной „*тараджа*” „*мурджа*” образуется 2 „*тараджа*” червей

второго возраста. Когда же черви не спят, то они прожорливы. На 8-ой день наступает второй сон – „*джумсаз*”, т.е. „*все в исправности*”. От этого сна здоровые черви пробуждаются одновременно и бывают одинаковой величины. До этого времени черви содержатся, главным образом, в жилых помещениях шелководов, т.е. в избах, где и дымно вследствие топки, и сыро, и темно, что, конечно, плохо влияет на здоровье червей. По пробуждении от второго сна их перестают кормить рубленными листьями, а прямо срезают годовалые веточки тутовых деревьев с листьями, кладут на червей, которые поднимаются на эти ветки и едят листья. В период между вторым и третьим сном черви переносятся из изб в особые червоводни, выстраиваемые в садах. В одной червоводне держатся черви от половины оживленных яичек. Там их кладут на землю в четырех местах поровну, оставив дорожку между ними. Каждое отделение червей называется „лахта”.

Червоводни обыкновенно строятся в садах в таком месте, куда могло бы заглядывать солнце. Они бывают длиною до 12 арш. и шириною до 8 арш. Черводня представляет из себя навес с двускатной крышей, которая покрывается длинной травой, растущей на берегу р. Аракс, называемой по-тататрски „*джаян*”, сто пучков которой стоят от 2 до 3-х руб. С боковых сторон черви в червоводнях защищаются камышом и ветками, а с передних - тараджою, и то когда бывает дождь или падают солнечные лучи. Червоводни служат только защитой, и то плохой, против дождя и солнца, и в них во время непогоды нет никакой возможности искусственно возвысить температуру.

До переноса червей в червоводни уход за червями, вывод их из яичек, выкормка, раскладка на другие „*тараджа*” и пр. находятся в руках женщин, но по переноске женщины отступают на второй план, так как более тяжелую работу исполняют мужчины.

Третий сон, происходящий уже в червоводнях, – „*кичи*” т.е. „*малый*”, а четвертый и последний – „*улу*”, т.е. „*великий*”. Перед последним сном черви делаются до того прожорливы, что для червоводов наступает самая трудная пора: проходит семь дней самой усиленной еды, так-что в это время редкий рабочий может справиться с одной червоводней.

Итак, между выводом червей и завивкой ими коконов проходит до 40 дней, в продолжение которых из крохотных „мурджа” черви вырастают более чем на один вершок и превращаются в крупных гусениц.

С начала воспитания червей до завивки коконов постилка, образующаяся от остатков корма и экскрементов, время от времени, по мере накопления, очищается. Пока черви не перенесены в червоводни, она очищается простым переносом червей с одной „тараджи” на другую рукою, а после перенесения в червоводни смена постилки производится следующим образом: подхватывается слой веточек червей двумя длинными палками, которые поддерживаются 4-мя рабочими, а в это время пятым вытаскиваются снизу деревянным крючком негодные веточки, листьями которых кормились черви. Палки эти называются „*кюнача*”, крючок – „*кега*”, сами же выбрасываемые веточки – „*кюнал*”.

При наступлении времени свивания коконов черви едят мало и делаются желтоватыми. Когда это замечают червоводы, то кладут на них ветки с листьями или сухие травянистые растения, на которых собираются готовые к завивке коконов черви. Эти ветки или сухие растения берут особыми вилами – „*кялафарман*” и приставляют наклонно к наружной стене червоводни, огороженной камышом или ветками, как было сказано выше. Эти сухие растения, на которых черви коконы свивают, называют „*шах*”. Каждое утро повторяется подобный прием, пока все черви не взберутся на „*шахи*”; эта операция продолжается дня 2 или 3. Если не все черви, которым наступило время, подымаются на “шахи”, то их собирают рукою и кладут туда. Незначительная часть червей, именно больные, свивают себе коконы в „*кюнале*”. Эти коконы бывают низшего достоинства и по плотности, и по цвету - их называют „*ласы*”. Для того, чтобы черви свили коконы как следует, их оставляют 4 дня, по истечении которых вся семья, в особенности весь женский персонал и дети, рано утром идет в червоводню для сбора коконов. В этот день на обед чистящим

коконы обязательно варят плов, как изысканное туземное блюдо, приготовляемое в торжественные дни. Очистив коконы, приносят их домой. Дома же или сушат, или продают в не сушеном виде. Сушение производится просто: на ровном месте стелют ковры, на которые и раскладывают коконы, а вечером собирают коконы и относят домой. Сушка продолжается три дня, если они солнечны и ясны. От солнечных лучей куколки в коконах умирают и не бывают в состоянии превратиться в бабочек и прорвать коконы.

Некоторые, нуждаясь в деньгах или при высокой цене на сырые коконы, продают их местным или шушинским торговцам, которых в это время наезжает очень много; но более зажиточные высушивают коконы и выжидают, пока установится хорошая цена.

Червоводством занимаются или сами хозяева, или наемные работники. Работники эти нанимаются или из соседних деревень, или из односельцев, которые располагают свободным временем и хорошо знакомы с делом. Они поступают на двояких условиях:

1) Работник работает на своих харчах без помощи хозяев и получает $^{2}/_{5}$ всех полученных коконов; за то он вносит также $^{2}/_{5}$ оживляемых яичек. Оживляется для одной червоводни ½ или $^{5}/_{8}$ ф.

2) Он работает совместно с хозяевами, т.е. служит помощником и получает $^{1}/_{5}$ полученных коконов, пользуется хозяйскими харчами, семенами и обувью. Дележ коконов между хозяевами и рабочими происходят в червоводне, тотчас же по очистке их. Яички для вывода часто закупаются в сел. Лямберан Шушинского уезда, начиная от 4 до 16 руб. за фунт; самими же приготовленные яички иногда продаются другим сельчанам.

В доброе старое время, как рассказывают пожилые шелководы, никогда коконы в сыром виде не продавались, а сушились и обращались самими шелководами в шелк. Тогда не существовало ни болезней на червях, ни торгашей, которые в настоящее время закупают коконы по какой им угодно цене, предварительно войдя между собою в сговор; от них теперь нет никакой возможности избавиться, потому что, во 1-ых, не существует конкуренции со стороны при покупке коконов; во 2-ых, потому что местный шелк, который теперь, благодаря заводскому шелку, ни во что не ценится (местный шелк пал в цене потому, что очень груб), и в 3-ьих, потому что если шелководы высушивают коконы, то все же приходится в конце концов уступать их тем же торгашам за бесценок, какой им благоугодно будет назначить.

В прежнее время шелкомотальни устраивались в каждой деревне 2-3. Они строились около ручейков или родников и имели следующее устройство: ставился камышовый сарайчик и в нем печь цилиндрической формы, вышиной до 2 арш., сверху в нее вкапывался медный таз, диаметром в 1 ар., а для большей емкости его, так как боковые стенки таза не превышали 3 вершков, сверху по краям таза прикреплялась толстая кора орехового дерева шириной приблизительно в ¼ арш. С одной стороны печи вкапывались в землю два столбика одинаковой с ней вышины, на которые ставилось мотовило, похожее на те, какие обыкновенно существуют в нынешних шелкомотальных заводах европейского образца. В ось этого мотовила вбивалась железная полоса о двух коленах. К концу этой полосы прикреплялась палка длиной в одну сажень; свободный конец палки лежал на земле. Для размотчика устраивалось место для сиденья так, чтобы по правую руку его находилось мотовило, почему он садился на край печки боком к мотовилу, а лицом к тазу. Правой рукой он мотал шелк, а правой ногой приводил в движение мотовило. Мотовило сперва приводилось в движение рукой, а затем ногой при помощи палки, после чего размотчик продолжал вертеть мотовило безостановочно, пока мотался шелк.

Такие шелкомотальни в настоящее время почти совершенно вытеснены заводами, но кое-где еще сохранились. Размотка на них производится следующим образом: таз наполняют водой и топят печь до кипения воды в тазе, разбавляют кипяток „*айраном*" (разбавленное водой кислое молоко), всыпают туда коконы, начинают мочить их, колотя потихоньку дугообразной, гладко оттесанной палочкой – „*таваша*", длиной в ¾ арш. Когда коконы достаточно вымокнут, так, что от них

отделится липкая жидкость и шелковинки начинают распускаться и приставать к таваше, размотчик собирает два пучка этих ниток, продевает чрез кольцо пред тазом, оттуда подымает вверх чрез два железных крючка, обводит их вокруг двух катушек и концы ниток прикрепляет к мотовилу. При вращении мотовила нитки растягиваются и обматываются вокруг него, образуя две полосы. По мере надобности прибавляются в таз коконы, а к мотающимся на мотовило ниткам новые пряди шелка; при этом сильно топится печь, чтобы вода в тазе всегда кипела. Когда на мотовило намотается известное количество шелка, примерно от 3½ фун. сухих коконов, из которых получается около фунта шелка, перестают мотать. Снявши смотанный шелк, складывают его вдвое, связывают каждый конец ласью, скручивают и складывают узлообразно. Такой пучок шелка называется „*нобатом*" или „*кюлью*"; десять нобатов, связанных вместе, называются „*баг*".

Из одного пуда сухих коконов получается около 15 фунтов шелка - сырца; фунт такого шелка продается на месте или в Шуши за 3 р. или 3 р. 50 коп. При мотании шелка получается остаток, негодный для мотания, продаваемый по 40 коп. за фунт, из которого варится „*пиля*"; описание этой операции приводится ниже. Остаток этот называется „*ласи*". Работники, разматывающие шелк, получают $^1/_5$ часть смотанного шелка. Один размотчик может смотать в день до 3-х ф. шелка. Если считать среднюю стоимость фунта шелка в 3 руб. 50 к., то он получает на деньги 2 р. 10 коп. в день . Отсюда и понятно негодование туземных размотчиков на новые шелкомотальные заводы, выписанные местными армянами из Франции. Негодование это распространяется также на хозяев заводов и скупщиков сырых коконов.

После снятия со станка шелка из таза выливается нечистая вода и приготовляется новая – так же, как описано выше. Рабочих на шелкомотальне необходимо иметь налицо всегда трех: двое размотчиков, работающих поочередно, а третий для топки.

Кроме шелка для продажи приготовляется также шелк для домашнего приготовления, называемый „*ваз*". Из него делают только нитки для шитья, для тканья джеджимов, „*ерган-узи*" (лицо одеяла), малых хурджинов для надевания на луку азиатских седел, „*каджари*" (черпак) и др. „*Ваз*" в продаже не встречается.

Так как теперь прежние шелкомотальни почти совершенно вытеснены, то и ткани почти не изготовляются.

После размотки шелка и после вывода бабочек остаются коконы, негодные для мотания шелка; их предварительно моют в холодной воде, а потом варят в поташе с ¼ фун. мыла на 1 ф. коконов. Полученные вываренные коконы бывают совершенно белого цвета; из них приготовляют нитки низшего достоинства, называемые „*кеджи*".

Морилен европейского образца в Джебраильском уезде 7: одна находится в сел. Карабулах (молоканском), другая в сел. Гадрут при шелкомотальном заводе Мурадова, третья в селе Каракаллах, четвертая в Пирахмедлах, пятая в сел. Дашкясян, 6 и 7 в ур. Джебраил (одна из них – при шелкомотальном заводе Шахназарова).

Они состоят из одного цилиндрического котла (паровика), в 1½ арш. высоты и 1 арш. в диаметре, сделанного наподобие самовара, но только герметически закупоренного. Резервуар, охватывающий трубу с горячими углями, наполняется водой. От крыши этого резервуара проведена труба в так называемую будку, тоже цилиндрической формы, где на полки ставятся полукруглые корзинки (их 8), вмещающие в себя каждая по 5-6 фун. сырых кокон. Стоит только пустить пар в будку на 3-5 минут, чтобы совершенно уморить куколки в коконе. В час можно заморить до 10 пудов коконов. Коконы с заморенными куколками раскладываются на специально выстроенных полках, где держатся для окончательной высушки 1 ½ месяца; в этих помещениях устраивается сквозняк.

Шелкомотальных заводов европейского образца два: один ручной, другой паровой.

Ручной завод для 12 рабочих, а следовательно, с 12 шелкомотальными станками, которые приводят в движение посредством верчения общей оси одним человеком, находится в уроч. Джебраиле и принадлежит Осипу Шахназарову.

Рабочих на этом заводе 10, так как два станка находятся в бездействии. Кроме этих (10 рабочих) имеется еще один, который носит в тулухе воду, старуха – мусульманка, которая приводит в движение станки, и женщина, сортирующая остатки. Все вышеуказанные 10 рабочих, занимающиеся на станках - подростки обоего пола, на вид с истощенными, болезненными, бледными лицами. Общее число рабочих - 13. Число взрослых – 3, а подростков – 10; мужского пола 6, женского 7; армянок 5, а мусульманок 8. Они получают от 15 до 30 коп. в день, работают же с раннего утра до вечера, т.е. 14-15 часов ежедневно, исключая часовой отдых во время обеда. Каждый рабочий в день может размотать 30-40 золотников чистого шелка. Работа на этом заводе продолжается 7-8 месяцев в году, начиная с апреля. Машины выписаны из Марселя за 2.000 руб. При указанном числе рабочих и продолжительности работы этот завод дает в год 10 пудов чистого шелка и 5 п. остатков. Никаких артелей и ночлежных помещений для рабочих не существует. Все они из ближайших деревень и, уходя из дома, запасаются хлебом для обеда, а вечером возвращаются домой ночевать.

Из 3-х пудов сырых коконов выходит 1 пуд сухих. В 1889 году пуд сырых коконов продавался от 10 до 16 руб., сухих же по 40 руб. пуд. Нужно сказать, что цена на коконы в 1889 году была высокая, а в предыдущие годы коконы продавались и по 7 руб. пуд.

Из одного пуда сухих коконов выходит 5 фун. чистого шелка и 2½ „*ласи*'', или из 20 пуд. сырых коконов выходит 1 пуд чистого шелка и фунтов 15-20 „*ласи*''.

Отношение коконов к получающемуся из них шелку бывает разное, смотря по качеству их.

Шелк с этого завода продается в гор. Шуши или Москве по цене от 250 руб. за пуд до 300 руб., пуд же „*ласи*'' продается от 50 до 70 руб.

Другой шелкомотальный завод существует в сел. Гадрут: на всемирной выставке 1879 г. в Филадельфии он удостоился медали. Этот завод принадлежит местному жителю Кулию Мурадову; он – паровой, имеет 60 станков, и в настоящее время в нем работают 40 работниц, получающих от 20 до 30 коп. в день. Никаких артелей и ночлежных помещений не существует. Работники на ночь возвращаются к себе домой. Работа длится от раннего утра до вечера, т.е. часов 14-15, а иногда даже и 16. Отдыха не полагается, за исключением часа на обед. Работник в один день может размотать золотников 30 тонкого шелка и 48 немного толще, следовательно, средним числом 39 золотников. Работа продолжается на заводе от 8 до 9 месяцев; начинается с апреля.

На этом заводе в год производится до 80 п. чистого шелка и до 40 п. „*ласи*'', которые продаются в Москве или Марселе (от 250 р. до 300 руб. за пуд чистого шелка и от 50 до 70 руб. за пуд „*ласи*'').

Заводы эти ужасно плохо действуют на здоровье рабочих, вследствие продолжительности и трудности работы при удушливом и нечистом воздухе. В продолжение 15-часовой работы рабочим приходится стоять у кипятка и дышать зловонным воздухом.

В будущем, вследствие многочисленности тутовых садов и подходящего климата, шелководство в Джебраильском уезде может идти очень успешно, если научить местных жителей рациональному выводу яичек, а из них червей и уходу за ними, заменить ныне существующие червоводни новыми с вентиляцией и искусственным отоплением и, наконец, устранить эксплуатацию шелководов местными торгашами. В заключение приводится список по селам и кочевьям Джебраильского уезда, в которых занимаются шелководством и которые были посещены автором, а именно:

N	Название	Число дымов	Общее число душ	Мужчин	Женщин	Примечание
1	Гадрут (село армянское). . .	252	1873	1040	833	
2	Норашен (деревня армянская)	17	219	111	108	
3	Каргабазар (село мусульман.)	56	361	230	131	
4	Кочахмедзу (тоже)	89	488	278	210	
5	Бегманлу (тоже).	172	963	519	444	
6	Каракоилу (тоже)	101	535	327	208	
7	Карадаглу (тоже).	31	203	108	95	Обширное
8	Коразиллу(мус.).	43	278	160	118	червоводство:
9	Сараджих (мус.).	58	276	155	121	закупается
10	Пирахмедлу (тоже).	56	382	198	134	другими
11	Горадиз (тоже).	159	801	457	344	сельчанами много
12	Сулейманлу (тоже)	47	209	116	93	яичек.
13	Дашкесан (алалахи).	117	762	439	323	
14	Чахирлу (тоже).	26	91	59	32	
15	Шихалаглу (кочевье).	95	431	254	177	
16	Эфендилар (тоже).	12	76	36	40	
17	Ханлых (тоже).	148	647	363	284	

1. Шелководством занимаются во многих местах Джебраильского и Шушинского уездов (сообщено смотрителем Гадрутского училища, г. Давидбековым); но, к сожалению, шелководы совершенно не умеют выкармливать шелковичных червей, и потому каждый год труд их пропадает без надлежащего вознаграждения. Гигиенические условия в полном смысле отсутствуют. Помещением до 3-го возраста служит „карадала'' (черная землянка), лишенная достаточного света, чистого воздуха и необходимой температуры. В 3-м или 4-м возрасте червей переносят в особо устроенное для них помещение, находящееся в шелковичном саду. Оно устраивается из дерева, а покатая крыша из так называемого джегиана»[1] или из соломы. Все четыре стороны его закрываются плетенками из хвороста или камыша. Во время сильного ветра крыша разрушается и черви остаются на открытом воздухе; а при продолжительных дождях невыносимая течь.

Черви в такой шелководне кладут чересчур густо, прямо на сырой земляной пол, где погибают в большом количестве.

Затем дальнейший уход их оставляется на произвол судьбы.

При таких условиях черви подвергаются различным болезням и погибают почти целиком: шелководы находятся положительно в беспомощном состоянии в борьбе с разными микроскопическими врагами драгоценного насекомого. Средним числом сырых коконов в Гадруте

получается 100 пудов; пуд коконов в сыром виде ценится от 8 до 15 рублей; считая пуд по 12 руб., всего получается дохода 1.200 руб.

Шелководы выбирают здоровые коконы так, чтобы из них выходили бабочки, - поровну самок и самцов. Эти коконы кладутся на какую-либо материю и ставятся в прохладном месте, а сверху кладутся бузиновые ветки. Через несколько дней из коконов выходят бабочки, которые кладут яички и умирают. Яички эти собираются, очищаются и оставляются для будущего года.

Лет 20 тому назад хорасанская грена здесь была в большом ходу; но по случаю появившихся болезней между червями той грены, ее оставили. В настоящее время в большом употреблении японская грена и отчасти итальянская.

[1] *Джегиан – жесткая дикорастущая трава; она растет по берегам р. Аракс.*

Все коконы, получаемые в Джебраильском и Шушинском уездах, покупаются заводчиками на месте в сыром виде; они их замаривают паром, а крестьяне – гретым воздухом. Число всех шелкомотальных заводов в обоих уездах доходит до 20.

В самом Гадруте существует с 1877 года один шелкомотальный завод. В течение года он работает только с апреля до ноября месяца, а все остальные четыре месяца остается в бездействии. Этот завод в течение 8 месяцев приготовляет от 50 до 60 пудов шелка, который продается во Франции по 250-300 руб. за пуд, смотря по цене.

На приготовление одного пуда шелка расходуется 50-60 рублей. Один пуд шелку получается из 20-22 пудов сырых коконов или из 8-9 пудов сухих. Шелк этого завода был на двух выставках: Московской, в 1882 году, и Американской, в 1879 году; причем на первой выставке удостоился бронзовой медали, а на второй – золотой. На этом заводе работают исключительно девушки бедных родителей и вдовы жителей Гадрута и окрестных деревень. Каждая работница получает в день от 10 до 35 коп.

Труд других рабочих оплачивается так: 1) самоучка – механик получает в месяц жалованья 25 руб.; 2) мотальщик, он же крутильщик ниток - 20 руб.; 3) надзиратель - 20 руб.; 4) кочегар, он же сторож - 15 рублей. Число всех служащих на заводе следующее:

1. Приходорасходчик (кто-либо из хозяев). . . . . 1.
2. Приказчиков . . . . 3.
3. Кочегаров . . . . 1.
4. Работниц . . . . 40.

Всего . . . . . 45.

С прошлого года живут в Гадруте два бухарца, которые ткут из шелка различные вещи.

Г. Израелов
Смотритель Касапетского училища

СЕЛО КАСАПЕТ

Елисаветопольской губернии, Джеванширского уезда.

1. Название села, краткие исторические сведения, местоположение и внешний вид.

Название села Касапет армяне произносят и пишут «Кусапат». Происхождение его объясняется двояко. Одни из старожилов говорят, что первые пришельцы, основатели этого села, пригласили мастера (каменщика) построить для них церковь, ныне существующую. Мастер желал, чтобы честь постройки храма осталась за ним, и потому отказался от вознаграждения за труды от жителей. Жертвуя своим трудом, он хлопотал о спасении своей души; жители селения, в свою очередь, заботились о том же и решили во что бы то ни стало вознаградить мастера, чтобы душеспасительная сила этого богоугодного дела перешла к ним, а не к мастеру. Чтобы не получить от жителей вознаграждения и, таким образом, не лишиться права на спасение души, мастер, не достроив церковь, ночью убежал. Узнав о бегстве мастера, сельчане погнались за ним и вернули назад. Он убежал во второй раз, из-за чего церковь долго оставалась недостроенной, потому и получила название «Кисапат», что значит полустена, недостроенная стена. По этой причине, говорят, над церковью нет и надписи о том, кем и когда она выстроена. Другие из касапетских старожилов говорят, что название «Кусапат» (собственно Куйсапат) произошло от того, что селение это окружено со всех сторон местами, где жили девственницы, монашенки. Действительно, к востоку от села находятся монастыри: «Егин - агбюр» и «Дадвор», к югу - «Хачхуд», к западу - «Чикнавёр», к северу - «Рипсиме» и «Гариб-хач». Некоторые же утверждают, что на месте старой касапетской церкви существовал в древние времена девичий монастырь, по-армянски - «Куйспат», и от этого слова будто и произошло название « Кусапат» или, как переиначили его впоследствии русские, «Касапет».

О времени основания села Касапет у местных жителей сохранились следующие предания: один из рода Гасан-Джалаловых, по имени Атабек, во времена персидского владычества в Карабахе своей храбростью и энергией снискал милость у одного персидского властелина и выпросил себе позволение вернуться на родину из-за Аракса, куда был переселен в числе других карабахских армян. Властелин персидский позволил Атабеку с несколькими семействами поселиться во владениях его предков, Гасан-Джалаловых - в местности, лежащей между реками Тертер и Хачен, там, где ему понравится. В начале Атабек со своим и несколькими другими семействами поселился в овраге, ныне называемом «Хин - шен» (Հին շէն), т.е. «старое селение». Впоследствии жители Хин - шена переселились на место, где находится нынешнее селение «Касапет»; оно находится на расстоянии четверти версты от Хин - шена.

По рассказам местных старожилов, Касапет, подобно другим окрестным селениям, несколько раз подвергался опустошению и разрушению со стороны лезгин и татар. В конце же восемнадцатого столетия, отчасти, по причине раздоров между местными жителями, и, главным образом, вследствие двукратного нашествия Ага-Магомед-хана, христианское население Карабаха бросилось искать себе приют в Грузии и в России, и селение Касапет совершенно опустело; равно, как опустели и все другие селения этого края, называемого Джрабертом (водяная крепость). Но один из потомков вышеназванного Атабека, Ованес Юзбаши, известный впоследствии под именем мелика Вани Атабекова, по примеру своих

предков, не пожелал оставить свою родину, один со своим семейством и с несколькими людьми из прислуги он вернулся из Ганджи (Елисаветополя) обратно в свое селение Касапет.

Это случилось в последние годы восемнадцатого или в первые годы девятнадцатого столетия. Живя в местности между городами Шуши и Елисаветополь, которая служила тогда театром военных действий между персами и русскими, Ованес Юзбаши неоднократно оказывал важные услуги находившемуся в стесненном положении русскому отряду, бывшему под начальством знаменитых героев Кавказа: полковника Карягина и майора П.С. Котляревского[1].

Впоследствии с помощью русских властей Ованес - Юзбаши почти насильно вернул обратно из селения Скнапата (Елисаветопольского уезда) двенадцать семей касапетцев, переселенных сюда во время нашествия Ага – Магомед - хана, и вновь основал селение Касапет на прежнем опустошенном месте. Затем, получив от Карабахского Мехти-Кули- хана в 1812 или 1814 годах звание «мелика», он, мелик Вани, привлек в селение Касапет пришельцев со всех сторон, так, что в короткое время их число дошло до 150 дымов, и через несколько лет, оставив коренных касапетцев в селении Касапет, пришельцев он переселил оттуда в другие опустевшие старые селения и образовал поселки: Улу-Карабек, Кичик-Карабек, Магавуз, Люласаз, Гюль-ятаг и Джанъ-ятаг. Между тем Касапет пополнился впоследствии новыми пришельцами, и в настоящее время селение это, по последнему камеральному описанию, имеет более трехсот дымов поселян, или 2279 человек: 1210 мужчин и 1069 женщин, которые живут, кроме главного селения, в пяти отселках: Демурлах, Уратаг, Мардагирдах, Гаратафе и Мамурлин - ятаге. Причиной тому, что некоторые из касапетцев, оставив главное селение, спустились вниз по касапетскому ущелью и поселились у большой дороги, служит то, что главное селение находится довольно далеко от пахотной земли, и потому доставление сюда сельскохозяйственной продукции, напр.: снопов, сена, хлопчатой бумаги и др., затруднительно. Касапет, занимает центральное положение относительно своих отселков: с севера, напр., находится Улу-Карабек и Кичик-Карабек, (первый в 5 верстах, второй в 3-х), с юга Гюль-ятаг и Джан-ятаг (первый в 2 верстах, второй в - 4-х) и т.д.

Место, занимаемое селением Касапет, имеет вид трапеции и составляет площадь в 314 кв. верст. Дома у зажиточных людей, преимущественно у дворян, устроены, в подражание европейским, в один и два этажа, оставаясь, по существу, все-таки азиатскими. Только новое помещение училища выстроено по-европейски и бросается в глаза по своей красоте и местоположению. Прочие дома выстроены наполовину в земле, под плоскими или конусо-образными навесами, поддерживаемые деревянными столбами; издали от таких домов виднеются лишь конические отверстия, оставленные наверху кровель для света и выхода дыма. Материалом для постройки служат камень, песок, известь и лес; последний приобретается жителями за определенную плату из казенных или помещичьих лесов, находящихся к западу от села на расстоянии 5-8 верст. В селе существует единственная улица, по которой можно ехать на арбе, а все прочие улицы представляют собой тропинки или узкие переулки.

Орошение и климат.

Касапет и его окрестности весьма бедны орошением. На северо-западе от села, по глубокой долине, окаймленной высокими скалами, течет река Тертер. Бурный Тертер берет свое начало из подножья горы «Делу-даг» (сумасшедшая гора), находящейся на западной границе Джеванширского уезда, и во время весеннего половодья на расстоянии чуть более ста верст впадает в реку Куру, а в другие времена года, т.е. летом, осенью и зимой, теряется в долине Куры, не доходя до самой реки. В своих верховьях река Тертер то вьется в зелени бархатной травки, то низвергается с высоты скал, образуя множество водопадов. Здесь раскинуты кибитки

[1] ***Услуги мелика – Вани и его отца, оказанные п. Карягину и м. Котляревскому, относятся к 1805 г.*** *См. «Истор. войны и влад. русских на Кавказе»* Ред.Н.Дубровина, *т. П, стр. 451 и 452*

кочевников - курдов, которые являются единственными обитателями этого края, отдаленного от многолюдных сел и городов. Дальше, усиливаясь от впадающих в него притоков, Тертер течет в дремучем лесу и, дойдя до равнины, разделяется на многие оросительные канавы. Тертер с правой стороны имеет мало притоков, а с левой в нее впадают три значительных речки: Тутгу - чай, Сиегту – чай и Трге; последний, в свою очередь, принимает с левой стороны следующие притоки: Мичакет, Югу-бакет, Гвазакет и Муровакет, который берет свое начало из подножья горы Муров, от которой и заимствует свое название. Канавы, на которые разделяется река Тертер по вступлении на равнину, отведены в помещичьи земли для поливки хлебных растений. Одна из них, отведенная в земли помещика Н.Пирумова, находится в пользовании касапетцев по аренде на пять лет. На всем протяжении реки Тертер через неё перекинуто два моста: Сарсагин – Кармундж и Кари – Кеорби, т.е. «Мост старухи». Говорят, что этот мост построен одной старухой, потому и называется « Кари - Кеорби». На юг от села по песчаному грунту течет небольшая речка; на ней построены касапетские мельницы; кроме того, водой этой речки сельчане орошают свои сады, огороды и хлебные поля. Воду для питья поселяне берут из двух родников, один из них находится к западу от села, другой - к востоку: вода обоих родников питьевая. Климат здесь умеренный и здоровый. Зима - теплая, а лето - прохладное; осень и весна сопровождаются постоянными туманами и частыми продолжительными дождями. Зимой дуют, большей частью, северные и юго-восточные ветры, а летом западные и юго- западные. Морозы бывают только в январе и феврале, а в иные годы и в эти месяцы не бывает морозов. Реки освобождаются ото льда в конце февраля; в этом же месяце появляются и первые цветы; в конце марта на деревьях разбухают почки. Первые грозы бывают в марте или в апреле. Град выпадает редко, обыкновенно, в июне. В виде исключения, в 1887 году град выпал 12-го и 13-го сентября, причем образовались бурные потоки, которые причинили жителям убытки на сумму 1500 руб.: много домашних животных, бочек и кадок, приготовленных садовладельцами для вина, было унесено водой, а град побил виноград и другие плоды.

Археологические памятники и богомольные места

Из археологических памятников и богомольных мест, находящихся в окрестностях Касапета, обращают на себя внимание следующие: к востоку от села, на берегу речки, находится святой родник «Егин - агбюр» (т.е. родник оленя). Про этот родник в народе рассказывают такое предание: в былое время ежегодно к этому роднику приходил один олень и ложился у родника; местные крестьяне резали его и делили мясо между собой поровну, как жертву, посланную Богом. Раз, когда, по обыкновению, пришел олень к роднику «Егин - агбюр» и стал пить из него воду, некоторые из крестьян бросились на оленя, не дав ему лечь, как другим, приходившим ранее; олень убежал по направлению к лесу, но крестьяне догнали и убили его выстрелом из ружья, а мяса его не разделили между всеми сельчанами, как это делалось раньше; с того времени Бог перестал посылать оленей к роднику. По народному поверью, вода родника «Егин - агбюр» лечит глазные болезни; только для этого нужно больному зажечь у родника восковые свечи или принести жертву. К северо-востоку от села растет большой дуб, под которым лежит куча камней, и на одном из них вырезан крест. Последний известен в народе под названием «Гариби – хач» (крест странника). О нем и о дубе существует следующее предание. В первые годы христианства, когда христиане не смели явно поклоняться кресту Господнему и были преследуемы язычниками, господствовавшими в то время над христианами, один странник, тайный христианин, был застигнут язычниками под вышеназванным дубом и убит. После этого по ночам люди видели, что с неба струями ниспадает на это место сверхъестественный свет, и стали поклоняться этому дубу, как святыне. К северу от села, в 1 ½ верстах находится монастырь «Инн-мас» (ինն-մասունք, что значит

девять мощей). Говорят, что в начале распространения христианства тут были перебиты язычниками девять братьев; народ, причислив их к лику святых, построил в их честь монастырь, который и существует поныне. Инн - мас стоит на вершине возвышенности; в западной части его находятся две комнаты, где живет джамакоч (церковный сторож), в праздничные дни живут и богомольцы, пришедшие на поклонение святыне. По рассказам некоторых женщин, эти девять братьев являются людям (женщинам) во сне одетыми одинаково и сидящими на белых конях. На северном склоне этой возвышенности находится старое кладбище; надписи на могильных камнях, находящихся здесь, под влиянием атмосферных явлений так сгладились, что их прочитать невозможно. На расстоянии 50 сажень от Инн - маса, в лесу, находится полуразрушенное каменное здание Мелик - Гатама, преемник которого ныне живет в селе Кичик - Карабек. Оно окружено крепкими стенами высотой в две сажени. Здание Мелик – Гатама состоит из нескольких карадамов и трех конюшен, расположенных кругом довольно большой площади. Крышей, как для карадамов, так и для конюшен служат каменные своды, поддерживаемые огромными столбами, высеченными из одного целого камня. К западу, в 8 верстах от села, в лесу, находится богомольное место «Тавара - хач» (святыня скота), куда пригоняют скот во время эпизоотии; пастухи в Тавара - хаче ломают свои палки и вешают на том дереве, под которым лежат несколько камней с вырезанными один над другим крестами. Это делается в надежде, что вместе с палками останется там и болезнь скота. К северо-западу от Касапета, в 25-ти верстах, на северном берегу Трге, находится монастырь Ерек-манкунк (трех отроков), где в праздники, особенно на Пасху, бывает большое стечение народа. Здание Ерек-манкунка, которое можно отнести к изящным постройкам, стоит на возвышенности; кругом шумит могучий лес, благодаря которому братия пользуется здоровым воздухом и самой чистой водой. Несколько лет тому назад на берегу одной речки нашли два колокола: на одном из них имеется следующая надпись[1]: «Пожертвовал сей колокол бахджасарец Ходжа Худиджан святыне «Ерек – манкунк» в дни Агванского католикоса Семена 1147г., 3-го мая». По армянскому летосчислению выходит, что колокол был пожертвован лет 200 тому назад. О времени постройки самого монастыря ничего не известно. Немного дальше, к востоку от главного монастыря, на ровном месте, стоит малый монастырь. Предание об этом монастыре гласит следующее: когда мощи Ерек-манкунк из города Багдада довезли на верблюде до этого места, то здесь верблюд пал на колени; видя в этом указание Божие, хотели на этом месте построить монастырь: привезли материал, рабочие стали перемешивать известь с песком, и вдруг заметили, что множество ласточек в клювах носит куда-то грязь: стали следить за ними и оказалось, что они выбрали для своих гнезд более благоприятное место; видя в этом новое указание свыше, решили построить главный монастырь на том месте, которое указали ласточки, а на том месте, где верблюд пал на колени, построить малый монастырь. Дорога в Ерек-манкунк ведет то по лесу, то по голым скалам, над безднами: малейшая неосторожность со стороны богомольца может быть гибельна для него.

В 8 верстах от Касапета находятся развалины древней крепости «Кагакатег» (место города): по сказанию народа, эта крепость была построена армянским царем Вачаганом и служила ему летней резиденцией; она расположена в ущелье, окруженном высокими горами, на которых стоят вековые башни, свидетельствующие о том, что некогда здесь кипела жизнь. Дома большей частью высечены в скалах; в северо - западной части развалин находится под землей каменный дом, вход в который представляет собой отверстие, проделанное сверху; говорят, этот дом служил тюрьмой, где Вачаган морил голодом государственных преступников. В конце восемнадцатого столетия, когда лезгины и персы напали с разных сторон на Касапет и

[1] *Յիշատակ է զանկակս Խոճայ Խուդիճանին Պախջասարեցու. ետու Սրբոց Երից Մանկանց. ձեռամբ Սիմէօն կաթողիկոսին Աղուանեցի. 1147 թվին մայիսի 3-ին*

окрестные села, Мелик - Гатам со своими подданными укрылся в этой крепости и стал обороняться здесь; в это время он восстановил одно из зданий для временного жилья; стены последнего до настоящего времени остаются в целости. При раскопках здесь были найдены кувшины, серебряные монеты, женские украшения, различные медные сосуды, цепи и земледельческие орудия. К сожалению, эти древности растрачены крестьянами.

На северном берегу реки Тертер, на возвышенности, против развалин крепости «Кагакатег», находятся развалины другой крепости, известной под названием «Джрмокин-гала» (ջրի մօտիկ բերդ), что значит-«крепость около воды». Народ приписывает ее сооружение также царю Вачагану. Она окружена крепкой зубчатой стеной; из нее до реки Тертер ведет подземный ход в виде лестницы; во время осады неприятелями он служил для доставления воды в крепость. На левом берегу Тертера, на одной возвышенности, среди леса стоит монастырь «Егише-Аракел»; на склоне этой возвышенности находится родник, славящийся хорошей водой. По преданию, этот монастырь построил армянский царь Вачаган, зимняя резиденция которого находилась в Барде. Когда житейские дела надоели царю Вачагану, он передал престол сыну-наследнику, Ваграму, сам же надел платье простого человека и пошел путешествовать по своему государству; прошло много времени, и он не вернулся в столицу. Ваграм, не дождавшись возвращения отца, со своими телохранителями отправился искать его. Выше селения Мадагис, на склоне той возвышенности, на которой стоит монастырь «Егише - Аракел» он встретил своего отца в лохмотьях, таскающим воду в тулухе (бурдюке). Как только увидел Ваграм отца, тотчас слез с коня и хотел взять у отца тулух с водой, чтобы отнести воду, куда он прикажет; но отец не давал ему тулух; долго продолжался этот спор: отец тянул тулух к себе, а сын – в свою сторону; вдруг тулух порвался, и вода вылилась на землю. С тех пор отсюда стал бить родник, после чего царь Вачаган стал таскать воду для постройки монастыря «Егише- Аракела» из этого родника, а не из речки, находящейся довольно далеко. В последнее время у этого родника нашли два колокола довольно большой величины, которые после долгого нахождения в земле так разъедены ржавчиной, что не издают звука, и надписи, бывшие на них, сгладились. Егише – Аракел состоит из девяти монастырей, стоящих рядом, причем, главный монастырь находится в середине и состоит из двух отделений. К востоку от самих монастырей устроены три комнаты, в которых живут приходящие богомольцы. Все это - и монастыри, и комнаты - окружено крепкой стеной; ворота имеются как на востоке, так и на западе. В одном из девяти монастырей погребен царь Вачаган; на наддверном камне этого монастыря написано по-армянски следующее[1]: «Здесь – гроб царя Вачагана. Господи, помилуй вместе с его родителями Айрапета, который построил сей монастырь, при помощи Тер – Семена».

В других монастырях погребены католикосы, архиепископы и епископы.

Между Егише - Аракелом и Ерек - манкунком, на правом берегу реки Тертер, находятся развалины монастыря «Катоккасаран» (местожительство католикосов). Камни этого монастыря разбросаны во все стороны, и часть стены даже переброшена на левый берег Тертера. Народное предание приписывает это разрушение Ленг - Темиру[2], который, напав на Армению, опустошил все города и монастыри.

Минеральные источники и минералы.

Окрестности Касапета богаты минеральными источниками. В долине реки Тертер в 1886 году появились четыре минеральных источника; два из них бьют из одного места, парно, и имеют один и тот же вкус и цвет, а два других, находящиеся в незначительном расстоянии от первых двух, вкусом абсолютно напоминают сельтерскую воду.

---

[1] *«Այս է հանգիստ Վաչագան Թագաւորին: Աստուած ողորմի Հայրապետաց և իւր ծնողաց, որ շինեց զեկեղեցիս առաջնորդութեամբ Տէր Սիմէօնի»*

[2] *Ленг – Тимур или Тимур – ленг (Тимур хромой), известный в русской истории под искаженным именем Тамерлана*

По распоряжению помощника Джеванширского уездного начальника, выкопаны там пруды для купания. Недалеко от этих источников находится часть развалин древнего города. При выкапывании прудов, под землей найдена часть какой-то стены: можно полагать поэтому, что эти источники в древнее время эксплуатировались, и там были построены помещения, а потом последние были заброшены, и сами источники закрыты землей.

В верхней части долины Тертера находится группа минеральных источников, известная под названием « Исти - су».

К востоку, в десяти верстах от Касапета, находится источник «Шор–булаг» или в переводе «соленый источник».

К западу от Касапета, в 15 верстах, находятся серебро-свинцовый и медный рудники; лет 15 тому назад этот рудник был открыт рудокопами – греками. Найдя рудник, они стали там жить; в последнее время пришли к ним и другие греки; теперь там живут двенадцать дымов греков и занимаются добыванием свинца, меди и отчасти серебра. Из минералов здесь обращает на себя внимание песчаник: из него местные жители приготовляют хорошие мельничные жернова и развозят почти по всему Закавказью. Кроме того, встречается кремень, булыжник, полевой шпат, кварц и известняк, из которого местные жители изготовляют надгробные камни.

Нравы, обычаи и суеверия касапетцев.

В нравах и обычаях касапетцев много жесткости и грубости. Соседство с татарами имеет дурное влияние на касапетцев и на их соседей. Внешне это влияние выражается в подражании татарам: мужчины, особенно молодые, одеваются в татарский костюм, в разговоре часто употребляют татарские слова, в особенности – брань; от татар армяне переняли похищение невест, кровавую месть и отчасти воровство.

Касапетцы отличаются гостеприимством, но между собою неуживчивы и страдают отсутствием единодушия даже в делах, касающихся общей пользы. Женщины у большинства касапетцев беспрекословно подчиняются воле своих мужей и всевозможными средствами стараются угодить им, чтобы не навлечь на себя их гнева. До известного возраста отец не берет на руки своего ребенка не только в присутствии посторонних лиц, но и при своих родственниках; по принятому обычаю, он не может даже сказать ему ласкового слова; все это считается почему-то унизительным и постыдным для мужчины. Поэтому дети больше привязываются к матери, чем к отцу. Ответственность за первоначальное воспитание детей лежит на матери; затем, по достижении известного возраста, воспитание детей мужского пола переходит к отцу или к старшему брату. Назвать жену по имени считается особо постыдным для мужа, равным образом и для жены - звать по имени мужа. У касапетцев множество суеверий. Болезни они приписывают воле Бога или влиянию святынь; для лечения больных к помощи докторов обращаются редко, у них даже нет последних. Чтобы узнать, которая из святынь служит причиной болезни, родственники больного обращаются к знахарям; те, расспрашивая о времени заболевания, решают, что тот заболел от такой - то святыни; чтобы больной вылечился, родители или близкие родственники берут его и путешествуют по святым местам, ночуя в определенное время в монастырях по указанию знахаря; нередко во время таких поездок больной простужается и умирает. Иной раз знахарь приписывает болезнь воле злых духов и, получив несколько десятков копеек, пишет на треугольном клочке бумаги какие - то молитвы, имеющие якобы целительную силу, и приказывает, напр., чтобы один из этих клочков бумаги пришили к одежде больного, другой - зарыли в землю у порога дверей, третий - бросили в стакан с водой и дали больному выпить эту воду. Прежде, чем писать молитвы, знахарь требует по одной черной курице с каждого больного; зарезав ее, он вынимает камешки

из ее желудка и сердца: сердце дает съесть больному, а камешки приказывает в мешочке пришить к одежде больного, чтобы злые духи не смели приближаться к нему[1].

Я был очевидцем следующего случая: один человек заболел; по внушению некоторых лиц, пригласили доктора; последний дал лекарство и прописал рецепт; но родные больного не хотели послать человека за лекарством в аптеку, говоря, что знахарь запретил давать лекарство больному, так как его болезнь - от святыни «Хач–Хурата»,- чтобы вылечиться, больной должен непременно отправиться на поклонение Хач-Хурату; при этом старухи, крестясь, с благоговейным страхом говорили, что чем больше принимает больной лекарство, тем чувствует себя хуже[2].

Главные занятия жителей Касапета.

а) **Скотоводство** является одним из главных средств существования касапетцев. Благоприятные климатические условия и хорошие пастбища дали возможность сельчанам заниматься не только разведением крупного рогатого скота, но и овец, коз и свиней; впрочем, разведением последних занимаются не все сельчане, тогда как разведение крупного рогатого скота – общее занятие местных жителей. Кроме того, для перевозки тяжестей держат еще лошадей и ослов, а для полевых работ - буйволов. Коровы и быки среднего роста, коровы местной породы дают мало молока, быки же не отличаются большой силой. Об улучшении породы своего крупного рогатого скота жители не заботятся, да и понятия об этом деле не имеют. Изготовлять хорошо сыр, масло и другие продукты из молока здесь не умеют. Весь уход за домашним скотом состоит в кормлении (чтобы скот не издыхал с голоду) и в сбережении от воров и хищных зверей. Никаких кормовых трав поселяне не разводят: довольствуются только тем, что природа сама растит. Часто скот сельчан становится жертвой страшной чумы, против которой до сих пор никаких мер не принимается ни крестьянами, ни местной властью.

б) **Земледелие.** Из отраслей сельского хозяйства, которыми занимаются крестьяне, первое место принадлежит земледелию; в последние годы ему удалось выдвинуться из ряда других отраслей сельского хозяйства; причиной тому служит закавказская железная дорога: она дала возможность в большем количестве сбывать пшеницу в разные города, где чувствуется нужда в хлебе. Прежде, в урожайные годы, чувал (7 пудов) пшеницы продавался по 3 руб., а теперь продается по 5 и 6 руб. Поэтому местные жители стали заниматься земледелием в большем объеме, чем прежде. Из злаков засевают пшеницу, ячмень, просо, рожь; кроме злаков сеют кунжут, хлопок, дыни и арбузы. Пшеница, которую сеют здесь крестьяне, известна под названием «зарда». Этот сорт пшеницы, в свою очередь, делится на четыре разновидности по цвету зерна: кармир - зарда (красная зарда), сиптак - зарда (белая), шаква - зарда или сева – зарда (черная) и тегна – зарда (желтая). Из этих четырех сортов белая зарда более всех выдерживает засуху и продается дороже, чем остальные сорта. Земледелие дало бы еще больше выгоды сельчанам, если бы не сильный недостаток воды. Земледельческие орудия пока первобытные: в плуг запрягают десять или двенадцать пар быков и буйволов. Весной предназначенный к посеву участок земли пашут плугом и оставляют до осени, не засевая; осенью сначала сеют на нем, а потом перепахивают сохой и сразу после посева поливают. До жатвы злаки поливают два раза, иногда только раз, но случается, что, из-за недостатка воды, не поливают ни разу. Некоторые из жителей приобрели усовершенствованные земледельческие орудия, и есть надежда, что в скором времени все местные крестьяне будут иметь земледельческие орудия новой системы. Не ограничиваясь посевом озимого хлеба, жители сеют и

---

[1] *Сравн. « Сборникъ материалов для описания местностей и племенъ Кавказа», вып. IX, стр. 144-145*

[2] *Что касается праздников и свадеб касапетцев, то они справляются последними так же, как и жителями селения Гадрут; см VI выпуск «Сборника материалов для описания местностей и племенъ Кавказа», отд. I, стр. 186-192*

яровой хлеб, только в меньшем количестве. Пашни не удобряются: пашут и засевают по три - четыре года подряд и, при всем этом дают удовлетворительный результат.

в) **Садоводство и виноделие** ведутся, можно сказать, по первобытному способу, но местные условия вполне благоприятствуют разведению хороших садов и виноделию. Касапетские сады преимущественно виноградные. Весь уход за ними у касапетцев состоит в следующем: раз в 5 или 6 лет вскапывают сады и лет через 10-15 унавоживают, и то - не каждый сад. Ежегодно с 15-го марта начинают отрезать лишние побеги, вбивают колья, а в апреле привязывают лозы к тычинкам. По причине недостатка воды, поливают сады раз в год и то не все. Сбор винограда начинают 20-го сентября, иногда - 10 октября; при сборе его не обращают внимания на спелость винограда. Собранный виноград бросают в особое место, называемое «чаравуш». Чаравуш имеет вид трехгранной пирамиды: две боковые стенки его состоят из прутьев, а дно - из одного большого камня с возвышенными краями. Сбросив сюда виноград, его топчут ногами; перед чаравушем есть каменный желобок, куда стекает вино; отсюда оно переливается в кувшины, где и остается до употребления. Так как винограду не дают созреть хорошенько и не сортируют при сборе, то вино бывает плохого качества - кислое на вкус. Надо заметить, что в последние три года некоторые из жителей стали изготовлять хорошее вино, и есть надежда, что в недалеком будущем и другие научатся у них изготовлять вино лучшего качества.

Г.Осипов
Учитель Чайкендского училища
1894 г., 8 ноября

СЕЛЕНИЕ ДАШ-АЛТЫ

Шушинского уезда Елисаветпольской губернии.

Название села и предание об основании его.

Селение Даш-Алты находится у южных стен шушинской крепости (1/2 верст), в одной котловине под 64 1′ 20 в.д. и 39 3′ 40 с. ш. Слово «Даш-Алты» татарское, но есть дословный перевод с армянского «Карин-Так», что означает каменный. В начале этого века жители села Ходзабюрд, что на границе Зангезурского уезда, гонимые варварскими ханами переселились в местность нынешнего села «Даш-Алты». Об этом переселении рассказывают следующее: селение «Ходзабюрд» (по-армянски: Խծաբէրդ-можно объяснить двояко: խաածել - кусать=кусающая крепость или խիստ –сильный -сильная крепость; оба объяснения вероятны, ибо селение окружено высокими горами, а жители постоянно вели войны с соседями) состояло из 700 дымов: жители его отличались храбростью, грубостью нравов и вместе с тем были люди недалекого ума, вследствие чего до сих пор про них говорят разные анекдоты. Ходзабюрдцы, гордясь своею храбростью, не хотели платить дани ханам, вследствие чего хан одного курдского племени «Аливалу» вел страшные войны с ними, но каждый раз был разбиваем наголову. Видя, что открыто нельзя победить их, хан стремился подружиться с ними, чего отчасти и достиг. Зная не мстительный характер ходзабюрдцев, он приехал к ним будто в гости и, перед отъездом в знак дружбы просил правителей общества тоже приехать в гости. Собрались однажды правители и поехали к хану, который во время обеда отравил их всех. После этого хан внезапно напал на селение; в стычке сначала жители терпели неудачу, но, в конце концов, все же хан был прогнан. Наконец, хан узнает, что ходзабюрдцы раз в год на страстную пятницу ночью идут в церковь. Он воспользовался этим случаем. Когда почти все старшие в семействе отправились в церковь, хан с многочисленными всадниками окружил церковь и истребил всех находившихся там. Трое суток река Ехцагет (Եխծաձէտ), на берегу которой находилась церковь, текла кровью, отчего и получила новое название «Нечистая река» (Հարամ զէտ). Многие из оставшихся жителей подверглись той же участи, а многие спаслись бегством, оставив все свое имущество неприятелю. Бежали они в разные стороны Кавказа, но большая часть их бежала в село Даш-Алты. С водворением русского владычества на Кавказе даш - алтынцы стали ездить на старое пепелище заниматься хлебопашеством, так как в Даш-Алты мало было земли, и им жаль было отдавать свои прекрасные земли другим; однако постоянного села там все - таки не образовалось.

Ныне почти ¾ ходзабюрдской земли находится в руках жителей села Гарадаг (Ղարադաղ), которые переселились из Персии в 40-х годах. Но и теперь имущество даш-алтынцев в Ходзабюрде не обеспечено, так как армяне ближайших селений с каждым годом делают захваты, а жители татарских селений Алиянлу и Мусмаллар занимаются грабежом, особенно последние. Они воруют скот, отнимают даже съестные припасы, которые перевозятся нередко крестьянскими детьми из села Даш-Алты в Ходзабюрд, хотя публично они отказались бы взять что-нибудь съестное из рук армянина «гявура». (По дальности расстояния, хлеб молотят в Ходзабюрде и везут в Даш-Алты, а саман составляют на месте, так как Ходзабюрд служит зимовником для даш-алтынцев). Вследствие этого многие отказались заниматься хлебопашеством в Ходзабюрде.

По этой же причине часть армянского села Арар (Հարար) численностью 15 дымов в 1891году переселилась в Дживанширский уезд и основала село на земле одного бека, около Муров-Дага, на реке Тер-Тер.

Климат и орошение

Климат Даш-Алты горный и здоровый, хотя в начале весны и в конце лета бывают резкие переходы от тепла к холоду и наоборот. Зима здесь бывает продолжительная, но мягкая, потому что село окружено со всех сторон высокими горами. Снег бывает очень глубоким, выпадает в октябре, а иногда и в сентябре. Таяние начинается со второй половины марта. Весна продолжается три месяца: с 20-х чисел марта до второй половины июня. В начале весны иногда бывают сильные холода; в это время дуют юго-восточные ветры, а зимой - северо-западные, но деревья начинают цвести в марте. Сильные дожди бывают в апреле и мае, и в конце августа, и в сентябре. Весной, особенно в мае, бывает часто град: если май прошел благополучно, то крестьяне считают себя освобожденными от этого бича. Град выпадает и в другие месяцы, но он не так вредит, как в мае, ибо в другое время бывает очень мелок.

Мимо села течет река «Даш-Алтынка», которая свое начало берет от Лисеводска (горы, где находятся минеральные воды - дачное место шушинцев). С правой стороны в нее впадают два больших притока - Гатрхана (Ղաթրխանա) и Гёга-цор (Գոգա-ծոր). Первая берет свое начало из подножья горы Большого Кирса, приблизительно на высоте 12.000 ф. Здесь летом кочуют татарские племена овшары и умюрлицы, а также даш-алтынцы. Даш-Алтынка со своими притоками приносит мало пользы, ибо протекает по узким и скалистым ущельям: провести канавы на удобные места для орошения садов и огородов и трудно, и дорого. Пользуются ею только те из даш-алтынцев, которые имеют сады и мельницы при реке. Тутовых садов на ней 23, а мельниц 11 при 18-ти поставах. Из этой реки один из шушинских богачей проводит в город канаву-водопровод. Впрочем, иметь в Даш-Алты мельницу, значит обеспечить себя, так как кроме крестьян, тут мелют хлеб и шушинцы, а во время засух и окрестные сельчане. Мельница ценится в 300-500 руб. Весной река причиняет жителям большой вред: она портит канавы в мельницах и в садах, уносит домашний скот, а иногда и людей. Через реку проведен единственный мост, но пользуются им не все крестьяне, так как работают они в разных местах; добраться до моста крестьянину иногда совсем невозможно, ибо здесь нет удобных дорог, а существуют тропинки, по которым не всегда возможно пройти навьюченному животному. Даш-Алтынка впадает в реку Каркар (Կառկառ), которой орошаются агдамские сады. В селе, особенно на полях, масса прекрасных родников.

Пространство, занимаемое Даш-Алты: почва, постройки и домашняя обстановка.

Пространство, занимаемое Даш-Алты со своими угодьями, считается приблизительно в 1,250 десятин (4 версты - с запада на восток и 3 - с севера на юг), из коих почти половина составляет неудобную для хлебопашества землю. Вся эта земля состоит из одной котловины со множеством холмов и перевалов, поросших кустарниками - остатки прежних лесов, с узкими и глубокими скалистыми ущельями. С запада на юг полукругом эту котловину окружают ветви Мало-кавказских гор с двумя вершинами: Большой и Малый Кирсы, которые выходят прямо на юг против села; с юга на восток полукругом идет одна ветвь от Большого Кирса, которая отделяется от шушинской крепости рекой Даш-Алтынка, разделяющей эти гигантские скалы. С севера идут также полукругом голые скалы шушинской крепости, которые местами имеют почти версту высоты. На западе этой котловины находится татарское селение Зарсту (Զառստու).

Почва в Даш-Алты, главным образом, песчаная, каменистая местами глинистая и черно-земная. Вся земля принадлежит помещику, но правительство выразило протест, и есть надежда, что оно дело выиграет, так как помещик владеет землей на том только основании, что

ходзабюрдская земля принадлежит ему, а крестьяне переселились оттуда. Помещик понастоящему должен получать 1/10 всего урожая, но так как земля здесь не плодородная, то они оценивают весь урожай от 45 до 100 чувалов, или от 270-600 пудов в год (считая чувал - 6 пуд.); из всего этого на долю Ходзабюрда идет 20-50 чувалов или от 120-150 пуд; кроме того, каждый дым должен для помещика взять три мешка самана.

Постройки даш-алтынцев можно разделить на два вида: старинные и новые; старинные дома имеют, вообще, бедные крестьяне; дом этот, так называемый, гарадам (դարադամ), устраивается так: окапывают канавами землю от 12-28 квадратных саж., и ставят четыре стены. Около стен с внутренней стороны вбивают огромные дубовые столбы; на них кладут бревна; сверх их еще бревна накрест, тоньше прежних; и так дальше, тоньше и тоньше, пока дом не принимает форму усеченного конуса. Все это покрывают хворостом и соломой и засыпают землю, оставив отверстие в самой вершине конуса. Внутренность дома не отличается красотой: те же стены и столбы, в которых вбиты гвозди; тут висят разные домашние вещи, оружие и т. п. В одной стороне дома находятся съестные припасы: пшеница, ячмень, печеный хлеб в корыте, кувшины с маринованными огородными растениями, сыр, масло и т. д.; в другой - земледельческие орудия и те вещи, которых не приходится употреблять часто; в третьей - помещается ниша (տախտ), под которой держится домашняя утварь. В самой средине, против отверстия в крыше, помещается очаг, вокруг которого живут домохозяева: обедают, принимают гостей, чистят шерсть, прядут нитки, варят пищу и т.д. От постоянного дыма внутренность дома чернеет, потолок покрывается сажей; дверь и зимою почти всегда бывает открыта. Для постройки «гарадана» нужна масса бревен и, вообще, деревянного материала, что в настоящее время обходится очень дорого: поэтому бедные даш-алтынцы, вместо подобных домов, устраивают сакли в одну или две комнаты. Деревянный материал одного гарадама хватит на постройку четырех комнат. Эти дома не удобны для житья.

Дома зажиточных даш-алтынцев состоят от 3 до 6 комнат, которые расположены в два этажа; комнаты в нижнем этаже служат для сохранения домашних вещей и обыкновенно бывают сыры, а в верхнем этаже живут хозяева. Материалом для постройки этих комнат служит белый известняк, которым очень богато селение. Пуд извести, приготовленный из этого камня, ценится в селе в 10-15 коп.; дубовые бревна и доски обходятся очень дорого по дальности лесов, по неудобству дорог. Крыши покрываются железом, которое окрашивается красною краской; они высоки и имеют двупокатую форму. Особой кухни не устраивают, а пищу приготовляют в каминах. В нижнем этаже хранятся всевозможные съестные припасы, земледельческие орудия и, вообще, те вещи, которые не приходится употреблять долгое время.

Верхний этаж содержится гораздо чище и опрятнее, чем нижний: в одной стене комнаты находятся шкафы, в которых держат тарелки, бутылки, чайный сервиз и другие мелкие вещи: в другой- помещается ниша, куда собирают постель и закрывают занавеской; в третьей находится камин, а в четвертой - окна с железными решетками, рамы со стеклами, которые по вечерам закрываются белыми занавесками. Комнаты эти убраны по-азиатски: на деревянном полу настилают паласы или килимы, на них вдоль стен ковры, на коврах, если имеется, столы и стулья; с середины потолка висит лампа. Зимой ставят железные печи. Летом почти все время живут на балконах. В общем, домашняя обстановка даш-алтынцев походит на городскую.

Занятия жителей.

Жители занимаются доставкой дров, выжиганием извести, хлебопашеством, скотоводством, огородничеством и отчасти садоводством.

Доставка дров- одно из главнейших занятий даш-алтынцев; хотя от извоза дров они получают ничтожный заработок, но крестьяне получают за это наличные деньги, вследствие чего они редко попадают в сети кулаков. Местность Даш-Алты горная, каменистая, удобных дорог нет,

поэтому дрова, сено, снопы они возят, навьючивая на ослов и катеров, которые в горах играют такую же роль, какую верблюды в пустынях.

Рано утром даш-алтынцы отправляются в лес, который находится в 25 верстах от деревни. Они рубят дрова в ¾ арш. длины из валежного леса, преимущественно бука и дуба. Здесь они иногда подвергаются нападению разбойников, которые отнимают у них все, что можно найти, не исключая и катеров. Крестьяне могут сопротивляться разбойникам, ибо их иногда вместе бывает человек 15, но им это не удается, так как разбойники нападают в то время, когда каждый занят своим делом - рубкой дров; кроме того, крестьяне не носят с собою оружия, а разбойники вооружены скорострельными ружьями. Перевозка дров бывает обыкновенно весной и осенью, летом же возят дрова те крестьяне, которые не занимаются хлебопашеством. Дрова доставляются в г. Шуши и продаются за сажень от7 ½ до 9 руб. Чтобы перевезти одну сажень дров, крестьянин, имеющий один катер, должен работать 13 дней; чистого заработка у него остается за это время около 3 р.17 коп.

Так как Даш-Алты есть родина известняка, из которого приготовляется известь прекрасного качества, то некоторые из крестьян занимаются исключительно приготовлением извести, которую продают в г. Шуши от 14 до 16 коп. пуд. Известь приготовляют так: роют большую яму, обкладывают ее стеною, с двумя отверстиями: одним для вкладывания туда дров и выноса извести, а другим – для выгребания золы. Внутри этой ямы строят другую стену со сводом, без цемента: она доходит до половины ямы. Под сводом кладут большие чурбаны (քէթուկ), а на своде, сверху ямы насыпают мелкие камни до тех пор, пока куча этих камней не наполняет ямы с верхом в виде конуса. Когда все это готово, то под сводом разводят огонь дня на 2-3, смотря по объему ямы. Случается, что свод рушится, тогда крестьянин терпит убыток. После благополучного окончания выжигания извести, тушат огонь и дают ей остывать 2 или 3 дня. Готовую известь в мешках везут в г. Шуши продавать. Выжигается известь по заказу. Известковые ямы бывают разных величин: с одного раза получается извести от 500 до 1,000 пудов. За всеми издержками по найму мастеров для кладки ям, выжигания извести, расходов на дрова и доставку ее в г. Шуши , владелец ямы получает в среднем 20 р. в месяц чистого дохода. Ввиду небольшого дохода от этого ремесла крестьяне больше стали заниматься хлебопашеством.

Земля здесь далеко не хорошего качества потому крестьяне в последнее время стали удобрять свои участки навозом; если сохой невозможно пахать, то землю вскапывают заступом. Здесь один и тот же участок пашут через год, отчего земля истощается. Многие из крестьян, не занимающиеся хлебопашеством, свои участки сдают в аренду с условием получить от 1/3 до ½ урожая. Были у крестьян попытки арендовать землю в селе Чартар (Шушинского уезда), но за невыгодностью они отказались от этого.

Пашут землю тяжелой первобытной сохой, запрягая 4-6 быков, и оставляют под паром до осени; плугов вовсе не употребляют, ибо участки находятся на склонах холмов и гор: земля камениста, встречается масса корней, так как прежде здесь стояли дремучие леса. При пахоте должен быть плугатарь и помощник. Если семейство не состоятельно, т.е. не имеет всего нужного, то двое входят в товарищество, и урожай делят сообразно с числом рабочих и быков. Наемный плугатарь получает в день на своих харчах 50-70 коп., а погонщик 20-30 коп., на харчах же хозяина плугатарь получает 40-50 коп., погонщик - 15-20 коп.

Весною, с конца марта, а иногда с половины апреля сеют ячмень, яровую пшеницу (գրնանէ), просо, рожь (հաճար): осенью, с 15 или 20 августа сеют только пшеницу и ячмень. Сеют пшеницу самого низшего сорта, гюргани (գուրգանի), ибо хороший сорт - зарда (զարդա) не дает хорошего урожая. Впрочем, по моему совету, отец мой в 1893г. осенью посеял в одном участке около 7 пуд. зарду и получил прекрасный урожай. Раньше сеяли низший сорт - гюргани-белого цвета и урожай был весьма плохой: сам 2-4, а иной год и того меньше; но лет десять тому назад,

как говорят крестьяне, из Персии одним персидскоподданным работником, для пробы, принесено было несколько горстей этого же сорта пшеницы, только красного цвета и зерном мельче белого сорта, так называемая красноколосая (կարմրահասկ). Оказалось, что этот сорт дает прекрасный урожай, в сравнении с белым сортом, да кроме того, легко переносит засуху. Колосья этой пшеницы как бы граненые, маленькие. Как только она начинает созревать, зерна выходят из гнездышек, отчего нивы получают красный цвет. Пшеница эта легко высыпается из колосьев, особенно во время связывания снопов, навьючивания и перевозки. Имея в виду это, крестьяне не дают ей вполне созревать, но и тут проявляется неудобство - ее трудно молотить. Нивы свои крестьяне обводят заборами из колючих кустов, а ближайшие к селению – заборами из камня, в 2 и более аршина высотою.

С наступлением весны идут сильные дожди, отчего на нивах вырастает сорная трава, и злаки могут совсем заглохнуть. Крестьянки целыми толпами идут очищать нивы от сорных трав (քաղահան). Эта работа самая трудная, тяжелая и продолжительная, ибо они с утра до вечера, с ножами в руках должны вырывать сорную траву обязательно на всех нивах: иначе никакого урожая они не получат. До жатвы крестьяне косят траву, но так как у них мало сенокосных мест (ղորող), они покупают в соседних селениях сенокосные места по дешевой цене, косят траву и сено привозят к себе.

Жатва начинается 15 или 25 июня. Так как в конце лета идут дожди и наступают туманные дни, во время которых невозможно молотить хлеб, то крестьяне стараются как можно скорее сжать и помолотить хлеб. Молотят хлеб крестьянки. Сначала они очищают гумна от сорных трав дочиста, поливают водой, а наверху насыпают саман, чтобы гумно не высохло от жгучих лучей летнего солнца. Они с утра до вечера работают на гумне: молотят, вьют, просеивают пшеницу или ячмень через решето. Готовый хлеб ссыпают в чувалы, саман - в саманник; вечером приходят крестьяне, навьючивают хлеб на ослов и катеров и идут домой; тут женщина, совсем разбитая от дневных тяжелых работ, должна еще приготовить ужин для жнецов, так как они целый день кормятся сухим хлебом. Многие из крестьян, которые имеют много нив, нанимают жнецов на следующих условиях: из 40 снопов жнец берет себе семь снопов, а деньгами - с 10-ти снопов 15 коп., на своих харчах. Хлеб с нив привозят дети 7-12 лет. Таким образом, эта работа продолжается до первой половины августа, и каждый день, чуть свет, и женщины, и мужчины, и дети - все на ногах. В течение полутора месяца трудолюбивые, как муравьи даш-алтынцы, кончают жатву и молотьбу в селе и отправляются на жатву в Ходзабюрд, но только без женщин. Тут уже вся работа лежит на мужчинах: кончив жатву, они пашут там участки и возвращаются в Даш-Алты.

Орудия молотьбы: камень (կամնը), запряженный двумя быками, лопатка (թիակ), конец которой разделен на несколько частей вроде вилки (քմելի), вилы, муган (մուզան) - это доска, в один аршин длины, ½-3/4 арш. ширины, продырявленная в середине, куда втыкают шест, она служит для сгребания зерен вместе с половой после молотьбы хлеба: метла, веники и решето.

В Даш-Алты сеют приблизительно 380-500 чувалов, или 2,280-3,000 пудов хлеба. Пшеница дает сам 3-3, ячмень-4-7, рожь-5-10, пуд пшеницы продается от 70 до 1 р.20 коп., пуд ячменя от 45 до 80 коп., вьюк травы 30-50 коп., а вьюк самана (4 чувала) от 40 до 80 коп.

Скотоводством даш-алтынцы занимаются успешно, но породу своих домашних животных не улучшают; большей частью они разводят быков, которые необходимы для хлебопашества и ценятся в селе высоко. Буйволов вовсе не держат, по причине холодного климата. Крестьяне держат много коров, а коз, овец и свиней - мало; от этих животных они получают сыр, молоко, масло, шерсть, кожу, которая идет на обувь. Зимой скот держат в Ходзабюрде, а весной - около Кирса. Полученные продукты частью продают в городе, особенно молоко, а частью потребляют

сами. Корова с теленком стоит 18-30 руб., без теленка 15-25 руб., бык - от 18 до 27 руб., овца 3-5 руб., коза 2-3 руб., масло 8-10 руб., сыр - мотал – от 3 до 4 руб. пуд.

Огородничеством и садоводством занимаются мало, ибо климатические условия препятствуют процветанию этих отраслей сельского хозяйства. Огородничество удается лучше, чем садоводство: в огородах сеют большей частью следующие растения: картофель, бобы, свекловицу, репу, тыкву, огурцы, помидоры, капусту, подсолнечник, кукурузу и др. овощи. Продукты садоводства частью продают, а частью сушат на зиму. Но и огородничество у даш-алтынцев не идет успешно: там, где течет река, а, следовательно, есть вода, крестьяне не сеют ничего, так как огороды обворовываются или кочевниками - татарами во время спуска с гор, или же самими односельчанами. Единственное место, где можно заниматься огородничеством - это пространство, находящееся около села, но тут мало воды. По этому пространству течет ручеек, но водой пользуются только два помещика, предки которых из этого ручейка провели канаву для орошения своих садов; предки их были, как видно, добры: они позволяли и другим орошать сады, но теперь потомки их отпускают воду крестьянам только в воскресенье, хотя вода - собственность общества. Поэтому в садах новых посадок не делается: все равно летом все высохнет. Сады, главным образом, состоят из тутовых деревьев, но есть и крупный орех, черешня, персики, сливы и виноград, которые по причине ранних холодов, не вполне созревают.

В селении занимаются и торговлей, которая состоит в продаже вина, водки, керосина, соли, крупы, шерсти и, вообще, мануфактурных товаров. Один из лавочников обществу платит 100 руб., с условием, чтобы, кроме него, никто вина и водки не продавал. Цена на предметы та же, что в городе, хотя торговцы при удобном случае не прочь брать и больше. Лавочники в неделю два раза режут скот. В общем, лавки дурно влияют на народ. Число лавок в селе 5. Кроме того, есть 7 каменщиков, 4 башмачника, 5 плотников и столяров, 2 кузнеца, которые работают в Шуши.

Жительницы села и их занятия.

Даш-алтынки, можно смело сказать, бесподобно трудолюбивые женщины. Занятия женщин очень разнообразны и многочисленны; они работают больше мужчин, но, несмотря на это, даш-алтынка здорова и красива; даже в старости они не вполне теряют свою красоту. Родители своих сыновей женят рано, чтобы прибавить в семействе рабочую силу. Старухи говорят: «Когда работаем, то себя легко чувствуем, а когда сидим без дела, то нездоровится». И в самом деле, где ее только не увидишь: с наступлением весны, взяв кусок сухого хлеба, она идет на ниву очистить ее от сорных трав; она наравне с мужем работает в огороде во время сеяния, а поливка всецело лежит на ней; летом, как мы видели выше, хлеб молотит она. Кроме этих работ, она исполняет еще домашние работы: ткет ковры, мафраши[1], килимы, хурджины[2], чувалы, попоны для катеров и ослов, вьет веревки, вяжет носки, шьет шаровары, платье и т.д. Для приготовления этих вещей они покупают шерсть, от 3 ½ до 5 руб. пуд, моют ее, чистят на гребне и прядут нитки на прялках; нитки окрашивают в разные цвета и ткут, что им нужно. Особенно хорошо ткут ковры и паласы, но только в малом количестве - для домашнего употребления. Девочки помогают своим матерям во всех этих работах с детства: девочки бедных родителей идут на работу в шелкомотальный завод, принадлежащий одному шушинцу. Хозяин этого завода, пользуясь их бедностью и, вообще, невежеством родителей, распоряжается с ними, как ему хочется: на заводе работают девушки от 8 до 20 летнего возраста: работа летом начинается с 4-5 часов утра и продолжается до 8 и более часов вечера; в продолжение дня им позволяется час на отдых и обед; значит, девочка ежедневно работает от 14 до 15 часов, а плата за труд ничтожна: от 7 до 25 коп. в день; кроме этого, деньги хозяин дает ежемесячно, а иногда через 3 или 4 месяца. От такого продолжи-

[1] *Прямоугольная ковровая сума-сундук, где хранили и перевозили постельные принадлежности и одежду*
[2] *Переметная сума из двух частей*

тельного сидения цвет лица у девочек бледнеет, руки от горячей воды покрываются морщинами, но, несмотря на все это, родители очень рады, что дочери их наживают деньги, на которые покупают себе платье и приготовляют приданое, а иногда даже платят долги своих родителей.

Пища, питье, одежда и обувь.

Даш-алтынцы употребляют как мясную, так и растительную пищу. Хлеб едят пшеничный, иногда с примесью проса или ячменя, так называемый чурек (պրոզ), а в праздничные дни из чистой пшеничной муки - лаваши; и чурек, и лаваши пекут в тондырах. Любимые кушанья даш-алтынцев: голубцы, голубцы большие (կոլօլակ), пилав, бульон, шашлык, яичница, кисель, молочная каша, хаш, желудок (թափան), коркот) (կորկոտ), хашил) и тд. Голубцы большие приготовляются так: свежее и мягкое мясо, без жира вовсе, преимущественно из ляжек, безостановочно размельчают на камне деревянным молотом (տոլմա-թակ) до тех пор, пока мясо не превращается почти в жидкость; после этого мясо берут в глубокую посуду, туда кладут разную зелень, подмешивают водку, перец, соль и очень долго мешают. Затем кладут эту массу в большую чумичку (շերեփ) и ставят осторожно в котел, который уже с нагретой водой находится на огне. После этого насыпают туда крупу и варят. За обедом эти голубцы вынимают, смешав с коровьим маслом, едят с репой.

В постные дни употребляется преимущественно растительная пища: пилав с постным маслом, бобы, картофель и разные травы: авалук /род щавеля/, кадачи (փիփերտ), грибы, крапиву и т.д., солят и маринуют капусту, зеленые бобы, огурцы, свекловицу, кипорци, которые покупают у других сельчан, чеснок, куриные ножки (պոխի). Из города покупают яблоки, груши, гранаты, каштаны, мелкие орехи, изюм; из лесов собирают кизил, мелкий орех, шишки, которые сохраняют в корзинах и ставят на деревьях на зиму.

Даш-алтынцы пьют вино, водку и чай, покупая эти припасы в соседних селениях или в г. Шуши; у местных лавочников все это и дорого, и дурного качества.

Одежда у мужчин не отличается особенной красотой. У мужчин верхняя одежда - чуха, которая доходит до колен; шаровары и носки очень грубо приготовляются дома, из овечьей шерсти. Под чухой надевают короткий архалуг из простого ситца для будничных дней, из дорогих материй во время праздников и воскресных дней. Концы шаровар связывают долагами (դոլազներ), чтобы они не скоро износились. На голове носят простую папаху, ценою от 25 до 50 коп.; дорогие от 2 до 5 руб., надевают по праздникам. Подпоясываются простым ремнем, а серебряный пояс они получают во время венчания от родителей невесты. Во время праздников, вместо лаптей надевают коши (չմոշկ). Зимой накидывают на голову башлык и носят бурку.

Женщины, наоборот, любят нарядиться: одежда их очень оригинальна, особенно, головной убор, который покрывает почти все лицо, за исключением носа и глаз. На лоб свешивают серебряные или золотые монеты; по щекам свешиваются также серебряные или золотые монеты (բոժոժ) величиною с мелкий орех; подбородок закрывают белым платком; им же закрывают рот во время разговора со старшими; на голове ставят из картона круг (կոպի), который с передней части покрывается красным или синим бархатом с разными узорами; сверху головы накидывают шаль, а сверху шали на шее обводят серебряной цепью (չանգալ). Верхняя одежда архалуг. Рукава ее расшивают серебром и подвесками; он доходит до колен и ниже, а рубаха-до пяток, на груди вешают серебряные монеты, подпоясываются красным кумачом (կարմիր մահուդվարի) или серебряными поясами. Надевают чулки, носки и башмаки зеленого или красноватого цвета. Считается позором ходить босиком, особенно молодым женщинам. Женская одежда вся красного цвета.

Население, его религия, домашняя жизнь и образование.

Население Даш-Алты по камеральному описанию 1873 года было 147 дым, 823 души обоего пола (427 муж. и 396 жен.), а 1886 год. - 165 дым., 944 души (476 муж. и 467 жен.). Из этого видно, что население в течение 13 лет увеличилось на 121 душу. Даш-алтынцы - народ мирный, гостеприимный и трудолюбивый, но вместе с тем грубый и суеверный. Они круглый год в движении, без работы не сидят ни минуты: если есть надобность, то они работают и ночью, и в воскресные дни. Живут до 70 лет: выше этой нормы продолжительность жизни у мужчин наблюдается редко. Даш-алтынцы когда-то очень любили оружие и теперь опять стали проявлять бывшую страсть. Причиной этого явления служат соседи их и кочевники, которые воруют у них скот: во время кочевки через Даш-Алты они отравляют нивы и сенокосные места, отчего происходят драки, причем нередко пускается в действие и оружие. Вообще, в последнее время убийства и воровства участились. Случается так, что сосед - татарин ворует у даш-алтынца скот, затем приходит к нему и требует магарыч (մաշտալուղ), обещая указать место, где находится уворованный скот. Если крестьянин соглашается, то получает обратно свое добро, а если нет, то скот пропадает: если крестьянин жалуется на вора, то последний, непременно, отомстит ему, поэтому крестьяне предпочитают сводить счеты мировой сделкой.

Крестьяне, особенно женщины, отличаются завистливым характером, а мужчины - привычкой ругаться: они суеверны и нечистоплотны. Издали селение красивое, но войдите в него - улицы кривы, узки и очень грязны.

Религия у даш-алтынцев христианская, армяно-григорианского исповедания. В нем одна церковь, во имя Богоматери, и два священника. Крестьяне, хотя и религиозны, но мало посещают церковь, особенно молодые, которые постоянно заняты работой. Во время праздников Преображения Господня (Վարդավառ) и Воздвижения Чудотворного креста (Խաչվերաց) сельчане целыми семействами идут в монастырь св. Гевонда, находящийся в 30 верстах от селения. В Даш-Алты есть почитаемые места, куда ходят для жертвоприношения в воскресные и праздничные дни: Зеленый (Կանաչ - խաչ) и Овчифирум (Օվչիփիրում), религиозностью особенно отличаются женщины.

Домашняя жизнь у даш-алтынцев порядочная; девушки до выхода замуж ходят с открытым лицом и разговаривают со своими родственниками и соседями, но, по выходе замуж, они могут говорить только со своими супругами, а при объяснении с домашними они дают знать или посредством маленьких детей, или же разными знаками руки, лицо их совершенно закрыто. Как отец в семье-полный хозяин и распорядитель, без совета которого сыновья ничего не могут делать, так и мать - полная хозяйка над женской половиной семьи. После смерти отца мать занимает место мужа, а после ее смерти их место занимает старший сын с женой, которых все слушают, как родителей. Вообще, жизнь тут можно сказать, патриархальная, хотя городская жизнь особенно с внешней стороны мало-помалу начинает иметь свое влияние. Обращение мужчин с женщинами мягкое, хотя крестьянин не забывает сказать: «…жене волю дать, значит выпустить из рук необъезженную лошадь, на которой вы сидите». Ревнивость замечается у мужчин и у женщин.

Что касается образования, то в селе нет училища, но своих детей сельчане не оставляют без образования, особенно состоятельные. В деле образования, особенно, отличаются женщины: какая-нибудь бедная вдова, живущая вязанием носков, печением хлеба для других и т. п., сына непременно отдаст в какое-нибудь заведение в гор. Шуши, и нет ни одного заведения, где бы ни учились дети даш-алтынцев, поэтому из Даш-Алты выходят много образованных людей, которые служат в разных государственных учреждениях. В последнее время даш-алтынцы стали думать об открытии у себя училища, так как детям трудно каждый день ходить в город. Одно весьма плохо у даш-алтынцев: они не обращают внимания на женское образование; но причиной этого явления служит отчасти отсутствие в селе школы.

Находясь на пути, по которому кочуют татары, селение подвергается заражению разными болезнями. Напр. в 1892году, когда свирепствовала холера по всему Кавказу, а следовательно, и в г. Шуши и ближайших селениях, даш-алтынцы были совершенно свободны от нее в летние месяцы; но когда кочевники, зараженные холерой, спускались с гор, то холера появилась и в Даш-Алты: из 944 душ в эту эпидемию умерло 27 мужчин, и это случилось в конце сентября и в начале октября. Здесь очень часто бывает чума у рогатого скота (ազաբ) и болезнь копыт и рта (դարաղ). Из обыкновенных болезней здесь бывают: лихорадка, оспа, корь, разные воспаления и т. д. Правильного ухода и медицинской помощи нет, оттого болезни часто имеют дурной исход.

Распределение податей, судопроизводство и наказания.

Распределение податей в Даш-Алты производится так: как только получают окладной лист, то крестьяне выбирают из своей среды трех справедливых лиц, которые под председательством старшины считают, сколько всех податных лиц в селе, исключая из этого числа стариков, детей, которые не в состоянии работать, т.е. содержать семейство, а также, исключая судей, старшину и чевуша; таким образом, если в семействе нет молодых людей, то оно освобождается от натуральных повинностей. Дети до 15 лет считаются за ¼ души, до 20 лет – ½ души; вообще, неженатый юноша считается за половину платежной единицы, а женатый - за целую единицу, по достижении 17 лет. Такая ранняя женитьба случалась часто до введения на Кавказе военной службы. Когда определено число платежных единиц (գլուխ), то сумму денег, обозначенную в окладном листе, делят поровну. После этого, в свободный день, приглашают на общественную площадь по одному лицу от каждого дыма и читают им свое распределение; если кто-нибудь не доволен, то делают поправку, хотя такие случаи бывают редко. Затем собирают деньги, в получении которых дают квитанцию за подписью и печатью сборщика. Во время сбора случается, что продают ковры или котлы и другие предметы у тех, которые не в состоянии платить. Этим пользуются кулаки, которые ссужают бедным деньги за 20%. Сборщики за свой труд не получают ничего.

Денежные счеты по векселям и разные тяжбы по воровству, если есть свидетели, разбираются сельскими судьями на основании установленных положений, а если свидетелей нет, то дело решается третейским судом. Если члены третейского суда находят одну сторону виновной, а это сторона не сознается, то ее приводят к присяге: не желая напрасно присягать, виновный обыкновенно сознается в своей вине. В суде жалуются словесно, причем жалоба вносится в особую книгу одним из судей, который на основании прошения приготовляет повестки и через старшину отправляет по принадлежности. Разные потравы и мелкое воровство наказываются штрафом, что сильно действует на виновного; а если виновный не исправляется, то общество само наказывает его: к нему перестают ходить на крестины, на поминки, свадьбу, и не приглашают его к себе. Воров считают самыми низкими людьми, и мнение их в народной сходке не принимается во внимание, как бы тот умно и справедливо не говорил: таких людей скоро выдают в руки правосудия. В селе есть три, так называемых, добросовестных лица, которые обязаны открывать воров и, вообще, следить в селении за порядком.

Достопримечательности села.

К достопримечательностям села относится огромная пещера, в 2/4 версты длины находящаяся в горе, на юго-востоке от села. Пещера эта состоит из двух частей: передняя часть, площадь которой =24 кв. арш., ровная, светлая и сухая; в этой части ночуют пахари со своими быками; другая часть пещеры начинается сейчас же за первой, но соединяется с ней маленьким отверстием; эта часть пещеры страшно темна и сыра. Когда нужно бывает воды, пастухи зажигают кучку сухого хвороста и заходят туда. Вода течет в верхней части пещеры по каплям и образует лужи на дне пещеры. В этой пещере может спрятаться целое селение, и никто не будет подозревать о присутствии людей, тем более, что лес не позволяет издали видеть ее начала.

Кроме этой пещеры, есть еще другие, маленькие; они тоже служат убежищем для людей, застигнутых внезапной непогодой. К востоку от большой пещеры находятся на скале круглые площадки, которые имеют форму настоящих гумен. Они, по-видимому, нарочно выровнены; но стоять на них невозможно, так как эти места находятся над огромным обрывом: смотреть вниз страшно. К ним ведет маленький проход, по которому нужно то спускаться, то подниматься. В какие времена и что заставляло человека молотить там хлеб, неизвестно. На продолжении этой же горы на восток находятся ханские амараты-палаты (խանի ամարաթներ), но эти амараты не доступны человеку, так как к ним нет проходов. Как и кем устроено это фантастическое здание неизвестно, только смутное предание говорит, что там один скупой хан спрятал свое богатство и сам караулил его, однажды пришли воры, убили хана, но не могли взять богатства, так как отрубленная голова хана постоянно закрывала отверстия, которые служили проходами в палату: поэтому до сих пор в этом здании находится казна хана. Если посмотреть издали, то можно видеть только северную стену амарата с несколькими отверстиями, над которыми постоянно парят орлы да коршуны. Палаты высечены в цельной скале, приблизительно на 300 саж. высоты; внизу, между гигантскими скалами с грохотом течет Даш-Алтынка, наводящая шумом страх на проходящего.

Прежде, пространство между селением и Шушинской крепостью было покрыто густым лесом, поэтому срывавшиеся с крепости камни не достигали села и образовывали местами огромные кучи (կարան); теперь это пространство очищено и распахано крестьянами. Хотя крестьяне говорят, что селению не угрожает никакой опасности, но если будет сильное землетрясение, то селению не миновать беды, так как на вершине крепостной скалы против села торчат большие глыбы камней, не сросшихся со скалой.

Некоторые праздники.

1. Навасард в древности, т.е. во время язычества, праздновался 11 августа и теперь празднуется в ноябре, кем был перемещен этот праздник, неизвестно. В языческие времена он был посвящен главному богу «Арамазду», который основал Новый год. В день Навасарда люди приносили ему плоды своих трудов, так как он считался хранителем их материального благосостояния, особенно этому празднику радовались крестьяне: они приносили ему в жертву снопы, виноград, скот; певцы приходили воспевать храбрых атлетов и т. д. Праздник совершали в главном капище Арамазда, которое находилось на нынешней Большой Аладаге.

Теперь этот праздник в городах не празднуется, но в селениях обычай его праздновать держится очень крепко. К празднику покупают новую одежду для всех членов семейства, особенно для детей. Накануне праздника, вечером в семье мать раздает всем фрукты и разные сласти; женихи приносят для своих невест подарки и тоже разные сласти.

2. Понедельник Великого поста есть продолжение масленицы и истинный народный праздник. В этот день с раннего утра идут поздравления с Великим постом, даже незнакомые и враждующие, встречаясь на улице, подают друг другу руки и мирятся между собою. Поздравляющие дают друг другу разные фрукты, а кумовья дарят друг другу так называемый «сеган», состоящий из бутылки водки, нескольких бутылок вина и фруктов.

3. Пасха празднуется три дня. В течение Великого поста три почетных человека собирают деньги от зажиточных крестьян (от 15 коп. до 1 руб.); на собранные деньги покупают баранов и муку. Из муки пекут хлеб - лаваши. Мясо варят и, разложив по нескольку кусков в лаваши, раздают бедным, которые не в состоянии были резать для себя барашка. Говорят, что праведные люди каждый год в этот день видят, что рогатый баран (ղոչ) выходит и играет перед солнцем несколько минут и исчезает. Говорят также, что, однажды, когда котлы с мясом уже находились на огне, то одна ворона прилетела и стала летать над котлами. Один из присутствующих хотел принести ружье и застрелить ее, но в это время ворона прямо бросилась в котел. Присутствую-

щие сочли это знаком, что жертвы не угодны богу, и когда опрокинули котлы, то в одном из них увидели огромную издохшую змею. Они похоронили ворону, как человека, ибо она спасла целое селение от осквернения.

Обручение и свадьба.

Обручение совершается так: так как сыновья, по застенчивости, не говорят родителям о своем намерении жениться, то родители сами, видя настроение сына, отыскивают для него подходящую невесту. Наметив невесту, после долгого обсуждения, они передают о своем решении сыну - нравится или нет ему невеста - это не принимается во внимание. Его дело - полностью повиноваться родителям. Когда родители жениха соглашаются насчет брака с родителями невесты, то происходит обручение молодых. Обручение происходит между родственниками обеих сторон, причем первое место уступают куму. После освящения кольца гостям подают водку и разные сласти, гости поздравляют молодых с обручением и расходятся по домам: если родители невесты богаты, то гостям делают и ужин. Во время обручения священник спрашивает молодых, согласны ли они вступить в брак. Молодые отвечают, что согласны, хотя в душе они и не желали этого, поэтому часто бывают домашние несчастья. Молодые до женитьбы не имеют возможности видеться друг с другом. Родители жениха в праздничные дни посылают подарки невестке.

Когда приближается время свадьбы, то родители молодых начинают договариваться об условиях в присутствии родственников. Отец невесты предлагает, чтобы родители жениха дали быка или барана, несколько ведер вина, подарки близким родственникам невесты. Со стороны жениха требуют приданое. Этот договор называется հղէ կտրել. Затем начинаются приготовления к свадьбе: собираются родственники и привозят несколько десятков вьюков дров, собираются родственницы и начинают приготовляться. В пятницу вечером начинается свадьба. При звуке зурны режут быков и баранов для приготовления кушаний. Затем в сопровождении зурны жених зайдет с кумом с разными подарками, который со своей стороны также приносит подарки. После этого жених и несколько молодых ходят по домам и приглашают гостей. На дворе стоят несколько молодых людей с кружками и полотенцами, и каждому прибывшему гостю предлагают мыть руки. В этот вечер ужин бывает постный и проходит очень шумно: говорят, смеются, поют. После ужина зурна выходит и играет на дворе, а гости расходятся по домам. Тут остаются товарищи жениха (մակառներ), чтобы взять его в дом родителей невесты. Из товарищей выбирают одного главой (մակառ-բաշի), которому все обязаны повиноваться: от него и зависит, как провести свадьбу. Затем, в тот же вечер они идут к невесте, по дороге танцуют, стреляют. Отец невесты со своей стороны приглашает гостей, которые пьют чай, закусывают и расходятся. Родственницы невесты приносят фрукты, вареных кур; все это собирает макар-баши и поручает кому-нибудь для сохранения. Жених, при появлении кого-нибудь из близких родственников невесты, встает и целует руку, а родственница целует его и кума в лицо. Вообще, жених держит себя очень скромно: кушает мало, говорит, когда заставляют. В это время к «макарам» собираются девушки и начинают танцевать: во время танца зурначи получает шабаш-деньги, которые дают родственники танцующих. Если свадьба бывает у богатого человека, то зурначи за свои труды не получает особого вознаграждения, а довольствуются шабашами, с которых достается им иногда до 50 руб.; особенно много получают они, когда танцует невеста. После танцев приходит священник и освещает венчальное платье невесты. Затем макары пьют, кушают, шутят, говорят разные остроты и, вообще, стараются казаться веселыми. К утру с большой церемонией идут в церковь венчаться. На обратном пути родственники подают яичницу и фрукты, а самые близкие дарят невесте разные подарки: шаль, платки и т. д. В этот день обед бывает у родителей невесты. После обеда, к вечеру, собираются идти к жениху. Тут родитель, или старший в этом семействе, приносит приданое и перед публикою показывает поодиночке каждую вещь: при показе каждой вещи барабанщик обращает

внимание народа произнося: «Господа! (ա էլիկ) Такой-то отдал дочери в приданое такую-то вещь и т.д.» - «Пусть будет благосостоятелен!» (շէն կենա) - повторяет публика. Вообще, нужно заметить, что родитель невесты дает дочери почти целое хозяйство: ковры, паласы, постель, самовар, котлы, мафраши, сундуки, одежду, иногда быка или корову и т.д. После этого все навьючивают на катера, сажают одного мальчика, обыкновенно, брата невесты, отправляются к жениху с большой церемонией, причем, все крыши бывают переполнены женщинами. На дворе жениха мальчику дают деньги /от 20 к. до 30 р./; если не дадут денег, то он не слезет с катера ни за что; когда все уже на дворе, то один из родственников с крыши или высокого места бросает горсти крупного и мелкого ореха, каштана прямо на толпу, где дети, толкаясь, смеясь, собирают все. Навстречу выходят отец и мать жениха: танцуют оба долго, потом подходят к новобрачным, целуют их и говорят: «Приход ваш пусть будет на добро, чтоб вы на одной подушке состарились» и т.п. В воскресенье дают обед; после обеда собирают деньги (կանչ) от 20 коп. до 5 руб. и более, причем родственники приносят еще подарки: бывают свадьбы, во время которых собирается до 200 руб., что покрывает все расходы по ее устройству. Через семь дней после свадьбы , мать невесты приходит к дочери, причем, приносит с собою старые платья дочери и еще подарки, состоящие из разных материй, а зять, в свою очередь, дарит теще какой–нибудь дорогой подарок.

Некоторые анекдоты про ходзабюрдцев; обычаи, поверья и суеверия даш-алтынцев.

1. Однажды ходзабюрдцы хотели поймать луну и стали следить, где она остановится. Луна закатилась за горы; ходзабюрдцы поспешили туда и разыскали там медвежью берлогу, где оказалось, вместо одной две маленькие луны, которые, как бы от испуга, лопались на части. Вот стали они думать, кому из них влезть в берлогу. Думали долго; наконец, решили, чтобы туда влез односельчанин с длинной бородой. Тот согласился и прибавил: «Если я начну шевелить ногами, то вытащите меня, а если нет - не трогайте меня». «Хорошо»- отвечали они. Ходзабюрдец сунул голову в берлогу; там медведь схватил его за голову, а когда он стал двигать ногами, то крестьяне схватили его и вытащили, но он был уже без головы. Стали они думать, почему у него нет головы, но никто не мог ответить на вопрос. Наконец, решились возвратиться назад и спросить жену его. На вопрос их она ответила, что не знает, был ли муж с головой или нет, но только она хорошо помнит, что утром, когда он ел хлеб, то борода его двигалась (ամամբում էր).

2. Один ходзабюрдец хотел для себя отрезать бревно. Вот он находит нужное бревно на вершине одной горы, склон которой представлял скалистую пропасть. Но как тут быть: если отрезать дерево, то оно упадет в эту пропасть, и его оттуда вытащить невозможно. Ухитрился мой ходзабюрдец - запряг шесть пар быков, связал дерево железной цепью, конец цепи укрепил на ярмах и стал рубить дерево. Дерево упало под ударами топора в пропасть и увлекло за собою всех быков.

3. Одна девочка хотела взять муку из чувала, который был наклонен к столбу в карадаме. Девочка подошла с тылу столба и обеими руками взяла муку, но не могла двигаться с места, ибо столб остался между руками. Заметив, что дочь не идет, мать пришла к ней и, видя ее в таком положении, призвала соседей на помощь. Пришли соседи, но никто не мог дать полезного совета. Наконец пришел старшина. «Разве это так трудно?! Давайте сюда топор!» - говорит он. Подали топор. Он стал рубить столб, который упал, отчего рухнул дом и оставил под собой всех присутствовавших.

4. Однажды лошадь вошла на созревшую ниву, наелась досыта и стала махать головою от жары. Это увидел караульный: пришедши к хозяину нивы, он сказал, что на ниве - чудовище, которое, наевшись хлеба, хочет и его съесть. Прибежали крестьяне. Видя, что лошадь машет головой, хозяин спросил: «Меня хочешь съесть?» Лошадь опять машет головой. Из этого они

заключили, что она хочет съесть и их. Как тут быть? Наконец, решили поджечь ниву. Когда пламя охватило всю ниву, лошадь убежала, а хозяин с радостью заметил: «Что, съела нас?»

5. Однажды ходзабюрдец купил курдюк, чтобы накопить из него сала; накопив сала, он положил сухие остатки в шкаф. Туда полезло много муравьев. Видя это, хозяин стал радоваться: «Это Господь послал мне дар: теперь у меня огромное стадо, только нужно нанять побольше пастухов». Сказав это, он остатки курдюка с муравьями берет на поле. Соседи, видя богатство его, последовали его примеру, но когда настали холода, муравьи пошли в свои хитрые жилища, а крестьяне стали плакать, что барашки их исчезли.

6. 4-го января, вечером в каждом доме приготовляли хлеб, так называемый кркени (կրկէնի), этот хлеб пекут из чистой муки; внутри теста кладут хас (հաս), приготовленный из муки и постного масла, а бедные вместо постного масла прямо кладут толченый орех без муки, с косточкой какого-нибудь плода или с серебряной монетой. Затем кркени пекут на дне камина. Когда хлеб выпечется хорошенько, то вынимают и разрезают его на части по числу членов семьи, не забывая также отделить долю домашним животным и даже собаке и кошке. После каждый берет свою долю и ест осторожно, чтобы не проглотить косточку (դովլաթ). В чьей доле найдется косточка или монета, значит, в его голове находится счастье этого семейства (դովլաթը նրա գլխումն է). Находке особенно рады бывают дети; но этот обычай возбуждает зависть особенно между невестками.

7. Случается, что крестьяне часто теряют скот и не находят его. Чтобы спасти скот от волков, они прибегают к колдовству. Держа в руке какой-нибудь шнурок, они проводят по воздуху то пространство, где утеряно животное, затем этот шнурок кладут в лезвие ножниц или между черенком и клинком ножа, кинжала и т.п. и прячут на таком месте, где бы все это осталось нетронутым до следующего утра. При этом произносят:

«Գայլ ունեմ, գայլ կապ անեմ (3 անգ.)	«Поймаю волка, свяжу волка (3 раз);
գայլի բերանը կապեցի (3 անգ.)	пасть волка связал (3 раз.),
ոտները ծողի դառնա,	пусть ноги сделаются стеблевыми,
ատամները մոմի դառնա,	зубы восковыми,
որ մեր տավարին նա մօտ չը գա»:	чтоб к нашему скоту он не подходил».

Рассказывают, что одна корова во время родов убежала в лес. Ее не нашли и заколдовали волка (գայլի բերանը կապեցին) шнурком, который поставили на кинжале пастуха. На другое утро пастух идет и видит: корова родила, теленок сидит около нее, а около теленка стоит волк. Пастух, видя это, вынул кинжал, чтобы убить волка, но волк сейчас же схватил теленка и скрылся в лесу.

9. Между крестьянами есть такие старухи, которые умеют лечить, но лечение их состоит в том, что они начинают зевать, отрыгаться: в это время у них текут слезы; старуха призывает всех святых на помощь больному, затем старуха начинает слегка глазеть в воду, которой больной должен вымыть руки, лицо, грудь и т.д. Во время омовения она произносит заклятие:

«Քարը ոտին, քարը ձեռքին,	*«Камень на ноги, камень на руки,*
քար ու քացախ բերնին,	*камень и уксус в рот,*
աչքերը ամպի տակին,	*глаза под облаком,*
թի՛ւ! չար աչքին,	*тьфу! злому глазу,*
թի՛ւ! չար սրտին	*тьфу! злому сердцу,*
թի՛ւ! չար աչքը չորանա»	*тьфу! злой глаз засохнет»*

10. Бельмо в глазу (աչքի հատ հանելը) сводят так: одна женщина держит в руке глубокую посуду, наполненную холодной, чистой водой, и кладет 49 зерен пшеницы или риса; затем приглашает семь девиц, которые вынимают по семь зерен и каждым проводят больному по глазу (քսում են). При этом должна стоять ясная погода: это повторяется три дня сряду; женщина при вынимании каждого зерна и произносит:

Երկնքումը ամպ չը կայ,	*На небе нет облака,*
գրքիս վրա ամպ չը կայ,	*в книге нет облака,*
աչքումը ամպը ի՞նչ է անում:	*что делает облако в глазу?*

11. Во время долгих засух шесть старух идут пахать реку. Четыре из них запрягаются в соху, одна служит плугатарем, другая - погонщицей. Они, не снявши платья, заходят в воду и пашут воду так же, как и участок земли, прося Бога, чтобы Он намочил пахарей так же, как их.

12. Во время долгих дождей несколько детей собираются вместе и, приготовив куклу, по имени Чоли (հոլի), ходят по домам, собирают хлеб, масло, рис, яйца, припевая:

Հոլի Հոլի հոլ չը կայ,	*Чоли-Чоли! нет чолия.*
խավիծ անեմ եղ չը կայ,	*сделаю хавиц[1], масла нет,*
Հոլին ընկել է ծովը,	*Чоли упал в море;*
ծովից հանող չը կայ,	*никого нет, вытащить из моря;*
չուան բերէք դուրս հանենք,	*принесите веревку, вытащим,*
ձու բերէք թաթին դնենք:	*дайте яйца,- положим на рученьку,*
եղ բերէք վարսը քսենք,	*масла дайте,-помажем волосы,*
ուտենք, խմենք, քէփ անենք.	*покушаем, выпьем, попируем.*

13. Мир не один, а три. Мы находимся в среднем мире, потому и подпоясываемся посередине тела, в высшем мире подпоясываются под мышками, а в нижнем-по бедрам.

14. Землетрясение происходит от того, что мир держится на рогах быка и, когда он хочет чесать спину свою, то земля приходит в сильное колебание.

15. Когда крестьянин запрягает быков в соху, то крестится и произносит: «Господи, Иисусе Христе, дай нам хлеба!», а когда кончает сеяние, к вечеру также крестится и говорит: «Благословлен Господь» (Օրհնեալ է Աստուած), затем начинает тереть рукою глаза быков.

16. Когда крестьянин сеет, то бросает несколько лишних зерен для птиц. (Այս էլ թռչունների և աղքատների փայը).

17. Небо не одно, а семь: на самом верхнем небе живет Бог со своими ангелами и святыми.

18. Прежде небо было так близко, что края его касались земли, от этого и хлебные растения раньше не имели стеблей, а во всю длину свою представляли колосья. Но вот однажды ребенок испражнился. Мать стала искать тряпку…. Но не найдя ее, взяла хлеб-лаваши, вытерла ребенка и бросила лаваш так неосторожно, что попала в небо. В это время небо с треском и громом поднялось вверх и за собою потащило колосья; собаки начали жалобно выть. Бог сжалился над собаками и оставил на верхушке стебля маленькие колоски.

19. Собака говорит: «Я желала бы иметь хозяина с семью сыновьями, чтобы каждый дал мне кусок хлеба и я насытилась бы». Кошка говорит: «Я желала бы, чтобы у меня была одна только хозяйка-старуха, и та слепа одним глазом, чтобы я могла легче воровать».

20. Солнце и Луна - родные брат и сестра: Солнце - сестра, а Месяц- брат. Однажды луна говорит солнцу: «Ты выходи днем, а я ночью». - «Нет, я не могу выйти днем, люди будут

[1] *Масло, смешанное с мукою для колобков (գաթայ)*

смотреть на меня», отвечает солнце. «В таком случае я тебе дам семь связок (թոփ) иголок, и кто будет смотреть тебе в лицо, то этими иголками коли глаза». «Хорошо», - отвечает солнце. И с того времени солнце светит днем, а луна - ночью.

21. Затмение луны происходит оттого, что дьяволы ловят ее, чтобы она не могла светить людям, поэтому нужно помогать ей с земли, чтобы дьяволы, испугавшись, отпустили луну. Для этого крестьяне начинают бить в медные сосуды и стрелять из ружей.

22. Метеоритные камни посылает Бог святым, и чем более святой любим Богом, тем и ярче свет метеора. Если в этот момент попросить что-либо у Бога, то он исполнит просьбу.

23. Звезды, которые падают, означают, что на земле умер кто-то, и в какую сторону падает звезда, в той стороне и умер человек, ибо с рождением человека Бог назначает одну звезду, которая должна светить ему до смерти, а когда человек умирает, то звезда уходит с неба, чтобы уступить место новой звезде, и чем человек более высокопоставлен, тем больше его звезда.

24. Молния, по мнению народа - драка между дьяволами.

25. Млечный путь - дорога, по которой везут уворованный самин, он рассыпается и оставляет след, чтобы хозяин мог поймать вора.

26. Гром производит одна чудная старуха, так она наполняет несколько буйволовых кож большими камнями и бежит по волнистым горам неба. Когда она поднимается на гору, тогда камни взлетают, а когда спускается, то камни опять падают в эти кожи.

27. Если девочка пройдет под радугой, то она обратится в мальчика.

28. Когда рождается ребенок, то под головой его ставят какое-нибудь оружие: кинжал, ножик, ножницы, или какой-нибудь кусок стали с целью, чтобы дьяволы не задушили или не похитили ребенка, так как дьяволы боятся стали. Если ребенку не спится, то под голову его кладут уши зайца или кожу змей, которую она оставляет во время линьки (օձի հալավ).

29. Надо нищему давать долю (փայ), так как в образе нищего, может быть, Христос испытывает человека.

30. Человек не должен оставаться должником, ибо на другом свете непременно взыщут с него.

31. Когда мертвого выносят, то нужно отворять двери, чтобы ангел не остался дома, а ушел с душою покойного.

32. Нужно часто ходить на кладбище, ибо покойный постоянно ждет родственников (աչքը ճանապարհին է).

33. Не надо хорошо одеваться и жить, а то сглазят.

34. Не надо плохо говорить про кого бы то ни было в его отсутствии, ибо земля может передать все это.

35. Ночью нельзя выливать горячую воду, ибо она может попасть на ангела - хранителя.

36. На пороге двери нельзя пить воду: злые руки ударят по голове.

37. Нельзя ночью нагибаться к роднику для питья воды, ибо дьяволы могут утащить.

38. Пока звезды не показались на небе, мать, имеющая детей, не должна пить воды: может умереть кто-либо из детей.

39. Если к вечеру кричит петух, или курица будет кричать по-петушиному, то это плохой признак: нужно их зарезать.

С. Зелинский

МАТЕРИАЛЫ ПО НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ У АРМЯН

Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии и Шушинского и Зангезурского уездов Елисаветпольской губернии

Для сведения. Лечение болезней у простого народа, средства, употребляемые для лечения, состав этих средств и прочее представляют собой интересный материал в научно-этнографическом отношении. Такой материал из жизни кавказских народов редко встречается в народной литературе, а потому мы сочли полезным составить настоящий очерк из жизни армян Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии, Шушинского и Зангезурского уездов Елисаветпольской губернии.

Материалом для этого очерка служили как сведения, помещенные в издаваемом на армянском языке г. Ервандом Лалаевым «Этнографическом обозрении»- Ազգագրական հանդէս[1], так и рукописные сведения, собранные на месте разными лицами. Этот материал представляет собой указание средств, употребляемых армянами названных местностей для лечения болезней, но мы разработали его и, по возможности, дополнили, как приведением научных и русских названий веществ, растений и прочих входящих в состав лекарств, так и указанием санитарно-гигиенического положения армянских селений и жизни жителей, а также состава лиц, занимающихся лечением. В конце нашли нужным приложить в виде словаря, в алфавитном порядке, вошедшие в настоящий очерк армянские названия болезней и веществ, употребляемых для приготовления лекарств.

Для точности произношения помещенных мною в этой статье армянских слов, напечатанных русскими буквами, h, յ, թ, и ք, выражающие звуки, не имеющиеся в русском языке, изображены мною так:

армянская буква h и յ русскою буквою х, с присоединением в скоб. (h)

-	-	թ	-	-	т	-	-	-	(th)
-	-	ք	-	-	к	-	-	-	(g)

Произнося армянские слова с заменою звуков русской азбуки х, т и к звуками французской азбуки h, th, и q, можно будет приблизиться к точности произношения армянских слов, записанных мною русскими буквами. Что же касается армянских сложных звуков, выражающихся буквами ջ, ճ, ձ и ծ, то такие звуки выражены русскими буквами дж, тч, дз и тц; звуки же, выражающиеся буквами փ и ղ, обозначили русскими буквами: первый буквою п, а второй буквами г и х; полугласный звук ը в слове ընկուլզ выразили русскою буквою и.

I. Общие указания

Деревенские армяне, как вообще простой класс всех других народностей Закавказья, не имеют никакого понятия о гигиенических и санитарных условиях жизни, а потому громадное большинство болезней, коим подвергается население, является последствием именно этого невежества. Армянские селения в Закавказье отличаются скученностью домов, в них вместо улиц имеются лишь одни переулки, а в горных селениях отсутствуют даже и переулки: там сообщение происходит или по узким в два-три аршина шириною проходам, или же по крышам домов. Площадки и другие открытые места как в самих селениях, так и кругом их занимают под навоз и нечистоты, выбрасываемые из домов, или же такие места служат для сушки кизяка, идущего на

[1] *До сих пор вышло в свет две книги этого издания. В первой книге, изданной в 1896 году, помещено между прочим исследование быта армян Ахалкалакского уезда Е. Лалаева, под названием «Джавахк» (древнее название этой местности), а во второй книге, вышедшей в 1897 году, имеется такое же исследование Е. Лалаева и других авторов, касающееся быта армян Шушинского уезда, под названием «Варанда» (историческое название местности этого уезда). Оба исследования представляют собою обстоятельный труд, обнимающий почти все отделы этнографии, и составляют ценный вклад в этнографическую литературу*

топливо. Несколько чище содержатся селения жаркой полосы, но и там все открытые места и улицы заваливаются навозом для приготовления кизяка. Кроме того, в селениях редко устраиваются отхожие места. Такими санитарными условиями отличаются почти все армянские селения Закавказья, а потому там не могут не появляться и развиваться все роды болезней.

Не лучшими санитарными и гигиеническими условиями отличаются и жилые помещения населения. Обыкновенное жилое помещение у армян почти во всех частях Закавказья представляет собой большую высокую комнату с земляным полом и двумя-тремя отверстиями в потолке для света и прохода дыма. В такую комнату, часто врытую аршина на два-три в землю, солнце никогда не заглядывает, царствует там вечная полутьма, вследствие чего воздух бывает пропитан сыростью и затхлостью. Способ нагревания такого помещения заключается в топке кизяком т(th) ундира (Թունդիր)-туземной печи в виде ямы, но она никогда не нагревается выше 2°; для защиты же себя от холода жильцы такой комнаты сидят и спят кругом так называемого к (q)урси (քուրսի). Эта непременная принадлежность каждого дома представляет собою большой, квадратной формы, низкий, в пол-аршина высотой, стол, который ставится над отверстием тундира и укрывается одеялом и разноцветными джеджимом или паласом. Сидят кругом этого стола или курси, протянув ноги и руки под одеяло, а потому передняя часть тела до груди сильно нагревается, а остальные части его мерзнут при температуре 2-3 градуса. Положим крестьяне привыкли к такой жизни зимой, но все же неравномереное нагревание тела не может не действовать губительно на организм человека, почему большую часть простудных болезней надо приписать именно указанному образу жизни крестьян зимой. В горных частях имеются и даже очень теплые помещения, но они устраиваются совместно с конюшнями. Конюшенное жилое помещение, называемое ода (օդայ), представляет собой четырехугольное возвышение устраиваемое в углу конюшни и отделяемое от скота дощатой загородкой или низенькой глиняной стенкой. В оде тепло даже в суровые зимы, но помещение это отличается спертым гнилым воздухом, пропитанным испарениями конюшни и, конечно, всевозможными миазмами.

Ко всему вышесказанному следует прибавить еще, что население, конечно, по невежеству, мало заботится о чистоте тела. В селениях ни общественных, ни частных бань вовсе не встречается. Женщины обыкновенно купаются дома еженедельно по субботам, или моют, по крайней мере, свои головы и ноги, но мужчины не знают этой роскоши. Они купаются лишь перед принятием причастия, что случается раз в год в великом посту. Поэтому грязное содержание тела, покрытое очень часто грязными лохмотьями, в особенности у бедного класса крестьян, причиняет немало разнообразных накожных болезней.

Из этого краткого указания явствует, что большая часть болезней сельского населения является результатом его полного невежества в гигиенических и санитарных мерах: вечно гниющая грязь на улицах и переулках, невыносимый запах кизяков, в особенности весной, когда в них развивается и умирает масса разнообразных организмов, отсутствие отхожих мест при домах, мельчайшая пыль самана во время молотьбы хлебов, всегда вызывающая раздражение слизистой оболочки глаз, а следовательно, и разнообразные глазные болезни, едкая пыль, образующаяся от нечистоты улиц летом, сырые, холодные помещения, конюшенные оды, наполненные болезнетворными миазмами и бактериями, грязное содержание тела, белья и платья, неразборчивость в пище, едкий кизяковый дым, которым наполняется комната во время топки и пр., и пр.,- все это вкупе с массой суеверий не может не влиять самым губительным образом на здоровый от природы организм крестьянина и не вызывать всевозможных болезней в среде крестьянства. К этому следует прибавить, что крестьянство не признает, за редким исключением, заразительности многих болезней, а потому, по принятому обычаю, каждый без боязни посещает больных, благодаря чему многие болезни распространяются в селениях этим путем.

Простые армяне приписывают, в общем, болезни или судьбе, называемой у армян *тчакатагир (ճակատագիր)* – в переводе *лобная надпись*[1], или же гневу Бога и святых и злости духов. В Нахичеванском уезде полагают, что разные язвы и паралич причиняет Иоанн Креститель, что дрожание рук и головы и падучую болезнь посылает св. Стефан, а сифилис-Богородица Мария (не заменена ли греческая богиня Венера или армянская богиня языческих времен Астгик Богородицей). Последняя болезнь называется в Нахичеванском уезде *«тирамор вер(q)к»* (տիրամօր վերք - язва Божьей матери). В Ахалкалакском уезде верят, что женщинам причиняют массу неприятностей разные духи, почему они в честь некоторых из них прекращают работу накануне сред, пятниц и воскресений и сторонятся в эти ночи от мужей. В Шушинском уезде верят в силу разных камней и деревьев, которые посылают болезни и могут исцелять: бесплодность женщин, язвы на грудях у женщин, ревматизм и пр. В этом уезде и в других частях Закавказья население верит в массу так называемых «каму хач» (քամու խաչ), что в переводе значит крест ревматизма. Немало имеется в Закавказье родников и деревьев, которые по вере населения исцеляют от лихорадки, горячки, кашля, бородавок, глухоты, сумасшествия и пр. Население верит, что возможно умилостивить как Бога и святых, так и разные святыни в виде камней, родников и деревьев и пр. жертвоприношениями[2], молитвою, пиллигримством по святым местам и пр., но рядом с этим верованием в народе живет и убеждение, что судьбы нельзя избежать, и то, что написано на лбу, непременно, должно исполняться.

Некоторые болезни народ представляет в образе различных существ, которых Бог создал для приведения в исполнение судьбы-тчакатагира, или для наказания людей за грехи их. В Нахичеванском уезде считают такими олицетворенными болезнями холеру и оспу. Первую представляют там в образе ангелоподобного существа, которое, однако, боится воды и черной собаки. Если во время странствования она встречает воду или собаку, то обращается в иголку и втыкается в платье своей проводницы, которая, впрочем, принадлежит к простым смертным. Это существо со своей проводницей посещает дома, и тому, кому из людей назначено судьбой умереть, наносит удар зеленым прутиком[3], но если только оно посещает дом и никому из жильцов не наносит удара, то кто-нибудь из лиц этих домов заболеет, но не умрет. Оспу же олицетворяют в образе рябого юноши, который на пути своего прохождения сеет семена цветка (оспа по-армянски тцагик(q)-ծաղիք, что означает цветок), который, однако, настолько сильно истощает почву, что второй раз не может расти на той же почве, т.е. этот цветок поражает людей в жизни один раз. В Шушинском уезде оспу и корь считают братом и сестрой, которых водит из дома в дом одна старуха, держа за руки их: правой рукой оспу, а левой - корь. В Ахалкалакском уезде почти все роды болезней представляют в образе мелких существ в трехугольных шляпках. Эти существа носят с собой по три палочки: зеленую, красную и черную, а у предводителя их имеется данная Богом книжка с именами всех лиц, которым суждено заболеть и умереть. Кому предназначено недолго болеть, тому эти существа наносят удар зеленой палочкой, а того, который должен долго болеть, ударяют красной палочкой, а лицо, присужденное к смерти, получает удар черной палочкой.

II. Народные лекари и лекарки

Народная фармакопия у армян учит составлять как обыкновенные так и массу фантастических лекарств, вошедших даже в старинные лечебники, вроде вороньего жира, большого количества помета от удода, которого нельзя найти, волчьей желчи и пр. Такие лекарства прописывают местные лекари в исключительных случаях, когда замечают безуспешность своего лечения и

---

[1] *Под лобной надписью подразумеваются швы, соединяющие височные и теменные кости с лобной костью. У татар эта надпись называется баш-язы (письмо головы)*

[2] *Жертвоприношение у армян заключается в зарезании барана или крупного рогатого скота и в раздаче соседям и бедным мяса.Придавая христианское значение этому полезному остатку язычества, обыкновенно перед зарезанием животного дают ему есть освященную соль*

[3] *Синяки, появляющиеся на теле холераго больного, приписывают этому удару*

плохое состояние больного. Составляют или приготовляют лекарства сами лекари или лекарки как по старинным лечебникам, так и на память на основании своей практики.

Главными лекарями в армянских селениях являются татарские муллы, цирюльники и опытные в деле врачевания женщины. Муллы, странствующие по армянским селениям в качестве врачей лечат, главным образом, писанием разных кабалистических знаков и слов на бумажке для привешивания на шее больного, или для смачивания в воде, с целью придания ей целебного свойства. Но встречаются и такие муллы, которые лечат больных и лекарствами, всегда имеющимися при себе в виде разных трав, самодельных мазей, пилюль и пр. Действие цирюльников в селениях ограничивается ставкой пиявок и кровавых банок или рожков и пусканием крови. Медицина не отвергает, как известно, полезности этих средств, конечно, лишь в определенных случаях, но цирюльники пускают в дело эти средства без разбора почти при каждой болезни, даже при головной боли, глазных болезнях и пр. Кстати, заметим здесь, что деревенские жители, как из армян, так и из татар убеждены, что кровь человека в течение года портится и для очищения ее признается необходимым хотя бы раз в год пускать из руки кровь[1], или ставить на затылке рожки, что делается обыкновенно в мае месяце и то в дни, указанные для этого в снотолкователе. Цирюльники уверяют, что кто раз поставил рожки или пустил кровь, он должен исполнять это ежегодно, иначе заболеет от порчи крови. Помимо кровопускания тем или другим способом, цирюльники занимаются и выдергиванием зубов, а также ставкой клистиров.

Более мудрыми лекарями считаются женщины, среди которых встречаются очень опытные, в особенности, в врачевании ран, язв и некоторых глазных болезней, а также в приготовлении мазей для лечения ран. Искусство таких женщин переходит обыкновенно по наследству к их дочерям или невесткам, смотря кто из них окажется способной удержать в памяти рецепты лекарств против тех или других болезней, так как не существует по этому вопросу письменных документов, да и не встречается грамотных женщин. Однако к лекаркам, так же как и другим народным медикам, занимающимся своим делом обыкновенно с особенной таинственностью, население обращается лишь в крайних случаях, когда перепробывают все общераспространенные средства, известные почти всем женщинам. Лекарства, прописываемые такими лекарками, часто действуют очень удачно, но благодаря невежеству их в диагностике, в распознании рода одной и той же болезни и трудности для выяснения причины осложнения болезни и пр., нередко получаются от их лечения отрицательные результаты. Немало встречается лиц, которые ослепли, благодаря лечению доморощенных лекарей. Однако и в этом случае, т.е. в случае ухудшения здоровья больного и даже смерти его народ не обвиняет лекарей, а приписывает плачевные результаты той же всесильной судьбе-тчакатагиру. Заметим здесь, что жители и даже сами лекари убеждены в силе природы, которая будто сама найдет лекарство против болезни, если на то будет воля Бога, а потому дают больному все: всевозможные кушанья, фрукты, напитки и пр., надеясь на благоприятное воздействие на болезнь какого-нибудь из этих съедобных продуктов. Заметим также, что при посещении больного посторонними принято подносить ему какие-нибудь фрукты: яблоки, груши, гранат, айву и пр., считая возможным вылечить больного каким-нибудь из этих плодов, если только он сам пожелает кушать, так как полагают, что в этом случае действует не сам больной, а природа, которая мудрее всех мудрецов и лекарей мира.

К числу лекарей в деревнях принадлежат и костоправы, и специалисты-операторы. Последние являются большей частью из Персии и занимаются операциями при глазных и каменных болезнях. Костоправы же, называемые татарским словом снигчи, встречаются везде, и большая часть их пользуется заслуженной славой в ловкости и опытности в перевязке переломов и вывихов.

---

[1] *Обыкновенно пускают кровь из вены внутренней стороны предплечья, с места соединения предплечевой кости с плечевой*

Лечение болезней

У местных лекарей и лекарок, да и вообще, в народе болезни носят общие названия, без разделения одной и той же болезни на роды и формы, как например, *болезнь живота, головная боль, язва* и пр., а потому и лекарства носят общие названия: лекарство против боли живота, мазь для лечения язв, лекарство для глазных болезней и пр. Поэтому в нижеприведенном описании лечения болезней указаны общие названия болезней без разделения их на виды и формы в строго медицинском смысле, да это и невозможно, так как ни лекари, ни сами больные не в состоянии определить в точности роды болезней. Описание болезней ради определенности мы приводим по уездам.

1) Лечение болезней в Ахалкалакском уезде

Боль в животе (порацав-փորացավ). Против этой болезни принимают следующие меры: нагревают глиняную покрышку котла и, обернув ее в тряпку, кладут на живот больного; сварив дикорастущий щавель (авелук-ավելուկ) кладут в горячем виде на живот больного.

Геморрой (т (th)анчк(q), т(th)ут(th)к(q), маясил-թանչք, թուլթք, մայեասիլ). Против геморроя с шишками употребляют следующее средство: наливают на нагретый кирпич немного кислого молока (матцун-մածուն), сбитого с порошком медного купороса (капуйт к(q)ar-կապույտ քար) и больной держит заднюю часть над парами этого средства; намазывают льняным маслом (ктвах(th)атидзет-կտուաhատի ձէթ) и осыпают сверху порошком углекислой окиси свинца (снгуйр-սնգոյր).

Глухота (хлут(th)юн)-խլություն). Нагревают докрасна нож и, держа его у уха, наливают на него прованского масла (дзет(th)-ձէթ), которое, нагреваясь, вливается в ухо; втыкают кусочки ладана (хунк-խունկ) в яблоко (хндзор-խնձոր) и пекут это последнее в духовой печи, а затем, разрезав пополам, и половинку его в горячем состоянии прикладывают к уху.

Головная боль(глхацав-գլխացավ). Против головной боли принимают следующие меры: на мокрую тряпку намазывают густой отвар плодов кизила (х(h)ун-հուն) или алычи (ալուչայ) и кладут на лоб. В нос втягивают немного уксуса (к(q)ацах-քացախ), на голову наливают водку и трут рукой, кладут на лоб лук с солью.

Горячка (джерм, так(q)ут(th)юн-ջերմ, տաքութիւն). Крошат в уксус лук (сох-սոխ) и кипятят, а затем натирают этой жидкостью тело больного.

Замораживание (черти тарац-ցրտի տարած). Если заморожены части рук или ног, то растапливают черную смолу или варь (купр-կուպր) и наливают в ямку, куда кладут замороженные части ног или рук. Эта операция повторяется до тех пор, пока замороженные части не приобретут чувствительность.

Запор (поркапут(th)юн-փորկապություն). Поджаривают косточки маслины и толкут вместе с кофе, а затем, выварив их до густоты и намазав эту кашицу на тряпку, кладут на живот.

Зубная боль (атамнацав-ատամնացաւ). Гвоздичное масло (механи юг-մեխակի յուղ) смешивают с водкою (оги-օղի) и полоскают этой смесью рот. Толкут растение хелар жах (խելար-ժախ) (см. в списке арм. слов) и кладут на больной зуб. Поджарив зерно волоцкого ореха (инкуйз-ընկույզ), кладут на зуб и придавливают зубом другой челюсти. Выступившее масло, попав на больной зуб, несколько успокаивает боль. Приготовляют отвар из корней терна (мамух-մամուխ) и полоскают рот этим отваром, смешав с водкою немного толченого английского перца (пхпех-պղպեղ), наливают несколько капель этой жидкости на вату, прикладывают к больному зубу. Смачивают вату в спирте (алк(q)ох(h)ол-ալքոhոլ) и кладут на больной зуб. Смешивают с медом (мегр-մեղր) порошок железного купороса (арджасп, заг, задж-արջասպ, զաղ, զաջ) и,

растерев хорошенько ложкой, мажут этим средством щеку, отчего она пухнет и боль зуба успокаивается.

Кашель (х(h)аз-հազ). Намазывают на тряпку свечного сала (тчарп, тчрагу-ճարպ, ճրագու) и прикладывают к груди. Держат вату над дымом ладана и когда она достаточно нагревается, тогда его укладывают на грудь. По утрам пьют сырое (ненагретое) молоко. Вываривают плоды унаба (ունաբ) или инжира (т(th)уз-թուզ) в молоке и пьют этот отвар и едят сами плоды, едят леденец (сарушак(g)ар, пагшак(q)ар-սառուշաքար, պաղ շաքար).

Кровотечение (арьюнах(h)осут(th)ьюн-արիւնահոսութիւն). Для остановления крови на обрезанное место посыпают немного золы от синей тряпки (окрашенной индийскими синиками), прикладывают тертый картофель.

Лихорадка (дог, тенд-դող, տենդ). В стакан козьего молока вливают 5-9 капель сока молочая (ишу кат(th)нук-իշու կաթնուկ) и пьют натощак (это средство употребляют и для вызывания рвоты); кусок кожи ежа бросают на огонь, и больной, укрыв голову свою платком, наклоняется над дымом этой кожи и втягивает его в себя. Сбивают желток яйца в водке и принимают это лекарство по утрам натощак[1].

Мозоли (блит(th)ен, машки кошт-բլիթեն, մաշկի կոշտ). После бани прикладывают мастику или саккиз (тцамон-ծամոն), употребляемый для жеванья, или смесь саккиза и воска, смешивают со смолой воск (меграмом-մեղրամոմ) и кладут на мозоль.

Молочница у детей (кат(th)наснкахт-կաթնասնկախտ). Натирают золой из веток ивы (урени-ուռենի) и чесноком (схтор-սխտոր) лоб, ноздри, губы и кисти рук ребенка[2].

Насморк (х(h)арбух-հարբուխ). В нос втягивают уксус[3].

Ногтоед (матнашурт(th), ктцип-մատնաշուրթ, կծիպ). Спинной мозг бычка или барана намазывают на тряпку и кладут на больной палец, меняя это средство ежедневно, утром и вечером.

Ожог (айруватцк(q), кизуватцк)-այրուածք, կիզուածք). Обожженное место (огнем или горячей водой) смазывают нетопленым коровьим маслом (караг-կարագ) вместе с воском.

Опухоль (уруйцк(q)-ուռուցք. Для вылечивания опухоли ноги или руки толкут семена кресс-салата (котем-կոտեմ) и из них делают кашицу, смешав с водой, а затем эту кашицу на тряпке кладут на опухшее место. Прикладывают к опухшему месту тертую морковь (газар-գազար). При опухании паха прикладывают к опухшему месту мазь из спинного мозга бычка или барана, в коей растирают муку плодов пшата (փշատ-плодовый лох), меняя эту мазь ежедневно утром и вечером. При опухании мошонки намазывают на тряпку толченую маслину и прикладывают к опухоли, меняя раза два в день. Растирают листья и стебли растения повителя (пататук-պատատուկ) в курдючном сале (дмаки юг-դմակի յուղ) и эту мазь прикладывают к опухшей мошонке, меняя два, три раза в день. Против опухоли женских грудей употребляют мазь из

---

[1] *Употребляют против лихорадки и следующее суеверное средство: на шести частичках волоцкого ореха пишут армянские буквы ш, и, ш, п, ш, ծ, которые, если расположить в этом порядке, то выйдет «Астуватц» (Бог). Затем при начале пароксизма укладывают означенные половинки ореха так, чтобы можно было читать имя Бога, и больной, входя в холодную воду, начинает жевать сперва первую частичку ореха (с буквой ш), а потом и другие частички по порядку. Кстати скажем, что лечение холодной водой лихорадки практикуется у армян почти везде в Закавказье с древнейших времен. Имеется масса родников, в особенности в Эриванской губернии, в которых купаются больные. Такие родники называются у армян догцоци агбьюр (դողցոցի աղբիւր), а по татарски-кздырма, что означает родник лихорадки*

[2] *Против этой болезни употребляют еще следующее суеверное средство: несут хлеб и сыр и молча кладут перед седельщиком или шорником. Тот, поняв значение этого, принимает это приношение и на место его кладет вырезанный в виде луны кусочек кожи. Этот кусочек кожи пришивают к шапке ребенка*

[3] *По понятиям жителей Ахалкалакского уезда насморком заболевают тогда, когда появляется на свет незаконорожденный ребенок. Для лечения этой болезни больной должен высморкаться в тряпку и, завернув ее с несколькими медяками, бросить на улицу. Говорят, нашедший этот узелочек заболеет той же болезнью, а бросивший его вылечится. При встрече с больным насморком, чтобы не заразиться, говорят գախչէն կուգամ գլոխս այրուած է- "из мельницы иду, голова моя покрыта мукой"*

порошка мыла (сапон-սապոն), растертого в желтке яйца. На опухшие подчелюстные железы детей кладут тесто из пшеничной муки на свежем нетопленом коровьем масле, намазав на тесто предварительно немного меду. Против обыкновенных опухолей на разных частях тела употребляют еще следующие средства: в вино (гини-գինի) крошат мякиш хлеба, выпеченного на дрожжах и, выварив хорошенько, кладут эту густую массу на опухшее место и подвязывают тряпкой. Вываривают ячменную муку в воде, накрошив туда немного полыни (ошиндр-օշինդր) и, намазав эту массу на тряпку, кладут на опухшее место.

Отравление (т(th)унаворут(th)ьюн-թունավորություն). Для вызывания рвоты у отравленного дают ему пить отвар отрубей пшеничной муки с порошком угля. Смешивают порошок угля из дуба или ореха с топленым маслом и дают отравленному пить, отчего появляется рвота.

Перелом (воскрабек-ոսկրաբեկ). Сперва выправляют кости сломанной части, а потом кладут на перелом следующие средства: смазывают на тряпку мазь, приготовленную из шреши (շրեշ-порошок из корней растения Orchila L.) с белком яйца, или же из квасцов (шип-շիպ) и белка яйца и перевязывают этой тряпкой перелом. Смочив сахарную бумагу в воде или в спирте, посыпают на него немного порошка ладана и обертывают перелом этой бумагой (средство это называется яху-եախու), приставив кругом дощечки и обвязав бинтом. На тряпку намазывают черную смолу, посыпав сверху немного английского перца, и обертывают этой тряпкой перелом, приставив кругом дощечки и обвязав бинтом.

Площица или тельная вошь (цайлоджил-ցայլոջիլ, чужеядное насекомое Pediculus pubis). Для уничтожения этого насекомого на теле принимают следующую массу: обращают в порошок киноварь (хрук-խրուկ, кинабарис-կինաբարիս) и, смешав с хиной (см. в списке арм. слов), растирают эту смесь в слюне. Затем эту массу кладут на кусочек коры ореха или дуба и сжигают на огне, а заразившийся площицами раздевается и, укутавшись в простыне, становится так, что дым от горения указанного вещества действует на тело, отчего насекомые уничтожаются. Дым этот, как от ртутного состава, вредно действует на десна, а потому для избежания отравы при производстве данного лечения берут в рот воды.

Понос (порах(h)аринк(q), канитч-փորահարինք, կանիճ). Насыпав на вареное яйцо немного порошка чернильных орешков (гхтор-գխտոր), дают кушать больному натощак. Косточки кизила обращают в порошок и вываривают в воде, а затем дают больному пить несколько раз этого отвара. Пьют отвар из сушеных листьев инжира. Едят сваренный сушеный персик (дегдз-դեղձ). Поджаривают косточки кизила и, приготовив из них род кофе, дают это последнее больному пить.

Проказа (бор-բոր). Для лечения проказы берут по равной части серы (тцтцумб-ծծումբ) и пороха (варод-վառոդ), толкут их в порошок, затем смешивают этот порошок с таким же количеством свежего коровьего масла и в день раз мажут этой мазью язву, стараясь держать прокаженную часть в тепле.

Рана (верк(q)-վերք). Кладут на рану листья подорожника (езанлезу, гарналезу-եզանլեզու, զառնալեզու). Вываривают овечью шерсть в черной смоле (сев дзют-սև ձիւթ) и кладут на рану, перевязав ее тряпкой.

Рвота (пхсумн-փխսումն). Для остановления рвоты пьют отвар семян кишнеца (гиндз-գինձ).

Течение гноя из уха (шаравагнацут(th)ьюн аканджиц-շարաւազնացութիւն ականջից). Толкут листья конопли (канеп-կանեփ) и сок из них выжимают в ухо. Толкут цветки тысячелистника (бардзменак-բարձմենակ) вместе с квасцами и сок из этой массы выжимают в ухо. Толкут листья моркови и выжимают из них сок в ухо.

Ужаль змеи (одзи ктцатц-օձի կծած). Увязав выше ужаленного места ремнем для препятствования распространения яда по крови, прикладывают к ранке немного толченого эстрагона (т(th)архун-թարխուն). Это средство, говорят, вытягивает из ранки яд.

2) Лечение болезней в Шушинском уезде

Бессонница (анк(q)нут(th)ьюн-անքնություն). Вываривают в воде корку мака (хажхаж-խաժխաժ) и пьют этот отвар[1].

Боль в животе (порацав-փորացավ). Кладут на живот нагретый кирпич, облитый нефтью.

Боль в мускулах (мканацав-մկանացավ). Прикладывают к больным местам битое свежее мясо.

Болезни глаз (ачкацав-աչքացավ). Вливают в глаз каплю молока женщины, у которой ребенок женского пола. При воспалении глаза прикладывают к глазу на тряпке желток яйца, сбитый с квасцами.

Воспаление рта и языка (берани борбок(q)умн-բերանի բորբոքումն). Берут в рот кусочек квасцов (слюну выплевывают). Жгут и толкут квасцы, а затем, смешав с толченым желтым леденцом, посыпают на язык. Сжигают голову рыбы тарех (տառեխ род селедки, вылавливаемой в Ванском озере) и, обратив ее в порошок, посыпают этим порошком язык.

Глухота (хлут(th)ьюн-խլություն). Сваривают растение хор (խոռ-Acorus Calamus L.) и прикладывают к уху.

Головная боль (глахцав-գլխացավ). Натирают голову уксусом, предварительно растерев в нем немного горчицы (мананех-մանանեխ), сваривают в моче (мэз-մէզ) яйцо и прикладывают его к голове. Ставят на лоб пиявки (тзрук-տզրուկ).

Запор (поркапут(th)ьюн-փորկապություն). Пьют отвар александрийского листа (синамак(q)-սինամաքի).

Зубная боль (атамнацав-ատամնացավ). Прикладывают к зубу кусочек чеснока. Прикладывают поджаренное зерно волоцкого ореха и придавливают зубом другой челюсти, чтобы выступило масло. Прикладывают гвоздику, на вату наливают две - три капли гвоздичного масла и кладут на больной зуб. Обжигают квасцы в кусочке старой ваты и порошком этой смеси на вате прикладывают к больному зубу.

Кашель (х(h)аз-հազ). Пьют чай из высушенных цветков фиалки (манушак-մանուշակ). Вываривают в воде семена айвы (серкевиль-սերկևիլ) и пьют этот отвар. Солят и сушат корень салеп (սալեպ-Radix salen, корень растения Orchis mascula L), а затем варят вместе с чаем и пьют.

Колотье в боку (кохк(q)и такоц-կողքի ծակոց). Нагревают соль, просо или отруби и, насыпав в мешочек, кладут этот последний на бок.

Кровотечение (арьюнах(h)осут(юн)- արյունահոսություն). Если кровотечение происходит из носа, то соскабливают гребешок из слоновой кости и нюхают этот порошок. Втягивают в нос холодной воды.

Мозоль (блит(th)ен, машки кошт-մաշկի կոշտ). Растворяют в воде соль и квасцы и моют этой водой мозолистую часть. Обмазывают мозоль хиной (х(h)ина-հինայ, см. в списке арм. слов), приготовленной на желчи скота.

Насморк (х(h)арбух-հարբուխ). Обдают нос дымом обожженной тряпки. Пьют окисленную сыворотку (т(th)ан-թան)

---

[1] *Во многих местах для вызывания сна у грудных детей дают им отвар семен мака в молоке. Дети сильно привыкают к этому средству*

Ногтоед (матнашурт(th, ктцип-մատնաշուրթ, կծիպ). Для нагноения ногтоеда прикладывают слой печеного лука. Прикладывают пресное тесто из пшеничной муки.

Ожог (айруватцк, кизуватцк-այրվածք, կիզուածք). Намазывают обожженное место свежим коровьим маслом и сверху посыпают порошком индийской конопли (канеп х(h)нди-կանեփ հնդի). Делают тесто на желтках яйца и, высушив его и обратив в порошок, посыпают этим порошком обожженное место.

Опухоль щеки (айтуруйцк(q)-այտուռուցք). Смешав вместе толченый кашнец (гиндз-գինձ), растение гюльхатни-գյուլխատնի-Althaea officinalis L.) и глину (х(h)айкав- հայկար-Bolus Armenia) прикладывают эту массу к опухшей шеке.

Останавливание мочи (мизаргелут(th)ьюн-միզարգելություն). Дают пить отвар из корней сельдерея (нехур-նեխուր); вываривают отруби или немытую шерсть и горячим кладут на живот.

Понос (порах(h)аринк(q), канитч) (փորահարինք, կանիճ), Пьют сок граната (нран джур-նռան ջուր); едят плоды кизила.

Порез (ктруватцк(q)-կտրուածք). Прикладывают к порезу паутину. Посыпают золы от жженой тряпки. Растапливают свечное сало и нефть (навт(th)-նավթ) и, намазав на тряпку, прикладывают к порезу, обвязав тряпкой. Толкут люцерну (арвойт-առուոյտ) и прикладывают к порезу.

Потение ног (вотнери к(q)ртнумн-ոտների քրտնումն). Моют ноги соленой водой. Растворяют в воде квасцы и моют ноги этим раствором.

Ревматизм (х(h)одацав-հոդացավ). Больные места мажут медвежьим салом и трут руками до высыхания.

Увеличение селезенки (пайтцаги атчумн-փայծաղի ատումն). Прикладывают снаружи к месту, где селезенка, кусок свежей кожи осла; привязывают распоротую свежеубитую черную ворону.

Ужаль змеи (одзи ктцатц-օձի կծած). Сперва сейчас же после ужаления крепко обвязывают ремнем или веревочкой немного выше ужаленного места, а потом бритвой разрезают ранку и высасывают кровь, после чего обмазывают кислым молоком (матцун-մածուն). Наливают в таз сбитое кислое молоко (т(th)ан-թան) и держат ужаленную часть тела в этой жидкости

Укус бешеной собаки (катагатц-կատաղած շան կծած). На ранку кладут одно зерно фасоли (лоби-լոբի) или немного собачьей шерсти и подвязывают бинтом.

Холера (х(h)ндахт-հնդախտ). Пускают из вены руки кровь.

Чахотка (баракацав п(th)ок(q)ахт-բարակացավ, թոքախտ). Дают пить водку, выкуренную из корней ожины (мош-մոշ).

Чесотка (к(q)ос-կոս). Трут в воде золотую монету и льют эту воду на тело, а потом укутывают в красную шелковую простыню.

Чири (кайтцурык-կայծուռիկ). Для созревания опухоли кладут на нее тесто из пшеничной муки и кислого молока.

Шум в ухе (аканджи хшшоц- ականջի խշշոց). Прикладывают к уху кусочек войлока, обмазанный желтком яйца.

3) Лечение болезней в Зангезурском уезде

Бобон в пахе (хиарук-խիարուկ). Вываривают несколько штук семян клещевины (тзках(h)ату серм-տզկահատի սերմ) и немного льна в стакане молока и все это смешивают со сваренной мальвой (пиперт(th)-փիփերտ), а затем, нагрев немного, прикладывают к бобону, отчего он смягчается и созревает. Для очищения же от гноя и заживания бобона употребляют мазь,

приготовляемую из ячменной муки, клещевинного масла. (тзках(h)ати дзет(th)-տզկահատի ձէթ) и желтка яйца.

Бородавка (кортнук-կորտնուկ). Нарезают трут (абет(th)-աբէթ)по величине бородавки конусообразно и, положив его на бородавку, зажигают. От нагревания бородавка высушивается и трескается, а затем через три- четыре дня выпадает.

Боль в боку (кохк(q)ацав-կողքացաւ). Прикладывают на бок нагретую соль или нагретое просо в мешочке.

Боль в животе (порацав-փորացավ). В рюмку водки насыпают немного английского перцу и дают больному пить. Пьют чай, приготовленный из имбиря (котчгапхпех-կոճղապղպեղ), корицы (кинамон-կինամոն) и английского перца (пхпех-պղպեղ).

Боль в костях (воскрацав-ոսկրացավ). Земляные черви вываривают в льняном масле до разваривания их и потом, выцедив это масло, натирают им больные места. В большую бутыль с двумя фунтами воды насыпают 2 фунта негашеной извести (анмар кир-անմար կիր), ½ фун нашатыря (анушадр-անուշադր) и 2 зол. камфоры (к(q)афур-քաֆուր) и взбалтывают, а потом по остывании к этой смеси прибавляют ½ фун. льняного масла и употребляют этот состав как натирание: мажут больные места чистым скипидаром (бевекни хэж-բևեկնի խէժ); принимают горячую ванну из отвара цветков бузины (хндегн, т(th)андрувени-խնդեղն, թանդրուենի).

Геморроой (т(th)анчк(q), т(th)ут(th)к(q), маясил-թանչք, թութք, մայեասիլ). Срезают шишки и мажут свежим коровьим маслом, смешанным с сулемой (сулумэн-սուլումէն), при геморрое не едят молочного.

Глазные болезни (ачкацав-աչքացավ). В больной глаз впускают каплю молока женщины, у которой ребенок женского пола. Намачивают в молоке такой же матери кусочек ваты и кладут на больной глаз. В чистой посуде сжигают ладан и уголь эти вместе с тростниковым сахаром обращают в порошок и посыпают в больной глаз. В воспаленный глаз пускают каплю отвара из корней барбариса (котцахури армат- կոծախուրի արմատ). При утолщении век вливают в глаз каплю сока лука, моют глаз мочою. Прикладывают к глазу кусочек теплого легкого барана.

Головная боль (глхацав-գլխացավ). Стригут волосы и голову обертывают куском красной бязи, намазанным белком яйца с квасцами; кладут ноги в горячую воду, пускают кровь со лба. Обмочив в уксусе куски редьки (бохк-բոռկ), прикладывают к голове и обвязывают; убитую ворону разрезают пополам и кладут на голову, обвязав платком.

Горловые болезни (бкацав-բկացավ). Сваривают в молоке семена льна и прикладывают к передней части шеи, обвязав платком. Полоскают рот уксусом, смешанным с водой. Едят кислые, но легко перевариваемые кушанья. При дифтерите дают больному пить нар шараби (вываренный до густоты сок граната). Мякиш белого хлеба смачивают в молоке и, приложив к передней части шеи, подвязывают платком. На темя ставят пиявки, или пускают с этого места кровь.

Горячка (джерм, так(q)ут(th)ьюн-ջերմ, տաքութիւն). Дают пить молоко из семян арбуза (дзмеруки серм- ձմերուկի սերմ), огурцов (варунги серм-վարունգի սերմ), тыквы (ддуми серм-դդումի սերմ)и клещевины (тзках(h)ати серм, տզկահատի սերմ); во время горячки больного заставляют окунуться в реке, а потом укутывают его в одеяло с целью вызвать пот.

Зубная боль (атамнацав-ատամնացավ) на вату насыпают немного порошка сахара в смеси с порошком красного перца (тцитцак-ծիծակ) и кладут на больной зуб. Полоскают рот водкой; кладут на больной зуб кусочек чеснока и придавливают зубом другой челюсти.

К(q)ркитч (քարկիճ-небольшой нарост, который образуется на ногах от хождения босым и впоследствии переходит в местное гангренозное воспаление). Для смягчения к(q)аркитча кладут

на него кусочек теста, или прилипший к плошке остаток от употребляемого на освещение льняного масла, а по смягчении прокалывают иголкой и выпускают гной.

Кашель (х(h)аз-հազ). Вываривают вместе немного тростникового сахара, плодов унаба (ունաբ), семян айвы и цветков фиалки и пьют этот отвар. Едят сушеные плоды фиги.

Мозоль (блит(th)ен, машки кошт-բլիթեն, մաշկի կոշտ). Приготовляют тесто из хины (см. в списке армянских слов) на бычачьей желчи и прикладывают кусок этого теста на мозоль.

Насморк (х(h)арбух-հարբուխ). Холодной водой моют шею. Втягивают в нос спирт, в котором растворяют предварительно немного квасцов и канфоры. После появления пота пьют кипяченное вино.

Ногтоед (матнашурт(th), ктцип-մատնաշուրթ, կծիպ). При опухании руки от ногтоеда кладут на опухшее место сваренную вместе с мякишем хлеба мальву. По созревании ногтоеда прокалывают его булавкой и выпускают гной, а затем прикладывают мазь из тертого простого мыла и свежего коровьего масла, примешивая иногда к этим веществам желток яйца.

Ожог (айруватцк(q), кизуватцк(q)-այրուածք, կիզուածք). Обмазывают обожженное место чернилами, или жидкой глиной. Обмазывают кислым молоком, а также слюной.

Опухоль яичек (амордзик(q)и уруйцк(q)-ամորձիքի ուռոյցք). Смешивают 6 зол. квасцов с ½ зол. прованского масла и мажут этим средством мошонку. Настаивают на спирте ниточки кукурузы (екиптацорени мазмзук-եգիպտացորենի մազմզուկ) и, намочив тряпку в этом настое, обвертывают ею мошонку.

Понос (порах(h)аринк(q), канитч-փորահարինք, կանիճ). Едят кислое молоко (матцун, մածուն). Пьют сыворотку (т(th)ан-թան).

Солитер (еризавордн, пори тчитчу-երիզավորդն, փորի ճիճու). Дают кушать с медом цытварное семя (тчатвар-ճատվար); едят семена тыквы.

Сифилис (вавашахт, франги верк (q)-վավաշախտ, ֆրանգի վերք). При этой болезни сбривают голову. Растирают в свежем масле сулему и на вате кладут на язву. Растирают в розовой воде-глюбали (вардаджур-վարդաջուր) хину (см. в списке арм. слов) и немного сабура (х(h)алувэ-հալուէ) и мажут этим средством голову (при появлении прыщиков). По утрам принимают с сахаром пол- ложечки порошка серы. Смешав ртуть (сндик-սնդիկ) с хиной так[1], чтобы она соединилась с последней в виде теста, делают из него шарики и сушат, а затем шарики эти сжигают на огне, а больной, раздевшись наголо и, накинув на себя простыню, становится над огнем и обдает себя этим дымом. Принимают ванну из отвара листьев ореха. Готовят отвар из 5 золот. квасцов 1 фун. дубовых листьев (кагну терев-կաղնու տերև) и 1 зол. корки граната (нран ктчеп-նռան կճեպ) и этим отваром больной полоскает рот.

Трипер (сусанак-սուսանակ). В бутылку водки в 86° всыпают 8 зол. копайского бальзама (баласан копаи-բալասան կոպայի), 5 зол. селитры (борак-բորակ) и принимают три раза в день по рюмке этого средства.

Трещина черепа (глхи тчехк(q)-գլխի ճեղք). Вываривают вместе по равной доле льняного и свежего коровьего масла с порошком ладана и, растерев их в мазь, кладут на ранку.

Увеличение селезенки (пайтцаги отчумн-փայծախի ուռումն). Намазывают на собачью лопатку мед и бьют этою лопаткою по месту, где находится селезенка. Пугают больного, вдруг нападая на него с оружием.

Ужаль змеи (одзи ктцатц-օձի կծած). Мажут ранку кислым молоком (матцун).

---

[1] *Как армянки, так и татарки Закавказья при окрашивании волос хиной смешивают с последней немного ртути для уничтожения паразитов головы*

Ушная боль (аканджацав-ականջացաւ). Вываривают в прованском масле немного английского перцу и гвоздики, небольшой кусочек камфоры, один ноготок чеснока и желчь одного барана и по остывании вливают в ухо по несколько капель из этого средства.

Чахотка (баракацав, тог(g)ахт-բարակացավ, թոքախտ). По утрам дают больному пить горячее молоко, смешанное с щепоткой толченых семян укропа (самит(th)-սամիթ). Смешивают с горячим молоком щепотку корицы и по утрам дают больному пить. Купают больного в теплой воде. Дают больному кушать бульон, приготовленный из мяса собачонки. Дают больному по чайной ложке в день раз порошок, приготовленный в высушенной в печи голове собаки с корицою и гвоздикою. Дают больному кушать мед.

Чесотка (к(q)ос-քոս). Толкут зерна волоцкого ореха и обливают крепким уксусом, потом употребляют этот состав для лечения чесотки, натирая им тело больного.

Шум в ухе (аканджи хшшоц-ականջի խշշոց). Прикладывают к уху половинку печеного горячего яйца. Обливают голову горячей водой.

Армянские названия болезней и веществ, входящих в состав лекарств.

Абэт (աբէթ) - трут (Fungus igniarius-из растения Polyporus fomentarius Fries).

Авелук (աւելուկ)-щавель дикий (Rumex Acetosa L.).

Айруватцк(q) (այրուածք)-ожог.

Айтуруйцк(q) (այտուռոյցք)-опухоль щеки.

Аканджацав (ականջացաւ)-ушная боль.

Аканджи хшшоц-(ականջի խշշոց)-шум в ухе.

Алк(q)ох(h)ол-(ալքոհոլ)-спирт (Alcohol).

Алыча (ալուչայ)-род сливы (плоды дерева Prunus insititia L.).

Аморозик(q)и уруйцк(q) (ամորձիքի ուռոյցք)- опухоль яиц.

Анк(q)нут(th)ьюн (անքնություն)-бессонница.

Анмар кир (անմար կիր)- негашеная известь.

Анушадр (անուշադր)-нашатырь (Ammonium chloratum).

Арвойт (առուոյտ)-люцерна (Medicago L.).

Арджасп (արջասպ)-железный купорос (Ferrum sulfuricum oxydulatum).

Арьюнах(h)осут(th)ьюн(արյունահոսություն)-кровотечение.

Атамнацав (ատամնացաւ)- зубная боль.

Ачк(q)ацав (աչքացավ)-глазные болезни.

Баласан копаи (բալասանն կոպայի)-копайский бальзам (Balsamum Copaivae).

Баракацав (բարակացաւ)-чахотка.

Бардзменак (բարձմենակ)-тысячелистник (Achillea millefolium L.).

Бевекин хэж (բևեկին խէժ)-скипидар (Oleum Terebinthinea).

Берани борбок(q)умн (բերանի բորբոքումն)-воспаление рта.

Бкацав (բկացավ)- болезни горла.

Блит(th)ен (բլիթեն)-мозоль.

Бохк (բողկ)-редька (Raphanus sativus L.).

Борак (բորակ)-селитра (Kali nitricum).

Бор (բոր)-проказа.

Вавашахт (վավաշախտ)-сифилис.

Вардаджур (վարդաջուր)-розовая вода (Aqua Roserum).

Варод (վառոդ)-порох (Pulvis pyrius).
Варунги серм (վարունգի սերմ)-семена огурцов.
Варунг (վարունգ)-огурец (Cucumis sativus L.).
Верк(q) (վերք)-рана, язва.
Воскрабек (ոսկրաբեկ)-перелом.
Воскрацав (ոսկրացավ)-боль в костях.
Вотери к(q)ртнумн (ոտերի քրտնումն)-потение ног.
Газар (գազար)-морковь (Daucus Carota L.).
Гарналезу (գառնալեզու)- см. Езанлезу.
Гиндз (գինձ)- кишнец (Coriandrum sativum L.).
Гини (գինի)-вино.
Глхацав (գլխացավ)-головная боль.
Глхи тчехк(q)-(գլխի ճեղք)-трещина на голове.
Гхтор (գիտոր)-чернильный орешек (Gallae turticae).
Гюльхатни (գիուլխատնի)-Althaea officinalis L. .
Ддуми серм (դդումի սերմ)-семена тыквы.
Ддум (դդում)-тыква (Cucurbita Pepo L.).
Дегдз (դեղձ)-персик (плоды дер. Persica vulgaris Mill.).
Джерм (ջերմ)-горячка.
Дзит(th)аптуг(ձիթապտուղ)-маслина (плоды дерева Olea europaea L.).
Дзмеруки серм (ձմերուկի սերմ)-семена арбуза.
Дзмерук (ձմերուկ)-арбуз (Cucurbita Citrullus L.).
Дзэт(th) (ձէթ)-прованское масло (Oleum Olivarum provinciale).
Дмаки юг (դմակի յուղ)-курдючное сало.
Дог (դող)-лихорадка, озноб.
Езанлезу (եզանլեզու)-растение Anchusa officinalis L.
Екиптацорени мазмазук (եգիպտացորենի մազմզուկ)-ниточки кукурузы (Filamentae, Stygmatae).
Еризавордн (երիզաորդն)-солитер.
Заг (զաղ)-см. Арджасп.
Задж (զաջ)- см. Арджасп.
Инкуйз (ընկոյզ)-волоцкий орех (плоды дерева Juglans regia L.).
Ишу кат(th)нук (իշու կաթնուկ) - молочай (Chelidonium L.).
Кагну терев (կաղնու տերև)-дубовые листья.
Кайтцурык (կայծուռիկ)-чири, веред.
Канеп (կանեփ)-конопля (Cannabis sativa L.).
Канеп х(h)нди (կանեփ հնդի)-индийская конопля (Cannabis indica).
Канитч (կանիճ)-см. Порах(h)аринк(q).
Капуйт к(q)ар (կապույտ քար)-медный купорос (Cuprum sulfuricum).
Караг (կարագ)-нетопленое коровье масло.
К(q)аркитч (քարկիճ)-род переходящей в гноение мозоли, образующейся на ногах вследствие босого хождения и забивания в трещинках ноги песчинок.
Катагатц шан ктцатц (կատաղած շան կծած)-укус бешеной собаки.

Кат(th)наснкахт (կաթնասնկախտ)- молочница у детей.
К(q)афур (քաֆուր)-камфора (Camphora).
К(q)ацах (քացախ)-уксус (Acetum commune).
Кизуватцк(q)- (կիզուածք)-см. Айруватцк(q).
Кинабарис (կինաբառիս)-см. Хрук.
Кинамон (կինամոն)-корица (Cortex Cinnamomi Cassiae).
Кохк(q)ацав-(կողքացավ)-боль в боку.
Кохк(q)и тцакоц (կողքի ծակոց)-колотье в боку.
Кортнук (կորտնուկ)-бородавка.
К(q)ос (քոս)-чесотка.
Котем (կոտեմ)-кресс-салат (Lepidium sativum L.).
Котчгапхпех (կոճղապղպեղ)-имбирь (Zingiber officinale Roscoe).
Котцахури армат (կոծախուրի արմատ)- корень барбариса.
Котцахур (կոծախուր)-барбарис (Berbeis vulgaris L.).
Ктруватцк(q) (կտրուածք)-порез.
Ктувах(h)ати дзет(h)-(կտուահատի ձեթ)-льняное масло (Oleum Lini).
Ктувах(h)ат (կտուահատ)-лен (Linum usitatissimum L.).
Ктцип (կծիպ)-см. Матнашурт(th).
Купр (կուպր)-черная смола, варь (Pix navalis).
Лоби (լոբի)- род фасоли (Phaseolus vulgaris L.).
Мамух (մամուխ)-терн (Prunus spinosa L.).
Мананех (մանանեխ)-горчица (Sinapis L.).
Манушак (մանուշակ)-фиалка (Hesperis L.).
Матнашурт(th) (մատնաշուրթ)-ногтоед.
Матцун (մածուն)-кислое молоко, окисленное на закваске.
Машки кошт (մաշկի կոշտ)- см. Блит(th)ен.
Маясил (մայեասիլ)-см. т(th)анчк(q).
Меграмом (մեղրամոմ)-воск (Cera).
Меграп (մեղրապ)-Salep (корень раст. Orchis mascula L.).
Мехаки юг (մեխակի յուղ)-гвоздичное масло (Oleum Caryophyllorum).
Мехак (մեխակ)-гвоздика (Caryophyllus aromaticus L.).
Мизаргелуыт(th)ьюн (միզարգելությունն)-останавливание мочи.
Мканацав (մկանացավ)- боль в мышцах.
Мош (մոշ)-ожина (Rubus fructicosus L.).
Мэз (մէզ)-моча (Urina).
Навт(th) (նավթ)-нефть (Oleum Petrae).
Нехур (նեխուր)-сельдерей (Arium graveolens L.).
Нран джур (նռան ջուր)-сок граната (плодов куста Punica Granatum L.).
Нран ктчеп (նռան կչեպ)-корка плодов граната.
Оги (օղի)-водка.
Одзи ктцатц (օձի կծած)-ужаль змеи.
Ошиндр (օշինդր)-полынь (Artemisia Absinthium L.).

Паг шак(q)ар (պաղ շաքար)- см. Сарушак(q)ар.
Пайтцаги атчумн (փայծախի աճումն)- увеличение селезенки.
Пататук (պատատուկ)-повитель (один из видов Conwolvulus).
Пхпех (պղպեղ)- английский перец (Fructus Pimentea).
Пиперт (փիփերթ)-мальва, калачики (Malva rotundifolia L.).
Порах(h)аринк(q) (փորահարինք)-понос.
Порацав (փորացավ)-боль в животе.
Пори тчитчу (փորի ճիճու)- см. Еризавордн.
Поркапут(th)ьюн (փորկապություն)-запор.
Пхсумн (փխսումն)-рвота.
Пшат (փշատ)- лох, (плоды дерева Elaegnus hortenisis M.B.).
Самит(th)и серм (սամիթի սերմ)-семена укропа.
Самит(th) (սամիթ)- укроп (Anethum graveolens L.).
Сапон (սապոն)-мыло (Sapo).
Сарушак(q)ар (սառուշաքար)-леденец (Saccharum hordeatum).
Сев дзют (սև ձյութ)-черная смола, деготь.
Серкевиль (սերկևիլ)- айва, квит (плоды дерева Cydonia vulgaris Pers).
Синамак(q)и (սինամաքի)-александр. лист (Folia Sennae).
Снгуйр (սնգոյր)-белила (Plumbum carbonicum).
Сндик (սնդիկ)- ртуть (Mercurius vives, Hudrargyrum).
Сох (սոխ)-лук(Allium Cera L.).
Сулумэн (սուլումէն)-сулема (Hidrargyrum bichloratum corrosivum).
Сусанак (սուսանակ)-трипер.
Схтор (սխտոր)-чеснок (Allium sativum L.).
Так(q)ут(th)ьюн (տաքություն)-см. Джерм.
Т(th)андрувени (թանդրուենի)-см. Хндегн.
Т(th)анчк(q)(թանչք)-геморрой.
Т(th)ан (թան)- сыворотка, остающаяся после сбивания масла из кислого молока.
Т(th)архун (թարխուն)-эстрагон (Artemisia Dracunculus L.).
Тарех (տառեխ)-морская рыба (Clupea Harengus, которая вылавливается и в Ванском озере.
Тенд (տենդ)-см. Дог.
Тзках(h)ати дзет(th) (տզկահատի ձէթ)-клешевинное масло (Oleum Ricini).
Тзках(h)ати серм (տզկահատի սերմ) – семена клещевини.
Тзках(h)ат (տզկահատ)-клещевина (Ricinus communis L.).
Тзрук (տզրուկ)-пиявка (Sanguisuga).
Т(th)ок(q)ахт (թոքախտ)- см. Баракацав.
Т(th)уз (թուզ)-инжир (плоды дерева Ficus Carica L.).
Т(th)унаворут(th)ьюн (թունավորություն)- отравление.
Т(th)ут(th)к(q) (թութք)- см. т(th)анчк(q).
Тцамон (ծամոն)-мастика, саккиз (Resina Masticha).
Тцитцак (ծիծակ)-стручков. перец (Capricum annuum L.).
Тцитцумб (ծծումբ)-сера (Sulfur).

Тчарп (ճարպ)-свечное сало.
Тчатвар (ճատվար)-цытварное семя (Semen Santonica).
Тчрагу (ճրագու)-см. Тчарп.
Унаб (ունաբ)-плоды дерева Zizyphus vulgaris Lamk.
Урени (ուռենի)-ива (Salix Taurn.).
Уруйцк(q) (ուռոյցք)-опухоль.
Франги верк(q) (ֆրանգի վերք)-см. Вавашахт.
Хажхаж (խաժխաժ)-мак (Papaver comniferum L.).
Х(h)аз (հազ)-кашель.
Х(h)айкав (հայկավ)-глина Bolus Armenia.
Х(h)алувэ (հալուէ)-сабур (Aloe).
Х(h)арбух (հարբուխ)-насморк.
Хелар жах (խելառ ժախ)-один из видов Heracleum.
Х(h)ина (հինայ)-краска для волос, употребляемая на востоке (приготовляют из растения, называемого по-итальянски Alconna).
Хиарук (խիարուկ)-бобон.
Хлут(th)ьюн (խլություն)-глухота.
Хндегн (խնդեղն)-бузина черная (Sambucus nigra L.).
Х(h)ндзор (խնձոր)-яблоко (плоды дерева Malus communis Desf.).
Х(h)ндкахт (հնդկախտ)-холера.
Х(h)одацав (հոդացավ)-ревматизм.
Хор (խոր)-Acorus calamus L.
Хрук (խրուկ)-киноварь (Hidrargyrum sulfuratum rubrum).
Хунк (խունկ)-ладан (Gummi-resina Olibanum).
Х(h)ун (հուն)-кизил (плоды дерева Cornus mascula L.).
Цайлоджил (ցայլոջիլ)-площица, тельная вошь (Pudiculus pubis).
Черти тарац (ցրտի տարած)-замораживание.
Шаравагнацут(th)ьюн аканджиц (շարավագնացություն)-течение гноя из уха.
Шип (շիպ)-квасцы (Alumen crudum).
Шреш (շրեշ)-череш (Orchila L.).
Яху (եախու)-нечто вроде пластыря или повязки, приготовляемой из различных веществ и, между прочим, из порошка ладана, посыпанного на смоченную в воде бумагу. В крестьянском быту яху прикладывают на больные места в особенности при болях в боку и в пояснице.

Л. Сегаль

ЕЛИСАВЕТПОЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ: ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

Карабах (черный сад (ныне Иран)) древней персидской монархии, а затем армянской провинции Аран, впоследствии область Арцах. Пространство древнего Карабаха или настоящего Ирана в точности неизвестно, но есть основание допустить, что этим именем называлась вся местность на правой стороне Куры от границ Грузии до Аракса и принадлежала Великой Армении. Когда во II столетии Аршакид Вагарнаки вступили на персидский престол, они из древнего Карабаха образовали особое княжество. Князья сначала подчинялись Армении, потом усилились и защищали свою независимость даже против халифов. Княжеский род именовался Гайгацни, потомки Гайки, родоначальника армян („Закавказский край“, барона фон-Гакстгаузена, т. II стр. 147)

До времени образования Карабахского ханства Пана-ханом Карабах граничил: на юге с Араксом, на севере-с Курою, на востоке-с деревнею Джавать, около которой Кура сливается с Араксом, и на западе- с карабахскими горами, на пространстве в ширину около 200 и в длину около 275 верст. При Пана-хане в пределы Карабахского ханства входило только то пространство, которое в настоящее время занимает Джеванширский, Шушинский, Джебраильский и часть Зангезурского уезда до границы мегринского полицейского участка, принадлежавшего Нахичеванскому ханству. Таким образом, Карабахское ханство более обширное и более богатое дарами природы, чем другие области Закавказья, простиралось от места слияния Куры и Аракса вверх до пресечения их хребтом гор, отделяющих это ханство от Ганжинского, Шекинского и Нахичеванского ханства, занимая весь восточный склон карабахских гор и прилегающую к нему низменность. На этом небольшом пространстве соединены все климаты от полосы вечных снегов до мест, почти постоянно нагреваемых палящими лучами солнца.

Горы, входящие в состав уездов Шушинского и Джебраильского, составляя отроги Малого Кавказа, покрывают северо-западную и западную часть его и носят название Кирхкизских гор и хонашенских высот. Ниже истоков реки Акяри-чай тянется Карабахский хребет, составляющий водораздел верховьев Тертер-чая и Базар-чая; началом этого хребта служит северная окраина Карабахского плоскогорья до истоков Акяра-чая. Высочайшая вершина хребта Мыхтеян достигает 11853 ф. абсолютной высоты. Низменная часть обоих уездов состоит из степного пространства, совершенно оголенного, и узкой полосы садов и полей. Последняя, пролегая на восток к Мильской степи, а на юг к Геенской, тянется вдоль возвышенной части обоих уездов, от р. Куры до местности, называемой Хонашеном, а затем поворачивает на юг и проходит по средине Джебраильского уезда. Ширина этой полосы находится в зависимости от оросительных средств, получаемых жителями как из реки, вытекающих на равнину, так и из источников Кара-су и Кягризов.Где воды много, там сады и поля расширяются; где же воды мало, там они суживаются и уступают место голым пространствам, входящим в состав Карабахской степи. Население Карабаха состояло из армян, различных татарских племен и пришельцев из Персии. Армяне, вытесненные из низменности в горы, жили до образования Карабахского ханства Пана-ханом под управлением пяти армянских меликов.

Укажем вкратце, каким образом образовано было Карабахское ханство Пана-ханом и чем был до этого сам Пана-хан, настоящее имя которого было Пана-Али-бек Сариджалу-Дже-

ваншир. Будучи главою джеванширского племени, находившегося в Дизаке (часть древнего Карабаха), он происходил из общества Сариджалу. Племя Джеваншир, как говорит предание, отделилось от некогда могущественного племени Бахманлу, населявшего нынешнюю Мильскую и часть Муганской степи в долине Аракса. В качестве главы племени Пана-Али-бек пользовался особым положением Надир-шаха. Последний, покорив Карабахскую провинцию, окружил себя многими выдающимися туземцами, среди которых он особенно отличил Пана-Али-бека, которого из политических взглядов переселил со всем подчиненным ему сариджалинским обществом в Хоросанскую провинцию, назначив гор. Хоросан местом его постоянного жительства. Почетное и независимое положение Пана-Али-бека в Персии создало ему многочисленных врагов, которые успели восстановить против него властителя Ирана. Узнав об угрожавшей опасности, Пана-Али-бек бежал обратно на свою родину в сопровождении своих родственников. Возвратившись в Карабах, Пана-Али-бек, чтобы доставить своим родственникам и приверженцам средства к существованию, занялся грабежом; шайка его увеличивалась с каждым днем и скоро превратилась в грозную силу, которой жителям трудно было совладать. Особенно часто Пана-Али-бек совершал нападения на жителей Ширванского ханства; последние обратились с жалобой к своему хану.

Тем временем Надир-шах был убит и в Персии воцарилась анархия, которою воспользовалось для своего возвращения на родину оставшееся в Хоросанской провинции преданное Пана-Али-беку сариджалинское общество. Осведомленный о том, что сариджалинцы возвращаются на родину, Пана-Али-бек отправился к Араксу навстречу им. Присоединив затем сариджалинцев к своей шайке грабителей, Пана-Али-бек сделался грозою не только для всей Карабахской провинции, состоявшей из нескольких мелких ханств. Слабость ханств, истощавших свои силы в борьбе между собою за первенство, а также постоянные раздоры между членами ханских фамилий из-за обладания властью были причиною того, что пана-Али-беку не было оказано противодействия, и последний, стоя во главе целой армии приверженцев, число которых постоянно увеличивалось, задумали объединить под своею властью все мелкие владения Карабахской провинции и сделаться ханом. Немного надо было усилий, чтобы заставить все мелкие мусульманские племена, обитавшие на низменности Карабаха и управлявшиеся своими независимыми старшинами, султанами или беками, признать над собою его власть; власти карабахского хана должны были скоро подчиниться и армянские мелики провинции Верендейская, Талышинская, Дизакская и Хаченская.

Ширванский хан, боясь возрастающего могущества Пана-Али-бека, ополчился против него под предлогом защиты жителей своего ханства от его разбойничьих нападений. Пана-Али-бек, узнав об этом, укрепился в сел. Баят. Тут они сразились. Ширванский хан, потерпев поражение, возвратился в Шемаху-столицу ханства. Однако, несмотря на одержанную победу, Пана-Али-бек не считал сел. Боят выгодным местом в смысле надежного убежища в случае вторичного и более серьезного нападения со стороны Ширванского хана, он оттуда перешел к источнику Шахбулаг (недалеко от бывшей почтовой станции Кабарта) и там, у подошвы невысокой горы Прис, основав городок, построил себе маленькую крепость. На новом месте он принял от карабахцев титул карабахского хана, назвавшись Пана-ханом. Скоро, однако, и это место показалось ему недостаточным и он выстроил Аскеранскую крепость, остатки которой сохранились и до сих пор по дороге из Агдама в Шуши. Эта крепость, целью которой было служить в случае надобности оборонительным пунктом

против нападения с севера, не могла защищать его от нападения с южной стороны, по которой пролегала дорога из Персии и Нахичеванского ханства. Кроме того, находясь в узкой долине, по которой течет река Гергер-чай, местность не позволяла воздвигать построек для постоянного жилья. Вследствие этого Пана-хан в 1752 году заложил на труднодоступной скале город Шуши, окружив его крепостною стеною с башнями и бойницами, и выстроить себе там дворец. Отсюда Пана-хан, никого уже не боясь, прочно и деспотически правил всем Карабахом.

Пана-хан умер в 1790 году. Сын его, Ибрагим-хан, вступив во владение ханством, не пожелал делить власть свою с армянскими меликами и стал их всячески преследовать, вынудив некоторых из них покинуть свои владения и переселиться в Тифлис и Гянжу (нынешний Елисаветполь). С ними вместе переселилась и значительная часть подвластных им армян; те же из принадлежавших к меликским фамилиям, которые не пожелали оставить родину, приняли ислам, чем и объясняется, что в Карабахе долго сохранялось близкое родство между потомками армянских меликов и мусульманских беков. Преследования армянских меликов вызваны были, таким образом, властолюбием; сам же по себе Ибрагим-хан был человек умный; славился храбростью, доступностью и честным служением. Будучи в союзе с грузинским царем Ираклием, он долго задерживал под Шуши Ага-Магомед-хана с его полчищами, желая дать царю возможность лучше приготовиться к встрече этого шаха - изверга в пределах Грузии.

Во время печального в истории Закавказья нашествия персов на Грузию под предводительством Ага-Магомед-хана Ибрагим-хан, зная свирепость последнего, предложил всем тем карабахским жителям, которые не могли укрыться в Шушинской крепости, искать убежища в чужих владениях. Карабахские армяне первые воспользовались этим великодушным предложением: одни бежали в Грузию, другие –в соседние Гянджинское, Ширванское и Нахичеванское ханства, а многие и совершенно оставили край, переселившись в Астрахань. Таким образом, Ибрагим-хан лишился значительной части наиболее трудолюбивых своих подданных. Обстоятельство это, в связи со смертью его верного союзника царя Ираклия и истощением ханской казни, привело Ибрагим-хана к крайнему бессилию и поставило его в неоходимость отдаться под покровительство персидского шаха Баба-хана, причем последний потребовал в доказательство верности, чтобы Ибрагим-хан отдал ему в жены дочь свою, славившуюся красотою. Так как руки дочери Ибрагим-хана домогался также и ширванский хан, Мустафа-хан, человек, пользовавшийся всеобщей симпатией за свои нравственные качества, то Ибрагим-хан не сразу ответил на предложение Баба-хана, рассчитывая вступить с Баба-ханом в борьбу с помощью русских войск, прибывших в то время в Грузию, но помощь эта не могла быть ему дана, и он вынужден был уступить требованиям Баба-хана. Последний, в награду за уступчивость, отдал во владение Ибрагим-хана Карабахское ханство, сделав его вместе с тем ближайшим советником своего сына Аббас-Мирзы, предводительствовавшего персидскими войсками, назначенными для вторжения в пределы Грузии, для защиты которой и были присланы русские войска.

Около 12 часов следующего дня я выехал из Агдама. От так называемых ханских садов начинается крутой подъем, тянущийся до самой Шуши на протяжении 12 верст. Идя зигзагом с крутыми поворотами и закруглениями, дорога тут не совсем безопасна, в особенности зимою, или когда сильные ветры, с страстным шумом и свистом вырываясь из многочисленных мрачных ущелий карабахских гор, грозят снести вас вместе с легкой

перекладной, на которой вы идете, в глубокую пропасть. Летопись несчастных случаев насчитывает тут немало жертв.

Солнце уже закатилось, и сумерки стали ложиться на окрестные горы, когда из-за последнего поворота высокого подъема передо мною выступили стены и башни бывшей шушинской крепости. Немного ближе и в стене крепости открылся большой пролом, через который проложена дорога в город. Тут же оканчивается шоссе и начинается узкая улица, вымощенная огромными булыжниками.

Шуши -столица бывшего карабахского ханства- в настоящее время единственный город для всей южной части Елисаветпольской губернии. Для основателя Шуши чем неприступнее было место, тем безопаснее и удобнее оно казалось для резиденции; до будущего развития города ему не было дела: ему лишь бы покрепче засесть за крепостными стенами и не бояться персидского нашествия, да и от драчливой и постоянно интриговавшей Гянджи подальше. Этот маленький городок в ханские времена быстро вырос после покорения Карабаха Россией. Жители его видели, что можно счастливо и безопасно жить и не под защитой гор, обрывов и крепостных стен. К сожалению, по тесноте и холмистости местности город не мог раздвинуться, и дома поэтому, группами разбросанными в живописном беспорядке, лепились друг к другу. Постройки все прочные, имеются двух- и даже трехэтажные дома. К возведению прочных построек побуждали жителей климатические условия: холодная, дождливая осень и суровая зима. Высота города над уровнем моря (4700 фут.) обусловливает умеренно прохладное лето, что делает его одним из лучших дачных мест, несмотря даже на его антисанитарные условия. Летом в Шуши находят приют не только многие жители низменности Карабаха, но и немало ищущих прохладу обывателей городов Баку и Елисаветполя,- 35-тысячное городское население почти удваивается летом.

Было время, когда карабахцы гордились неприступностью своего города, когда они смеялись над хвастливостью персидского шаха Ага-Магомед-хана, сказавшего, что нагайками возьмет его; теперь же они душевно рады единственной шоссейной дороге, соединяющей город с железною дорогой и были бы, без сомнения, еще более рады, если бы Шуши связали шоссейными дорогами с Нахичеванским и Джебраильским уездами.

Шушинских армян всегда обвиняли в косности, в неспособности к крупным коммерческим предприятиям; между тем шушинские-то армяне и играли некогда главную роль в развитии торговли Закавказского края; многие из них неоднократно бывали в Константинополе, Венеции, Лионе, Триесте, Лейпциге и других промышленных центрах Западной Европы. Но время это безвозвратно кануло в вечность. Дети эти купцов-армян, оказавшиеся неспособными подняться до уровня новых требований, осуждены или пробавляться мелочною торговлею, или бесцельно сидеть на мешках с золотом, нажитым их отцами.

В настоящее время Шуши не богата товарами: торговле негде расправлять свои крылья, он потерял значение торгового центра с тех пор, как учреждены были в больших селениях Шушинского, Джеванширского и Джебраильского уездов сельские базары, сделавшиеся центрами сельскохозяйственной промышленности. Десятки тысяч пудов шелковичных коконов, которые раньше не вьюках свозились в Шуши и оттуда отправлялись за границу, теперь с возникновением шелкомотальных фабрик не идут дальше сельских базаров, где их скупают уже не шушинские купцы, а фабриканты непосредственно от производителей-крестьян. Завладев шелководственными рынками, фабриканты отняли от шушинцев их главную отрасль торговли вместе с прибылью. Однако производителям-крестьянам не луч-

ше от такого перемещения прибыли из рук торговцев в руки фабрикантов: их по-прежнему эксплуатируют, обвешивают и обманывают.

В Шуши вы можете найти прекрасные ковры местной работы, далеко уступающие, однако, по красоте узоров и величин персидским коврам. Тут выделывают также седла, которые недурно расшиваются разноцветными шелками, золотом и серебром, и которые так идут к золотистой масти местных лошадей, Но это все, чем может похвалиться современный Шуши.

Шуши -гнездо карабахских беков, считающихся не совсем, впрочем, основательно самыми богатыми между беками закавказских провинций. Происхождение беков теряется в мраке времени, давно минувших. Слово „бек" происходит от турецкого слова „бей" и означает „господин". Знание это было некогда присвоено начальникам или старейшинам тюрко-татарских племен, из которых каждый, владея, в качестве вассала большими населенными имениями, обязан был по требованию главы государства, выставлять вовремя войны определенное число вооруженных воинов и содержать их на свой счет. С течением времени, когда вследствие исторической эволюции, центральная власть стала приобретать все больше и больше власти, беки, потеряв значение полунезависимых владетелей, превратились в простых помещиков-землевладельцев без всякой исполнительной власти, за исключением той, которая возлагалась на них главою государства.

Настоящих именитых беков, т. е. таких, которые получили это звание по наследству от отдаленных предков, было в Закавказье весьма немного. Пережив все стадии эволюции, беки при ханах превратились в сословие, обязанное служить только целям последних,-в сословие, из которого ханы преимущественно вербовали своих чиновников. По мере расширения ханской власти, увеличивалась потребность в чиновниках, и сословие беков искусственно увеличивалось новыми ханскими назначениями. Такому беку населенные имения временно давались в виде вознаграждения за службу. Управляя населением, вновь назначаемые беки обязаны были, как и беки именитых родов, вносить ежегодно в ханскую казну определенную дань и, в случае надобности, снаряжать известное число воинов. Такова была господствующая система государственного управления всюду на востоке; этой системе придерживается и до сих пор Персия. Число беков в Карабахе особенно увеличил Пана-хан, распределил все ханство между своими сподвижниками, часто люди из простого крестьянского сословия, наделив их огромными имениями в виде вознаграждения за оказанные ими услуги, которые помогли ему превратиться из атамана разбойников в хана. Некоторые из потомков таких беков и в настоящее время владеют громадным числом населенных имений. Имение, напр. Адигезаловых, потомков Мирзы-Адигезаль-бека, много обширнее территории германского владетеля - князя или герцога. Не менее Адигезаловых богаты и многочисленные потомки ханских родственников. Ханы, обогащая своих беков и сподвижников землями и селениями, поступали, однако же, не без расчета: чем богаче был бек, тем больше он вносил в ханскую казну и тем большее число воинов он выставлял против ханского неприятеля. Строптивых беков ханы умели укрощать: в один дурной день, по одному слову хана, бек лишился всех своих имений и низводился до степени простого крестьянина. Отнятое имение немедленно же отдавалось какому-нибудь фавориту или ловкому придворному интригану.

Если под словом „бек" подразумевать „дворянин", то в мусульманских провинциях Кавказа имеется два вида дворянства, которые весьма ясно различаются по своему

происхождению: племенное-от начальников племени и служилое или жалованное. Соответственно этому и образовалась и поземельная собственность. Впрочем, последнее должно пониматься условно, так как по мусульманскому праву, основанному на религиозных принципах, земля принадлежит Богу и не может принадлежать человеку: последний только пользуется ею временно.

Каково бы, однако, ни было происхождение беков, с присоединением Закавказья к России, правительство закрепило за всеми ими земли, которыми они владели, или только пользовались в момент присоединения края. Крепостных между мусульманами Закавказья никогда не было, и крестьяне могли свободно переходить от одного бека к другому, как это было первоначально в России; но, пользуясь влиянием богатства, происхождением, а в ханские времена и ханскою милостью, а также тем безотчетным почтением, которое в Азии чувствует низшее сословие к высшему, к богатым и сильным, беки успели превратить последних чуть ли не в рабов своих. Хотя религия и обычай определяли размер и наименование налогов, но произвол беков никогда не ограничивался раз навсегда установленными платежами, и сознание прав личных сделалось у крестьян смутным, понятия их о своих истинных отношениях к помещикам до того извратились, что в конце концов они привыкли к мысли, что их судьба и благосостояние находятся в полной зависимости от воли бека. Для упрочения при новом положении вещей, т.е. после присоединения Закавказья к России, своего влияния на крестьян и для утоления своих алчных аппетитов, беки воспользовались также и совершенно новым для них фактором-исключительным вниманием к ним, как к привилегированному сословию, со стороны местной русской правительственной власти.

С течением времени, однако, крестьяне, поняв истинное значение новой власти, стали отказываться от исполнения чрезмерных требований беков и недоразумения между двумя господствующими сословиями – крестьянским и бекским - росли с каждым годом. Недоразумения эти выразились, в одних случаях, грабежами и убийствами, а в других – жалобами и просьбами по начальству, в которых одни, крестьяне молили о справедливости, а другие, беки- о принуждении крестьян к выполнению повинностей, произвольно ими наложенных, пользуясь отсутствием регламентации отношений. Конец этой долго тянувшейся драмы был отчасти положен Высочайше утвержденным Положением 1846 года о взаимных отношениях между поселянами, живущими на владельческих землях и владельцами земель.

Однако положением этим, для исполнения которого при бесконечных спорах, возникавших на почве обязательных отношений, требовалось продолжительное время, недоразумения между крестьянами и землевладельцами не могли быть окончательно устранены; они продолжаются отчасти и по настоящее время. Недоразумения эти исчезнут совершенно тогда лишь, когда исчезнут обязательные отношения, и оба сословия-крестьянское и бекское-станут независимыми друг от друга посредством выкупа поселянских наделов, или, по крайней мере, посредством переложения натуральной повинности на денежную.

Большая часть карабахских беков живет в своих имениях. Однако, сельским хозяйством они мало занимаются, к европейским агрономическим усовершенствованиям большой симпатии не чувствуют и дела свои ведут по-старому, то есть ровно ничего не делают. Занимаясь лишь собиранием с крестьян принадлежащей им по уставной грамоте или по условию 1846 года одной десятой части со всех земных даров (багра), и привыкшие, таким

образом, жить за счет крестьянского труда, они проводят все время в праздности, уделяя его соколиной охоте, лошадям, сплетням и сутяжничеству.

Беки-большие охотники до лошадей. Питая страсть к хорошим верховым лошадям, беки тем не менее не заботятся об улучшении породы их. Было даже время, когда самым почетным надгробным памятником считался у владельцев табунов высеченная из камня оседланная лошадь. Рассказывают, что один старый богатый бек, умирая, завещал сыну своему ежегодно летом, когда табуны перегоняются с низменности на эйлаги, обводить его табун три раза вокруг его могилы. „Пусть мои кони,-говорил он,-потрясут землю, в которой буду лежать: я услышу их топот и откликнусь им". Сын до самой своей смерти помнил завет отца, чтил и исполнял его: ежегодно огромный табун, гонимый за эйлаги, бурно носился три раза вокруг могилы при диких гиканьях табунщиков. Могила этого бека, над которой возвышается тяжелой архитектуры киоск без окон и дверей, видна с большой дороги, идущей от Агдама до почтовой станции Ходжалы. В некотором отделении от этого памятника находится старинное мусульманское кладбище. У мусульман существует обычай устраивать свои кладбища преимущественно вблизи дорог, дабы каждый правоверный, идя мимо, воссылал Аллаху мольбы о почивших.

На лето почти все карабахские беки съезжаются в Шуши. Живут они тут, как в своих имениях, совершенно по-азиатски: едят и спят на полу, устланном коврами; в комнатах пусто; убираемая после еды посуда перемывается, вытирается досуха и расставляется по широким карнизам комнат, а постель тщательно сложенная, прячется в нишах и амбразурах стены под занавесом. Почти каждый бек имеет в городе собственный дом, и в нем для приема гостей особую комнату, убранную коврами и разноцветными войлоками; комната часто раскрашена и раззолочена, с нишами, с вычурными карнизами и окнами из разноцветных стекол. Если у бека в числе гостей бывают и русские, то гостиная убирается и приличною мебелью, но всегда покрытою толстым слоем пыли.

Живут беки, можно сказать, в свое удовольствие, едят всласть, спят вдоволь и проводят время в беседах. Беки Карабаха, как и все жители востока, любят беседовать, просиживая целые часы с кальяном в руках, о былых временах и подвигах предков их, стараясь все рассказываемое переувеличивать и расскрашивать самыми яркими красками восточных фантазий. Первое достоинство разумной речи состоит в том, чтобы в подтверждение сказанного приводить уместные или приличные случаю массалы (поговорки, цитаты). Молодые беки в особенности любят говорить о полиции, разбирая часто не без ехидства и иронии. Достоинства или недостатки полицейских приставов и других служащих в полиции, вероятно потому, что конечная цель стремления каждого из них - рано или поздно сделаться полицейским приставом, переводчиком при полиции, или, в крайнем случае, чиновником IX класса. К таким стремлениям приучила их действительность: почти в каждой бекской семье найдется хоть один член, который или некогда служил или служит теперь при полиции, хотя бы в роли сверхштатного чиновника X или IX класса без содержания или сумевший с пользою для себя и своих близких воспользоваться своим положением часто халифа на час. Конечно, были и есть немало мусульман-чиновников и повыше пристава или переводчика, но это уже такие крупные величины, о которых вслух мечтать редко кто из них дерзает.

Нравы закавказских мусульман, вообще, и карабахских, в особенности, сравнительно мало подверглись изменениям. Избегая сообщества людей высшей культуры и никогда не

оставляя своей родины, они ведут замкнутый образ жизни и считают всякое нововведение изменно и освященным временем прадедовским обычаям: нет, кажется, народа более консервативного в своих нравах, чем шушинские мусульмане. Живя, например, в Шуши целый год, вы не увидите в лицо ни одной мусульманки. Закутанная в красную из канауса чадру, мусульманка, идя по улице, представляет собой самодвижущийся бесформенный обрубок. Так было и много сотен лет тому назад.

Жизнь мусульманской женщины лишена всех радостей и утешений, в ней нет ни идиллии, ни романа: у нее нет никаких занятий, кроме кухни и несложного хозяйства; в присутствии гостей она не смеет садиться за общим столом; умственная жизнь закрыта для нее, религия выше ее понимания, муж является ее неограниченным властелином, которому она не смеет ни в чем противоречить; ее мысли и желания суть отражения мыслей и желаний мужа. Еще хуже поставлена женщина в крестьянской среде, где она является и рабочей силой чуть-ли не наравне с домашним скотом.

Совсем другое дело армяне. Отзывчивые на всякие полезные нововведения, понимая значение цивилизации даже в домашней обстановке, армяне легко принимаются к новым условиям жизни и вновь возникающим социальным требованиям. Я говорю, конечно, о молодости поколений состоятельного класса, среди которого немало образованных людей. Молодые женщины, одетые по последней моде, свободно щеголяют по улицам города рука об руку со своими кавалерами.

Что касается старого, отживающего поколения армян, бедного класса и поселян, то дух старины сидит в них еще очень глубоко, что особенно резко сказывается в одежде. В особенности безобразен национальный костюм женщины. Голова городской армянки, придерживающей седой старины, закутана бесчисленным множеством мелких косынок (лечаков), поверх которых накинут большой красный шелковый платок (чаргат); к одному из концов его прикрепляется серебряная цепочка, которою придерживается тяжелая головная повязка; лоб обвешан двумя рядами золотых монет. Верхняя одежда армянки (минтане) походит на короткую чоху с короткими до локтей рукавами и двумя прорезами, сделанными по бокам снизу до поясницы; вся нижняя часть лица плотно укутывается белым платком, внутри выложенным толстым слоем ваты или шерсти. Эта повязка безобразит лицо, и вы никогда не узнаете, красива ли носительница такой хомутообразной повязки или нити. Кто привил армянкам обычай безобразить лицо таким образом никто толком объяснить не может; полагают однако же, что он был придуман с целью скрыть от сластолюбия ханов и их челяди красоту женщин. Под минтани женщины одевают узкую, длинную, красную из шелка или кумача рубаху, свешивающуюся почти до земли, шалвары, также красные, носимые под рубахой, туго стягиваются у щиколок черною повязкой, которая захватывает и цветные шерстяные чулки (журабки). Ходят армянки, как и татарки, в кошах, до половины ступни. Поверх минтаны армянки опоясываются широким тяжелым серебряным поясом 2-3 и даже больше фунтов весу; женщины победнее опоясываются длинным из красного шелка поясом. Многие армянки одеваются также по-грузински, что очень идет к их черным, как смоль, волосам и черным глазам.

С внешней стороны все в Шуши обстоит благополучно, все кажутся спокойными и довольными; представители обоих господствующих вероисповеданий-армянского и мусульманского-живут между собою мирно и в добром согласии, если не считать мелких недоразумений, иногда возникающих по вопросам общественного управления и городского

благоустройства; но собственно в мусульманской среде, под личиной внешнего спокойствия, происходит, довольно заметное для постоянного наблюдателя, брожение умов, вызываемое различными сектантскими учениями, занесенными сюда из Персии. Здесь имеются представители сект "шейхи", "Гаджи-Керим-ханы" и "бабы". Особое внимание обращают на себя последние, представители которого почвились почти повсеместно в Закавказье в течение последних шести-семи лет. Ни одна из многих мусульманских сект, распространенных в Восточном Закавказье, не сделала столь быстрых успехов, как бабизм, своим учением заметно подрывающий основной принцип Алиева учения-шиизм. Мусульманское духовенство, сознавая всю опасность, которой подвергается шиизм, направляет свои стрелы, главным образом, против бабизма. И тем не менее число бабидов постоянно возрастает. Правоверные (усули), желая воспрепятствовать поступательному движению бабизма в Закавказье, неоднократно обращались к содействию местной власти. Но, конечно, не христианскому правительству вмешиваться в распри мусульман, пока они остаются на почве чисто религиозной, чтобы противодействовать распространению гуманного учения, тесно соприкасающегося своими нравственными принципами с принципами христианского учения.

Ввиду того значения, какое бабизм, как свободно распространяющееся религиозное учение, должен рано или поздно, а может быть даже скоро, иметь среди закавказских мусульман,- учение, которое, несомненно, повлияет на изменение всего социального строя мусульманской жизни, нахожу нелишним остановиться несколько на происхождении этого учения и его этических принципах.

Бабизм, движение которого было в сороковых годах временно подавлено ценою тысячи человеческих жертв и потоками крови, явился в Персии под влиянием мистического учения секты шейхи, основателем которой был муддерис-шейх-Ахмед-Бахрейни, суфий и ревностнейший проповедник Тариката. После смерти последнего в начале сороковых годов, главою шейхидов был избран Гаджи-Сеид-Кязум, одним из учеников которого был сеид-Мирза-Али-Мухаммед. Склонный по природе к уединению и аскетическим подвигам, Мирза-Али-Мухxамед не чувствовал себя способным к продолжению деятельности отца своего, скромного торговца в Ширазе, и 23-х лет отроду, покинув родительский дом, он отправился в Кербеле к муршиду Гаджи-сеид-Кязуму. Скоро после этого Гаджи-Сеид-Кязуму умер и Мирза-Али-Мухаммед в качестве ревностного ученика его был избран главою шейхидов. После своего избрания он отправился в Мекку, откуда вернулся лишь по прошествии двух лет, но не в Кербеле, где в качестве главы шейхидов, должен был находиться, а в Ширазе. Там, назвавшись "бабом" (что означает на языке религиозно-философской школы суфиев дверью), он стал распространять новое учение, состоявшее в толковании корана Магомета согласно современным требованиям жизни. Но скоро, перестав довольствоваться ролью толкователя корана, он написал свой собственный коран. Одни говорят, что коран свой он писал в Ширазе, но до поры до времени держал его втайне даже от своих последователей; другие говорят, что он его писал в Испагани и без ведома Мирзы Али-Мухаммеда - пророка, за которым всюду следовала толпа и с жадностью ловила каждое его слово. Таким образом образовалась в Персии секта бабидов, разросшаяся в короткое время до грозной антигосударственной силы.

Секта шейхидов, оставшись без главы, начала распадаться: одни из ее одептов вернулись обратно в лоно чистого шеизма (усули), другие обратились к учению Гаджи-Мамед-хана, основавшего мистическую полухристианскую-полумусульманскую секту, известную под

названием "Гаджи-Керим-ханы", третьи, наконец, и самое большее число их, обратились к учению Саида-Мирзы-Али-Мухаммеда-Баба, число приверженцев которого возрастало с удивительною быстротою, благодаря, главным образом, политическому характеру самого учения. Сподвижниками Баба, игравшими важную роль в религиозно-политическом движении бабидов,были: Молла-Хусейн-Бушури, Молла-Юсуф из Ардебиля, Гаджи-Мухаммед, Ага-Мухаммед-Али и два брата из Езды - Сеид-Хасан и Сеид-Гусейн. Каждый из них имел, в свою очередь, и своих приверженцев, также распространявших от имени Бабы, но лично его не знавших, новое учение.

Тогдашний губернатор Ширазской провинции Гусейн-хан, которому начавшееся движение бабидов казалось опасным, приказал привести к себе Сеида-Мирзу-Али-Мухаммеда. Но так как последний на все доводы и убеждения отвечал только дерзостью,то Гусейн-хан приказал наказать его плетьми, угрожая ему и смертью, если он не прекратит дальнейшего распространения своего учения. Мирза-Али-Мухаммед-Баба, опасаясь насилия, бежал в Испаган. В этом бегстве из Шираза в Испаган, подобно бегству Магомета из Мекки в Медину, бабиды видели подтверждение тому, что Баб, действительно, был пророком. В Испагани он нашел приют у знаменитого муштехида Мир-Сеид-Мухаммеда, тайно сочувствовавшего его учению. Гостеприимство, которым он пользовался у последнего, гарантировало ему свободу. Распространяя и тут свое учение, он навлек на себя подозрение испаганского губернатора Манучехр-хана, по приказанию которого Баба испытывал в правилах веры, но тут в его верованиях не нашли будто бы ничего еретического или опасного для государственного строя, тем не менее они были лишены свободы; однако из уважения к приютившему его муштехиду, давшему о нем удовлетворительный отзыв, его держали в почетном заключении- в доме самого Мир-сейд-Мухаммеда.

В 1847 году по повелению Мухxамед-Шаха, Сейд-Мирза Али-Мухаммед Баб был арестован и из Испагани отправлен в Макку-маленький город на границе Азербайджана, а оттуда в Урмию; но сектатор и тут не успокоился. Когда пребывание его в Урмии оказалось опасным по тому влиянию, которое он начал приобретать на общее расположение умов, и когда все у бывшего в то время губернатора Азербайджана, наследника шахского престола отклонить его от ложного и опасного учения оказались безуспешными, его отправили в Тавриз, где передали в руки духовенства, на которое возможно было убедить его оставить еретическое учение и не возмущать умы, но, когда оказалось, что упорный и опасный сектатор не поддается никаким увещаниям, его из Тавриза отправили в крепость Джехра. Пока его пересылали с одного места на другое, число приверженцев наросло с неимоверной быстротой, и в 1852 году вступление на престол Наср-Эддин-Шаха, бабиды подняли знамя восстания за торжество своей идеи сначала в Хоросане, а затем в Шейх-Теберси. Во время самого восстания Сеид-Мирза-Али-Мухаммед-баба перевели из крепости опять в Тавриз подальше от места восстания. Тут, после нового бесплодного увещания оставить еретическую пропаганду, он был расстрелян. Тогда же был казнен и один из двух наиболее фанатичных его последователей, доставленных в Тавриз, одновременно с ним-Сеид-Хасан. Другой Сеид-Гусейн, отрекшийся от нового учения перед самою казнью, был отпущен на свободу. Заклейменный за это отступничество презрением, Сеид-Гусейн скоро совсем скрылся и пропал без вести. С того рокового дня, когда совершилась казнь Сеида-Мирзы-Али-Мухаммеда, началось беспрерывное преследование бабидов, вызвавшее скоро новое восстание в Зенджане, где бабизм свил себе тогда главное гнездо. Восстание это было

подготовлено одним из числа приведенных выше последователей Баба, Молла-Мухаммед-Алием. Когда о восстании этом узнали в Тегеране, оттуда немедленно отправили для усмирения его сарбазов под начальством тегеранского Бегляр-бека Мухамеда-хана. Тем временем бабиды воздвигли себе нечто вроде крепости. Заготовив в ней некоторый запас провианта и пороха, они держались против шахского войска несколько месяцев. Когда средства к дальнейшей борьбе истощились, они были частью перебиты и частью захвачены живыми. Только немногим из восставших удалось скрыться.

Захваченные бабиды были приведены в Тегеран. Там предложено было им полное прощение при условии публичного отречения от учения Баба; но когда непреклонность их убеждений не могла быть поколеблена никакими увещаниями и угрозами, они сначала были подвергнуты жесточайшим пыткам, а затем преданы смертной казни.

В числе восставших была молодая и красивая женщина, одна из самых ярких последовательниц Баба, по имени Куреть-уль-аил (мгновение ока). Во время защиты крепости, держа в одной руке знамя, в другой обнаженный кинжал, она бросалась во все стороны, стараясь своим мужеством воодушевлять осажденных бабидов. Борясь за учение Баба, первого провозгласившего на Востоке равноправие обоих полов, Куреть-уль-аил боролась за свободу женщин в Персии.

После этого преследование бабидов продолжалось беспрерывно и с большою настойчивостью; они продолжаются и до наших дней. Однако преследования, пытки и смертная казнь имели как раз обратное действие: бабизм все шире и шире раскидывал свои сети на пространстве Ирана. Преследуемые бабиды, в свою очередь, жестоко мстят своим преследователям. Последняя месть их закончилась, как известно, возмутительным убийством Наср-эд-дин-шаха, жизнь которого с самого начала его царствования была отравлена неоднократными покушениями со стороны бабидов. Наиболее характерным явлением следует признать тайную принадлежность к секте некоторых муштехидов, этих столпов шиизма.

В чем же заключается учение бабидов, вызвавшее такое ожесточенное преследование со стороны персидского правительства?

Учение это, ссылаясь на Магомета, сказавшего будто бы, что после него явится другой человек, который в свое время даст более сообразное с новым порядком вещей, учение, отрицает божественность происхождения корана и исключительное значение последнего для жизни современного общества; оно стремится ввести в Персию религиозно-социальную реформу на принципах, выработанных христианством, наукой и философией.

Вскоре после смерти Сеида-Мирзы-Али-Мухаммеда бабизм распался на два толка, во главе которых встали два брата Беха Улла и Субхе-Эзень. Толки эти известны под названием "Старого бабизма" и "Нового бабизма". Старый бабизм отошел от мусульманства на значительное расстояние; новый, сделав еще шаг вперед, стал, по воззрениям своим, ближе к христианству, чем к мусульманству.

Из единогласных показаний всех последователей "Нового бабизма" видно, главное основание положения его заключается в следующем: "Так как кроме Бога и его атрибутов нет ничего вечного и совершенного, то и данный социальный порядок также не может быть вечным и совершенным: он должен повышаться с повышением степени совершенства людей, иначе жизнь - этот дарованный Богом земной рай, превратится в источник нескончаемых мук. Каждый человек должен пользоваться свободой, поскольку он не посягает на свободу ближнего, а чтобы такое посягательство не могло иметь места, люди должны быть

поставлены в одинаковые условия существования. Вселенная и все в ней существующее принадлежит Богу, а Бог абсолютно справедлив,перед ним все равны и все равно должны поэтому пользоваться ниспосылаемыми им богами. Это последнее положение привело некоторых толкователей учения бабидов к ошибочному утверждению, будто учение это привело к отрицанию частной собственности. На самом деле, оно требует только признания необходимости практического осуществления принципа "люби ближнего как самого себя" не в форме унижающей человеческое достоинство благотворительности, а в форме общеобязательной.

«Народы мира,- говорит Аббас-Эфенди-Мирза-Гусейн-оглы, один из наиболее чтимых духовных глав необабизма,-вы, делающие религию предметом вражды между собою, знайте, что все религии имеют одну цель-любовь и единение между людьми. Все веления Бога касаются наилучшего устроения человеческой жизни. Народы, враждующие между собою, нечестивы, ибо они не исполняют веление Бога. Война и вражда между народами запрещены Богом. Только те государства выполняют свое истинное назначение, которые стремятся вселять мир и согласие между народами». «Ветви мои,-говорит он далее,- живите всегда в добром согласии между собою и никогда не расстраивайте этого согласия, ибо существо человека священно. Ветви одного дерева должны подчиняться своему общему корню. Я-корень, вы-мои ветви. Так прислушивайтесь же к тому, что я вам говорю. Ближние мои, я завещаю вам исполнять веления Бога. Никогда никого не оскорбляйте и не обманывайте ни словами, ни действием. Будьте правдивы, ибо правда есть тот цемент, который связывает людей между собою. Истинно говорю вам: правдивость есть наместник Бога на земле; войска этого наместника-честные и добрые души. То, что я говорю вам-говорится в священных книгах всех народов. Да будут благословенны люди, исполняющие во всем веления Бога».

С особым почтением современные бабиды относятся к памяти отца Аббаса-Эфенди-Гусеина-Али. В его книге "Китаб-ахти" имеется, между прочим, следующее поучение: "Все люди, имеющие священное писание, равны между собою и перед Богом; преклонитесь перед предержащею властью, которая вас приютит, не отвечайте оскорблением на оскорбление, ударами на удары, убийствами на убийства, ибо месть противна Богу, следовательно, незаконна. Кто сам за себя мстит, тот не бабит. Общего имущества нет, каждый имеет то, что вырабатывает трудами рук своих; помощь бедным обязательна, она обязательна по отношению ко всем нуждающимся к какой бы религии они не принадлежали; помощь эта должна быть не милостыней, а займом в размерах, обеспечивающих возможность возвращения займа; если такая помощь непосильна одному лицу, она должна быть дана несколькими или всею общиною. Бабид перестает быть таковым с того момента, как присвоил себе незаконно какое-нибудь чужое добро, хотя бы самой ничтожной стоимости. Если при всех усилиях бабид не в состоянии возвратить данный ему заем, то употребление над ним или его имуществом насилия строго воспрещается: Бог всемогущ и он возвратит сторицей. Бедных сирот нужно воспитывать на общественный счет при обстановке, смягчающей тягость сознания сиротства. Община обязана заботиться о сиротах до тех пор, пока последние не перестанут нуждаться в чужой помощи,и сами будут в состоянии участвовать в помощи бедным и сиротам. Каждому бабиду обязательно иметь определенное занятие, при чем все роды труда одинаково полезны и почтенны.

Необабизм не допускает никакой духовной организации: нет ни духовенства, ни храмов. Последние заменяются учреждением в общинах "домов справедливости"- это простые, без всякого украшения, дома для молитвы и для обсуждения общественных вопросов. Из приведенного краткого изложения учения бабидов видно, какое культурное значение может иметь в наших мусульманских провинциях распространение бабизма. В начале распространения его в пределах Закавказья шииты заволновались, протестовали и старались противодействовать ему подпольными преследованиями, обвинениями в вымышленных преступлениях и доносами по начальству, но местные власти благоразумно отнеслись ко всем таким обвинениям довольно равнодушно.

Я прожил в Шуши без малого две недели и в последний раз отправился осмотреть окрестности города, опоясанные глубокими обрывами. На одном из почти отвесных склонов мне показали небольшую площадку, служившую при ханах лобным местом. Это Торпейская скала Шуши. Здесь раздавались вопли ханских жертв, брошенных с кручи в глубокую пропасть. Хотя уступы скал, некогда обогренные человеческою кровью, давно поросли ползучими растениями и папоротником, но легенды об этих жертвах восточной тирании еще, по-видимому, долго будут живы в памяти народной.

На противоположном склоне обрыва, запечатленного печальными легендами, виднеются остатки здания, построенного на почти неприступном месте. Это так называемая "Хазина-кала", то есть крепость казны-место, где ханы прятали свои сокровища. Крепостница эта была построена одним из последних, до образования Карабахского ханства, армянских меликов, Аваном-Юзбаши, именем которого названа и сама скала. Вынужденный уступить свою крепость Пана-хану, Аван-Юзбаши переселился в Россию, где в чине генерал-майора спокойно дожил остаток дней своих.

С некоторых пунктов здесь открываются грандиозные виды высочайших гор Карабаха; вид же самого города посреди безбрежного воздушного пространства поистине великолепен: он как бы висит в воздухе; некоторые части его благодаря гористой местности напоминают острова посреди волнующегося моря. Между разнообразными группами домов вы с избранной вами точки наблюдения замечаете стоящее почти особняком жилище бывших ханских фамилий; оно носит особенный отпечаток и по прочности сооружения напоминает маленькую цитадель: громадное двухэтажное здание, сложенное из больших тесанных камней с одним выходом на улицу. Проникнуть в эту цитадель можно было только самым близким людям ханского дома и с особого разрешения самого хана. Восточные владетели любили жить побезопаснее, не слишком-то веря в благодарность за благодеяния своего управления. В этом доме в 1817 году убит был своими нукерами персидский хан Ага-Могамет-хан и в 1897 году умерла последняя представительница карабахского ханского дома Хуршуд-Бану-Бегум-Ханума. Сумрачно как-то смотреть на этот старый дом, на все новое, что возникло вокруг него, на новую жизнь.

Я выехал из Шуши в четыре часа пополудни в село Герусы. До первой почтовой станции "Лысогорск" я успел доехать до наступления сумерек. Станция состоит из одного небольшого домика, расположенного у обрыва горы, и навеса для двух троек лошадей. Оставаться здесь на всю ночь значило добровольно обречь себя на томительную скуку в продолжение, по крайней мере, 11-12 часов, и я отправился, дождавшись появления луны, дальше в путь несмотря на предостережение старосты об опасности ночной езды по узкой дороге, зигзагами вьющейся над глубокими обрывами.

От Шуши до Герусы насчитываются 82 версты по почтовому тракту. Дорога, вьющаяся крутыми зигзагами то по горным обрывам, то по длинному горному плато, чрезвычайно скучна: не только ночью, но и днем тут почти никого не встретишь, лишь горные орлы, да другие хищные птицы своим полетом порою нарушают на мгновение мертвую тишину. Нигде по пути ни одного деревца, ни одного кустика; повсюду, насколько хватает глаз, видны только горные скалы, серые, желтые, красные и черные, местами встречаются разрывы огромных скал, раздробленные камни и множество хрящей, когда-то скатившиеся с разорванных землетрясениями или распавшихся от выветривания, горных кряжей. На протяжении всего пути встречаются только два селения: одно небольшое Забуг, населенное курдами, живущими в землянках, едва выступающих из земли, другое-Дыг, населенное армянами. Последнее селение довольно большое и состоит из одних мазанок. Раскинутые на отлогом склоне, мазанки эти лепятся одна на другую, так, что плоская крыша одной из них служит миниатюрным дворником для другой.

Высокое горное плато, по которому приходится ехать верст 30, круто обрывается с приближением к селению Герусы, расположенному в глубокой котловине, к которому ведет восьмиверстный спуск с обрывами к стороне котловины. Дорога тут не менее опасна, чем от ст. Лисагор до начала плато. Спускаться нужно шагом, с большою осторожностью.

Около 5-и часов пополудни, я въехал в Герусы и остановился в заезжем доме, нанятом заботливою администрациею для приезжающих по делам службы чиновников.Заезжий дом состоит из двух чистеньких, хотя и весьма скромно мебелированных комнат, в одной из которых вы располагаетесь совершенно свободно, как у себя дома. В этой глубокой котловине, находящейся в 190 верстах от железной дороги, вы чувствуете себя как будто отрезанным от всего мира, подавленным и осиротелым, вас охватывает какая-то безотчетная тревога, и кажется, что вот-вот окружающие Герусы высокие горы обрушатся на вас своею тяжестью. Это невыразимо тягостное чувство не оставляет вас во все время вашего пребывания в Герусах.

Герусы-местопребывание администрации и правительственных учреждений Зангезурского уезда. Население его состоит из армян и немногих русских чиновников.

Когда окончательное умиротворение Кавказа совершилось, и гром оружия заменился заботой о введении в край гражданственности, началось в нем постепенное преобразование административной части, совпавшее с введением судебных постановлений по закону 1864 года. Это преобразование коснулось, между прочим, и Восточного Закавказья, громадная территория которого до 1868 года заключала в себе только две губернии: Эриванскую и Шемахинскую, с 5-6 уездами в каждой из них. Каждый уезд был распределен на 2-3 участка, которыми заведовали участковые заседатели, соединявшие в своем лице административную, судебную и исполнительную власть. Участки эти были так велики, а обязанности участковых заседателей так обширны и многообразны, что деятельность их поневоле сводилась к нулю: когда у служащего слишком большой район деятельности, или много разнообразных обязанностей, он, естественно, ничего не успевает делать. Этим, например, объясняется, почему в прежние времена, когда при значительно меньшем населении было гораздо больше преступлений, чем теперь, уголовная статистика края насчитывала сравнительно немного преступлений: они или не обнаруживались, или вследствие их многочисленности с ними мирились не исследуя их и не давая им огласки. Притом уровень нравственных понятий туземного населения, к которому принадлежало и громадное большинство

участковых заседателей, был так низок, что на преступления против личности и имущества смотрели с легким сердцем, как на нечто неизбежное и вовсе не столь ужасное, а на многочисленные убийства, поджоги и грабежи из мести смотрели, как на обычную и веками освященную форму возмездия, как, впрочем, смотрят и теперь, хотя и при менее благоприятных условиях совершения их; воровство же вовсе не считалось наказуемым преступлением, оно считалось скорее удалью, молодчеством, которому с удовольствием предавалось все мусульманское население от именитого, но невежественного бека, содержавшего для этой цели целый штат нукеров (прислуги), до последнего чобана (пастуха).

В 1868 году из двух губерний Восточного Закавказья образовано было три: Эриванская, Бакинская и Елисаветпольская; в то же время последовало и увеличение числа меньших административных единиц-уездов с разделением их на участки. Наступил конец блаженной памяти участковых заседателей. Как велики были тогда уезды, легко судить по тому, что из трех уездов: Елисаветпольского, Нухинского и Шушинского образована была целая Елисаветпольская губерния, а из одного, например, Шушинского уезда, заключавшего в себе без малого 15 тысяч кв. верст, выкроено было впоследствии три уезда: Джебраильский, Шушинский и Зангезурский, считавшихся, прежде всего, участками. Обширное пространство последних двух уездов (4573, 13 и 6878, 07 кв вер.), их населенность, топографические, климатические и этнографические условия, различные в различных частях их, могли бы и теперь служить достаточным основанием к выделению из них, в интересах лучшего управления ими, еще одного уезда, то есть, вместо двух, образовать три.

С введением административной и судебной в крае реформ, представляло прежде всего выбрать уездные административные и судебные центры, то есть такие селения, в которых, за неимением городов, должны были быть помещены правительственные учреждения и служащие в них. Это, однако, оказалось далеко не легкою задачею, в особенности в таких местах, как теперешний Зангезурский уезд, в котором при чрезвычайно гористом местоположении его, совсем не оказалось таких населенных пунктов, которые представлялись бы сколько-нибудь пригодными для этой цели. Выбрать, однако, нужно было, и губернская администрация в 1869 году, остановившись на трех селениях-Зейва, Арцеваник и Герусы,-представлявших относительно больше шансов для помещения в одном из них правительственных учреждений, выбрала последнее, как местность наиболее центральную по отношению ко всем остальным населенным пунктам и лежащую притом на пути движения кочевников с низменности на эйлаги и обратно. Таким образом, были перенесены в Герусы уездные административные и судебные учреждения. Но крестьянские дома, или скорее курные избы и землянки, были так плохи, что не только не представляли никаких удобств для жизни, даже самой скромной и неприхотливой, но всякому привлеченному сюда на службу пришлось подвергать себя тяжелым лишениям. Привлеченные в Герусы на службу лица, поселив свои семейства в Шуши, сами постоянно перекочевывали по делам из одной избы в другую, или, если погода благоприятствовали,что здесь случается весьма редко,-располагались на каком-нибудь дворе. При затруднительности и небезопасности тогда переездов из Герусов в Шуши , так как ездить можно было только верхом по горным тропинкам, чиновники бывали подолгу разлучены со своими семьями, или, уехав в Шуши , не могли вовремя возвращаться к месту службы. Такое положение вещей вызвало необходимость изыскания средств к устройству в Герусах по возможности свободных помещений, как для правительственных учреждений, так и для лиц, служивших в них. Средство оказалось

одно: превратить селение в город и привлечь частных лиц для постройки домов с отводом для этого на льготных и выгодных основаниях казенной земли.

Против селения, тесно примыкающего к подошве одной из окружающих его гор, на правом берегу р. Герусы-чай, раскинулась обширная и совершенно ровная площадь, составляющая дно герусинской котловины. Горы, окаймляющие его со всех сторон, были покрыты густым дубняком, остатком старинного леса, хищнически истребленного жителями. Кустарник этот, к сожалению, также исчез, как когда-то и самый лес, так что теперь горы, оголенные от всякой растительности, представляют собой в высшей степени унылый, печальный вид. Указанная площадь перед селением была избрана для основания на ней города. С тех пор прошел 31 год. За это время площадь застроилась так, что представляет собой вполне благоустроенный посад со многими хорошими домами и широкими улицами, но о возведении его на вершину города ничего неизвестно. Жителей тут-чиновников, торговцев, ремесленников, поселян и ссыльно-поселенцев до 4000 душ обоего пола.

От Герусов идет так называемая Пиченагская караванная дорога, оканчивающаяся на границе Нахичеванского уезда у подошвы горы Алагез-даг, откуда начинается прекрасно устроенное шоссе, соединяющееся с дорогою на Эриван. Существует предположение, чтобы эту караванную дорогу, по которой зимою совершенно прекращается движение, разработать в шоссейную для соединения с таковою нахичеванскою. В высшей степени желательно было бы, чтобы предположение это скорее перешло в осуществившийся факт. Разработка этой дороги принесла бы, без сомнения, громадную пользу местной промышленности и расширила бы горные промысла, которыми так богат Зангезурский уезд: она служила бы истинным благодеянием для более чем полуторастотысячного населения уезда, в настоящее время совершенно отрезанного от всего остального края. С разработкой это дороги Бакинская и Елисаветпольская губернии соединились бы кратчайшим путем с Эриванской губернией. С проведением указываемой нами дороги, Герусы, сделавшись складочным пунктом для всех товаров, которые будут направлены по ней транзитом с берегов Каспия в западную часть Восточного Закавказья, наверно, скоро превратилось бы в промышленный город. У одной из подошв герусинских гор есть целый ряд отдельно стоящих в недалеком друг от друга расстоянии цилиндрически правильных гигантских пирамид; некоторые из них оканчиваются кверху острыми конусами, на которых лежат громадные каменные глыбы, точно причудливых форм гигантские шапки, одетые на головы титанов; пирамиды эти до того правильны по своим формам, что издали кажется, будто они воздвигнуты человеческими руками. Такие же пирамиды, воздвигнутые природой, находятся и возле селения Герензур (в 5 верстах от Герусов), где заметно также начало образования новых пирамид. В горах находятся многочисленные пещеры, многие из них утилизированы жителями для складов хлеба и саману, для загона целых стад скота;некоторые же в сел. Герензуры служат жилищами для беднейших поселян.

На другой день по приезду в Герусы я отправился осмотреть опустошения, произведенные в этом селении весною горным потоком и разливом речки Герусы-чай. Громадное пространство в несколько сот десятин, засеянное хлебными злаками, оказалось покрытым камнями, снесенными с гор потоками воды. Наводнение, к которым жители, впрочем, привыкли с давних времен, повторяется в этом селении в большей или меньшей степени весьма часто, чуть ли не ежегодно. Зангезурский уезд почти весь состоит из гор различной высоты и множества широких и узких ущелий, а потому при обилии в нем дождей число

горных потоков весьма значительно. Все потоки несут свои воды вместе с песком и камнями в реку Акяру, Баргушет и Базар-чай, впадающие в Аракс. Реки эти, выступая из берегов, несут свои мутные воды с страшною быстротой и наносят населению громадный ущерб, разрушая все, встречающееся на пути своем. Местами разливы временно приостанавливают всякое сообщение между различными селениями, расположенными по обоим берегам этих рек. Смельчаки, которые вздумали бы переправляться через эти реки во время разливов, наверное, обречены на гибель в их водах. В большей или меньшей степени разливы повторяются ежегодно, что зависит от количества выпадающих дождей и быстрого или медленного таяния снега в горах, и ежегодно смывают тысячи десятин хлебных посевов, уничтожают огороды, сады, целые части селений и уносят немало человеческих жертв: немало в них гибнет также и скота, особенно в мае, когда жители низменности начинают перекочевывать в горы со своими стадами и в сентябре, когда они возвращаются обратно с гор в свои зимовники. Много бед, в особенности, успевает натворить река Акяра, через которую пролегают главные дороги, получившие даже в населении название Шайтан-чай «Чертова-река». Кроме множества единичных случеев гибели в ней людей и скота, нередко бывают и случаи массовой гибели людей скота и имущества. Приводим из множества таких случаев один, имевший место 25-го мая 1895 года.

Жители Шотлалинского сельского общества Джебраильского уезда во время перекочевки их с низменности на эйлаги переправлялись около местности, известной под названием "Мазмазак", через реку Акяру, тогда сильно разлившуюся. Для большей безопасности они переправлялись одновременно все вместе тесно сплоченной группой, подгоняя впереди себя скот. Едва они добрались с большим трудом до середины реки, как были опрокинуты и унесены течением, причем погибло около 15 человек, 40 голов крупного рогатого скота, 8 лошадей, 1 катер, все домашние вещи многих домохозяев. Тонуло все кочевье, но сбежавшимся с берегов сельчанам удалось многих спасти. В тот же самый день снесены были наводнением той же реки тутовые сады и посевы жителей 18-ти селений, расположенных в долине этой реки ниже Геенской степи, в том месте, где река служит границей между Джебраильским и Зангезурским уездами. Если бы возможно было исчислить, хотя бы с приблизительной точностью, все бедствия, причиняемые каждый год сельскому хозяйству и экономическому благосостоянию населения упомянутых двух уездов горными потоками и разливом рек Акяры, Баргушет, Базар-чай и Аракс, то цифры получились бы весьма внушительные, не считая человеческих жертв.

Жизнь в Герусах, как и везде в глухих местах Закавказья, страшная дорога, и дороговизна эта, прежде всего, сказывается на положении чиновников.

Так как Зангезурский уезд относительно мало обследован, то считаю уместным остановиться на нем несколько подробнее. Он занимает самую южную окраину Елисаветпольской губернии и всецело расположен в отрогах Малого Кавказа, так называемых Карабахских гор. Уезд этот, в противоположность остальным уездам этой губернии, почти не имеет степных и вообще низменных мест. Опоясанный с трех сторон грядами высоких гор, подымающихся на высоту от 7 до 13 тысяч футов над уровнем моря, он представляет замкнутую котловину, которая с юга и юго-востока примыкает к Араксу составляющему в пределах Зангезурского и Джебраильского уездов границу нашу с Персией. Хребты утесистых гор, окружающие Зангезурский уезд, разветвляются по всем направлениям и перерезают весь уезд, образуя множество мрачных, малодоступных ущелий, котловину и обрывов. Самые значительные из

ущелий идут почти параллельно друг другу, по разным направлениям от юго-запада к северо-востоку. Бока этих ущелий то крутые, стоящие отвесною стеною, то отлогие, слегка поднимающиеся, расширяются и дают место многим населенным пунктам. Многие горы, начиная от подошвы до самых вершин, покрыты лесом, восходящим до 7500 и более футов высоты; пастбища и поля занимают центральную часть горы, где немало равнин и волнистых поверхностей. Вершины этих гор, переходящие за 9000 футов высоты, весьма каменисты. Такой слой почвы сохранился в местах более или менее защищенных от ветров. После таяния снегов почва эта быстро покрывается растительностью и представляет из себя роскошный ковер, ярко окрашенный всевозможными цветами. Поддерживаемая обильною влагою, зелень держится здесь с начала июня до конца августа, или до тех пор, пока первый снег не схоронит ее под своим покровом.

Климат в Зангезурском уезде отличается большим разнообразием, как, вообще, в гористых местах. Самые возвышенные места имеют климат холодный, несколько ниже, в полосе лесов, он становится умереннее; места, лежащие в горных котловинах и защищенные от ветров, отличаются теплотою. Но так как особенной жары летом, как и сильных холодов зимою не наблюдается в тех местностях, где расположены селения, то, в общем, климат уезда можно назвать умеренным. Исключением служит долина Аракса, где летний зной очень силен и длится от начала апреля до ноября. Количество атмосферных осадков в Зангезурском уезде приблизительно втрое больше, чем в остальных уездах губернии, и в большей части года стоят сумрачные и туманные дни, сопровождающиеся зимою снегом, а летом-мелким дождем. Мелкие продолжительные дожди благодатно действуют на пастбища, освежая зелень и восстановляя энергию растительной жизни. Господствующими ветрами здесь бывают преимущественно северо-восточные и северо-западные. Меняя направление в зависимости от атмосферных условий, они бывают сильные и продолжительные в восточной части уезда, чем в западной.

Свойства почвы здесь едва ли не разнообразнее климата: на пространстве каких-нибудь 2-3 верст встречаются почвы: и черноземная, и глинистая, и песчаная, и скалистая. Первые две почвы: всегда перемешаны с большим количеством валунов. Чаще всего, однако, почвы скалисты, едва покрытые тонким слоем земли, местами не более 3-4-5 вершков. Обработку земли тут особенно затрудняют валуны, которые в изобилии разбросаны на всех почвах и достигают иногда большой величины. И Бог знает, откуда здесь берутся валуны в таком огромном количестве! Часто на совершенно ровном плато, где нет ни речки, ни оврага, лежат они разбросанными отдельно, или целыми кучами. В общем, почва чрезвычайно скудна и требует, кроме громадного труда и массы времени по очистке ее от валунов, еще частых периодических отдыхов. Вообще, здесь, при сравнительно громадном количестве земли, по причине трудности очистки ее от камней, каждый обработанный участок на счету и ценится очень высоко.

Ни одна местность на Кавказе не имеет такого обилия родников, как Зангезурский уезд, и большинство населения пользуется всегда чистою, как хрусталь, родниковою водою. Вода многих из них насыщена минералами: вблизи селений Герусы, Баяндур, Нурадин, Дашкент, Минкенд и некоторых других имеются родники с большим содержанием углекислого газа. Железных источников также встречается немало. К железному источнику около селения Нурадин ежегодно летом съезжается масса больных.

Кроме минеральных источников, в Зангезурском уезде имеется немало минеральных богатств, но руды не эксплуатируются по отсутствию путей сообщения и не выплавляются на месте по отсутствию топлива. Залежи руд громадны, мощны и разнообразны: тут есть и серебро-свинцовая руда (при сел. Мазра), и железная, и медная, в особенности много последней. Из 5 медеплавильных заводов в настоящее время работают только два; но могли бы работать десятки заводов в разных местах уезда. В трех приблизительно верстах к югу от сел. Севакяр находятся залежи каменного угля, отчего и само селение называется "Севакяр"-черный камень. Высокие качества местной глины, в большом количестве залегающей около сел. Танзатап, утилизируются жителями, выделяющими из нее посуду, которую они развозят по своему и соседним уездам. Известкового камня в уезде также много, но известь выжигают только около сел; Татев и Лизин, где имеется топливо. Топливом Зангезурский уезд весьма беден, хотя, как уже сказано, многие горы покрыты лесом, рубка которого совершенно невозможна по отсутствии возможности доставки его. Преобладающие породы деревьев: граб, мелкий дуб, бук, ясень, карагач и др; на более возвышенных местах встречаются также клен, вяз, кизил и кое-где орешник. По низовьям Базар-чая, Баргушета и Охчи-чая, а также в долине Аракса встречаются фруктовые сады, виноградники, тутовые и ивовые насаждения. Тутовые деревья разводят здесь в сортах получения туты, как материала для винокурения, а ивовая, как быстро растущая в видах получения леса, пригодного для местных построек.

Зангезурский уезд, занимая площадь в 6878,07 кв. верст или 18,10% всей Елисаветпольской губернии, с населением в 125000душ.об. пола (69000м. и 56000 ж.) по относительной густоте населения стоит на четвертом месте в губернии, именно 20.34 человек на 1 кв. версту. Если принять во внимание, что местная природа позволяет селиться только в сравнительно немногих местах по ущельям, долинам рек и склонам гор, то густота заселения населенных мест весьма значительна. Мусульманское население группируется, главным образом, по рр. Базар-чай, Айри-чай, Баргушет, Охчи-чай, Акяра, Чоундур-чай и их притокам, а также по Араксу; армянское население разбросано по крутым склонам скалистых гор и на некоторых возвышенностях. Наиболее густо населены долины р. Базар-чай, Баргушет и Охчи-чай. Река Базар-чай берет начало в Арыхлинском хребте на южной части Джеванширского уезда и, направляясь с севера на юг с наклоном с запада на восток, поворачивает сначала на восток, а затем, почти под прямым углом, опять на юг, где и впадает в р. Баргушет, сливается с рекой Акера, несущей свои мутные воды в Аракс. Акера берет начало почти на границе Джеванширского уезда в горах: Гезегвер (8090 ф.), Аллакая (8510 ф.) и Чилгязь (7785 ф.). Как, вообще, все горные реки, упомянутые весною, во время таяния в горах снегов, и осенью, когда выпадает наибольшее количество атмосферных осадков, становятся недоступными, летом же и зимой, можно переходить эти реки вроде во многих местах.

Татарские селения состоят из мелких отселков, разбросанных, как и везде, в мусульманских провинциях края, на большом расстоянии. Что же касается армянских селений, то они, наоборот, страшно скучны. Улицы в них так круты и узки, что не только проехать по ним верхом, но зачастую и ходить по ним трудно. Часто посреди такой улицы находятся каменные выступы, через которые возможно переходить лишь с трудом. В большинстве селений это даже не улицы и не переулки, а горные тропинки, висящие над обрывами. Так как в таких скученных селениях раздвигаться некуда, то дома лепятся друг к другу и

выстроены обыкновенно по направлению склона сверху вниз таким образом, что плоские крыши нижнего ряда домов служат дворами для домов верхних рядов. Надо полагать, что выбор мест для расположения на них селений внушен жителям экономическими соображениями: занимать под селения самые неудобные места, чтобы сколько-нибудь удобные и ровные места утилизировать под распашку или для других сельско-хозяйственных занятий. Конюшни, куда загоняется скот, устроены под одною кровлею с жилым помещением и часто имеют внутреннее с ним сообщение. Двери в домах так же, как и окна, где таковые имеются, выходят на двор, на улицу же - одна небольшая комната, через которую возможно пройти не иначе, как сильно согнувшись. Жилые помещения состоят из одной комнаты, редко из двух, причем каждая имеет свой выход на двор, не соединяясь вместе с внутреннею дверью. Жизнь в таких домах обрекает жильцов на страшные неудобства, на невозможность соблюдения самых элементарных гигиенических условий.

Дома строятся из валунов или глины. Посреди крыши дома имеется отверстие для выхода дыма, а в большинстве домов оно же служит единственным отверстием для пропуска света. Когда во время дождя отверстие это закрывается, в доме воцаряется тьма. В домах всегда грязно и сыро, луч солнца туда никогда не заглядывает. Посреди комнаты в земле устраивается очаг (тындыр); в нем пекут лаваши, а иногда готовят и обед. Зимой над этим очагом ставится низенький, вроде табурета, столик (кирсы), покрытый паласом или скатертью, и вся семья садится вокруг этого столика, подсовывая под него свои ноги и согреваясь таким образом: спят на земле, причем все члены семейства располагаются так, что ноги, подсунутые под столик, находятся над отверстием очага. Если мысленно провести по головам всех спящих круг, то каждый член семьи изображает собой радиус, идущий от центра (очага) к линии круга, и чем больше членов семьи, тем больше радиусов в круге. Обычай этот почти повсеместен в нагорных селениях всей Елисаветпольской губернии, так же, как и способ постройки жилищ, в жилищах татар очаг заменяется камином или бухарем, редко отапливаемом, а пища готовится на дворе возле какой-нибудь стены или под навесом.

Население Зангезурского уезда живет сравнительно бедно, хотя есть и немало людей состоятельных; оно занимается сельским хозяйством, главным образом, хлебопашеством, и лишь немногие татары занимаются также скотоводством. Хлебопашество в нагорных местах, при трудности обработки почвы и скудости урожаев, вряд ли могло бы обеспечить население продовольственными средствами, если бы могучим подспорьем не служили отхожие промыслы. Громадное большинство мужского населения армян в возрасте от 15 до 40 лет из-за нужды ежегодно отправляется на зиму в Тифлис и Баку, Закаспийскую область, где находят себе верный и обеспеченный заработок. Отправляясь туда группами, часто в несколько десятков, в ноябре месяце, после осенних полевых работ, они возвращаются обратно в свои селения ко времени весенних полевых работ, к началу мая. Дороговизна продовольствия в местах заработков мало их касается: крайне неприхотливые, и в высшей степени экономные, они в состоянии жить целыми месяцами, довольствуясь хлебом и сыром, что дает им возможность чуть ли не весь заработок нескольких месяцев привозить с собою домой. Есть, однако же, и немало таких, которые остаются вне дома по 2-3 и более года и возвращаются с крупными, для крестьянского обихода, деньгами в несколько сот и даже тысяч рублей; есть, разумеется, и такие, которые, пробыв в Баку или Тифлисе 2-3 года, возвращаются обратно без всяких средств и одетые в лохмотья. Такие крестьяне, немедленно по возвращении в родное селение, начинают настаивать на разделе имущества, чтобы, отдав

свой участок земли в аренду, перехватить несколько десятков рублей и вновь уехать в Баку или Тифлис, где их привлекает лакейская служба или уличная жизнь. Во всяком случае, зангезурские армяне- люди трудолюбивые и трезвые. К сожалению, нельзя этого сказать о других представителях местного населения-о татарах и курдах. Занимая низменные места и пользуясь лучшими земледельческими условиями, чем армяне, они тем не менее живут значительно беднее, что объясняется сравнительно меньшим трудолюбием, меньшею подвижностью и большею беспечностью.

Многие из жителей по окончании полевых работ отправляют на продажу в Нахичеванский уезд Эриванской губернии свои излишки сельскохозяйственной производительности и оттуда доставляют на продажу фрукты, вино и соль. Последние перевозят даже в Шуши, где на вырученные деньги покупают и развозят по всем селениям керосин. В этом заключается почти вся торговая деятельность жителей уезда; в немногих селениях имеются мануфактурные и бакалейные лавки. Обрабатываемой промышленности в уезде нет.

Перевозочный промысел, о котором мы сейчас упомянули, указываемый на первоначальную стадию развития торговых сношений, может развиться с течением времени в солидный промысел только при условии разработки колесного пути от сел. Герусы до границ, с одной стороны Нахичеванского уезда Эриванской губернии, а с другой-Джебраильского уезда Елисаветпольской губернии. С осуществлением этого условия центр администрации и главный торговый пункт Зангезурского уезда, сел. Герусы, оказался бы соединенным с торговыми центрами Джебраильского и Шушинского уезда, Карабулахом и Агдамом и с гор. Нахичеванью. От Нахичевани до границы Зангезурского уезда имеется, как мы уже говорили, хорошая шоссейная дорога. Продолжить колесную дорогу от границы уезда до сел. Караклисы 1-е было бы нетрудно, так как по всему протяжению, по которому можно вести дорогу, нет ни скал, ни высоких подъемов; от Караклисы 1-е до земель герусинского общества, хотя и существует колесное сообщение, но оно требует капитальных работ. Внутри самого уезда пути сообщения совершенно примитивны: все селения соединяются между собой мало пригодными для передвижения горными вьючными тропами. Вообще, уезд не имеет ни одной сколько-нибудь благоустроенной дороги, даже патрульная дорога, недавно проведенная по берегу Аракса на средства Министерства финансов, приспособлена только для верховой езды и вьючного передвижения; но наиболее опасною следует считать дорогу, пролегающую через горное плато, известное под названием Уч-тапалар. Эта дорога самая главная в Зангезурском уезде, соединяет с Герусами 12 самых больших сельских обществ; она идет от Герусов через сел. Ангелаут и Шукяр на Кармалиновку, Нахичеванского уезда, где соединяется с колесною дорогой, ведущей в Нахичеван. Зимою сообщение по этой дороге совершенно замирает, так как снежные бури и метели на Учтапалар, начинающиеся всегда внезапно, быстро заметают снегом всякие следы, и нередко отправляющиеся по ней в Герусы или обратно жители, застигнутые врасплох, погибают от стужи: ни один почти год не обходится тут без нескольких человеческих жертв.

Нравственность населения описываемого уезда ничем не отличается от нравственности населения всех остальных уездов Елисаветпольской губернии. Относительно собственно армянского населения говорить нечего. Находясь под режимом христианской морали, оно не заключает в себе противообщественных элементов: число преступлений, совершаемых армянами, сравнительно невелико в общем, не превышает число преступлений, совершаемых порочными и людьми культурных наций. Есть, несомненно, многое в нравах и

обычаях армян, что требует коренного изменения в их же собственных интересах; но это изменение с течением времени придет само собою по закону эволюции. Не то приходится говорить о татарах, в особенности о курдах. Имея лишь смутные понятия о нраве собственности, татарин или курд склонен к самоуправству; причем обиженный, если оно слабее своего противника, никакой поддержки среди своих не находит: все преклоняются перед силой, в какой бы форме она не выражалась. Наказать человека сильного материально, или дерзкого до отваги, почти нет возможности. Кровная месть, сама по себе, крайне несимпатичная, как форма возмездия, обратилась во что-то невозможно пошлое. В поступке человека, который открыто идет на погибель, чтобы отомстить врагу, есть во всяком случае что-то идейное, даже стихийное, и может найти оправдание в психических свойствах малокультурных людей; видно какое-то волнующее его чувство, но когда совершение такого поступка обставляется так, чтобы самому не пострадать, или когда кровная месть уступает место мести из-за материальных расчетов, тут уже нет ничего идейного, ничего стихийного, тут под видом мести совершается простое насилие над личностью или имуществом ближнего. Убить из-за угла, подвести под ограбление, обвинить в несуществующем преступлении, помочь в увозе женщины, помочь в краже, сжечь запасы сена или хлеба, потравить посевы-вот излюбленные способы мести.

На этой почве обильно развелось сутяжничество, превратившееся в какую-то манию. Сутяге нет дела до результатов придуманного ими обвинения, он даже уверен, что ложь будет обнаружена, но он доволен тем, что причинил своему, действительному или мнимому, врагу неприятности, что, оклеветать его, они хотя отчасти удовлетворили месть свою. Сутяжничество, помимо своего деморализующего влияния, требует затраты времени и производство иногда весьма крупных расходов, что нередко отражается на и без того дурном экономическом положении населения, в свою очередь, влияющем на увеличение числа преступлений. Ко всему этому следует прибавить неопределенность землепользования и землевладения, также порождающих не мало самоуправств и насилий, увеличивающих число дел в административных и судебных аппаратах и сильно бьющих по карману: подставные свидетели, адвокаты и поездки, вызываемые судебною волокитою-все это стоит немало денег. Нередко даже сумма всех расходов, производимых в борьбе за какой-нибудь участок земли, превосходит стоимость самого участка. Все, что мы тут сказали о нравах жителей Зангезурского уезда, относится в одинаковой степени и к жителям Елисаветпольской губернии и даже всего восточного Закавказья. Изменить нравы этого почти полудикого населения могут только время и школа. К сожалению, до сих пор на весь уезд имеется не более 10-15 школ. Впрочем, в скором будущем предполагается, по настоянию губернской администрации, открыть целый ряд новых школ не только в Зангезурском уезде, но и повсюду в Елисаветпольской губернии. Школы и улучшение экономических условий жителей населения лучше подействуют на изменение его нравов, чем меры карательного и устрашающего характера.

Пробыв в Герусах несколько дней и выполнив возложенное на меня службой поручение, я поехал обратно в Елисаветполь через Джебраильский уезд. Дорога лежит через сел. Сариятаг на р. Акяре, служащей в этом месте границей между Зангезурским и Джебраильским уездами. От Герусы до Сариятага не менее 6 часов безостановочной езды верхом. Переночевав в Сариятаге, на другой день рано утром, я переправился в брод через р. Акяру

и поехал по Геенской степи в уроч. Джебраиль и далее через русский Карабулаг и Агдам до ст. Евлах, заехав по пути в сел. Гадрут, где у меня также было служебное поручение.

Переезд по Геенской степи, продолжающийся не менее 8-9 часов, наводит страшную тоску: все неподвижно и мертво, нигде ни одного кустика. Единственные живые существа-это змеи, переползающие с грозным шипением дорогу. Степь эта оживляется лишь в течение трех зимних месяцев, служа пастбищем для многочисленной баранты, и в начале весны, когда на них появляются кочевники со своими стадами. Особенно сильное оживление замечается тут с половины апреля до половины мая, когда к кочевникам Елисаветпольской губернии присоединяются кочевники значительной части Бакинской губернии, направляющиеся на эйлаги Зангезурского уезда.

Коснувшись кочевников, не могу не остановиться, чтобы не сказать несколько слов по вопросу о переходе их к оседлой жизни.

По характеру своего быта население восточного Закавказья резко делится на оседлое, полуоседлое или полукочевое и на совершенное кочевое. Переходу всей массы полукочевого населения с исключительно оседлому образу жизни препятствуют, говорят исследователи экономического быта туземного крестьянского населения, кроме исторических причин, местные климатические условия и, главным образом, занятие скотоводством. Такое рассуждение, по нашему мнению, не совсем правильно. Что касается исторических причин, то таковые, если когда-нибудь и имели значение в вопросе об улучшении быта крестьянского населения края, давно уже канули в вечность, хотя, несомненно, оставили глубокий след в его нравах и обычаях; климатические же условия и занятие большинства полукочевого населения скотоводством ни в коем случае не могут служить припятствием к переходу его к оседлому образу жизни. Этому, по крайней мере, противоречат имеющиеся на лицо факты. Но оставив полукочевых жителей, и займемся теми, которые ведут исключительно кочевой образ жизни- номадами в полном смысле слова. В общей массе населения число номадов сравнительно невелико, но все-таки оно настолько значительно, что обращает на себя внимание.

Кому приходилось разъезжать по восточному Закавказью, тому, по всей вероятности, неоднократно попадались небольшие группы кочевников. Такие группы, состоящие из 1-2-3 и более родственных между собою семейств, в особенности часто попадаются на равнинах долин Аракса и Куры. Гоня впереди себя две-три головы захудалого скота, навьюченных грязными войлоками, дешевыми палсами и камышовыми циновками, поверх которых барахтаются цыплята, кочевники сами медленно плетутся позади: мужчины с заложенными на спину руками, старухи с тяжелыми котомками за плечами и молодые женщины с грудными детьми, привязанными к спине. Босые, едва прикрытые лохмотьями, старыми и грязными чувалами, кочевники эти странствуют изо дня в день, из года в год, не зная устали, отдыхая и ночуя под открытым небом на сырой земле: жара, ветер, холод, голод-все им нипочем. Во время зимы, которая на низменности бывает непродолжительна и несурова, кочевники или устраивают себе шалаши, или кибитки из камыша, и покрывают их войлоками и полосами, или, как полевые мыши, прячутся в вырытых в земле ямах, прикрываемых землею. Лишь только покажется весеннее солнце, они опять выползают из своих нор, чтобы вновь пуститься в странствование.

Хотя привычка и слишком много значит, хотя она часто служит стимулом к тому или другому образу жизни и дает ей направление, тем не менее верится с трудом, чтобы люди с

нормальными физиологическими потребностями, в которых не может не существовать сознание различия между тем, что хорошо и что дурно, что полезно и что вредно, чувствовали особую привязанность к постоянной скитальческой жизни впроголодь. Ошибочно думают, что, без исключения, все кочевники занимаются скотоводством; наибольшая часть их вовсе ничего не имеет, кроме разве одного быка и одного-двух ишаков для навьючивания своих кибиток и незатейливой домашней утвари. Дайте им земли для обработки и воды для орошения ее и они охотно сделаются оседлыми землепашцами. И как-то странно видеть людей, стоящих на известной ступени культуры, единственное назначение которых состоит в постоянном и бесцельном передвижении с места на место, в то время как сотни тысяч десятин степных пространств, годных для культуры, не обрабатываются по неимению воды для орошения, и речная вода, которую можно бы было утилизировать даром, уносится в море. Созданное на Кавказе для урегулирования пользования водою учреждение, само по себе прекрасное и целесообразное и, без сомнения, принесет свою долю пользы населению; но вызванное к жизни недостатком воды для орошения полей, оно своим существованием не перебивало ни одной новой капли: громадные пространства земли, которые могли бы быть обработанные, по-прежнему лежат втуне, и хлеба с наступлением летних жаров по-прежнему горят то тут, то там, приводя в отчаяние сельских хозяев. А в таком случае начинать прямо с проведения новых, где это возможно, для первого начала, и с исправления старых ирригационных канав, без которых сельское хозяйство в крае не может прогрессировать сколько-нибудь заметным образом, в особенности при ежегодно увеличивающихся засухах, какие бы не предпринимались для этого другие меры. Муганская, Мильская и другие степи, покрытые сетью ирригационных канав, дали бы кочевникам возможность осесть на свободные земли и развиться здесь целому ряду новых селений; точно так же в этих степях нашли бы место тысячи русских поселений. На первое время достаточно бы было даже возобновить древнюю канаву Гяур-арх на Мильской степи, берущую начало в Араксе, вблизи Сафаралинского кордонного поста.

Что кочевники, не владеющие в настоящее время никаким имуществом, охотно сделаются при благоприятных условиях оседлыми, это доказывает не малое число примеров. Даже многие из кочевников, существование которых более или менее обеспечено скотоводством, увлекаясь примерами получения значительных выгод от земледелия, также стали заниматься обработкою земли, хотя, правда, пока еще в размерах, весьма ограниченных, причем часто им приходится преодолевать с большим трудом неблагоприятные, почвенные, оросительные и иные условия.

Кочующие общества располагают свои зимовники на обширных пространствах Муганской, Мильской, Геенской и других степей, лежащих в долинах Аракса и Куры.

Улучшение благосостояния этих вольных, но несчастных сынов, бродячей жизни, принятие гражданственности, внушение им культурных понятий может быть мыслимо только при условии радикального изменения образа их жизни, т. е. путем прикрепления их к земле.

На следующих день я выехал из уроч. Джебраиль в Гадрут-армянское селение в Гозлучайском ущелье.

От почтовых станций Гюзлак агдамо-джебраильского почтового тракта стелятся две дороги: одна на юг-продолжение почтовой дороги в уроч. Джебраиль, откуда я ехал, другая на запад в Гозлучайское ущелье, до которого от Гюзлака не более 8-10 верст. Среди диких

гор Кавказа разбросано немало чудных уголков и много прекрасных ущелий, достоинство которых люди еще в доисторические времена отлично умели оценивать и выбирали их местом своего поселения. Эти уголки и ущелья - настоящие оазисы в бесконечной цепи скалистых и безлюдных гор, в них всегда кипела жизнь и совершались исторические события, имевшие влияние на судьбы последующих поколений. К таким ущельям принадлежит и Гозлучайское. Имея примерно в длину верст 20-25, оно довольно широкое и как своею живописностью, так и богатством природы выделяются из всех ущелих, разбросанных в отрогах Карабахских гор; оно окружено с юга, запада и севера горами различной высоты, на склонах которых разбросаны в недалеком друг от друга расстоянии целый ряд селений. По ущелью протекают параллельно друг другу две горные речки: Гузей-чай, Гуней-чай, образующиеся от слияния нескольких источников, вытекающих с горы на запад ущелья. В центре ущелья, на дне его, на месте наибольшего расстояния одной речки от другой, расположено селение Гадрут. Селение это большое, торговое и, по сравнению с другими туземными селениями, отличается некоторым благоустройством; оно имеет немало очень хороших домов, крытых черепицей или жестью, имеет церковь, двухклассное мужское казенное училище и женское училище. В общем, Гадрут скорее похож на большую пригородную слободу, чем на селение, а жители его по образу жизни, скорее, на мещан, чем на крестьян. В полуверсте от сел. Гадрут находится урочище Ванк, теперь местопребывание штаба елисаветпольской бригады пограничной стражи, а в 1891 году служившее местопребыванием одного из казачьих кордонных полков. Упомянутые речки, протекая по скалистой покатости с запада на восток, сливаются немного ниже Гадрута в одну речку Гозлу-чай. Как ущелье, так и речка получили свое название от ореховых деревьев, некогда в чрезвычайном множестве разбросанных по всему протяжению ущелья, а теперь значительно поредевших. Гозлучайское ущелье считается наиболее густонаселенною и культурною частью Джебраильского уезда. По длине всего ущелья, на дне его, узкою полосою тянутся сплошные виноградники и тутовые сады; в мае месяце склоны гор покрываются густою травою. Лет сорок тому назад склоны эти в многих местах покрывали густой лес, хищнически истребленный отчасти для очистки земли под пашни, отчасти для построек и топлива; строительный материал для возведенных тогда в Ванке казенных построек был также взят из этого леса.

Жители Гозлучайского ущелья занимаются хлебопашеством, садоводством, виноделием и шелководством, есть там и немало ремесленников. В особенности развито там в обширных размерах шелководство. Сел. Гадрут с наступлением весны превращается в громадную сплошную червоводню, разделенную на множество отделений: жители выселяются тогда на балконы, уступая свои жилища шелковичным червям. Из 20 слишком тысяч пудов шелковичных коконов, производимых в год в Джебраильском уезде, немного меньше половины этого количества приходится на Гозлучайское и соседнее с ним Сурское ущелье и разматывается на имеющейся в Гадруте паровой шелкомотальной фабрике. В Гозлучайском ущелье добывается, кроме того,около 10 тыс. вед. виноградного вина и до 6 тыс. ведер фруктовой и виноградной водки. Запасы хлеба там также довольно крупны, и жители ущелья никогда не имели недостатка в хлебе, хотя урожаи там и не очень обильны; вода для потребления исключительно родниковая, здоровая. Что касается климата, то лучшею характеристикой его служит рослость и здоровье жителей; холера никогда туда не заглядывала, не было ее там и в 1892 году: в то время как во всех селениях, расположенных на равнине

впереди ущелья, число заболеваний холерой было весьма значительно, а смертность в некоторых из них достигала до 70%, в Гозлучайском ущелье жители не знали ни одного случая заболевания холерой.

Судя по разбросанным по склонам и вершинам гор памятникам древности и преданиям, Гозлучайское ущелье весьма богато историческими фактами времен распространения и утверждения христианства в Армении. Между памятниками этими главное место принадлежит развалинам крепостей, монастырей и церквей; здесь каждая гора, каждый холм, каждая пядь земли, обагренная человеческою кровью, имеет свою историю, свое предание или легенду. Теснимые с одной стороны Персиею, а с другой-Грузиею, до водворения в ней христианства, армяне этой части древней области Арцах укрывались в этом ущелье, с горы которого удобно было защищаться. Когда религиозные войны между христианством и язычеством заменились борьбою сначала между христианством и магометанством, а затем между последователями двух религиозных магометанских учений-шиитского и суннитского-между персианами и турками, Гозлучайское ущелье у при изменившихся условиях также продолжало оставаться ареною кровавых битв; оно же служило местом убежища для армян, преследуемых или гонимых ханами.

Не будем останавливаться на описании всех памятников древности, рассеянных по вершинам и склонам окружающих Гозлучайское ущелье гор. Упомянем, однако, о тех, которые наиболее сильно почитаются народною памятью.

На высоком склоне одной из гор, на юго-западе от сел. Гадрут и близ сел. Ванк (именем которого названо урочище) бывшей резиденции армянских епископов, находятся остатки древнего монастыря. Хорошо сохранились бывшие трапезные комнаты, над низким входом в которую имеется следующая надпись: "Я, Мкртич, воздвиг эту постройку в память сына Сурабия-епископа Ованеса в 1184 году армянского летоисчисления в том году, когда Тахмас-Кули хан прогнал оттуда турок". Под выражением "воздвиг" следует разуметь "реставрировал", так как бывший тут монастырь многими столетиями древнее времени, когда в Азербайджане господствовали турки. Позади этой трапезной комнаты находится хорошо сохранившаяся монашеская келья, высеченная в скале. Тут же находится и бывшая монастырская церковь, носящая название "Сурп-Сиптаг-Хач", что означает "Святой белый крест". Предание говорит, что белый крест всего лет 15 тому назад, похищенный из церкви, упал с неба вместе с градом. Долго крест этот находился в Аг-огланском монастыре, где покоится прах внука св. Георгия Просветителя, и откуда его 11 лет тому назад перенес в эту церковь один из переселившихся сюда монахов. Церковь крашеная и поддерживается ванкцами, которым и принадлежит. В нескольких шагах от церкви, посреди древнего кладбища, находится "камухач" (светлое место), нечто вроде полуразвалившегося мавзолея, воздвигнутого над могилой какого-то святого. К этому камухачу часто собираются богомольцы, преимущественно страдающие ревматизмом и верующие, что молитва на этом месте служит лучшим средством исцеления от этой болезни.

На северо-западе от Гадрута, верстах в 14-15, находится гора, называемая "Тизафайтскою", господствующая над всеми другими, окружающими Гозлучайское ущелье. Гора эта мало доступна, с одной стороны, почти отвесна и с южной стороны видна на большом расстоянии от самого Джебраиля. На вершине этой горы также находятся какие-то развалины, к которым ежегодно, в начале осени, отправляются армяне на поклонение праху мученников Мосеса и Ераноса, сожженных на костре язычников. Об этих мучениях существует следую-

щее предание: воины одного из грузинских царей, напав на Арцах (впоследствии Карабахское и Гянджинское ханства), взяли в плен многих из учеников архимандрита Месропа, оставшихся в Арцахе после его смерти. В числе пленных была одна женщина, по имени Такуи. Красивая собой, она пленила грузинского полководца. Последний пожелал на ней жениться. Такуи, будучи христианкой, согласилась лучше принять мученическую смерть, чем сделаться женою язычника. Полководец, придя в ярость, приказал изрезать ее на куски и разбросать по полю, что было исполнено. Ночью куски трупа были объяты небесным светом, и пораженные язычники, признав это за знамение свыше, поспешили принять христианство. В числе обращенных были и полководец с двумя его сыновьями, Мосесом и Ераносом. Собрав куски трупа Такуи, они похоронили их на вершине одного холма, названного Астхаблур (холм звезды). Узнав о случившемся, грузинский царь-язычник приказывает схватить изменивших вере и убить их. Тогда Мосес и Еранос с некоторыми другими, принявшими христианство воинами, скрылись на вершине одной из высоких гор, куда за ними последовали и преследователи их. Поймав и разрубив их на куски, язычники-преследователи сложили куски трупов вместе с дровами в виде стогов и сожгли, отсюда и сама гора получила название "Тизафейт". Событие это относится, по-видимому, к началу V столетия. Деятельность св. Месропа в качестве проповедника евангельских истин была особенно богата разнообразием в армянской области Арцаха, лежавшей между областями Пейдеканраном с востока, Сюником с запада, Уди с севера и рекою Аракс с юга. Гозлучайское ущелье по географическому положению своему, находилось в Арцахе. Первые проповедники христианства в Арцахе, как и, вообще, в Армении, апостолы Варфоломей и Фаддей, по преданию, некоторое время имели местопребывание в Гозлучайском ущелье, где обратили многих в христианство.

После трехдневного пребывания в Гозлучайском ущелье я должен был опять вернуться в Джебраиль.

Из Джебраиля я отправился в Карабулах-единственное русское селение в Джебраильском уезде. Селение это основано в 1833 году из 40 дворов поселян, переселившихся сюда из сел. Базар-чай, Зангезурского уезда, куда они в 1830 году были переселены из некоторых внутренних губерний России административным порядком за принадлежность к сектантству. Саранча, истребившая первоначальные урожаи переселенцев, вынудила их искать более гостеприимное место, и они переселились в Джебраильский уезд, основав тут сел. Карабулах-русское. Все жители этого селения молокане и живут, по сравнению с окружающим их туземным населением, довольно зажиточно, что является справедливой наградой за их трудолюбие.

На громадном пространстве в 24255 кв. верст восточной и южной части Елисаветпольской губернии имеется всего два русских селения: Карабулах и Базар-чай, последнее находится на самой южной части губернии на границе с Эриванской губернией. Эти два селения, теряясь во множестве туземных селений, совершенно незаметны. Тем отраднее чувство, которое охватывает вас, когда, приближаясь к русскому селению, вы издали увидите ряды правильного расположенных беленьких домиков, крытых черепицей, соломой или камышом. Это-оазис в громадной пустыне, местами усеянной едва заметно выдвигающимися из земли грязными и унылыми землянками, из которых состоят туземные селения. На улицах движение, слышна русская речь, видны русские костюмы.

Наибольшее число сектантов, как в этом селении, так и во всех русских селениях Закавказского края, принадлежит к молоканам; но последние также делятся на четыре отдельных толка: постоянных, духовных или прыгунов, общих и назареев или кротких. Духовные верят, что Дух Святой нисходит на человека, видимо, во время богослужения. Снисхождение Святого Духа на кого-либо совершается следующим образом. Во время богомоления один из присутствующих на собрании вдруг задумывается и, как бы чувствуя упадок сил, облокачивается на стол, если он сидит или на стену, или стоит. В этом положении он остается неподвижно минуты две, как бы замирает, затем начинает издавать глубокие вздохи, как бы под влиянием сильной боли. После нескольких таких вздохов "объятый Святым духом" начинает слегка покачиваться из стороны в сторону, ударяя то одною, то другою ногою о пол. Затем быстро вскакивая со скамьи, начинает прыгать и кружиться по молельне, что продолжается до полного утомления. Во время прыжка, он "пророчествует", то есть произносит непонятные короткие фразы, составленные часто из смеси слов разных наречий: армянского, татарского, курдского и другие. Чем непонятнее для окружающих изреченная тарабарщина, тем таинственнее смысл ее. Устами пророчествующего говорит сам святой дух и начетчики напрасно изощряются в толковании божественных слов: смысл их недоступен смертному, рожденному от плоти. "Мани, Факел, Фаресь" или "Содом и Гоморра"- таинственно произносит иногда пророчествующий, и в толпе раздается плач и стон, точно земля и в самом деле, собирается их проглотить. Во все время "пророчества" присутствующие усиленно поют псалмы. Духовные молокане соблюдают праздники христианства (Благовещание, Рождество Христово, Крещение и Преображение) и пять моисеевых (Пасха, Пятидесятница, Память труду, Судный день и Кущи). Считая себя религиозною общиной, "духовные" молокане имеют в каждом из своих селений по пять духовных членов, управляющих общиной, пресвитера или молитвенника, помощника его, сказателя, постоянного пророка и певца. Молокане "постоянные" отличаются от духовных тем, что не признают видимого сошествия Святого духа на человека. Сетка "общих" имеет в крае немногих представителей. Это нечто вроде особого братства. Ничем не отличаясь от молокан "постоянных" в своем вероучении, "общие" считают основным правилом своего учения отрицание частной собственности. Работая на общую пользу, каждый из членов братства располагает только тем, что ему отпускается из кассы братства и его амбаров; у каждого в доме может быть только то, что имеется у каждого из принадлежащих к братству. Жилища строятся всем братством и принадлежат ему так же, как и всякое другое имущество, движимое и недвижимое. Жизнь на таких коммунистических началах называется подражанием жизни апостолов. В братстве имеется семь правящих членов, судья, жертвенник, молитвенник, смотритель, распорядитель, словесник. Назареи или "кроткие", считая Иисуса Христа Духом Святым, отвергают рождение Его от Девы Марии; правящих членов в общине нет. Молокане "назареи" имеют немногих представителей, и все живут в одном селении Козлучай Шемахинского уезда.

Несмотря на продолжительное пребывание молокан среди туземного населения, в нравах и образе жизни их не произошло никаких перемен: они остались точно такими же, какими некогда были их предки на отдаленной родине; но твердость их религиозных убеждений, несомненно, пошатнулась: дух сектантного учения, видимо, ослабевает, и немало среди них, в особенности среди молодежи, встречается таких, которые начали сознавать неправоту своего учения, и если пока немногие решаются принять православие, это объясняется тем,

что для них очень трудно отречься от "старой веры", оставаясь в своей среде, зато переход от одного раскольничьего учения к другому встречается очень часто и не вызывает разлада в семье. Объясняется это, главным образом, тем, что последователи различных сект, живя в селениях смешанно, вступают между собою в родство посредством браков. Часто в одном семействе встречаются представители двух-трех сект. Отец, напр., принадлежит к семье молоканской, мать-к субботникам, а сын и его жена-баптисты. Большие успехи делает в особенности баптизм. За последние годы многие из молодых молокан начали принимать это учение, одни гласно, другие, боящиеся разрыва со стариками, негласно. Так как число переходящих в баптизм увеличивается с каждым днем, то наиболее сильные ревнители "истинной веры духовных христиан",- как называют молокане свое учение, стали серьезно опасаться за будущность молоканства. Чтобы приостановить дальнейшее отступничество "отверы", старики придумали устраивать от времени до времени религиозные собеседования с баптистами. Собеседования бывают местные и всенародные, причем последние превращаются в настоящие публичные религиозные диспуты. Местные собеседования происходят между молоканами и баптистами, отпавшими от молоканства жителями одного или разных соседних селений. В тех случаях, когда баптисты упорствуют и не обнаруживают намерения согласиться с доказательствами своих оппонентов, или когда собеседующие оказываются несостоятельными, вследствие недостаточного знакомства со Священным писанием, который каждый молодец толкует на свой образец, устраиваются собеседования всенародные. Для этого сзываются лучшие начетчики и знатоки. Священного писания из разных частей Закавказского края. На последнее собеседование съезжается множество и множество людей, заинтересованных в их исходе, а еще больше любопытных. Всенародные собеседования, или религиозные диспуты устраиваются таким образом: собравшиеся молокане и баптисты разделяются на несколько групп. Каждой группе дается на обсуждение один вопрос. Обсуждение по группам происходит в частных домах и продолжается подряд несколько дней. Вопросы, по которым соглашения между спорящими сторонами не последовало, переносят на обсуждение в высшую инстанцию, в собрание всех лучших и почитаемых за наиболее авторитетных начетчиков. Эти последние собеседования устраивают уже при стечении громадного числа слушателей, в молитвенном доме и обязательно вечером, при освещении множества ламп и свечей. Народу собирается такое множество, что молитвенный дом не вмещает всех, и многие наполняют двор молитвенного дома, нетерпеливо ожидая исхода собеседования. Начетчики, которые должны принимать непосредственное участие в обсуждении нерешенных отдельными группами вопросов, рассаживаются вокруг большого стола, и каждый из них раскрывает перед собой Евангелие. Беседа открывается наиболее известным по своей компетентности в священном писании начетчиком предложением какого-нибудь тезиса, вроде следующего: "Скажите, братья, как следует понимать видимое крещение, и что надо разуметь под духовным крещением". Эти, как называют их молокане, "общие собеседования" также длятся по несколько часов в течение нескольких дней.

Несмотря, однако, на такую радикальную меру, придуманную стариками-молоканами, переход молокан в баптизм не только не прекращается, а, напротив, продолжает постоянно увеличиваться, так что молоканству грозит серьезная опасность со стороны баптизма. С точки зрения православия такие собеседования между представителями двух сект полезны в том отношении, что многие, окончательно убедившись в несостоятельности как своих уче-

ний, так и учений противников и совершенно разочаровавшись, переходят в православие. Так, известно, что после собеседований, имевших место в сел. Ивановке Геокчайского уезда, в 1894 году, многие тифлисские, эриванские и другие баптисты и молокане вернулись к православию. Прибавим, что к баптистам в религиозных диспутах примыкают и штундисты; баптистов лет 10-15 тому назад было немало в сектантских селениях Закавказья, но теперь они почти исчезли, отчасти слившись с баптистами, и отчасти, перейдя в православие, уехали обратно в Россию, откуда были высланы.

Верстах в 2-3 от Карабулаха-русского, протекает река Канделан-чай. Саженях в двух от реки находятся остатки каменного моста, обросшие густою травой. Происхождение этого моста кроется во мраке времен исторических, и в местном населении не сохранилось относительно времени построения его никаких определенных преданий. Одни говорят, что он построен в одно время с весьма древним Худаферинским мостом на Араксе, сооруженным будто бы Александром Македонским, другие приписывают постройку его какому-то царю Бахману. По положению моста относительно реки, следует заключить, что он был выстроен над рекой, которое с течением времени изменило свое русло, вследствие чего мост остался в стороне от реки, а отсутствие вблизи моста населенных мест сохранило его от окончательного разрушения человеческими руками. Известно, впрочем, что река Кандалан-чай, служащая северною границею Джебраильского уезда, была некогда широкою и глубокою рекою, через которую нельзя было, как теперь во все времена года, переправляться вброд. Достовернее, однако, всего, что мост этот, как и мост Худаферинский, был сооружен Шах-Аббасом Великим, в царствование которого впервые была здесь положена так называемая "Шахская дорога", соединявшая Персию со всеми ханствами, некогда вошедшими в состав Адербейджанской провинции и ныне составляющими часть восточного Закавказья.

На берегу этой реки, со стороны Джебраильского уезда, почто прямо против развалин моста, обращает на себя внимание высокий искусственно сооруженный холм, широкий в основании, постепенно суживающийся кверху и оканчивающийся наверху ровною площадкой. Теперешнее название этого холма "Кара-кепек"-черная собака; но в древности он назывался "тахт-тоуз", что означает "павлиний трон". Об этом холме в населении существует следующее предание. Во времена язычества на землях, лежащих по обеим сторонам Аракса, было многолюдное царство; правил им Шах-Бахман, в честь которого был выстроен на берегу Аракса город того же имени (теперь небольшое селение "Бахманлы"). Обычай того далекого от нас времени требовал, чтобы коронование царей этого царства происходило на возвышенном месте, под открытым небом, в присутствии всего народа. Для этой цели шах-Бахман велел посыпать посреди своего царства, называвшегося по имени его основателя Бахманхинским, на берегу Кандалан-чая, семь холмов, в близком один от другого расстоянии. Первый, наиболее высокий холм, называвшийся "Тазт-тауз", служит местом коронования для всех царей Бахманхинского царства, начиная с шаха-Бахмана, а на шести остальных, менее высоких холмах, размещались подвластные царю правители отдельных провинций, сатрапы и придворные вельможи. Впереди холмов, на той стороне реки, на которой находятся развалины моста, раскидывается обширный лагерь, в котором войско и народ предавались веселию по случаю торжества коронации. Название "Тахт-тауз" дали холму потому, что корона, которою короновались бахманхинские цари, украшались павлиными перьями. Лет 16-18 тому назад, при разработке дороги, идущей мимо Павлиного трона, найдены были стальные шлемы, панцирь, щит и какая-то чаша весьма старинной

работы. Нет сомнения, что специальные раскопки на месте холма открыли бы много любопытных археологических редкостей, относящихся к истории Адербейджана, а может быть и послужили бы объяснением предания о Бахманхинском царстве.

Жители Бахманхинского царства поклонялись сначала деревьям, известным в населении под названием "Санебар"-особая порода чинарового дерева, а потом огню, поклонение которому введено было Заратустрой (Зороастром). В той части Бахманхинского царства, которая находилась на левой стороне Аракса, насчитывалось 12 больших городов, из числа которых наиболее известными по густоте населения считались четыре: Бахман-резиденция царя и главного жреца; Олтань-теперь Олтанский кордонный пост в Джеватском уезде Бакинской губернии-расположенный по обоим берегам Аракса. На персидском берегу и теперь видны остатки развалин и следы оросительных канав: Оран-кала-запущенная крепость, также в Джеватском уезде, и город, название которого не сохранилось в народной памяти; он находится на том месте, где теперь поселок Пейгамбер, в Пейгамберской степи в Шушинском уезде. Последний город занимал выдающееся положение и в первые времена распространения в Адербейджане магометанства; там и теперь существует мечеть, два минарета и кладбище, на котором хоронят почетных покойников и куда многие мусульмане раз в год отправляются на богомолье. Город этот имел большое население; но так как саранча еже годно истребляла посевы хлебов, то жители, терзаемые голодом, разбрелись, основав в различных местах Адербейджана ряд селений. За Араксом, в другой части Адербейджана, также было несколько городов, принадлежавших этому древнему царству и к числу которых принадлежал теперешний Тавриз, древнейший из персидских городов. Большая часть городов и селений Бахманхинского царства снабжалась водою из реки Аракс посредством целой системы канав, самая большая из которых впоследствии получила название Гяур-арх, следы которой в Мильской степи, некогда неселенной, видны и теперь. О происхождении этой канавы другое предание. Когда то в местности Киз-каласы (девичья крепость), на горе, носившей название Трдаг, был большой город, в котором жила царица Бахманхинского царства, по имени Хумаи. Народ ее страдал отсутствием воды, а палящие лучи солнца выжигали и ту скудную растительность, которая выступала из земли с наступлением весны. Чтобы обеспечить его водою и тем вывести из бедственного положения, царица задумала устроить на протяжении всего своего царства обширную канаву. Запрудив Аракс (по словам предания свинцом), они разделили воды его на два рукава, заставив, таким образом, реку течь по заранее проведенным по обеим сторонам реки канавам, из которых были проведены в разные стороны другие, меньшие канавы. Канава, по левую сторону реки, названная впоследствии Гяур-арх, орошала поля городов и селений, лежавших по направлению ее до р. Куры, куда она и впадала (немного выше теперешнего селения Агджабеды Шушинского уезда). Многое в этом последнем предании принадлежит к области народной фантазии, но что канава Гяур-арх действительно существовала, доказывают многочисленные остатки ее. Развалины одного из мостов, бывших на этой канаве, видны и теперь недалеко от селения Чихирлы.

Откуда происходит предание о Бахманхинском царстве, о шахе Бахмане и о царице Хумаи? Известно, что всякое проявление народной фантазии имеет основание в каком - либо некогда бывшем факте, являющемся как бы клубком, на котором века наматывают различные вымыслы. Не делая относительно этих преданий никаких произвольных выводов, мы только напомним читателям о вероятной связи их с некоторыми,

весьма отделенными историческими фактами.

Известно, что персидского царя Артаксеркса 1-го Лонгимана (471-424 до Р.Х.), сына Ксеркса, звали Бахман-Ардаши ром и Ассупром. Он был женат на Еврейске, той самой, которая служила орудием освобождения еврейского народа от персидского ига. Персидские предания утверждают, что царица Хумая была дочерью Бахмана от жены его, еврейки, по имени Диназады. Известно также, что библейское имя Ассупра было Ахашверош и что он был женат на Эсфири. Отсюда следует, что Диназада и Эсфир-одно и то же лицо и что, следовательно, Шах-Махмани Хумая суть действительные исторические личности, некогда повелевавшие страной, названной впоследствии Адербейджаном, значительная часть которой ныне входит в состав Закавказского края. Считаем при этом уместным привести тут и следующую историческую справку. К юго-востоку от Тавриза в персидской провинции Ирак-Аджеми, находится древний город Экбатана, знаменитая столица Мидии, служившая после падения мидийского царства, летнею резиденциею персидских государей. На том месте, где была древняя Экбатана, существует город Гамадан. Посреди этого города находятся гробницы знаменитых в еврейской истории Мардохея и Эсфири. Область, где находится Тавриз, составляла с древней Арменией северо-западную границу древней Мидии, покоренной ассирийским царем и отригнутой от нее возмущением Арбака, правителя Мидии, впоследствии разрушенной персидским царем Киром, сыном Камбиза и Манданы. Эта область Мидии известна была грекам под именем Атропатены; персияне же называли ее Адербейджаном, что значило на языке гебров "дом огня". В этой области родился Зороастр, основатель в Персии учения о поклонении огню.

Дорога от р. Кендалан-чай идет по широкому хонашенскому ущелью. Посредине между рекою и станцией Хонашен, находится длинный невысокий выступ. Высшая точка этого выступа образует перевал. До этого перевала природа довольно однообразна; с перевала же картина природы меняется: волнообразная поверхность постепенно переходит в хребет невысоких гор, а затем все в более и более высокие горы различных очертаний. Горы эти-западные отроги Карабахского хребта. Среди них особенно выдаются своими коническими формами Большой Кирс (8988 ф.н.у.м.), Малый Кирс (7337), Черыштадаг (7847) и Сакиаган (7068). От Хонашена вплоть до Агдама, через ст. Пир-Агбулаг, местность представляет равнину. С проведением почтового тракта на Джебраиль, она стала заметно оживляться: тут начали возделывать землю, дотоле лежавшую втуне и служившую лишь удобным местом пристанища для персидских хищников и беглых каторжников. Теперь по всему протяжению Хонашенской равнины идут местами, с обеих сторон дороги, обработанные поля, или богатейшие сенокосы, но селений нигде не видно: они отодвинуты далеко за высокие холмы. Скучная и безмолвная зимою и летом, равнина эта, служащая пастбищем, бывает оживлена весною и осенью, когда бесчисленные стада овец медленно поднимаются в горы к своим зимовникам: тогда воздух оглашается беспрерывным блеянием овец, лаем многочисленных овчарок и пронзительными криками пастухов-курдов, одетых в войлочные бурки и в такие же колпаки с рожками. На этой равнине стада овец, пригоняемых с Мильской, Муганской и других степей, остаются до первой возможности двигаться дальше все выше и выше, и к началу июня равнина опять стихает.

Передвижение кочевников с низменности на эйлаги и обратно представляет собою непередаваемую картину настоящего хаоса.Двигаясь вперед или назад целыми кочевьями, часто в несколько сот человек, гоня впереди себя несколько тысяч голов крупного или

мелкого скота, кочевники то занимают все дороги, то разбрасываются своими кибитками по равнинам, уступам гор и плоскогорьям, потравляя или уничтожая все на пути следования. Смелые и дерзкие, они, не зная препятствия, идут все дальше и дальше, руководствуясь тем же инстинктом, который двигает вперед саранчу. Драки, ранения, убийства, поджоги и кражи-обыкновенные спутники этого стихийного движения. Хотя во время предвижения кочевок полиция и работает усиленно, но обуздать и водворять порядок одновременно на многих дорогах, ими занимаемых, она часто бессильна. Замечено, что наибольшее число краж скота, сопровождающихся насилием, совершается в период переселения с низменности на эйлаги, так как на эйлагах легко и безопасно сбывается и обменивается краденый скот.

Этому хаотическому передвижению кочевников суждено, однако же, скоро кончиться, благодаря установлению с текущего года определенных для передвижения трактов. Мера эта, задуманная и осуществляемая елисаветпольским губернатором, полковником Лутцау, в видах ветеринарно-санитарных, сначала отучить кочевников разбрасываться по всем дорогам, а затем, в виду стеснительности ее, понемногу сократить и самое движение.

Но что же такое эйлаги, куда каждый год, с наступлением весны, так упорно стремятся, не щадя ни сил, ни средств, оставляя на произвол судьбы и в добычу хищникам свои зимовники, сотни тысяч жителей низменностей почти всего края? Это не только альпийские пастбища, занимающие сотни тысяч квадратных верст в нагорьях Малого Кавказа, с прекрасным климатом и родниковою водою, но и совершенно особый мир, своеобразный по своему характеру, никем еще не исследованный и не описанный, и где на 3-4 месяца в году воцаряется первобытная жизнь. Если хотите наблюдать жизнь, как она проявлялась в мусульманских провинциях Закавказья 100-200 лет до нашей эры, отправляйтесь на эйлаги. Пылкий темперамент, грубая сила, произвол, кровная месть, жесткий эгоизм, необузданная воля и ничем не сдерживаемые страсти находят там, на эйлагах свое настоящее выражение. Там, на этих эйлагах вдали от власти и надзора, приводится в исполнение большинство преступлений, задуманных на низменности, там кровавая месть господствует во всей своей первобытности. Многие из эйлагов, из-за отсутствия к ним дорог и громадной высоте их, почти недоступны для надзора, и есть такие эйлаги, отрезанные от всего мира, куда полиция никогда не заглядывала, да и добраться к которым чрезвычайно затруднительно.

Станция Пир-Агбулаг, от которой остается до Агдама 22 версты, расположена на небольшой возвышенности и получила свое название от родника, находящегося поблизости в небольшом ущелье. Вода в роднике скверная, всегда полна пиявок и для употребления не годится, что заставило почтосодержателя выкопать колодец. Воды в колодце, годной для употребления, оказалось в изобилии на глубине семи аршин, что доказывает, что в этой почти безводной пустыне можно добыть сколько угодно хорошей воды, и что тут, стало быть, могут быть образованы поселения. Почва тут, как и повсеместно в предгорной полосе, за немногими исключениями, черноземная, причем опыты показали, что здесь получаются весьма обильные урожаи. Возможность иметь воду и плодородие почвы подали несколько лет тому назад молоканам селения Базар-чай, живущим теперь в климате весьма суровом, где хлеб почти не созревает, есть повод ходатайствовать о разрешении переселиться на хонашенскую равнину. Лучшего места для заселения и нельзя найти. В настоящее время поднят вопрос об устройстве там нескольких русских поселений с числом душ до четырех тысяч.

Как раз против станции "Пир-Агбулаг", на вершине невысокой горы, находится мусульманская святыня "пир", обозначенная двумя корявыми деревьями. Всякий благочестивый мусульманин, идущий мимо этого святого места, считает своим священным долгом подняться на вершину горы и положить у основания одного из деревьев камень, а всякая благочестивая мусульманка-оторвать от подола или рукава своего платья маленький лоскуток материи, чтобы привести его на одну из ветвей этого дерева. Такие святые места, обозначенные корявыми деревьями,встречаются в восточном Закавказье часто на невысоких холмах или вблизи дорог, пролегающих по малонаселенным или пустынным местностям. Вокруг таких деревьев забросаны целые горы мелких булыжников. Из Пир-Агбулага я направился в Агдам. Обогнув громадные агдамские сады с юга на север и переехав сухое русло р Каргар-чай, тройка добрых, еще не заезженных беспрерывной гоньбой, коней понеслась по почтовой дороге в Евлах, откуда после почти трехмесячного отсутствия я вернулся в Елисаветполь.

С.Заварян

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ КАРАБАХА И ГОЛОД 1906-1907 гг.

В начале ноября прошлого 1906 года аграрная секция армянского культурного союза в Баку предложила нам посетить наиболее пострадавшие от голода районы Елисаветпольской губернии, выяснить, какие именно формы вспомоществования целесообразнее всего, и образовать на местах органы, при содействии которых доставляемые извне пособия служили бы действительному своему назначению.

17 ноября мы выехали в Елисаветполь. Отсюда поискав попутчиков, через несколько дней двинулись в путь по направлению к Шуши, по так называемой горной дороге. На четвертый день уже мы были в столице Карабаха. Собрав в «Крепости» (Шуши) кое-какие сведения общего характера, мы поспешили в селения: Хачен, Варанду, а после в Зангезур, Сисиан, Капан и оттуда, вернувшись в Гирюсы, Шуши, через Агдам, Евлах мы вернулись в Тифлис в половине января сего года.

Топографические особенности.

Несмотря на то, что путешествие верхом, в особенности, в зимнее время связано с массой трудностей, мы не можем не вспоминать об этих двух месяцах без особого удовольствия.

Дорога все время идет по склонам гор, прорезывая десятки ущелий, то спускаясь в глубокие бездны, то подымаясь на горные вершины. Не верится, чтобы зеленеющие, окутанные лесами холмы Хачена и Варанды могли так быстро смениться дикими ущельями Баргушета с остроконечными, чудовищно-грозными пиками по обеим сторонам, что за Сисианским плоскогорьем могут следовать снежные высоты Язвельского перевала.

На всем протяжении дороги увлекательные и величественные виды следуют один за другим. Почти везде над вами мощно властвуют величавые скалы и блистающие снежной белизной вершины.

С одной стороны, башнеподобный уединенный Кяпас, мрачный и задумчивый Мров, Крхкиз и Кирс,- с другой-окутанная в туман беспредельная равнина (Аран).

Когда же воздух чище и прозрачнее, перед взорами путника открываются на далеком горизонте гигантские хребты: то - Нахичеванские горы, разграничивающие на западе Эриванскую и Елисаветпольскую губернии; то-горы Персии и Карадага, под сенью прекрасного Савалана, то Кавказ, гордо возвышающийся на севере, как бессмертный страж - исполин... И чего только не хранят в непроницаемых недрах своих эти ущелья, эти скалы?.. чего только не дает человеку этот богатый край?

Естественные условия.

По левую сторону от путника развертывается беспредельная степь, не знающая снега, степь, где созревают виноград и шелковица, хлопок и кунжут, где на естественно орошаемых полях пшеница дает сам-20.

Берега Аракса и Куры, а также простирающаяся между ними долина, которая по своей обширности и изобилию могла бы быть новым Египтом, в настоящее время не орошаются, почти не обработаны, являются гнездом комаров, малярии и разбоя. Эта часть страны занята татарами, а армянские селения (Саров и др.) встречаются здесь, как редкие оазисы. Пояс, охватывающий собой склоны гор на высоте 1000-1500 метров, и нижней своей стороной граничащий с виноградными садами, а верхней - с горными пастбищами, большей частью находится в руках армян.

Это лесистая область, где бы следовало, по примеру Средней Европы, заниматься ремеслами, обработкой огородных растений и садоводством; но земледельцы-армяне и здесь не расстаются со своим плугом, хотя урожай тут редко бывает удовлетворительным.

Исключение в этом отношении составляют некоторые горные возвышенности Зангезурского уезда (Сисиан и др.), но это не меняет общей печальной картины. За лесным поясом начинаются летние пастбища, простирающиеся иногда на целых тысячи квадратных верст и состоящие из богатых, роскошных лугов. Эти „Альпы" также находятся в пользовании татар. Последние, оставляя берега Аракса и Куры, направляются на горы откармливать там свой скот и проветриваться в чистом горном воздухе величественных высот от лихорадки, полученной в жарких долинах.

Горные богатства.

Чтобы дополнить общую картину, необходимо здесь упомянуть о тех неисчислимых богатствах, которые скрываются в недрах земли. Многочисленные железные рудники, как и повсюду на Кавказе (в виду отсутствия капитала, каменного угля, и духа предприимчивости,) еще не разрабатываются здесь.

То же самое следует сказать и относительно свинцовых и серебряных рудников, следы которых найдены в очень многих местах. В настоящее время горнопромышленники, главным образом, заняты обработкой меди, которая требует сравнительно меньшего количества угля и цена на которую с каждым годом повышается.

К тому же не нужно забывать, что имеющиеся здесь медные рудники относятся к числу богатейших на всем земном шаре.

Да не удивится читатель, если лет через сорок - пятьдесят, когда грузы товара будут перевозиться в Капан не на верблюдах, а по железным дорогам, когда вместо беспросветного, гнетущего мрака и дикого разбоя воцарятся в нашей стране свет, свобода и мирный труд, да не удивится никто, если тогда десятки, сотни тысячи людей грядущего поколения найдут себе хлеб, и творческий свободный труде в медных рудниках Капана и всего Малого Кавказа. Верным залогом этому могут служить не только богатые рудники, обрабатываемые и теперь при современной неудовлетворительной, почти дикой, обстановке условий техники, но и быстротечные воды, „белый уголь“, которому в связи с развитием электричества суждено играть великую роль в будущем. Десятки фабрик, обрабатывающих в наши дни шелк в Хачене, Варанде и Тизаке, приводящих свои машины в движение даровой силой воды, могут служить доказательством тому, что население Кавказа в очень скором времени начнет самым широким образом эксплуатировать тот несметный клад, ту неисчерпаемую энергию, которая ныне в виде чудных водопадов пропадает совершенно непродуктивно для края...

Да, будущее Карабаха велико и блестяще, а его настоящее... увы! - беспросветно, печально...

Образование.

Прежде, когда мы не имели еще случая видеть Варанду и Капан, но когда нам приходилось сталкиваться со многими из просвещенных карабахцев, когда мы встречали многих, весьма обеспеченных инженеров, интересующихся общественными вопросами, нам казалось, что Карабах должен быть одной из наиболее культурных, наиболее прогрессивных армянских областей. Но, к сожалению нашему, теперь выясняется, что ни в каком отношении Карабах не выше прочих армянских провинций, и что если в действительности одна десятитысячная часть населения Карабаха и является, быть может, образованной, культурной и богатой, то это обстоятельство вовсе не мешает тому, чтобы остальная громадная масса населения - односельчане, родственники и даже братья богачей-интеллигентов влачили свою жизнь в грязи, невежестве, чтобы они жестоко страдали от голода и других экономических бедствий. В

продолжении более чем двадцати пяти лет в Шуши существовало реальное училище, девять десятых окончивших в нем курс - армяне, а из них многие уроженцы Хачена и Варанды.

Из числа всех служащих в Баку и в других городах инженеров добрая сотня, (если не больше) - карабахцы, которые особенно склонны рассуждать о «просвещении», «обязательном всеобщем обучении», о «классовом самосознании», о «высших национальных интересах», и, наконец, о многих подобных «прекрасных и высоких материях». И, несмотря на это, из ста деревень, расположенных по ущельям Хачена и Варанды, только в десяти имеются школы (либо правительственные, либо армянские приходские), да и эти школы открыты по инициативе самих бедных крестьян и стараниями забитых бакинских рабочих. Инженеры, зарабатывающие тысячи, руководствуясь, вероятно, «инженерными классовыми интересами» и «материалистической философией», не интересуются подобными «мелкими тривиальными» вопросами, каковы сельские школы и, вообще, нужды деревни.

Неудивительно, что даже в столице края, Шуши, имеющей около 15000 армянского населения, кроме единственной армянской семинарии, нет хотя бы одного благоустроенного элементарно-просветительного учреждения.

Следует обратить внимание также и на то обстоятельство, что в тех случаях, когда сознательные крестьяне сами выражают желание открыть у себя школы, не находится мало-мальски подготовленных к преподаванию людей. Оно и неудивительно: во главе армянского общества стояли до сих пор люди, которые заботились, главным образом, о дипломах, о подъеме среднего образования, об увеличении числа инженеров. Не может вызывать никаких сомнений, что для культурных интересов широких слоев народа несколько чисто педагогических учреждений являлись бы более целесообразными, чем разные гимназии и коммерческие училища. Что универсанты, получающие высшее образование на счет благотворителей, менее способствуют культурному подъему широких слоев трудового народа, чем могущие быть содержимыми на те же средства элементарный школы.

Культурные особенности

Не выше прочих армянских округов стоит горный Карабах и в отношении своего общекультурного облика, быта, в отношении народных обычаев и нравов. Неправильные грязные улицы, сырые, неудобные жилища, порванные, изношенные «архалуки» (армяки), отсутствие белья для смены - вот та невзрачная картина, которая представляется наблюдателю.

Правда, существует известная гармония между мужскими и женскими нарядами, соблюдается известная своеобразная мода, но и это наблюдается далеко не повсюду, а лишь в некоторых «отсталых» деревнях. В более «культурных» селах лапти примиряются с пиджаками, длинная «чуха» с фуражкой...

Женщина здесь (мы говорим о девяти десятых частях населения) живет той же полузамкнутой жизнью, также избегает мужчин, подобострастно соблюдает «немоту» (в знаке подчиненности), как и в других армянских районах.

Новые веяния.

В интересах справедливости следует здесь, однако, упомянуть, что почти во всех селениях, а главным образом, разбогатевшими в Баку и Закаспийской области, воздвигнуты большие двухэтажные дома с балконами, которые являются примерами подражания для сельчан. Самовар и стулья для многих сделались предметами обиходного употребления; жилые помещения, вместо примитивного очага, отогреваются жестяными печами.

Среди сознательных слоев населения, в особенности среди молодежи, в последнее время замечается стремление к изменению экономической и технической стороны жизни - к ее усовершенствованию; стремление к более основательному, осмысленному пониманию

общественно-политических вопросов, желание расширить общественно-товарищеские предприятия.

К сожалению, нам кажется, что эти, хотя и весьма искренние желания цели своей не достигнут, и технические усовершенствования вместе с улучшением санитарно-бытовых условий не претерпят существенных изменений, пока проведение их не будет поставлено на демократических началах.

Как в деле образования темной крестьянской массы, так и в улучшении сельско-хозяйственных и санитарных условий деревенской жизни несколько десятков молодых людей с высшим образованием едва ли сумеют играть более или менее серьезную роль. Врачи и агрономы останутся в городах, или, поселившись в деревнях, будут недоступными для крестьян.

Для успешного воздействия на жизнь $^{1}/_{10}$ части трудового народа надо особенно напирать на подготовку таких сил, которые были бы доступны мужику. Вместо одного врача нам подлежит на те же средства обучать пять фельдшеров и даже двадцать простых перевязочников ран и оспопрививателей. Вместо «ученого агронома», стоящего обществу 3.000 руб., народу следует доставить десять «практикантов» - садоводов и шелководов, пятнадцать двухсотрублевых опытных рабочих. Так поставлено дело в демократических странах Европы, по тому же пути должны следовать и мы на предстоящей нам общественной деятельности.

Условия землевладения.

К типичным особенностям условий землевладения как Карабаха, так и других армяно-татарских районов следует отнести то полуфеодальное состояние, которое господствует у крестьян многочисленных «бекских» и «меликских» селений.

По последним официальным данным[1] в четырех интересующих нас уездах Елисаветпольской губернии, наделы казенных и бекских крестьян, а также участки, составляющие частную собственность беков составляют:

Уезды	**В тысячах десятин**			
	Наделы казенных крестьян	**Наделы бекских крестьян**	**Частно-владельч. собствен.**	**ВСЕГО**
Шушинский	106.0	76.5	125.8	308.6
Дживанширский	66.3	76.5	146.4	289.2
Джебраильский (Карягинский)	29.0	53.7	30.6	113.3
Зангезурский	134.1	73.8	68.2	274.4
Всего в Карабахе	335.7	280.5	371.0	985.5

Из подлежащего государственному обложению миллиона (985,000) дес., почти одна треть, (330,000 дес. - 34%) принадлежит самой казне и составляет крестьянские наделы; другая часть, немногим меньшая одной трети (280,000 дес. = 28%), принадлежит бекам и также находится в наделе крестьян, наконец, остальная часть всей земли, несколько более одной трети (371,000 дес. =37,50%), составляя собственность беков, находится в полном распоряжении последних. Земли последней категории, большей частью состоящие из лесов и пастбищ, хотя и не имеющие того экономического значения, как земли I и II категории, однако же дают довольно ясное представление о том значении и силе, которыми пользуются помещики-беки.

Две трети всего Карабаха, составляя собственность беков или находясь частью в их распоряжении, естественно кладет печать на форму землевладения и выясняет картину экономического положения сельского населения. Влияние бекского землевладения особенно ощутительно в армянских районах Шушинского, Дживанширского и Джебраильского уездов,

[1] *«Кавк. Календарь» за 1907г.*

где татарским бекам и армянским меликам, в силу различных историко-этнографических условий, легче было утвердить свою власть. В I–м, например, полицейском участке Шушинского уезда, т.е. там, где преобладает элемент армянский, казенные земли составляют 12,400 дес., земли, II - й (бекские, но находящиеся в наделе крестьян) и Ш-й (полная собственность беков) категории - 24,600+30,000 дес. В IV-м полицейском участке, населенном исключительно татарами, наоборот, - казенные земли занимают 64,900 дес., земли же II-й и III-й категорий (бекские) - 9,000 дес+51,300 дес. Сведения, которые удалось нам собрать на месте, вполне подтверждают сказанное.

Из 35-ти армянских деревень Хаченского и Гандзасарского округов казенных только 3 селения, монастырских - 4 и бекских - 28. Из числа последних 9 сел. принадлежат армянским меликам, и 9 - татарским бекам. Из 32-х селений Капанского округа (Зангезур) 15 - казенных, 12 - владельческих (4 - меликов и 8- беков) и 5 - собственные или смешанные. То же самое явление наблюдается в Варанде, в Зангезуре и в уездах Дживанширском и Елисаветпольском.

Заслуживает внимания и тот факт, что татары являются более крупными землевладельцами, нежели армяне. Наследница карабахских ханов Уцмиева, напр., владеет 30-ю селами, сверх того, имеет право пожизненного пользования доходами с 23-х других селений. Джафар-ага-Дживаншир владеет несколькими десятками сел, большая часть которых населена армянами и т. д., и т. д. Если же сравнить с ними самых крупных помещиков - армян, как напр. Мелик - Шахназарянца и Григория Мирзоянца, владеющих каждый 2 - 3 селениями, то обнаружится та крупная разница, которая существует между армянскими и татарскими влиятельными кругами в их общественном положении, а также вполне выяснится, какими могут быть взаимные отношения крестьян и помещиков.

Крестьяне, живущие на бекских и меликских землях, хотя по закону и не были признаны крепостными (как в России и Грузии), но считались на них постоянно живущими. По положению закона 1870 года, крестьяне обязываются платить $^1/_{10}$ натурой с обрабатываемых земель и, кроме того, по 30 коп. с каждой десятины. Во многих местах плата натурой ($^1/_{10}$ часть) заменена деньгами.

Размер десятинного сбора, хотя и не может считаться особенно тяжким, но в нравственном отношении представляет много отрицательного.

Крестьянин - земледелец постоянно чувствует, что сам он не является хозяином собственного труда. Он знает, что всякие улучшения, произведенные его же собственным трудом, послужат в пользу бека, он не может ни на минуту забыть, что без согласия «господина»- помещика сам он не может рубить лес, гнать скотину на пастбище. Крестьянин чувствует себя порабощенным, униженным и со всех сторон скованным в крепкие цепи. И днем и ночью, всегда и всюду в лице своего «господина» он имеет врага, мириться с которым не может.

И вот эта именно психология, - такое именно общественное положение, быть может, послужило одной из главных причин продолжительности в Карабахе армяно-татарских столкновений.

Когда, в 1905 году во всей России от своей вековой спячки проснулся народ, когда порабощенные трудовые массы, предвкусив сладость вольной жизни, восстали, - восстал и карабахец. Чем был этот последний не доволен, какая неволя была ему всего тяжелее и чувствительнее и против какого угнетения было всего легче бороться? Естественно, борьба со своими угнетателями- инородными «господами», одиночно живущими в армянских селениях.

Это сделалось неизбежным по той еще причине, что многие из уроженцев Варанды и Хачена были убиты в Баку, где первыми нападавшими являлись татары. К аграрному движению присоединились махинации и попустительство правительства, национально - религиозный антагонизм и чувство мести за павших в Баку близких.

И столкновения начались: в продолжение двух лет лилась кровь вековых соседей... Следы пагубной борьбы видны и сейчас на каждом шагу.

Вот прижившиеся в шатрах татары, принужденные снова вернуться к кочевому образу жизни, покинутому ими лет 50 тому назад; вот разоренный крестьянин - армянин, поправляющий крышу полуобгоревшей хижины и отводящий особое потаенное место для хранения оружия. По одну сторону от дороги виднеются грандиозные развалины спиртного завода, принадлежавшего армянину купцу, по другую - пустующие ныне татарские лавки и караван-сараи.

Каждые пять минут встречаются группы несчастных, бегущих из опустошенных областей, из мест, где свирепствует голод.

Стар и млад, мужчины и женщины, иные верхом, иные на тележках и арбах, а большинство просто пешком - все они направляются в города... за работой и куском хлеба.

Развалины, разоренные здания, эпидемия, голод.... На пороге XX-го столетия живем мы или в дикую эпоху Тамерлана, или средневековой анархии. Не даром же на склонах гор красуются «Джраберд» Алидзар с Гюлистаном, прекрасный Гандзасар. и неприступный грозный Татев, взирающий на мрачную бездну ущелий....

А там, внизу, на необозримой, беспредельной равнине, на месте существовавшей некогда богатой Барды ныне расположены жалкие лавочки новой Барды: из-под тени веков выглядывают развалины моста, целое тысячелетие назад раскинутого через Тертер.

Кочующие племена, проходящие мимо этих мест, невольно проклинают настоящее и преклоняются перед призраком минувших веков.

Проезжая через Худаферинский мост, равного которому не знает последнее столетие, невольно начинаешь сомневаться в силе современной культуры, в прогрессе нашей жизни, окрашенной кровью стольких невинных.

Пахота, земледелие, продовольствие.

Перейдем, однако, к интересующему нас вопросу - экономическому положению населения в настоящем.

Ни общие географические условия, ни быт населения, ни та или иная степень культурного развития его, ни взаимное отношение крестьян и землевладельцев не могут считаться причинами голода.

Все эти условия существовали и 5, 10 лет тому назад, а голода не бывало, по крайней мере, в близком прошлом.

Вообще, голод есть результат недорода, соединенного с крайней беднотой населения. При настоящих экономических условиях жизни нашего крестьянина, когда $^{9}/_{10}$ населения занимается чуть не исключительно земледелием, когда благодаря железным дорогам извне можно получать какое угодно количество хлеба, при настоящих условиях экономической жизни ни плохой урожай, ни недостаток денег, взятые в отдельности, не могут представлять опасности. При хорошем урожае недостаток денег не будет чувствителен, а при неудовлетворительном урожае и при материальной обеспеченности крестьянин может пользоваться привозным хлебом.

Положение делается серьезным лишь тогда, когда налицо оба вышеупомянутых условия-неурожай и бедность.

К несчастью, в таких, именно, печальных условиях находится население во всех тех местностях Елисаветпольской губернии, где происходили армяно-татарские столкновения.

Вообще, в Елисаветпольской губернии, и, в частности, в уездах Дживанширском, Шушинском, Зангезурском и Джебраильском, где власть когда-то находилась в руках карабахских ханов, армяне живут в нагорной части, там, где произрастает, главным образом, пшеница.

Загнанные в горные теснины, большую часть пахотных участков своих они завоевали у природы, вырубив лес. Но годные для земледелия лесные участки или все уже использованы, или объявлены собственностью казны.

Во всех регионах, населенных армянами - в Хачене, Варанде, Капане и Зангезуре, давно уже чувствуется недостаток земли.

Наделы государственных крестьян.

В 1885-86 годах наделы государственных крестьян, живущих на казенных землях, составляли (в тысячах дес.)[1]:

Уезды.	Население		Усадебные	Огород, сад	Пахотная		Покосная	Лес	Пастбищной и неудобной	Всего	В сред. на душу (дес.)		
	Дворов	Душ обоего п.			Поливная	Неполивная					Сады.	Пахота	Всего
Джебраильский (Карягинский)	2,9	18,6	0,5	0.9	3,3	7,6	0,3	0,2	13,7	26,5	0,3	0,68	1,22
Дживанширский	2,6	18,0	0,2	1,3	10,7	9,8	2.2	10,7	57,6	81,8	0,07	1,14	4,54
Зангезурский	10,3	70,0	1,2	1,1	2,5	70,9	3,0	-	75,4	154,0	0,02	1,05	.2,21
Шушинский.	4,3	33,7	0,9	2,5	9,5	|21,3	1,5	3,41	78,3	117,5	0,07	0,92	3,49
Итого в Карабаге	20,1	140.3	2,8	5,8	26.0	109,6	7,0	14.3	225,0	379,8	0,04	1,02	2,71

В такой разнохарактерной стране, каким является Кавказ, вообще, и, в частности, Карабах, в сельском хозяйстве крупнейшую роль играет не столько количество земли, сколько ее качество, не столько пространство, сколько плодородие. Чтоб составить точное и верное понятие о площади земли, следует различного качества земли привести к одной единице, к одному знаменателю, так сказать, смотря на их внутреннюю ценность, их сельскохозяйственно-экономическое значение. За такую единицу удобнее всего принять наиболее распространенную и наиболее важную часть угодий - неполивную пахоту, средний урожай которой мы можем принять в 50 пуд. или 60 руб., а ежегодный доход - половину этого, т. е. 25 руб.

Эквивалентной, равноценной неполивной пахоты можно считать покосную землю (со 160 пудами сена по 15 коп. за пуд). Поливные участки, могущие быть обработанными ежегодно, которые заняты не только пшеницей, но и другими, более ценными растениями, представляют экономическую ценность вдвое выше пахотной (50 руб. ежегодно). Вдвое ценнее поливной следует признать садовые и огородные участки пахоты и вчетверо - пахоты неорошаемой, даже по официальным данным, доход с них колеблется между 70-ю и 150-ю рублями. Доход с пастбищ, лесов и неудобных участков определяется степенью годности их для скотоводства.

В Елисаветпольской губернии каждые две десятины дают пропитание одному крупному скоту, стоимостью в 20 рублей с ежегодным доходом в 10 руб. Следовательно, средний доход с десятины пастбищ и др. однохарактерных земель будет равняться приблизительно 5 рублям, т.е. 1/5-ой неполивной пахотной земли. Приводя по вышеприведенной градации, все земли к общей единице-неполивной пахоты и, принимая во внимание, что население Карабаха за

[1] *Сборник стат. данных по землевладению в 5-ти губ. Закавказья, 1899 г.*

последние 20 лет увеличилось на 40%, после производства необходимых арифметических начислений получим следующие цифры о площади крестьянских наделов.

Уезды.	Население в 1886.	Общая площадь земли, приведенная к одной единице, неорошаемой пахоты.		
		Всего тыс. дес.	на 1 душу в 1886 г.	на 1 душу в 1906 г.
Джебраильский	18,6	20,5	1,10	0,66
Дживанширский	18,0	52,3	2,89	1,73
Зангезурский	70,0	98,4	1,4	0,84
Шушинский	33,7	68,1	2,00	1,20
Всего в Карабахе	140,3	239,7	1,71	1,03

С точки зрения земельной обеспеченности, разница в упомянутых уездах не особенно велика; в общем, по всему району 20 лет назад на душу приходилось 1,71 дес. земли (в принятых нами единицах), ныне же 1,03 дес.

Сравнивая это с соответствующими данными казенных крестьян Центральных губерний [1], где на душу приходится 2 - 2,8 дес., а в Малороссии и Юго-Западных губерниях 1,8-2,7 дес., мы убедимся, что в Карабахе крестьянин имеет земли вдвое меньше, чем крестьянин самых густонаселенных губерний России.

Наделы крестьян бекских.

Гораздо хуже положение в тех селениях, которые считаются бекскими, или меликскими.

По официальным данным, наделы крестьян, живущих на бекских землях в интересующих нас уездах равнялись (в тысячах дес.)[2] .

Население в 1880 г. (1000).

Уезды.	Дымов	Душ	Усадебная.	Пахота			Покосная	Лес	Пастбищн. и неудобная.	Всего.	Всего на душу об. п.
				Сад, огород	Поливная.	Неполивная					
Джебраильский	4,8	33,7	1,7	1,8	6,3	8,1	0,2	-	44,8	62,9	1,85
Дживанширский	8,0	62,0	1,2	1.5	21,6	2,2	3,3	0,1	1,1	33,7	0,54
Зангезурский	8,0	56	0,4	1,3	4,6	22,6	1,4	0.4	10,9	41,7	0,75
Шушинский	9,0	63	2,4	5,9	12,7	24,4	0,6	-	1,9	47,6	0,76
Всего в Карабахе	30,7	214,7	5,7	10,5	45,2’	57,3	5,5	0,5	58,7	185,9	0,81

Приводя эти данные к общей единице (как мы условились выше), и принимая во внимание, что после составления уставных Грамот (в 70-80 гг.) население возросло на 50%, относительно крестьян, живущих на бекских землях, мы получим следующие цифры:

[1] *Стат. справочник по землевладению, изд. «Земли и Воли»*

[2] *«Сведения о числе гос. крестьян, живущих на владельческой земле в губ. Бак., Эриванской и Елисав., составл. при Закавк. счет. комитет». Тифлис, 1893г.*

Уезд ы.	Всей земли 1000 дес.	На душу десятин	
		в 80-е годах	Теперь.
Джебраильский	37,1	1,09	0,74
Дживанширский	54,0	0,89	0,59
Зангезурский	40,7	0,73	0,49
Шушинский	74,4	1,18	0,79
Всего в Карабахе	207,4	0,96	0,64

Душевой надел на бекских землях - 0,64 дес. (считая неполивной пахотной земли). Он ровно на 1/3 меньше наделов казенных крестьян и приблизительно вдвое меньше надела соответственного разряда крестьян в России. В самом деле, в Центральной земледельческой полосе, в Малороссии и в плодороднейших районах Юго-Запада душевой надел бывших крепостных равен: 1,2-1,3 дес.; 1,0-1,5; 1 и 1,2-2,0 дес.

Общий доход с земли.

Если мы соединим наделы бекских и казенных крестьян и исчислим получаемые с них доходы согласно выше приведенным нормам, для интересующего нас района (где в 80-х годах считалось 50,8 тыс. дымов с 355 тыс. душе населения), получим следующие размеры доходов с земли.

Какие угодья	Всего		На сред. душу	
	Земли в тыс. дес.	Доход в тыс. руб.	Земли в тыс. дес.	Доход в тыс. руб.
Усадебный	8,5	7	0,025	?
Сад, огород	16,3	1630	0,05	4,60
Поливная пахота	71,2	3560	0,20	10,24
Неполивная пахота	166,9	4160	0,47	11,72
Покосная	12,5	313	0.035	0,88
Лес	14,8	74	0,04	0,21
Пастбищная	283,7	1418	0,80	4,00
Всего	565,7	11,165	1,60	31,45
Всего (в переводе на пахоту неорошаемую	446,8	-	1,26	31,45

Таким образом, мы можем принять, что в 80-х гг. на душу ежегодно приходилось доходу в среднем:

от садоводства 4р.60к.
от земледелия 21р.96к.
лесоводства 0р.21к.
скотоводства 4р.68к.
Всего: 31 р. 45 к.

Каков этот доход в настоящем - сказать трудно: изменились хозяйственные условия, цены поднялись; во всяком случае, если даже принять, что доход крестьянина чувствительному изменению не подвергся, ясно все же, что площадь его надела уменьшилась. Площадь всех его земель, вместо прежних 1,26 дес., нынче в совокупности должна составить 0,84 дес. Вместо 0,2 дес. Поливной и 0,47 дес. неполивной пахотной, эквивалентной 0,87 дес. неполивной пахотной, средний крестьянин теперь должен иметь на 1/3 меньше, т. е. 0,58 дес. пахоты.

Размер посева и урожай.

На доходы с такой площади земли и живет карабахский крестьянин. В общем, из общей площади пахотных земель ежегодно засевается 1/2-2/3 земли, Считая 10 пуд. семян на десятину (в действительности 8-12 пуд,), мы получим, что средний посев, на душу колеблется между 0,3-0,4 дес. или 3- 4 пудами.

Принимая во внимание сведения, которые удалось нам собрать на местах, урожай как средний, так и 1906 г. равнялся:

Урожаи пшеницы «сам»

Название селений	**Средний урожай.**	**1906 г.**	**Другие растения**
Дживанш. низм	5-6	5-6	Сено, сады, огороды (в неповрежденных от града районах) дали выше среднего
Верхн., и Нижн. Сзни	3-4	0.0	
Саркисашен, Магас	3-3$^1/_2$	0.7	
Тагавард, Дрнаварз	3-4	1.0	
Мисмина, Нинги	3-4	2	
Каракишлаг	4	2$^1/_2$	
Караунч	3$^1/_2$ - 4$^1/_2$	1$^1/_2$	
Лор, Шнатаг	3-4	3$^1/_2$	
Тег	4-5	1-$^1/_2$	Полба-6 Просо-15
Татев	3-4	0.0	
Брнакот	4-5	2-3	Ячмень 4 $^1/_2$ Картофель 6
Хотанан	4-5	2$^1/_2$	
Дарабас	4	2	Ячмень-1 Полба, ячмень – 5
Барабатум	4-5	5$^1/_2$	
Вачакан, Кюткюм	Сред.	Плохой	Ячмень-3
Верхн. Капан	Сред.	Хорош.	-

Принимая средний урожай в сам четыре - пять (в действительности, урожай колеблется между сам 3-7), увидим, что крестьянин в среднем в год получает 16-15 пуд., высчитав из этого количества 4-3 пуда необходимых на обсеменение, получим 12 пуд.,- все, что остается ему на пропитание. Конечно, кроме пшеницы в Карабахе возделываются и другие растения,- ячмень, (полба, просо, картофель и т. д. Но имея в виду весьма незначительное количество последних, а также и то обстоятельство, что особой питательностью они не отличаются, и сравнительно большая их урожайность компенсируется их низкой стоимостью, для нужных нам общих выводов - без опасности впасть в крупные ошибки, расчёты свои мы можем производить по одной пшенице.

По собранным нами сведениям, нормальное количество пшеницы, необходимое для пропитания крестьянина, следует считать в 18 пуд. в год, или 1$^1/_2$ пуд. в месяц. Размер недостачи, обнаруживаемой у армянского крестьянина, составляет 6 пуд, или $^1/_3$ требуемого количества. Для пополнения этой недостачи крестьянин принужден брать в аренду землю (главным образом, в плодородном низменном районе) - явление, имеющее место сплошь да рядом! Кроме нескольких сел Дживанш. низменности, кроме Сисиана и Течского плато в Зангезурском уезде, большая часть армянских селений Хачена, Варанды, Капана, больше половины армянского населения треть или четверть необходимого на их пропитание и хлеба приобретало или извне, или же с арендуемых земель. Исключения, конечно, есть. Так, Сисианский Бирнакот, Варандское Джартары, Нинги и несколько других селений даже в среднеурожайные годы продают довольно много пшеницы. И, наоборот, горный Каракишлак,

или Варандийский Саркисашен в те же годы $^1/_2$ и $^2/_3$ нужного им хлеба покупали со стороны. Общее положение этими исключениями не меняется. Армянское население Карабаха в числе 200,000 душ вынуждено во избежание голодовки ежегодно покупать пшеницы в размере 1.200,000 пуд.

Сокращение площади посева.

Так обстояло дело в средние годы. В настоящем (1906-1907) году положение иное. Приведенные выше данные о посеве крестьянами - $^1/_2$ и $^2/_3$ своей земли относятся к мирным нормальным годам. С совершенно особыми обстоятельствами имеем мы дело с лета 1905 г. Два соседних народа разделились на два враждебных лагеря, стали грабить, преследовать, истреблять друг друга. Пахарь оставил соху и взялся за ружье, пастух стоял на позиции, вместо того, чтобы пасти скот; женщина, забросив хозяйство, занята была доставкой пищи и патронов сражающимся. Люди перестали думать о завтрашнем дне; вся энергия, все помыслы их были направлены на то, как бы защититься от врага, какими бы средствами сохранить самое дорогое достояние-жизнь.

Не только не могло быть речи об аренде земель в «чужих» районах, но даже армянин не мог думать об обработке той части собственных наделов, которая находилась вне выстрела волонтера. Татарин не осмеливался переходить «нейтральную зону», не мог работать там, где он родился и жил десятилетиями.

Почему во всех тех районах, где население армянское находилось во враждебных действиях, или в «состоянии вооруженного мира», на протяжении 200 верст, начиная от Елисаветполя и до Хачена, Джебраила, Капана, Мигров и еще далее, обработка земли или была приостановлена или значительно сокращена. В Елисаветпольском уезде, напр., селение Чайкенд, состоящее из 500 дымов, принуждено было оставить необработанными до 2 тысяч десятин надельных земель, находящихся недалеко от станции Геран.

Сел. Эркеч сократило посевы свои на 50%. Дживанширский Мардагир засеял на дым по два мешка (15 пуд.), лишившись, таким образом, посевов на арендных землях в татарском районе, где некоторые из крестьян имели по 4 - 8-15 мешков посева.

Несколько армянских селений Дживанш. уезда (Уратаг, Мохратаг, Мецшен и др.), доставлявшие ежегодно горным селениям до 70,000 мешков хлеба, несмотря на хороший урожай настоящего года, продали в этом (1906) году всего 20,000 мешков, т.-е. получили на 300-400 тыс, пудов меньше обыкновенного.

Необработанной осталась вся долина вблизи Амарасского монастыря, пространством до 10-12 тыс. дес. Долина эта, являющаяся единственным источником пропитания 15 селений Варанды с 1,500 семьями, в этом году ничего не дала.

Чанахчи, Мадаткенд, Мошхмат, Кирхбулаг, Таглар, Саркисашен, Сос, Верхн. Тагавард, Нижн. Тагавард - остались без посевов на участках своих же наделов, расположенных в Амарасском районе... Население Варанды лишилось, по меньшей мере, 300 тыс, пуд. зерна (5,000 дес. с 60 пуд. урожая ежегодно).

К сожалению, уменьшение посевов заметно не только в пограничных с татарами селениях. Благодаря тому обстоятельству, что населенная армянами полоса очень узка и представляет как бы пояс, охватывающий склоны гор, а также вследствие того, что эта полоса и на верхней своей части соприкасается с участками татарскими, что во многих местах армянские села окружены татарскими,- благодаря всем этим неблагоприятным особенностям столкновения и вооруженный мир отразились на всех армянских селениях, без исключения. Примеров тому много.

Находящийся в центре Сисиана безопасный Бирнакот уменьшил посевы на 25%; окруженный с трех сторон армянскими селами Зангезурский Тег вместо $2^1/_2$ пуд. посева на душу

имел только 2 пуда, т.е. на 20% меньше нормы. Караундж вместо 1,800 пудов посеял 1,300 пуд. (-28%).

Хаченский Дашбулаг за последние три года посевы свои с 400 мешков (в 1904 г.) постепенно уменьшил до 200-250-ти (в 1905г.) и 150 (1906). Гандзасар вместо 400 мешков посеял в этом году всего 200 и т. д., и т. д.

Таким образом, в 1906 г, площади посевов в армянских селах сократились на 20%-60%.

Если быть осторожным и принять, что площадь посевов уменьшилась на $^1/_3$, ясно будет что вместо 3-4 пудов (0,3-0,4 дес.) на душу в 1906 г. приходилось всего 2,0-2,7 пуд. Если б при этой площади посева урожай получился средний (т.е. дал бы «сам» 4-5), на душу сбор составил бы (вм: 12 п.) 8,2-10 пуд. и армянский крестьянин для полного своего продовольствия принужден был бы прикупить столько же в стороне.

К сожалению, пришла беда - отворяй ворота, - говорит народная мудрость и, вместе с убылью посевов, урожай в 1906 г. в нагорных районах получился много ниже среднего. Главной причиной недорода крестьяне считают сухость осени в 1905 г., вследствие чего зерно не дало ростков. В Варанде и Хачене немало повредили и майские, и июньские сильные дожди. Местами некоторую роль сыграл и «помок».

Градобитие

Весной 1906 года громадные опустошения произвел также и град. Из 65 селений Варанды градом побиты были посевы в 27 сел. В некоторых из них (напр., Зарданашен, Мошхмат, Сигнах, Каринтак, Варазабуйн, Пирджамал, Кятук, Нахичеваник) посевы повреждены были или полностью, или же в размере $^2/_3$. В других селах «Божий бич» унес $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_8$ урожая.

То же явление, хотя и в меньших размерах, имело место и в Хачене, где, Норагех, например, лишился $^2/_3$ своих посевов. Правда, после града крестьяне поспешили на тех же участках посеять просо и, к счастью, последнее отродилось хорошо; за всем тем все поврежденные участки засеять просом было невозможно; и наконец, просо ни в коем случае не может считаться столь прибыльным, как пшеница, являющаяся главной пищей населения. Исключения, представляемые в этом отношении некоторыми горными селениями, как Сисианский Шинатаг, Верхне-Капанский Качаранц и Кюрдикенд, ни в коем случае не могут изменить общей печальной картины. Несколько большего внимания заслуживают удовлетворительные урожаи полбы, проса, картофеля, местами ячменя и риса, но эти растения, к несчастью, в особенности, в хозяйстве армянского крестьянина не играют существенной роли.

Резюмируя вышесказанное и стараясь не впадать в преувеличения, вряд ли урожай настоящего года можно считать ниже сам 2-х и выше сам $2^1/_2$. И так как мы видели выше - количество посева на душу колебалось между 2-2,7 пуд., ясно, что урожай на душу должен был равняться 5-5,5 пуд. (вместо- 15-16 пуд,), количество, могущее (за вычетом семян) прокормить население только 3 месяца. Принимая во внимание, что число армянского населения Дживанширского, Джебраильского, Зангезурского и Шушинского уездов около 200,000 душ[1]), мы увидим, что вместо 3-$3^1/_2$ миллионов пуд, (15-16 х 200000) получавшихся в годы средней урожайности, в настоящем году получено было только (5,5-5,0 х 200000) 1,1-1,00 милл. п., т, е. на 2-2,1 милл. п. меньше нормы. Помимо этого, армянское население лишилось и посевов на арендуемых землях, дававших до 1,2 милл. пуд.

Татарское население в интересующих нас уездах считается в 450 тыс.[2] и занимает, главным образом, равнины, где, как мы увидели, посевы не особенно пострадали.

---

[1] *В 1897г. это число равнялось 174.000*
[2] *В 1897 г.-420,000*

Помимо того, если, с одной стороны, земля у татарского крестьянина более плодородна и посевы градом побиты не были, с другой - следует считаться с тем фактом, что хлебопашеством татарин занимается не особенно усердно. Как бы то ни было, нет сомнения в том, что часть татарского населения, живущая в пограничных с армянами районах, сократила посевы в той же мере, (на $^1/_3$) как и армяне. Если иметь в виду даже одно это обстоятельство, и то вывод получится все же довольно печальный и для татар: считая размер потребления на душу 15 пуд., (а вместе с осеменением 20 пуд.), увидим, что в четырех уездах Карабаха вместо 9 милл. пуд. (20 х 450,000) они получили всего 6,3 милл. (14.450,000) пуд., т, е.- на 2,7 милл. меньше. Значит, обе народности вместе лишились 5,9 - 6,0 милл. пуд.

Сбор хлебов по официальным данным

Относительно приведенных выше цифр могут быт сделаны разные возражения, тем более что у нас на Кавказе почти нет статистики, нет людей, знакомых с местными экономическими вопросами. К счастью, наши выводы косвенным образом подтверждаются сведениями местных податных инспекторов. Как сообщили нам в Шуши и Герусах, в прошедшем и в настоящем году урожаи равнялись (в милл. пуд.):

В Шушинском уезде:

Растения	**в 1905г.**	**в 1906г.**	**в 1906г. больше (+) или меньше (-) предшеств.г.**	
			милл.пуд.	**в %**
Озимые	2.5	1,5	- 1,0	- 40%
Яровые	1,5	10	- 0,5	- 33%
Всего	4,0	2,5	-1,5	- 37,5%

В Зангезурском уезде:

Виды растений	**в 1905г.**		**в 1906г.**		**в 1906г. увеличилось (+) или уменьшилось (-)**		**Увеличение или уменьшение урожая в 1906г. в %**	
	Засеяно земли в тыс.дес.	Получ. урожай в милл.пуд.	Засеяно земли в тыс.дес.	Получ. урожай в милл.пуд.	Засеяно земли в тыс.дес.	Получ. урожай в милл.пуд.	Посевы в %	Урожай в %
Озимые	54.4	2.39	33.6	1.21	-20.8	-1.18	-39%	-49%
Яровые	85.2	4.38	82.8	3.48	-2.4	-0.9	-2.8%	-20.5%
Картофель	1.0	0.11	0.9	0.10	-0.1	-0. 01	-10.0%	-9.0%
Рис	2.0	0.33	1.8	0.21	-0.2	-0.12	-10.0%	-36%
Всего	132.0	7.21	119.4	4.98	-12.6	-2.23	-9.6%	-31%

Оставив в стороне вопрос о точности вышеприведенных чисел, вопрос, на который имеются серьезные возражения и у нас, мы обращаем внимание читателя, главным образом, на сравнительное изменение урожаев и посевов за последние два года.

Как в Шушинском, так и в Зангезурском уездах общая сумма урожая настоящего (1906) года менее прошлогодней на (1,5+2,23) 3,73 милл. пуд. или 37,5-31%. Кроме того, как показывают и официальные данные главного растения армянских районов - пшеницы (составляющей 1% всей озими) получилось на 40-49% менее прошлого года, тогда как яровые (возделываемые по преимуществу татарами), дали понижение лишь на 33-20%.

Если иметь в виду, что в Дживанширском и Джебр., уездах, взятых вместе, числится столько же населения, сколько и в Шуш. и Зангез. уездах в отдельности[1]), а также, что по географическим и социальным своим условиям уезд этот не отличается существенно от уездов, по коим имеются у нас более точные данные, станет ясным, что недостача по Дживанш. и Джебр. уездам будет приблизительно равна половине недостачи Шуш. и Занг. у.т.е. 1,81 милл. п. вместе с 3,73 милл. п. недостачи Шуш. и Занг. у. это составит 5,59 милл. п., что почти одинаково с недостачей 5,9-6,0 милл., исчисленной нами по другим основаниям. В итоге не остается никакого сомненья, что в продолжение 1906 года как татарское, так и, в особенности армянское население в Карабахе, получило только половину, даже одну четверть необходимого ему запаса.

Обычно годы для пополнения этого недостатка крестьянину приходилось платить 1-1,4 руб. за пуд, в среднем 1,2 пуд.

Сообразно с этим, 200-тысячное армянское население Карабаха для пополнения своего недостатка в 3,3-3,2 милл, пуд. должно было бы издержать приблизительно на 3,84-4,98 мил. руб. более (считая 19.2-20,5 руб. на душу). Татарское население за недостаток 2,7 милл. пуд. около 3,24 милл. руб. (7,2 руб. на душу). Однако это было бы так лишь в том случае, если бы цена на хлеб не повышалась, а осталась бы средняя.

Повышение цен на хлеба.

Во время неурожая цены повышаются с тем большей быстротой, чем сильнее степень нужды. То же явление наблюдалось и в интересующих нас районах в нынешнем году. Лишь только к концу лета выяснилось, что будет чувствоваться недостаток в хлебе, цены на хлеба, в особенности на те, на которые существует большой спрос, стали быстро повышаться. В Елисаветполе, расположенном по железной дороге, и находящемся под сравнительно меньшим влиянием местного рынка, цена на мешок муки среднего достоинства (в пять пуд.) с 5 р. 75 коп. в августе поднялась к ноябрю до 6 р. 75 коп. или на 20 коп.- на пуд, или около 20%. За то же время цена хорошей муки стояла выше на 15 коп. В общем, мука среднего достоинства в ноябре в Елисаветполе продавалась за 1 р. 60 коп., т. е. на 40 коп. или 33% дороже, чем в среднем за год и на 50 коп. или 45% выше, чем в 1894 году, считающемся за последнее десятилетие самым обильным, если принять во внимание, что после проведения железной дороги цены на муку были 1 р. 45 коп. (минимум-90 коп.), будет ясно, что настоящий год со своими 1,6 руб. следует считать исключительно неблагоприятным.. Правда, 1,6 руб. пока еще не напоминают патриархальные времена, когда мука доходила до 4 руб. (в обильные годы понижаясь до 50 коп.), но все же следует признать, что и 1,6 руб. не выражают еще собой степени недорода, а лишь являются следствием существования железной дороги.

Во всех тех местах, которые расположены далеко от железнодорожной линии, цены на хлеба стоят на 50-60 коп., 1 руб. и даже на 1 руб. 40 коп. выше, чем в местностях, прилегающих к железной дороге.

В Капане и Баргушатском районе в ноябре 1906 г. цены на хлеба стояли следующие (в рублях).

Род хлебов в ноябре 1906г.		**В среднем за год**	**В 1906г. более (+) или менее (-) предыдущего года**
Пшеница	2.4	1.2-1.4	+80%
Ячмень	1.8	1.0-0.8	+100%
Просо	1.2	0.6-0.8	+70%
Картофель	1.2	0.6-0.8	+71%

[1] *В 1897 г. в Шуш. зарегистрировано было 139.000 душ, Зангез. 138.000, Джебр. 60.000, Джеванш. 73000*

Пшеничная мука	2.6	1.6-1.5	+70%

Из цифр видно, что недород сравнительно незначительно сказался лишь на цене риса, культивируемого в районе Баргушата и по берегам Аракса и давшего в этом году очень хороший урожай, что умерило поднятие цен и других хлебов.

Кроме риса, все остальные хлебные зерна стоили почти вдвое выше, чем в обычные годы. В районах, наиболее пострадавших, ячмень продавался у нас за цену, вдвое большую, чем пшеница в голодающих местностях России, а пшеница стоила у нас втрое дороже, чем было это обозначено в условии Лидваля.

В районах, которые мы можем считать средними по интенсивности голода, именно; Хачене, Варанде. Шуши, цены на пшеницу и ячмень стоили на 40-50 коп. ниже упомянутых, выше и занимали среднее место между ценами по железнодорожной линии и Капана. Во всяком, случае, мы не будем далеки от истины, если примем, что во всем интересующем нас районе цены на хлебные зерна были выше обыкновенного в $1^1/_2$ раза. При таком расчете, необходимая потеря армян на хлебах выразится 5,94 - 5,76 милл, руб. (29,7 - 28,8 руб. на душу), потеря же татар - 4,36 милл. руб. (10,8 руб. на душу).

Такую громадную сумму должен был занять крестьянин и горожанин для обеспечения себя необходимым пропитанием. Откуда мог достать бедный и забитый селянин те 200 рублей, которые были необходимы для пропитания его семьи? К кому мог обращаться полукочевой татарин за пополнением своей нужды, за покупкой нескольких десятков пудов пшеницы, на какие средства мог поддержать свое существование разгромленный, голый, босой несчастливец, притаившийся в уголке соседской конюшни и питающийся его объедками?

Размер имущества и богатства крестьянина.

Впавший в нужду крестьянин обычно прибегает к употреблению накопленных запасов, к трате капитала, к сокращению не особенно необходимых расходов. Делать все это обеспеченной семье не представляет особых трудностей. Для богатого европейца, имеющего тысячный капитал, скот, богатство, конечно, ничего не стоит тратить каких-нибудь 200 руб. для расходов, вызванных исключительными обстоятельствами. Средний годовой доход англичанина, француза, немца, по вычислениям Мюльгалля[1], равняется 273, 233 и 184 руб., доход русского - 63 руб., а русского крестьянина - 33 руб.

Те 29-30 руб., которые вынужден истратить наш крестьянин, как результат исключительных, неожиданных обстоятельств, европейца не введут ни в какие затруднения, так как это составляет лишь $^1/_{10}$-$^1/_6$ часть обычного его дохода.

Этот расход не так затруднил бы даже русского крестьянина, живущего на Кавказе, тем более, немецкого колониста, ибо, судя по бюджетам средних семей[2], на душу населения этих категорий приходится в среднем 200- 400 руб. постоянного капитала (скот, орудия, постройки и т. д.), а ежегодный доход равняется 150 и 300 руб.

К несчастью, нельзя того же сказать относительно карабахского крестьянина-армянина и татарина. У последних на душу приходится постоянного капитала (постройки, скот, орудия и т. д.) 75. руб. и годового дохода лишь 40 руб., из коих на личное пропитание и разные действительные расходы следует считать всего 25-30 руб.

К обычным расходам армянского или татарского крестьянина прибавить еще 29-30 руб. сверх нормы - это значит вдвое увеличить расходные статьи его бюджета, значит заставить его для пополнения нужды продать скот, так как другая часть его постоянного капитала (изба, орудия) на рынке не представляют никакой ценности.

---

[1] *«Товарищ» № 196, статья Прокоповича*

[2] *См. «Опыт исследования сельск.-хоз. в Эрив. губ. и Карсск. обл.»*

Продажа скота.

Перед властным требованием нужды крестьянин должен был уступить, должен был покориться этому требованию и приступить к продаже скота.

По официальным данным, 49,3-тысячное сельское население Елисаветпольской губернии, живущее на казенных землях, в 1886 г. имело скота как разных видов, так и в переводе на крупный скот.

	В с е г о	*В переводе на кр. скот*
Крупного скота	242 т. голов	242 т. голов
Мелкого скота	647 т. голов или что то же	129 т. голов
Лошадей, ослов, мулов	40 т. голов	40 т. голов
	Всего	411 т. голов

В среднем на семью приходится 8,3, а на душу -1,2 гол., кроме скота, стоимостью приблизительно 25-30 руб.

За последние 20 лет экономическое положение населения в отсталых районах Кавказа вряд ли подверглось изменению к лучшему и у нас нет основания предполагать, что крестьянский капитал в виде скота в настоящее время увеличился. Потому приведенные выше цифры можно считать достаточно точными и по отношению к настоящему времени.

Падеж скота.

К несчастью, и этот капитал скот, в нынешнем году был в исключительно неблагоприятных условиях.

Во многих селениях, где не успели вовремя заготовить и припасти сена или саману, скот до того исхудал и ослаб, что еле мог двигаться. Скудость корма, конечно, не могла не отразиться и на здоровье скота, который стал заболевать и падать. Заразные болезни стали появляться в десятках деревень, где невежественное крестьянство прилагало все усилия, чтобы весть о болезнях не доходила до слуха ветеринарного врача, и чтобы этот последний не прибег к «радикальному» средству лечения и не перебил бы вместе с больным и совершенно здоровый скот. В середине декабря 1900 г. из 65-ти армянских деревень Варанды в 14-ти появилась чума, которая стала принимать все более и более угрожающие размеры. В семи деревнях Хачена эпидемия производила опустошения. В зараженных деревнях скот падал десятками, но были и такие села, где чума уносила сотни голов, Карабулах лишился 100 голов крупного скота, Шушикенд-250, Чанахчи-300, Каринтак-245, и т.д. и т. д. В общем, пало 10, 15-20% всего скота, а местами (как в Сосе, Каринтаке) доходит до 35-70%. Из некоторых сел об эпидемии дали знать ветеринарному врачу, но последний, как это водится у местных чиновников, прибыл не вовремя и, лишенный возможности сразу объезжать десятки сел, зарегистрировал лишь незначительную часть падшего скота. В сел. Кайбаликенд, напр., из 80-ти павших зарегистрировано только 15; из 245 случаев павшего в Каринтаке скота стало «известным» ветеринару только о 10-ти.

Да, наконец, когда еще получит крестьянин полагающееся вознаграждение за регистрированный павший скот!..

Несмотря на все это, положение могло бы и считаться некритическим, хотя и очень тяжким, если бы не было другого, весьма важного обстоятельства, именно: что еще до лета 1906 г. экономическое положение населения было серьезно расшатано.

Разорение населения началось с того черного дня, когда возникли армяно-татарские столкновения, когда вековые соседи, подозревая друг друга, начали вооружаться, истреблять друг друга...

Расходы на самооборону.

Трудно, почти невозможно исчислить расходы, сделанные армянами и татарами на вооружение за последние $1^1/_2$ - 2 года.

Если будем умеренны и на каждые 2-3 семьи положим по одному ружью с необходимым запасом зарядов всего стоимостью в 150 руб., это составит уже цену 5-ти коров, или 30-ти овец. Истраченные средней семьей 75-50 рублей на вооружение составят $^1/_6$-$^1/_{10}$ движимого имущества крестьянина... Не думайте, что это одни только голые предположения: состоящее из 190 дымов сел. К., хотя считалось «вне опасности», за последние два года, по убеждению крестьян, израсходовало на вооружение 18.000 рублей (95 рублей на дым). Другое сел. Т., в 100 дымов, израсходовало 4,600 руб. (46 руб. на дым). Сел. К., состоящее из 500 дым., израсходовало 29,7 тыс. руб. (59 руб. на дым) и т. д. Расходы громадные, как в «безопасных», так и подверженных «опасности» селениях! Считая около 50-60-ти руб. расходов, на вооружение каждой семьи, общий расход армянского населения Карабаха за последние два года выразился в 1,5-1,8 милл. рублях.

От армян не отстали и татары. Хотя до столкновений татары были вооружены гораздо лучше, но, большей частью, их ружья были старых образцов, вследствие чего они вынуждены были заменить их ружьями более усовершенствованных систем. Кроме того, татары, как не отправлявшие воинскую повинность, скорее портили оружие и бесцельных зарядов выпускали больше, чем армяне. Живущие за пределами столкновений, очевидно, находились в более лучших условиях, чем их сородичи - горцы, но, говоря только о последних, нельзя не констатировать, что татары в экономическом отношении разорились столько же, сколько и армяне. В одном селе, напр., где население смешанное и состоит из армян и татар, 120 дымов армян истратило на вооружение 7,000 руб., (58 руб. на дым), а 80 дым, татар-5,000 руб. ($62^1/_2$ руб. на дым).

Если мы расходы на вооружение со стороны армян определили суммой в 1,5-1,8 милл. руб., необходимо предположить, что и татарами истрачено не меньше.

Во всем Карабахе во время армяно-татарских столкновений убыток, понесенный обеими сторонами на вооружение, следует считать не менее 3-$3^1/_2$ милл. руб,- сумма, равная 1/6 части всего движимого имущества населения.

И этот громадный расход во многих местах не нашел себе «никакого оправдания», ибо и до настоящего времени в этих местах не было никаких столкновений... Но кто мог гарантировать как армянам, так и татарам безопасность и, значит, сделать излишним разорительное вооружение? Кто может сделать это хотя бы сегодня? Человеку жизнь дороже всего. Благодаря преступному попустительству правительства этой жизни угрожала опасность, и население, как армянское, так и татарское вооружалось, продавало овец, коров, быков, задолжалось, вооружалось бесконечно и... разорялось экономически.

Падение промышленности и экономия благосостояния вообще

Наряду с расходами на вооружение, как земледельцы, по преимуществу армяне, так и татары, занимающиеся земледелием и скотоводством - терпели и косвенным образом. Находясь под постоянной опаской, под свистом пуль, они не могли, конечно, предаваться обычным своим занятиям с прежним спокойствием и вниманием.

Земли распахивались второпях, посевы производились не вовремя, а лишь когда это становилось возможным. Сады не обрабатывались, а оставлялись на произвол судьбы, скот лишался необходимого корма, обычного ухода. Во сколько миллионов определяется убыток, понесенный таким косвенным путем обеими народностями, - ответить крайне трудно. Приблизительное понятие об этом можно составить по степени упадка торговли и промышленности, имеющего место в Карабахе.

В Зангезурском уезде, напр., налог с торгово-промышленных предприятий, как и общие торговые обороты, уменьшились постепенно следующим образом:

Годы	Сумма сборов, руб.	Сумма торгово-промышл. оборотов, руб.
1904	12.000	1.200.000
1905	9.700	980.000
1906	7.000	750.000

В Шушинском уезде вместо 7,600 руб. (в 1905 г.), в 1906 году получилось только 3,600 руб. сбора, что соответствует уменьшению общего торгово-промышленного баланса в самой богатой части Карабаха с 3.830,000 руб. до 1.500,000 руб. Оно и неудивительно, так как вместо 624 промышленных предприятий, работавших в 1905 г., в настоящем году в Шушинском уезде осталось всего 334, и в числе ликвидированных предприятий находятся именно такие, которые имели наиболее крупное экономическое значение: спиртные заводы, шелкопрядильные фабрики, крупные мануфактуры.

Раз в двух соседних, Шушинском и Зангезурском, уездах за два года сбор с торгово-промышленных заведений с 29.600 руб, падает до 10,600 руб. - что представляет собой верный признак сокращения в два раза всего торгово-промышленного баланса (вместо 5 милл. $2^1/_2$ милл. руб.), не может быть сомнения, что общий приход страны уменьшился в той же степени.

Вот при таких экономических условиях предстал перед нашим крестьянином черный призрак голода осенью 1906 г. Для обеспечения себе пропитания крестьянская семья должна была иметь 50, 100 руб. Если бы даже он жил впроголодь, вместо $1^1/_2$ пуда хлеба в месяц потреблял бы $1^1/_3$ пуда, все же ему необходимо было иметь несколько десятков рублей. Где было ему достать эту сумму, из какого источника покрыть этот дефицит.

Продажа скота.

Первое место в ряду этих «средств», безусловно, занимает продажа скота. Не живущему в деревне покажется невероятной та сильная убыль в скоте-убыль, принимающая все более угрожающий характер, какая наблюдается в действительности.

Сисианский округ Зангез. у. можно считать сравнительно мало потерпевшим и более обеспеченным. Однако и здесь за последние три года число скота убавилось в следующих размерах:

Роды скота		Бирнакот (400 дым.)	Тазагег (102 дым.)	Караклис арм. (120 дым.)	Караклис тат. (80 дым.)
Козы, овцы	3 года назад	2.200	100	0	700
	теперь[1]	1.500	100	0	500
	-	- 700	+ 0	0	-200
	+	- 32%			-29%
Крупный рогатый скот	3 года назад	1.080	325	600	630
	теперь	760	170	410	420
	-	-320	-155	-190	-210
	+	-29%	-48%	-32%	-33%
Лошади и ослы	3 года назад	250 + 20	70 + 60	80+30	70+20
	теперь	150 + 20	60 + 60	60+30	70+10
	-	- 100 -0	-10-0	-20-0	-0-10
	+	- 40%	-14%	-25%	0-50%

[1] *Теперь, т.е. в ноябре и декабре 1906г.*

Как крупный рогатый скот вместе с буйволами, так и скот мелкий и, в особенности, лошади дают значительное сокращение, приблизительно в $^1/_3$. Не убыло число лишь такого рода скота, который большого значения в крестьянском хозяйстве не имеет (ослов), обстоятельство, косвенным образом указывающее, что к прежним неимущим прибавляются новые контингенты крестьян, когда-то имевших лошадей.

Татарский Каракилис не отступает от армянского Каракилиса: если армяне, в виду неимения ими овец, продают корову и лошадей ($^1/_3$, $^1/_4$), их соседи - татары лишаются $^1/_3$ своих овец и крупного скота, удерживая лошадей.

Естественно, более тягостно положение потерпевших от столкновений и недорода районов, каковым, например, является Зангезурский округ:

Роды скота		**Тег (700 дв.)**	**Яйджи (87 дв.)**	**Каракишлак арм. (484 дв.)**	**Дарабас с Шамбом (76 дв.)**
Козы, овцы	3 года назад	1.500	1,500	2,700	2,000
	теперь	500	500	1,500	300
	+абсол.	-1,000	- 950	- 1,200	- 1.700
	- в %	- 67%	- 63%	- 44%	- 85%
Крупный рогатый скот	3 года назад	1,100	800	3.000	1,000
	теперь	600	600	1,500	150
	+абсол.	- 500	- 200	-1,500	- 850
	-в %	- 45%	- 25%	- 50%	- 85%
Лошади и ослы	3 года назад	207 + 200	70	?	50 +100
	теперь	80 +200	40	?	18+17
	+ абсол.	-127+0	-30	?	-32- 83
	-в %	-61%	-43%		-64% -83%

В общем, по пострадавшему району Зангезурского уезда количество скота уменьшилось на 40-60%, а местами убытки дошли и до 85%, как например, в полуразоренном Дарабасе. Из разных родов скота наибольшей % убыли приходится на лошадей и овец.

Убыль рабочего скота.

Крупный скот, в который входит и скот рабочий, единственная опора и надежда крестьянина, продается с большей осмотрительностью. Однако при наличии нужды и голода, крестьянину приходится расстаться и со своим верным спутником, товарищем по работе-быком.

Вот небольшая таблица, по которой можно проследить убыль рабочего скота за последнее трехлетие:

	Три года назад было скота.	**В настоящее время насчи-тыв. скота**	**Убыль в течение 3 лет**	**%%**
Бирнакот	1200	1.000	-200	-17
Тазагег	350	300	-50	-14
Арм. Караклис	480	400	-80	-17
Тат. Караклис	360	320	-40	-11
Тег	800	500	-300	-15

В полуразрушенном Шамб-Дарабасе число голов рабочего скота с 300 упало до 120, т.е. уменьшилось на 180 голов или 60 %: Естественно, что такая значительная убыль в рабочем скоте должна повлечь за собой также уменьшение количества находящихся в употреблении

плугов и сох. Характерна в этом отношении владельческая деревня Саркисашен в Варанде, насчитывающая 100 дымов: три года назад количество сох, употребляемых в работе в этом селе, доходило до 62, в прошлом году число это упало до 49, а в настоящем году-до 26. Во время армяно - татарских столкновений Саркисашен не подвергался разорению, подобно Шамбу, но подвергался так называемому «мирному разорению», обусловливаемому помещичьим гнетом.

Усиление сельского пролетариата.

Убыль в рабочем скоте, а в связи с этим и уменьшение количества находящихся в употреблении плугов и сох не только влечет за собой сокращение пространства посевов в будущем, но и подрывает экономические силы крестьянства, создает и увеличивает ряды обездоленных, контингент сельского пролетариата. Быстрому росту последнего ничто так не способствует, как недостаток хлеба, голод и внутренние неурядицы. Вот несколько фактов, иллюстрирующих только что сказанное. В течение последних трех лет в упомянутом выше Саркисашене число крестьян, совершенно не имеющих рабочего скота, возросло с 15 до 40, т. е. почти утроилось. Увеличение бесскотных наблюдалось и во многих других селениях, а именно:

Название селений	**Общее число дымов**	**Число бесскотных увеличилось от - до**
Бирнакот	40	25— 40
Тазагег	102	10— 15
Тат. Караклис	80	6— 8
Арм. Караклис	120	5— 10
Тег	700	10— 50
Каракишлаг	448	60—130
Магас	30	4— 7
Тагавард	250	10— 60
Дирнаварз	225	65—100
Дашбулаг	200	25— 50
Гандзасар	180	40— 50
Итого	2881	275-560

В упомянутых выше 11 деревнях, насчитывающих, 2881 дымов, число не имеющих скота с 275 возросло до 500.

Три года тому назад процент бесскотных был 8,15 %, в настоящее время он равен 12,5 %, что указывает на возрастание сельских пролетариев на целую треть. Указанные здесь цифры, конечно, есть величины средние. Но в Карабахе немало таких селений, как Илис и Тимбухлу (Хачен), где благодаря нескончаемым столкновениям и другим неблагоприятным условиям более чем половина населения не имеет не только рабочего скота, но и какого бы то ни было скота.

Продажа домашнего имущества.

Вместе с продажей скота крестьянин выносит на рынок и остальное имущество, закладывает земли, будущий труд свой. Из продаваемого имущества большую или меньшую ценность представляют ковры и паласы. Зимою в длинные свободные вечера крестьянки прядут шерсть, красят и к весне ткут ковры, предназначаемые в приданое взрослым девицам. Мало-мальски состоятельные семьи вообще не продают своих изделий. Но вот наступают черные дни - нужда и голод, которые вынуждают крестьян вынести на продажу все это шерстяное добро: ковры, паласы, мафраши, все, что из шерсти, все, что представляет ценность. В селе Тег. Зангез. у. нас

уверяли, что в этом году, вместо продаваемых в прежние годы 50-100 ковров, в обозреваемом 1906 г. продано более 300.

В Каракишлаге, где раньше продавалось не более 100 ковров, в этом году голод заставил вынести на рынок более 1000 ковров, паласов, мафрашев.

То же самое имело место и во всех остальных армянских и татарских селениях.

Думается, излишне здесь упоминать, что вместе с коврами, в силу той же необходимости, продается и масса других, весьма нужных и ценных вещей: медная посуда, оружие. Во многих деревнях нам приходилось быть очевидцем того, как медная посуда, купленная по 50 коп. за фунт, продавалась по 30-25 к. по цене листовой, заржавленной меди... Часто крестьяне, живущие в самых необеспеченных районах, тайком и за полцены продают оружие, приобретение которого было сопряжено с громадными трудностями и риском. Продается все: ради куска хлеба выносится со двора и молочный скот, и овцы, и коврики, служащие постелью и необходимые для крестьянского очага кастрюльки, и предметы скромного украшения, оружие... Все, все, что есть у крестьянина, выносится на базар, все переходит в руки кулаков и разных маклеров... но по каким ничтожным ценам!

Цены на скот и другие продаваемые товары.

В прошлом (1906) году цена на скот, вообще, была невероятно низкая. Пара рабочих буйволов, вместо 140 руб. продавалась за 70 рублей. Корова, дающая $5^1/_2$-6 пудов убойного мяса, вместо 25-30 руб. продавалась за 15-16 руб. Пара овец, стоящих 2 года назад 14-15 рублей, шла за 7-8 рублей.

Более всего упала в цене лошадь. Недостаток в ячмене чувствовался в такой острой форме, что содержание одной лошади в месяц обходилось более десяти рублей, а содержание до самой весны в 50-60 рублей. Не следует потому удивляться, если прекрасный 100-300 рублевый скакун продавался за полцены, а обыкновенная упряжная лошадь за 25-30 р. вместо 70-100 руб.

Прибытие войска в Карабах, безусловно, поддержало несколько цены, хотя и после того все сорта мяса в Шуши продавались дешевле предыдущих лет на одну копейку. Куры, как и вообще птица, упали в цене в 1 1/2-2 раза.

В этом году сравнительно поднялись в цене лишь масло, сало и шерсть, которые вместо 15-16, 4-5 и 5-6 рублей пуд, продавались по 20 - 21, 7 - 8 и 7 - 8 рублей, т. е. в $1^1/_2$ раза дороже обычного. Но служило ли последнее обстоятельство признаком изобилия этих предметов, (масла, шерсти) или, быть может, оно обусловливалось иными условиями?

К тому же сравнительно высокие цены на шерсть и масло могли иметь лишь некоторое значение для занимающихся скотоводством татар, хотя и последние благодаря общему экономическому упадку и кризису, вместо того, чтобы продавать пудов пять масла по 15 рублей за пуд и выручать 75 руб., в этом году, едва могли рассчитывать на продажу лишь трех пудов каждый (по 20 руб. за пуд), при выручке 60 рублей; несмотря на повышенные цены, общая выручка от продажи масла представляла менее значительную сумму, чем в годы общего мира и экономического благосостояния.

В таких же неблагоприятных условиях происходила и продажа ковров и других шерстяных паласов. И хотя товар этот не требовал от хозяев своих, подобно скоту, корма, расходов на содержание и надзора, однако ловкие ростовщики всегда умеют ловить рыбу в мутной воде, материалы, стоящие 24 - 30 рублей, приобретали за 15-18.

Таким образом, все то, в чем нуждался крестьянин, приобреталось последним за 1,5 и двойную цену и, наоборот, все, что он продавал, должен был уступать по ценам в 1,5- 2 раза более низким, чем в нормальные годы.

В нормальные годы 20 пудов пшеницы крестьянин продавал за 24 рубля, на которые мог купить двух свиней, одну корову или большой ковер; в настоящее время для покупки тех же 20

пудов пшеницы он вынужден продать 4 свиней, двух коров или два ковра; потеря, как видите, двойная.

Крестьянин на собственной шкуре испытывает это ненормальное, безысходное положение и, чтобы хоть несколько отдалить грозящее ему разорение, вместе с продажей скота и имущества прибегает и к другим средствам-сторонним заработкам и эмиграции.

Сторонние заработки.

Сторонние заработки и эмиграция всегда служили для карабахцев обычными средствами, при помощи которых они в продолжение десятков и даже сотен лет покрывали дефицит в бюджете семьи.

Армяне, замкнутые в горных ущельях и имея несравненно меньше земли, чем их соседи – татары, естественно чувствовали необходимость позаботиться о заработках вне земледелия, издавна свыклись с поиском счастья на чужбине.

Отхожий промысел плотников, каменщиков, слесарей, занятие мелкой торговлей, служба и другие занятия были распространены, в особенности в районах, близких к Шуши, среди варандцев, хаченцев и зангезурцев. Естественно, поэтому, что в нынешнем году, когда недостаток в хлебе стал весьма ощутимым, отход из селений и эмиграция приняли более широкие размеры. Вместе с тем, если раньше выселение в города вместе со всем семейством было явлением исключительным, в этом году число таких лиц удвоилось и утроилось. Нижеприводимые цифровые данные проливают на этот вопрос некоторый свет.

Селения	**Число действ. дымов селения**	**Число лиц, занимающихся сторонним заработком**		**Из них, живущих в городах с семьями или женщины**	
		В 1906г.	**3 года назад**	**В настоящее время**	**3 года назад**
Саркисашен	100	150	70	15 сем.	3 сем.
Магас	30	30	7	2	-
Н.Тагавард	250	250	130	30	6 сем.
Каракишлак	484	300	175	25	10
Караундж	192	300 (?)	200	15	6
Яиджи	87	40	17	2	2
Дарабас-Шамб	76	100	30	3	2
Тег	700	150	300	4	8
Бирнакот	410	420	350	100 жен.	10 жен
Тазагюг	102	93	75	3	-
Каджаранц	77	12+63[1]	0+30	1	1
Итого	2.508	1.917	1.384	210	50

Приведенные данные достаточно наглядно показывают, что число лиц, находящихся на заработках вне селений, составляет 50-55% числа всех семейств. Если обобщить приведенные данные по отношению ко всему интересующему нас району (насчитывающему до 200,000 жителей с 30,000 семействами), придется сделать вывод, что из четырех уездов Карабаха около 16,5 тысяч душ или 1/6 всего взрослого населения или 1/3 мужчин обыкновенно ищет заработок на стороне.

Из тех же цифровых данных ясно видно, что в этом году вследствие голода общее число отправившихся на заработки с 1,381 возросло до 1,917, т. е. увеличилось более, чем в $1^1/_2$ раза.

Число семейств, покинувших родные жилища в настоящем году, в четыре раза больше, чем то было три года тому назад.

[1] *12 чел. работают вне Занг.у. и 63 на местных медноплав.заводах*

Если, наконец, принять во внимание, что в иных деревнях сами сельские общества ставят эмиграции известные препятствия (чем, между прочим, и объясняется факт убыли числа переселившихся в Тег и Дарабас), тогда читателю будет ясно и убедительно, что приведенное выше общее число отправившихся на заработки нельзя считать преувеличенным.

Убыль в Баку числа рабочих армян и татар.

К сожалению, по одному лишь числу покинувших родную землю крестьян нет возможности определить как размеры их заработка, так и степень помощи, доставляемой ими родным, оставшимся в деревне.

Наоборот, замечается как раз противоположное; Баку, являвшийся главным центром заработков для карабахцев, в настоящее время занимает не больше рабочих рук, чем несколько лет тому назад.

Статистические данные подтверждают, что в Баку число рабочих, как армян, так и татар, за последние годы сильно убыло.

По данным стат. бюро съезда нефтепромышленников, число и распространение рабочих по национальностям представляются в следующем виде (в тысячах и в %).

Национальность	**Нефтяные промыслы**		**Нефтяные заводы**	
	1897г. чис.в%	**1905г. чис.в%**	**1897г. чис.в%**	**1905г. чис.в%**
Армяне	4098=29%	16%	589=19.4%	340=10.4%
Русские	2406=17.5%	27.3%	1491=49%	2297=70.2%
Лезгины	2070=15%	12.9%	33=1%	15=0.5%
Мест.татары	1603=11.7%	11.2%	286=9.4%	103=3.0%
Казанск. татары	429=4%	7.6%	8=0%	5=0%
Персы	2622=19.1%	6.5%	473=15.8%	449=13.7%
Разные национальности	-	-	-	-
Итого	10299=100%	15964=100%	3041=100%	3273=100%

Ясно, следовательно, что число армян - рабочих на нефтяных промыслах убыло с 29% до 16%, а на заводах с 19,4% до 10,4%.

В 1897 году из всех зарегистрированных 14300 рабочих армян было 4687 человек, т. е. одна треть общего числа всех рабочих (32,9%). В начале 1905 года из 19,3 тысяч рабочих-армян было всего только 15,5% (3910 человек), несмотря на то, что общее число всех рабочих возросло с 14340 до 19237, т. е.- на 4897 или 34%. Абсолютное число армян-рабочих с 14687 упало до 3910, т. е. на 16,5%, относительное же их число сократилось более, чем в два раза.

Несомненно, это результат той политики систематических гонений, коим подвергались армяне в течение последних десятилетий.

Как это бывает всегда, удар и тут пришелся не на сильных мира сего и миллионеров, а по самому бедному и угнетенному классу - обнищавшему крестьянству.

Человеконенавистническая политика российской бюрократии особенно сильно сказалась в 1905 г. во время армяно-татарских столкновений, не замедливших в результате своем вызвать еще большее сокращение рабочих - армян в Баку.

По статистическим данным тех же нефтепромышленников оказывается, что за один год столкновений с 1-го января 1905 г. по 1-ое января 1906 г. число бакинских рабочих по национальностям потерпело следующие изменения:

Национальности	**1905**	**1906**	**Убыло (—) или поднялось (+).**
Армяне	16,1%	9,8%	-6,3%
Персы	17,7%	13,1%	-4,6%
Местн. Татары	11,2%	10,0%	**-1,2**%

Разные европейцы	6,5%	5,1%	-1,4%
Русские	27,3%	35,4%	+8,1%
Лезгины	12,9%	16,3%	+3,4%
Казанские татары	7,6%	9,3%	+1,7%
Евреи	0,7%	1,0%	+0,3%
Мусульмане вообще	41,8%	39,4%	-2,4%

Число рабочих - армян за один только год убыло на 40%, а в течение последних девяти лет, постепенно сокращаясь, упало с 33% (в 97 г.) до 16% (1905 г.) и до 9,8%. (1906 г.).

Рабочие - армяне, занимавшие в 1897 году первое, по своему числу, место в Баку, в настоящее время занимают пятое место, уступая в этом отношении русским, персиянам, местным татарам и даже лезгинам.

Эта же политика заметно проводится и в других городах и центрах Кавказа:- в Тифлисе, Батуми, и, в особенности, в тех предприятиях, как железные дороги, трамваи, которые находятся в ведении правительства или под его надзором. Иначе трудно объяснить, между прочим, то печальное явление, что большая часть стекающихся в Баку рабочих из Варанды, Хачена, Сипана и Зангезура, остается без всякой работы. Эти голодные и невежественные массы легко поддаются искушениям и попадают в число преступников, или в разного рода сообщества, обещающие им легкие средства к жизни. Немало, конечно, таких рабочих, которые несколько месяцев скитавшись по разным городам и истратив взятые из дому последние копейки, возвращаются, наконец, на родину с пустыми руками. Естественно, что несчастные эти всегда готовы работать в деревне за какую угодно плату. Нам нередко приходилось видеть, как каменщик, получавший прежде 1 р. 20 коп., работает за 30-40 коп.; месячный рабочий вместо обычных 10-7 руб. работает за 3-2 руб. и даже даром, лишь бы прокормиться...

Заводы в Капане.

В верхнем Капане (Охчи-Дзор) опустошенная деревня Каджаранц, как-то мы видели из приведенной выше таблицы, $^4/_5$ частей всех своих рабочих направляет на медные капанские заводы. Эта разгромленная и находящаяся в крайней нужде деревня вместо прежних тридцати рабочих в нынешнем году послала на медные заводы 63 человека, т. е. вдвое больше обычного. То же самое имело место и в прочих Капанских селах, в особенности в тех из них, которые пострадали от армяно-татарских столкновений. Благодаря лишь этому относительное число местных рабочих на медных заводах Капана возросло, а число персидско-подданных рабочих упало. Общее число рабочих в медных рудниках Капана обыкновенно колеблется, сообразно с временами года, между 1200 и 2000 чел., одну пятую которых составляют татары персидско-подданные, а $^4/_5$ -местные армяне и татары, в равном числе.

В декабре 1906 года на заводском «базаре» фунт хлеба третьего сорта продавался по 6 коп. Если принять во внимание, что одному рабочему на пропитание ежедневно нужно три фунта хлеба, и 10-12 коп. на другие мелкие расходы (на лук, мясо, чай, сахар и починку одежды), мы убедимся, что чернорабочий с большим трудом может за день откладывать 10-12 коп., каковая сумма (при наличии повышенных цен в настоящее время) еле может удовлетворить потребности одного ребенка.

И если бы на заводах работали даже все мужчины какого-либо селения, они смогли бы и прокормить лишь половину наличного числа жителей селения.

Такой ничтожный размер заработной платы сам по себе рельефно характеризует степень эксплуатации, господствующей в горнопромышленном центре Капана. Оно и неудивительно.

Рабочие, занятые на промыслах, невежественны, мало сознательны, не организованы; хозяева, очень ловкие мастера своего дела и наделены безграничным аппетитом. Руководители общественного мнения и пресса индифферентны к судьбе униженных и обездоленных и молчат.

На рудниках нет фабричной инспекции: в два года раз рудники посещают какие -то чиновники, которые, совершив прогулку около заводов, восхитившись прекрасным видом и пообедавши плотно у кого-либо из заводчиков, спешат уехать из этих диких местностей.

О законах, покровительствующих рабочим, здесь не имеют представления.

Если случается кому-либо из рабочих лишиться глаза или ноги, хозяин, или испытанный управляющий, запугивая его, заставляет или молчать, или же довольствоваться несколькими десятками рублей и лечь бременем на нищих родных.

По закону хозяева обязаны содержать школы для детей рабочих на всех тех заводах, где работают хотя бы несколько сот рабочих. Между тем в Капане работы ведутся уже несколько десятков лет, но до сего дня и речи нет о рабочих школах!.. Да и наивно было бы надеяться, что заводчики, обирающие рабочих, благодаря лишь невежеству последних, постараются открывать для них школы, эти светочи сознания среди окружающего мрака.

По закону на заводах должны иметься бани. Несмотря на обилие воды и леса и не менее обильной грязи, как среди армян, так и татар, горнопромышленники об этом, конечно, вовсе не беспокоятся.

Далее закон предписывает, чтобы шахты освещались лампадным маслом, дающим меньше копоти. Однако господа - заводчики вместе с их «образованными» управляющими считают излишним и это, и применяют черную нефть.

Благодаря такой «экономии», в шахтах создается такая атмосфера, в которой непривычному трудно оставаться и часа.

После выхода из темного лабиринта приходится целый день отхаркиваться и откашливаться, чтобы как-нибудь освободиться от темной массы.

Заводы по закону обязаны иметь своего доктора, помощников доктора и больницу. Однако горнозаводчикам, зарабатывающим сотни тысяч рублей, все „не удается достигать взаимного соглашения относительно этого вопроса, да и трудно им найти соответственного доктора". В итоге все заводы содержат одного фельдшера, которому не дают даже комнаты, где бы он мог поместить даже тяжелобольных... Да, „истинно патриархальные" порядки господствуют на капанских заводах. Рабочий здесь эксплуатируется, как нигде, ни в одном уголке России. Горнопромышленникам удается здесь, вдали от мира, устраивать такие делишки, которые смело могли бы возбудить зависть и аппетиты у самых отчаянных ростовщиков.

На одном из заводов мне удалось добыть следующий отчет деятельности горнозаводчиков:

Добыча 100 пудов руды предпринимателям обходится 80 руб.

Плавка этих 100 пуд. руды 55 руб.

Итого весь расход на 100 пуд. руды составляет 135 руб.

Из 100 пудов руды в зангезурских заводах получается в среднем 15-20%, или 10 пудов чистой меди, каковая представляет по господствующим в настоящее время ценам (пуд в 19 р.), стоимость на сумму в 304 рубля.

Очевидно, отсюда чистого дохода с каждых 100 пудов руды заводчикам достается 169 рублей.

Большинство горнопромышленников платит 1/10 часть полученной меди землевладельцам, и таким образом, предпринимательский чистый доход уменьшается до 152 рублей, или 1 р. 52 к. с пуда руды.

В декабре месяце 1906 года на трех главных капанских заводах[1] имеющих 1200 рабочих, (не считая перевозчиков угля и меди) в среднем, в день плавилось 1500 пудов руды.

Нетрудно, конечно, вычислить, что из общей стоимости меди, обрабатываемой ежедневно на заводах стоимостью 4560 руб., 2250 рублей получали трое горнопромышленников, 225

[1] А.Мелик-Азарьянца, ***Кундурова и Х. Назарбекова***

рублей поступали в карманы некоторых местных землевладельцев и посредников, а оставшиеся 2000 рублей распределялись между 4000 рабочих и перевозчиков!.. Это „заработок", который дает полную возможность хозяевам осуществлять все требования закона и даже удвоить заработную плату рабочих всех видов.

Да, это так и будет, это осуществится в недалеком будущем, осуществится в тот светлый день, когда местный рабочий народ образует тесно сплоченную организацию, и во главе ее станет опытный руководящий орган. А что будет в несколько более отдаленном будущем, когда по ущельям и равнинам Карабаха пройдет железная дорога, когда на Кавказе утвердится правопорядок и создадутся условия для культурного преуспевания - трудно предсказать.

В глубоких недрах своих горы Зангезура содержат такие ценные и несметные богатства меди, население края наделено такими положительными качествами и способностями, что через очень непродолжительное время, ценою сравнительно незначительных усилий, вся картина страны изменится до неузнаваемости. Очень многим, даже из современного поколения придется быть очевидцами удвоенной заработной платы в Капане, удесятеренного числа рабочих.

Недалеко время, когда отрезанная, заброшенная часть Зангезура из отсталого и забитого захолустья превратится в страну богатую, обильную и счастливую...

А теперь... теперь голодающие рабочие не в состоянии добыть себе куска черствого хлеба- это нужно сказать, в особенности, про настоящий (1906) год, когда, благодаря армяно-татарским столкновениям, некоторые из заводов были разорены и в продолжение нескольких месяцев не работали. Горнопромышленники от этого понесли убытки в размере нескольких сот тысяч рублей. В той же степени пострадали и без того обездоленные и бедствующие рабочие.

Шелкомотальные заводы.

Шелкомотальные заводы давали в этом году также сравнительно незначительный, против обычного, заработок. Заводы эти, главным образом, сосредоточены в Хачене и Варанде (Шуш. у.).

Живая сила воды и дешевый женский труд представляли здесь специальные удобства для развития указанных предприятий.

Во всем Шушинском уезде насчитывается около 20 шелкомотальных заводов.

В каждом из них работает человек 50-80, по большей части женщин, девочек и подростков.

Работают по преимуществу зимой, когда больше свободных рук, и когда заработная плата пятью копейками ниже, чем летом.

Работа ведется везде при крайне неблагоприятных санитарных условиях.

Заработная плата рабочих колеблется в зависимости от возраста и сноровки работающих.

Дети 8-12 летнего возраста получают по 7-8 к. в день

девочки 17-20 лет	15-18
взрослые 30-35 лет	20-40

40 коп.-это самый крупный размер заработной платы, которая дается, обыкновенно, наилучшим мастерицам.

Отрицательное влияние армяно-татарских столкновений сказалось также и на шелкомотальных заводах, некоторые из коих разорены и закрыты.

Оставшиеся открытыми заводы благодаря экономическому кризису и общему упадку экономической жизни значительно сократили размеры своей деятельности.

Перевозка товаров.

Мы могли бы считать исчерпанным свой обзор о неземледельческих заработках населения, если бы не оставалась еще одна область труда, область, которая, хотя и не имеет творческого

характера, но играет довольно крупную роль. Мы имеем в виду перевозку товаров, так называемый извозный промысел.

Прежде, когда еще не было никаких армяно-татарских столкновений, каждая из этих национальностей имела полную возможность свободно работать и пребывать в пределах районов, занятых другой нацией, сообразуясь единственно со своими способностями.

На шоссейной дороге, ведущей из Евлаха в Шуши, конкурировали друг с другом армяне и татары, фургонщики и аробщики.

То же самое происходило и на всех тех линиях сообщения, которые соединяют между собой крупные населенные пункты Карабаха.

В настоящее время картина совершенно иная.

Фургонщики и аробщики-армяне, натерпевшись несколько раз на Евлахском тракте, не могут больше пользоваться этой линией.

Имея несколько раз столкновения со своими соседями, крестьянин Хачена не решается договориться с соседом, не может больше заниматься перевозкой товаров.

Вместо того, чтобы рисковать жизнью, он предпочитает голодать. Тележку свою, как и быков, он не использует.

Внутри страны наблюдается картина прямо противоположная. Тракт, ведущий из Герусов в Капан (катарские заводы), не особенно безопасен, даже для местных татар, линия же, соединяющая Зангезур с Нахичеванью, открыта и безопасна лишь для жителей русских сел, устроившихся в горах (Базарчай и Бичанаг).

Положение это очень тяжко отзывается как на армянах, так и на татарах, доставляет им большие неудобства и причиняет крупные убытки. Особенно опасно на Евлахском тракте, и в особенности теперь, когда в крае свирепствует голод.

Ежедневно несколько десятков фургонов и ароб двигаются по направлению к Шуши с грузами пшеницы, муки, керосина, сахара, мануфактуры и разных других провизий, необходимых для полумиллионного населения Карабаха.

Перевозка двух-трех тысяч пудов товара приносит перевозчикам в день более тысячи рублей, из которых в настоящее время армяне не имеют никакой доли. Вместе с тем факт монополизации всей Евлахской линии весьма отрицательно влияет, вообще, на экономический уклад населения.

Оставим в стороне те кровавые дни, когда закрытию Евлаха армяне отвечали закрытием Аскерана; когда каждая сторона старалась уморить голодом противника; когда керосин продавался по 7-8 коп. фунт, соль, привезенная из Нахичевани в Зангезур, по 1 р., 1 р. 20 к. вместо 60, 70 коп. за пуд; когда лишь счастливцам удавалось доставлять своим родным и друзьям несколько кусков сахара в запечатанных конвертах.

Теперь эти тяжелые дни отошли в область истории и обеими враждовавшими сторонами упоминаются с проклятием. Между тем, монополизирование Евлахской дороги и поныне сказывается крайне отрицательно на жизни края и, в частности, на цене хлебов и усилении ужасов голода.

Как известно, стоимость перевозки товаров зависит от того, сколько требуется при нормальных условиях издержек во время перевозки, включая, конечно, в эти издержки и стоимость труда, корм лошадям и др. необходимые расходы. Это и служит причиной тому, что при повышении цены на корм лошадям (ячмень) неизбежно повышаются и цены на перевозку товаров из Евлаха в Шуши в следующей зависимости

Стоимость пуда ячменя в Евлахе	Цены перевозки каждого пуда
35-40 к.	17-18к.
80	20

1р.-00	25
1р.-20	30
1р.-40	35-40

Если принять во внимание то, что дорога от Евлаха в Шуши и обратно продолжается около 7-8 дней, что для каждой лошади в день нужно 10-12 фунтов ячменя и полпуда самана, что плата извозчику и издержки на починку экипажа в течение этого промежутка времени обойдутся 7-10 рублей, то обнаружится более или менее точное соответствие между приведенными выше числами.

На основании тех же числовых данных можно сделать и тот вывод, что в настоящее время, когда пуд ячменя в Евлахе стоит 1 руб, 40 коп., стоимость перевозки одного пуда товара не должна превышать 40 коп. Но, в действительности, мы имеем совсем другое.

Осенью сего, 1906 года минимальный размер стоимости перевозки пуда был 40 коп. В среднем все товары перевозились из Евлаха в Шуши по 50-60 коп. за пуд, а иной раз, при скверной погоде, цены эти повышались до 80 коп.

От подобного чрезмерного повышения цен пострадали не только состоятельные потребители сахара, но и потребляющее керосин трудовое крестьянство, нуждающееся в куске черствого хлеба, угнетенное и голодающее.

Указанное выше повышение цен за перевозку товаров некоторые приписывают орудующим на дорогах разбойникам и злонамеренным личностям, которыми будто бы обложены налогами перевозимые товары, другие склонны объяснить это тем, что дескать шоссейная дорога испорчена, наконец, третьи считают это следствием пробужденного якобы среди татар национального духа. Татары, перевозя по дорогим ценам армянские товары, и, напротив, по дешевым ценам - татарские, будто этим хотят способствовать переходу торговли от армянских купцов к татарам.

Нам кажется, что все подобные толкования, как в отдельности, так и вместе взятые, не в состоянии выяснить сути такого крупного экономического явления.

Невероятное повышение цен за перевозку следует, по нашему мнению, приписать, главным образом, тому, что на Евлахском тракте небезопасно; потому что перевозка по этой линии сделалась монополией в руках ограниченного числа лиц.

Интересы перевозчиков-армян равно, как и благоденствие всего края вместе с жгучей потребностью немедленной доставки хлеба голодающим,-все это в совокупности неотложно требует прекращения и устранения этого неестественного положения, или же, в противном случае, проведения новой дороги, могущей конкурировать с Евлахской линией.

Но кому же думать обо всем этом?

Долги и ростовщичество.

Итак, лишенное работы на бакинских нефтепромышленных заводах, а также некоторой части заработка на заводах Капана и на шелкомотальных заводах, угнетаемое крестьянство вынуждено было обратиться к третьему способу пополнения своей нужды, к «благодетельному» и зажиточному соседу. Ростовщики, действующие под маской городского купца, солидного помещика и сельского «почетного», всегда являлись для крестьянина последним «убежищем» и последней надеждой.

Фиктивные и действительные векселя, заклады серебряных вещей и земель, работа у кредитора в качестве полукрепостного - все эти явления столь обыкновенные и весьма знакомые, что не стоит на них подробно останавливаться.

В этом отношении Карабах не составляет исключения наряду с другими областями Закавказья.

Определить хотя бы приблизительное количество долгов, обременяющих широкий класс неимущих, крайне трудно. Часто должники являются одновременно и имеющими кое-какие получки.

Помимо того, недобросовестные всегда увеличивают размер действительного долга, а люди «честные», наоборот, стыдятся их, скрывают настоящую сумму своих долгов.

Наконец, кредит в деревнях реализуется по столь разнообразным формам, что нет никакой возможности, за отсутствием каких-либо ведомостей и таблиц, проследить количество выдаваемых и получаемых денег. Остается только руководствоваться приблизительными указаниями местных сведущих, добросовестных людей.

По словам последних, количество долгов в некоторых деревнях, три года тому назад и в настоящее время представляется в следующем виде.

Деревни	Общее число дымов	Число должников		Общая сумма долгов		За посл. 3 г. (+) - прибавилось или (-) убавилось	
		3 г. тому назад	В наст. время	3 г. тому назад	В наст. время	число должников	сумма долга!
Караундж	192	120	170	15,000	25,000	50	10,000
Тег	700	400	650	25.0О0	45,000	225	20,000
Бирнакот	410	350	350	20,000	25,000	—	5,000
Таза гюх	102	50	60	3,000	5,000	10	2,000
Караклис Арм.	120	45	60	4,000	6,000	15	2,000
Караклис Тат.	80	20	30	3,000	4,000	10	1,000
Итого	1604	985	1320	70,000	110,000	335	40,000
		(61,5%)	(82,5%)	(71 р.)	(83 р.)	(34 %)	(57%)

Из приведенной таблицы ясно, что еще до армяно-татарских столкновений 2/3 сельского населения имели долги.

Последние годы, естественно, способствовали сильному увеличению долгов. Число задолжавшихся семейств, от 61,5% в общем возросло до 82,5%, т.е. увеличилось на 1/3.

Более резко возрастает общая сумма долгов.

В то время, как прежде, каждое семейство средним числом обременено было долгом в размере 71 рубля, в настоящее время оно изнывает под бременем 83 рублей. В общем, 1600 крестьянских семейств, приведенных выше шести селений, вместо прежнего долга в 70,000 рублей, ныне имеют 110,000 руб., другими словами, общая сумма долгов увеличилась на 40,000, или на 57%.

Кто не знаком с экономическими условиями нашего крестьянства, тому, пожалуй, трудно представить себе тяжесть, под которой оно изнывает, трудно представить себе значение 70 -80-рублевого долга для крестьянина.

Эта сумма ведь составляет ровно половину среднекрестьянского годового заработка, являясь вместе с тем равной одной четверти его состояния. В городах и среди зажиточных крестьян, за 70-80 рублей следовало бы в год процентов платить до 10 рублей (10-15%).

Иначе обстоит дело в деревнях, в особенности, среди бедных слоев крестьянства. Средний процент в наших деревнях почти всегда колеблется между 20-24-ю. Иногда даже это случается сплошь и рядом, крестьянин силою обстоятельств вынужден платить 30% и даже 50%. Ныне, когда по всей стране свирепствует голод, нет сомнений, что он, беспомощный мужик, с большой готовностью будет платить даже 60% и 100%, лишь бы не умереть с голоду...

Многие надеются, что благодаря вмешательству правительства и разных „комитетов" можно будет препятствовать росту процентов и освободить нуждающихся от угнетения и грубой эксплуатации со стороны кулаков и имущего класса. При современных социально-экономических условиях, когда весь уклад общественной жизни зиждется на праве частной собственности, когда все является отражением необузданной свободы частной собственности, сильнейший, естественно, всегда пользуется своим положением, эксплуатирует слабых, имущие притесняют неимущих. Эксплуатация и экономическое угнетение имеют тенденцию сообразоваться со степенью нужды слабых и неимущих и величиною капитала имущего.

Ведь не плодом праздной фантазии является тот общеизвестный факт, что в бедной, экономически отсталой Персии банковский процент достигает 15-20, в неимущей России 7-10, в обеспеченных Австрии и Германии 4-5, в цветущих и богатых Англии, Франции и Швейцарии 2-3.

Не следует, да и невозможно одним лишь индивидуальным произволом и капризом объяснить то знаменательное и выдающееся явление, что Англии удается доставать несметные суммы за 2-2,5%, между тем как Россия, несмотря на всякого рода ухищрения своих финансистов, вынуждена при заключаемых займах платить 5%, 6%, а в недалеком будущем, быть может, и 7%-10%.

То же самое явление имеет место и в нашей жизни, в экономической обстановке наших закавказских деревень. Бедные, неимущие составляют у нас подавляющее большинство, тогда как богатых, достаточных у нас сравнительно очень мало.

В татарских деревнях, обычный размер процентов выше на 30-40%, чем у армян; а у этих последних (20-30%) нормальный процент выше, чем в русских и немецких колониях (10-20%); чем же это объяснить, если не тем, что татарский элемент сравнительно беднее армян, что армяне, в свою очередь, живут в более худших и экономически - незавидных условиях, чем их соседи-немцы и русские. В городах, где самый последний «пролетарий» живет сравнительно менее бедно, чем средний крестьянин, размер процента не превышает 10-15, тогда как в деревнях, где 9/10 всего населения - бедные и нищие, проценты колеблются между 20 и 30.

Во всех тех случаях, когда усиливается нужда у бедных, неизбежно возрастает и размер процентов. В настоящий момент в Карабахе народ голодает, нужда крайняя, понятно, следовательно, что при таком положении вещей тщетны будут всевозможные препятствия и ограничения. Капиталисты и имущие неудержимо будут прямо или косвенно эксплуатировать неимущих, будут взимать с них, вместо обычных 20-30% все больше, и больше - 40%, 50% и даже 100%.

Примеры? - их очень много.

Формы кредита и примеры ростовщичества

Мы довольствуемся приведением лишь нескольких более характерных...

В обыкновенные годы, весною, бедные крестьяне, влекомые нуждой, обращаются к имущим своим соседям, занимая у них хлеб отчасти для обсеменения, отчасти же для прокормления - и принято в таких случаях уплачивать взятый в натуральном виде долг при урожае в полуторном размере. За мерку пшеницы, взятой осенью или зимой, во время молотьбы мужик возвращает кредитору 1,5 мерки того же хлеба, что и составляет 50 процентов натурой. Если же принять во внимание, что весною хлеб ценится обыкновенно на $^1/_4$ – $^1/_3$ дороже, чем осенью, когда крестьянин уплачивает свои долги, то будет ясным, что в действительности при переводе на деньги тратится не 50%, а 30-35%.

Теперь же, когда нужда велика и всеобща, бедные, неимущие крестьяне вместо пшеницы занимают у своих соседей просо, обязуясь за каждый пуд взятого проса уплатить потом 1,5 пуда пшеницы. Отдавая нуждающемуся один пуд проса стоимостью в 1 р. 20 коп., богатые

этим самым обеспечивают себя в получении 1,5 пудов пшеницы, вероятная стоимость которой летом 1 р. 80 к., 1 р. 90 коп.

Это означает, что нормальный процент сейчас в селениях 50-55%. Еще больших размеров достигает высота процента в тех случаях, когда в силу каких-либо непредвиденных обстоятельств, деревня принуждена бывает достать в непродолжительный промежуток времени некоторую крупную сумму.

Нескончаемые экзекуции, широко практиковавшиеся в этом году во время военного положения, выдвинули перед одной из беднейших татарских деревень требование уплаты 1000 рублей. Несчастные крестьяне, в целях освобождения от диких и оскорбительных казацких выходок, а главным образом, желая защитить честь своих жен и дочерей, обратились к одному из местных «господ». Последний, входя в положение населения, дал односельчанам неотложно требуемую сумму по «обычному условию». Это обычное условие состояло в следующем: возобновить вексель через шесть месяцев и платить в месяц пятачок за рубль процентовых. Если крестьянам не удастся в течение назначенного срока погасить свой долг, ясное дело, взятая ими одна тысяча к концу года обратится в 1690 рублей...

Большим распространением пользуется в деревнях обычай заклада земли обыкновенно наиболее ценных участков вместо внесения процентов. Месяцев пятнадцать тому назад в деревне Н. один из местных ростовщиков одолжил одному из односельчан (П. А-у) 40 рублей, причем в росписи, данной крестьянином, упоминалось, будто взято 60 руб. За проценты этих 60 руб. (в действительности лишь 40 р.) крестьянин заложил свой сад с 22 тутовыми деревьями. По оценке крестьян годовой доход с 22-х деревьев достигает: 8 руб. за ягоды и сена на 6 р., не считая некоторого количества хворосту словом, сад этот, в общем, даст кредитору дохода, в размере 40%.

По окончании года кредитор требует от должника или уплаты 60 рублей, или окончательной передачи ему заложенного сада.

Читатель, конечно, не сомневается, что в данном случае мы имеем дело со случаем продажи за 60 руб. сада, стоящего 150- 200 рублей.

Во всех тех случаях, когда нуждающийся крестьянин не в состоянии уплатить взятой им в долг суммы, неизбежно возникают подобные последствия.

Проценты возрастают с изумительной быстротой, кредитор продолжает оставаться безжалостным и должник, подобно попавшей в сеть рыбке, начинает метаться в ней, но напрасно: не удается ему выпутаться из когтей кредитора и волей - неволей приходится ему покориться, сделаться его покорным слугой.

Житель деревни Керт (Шуш. у.) пять лет тому назад ссудил жителя селения Караундж пятью- десятью рублями на «обыкновенно принятых условиях»; конечно крестьянину не удалось своевременно погасить весь долг и последний стал неудержимо возрастать. До сего дня в несколько сроков должник уплатил кредитору 50 рублей деньгами передал кредитору двух быков стоимостью около 40 рублей, 21 пуд пшеницы стоимостью в 25 рублей, и помимо всего этого, заложил у кредитора два участка земли в две десятины площадью с доходом около десяти рублей в год. 3-ий год кредитор пользуется этими земельными участками; должник уж умер, а сын должника и по сей день принужден признать этот долг, о 50-ти рублях, и за проценты этой суммы двенадцатилетний брат его обязан безвозмездно служить у кредитора...

Таковы общие формы кредита, практикуемого в Карабахе, таково то общее и гнетущее положение, в котором влачит свое жалкое существование беспомощный и забитый крестьянин - земледелец. Придумывая разные препятствия против ростовщичества, создавая разного рода паллиативы уменьшения %, % нельзя ни в каком случае оказать помощь, поддержку бедствующему трудовому населению.

Кто действительно желает бороться с ростовщичеством, тот должен стремиться к уменьшению существующей нужды среди неимущих крестьян, тот должен способствовать устройству и распространению кредитных учреждений в деревне, обязан облегчить то жестокое бремя, которое в виде податей, невежества, бюрократического произвола, гнетет и разоряет крестьянина, заставляет его прибегать к помощи ростовщиков...

Другого исхода, других средств нет.

Вышеприведенные данные дают достаточно наглядное представление о том, как тяжело должно быть экономическое положение населения в Карабахе.

Число разоренных

Тяжела в особенности участь тех, которые разорились во время столкновений последних лет, бродят теперь по соседним селениям, питаются подаянием и крохами, подающими со столов имущих.

Каково точное число этих несчастных - мы не знаем.

По данными уездных комиссий число нуждающихся в правительственном пособии равно:

В Шушинском у. 37 селений

Дживанш.	?	2—3000 семей
Джебр.	8	263
Зангез.	18	?

Имея в виду общие суммы пособий, определенных этими комиссиями (около 350 т. р. для Зангез. у. и 550 т. р. для всего Карабаха), а также то, что на средний двор ими определено от 60 до 150 р. (а в ср. 90 р.), можно принять, что число разоренных семей Зангез. у. равно 4000, всего же Карабаха более 6000.

Детальнее и точнее этого, по нашему, данные г. А-до[1], который специально изучал этот вопрос на месте.

По исчислению названного исследователя число селений и семей разоренных или сильно пострадавших в интересующем нас районе равно:

У е з д ы.	**Армянские**		**Татарские**		**Всего**	
	сел.	**семьи.**	**сел.**	**семьи.**	**сел.**	**семей.**
Шушинский	8	334	12	1083	20	1417
Дживанширский	9	655	15	840	24	1495
Джебраильский	14	434	5	43	19	477
Зангезурский	14	817	43	1465	57	2282
Итого	45	2340	75	431	120	5771

Считая, что в средней армянской семье приходится по 7,5 душ, а татарской по 6[2], число разоренных армян в селах будет 17,550, татар же 20,586.

Кроме этого, в городе Шуши сгорело до 370 армянских и 100 татарских домов. Полагая по 10 душ на сгоревший дом, мы получим, что число разоренных горожан было: 3700 армян и 1000 татар.

Вместе с сельскими обездоленными общее число разоренных и лишившихся имущества достигнет 42,836, из них 21,250 армяне и 21,586 татары. В общем итоге из 257 армянских

[1] *Пользуемся ценной рукописью г.А-до*

[2] *Таковы величины семей по соответствующим национальностям в Эрив. губ.*

селений 158,5 тыс. населения (по переписи 1897 г.) разоренных и сильно пострадавших считается 45 сел. с 21,250 душами или 13,5% всего населения.

Из 789 тат. селений с 227,7 тыс. душ.-78 селений с 21586 душами, или 9,4% всего татарского населения.

Размер убытков

В числе разоренных есть селенья (как арм. Минкенд или тат. Катар), которые потеряли все, что имели. Другие (подобно арм. Карабаб, тат. Малибеклю, Дамирар) большую часть своего имущества (в особенности скота) спасли. Если принять, что пострадавшими из имущества в 40-50 р. на душу утеряно около 2/3, общая сумма потерь разоренных селений определится в 1141-1524 т. р. (38 тыс. душ по 30-40 р. на каждого).

Значительно выше этого убытки горожан Шуши. По уверению компетентных торговцев, убытки города не ниже 5,5 - 6 милл. р.

Не вдаваясь в критику этой цифры, нам бы хотелось лишь при определении убытков стоять на какой-либо более объективной почве. По данным Шушинской городской управы 370 уничтоженных армянских домов оценены были городом в 600 т. р., 100 домов татарских - в 100 т. р.

Но так как городская оценка составляет 1/2 и даже 1/4 действительной стоимости, так как оценка городская не касается погибшего движимого имущества горожан и в виду того, что при пожаре погибло более 200 наиболее роскошных магазинов города, для определения действительной потери города необходимо оценочную сумму увеличить втрое и вчетверо. При этом условии потери города Шуши будут, равняться 2,1 - 2,3 милл. р., из коих потери армян составят 1,8-2,4 милл., потери татар - 0,3 - 0,4 милл.

Вместе с потерей сельчан в размере 1,1-1,5 милл., общая сумма убытков, понесенных Карабахом, поднимется до 3,2-4,3 милл. р.

Роль правительства

Возникает невольный вопрос, что делало правительство для покрытия этих громадных потерь, к каким мерам прибегала местная администрация, чтобы избавить от голода разгромленных крестьян.

Ничего.

Ничего, так как в сравнении с миллионной потребностью не могут пойти в счет 33,700 и 11,000 р., отпущенных прошлой осенью разоренным Зангез, у., ничего, так как и суммы эти взяты из штрафных, взятых с „повинных“ селений усмирительными отрядами.

В начале это бездействие можно было еще оформить не имением точных сведений. Теперь и это соображение теряет свой raison d'être.

Осенью 1906 г. во всех уездах из чиновников были организованы комиссии, которые, объехав селения, составили списки пострадавших. В составленные ведомости входят только жители уничтоженных селений, или те, которые после разгрома вернулись на свои пепелища. Те из сельчан, которые не оставляли своих гнезд, но потерпели не меньше убытков, чем убежавшие (как Каладараси Зангезура, Храморт и Илис, Шуш. у.) в списки не были внесены. В списках очутились также некоторые селения (как Кюрдикенд Капана), которые и сейчас не живут в своих селениях.

Комиссии определили и размер необходимой ссуды, считая по пуду хлеба на взрослого человека, предполагая, что на десятину сеется 10 п. пшеницы и из надельной пахоты обрабатывается половина. На восстановление хозяйства, помимо необходимого количества леса, чиновники считали достаточным по одному быку (в 40 р.) на двор, и по одному плугу (40 р.) на каждые 10 дворов. Члены комиссии мало заботились о том, насколько удобно распределить инвентарь между семьями, когда наряду с 7-8 душами, есть семьи в 3 и в 30 душ. Чиновникам Елисаветпольской губернии кажется вполне естественным «восстановить» хозяйство

туземца 44 рублями, несмотря на то, что те же лица при устройстве поселенцев из внутренних губерний считают недостаточным и 200-300 рублей.

Как бы то ни было, списки разгромленных были составлены. Самый осторожный расчет выяснил, что для 4000 семей (25,000 душ) Зангез. уезда нужно 350,000 р., 850 семьям Шушинского уезда (без горожан) необходимо 130,000 р, и т. д.

Генерал Бауер в январе настоящего года делает представление Наместнику Кавказа о ссуде 500,000 р., отмечая, что „запоздалая помощь грозит населению всеми нежелательными последствиями: увеличением преступлений и наступлением смуты, так как где начинается голод, там кончается законность[1].

Министр внутренних дел отказывает наместнику, предлагая обратиться с соответствующим ходатайством в Государственную Думу. Разоренным ассигнуется пока 100,000 р. (по 2 р. на душу в среднем).

Безысходное положение разгромленных

Читателю не трудно представить себе, каково должно было быть положение лишенных крова и имущества несчастных, приютившихся в хлевах соседей.

Для характеристики приведем лишь несколько примеров:

В числе разоренных селений Капанского уч. Зангез. у. числится Каджаранц.

Расположенное высоко в горах под грандиозными скалами и на берегу каскадов, селение жило скотоводством и культурой ржи, пшеницы и картофеля. Недостаток от земледелия крестьяне пополняли заработками с медноплавильных заводов. Жили они бедно, но патриархально, не отказывая в помощи соседям. Настали дни армяно-татарских столкновений и селение это, как находящееся на границе армянского района, подверглось разгрому, 77 дворов селения потеряли все.

Погромщики татары (и армяне) наряду с огнем уничтожили и взяли 300 голов крупного скота, 1300 овец и коз, 70 лошадей и мулов, 100 построек, большую часть домашнего имущества, запасы хлеба…

652 души сельчан живут сейчас под развалинами родного селения, 10 душ. семьи питаются теми 10 фунтами, которые зарабатывают работающие в рудниках. Зимние ночи семья проводит на сене под старым войлоком, более сотни детей селения смотрят на единственную корову, которая осталась в селе.

Могут ли выносить подобные условия жизни малолетние дети?

Они и не выносят, не выносят ни в Каджаранце, ни в других селениях, подвергшихся разгрому.

Среди минкендцев, например, тех минкендцев, из коих 194 человека летом 1905 г. были зарезаны под руководством местного пристава Асланова - до сих пор ненаказанного - среди оставшихся в живых и приютившихся в Гирюсах 529 чел. минкендцев за последние 16 месяцев было 43 смертных случая. По расчету на год это составляет 6 смертных случаев на 100, что вдвое выше средней смертности по селениям. Не может оставаться сомнения, что живущие в холоде и голоде минкендцы погибают, погибают тихо, без слов, на глазах общества и администрации.

В аналогичных же условиях находятся и разоренные татарские селения. Сел. Дамирар Дживанш. у. в декабре 1905 г. было разгромлено армянами. Спасшиеся еле могли спасти половину скота и поселились в низменности среди татар. Последние, как чистые земледельцы, приняли незванных полукочевников дамирарцев не с особенной охотой. 50 дворов (300 душ) дамирарцев лето провели на задворках местных татар среди болот, под жгучим солнцем; стали болеть лихорадкой и дизентерией и дали более 50 чел. жертв.

---

[1] *Каспий № 12, 1906 г.*

Ныне, когда кончились столкновения, дамирарцы вернулись на свое прежнее место, в знак примирения заклали барана соседям армянам и зажили в наскоро заколоченных шалашах. Малярия, однако, не оставляет в покое этих несчастных. Не проходит недели, чтобы не выносили на кладбище труп кого-либо вновь умершего.

Бедные гибнут и нет никого, кто бы растолковал этим исхудалым и беспомощным, кто виною их гибели, кто истинная причина этой кары.

К сожалению, одними только разоренными не ограничивается число голодающих Карабаха.

В помощи нуждаются не одни только 6000 семей с 42,000 душ разгромленных и бездомных.

Вследствие разоривших край междоусобиц, вследствие миллионных расходов на самооборону, вследствие сокращения посевов на 30-40% и плохого урожая, недостаток хлебного запаса этого года доходит до 5,5-6 милл. п. стоимостью в 11-12 милл. р.

Все население края, подавляющее большинство трудового люда испытывает крайнюю нужду. Крестьянин и горожанин, земледелец и ремесленник - каждый обращается к всевозможным средствам, чтобы найти какой-либо выход из невыносимого положения.

Выносятся на рынок рабочие руки, но безуспешно: благодаря безработице сумма заработков ниже даже заработков нормального времени. Продается за полцены скот, домашняя утварь, но и тут скоро наступает предел, так как самооборона предыдущих лет поглотила уже $^1/_5$ часть всего имущества.

После продажи овцы, последней коровы, крестьянин закладывает и продает землю, поступает в кабалу к кулаку.

Все эти меры настолько губительны для крестьянина, вселяют такой ужас на душу земледельца, что он предпочитает страдать и голодать, но не загубить все будущее.

- «Лучше голодать и дать одну жертву сегодня - подсказывает инстинкт крестьянина, - но сохранить хоть половину хозяйства, чем лишиться всего последнего. Разорение хозяйства может и избавить от сегодняшней одной жертвы, но в будущем, неизбежного голода и холода, потребует от семьи больших жертв: двух-трех».

Крестьянин сознает справедливость этой дилеммы; вопрос о терпении и прозябании делается его девизом.

И чего только не переносит он при этом!

Он принужден вместо пшеницы питаться ячменем, просом, картофелем, травами; перестать потреблять мясо и масло, вино и пряности; вместо двух раз садиться за стол один раз, вместо 3 фунтов хлеба потреблять только 2, $1^1/_2$, 1 фунт, да и то старого заплесневелого хлеба!

Вот общая картина крестьянского питания, которая вместе с холодом, сыростью и грязью являются плодородной почвой для разного рода болезней.

Иначе, трудно объяснить проявление массы инфекционных и других болезней, которые появились в настоящем году почти одновременно во всех селениях.

От «оспы», «кори», «коклюша», «болезни горла», «простуды», «кашля», «тифа» болели и умирали по преимуществу дети.

Маленькие, нежные создания не могли переносить плохое питание, недостаток молока и гибли десятками, сотнями.

Одним из самых здоровых селений Зангез. у. следует считать Каракишлаг (с 484 дворами). И вот в этом-то селении за прошлую осень от разного рода болезней умерло до 60 детей и 15 чел. взрослых. В Хндзореске (с 1000 дв.) за последние несколько месяцев погибло более 300 детей и 50 взрослых от тифа, занесенного сюда живущими в селе Минкендцами. Егават Капана из 120 дворов дал 37 жертв, Агарак (со 130 дв.)- 1 5 и т. д., и т. д.

Официальные сведения ограничивают число жертв оспы 187 и тифа 197 случаями, но тем самым подтверждают лишь, насколько неудовлетворительно поставлена у нас чиновничья статистика.

Правда, в обозреваемом нами районе есть селения, экономическое положение коих в настоящем году не отличается от положения обыкновенных лет, есть селения с состоянием даже лучшим, чем в обыкновенные годы. Но наряду с этими селениями немало и селений крайне бедных, стоящих на краю голода.

Как упомянуто было не раз выше, самым обеспеченным районом следует считать Сисианский участок Зангез. у.

И вот, как показало наше обследование на месте, в селениях Пирнакот, Лар и Гетатаг, этого «наилучшего» участка, обеспеченной хлебом до конца года была ¼, $^2/_3$ и $^3/_4$ населения; остальная часть крестьян должна была запастись покупным хлебом на 3, 4 и даже 6 месяцев.

Но вот вам малообеспеченные владельческие селения того же участка Татев и Сваранц, где из 284 и 35 семей о покупном хлебе могут не думать только 1,2 и 3 семейства, где половина крестьян собственным хлебом обеспечена только на полгода, а другая половина покупает хлеб еще с осени.

Вот вам селения: Кишлаг, Илис и Тимбуглу Хаченского округа, где из 230 семей 85 (37%) голодающих, а 110 (48%) нуждающихся в помощи.

Переходя к данным общего характера, выясняющим размеры нужды и необходимой помощи, мы поставлены в необходимость пользоваться данными косвенного характера.

Для мест, питающихся обыкновенно пшеницей, употребление в пищу ячменя и проса служит несомненным признаком крайней бедности и голода.

И в таких крайне неблагоприятных условиях находятся у нас целые районы, десятки и сотни селений; $^3/_4$ - $^4/_5$ населения Карабаха питается сейчас мешаницей пшеницы с ячменем и просом и даже чистым просом или ячменем. Нижеприводимая таблица, указывающая, какая часть населения питается чистой пшеницей, какая мешаницей и какая - суррогатами хлеба (ячменем или просом), дает достаточно наглядное представление о постепенном переходе, наблюдаемом от обеспеченного Сисиана к наиболее обездоленному Хачену.

Название селений.	**Общее число семей**	**Число семей питающихся**		
		чистой пшеницей	**меша-ницей**	**ячменем или просом**
Сисианский район				
Бирнакот	410	200	210	—
Тазагег	102	50	52	—
Шинатаг	84	20	44	20
Л ар	63	10	38	15
Гетатаг	53	13	35	5
Лицен	48	15	33	
Зангезурский район				
Тег	700	100	460	140
Татев	284	7	247	30
Сваранц	35	2	16	17
Хаченский район				
Гандзасар	300	3	80	217
Хиндрстан	137	20	67	50
Кишлах	135	4	31	100
Тимбуглу	35	-	-	35
Илис	60	-	10	50
Итого. . . .	2080	444	1323	313
Итого в % .	100	21,3%	63,3%	15,4%

Цифры очень поучительны. В то время, как на обеспеченном землей Сисианском плоскогорье половина населения питается чистой пшеницей и вовсе нет семей, употребляющих в пищу чистый ячмень и просо, в малоземельном Зангезуре чистую пшеницу употребляет только и $^1/_{10}$ часть населения, тогда как вдвое большее число крестьян питается ячменем и просом. Вполне естественно, что малоземельные Татев и Сваранц находятся в значительно менее благоприятных условиях, чем обеспеченный землею Тег.

Понятен также и другой факт, почему по мере поднятия от Лицена к Шинатагу возрастает число лиц, питающихся ячменем.

Названные селения расположены в одном и том же ущелье, представляют постепенные климатические переходы, что и обусловливает соответственное увеличение площади и потребление ячменя.

В Хачене, как в сравнительно обеспеченном Хиндристане, так и «среднем» Гандзасаре питающееся чистой пшеницей не составляют и 5% населения, тогда как число питающихся ячменем и просом составляют более половины населения.

В Кишлаге, Тимбуглу и Илисе нет вовсе лиц, питающихся чистой пшеницей, $^1/_7$ часть населения довольствуется мешаницей, а остальная 85% питаются ячменем или просом. Поучительно также, что живущие на казенной земле хиндристанцы вдвое обеспеченнее владельческих гандзасарцев и намного лучше бекских Тимбуглу и Илисе, кои положительно сравнены с землей.

Каково же действительное число голодающих и нуждающихся в посторонней помощи лиц?

По приглашению частных благотворителей в прошлом ноябре и декабре мы попробовали с некоторыми лицами определить число голодающих и остановились в полном недоумении от бедствий, которое угрожало населению Карабаха.

По исчислению члена Шушинского благотворительного общества г. Пирджаняна население 35 сел. Хаченского округа (24 с. Шуш. у. и 11 каз. сел. Джеванск. У.) по своему экономическому положению можно было разбить на следующие категории. Число лиц обездоленных, т, е. не имеющих скота и какого -либо имущества для продажи простиралось до 826 семей с 3988 душами, или 31% всего населения.

Число нуждающихся, т. е. таких, коим без сторонней помощи грозило окончательное разорение с продажей рабочего скота и необходимого инвентаря, доходило до 898 семей с 5284 душ (41% населения).

Наконец, 530 семей с 3500 душами (т. е. 28% населения) можно было считать в числе более или менее обеспеченных.

В том же Шуш. у., в Варандинском округе, агентами Арм. Культ. Союза в Баку с сельскими попечителями, в декабре 1906 г. были составлены списки самых беднейших крестьян. По 16 сел, округа с 1407 камеральными и 1933 действительными дворами с 13,203 душами, голодающих оказалось 361 семей (18,2%) и 1585 душ (12,2% населения).

По мнению сельских попечителей, на пропитание указанных выше 1585 бедствующих до нового урожая требовалось 8931 п. хлебов (по 5,6 п. на среднюю душу).

В 32 сел. Капанского округа (Зангез. у), с населением примерно 3000 семей и 20.000 душ, число лиц нуждающихся в помощи доходило до 1114 дворов и 7742 душ (37% населения). Нам кажется, что 1/3 этого следует считать в числе голодающих, а 2/8- в числе нуждающихся.

По 14-ти зарегистрированным селениям Сисианского округа (Занг. у.) с 1868 семьями, 431 семейство (или 23%) нуждалось в помощи.

Предполагаем, что из 23% нуждающихся, 8% (1/3) были голодающие и нищенствующие, а 15% (2/3) нуждающиеся в сторонней помощи неимущие.

Наконец, в собственном Зангезуре (в селениях расположенных вокруг Гирюсов) по 16 селениям с 3200 дворами и 22500 душами населения, в октябре и ноябре (1906 г.) зареги-

стрировано было более 3000 (9,6%) голодающих. Без сомнения, вдвое было число крестьян, которые вследствие имения овцы или паласа не были включены в списки голодающих, но которые безусловно нуждаются в помощи.

Заслуживает внимания также тот факт, что когда месяц спустя по составлению первого списка по некоторым селениям[1] составлялись новые списки, число нуждающихся вместо прежних 307 оказалось 416. В течение месяца, таким образом, процент голодающих с 9,6% поднялся до 13%.

Нет сомнения, что теми же гигантскими шагами должен был возрастать % голодающих и в последующие месяцы.

Подводя итоги вышесказанному и предполагая, что положение Джибр. и низменной части Дживанш. у.у. сходно с положением районов наименее пострадавших, мы получим следующую таблицу голодающих и нуждающихся армянского населения Карабаха (в 1000).

Районы	**Общее число**	**Голодающих**		**Нуждающихся**	
		%	**число**	**%**	**число**
Хачен	12.8	31%	4,0	41%	5.3
Варанда	40,0	12% .	4,8	20%	8,0
Джебраиль	17,6	10%	1.8	20%	3.6
Дживанш. (низм.)	20,5	10%	2,0	20%	4,0
Капан	20,0	13%	2,1	24%	4,8
Сисиан	23,5	8%	1,9	15%	3,5
Собств. Зангезур	22,5	13.3%	3,0	25%	6,4
Гор. Шуши	14,0	—	1,5	—	2,2
ИТОГО	171,0	12,6%	21,6	22,%	37,8

Ясно, что из общего числа 171 тысячи жителей, голодающих 21,6 т. (12,6% населения), нуждающихся в помощи, неимущих 37,8 т. (22,1%), а тех и других вместе взятых 54,4 т. или 34,7% всего населения. Для нас не представляет никакого сомнения, что голодающие, все количество потребного им хлеба или 3/4 последнего должны были получить извне, и что неимущим, во избежание полного их разорения, следовало бы оказать помощь, по крайней, мере на шесть месяцев (начиная с января). Считая размер потребного на душу хлеба в месяц равным одному пуду пшеницы или муки, и 2 р. в среднем цену последних, общий размер хлеба необходимого на прокормление голодающих и нуждающихся будет:

21,6 т. голодающим в течение 8 месяцев 172,8 т. пудов, стоимостью в 345,6 т.р. и 37,8 т. нуждающимся в течение 6 мес. 226,8 т. п., стоимостью в 453,6 т. р.

Доставив хлеба на продовольствие, нельзя считать оконченным вопрос о помощи. Для полного обеспечения неимущих, необходимо заботиться также об их судьбе в будущем, нужно обеспечить население яровыми посевными семенами, хотя бы в минимальном размере (по одному пуду на душу). Притом помощь семенами следует оказать не только голодающим и неимущим, но также и части крестьян, которые живут в средних экономических условиях.

Там, где средний сбор не равняется 1/3 нормального, даже самый добросовестный из крестьян при всем своем желании, лишен возможности произвести посев в необходимом размере: он или сократит площадь посева, или вовсе откажется от него, поставив тем самым в опасное положение, как себя, так и всю страну.

Выше мы видели, как незначительно число крестьян, могущих собственными средствами свести концы с концами. 9/10 крестьян покупало хлеб в большей или меньшей степени. При этих

[1] *Геору, Маганджик, Аликулишен, Алидзар и Ерицатумб*

же условиях, трудно допустить, чтобы число крестьян, нуждающихся в семенах было менее 2/3 населения или 110 -120 тысяч душ. Столько же пудов посевных семян будет стоить 220 - 240 т. руб., что вместе с приведенной выше суммой на продовольствие составит 1,019 - 1,039 т.руб.

Сумма эта, равно как и вышеприведенные данные о числе голодающих и нуждающихся относятся к армянскому населению интересующего нас района. О другой половине населения Карабаха, о татарах, у нас нет, к сожалению, точных цифровых данных. Число татар в $1^1/_2$ раза более числа армян; в отношении площади находящихся в их распоряжении земель татары поставлены в значительно лучшие условия, урожай настоящего года в занимаемой ими низменности был лучше и т. д. и т. д.

Несмотря на это, ввиду того, что убытки, понесенные татарами во время армяно-татарских столкновений, а также и недостача полученного ими хлеба, равны соответствующим пробелам армянской части, несомненно, что татарской части населения придется оказать помощь в таком же размере, в каком оказывается и армянам, т. е. в размере $^1/_2$ м. пудов, стоимостью миллион руб.

Трудно, однако, надеяться, чтобы двумя миллионами рублей возможно было хоть в незначительной мере восполнить ощущаемый в Карабахе недостаток, приблизительно равный 6-5.5мил. пуд. хлеба, стоимостью в 12-11 мил. руб., тем более после двухлетней междоусобицы, поглотившей несколько мил. руб. на самооборону, при падении торгово-промышленного баланса вдвое.

По нашему мнению, нельзя довольствоваться одним обеспечением продовольствия и посевных семян; необходимо предпринять меры, которые бы дали крестьянам возможность не разориться окончательно и стать на ноги. К таким средствам могут быть отнесены общественные работы, которые бы обеспечивали заработок бродящим без дела в Баку, в Тифлисе и др. городах выходцам из Карабаха крестьянам. И сколько у нас таких общеполезных начинаний, могущих поднять край и способствовать его преуспеванию! Те, которым не приходилось жить в Елисаветпольской губернии, вероятно, удивятся, если мы скажем, что даже уездные центры здесь лишены сообщения друг с другом по колесным дорогам. Не только не соединены Герюсы с Джебраилом, а Джебраил с Шуши, но даже нет удобного сообщения между обширным Зангезурским уездом и соседним Нахичеванским (Эриванской губ.). Благодаря отсутствию колесных дорог 9/10 насел. Зангезура не имеет понятия о перевозке грузов при помощи повозок и ароб. Груз в 7-8 пудов перевозится вьючным путем на одной лощади, между тем как, если бы между деревнями были удобные пути сообщения, та же лошадь могла бы перевозить 30-40 пудов и стоимость перевозки из Шуши в Герюсы, или из Сисиана в Нахичевань была бы 20 - 30 коп., вместо теперешних 40-60 к.

А сооружение мостов? А орошение полей?

На всем пространстве Карабахской степи, а также во всех районах Зангезура нет ни одного населенного пункта, где бы не было следов старых развалившихся канав и водоемов. Вода в этом сухом крае является самым необходимым условием в земледелии, и в прошлом это сознавали как арабы, так и др. правители. К несчастью, господство кочующих пастухов положило конец всем этим полезным сооружениям: разрушились канавы, в равнине перестала течь вода и край опустел...

В начале, когда население в Карабахе было незначительно, а земли много, можно было еще, не открывая новых канав, обходиться без воды. Теперь - не то. В течение последнего столетия население обозреваемого района возросло втрое, все более или менее годные земли распаханы, и чувствуется крайний недостаток в земле. С каждым годом население разоряется и нищает.

Пора, наконец, вопросу о канализации на Кавказе отвести надлежащее место; настало время, когда наряду с путями сообщения должно быть обращено специальное внимание и на орошение края. Миллион, несколько миллионов, израсходованные в этом направлении, с точки зрения экономического преуспевания края, могут дать несомненно осязательные результаты. Думать,

что выполнение этих работ сопряжено с составлением проектов и подробных смет - излишняя потеря времени. Направление предполагаемых к проведению дорог давно известно, точно также как каждой деревне и каждому району известны подлежащие открытию канавы и водоемы. Пусть ассигнуются суммы и передаются в руки лиц, избранных населением разных районов, и они выполнят возложенную на них задачу гораздо сознательнее, гораздо добросовестнее, чем местные чиновники.

Правда, благодаря «покровительству» бюрократии, на Кавказе нет до сих пор организаций, которые заботились бы об экономических нуждах, нет организаций, каковыми являются в России земства. Без сомнения, для осуществления широких экономических предприятий население Карабаха лишено необходимых технических сил, но вместе с этим не следует упускать из виду, что то же население имеет преимущества, которые с излишком покрывают вышеприведенные пробелы.

Видя индифферентное отношение местной администрации к нужде и голоду, население еще с прошлого года организовало частную помощь, создав окружные комитеты вспомоществования и сельские попечительства. Армянские благотворительные общества - отделения Бакинского Армянского Культурного Союза в течение последнего года ввезли в пределы Карабаха до 40.000 пуд. пшеницы. Часть этой пшеницы продавалась в Шуши ниже рыночной цены, и тем самым препятствовала повышению цен на хлеб: другая же часть раздавалась нуждающимся, согласно составленным в деревнях спискам неимущих и бедных.

Бакинское мусульманское Благотворительное общество со своей стороны оказало помощь хлебом и деньгами в размере нескольких десятков тысяч рублей. Пособие это также было распределено через посредство избранных населением органов.

Кроме того, армяне и татары, не принадлежа к господствующей в России православной церкви, за десятки лет привыкли церковные, школьные, даже благотворительные дела свои вести собственными силами, через специально избранные органы. Последние, хорошо зная членов своих общин, в состоянии правильно определять, кто и в какой именно помощи нуждается.

Организуя на основе избирательного принципа попечительства во всех деревнях для распределения пособий, выбирая районные или уездные ревизионные комитеты отдельно для армян и татар, и имея одно центральное правление, хотя бы из выборщиков депутата Государственной Думы, можно надеяться, что дело помощи подвинется без серьезных препятствий.

Нам могут возразить, что составленные из разных национальностей уездные и центральные комитеты могут злоупотреблять врученными им суммами, и вместо хлеба будут снабжать население оружием и военными припасами, что состоящее из армян и татар центральное правление не сможет распределить пособие объективно между обеими сторонами.

Первое возражение можно устранить установлением самого строгого контроля тем, чтобы помощь оказывалась исключительно хлебом и работой, чтобы в комитеты эти входили представители различных правительственных учреждений. Второе возражение отпадает само собой, если принять в соображение, что убытки обеих сторон в Карабахе одинаковы. Правда, армяне утверждают, что они, как земледельцы и сравнительно больше занимающиеся промышленностью, понесли больше убытков, нежели полупастушеские татары, что против их общего убытка в 6-7 милл. руб. татары имели только 2-3 милл. и т.д. Татары, наоборот, указывают на то, что число разоренных татарских сел и даже семейств значительно превосходит число армянских. Однако, армяне забывают, что при оказании помощи нельзя одно и то же мерило применять к обеспеченному горожанину, беку и бедному крестьянину, ремесленнику. Татары же пренебрегают тем, что если бы даже армянские деревни, благодаря своим более крупным размерам и нагорному положению, меньше пострадали от поджогов, то это не служило бы еще доказательством, что они меньше разорены и обнищены. Мы знаем наверняка, что разру-

шенный армянский Саров, спасший большую часть своего скота и припасов, сравнительно менее пострадал, чем Каракшлах (Каладарасы), который, хотя противостоял и не разрушен, но тем не менее, вследствие непрерывных сражений, больше понес убытков и разорений, чем Саров.

Как на войне невозможно вычислить потери двух воюющих сторон победой одной и поражением другой, числом жертв от каждой стороны, точно также и здесь. В одном месте больше пострадали армяне, в другом татары. В общем же, по всей линии военных действий, если можно так выразиться, с обеих сторон активно и пассивно участвовало равное число лиц, и урон явный и тайный с обеих сторон был велик и одинаков. Правильность этого соображения подтверждается вышеприведенными цифрами, относящимися к размерам недостачи хлеба, расходам на самооборону и числам разоренных сел и семейств.

Мы не защищаем математической точности приведенных нами данных. Быть может, та или другая сторона пострадала немножко более или немножко менее. Ни мы, ни местная администрация, ни какие-либо другие органы не располагают физической возможностью детально разобраться в них. В виду требований дня, мы вынуждены отбросить в сторону мелочные счеты и принять, что обеим пострадавшим сторонам необходимо помочь в равной мере. Это соответствует известным нам до сего дня фактам и является единственным средством устранения опасного национального недовольства и взаимных подозрений.

Таким образом, разделив ассигнованные суммы между голодающими и нуждающимися армянами и татарами в одинаковой доле, оставляя их практическое распределение избранным от каждой нации центральным, уездным и сельским комитетам или попечительствам, мы создадим такие компетентные органы, которые будут пользоваться доверием населения.

Органы эти, располагая подходящими для дела специалистами и техниками (частными или находящимися на правит. службе), осуществят задачу продовольственной помощи и производства общеполезных работ, каждый в своем районе, по своему усмотрению, под своей ответственностью.

Что допустимы ошибки со стороны избранных от народа комитетов, в этом нет ничего невероятного, но вместе с тем не подлежит сомнению и то, что без посредничества выбранных органов ошибки местных бюрократов с точки зрения интересов голодающего и нуждающегося народа, будут гораздо крупнее и пагубнее. Для доказательства нет необходимости слишком удаляться. Вот уже два года, как благодаря преступной правительственной политике вся Россия переживает острый кризис. Вот уже два года, как провокаторская деятельность представителей того же правительства на Кавказе и в Карабахе разрушает и опустошает край. Одни из правительственных агентов подтверждают, что урожай ниже обыкновенного на 40%, что съестные припасы вздорожали вдвое, что торговля и промышленность края совершенно пали. Другие же все это видят, но молчат...

Если это молчание можно объяснить политикой наших глубоко мыслящих администраторов не говорить о нужде, раз пустует казна, чем же объяснить молчание их и в тех случаях, когда от правительства не требуется особых жертв?

По закону, при голоде в какой-либо местности, изменяется нормальный железнодорожный тариф, и для всего района, подверженного бедствию, вводится установленный для голодающих районов тариф льготный. Такого рода распоряжение не потребовало бы от нашей администрации никакой жертвы, кроме соответствующего заявления, но администраторы нашего края отказались даже от составления подобного доклада.

Когда где-нибудь обнаруживаются признаки крайней нужды, то само собой становится очевидной та осторожность, с которой следует собирать подати. Брать сегодня с какой-нибудь деревни 1.000 р., будучи уверенным, что завтра придется давать этому же селению 2.000 р., - нелепо и губительно. Всякому известно, что для того, чтобы в казну поступило 1.000 р., с крестьян взимается 1.200-1.500 р., а из назначенных для крестьян 2.000 р. им достается только

1.500 р. Какой же смысл во время голода создавать новые источники утрат, собирая сегодня с голодающих то, что завтра же должно быть возвращено.

Взаимоотношения помещиков и живущих на бекских землях крестьян, как известно, подлежат ведению мировых посредников, которые, будучи назначаемы в большинстве случаев из местных помещиков, естественно, не могут стоять на стороне крестьян, а как раз наоборот. В течение последних двух лет мировые посредники применяли всевозможные усилия к тому, чтобы уговорить крестьян платить следуемые с них землевладельцам десятинные сборы. Но напрасно: духом недовольства и протеста были охвачены и карабахские крестьяне, в особенности те, над которыми хозяйничали помещики противоположной национальности. Во многих случаях землевладельцы уступали, и участь крестьян облегчалась, а там, где это не удавалось, спор шел в законном порядке. Естественно, что крайне плохой урожай в нынешнем году, должен был побудить полицию относиться с большей чуткостью к нуждам крестьян, но вот объявляется военное положение в Карабахе, и временные сатрапы, застращивая крестьян экзекуциями, являются незваными защитниками землевладельцев.

Под ударами кнута и др. формами насилия, военачальники собирают с голодающих деревень вместе с казенными недоимками и суммы, следуемые помещикам. Подлежащая уплате землевладельцам сумма (натурой и деньгами) с населяющих бекские земли 40.000 семейств), за год не может быть менее 400 -500 тысяч руб. (считая по 10-12 р. на семью). За два последних года эта сумма будет вдвое. Нет сомнения, что сбор миллиона руб. под угрозой экзекуций должен был экономически еще больше разорить и без того обнищавших крестьян.

А эти экзекуции? Усмирительные, карательные и др. отряды?

Сколько деревень они разорили, сколько людей унизили, сколько сердец наполнили ненавистью к тем порядкам, во имя которых они были организованы?

Благодаря преступному бездействию и даже провокации администрации, в июле прошлого 1906 года армяно-татарские столкновения возобновляются. Армяне и татары нападают друг на друга, уничтожают, жгут друг у друга магазины, дома. Борьба продолжается несколько дней; с обеих сторон есть десятки убитых, сотни раненых, миллионные убытки.

Администрация нейтральна; она забыла о цели своего существования. Солдаты и казаки смотрят на побоище, как на интересное зрелище, показываются на улицах главным образом с целью «попрятать валяющиеся товары». Во время трехдневной битвы шальными пулями два казака были убиты, двое ранены и трое слегка «контужены».

Высокопоставленные администраторы края, пренебрегая совершенно бедствиями большого города, помнят только о казаках. «По две тысячи р. за убитых, по тысяче за раненых и по 500 р. за контуженных»-такова краткая «мотивировка» генерал-губернатора Бауэра, который для внесения необходимых 11.000 р. (пополам с обеих сторон) дает 14-ти дневный срок.

Разоренные, обнищавшие горожане просят, умоляют хотя бы переждать немножко. Но... напрасно. Начальство непреклонно и город должен платить произвольно требуемую сумму.

В конце декабря прошлого 1906 г. в сел. Шингер Зангез. у. убивается сельский старшина. Следователь не в состоянии выяснить как мотивы убийства, так и разыскать виновных.

За неспособность представителей судебной и административной властей должно расплачиваться безвинное местное население. В Шингер направляется сотня казаков, которые в течении 20 дней вместе с лошадьми живут за счет селения. Крестьяне должны доставлять казакам все, что имеют и чего не имеют. Значительная часть необходимых продуктов покупается в соседних селениях, или в городе. По истечении 20 дней и израсходовании более чем 2.000 р., казаки удаляются, взяв с селения новые 2.000 р. в пользу родственников убитого. Излишне напоминать, что вышеприведенные 4.000 р. не были выложены из пустых кошельков крестьян, а взяты были в долг у кулаков за 40-50%.

В январе текущего 1907 года в армянской части г. Елисаветполя убивается пристав Лоладзе со своим телохранителем. Убийство, по всей вероятности, совершено на политической почве, так как еще в Тифлисе на то же лицо произведено было несколько неудачных покушений. Из преступников никто не задерживается. Ни администрация, ни следственная власть не в состоянии найти истинных виновников и... козлом отпущения является невинное местное армянское общество.

Закрывается до 40 лавок, расположенных близ места убийства, арестовывается до 45 невинных лиц и население обязывается заплатить 6.000 р. для обеспечения семей убитых.

В том же январе близ Агдама убивается полковник З.... Так как виновники не находятся, а убийство совершено в татарском районе, подвергается экзекуции и штрафу в размере 18.000 р. целый ряд соседних татарских селений.

Но вдруг, спустя месяц после события, татарам возвращают взысканные с них деньги, и за то же убийство налагается штраф в размере указанных 18.000 р. на некоторые из армянских селений Варанды, которые обязываются в течении 4-х месяцев уплатить причитающуюся с них сумму.

Все оштрафованные селения единодушно утверждают, что бедствие это над ними стряслось благодаря наущениям землевладельца П. Последний, имея личные счеты с крестьянами, наказывает этим путем своих противников - крестьян.

И так, без конца. Чиновники не в состоянии выполнять своих обязанностей, преступления отдельных лиц должны искупать скопом целые общества, часто не имеющие никакого отношения к действительным преступникам, а тысячи подозрительных лиц ловят рыбу в мутной воде, при помощи экзекуций сводят счеты со своими личными противниками.

Возникает крайне серьезный, опасный вопрос: кто для кого существует, правительство для населения, или население для правительства? И если, действительно, правительство для населения, почему же представители власти не выполняют своих обязанностей и ответственность за все сваливают на общество во всей его совокупности, под всей его ответственностью.

Поступая так, агенты правительства разве не сознают тем самым, что потеряли всякий raison d'être для своего существования?

История Шушино-Елисаветпольской нагорной дороги

Верность этого положения иллюстрируется как нельзя ярче злополучной историей Шушино-Елисаветпольской нагорной дороги. Как рассказывалось уже значительно выше, с самого начала возникновения армяно-татарских столкновений евлахский шоссейный тракт (как проходящий по чисто татарскому району) для каждого армянина сделался опасным. Аробщики и фургонщики армяне перестали пользоваться им. Чтобы добраться до железной дороги, путешественники предпочитали пользоваться примитивной нагорной дорогой. Последняя, хотя и была в полтора раза длиннее первой (140 м. вместо 100) и требовала трехдневной езды верхом, на место езды в экипажах в течении одного дня, но все время проходила по армянским селениям и являлась вполне безопасной.

Дорога, запущенная в течении ста лет, снова ожила.

Естественным образом у многих зародилась мысль расширить, сделать этот веками проторенный путь годным для экипажей. Некоторые соседние селения, по взаимному соглашению, приступили к устройству части пути, находящейся в пределах их земель. Организовалась особая комиссия по постройке дороги, собрала некоторую сумму между сочувствующими, пригласила техника, произвела трассировку дороги, распределила участки между заинтересованными селами и приступила к осуществлению общеполезного предприятия. Крестьяне отнеслись очень сочувственно к начинанию, которое обещало им многое в будущем, в настоящем же давало им

некоторый, хотя и незначительный заработок[1]. В течение нескольких месяцев 3/4 дороги шириной 9 аршин в черне была готова.

Самодеятельность народа за месяцы сделала столько, на что бюрократии понадобились бы годы. Оставалось сравнительно немного, мосты. И вдруг, в самое удобное время для работ, осенью 1906 г., по распоряжению администрации, на пути появляются стражники и останавливают работы. Крестьяне не унывают и выставив караульных продолжают работы по ночам. Полиция приходит в остервенение и, пользуясь военным положением, грозит экзекуциями. Угроза эта достигает цели и все работы прекращаются.

Заинтересованные обращаются во все стороны, хотят узнать о причине сделанного распоряжения.

«Причина та - отвечают им в управлении Государственными Имуществами - что дорога ваша местами проходит по казенным лесам, между тем у вас нет разрешения от нас, да и в плане, представленном вами, не вполне точно обозначено направление пути».

«Но, ведь - отвечают виновные - от проведения дороги больше всего выиграете вы же, вывезете из лесу гниющие там ныне бревна, вместо 2—3 р., сажень дров будете продавать по 5 и 10 р., ведь совершенно «точное» указание всех зигзагов не имеет существенного значения».

«Все это верно, отвечает аккуратный чиновник, но вы не просили у нас соответствующего разрешения и пока не будет последнего у вас, лесные стражники не позволят вам вступить в «наш лес».

- Я против этой дороги - разъясняет высокопоставленное в губернии лицо, так как она имеет военное значение для армян, так как добровольцы ваши по ней будут провозить оружие и тем самым препятствовать умиротворению края.

- Но, добровольцы для своих целей свободно пользуются не только этой, но и тысячью других дорог.

Если умиротворение края зависит от прекращения сношений, для последовательности следовало бы закрыть и евлахский тракт, а может и железную дорогу.

Наконец, если одна из враждующих сторон беспрепятственно пользуется евлахской дорогой, в целях безопасности и предотвращения голода необходимо предоставить такое же удобство и другой стороне.

- Остановить движение железной дороги, - заканчивает высокопоставленный военный, - вне моей компетенции, закрыть существующий многие годы евлахский тракт неудобно, нагорная же ваша дорога еще не закончена и лучше, если не будет закончена вовсе.

После просьб, разъяснений и толкований, тянувшихся целые месяцы, его П-во сдается, блюститель интересов казенного лесу уступает.

Но неожиданно появляется неодолимое препятствие с третьей стороны.

- Вы должны хорошо знать, - поясняет пунктуальный чиновник нового ведомства,- что всякого рода дела, относящиеся до дорог связаны с Министерством путей сообщения; мы же о вашей дороге не имеем никаких сведений. Необходимо представить план, профили, проекты мостов.

Проситель пробует разъяснить, что представление профилей и проектов потребует много времени, что дорога эта сельская, что может они обойдутся дома без мостов.

Обходительный чиновник уступает в этих «формальностях», но.., разрешения все же не дает. -По закону, - разъясняет он, - со всех израсходованных на дорожные работы сумм, инженеры получают 4%. Представьте нам вашу смету, заплатите законные 4% и заканчивайте дорогу с Богом.

- Но ведь,- пробуют возражать просители широко раскрывая глаза,- у нас никаких сметных

[1] *Смотря по месту и времени из собранных сумм рабочему доставалось от 15 до 40 к. за рабочий день*

сумм нет, от правительства мы не получаем ни копейки, строим все своими руками, вы же не несете никаких абсолютно работ. Из каких сумм и почему мы должны платить 4%?

- Закон, господа, прежде всего закон, повторяет невозмутимый чиновник и... не дает разрешения на окончание дороги, соединяющей два самых крупных центра Елисаветпольской губернии.

Вот из каких элементов состоит Кавказская бюрократия, вот какими мерами чиновники у нас хотят способствовать успокоению и преуспеванию края.

Надеяться, что лица эти будут заботиться о нуждах населения, и добросовестно относиться к средствам, ассигнуемым на голодающих, было бы наивностью.

Несмотря на массу фактов, не поддающихся никаким сомнениям, служащие в Карабахе чиновники самым недобросовестным манером умолчали об угрожающем голоде.

Они не только не прибегли к каким-либо серьезным мерам для оказания помощи нуждающимся, но под угрозой экзекуции собрали даже все налоги и недоимки, все, что причиталось помещикам.

И когда оказалось уже невозможным молчать о бедствии, они стали обращаться к частной благотворительности, возбудили ходатайство о оказании ½ миллионной ссуды, разрешение которой отложено до открытия Государственной Думы.

Верные своему старому девизу, что народ существует для правительства, а не правительство для народа, чиновники Карабаха остались совершенно безучастными к голоду в крае, отказались от выполнения самых элементарных обязанностей.

И теперь, когда возбуждается вопрос о нуждах населения, о том, как облегчить положение разоренных и бедствующих, следует считать неподлежащим сомнению, что эта новая политика может быть проведена лишь при помощи новых лиц, новых органов, избранных населением.

В противность бездеятельности и попустительству местных чиновников, избранным населением органам следует широко поставить дело помощи бедствующим.

Заключение

Как читатели убедились, надеемся из вышеизложенного, помощь эта должна выразиться в ряде мер, а именно:

1) выдаче продовольственного и семенного хлеба голодающим и крайне нуждающимся в размере по крайней мере в 1 милл. пуд. стоимостью 2 м. р.;

2) восстановлении хозяйства 6 т. разоренных семей (42000 душ);

3) организации общественных работ в виде проведения дорог, оросительных канав и др. общеполезных сооружений,

4) сложении на несколько лет государственных и др. налогов со всего населения экономически разоренного Карабаха;

5) прекращении или временной приостановке полукрепостных обязательных отношений крестьян к помещикам;

6) введении голодовочного тарифа на хлебные грузы, направляемые в голодающие районы с установлением вагонов IV кл. для передвижений рабочего люда;

7) других мер, на которые укажут избранники местного населения.

К осуществлению этих начинаний и должны быть направлены все усилия общества и законодательных органов.

От энергии сознательных слоев общества зависит вопрос об успешной организации и самодеятельности народных масс.

От такта Государственной Думы зависит путем серьезной, планомерной помощи голодающим укрепить доверие народа, доказать всем обездоленным и угнетенным, что единственным представителем их желаний и упований может быть только Народное Представительство.

С. Лисицян

К ИЗУЧЕНИЮ АРМЯНСКИХ КРЕСТЬЯНСКИХ ЖИЛИЩ [1]

(Карабахский карадам)

За сравнительно короткий срок - столетие или чуть более того - даже в самых отдаленных уголках нашего края совершилось коренное видоизменение бытовых особенностей, сохранявшихся с изумительной устойчивостью в течение не одного десятка веков. Этот процесс, с каждым поколением расширяясь и углубляясь в быстром темпе своего развития, коснулся не только внешних, чисто материальных сторон быта, но и, не в меньшей мере, всего психического уклада населения. Будучи вполне естественным и по своему существу бесспорно прогрессивным явлением, он повелительно выдвинул перед наукой неотложность спешного зафиксирования тех, не успевших еще исчезнуть, пережитков старины, которые могут облегчить нам понимание основного направления и отклонений в поступательном ходе прошлой культурной жизни местных народов. Между прочим, сохранившийся этнографический материал помог бы разобраться и в проблемах местного искусства, в частности в вопросе о происхождении тех своеобразных черт армянской церковной архитектуры, которые отмечены новейшими исследователями строительного искусства, хотя бы в одной из последних работ венского профессора Иосифа Стриговского: «Die Baukunst der Armenier und Europa» (1918 г.). Как бы ни были основательны доводы, приводимые в подтверждение мысли о заимствовании многих элементов армянских церковных построек извне, из прилегающих стран, тем не менее, едва ли возможно отрицать тот факт, что на армянской почве эти заимствования не только получили новое сочетание, но и приобрели значительные наслоения, придавшие им оригинальный характер. Эти, чисто локальные особенности, несомненно, были подсказаны местными строительными навыками, зародившимися и окрепшими под непосредственным воздействием определенных географических условий. Вопросы о форме купола, о технике его возведения, об основных чертах храмового плана, о конструкции т. н. *«жаматун»*-ов и «*гавит»*-ов-храмовых пристроек и пр., по-видимому, получат удовлетворительное объяснение лишь в связи с изучением форм и элементов армянской народной архитектуры, как они выявлялись на т.н. «простонародных», крестьянских постройках.

К сожалению, далеко еще не собран и не систематизирован весь материал, необходимый для выяснения основных черт этой отрасли армянской архитектуры. Правда, в изданиях Е. Лалаяна при этнографическом описании той или иной провинции упоминается и о крестьянских домах этих местностей, однако у него дело не идет дальше общего, очень беглого и нередко смутного, перечисления некоторых частей здания, без снабжения какими-либо планами и чертежами[2]. Попытку дать сравнительный обзор планов армянского крестьянского жилья сделал еще в 1892 г. П'арсадан (ныне архиепископ Месроп) Тер-Мовсесян в работе: «Das armenische Bauernhaus. Ein Beitrag zur Cuiturgeschichte der Armenien (Wien)»[3]. Мысль об этом исследовании автору подали изыскания Meringer-а и Herning-а о немецком крестьянском доме в связи с выяснением сходства этого дома с первоначальным индо-европейским домом, причем его поразило то обстоятельство, что «армянский крестьянин» и теперь все еще строит свой дом по образцу индо-европейского прототипа, «особенно его греческой разновидности». Автор писал свою

---

[1] *Из доклада, прочитанного на собрании ученых членов КИАИ 29/1, 1925 г. Изв. КИАИ т. III*

[2] *Кроме основного плана сисаканского (в Зангезуре) дома.*

[3] *См. армянский перевод этой работы:* Парсадан Тер-Мовсесян, ***Հայ գիւղական տունը***, *пер. с немецкого («Ազգային Սաւեանարան» XIII) Вена 1894. Кстати, немецкая редакция впервые была напечатана в «Mittheilungen der Anthropologischen Gecellschaft in Wien» XXII Band, 1892, стр. 125-172, а армянская (в переводе с немецкой) – в «Հանդէս Ամսօրեայ» за 1893 год.*

работу в Вене по дачным воспоминаниям детства и отрочества, проведенных в пределах б. Елисаветпольской губ. (преимущественно в Зангезуре и Карабахе), и по данным, собранным со слов армян-эмигрантов, переселившихся в столицу б. Австрийской империи из разных частей Армении, главным образом, турецкой. Неудивительно, что описания и планы его не касаются самых существенных частей здания (напр. конструкции потолка) и потому дают очень мало исходных положений для дальнейших выводов. А между тем, детальные материалы могли бы нас обогатить данными не только для выяснения местных архитектурных традиций, но и для установления древних культурных связей, для раскрытия тех этнических элементов, которые вошли в состав отдельных провинциальных групп, охватываемых теперь общим понятием «армянской» народности, и т. д.

Собирание этих материалов в настоящее время затруднено несколькими обстоятельствами. Прежде всего, ввиду почти полного исчезновения армянского населения в пределах Турции, мы лишены уже возможности изучать на месте народную архитектуру западных и южных областей «Армянского Нагорья»: ее возможно восстановить лишь со слов беженцев и на основании построек, возведенных и возводимых ими на местах нового поселения, на территории Советской Армении, конечно, постольку, поскольку они сами здесь не подчинились влиянию местных форм. С другой стороны, и в северной и северо-восточной Армении сохранилось очень мало древних крестьянских построек, так как со времени установления русского владычества почти все деревни подверглись сплошной перестройке и, под влиянием новой городской архитектуры старые здания заменены новыми; все население вышло из своеобразных подземных жилищ, так картинно описанных еще Ксенофонтом в 400 г. до Р. Х., и устраивается в высоких домах, с окнами в боковых стенах, с покатыми крышами, крытыми железом или черепицей. Это можно сказать и относительно Нагорного Карабаха, где, при объезде с экспедицией ЗНА при ЗакЦИКе летом 1924 г., мне удалось лишь в очень немногих деревнях, и то обычно расположенных вдали от больших проезжих дорог, обнаружить крестьянские постройки древнейшей конструкции, ранее, до установления русского владычества, доминировавшей в крае. Некоторые из них и возведены до этого времени. Только местами таковые постройки служат и до сих пор еще жильем; большей же частью они превращены в амбары, в склады для хранения домашнего хлама, в помещения для скота, в особенности телят, или же просто-напросто заброшены. Все они почти не ремонтируются и после каждого ливня или весеннего таяния снегов постепенно разваливаются. Население уже повсеместно отвыкло от того образа жизни, к которому были приспособлены старые дома, и потому едва ли можно сомневаться, что если не взяться теперь же за описание уцелевших немногих памятников народной архитектуры, то через несколько лет сделать это уже будет немыслимо.

В настоящей статье я намереваюсь предложить описание карабахского армянского крестьянского дома, на месте называемого татарским именем «карадам», что означает *черный дом*, хотя он не имеет решительно никакой связи с татаро-монгольскими жилыми помещениями. Правда, и в некоторых татарских селениях можно встретить карадам, напр. в окрестностях Гадрута, иногда очень обширные, прочно и аккуратно возведенные, однако, они везде построены армянами - мастерами в бывших зимовьях, где население от кочевого или полукочевого скотоводческого хозяйства сравнительно недавно стало переходить или перешло к культуре садовой или зерновой.

***

Карадам обыкновенно стоит на склоне горы, так что три его стены почти целиком уходят в землю и только передняя с дверью и навесом, обращенным чаще всего на юг, стоит выше двора. Поэтому, нередко, лишь по возвышающемуся над поверхностью земли широкому усеченному конусу возможно бывает догадаться о наличии здесь постройки. Во многих местах

крыша одного карадама служит двором для другого. Землянки эти со своими дворами стоят достаточно обособленно друг от друга и как-то держатся изолированно со своим внутренним миром. Даже в случае выделения кого-либо из взрослых сыновей в особую семью практиковалось возведение для него карадама не в непосредственной близи или стена к стене со старым, а всегда в некотором отдалении, по-видимому, с полным хозяйственным обособлением. Этому должна была способствовать крайняя скученность старых построек, вследствие чего приходилось выбирать место для новых зданий на окраине деревни. Есть, однако, основание думать, что в древности, как это и теперь замечается даже в самых глухих районах Нагорного Карабаха, здесь не любили селиться вместе обширными, разросшимися семействами, охватывающими несколько поколений, и очень рано взрослые женатые сыновья или братья откалывались от основного очага в самостоятельную хозяйственную единицу и обзаводились своим отдельным домом. По крайней мере, все опросы относительно последних 3-4 поколений указывают на установившийся издавна обычай такого раннего выделения взрослых сыновей и братьев. При этом очень характерным является тот факт, что при переходе в новое помещение обособившаяся семья не имела обыкновения (как это делалось в других провинциях) брать с собою огонь из родительского очага для разведения первого огня у себя.

Карадам в основании всегда выдерживает строго квадратную форму, стороны которой обычно не превышают 12 арш. Стены возводились толщиною в 1½ арш., причем лишь передняя выкладывалась более или менее тщательно, из обтесанных снаружи камней на извести, а остальные три, сидящие в земле, складывались из рваного камня довольно-таки небрежно, иногда прямо примыкая к скале. Внутри они покрывались штукатуркой из глины или гажей. Боковые стены, выдвигаясь вперед аршина на три, образуют здесь справа и слева окаймление навеса.

Внутри помещения в стенах оставляются ниши («патрhан» -*պատրհան*), начинающиеся чаще всего от пола или на высоте I ½ арш. от него. Ниши эти служат открытыми шкафами для помещения посуды, платья, постели. Иногда для последней цели к некоторым карадамам пристраивается в земле маленькое четырехугольное темное помещение, сообщающееся с главным через невысокую дверь, заменяемую иногда цветной занавесью. Этот чулан носит характерное название «к ы h о л» (կրhոլ), т. е. *пещеры,* выдолбленной прямо в скале и не обложенной стенами.

Самой характерной частью карадама является перекрытие основного квадрата. Потолок поддерживается четырьмя дубовыми столбами - колоннами - «сюн» *(սիւն),* установленными на каменных четырехугольных постаментах по углам на расстоянии 1½ - 1¾ - 2 арш. от каждой стены. Они представляют довольно тщательно оструганные стволы деревьев в 8-9 вершк. в диаметре, водруженные в углублениях постаментов корневищем вверх, причем корневищу придается форма приплюснутой с двух боков воронки с ложбиной «пыро» *(պրոо),* наверху, для установки балок. Эти капители «сынаклох» *(սրնակլօх) голова колонны* в большинстве случаев, но не всегда, грубо орнаментированы геометрическими линиями: нигде мне не попадались растительные орнаменты.

Во всех виденных мною карадамах, без исключения, бревна, образующие потолок, чередуются в одном и том же порядке, освященном веками и никем не нарушаемом.

На верхних ложбинах - «пыро», установленных приплюснутыми сторонами капителей параллельно к задней и передней стенам, кладется параллельно к боковым стенам по одному бревну «керан» *(կերան),* на которых, от колонны к колонне, справа налево, укладывается уже *по паре* бревен «чохтак» *(ճոխտակ) парные.* Таким образом, *получается* квадратная рама, параллельная к квадрату стен. На этих парных балках, отступя во внутрь около 1½ арш. от нижних *одиночных балок,* перекидывается по одной балке «керанахпер» *կերանախպեր) брат*

керана. а на них уже, опять на том же расстоянии уже *от* «чохтаков», кладется справа налево по паре бревен «лелак» լելակ). Лелак'и вместе с керанахперами составляют второй квадрат, параллельный первому. Лелак-и служат подпоркой для двух деревянных дуг «кырап'ат» (*կրոպիատ)* или «հюрт'укыр» (հիւրթուկրը) *локти հюрт-а,* соединенные двумя перемычками «чарчыра» (չարչրա): чарчыры вместе с кырап'атами образуют уже третий параллельный квадрат со сторонами около 1 аршина; это - рамка окна «հюрт» (հիւրթ) в потолке. Для того, чтобы кто- либо из детей или случайно проходящих по крыше не провалился в это отверстие, середины сторон 3-го квадрата соединены тонкими, но крепкими брусьями из дерева (впоследствии они заменены железными), называемыми «хычап'ат» (խրչապատ) *крест-брусья.*

Весь этот скелет потолка плотно покрывается тесными рядами довольно толстых тесов, топором отколотых досок - «тылакоч'и» (տրլակոճեր), которые затем постилаются камышом или соломой и засыпаются толстым слоем глины. Крыша снаружи получает форму очень широко сидящего на квадрате усеченного конуса.

Под ч'ухтаками (*двойными балками*), от колонны к колонне, на высоте человеческого роста, протянуто по шесту, концы которого всажены в углубления, продолбленные в колоннах. Архитектурное значение этих шестов, называемых татарским словом «салб» (սալբ) или «сылбаг'ач» (*սրլբաղաճ)* местные жители не могли определить. Указывалось лишь их хозяйственное назначение - для вешания ковров, платья, воронок, хозяйственных предметов...

В помещение ведет лишь одна низкая дверь, оставляемая в передней стене, обыкновенно совершенно вплотную к правому углу. Через нее приходится входить несколько согнувшись. Снаружи дверной просвет отделан тщательнее других частей здания. Края идут с откосами, снабженными нередко ложными колоннами; верх перехвачен сводом, под которым вся перемычка заложена цельным камнем, украшенным надписью с упоминанием имени хозяина или строителя, а чаще всего орнаментированным. Так, в Гадруте на одном таком камне изображены две птицы (голуби), клюющие цветок, который помещен посередине.

Сама дверь, всегда одностворчатая и толстая, открывается вовнутрь, в сторону перегородки, идущей от края двери мимо [правой] передней колонны до середины комнаты. Эта перегородка «дрбызи» *(դրբրզի)* - не выше человеческого роста - защищает от внешнего холодного воздуха и от первых взоров входящего в отделение, находящееся у внутренней стороны передней стены, где обыкновенно отдыхают домашние: здесь в некоторых карадамах помещаются широкие и длинные нары - «тахта» *(թախիթ),* покрытая ковром; чаще же всего прямо пол покрывается циновкой и ковром.

В середине карадама, под самым отверстием в потолке, устроено едва заметное углубление для разведении костра, окруженное несколькими тесаными камнями для сидения и др. надобностей. В Нагорном Карабахе нигде не встречается «кюрси» (քիւրսի), неглубокий «тондир» (*թոնդիր),* т.е. цилиндрическое углубление в земле, обложенное обожженой глиной, для печения хлеба и варки пищи,- который покрывается низким столиком и поверх большим одеялом под которым вся семья спит зимою в тех районах «Армянского Нагорья», где мало леса. Склоны Карабахских гор были покрыты густым лесом, и население не нуждалось в дровах. Зимой день и ночь поддерживался в доме обильный огонь, вся семья и гости располагались тут же возле костра. Иногда дым становился до того густым, что приходилось или выходить из помещения или ложиться на землю, пока он не выходил через открытую дверь или отверстие в крыше. Неудивительно, что вся глиняная штукатурка стен и потолок чернела от блестящей, маслянистой сажи. Отсюда и название «карадам», т. е. *черный дом.*

Напротив двери, под задней стеной, выложена из камня стойка - дюкан (դիւքան), вышиной

в 1½ арш., занимающая около ⅔ длины стены. На ней укладываются посуда, мешки с мукой[1] или солью, горшки с медом и вообще предметы, которые могут пострадать при поливке земляного пола. Спереди над стойкой оставлены 2-3 маленькие ниши, служащие для помещения разной мелочи и домашних припасов, а также заготовляемых на зиму солений, маринадов, сушений и т. п.

Карадам служит, собственно, зимним помещением. С ранней весны и до поздней осени вся семья живет более на открытых балконах - «сыhар» (սրհար). Сыhар обрамлен передней стеной и выступами боковых стен карадама. а спереди открыт: тут 5-7 столбов «сют'юн» (սիւթիւն) отделяют его от двора и поддерживают спереди крышу, составляющую продолжение крыши карадама и засыпанную также толстым слоем глины. Тут всегда в боковой стене, не прилегающей к входной двери, в полунише устраивается камин - очаг[2] для изготовления летом пищи. Нередко вся половина, примыкающая к этому камину, вдоль столбов отгораживалась на высоте в 1½ арш. дощатой или плетенной из прутьев перегородкой, чтоб избегать любопытных глаз соседей и проходящих. Здесь, на этом балконе и во дворе, часто служащем крышей для нижележащего карадама, сосредоточивалась вся семейная жизнь карабахского армянина в летнюю пору.

Общим правилом в Нагорном Карабахе является устройство совершенно обособленного от карадама помещения для домашнего скота, а также птицы, чего не находим в безлесных районах Армении, где зимою люди пользуются теплотой дыхания животных и селятся под одним кровом с ними. Это - «гёмы» (գեօմ) значительно удлиненные, узкие и низкие постройки из камня, грубо крытые и засыпанные глиною; свет в них проникает только через дверь и еще через маленькое отверстие в стене, оставляемое для выкидывания навоза «ахпц'акор» *(ախպցակոր).* В местностях, где почва достаточна суха (напр. в районе Аракела, около Гадрута, сел. Дзамцор), гемы устраиваются в искусственных пещерах, иногда глубоко уходящих в скалу «кыhол», почти совсем лишенные вентиляции.

До установления русского владычества карадам был единственным типом крестьянского жилья. Впрочем, и меликские дворцы - «амараты» *(ամարաթ)* - мало чем отличались от них. По всей вероятности, переход от деревянного потолка к каменному в этих постройках феодалов совершился сравнительно поздно; по крайней мере, в области Варанды и Дизака очень древних амаратов мы не встречаем. Тут, напр., в родовом имении Мелик-Шахназарянов в сел. Аветараноц (или Чанахчи) самые древние «дворцы» относятся к XVII в.: они принадлежат мелику Баги. Сохранились только два карадама и ясно видны следы еще трех из общего числа, по преданию, тридцати, тянувшихся в ряд в направлении с юга на север. В северном конце этого ряда стоит еще группа из трех карадамов мелика Сеира, жившего позже мелика Баги. Этот ряд покоев задней (западной) стеной вкопался в крутой скат скалы, а передней (восточной) выходит на обширный двор, устланный тесаными плитами; по крыше свободно можно гулять, спустившись с дороги, тянущейся выше по склону той же скалы. Фасад выведен из серого, гладко обтесанного камня. Все сохранившиеся меликские карадамы повторяют правильную форму квадрата и сообщаются друг с другом низкими дверьми. Каждый карадам имеет такую же низкую выходную дверь во двор[3]. Внутри, в стенах обычные ниши, из которых одна широкой трубой выходит в крышу: видимо, огонь разводился здесь как бы в камине, а не посреди комнаты; потолок представляет крестовый свод, поднимающийся на квадрате стен и заканчивающийся наверху отверстием (hюрт): никаких колонн ни в Аветараноце, ни в др.

---

[1] *Для зерна в одном из свободных углов карадама стоит большой высокий деревянный сундук на ножках – «амбар» (ամբար)*

[2] *Нигде, ни в одном из посещенных мной карадамов, внутри здания не встречал я тондира для выпечки хлеба: по свидетельству стариков, он всегда устраивался отдельно, под особым навесом, вне карадама*

[3] *Камень от двери главного карадама мелика Баги снят и вделан в стену нового школьного здания и заштукатурен*

местах (напр. в сел. Нынги) в каменных карадамах нет. Свод выведен из неправильных, сравнительно небольших рваных камней, спаянных крепким известковым раствором. Снаружи крыша была покрыта желобчатой черепицей, остатки которой теперь ясно видны лишь у самого оконного отверстия.

Был ли и меликский карадам снабжен со двора навесом, трудно судить: прямых следов не сохранилось. Если он и существовал, то, по всей вероятности, возведен был из дерева и притом не перед всеми карадамами. Только в одной местности, у самого подножья Карабахского Нагорья, в с. Шахбулаге, в том месте, где из-под скалы выбивает обильный родник, целая речка, и начинает затем течь по равнине, мне пришлось встретить красивый каменный карадам с каменной же галереей впереди: галерея тут образуется двумя колоннами, соединенными между собой и с выступами боковых стен маленькими арками.

Карадамы в Нагорном Карабахе давно уже перестали строиться: мужчины, уходящие на заработки в Баку, Ленкорань, Грозный и в Закаспийскую область, возвращаются с новыми привычками, которым уже не отвечают дымные, зимою плохо отопляемые темные и сырые подземные жилища предков. Обилие стекла, жести и др. строительных материалов давало возможность уже оставлять оконные просветы не в крышах, а в стенах, тем более, что умение выкладывать каменные печи или возможность ставить железные печи разрешало проблему отопления, не прибегая к открытому очагу посреди комнаты или в широких нишах-каминах. Дома нового городского типа выросли победоносно во всех селениях, вытеснив карадамы. При всем разнообразии в планах этих новых построек, кое-какие особенности карадама все же в них повторяются. Это, обыкновенно, двухэтажные здания флигельного типа с двухэтажным же балконом с одной стороны. Нижний этаж и теперь обыкновенно сидит задней стеной в земле склона горы, боковые стены в обоих этажах и теперь обыкновенно выдвигаются вперед, образуя края балконов, причем и теперь как в том, так и в другом этажах в них оставляются ниши - очаги для приготовления пищи. Нижний этаж отводится под склад домашних запасов, в крайне редких случаях для помещения лошади или коровы. Обычно и теперь помещение для скота устраивается отдельно. Верхний этаж предназначается для жилья и приема гостей и до последнего времени представлял одну обширную комнату, без нар (тахт) и др. мебели; постели на ночь раскладывались на коврах на полу, а днем собирались в углу, по старому обычаю, в четырехугольные башенки. Однако, и теперь летом все предпочитают спасаться от зноя в нижнем этаже, тем более, что балкон в верхнем этаже часто остекляется и потому днем до крайности накаляется (считается особым шиком иметь стеклянную галерею; впрочем, тут сказывается все еще не исчезающая старая привычка скрываться от любопытных взоров соседей и проходящих): внизу и прохладнее, и приятнее спать прямо на земле, на разостланных коврах, по-старинному.

Окна в настоящее время проделываются в боковых стенах, обыкновенно в сторону балкона. Население очень боязливо переходит к этому новшеству: окна везде снабжаются железными решетками, нередко с очень оригинальными узорами. Этот страх перед боковыми окнами характерно отмечается в пристройках меликов Шахназарян. После установления русского владычества, как известно, меликские мальчики получали воспитание на казенный счет в кадетских корпусах и других военных училищах и затем поступали в офицеры. Уже полковниками или генералами они возвращались на покой, в свое родовое имение, в Аветараноц, и здесь, конечно, не могли жить в карадамах и возводили для себя новые помещения. Такие, очень ранние «генеральские» покои сохранились у амаратов мелика Сеира. Тут по одной комнате прямо пристроено спереди к первому и третьему карадаму (из ряда в три карадама); они перекрыты продольным сводом во всю длину комнаты; большая часть земляного пола на шесть вершков приподнята: здесь работал и спал генерал. Окна оставлены в боковых стенах очень высоко и смотрят во двор своими узенькими отверстиями, широко

раздвигающимися вовнутрь: снаружи окна имеют 1½ арш. вышины и едва 6-7 вершк. ширины, а внутри более сажени вышины и 1½, арш. ширины[1].

От конусообразных крыш карадамов в Н. Карабахе новые постройки перешли не к плоским, глинобитным крышам (как на Эриванской, Ширакской или Эрзерумской сухих равнинах), а к крышам покатым, крытым жестью и кое-где только черепицей: сравнительное обилие атмосферных осадков имело в этом случае решающее значение.

Заканчивая описание карабахского карадама и его пережитков в новых постройках, я воздерживаюсь пока от сравнения его с крестьянскими домами других частей «Армянского Нагорья», где, по имеющимся данным, не встречается *свободно* стоящих внутренних колонн и потолочное перекрытие производится постоянно суживающимися квадратами, идущими не параллельно к квадрату стен, а пересекая углы друг друга, иногда давая в результате восьмиугольники: здесь колонны устанавливаются по паре у самых стен, на равном расстоянии от углов, служа подпоркой для пересекающих углы бревен. Для подобных сопоставлений необходимо иметь под рукою подробные и проверенные материалы по крестьянской архитектуре областей Эрзерума. Эрзинджана, Харпута, Муша, Хныса, Вана, Эривани, Лори, Казаха и др. местностей. Однако, изучение уже одного карабахского карадама дает полное основание ставить в непосредственную связь с его планом план жаматунов, хотя бы тех из них, тип которых повторяется в монастырях Гошаванка (церковь Иоанна), Кечариса-Дарачичага, Санаина в др.[2]. Пристройки эти возникли очень поздно, в XI в., на армянской почве и. служа в большинстве случаев родовыми усыпальницами и не имея ничего общего с храмовыми пристройками соседних христианских стран, придерживаются традиций не церковных зданий, а скорее частных жилищ. Ближайшее определение этой связи плана карадама с жаматуном, как и выяснение вопроса о технике возведения купола, станут возможными лишь после сводки всего материала, касающегося конструкции крестьянских домов в других районах Армении.

[1] *Отопление этих генеральских покоев производилось при помощи изящного камина в персидском стиле.*

[2] *См. Т.Тораманян, Գաւիթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ «Ազգագրական հանդէս», кн. XXI(1912),стр. 5-33 / Stryzgowski, Baukunst der Armenier und Europa, Wien 1918, S.236,820 н.з.*

С.Лисицян

АРМЯНЕ НАГОРНОГО КАРАБАХА

Этнографический очерк

От автора

Настоящий очерк составлен на основании материалов, собранных мною во время научной экспедиции, организованной летом 1924 г. Закавказской научной ассоциацией (ЗНА) при Зак.ЦИК-е для экономического, этнографического и археологического обследования Нагорного Карабаха (древнего Арцаха), Нагорного Курдистана[1] и Зангезура. Помимо меня, в экспедицию входили этнографы Г. Ф. Чурсин, Лазо (оба ныне покойные), археологи Е. Г. Пчелина, С. В. Тер-Аветисян и экономисты Г. А. Кочарян и Т. П. Атарбеков. Экспедиция была разбита на две группы, из которых одна (Г. А. Кочарян, С. В. Тер-Аветисян и я) должна была заняться изучением Нагорного Карабаха, другая же (остальные товарищи, а также С. В. Тер-Аветисян) - изучением Нагорного Курдистана и Зангезура.

В Степанакерте[2] мы имели продолжительное совещание с руководителями области, на котором были выработаны подробные маршруты, между прочим, и специальный маршрут для этнографического обследования, имевшего целью охватить все те пункты, в которых рельефнее всего сказываются бытовые особенности края.

Следуя этому плану, я направился из областного центра Степанакерта через с. Аветараноц (Чанахчи), Тахавард, Тахлар (Ццахач) и Тох (Туги) в с. Гадрут, откуда перебрался в самую южную, Аракюльскую волость, в с. Дзамдзор. На обратном пути я посетил вторично с. Гадрут, а затем с. Чракус (Чирагуз), Сос, Чартар (Чартаз), Гиши, Нинги (Джамиат) и ДаШуши н (Дашкенд, Караглух, Шикакар). Этот путь я совершил один. В дальнейшем, после возвращения в Степанакерт, маршруты мои и Г. А. Кочаряна совпали, и поездку мы продолжали вдвоем через с. Ванк (под Гандзасарским монастырем), с. Вагуас (Козлу), Атерк (Гасанрис), Магавус, Ериц-Манкунк, Мецшен (Улу Карабек), Кусапат в Мардакерт (Агдара), оттуда вышли в Агдам. Таким образом, мне удалось пересечь весь Нагорный Карабах сначала в южном, а затем в северном направлении и посетить как центральные, так и самые южные и северные его части, собрав обширный и разносторонний материал.

Из четырех исторических районов края до того был этнографически изучен покойным Ервандом Лалаяном лишь Варандинский район[3], труд его появился в печати в 1898 г. во II выпуске «Этнографического журнала» и вышел затем отдельным изданием под заглавием «Варанда»[4].

Отдельные пункты Нагорного Карабаха были описаны учителями: их работы разновременно печатались в издаваемом Кавказским учебным округом «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК); так, о Гадруте - в VI выпуске, о Кусапате - в ХШ выпуске, о Каринтаке (Даш-Алты, Цнот) - в XXV выпуске и специально о промысловых занятиях Шуши (Шуши), Тоха и Мухренеса - в XI выпуске[5]. Во время моего объезда эти материалы были проверены, территориально расширены и значительно дополнены с обращением особого внимания на изменения, происшедшие в народном быту за последнее

---

[1] *Совр. Лачинскнй и Кельбаджарский р-ны Азербайджана (прим. ред.).*

[2] *Бывшем (до 1923 г) - с, Ханкенды. До этого - с. Вараракн (прим. ред.).*

[3] *Совр. Мартунинский и часть Аскеранского районов НКАО (прим. ред.}.*

[4] Ղալայան, ***Վարանդա***, *Ազգագրական հանգէս, h, 2, Թիֆլիս, 1898,*
(далее: Վարանդա). За три года до того вышла книга епископа Макара Бархударяна (Արցախ, Բարդ, 1895) археологического и отчасти географического характера: большая часть книги посвящена Нагорному Карабаху.

[5] Давидбеков И. ***Село Гадрут, Елисаветпольской губернии Джебраильского уезда***, *- СМОМПК. 1888, вып. 6. с. 153 192*; Израелов *Г.* ***Село Касапет***. *-Там же, вып. 13, с. 42-55*: Осипов Г. ***Селение Даш-Алты, Шушинского уезда, Елисаветпольской губернии***.- *Там же, 1898. вып. 25, с. 101-136; Промысловые занятия в некоторых населенных пунктах Закавказья.-Там же,1891, вып.11. с. 1-79, 87-89 (прим.ред).*

время, в особенности вследствие экономического и социального перелома послереволюционного (до 1924 г.) периода.

После нашего обследования эти перемены еще более углубились и еще шире коснулись всех сторон местной жизни, в особенности после массового перехода к коллективным формам хозяйства и, конечно, было бы в высшей степени ценно, и в научном и практическом отношении, отметить и характерные черты вновь возникающих бытовых форм. Рассмотрению одной стороны их посвящена работа П. Петрушевского «О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха»[1], построенная на материалах, собранных экспедицией 1928 г., т. е. тогда, когда еще не успело во всей широте развернуться колхозное движение. Но уже к этому времени, спустя четыре года после нашей поездки, стали более сбивчивыми, а во многих случаях и совсем сгладились воспоминания о старых обычаях, которые еще несколько десятков лет тому назад живо сохранялись и соблюдались в народной массе. В настоящее время исследователю приходится наталкиваться на чистое место там, где в 1924 г. и в 1928 г. мы все же встречали хотя бы уцелевшие в памяти стариков обрывки обычаев, столь важных как источник для понимания давно пройденных стадий общественного развития.

Географический очерк

Границы. Автономная область Нагорного Карабаха, входящая ныне в состав Азербайджана, охватывает нагорные и в незначительной части низменные р-ны Джеванширского, Шушинского и Карягинского уездов бывшей Елизаветпольской губернии. Когда-то весь этот край входил в пределы более обширной армянской провинции Арцах. Незадолго до установления русской власти (сначала в 1805 г., окончательно же, по Гюлистанскому договору, в 1813 г.) он распадался на четыре феодальных владения, а именно: Джрабердское, Хаченское, Варандинское и Дизакское, носившие названия меликств, которые вместе с сопредельными Гюлистанским меликством и Зангезурскими областями в середине XVIII в. были объединены с частью прикуринской низменности в одно - Карабахское ханство. Таким образом, современный Нагорный Карабах составляет лишь часть бывшего Карабахского ханства, пределы которого простирались дальше и в северном и в южном, отчасти и в восточном направлениях.

Нагорный Карабах занимает весь северо-восточный склон Карабахского обломка и часть Тартарской (Тертерской)[2] депрессии, образовавшихся в третичную геологическую эпоху между трещинами земной коры, проходившими, с одной стороны, по линии нынешнего Карабахского хребта до прорыва р. Аракс, а с другой - от обоих концов этой линии, почти перпендикулярно к ней, по направлению к р. Куре[3]. Сам Карабахский хребет, составляющий западную границу Нагорного Карабаха, представляет приподнятый высоко до 1800—2100 м. над у. м. край взброса, на котором сохранились складки более раннего происхождения: северо-восточный край этого обломка опускается в направлении к р. Куре. Острый гребень этого хребта, на котором выстроились в ряд высокие пики Алакая (2597 м), Кусаберд (Ахчкаберд, Каракенд, Кызкала 2845 м), Сары-баба (2311 м), Мец Кирс (2742 м) и, наконец, Дизапайт (Зиарат—2497 м), отделяет Нагорный Карабах от Лачинских и Кубатлинских районов.

Нагорный Карабах охватывает и значительную часть Тартарской депрессии - понижения земной коры между Гандзакским (Гянджинским) и Карабахским приподнятыми обломками: здесь западная граница Нагорного Карабаха пересекает депрессию до вершины Мрава (Муров—3724 м) на Мравском вулканическом хребте, выросшем на южной границе Гандзакского обломка. Граница далее сворачивает на северо-восток по самому Мравскому хребту. От Карабахской низменности автономная область Нагорный Карабах отрезает крайне незна-

[1] Петрушевский И. *О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха, Баку, 1930.*
[2] *По названию р. Тартар (Тертер) или Трту (прим. ред.).*
[3] *См. геологическую карту Ф. Освальда в его книге: «К описанию тектонического развития Армянского нагорья», Тифлис, 1916.*

чительную полосу, так как восточная граница его близко держится подошвы предгорий, от которых она отходит от 3 до 10 км, оставляя в стороне Тартар, Агдаш, Карягино, Джебраил и другие населенные пункты на самой низменности или на ее периферии. Южная граница проходит по одной из безлесных, сухих террас, которыми Карабахский хребет от Дизапайта спадает к р. Аракс.

Рельеф. Различные пункты Нагорного Карабаха расположены на высоте между 0 и 2000 м. над уровнем моря, причем характер рельефа определяется не столько низменностями, сколько предгорьями и нагорными частями, которых упорно держалось местное армянское население, в особенности после занятия прикаспийских низменностей по нижним течениям рек Куры и Аракса новыми среднеазиатскими выходцами.

Направление главных хребтов и определяет деление края на районы как в древности, так и теперь. В этом отношении страну можно разбить на две половины: в северной половине, почти целиком лежащей на Тартарской депрессии, эти цепи имеют правильное северо-восточное направление, в южной же преобладает направление юго-восточное. В северной половине долину р. Тартар окаймляет с юга довольно высокий отрог, отходящий от вершины Чильгяс и известный у армян под названием Арцатаханк. Он тянется почти параллельно Мравской цепи и вершины его понижаются с северо-запада на восток с изумительной закономерностью: Ходжа-Юрт имеет 2302 м, Хакеган - 1759 м, Сенгер - 1475 м, Кусапат - 1374 м; линия заканчивается недалеко от р. Тартар вершинами в 300 м.

Несколько ниже цепи Арцатаханк идет вторая гряда того же северо-восточного направления, являющаяся также отрогом Карабахского хребта; она отходит от вершины Кусаберд, на ней подымаются вершины Качахакаберд (Гача-кая) - до 1889 м, Саксаган - 1721 м, Теша-Кара-Сара - 1303 м, Чола (Чалы) - Даг - 905 и заканчивается у границы Нагорного Карабаха горою Бешеглю (706 м) над мощным Шахбулагским родником.

Значительно сложнее система третьего отрога того же направления. Он также отходит от Карабахского хребта, от Мец Кирса, под названием Чахмахского отрога и, оставляя влево расщелину р. Гаргар (Кар-кар), доходит через вершины Покр Кирс (2239 м), Чахмах (1567 м), массив Богурхан (1624 м), вершины Хачинхут (1533 м.) до с. Варазабун (Аранзамин), заканчиваясь над Агдамом вершиною Гурджухут (472 м). От этого отрога и идут в южной половине разветвления в юго-восточном направлении. Из них три (самое южное называется Хазагским) расходятся веерообразно от массивного узла Богурхан, причем среднее расщепляется, в свою очередь, на две ветви. От самой южной оконечности Карабахского хребта, от вершины Дизапайта спускаются к р. Аракс три ветви. Разветвления как Чахмахской, так и Дизапайтской системы расползаются по обширному уступу Карабахского обломка, образуя более или менее широкие долины, по которым пробегают речки, ниспадая быстрыми потоками к степям, находящимся вне пределов Нагорного Карабаха.

Реки. Между Варазабунским продолжением Чахмахского отрога и северным разветвлением трехчленной Богурханской системы стекают к окрестностям г. Агдама около четырех речек, берущих начало из родников, которыми богат этот район. Между северным и средним Богурханскими разветвлениями протекает р. Хонашен. Из расщепления средней гряды к Муханской (Мильской) степи стекает р. Кизил-чай. К этой же степи выходит из долины между средней и южной грядами Богурханской системы р. Кочус, которая сливается с р. Кендалан, собирающей воды из долины между южной Богурханской ветвью и отрогом Покр Кирса. Южнее, между отрогом Покр Кирса и Дизапайтом, все воды собираются в р. Цамакгет (Куру-Су) (Тохская долина) и выходят к Карягину[1]. Между северной и средней ветвями Дизапайтской

[1] *Совр. г. Физули (прим. ред.).*

системы, в Гадрутской долине, образуется р. Вагуас, и, наконец, между средней и южной, в Аракюльской долине, р. Дзамдзор, опускающаяся к Джербраилу.

Все эти речки, стекающие с районов южнее Чахмахского отрога, по своим размерам, длине и количеству вод значительно уступают рекам северной половины - Гаргару, Хачену и Тартару, долины которых служат самыми важными артериями для сообщения Прикаспийских степей с областями Армении. Объясняется это не только обилием атмосферных осадков, выпадающих в этой половине (между прочим, вследствие задерживания продвижения испарений Каспийского моря Мравским хребтом), но и большим протяжением площадей, для которых эти реки служат стоками. Из этих рек самая большая -Тартар, единственная докатывающая свои воды до Куры. Остальные - Хачен и Гаргар -разбираются по каналам жителями низменностей и, подобно рекам южной половины области, не достигают Куры. Только Хачен в редкие годы очень больших паводков докатывается по своему широкому руслу до р. Куры. В общем, чем ближе к Араксу, тем атмосферных осадков выпадает меньше, и все острее чувствуется недостаток атмосферной влаги и проточной воды; склоны гор в этом направлении все более обнажаются от лесного покрова[1].

Леса. Леса в южной части за последнее столетие сильно разрежены, особенно же за время межнациональных распрей и гражданской войны. Местами от вековых лесов осталось одно воспоминание в виде отдельно торчащих высоких и толстых деревьев или группы кустарников, по преимуществу ежевики и можжевельника.

Лесной покров поднялся теперь от подошвы нагорья выше, ближе к гребню Карабахского хребта. Он все еще сохраняет свой девственно-величественный, первобытный характер в самой северной части, по склонам горных долин и ущелий верхнего течения рек Хачена и особенно Тартара, откуда оживленная хозяйственная, общественная и политическая жизнь перекинулась в XVIII в. в долину р. Гаргар, а именно, после основания Карабахского ханства со столицей в г. Шуши (на пути к Зангезуру). Шуши и позже, после установления русского владычества осталась административно-культурным центром края. По долине р.Гаргар пролегает шоссе к Шуши и далее по Зангезуру к г. Горису. Теперь горные склоны вдоль обоих берегов р. Гаргар почти совершенно обезлесены. Когда-то густые леса, покрывавшие склоны гор, служили вместе с закрытыми ущельями лучшим убежищем для местного населения во время военной опасности. В то же время леса восполняли недостаток пастбищ и сенокосов: население широко пользовалось ими для выпаса своего скота летом и зимою. Даже и теперь, несмотря на запретительные мероприятия, население нелегко отказывается от старой хозяйственной привычки пускать летом скот в лес и кормить его лесной травой, молодыми листьями и свежими стеблями, нанося тем самым громадный ущерб молодым деревцам и только что пробивающимся из-под земли побегам. Близость леса как бы смягчала в прошлом необходимость посылать скот на высокие горные пастбища, которые заняли курдские племена, перебросившиеся из Турции на плоскогорье за Карабахским хребтом. Зимой, вследствие ограниченности запасов сена, жители норовили выгонять скот в лес, где подпасок срубал с деревьев молодые ветви и кидал их голодной скотине, а часть доставлял на осликах и на своей спине в деревню. Высокими альпийскими пастбищами Карабахского плоскогорья (за Карабахским хребтом) население Нагорного Карабаха пользовалось в значительно меньшей степени, чем жители Прикаспийских степей или Зангезурских низин.

Лесной характер страны вместе с ее горной природой не только помогал ей в борьбе со степью, но и наложил яркую печать на всю хозяйственную деятельность и бытовые особенности населения, на формы его поселений и жилищ, образ жизни, верования и искусство. Но лесное хозяйство быстро приходило в упадок. Занятие выделкой предметов из дерева--

[1] *Вопрос об увеличении запасов воды в Нагорном Карабахе, как и в других местностях Закавказья, выступает все острее: при мне происходили совещания в Гадруте об устройстве кагризов— искусственного вывода вод из глубоких подпочвенных слоев.*

корыт, ложек, кувшинов, лопат и т. п. - в течение XIX и начале XX в-в., еще до революции перестало быть делом общенародным, отходило и замыкалось по отдельным деревням (Туми, Мухранес). Скотоводство в возвышенной, хлебопашество и садоводство в низменной зоне, игравшие до того далеко не второстепенную роль в хозяйстве страны, стали преобладающими формами. Садоводство, видимо, рано стало характерным для этой области и выделило ее из среды средних соседних областей, послужив причиной самого названия ее «Карабах», что значит «Черный сад». Название это первоначально в армянской форме-սևավ այգի встречается у писателя XVI в. Исаннисика Цареци, а тюркская форма Кара-бах записана впервые в 1388 г.[1] Впрочем, для садов удобны сравнительно низкие районы области: в более высоких не поспевает ни виноград, ни тутовое дерево. Тутовые насаждения, в виду роста спроса на шелк-сырец на русском и заграничных рынках, стали все более вытеснять садовые, и несмотря на порубки в период гражданской войны, площадь их (1500 га) в 1924 г. немного уступала садовой (1800 га). В Дизаке, Варанде и Хачене тутовые насаждения разбиты под многими, низко лежащими селениями, тут же у околицы и невдалеке, у речки или оросительной канавы, в строго шахматном порядке. Местного вина и винной водки едва хватает на местное потребление. Эти продукты в ничтожном количестве поступают на рынок, но шушинский тутовый спирт и шелк являются основными предметами вывоза. На них зиждилось до революции благосостояние очень большого количества деревень. Вплоть до конца августа в селениях предгорного Карабаха в воздухе стоял острый запах выкуриваемого тутового спирта. Водка в быту занимала важное место: ею начинал крестьянин свой трудовой день, и ею прежде всего потчевал он вступившего в его дом гостя.

Однако, в более высоких районах не сады и не тутовые насаждения, а преимущественно хлебные нивы стремятся отвоевать землю у леса.

Этот процесс в особенности был ускорен в период гражданской войны, оторвавшей Нагорный Карабах от земледельческих районов России, прекратившей сбыт шелка и спирта и лишившей население возможности пополнить свой бюджет отходом в города. Нужда в своем местном хлебе тем более повысилась, что в область хлынули из Баку, Грозного, Ленкорани и др. городов люди, давно ушедшие было из родных сел: они стали искать здесь убежища во время гражданской войны.

До установления советской власти не защищаемые никакой властью леса подвергались жестокому истреблению, и за их счет усиленно увеличивалась пахотная площадь. Однако оголенная земля за несколько лет была быстро снесена дождевыми потоками и водами от таяния снега, в результате чего целые волости, например, Аракюльская и Гадрутская, лишились мягкого земляного покрова. Населению приходится из-за этого перестраивать свою жизнь, видоизменять свои привычки и усваивать новые навыки, которые свойственны другим провинциям Армянского нагорья.

Деление на округа. Нагорный Карабах всегда составлял обособленный край с узкими и глубокими ущельями, чередующимися с более или менее широкими и открытыми горными котловинами и долинами самых причудливых форм. Для деления на области здесь имеют значение не столько речные расщелины, сколько горные цепи, через которые обычно нет ко-

---

[1] *Սամուելի քահանայի Անեցւոյ Հաւաքմունք ի գրոց պատմագրաց, ծայրաքաղ արարեալ», Վաղարշապատ, 1893, էջ 193: Թովմա Մեծոփեցի, Պատմութիւն Լանկ-Թեմուրայ և յաջորդաւ իրոյ, Փարիզ, 1860, թջ 20: Акад. Гр. Капанцян происхождение данного ойконима связывал с названием кочевого племени Bala—Karan (*Гр. Капанцян. ***Этногенез армян и их начальная история****, Ереван, 1949, с. 129-130, 250). Новейшие же исследования свидетельствуют, что «наименование Карабах в исторических первоисточниках впервые фиксируется с XIV в. в сочинении «Грузинского хронографа» и у персидского историка Хамдаллаха Казвини. Образовалось оно на почве персидской географической номенклатуры: в отличие от равнинной части, именуемой Баг-и сафид (Белый сад), горная часть края стала называться Баг-и сиах, что в тюркоязычном осмыслении превратилось в Карабах (Черный сад). См.: Нагорный Карабах. Историческая справка, Ереван, 1988, с. 8 (прим. ред.).*

лесных путей: терпеливый, выносливый осел или мул, а также твердо ступающий конь знаменитой карабахской породы поднимают человека или тяжелую ношу по крутым дорогам, проложенным иногда по отвесным склонам гор или спускающимися с их гребня ко дну шумящего глубоко в ущелье потока.

Отдельные бассейны и долины рек жили своей почти изолированной жизнью, давая возможность округляться отдельным феодальным владениям - меликствам, непосредственно подчинявшимся центральному шахскому правительству. Исторический Дизак охватывал долины: Аракюльскую, Гадрутскую и р. Куру-чай. Горная ветвь, отходящая от Покр Кирса, отделяла его от соседней Варанды. В нем правил меликский дом Аванянов или Еганянов (в конце XVIII в. принявший ислам), сидевший в Тохском замке. Варанда, владение меликов Шахназарянов, имевших резиденцию в с. Аветараноц, охватывала остальные южные речные долины рек Кендалан, Кизил-чай и Хонашен и мелкие долины до Варазабунского отрога. Временами границы ее перекидывались на северную сторону Чахмахского отрога, спускаясь к р. Гаргар, откуда на север до горного хребта Арцатаханк простиралась область Хачен по бассейнам левых притоков рек Гаргар и Хачен. Хачен принадлежал одному из старейших меликских родов, дому Гасан - Джалалянов, развалины замка которых показывают невдалеке от с. Ванк под монастырем Гандзасар, в местечке Дрбысни. Еще севернее за отрогом Арцатаханк и долине р. Тартар до Мравского хребта старались закруглить свои владения Джрабердские мелики Исраеляны, которые имели местопребывание в замке Майракахак под сенью неприступной Джрабердекой крепости или в замке около обители Инны-мас.

В середине XVIII в. выходец из Джеваншира Панах хан, объединивший под своим управлением тюрко-татарские племена, обосновавшийся до этого в Низменном Карабахе, воспользовавшись родовыми междоусобицами меликов[1], с помощью варандинского мелика сумел проникнуть на возвышенное плато у верховьев р. Гаргар, в тыл меликам и засесть там, в укрепленной Шуши. Он со временем принудил карабахских владетелей-меликов признать над собой его власть и отказаться от непосредственного подчинения центральному персидскому правительству. Границы своего ханства Панах хан продвинул и за Карабахский хребет, до самого Аракса, подчинив нынешние зангезурские районы. Держался он по отношению к шахскому правительству довольно самостоятельно и независимо. Однако сын его - Ибрагим хан после присоединения Грузии к России принужден был в 1805 г. явиться в стан к правителю Грузии князю Цицианову, стоявшему с войсками у самой границы ханства, на речке Курак (Куриак), и просить принять его и Карабахское ханство под покровительство России. По заключенному здесь договору Ибрагим хан, отказавшись быть вассалом Персии, обязался платить России дань восемь тысяч червонцев[2]. В Шуши был введен русский гарнизон, при хане были назначены русские наблюдатели и советники; за ханом было сохранено лишь управление внутренними делами. После убийства Ибрагим хана, пытавшегося через год после признания над собой верховной власти России разорвать эту связь и вернуться под власть шаха, именем российского императора преемником его был объявлен старший сын - Мехтикули хан, при котором учрежденный из сторонников России провинциальный суд скреплял большинство ханских распоряжений, в особенности, по земельным вопросам. Персия только в 1813 г. по Гюлистанскому договору официально уступила Карабахское ханство России, выделив, однако, из его состава область между р. Охчи (или Чавндур, или Капан) до р. Аракс, т. е. весь нынешний Мегринский район Армении.

После бегства Мехтикули хана с приближенными в Персию в 1822 г. Карабахское ханство было преобразовано в Карабахскую провинцию, управляемую непосредственно русской

---

[1] *Мелик Шахназар, враждовавший с арцахскими - меликами Адамом и Овсепом, вступил в сговор с Папах ханом- и предоставил ему право построить в своих владениях прочную крепость Шуши (прим.ред.)*

[2] *Образование российских владений за Кавказом, т. III, СПб., (далее: ОРВК). 1836, с. 304 (составлено в 1832 г.).*

администрацией. По заключении Туркменчайского договора (1828 г.), по которому русско-персидской границей была признана р. Аракс, в состав этой провинции из присоединенных областей[1] опять вошли земли, находящиеся между р. Охчи и Аракс. В Провинции еще долгое время сохранялось старое деление на магалы. В дальнейшем она была присоединена к Елизаветпольской губернии и разбита на уезды, границы которых не раз перекраивались.

Автономная область - Нагорный Карабах - образовалась из частей Шушинского, Джеванширского, Карягинского уездов и нескольких селений Кубатлинского уезда.

С начала своего образования Нагорно-Карабахская автономная область в общем в согласии с историческим делением была разделена на районы Дизакский, Варандинский, Хаченский и Джрабердский, однако границы их уже не вполне совпадали с историческими, которые, впрочем, и при меликах менялись в зависимости от усиления того или иного княжеского дома, а иногда по совершенно случайным причинам. Позже границы эти подвергались некоторому изменению с сохранением старых наименований районов.

В настоящее время в Нагорном Карабахе проведено новое районирование с учетом всех новых условий, имеющих целью полнее ввести область в широкое русло советского хозяйственного и культурного строительства. Районов уже пять, и они носят название по своим центрам: Степанакертский[2], Шушинский, Мартунинский (б. Варандинский), Гадрутский (б. Дизакский) и Мардакертский (б. Джрабердский)[3].

---

[1] *Были присоединены и Ереванское и Нахичеванское ханства.*

[2] *В 1978 г. переименован в Аскеранский; Степанакерт же как областной центр получил статус города республиканского подчинения (прим ред.).*

[3] *Территория НКАО по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. составляет 4388 кв. км. (прим. ред.).*

Глава 1
Население

Этнический состав. Нагорный Карабах принадлежит к тем редким армянским провинциям, население которых раз сложившись в раннюю историческую эпоху, в дальнейшем в своей массе сохранило свой этнический состав на протяжении долгих веков, хотя оно здесь и не носит уже того целостного характера, который ему был свойственен до XVII- XVIII вв. В то время как преобладающее большинство других провинций или совершенно лишились своего коренного армянского населения (в Западной Армении), или восприняло (например, на Араратской и Ширакской равнинах) в себя столько разнообразных этнографических групп из других провинций, что в значительной степени утратило свой первоначальный и диалектный и бытовой облик, Нагорный Карабах удержал сравнительно большую культурно-бытовую преемственность.

До середины XVIII в. армянское население держалось в Нагорном Карабахе достаточно сплоченно и, хотя рядом с армянскими селениями и встречались отдельными мелкими базисами тюркские поселения, все же в области еще долго не утверждалось прочно мусульманское дворянство, и поселения эти подчинялись управлению местных князей-меликов. Однако условия скотоводства на прикаспийских степях, не обеспечивающих скот достаточным кормом в летние засушливые месяцы, все повелительнее толкали скотоводческое тюркоязычное население низменности на укрепление своих позиций на путях, ведущих к тучным альпийским пастбищам Карабахского вулканического плоскогорья, простирающегося за Карабахским хребтом до террас, спускающихся к Горису. Только этим следует объяснить повторные попытки одного из представителей этого скотоводческого полукочевого населения Панах хана Джеванширского овладеть подступами к этим путям как у шахбулагских родников, так и у входа в Гаргарскую долину Аскерана. Ему, наконец, удалось проникнуть и выше, в сердце самого нагорья и укрепиться не только у начала, но и главного пункта Гаргарского пути, почти у самого перевала через Карабахский хребет к высокогорным пастбищам. Здесь он в 1752 г. утвердился в укрепленной им Шуши. С этого господствующего далеко кругом выступа, обрывающегося с трех сторон отвесными пропастями к р. Гаргар и ее правому притоку, Панах хан, а затем и его преемник Ибрагим хан не только наблюдали за главным путем из степей в горы на альпийские пастбища, по которому продвигались караваны с товарами между Тавризом и Шамахи (Шемахой), связанной через Кавказский хребет с российским рынком, но и держали в повиновении местных князьков, обращенных как бы в вассалов. С образованием этого «Карабахского ханства» тюркские этнические элементы стали оседать не только у Аскерана (Ходжалинская долина), но и в Шуши и выше ее, а также в других частях, меж тем как некоторые меликские роды с частью своих крестьян стали уходить в Шамахи, Шамшадин, Нухи (Нуху), Казах и Лори (Борчалу), ближе к тем областям, которые подпадали под косвенное или прямое влияние России через Грузию. По мере их ухода освобожденные места по большей части занимались тюркскими элементами, пришедшими с низменности. После установления русской власти некоторые из армянских выселенцев вернулись обратно и частью добились возвращения старых земель, частью же основали новые деревни. Вернувшихся, однако, оказалось мало, и прежняя густота армянского населения уже не восстановлялась, особенно в нижней полосе. Поэтому, когда в 1828 г. по Туркменчайскому договору персидские армяне получили право свободного перехода на занятые русскими земли, часть армян из персидской провинции Карадаг, перейдя р. Аракс, могла разместиться как в Зангезуре, так и в Нагорном Карабахе. Так, рядом с исконным местным армянским населением, появились в отдельных селениях (например, в с. Меликджанлу и Цакури Гадрутского района) армяне пришельцы. Это, однако, не вызвало заметных изменений в диалектических и этнографических особенностях

местных армян, отчасти потому, что, по моему подсчету, эти новые элементы составляют едва 10% всего населения, отчасти же потому, что издавна существовали экономические и культурные связи между Карабахом и Карадагом, сближавшие их в бытовом отношении.

Что же касается тюркской (азербайджанской) народности[1], то она в настоящее время не превышает 10% (при населении около 149 тыс.), причем в одной только Шуши число тюрок-азербайджанцев доходит до 4 тыс.[2].

Панах хан и его преемник Ибрагим хан всячески стремились насаждать в Нагорном Карабахе тюрко-татарское землевладение. Особенно щедро закреплял *талагами* земли в собственность за своими приближенными, возводимыми иногда из конюхов и прислужников в бекское достоинство, последний владетель Мехтикули хан. Ко времени его бегства и учреждения Карабахской провинции тюрко-татарские землевладельцы были в ней количественно довольно сильно представлены, но их земли были расположены преимущественно в низменном Карабахе, с основным татарским населением, а в Нагорном Карабахе в их поместьях армяне значительно преобладали над тюрками - татарами.

Продолжительное соседство с тюрками-татарами низменностей (Карабахской и Муханской) и плоскогорий (Нагорного Курдистана), многовековое политическое подчинение верховной власти персидских шахов, постоянные сношения с тюркскими племенными старшинами (причем нередки бывали случаи заключения брачных союзов между ними и меликскими домами) - все это вызывало широкое проникновение тюркско-иранского влияния не только в среду местных феодалов, но и в другие слои карабахского армянского населения в виде повсеместного знания, особенно мужской частью, тюркского языка, дачи детям мусульманских имен[3], усвоения тюркско-иранской музыки, усиления замкнутого и приниженного положения женщины, в редком случае -многоженства (в семье меликов Щахназарянов), содержания второй, внебрачной жены при бездетности первой и т. п. К сожалению, важный вопрос о взаимодействии тюркско-азербайджанской и армянской культур научно мало выяснен и изучен.

Социальные группировки. За время русского владычества коренным образом видоизменились сословные отношения в Нагорном Карабахе. В новых условиях экономической и политической жизни сословные группировки персидско-армянской общественности оказались совершенно непригодными и стали быстро разлагаться, уступая место новым формам.

Прежде всего, этот процесс коснулся привилегированного сословия местного землевладельческого дворянства, прямых потомков меликов, которых император Павел называл «державными владетелями» Карабаха[4]. С введением русских учреждений мелики, как и ханы, лишились своих публично-правовых преимуществ, перешедших к представителям нового чиновничества и военной власти. Мелики, как и ханы, были низведены на положение простых помещиков, причем за ними были укреплены в качестве частной собственности обширные земельные пространства, а крестьянское население было поставлено в большую, чем до того, экономическую от них зависимость. Но царская власть ловко использовала унаследованную дворянским сословием тягу к военно-административной деятельности и, поддерживая его тщеславие, втягивала одно поколение за другим в ряды своих войск, но значительно в меньшей степени привлекало на административную работу. Двери дворянских военных училищ и кадетского корпуса были широко открыты перед детьми меликских семейств. Они попадали туда часто с самых юных лет, затем дослуживались до высших чинов в армии, оставаясь по

---

[1] *До революции она официально именовалась «татарской».*
[2] *По данным Всесоюзной переписи 1979 г., население НКАО составляло 162 тыс. человек из них армяне - 123 тыс. чел., азербайджанцы - 37 тыс. чел., т. е. соответственно 76% и 23% (прим. ред.).*
[3] *Это в особенности касалось тех случаев, когда новорожденные дети подряд умирали (прим. ред.).*
[4] *Акты Кавказской Археологической комиссии, т. I.*

преимуществу во внекавказских войсках, куда их предпочтительно направляла царская политика. Старшее поколение, обеспечив себя пенсиями и другими доходами, возвращалось еще в свои поместья и проводило там остаток своих дней. Обыкновенно они пристраивали свои генеральские покои к старым *амарат-ам*, представлявшим широкие комнаты - *глхатун* (*карадам*), с освещением через отверстие в потолке. Эти покои сохранились до сих пор в с. Аветараноц (мелики Шахназаряны) и представляют смесь старых местных форм и завезенных европейских: традиционный земляной пол, покрытый коврами, окна, пробитые высоко в стене под самым потолком, камин - *бухарик* в персидском стиле.

Вся система родственных связей, построенная на прочных нормах обычного права и достаточно гарантировавшая в дорусские времена внутреннюю родовую спайку, быстро расшатывалась. Авторитет мелика падал в глазах младших членов рода (*бек-ов*), тем более, что первенство определялось в новых условиях не происхождением, а фактически лично приобретенным служебным положением. Бывали случаи, когда очень далекие родственники (например, генерал Мадатов в с. Аветараноц), которым степень кровного родства должна была отвести скромное место в роде, захватывали, благодаря приобретенным чину и служебному влиянию, лучшие участки из родового имения, вызывая лишь глухой протест среди сородичей.

Дробление дворянских земель - результат российского закона о наследовании собственности, еще в большей мере приводило к нарушению внутриродовых юридических норм. Многие мелкоземельные дворяне как из меликских домов, так и из их былых подручников, уже не могли оставаться в деревне, и покидали ее, так как с установлением гражданского мира размножение меликских родов не умерялось систематическими потерями эпохи феодальных кровавых междоусобий. Участки до того мельчали, что часть дворян должна была искать иного вида заработка и видела свое спасение в лучшем усвоении русского языка и русского образования, так как тогда открывался доступ к службе в администрации, суде, в войске. Этот процесс оставления деревни и отхода в города был ускорен освобождением крестьян, значительно сократившим дворянские доходы, и переходом сельского хозяйства от производства на собственное потребление к производству на рынок; к использованию выгод этого товарного производства нарождающаяся буржуазия оказалась более приспособленной, чем застывшее в вековых хозяйственных традициях дворянство. Когда уже с 70-х гг. XIX в. началась политика ограждения местной администрации, суда и войсковых частей от проникновения в них местных, особенно же армянских, элементов, дворянский поток устремился к свободным профессиям адвокатов, врачей, инженеров, агрономов и только к концу XIX в. был вовлечен и в торгово-промышленную жизнь края, оживление которой тесно связано с повышением значения Баку и Тифлиса.

Таким образом, карабахское армянское дворянство перекочевывало в города, заполняя ряды офицерства, чиновничества, лиц свободных профессий и промышленников и передавая свои земельные участки в аренду на условиях обычного права крестьянам. Оставшиеся на месте потомки меликских и других армянских родов при крайнем дроблении земли нередко сливались уже с зажиточным крестьянским слоем и по своему образованию и по своим общественным тенденциям ничем от них не отличались.

Революция, если не считать 3-4 исключений, не застала в Нагорном Карабахе экономически сильных, крупных помещиков, сидящих в родных деревнях и ведущих свое оборудованное хозяйство. Общественная роль дворянства как класса здесь была значительно слабее, чем в Тифлисской и Кутаисской губерниях, где оно имело свои сословные организации со школами, банками и другими учреждениями. Национализация частновладельческих помещичьих земель

поэтому не сопровождалась в Нагорном Карабахе такими ожесточенными вспышками гнева трудовых слоев деревни против дворянства, как это было, например, в Грузии[1].

Параллельный процесс сословного разложения и перехода из деревни в город происходил и в другом, очень сильном ко времени установления русского владычества сословии, а именно - в духовенстве. Духовенство в Нагорном Карабахе имело несколько иные традиции, чем в других провинциях Армении: здесь имелся собственный «просветитель», внук просветителя Армении Григория—Григорис, о котором предание говорило, что он был замучен на Ватнийском поле.

На протяжении многовекового существования церковного самоуправления, дозволявшего всецело сосредоточиться на чисто местных интересах, духовенство в Нагорном Карабахе неоднократно вмешивалось в местные социальные и политические вопросы. Оно, наряду с меликами организовывало сопротивление полукочевым мусульманским элементам степей. Так, в середине XVIII в. не раз оставлял свою келью в монастыре пророка Егише монах Авак, чтобы, вскочив на своего пегого коня, кинуться в самую гущу военной схватки со степняками: за свою безумную храбрость он был прозван «сумасшедший монах»[2]. Когда возникла мысль о признании русской власти в Закавказье, духовенство первым подхватило эту мысль; гандзасарский католикос Есаи, бывший душой переговоров с Россией, первый присоединился к меликским войскам, ожидавшим у Гандзака (Гянджа) в 1722 г. вместе с войсками грузинского царя появления Петра Великого за Кавказским хребтом[3].

Монастыри сосредоточили в своих руках обширные населенные угодия, в которых они, судя по некоторым данным, руководствовались в своих отношениях к крестьянам теми же нормами обычного права, которые оформились на меликских землях. Эта экономическая общность привела к полному сближению влиятельного черного духовенства, а за ним и белого с землевладельческим дворянским сословием на почве единства классовых интересов. Русская власть застала в Нагорном Карабахе довольно многочисленные монастырские братства и прикрепила к монастырям их земельную собственность. Однако при определении границ как помещики, так и общества государственных крестьян прилагали всяческие старания к расширению своей земли за счет монастырской, и уже по этой одной причине духовное землевладение значительно сократилось, а вместе с тем уменьшились и доходы духовенства. Неумение вести хозяйство при новых условиях, прекращение многих поступлений после упразднения крепостнических отношений, уменьшение благочестивых приношений и другие причины сделали невозможным содержание многочисленных братий, в результате чего число желающих «уединиться от мира» с неимоверной быстротой падало, тем более, что новые культурные запросы вели пытливые умы уже не в монастырские школы, а в светские учебные заведения. К концу XIX в. во многих монастырях, кроме настоятеля, уже не было ни одного инока, например, в таком когда-то далеко прославленном монастыре, как Гтич на склоне горы Дизапайт. Накануне гражданской войны в большинстве обителей монахов заменяли настоятели из священников, даже светские лица или сторожить опустелые стены оставались старики - прислужники.

Революция только завершила этот процесс. Во время нашего объезда резиденция католикосов - Гандзасарский монастырь - охранялась какою-то вдовой с ее семьей, а обитель «Ериц манкунк» в Джрабердском районе -одинокой старухой.

---

[1] *Если кое-где имело место разрушение помещичьих имений (например, имения врача Мовсеса Атабекяна у с. Ханкенды или Авана Юзбаши у с. Марачи), то это произошло не вследствие революционных вспышек, а исключительно вследствие межнациональных эксцессов, которые в Нагорном Карабахе причинили ужасающиеся разрушения.*

[2] Ղաֆֆի, ***Խամսայի մելիքությունները***, *Թիֆլիս, 1882, С. 893.*

[3] *Автор «Истории... Албании» (Պատմութիւն Աղվանից, Շուշի, 1839) Есаи Асан Джалалян относит это событие к 1723 г.; будучи сторонником Исраэла Ори, он организовал против нашествия лезгин десятитысячное армянское войско и защитил свою страну (прим. ред.).*

Несколько медленнее шло разложение среди белого духовенства. С наступлением русского владычества священники быстро эмансипировались от своей зависимости от дворян.

Уже в 40-ых гг. XIX в. в выступлениях крестьян против произвола помещиков как тюрков-татар, так и армян, движение зачастую возглавляли сельские священники, которые за это участие в «бунте» и в «беспорядках» подвергались дисциплинарному взысканию со стороны епархиального начальства по настоянию русской администрации, поддерживавшей землевладельцев и пересаждавшей в Закавказье российские крепостнические порядки[1].

Благодаря тому, что принадлежность к духовному сословию освобождала от крепостных отношений, дети священников стали тем подвижным элементом, который был склонен освободиться от своей экономической зависимости от деревни. Они потянулись к более прибыльным и почетным занятиям, чем исполнение церковных обрядов, считая для себя необязательным установившийся обычай, в силу которого сын наследовал священническое звание отца. Поступая отчасти в те же правительственные учебные заведения ближайших городов - Шуши и Елизаветполя, в которые поступали и сыновья дворян, чаще же всего заполняя места в Шушинской армянской духовной семинарии, основанной в 1838 г., куда дворянство шло крайне неохотно, дети священников редко возвращались в свое сословие и предпочитали службу в правительственных учреждениях, значительно реже - в армии, а самые способные или более обеспеченные добивались высшего образования и затем посвящали свои силы свободным профессиям. Это вовсе не новое явление в Нагорном Карабахе, что в семье священника, дававшей до того в целом ряде поколений своих представителей церкви, все дети - и мальчики, и девушки - получив кое-какое, даже не завершенное среднее, а тем более высшее образование, порывали всякие связи с духовным сословием. С отходом более способных сил в городскую интеллигенцию и отчасти с пополнением ими зарождающейся торгово-промышленной буржуазии, в поредевшие ряды белого духовенства стали проникать случайные люди, чаще всего лица, потерпевшие неудачу на других поприщах, всякие полуграмотные приказчики, объездчики, маркитанты или же промотавшиеся торговцы. В лучшем случае это были сельские учителя, желавшие пополнить свое скудное содержание побочными доходами от совершения церковных треб. Впрочем, и последние не в силах были остановить падение авторитета духовенства, тем более, что редко кто из них действительно был проникнут истинным и глубоким религиозным чувством, между тем ушедшие на заработки в города молодые люди, по возвращении в деревню подходили к церковным традициям с язвительной критикой, на которую священники не находили ответа. Авторитет белого духовенства был подорван задолго до революции, а потому не удивительно, что в первые же годы после установления советской власти многие из священников поспешили снять рясу (в с. Чартар) или отказались от совершения треб (в Гиши, Чракусе, Ванке, Оратахе-Гюлатахе), подав в отставку. Следует отметить тот факт, что из среды детей карабахских священников вышло очень много видных деятелей коммунистической партии. В строительстве нового правопорядка им оказывало большую помощь хорошее знание армянской действительности. Благодаря своему происхождению, они сохраняли с ней самую тесную связь в свои школьные и студенческие годы.

Еще ранее белого духовенства стали уходить из деревни кустари-ремесленники из крестьян - плотники, кузнецы, шапочники, шорники и др.

В описании Карабахской провинции, произведенной в 1823 г. тотчас после упразднения ханской власти, среди жителей Шуши значится немало разных ремесленников, большинство которых все еще числилось «людьми» того или иного мелика, мелкого хана, бека[2]. Однако

---

[1] Լէո, *Պատմութիւն Ղարաբաղի Հայոց թեմական Հոգևոր դպրոցի, Թիֆլիս, 1915, с, 77-84*

[2] *«Описание Карабахской провинции», произведенное д.с.с. Могилевским и полковником Ермоловым 2-ым, Тифлис, 1823.*

ремесло давало им достаточную независимость от последних. Впоследствии число ремесленников в Шуши все более возрастало: довольно обширный список их приведен в описи, составленной Зубаревым, лет десять спустя[1]. Многих из них тянуло и в Гандзак, Нухи, Шамахи и в другие города, позднее, все чаще в Баку, а с присоединением среднеазиатских владений-в Закаспийскую область. После освобождения крестьян за ремесленниками последовали и неквалифицированные деревенские жители.

Параллельно с разложением старых социальных группировок стал складываться новый общественный слой - слой мелких и крупных торговцев, скупщиков, предпринимателей. Эта прослойка была еще слаба в Нагорном Карабахе ко времени бегства последнего хана. В «Описании карабахской провинции» (1823), дающем сведения о занятиях жителей по отдельным поселениям, в деревнях не упоминаются лица, занимающиеся торговлей: лишь в Шуши регистрируется наряду с *сарыф-ами*-менялами наличие нескольких *ходжа* - купцов.

Источник их доходов и социальное положение группировавшихся вокруг них лиц носили отпечаток совершенно иной экономической обстановки, чем та, которая создавалась в Нагорном Карабахе, как и во всем Закавказье, после установления русской власти и обращения края в колонию российского государства[2]. Характерные подробности об этом сообщает младший член Эчмиадзинской братии Месроп Тагиадян, посетивший Шуши вместе с католикосом Епремом в 1821 г. В своем воспоминании «Путешествие по Армении»[3] он отмечает две крупные торговые фирмы: одна из них - дом Ахумянов, была связана своими операциями с Персией, Россией, Сибирью и европейскими рынками и держала большие денежные средства в российских банках, другая - дом Тарумянов, пользовалась монопольным правом рыбной ловли и взимания корабельных пошлин на Каспийском море и другими откупными статьями. Обе фирмы, сидя в Шуши, поддерживали связь с Россией (через Шамахи) и с прикаспийскими областями - с одной, и с Тавризом и северо-западным Ираном - с другой стороны, а также предоставляли ссуду под проценты правителям, учреждениям и отдельным лицам (так, Тарумянам Эчмиадзинский монастырь должен был по векселям 4 тыс. червонцев). Для своей торговли и вообще операций они организовали обширную агентуру из приказчиков, конкурируя друг с другом как их числом, так и тем обеспечением и внешним блеском, которые они предоставляли соучастникам в их делах. Многие из этих приказчиков или *чраг-ов* -«светильников» (как до последнего времени в Нагорном Карабахе не перестали называть приказчиков) были одновременно и распорядителями завозных товаров фирмы по деревням и собирателями местной продукции, которая могла быть легко перекинута при тогдашних путях и средствах сообщения в отдельные страны (шелк, карабахские лошади). Чраг-и, держались тесной «семьей» вокруг торгового дома, поддерживали его честь, даже тогда, когда уже выделялись в самостоятельно ведущие свои дела единицы.

Вскоре после заключения Туркменчайского договора (1828 г.) была закрыта персидская граница для транзитной торговли через российские владения, значение пути Шамахи-Шуши-Тавриз пало, а еще до того была отменена откупная система. Те из шушинских фирм, которые не успели перебросить свои капиталы на другие предприятия на местном, либо российском рынках, стали хиреть, их чраг-и от них отходили и с наступившей безопасностью путей сами вступили в сделки с российскими фабриками и заводами, а роль собирателей местного сырья и

---

[1] *Перебивающих шерсть—6, кожевенников—9, ткачей бязи— 28. серебренников—12, кузнецов—25, медников—6, лудильщиков— 52 шорников—15. шапочников—24, портных—30. сапожников—44, перчаточников—4, плотников—4, седельников—10, делающих войлока—2, попоны—I, шнурки—2. ружейные замки—6, ружейные ложи—6, сабли и кинжалы—10. цирульников—3, хлебников—6, приготовляющих обувь в роде сандалий—2». См. ОРВК, т. III. с. 309.*

[2] *«Не без основания Закавказские провинции могут быть названы нашею колонией, которая должна приносить государству весьма важные выгоды произведениями южных климатов».- Записка графа Канкрина в апреле 1827 г. См. ОРВК. т. I. с. 12.*

[3] Մէսրոպ Թաղիադեան, ***Հանապարհորդութիւն ի Հայս, Կալկաթա***, *1848, с. 289-290.*

распределителей мануфактуры по деревням начала переходить к выделявшимся из крестьянской среды крупным хозяйствам. В этой роли в крайне редких случаях выступали отдельные члены дворянских семейств, а почти исключительно - сельчане, обеспечившие себя землею, рабочим и продуктивным скотом и обладавшие свободными денежными средствами. Сельское хозяйство рано стало специализироваться на производстве шелка, спирта, шерсти и ковровых изделий и переходить от потребительского производства к товарному, требовавшему все большего применения денежных средств.

Экономическому возвышению и обособлению слоя сельских богачей способствовало обеднение значительного большинства жителей деревни, вызванное малоземельем, все более обострявшимся с каждым десятилетием в результате быстрого роста населения, при сохранении старых форм агротехники, а также истощении почвы вследствие посева на одном и том же участке в продолжении ряда лет, раздроблении живого и мертвого инвентаря по мере разделения крупных патриархальных многопарных семейств на мелкие, по преимуществу однопарные, при замене потребления кустарных предметов потреблением фабричных изделий, при тяжелых условиях кредита и ряде других причин. Обедневшие крестьяне вынуждены были или искать источников пополнения своего бюджета сторонними заработками в больших городах, или ставить свое хозяйство в зависимость от экономически более сильных хозяйств, каковыми оказывались не только сколотившие на месте, у себя в деревне, кое- какой капитал, но и родственники односельчан, приобретших в промышленных центрах свободные денежные средства и перебрасывавших их в родное село на приобретение новых земель, на расширение площади тутовых насаждений и, в особенности, на предоставление их ростовщику. Ростовщик расчищал путь торговцу.

К концу XIX в. в карабахской деревне вполне отчетливо оформилось это новое расслоение на ростовщиков, скупщиков и торговцев, все более отходивших от чисто сельскохозяйственного труда и пользовавшихся в ведении своего сельского хозяйства трудом батраков или задолжавших им лиц - с одной стороны, и на земледельческие трудовые массы, находившееся в зависимости от них - с другой.

Во время нашего обследования в 1924 г. трудно было судить о различных степенях и формах этой зависимости в дореволюционной деревне, так как межнациональные столкновения и последовавшая гражданская война расстроили не только бедняцкие, но и зажиточные хозяйства, а земельная уравнительная реформа после установления советской власти успела еще более сгладить имущественное неравенство обоих слоев, тем более, чем при новом строе и распределение на месте товаров, и сбор излишков крестьянского производства для реализации на промышленном и потребительском рынке перешли от частных лиц к государственным организациям.

Однако есть основание утверждать, что лучшие пахотные участки, значительные площади тутовых насаждений, водяные мельницы (число их доходило до 300), торговые заведения, производившие операции как у себя в деревне, так и разъездом по небольшим поселениям а в определенные дни - на районных базарах, винокурение, собирание спирта, коконов, шерсти, ковровых изделий и т. д. успели уже сосредоточиться в зажиточных, реже - в середняцких руках.

Винокурение и шелководство не требуют участия большого капитала. Потребность в таком капитале остро сказывалась в шелкомотальном и шелкокрутильном деле, которые поэтому и перешли к крупным капиталистам, работавшим на российские фабрики. Эти собственники небольших шелкомотальных и шелкокрутильных фабрик не составляли особой, заметной группы среди городской буржуазии и тесно примыкали своими интересами к другим посредническим и торговым кругам Шуши, которые из мелких партий сырья, собранных по

деревням через местных торговцев и агентов, составляли крупные партии для переброски дальше в российские, а иногда и в заграничные промышленные центры, либо вели оптовую торговлю, снабжавшую сельских лавочников мануфактурой, нефтью, сахаром, чаем, посудой, металлическими и другими фабричными изделиями.

В продвижении товарного потока с местного карабахского рынка в большие потребительские центры на фабрики и заводы, в одном направлении, и с последних - на карабахский рынок, городская промышленная и торговая буржуазия работала рука об руку с сельской.

Когда сельский богач, доведший собственное состояние до определенного размера, находил пределы села тесными для применения приобретенного денежного накопления, он перекочевывал в город, прежде всего, в свой центр - Шуши или по соседству - в Елизаветполь.

Но и городской капиталист-предприниматель на известной ступени своего денежного накопления уже не оставался у себя в провинциальном городке и уходил в Баку и другие нефтяные центры, в Москву, в Закаспий, совершенно отрывая свой капитал от работы на родине и всецело сливаясь с местной буржуазией.

К началу первой мировой войны объединенная городская и сельская буржуазия, оттеснив окончательно местное дворянство и духовенство, являясь силой, решительно вмешивавшейся в направление и разрешение местных экономических и культурных вопросов. К этому времени наряду с этой посреднической торговой буржуазией на местных предприятиях не успели сложиться рабочие кадры. Разработка местных минеральных и металлических богатств (по преимуществу меди) и камней (для жерновов) все еще сохраняла кустарный характер. Единственными промышленными заведениями являлись мелкие шелкомотальные и шелкокрутильные фабрики (их было около 5 - 6 десятков).

Рабочие этих фабрик, вкрапленных отдельными мелкими точками в общий сельскохозяйственный фонд края, не успели обособиться и спаяться ввиду крайней разбросанности этих предприятий по местностям, плохо соединенным друг с другом путями сообщения, а с другой стороны, ввиду чисто сезонного характера самой работы, продолжавшейся в году около двух месяцев и не отрывавшей от основных, чисто крестьянских занятий, при которых она являлась источником подсобного заработка. Да и численно (число их в лучшие годы едва перекатывало за тысячу человек) они были не сильны, тем более что между ними более 90% составляли женщины, которые в условиях старого карабахского быта очень туго поддавались влиянию новой жизненной обстановки. В общественной жизни в годы гражданской войны и установления советской власти сыграли роль не столько рабочие этих местных фабрик, сколько те сельчане, которых поиски заработка кинули в Баку, Грозный и другие фабричные центры, откуда они возвращались с определенными прогрессивными настроениями.

Крайне ограниченным было число учебных заведений всех типов. В Нагорном Карабахе накануне гражданской войны оно не доходило до 50[1], причем средних было всего два: армянская семинария (с 1838 г.) и правительственное реальное училище (с 1881 г.). Это не удовлетворяло всей потребности молодежи в школах, и она направлялась не только в средние, но и низшие школы за пределы Карабаха - в Елизаветполь и в Баку, где большая часть устраивалась у родных, успевших там обосноваться на постоянной работе. Если некоторые из детей ремесленников и крестьян, окончивших низшую школу, возвращались к занятиям своих родителей, то этого нельзя сказать об окончивших среднюю школу или выходивших из ее старших классов: почти все они старались разместиться по разным правительственным учреждениям в частных городских предприятиях, либо избирали свободные профессии. Как из

[1] *В 1833 г. в Карабахской провинции было 7 школ, кроме мелких школьных групп при приходских священниках. См. ОРВК т. III, с. 280.*

дворян и духовенства, так и из среды городской и сельской буржуазии и ремесленников выходило немало лиц, получивших высшее образование. Едва ли какая иная армянская провинция поставляла такой большой контингент учащихся российским и заграничным университетам и высшим специальным учебным заведениям, как Карабах, и едва ли где в другой армянской провинции перепроизводство интеллигентных сил выявилось столь рано, как именно здесь. Не находя работы на родине, большинство этих врачей, юристов, архитекторов, инженеров, учителей рассеивалось по городам Закавказья, Закаспия и других частей России и получило в литературе прозвище «ноевых ворон», не возвратившихся назад на ковчег. Там они вовлекались в местную промышленную и культурную жизнь, поддерживая все же тесную связь друг с другом и со своими земляками - капиталистами-карабахцами, и нередко составляли (например, в Тифлисе) на новом месте жительства свою собственную «партию». Они уже почти никакого участия не принимали в направлении экономики и культуры родного края.

Оставшаяся на родине часть интеллигенции различного социального происхождения играла на протяжении всего последнего века самую активную роль в жизни края. Ей принадлежит почетное место в культурном развитии Закавказья вообще и закавказских армян в частности. Она отличалась редкой спаянностью, внутренней сосредоточенностью, своего рода «самостийностью» в борьбе с нарождающейся буржуазией. Благодаря близости Баку с его развитым рабочим движением, в шушинской интеллигентной молодежи очень рано находили отклики революционные идеи, и потому Октябрьская революция застала в Нагорном Карабахе большое количество интеллигентных сил - обстоятельство, облегчившее выполнение задач советского строительства.

Таким образом, со времени установления русской власти за одно столетие в Нагорном Карабахе произошли коренные изменения как во всей экономической структуре, так и во всех социальных взаимоотношениях. Вполне понятно, что вместе с этим и в быту местного населения быстро утрачивались и те характерные особенности, которые до того традиционно и свято сохранялись из века в век, из поколения в поколение как яркие остатки давно пережитых предыдущих ступеней общественного развития. Видоизменялись формы поселений и жилищ, их внутренней обстановки, одежды, домашней мебели, видоизменялись отношения членов семьи и общества, все миропонимание.

Армяне и соседи. Перемещение общественных сил, происшедшее в армянском населении Нагорного Карабаха за сто лет русского владычества, отразилось и на взаимоотношениях армян и их соседей - татар (как официально называли тюрок-азербайджанцев до революции). Со времени оседания турко-монгольских племен на Закавказской территории в образовавшихся здесь государствах проводилась политика, мало способствовавшая сближению двух частей населения - старой, местной и новой, пришлой, отличных друг от друга как по хозяйственным навыкам и общественному развитию, так и по культурным запросам. Экономическая и общественно-бытовая рознь усугублялась принадлежностью той и другой этнической группы к различным, взаимно враждебным религиозным системам. Даже в новоперсидском, Сефевидском государстве, где шло некоторое возрождение староиранских традиций, не были созданы условия, сглаживавшие обособленность мусульманской и христианской частей населения и их юридическое и общественное неравенство. Различие в положении той и другой достаточно остро выявлялось и в карабахском ханстве накануне его упразднения.

Влиянием на политические дела и внутреннее управление пользовались почти исключительно агалары, мелкие ханы, беки и всякие дворяне разных наименований из татар. Только некоторые из них являлись, как и мелики, правителями отдельных *магал-ов* и других территориальных подразделений. Многие же, по существу, были племенными начальниками более или менее крупных полукочевых скотоводческих обществ, группировавшихся по действительному или предполагаемому племенному родству, муллы и другие довольно

многочисленные представители мусульманского духовенства поддерживали в массах слепое подчинение авторитету агаларов и беков. Суд являлся прерогативой духовенства и руководствовался духовным законодательством - *шариат-ом*. Явление, отмечаемое в 1833 г. авторами «Обозрения российских владений за Кавказом» в Казахской и Шамшадинской дистанциях, а именно, что татары владеют лучшими и обширнейшими землями; армяне же живут по большей части в горах, которые пахотными местами не изобилуют[1], было характерно и для распределения земли в Нагорном Карабахе: весь низменный, равнинный, богатый оросительными средствами район был занят татарским населением; армяне сохраняли земли в гористой части, составившей нынешнюю автономную область - Нагорный Карабах.

Русское управление вносило принципиально юридическое равноправие между разными народностями Закавказья и в общем осуществляло его.

Агалары, беки, ханы, мелики довольно скоро лишились многих общественных прав и феодальных привилегий. Сокращалось вмешательство мусульманского духовенства в разрешение судебных тяжб. Проводился учет скота, уточнялись границы пахотных и обширных пастбищных участков. Принимались меры к предупреждению потрав при следовании скота с зимних пастбищ на низменностях на летние, в горах и обратно. Все эти мероприятия ущемляли привилегии дворянства и духовенства и ограничивали былую свободу полукочевого скотоводства. Татарские дворяне, духовенство и скотоводы нелегко мирились с новыми порядками, в установлении которых они винили соседей-армян.

Еще при Петре I карабахские мелики и католикос готовили военные силы для открытого присоединения к русским войскам, которых они ждали на прикуринской низменности по занятии Петром западного побережья Каспийского моря. Эта попытка признать над собою власть русского императора была повторена спустя полстолетие, при Екатерине II, когда некоторые мелики в Гандзасарском монастыре подписали присягу на верность ей. Управлявший тогда ханством сын Панах хана-Ибрагим отравил Гандзасарского католикоса Ованеса (1787 г.) и предал разграблению владения изменивших меликов. Но, видимо, учитывая эти настроения армянских правителей и высшего духовенства, Ибрагим хан сам поспешил заключить Куракчайский мир 1805 г. и признать себя данником России. При вторжении персидских войск через Карабах под начальством шахского наследника Абаса Мирзы (1826 г.) шушинские армяне всячески помогали немногочисленному русскому гарнизону Шуши в оказании упорного сопротивления. Город устоял и не был взят[2].

Эта приверженность армян к русским не могла не возбуждать против них те слои татарского общества, которые при ханском управлении являлись господствующими и правящими.

При дальнейшем переустройстве хозяйственных отношений с переходом от потребительского производства к торговому, выгоды нового положения широко использовали как в центральном (Тифлис), так и восточном Закавказье армянские скупщики, торговцы и промышленники. Сельские и городские богачи Нагорного Карабаха распространяли свои эксплуататорские операции не только среди армянского, но и среди татарского населения, не только на предгорьях, но и далеко на низменности, где вступали в конкуренцию с нарождавшейся местной, татарской буржуазией в деле закабаления земледельческих и скотоводческих хозяйств. Там и сям земельные участки татарских беков стали переходить в руки армянской денежной буржуазии. С каждым десятилетием нарастало враждебное настроение татарских землевладельцев, а с ними и сельских кулаков к армянам богачам, усиливаемое развернутой конкуренцией татарского и армянского капитала в бакинской нефтяной промышленности.

---

[1] *ОРВК, т. II, с. 225, 258.*

[2] *Огромную помощь русским войскам оказали сыновья Юзбаши (сотника) Арутюна Атабекяна Мелик-Вани и Акоп Юзбаши. См. В. Потто. Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества. Тифлис. 1902. с. 58-68 (прим. ред.).*

Закавказская высшая власть уже со второй половины XIX в. стала пользоваться этими настроениями для отвлечения трудящихся масс закавказских народностей от совместного выступления против царского самодержавия и от проводимой им политики русификации края и покровительства российскому капиталу. С одобрения и при поддержке центрального правительства местной властью эти враждебные межнациональные настроения не только не сдерживались, но всячески разжигались. Армянофобская политика была доведена до крайних пределов разнузданности в начале XX в. и привела в 1905 г. к кровавым столкновениям, стоившим многих жизней и уничтожившим множество хозяйств.

Вооруженные столкновения распространились и по Карабаху: в г. Шуши были разгромлены и частично преданы огню торговые и ремесленные ряды, отделявшие татарскую часть от армянской.

Во время мировой войны внимание всех слоев закавказских народностей было отвлечено событиями на фронте. Но когда после февральской революции российские войска стали покидать военную линию и уходить из Закавказья, беки и муллы воспользовались этим, чтобы вооружить их оружием крестьянские массы. Во многих пунктах железнодорожного пути из быстро вырытых траншей выскакивали вооруженные люди и останавливали воинские поезда, требуя сдачи оружия. На этой почве разыгрались кровавые столкновения у станции Шамхор, где эшелоны отказались исполнить требования задерживавших их проезд толпищ и прибегли к вооруженному сопротивлению. Из пушек и пулеметов было разнесено несколько сельских поселений вдоль пути. Ясно было, что власть в Закавказье расшатывается, что темные силы подымают головы. При подобных условиях, как во всем крае, так и в особенности в Нагорном Карабахе, где Шуши оказалась совершенно отрезанной от железнодорожной станции Евлах, стали опасаться возможности возобновления событий 1905 г. В г. Шуши власть перешла к национальным комитетам - армянскому и татарскому, и, сверх того, межнациональному. Подобные комитеты возникли и по сельским округам. Задачей их было принять все меры к предупреждению каких-либо национальных трений. Действительно, комитетам удалось поддержать порядок и межнациональный мир до конца 1918 г., когда турки, заняв Баку и укрепив там власть мусаватистов, предъявили к Шуши ультимативное требование впустить в город турецкие войска. После короткого колебания руководящая армянская группа вступила с турецким командованием в соглашение, и 30 сентября несколько турецких рот были впущены в Шуши. Турки потребовали выдачи оружия, значительная часть армянской интеллигенции была арестована. Пробыв один месяц, турецкие части, в связи с заключением Версальского договора, должны были уйти из Карабаха и вообще из Азербайджана. В Баку вступили английские войска. Мусаватистское правительство по согласованию с англичанами направило в Шуши генерал-губернатором доктора Хосров-бека Султанова, но власть его признана была только татарской частью города; армянское же население отказалось подчиняться его распоряжениям. Чтобы устрашить армянское население, им 8-10 июня 1919 г. быт организован с согласия и при попустительстве англичан погром в армянском селении Кайраликенте, под самой Шуши. Вскоре затем азербайджанскими ротами были заняты казармы в армянской части.

Между тем в деревнях действовали армянские вооруженные отряды. Получив поддержку людьми и боеприпасами из Еревана от Армянской Республики сельские комитеты подготовляли восстание в целях воссоединения Карабаха с Арменией. Вооруженный отряд проник в Шуши и глубокой ночью на 20-ое марта 1920 г. набросился на казармы, чтобы разоружить азербайджанскую роту. Здесь он встретил упорное сопротивление. Взбудораженные выстрелами жители татарской части города поторопились на помощь осаждаемым. Начались погромы и поджоги армянских кварталов. Кто мог, спасался с семьей, бросив весь домашний скарб, бежали к скалам, чтобы по крутым тропам спуститься в глубокие ущелья и оттуда пробираться

в Варанду. Туман скрывал их бегство. В эту ужасную ночь от огня и оружия погибло несколько тысяч человек. Одновременно армянскими отрядами были окружены казармы и в Ханкенды, но азербайджанской роте удалось прорвать их кольцо; при отступлении по Гаргарской долине ею было разгромлено несколько армянских деревень, подобные же столкновения вспыхнули и в долине р. Хачен.

Спустя месяц, 28 апреля 1920 г., бакинскими рабочими при содействии Красной Армии была провозглашена Советская власть в Баку, 20 мая Красная Армия вступила в Шуши, установив там тоже советскую власть.

Глава II
Город и село
Шуши

За время русского владычества лишь одно поселение в Нагорном Карабахе превратилось в город - крепость: это Шуши. Но это был город особого типа. Одновременно на южном конце стала разворачиваться штаб-квартира Гадрут (в селении Ванк[1]), где успели образоваться довольно обширные торговые и ремесленные ряды, обслуживавшие нужды не только расквартированных здесь воинских частей, но и всего, довольно густонаселенного Дизакского района[2]. Однако накануне революции Гадрут представлял собою не городское поселение, а скорее большую деревню, где главным занятием жителей оставались садоводство и хлебопашество.

Шуши и до сих пор остается для жителей тем, чем она была при своем основании – крепостью - кала, и шушинцы иначе себя не называют, как *кылици* -жители крепости. И русская власть в своем утверждении в Нагорном Карабахе использовала это поселение, прежде всего, именно как стратегический пункт и превратила его в штаб-квартиру. Однако ж, развитие Шуши обусловлено было другими обстоятельствами, так как штаб-квартира была перенесена в с. Ханкенди (под Шуши), где были более благоприятные климатические условия. Шуши превращается в центр обширного уезда с соответствующими административными, судебными и другими учреждениями. Сюда перешло и центральное управление армянской епархии.

Не без основания некоторые старики из карабахцев, ссылаясь на слова своих отцов, утверждают, что на плато, где были заложены джеванширцем Панах-ханом крепостные сооружения, уже до того существовал поселок с ремесленными мастерскими и торговыми лавками. Экономической базой этого поселка служило нахождение его на главном пути продвижения скотоводов с прикаспийских низменностей на карабахские альпийские пастбища, на том месте, где поднимавшиеся вверх скотоводы без особого труда, не затрачивая много времени на переезды, могли обменять продукты скотоводства: сыр, масло, шерсть, пряжу на нужные им предметы ремесленного производства: люльки, сундуки, лопатки, чесалки, папахи, гребешки, местную шаль, подковы, гвозди и всякие металлические мелочи, подчас на привозной сахар и пряности, починить свои арбы, седла и т. д.[3] Это экономическое значение сохраняется за Шуши и теперь, после сожжения города во время армяно-татарских столкновений, несмотря на перенесение административного центра в Степанакерт (с. Ханкенди). И теперь в здешних лавках и мастерских происходит живой товарообмен мануфактуры и обработанных готовых предметов - с одной стороны, на продукты хозяйственного производства кочевников - с другой.

Через Шуши пролегает кратчайший путь из Шамахи в Тавриз, перерезая Карабахский хребет. Образование в середине XVIII в. Карабахского ханства с центром - укрепленной резиденцией по середине этого пути, у самого удобного перевала Ттуджур и с границами, доходившими на севере до переправ на Куре, а на юге - до переправ на Араксе, означало обеспечение безопасного продвижения торговых караванов между Шамахи и Тавризом. Шамахи была исходным пунктом для товаров, шедших из России и через Россию, Тавриз же - основным складом для товаров персидских, европейских (поступающих через Трапизон (Трапезунд), Карин (Эрзерум), Ереван и Нахичеван и, наконец, индийских, проникавших через гавани на Персидском заливе. В Шуши предпочла переселиться, почти тотчас по утверждении

---

[1] *Не путать с. одноименным с. Ванк Мардакертского р-на у подножия Гандзасарского монастыря (прим. ред.).*
[2] *См.* Давидбеков И. ***Село Гадрут****... с. 153 -192.*
[3] *До последнего времени таким пунктом для скотоводов, подымавшихся на пастбища у верховьев рек Тартар и Хачен, служило по хаченскому пути селение Ванк у подножья Гандзасарской горы. Здесь летом по обеим сторонам дорог открывались торговые лавки и мастерские для обслуживания кочевников. Раньше пункт лежал ниже, у села Вачарк (Базаркент), отсюда получил свое название - торжища, где во времена Гасана-Джалаляна был торговый город.*

здесь Панах-хана, часть жителей Агулиса, связанного торговыми интересами с Тавризом, и основала в ней свой квартал, до последнего времени называвшийся-Агулецоц (Агулисским). В «Описании Карабахской провинции» 1823 г. упоминается особый квартал Казанчалу (Казанчецоц)[1], т. е. переселенцев из с. Казанчи, лежащего у истоков р. Алиджа в пределах нынешней Нахичеванской АССР. Это были опытные мастера по выделке медной посуды (откуда и село получило свое название: казан означает котел), но вместе с тем и смелые отважные торговцы, перебрасывавшие товары между джульфинской переправой[2] на Араксе и нижнекуринскими районами (особенно нахичеванскую каменную соль, предпочитаемую скотоводами). Агулисцы и казанчинцы[3] принесли в Шуши и свой ремесленный опыт, и свои торговые навыки, приняв живое участие в местном товарообмене и в транзитной торговле.

В том же «Описании» третьим кварталом Шуши в 1823 г. значили Тавризли т. е. Тавризцев (Тавризцецоц), заселенный исключительно мусульманами: название указывает как на самое происхождение жителей этого квартала, так и на их тесную связь с Тавризом[4].

После бегства Мехти-кули хана и упразднения ханской власти, Шуши при русском управлении превратилась в центр обширного уезда с соответствующими административными, судебными и другими учреждениями. Вместе с этим в 20-х гг. все еще до того высоко стояло экономическое значение этого города в восточном Закавказье, что члены «Базельского евангелического общества», исходатайствовавшего в Петербурге разрешение на распространение христианства на Кавказе среди язычников, мусульман и евреев и Библии среди христианского населения, избрали центром своей деятельности именно Шуши, где в 1823г. они приступили к постройке здания для типографии и школы: в последнюю, по ее открытии в 1827 г., было принято до 130 учащихся, почти исключительно детей несостоятельных армянских семейств. В их типографии печатались книги не на древнеармянском литературном языке, а на новом, основанном на живых говорах, поэтому общепонятном:язык этот тогда только что формировался. Так как работа миссионеров не ограничивалась только общепросветительной областью, но и имела в виду насаждение протестантского учения, и то не среди мусульман, евреев и язычников, а в первую очередь - среди армян, то она вызвала враждебное отношение к себе среди армянского духовенства. По настойчивому ходатайству Эчмиадзинского католикоса, поддержанного высшей кавказской властью (стоявшей на той точке зрения, что насаждение христианства на Кавказе, как и обращение из одного христианского вероисповедания в другое должно быть привилегией православного духовенства), кабинет министров запретил базельским миссионерам как преподавательскую деятельность в Закавказье, так и печатание книг (1831г.)[5]. Миссионеры должны были оставить Шуши[6], но начатое ими школьное дело дало толчок к основанию здесь правительственного уездного училища, а в 1838 г. Армянской духовной семинарии - первого полного среднеучебного заведения. Семинария была единственным среднеучебным заведением Нагорного Карабаха до 1881 г., когда было открыто реальное училище. Во второй половине XIX в. возникли женские неполные средние школы: одна –

---

[1] См. Описание Карабахской провинция, Тифлис, 1823 г.

[2] У этой переправы находился до 1603 г. богатый армянский г. Джуга (Джульфа), который в том году был разрушен Шахом Аббасом I, а жители переселены в Испагань, где на другом берегу реки они основали обособленный г. Нор Джуга (Новую Джульфу), продолжая поддерживать старые торговые связи с Индией, персидскими портами и европейскими рынками

[3] Каждое из этих обществ по принципу землячества жило вокруг своего храма, и, по всем основаниям, управлялась своей квартальной организацией до установления русского городского строя. Следует отметить, что к началу XIX в. они утратили свои родные диалекты и говорили на местном наречии.

[4] Впоследствии возник и четвертый квартал—Мегрецоц - Мегринцев - со своим земляческим храмом: это были переселенцы из Мегри - торгового пункта на ответвлении того же транзитного пути у переправы на р. Аракс к долине ее правого притока - р. Дизак. Они переселились уже после 1822 г.

[5] См. Акты, собранные Кавказской археологической комиссией, Тифлис, т. VII, с. 308; т. VIII, с. 316.

[6] Однако их пропаганда не прошла бесследно: в Шуши и Шамахи возникли протестантские общины. В Шуши они жили в своем околотке Лемциадзор (Лемцидара), т. е. «Немецком ущелье» у своего молитвенного дома.

ведомства армянского духовенства - в 1864 г., другая - правительственная. Таким образом, Шуши становилась и значительным культурным центром закавказских армян[1].

Вскоре после присоединения Ереванского и Нахичеванского ханств к России по Туркменчайскому договору 1828 г. персидская граница была закрыта для транзитной торговли. Это нанесло огромный удар шушинской торговле, но она сумела быстро оправиться, расширив свою роль посредника между российскими фабриками и местным сельскохозяйственным производством. Это благоприятствовало тому, что Шуши не дошла до того крайнего ограничения торговых оборотов, до которого быстро, в течение одного десятилетия, дошли Ереван и Нахичеван, где путешественники уже к концу 30-х гг. застали пустующими и приходящими в ветхость обширные караван-сараи и склады, до русского владычества снабжавшие центральное и восточное Закавказье привозными товарами.

Нефедьев, посетивший по служебным делам в 1837 г. вновь присоединенные области, жалуется, что русские товары очень туго проникают сюда и российская промышленность не заинтересовывается новым рынком[2]. Совсем иное было в Нагорном Карабахе. Составители «Описания» 1833 г. считают необходимым подчеркнуть, что в Шуши многие из жителей занимаются торговлей: одних только торгующих красным товаром было 94, лекарствами и красками -30. Меж тем, как Ереван и Нахичеван превращались все более в большие села, строящие свое благосостояние на садоводстве и виноградарстве, с отмирающим ремесленным производством и незначительными торговыми операциями, в Шуши ремесла и торговля продолжали оставаться единственными источниками дохода; ее жители почти не имели ни садов и виноградников, ни пахотной земли. К 1934 г. население к ней возросло до 25 тысяч с 7 тысяч в 1823 г.[3]. На территории Закавказской Армении она была единственным поселением чисто городского типа, оторвавшимся совершенно от сельскохозяйственных занятий.

Сосредоточение в Шуши правительственных учреждений и школ послужило новым стимулом к развитию в ней торговли и промышленности. Шушинские торговцы, пользовавшиеся большим кредитом у фабричных складов в Москве, Баку и в др. местах не без содействия родственных и других связей с банковскими и биржевыми деятелями, развернули в своем городе обширную оптовую и розничную торговлю, связавшись с сетью мелких частноторговых пунктов не только Шушинского и Джеванширского, но и Зангезурского, даже Елизаветпольского уездов. В Шуши же сконцентрировались главные агентуры по скупке местного сырья и переотправке его на российские заводы и фабрики.

Эта связь со столицей и промышленными центрами поддерживалась еще и специфическими условиями, а именно тем, что Шуши, благодаря своему здоровому, горному климату обратилась в излюбленное дачное место для всех карабахцев, обосновавшихся не так давно на постоянное жительство в отдаленных городах и успевших сколотить себе там хоть кое-какое состояние. В этих выселенцах, которых воспоминания детства и еще свежие семейные традиции тесно связывали с родным краем, поддерживался своего рода местный провинциальный патриотизм, который неудержимо влек их в родные нагорья. Редко кто из этих материально себя несколько обеспечивших карабахцев не считал своим долгом возвести в деревне, а чаще всего в Шуши, прочный, уютный, хорошо обставленный особняк, иногда с довольно обширным садом, чтобы или самому с семьей, или, по крайней мере, только семье

---

[1] Լեռ, *Պատմութիւն Ղարաբաղի Հայոց թեմական դպրոցի*, *с. 84 – 97.*

[2] Нефедьев И. ***Взгляд на армянскую область***. *СПб. 1839, с. 50 и сл. Лишь с 80-х гг. после повышения пошлин на заграничный хлопок, русская фабрика стала содействовать расширению площади хлопковых посевов на Араратской равнине. К этому же времени на месте возникли коньячные и консервные заводы.*

[3] *По «Описанию Карабахской провинции» Могилевского и Ермолова 2-го - 1592 семейства. По «Описанию» 1833 г. было 5079 душ мужского пола, т, е. около 10 тысяч жителей обоего пола (См. т. Ш, с. 308). В Ереване до 1880 г. почти совершенно не отмечается рост населения (в 1828 г.- 11430, в 1886 г.—14420 душ), несмотря на то что он был превращен в административный центр обширной губернии. Лишь с этого года с развитием вывоза хлопка, коньяка и консервов население начало возрастать и к 1914 г. достигло 29766 душ; то же и в Нахичевани, где в 1828 г. было 5470 чел. а в 1914-10246.*

отправляться летом на дачу. Этот наезд дачников, усилившийся с проведением бакинского участка закавказской железной дороги и с проложением шоссе от ст. Евлах на Шуши, оживлял в летние месяцы Шуши и даже весь Карабах. К этому «слету» Шуши - Евлахский почтовый перегон усиленно готовился, увеличивая свои перевозочные средства; сюда перекидывались и частные фаэтоны, и фургоны из Тартара, Елизаветполя и даже Баку. Жизнь в Шуши получала отпечаток массового веселья, которое широкой волной разливалось по бульвару, общественному саду, на скалах над обрывами в городе и перекидывалось далеко по окрестностям в форме пикников у Пехи - Ахпур (родники с. Каринтак), у источников Ттуджур, хождения на богомолье у Сарибекской святыни и кавалькад к ближайшим селениям. Вся эта масса отдыхающего, гуляющего и веселящегося люда вызывала на месте повышенное потребление продуктов и мануфактуры. Этот летний «слет» карабахцев оставлял в Шуши и ее окрестностях довольно большие денежные средства, живительно действуя на местную экономику. Ими, между прочим, и поддерживался в эмигрантах некоторый интерес к вопросам местной жизни, который они сохраняли и по отлету назад, на места своей постоянной работы[1].

Влияние приезжих дачников на культурный облик Нагорного Карабаха в смысле внесения новых бытовых форм было достаточно велико. Конечно, двух, а иногда и трехэтажные городские дома, костюмы дачников, свободные взаимоотношения мужчин и женщин в этой среде, распеваемые ими песни и наигрываемые мотивы, их художественные вкусы, забавы и т. п. не могли не внести переворота во внешнюю обстановку и быт коренных жителей не только «Крепости», но и ближайших окрестных селений и, безусловно, способствовали исчезновению здесь многих стародавних обычаев и традиционных верований. С другой стороны - большой слет учащейся молодежи, в особенности университетской, освежил местную интеллигенцию притоком новых идей. Дачники в летние месяцы придавали Шуши вид большого города, которого не имели более многолюдные города Южного Закавказья - Ереван и Александраполь.

Село и отхожие промыслы. Впрочем, на быт деревни влияла городская жизнь помимо Шуши и других городов, лежащих вне пределов Нагорного Карабаха, в первую очередь Баку и Грозного. Проводниками этого влияния явились крестьяне, уходившие в большие города на заработки. Передвижения их имели иной характер, чем передвижения групп дачников. Там дом, семейный очаг перенесен за пределы Нагорного Карабаха, здесь он еще органически связан с местной хозяйственной и общественной жизнью. Там городские впечатления идут от буржуазной среды, тут они накапливаются от трудящихся слоев городского фабричного населения.

Ряд сложных причин заставлял карабахского крестьянина уходить на более или менее продолжительное время из деревни. Среди этих причин чуть ли не первое место следует отвести малоземелью, при истощении почвы вызывавшему необходимость применения большого капитала в целях увеличения удобрительных и оросительных средств. Эти неблагоприятные условия резче были выражены в южной половине Нагорного Карабаха, где население в редкие годы не бывало вынуждено прибегать к побочному заработку.

Один вид отхожих промыслов, по-видимому, очень древнего происхождения; это отход крестьянской рабочей силы на низменный Карабах и в Муханскую степь на время пахоты полей и особенно, уборки урожая[2]. Еще до установления русского владычества большинство земледельческих работ на этих низменностях выполнялось руками нагорных жителей, которым позднее наступление весны в возвышенных районах издавна давало возможность спускаться на низменности до начала полевых работ у себя. Русское владычество, ускорив процесс перехода

---

[1] *В настоящее время после революции этот наезд дачников сократился до минимальных размеров, потому что с разрушением большей части Шуши там нет уже соответствующих жилищных удобств. Новый административный центр Степанакерт имеет все благоприятные условия для превращения в дачное место и даже в зимний курорт, отличаясь замечательно ровным климатом во все времена года и будучи свободен от тех густых туманов, чадрой которых так часто окутывается Шуши.*

[2] *Нормы натуральной оплаты за эти работы были твердо установлены обычаем и держались до последнего времени.*

степного населения от скотоводства к земледелию, способствовало расширению пахотной площади на низменностях и тем самым увеличило спрос на рабочие руки. При таких условиях уход нагорных карабахцев в степи к сезонным срочным полевым работам стал явлением постоянного характера. Такое положение будет сохраняться тем дольше, чем большая площадь, по мере расширения сети оросительных канав на низменностях будет отводиться под интенсивную культуру, Однако, вследствие еще крайней отсталости хозяйственных и общественных форм жизни тюркского населения, несмотря на быстрый темп общего развития всех сторон его культуры, армянская деревня и в первые годы установления советской власти продолжала получать с низменностей, через возвращающихся с работ крестьян, мало стимулов к изменению своих бытовых особенностей. В этом отношении гораздо более решительная революционизирующая роль принадлежит отходу второго вида - отходу на работы в большие города, приводившего к непосредственному соприкосновению с жизнью городского пролетариата и к более или менее продолжительному пребыванию среди заводских и фабричных рабочих.

Отход в города возобновился только по утверждению советской власти, в особенности же после образования Закавказской Федерации, объединившей край в одну хозяйственную и культурную единицу. Так, к концу лета 1921 г. в Сосе, Чартаре, Нинги и других деревнях имел место усиленный спрос на личные книжки для выезда в Баку и другие города. Ожидалось, что, например, в Нинги, где урожай в тот год был очень плох, все мужское население зимой будет отсутствовать. Отходили не одиночками, а целыми группами, так как обыкновенно деревня поставляла рабочих той же категории[1] и на месте легче было найти работу артелью и жить в общих помещениях. Пребывание в городах не всегда продолжалось одну зиму, до нового сезона полевых работ. Те, которые устраивались там не на заводах, фабриках или строительных работах, а в учреждениях, конторах, магазинах и в частном услужении и обеспечивали себя хорошим местом, оставались подолгу и, постепенно свыкаясь с условиями новой жизни, нередко стремились совершенно обосноваться там и, если возвращались на родину, то только потому, чтобы повидать родных или жениться. Часто женитьба являлась причиной, заставлявшей выделиться из семьи и оставаться в деревне для ведения своего самостоятельного хозяйства. Большая же часть, особенно уходившие в Баку и другие ближайшие города, с весной обычно торопились домой к началу полевых работ; во всяком случае, из братьев, ведущих совместное хозяйство, один непременно возвращался. Бывали случаи, когда отходившие считали для себя более выгодным не бросать занятий в городе, а в деревне полевые работы выполнять наемными руками на половинных или иных арендных началах.

К сожалению, не имеется учета, кто, как часто и как долго удалялся в города на отхожие промыслы, где, кто и как устраивался и каковы были размеры заработка. Судя по данным опроса, в общей сложности это пребывание в городе бывало довольно продолжительным и захватывало молодой возраст мужского населения, особенно восприимчивый ко всяким внешним воздействиям.

Отходящие в города крестьяне вносили в карабахскую деревню городские привычки.

Прежде всего, перемена сказывалась во внешней бытовой стороне. В тех районах, где особенно распространен был отход, в Дизаке и Варанде, отчасти в нижнем Хачене, деревни уже изменяли свой внешний облик: в одежде, мебели, домашней утвари замечались русские новшества, в развлечениях ясно выступали городские вкусы. И в этой-то части области ярче наблюдалось разрушение старого миропонимания. Однако, в хозяйственной жизни это влияние почти совершенно не отражалось: ни хлебопашество, ни садоводство, ни скотоводство, ни молочное хозяйство не усваивал и новых форм. И это вполне понятно: в городе отходящие

[1] *Гадрут и Тахлар поставляют каменщиков, Норашен - литейщиков, Туми и Мухренес - плотников и т. д.*

устраивались исключительно в торгово-промышленных или чисто городских предприятиях и поэтому вовсе не обогащали своего сельскохозяйственного опыта.

Нарождение новых поселений городского типа. С пожаром Шуши значение местной городской жизни для создания нового быта доведено было до крайне ничтожных пределов. Новый административный центр - Степанакерт (в 1927 г. - около трех тыс. жителей) только что обустраивается и имеет вид довольно большого, опрятного поселка. Но у него пока нет своей экономической базы, хотя бы такой, которая все еще сохраняется за Шуши: эта база может создаться тогда, когда главная артерия, соединяющая низменности с карабахскими пастбищами, будет перекинута с Шуши на Степанакерт и тяжелый подъем по шоссе в верхний Шуши будет заменен новым, более легким, через Степанакерт.

А пока, при существующих путях сообщения и новых условиях быстрого развития производительных сил низменных равнин, намечается возникновение новых торгово-промышленных центров вместо Шуши, население которой с 27 тыс. (в 1902 г.) пало до 5 тыс. и вызывает тенденцию к дальнейшему сокращению. Они нарождаются на периферии Карабахского нагорья, у выходов речных долин к низменности, некоторые из них лежат в пределах Нагорного Карабаха, другие же, играющие более значительную роль вне этих пределов, иногда всего в нескольких километрах.

К первым относятся с. Мардакерт в Джрабердском районе, при выходе на Карабахскую низменность р. Ованнанист (Охан-Ятаги), объединяющей мягкими перевалами бассейны р. Тартар и Хачен, и с. Хонашен[1] в Варанде, при выходе р. Хон на Муханскую степь. Оба эти пункта уже превратились в районные центры.

Ко вторым относятся с. Тартар, на речке того же имени, у ее выхода на степь, далее - Агдам, самый населенный и крупный пункт, находящийся на том месте, где спускаются на низменность р. Гаргар со своими притоками и мелкие речки с Варазабунского угла Варанды, орошая поля и сады густонаселенного района, наконец, с. Карягино[2] у конца р. Куры, на самом краю Муханской степи. Агдам перетягивает к себе всю торгово-промышленную жизнь Шуши, а Карягино, давно оттеснившее Джебраил, бывший центр уезда того же имени - всю торгово-промышленную жизнь Дизакского района, где Гадрут уже потерял значение главного рынка.

Из Агдама и Карягина в годы нэпа вывозилась мануфактура и др. товары в Нагорье - их торговцы господствовали не только на еженедельных ярмарках, устраиваемых в Нагорном Карабахе, здесь и там в определенные дни (например, в с. Тох - по пятницам), но и на Шушинском рынке, где главные частные лавки принадлежали тюркскому капиталу, базирующемуся на Агдам. Этот крайне характерный процесс образования городов и поселений городского типа на периферии, там, где нагорье соприкасается со степью, естественно объясняется самим направлением гор и речных долин, где реки прорезали естественные пути сообщения. Долины эти облегчают движение снизу вверх и сверху вниз, а разделяющие их горные цепи мешают своими крутыми перевалами поперечному сообщению, переходу из одной долины непосредственно в другую. Существующие в Нагорном Карабахе удобные колесные пути из Степанакерта в Варанду, Дизак или Джраберд ведут из этого административного центра области сначала вниз, по направлению к Агдаму, а затем по самому краю степей, вдоль подошвы нагорья на юг - к Хонашену или (через Карягино) к Гадруту и Тахлару и на север - к Мардакерту. С экономическим оживлением степей и все большим переходом степного населения к преимущественно оседлой форме хозяйства эти новые торгово-промышленные центры будут оказывать громадное влияние не только на хозяйственную, но и на бытовую жизнь

[1] *Современный райцентр Мартуни (прим. ред.).*
[2] *Названо в честь героя Кавказской войны русского полковника Павла Михайловича Карягина. Впоследствии переименовано в с. Физули (прим. ред.).*

Нагорного Карабаха. Здесь всесторонне будет происходить скрещивание двух культур - армянской и тюркской, нагорной и степной.

Поселения и дома

Села. Село - *шен* является преобладающим типом поселения в Нагорном Карабахе[1]. Оно обыкновенно жмется к возвышенным склонам долин и ущелий, ближе к отвесным скалам, под самыми вершинами гор, которые когда-то служили естественными укрепленными местами во время опасности. Эти торчащие, обрывистые скалы носят здесь специальное название *кэрц*. Кроме удобств обороны, и другое обстоятельство влекло население селиться под самые скалы - близость родников, пробивающихся здесь из-под камней.

Дома разбросаны неправильными массами, без какой-либо планировки, но с ясными следами старой группировки по родам.

Когда-то каждый ревниво держался своего родового квартала, но разраставшийся род не умещался уже в тесных квартальных рамках и члены его подыскивали свободные участки, в большинстве случаев, у окраины села, где селились, не считаясь уже с родственными связями, но все же не слишком отходили от самого поселения. Характерно, что зажиточный крестьянин редко уходил за сельскую черту и там обособлялся на просторе, а предпочитал обстраиваться в своем родовом квартале, расширяя свою домовую площадь и двор за счет соседей, всячески стараясь вынудить их к уступке ему своих участков. Этим облегчалось его непосредственное влияние на родственников, а, с другой стороны, и поддержка последних в его соперничестве с другими зажиточными семьями.

В деревне кривые улицы, подымаясь вверх, часто превращаются в лестницы, грубо сложенные из едва обтесанных камней. Часто крыша одного дома служит двором и улицей для другого, построенного несколько выше. Весь сор, а часто и навоз прямо выкатывается на улицу, где уединенные уголки служат местом отправления естественных надобностей. Все эти отбросы когда-то уносились лишь ливневыми потоками, после которых воздух освобождался от зловония. Теперь по деревням установлен уже надзор за содержанием улиц и двора в чистоте.

Дома. Старой формой домов повсеместно является *глхатун карадам*, врезывающийся задней стеной в землю. Это - каменное здание правильного квадратного плана с потолком из толстых дубовых бревен горизонтальной кладки, поддерживаемых четырьмя толстыми вертикальными свободно стоящими столбами на каменных базах. Бревна потолка перекидываются горизонтально в определенном, точно воспроизводимом везде традиционном порядке постепенно суживающимися квадратами[2], доходя до квадратного же оконного отверстия в потолке, служащего одновременно и дымовой трубой. Единственная дверь выходит на крытый балкон, где семья проводит все летние месяцы. И дом, и балкон покрыты общей земляной крышей. Тип таких домов был общераспространенным и повторялся даже в меликских дворцах - *амарат-ах*. Эти помещения, почерневшие, от сажи костров, разводимых посреди комнаты, под оконным отверстием потолка, служившем и дымовой трубой, в Хачене, Варанде и Дизаке уже забрасываются, либо же то здесь, то там служат жилищами для бедняков и осиротевших семей. Используют их также в качестве амбара, хлева или для других хозяйственных нужд, но чаще всего они сносятся, чтобы уступить место новым, надземным постройкам, с окнами в боковых стенах и двускатной крышей. *Карадамы* сохранились более в северных районах, в особенности

---

[1] *Села Нагорного Карабаха в большинстве случаев имеют два названия - армянское и тюркское. На картах Кавказского Военного штаба предпочтение дано тюркским названиям.*

[2] *См. мою статью «К изучению армянских крестьянских жилищ. Карабахский карадам». Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе, т. III. 1925, с. 97-108.*

Дом этого типа-один из вариантов армянского народного жилища глхатун, который карабахцы называют также кыркоч (կըրկոչ)-термином более древним, чем карадам (прим. ред.).

в отдаленной Атеркской волости; здесь в с. Вагуас все дома - *карадам-ы*, врывшиеся в землю. Новые, часто двухэтажные дома снабжены обширными балконами только с одной стороны. Нижний этаж обычно служит для хозяйственных надобностей, а верхний-для жилья. Впрочем, летом население предпочитает жить в нижнем этаже, где значительно прохладнее. Крыши покрываются листовым железом, окрашенным в любимый здесь красный цвет или плоской черепицей в тех местах, где развито черепичное производство. Саманник, хлев для скота и другие хозяйственные строения возводились несколько в стороне и покрывались соломой или камышом. Дворы оставались маленькими, не огораживались и часто служили для общего пользования соседей. Кое-где, особенно там, где хозяином являлся карабахец, приезжавший домой летом на дачу, при домах были разбиты садики. Однако повсюду чувствовалось стремление выбраться на простор, и некоторые жители строились за пределами деревни, на более обширных участках, окружая дома сравнительно большими садами.

Отселки. В связи с расширением площади посевов за счет лесов и удалением пахотных земель от поселений, появился новый тип поселений. Дело в том, что крестьянам приходилось большую часть рабочей поры проводить вдали от дома, ближе к пашням. Поэтому там устраивался ток - *кал* и возводились временные жилые помещения, которые превращались затем в постоянные, так как далеко было посылать сюда из дому продовольствие и утомительно было гнать скотину в село. Так возникли подле старых деревень Чартар, Сос, Тахавард отселки, многие из которых еще не имеют собственного названия и просто известны под именем *калэр* - тока. Обыкновенно они расположены значительно ниже первоначальных поселений, на более широких местах, часто у тутовых и садовых насаждений. Отселки образовались и в тех укрытых местах, защищенных от ветров, где издавна содержался зимой скот в прочных хлевах - *кюм-ах*. И здесь возникли самостоятельные отселки. Так, от Вагуаса откололся Арутюнакюмэр, от Арчадзора (Давшанлу) - Погосакюмэр, Вырсыкюмэр. Этот процесс выделения из состава старых деревень новых поселков с прирезкой к ним соответствующих площадей из общинной земли особенно рельефно выражен в Оратахской волости, где из с. Кусапат выделились Дамирлу. Оратах и Мардакерт, оттесняющие уже свою «метрополию», или в Каладарасинской волости, где из Бердадзора (Каладараси) выделились Новые Каладараси, Хрхан, Коразерк, Каначтала и Чобангоне...

Еще во время меликов практиковалось удалять из деревни слишком размножившуюся семью и поселять ее у кюмэр (хлевов). Так, из с. Аветараноц выделились Аламанцкюмэр, Мргаманцкюмэр, Плкананцкюмэр, Асананцкюмэр, из которых некоторые существуют и теперь[1]. Отселки в большинстве случаев носят либо родовые имена, либо имена глав семейств.

Для выяснения происхождения местной топонимики материалом может служить частое поглощение в названиях селений корня *тах* - околоток, квартал, а также - свод[2].

Обстановка дома. Лет сорок тому назад учитель Гадрутского училища И. Давидбеков дал картинное описание внутренней обстановки карадама.

«При входе в карадам прежде всего бросается в глаза очаг, где пылает огонь; вокруг него обыкновенно располагаются на разостланных коврах или паласах, поджавши ноги, все члены семьи. Отец, как старший член семьи и глава дома, занимает почетное место около самого очага. В одном из углов жилища хорошего домовитого хозяина помещаются разной величины кувшины, с маринованными или посоленными овощами; здесь вы найдете капусту, похи (перекати поле), огурцы, помидоры, перец и проч. В другом углу лежит большое деревянное корыто с печеными круглыми и плоскими хлебами, называемыми по местному *проз*. В третьем стоят мешки, по местному - *чвал*, вытканные из овечьей шерсти, с мукою и другими хлебными зернами. В четвертом углу помещается курятник, над которым лежат земледельческие орудия,

[1] *Показание К. И. Мелик-Шахназарова (с, Аветараноц).*
[2] *Так. например, Тахасэр, Тахут, Тахлар, Чанкатах, Оратах, Гюлатах, Мохратах, Варынкатах и др.*

остатки шкур и кож убитых или павших от разных болезней домашних животных. Перед одною стеною, вдоль ее, сделана деревянная тахта, с аршин высоты и около 10 аршин длины, куда складывают постель и другие домашние вещи; а под тахтою прячут посуду. Около другой стены стоят карасы с водкою. На стенках развешены сушеные овощи, веревки, маленькие мешки с орехами и др. сушеными фруктами. Освещается жилище одною глиняною лампадою, в которой горит черная нефть; фитиль делается из остатков старых, совершенно изношенных, бумажных материй. Всякого рода горячие кушанья готовятся женщинами на очаге, а хлеб два раза в неделю пекут на тондире[1].

В настоящее время новые привычки и технические удобства совершенно видоизменили эту картину. В карадам проникли фарфоровые тарелки и эмалированные кружки, ножи и вилки, побитый венский стул, однако старая обстановка все еще является господствующей. Не то мы видим в новых домах: комнаты отапливаются каминами или железной печкой; во многих селах увидите, если и не всегда железные кровати, то во всяком случае широкие деревянные тахты, табуретки, скамейки и стулья, столы, комоды, шкафы, словом, всякую городскую мебель. На стенах висит целая коллекция фотографий близких и отдаленных родственников, разбросанных по городам Закавказья и России. Тут же висят портреты писателей и видных деятелей коммунистической партии, а также всевозможные иллюстрированные плакаты или же лубочные картины в загрязненных рамках. В одном из углов поднимается гора тюфяков, одеял, подушек, прикрытых ковром; все еще нелегко прививается обычай иметь готовую постель, на ночь каждый раз она заново стелется и притом, охотнее на полустарая привычка. Одна из стен и все тахты покрываются коврами, большей частью своей домашней работы; по всему заметно, что самую ценную часть обстановки опять составляют ковры и постель.

Посуда. Среди кухонной посуды преобладает толстая медь, конические котлы, глубокие сковородки с длинной ручкой, тяжелые дуршлаги местных форм, очень распространенные повсеместно среди армянского населения Закавказья.

Пиша. В пище также первое место занимают старые блюда из овощей (лоби, горох), полевых и садовых трав, плов, яичница, знаменитый кололак или кюфта из сильно битого мяса, голубцы (долма), завернутые в виноградные, бурачные, капустные листья. Капуста давно акклиматизировалась в Нагорном Карабахе. Сравнительно недавно появился картофель и очень поздно - помидоры; их употребление, однако, теперь стало почти повсеместным, в особенности, в южных районах. Истребляется в громадном количестве лук и репа. Баклажана мне не пришлось нигде встретить. Мясо по деревням трудно доставать: его в изобилии когда-то было в дни жертвоприношений (баранина). Оно употребляется в пищу в вареном или тушеном виде или в виде шашлыка. Принято его также жарить на масле. Кур множество, гусей и уток нет.

Из мучной пищи - русские пироги отсутствуют. Угощают выпеченной на молоке (со сладкой, мучной же начинкой) гатой и тонкими сладкими пышками.

Когда-то преобладала молочная пища, но во время нашего объезда, вследствие сильного сокращения скотоводства, уже повсюду жаловались на недостаток в сыре, масле, мацуне; вместо коровы многие содержали лишь коз.

Хлеб выпекается в Нагорном Карабахе не так, как в безлесных провинциях Армении; тонкие длинные лепешки-*лаваши*, выпекаемые на несколько месяцев, здесь заменены более толстыми, круглыми хлебами - *проз-ами*, запас которых рассчитан на два - три дня, обилие дров позволяет пока это. Лаваши выпекаются обыкновенно при жертвоприношениях: в них легче заворачивать вареное мясо для рассылки бедным семействам и соседям.

[1] Давидбеков И. ***Село Гадрут***..., *с. 181.*

Внешность. Одежда

Внешность. Говоря о внешности карабахского армянина, приходится опираться не на точные антропометрические данные, а на субъективные впечатления, проверенные наблюдениями и других лиц. Тип карабахских армян значительно отличается от типа армян внутренних сухих провинций, особенно приаракского, буланыхского или мушского районов.

Преобладает высокий рост, сравнительно более белый цвет кожи[1] и светлый оттенок волос, переходящий от темно-черного к шатену, довольно часто встречаются светлые глаза. Русые волосы и голубые глаза особенно часто встречаются в таком изолированном углу, как с. Нинги у истоков р. Хонашен, под склонами Богурханского массива, где могли также сохраниться физические особенности этнической волны, поднявшейся вверх с прикаспийских степей.

Карабахец, как мужчина, так и женщина, держится прямо, при вертикально вытянутой спине: сутуловатость, выпячивание вперед живота крайне редкие явления. Даже старики и старухи ходят прямо, а не сгорбившись. Девушка, под тяжестью наполненного водой большого кувшина, все же стройно подымается по горной тропе, вытянувшись в струнку. Эта привычка усвоена при необходимых восхождениях по склонам гор, перескакиванием с камня на камень и верховой езде: в Нагорном Карабахе до последнего времени приходится передвигаться чаще всего на лошади или муле.

Движения карабахца быстры и решительны, походка четкая и скорая, темп речи в сравнении с темпом речи высокоравнинных армян (приаракской, эрзерумской, алашкертской и др. равнин) ускоренный.

Прическа. В старину у мужчин было принято брить или стричь волосы на голове, только на макушке оставался чуб - *какюл*, детям же стригли волосы, оставляя впереди посередине над лбом пучок волос, который назывался *тэл* - ниткой. Обычай этот давно изжит. Женская прическа более консервативна. Девушки и до сих пор плетут волосы в четыре косы, из которых две перекидываются назад за спину, а две вперед, на грудь. Так поступают и замужние, меняя лишь головной платок на очень сложный убор, из-под которого видны лишь края передних кос.

Одежда. Нагорный Карабах следует отнести к той текстильной области, которую следует назвать шерстяной в отличие от льняной, где с ранних веков человеческой культуры ткани выделывались из льняных волокон. В древности Карабах выделывал свои ткани из шерсти как для мужских, так и для женских костюмов: лен до сих пор культивируется для получения масла, а не ради волокна. До сих пор веревки *чван* вьются из шерсти; из этого же материала изготовляют мешки для зерна - *чвал и харар, карпэт-ы*, ковры, *мафраш-и* (дорожные мешки), *хурджины*, носки, шали на одеяла, одежду и скатерти[2]. Бумажные ткани проникли поздно, а еще позже - шелк. Хлопок постепенно вытесняет шерсть, что же касается шелка, то несмотря на то, что на месте шелководство имеет промышленное значение, само крестьянство не очень-то охотно потребляет этот материал на ткани; ткацкая техника не дает тонких шелковых тканей. Из шелковых тканей ткут по преимуществу *джеджим* для лицевой стороны одеял и тюфяков, *чепраки* или *ал-адлс* (красную материю) на нижние рубашки, чаще же всего шелковые нитки оставляются для разного рода домашнего шитья.

Хлопок приобретается у жителей низменных равнин, а шерсть у скотоводов, подымающихся на эйлаги. С падением собственного скотоводства карабахский армянин все острее чувствует недостаток шерсти. Особенно тяжело было его положение во время армяно- тюркской распри, вызвавшей изоляцию от фабричных центров, когда ни шелк, ни водка не находили сбыта, трудно было получить хлопок с низменностей и шерсть с эйлагов. Несмотря на все старания женского населения восстановить сократившееся ткацкое производство, в некоторых местностях и совсем было прекратившееся вследствие завоза фабричных изделий, оказалось

[1] *В тех деревнях, откуда мужчины спускаются на отхожие полевые работы на низменности, нередки желтые малярийные лица.*
[2] *О ткацком деле в с. Кусапат и Гадрут см. СМОМП К, 1891. вып. II.*

невозможным покрыть своим производством всю местную потребность, главным образом, из-за недостатка сырого материала-хлопка и шерсти. При таких обстоятельствах обносившееся население оставалось большей частью лишенным возможности обновить свою традиционную одежду и прежде всего стали быстро исчезать все менее необходимые и громоздкие принадлежности местной одежды.

Под медленным влиянием городской культуры население стало отрешаться от старых форм одежды, сковывавшей их так же, как консервативная неподвижность сковывала и народную архитектуру, замкнувшуюся в определенный план карадама. Прежде всего стал поддаваться мужской, а позже и женский костюм.

Мужчины в старину носили *архалук* и поверх *чоху*, шаровары, подвязываемые шнуром-*хонджан*, что давало возможность носить их и задом наперед. На ноги одевались короткие носки - *кюлба* со шнуром для подвязывания, и лапти - *трех* из сырой кожи, на голову широкая конусообразная папаха из овечьей шкуры; зимой длинная овечья шуба -*кюлк*. Бурка - *япнджи (айценакач)* проникла не так давно, из Дагестана[1]. Вместо лаптей старики предпочитали ходить в полутуфлях на каблуках *кош-ах* с закрытым и загнутым вверх передком и открытым задком. Прежде всего уступили новому времени головной убор и обувь; папаху заменила низкая круглая шапка с маленьким козырьком, а коши - закрытые сапоги, иногда с очень высокими голенищами. Трэхи и до сих пор держатся, но и теперь как мужчины, так и женщины в деревнях предпочитают ходить босиком. Местная чоха сначала сменилась горско-грузинской чухой, а затем городским пиджаком, надеваемым прямо на архалух, при узких, застегивающихся на пуговицы брюках; наконец, там и сям вместо архалуха появился жилет. Эта трансформация шла быстрее у тех, кто служил в большом городе прислугой, дворником, сторожем в конторе или приказчиком в магазине или на заводах, и значительно медленнее у лиц, занятых на стройках. Как явление самых последних лет нужно отметить, что молодые люди, особенно желающие щегольнуть своей молодцеватостью, стали носить низенькие, в 10 - 12 см прямые папахи из рыжеватой овечьей шкуры с плоским, более темного цвета верхом.

Эволюция женской одежды шла несколько отличным путем. Старый костюм состоит из длинной нижней рубашки - *шапик*, доходящей почти до пяток, с длинными рукавами; она шьется из темно-красной шелковой или бумажной материи и надевается на голое тело, поверх красного же цвета кальсон - *похане* на *хонджан-е* - шнуре (эти кальсоны можно было надевать также задом наперед). Поверх рубашки надевается архалух с открытой грудью из шелка или бумажного бархата, с длинными прорезями по бокам, от чего полы, доходящие значительно ниже колен, свешиваются тремя частями. Архалух опоясывается длинным (2,5 - 4 м.) широким шелковым кушаком. В праздничные дни еще надевается шуба (*толк*) яркого (красного) цвета, обычно бархатная. Она окаймлена узкой полоской меха (куницы, дикого кота) на воротнике (широко открывающимся на груди), на прорези донизу и по краям подола. Грудь и рукава украшаются шарообразными пуговками и висячими шариками. Головной убор давит своей тяжестью и сложностью. Он представляет собою низенький стоячий ободок, укрепленный на голове при помощи многочисленных платков, один из которых закрывает нижнюю часть лица почти до носа и дополняет четырехугольную рамку, из которой виднеются с боков части передних локонов, половина лба с глазами, нос и щеки. На лбу к ободку подвешены золотые или позолоченные монеты. Этот головной убор трудно возобновлять ежедневно, а потому он оставляется на голове и на ночь несколько дней подряд. При выходе из дому набрасывается на голову черная шаль. На ногах-узорчатые чулки и обувь - *чмошки*, или *коши* (женщины лаптей не носили).

[1] *Показания стариков в с. Дзамдзор.*

Новая жизнь приучила женщин надевать под цветную рубашку белую нижнюю рубашку, а цветные кальсоны заменить белыми. Затем чмошки были заменены европейскими сапожками на каблуках, но головной убор и с ним весь костюм упорно держался, меняя только материал и цвет тканей, однако все же предпочтение давалось красному цвету. Все части женского костюма по стилю тесно связаны друг с другом, и прежде всего с головным убором, снять же повязки, освободить подбородок, показаться людям по всей красоте лица было трудно, так как это не соответствовало понятиям о скромности и стыдливости. Первым и самым смелым шагом в городах была замена - и то прежде всего вне Нагорного Карабаха - местного головного убора убором тифлисских армян - врацнак[1] и затем уже переход к европейской шляпе. В деревнях же женщины и после замужества продолжали носить, как и в девицах, свободное платье, обтянутое слегка в талии узким кожаным поясом, а голову покрывать цветным платком, с той лишь разницей, что концы этого платка соединяются под подбородком так, что прикрывают нижнюю часть лица - рот и верхнюю губу; косы свободно падают на грудь и спину. Уже редко кто носит в деревнях старый костюм, только старухи и женщины старше 50 лет, все более же молодые уже эмансипировались от него.

[1] *Фактически, так называемый грузинский головной убор и весь тифлисский женский комплекс был перенесен армянскими женщинами из Ирана (Персии) после переселения на Кавказ в 1828 г (прим. ред.).*

Глава III
Семья
Внутрисемейные отношения

Разделы. Пережитки родового быта в Нагорном Карабахе сохранились до последнего времени во многих обычаях, не имеющих, впрочем, большого реального значения.

Уже задолго до конца XIX в. редко можно было встретить многолюдную семью, состоящую из трех взрослых поколений. Столетние старики утверждают, что не помнят таких больших семейств, в их молодые годы семейные разделы происходили очень рано. В с. Тахлар указывали, как на исключение, на одну семью, где с отцом продолжали жить восемь взрослых и женатых сыновой.

После смерти отца взрослые братья обычно отделяются и устраиваются своим хозяйством. Но случаи раздела бывают и при живом отце. Иногда даже единственный сын, не поладив с отцом, в особенности, если последний ввел в дом мачеху, бросает его.

При дележе сначала выделяется часть движимого имущества неженатым братьям и незамужним сестрам: сестры получают все, что им полагается в приданое: белье, одежду, постель- *хардж*; неженатые братья - по преимуществу постельное белье - *азапхахк* - и то, что должно быть затрачено на их свадьбу, приблизительно столько, сколько было затрачено на свадьбу других братьев. Определенная доля предназначается и матери -вдове, которая чаще всего остается жить со старшим из сыновей, с женой которого она более сжилась и к детям которого, как первенцам, она больше привязалась; но иногда она переходит и к младшему, чтобы помогать его малоопытной жене в хозяйстве. Все остальное имущество делится поровну между братьями, причем, если отец жив, и его доля приравнивается к тем долям, которые получили сыновья. Дом распределяется или по жребию, причем жребий тянет какой-нибудь мальчик или совершенно постороннее взрослое лицо, или, что бывает чаще, по любовному соглашению. В дележе принимают активное участие родственники и друзья - соседи, и в случае разногласия - сельский старшина- *кохва*, который рассматривается как близкий к семье человек: воспоминание о тех отдаленных временах, когда вся деревня представляла родовую общину и родоначальник являлся старейшиной.

Дроблению разросшихся семейных групп способствовали новые хозяйственные отношения, связанные с переходом от натурального хозяйства к товарному. Усиленное развитие отхожих промыслов резко выделяет долю участия отдельных членов в общих доходах семьи. Чаще всего причиной неудовольствий являются счеты по лично привнесенной в общее имущество доле, обусловленной сторонним заработком. Далее женщины считают не только принесенное ими приданое, но и личный свой доход, например, от коврового производства.

Все зависимости от разбивки на мелкие, индивидуальные семейства, целый ряд обычаев поддерживал и пока продолжает еще поддерживать родственную связь между отдельными семействами. Продолжение этой связи символически подчеркивается тем, что в очаге вновь отделившейся семьи огонь зажигается огнем отцовского очага, принесенным или отцом, или кем-либо из старших членов семьи. Правда, в хозяйственной деятельности во время полевых и иных работ не обязательна взаимная помощь родственников, однако еще повсеместно при выдаче девушки замуж или выборе невесты для юноши на семейный совет созываются родственники; они участвуют и в свадебных расходах, и в принесении подарков вступавшим в брак. В случае смерти кого-либо из родственников они обязаны соблюдать, до предания его земле, воздержание от всякой работы в поле, в саду или на гумне и присутствовать на похоронах, а затем на всех поминках в течение года.

Бред умирающего объясняется вступлением в беседу с душами отошедших его родственников, которые дожидаются его на том свете и которые воздадут ему почесть в

соответствии с тем уважением, какое умирающий выказывал к их памяти на земле. Все это пережитки былых родовых порядков и идеологии.

В обособившейся индивидуальной семье внутренние взаимоотношения определялись до революции началом полного подавления личности младших членов авторитетом отца и матери и подчиненного положения женщины. Во главе семейно-хозяйственной группы стоял отец: он распределял по своему усмотрению все работы внутри группы, распоряжался всем ее достоянием (обменом, продажей, передачей во временное пользование), являлся вне ее полномочным представителем на сходах и собраниях, на свадьбах, похоронах и т. п. В присутствии отца никто из сыновей, а тем более женщин, не смел садиться без его разрешения, хотя бы этому члену семьи далеко за 50 лет. Молодые люди обязаны вставать при приближении его на улице. Правда, в стенах дома власть главы семьи стушевывалась перед властью жены-хозяйки, тут он не давал распоряжений по домашнему хозяйству, было даже унизительным вмешиваться в женские дела, но со вступлением его в дом прекращались все громкие разговоры и смех, все ходили бесшумно, воцарялась всеобщая тишина. Лишь полная дряхлость и неспособность заведовать хозяйством лишали отца власти, тогда его замещал старший сын.

Внутри дома полнота власти принадлежала матери - хозяйке, которая бесконтрольно ведала всеми припасами, распределяла между женщинами многочисленные домашние работы и следила за нравственностью всех.

Под двойственным управлением отца и матери семья до революции составляла замкнутую хозяйственно-цельную единицу, которая ревниво оберегала свою самостоятельность и независимость, не допуская никакого вмешательства ни со стороны соседей, ни со стороны всей общины. Солидарность возлагала на всех членов семьи обязанность кровной мести за брата, за отца, хотя уже эта обязанность не распространялась на других родственников, не входивших в состав данной семьи. Накануне революции то в одной, то в другой деревне разыгрывались кровавые драки на этой почве, но их с каждым десятилетием становилось уже все меньше и меньше. Сила семейной спайки сказывалась, между прочим, в той поддержке, которую оказывали друг другу члены семьи в случае, если кому- либо из них удавалось как-нибудь хорошо устроиться на чужбине. Он не только оказывал дому материальную поддержку, но и тянул за собой младших членов. Стоило одному получить высшее образование и заручиться каким-либо местом, он уже вытягивал из деревни всех братьев и сестер, открывая им доступ в средние и высшие учебные заведения. Этому и следует приписать быстрый рост интеллигентных сил края.

То же явление замечалось и среди лиц, посвятивших себя торговой и промышленной деятельности. Как только кто из них достаточно расширял свои операции, будь то в своей деревне и городе или на чужбине, и начинал нуждаться в посторонней помощи, он в первую очередь привлекал братьев, племянников, зятьев.

При образовании партии в борьбе за влияние на общественные дела, на выборах, при распределении налогов и в других случаях долго еще появлялась взаимная поддержка не только близких, но и отдаленных родственников. Эти *тайф*-а даже носили часто название по родовому имени.

Эта семейная сплоченность, естественно, сопровождалась сковыванием свободы и инициативы молодежи. Однако уже с восьмидесятых годов все более учащались в общественной жизни случаи выступления молодого поколения против авторитета старших.

Женщина в семье. Кроме всепоглощающей власти отца и матери, в дореволюционной семье Нагорного Карабаха резко подчеркивалось преобладание мужской половины. Рождение мальчика встречалось всеобщими поздравлениями, рождение девочки являлось чуть ли не несчастьем. Женщина, рожавшая одних девочек или преимущественно девочек, не пользовалась почетом в семье. И это не только потому, что при выдаче замуж дочерей семья

несла непосильные расходы, а скорее потому, что на каждое прибавление в семье смотрели с точки зрения увеличения или уменьшения собственной постоянной рабочей силы, а девочка являлась такой рабочей силой, которую в будущем должна была попользовать не родня, а чужая семья: все затраты на подготовку этой силы считались потерянными.

Семья была крайне озабочена обеспечением своего хозяйства на будущее время рабочими руками, а потому, если женщина оказывалась бездетной, общество не осуждало мужа, приводившего в дом другую женщину, чтобы от нее иметь потомство; сама первая жена считала это его естественным правом. Даже священники позволяли себе так поступать. Женщина рассматривалась прежде всего как производительница новой рабочей силы.

А между тем вся тяжесть домашних работ лежит на женщине. Она доставляет воду, готовит пищу, содержит дом в чистоте, доит коров и коз. Она чистит зерно, сушит фрукты, ткет шерстяные ткани - *шал*, бязь, ковры, вяжет чулки, обмывает домашних. Она же помогает мужчинам во всех полевых работах, кроме пахоты, особенно на току, часто сама же отвозит на осле зерно на мельницу. Целый день посвящен труду, не только летом, но и зимой, когда мужчина отдыхает. Народная пословица говорит: «Женщина - это конь, вложив в рот ей узду, заодно надо накинуть ей на спину седло».

Несмотря на такую активную роль женщины в ведении хозяйства, обычай до революции сковывал ее личность. Кроме женщины-хозяйки, которая садится за общий стол вместе с мужчинами, все остальные женщины обедали отдельно и после них. Существовавшее понятие о женской стыдливости и чести (обозначаемом словом *намус*), не позволяло замужней женщине ходить при мужчинах, особенно при свекре, с открытым подбородком. При встрече с мужчиной на улице или в поле женщина отходила в сторону, отворачивалась и еще выше поднимала на лицо концы головного платка. Она не говорила с посаженым отцом и со свекром до самой смерти, а со свекровью - до рождения первого ребенка, с деверем -десять лет. Целый ряд запретов обрекал ее на молчание. Если ей нужно было кому-либо из этих домашних что-то сказать, она передавала через детей или незамужнюю дочь, а если их не было в комнате, то она, глядя в сторону и обращаясь как бы к постороннему лицу, вполголоса говорила: «Скажи, такой-то тебя зовет», или: «такой-то сказал: приходи к нам сегодня», или же, обратив на себя внимание глухим восклицанием: «ы, ы!» передавала свою мысль жестами. Язык жестов здесь вырабатывался веками.

Насколько крепки были еще предрассудки в отношении женщины, видно хотя бы из следующих фактов. Девушка, учившаяся в Бакинской гимназии до 4-го класса, попала во время бакинских межнациональных столкновений в деревню отца, в с. Чартар и вышла здесь за человека, который не раз живал подолгу в городе. Качая ребенка в колыбели, она свободно разговаривала со мною до прихода старшего деверя, но как только заслышались его шаги, она поторопилась выше подвязать себе подбородок концами головного платка и знаками дала мне понять, что говорить ей запрещается. В другом селении - в Аци, жена армянина, полька по происхождению с законченным средним образованием, обедала отдельно от мужчин с женщинами и подчинялась обычаю избегания, в особенности, отправляясь к роднику за водой. В такой обстановке, естественно, нельзя было развиться женской песне. Даже с мужем жена при людях не смела свободно говорить и обращаться к нему по имени. Идя по улице или из одной деревни в другую с мужем, она шла несколько позади. В церковь молодые невестки, как и девушки, ходили лишь два раза в год - в Вербное воскресенье и в Страстную пятницу. Во время похорон женщинам не разрешалось присутствовать на кладбище. По деревням Нагорного Карабаха и теперь не услышите той переклички женщин из одного околотка в другой, которая так характерна, например, для грузинской деревни.

В семье жизнь женщины протекала не всегда мирно: свекровь не только бранилась, но и пускала в ход кулаки, если невестка или дочь не точно выполняли ее распоряжения, или

осмелились вступить с ней в пререкания. Семейные трения становятся теперь все чаще и чаще, в особенности после запрещения ранних браков. До революции девушка обыкновенно выходила замуж в возрасте 12 - 14 лет и, вступая в новую семью совершенно еще не сложившимся и не развившимся существом, легко привыкала к новой обстановке и к новым людям. С тех же пор, как закон установил минимальный возраст вступления в брак для женщины в 16 лет, в них, благодаря относительно большей свободе девушек в родительском доме, уже до выхода замуж развивается некоторая самостоятельность характера и привязанностей и все труднее становится для них выносить деспотизм свекрови или жен деверей. Вообще, как и в других местах Армении, и в Нагорном Карабахе свекровь и невестка - два противоположных лагеря, как в русской семье - теща и зять.

В былые времена невестка очень редко решалась бросать дом мужа, где ей жилось тяжело, и уходить к родителям. Это считалось большим позором. Теперь общество относится к этому довольно терпимо и производит давление на семью, откуда невестка ушла. Такие случаи обычно кончаются тем, что за женой и муж уходит из дома отца и требует своего отделения.

Побои в семье бывали нередки: сыновьям и мальчикам доставалось от отца, а дочерям и вообще женщинам - от матери. Редко мужчина поднимал руку на женщину, разве только отец на дочь или брат на сестру, или (крайне редко) муж на жену. Вмешательство соседей во внутреннюю жизнь семьи считалось недопустимым. Но и тут в последнее время происходят симптоматичные перемены. В с. Сос до революции соседи, возмущенные грубым обращением одного односельчанина с женой и постоянными криками в их доме, привлекли мужа к ответственности, и сельский суд взял его на несколько дней под арест. Жена горячо протестовала против этого, мотивируя тем, что никто не имеет право вмешиваться в ее семейные дела.

До революции, когда девушка выходила замуж в 12 - 14 лет[1], она редко выступала против воли родителей, но иногда, при несогласии последних, дело кончалось ее похищением, которое оформлялось церковным венчанием, если девушка изъявляла свое согласие. Характерно проявляла свой протест против существующих порядков одна девушка в Вагуасе в 1918 г. Она бежала из дому с любимым человеком, затем ни за что не хотела венчаться в церкви и крестить своего ребенка, не желая видеть священника, который стоял на стороне ее родителей, бывших против ее брака. Революция принесла девушке возможность свободно выбирать себе спутника жизни. К 16-ти годам уже достаточно определяются ее привязанности, и родителям приходится с ними считаться.

Нравы. Случаи нарушения супружеской верности и вообще любовные связи на стороне, очень редкие при старых условиях быта, стали все учащаться в карабахской деревне по мере изменения хозяйственного строя. Основными причинами являлись (и являются) продолжительное отсутствие мужей вследствие отхода на промыслы, вдовство, создающее необеспеченное положение, а до установления советской власти - раннее, часто насильственное замужество, продолжительная военная служба мужа. Случаи эти при своем обнаружении строго карались общественным мнением. В тех районах, откуда мужское население уходит на заработки в города, тайные любовные связи становились все более частыми явлениями. Мужчины, привыкшие в городе к половой распущенности, немало способствовали этому. С другой стороны, именно в этих районах и сосредоточены по преимуществу шелкомотальные и шелкопрядильные заводы, в которых совместно работают мужчины и женщины. Любовные связи не носили, однако, характера проституции: это была привязанность женщины к определенному мужчине. Вообще ни в какой другой области обследование не встречается с такими затруднениями, как в области половой морали: тут более всего рискуешь прийти к

[1] *Этот обычай и теперь местами еще держится и родители отдают девушку в новую семью до наступления определенного законом возраста, регистрируют же этот брак в ЗАГС-е уже после наступления 16 лет.*

чисто субъективным выводам. Но знаменательно: везде на вопрос, как отразились на женской морали новые порядки, и старики, и молодые отвечали: «Что? кто неволит теперь жить с нелюбимым человеком? Разводиться легко и можно открыто перейти к тому, кого любишь».

Старшие и младшие. Новые порядки изменили не только положение женщины в доме отца и мужа, но и взаимоотношения старших и младших. Хотя и теперь, когда младший вмешивается в разговор старших, отец или старший брат его останавливает: «Что ты из себя представляешь? Слушай!». Однако молодежь все смелее высказывается и активнее вмешивается в разрешение семейных и других вопросов, в особенности в тех районах Нагорного Карабаха, где широко развернули свою работу партийные ячейки и комсомол. В 1924 г. комсомольское движение уже сильно развернулось в близких к Степанакерту деревнях и в густо населенном углу Сос-Чартар-Гиши. При обследовании здесь, как и по линии Шош - Аветараноц-Тахлар-Тох, комсомольцы оказывали мне живейшее содействие и, входя в их дома, приходилось убеждаться, что там с ними очень считаются. Этот повысившийся в обществе удельный вес молодежи отразился в ускорении начавшегося еще до революции внутри семейных рамок процесса разрушения веками установившихся традиций. С одной стороны, раннее выделение из состава семьи молодых пар в самостоятельные хозяйственные единицы, и с другой, увеличивающаяся с каждым годом вера молодых людей в свои силы придают не только семье, но и всей деревне, а с ней и стране новый характер и насыщают атмосферу поисками новых форм жизни.

Гостеприимство. Принять в дом чужестранца, оказать ему почет - *патив тал*, накормить его и его лошадь - все эти и другие проявления гостеприимства, свойственные определенной стадии общественного развития, которые при старых замкнутых формах хозяйства Нагорного Карабаха были священным обычаем, должны были видоизмениться с наступлением новых производственных отношений. В Нагорном Карабахе все еще любят повторять: «Гость от бога». До сих пор известные семейства из отдаленных и близких селений продолжают поддерживать друг с другом ближайшие связи и остаются верными узам взаимного гостеприимства, имеющим в некоторых случаях давность из нескольких поколений. Однако, такие постоянные связи среди молодых семейств устанавливаются очень туго, хотя состояние дорог, условия передвижения, отсутствие по деревням гостиниц и постоялых дворов еще не устранили окончательно необходимости искать при переездах приюта у частных лиц и просить у них содействия для пропитания себе и своей лошади или для отыскания проводника.

Если вы едете по служебным делам, предсельсовета сам отводит в известном порядке помещение в доме, где вы можете остановиться, но если вы и как частное лицо постучитесь в дверь крестьянина с просьбой впустить вас, отказа не встретите; обычай повелевает принять гостя и оказать ему всяческое внимание. Но не везде хозяин проявляет уже былое радушие, вы чувствуете, что он тяготится вами, что ему хотелось бы вас должным образом принять, да расстроенное хозяйство мешает. В старину не стыдно было, в случае прибытия гостя, обратиться к соседу за хлебом, сыром, маслом, яйцами или ячменем, если дома чего не хватало. Теперь этой возможности нет: за все надо платить или брать в долг. Если гость сам пойдет покупать себе продукты по деревне и принесет их домой - это глубоко оскорбит хозяина, как оскорбит и то, если вы ему предложите за приют деньги. Он соглашается теперь брать деньги только за ячмень, если он его купил для вашей лошади на стороне. Подарки же он охотно принимает. Поэтому человеку, не желающему одолжаться, приходится брать с собой в дорогу запас сахара, чая, конфет, мыла, головных платков, маленьких скатертей и т. д., чтобы отблагодарить ими за гостеприимство.

Соседи

Взаимопомощь. Входя в состав деревенской общины, семья выработала определенные нормы отношений к соседям и вообще с односельчанами, вытекающие не столько из

родственных связей, сколько из чисто хозяйственных предпосылок. Создалась своя добрососедская этика, которая обязывает взаимно не вмешиваться во внутренние дела и оказывать друг другу всякие услуги. Одолжаются не только домашней посудой и припасами, но и инструментами, сельскохозяйственными орудиями и рабочим скотом, стараясь придерживаться равенства услуг. Некоторые суеверия несколько ограничивают этот обмен. Так, после заката солнца не одалживают весов, сита, соли и также огня; по понедельникам отказываются вообще что-нибудь одалживать во избежание «зла», «несчастий», «убытка» и если одалживают, то сосед должен взамен принести из дому что-нибудь и временно, хотя бы только до следующего дня, оставить. Не дают огня из-под молока, иначе молоко свернется; чтобы предупредить это, на крышку котла с молоком кладут зеленый лист. Вообще с неохотой дают друг другу молоко: как бы корова, от этого не заболела или же не перестала доиться, а если и дают, то предварительно кладут в него уголек.

Считается недозволенным подглядывать, что делается у соседа и давать кому-либо сведения о нем, о числе его скота, полученного урожая хлеба и плодов, вообще об имеющемся у него добре, хотя и великолепно знают все это. Женская половина любит посплетничать, но доброе соседство требует защищать честь соседей. Ряд обычаев имеет в виду создать мирное сожительство не только между ближайшими соседями, что особенно вызывается крайней скученностью домов и чуть ли не общностью дворов, но и вообще между односельчанами. С наступлением Великого поста принимались меры к тому, чтобы помирить поссорившихся односельчан. Принесший жертвоприношение - *матах* обязан был послать мясо от жертвенного животного и своему врагу, и тот не мог не принять его; этим прекращалась всякая неприязнь и восстанавливалась прежняя дружба. Вообще в старину не позволяли, чтобы вражда продолжалась более года. В 1924 г. по всем деревням началось усиленное землеустройство. Разверстка земли между отдельными хозяйствами производилась выборными от села комитетами, которые собирали необходимые сведения как прямо от самих хозяев, так и через соседей, заинтересованных, конечно, в равномерном распределении земельного фонда. Крайнее малоземелье вызывало еще в большей мере то естественное возбуждение, которое вызывалось этим переделом. Вместе с тем, приходилось при посредстве тех же соседей добывать данные для определения размеров единого сельскохозяйственного налога. При таких условиях во многих местностях (например, в с. Тахавард) уже чувствовалось установление между соседями явно враждебных отношений, особенно же озлобление более состоятельных слоев.

Однако, несмотря на некоторое обострение добрососедских отношений за последнее время, никогда не выступала так остро, как после революции, необходимость в более тесном сплочении живых производительных сил деревни. Количество рабочего скота, ограниченное уже в период до 1917 г., еще более сократилось, и потому в еще большей мере крестьяне - единоличники, редко имея более одной пары быков или буйволов, вынуждены были объединяться для пахоты. Впредь до выработки жизнью новых кооперативных форм они все чаще прибегают к унаследованным веками формам, среди которых *хракаш* - занимает первенствующее место.

Хракаш - это объединение живого (волов) и мертвого (плуг) инвентаря и рабочих рук в сельхозработах; при этом весь счет переводится на единицу по волам. Работник принимается за одного вола, плуг - за двух (в деревнях, где уже много усовершенствованных плугов - за одного). В некоторых случаях это объединение ограничивается одной запашкой, после чего весь участок, обработанный общими силами - *хыркышвы цил*, делится между участниками, согласно счету по волам при помощи *кандир* -веревки[1]. А затем уже каждый из них сам

[1] *Кандир не во всех районах имеет одну и ту же длину. Так, в Чартаре он равен 5, а по соседству 6, 8 и даже 10 гуладж-ам. Гуладж равняется расстоянию между концами средних пальцев при раскрытых и вытянутых руках или человеческому росту (около 2,5 аршин).*

засеивает и убирает свое поле. При другом расчете хракаш-а счет по волам «переводится на счет по дням. Поле каждого участника вспахивается отдельно по счету следуемых ему дней. Если он не использовал следуемых ему по счету дней, оставшееся время он может уступить другому путем продажи; если же пахота потребовала больше времени, за остальное рабочее время он уплачивает деньгами всему объединению или покупает у кого-либо из участников излишек его «дней». Но бывают объединения более длительные, при которых каждый приносит семена для посева согласно числу своих волов. Вспаханное общее поле засеивается и убирается общими силами. Так же производится и молотьба; затем весь урожай распределяется согласно счету по волам.

Другая форма взаимопомощи носит скорее характер не кооперации, а простой услуги и называется *миджи*. Принята мирская помощь личным трудом и инструментами (орудиями) в полевых, садовых или домашних работах. Она практикуется среди соседей, родственников и даже всех членов общины. Обычно кто-либо ходит по соседям, друзьям и родственникам с сообщением, что тогда-то у того-то там-то - миджи. Всякий свободный мужчина (или женщина) считает своей обязанностью отозваться на этот зов. Но иногда приглашается вся деревня. *Гзир* -сельский рассыльной и глашатай - выкрикивает по деревне: «Завтра у такого-то сад и поле миджи. Кто его любит, пусть идет на помощь. - «Էքսւց էս հինչ մարթու բաղը կամ արտը միջի ա։ Հուվ էլ սիրում ա, թող քինա քոմազ անի»:

Иногда об этом сообщается по деревне от соседей к соседям. Желающие собираются с косами, серпами, ножницами, корзинами и т. д. и с шутками и остротами дружно принимаются за работу. Приглашающий обязан за день (миджи никогда не продолжается больше одного дня) накормить их три раза и обильно угостить водкой и вином; обычно при этом закалывается баран.

В феодальное время эти мирские миджи устраивались беками и на них обязательно было являться по одному человеку от каждого дома. До последнего времени по одному человеку от дома посылались для уборки урожая сельского старшины. Участие в миджи обязывает пригласившего ходить на миджи к тем, кто был у него.

Особенно общеприняты миджи в домашних работах, по преимуществу, во время трепания шерсти. На зов являются женщины с трепалками, веретенами, прялками, и начинается шумная работа, сопровождающаяся песнями и даже плясками. Из шерсти приготовляется кукла и вешается вверх ногами. Все кричат: «Хозяин, твой любимый сын повешен, живей! Усласти нам рот. - «Պրրընիս իրմրղցնէ»: Пока не подадут плодов, сушеных фруктов, печенья или чего-либо сладкого, шум не унимается.

В последнее время все реже созываются садовые и полевые миджи, домашние же сравнительно часты: они вносят разнообразие и веселье в монотонную, молчаливую жизнь женщины.

Помощь беднякам. Вообще до последнего времени помощь беднякам была нравственно обязательной. Сход освобождал их от всяких налогов. Каждый выделял им что-либо от сбора плодов и винограда. После уборки урожая оставшиеся на полях колосья принадлежали беднякам - «փօնջ րն անրմ»: С тока отпускается им зерно (если они о том просят). При каждой выпечке хлеба посылается бедным соседям их доля. Обыкновенно вдовы и бедные женщины всячески стараются помогать в хозяйстве зажиточным соседям и за это получают вознаграждение продуктами или одеждой: вознаграждение деньгами в заранее установленном размере не существовало. Оно стало входить лишь после основания шелкомотальных и шелкопрядильных заводов.

Новый земельный передел и вся политика с самого начала установления советской власти значительно улучшили хозяйственное положение бедняков, но отсутствие у них рабочего

инвентаря тормозило восстановление их хозяйства. Форма производственной кооперации и систематической взаимопомощи все шире проникали в деревню и захватывали крестьянское население все глубже еще до начала массового колхозного движения, но влияние их на бытовую сторону относительно слабо отмечалось в год моего обследования.

Ниже я привожу описание свадьбы, родин, крестин и похорон, а также верований так, как эти обычаи существовали до революции.

Свадьба

До последнего времени при заключении браков родители очень мало считались с чувствами своих детей, в особенности дочерей, которых выдавали замуж в раннем возрасте (часто до 12 - 13 лет; девушка 15 лет уже попадала в разряд «старых дев»). Тогда о серьезных привязанностях едва ли могла быть речь. Впрочем, и сыновья в очень редких случаях осмеливались возражать против выбора родителей, хотя вступали в брак в более зрелом возрасте, от 18 - 25 лет. Древний обычай - намечать невесту еще с колыбели - уже прекратился в конце прошлого века, а теперь он совершенно исчез. Обручение происходило в присутствии мужчин - родственников обоих семейств с участием священника, причем жених сам надевал кольцо на палец невесты, в его же отсутствие - мать невесты накидывала шаль на голову дочери и надевала обручальное кольцо. Если юноши не было в деревне, его представляла его *папах-а* (шапка) или оружие.

Вслед за обручением между семействами жениха и невесты устанавливались родственно-приятельские обязательные отношения. Они помогали друг другу в хозяйственных работах, особенно родные невесты, и обменивались в большие праздники подарками. Обычай точно устанавливал характер и размер этих приношений, совпадавших, главным образом, со днями Навасарда (языческого Нового года), Водосвятия, Пасхи и Вардавара.

Сговор. За несколько дней до свадьбы назначался в доме отца невесты сговор для определения материальных условий брачного союза и точного установления дня свадьбы. Переговоры велись при участии самых близких родственников с обеих сторон, в присутствии сельского старшины, священника и крестного отца. Это называлось -հղէ կտրիլ, дословно - «резать путь», т. е. идти в путь. Сначала устанавливалось, сколько должно быть женихом уплачено деньгами отцу невесты и мануфактурой на платье невесты, ее матери и родственницам, а также продуктами (бык, баран, вино, водка) на покрытие свадебных расходов, а затем составлялся подробный реестр предметов, которые отец должен дать в приданое дочери. В приданое вносились верхнее и нижнее платье, все принадлежности постели, ковры, кухонные принадлежности и, вдобавок, сундук и мафраш (ковровый дорожный мешок для постели). За последнее время приданое росло за счет взносов в пользу семьи невесты, и переговоры затягивались на несколько дней, вызывая очень бурные сцены.

Свадьба. Свадебный сезон падал на позднюю осень и зиму, когда прекращаются полевые работы, в особенности на масленицу. Торжество обычно продолжалось три дня; иногда же кутеж, в особенности молодых товарищей жениха, затягивался на неделю. Начало приурочивалось к вечеру понедельника, среды или пятницы, с тем расчетом, чтобы совершение церковного обряда приходилось на вторник, четверг или субботу. Предпочитали начинать в пятницу, чтобы последним днем, когда гости приглашались к участию в свадебных расходах, было воскресенье, когда крестьяне были более свободны и могли присутствовать на пире в большом составе.

Ко дню свадьбы в доме жениха и невесты начиналась суета. Во всех хлопотах живейшее участие принимали родственники. Мужчины привозили вьюки дров, женщины пекли хлеб, сладкую гату (с мучкой начинкой - *хориз*), варили всевозможные постные и скоромные блюда и т. п. Когда-то родственники собирались купать жениха и невесту; в последнее время это предбрачное купание совершалось без особой торжественности, в обычном порядке. За день

или же в день свадьбы жених отсылал в дом невесты барана, быка и все то, что обещано для свадебного пира у нее: красили рога животного, обвешивали шею яблоками и при звуках зурны-тымбла вели на убой к дому невесты[1].

Закалывалось животное и в доме жениха с соблюдением особых обрядов. В с. Мардакерт жених клал ногу на опрокинутого на землю быка или барана, так что нож заносился над животным у самых его ног; клали лемех от сохи в хлынувшую кровь скотины и бросали его затем в огонь, на котором должно было вариться свадебное мясо, смазывали кровью и складной нож, и ключи от дома; нож клали в карман жениху, а ключ посылали невесте. Точно также смазывали кровью и один конец платка, которым опоясывался или повязывал себе грудь через плечо жених.

В старину, как только заиграет, бывало, зурна-тымбла знакомый свадебный мотив у дома жениха, а затем невесты, каждый односельчанин, обычно старший в доме, не дожидаясь специального приглашения, направлялся на место свадьбы «гостем». Но постепенно это приглашение «всей общины» (пережитки той поры, когда вся община представляла группу родственников) уступило место именному приглашению. В с. Гадрут в день свадьбы утром один из близких родственников жениха разносил по домам лист бумаги, исписанный именами и фамилиями приглашенных на свадьбу гостей, то же делалось со стороны родителей невесты. В других же деревнях жених со своими товарищами ходил по домам приглашать гостей. Вообще старались все больше и больше сократить круг приглашенных и ограничиться ближайшими родственниками. Кум (посаженый отец - *кавор* или *пэли*) приглашался особенно почетно - лично отцом жениха или через его брата с подношением подарков. Он избирался из определенной семьи, связанной старыми кумовскими узами с домом жениха.

К вечеру приглашенные жениха собирались к нему в дом, их встречали в дверях взрослые дети с тазом, медным кувшином и полотенцем и предлагали вымыть руки. В некоторых деревнях это омовение рук совершалось в самом же карадаме после того, как гости усядутся вокруг очага. Здесь, под звуки зурны, начинался вступительный свадебный пир (по пятницам и средам из постных блюд) с обильным возлиянием вина и водки под управлением *тойбаши* или *тамады* - распорядителя свадьбы, избранного из среды ближайших родственников (это или зять, или двоюродный брат жениха). На глазах у всех происходило бритье главных участников свадьбы. Не везде эту процедуру начинали с жениха. Обыкновенно цирюльник прежде брил товарищей - *макар-ов*, затем кавора и, наконец, жениха. Цирюльник при бритье жениха оставлял небритой частицу его бороды (чаще всего, в виде маленького крестика) и отказывался продолжать брить, пока каждый из бривших и многие из присутствующих не положат по несколько копеек в его пользу на специально для этого приготовленный платок или на зеркало, которое давали держать жениху. Прежде чем положить деньги, каждый целовался с женихом. Получив от жениха его долю, цирюльник заканчивал бритье.

Затем приступали к освящению платья жениха. Священник по требнику освящал чоху и шапку его, а также два цветных платка: жених и кавор стояли с зажженными свечами в руках. По освящении один платок привязывался концом к поясу жениха с боку, другой - к поясу кавора.

К этому времени из дома жениха уже бывало послано подвенечное платье в дом невесты, где также собирались родственники и гости, одевали невесту и начинали пир. *Макарбаши* - глава макаров, назначенный кавором из близких друзей жениха, успел уже набрать из молодых людей ему дружину - макаров, на обязанности которых лежала защита жениха и невесты от

[1] *Обычай сопровождать обряд соответствующими обрядовыми мелодиями восходит к глубокой древности и имеет культовое значение.*

всяких нападений и всякой опасности, физической и духовной[1], а также выступление в качестве присяжных свидетелей во время венчания. Каждый из макаров вооружался кинжалом, саблей или ружьем и получал по восковой свече: кольцом зажженных свечей молодые охранялись в пути от нападения злых духов.

Из дома невесты являлся молодой человек с яблоком в руке приглашать жениха. Большая часть пожилых гостей расходилась, остальные пускались в путь на *харснар*—взятие невесты. Впереди шла группа зурначей, играя плясовые мотивы, за ними кавор вел за руку жениха; их окружали макары с зажженными свечами, стреляя в воздух, крича, подпевая и танцуя; процессия замыкалась шумной толпой гостей и родственников. Родители оставались дома. Если невеста проживала в чужом селе, за ней выезжали несколько раньше или на следующий день с зарей. По пути - та же стрельба, крики, шум. Часто жених и кавор ехали верхом, в кольце верховых или пеших макаров.

У входа в карадам процессию встречали отец и мать невесты. Мать выступала вперед, целовала лоб жениха и кавора и приглашала их в дом. Там в одном углу - пучах за занавесом - гардак сидела невеста. Макары рассаживались перед занавесом. Тут же рядом становился жених с кавором. Восковые свечи продолжали гореть[2]. Начиналось одаривание жениха и его товарищей. Выступал самый старший в доме и дарил жениху пояс или что другое и уговаривал его сесть. Но как только подходил кто из родственников с поздравлением и подарком, жених вставал и целовал ему руку, а родственницы целовали его и кавора в лицо. Вообще жених вел себя очень застенчиво, ел мало и не говорил, отвечая только на вопросы. Сходились и девушки, и начинали пляски в одиночку: круговых вообще в Нагорном Карабахе и прежде было мало, а теперь и вовсе нет. Обыкновенно уже после полуночи выносили «свет» - *луйс* - большое круглое металлическое плоское блюдо - *мэжмахи* или *налбаки* - наполненное яблоками, грушами и всякими сладостями, с бутылкой или кувшинчиком водки или вина посредине, с горящими кругом по краям или на бутылке в кувшинчике свечами; выносили деревянные подносы – хонча - с жареными или вареными курами, яйцами, пловом, обсыпанным изюмом и другими сладостями, с вином и водкой и т. д. Таких блюд и подносов от родственников бывало несколько. Самые близкие преподносили «дерево» - цар - связанные наподобие ветки прутья, обвешанные яблоками, грушами, гранатами, конфетами; прутики увешаны были цветными лоскуточками, обмотаны нитками с нанизанными на них сладкими горошинами и изюмом. На дереве тоже горело несколько свечей. Внося приветствовали: «Պարի լուս» - «Доброе утро»! «Աստէն պարի» - «Добро от бога!» - кричали в ответ макары, для которых предназначались все эти подарки. Сначала все это раскладывали перед женихом, а затем по распоряжению макарбаши все приношения принимались его помощниками и сортировались (вино и водка сливались в большие сосуды) и все это частью шло тут же на общее угощение, частью сохранялось для продолжения кутежа по истечении трех свадебных дней или же просто делилось между макарами.

Пир продолжался до утра или же далеко за полночь и затем на несколько часов прерывался; все расходились, кроме жениха, кавора и нескольких макаров. Утром при первых звуках зурны все вновь собирались к освящению подвенечного платья невесты - *ктэт орхнэк*. Священник святил платье, присланное женихом невесте, а с ним вместе и подарок тестя своему зятю - пояс или какую-либо часть одежды; все это сложено было на круглом медном подносе - *сини*. В старину невеста оставалась за занавесом в пучахе, но в последнее время ее выводили и ставили рядом с женихом и обоим давали по зажженной свече. Если во время обручения ей не было

[1] *Случалось, что той же девушке симпатизировал и другой парень. Тогда он со своими товарищами по дороге в церковь нападал на жениха, стараясь отбить невесту (прим, ред.).*

[2] *В некоторых местах иногда под ковром, на котором должен был стать жених, где-либо пол посыпался ячменем. Если жених наступал на это место, значит он глупый человек.*

дано кольца, то оно надевалось теперь. Затем невеста уходила опять за занавес, где ее одевали в освященное платье и повязывали ей голову - *клохы капэл*, т. е. сняв простой девичий платок, убирали голову убором замужней женщины. Пояс повязывал ей кавор и, ударяя по спине, выражал пожелание, чтобы бог даровал ей молодца сына.

После этого обряда жених и невеста отправлялись в церковь. Во главе процессии шли *зурначи* и *тэпчи* - барабанщики, затем тойбаши, высоко развевая «знамя» - цветной платок, привязанный к концу длинного шеста. «Царь» и «царица»[1] выступали рядом, он по левой, она - по правой стороне. Кавор шел рядом с женихом, а «подружка» - харснакир[2]- рядом с невестой. Их окружало кольцо макаров, из которых некоторые несли «деревья» с зажженными на них свечами. Гости следовали за этим кольцом. Крик, шум, стрельба. У церкви расставлялась стража из макаров, чтобы никто не посмел бросить камень на крышу и тем навести бесплодие на невесту; в церкви, с той же целью, невесту тесно обступали «подружки», чтобы кто-либо из женщин не вшил ей нитку в платье. Тойбаши передавал священнику четки сельского старшины в знак того, что имеется согласие и с его стороны. Если в деревне одновременно совершалось несколько свадеб, каждая торопилась попасть раньше в церковь. Если две процессии встречались на пути, они старались идти рядышком и вместе вступить в церковь, так как иначе вступившая первой пара будет в жизни несчастной. Избегали совершать обряд венчания в церкви, если там находился покойник. В таком случае венчание совершалось дома, у *турун-а* - тонир-а (печь - яма в земле), так же, как и в деревнях, где не было церкви. По краям туруна прикрепляли зажженные восковые свечи. Священник совершал обряд, обводя несколько раз пару вокруг туруна. Во время совершения обряда священник повязывал *нарот-ом*, или по местному выражению «зелено-красным» - кыныч-кармур шнуром[3] жениху шею, а невесте - правую руку выше кисти, скрепляя концы шнура воском и «припечатывая» крестом. Этот шнур снимался священником с чтением установленных молитв лишь на следующий день вечером, и затем уже разрешалось новобрачным вступить на брачное ложе. В северном районе Нагорного Карабаха в Джраберде (Вагуас, Мардакерт) на голову жениху и невесте надевали венцы - узкие, тканые золотом шелковые диадемы с ниспадающей бахромой из шелковых ниток, на концах которых висели серебряные шарики. На юге, в Дизаке таким венцом - «так» - венчали только голову невесты: этим хотели ее отличить от других женщин; жениха же все узнавали по длинному цветному платку, перехватывавшему накрест ему грудь. В Варанде (с. Чартар) венцов не было: *так-ом* тут назывался *нарот* или *кыныч-кармур*.

По совершении церковного обряда, при выходе из храма кавор держал снаружи высоко над дверью обнаженный меч: молодых проводили под этим мечом, чтобы никакая недобрая сила не посмела приблизиться к ним. Так в Варанде. В других же районах это проделывал один из макаров, становясь при возвращении из церкви в дом отца невесты с обнаженным мечом у входа в карадам.

Из церкви вся процессия направлялась к священным очагам, где молодые, опускаясь на колени, возжигали свечи, курили ладан или прикладывались к святыням, затем медленно возвращались в дом родителей невесты. По пути родственники жениха и невесты, а также кавора выходили из домов навстречу с подносами, наполненными сладостями, печеньями, сушеными фруктами, разными кушаньями (плов, яичница, жареная курица), угощали новобрачных, макаров и гостей вином и водкой. Начиналось непродолжительное пиршество с плясками и всякими шутками; тут же дарили невесте по *лачак-у* (головной платок) или *чархат-у* (головная шаль), жениху - по платку или «черезплечнику» (проколотая серебряная монета),

---

[1] *В армянской народной свадьбе жених и невеста традиционно именуются тагавор и такуи – букв. «царь», «венценосец» и «царица», венценосица». О «таг»-е-венце подробнее см. из стр. |20 (прим. ред.).*

[2] *Традиционный персонаж армянской свадьбы: сестра или близкая подружка невесты, обязательно незамужняя, ее телохранительница на всем протяжении свадьбы (прим. ред.).*

[3] *Скрученные вместе зеленая н красная нитки-кыныч-кармур называется и радуга.*

надетая на «кыныч-кармур». Задерживались, смотря по обилию угощения; иногда хозяева зазывали всех к себе в дом, к накрытому столу - тогда уже не скоро можно было оттуда выбраться...

Наконец, вся компания достигала дома невесты. Родители, которые никогда не присутствовали на церковном венчании, ждали их с обедом. Это *тахтачаш* (буквально, «обед на тахте») - «тронный обед».

Невеста опять направлялась за занавес, жених становился перед занавесом, несколько поодаль от него кавор и дружки жениха. За стол жених не садился и не прикладывался к пище, пока родственники невесты не преподнесут ему несколько пар носков и шапку. Сначала обедали мужчины, затем женщины. К вечеру дальние родственники расходились.

Прежде чем вести невесту в церковь, а оттуда в дом жениха, отец или кто-либо из старших в семье приносил приданое и каждую вещь отдельно показывал. При этом барабанщик высоко подымал эту вещь, обращая на нее внимание всех: «Кум такой-то дал своей дочери такую-то вещь (две смены белья), которая стоит самое малое ... рублей». Макары и вся публика кричали: «Дай бог ему больше добра» - «Շէն կէնա, շէն» (буквально: «Пусть будет он в довольстве»). После этого все подарки навьючивали на лошадь, сажали на нее мальчика, обычно брата невесты, и отправляли к жениху. Здесь мальчик не слезал с коня, пока ему не дадут денег.

Перед тем, как оставить навсегда отчий дом, невеста с женихом становились на колени и целовали родной очаг (так, чтобы у обоих носы замазались золой (с. Мардакерт), в варандинских же деревнях жених брал себе щепотку золы). В дом жениха невеста шла в том же порядке, как шла из церкви, выступая не рядом, как равная ему, а позади, держась за конец платка, привязанного к его поясу. Занавес - *гардак* спешно посылался вперед и им в доме жениха отгораживался угол - *пучах*. В старину перед вступлением новобрачных во двор закалывали у ног невесты барана или петуха (в Дзамдзоре, Вагуасе - курицу). Новобрачных встречали, танцуя, родители жениха, главным образом, мать (родители невесты не сопровождают дочь). Затем свекровь, высоко держа над головой медное круглое блюдо - *межмахи*. на котором на нескольких хлебах, положенных друг на друга, на углях курился ладан, три раза, приплясывая, обходила новобрачную пару и кавора справа налево[1] и целовала в лоб невесту. Хлеб этот тут же раздавался детям и нищим. В это время, чаще до процедуры с блюдом, с крыши дома кто-либо из родственников посыпал новобрачных, в особенности невесту, целым дождем орехов, каштанов, яблок, мелких серебряных монет и т. п. Детвора и макар-ы шумно кидались подбирать все это. Тут из дома выносили *ошнак* - горшок с коровьим маслом и передавали невесте. Она бросала в масло несколько монет, затем смазывала маслом верх косяка входной двери и волосы свекрови и переступала через порог. На пороге она разбивала ногой тарелку, и затем жених вел ее к очагу. Тут оба преклоняли колени и прикладывались к очагу, причем невеста кидала в огонь ладан и старший в доме благословлял молодую пару. Невеста немедленно уединялась за занавес, где ступала осторожно, чтобы не сесть как-нибудь на ослиное седло, спрятанное под ковром и не выказать тем свою глупость (это практиковалось не во всех деревнях). Тут свекровь, подхватив кого-либо из маленьких мальчиков, передавала его в объятия невестке с пожеланием: «Да родишь и ты на счастье мальчика».

Пир затягивался далеко за полночь. Тут же родственники жениха приносили «свет» и «деревья» (не во всех деревнях; так, в Дзамдзоре этого обычая нет). Когда гости расходились, с невестой оставался ночевать младший брат или кто-либо из малолетних родственников, чтобы жених не подобрался к ней. С женихом оставался на ночь один из макаров или сам кавор.

[1] *По объяснению чартарцев, как бы приносили себя а жертву сыну, как это делается при приношении у храма в жертву барана, которого сперва три раза обносят вокруг святыни.*

На следующий день происходило чествование - мецарк[1]. Собравшиеся в дом жениха родственники и почетные члены сельской общины потчевались обедом - сначала мужчины, а затем и женщины, и когда обильные возлияния водки и вина приводили всех особенно восторженное состояние, начинался *канч* - клич. Барабанщик клал перед сельским старшиной барабан в виде стола (до последнего времени в Армении, включая и Нагорный Карабах, обедают, рассевшись на коврах; столы завелись в сравнительно недавнее время), покрывал его красной шелковой шалью и всеми присутствующими производилось подношение деньгами в пользу жениха. При каждом взносе барабанщик объявлял: «Такой-то из любви к нашему «царю» принес столько-то рублей. Дай бог ему больше добра». Присутствующие повторяли; «Ему больше добра!». При этом следили, чтобы эти подношения не были меньше того, сколько было поднесено родными жениха на свадьбе их детей. Таким путем собиралась иногда сумма, превышающая свадебные расходы.

После мецарка, когда все расходились, священник в присутствии кавора снимал с жениха и невесты кыныч-кармур. Иногда этот обряд совершался после пира макаров - *мыкыркочек*, который происходил или в тот же день после мецарка или на следующий день. Тут поедалось и выпивалось все, что было собрано макарами за свадебные дни, остальное делилось между ними. Если этот пир макаров происходил днем, он заканчивался тем, что жених с родителями и макарами отправлялся на кладбище святить родные могилы.

Брачное ложе приготовлялось родственницами жениха. Никто из домашних в эту ночь не мог оставаться дома: они ночевали у родственников и соседей. У постели на медном блюде оставлялись вино, фрукты, мед в чашке и разные сладости. Утром рано, с пением петухов, молодой муж убегал к кому-либо из близких людей: до его выхода никто не имел права вступить в дом. Женщины из семьи мужа и кавора проверяли целомудрие невесты. Доказательство - брачная простыня - посылалась с поздравлениями к ее родителям. Все поздравляли молодую и дарили ей по серебряной монете. Вечером с зурной родственники приводили молодого обратно домой.

Спустя неделю мать молодухи -одна или с близкими родственницами приходили купать ее - *кылхылва* (дословно-головомойка); она приносила мыло, гребень, нитки, спицы, смену белья и т. п.

Сорокодневие. В течение *красунк* - сорока дней муж и жена считались нечистыми. Молодая не показывалась на солнце и не выходила за водой; если ей необходимо было идти за водой, она шла ночью, так, чтобы никого не встретить по дороге. Муж в течение этого времени не мог быть ни на чьей свадьбе или войти в дом роженицы, даже пройти по ее крыше, иначе он принесет ей несчастье: злой дух наступит».

Он не мог ходить в хлев к скотине; если во дворе или на улице встречал скотину, должен был сам пойти навстречу; если же скотина пойдет на него, он будет попран, *кыкохви* - затопчен злым духом. В течение «сорокодневия» молодая пряталась от всех за занавесом и обедала у себя в пучахе, выходила она оттуда только по приглашению и, притом лишь получив в подарок монету.

Молодой муж, встретив старика, где бы то ни было, должен был подойти и приложиться к его руке. До истечения года или до рождения первого ребенка молодая обязана была ходить не иначе, как с закрытым лицом.

Родины и крестины

Остаться бездетной было самым ужасным несчастьем для карабахской армянки, а потому, как только у нее возникало на этот счет подозрение, она прибегала к содействию знахарей и

---

[1] *Следует понимать как чествование «царя» (жениха), а не как обряд в честь «больших», в честь «вельмож». (См. ՀԱՐՍԻՆՔՍ, с. 141). Приглашались не только мужчины, но и женщины (Ср* Давидбеков И. ***Село Гадрут*** *с 187.)*

колдунов, к ворожбе, к хождению по разным соседним и отдаленным местам на богомолье, к обетам, к молитвам и т. п.

Родины. Как только начинались роды, всех мужчин выпроваживали из дому: при бабке оставались по преимуществу старые женщины из домашних и близких родственников. Предполагалось, что во время родов над домом и в доме около самой роженицы витают злые духи *кашк*-эр и потому разного рода обрядами старались помешать духам овладеть роженицей.

Если роды затягивались, то одна из родственниц поднималась на крышу, садилась наподобие курицы у окошечка в потолке и кричала: «Рожаешь - рожай, а не то вот я рожаю (несу)», и при этом сбрасывала оттуда в окошечко вниз как бы снесенное ею яйцо. Когда же роженица теряла сознание, что являлось признаком того, что ею овладевает злой дух, женщины выбегали из комнаты, поднимали шум и крик, чтобы отогнать *кашк*-ов, клали шапку крестного отца (кавора) на голову роженице, чтобы злые духи приняли ее за мужчину, приглашали самого крестного отца, который бил и теребил ее, чтобы выгнать из нее бесов, клали ей под подушку кинжал, шашки, веретено, и вообще что-либо стальное, острое, а также заклинательное письмо, евангелие и т. п. или же у порога кидали тяжелую железную цепь.

Если рождался мальчик, бабка отправлялась с поздравлениями *мыштылых* к отцу и в шутку срывала с его головы шапку и кидала ее на землю, требуя подарка (деньгами, платком, нитками и т. п.). Если же рождалась девочка, в доме воцарялась тишина.

В некоторых селениях (Тахлар, Мардакерт) бабка тотчас по рождении, обмыв и посыпав солью ребенка, выносила его на крышу, и став лицом к востоку произносила: «Боже, даруй этого ребенка его отцу и матери» -«Աստուած, էս ըրեխան հորը, մօրը բաշխի»:

В Baryace (Джрабердского района) при первом вступлении отца в дом бабка предварительно выносила ребенка из дома и, пропустив отца вперед в комнату, входила за ним и передавала ребенка ему на руки. Взяв ребенка на руки, отец признавал себя тем самым его родителем. В других местах (с. Чартар) этот обряд совершался бабкой для того, чтобы получить от отца подарок.

О рождении нового члена семьи тотчас же сообщалось родственникам и ближним, в первую очередь крестному отцу. Свою радость они выражали присылкой яичницы, плова и других блюд, а женщины являлись и с личными поздравлениями «Աշկըտ լուս», дословно - «Да будет свет твоим глазам». Вскоре приглашали и священника «очистить дом» и всю посуду от следов пребывания злых духов, однако роженица все еще признавалась одержимой нечистыми силами. До крестин ее кормили и поили из особой посуды. Ей запрещено было кроить, шить и вообще до чего-либо дотрагиваться руками, даже до своего ребенка, которого в это время купала бабка или, за ее отсутствием, кто-либо из домашних старух. В этот период роженицу кормили особыми кушаньями, а также сладостями, давали пить вместо воды выдержанное старое вино.

Крестины. Крестины совершались спустя неделю после рождения, обычно в церкви, в редких случаях дома, над туруном. Бабка, до того, как крестный отец после крестин передаст ребенка матери, торопилась принести из купели освященной воды и обмыть роженице руки, чтобы та могла «чистыми руками» принять дитя. Мать целовала сначала руку крестного отца. Жена последнего преподносила ей яичницу на сахаре и меду. Тут священник объявлял имя, нареченное ребенку. Имена выбирались по желанию родителей или по - календарному на этот день рождения имени святого. При живом деде или бабушке их имена не давались детям, а если и нарекались, то не произносились домашними, а заменялись другими - уменьшительными, искаженными, условными. Принято было имя какого-либо героя и выдающегося деятеля в уверенности, что ребенок воспримет с именем и его качества.

Сорокодневие. Даже встав с постели (обыкновенно на 10-й день), роженица в течение сорока дней считалась нечистой. Она не могла варить пищу, месить тесто, чтобы не осквернить их, не

должна была осквернять босыми ногами землю, резать себе ногти, купаться и обмываться, чтобы не осквернить отпадающими при этом частями своего тела окружающих предметов. Она не могла появляться на дворе после восхода и до заката солнца, после заката не могла купать кого-либо, даже своего ребенка. Если же это было необходимо, она должна была бросить в воду стальной предмет. После заката роженица не могла выливать горячую воду на землю, а лишь переливать в другую посуду. Часть этих запретов имела, безусловно, гигиеническое значение и освобождала женщину от многих тяжелых работ, которыми она бывала обременена по самый день родов.

За это сорокодневие ребенок более всего был подвержен опасности сделаться предметом злых наваждений. Если входил в дом отец (и даже посторонний мужчина, у которого дома имелась роженица, не закончившая периода сорокодневного срока) или, если приносили в дом мясо, то сначала необходимо было вынести ребенка за порог, пропустить отца или мужчину или принесшего мясо и затем уже внести обратно ребенка, иначе злой дух может попрать его - *кы кохи*. По той же причине запрещалось входить к роженице новобрачным, находящимся в периоде сорокодневия; если мимо проносили покойника, надо было встать и взять ребенка на руки.

Если ребенок начинал хиреть и вообще болеть, значит злой дух попрал его. Тогда приглашали того человека, который был причиной попрания, и купали ребенка над его ногами, а если это был отец, то сверх того, выносили ребенка на крышу, пока отец не вышел из дома. Если же причину установить не представлялось возможным, то ребенка купали над щенком (щенок, обыкновенно, при этом околевал, по уверению рассказчиков в Вагуасе) или же над черепом околевшей собаки, найденной в поле, или же над черепом человека. Иногда обмывали ноги ребенка на могиле убитого человека и вокруг его головы обводили камнем, взятым с этой могилы, затем хоронили тут же у могилы яйцо и гвоздь в уверенности, что этим погребена болезнь или порча.

Но и по истечении сорока дней ребенок подвержен был подобным напастям. Чтобы уберечь его от сглаза, вешали на люльке или пришивали к плечикам черные шарики или кубики с белыми глазочками и бусы - «глазки» *ашкаулунк*. Чтобы быть гарантированными от сглаза, дети до юношеских лет носили нашивки из маленького стального огнива и т. п.

Спустя сорок дней после родов роженицу купали над соломой, а солому сжигали. Затем «выводили на солнце» люльку, ребенка и, наконец, мать. К вечеру собирались родственницы, чтобы проводить мать с ребенком в церковь, где священник совершал окончательное очищение чтением молитв.

Похороны и поминки

Плохой признак, если кто видит во сне покойного родственника: час его смерти, значит, близок. Бред умирающего - это разговор его с душами покойников - родственников. Душа, удаляясь из тела, издает какой-то крик. Видеть ее могут лишь праведные люди.

Тотчас после смерти все родственники и соседи спешили утешить родных и пожелать покойнику светлой загробной жизни. Приглашался священник освятить саван и воду, которой должны были обмыть покойника. Умершего обмывали родственники или близкие соседи, его же пола: мужчину - мужчины, женщину - женщины: могилу рыли также родственники (или близкие соседи). За все время до погребения в домах родственников умершего не производилась стирка, а иногда прекращались также и работы в поле, на гумне или в саду, так как «ангел смерти» еще пребывает в деревне. Впрочем, ангел являлся лишь за праведными душами, которые исходят легко, в виде цветка розы, а за грешными прилетали злые духи: душа у таких людей отходит с трудом, в виде безобразного зверя (с. Дзамдзор Дизакского района).

После обмывания покойника заворачивали в саван, а затем в карпет (безворсовый ковер) и клали на плетеные носилки - *наж*, которые хранились при церкви (гробы завелись сравнительно недавно, в них покойника кладут завернутым в один только саван). Руки скрещивали на груди: младенцам и умершим в раннем возрасте вкладывали в руки свечку, чтобы, когда умрут их родители, они вышли навстречу освещать им путь.

В старину тотчас после обмывания покойника переносили в церковь; в настоящее время его часто оставляют дома, даже на несколько дней, смотря по погоде.

Перед выносом собравшиеся родственницы, соседки и специально приглашенные плакальщицы садились вокруг трупа и начиналось оплакивание. Мать или старшая сестра, или же одна из старух, более талантливая, умеющая придать своим слезам определенный ритм, в печальной песне перечисляла все достоинства покойного, вспоминала частности из его жизни, его слова, его отношение к членам семьи и соседям и заканчивала каждую часть своего восхваления громким воплем, который подхватывался всеми остальными протяжным хором.

При выносе из дома в Дизаке и Джраберде дверь из комнаты закрывали и три раза ударяли о нее носилками или концом гроба, желая, как бы пробить ее[1]. В Варанде этого обычая не придерживались.

При отпевании в церкви женщины должны были вернуться домой, на кладбище покойника провожали только мужчины. Прежде чем расстаться с покойником, в церкви начиналось оплакивание: женщины в экстазе иногда доходили до того, что срывали с себя головной убор, били себя по голове, царапали лицо, дергали волосы и даже падали в обморок. Тот же плач с завыванием продолжался затем и дома - над одеждой покойного как по возвращении из церкви, так и в течение почти всей недели, всякий раз, как родственники и друзья собирались утешать семью покойника.

Идя перед покойником по улице, священник не должен был оглядываться: если он оглянется, непременно еще кто-нибудь умрет в той же семье.

Обряд погребения совершался согласно церковной традиции. Труп опускался в могилу завернутым в саван или в гробу. Один из близких родственников первый кидал горсть земли, предварительно дав священнику благословить ее крестом, за ним и все остальные делали то же: «Доброго пути, передавай наш привет нашим покойникам».

Старший представитель дома приглашал всех участников погребения на поминальный обед – *жымахац* - «церковный обед» или *бадарак*, где подавали всем *куркут* - пшеничную крупу, вареную с бараниной или говядиной, и в изобилии вино и водку; за обедом делились воспоминаниями о покойнике.

На следующий день на могилу приходили женщины с печениями, вином и водкой. Собирались самые близкие мужчины. Священник освящал могилу и женщины повторяли свой плач, обнимали и целовали могильный холм, смазывали себе грудь (сердце) горстью земли с могилы, чтобы утешиться хоть сколько-нибудь, «прохладиться»; некоторые сыпали себе эту землю с затылка под рубашку, чтобы быть свободным от всякого страха. Затем все принесенное тут же поедалось и выпивалось; часть оставлялась на могиле или раздавалась бедным. Вернувшись домой, устраивали поминальный обед для тесного круга.

Накануне седьмины - *охны* родственницы и соседки собирались в доме покойника снимать траур с женщин: они мыли им головы и делали приношения - печениями, вином, водкой, вареной курицей и т. п. На седьмой день совершалась над могилой панихида повторялись плач и вопль и устраивался опять поминальный обед.

В годовщину - *тари* после панихиды на кладбище приглашались на поминки все жители селения, пили и ели за упокой души покойного и всех умерших его родственников. Некоторые

[1] *Пережиток того обычая, который существовал и у сторонников зороастризма, выносивших покойников не через дверь, а через брешь, проделанную в стене.*

соблюдали траур и после снятия, и в течение одного года не выходили из дому, не бывали в гостях и часто посещали кладбище. Носить черное в знак траура стали только недавно.

Если после чьей-либо смерти оказывалось, что в доме начинает кто-нибудь хворать, это приписывали тому, что покойник еще жив и сердце его тоскует по оставшимся в живых. В таких случаях посыпали могилу ячменем и подводили коня. Если конь начинал спокойно есть зерно, это являлось показателем того, что покойник на самом деле мертв; если же не ел, значит покойник еще жив. Тогда разрывали могилу и прокалывали длинным гвоздем или мечом сердце покойника или же рассекали ему грудь, доставали сердце, перерезали его пополам, обмывали и клали обратно; иногда (в Варанде) кусочек от этого сердца приносили домой, обмывали водой и этой водой поили больного (Чартар, Вагуас, Дзамдзор). Во время персидского владычества в ночь после погребения ставили у могилы сторожей караулить, как бы кто не разрыл могилы и не отрезал головы покойника, чтобы потом представить хану и получить вознаграждение как за убитого христианина.

Глава IV
Верования

Разложить сложный комплекс верований карабахского армянина на генетические элементы представляется при современном состоянии наших знаний возможным лишь в самых общих чертах.

Конечно, было вовсе не случайностью, что древний Арцах примкнул к христианству; также нельзя не искать глубоких причин тому, что армянские трудовые массы Карабаха на протяжении многих веков шли за своим духовенством и землевладельцами—князьками, выступая в защиту христианства. Христианская церковь окрасила своим религиозным миросозерцанием все верования карабахского крестьянина. Однако, что поражает здесь, это слабое распространение почитания христианских святых. Подавляющее количество мест богомолья или совершенно не носит названий, связанных с определенными лицами, или носит название чисто местных святых: Хондик около с. Аветараноц, Сарибек около с. Дашушен, девы Ехиша кус между с. Сос и Чартар и др.

Общее почитание армянских святых заметнее выступает в северной части области, по долинам рек Хачен и Тартар, где благодаря более близким сношениям с внутренними армянскими провинциями, особенно с бассейном Севанского озера и с Вайкской (Даралагязской) котловиной, церковное строительство полнее усвоило более совершенные формы армянской архитектуры: в этих долинах возведены лучшие монастыри области - Гандзасарский, св. Акоба (недалеко от с. Колатак), святого Геворга Птки (у с. Улупап). Хатраванк, Хата (или Дадиванк), апостола Егишэ и др. Среди сельских церквей лишь одна (в с. Хрхан) посвящена Григору-просветителю Армении, одна (в с. Карасни) - Рипсимэ и две (Кхарци и Арав) - первым переводчикам-ученикам Месропа, наконец, одна (в Нор Драхтике) - Григору Нарекаци.

С другой стороны, не лишен интереса, для выяснения происхождения отдельных переживаний, и тот факт, что из 104 церквей Нагорного Карабаха 59 носили название богоматери. Невольно возникает вопрос, не имеем ли мы здесь склонность к почитанию женского начала, унаследованного от дохристианских времен, и не следует ли тут видеть доказательства распространенности в этой местности женского культа еще в древнюю эпоху.

Во всяком случае, из-под христианской оболочки еще сильно выступают в Нагорном Карабахе отдельные частицы языческого ядра, всех стадий исторического развития. При своем исследовании я искал, между прочим, культурно-бытовые пережитки в воззрениях, обычаях и материальной обстановке от времен влияния зороастризма, которому приписывают сильную роль в развитии культур восточноармянских провинций, Великого и Малого

Сюника, куда входил в древности и Арцах (Карабах), В предположении найти развалины «*атрушанов*»-башен для возжигания священного огня и «дахм»-мест выставления трупов я взбирался на все скалы, на которых имеются, по уверениям местных жителей, какие-то странные башни и постройки. Все эти развалины оказывались частями крепостей или отдельными передовыми укреплениями - наблюдательными позициями. Поклонение домашнему очагу, совершение обрядов свадебных и крестильных у туруна, поклонение горным вершинам, отдельным скалам, рощам, деревьям, родинкам и могилам, всем этим священным местам, которыми так богаты окрестности всех карабахских деревень, едва ли можно отнести к пережиткам специально авестических верований и следует возвести их к другим первоисточникам, чисто местным.

Однако, обычай закрывать дверь при выносе покойника из дома, пробивая ее тремя ударами гроба или погребальных носилок, можно считать идущим от близких к зороастрийским традициям, как и воспрещение роженице в период сорокодневия осквернять землю босыми ногами и частями своего «нечистого тела» (отрезанными ногтями, грязью, смытою с тела). Нельзя было осквернять воду и огонь, грешно было плевать в воду или в огонь, грешно гасить огонь дуновением: гасили пламя свечи или светильника зажимом пальцев или металлической иглой, огонь же посыпали золой. Все это очень напоминает запреты зороастрийских магов[1]. Точно так же обычай у замужних женщин завязывать себе подбородок до кончика носа необходимо признать возникшим из источника, общего с обычаем священнослужителей огнепоклонников, которые подобной повязкой оберегали во время служения огонь от осквернения нечистым дыханием; замужним женщинам ведь чаще всего приходится возиться у огня. Вообще, с точки зрения женского костюма всю Армению (и Грузию) можно разделить на область, где господствует обычай открытого подбородка и рта и область, где господствует обычай закрывать подбородок и рот. Нагорный Карабах относится к последней области, охватывающей почти весь восток Закавказья до бассейна оз. Ван и южнее[2]. О близости с религией древней Персии говорит также целый ряд выражений, где свет отождествляется с добром и счастьем: «Да будет свет своим очам»-«Աշքըտ լուս», «Да осветит бог его душу», «Да станет светлой душа его», «Мир его праху, покой душе его» - «Աստուծ հոգին լուսավորի, լուս ինի նրա հոգին»: Эти выражения общи всем армянским провинциям. Еще лет 40 тому назад, когда Ерванд Лалаян собирал материалы для этнографического описания Варанды, там можно было встретить стариков и старух, поклонявшихся солнцу и луне - источникам света[3]. В настоящее время этих обрядов уже нет, но тогда нередки были случаи, когда, опустившись на колени перед восходящим солнцем или нарождавшейся луной, старики говорили: «О солнце, получившее сияние от бога» или: «О луна, только что родившаяся из лона матери, лик мой у ног твоих, сохрани детей моих» и т. п. Пережитки однако остались. До сих пор клянутся: «Ей солнце! Ей луна! Ей огонь! Ей светильник! - «Էս րրը շնանր, էս լուսընկան, էս կլորակը, էս ճիրաքը» - формулы связанные с культом света и его источников. Недалеко от с. Вагуас в долине р. Тартар, на вершине горы Ходжахурд стоят две часовеньки, носящие название Вахи, совершенно сходное с армянским именем бога восходящего солнца Вахагн (он же бог грома и молнии). Если в засуху полить одну часовню водой -польет дождь; если же на другой зажечь огонь в дождливый день - взойдет солнышко. Безусловно, эта вершина (2402 м) была посвящена почитанию солнца[4].

---

[1] *Впрочем, этот обычай, распространенный у очень многих народов и объясняемый стремлением оградить дом от возвращения духа умершего или смерти, мог возникнуть и без влияния зороастризма.*

[2] *В архиве автора сохранилась рукопись его статьи «О повязывании рта и носа у армян». См. Научный кабинет-архив (прим. ред.).*

[3] *Վարանդա, с 216.*

[4] *Ср.* Ս. Բարխուդարյան, ***Արցախ***, *с. 193.*

Наряду с такими формами поклонения солнцу и свету, в Нагорном Карабахе в еще большей мере продолжал жить в народе страх перед тьмой, наступающей после заката солнца (см. ниже), перед ночью, когда выползают отовсюду *кашк*-ер - злые духи (дивы). Этот страх привел к запрету некоторых видов работы после заката солнца. Как все это просится на сопоставление с религией персидских магов! Однако делать вывод о прямом заимствовании преждевременно вследствие невыясненности многих вопросов о происхождении самого учения Зороастра: маздеизм и современные воззрения Нагорного Карабаха могут иметь одни и те же первоисточники в более отдаленных местных и далеко на восток и запад распространенных домаздеистических верованиях.

Вообще многие из характерных верований и связанные с ними обычаи в Нагорном Карабахе, совпадая в подробностях с горскими, указывают на местное их происхождение, другие - праздник Вартэвур (Преображение) ведут нас к хеттам, третьи - еще дальше на запад, в Средиземноморье. Однако наличные материалы еще настолько не полны, что многие вопросы сравнительной этнографии в связи с их эволюцией у нас могут только быть намечаемы, но не разрешаемы категорически.

Места поклонения

Горные вершины. В такой стране, как Нагорный Карабах, где горный рельеф не перемеживается с каким-либо значительным пространством равнинного характера и вся жизнь льнет к лону гор, поклонение горным вершинам естественно выступает на первое место. Нет ни одной более или менее высокой горы, на вершине которой не было бы святыни - сурп или хач - последнее слово в Нагорном Карабахе употребляется реже. Сурп - буквально «чистое», в переносном смысле - святое. Хач хотя на церковном языке и означает крест, в народном представлении имеет значение места, где сверхъестественные силы особенно охотно готовы выслушать и исполнить мольбы человека. К таким вершинам относятся прежде всего Мрав на севере, Дизапайт на юге и оба Кирса в центральной части, привлекавшие богомольцев из самых отдаленных частей Карабаха.

Вершина Мрава поднимается на хребте того же имени между Джрабердом и Гюлистаном. Зимой, весь одетый в белый саван, он особенно рельефно вырисовывается среди разбросанных в разных направлениях горных массивов. С него открывается панорама: на юг - до Аракса и далее до Савалана в персидском Азербайджане, на север - на степи, упирающиеся об исполинскую стену Большого Кавказа, на восток - через гладкие низменности до волн Каспийского моря и на запад - по ответвлениям Малого Кавказа, тянущимся к Куре. По двум опасным и круто извивающимся тропинкам богомольцы взбирались среди душистых трав и цветов к голым скалам, торчащим на самой вершине, чтобы там приложиться к маленькому белому хачкару, стоящему на небольшой площадке, обложенной по краям громадными камнями, ограждающими людей от падения. У одного из входов на эту площадку, в неглубоком колодце, они находили в самую жаркую летнюю пору снег и холодную воду[1].

Так же на юге царит над всеми окружающими вершинами гора Дизапайт, с которой взору открывается такая же величественная картина. И здесь вершина увенчана круто выступающими голыми скалами, из которых на самой высокой расчищена площадка. Тут стоит маленькая часовня, куда из отдаленных деревень летом в день Вардавара (Преображения) направлялся народ на богомолье и не только армяне, но и тюрки. На поклонение приходили сюда и поздней осенью, и ранней весной. Предметом почитания являлась не эта часовня, сравнительно недавно сооруженная, а могилы неизвестных мучеников или вернее, большой камень на их могиле, из-под которого суеверные женщины выгребают по горсти земли, в которой искали пшеничные или ячменные зерна: если попадается пшеничное зерно, у них

[1] *Ср.* Մ.Բարխուդարյան, ***Արցախ***, *с. 239*

родится мальчик, если же ячменное - девочка[1]. Предание, занесенное в местные *Четья-Минеи—Айсмавурк* гласит, что гуннские передовые отряды захватили в Арцахе многих из учеников Месропа Маштоца (V в.), изобретателя армянских письмен, между ними и знатную женщину по имени Такуи. Гуннский предводитель, плененный ее красотой, хотел насильно взять ее в жены. Она оказала сопротивление его вожделениям и поэтому была изрублена на куски. Ночью следы ее крови и разбросанные по полю куски ее тела стали испускать яркий свет. Полководец со своими двумя сыновьями и воинами, пораженные чудом, приняли христианство. Царь гуннов, узнав об этом, приказал казнить их. Однако сыновьям полководца - Мовсесу и Ераносу удалось бежать. Царские воины нагнали их на вершине горы, изрубили и положили их трупы в виде дров (*пайт*) на снопы (*дэз*) из пшеничных и ячменных колосьев и предали сожжению. Отсюда и гора получила название Дизапайт, а вся провинция - Дизак. На том месте, где были сожжены Мовсес и Еранос, в земле до сих пор сохранились пшеничные и ячменные зерна, выпавшие из колосьев[2].

Вследствие недостатка воды на вершине горы богомольцы спускались к родникам, расположенным у подошвы[3]. Здесь они закалывали жертвенное животное (барана), которое тут же варилось или зажаривалось на углях и поедалось с обильным возлиянием вина и водки. Тут же продолжался пир с песнями, играми, плясками и игрой на зурне и тымбла (барабане). В народе крепко держалось убеждение, что у *сурпа* необходимо отдаваться безудержному веселью.

Из других гор, после Мрава и Дизапайта, обоготворялись вершины Кирса, на которых тоже находится несколько мест богомолья. У с. Хрхан показывают камень, напоминающий издали женщину, кормящую грудью ребенка. Это Кирс исполнил просьбу несчастной матери, не желавшей вернуться к злой свекрови и взмолившейся к Кирсу обратить ее в камень. В другой раз Кирс превращает в камень женщину с ребенком, просившую ее спасти от нападавших разбойников: камень этот до сих пор стоит недалеко от с. Ашан[4].

Рощи. Вообще, в Нагорном Карабахе нет почти ни одной вершины, на которой не было бы сурпа. Редко тут можно увидеть часовенку. Обычно это груды камней, между которыми иногда можно найти более или менее орнаментированные хачкары. Если эти сурпы ниже пояса альпийских пастбищ, они непременно окружены рощицей из деревьев разных пород. Рощи эти считались священными и неприкосновенными. Ветви их были увенчаны лоскуточками от платьев молящихся, которые вместе с этими лоскутьями, рассчитывали оставить тут свои болезни и несчастья[5]. Иногда дерево обматывалось ниткой - кыныч-кармур. Тут почитание горных вершин тесно сплеталось с почитанием деревьев.

В настоящее время, когда горы Нагорного Карабаха лишены некогда бывшего роскошным лесного покрова, в особенности вблизи больших деревень, там и сям высоко на горных вершинах резко вырисовываются силуэты рощиц вековых деревьев, по которым нетрудно догадаться о нахождении там сурпа. Такие обособленные рощицы виднеются во множестве и на низменных местах, на холмах среди полей или у родников. Так, между нив с. Чартар один из холмов увенчан рощицей Кохак. В день Вознесения тянулись к ней толпы молящихся и возжигали свечи у камней какого-то святого; иногда закалывался жертвенный баран. Роща эта давала плодородие окружающим полям, хранила их от засухи, градобития, ливней, саранчи и др. бедствий. Среди деревьев тут виднеются развалины часовни: Кохак не выносит ни

---

[1] *Выяснилось, что сторож - единственный наблюдатель за этой святыней, накануне праздника перемешивал в равной части пшеницы и ячменя с золой под камнем*

[2] Ա.Բաբախանյան, ***Ուխտավորի հիշատակարանը***, *Շուշի, 1885, с. 56*

[3] *Место жертвоприношений лучше всего показывает, что поклонение воздастся горе*

[4] *Վարանդա, с. 189, 193*

[5] *Там же, с. 193, 198.*

монастырских, ни церковных стен; сколько ни пытались возводить здесь храм—холм сбрасывал с себя его стены.

Проезжая или проходя мимо святой рощи, карабахец благочестиво снимал шапку и осенял себя крестом, а в известные дни здесь собиралась молиться масса народу. Прежде никто не осмеливался сорвать здесь лист, срезать ветку или же унести упавшие с дерева сучья; такого святотатца согласно повериям постигала или болезнь в виде паралича той или иной части тела, или несчастье в семье и неудача в делах. Рассказывают, что один, сорвавший ветку с дерева у святыни Сарибека (около Шуши, под с. Дашушен), сорок лет был пригвожден к постели.

Кроме рощ, имеются и отдельно стоящие деревья - великаны, сурпы. Около с. Гадрут, у родника Хор-Ахбюр, стоит священный гигантский чинар, более четырех саженей в окружности. Упавшие с него сучья валялись под ним, и никто их не трогал. Порошок от сгнивших ветвей исцелял от многих болезней. Другой многовековой чинар более 20 м в обхват почитался у с. Схторашен: при всякой беде сюда собирались молиться и прикрепляли зажженные свечи к его коре и в дупле.

Родники. Благодаря народному суеверию, многие родинки спасены от усыхания, потому что в большинстве случаев священные рощи затеняют места, где из-под земли выбивается вода. Почитание воды, вызывающее запрет осквернять ее плевком или другим способом, превращается в настоящее поклонение. Имеется ряд родников, которым предписывалась чудесная сила исцеления от разных недугов и которые стали местом поклонения. Одни «излечивали» от чесотки (у с. Хюнот), другие от малярии и экземы (у с. Аветараноц, «Воске хач» у с. Гиши), третьи-от болезни глаз (родник «Ехин-Ахбюр» у с. Кусапат). Из расщелины скалы над с. Чартар бьет родник, защищенный густыми деревьями от палящих лучей солнца: сюда приходили искать исцеления от краснухи из Шуши, Шамахи, Нухи и др. отдаленных местностей. Он называется «Ухтацахик» (Верблюжьим цветком). Нужно было помолиться у родника, возжечь свечи, зарыть в землю два яйца и два гвоздя, зачерпнуть воды и смазать ею больное место или выкупаться в водоеме. Можно было взять воды для больного, но во время переноски воды на место нельзя было опускать посуду на землю и оглядываться - иначе вода теряла свою целительную силу.

С некоторыми родниками связываются рассказы о чудесном их возникновении. Так, у монастыря Егише Аракял, на левом берегу р. Тартар, священный родник бьет на том месте, где сын царя Вачагана, отказавшегося от царства, застал отца таскающим воду издалека для возведения стен монастыря: сын хотел было помочь ему и стал вырывать у него из рук тулух - кожаный мешок для переноски воды, но отец воспротивился; тулух разорвался, и там, где пролилась вода, из земли стал выбивать родник, у самого места постройки. В другом месте, у с. Хачмач, ключ стал выбивать в часовне, где ребенок приставал к молящейся матери, прося воды: не желая прерывать своей горячей молитвы, мать обратилась к богу с просьбой утолить жажду ребенка-тот же родник тотчас забил.

На склоне г. Дизапайт богомольцы обыкновенно останавливались у родника Арчи ахпюр. История его такова: как-то в жаркий день из соседнего леса вышел медведь (арч) и стал подыматься на гору, сильная жажда томила его. В изнеможении он упал на землю и стал лизать раскаленные камни и с ревом обратился за помощью к небу: небо сжалилось над ним, и тут заструился Медвежий родник (ахпюр). Но раньше, чем зверь достиг священной горы, молния поразила его. Могилу его показывали богомольцы у кучи камней, что под самой скалой у вершины и, спускаясь с богомолья, останавливались тут с молитвою, разводили огонь, закалывали барана и устраивали жертвенный пир.[1]

[1] Ա.Բաբախանյան, *Ուխտավորի հիշատակարանը*,*с.83*

Нахатак. Ко всем этим горным вершинам, священным камням (а их также много в Нагорном Карабахе), рощам, отдельно стоящим деревьям и родникам народ одинаково применяет слово сурп или реже хач. На вопрос, чем ознаменованы эти места, в большинстве случаев получаешь неопределенный ответ: «Ну, святое место и только». Редко когда с ними соединяется какое-либо сбивчивое предание. Или просто прибавляют: «Нахатаки тэха» - место мученика. Например, у с. Кызкала - Большой и Малый нахатак; у с. Пирджамал - Коба, а по соседству, у с. Нахичеваник -Чгнаворци (Мученица), у предыдущего села погибли за веру два брата -Пир и Джамал, а у последнего-их сестра; у с. Нор Кятук – Спитак хол и Зинавор; у с. Дрнаваз - Ахин Нахатак; на старом шушинском кладбище - Нахатак Антон Тифлисеци; в тюркской части Шуши - Каму хач - от ревматизма, у с. Дахрав Брнчи нахатак; у с. Птрецик (Бадара) - Цэра Нахатак; у с. Ванк - Хыкэхан; у с. Атерек - Астхаблур; у с. Оратах - просто Ныхатак и т. д.

Нахатак (ныхатак)-это погибший за веру человек или павший в бою без причащения воин (в Кохаке, Мецшене или иначе *Хырты пыток*-в с. Нахичеваник), или человек, пораженный молнией. Так, у с. Гадрут погибли за веру брат и сестра-Хорен и Мина; у с. Кусапат там, где стоит дуб и под ним лежит куча камней, из которых один с грубым изображением креста - Хариби хач убит какой-то чужеземец - христианин, спасавшийся от преследования. На вершине горы, между сел Аветараноц, Саргсашен и Верхний Тахавард, среди рощи погребены мученики - священник Гевонд и сестра его Анна, убитые язычниками: отсюда и название этого места Хондиг. О мученице Деве Егише, место погребения которой указывают среди леса на вершине горы между с. Сос, Керт и Чартар, в народе сохранилось свое предание[1]. Молния считалась мечом в руках ангелов, которые ею поражают злых духов, поэтому очищены от всего нечистого те места, куда попала молния—и вершины, и высокие деревья (у с. Хачмач и Арав), и даже человек, пораженный ею.

У Хондига и Девы Егишэ возведены маленькие обители - пустыни (*анапат*), где когда-то жили отшельники, но большинство сурб-ов и хач-ей или не носят никаких признаков прикосновения христианства, или это выражается грубым изображением креста на камне, а в некоторых случаях возведением маленьких алтарей - *бэм*-ов. Один из таких бэмов, сравнительно недавней постройки, но придерживающейся общепринятой архитектуры, возвышается на гребне выступа откоса, спускающегося к речке Вагуас из-под Цорской крепости (у сел Тах и Ванк, около Гадрута). Он называется Ангачи хач - так как сюда приходили молиться при болезнях уха - и представляет четырехгранную призму, имеющую у основания 1,50 Х 1,75 м, а в вышину - 2,20 м и заканчивающуюся четырехгранной же пирамидой с крестом на вершине. С восточной стороны, на половине высоты, в ней оставлена маленькая ниша почти квадратного очертания, глубиной в 0,30 м. В этой нише нет ни образка, ни даже маленького хачкара. Больные не оставляли здесь никаких железных фигур человека или части его тела, пораженной болезнью (как это делалось, например, в Грузии или в Лори). Обедни также не служили, а богомольцы ограничивались возжиганием свечей и принесением в жертву барана. Рядом с этим бэмом стоит священное дерево, обвешанное еще и теперь лоскутками и обвязанное зелено-красным шнуром. Таких бэмов насчитывается по Нагорному Карабаху около полусотни.

У некоторых Ныхатаков выросли довольно обширные монастыри. К таким надо причислить, например, монастырь Мавас (у села того же имени), воздвигнутый на могилах четырех мучеников, или Иннымас, стоящий на гребне возвышенности у с. Кусапат; по преданию, здесь погребены девять братьев, зарубленных язычниками; уверяли, что они являются во сне молящимся женщинам все одетые в одинаковые одежды, верхом на белых конях.

---

[1] *В одной только надписи Егише названа «Девой» (куйс), в народе же ее называют Аракел-апостол*

В другом месте к могилам мучеников приурочена ветхозаветная история о трех вавилонских отроках. В труднодоступном ущелье р. Трхи, левого притока р. Тартар, несколько выше развалин Джрабердской крепости, на узкой площадке на гребне откоса, спускающегося с Мравского хребта, стоит храм, в котором лежат останки этих отроков, перевезенных из Багдада. Верблюд, на котором их перевозили, дойдя несколько ниже этого места, пал на колени. В этом усмотрели указание свыше и начали тут строить храм, но стая ласточек налетала на раствор извести, приготовленный для постройки, и стала лепить гнезда выше на гребне. В этом было усмотрено новое указание перенести постройку туда, а на месте, где остановился верблюд, возвели маленькую церковь[1]. На Пасху и в конце августа к храму Ериц Манкунк по крутым лесным тропинкам тянулись богомольцы с обоих склонов Мравского хребта.

Могилы. Почитание могил повсеместно распространено в Нагорном Карабахе. Могилы павших внезапно (от пули, меча, молнии) и не успевших причаститься имели целительные свойства. Заболевшего от испуга заставляли наклониться над такой могилой и лили ему на затылок воду или заставляли выпить воды из чашеобразного углубления на могильной плите, или смазывали ему затылок землей с такой могилы. Такой же силой обладали и могилы лиц, отличавшихся геройством или чудесами. Такова могила девицы Гаяне из рода Мелик-Шахназарянов, убившей турецкого полководца Сулейман-бека, занявшего со своими отрядами Варанду и требовавшего ее руки (в 1733 г.). Она согласилась было выйти за него замуж, но умышленно откладывала свадьбу под различными предлогами до того дня, когда по общему уговору во всем Карабахе народ кинулся на турецкие гарнизоны и стал их избивать. Во время избиения Сулейман-бек искал убежища в доме Мелик-Шахназарянов, но при вступлении в их дом он был пронзен мечом Гаяне. Затем она удалилась в монастырь. На надгробной плите она изображена с мечом, пронзающим голову у ее ног; меч зацвел. Тут же у ее ног высечено углубление, из которого пил воду тот, кто заболел от испуга. Такая чаша высечена и в с. Нинги на могильной плите священника Карапета Тер-Петросяна (в 1864 г. умершего 97-ми лет): его род из поколения в поколение лечил от колдовства и испуга. К его могиле-Дэри герэзман - ездили не только из ближайших деревень, но и из Шуши и Баку[2].

Культ животных. Почитаются могилы не только людей, но и некоторых животных. Выше было сказано о святости того места, где молнией был поражен медведь, взбиравшийся на вершину Дизапайта. Трогательный рассказ сохранился о другом медведе, могилу которого чтили в монастыре сурп Григора в Птхес - берке. Один из основателей монастыря встретил в лесу медведя, у которого от занозы распухла лапа. Монах достал занозу, обмыл и перевязал рану. Медведь последовал за ним в монастырь и стал помогать ему на стройке, доставляя на спине тяжелые камни из каменоломни. По окончании строительства он остался жить в монастыре и исполнять всевозможные поручения. Однажды, вернувшись из дальнего путешествия, медведь не застал в живых своего благодетеля. Тогда он с горя стал биться головою с камни на могиле покойного и вскоре, околел. Его похоронили у восточной стены храма. Ночью на его могилу снизошел свет. Его могильная плита являлась наибольшей святыней для богомольцев, посещавших монастырь[3].

Поклонение медвежьим могилам - слабые следы когда-то существовавшего здесь культа животных. Можно указать и другой след этого культа. При глазных болезнях больные

---

[1] *См. статью* Г. Израелова *о Кусапате - СМОМПК, 1892, вып. 13, с, 48-50*

[2] *Вера в чудесную силу могил имеет связь с другим местным обычаем: испугавшегося три раза проводили под носилками или гробом покойника. Точно также младенца три раза проносили под носилками или гробом умершей матери: это уберегает его от всякой напасти в жизни. К этой же категории относится обычай купать ребенка, задетого злой силой - «кохвац» - над черепом человека*

[3] Ս.Բարխուդարյան, *Արցախ... с. 163, (Լէո, Հինգ օր- Սուրմ, 1889, № 2, с. 263. По другой стороне р. Хачен. на правом берегу которой находится монастырь Птхесберк. находится с. Арчадзор, которое неправильно возводят к форме Арачадзор.*

направлялись на излечение к священному роднику Ехин ахпюр, восточнее с. Кусапат. Рассказывают, что когда-то к нему ежегодно являлся олень. Он пил воду из этого родника и тут же ложился, добровольно отдаваясь жителям на заклание. Раз, когда, по обыкновению, у родника появился олень, жители не дали ему лечь и кинулись на него. Животное убежало в лес, но крестьяне нагнали его и убили стрелами, а затем вместо того, чтобы разделить мясо как жертву - *матах* между всеми сельчанами, взяли его только себе. С того времени бог не посылал больше оленей к этому месту, но родник сохранял целебную силу: здесь возжигались свечи и закалывался жертвенный баран.

Очаги. К местам поклонения относятся, наконец, и очаги - *оджах*. Почти в каждой деревне можно встретить иногда полуразрушенный карадам, от которого сохранились только стены, или еще жилой карадам, где помещается очаг, считавшийся священным не только для данного селения, но и для соседних. Иногда в деревне таких очагов, бывало, несколько. В отличие от хачей к сурбов очаги носят родовые названия: в с. Кусапат имеются очаги Эрицанц и Веданц; в с. Чартар - Мирзабеканц, Тохнонц, Ходжанц; в с. Вагуас-Дилкянц; в с. Аветараноц-Меликанц; в с. Цоватех-Бгеранц; в с. Херхер-Чалунц; в с. Сарушен-Кеханц; в с. Нинги-Деранц и т. д. Во всех этих случаях фамильные названия употреблены в род. падеже множественного числа - Эрицянов, Ведянов и т. д. Эти фамилии основателей деревень (Эрицанц. Веданц, двух из двенадцати родов, основавших Кусапат) или родов, поселившихся здесь позже (Мирзабекяны из с. Мегри,. Тохецяны-из с. Тох, Ходжяны-из Гандзасара), но выделявшихся своим благосостоянием и достатком, или домов, отличавшихся древностью происхождения и знатностью (Ходжяны-из рода меликов Гасан-Джалалянов, Бгеряны-из рода Мелик-Парсаданянов, Меликяны-из рода Шахназарянов), или семейств, дававших из поколения в поколение сельских старшин (Кохяны) и священников (Деряны). Вообще это – очаги - оджахи, когда-то хорошо объединенных, крепких и могущественных родов, некоторые потомки которых позже, может быть, и обеднели и не пользовались былым почетом, но не утрачивали благоволения сил, сидевших у их дедовских очагов. И в Нагорном Карабахе, как и вообще в Армении и во многих других странах, очаг считался символом семейной спайки. И здесь выражение: «Да погаснет очаг твой» являлось высшим проклятьем, означавшим пожелание прекращения рода; и тут в каждом доме очаг был центром жизни семьи до самого последнего времени. У очага сажался почетный гость, здесь совершались зачастую обряды венчания и крестин; с очагом и добрым домашним гением прощалась невеста, уходя в дом мужа, где она поклонялась новому очагу. Очагом божились: «Эн оджахи» - «Էն օջախը» и его призывали в свидетели правоты своих слов. Желая подчеркнуть, что такая-то семья является хранительницей добрых традиций и обладает нравственной устойчивостью, говорили: «Это ведь оджах»-«օճախ ա Է». Лучшей похвалой для девушки служили, слова: «Она дочь оджах-а -«Օճախի ախճիկա». Знатность, почет, положение в обществе, достаток давались оджахом, вернее добрым гением, сидевшим у него. И подобно тому, как его благоволение можно было перенести с огнем из родительского дома в дом выделившегося сына, так и силу сельского очага можно было перенести в другую деревню. Так, в Вагуасе сила семейного очага Дилаканц перешла от очага *Пап*-а - деда в Атерке, куда она, в свою очередь, перешла из Геташена (Чайкенд, Гянджинского р-на)[1].

Священные очаги ничем не отличались от обычных очагов и ими продолжали пользоваться для домашних надобностей. Но всегда тут же рядом стояли подсвечники для возжигания свечей. В редких случаях тут выставлялись церковные предметы - металлический крест, Евангелие, ларец с мощами в виде посеребренной или позолоченной деснины с

[1] *Ныне Ханларский р-н (прим. ред.).*

коробочкой и т. д. Но эти предметы почти везде уже исчезли и были несомненно атрибутами позднейшего происхождения.

К очагам являлись молиться с возжиганием свечей и принесением в жертву петухов родные (женщины) больных и сами больные и «задетые», попранные-кохвацнэр. Голова петуха оставлялась тут же. Мясо варилось и чаще съедалось дома. Но в с. Нинги у оджаха Деранц искавшие исцеления «задетые» (иногда их бывало так много, что приходилось ждать очереди) прибегали к содействию знахаря-священника. Еще недавно это был внук покойного священника Дер- Карапета, унаследовавшего свое искусство от предков. Знахарь клал на затылок больному чашку с водой и произносил молитвы, наливал туда расплавленный на огне священного очага свинец с воском; по силе шипения узнавалось, как сильно больной «задет» злым духом. Процедура повторялась три раза. Самый очаг помешается во дворе, под открытым небом, в развалинах маленькой комнаты, уже освобожденной от провалившейся крыши.

Формы поклонения. Магические приемы

Хождение по сурбам и всем тем местам, которым приписывалась способность влиять на направление человеческих дел, сопровождалось обрядами, долженствующими обеспечить благоволение сверхъестественных сил, пребывавших в этих местах.

На первом месте стояло возжигание восковых свеч - самая распространенная форма почитания. Возжигание свеч сочеталось, хотя и не всегда, с возжиганием ладана. Последнее особенно практиковалось при посещении родных могил и совершении поминок. Но самым действительным средством приобрести благосклонность духов и высших сил считались жертвоприношения и общие обеды. На могилы покойников клалась «доля души» - *хокэбажин* из кушаний, принесенных на кладбище во время поминок. Все поминальные обеды *жымаац* - «церковные обеды», повторявшиеся в течение года в доме умершего, являлись скрытой формой кормления его души. Менее сознавался скрытый действительный смысл жертвоприношений - *матах*, которые в позднейшее время имели характер некоторой благотворительности; мясо матаха целиком поедалось на месте и предлагалось всем прохожим или рассылалось соседям и в первую очередь - беднякам: матах нельзя было приносить домой с места богомолья.

Матах. Матах бывал общественным и частным. Первые приносились в большие праздники - в день Пасхи, Вардевара, Успения, Воздвижения креста и др. Группа лиц собирала с деревни деньги и покупала быка, а чаще - несколько баранов, и заказывала *лаваш*- и (длинные, очень тонкие хлеба). Животное закалывалось в день праздника, чаще всего у церкви, без совершения какого-либо церковного обряда, мясо либо варилось в больших котлах и раздавалось сельчанам в кусках, завернутых в лаваш, либо в сыром виде. Матах приносился также во время засухи и другого общественного бедствия.

Частный матах приносился обычно у мест богомолья, но иногда и у себя в деревне, например, по поводу выздоровления тяжелого больного или по обету[1].

Присутствие священника было не обязательным. В большинстве случаев брали освященной соли (запас которой в некоторых местах дэр-ами - священниками оставлялся у сурпов или у церквей) или земли от сурпа, заставляли животное лизать ее и затем его закалывали, предварительно проведя его три раза вокруг святыни. Шкура и одна из передних ляжек принадлежали дэр-у. Выбиралось всегда жертвенное животное мужского пола: бык, баран или петух (последний предпочтительно приносился у священных очагов). Мясо редко раздавалось в сыром виде: обыкновенно и частный матах отваривался и заворачивался в лаваш. К известным праздникам принято было готовить традиционные кушанья (например, *хашил*-к празднику св.

[1] *Вокруг больного обносили барана или петуха. Если тот поправлялся - этот баран или петух приносился в жертву.*

Саркиса). Вероятно, желанием почтить святого объясняется обычай целования камней и стен святыни, коленопреклонения, говения, посты - вплоть до полного воздержания от пищи.

Магические приемы. Карабахец в еще большей степени верил в действенность магических приемов. Он смазывал себе грудь и больное место землей, водой и древесным порошком со священного места или выпивал воду с растворенной в ней святой землей и порошком. Болезнь свою он «навешивал» с кусками своего платья или привязывал ниткой к веткам священного дерева, к камню родника, если тут не было дерева, к самому храму. Во время эпизоотии пастухи с. Кусапат и окружающих деревень пригоняли скот к святыне *Тавара-Хач* - Святыне скота и заставляли его три раза обойти вокруг священного дерева. Пастухи ломали тут свои посохи и куски вешали на дерево. Так же поступали пастухи с больной скотиной у с. Дрнаварз и в монастыре Шошк[1].

Существовало поверие, что болезни можно пригвоздить к святому месту. У Сарксашена больные вбивали гвозди в священное дерево и, таким образом, по их мнению, излечивались от кашля. На многих священных деревьях можно было видеть ряд головок таких гвоздей, а также подковы (у с. Дзамдзор и Андуц- берк).

Обвязав шнуром кыныч-кармур дерево или шею жениха и руку невесты, считали, что тем самым заключали в круг все злые силы. По-видимому, и радуга, называемая по-карабахски кыныч-кармур - (зелено-красный), имела также магическое значение: ею после грозы - борьбы добрых и злых духов – *кашк-ов* связывались эти последние. Круг не должен был быть материальным: его можно было обвести действием, при этом троекратным. Над головой ребенка, «задетого» злой силой- *кохвац*, три раза обводили рукой, держа яйцо и гвоздь, затем зарывали это яйцо и гвоздь в могилу убитого. Сажая наседку на яйца, три раза одним яйцом обводили рукой вокруг корзины с яйцами, клали это яйцо в центре остальных яиц и потом уже сажали курицу[2]. Являясь к сурпу, обходили его три раза справа налево, чаще всего на коленях. Такой же троекратный круг описывала мать жениха перед вступлением новобрачной пары в ее дом. Таким образом, она как бы приносила себя в жертву, подобно тому, как жертвенного барана или быка три раза заставляли обойти святыню: так объяснял народ. Надо думать, что обряд описания круга имел целью прочнее связать пару и их кавора вместе[3], охранять от вторжения злых сил в их отношения. Если заключение в круг «связывает», то выход из круга «развязывает», «освобождает». Такое действие приписывали прохождению сквозь отверстие. У сурпа Сарибек, в монастыре Птхесберке, в Аваптуке показывают камин, в которых проделаны отверстия: сквозь эти отверстия проползали бездетные женщины, чтобы освободиться от бесплодия. В Дзамдзоре под старым корнем священного дерева протискивали в его отверстие детей с больным горлом. В Шмонеке (у с. Чартар) три больших камня вместе со скалой образуют нечто вроде тоннеля: через него прогоняли корову, которая задерживала молоко, не подпускала теленка сосать ее или не давалась доить. У богомолья Гизат (около с. Хин Кятук) во время засухи выливали воду сквозь отверстие в скале: тотчас начинался ливень, «небесные воды освобождались». В с. Норшен хилых детей просовывали сквозь дупло священного-дерева. Это прохождение сквозь отверстие не только снимало с человека и скотины всякое колдовство и злое наваждение, но и вообще меняло человека. Может быть, этим вызвано уверение карабахцев, что у прошедших под радугой (сквозь кольцо радуги) менялся пол: мужчины становились женщинами, а женщины-мужчинами.

В Нагорном Карабахе было распространено вызывание желанного действия совершением подобного же ему действия. Выше было описано, как для того, чтобы помочь родам, здоровая

---

[1] Израелов Г. ***Село Касапет****.... с. 49;* ***Վարանդա****, с. 202.*

[2] *Там же, с. 243.*

[3] *Подобно этому в Новгородской губернии пастух совершал трижды «обход» своего стада перед выгоном весной в поле, чтобы сплотить их, чтобы не разбегались и чтобы в поле зверь не напал на скотину. См. Феноменов, Современная деревня. М., 1925, 1, с. 106.*

женщина садилась курицей над окошком в потолке и симулировала несение яйца: «Я уже снесла, рожай! поскорей и ты!» Когда рождался мальчик, бабка бросала часть пуповины на открытое место, «чтоб выросши, он не стеснялся большого общества и играл в нем роль»; когда же рождалась девочка, бросали пуповину куда-нибудь в уголок; девочка вырастет скромной, стыдливой хозяйкой-домоседкой. Женщины после похорон начисто стирали белье покойного, чтобы душа его в чистом виде предстала на том свете. Глубокой древностью несет от обычаев, связанных с вызыванием дождя в засуху, и обратное, с вызыванием солнца во время продолжительных ливней. В соху - *кыр* вместо волов впрягалось несколько пар женщин, а другие их погоняли, обливая водой и браня самыми площадными словами. «Волы» в платье заходили в ручей, канаву или в ладью для водопоя у родника и проводили сохой несколько раз борозды по воде, а вся толпа женщин вопила к небу, прося ниспослать дождь. Затем, помолившись в церкви и зажегши там изготовленные дома *луйс* - восковые свечи о трех концах, приносили общественную жертву (Вагуас, Атерк, Дзамдзор).

Для того, чтобы остановить продолжительные дожди, опасные для всходов, вызывали солнце, которое по мнению карабахцев. являлось существом женского пола. Женщины собирались в ограде церкви и помогали маленьким девочкам 8 - 10 лет делать из накрест связанных палочек куклу, одевали ее в женское платье, и девочки затем ходили с этой куклой-чоли по дворам, распевая песню: «Чоли, Чоли, Чоли нет. Приготовили бы мы *хавиц* (мучное блюдо на взбитом масле), да масла нет. Чоли упала в море, некому ее оттуда вытащить, дайте яйца в ручки ей положить, дайте масла - ей волосы умаслить» и т. д. [1] Собирали масло, яйцо, муку, рис, хлеб и все это сносили в ограду церкви, где готовилась специальная каша, которая тут же поедалась женским населением села в присутствии куклы.

В обоих случаях, при вызывании как дождя, так и солнца, мужчины оставались лишь зрителями, а участие принимали одни женщины: характерные пережитки тех времен, когда возделывание земли было исключительно женским делом.

Чтобы остановить град, «перевернуть» погоду, народ, чтобы разогнать злых духов, не только трезвонил в колокола и подымал всячески шум, но переворачивал (*пыранэл*) камни, а женщины выбрасывали во двор под дождь *таган* (треножник) вверх ногами, и чтобы обратить крупный град в мелкий, начинали градины делить пополам ножом или топором.

Чтобы женщина забеременела, «отяжелела» - *цынрана*, она брала себе на затылок тяжелый камень, обходила храм три раза на коленях и затем священник (или монах) в церкви, покрыв ее подолом своей ризы, читал над ней молитвы. Камень она уносила с собой домой.

Если скотина терялась и ее не находили, то, чтобы ее не растерзали волки в лесу или в поле, последним «связывали» пасть особым способом, который назывался *кюлкап*, т. е. «связыванием волка». В руки брали шнур или веревку и трижды описывали круг в воздухе, как бы над тем местом, где должна была быть по предположению скотина. При этом произносили: «Ловлю волка, связываю волка» и т. д., тем самым как бы заключали скотину в круг, в который волк уже проникнуть не мог, и затем повязывали шнур (веревку) на лезвие ножа или кинжала тремя узлами. Существовал и другой вариант: совершив в воздухе подобного рода движение топором, топор вбивали в зубья чесалки от шерсти и прятали в такое место, где никто не мог его тронуть. Уверяли, что не раз пастухи на следующий день или несколько дней спустя находили скотину в лесу или в поле спокойно пасущуюся, а рядом с ней волка, который не в силах был раскрыть пасти[2].

Не только действие имело магическое влияние, но и мысль, заключения в слове, и даже само слово. Благословение или проклятье может сделать человека счастливым или несчастным. У

---

[1] *Ср. такие же обычаи и в с. Каринтак (Даш-Алты),* Осипов Г, ***Селение Даш-Алты****..., с. 133.*

[2] *Ср. такой обычай у осетин.* Чурсин Ф.- ***Осетины. Этнографический очерк****. Тифлис, 1925, с. 207 (Отд. оттиск из трудов Закавказской Ассоциации», сер. I. Юго-Осетия).*

опытных старух, знахарок и колдунов - *чопчи* существовал целый запас молитв, заклинаний, заговоров и т. п., которыми они одной «чудесной силой» слов, иногда потерявших смысл (проникших из забытых уже языков) вызывали желательные результаты. Эти магические формулы не сообщали посторонним из боязни, что формулы утеряют свою магическую силу (вернее, чтобы не потерять своего дохода) и передавали их в своем роде из поколения в поколение. Свою магическую силу слово сохраняло и тогда, когда оно написано. Ловкие знахари писали таинственные молитвы на сложенных треугольником бумажках, которые пришивались к одежде больного, клались ему под подушку или опускались в воду, которую затем или давали пить больному, или зарывали в землю у порога дверей. Иногда эти бумажки имели форму длинного узкого свитка в 3 - 4 метра: свитки эти имели постоянную силу, между тем, как треугольные бумажки сохраняли свою силу только на определенный случай.

Человек больше всего страдает от «сглаза». Этой опасности подвержены не только человек, но и домашняя скотина, птица, даже пчела и червь шелкопряд. От «сглаза» спасают различные талисманы, прежде всего, «глазные бусы» - *ашка улунк*,- черные кубики с белыми точечками в виде глазочков. Их навешивали на люльках, нашивали на плечики детям, вешали животным на грудь. В Нагорном Карабахе особенно верили в защитную силу бырышни - *калины*, а также всех сделанных из нее предметов; ярмо из этого дерева наверняка спасало волов от сглаза[1]. Можно было, наконец, сглаз набить, «пригвоздить», как всякую другую болезнь; так в Дзамдзоре, вбивая в ствол священного дерева гвозди, приговаривали; «злой глаз-злой гвоздь»- «Չար աչք, Չար մէխ».

Боясь сглаза, карабахец боялся считать свое добро. Он, конечно, великолепно знал, сколько у него волов, коров, лошадей, ослов, овец, кур или сколько чвалов он собрал урожая[2], но никогда не стал бы он вслух считать. Даже своим детям часто не сообщал он размера своего достатка и дохода. Он как бы боялся, что слова его будут подслушаны злыми духами-кашками, которые, конечно, постараются напустить порчу на его добро. Этот страх перед счетом является нередко и теперь одной из причин того, что карабахец с большим трудом дает официальные сведения о своем имуществе и тем затрудняет статистическое обследование, столь необходимое для рационального устройства его хозяйственной жизни при новых, послереволюционных порядках. От несчастного последствия счета карабахец старается себя оградить теми же магическими приемами, какими и от сглаза.

Черти - кашк-и

Научные объяснения кажущихся таинственными явлений природы еще так мало проникли в среду крестьянских масс Нагорного Карабаха, что до последнего времени в них продолжал жить страх перед силами, которые управляют этими явлениями. Этот страх был особенно силен среди женского населения, менее соприкасающегося с новой городской культурой.

Вся природа наполнена злыми духами-*кашк-ами*. Они насылают болезнь, тяжелые нравственные переживания, смерть, несчастья в семейной жизни и неудачу в делах. Они живут везде-в воде, в воздухе, в скалах, особенно в темных пещерах и расщелинах, в заброшенных мельницах и развалинах. Над меликскими карадамами в с. Аветараноц зияет открытый вход в пещеру-«Дом кашк-ов»-*кашкатон*. Когда-то затененные густыми лесами ущелья между деревнями Тахлар и Азох до сих пор называются «Чертовыми»- Кашкадзор-ом. В этих местах и теперь карабахец избегает проходить ночью. Кашки бывали мужского и женского пола, старики, молодые и дети. По мнению одних, они бессмертны (Сос, Чартар, Атерк), по мнению же дзамдзорцев, они смертны; их убивает молния, от которой они стараются укрыться под

---

[1] *Վարանդա, С. 240.*

[2] *Чувал-«джвал» или 10 лак.ов = 7 1/2 пудам. Лак =30 фунтам.*

высокими деревьями и камнями. Потому-то меч ангелов-молния и поражает чаще всего эти места. Они любят устраивать свадьбы с музыкой (зурной), но это одна только шутка-*тыназ*, для завлечения прохожих. Как-то они завлекли музыкой в свою компанию Джангира из деревни Сос, повели его на вершину скалы и предложили спрыгнуть вниз; он перекрестился, замолкла музыка, все они исчезли, Джангир остался один. Это они сбрасывают в воду уснувшего на берегу человека или же скатывают в обрыв заснувшего в горах. Они забираются в конюшни, садятся верхом на лошадей, свивают им гривы и мучают на месте до потения. Раз хозяин смазал спину лошади смолой, а на следующий день поймал прилипшего к ее спине кашка. Страсть у кашк-ов-выкрадывать из дома новые наряды, рядиться и всю ночь плясать в них. На следующий день хозяйка находит эти платья на месте, но помятыми, со следами пятен.

Ночью кашки проникают в деревни к спящим крестьянам и душат детей в люльках. Наутро мать находит ребенка мертвым. Правда, она не желает признаться, что, кормя ребенка, заснула и своей грудью удушила его. Во всем виноваты кашки.

Они могут принимать всякий образ, например, козла, даже мухи и вредить. Иногда они околдовывают человека и превращают его (обычно женщин) в волка, в *мыртакюл*-человека-волка, который ночью рыщет со стаями волков, а днем принимает человеческий образ и возвращается в людское общество. Это человек-волк утаскивал у уснувших матерей детей из люлек, и кости их затем подбирали где-нибудь у околицы. Он разрывал свежие могилы и пожирал трупы. Но если случится найти волчью шкуру, в которую человек-волк переодевается ночью, и сжечь ее-все чары спадут, человек перестанет рыскать ночью волком.

Кашк любил пребывать около человеческого жилья, чаще всего у порога, в противоположность доброму гению дома, который восседает у очага. Происходила ли дома свадьба, начинались ли роды, готовилась ли пища или кипятилось молоко - кашк тут как тут. Он старался все «перевернуть»-*тырсыцнел*, все обратить во зло. Недаром и нога у него были выворочены пятками наперед и пальцами назад. Он все делал наперекор и наоборот. Как-то Акоп-апэру (с. Чартар) удалось поймать одного кашка, который не заметил, как ему в платье воткнули стальную иглу. Черт стал служить дяде Акопу, пока не дал слова, что перестанет вредить ему. Черт этот все делал обратно тому, как ему показывали. Так, если надо было послать его за водой, надо было вместо того, чтобы сказать: «Принеси воды», сказать; «Возьми кувшин и разбей».

Кашки появлялись всюду с наступлением темноты, после заката солнца. Ночью не следует нагибаться и пить из ручья или родинка-кашк может завлечь тебя в воду и утопить, а потому раньше чем нагнуться, надо перекреститься (с. Сос). Нельзя после заката солнца одалживать ни сита, ни весов, ни огня-иначе все предметы и припасы, с которыми они связаны, потеряют спорость-*барик* (баракят) и быстро иссякнут: кашк станет их таскать из дома.

Нельзя после заката подметать комнату, чтобы не задеть черта: если это необходимо, то надо отломить от веника прутик и кинуть его в огонь; нельзя лить теплую воду (которой коснулся огонь) на землю, по той же причине ее надо слить в другую посуду (с. Тахлар); нельзя выбрасывать сор у порога, где сидят кашки. С наступлением сумерек женщины прекращали шить и вязать и вообще оставляли всякое рукоделие. Это было обязательным, в особенности в течение восьми дней после Крещения и после Пасхи до Вознесения[1]: иначе можно было схватить куриную слепоту - *авкур*. Если роженице запрещалось показываться на солнце или молодой ходить днем за водой в период сорокодневия (они могли выходить из дома лишь до восхода и после заката солнца), то это логически вытекало из того представления, что в это

[1] *После Пасхи до Вознесения крестьяне по пятницам не переворачивали - турур чын там—ատուրուր չին տաւ—земли т.е. не пахали, не копали в саду и на огороде.*

время женщина нечиста, «погана», как бы находится во власти темных сил и своим появлением перед лучами солнца может их оскорбить, осквернить.

Чтобы помешать кашкам выполнить злое намерение, поднимали шум. Такого происхождения тот шум, которым наполнялся дом во время родов, крики и стрельба макаров на улице вокруг невесты и жениха, трезвон колоколов во время градобития, стрельба в ночь на Навасард. Чертей можно было отгонять, осенив себя крестом и произнося имя Христа, Богоматери и вообще святых. Но больше всего они боялись стальных предметов. Это, по-видимому, находится в связи с тем убеждением, что сталь (огниво) сродни с молнией, которую она высекает в виде искры из кремня. Во время родов под подушку роженицы клали стальные и железные предметы-веретено, нож, ножницы, кинжал, замок, а перед порогом, где сидели кашки, кидали цепь. Такие же стальные предметы можно было найти и под подушкой у ребенка. Лемех, нож, ключ, погруженные в кровь свадебного быка (барана), имели такое же значение. В пятницу на Страстной неделе кузнецы изготовляли стальные кольца, которые девушки носили на среднем пальце левой руки, чтобы оградить себя от кашков (с. Гадрут, Тахлар и др.). Детям нашивали на плечики маленькое стальное огниво[1], так как оно спасает от злого духа и от поражения молнией: верили, что в этом месте черт прячется за спиной. Вообще, чтобы уберечь не только живые существа, но и неодушевленные предметы от приближения кашков, надо воткнуть в них иголку (в платье, рукоделье) или вбить (в дверь) гвозди с широкими головками либо подкову. Причиной сглаза обыкновенно являются кашки; это их злое дыхание-«нафас» обдает предмет, который кому-либо нравится, и потому все приемы против сглаза являются и приемами против них; «աշկավ տալ, աշկր նի տալ, сглазить, равносильно выражению «нафас ни кял»- նաֆաս նի կյալ, проникнуть внутрь дыханием[2].

Надо бояться не одних злых духов -кашков. Добрые духи, живущие в разных священных местах, не прочь насолить человеку, если им не оказать должного почтения, не снять шапки, проходя мимо них, не поклониться, не приложиться к ним, не возжечь свечи и пр. Они очень мстительны. В гневе они были опаснее кашков, и потому в случае какого-либо несчастья прежде всего необходимо было знать, кто из них является причиной и чем только возможно ублажить его и побудить сменить гнев на милость. Вот для чего нужны были знахари, колдуны, гадатели. И их было множество в Нагорном Карабахе.

«Рабы святых»

В Нагорном Карабахе, как и во многих других армянских провинциях, до последнего времени можно было в храмовые праздники у большинства святынь видеть следующую сцену: у входов в храм валялся на земле человек - женщина или мужчина (или их бывало несколько), трясся, корчился в судорогах и как бы в беспамятстве произносил бессвязные слова. Народ верил, что в эту минуту с ними говорил святой[3]. Эти «рабы святых»-*сырпи хул* или припадочные-*ынкнавор* вызывали в толпе благоговение и, рассказывая о своих видениях, передавали волю святого, которая в большинстве случаев сводилась к призыву покаяться, молиться и не забывать святого щедрыми подношениями, которые потом попадали, конечно, к этим же «рабам святых». Эта грубая эксплуатация народного суеверия прекратилась после революции, по крайней мере, в тех местах, где мне пришлось побывать, говорили об этих «рабах» как о совершенно исчезнувшем явлении.

---

[1] *Эти огнива в виде кольца изготовлялись кузнецами в Страстную пятницу н назывались орпатарур. Так же назывались и крестики из ниток, нашиваемые в этот день на плечики.*

[2] *Во время родов не называли роженицу по имени, боясь, что его подслушает черт и воспользуется, чтобы увлечь ее за собой. Этим объясняется и то, что взрослые редко называли друг друга по имени а более описательно: мой муж. твой сын, старшая невестка, отец моего мужа, дочь такого-то, сын такого-то, а имена детей коверкались.*

[3] *Одну из сцен у Дизапайтского богомолья описал Бабаханян А. См.* ***Ուխտավորի հիշատակարանը*** *…, с.73*

Присяга

Карабахец для доказательства правоты своих слов привык клясться и клянется тем, что для него свято. Но еще не так давно при судебном разбирательстве для выяснения истины прибегали к своего рода «божьему суду», формы которого носят яркие следы архаичности. Когда не хватало прямых улик и судьи сами не могли разобраться в деле, вопрос выяснялся публичной присягой. Обвиняемого приводили в церковь, где сначала священник заставлял его поклясться приложением к кресту и Евангелию в невиновности, а затем подводили его к зажженным на алтаре свечам. Если ему удавалось одним дуновением погасить поочередно каждую свечу - он объявлялся невинным; в противном случае - он привлекался к ответственности.

Еще ближе к примитивной форме стоит принесение присяги не в церкви, а у сурпа-у этих остатков языческого богопочитання. Там тоже зажигались свечи и также требовалось гасить их поочередно одним дуновением. Но предварительно каждый из присутствующих брал камень и бросал его вверх со словами: «Боже, укажи камень виновного», «Боже, накажи, виновного».- «Աստած, քարը տու թող անիս», «Աստած, տու մէղավորին պատժիս»; (с. Дзамдзор). В этой формуле, видимо, сохранилось указание на то, что в древности признанный по «божьему суду» виновным тут же избивался камнями.

Эта публичная присяга считалась в Нагорном Карабахе очень тягостной. Обыкновенно из-за денежных расчетов редко кто решался подвергать себя ей и предпочитал заплатить штраф и вообще взять на себя денежное взыскание, чем идти на этот риск. Следует заметить, что даже в том случае, когда гашением свечей в церкви или у святыни выяснялась невинность человека, все же в общественном мнении всегда сохранялась некоторая тень подозрения к нему.

Космогонические воззрения

Когда-то небо было так близко, что касалось земли, и Бог ходил по земле и беседовал с людьми. Тогда злаки тянулись к небу прямо с земли, без стеблей, длинными колосьями. Но однажды старуха с ребенком на руках проходила по ниве. Ребенок на ниве испражнился. Старуха стала искать, чем бы его подтереть. Она сорвала несколько колосьев (по другой версии —Дзамдзорской—достала хлеб - лаваш) и ими подтерла ребенка, но так неосторожно откинула грязные колосья, что попала в небо. Раздался гром, и небо с треском поднялось вверх. Послышался гневный голос бога: «Отныне никто из людей меня не увидит, кроме праведников».

За небом потянулись вверх и колосья, но собаки начали жалобно выть. Бог сжалился над ними и оставил по маленькому колосу на верхушках вытянутых стеблей. С тех пор бога могут видеть лишь праведники и то только тогда, когда небо раскрывается, а оно раскрывается под великие праздники (например, Вознесения) или в сильную грозу, когда за оглушительными раскатами грома сверкают мечи-молнии (с. Сос)[1]. И если кому посчастливится в это время заглянуть внутрь неба и выразить какое-либо желание—оно непременно исполняется.

Солнце и луна—родные сестра и брат. Сестра— солнце жаловалась, что она боится выходить ночью, а днем ей тоже стыдно; все смотрят на нее. Мать тогда сказала: «Сыночек—луна, ты ходи по ночам, а ты, солнышко, будешь ходить днем. А чтобы никто не глядел на тебя, на, возьми пучок иголок и коли всем глаза, кто посмеет взглянуть на тебя». И вот сестра—солнце, сидя на льве, пускается днем в путь по небу и своими лучами-иголками не дает никому глядеть на себя, а лев оберегает ее от нападения злых духов— кашков (с. Сос, Дзамдзор, Ванк).

И солнце, и луна поочередно уходят в объятия матери и поочередно оттуда восходят. Утренней и вечерней зарей небо горит ярко-красным и фиолетовым блеском, потому что одно

[1] *См. верования дашалтынцев (с. Каринтак).* Осипов Г. ***Селение Даш-Алты****..., с. 134.*

из светил, заходящее, наперед радуется ожидающим его ласкам матери, а другое же, восходящее, только что вырвалось из ее горячих объятий (с. Дзамдзор).

С рождением человека на небе появляется звезда, она светит ему всю его жизнь и падает, как только он умирает. Крупные звезды принадлежат, могущественным людям, маленькие - простым. Более ярким светом светятся звезды людей добродетельных, более тусклым - звезды порочных людей.

Затмения солнца и луны происходят от того, что злые духи - кашки пытаются овладеть ими. Тогда на земле женщины поднимают вой, мужчины стреляют из ружья, звонят в колокола, бьют в медную посуду, чтобы напугать чертей и освободить солнце или луну (с. Сос, Вагуас).

Млечный путь называется «Путь украшавшего саман вора»—«Տարմանու կողի ճանապարհ». У мужика не хватило самана для волов (по другой версии, для верблюдов—с. Мардакерт) и никто не хотел ему одолжить его, тогда мужик украл саман у соседа, но когда нес мешки домой, то поднялась буря и он был поднят на небо, саман же по пути разбросало: это его след теперь виден на небе (с. Атерк)[1]. Такое объяснение дают в Хаченском и Джрабердском районах, в Варандинском и Дизакском же рассказы очень сбивчивы, хотя и здесь путь называется «Путь самана»—«Տարման հրդի», но одновременно с рассказом о том, что кто-то украл саман и рассыпал его по дороге, рассказывается нечто, напоминающее предание о Гере и Геракле: женщина-оборотень, обращавшаяся ночью в волка, мыла раз ноги гостю и заметила, какие они у него жирные; ночью, когда все спали, она забралась к нему в комнату, чтобы сожрать его. Гость, защищаясь, кинжалом ранил ее в грудь; из груди брызнуло молоко—след до сих пор виден на небе (с. Сос)[2].

Гром (*ыротум*)—происходит от того, что какая-то старуха, наполнив мешок камнями, катает по небу, а молния (*кецак*)—это меч (посох) в руках ангелов (Бога), которым они преследуют и разят кашков. От ударов этого меча бесы стараются скрыться под землю или укрыться под высокими скалами и деревьями. По другой версии (с. Нынги) небес семь, и на седьмом небе пребывает бог; возле него простирается море; когда оно бушует от вихря (*ылыкоцны*), слышатся раскаты грома; молнии - сверкающие следы мечущихся рыб во время бури. Когда Бог набирает в полу воды и брызгает ею или когда он ударяет по морю и разрывает его - льет дождь.

При первой грозе крестьяне грызли железо и били себя по голове камнями, приговаривая: «Камень нам в голову, железо на соху». Поступали так, чтобы в этом году не было града.

Радуга - ыныч-кармур (зелено-красная) - это пояс бога, которым он сковывает враждебных человеку духов. Каждый цвет радуги означает ту или иную народность; самые яркие цвета—армянские. По ширине и яркости полос радуги гадают о будущем: если желтый цвет шире - быть болезням, если красный - быть обильному урожаю вина, если зеленый - жди богатых всходов хлеба (с. Дзамдзор).

Землетрясения - шарж, жажк - бывают тогда, когда живущий под землею бык махает хвостом и бьет себя по спине или же трясет ушами (с. Дзамдзор, Атерк). В Варанде другие прибавляют, что оно происходит тогда, когда вихрь – ылыкоцны - проникает в подземный океан и вздымает там волны.

Праздники

Как и в других армянских провинциях, и в Нагорном Карабахе христианские праздники, приуроченные к языческим праздникам, тесно сплелись с языческими обрядами. В народном сознании эти последние выступали часто резче и рельефнее, чем те или другие стороны христианского церковного богопочитания. Широкое участие населения всех возрастов в праздниках выражалось не в церковных службах и устройстве процессий с участием

[1] *Ср. предание о Вахагне у* Мовесса Хоренаци.
[2] *Ср.* Վարանդա, *с. 219.*

священников, а в форме народных развлечений. Может быть, совсем не случайное явление, что христианские символы—крест и икона—не помещались в частных домах: нигде в Нагорном Карабахе в жилых помещениях нельзя было их встретить, разве только, и то в крайне редких случаях, у священных очагов. Тут не столько церковь ворвалась в общенародную и частную жизнь, сколько скорее последняя—в церковь. Даже заклание жертвенного животного не всегда требовало присутствия священника. Были также праздники, которые вовсе не отмечались церковью. Таков Навасард[1]—праздник древнеармянского Нового года, когда-то справлявшейся торжественно и всенародно армянскими царями. До последнего времени он прочно держался во всех деревнях Нагорного Карабаха, правда, в г. Шуши он был предан забвенью и заменен празднованием 1-го января со взаимными посещениями и поздравлениями. Однако в крестьянской среде к Навасарду продолжали готовить разные печенья (молочные, сладкие, с начинкой, «ушки»), варили коркот из баранины или свиной головы—*хозклох* и пшеничной крупы, покупали для всех членов дома обновки, особенно для детей, мать раздавала всем сушеные фрукты и сласти, жених и его родственники приносили невесте подарки в виде платка, носков, отреза на платье, фруктов и сластей. Иногда эти подарки накануне вечером незаметно опускались завернутыми в платок в дом через окошечко в потолке. Такими же подарками обменивались соседи и друзья. Особенно характерно то, что в этот день домохозяева отправлялись с поздравлениями и подарками (яблоками и вином) к сельскому старосте и священнику. В этот день во дворе вешали на деревьях платье красного цвета и всякие куски материи красного цвета (с. Сос)[2].

Хотя проникшие в деревню городские обычаи успели в достаточной мере ослабить празднование Навасарда, все же вместо него не успело установиться празднование Нового года 1-го января, которое в селах проходит незаметно.

На начало гражданского года падает Рождество и Крещение, которые по преданиям армянской церкви, празднуются одновременно, друг за другом, с вечера 5-го января по вечер 6-го января.

Праздник этот менее всего был отмечен местными языческими переживаниями. Накануне его выпекался пресный пирог - *кыркэни* на постном масле из муки и ореха, куда предварительно была замешена горошина или фасоль, лоби, мелкая серебряная монета, знак достатка— *довлат*-а. Пирог этот торжественно, в присутствии всей семьи разрезался на части, причем выделялись доли пирога не только для отсутствующих членов семьи, но и для животных, даже для собаки, не забывался и домашний очаг. В чьей доле окажется довлат, на том и будет зиждиться благосостояние семьи в течение всего наступающего года. Особенно хорошей приметой считалось, если горошины, обнаруженные в доле, выпали очагу. Применение этого способа предугадывания будущего, однако, не во всех селениях приурочивалось к кануну Рождества; в других местах (с. Вагуас) этот раздел пирога кыркэни происходил накануне Навасарда, что вполне логично, раз Новый год начинался с этого дня[3].

За две недели Великого поста праздновался день сурп (святого) Саркиса. Хотя пост этот не был признан армянским церковным календарем, в эти дни воспрещалось мыть голову и стирать белье, девушки воздерживались в течение пяти дней от обычной пищи, довольствуясь сухим хлебом, который ели после заката солнца; только таким воздержанием можно было приобрести

---

[1] *В Нагорном Карабахе он праздновался не 11-го августа, как значится в церковном календаре, а в ноябре, осенью, как было в древности.*

[2] *Ср.* Осипов Г. ***Селение Даш-Алты****..., с. 124.*

[3] *Ср. обычай Геташена (Чайкенда)—выселенцев из Нагорного Карабаха. См.* Джейранов Ф. ***Село Чайкенд Елизавстпольского уезда той же губернии****—СМОМПК, 1898, вып. 25, с. 99. Слово կրկէնի- кыркени у Р. Ачаряна сопоставляется со словом կրակէնի кыракени (от слова կրակ-кырак, огонь) которое в хойском наречии означает пресный хлеб, первый выпекаемый на мельнице из свежей муки, (Հր. Աճառյան,* ***Հայերեն գավառական բառարան — Էմինյան ազգագրական ժողովածու****, Հ. 9, Թիֆլիս, 1913).*

благосклонность святого и его содействие, чтобы иметь на свадьбе ясную погоду, а не тучи, снег и бурю. В пятницу мололи ручными жерновами жареную пшеницу—*похиндз*, из которой, смешав ее водой с сахаром, медом или сладким виноградным соком, скатывали шарики и раздавали всем членам семьи. Взрослые девушки и парни, откусив от него одну часть, из оставшейся части скатывали новый маленький шарик, чтобы на следующий день рано утром выбросить его на крышу и проследить, куда отнесет его птичка. Если отнесет на чужую крышу и станет там клевать, оттуда и быть жениху или невесте; если начнет клевать тут же на крыше—значит, не бывать в этом году свадьбе[1].

В этот же вечер под субботу, когда все ложились спать, хозяйка ставила за дверью (или на крышу— с. Вагуас) медный поднос с сухим похиндзом. Ночью по всем домам разъезжал сурп Саркис на своем белом коне, и там, где он бывал доволен домашними и их приношениями, конь его оставлял на похиндзе след копыта задней ноги. Хозяйка из этой пшеницы варила кашу - *хашил*, которая раскладывалась по тарелкам или мискам; посредине каши ложкой вдавливалось углубление, куда наливалось растопленное масло, а по краям—сыворотка; взяв ложкой немного хашила, обмакивали в масло и сыворотку и ели.

На основании материалов, рисующих празднование сурп Саркиса в различных провинциях Армении, исследователь армянских народных верований М. Абегян приходит к заключению[2], что тут мы имеем дело с пережитками языческого культа божества ветра и снежного вихря. Он справедливо видит в приношении ему похиндза остатки древнего обычая умилостивления духа ветров посредством муки, распространенного среди многих индоевропейских народов.

Масленица была самая веселая пора в деревне. Несмотря на то, что еще везде лежал снег, население всех возрастов предавалось веселью, в особенности начиная с четверга, когда и женщины, и мужчины переставали работать и наравне с детьми развлекались, затевая всевозможные игры. Старики не стеснялись примкнуть к той или иной из двух партий - *даста* во время игры в мяч - *топ* (его шили из кусков материи с ядром из шерсти или волос). Одна партия старалась загнать ударом палки мячик подальше, а другая-палками же отбросить его назад.

Другие играли в *сурмагили*. Молодежь с азартом играла *чилинги* или *кундэ*, бойко перебрасывая далеко палкой в 0,70-1,00 м длины заостренную с обоих концов палочку в 10-15 см., или, разбившись на две группы и выбрав себе по «матке»-*мэр*, начинали *шымпур-шымпури*: одна группа, держась друг за друга и наклонив головы, образует козлы, а другая-поодиночке с разбега вскакивает на эти козлы; если кто из нижней группы не выдержит тяжести и осядет, то проигрывает нижняя группа, если же кто из вскочивших сползет с козел, проигрывает верхняя и сама превращается в козлы. Девушки собирались в отдельную группу, качались на качелях—ճինճէխ ածել, ճինանի կըցել (с. Сос, Чартар). Со всеми этими играми сочетались своего рода пикники—псон—из излишков продуктов, так как каждая семья в эти дни старалась побольше наготовить, и сверстники собирались на кутеж со своими продуктами.

В воскресенье молодые люди в прежнее время устраивали целое представление. Одного из товарищей наряжали в самодельный костюм из овечьих шкур шерстью вверх, навешивали на него кости и всякое старое оружие—сабли, кинжалы, пистолеты, ружье; напяливали на голову старую изодранную шапку задом наперед, смазывали ему лицо сажей и сажали на ослицу лицом к хвосту и, дав ему в руки хвост ослицы, всей гурьбой, предшествуемые оркестром зурначей и тымблачи - барабанщика, переходили от двора ко двору, крича: «Дорогу владыке ослицы - «ճամփա իշի պարօնին». Молодежь острила, высмеивала и передразнивала «владык»

---

[1] *Վարանդա, с. 251.*

[2] Manuk Abegyan, ***Der Armenisie Volkslaube***. *Лейпциг. 1889, с. 96. Отметим, что труд этот был переиздан в наши дни в переводе на арм-яз. См.* Մանուկ Աբեղյան, ***Հայ ժողովրդական հավատք, Երկեր***, *Երևան, 1975, հ. 1 (прим. ред.).*

и всех встречных, требовала подношений. Со всех домов выносили яйца, масло, муку, пшеницу, кушанья, деньги. Вечером вся компания парней устраивала пир (с. Сос и Чартар)[1].

Эта инсценировка собирания приношений (податей) в некоторых районах Нагорного Карабаха носила более сложный характер, напоминающий тифлисское Кееноба. Тут один из парней рядился ханом - в вывороченные наизнанку шубу и шаровары, опоясывался цветным кушаком, к которому привешивал на веревке саблю без ножен, на голову натягивал изодранную шапку, раскрашивал себе лицо, приклеивал усы из козьей шерсти и, взяв в руки палку-скипетр, садился на «трон» - перевернутую вверх дном корзину. Рядом с ним становился его Визирь, в обычной одежде с палкой в руке. Третий, из грамотных, исполнял роль Мирз-ы (секретаря). Архаичен был костюм четвертого - Кёс-ы: на него надевался овечий тулуп навыворот, узкие шаровары, которые, чтобы более придать его ногам вид козлиных ног, туго стягивались у голени выше ступни, на голову надевалась войлочная шапка, с войлочными же козлиными рогами; она закрывала и лицо и шею, так что получалась своего рода маска с отверстиями для рта и глаз. К этой маске прикреплялась козлиная борода. Поясом служила веревка с привешанной к ней длинной деревянной шашкой. В одной руке деревянный кинжал, в другой - короткая палка. Недалеко от трона возводилась виселица с веревочной петлей, а у подножия виселицы становились два *фэраш*-а—палача. Зурна-тымбла приглашали народ на представление.

Когда народ собирался, Хан шептал что-то на ухо Визирю. Тот приказывал притащить к нему такого-то (из публики, даже из дома). Кеса бросался исполнять приказание. Начинался допрос арестованого. Допрашивал Визирь: «Как ты смел не платить Хану подати?» Допрашиваемый обещал заплатить и начинался торг, сколько он должен заплатить пшеницей или деньгами. Представлялась сцена собирания в былые «ханские» времена налогов со всеми извинениями со стороны привлеченных и угрозой наказания виселицей, ударами палки и т. п. со стороны ханских людей. Если кто не мог тут же внести подать, Хан приказывал Мирзе записать ее за ним, чтобы на следующий день все собрал, пшеницу продать и на вырученные деньги устроить кутеж, а остаток поделить между собой.

Закончив сбор, Хан садился на осла (ослицу) задом наперед и, держась за хвост вместо узды, пускался со своей свитой под веселые насмешки товарищей и мальчишек и звуки зурны-тымбла по деревне домой. Кеса, подплясывая в такт, подпрыгивал впереди всех, строя гримасы и угрожая своими рогами то одному, то другому из встречных[2].

Друзья и родственники проводили воскресный вечер перед Великим постом вместе, являясь каждый со своим кушаньем, плотно наедались и хорошо напивались ввиду предстоящего семинедельного поста; под конец съедалось по яйцу для «замыкания рта», с тем, чтобы на Пасху «разомкнуть его» яйцом же. Впрочем, молодые избегали делать это в этот вечер, т. к. им предстояло и на следующий день, в понедельник доесть все, что осталось от скоромных блюд Масленицы. Из всех домов раздавалась непрерывная ружейная стрельба.

В с. Гадрут[3] после ужина дети подавали отцу поднос с различными фруктами, веревкой и кнутом.

За это подношение отец одаривал их несколькими копейками. По народному толкованию это должно было означать, что если отец откажет в вознаграждении, дети взбунтуются, свяжут его по ногам и рукам и будут бить кнутом.

Первый день Великого поста считался одним из самых важных праздников. Это был день установления мира и согласия в общине. Если кто находился во вражде с другим, они должны были обязательно помириться, причем, конечно, не обходилось без посредников. Отказавшиеся

---

[1] *Ср.* ***Վարանդա****, с. 342.*
[2] *Ср.* Джейранов Ф. ***Село Чайкенд****..., г. 48. 125.*
[3] Давидбеков И. ***Село Гадрут****..., с. 191.*

подчиниться этому обычаю лишались права причащения. Все посещали друг друга с поздравлениями, в первую очередь обходили соседей и родственников мальчики. Они должны были молча открыть двери, подойти сначала к старшим, а затем к младшим членам семьи, поцеловать им руки и поднести по груше, яблоку, айве, гранату. Старшие (домохозяева) отправлялись также к сельскому старшине, к священнику и к почетным людям, поднося, кроме фруктов, бутылочку вина и водки.

Пополудни, после кутежа, молодежь затевала джигитовку или игру в лахту—*джызлахти* под звуки зурны-тымбла.

Во всех этих масленичных представлениях, забавах и играх нетрудно заметить все те элементы, из которых на западе, преимущественно в области Средиземноморья, сложились те же совершенные формы греко-малоазийских театральных представлений, всякого типа маскарады и современный карнавал. В других провинциях Армении эти элементы Дионисовых праздников сохранились до последнего времени с не меньшей, а местами, пожалуй, с еще большей рельефностью.

Покойный поэт Ованес Туманян рассказывал, как в их деревне (с. Дсех в Лори), кроме забав, в которых играла выдающую роль фигура, наряженная козлом, женщины изготовляли из лоскутков длинные фаллосы, набитые шерстью или волосом, проделывали с ними разные шутки и бросались колотить ими друг друга.

Невольно вспоминаешь артистов греческой комедии, выступавших с привешенным спереди к поясу фаллосом.

О внутренней культурной общности Нагорного Карабаха с миром если не всего Средиземноморья, то во всяком случае с его восточной частью—Грецией, говорят и пережитки периодического обновления огня в очаге, сохранявшиеся по деревням Нагорного Карабаха.

Накануне Сретения, 13-го февраля, молодожены приносили в церковную ограду по вязанке можжевельника и складывали большой костер, причем в его основании ветки раскладывались крестом, а выше -четырехугольниками. После вечерни священник, выйдя из церкви, читал молитву, хотя официально армянская церковь и не признавала этого освящения огня. Молодожены со всех сторон поджигали костер свечами, с которыми они вышли из церкви, старики и старухи благочестиво молились, и все следили за направлением дыма: куда он повернет, на той стороне и быть обильному урожаю.

Обыкновенно через костер никто не прыгал. Это делалось только в очень редких селениях (с. Вагуас) иногда мальчиками, реже-девушками и бесплодными женщинами. Не дожидаясь, пока огонь совершенно потухнет, присутствующие уносили по горящей головне или хотя бы по зажженной от костра свече. С огнем поспешно отправлялись домой, чтобы там развести огонь в очаге и вскипятить свежее весеннее молоко, чтобы его было в изобилии. Золу от костра посыпали под деревьями в саду, чтобы иметь богатый урожай плодов.

Праздник этот, как и самый костер, в южных областях называется *Дырдоранч*, а в северных - Дондоронч[1]. Слово это принято считать искажением церковного названия праздника – Тыарнындарач - «Навстречу господу», каковым обозначается в церковном календаре Сретенье. Мнение это, однако, следует считать спорным. По всей вероятности, и тут мы имеем дело с приспособлением церковного названия к древнеязыческому народному названию, подобно тому, как и самые христианские праздники были приурочены к древнеязыческим.

Вербное воскресение - Зырызартар[2] носит также характерное и отличное от церковного название Цахказард, буквально - «Украшенное цветами». Праздник и соединенные с ним языческие обряды, безусловно, свидетельствуют о возникновении их до введения христианства.

---

[1] *В других армянских провинциях—Дырындез, Тандарэдж.*

[2] *У алашкертцев—Царзартар, «украшение дерева», в Лори – Цызартар.*

Опять напрашивается вопрос, является ли народное название искажением календарного или календарное название приноровилось к древненародному и подобрало подходящее слово согласно с церковным преданием? В Нагорном Карабахе до последнего времени сохранились эти обряды с очень характерными подробностями в виде пережитков поклонения пробуждающейся с равноденствием вегетационной силе природы.

Зырызартар - опять праздник прежде всего молодых людей и женщин. К этому дню девушки и парни одевались нарядно в самые дорогие платья, а девушки при этом красили себе ногти хной. В древности только обрученные парни (а позже—и необрученные) вырывали с корнем молодые ивы и украшали их ветки цветными лоскуточками, изюминами на ниточках, фруктами и восковыми свечами о трех концах[1].

Поспав немного до полуночи, молодежь торопилась в церковь. Явившийся первым, звонил в колокол, другие отправлялись будить священника. Обрученные парни становились с «деревьями» перед своими невестами. Начиналось возжигание свечей. Каждая из родственниц зажигала на ветке «дерева» по свече о трех концах и одаривала молодых. Одаривание начинала мать жениха или невесты, при этом сторона жениха одаряла невесту, а сторона невесты - жениха. Мать или сестра жениха набрасывала на голову невесты платок, а подругам раздавала сладости[2].

Служба затягивалась почти до рассвета и заглушалась шумом жужжалок и трещоток— *чырчыран и чыхчыхкан*, приготовляемых детьми специально к этому дню. Под утро, после освящения «деревьев», народ, по преимуществу молодые люди, срывали с «деревьев» по ветке и уносили домой, где их сажали в землю, чтобы они пустили корни, или вешали на *хноци*, глиняном или деревянном сосуде для сбивания масла. Тут ветка служила для того, чтобы проверять, сбилось ли масло в хноци. Наконец, она попадала в огонь, на котором кипятили молоко, чтобы оно не свернулось (с. Аветараноц). В некоторых деревнях женщины отправлялись со свечами на кладбище и прикрепляли зажженные свечи к могильным плитам своих покойников: все кладбище сияло огоньками[3].

Страстная неделя и Пасха проходили под сильным воздействием церковных традиций[4].

В день Пасхи иногда совершалось общественное жертвоприношение, а на следующий день, в понедельник, все семейства высыпали на кладбище святить родные могилы: здесь зажигались свечи, курился ладан, выпивались в память усопших водка и вино, съедались принесенные кушанья, а все, что оставалось, складывалось тут же у могилы как «доля души» - *хокебажин*.

В день Вознесения во всех домах варилась молочная пища и раздавалась как жертвоприношение. Многие варили молочный суп не дома, а на меже своих нив и поливали им вокруг засеянных участков, чтобы способствовать хорошему урожаю и сохранить посевы от саранчи, градобития, засухи и др. бедствий. Этот день не сопровождался гаданиями, как в других провинциях Армении, и вообще проходил довольно бесцветно.

Гаданий не бывало и в другой праздник - в день Преображения, который в Нагорном Карабахе называется Выртэвор или Выртевур. В центральных областях Армении в этот день, посвященный культу воды и цветов, девушки доставали фанты из сосуда с водой, тайно собранной из семи родников, и старались по содержанию поющихся при этом песен проникнуть в тайны будущего и узнать, кто их суженый и будут ли они счастливы.

---

[1] *Их приготовляли старухи для молодых членов семьи, прикрепляя тонкую свечу накрест к более толстой и загнув концы ее вверх.*

[2] *В эту ночь совершалось нередко и обручение новых пар в церкви по предварительному соглашению. Мать или близкая родственница парня надевала на палец избранной девушке кольцо и набрасывала ей на голову платок.*

[3] *Ср.* Վարանդա, *с. 251.*

[4] *См. Там же, с. 251, 254.*

Выртэвор приходится в июле на воскресенье (подвижной праздник) и приблизительно совпадает с летним солнцестоянием. В Нагорном Карабахе, чем более удаляемся к югу, к Дизаку, тем более упрощаются формы его празднования.

В эти теплые сухие дни население предпочитало отправляться на богомолье к наиболее почитаемым святым местам, иногда очень далеко. Эти поездки на арбах, лошадях, а чаше хождения пешком привлекали своим разнообразием большое количество населения; в деревнях молодежи оставалось мало, и праздник на месте как-то не клеился. Это был праздник по преимуществу девушек и отчасти парней, вообще-исключительно неженатых. Еще накануне, в субботу, девушки отправлялись за цветами. Почти повсеместно в Нагорном Карабахе собиралась полевая красная гвоздика, которая в с. Аветараноц так и называется *выртевур*, а в других деревнях-*гулум-хай*. Связав большой букет, девушки сходились где-либо в саду или на поляне под деревьями, или в церковной ограде и усаживались в кружок. Их примеру следовали и неженатые парни, которые на некотором расстоянии от них также садились в кружок. Начиналось соревнование в пении. Первый куплет пелся девушками, ему отвечали парни. Пелись исключительно четверостишья, состоящие из семи сложных строк, с припевом после каждого нечетного стиха: «Джан, гулум, джан, джан!»-буквально: «Душка, роза, душка, душка», а после четного: «Джан цахик (цветок), джан, джан». Содержание куплетов исключительно любовное[1].

Каждый кружок старался припомнить побольше куплетов, из которых некоторые пелись по-тюркски, хотя у тюрок этого праздника нет. В стихи вплетались остроты одной группы по адресу другой. Побежденной оказывается та сторона, у которой истощался запас стихов. Иногда это состояние продолжалось до утра. Победителям доставался букет и противная сторона обязана была принести припасы для кутежа на следующий день: девушкам посылались сласти, а парням-закуска и вино.

Но часто спор, кому взять на себя угощение, решался иным путем. Девушки гурьбой отправлялись к отдаленному роднику, чтобы смочить букет водой и брызгать ею друг друга. На обратном пути парни устраивали засаду и, если им удавалось отнять букет у девушек, победа была за ними-они получали угощение, в противном случае, они угощали девушек[2].

В воскресенье утром девушки (ночью они ничего не ели, постились-*цом* или *цум*) выбирали самых младших и лучше одетых подруг, давали им по деревянному или медному подносу, на которых были сложены свежие плоды с воткнутыми в них цветами-гулум-хай и отправляли их по дворам петь четверостишья, подносить плоды с цветами или букетами и взамен собирать всякие продукты: муку, масло, яйца, фрукты, иногда и вино. Собрав все это (то, чего не хватало, приносили из дома, иногда на собранные между собою деньги прикупали рис, конфеты и т. п.), они устраивали под открытым небом под деревьями, на поляне или в саду пирушку (в с. Сос девушки уединялись в какой-либо карадам).

Парни, в свою очередь, также устраивали пирушку несколько в стороне. Опять пели поочередно «Гулум- хай». С одного стола посылали к другому малышей с закусками и сладостями по специальному адресу, определенному лицу, которое и делилось ими с товарищами. Это служило своего рода намеком на объяснение в любви. Гулянье кончалось качелями-*члорты*. К высокому дереву привязывались качели и девушки поочередно качались, причем подруги старались подбросить повыше, били качающуюся по ногам и требовали назвать нареченного. Парни наблюдали издали, кто ловче и выше раскачивается.

---

[1]*В армянской литературе их опубликовано много. Около 122 четверостиший, собранных в с. Геташен (Чайкенд), опубликовано с подстрочным русским переводом. См.* Калашев. ***Вардавар (с. Чайкенд Елизаветпольской губернии)****. -СМОМПК, 1894, вып. 18, с. 1-36.*

[2] *Так было в с. Аветараноц где описание получено мною от старика Галуста Айрапетяна и местной уроженки—учительницы Маро Багдасарян. В с. Сос к роднику относили не букет, а яблоки, груши, огурцы и другие свежие плоды с воткнутыми в них цветами, и там они окроплялись водой, которой девушки брызгали друг друга.*

Впрочем, эти качели устраивались лишь в северных районах Нагорного Карабаха, на юге же Варанде и в Дизаке—их не было. Здесь это развлечение происходило на Масленице, причем в воскресном гулянье в праздник Вартевора парни не принимали участия. Это различие не случайное: на севере, по долинам р. Тартар и Хачен, сильнее были непосредственные связи с внутренней Арменией, где следы поклонения в дни солнцестояния живительным силам воды на праздник цветов вместе с культом богини любви сохранились в более древних формах.

Еще не удается раскрыть, в каком отношении находились эти пережитки с теми хеттскими верованиями, которые отразились на знаменитых Богазкейских барельефах, представляющих праздник цветов, а также с культом Великой матери, развитом в Малой Азии.

Можно рассчитывать, что опубликованием всех материалов, собранных за последнее время в области распространения хеттской культуры, явится возможность окончательно установить характер этого отношения.

Тут приходится только устанавливать факт, что, чем ближе к восточной окраине «армянской речи», тем проще и празднование Вартевора.

В середине августа, 15 или 16 числа, в день Успения происходило освящение в церкви винограда (иногда и других плодов) и пшеницы. Виноград раздавался тут же народу, а пшеница приносилась домой и смешивалась с той частью нового урожая, которая была отобрана на семена: это, по народному поверию, придавало особую урожайность зерну (с. Вагуас).

Я умышленно несколько подробно остановился на описании праздников; в них ярче проявляется весь комплекс народных верований и рельефней вырисовываются основные элементы пережитков.

Разложение старых верований

Еще задолго до перехода к советскому строю в Нагорном Карабахе старые, унаследованные от предков верования стали забываться и видоизменяться в зависимости от новых условий экономической и культурной жизни.

По мере того, как падали старые социальные взаимоотношения, параллельно разлагался, а в некоторых случаях - и ранее, мир религиозных воззрений. Еще лет 30 тому назад, когда Ерванд Лалаян собирал свой материал по Варанде, были достаточно живы в памяти многие из этих воззрений и обычаев как среди стариков, так и среди молодежи. При нашем же обследовании приходилось обращаться к опросу почти исключительно стариков и старух, потому что молодежь уже не знала многих из былых местных обычаев или знала о них случайно, лишь понаслышке.

События начала XX в. ускорили процесс исчезновения черного духовенства и умственного и нравственного вырождения белого, а также усилили влияние городской культуры как через возвышение экономической и культурной роли Шуши, так и через соприкосновение активной части крестьянской массы с жизнью Баку в др. промышленных и торговых центров. Сложились новые социальные слои с новой интеллигенцией. Новое влияние отразилось раньше всего во внешней обстановке: на жилищах, утвари, мебели, костюмах, но вместе с этим, правда, не так быстро, преобразовывались сословные и классовые представления и религиозные воззрения.

Волна новых идей, рожденных Октябрьской революцией, имела решающее значение для разрушения традиционного миросозерцания. Она охватила если не всю молодежь, то, во всяком случае, наиболее способную и энергичную ее часть, которая в некоторых отдельных случаях, может быть, и очень бурно выступала против пережитков старины[1], но которая бесспорно,

[1] *Так, у подъема в монастырь Гандзасар под хачкаром, служившим предметом поклонения, был разведен костер, от чего он раскололся и рассыпался; по дороге из с. Ванк в с. Вагуас была разбросана и разбита группа хачкаров прекрасной работы*

благодаря именно этой силе натиска, сразу резко поставила во весь рост вопрос о неотложной необходимости скорейшего освобождения от оков старых обычаев, церковных преданий и обрядов. Предшествующая экономическая разруха еще до этого упростила не только сложный женский костюм, но и все дорого обходившиеся свадебные, похоронные и другие обряды. Новое течение не только повело дальше это внешнее упрощение, во многих случаях сократив случаи обращения к посредничеству церкви, но и содействовало еще более глубокому разложению всего религиозного миросозерцания. Во многих деревнях церковная служба совершенно прекратилась; в других - церкви посещаются разве только стариками. Ввиду отсутствия точного учета числа совершенных за последние годы церковных браков, крестин и похорон, данные приходилось собирать путем опросов. Во многих деревнях уже в 1924 г. имело место от 2 до 5 (с. Сос, Ванк, Гадрут), самое большее - 10 крестин; население, после регистрации в загсе, откладывало крестины надолго, а потом и совсем обходилось без них. Все чаще браки уже заключались без участия священника; обычно церковный обряд требовала невеста. В 1924 г. были еще весьма редки погребения без священников; даже членов комсомола, по требованию родителей, хоронили по церковному обряду. Но расходы во всех случаях совершения церковных обрядов были доведены до крайнего минимума.

Конечно, при быстром экспедиционном обследовании трудно проникнуть в сущность перемен, происходящих в психологии народа; для этого необходимо продолжительное пребывание среди различных слоев населения. Все же ясно чувствовалось полное разрушение основ всех религиозных воззрений. Сказания о Христе и святых были уже легендами и баснями не только для молодежи, но и для очень многих кругов более взрослого населения; и для этих последних празднование Рождества, Пасхи, Вознесения утратили религиозный характер и смысл. Это сильнее проявлялось в тех селениях, где уже карадамы заменены были наземными домами и где нашли себе место новые воззрения, зародившиеся в условиях городской культуры.

Однако для некоторой характеристики перелома, происходившего в народных верованиях, не лишено было бы привести здесь вопрос, заданный нам (мне и Г. А. Кочаряну) в Атерке одним из крестьян, человеком лет 60 - 70, из середняков, после окончания нашего опроса. «Теперь я бы хотел задать вам один важный вопрос. Конечно, если наши бабы бегают к знахарям и гадалкам или ходят по сурпам и ныхатахам все это глупости. Больному ни свеча не поможет, ни баран. Оттого, что священник пробормотал несколько молитв, церковная свадьба не сделала никого более счастливым, церковные похороны никого не сделали праведным. Да и почему на том свете простятся грехи тому, за кого мы со священником здесь помолимся или съедим жымахац - церковный обед? И оттого, что священник помолится и будет кадить, хлеб не превратится в мясо, а вино - в кровь. Кто теперь верит в то, что проделывает дэр (поп)? Но вот вы мне одно скажите. Теперь у каждого своя земля - и твердо знаешь, что никто у тебя ее не отнимет. Едешь себе по глухому лесу -никто тебя не обидит. Оставишь лошадь в поле- ее никто не угонит, седла никто с нее не стянет. Везде порядок, закон. А почему? Потому, что есть советская власть: она и поддерживает этот порядок. Но вот посмотри. Теперь лето и знаешь, что за летом придет осень, а там и зима. Теперь вот солнце стоит высоко, знаешь, что оно вечером сядет, утром снова взойдет и будет ярко светить, чтобы опять затем зайти. Посеешь семян, польешь, солнце пригреет, знаешь, что оно взойдет и станет деревом, даст плоды, из которых пойдут опять деревья, а само оно умрет, даст место новому поколению, как вот и мы пожили, народили детей и внуков, а сами уйдем, и они уйдут, оставив детей. Что же вы скажете? У этого порядка нет разве своей власти? За этим порядком не стоит разве своя советская власть?»

Такой же вопрос был задан мне за две недели до этого моим спутником, провожавшим меня от с. Сос в с. Чартар, слесарем лет 35-ти, работавшим на Бакинском заводе.

Приходилось, конечно, говорить о жизни природы, о законах, его управляющих, о силе науки, все более раскрывающей тайны всего окружающего и т. д. Но самый вопрос, обращенный к нам, указывал на определенные мучительные искания, которым необходимо пойти скорей навстречу широким распространением научных знаний.

Рядом с этим искательством и все нарастающим религиозным скептицизмом продолжают жить обычаи языческого характера. Я видел, как богомольцы на арбах, верхом и пешком тянулись к св. Шахаху между с. Дзамдзор и Саргсашен; здесь были люди всех возрастов. Молодые милиционеры на следующий день мне рассказывали, как весело они там провели время. Мне рассказывали, какая масса народа была у Гонтика в день Выртевора. Везде у сурпов и ныхатаков я видел недавно зажженные свечи. Во время скитаний по разным районам и селам мне приходилось все более убеждаться, что из тех явлений, которые на протяжении веков как будто органически сплелись воедино в отходящем религиозном сознании армян Нагорного Карабаха, элемент христианский оказался менее устойчивым в столкновении с преобразующимися порядками, чем более древний-языческий.

Г. Кочарян

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

Предисловие

Настоящая работа представляет собой предварительный доклад, прочитанный на Первом Азербайджанском Краеведческом съезде 22-го сентября 1924 г. Летом того же года автор, выполняя командировку О-ва обследования и изучения Азербайджана, объездил Нагорный Карабах, собирая материалы для изучения кустарной промышленности, распространенной в крае. Полное отсутствие каких-либо материалов, характеризующих вновь образовавшуюся Автономную Область, побудили автора прочесть на съезде доклад об „Экономике Нагорного Карабаха”. Доклад вызвал к себе интерес, и автору предложено было опубликовать работу со всеми приложениями.

Таково происхождение работы.

Будучи исследованием общего характера, работа дает лишь ориентировочный материал для дальнейших углубленных изысканий. Целый ряд вопросов, намеченных в работе, нуждается в дальнейших детальных обследованиях.

Просматривая «Итоги сельскохоз. переписи 1921 г. по Нагорному Карабаху» (издание АзЦСУ), автор обнаружил в них целый ряд пробелов, следствием, чего явилась необходимость дать в конце книги, в виде приложения, выправленный статистический материал.

Приношу свою глубокую благодарность О-ву обследования и изучения Азербайджана, отпустившему средства для напечатания этой работы, а также всем учреждениям и лицам, содействовавшим мне в получении материалов, необходимых для работы.

30 сентября 1924 г.

Нагорный Карабах, как показывает само название, представляет собою гористую страну, прорезанную по всем направлениям многочисленными ущельями. Самые значительные из них идут параллельно друг другу, по направлению от юго-запада к северо-востоку к Карабахской низменности, куда обращен общий наклон всей области.

С севера Нагорный Карабах замыкает Муровдагский хребет с вершиной Муров-даг (3366м.). Западную границу области составляет лесистый Карабахский хребет, примыкающий к Муровдагскому хребту у вершины Гямыш. Карабахский хребет тянется в юго-восточном направлении через всю область и уже за пределами Нагорного Карабаха, разветвляясь на множество безлесных отрогов, спускается террасами к реке Араксу. В восточном и северо-восточном направлении уровень поверхности понижается и местами переходит в низменность еще в пределах Нагорного Карабаха. Все это обусловливает большое разнообразие как в смысле рельефа страны, так и в смысле почвы, климата, растительности и т.п. Нагорный Карабах, занимающий сравнительно небольшое пространство (3656, кв. верст), включает несколько районов, сильно отличающихся друг от друга по своим естественно-историческим условиям. Так, например, Хаченский район представляет собою в целом сплошной массив, разделенный только Хаченским ущельем. По дну ущелья протекает река Хачен, которая теряется в песках, не доходя до р. Куры, уже за пределами Нагорного Карабаха.

Хаченский район следует отнести к нагорным районам: две трети всех селений Хачена лежат на высоте 1000-2000 метр., и только четвертая часть селений находится в предгорной полосе на высоте 250-1000 метров. Климат Хачена умеренно-холодный; такие культуры, как виноград и тута, распространены слабо и не везде поспевают.

В Джрабердском районе ущелья, раздавшись, образуют большую котловину, долину реки Тертера, удобную для земледелия. Восточная часть Джрабердского района переходит в низменность, открывая простор для возделывания таких технических культур, как хлопок, чалтык и т.п.

Западная часть Джраберда окаймлена высокими горными цепями, покрытыми лесами и горными пастбищами. Свыше половины всех населенных пунктов Джраберда расположены в нагорной части, до ¼ в предгорной и около 18 % в низменной, густо населенной полосе. Климат Джраберда сухой и мягкий для низменных частей, умеренно холодный для нагорных; в гористой полосе выпадает много осадков. В Джраберде сильно распространены фены-теплые, сухие, нисходящие ветры. Повторяются они довольно часто и, сопровождаясь резкими колебаниями температуры, губительно влияют на молодую растительность. Чаще всего фены наблюдаются в долине реки Тертера. Держатся здесь фены обычно не более суток.

Варандинский район не имеет ни широких речных долин, ни глубоких ущелий, как Джраберд: он весь расположен на невысоком холмообразном плоскогории. Варанду следует отнести к низменным районам: большая часть ее селений, до 60%, расположены на высоте 0-250 метров, почти треть в предгорной полосе, и только незначительная часть находится в нагорной полосе. Климат Варанды теплый, ровный; вся она обращена к югу и защищена от холодных ветров. Здесь хорошо поспевают не только виноград и тута, но и такие культуры как хлопок.

Большая часть Дизакского района – Гадрут с прилегающими селениями-находится в котловине, в Гадрутском ущельи, со всех сторон закрытом горами. Дизак имеет уже наклон в сторону юго-востока; реки, берущие здесь свое начало, впадают уже не в Куру, а в Аракс. Влияние речной долины Аракса сказывается на климате Дизака: лето здесь бывает жаркое, зима мягкая.

Леса. В смысле растительности Нагорный Карабах можно разделить на восточную и западную части. Восточная часть, примыкающая к низменности, в общем лишена растительности. Горы и холмы здесь покрыты кустарником и выгоревшей травой; лишь кое-где попадаются леса. Однако, леса эти крайне незначительны и представляют собой скорее заросли кустарника, так мало в них больших деревьев. Площадь их с каждым годом сокращается: малоземелье и отсутствие выгонов способствуют исчезновению их. По мере удаления к западу растительный покров изменяется. Карабахский хребет покрыт уже густо лесами. Здесь встречаются дремучие леса со столетними дубами, куда редко ступает человеческая нога. К сожалению, площадь Карабахских лесов совершенно не приведена в известность (впрочем, в таком же положении находятся все леса Закавказья: они еще до сих пор не обследованы). Можно полагать, по приблизительным подсчетам, что в Нагорном Карабахе под лесами находится площадь в 140 тыс. десятин.

Леса Карабаха изобилуют ценными породами, хотя и сильно уступают в этом отношении лесам Западного Закавказья. Здесь распространены бук, кавказский дуб, орех, липа, клен, кавказский можжевельник и др.

Хвойных пород в лесах Карабаха нет. Благодаря сухости и умеренности климата, нет и пород, распространенных в западной части Закавказья. За время войны и революции леса Карабаха сильно поредели. Население, не находя дополнительных заработков на стороне (заработков, которые в бюджете крестьянина Нагорного Карабаха играли большую роль), не имея возможности вследствие острого малоземелья прокормиться на своей земле, интенсивно стало расширять площадь посевов за счет лесов. Этому в значительной степени благоприятствовало еще и полное отсутствие какого-либо надзора за лесами в то время. В результате такого неразумного истребления лесов, во многих местах Нагорного Карабаха наблюдаются обмеление рек и усыхание родников.

Леса Нагорного Карабаха имеют большое значение; они способствуют сохранению влаги в почве и укреплению пластов. Значение их тем более велико, что в Нагорном Карабахе получают начало целый ряд горных потоков и родников, которые, сливаясь вместе в реки, орошают затем и низменный Карабах.

Альпийские луга. Собственно альпийских лугов в районе Нагорного Карабаха мало. Альпийские луга находятся, главным образом, на Карабахском плоскогорье, уже за пределами Нагорного Карабаха. Только в некоторых возвышенных пунктах альпийские луга встречаются и в Н. Карабахе; таковы луга, находящиеся на Муровдагском хребте, на Большом и Малом Кирсе, на Дизапайте и др. Область альпийских лугов характеризуется полным отсутствием лесной растительности: поверхность их покрыта густой травой, достигающей местами значительной высоты; по всему их пространству щедрой рукой рассыпано множество пышных ярких цветов, по красоте своей далеко оставляющих за собою садовые цветы.

Альпийские луга Н.Карабаха совершенно не изучены: у нас не имеется даже их описания. Только в 1924 г. Общество обследования и изучения Азербайжана, приступив к систематическому изучению Азербайджана, послало научную экспедицию в Нагорный Карабах, в задачу которой входило, между прочим, и изучение флоры Н. Карабаха.

Реки. Нагорный Карабах изобилует родниками, горными потоками, мелкими речушками. Из более крупных рек наиболее важное значение имеет многоводная река Тертер, воды которой орошают низменность. Кроме Тертера, можно указать еще на реки Хачен, Гаргар, Инчха-чай и др.

Эти реки являются типичными кавказскими реками; обычно они мелководны, легко пересыхают в жаркое время и вследствие своей незначительности почти не используются крестьянами, но во время дождей и ливней, которые здесь часты, они делаются неузнаваемыми. Маленькая речка, через которую еще вчера можно было перешагнуть, разрастается, вздувается и в яростном гневе своем размывает поля и пашни, вырывает с корнями столетние дубы, сносит с лица земли целые селения. Проходит после дождя час другой и река снова входит в свои берега. Таковы Карабахские реки.

Фауна Нагорного Карабаха. Леса и горы Нагорного Карабаха дают приют многочисленным зверям и птицам. Здесь встречаются кавказские олени, косули, безоаровые козлы, медведи, волки, шакалы, лисицы, барсуки, ласки, зайцы и т.п. Из птиц распространены фазан, горная индейка, курочка и др.

Административное деление Автономной Области Нагорного Карабаха.

Автономная Область Нагорного Карабаха составилась из частей Шушинского, Джеванширского, Карягинского и Кубатлинского уездов.

Из бывшего Шушинского уезда в нее вошли до 120 селений с городом Шуши, расположенные в нагорной части уезда; из Джеванширского уезда-западная его часть в составе 55 селений; из Карягинского – 31 селение с Гадрутом во главе, и несколько селений из Кубатлинского уезда.

С севера и с северо-запада Нагорный Карабах граничит с Ганджинским уездом, от которого отделяет его цепь армяно-ганджинских гор. С запада Нагорный Карабах примыкает к Курдистану; с юго-востока Нагорный Карабах граничит с Джебраильским уездом. Наконец, с востока к Нагорному Карабаху примыкает Агдамский уезд.

В административном отношении Нагорный Карабах разделен на четыре района: 1) Дизакский, 2) Варандинский, 3) Хаченский и 4)Джрабердский.

Дизак. В состав Дизакского района вошли части Карягинского уезда (быв. Джебраильский) и Шушинского (Туг с окруж. селениями). Административным центром района является селение Гадрут. Волостей в Дизакском районе пять: 1) Гадрутская, 2)Тугская, 3)Хозабютская, 4)Аракюльская и 5) Эдиллинская. Всех селений насчитывается около 48.

Варанда. (Быв. Шушинск. у.). Центром Варанды является селение Хонашен. Волостей в Варанде пять. 1) Тагавертская, 2) Сусская, 3)Чартасская, 4) Норшенская и 5)Хонашенская. Всех селений 46.

Хачен. (Быв.Шуш. у.). Хачен состоит из пяти волостей: 1) Дашбулагская, 2) Малибеклинская, 3)Аскеранская, 4) Красносельская и 5) Каладарасинская. Кроме того, в состав Хачена входят два города Нагорного Карабаха: г. Шуши и г. Степанакерт. Последний является центром Нагорного Карабаха. Всех селений насчитывается в Хачене 65.

Джраберд. (Быв. Джеваншир. у.). Районным центром Джраберда является Агдара. Всех волостей четыре: 1)Маргушеванская, 2)Оратагская, 3)Довшалинская и 4)Атеркская. Всего 63 селения.

Население

Нагорный Карабах был выделен из Азербайджана в Автономную область по признаку национального большинства: 94,4% жителей его составляют армяне, 5,6% тюрки. Всех жителей Нагорного Карабаха, без города Шуши, насчитывалось в 1921году, согласно сельскохозяйственной переписи, 126.368 чел. По районам это количество распределялось следующим образом:

Джраберд……31.390
Хачен……..34.759
Варанда……30.104
Дизак……..30.115
Итого по Области….126.368

Если к этому количеству сельских жителей прибавить еще и население города Шуши, сократившееся после событий двадцатого года до 9.223 (в 1921г.): получили цифру 135.591ч.

После 1921 года, как известно, переписи населения не производилось, однако, различные ведомства время от времени, для своих целей, производили учет населения. Из материалов, полученных таким путем, заслуживают внимания материалы, собранные Наркомфином для налоговых целей. Данные Наркомфина обнаруживают значительную убыль населения Нагорного Карабаха.

Население Нагорного Карабаха (по данным НКФ за 1924год)
Джраберд……28.860
Хачен……30.358
Варанда……30.358
Дизак……24.528
Итого по области……114.290

Население НК, как видно из таблицы, уменьшилось на 12 тысяч человек. Трудно указать причину такого значительного сокращения населения (почти на 10%).

Несомненно прежде всего, что перепись 21-го года производилась тогда, когда еще происходили процессы передвижения среди населения. В Н. Карабахе в это время находились жители некоторых армянских селений, расположенных на низменности (Агдамский у.), которые после 21 года вернулись в свои селения; кроме того возможно, что убыль населения произошла и за счет жителей разрушенного города Шуши, которые находились еще в пределах Нагорного Карабаха в момент производства переписи.

Наконец, не исключена и возможность ошибок со стороны как АзЦСУ так и НКФина. Перепись 21 года производилась, как известно, в исключительно тяжелых условиях: целый ряд селений не был переписан счетчиками, ибо эти селения были брошены крестьянами; самое производство переписи было сопряжено с опасностями, и именно в Нагорном Карабахе погибло от рук разбойников два ответственных руководителя переписи. Еще в большей степени эти соображения относятся к материалам, добытым Наркомфином, в прямую обязанность которого не входит производство переписей.

Народное образование

По грамотности сельское население Нагорного Карабаха, как видно из таблицы, помещенной ниже, занимает второе место в Республике.

Грамотность сельского населения АССР в процентах

	муж.	*жен..*	*об.пола*
Ганджинский…….	*17.17*	*5.04*	*11.17*
Нагорный Карабах……	*14.35*	*3.23*	*8.93*
Бакинский у……..	*8.60*	*1.40*	*5.20*
Шамхорский……..	*7.60*	*2.24*	*4.94*
Джебраильский у……..	*5.06*	*0.31*	*2.37*
Кубинский…….	*3.90*	*0.60*	*2.30*
Агдамский у……..	*3.35*	*0.37*	*1.84*
Курдистанский у……	*1.44*	*0.04*	*0.68*

По отдельным районам Нагорного Карабаха грамотность выражается следующими цифрами:

Грамотность сельского селения Нагорного Карабаха

Районы	*Лица обоего пола*	*грамотн.*	*% отношение*
Джраберд	*41.390*	*2.553*	*8.13*
Хачен	*34.759*	*2.865*	*8.24*
Варанда	*30.413*	*3.186*	*10.56*
Дизак	*30.115*	*3.164*	*10.50*
Итого по всей области	*126.677*	*11.468*	*9.30*

Как видим из таблицы, районы по преимуществу нагорные, как Джраберд и Хачен, дают меньший процент грамотных. Если мы возьмем отдельные сельские общества, то здесь отклонения от средней будут уж более значительными; например, в районе Джраберда есть Гасанризское сельское общество, насчитывающее 4771 жителей об. пола, из которых только сорок человек грамотных, т.е. грамотность выражается 0.83%. В том же районе находится Маргалинское сельское общество с грамотностью 3.64%. Селения, входящие в эти общества, лежат в нагорных частях, имеют чрезвычайно плохое сообщение с культурными центрами района. Население их сильно отличается от прочих крестьян Нагорного Карабаха как по виду, так и по привычкам и образу жизни. Самый внешний вид этих селений представляет разительный контраст с селениями Варанды и Дизака. В то время как там крестьяне живут сплошь и рядом в каменных двухэтажных домах с крышей, покрытой кровельным железом, крестьяне Гасанризского, Маргалинского обществ живут еще сплошь в «карадамах», т.е. в помещениях, имеющих только одно отверстие для дыма. Здесь не только женщины, но даже и девушки закрывают свои лица от посторонних. Женщины почти поголовно безграмотны (напр. в Гасанризском обществе на 2260 женщин насчитывалось 4 грамотных).

В противовес Гасанризскому и Маргалинскому сельским обществам, можно в том же Джрабердском районе отметить Кусапатское сельское общество (включающее в себе районный центр Агдару-Мардакерт), процент грамотных в котором выражается 17.73. Такие же резкие колебания мы видим в других районах: грамотность, например, Гадрутского

сельского общества (Дизак) выражается 18.40%; грамотность Каладарасинского общества (Хачен) - 0.97% и т.д.

Таким образом, наиболее грамотными районами Нагорного Карабаха являются Дизак и Варанда, расположенные в восточной части области, население которых более тесно связано с культурными центрами Азербайджана; что же касается отдельных сельских обществ, то здесь процент грамотности сильно колеблется, заметно падая в зависимости от расстояния отдельных селений от районных центров, а также и в зависимости от их национального состава. В сельских обществах с преобладанием тюркского населения процент грамотности ниже.

Все эти данные, приведенные нами, относятся к 1921 году. К моменту образования Автономной области работа по народному образованию характеризовалась следующими цифрами: в 1922-23 году в области насчитывалось 79 школ первой ступени с 4750 учащимися. Школ второй ступени не было совершенно. Никакой другой просветительной работы не велось, если не считать одной школы по ликвидации неграмотности, открытой в Шуши.

В школах не было совершенно учебников, не было и принадлежностей для письма; никакой методической работы среди учителей не велось. Жалованье педагогическому персоналу выплачивалось крайне неаккуратно, вследствие чего большая часть учительства (наиболее деятельная) отошла от работ, оставшиеся же формально относились к своим обязанностям. Крестьянство и сельские власти в общем довольно безучастно относились к школе.

В таком положении было дело народного образования, когда провозглашена была автономия области. В течении короткого времени новому правительству, при деятельной поддержке азербайджанской центральной власти, удалось несколько расширить и развить сеть культурно-просветительных учреждений. В 1923-24 учебном году в Нагорном Карабахе насчитывалось уже сто две школы первой ступени, с общим количеством учащихся 7940 человек при 212 учителях, в том числе тюркских школ было 16 с 1166 учениками при 39 преподавателях.

За этот же год были открыты 3 школы второй ступени: одна школа в Гадруте, сельскохозяйственный техникум в Степанакерте и тюркская школа в Шуши. Кроме того, намечается к открытию школа второй ступени в Мардакерте.

Большое движение наблюдается и в области методической: устраиваются учительские съезды, курсы по подготовке преподавателей, разрабатываются программы и т.п. Всколыхнулось и крестьянство: под влиянием агитации оно стало восстанавливать разрушенные школьные здания, отводить для школ участки земли, производить отчисления в пользу школы.

В области дошкольного образования больших достижений нет, ибо совершенно отсутствуют какие-либо средства. Здесь можно отметить только слияние трех детских домов в один и некоторое улучшение положения детей, содержащихся в этом доме.

Борьба с неграмотностью не может развернуться вследствие почти полного отсутствия средств. С большим трудом удалось открыть 65 школ по ликвидации неграмотности, в которых учатся 1872 человека. Помимо этого, в области проводится много различных курсов и отдельных лекций.

В Степанакерте открыта библиотека.

Из всех этих начинаний наибольший интерес представляет сельскохозяйственный техникум, открытый в Степанакерте; программа техникума составлена оригинально, применительно к особенностям карабахской жизни. При техникуме имеется опытное поле, огород, оранжерея, насаждается фруктовый сад, есть небольшая пасека и т.п. Все работы производятся силами учеников и обязательны по учебному плану; учащиеся, собравшиеся со

всех районов Карабаха, живут при техникуме - в интернате; в 1923-24 учебном году их было только 43 человека.

Несмотря на значительный сдвиг, который можно констатировать в области народного образования, все же приходится признать, что еще очень много существует пробелов и недочетов в этой области. Прежде всего необходимо подчеркнуть тяжелую материальную обстановку, в которой находятся школы в области. Из 102 школ только тридцать три имеют собственные помещения (из тридцати трех помещений только двадцать три можно признать удовлетворительными), остальные помещаются в случайных зданиях (частных домах), совершенно неприспособленных для школьных целей. В районах (без Шуши и Степанакерта), где насчитывается 6100 учеников, имеется всего 1580 парт, большей частью старых и неисправных; на 225 отделений имеется всего 170 классных досок. Сельскохозяйственный техникум в Степанакерте не имеет ни физического кабинета, ни лаборатории. Существующие школы обслуживают только тридцать процентов всех детей школьного возраста (от 8-ми до15-ти), остальные 70% остаются без всякого образования. Как показывает нижеследующая таблица, большая часть школ (62 процента) имеет только два первых отделения, в которых учатся 87 % всех учеников.

Количество школ с одним отд.	*9*	*Количество учащихся на 1 отд.*	*3494*
Количество школ с дв. отд.	*48*	*Количество учащихся на 2 отд.*	*1659*
Количество школ с тр. отд.	*23*	*Количество учащихся на 3 отд.*	*697*
Количество школ с чет. отд.	*12*	*Количество учащихся на 4 отд.*	*157*
Количество школ с пят. отд.	*1*	*Количество учащихся на 5 отд.*	*18*
Итого	*93 школы*	*624*	*6024 уч.*

Таким образом, школы Нагорного Карабаха 9/10 своих воспитанников обучают только грамоте, не имея возможности давать какие-либо другие сведения.

Что касается учительства, то оно характеризуется следующими данными: среднее образование из них имеет 40%; 11% являются лицами, окончившими учительскую семинарию или сдавшими экзамен на звание учителя. В тюркских школах насчитывается всего шесть процентов преподавателей со средним образованием и 15% с семинарским и сдавшим экзамен. 46% армянских учителей имеют армянское образование. Тюрок-учителей с тюркским образованием нет. Большая часть учительства имеет солидный стаж, свыше трехлетнего, но это обстоятельство, ввиду исключительно тяжелых условий последних лет, прекративших почти всю школьную работу, большого значения не имеет. По признанию Наркомпроса Автономной области, только 51% армянского учительства и 21% тюркского более или менее соответствуют своему званию; на переподготовку остальной части учительства, без которой нельзя обойтись, должно быть обращено большое внимание.

Перспективы в области народного образования нужно признать весьма туманными. Нагорный Карабах 40% своего бюджета затрачивает на просветительные цели, но эти суммы нельзя признать достаточными, ввиду незначительных размеров самого бюджета.

Местные финансы, на которые теперь в значительной степени упадут расходы по народному образованию, представляются чрезвычайно незначительными, и можно опасаться того, что, несмотря на все свое тяготение к образованию, которое составляет характерную

черту карабахского крестьянина, последний не будет в состоянии уделить делу образования столько средств из своего крайне скудного бюджета, сколько необходимо, чтобы поставить его на должную высоту.

Сельское хозяйство

Земледелие является основным занятием жителей Нагорного Карабаха. Остальные промыслы или очень слабо распространены в области и не играют большой роли, или же являются подсобными занятиями к земледелию.

Нигде земледелие так скудно не вознаграждается, как в Нагорном Карабахе, и это несмотря на колоссальный труд, который крестьянин вкладывает в обработку земли.

Малоземелье. Основное зло, которое тяготеет над хлебопашцем Н. Карабаха – это острое малоземелье. В этом смысле Нагорный Карабах занимает первое место в республике. Вообще нужно отметить, что эта область является самой густо населенной областью в АССР.

Плотность сельского населения АССР. (по сельскохоз. переписи 1921 года)	
	На кв. версту (число душ по об. пола)
Нагорный Карабах	*36.1*
Кубинский уезд	*25.6*
Агдамский	*33.0*
Джебраильский	*19.1*
Ганджинский	*19.1*
Шамхорский	*19.0*
Бакинский	*17.2*
Курдистанский	*11.3*

Являясь с одной стороны, густо населенной областью, Нагорный Карабах в то же время, благодаря гористой поверхности, имеет очень мало удобной земли для возделывания. Стесненный малоземельем, крестьянин стремится использовать каждый клочок земли; пашни здесь лепятся на скатах гор, сползают на холмы, прячутся между каменистыми грядами, куда слегка нанесло земли и т.п. Только в немногих местах (как, например, восточная часть Джраберда) имеются удобные земли для хлебопашества.

В смысле обеспечения земли Нагорный Карабах, как мы уже отметили, занимает последнее место в республике. Вот таблица, характеризующая обеспеченность пахотными землями каждого уезда республики.

На сто хозяйств пахотной земли приходится (по данным АзЦСУ)	
В Кубинском уезде	*336.85 десятин*
В Агдамском уезде	*331.00*
В Бакинском уезде	*308.40*
В Ганджинском уезде	*238.14*
В Джебраильском уезде	*238.14*
В Шамхорском уезде	*201.52*
В Курдистанском уезде	*134.55*
В Нагорном Карабахе	*113.73*

Население Нагорного Карабаха, как видно из таблицы, в два-три раза слабее обеспечено пахотными землями, чем население других уездов АССР. Если возьмем площадь всей земли,

находящейся под усадьбами, садами, посевами, сенокосами, паром и т.п., то получим следующую картину распределения земли по отдельным районам Нагорного Карабаха.

Всего дес. земли	***Приходится на душу населения***
Джраберд……20.615.48	*0.65*
Хачен……..44.115.02	*0.40*
Варанда……15.543.02	*0.51*
Дизак……..11.365.48	*0.37*
Итого по области…….62.201	*0.54*

Если даже сделать в этих таблицах небольшие исправления, отбросить городское население и часть сельского, как не занимающихся земледелием, учесть возможность некоторых неточностей, сознательной утайки обрабатываемой площади и тому подобное, то и в этом случае общая картина не изменится: Нагорный Карабах - область с резко выраженным малоземельем.

В виду чрезвычайной важности вопроса, приведу еще один любопытный документ Наркомфина. Нижеследующая таблица составлена Наркомфином для взимания единого сельскохозяйственного налога по Нагорному Карабаху. Здесь вся площадь обрабатываемой земли плюс все количество скота переведены на пашню. Напомню расчет, по которому совершался перевод в Нагорном Карабахе (согласно декрету ЗакЦИКа и ЗакСНК о едином сельскохозяйственном налоге 24 апреля 1924 года):

Десятина сенокоса в переводе на пашню равняется 0.5 дес. паш	
„огородов и бахчей……”	*2.0*
„чалтыка……..”	*4.0*
„плодового сада……..”	*1.5*
„виноградника……”	*2.0*
„хлопка……”	*3.0*
„тутовых насаждений……..”	*1.5*
Голова крупн. рог. скота, лошадь или мул	*0.4*
Осел……	*0.2*
Баран.овца, козел, коза……..	*0.08*
Свинья……..	*0.13*

При рассмотрении этой таблицы нужно принять во внимание, что сюда вошли те хозяйства, которые подлежали обложению; хозяйства же маломощные, освобожденные от налогов, в таблицу не попали.

ТАБЛИЦА НАРКОМФИНА

Распределение плательщиков единого сельскохозяйственного налога 1924-25 г. по группам, после перевода всего облагаемого имущества на пашню

РАЙО-НЫ	**Число хо-зяйств**	**Число едоков**	**Общее колич. облагае-мой пашни (после перевода) в десяти-нах**	**Общее число облагаемых единиц распределяется по группам хозяйств, по землеобеспеченности на едока след образом.**								
				1 группа ¼ дес.	**2 группа ¼-1/2 дес.**	**3 группа ½-3/4 дес.**	**4 группа ¾-1 дес.**	**5 группа 1-1 ¼ дес.**	**6 группа 1 ¼-1 ½ д.**	**7 группа 1 ½-1 ¾ д.**	**8 группа 1 ¾-2 дес.**	**9 группа свыш. 2 д.**

Дизак	4.166	20.946	15.859^{01}	23^{57}	1.865^{53}	4.777^{41}	4.471^{59}	2.307^{01}	1.254^{48}	511^{77}	197^{16}	450^{49}
Варан-да	5.716	28.659	27.419^{75}	19^{42}	1.409^{94}	4.827^{88}	6.219^{89}	5.045^{43}	3.706^{44}	2.348^{74}	1.424^{98}	2.417^{03}
Хачен	5.373	27.903	23.165^{35}	99$_{51}$	2.434^{67}	5.420^{90}	5.019^{47}	3.751^{79}	2.209	1.272^{69}	885^{13}	2.072^{19}
Джра-берд	4.553	25.038	28.482^{99}	58^{49}	1.276^{08}	3.109^{59}	4.158^{63}	3.850^{70}	3.590^{84}	3.181^{28}	2.587^{64}	6.665^{74}
По всей области	19.808	102.546	94.927^{10}	200^{99}	6.986^{22}	18.135^{78}	19.869^{58}	14.954^{03}	10.760^{76}	7.314^{48}	5.094^{91}	11.609^{45}

В среднем, как видно из таблицы, на одного едока приходится менее одной десятины. Несколько выделяется Джрабердский район, где на 25.038 едоков приходится 28.482 десятины.

Если рассматривать отдельные районы по группам хозяйств, подлежащих обложению, то в Дизакском районе две трети всего количества земли приходятся на группы хозяйств, имеющих от одной четверти до одной десятины земли, в Варандинском и Хаченском районах преобладают группы, имеющие от ½ до1 ¼ десятины.

В Джрабердском районе довольно равномерно представлены группы, имеющие от ½ до 2 десятин. По всему же Нагорному Карабаху приходится на группы хозяйств, располагающих от ½ до 1 ½ десятин пашни, свыше двух третей всей земли.

Вся эта таблица еще раз свидетельствует об остром малоземелье, присущем хозяйству крестьянина Н. Карабаха.

Вопросы орошения. Ведение зернового хозяйства, как мы уже подчеркивали выше, является занятием чрезвычайно неблагодарным в Нагорном Карабахе. Имея небольшой клочок земли, затрачивая на него колоссальный труд (ибо обработка земли в нагорной полосе требует больше трудовых затрат, чем на низменности), крестьянин Н. Карабаха не всегда уверен в том, что получит что - либо с этого клочка. Различные неблагоприятные атмосферные явления, столь присущие этому краю, ставят очень часто урожаи под угрозу гибели. Градобитие составляет обычное явление в Нагорном Карабахе. Каждый год в той или другой части области выпадет град, уничтожающий посевы. Никаких мер борьбы с этим распространенным бедствием не принимается. Помимо этого, очень часто посевы пропадают у крестьян или от обильных дождей, выпадающих преимущественно в возвышенных частях области, или от засухи. Нагорный Карабах, как это ни`вяжется с общераспространенным мнением, можно охарактеризовать скорее как засушливый район. Климат Нагорного Карабаха сухой континентальный. За исключением некоторых местностей, почва здесь, вследствие сухости воздуха, нуждается в искусственном орошении; между тем в этом отношении далеко не все благополучно обстоит в Нагорном Карабахе.

Недостаток воды составляет второе после малоземелья большое зло Нагорного Карабаха. Если возьмем всю площадь обрабатываемой земли, получим следующую таблицу для Нагорного Карабаха:

	В десятинах		***В процентах***	
	Поливная	***Неполивная***	***Поливная***	***Неполивная***
Джраберд	*7.842.68*	*12.771.80*	*38.05*	*61.95*
Хачен	*1.409.82*	*12.705.26*	*9.98*	*90.02*
Варанда	*435.08*	*15.107.94*	*2.80*	*97.20*
Дизак	*888.49*	*10.476.99*	*7.80*	*92.19*
		51.061.99	*17.16*	*82.84*

Таким образом, из всех районов Нагорного Карабаха в сравнительно благоприятном положении находится Джрабердский район. Плохо обстоит дело в Варанде и Дизаке. Варанда является самым засушливым районом. Уже один вид холмов ее с редкой растительностью,

выжженной солнцем, свидетельствует об этом. Сады здесь тянутся по дну ущелий и оврагов, вытягиваясь в длинную узкую ленту, поближе к спасительной влаге, протекающей внизу.

В Варанде есть селения, которые с большим трудом добывают себе даже питьевую воду. Проведение родника в этом краю почиталось делом высокого благочестия и совершалось обычно в память усопших или в виде жертвы. Об этом свидетельствуют многочисленные надписи, сохранившиеся на каменных сводах родников.

Может показаться странным, что Н. Карабах, откуда стекает столько вод, орошающих низменность, где берет свое начало целый ряд рек, страдает сам от безводья; однако, это так. Гористый характер страны затрудняет добывание воды: вода протекает внизу, меж тем, как пашни расположены высоко, каменистая почва препятствует проведению подземных тунелей для отвода воды. Орошаются, главным образом, только земли, расположенные в восточной части, в районе Агдары, Мараги и т.д., вследствие своего местоположения, допускающие в широких размерах применение орошения.

В настоящее время правительством разрабатываются меры орошения Н. Карабаха. Главное внимание обращено на Джрабердский район, который изобилует водами и в котором имеется около тридцати тысяч десятин, пригодных для орошения. Здесь намечены к проведению три канала:

Узунталинский канал возьмет начало из реки Тертера, протяжением сорок верст. Стоимость работы определена в сумме 235.592 рубля.

Талышский канал из реки Инджи, протяжением четырнадцать верст стоимостью 115.794 руб.

Мадагисский канал из Тертера, протяжением девять верст, стоимостью 19.370 руб.

Стоимость всех трех каналов выражается в сумме 370.756 руб.

Помимо Джрабердского района намечены еще к проведению двух каналов в Варанде.

Пирджамальский (Ленинский) канал из реки Гаргар-чая у местечка Ханские Сады, протяжением сорок верст.

Балуджинский канал из р. Балуджинки (приток Гаргарчая) длиной две с половиной версты; стоимость этих двух каналов выясняется.

Опасения, которые высказываются многими, что с проведением этих каналов не станет хватать воды для орошения земель Низменного Карабаха, неосновательны. Дело в том, что на низменности недостаток воды уже и теперь ощущается остро. Система орошения в том виде, в каком она теперь существует, очевидно, неудовлетворительна; между тем водные богатства Н. Карабаха очень велики и их нужно только умело использовать. Нужно изучить Н. Карабах с гидротехнической стороны и наметить места для постройки обширных водохранилищ и водоемов; там будет накопляться то колоссальное количество воды, которое во время таяния снегов, во время ливней, низвергаясь с гор, с шумом и ревом заполняет собой все долины и ущелья, размывает горы и сносит целые селения. Запертые в каменные амбары эти воды могут питать Нагорный и Низменный Карабах в течение всего лета. Сильно усеченный характер местности, наличность глубоких ущелий и оврагов делают вполне осуществимым устройство таких водохранилищ.

Обработка земли. Обработка земли в Нагорном Карабахе требует гораздо больше труда, чем где-либо в другом месте Азербайджана (за исключением Курдистана). В плуг обычно впрягается от 4-8 пар быков или 4-6 пар буйволов, для сохи достаточно бывает и двух пар. Одна десятина вспахивается плугом от 4 до 7 дней. Вообще, нужно отметить, что обработка земли требует большого приложения труда в гористых местностях, по мере же приближения к низменности уменьшается как число упряжных животных, так и время, потребное для обработки почвы.

Редкий крестьянин имеет здесь более одной пары быков или буйволов; поэтому крестьяне обычно соединяются вместе для запашки полей. На десятину обычно высевается: пшеницы 7 пудов, ячменя 7-7 ½ пудов, проса 1-1 ½ пуда. В нагорных частях приходится высевать больше. Обработка земли совершается самыми примитивными орудиями: по переписи 1921 года зарегистрировано было во всей области 7.193 сохи, 1.088 плугов. Бороньба происходит при помощи хворостяных волокуток. Молотьба совершается неизменно с участием знаменитой доски, представляющей собой деревянный треугольник, усеянный с внутренней стороны острыми камнями. Семена обычно не просеиваются и не отбираются. В результате такой примитивной обработки почвы хлеб получается крайне засоренный, особенно сильно наблюдается это в гористой части примыкающей к Курдистану, где и обработка земли хуже и к тому же совершенно не применяются удобрения. Здесь крестьянину приходится два раза в течение сезона со всей семьей выпалывать свою пашню, иначе сорная трава совершенно заглушит хлебные злаки. Севооборота крестьянин Нагорного Карабаха не знает; из года в год на одной и той же земле сеется пшеница или ячмень, и только время от времени земле дают передохнуть. Небольшой размер наделов, слабая связь с рынком и полная необеспеченность крестьянина делают его мало восприимчивым как к улучшению способов обработки земли, так и к переходу к более ценным культурам.

При наличности самых благоприятных условий десятина дает 40-45 пудов пшеницы, до 35-40 п. ячменя и до 60 пудов проса. Обычно же с десятины получается 20-25 пудов пшеницы, 25 пудов ячменя, 30-35 пудов проса.

По площади посевов первое место занимает озимая пшеница, затем озимый ячмень. Из остальных злаков несколько выделяется просо. Под влиянием русских поселенцев здесь до войны начала было прививаться также и культура льна: крестьяне сеяли лен исключительно для получения масла.

Из технических культур нужно отметить хлопок, распространенный в районе Джраберда (Марага). В 1924 году под хлопком находилось до 475 десятин. По-видимому, эта культура при условии орошения может значительно расшириться. Помимо хлопка, в том же Джрабердском районе по 100 десятин земли находилось под чалтыком.

Согласно данным с.хоз. переписи 1921 года, сельскохозяйственные культуры распределялись следующим образом в Нагорном Карабахе:

В процентах	
Пшеница озимая	*54.4*
Ячмень озимый	*23.3*
Пшеница яровая	*7.3*
Ячмень	*6.1*
Просо	*5.1*
Чалтык	*0.5*
Полба	*0.2*
Овес	*0.2*
Картофель	*1.5*
Горох	*0.1*
Лен	*0.2*
Бобы и фасоль	*1.1*
Итого	*100*

Нагорный Карабах, как видно из прилагаемой таблицы – область озимых хлебов (77.7%) с резко выраженным пшенично-ячменным хозяйством.

Огородничество. Огородничество распространено слабо. По переписи 1921 года площадь земли под огородами в Н. Карабахе до 550 десятин (по данным НКФ за 1924 год – 582 десятины). Такое слабое распространение объясняется главным образом перечисленными выше причинами: отсутствием воды и малоземельем. Деревни в Н. Карабахе обычно расположены высоко в горах, постройки сильно скучены, дворы маленькие. Под огород, если таковой имеется, отводится обычно небольшой клочок земли. Доставка воды сопряжена с большими трудностями. Огородничество в крае имеет исключительно потребительный характер, разнообразья скудное питание крестьянина в летние месяцы; лишь кое-где в Хачене имеются огороды промышленного характера. Излюбленным огородным растением является фасоль и бобы, кроме того сеется горох, капуста, тыква; картофель не везде хорошо родится; баштанов совершенно нет.

Плодоводство. Плодоводство в Н. Карабахе распространено очень слабо и имеет узко потребительский характер. Площадь всех садов, за исключением виноградников и тутовых насаждений, доходит до 5200 дес. Между тем, условия здесь как климатические, так и почвенные, благоприятны для плодоводства. Отсутствие рынка в связи с недостатком поливной земли препятствует разведению садов; они в большом количестве встречаются только в некоторых селениях, обильных водою (Кагардза, Таг, Тагаверт и др.)

Виноградарство и виноделие. Под виноградниками в области находится до 1800 десятин. Виноградники распространены здесь главным образом в Варанде и Дизаке. Из винограда население приготовляет вино, которое на месте же и потребляется. Вина получаются невысокого качества, очень непрочные, что следует объяснить, с одной стороны, примитивными способами их приготовления, с другой стороны, тем, что винограду обычно не дают дозреть, убирают его очень рано. Только в некоторых селениях Варанды виноделие поставлено хорошо и носит промышленный характер. Отменно прекрасными качествами отличаются вина, изготовляемые в селениях Гиши, Гзгала, Ашан, Нор-Шен, Чартар и др., особенно в первых двух. Они славятся по всему Карабаху и имеют хороший сбыт даже в Баку, но количество вывозимого вина представляется незначительным.

Винокурение. В противоположность виноделию, винокурение распространено в Н. Карабахе и имеет большое промышленное значение. Винокурение здесь производится почти исключительно из туты и в самом небольшом количестве из виноградных выжимок, остающихся в давильнях после получения сусла.

Тутовые насаждения занимают в Н. Карабахе до 1500 дес. Распределяются они по районам и десятинам так:

	Сельскохоз. пер. 1921г.	***Данные налогового учета НКФ 1924 г.***
Дизак	*334.2*	*483*
Варанда	*671.5*	*581*
Хачен	*373.6*	*385*
Джраберд	*36.6*	*12*
Итого по области	*1515.9*	*1462*

Как видно из таблицы, тутовые насаждения распространены по всему Н. Карабаху, винокурение же сосредоточено главным образом в районе Варанды. Лучшими водочными районами считаются: 1)Нор-Шенский, 2) Гишинский, 3) Дашбулагский и 4) Туго-Тагский.

В 1923 году по всей области было выкурено 2.500.000 градусов, в 1924 году 3.000.000 градусов (по данным Наркомфина).

К сожалению, мы совершенно не имеем данных для определения того, насколько винокурение было распространено до войны. Нужно думать, что количество выкуренного спирта намного превышало теперешнее. Вообще за время войны винокурение понесло ущерб; особенно же тяжело отразилась на этой отрасли отрезанность Н. Карабаха от крупных потребительских центров Азербайджана во время гражданской войны. Не имея возможности сбыть свой продукт, стесненные малоземельем, крестьяне стали интенсивно вырубать тутовые насаждения и разводить вместо них хлебные злаки. Какие размеры приняло это движение и в каких цифрах оно выразилось, сказать трудно, во всяком случае эта эпоха оставила заметные следы на винокуренной промышленности.

Значение винокуренной промышленности представляется тем более важным для населения Н. Карабаха, что оно распространено в районах остро малоземельных и является подспорьем к земледелию. Однако, нужно заметить, что как до войны, так и в настоящее время доходы от этой важнейшей отрасли народного хозяйства попадают не в руки непосредственных производителей-крестьян, а в руки посторонних лиц. Крестьяне, будучи экономически маломощными, не в состоянии ни организовать сами продажу продукта, ни выжидать лучших цен. До войны крестьянам приходилось большую часть водки передавать скупщикам в виде уплаты за взятые в кредит предметы или же продавать туту более богатым крестьянам для выкурки. В настоящее время положение не улучшилось.

Несмотря на то, что не существует монополии на спирт, фактическое положение таково, что единственными покупателями в области являются органы Карабахско-Агдамского Паевого Товарищества вместе с агентами Азвина. В этом году указанными организациями цена ведра водки была установлена в 5 руб. (цена довоенного времени). Сделки, совершавшиеся по более высоким ценам, аннулировались. Вывоз водки из края для продажи обставляется такими формальностями и поборами, которые равносильны были прямому запрету вывозить. Цену 5 руб. нужно признать чрезвычайно низкой. Цена эта была установлена бюрократически, без участия заинтересованных крестьян и без всяких попыток определения себестоимости продукта. Чтобы не быть голословным, а также ввиду того, что эта отрасль имеет чрезвычайно важные значение для края, позволю себе произвести небольшой анализ для выяснения себестоимости продуктов.

Все затраты, которые производятся в винокуренной промышленности я делю на четыре категории: 1) капитальные затраты, 2) затраты на поддержание тутового сада, 3) затраты на материалы, 4) затраты на рабочую силу.

1) Под капитальными затратами я разумею затраты на посадку тутового сада. По указанию специалистов, тутовый сад начинает давать доход только спустя шесть лет после посадки деревьев; полного же расцвета сад достигает только с десятилетнего возраста. Таким образом, крестьянин, насадивший тутовый сад и производящий ежегодные затраты для поддержания его, лишь через 6-10 лет начинает пользоваться плодами своих рук. Следовательно, эти его капитальные затраты должны быть учтены, и цена получаемого продукта должна соразмерно повыситься.

2) Затраты на поддержание сада представляется, пожалуй, самыми незначительными из всех затрат. Сюда относятся главным образом подбивка и перекопка сада, разрыхление земли под деревьями и устройство углублений для поливки, восстановление канавы вокруг сада для пуска воды, устройство заборов и т.п. Сюда же нужно отнести и расходы по орошению сада, плату за воду, плату за ремонт и проведение кягризов и т. д.

3) Главнейшие материалы для процесса производства следующие: а) бязь (в бязь собирают туту: под деревом становится четыре человека, которые держат материю за концы, пятый стряхивает с дерева туту на материю), б) посуда (боченки) для хранения водки, в) топливо для выкурки, г) медный куб для выкурки.

4) В процессе винокурения принимают участие следующие группы рабочих: а) четыре рабочих, поддерживающих материю, на которую ссыпают туту, б) один рабочий, стряхивающий туту с дерева, в) рабочий, перетаскивающий (или перевозящий) собранную туту на место, г) винокуры (специалисты) в количестве четырех человек, д) сторож, охраняющий сад.

Вот, примерно, все те важнейшие затраты, которые падают на винокуренное производство. Посмотрим теперь, во что выльются эти расходы в переводе на цифры.

Возьмем десятину, засаженную тутовым садом. В среднем десятина имеет сто тутовых деревьев; каждое взрослое дерево дает в среднем 0.75 ведер водки, следовательно, десятина дает 75 ведер водки.

Для иллюстрации приведу пример, взятый из действительности.

Себестоимость продукта, полученного с десятины тутовых насаждений.

Затраты на поддержание сада:

1. Подбивка и перекопка сада……..…….4 руб.
2. Разрыхление земли под деревьями и устройство углублений для поливки…….....……..…….……20 руб.
3. Восстановление канавы вокруг сада……..…….....16 руб.
4. Устройство изгороди (в некоторых важ. местах)…….....12 руб.
5. Плата за поливку сада (12 суток в течение года../……...…12 руб.
6. За ремонт кягризов ежегодно……....…… 12 руб.

Итого…….…. 96 руб.

Затраты на материалы:

1. 80 аршин бязи для сбора туты изнашиваются в течении двух лет; следовательно, на сезон нужно класть 40 аршин, стоящие четыре ведра водки (10 аршин бязи равняется ведру водки)……...20 руб.
2. 20 бочонков емкостью каждый 0.5 ведра ……50 руб.
3. 3 сажени дров для выкурки всего количества водки……50 руб.
4. Плата за пользование кубом для выкурки…….20 руб.

Итого ……140 руб.

Затраты на рабочую силу:

1. Содержание 4 рабочих (со столом), собирающих туту, обходится в 6 ведер водки……..30 руб.
2. Рабочему, стряхивающему туту – 3.5 вед. водки……....17 руб. 50 коп.
3. Рабочему, перевозящему туту – 4 ведра водки ……20 руб.
4. 4 винокурам……...…….……..32 руб. 50 коп.
5. Сторожу за охрану сада с начала мая по конец сентября.……..22 руб.

Итого……..122 руб.

Итого за поддерживание сада, за материалы и за рабочую силу……358 руб.

Доход с десятины, согласно твердой цене (5 руб. ведро), равняется 375 руб. Следовательно, мы получаем чистый доход с десятины в сумме 17 рублей.

Повторяю, что эти расчеты взяты непосредственно из жизни. Эти расходы производились очень толковым хозяином, прекрасно ведущим свое хозяйство, и, что особенно важно было для нас, аккуратно ведущим записи своих расходов и приходов по хозяйству.

Здесь в этих расчетах совершенно не принято во внимание и не оценен весь тот труд, который вложил в производство сам хозяин и члены его семьи. Вообще крестьянин, при определении своих расходов, считается только с денежными затратами, которые они

производят, не принимая во внимание как свой собственный труд, так и труд членов своей семьи. А между тем эта работа очень значительна и она, конечно, должна найти свое цифровое выражение. Учитывая все это, мы превратим прибыль уже в чистый убыток.

Теперь прибавим сюда еще налог, падающий на площадь земли, занятую под тутовыми насаждениями. Согласно декрету 1924 года о едином сельскохоз. налоге, десятина тутовых насаждений приравнивается 1.5 дес. пашен, и таким образом наличность тутовых насаждений повышает налоговое обложение.

Наконец, кроме того, существуют еще и капитальные затраты: ведь тутовый сад не появился на свет божий, как Венера из пены морской. Он стоил шести или десятилетнего труда. Как нужно оценить эти капитальные затраты? Вопрос этот чрезвычайно сложный, и я не решаюсь делать каких-либо предположений на этот счет. Во всяком случае одно несомненно, капитальные затраты должны быть учтены, и цена должна строиться на основании изучения всех факторов.

Правда, бывает иногда такое положение, что приходится продавать продукт ниже себестоимости. За примером ходить недалеко. В том же Н. Карабахе за пуд сырых коконов крестьянин получает 18 руб. – плата, которую нельзя признать высокой, но объективные экономические условия таковы, что большей платы нельзя дать; здесь имеет влияние как высокая себестоимость готовой пряжи, так и неблагоприятная конъюнктура на мировом рынке и целый ряд других обстоятельств. Если бы что-либо подобное наблюдалось в водочной промышленности, можно было бы согласиться с ценою 5 рублей за ведро. Однако, ничего такого неблагоприятного не наблюдается: Азвин, который скупает у крестьян водку по пять рублей ведро, тут же на месте продает это ведро «Конкордии» за 8 руб. 50 коп., зарабатывая, таким образом, 3 руб. 50 коп. на ведре. По нашему глубочайшему убеждению, правильная политика в области винокуренной промышленности должна быть направлена к тому, чтобы эти деньги в значительной части попадали в руки крестьян, а не посторонних лиц. Этого можно достичь, объединив разрозненных крестьян в кооперативные союзы.

Большим препятствием к объединению крестьян является сама техника выкурки, связанная с организацией акцизного надзора.

Выкурка производится самым примитивным способом. Туту собирают в большие бочки и дают ей там побродить некоторое время. После первого брожения начинается самый процесс выкурки. Крестьянин или „заводчик”, как его именуют официальные органы, приглашает к себе акцизного, который, определив, емкость куба и ежедневную норму его, запечатывает куб. В течение всего процесса выкурки крестьянин озабочен тем, чтобы успеть в течение суток выкурить норму и если можно превзойти ее, так как перекур не облагается акцизом.

Такая постановка имеет целый ряд отрицательных сторон. Прежде всего повышает себестоимость продукта и, кроме того, ухудшает его качество. Крестьянин предпочитает пользоваться маленькими кубами емкостью в несколько ведер, с которыми легче выполнить норму. Затем в погоне за нормой плохо используется продукт: отбросы, получающиеся после выкурки содержат в себе обычно еще значительное количество спирта, но более тщательная переработка их займет больше времени, может задержать выработку нормы и крестьянин предпочитает выбросить их.

Наконец, нужно отметить и то, что при такой системе работа производится круглые сутки. Следовательно, неизбежна ночная работа, сильно понижающая производительность труда и являющаяся причиною целого ряда несчастных случаев (ожоги, ушиб и т.п.).

Такая организация акциза, являясь более удобной для мелких предприятий, затрудняет объединение крестьянства в крупные союзы. Это нужно признать самым большим злом водочной промышленности. Трудно указать меры борьбы с этим. Изучение этого вопроса

привело пишущего эти строки к мысли, что техника акциза в Н. Карабахе должна быть изменена.

Дело в том, что почти все количество водки продается крестьянами на сторону, для личного же потребления остается незначительное количество. Географические условия и экономическая обстановка таковы, что из Н. Карабаха и одного ведра нельзя вывезти контрабандно.

Надзор над вывозом, который существует в настоящее время, полное отсутствие тайного винокурения вполне поддерживают это. Каков же смысл существования в области сложного акцизного аппарата? Ведь организация одиннадцати акцизных округов с контролерами ложится тяжелым бременем на казну. Для водочной же промышленности упрощение техники акцизного надзора внутри области имело бы благотворные результаты: с одной стороны, увеличился бы сам акциз, ввиду вышеуказанных причин, вместе с тем понизилась бы себестоимость продукта, вследствие укрупнения предприятий.

Винокуренная промышленность требует к себе более внимательного отношения, чем то, которое уделялось ей до сих пор. Винокурение имеет в области очень большое значение, его нужно детально изучить. Я не претендую на непогрешимость своих выводов, слишком мало я мог уделить внимания этому вопросу, но высказывая свои соображения по этому поводу, я хотел бы обратить внимание заинтересованных лиц на некоторые ненормальности, наблюдаюшиеся в этой области.

Скотоводство. Скотоводство в Нагорном Карабахе, несмотря на наличность целого ряда благоприятных природных условий, не получило должного развития и имеет подсобное к земледелию значение; даже в селениях, расположенных в нагорных частях, недалеко от эйлагов, исключительно скотоводством заняты единицы, крестьянство же в целом занимается земледелием. Здесь богатыми считаются крестьяне, имеющие до 10-15 голов скота всех видов. Лица, имеющие 100 и больше голов скота, весьма редки.

Сколько-нибудь заметной торговли скотом в области не наблюдается. Скот даже прикупается со стороны из Агдамского уезда. По статистическим данным, которыми мы располагаем, скота всех видов в Н. Карабахе было:

Сельскохоз. перепись 1921г.	Данные НКФ 1924г
Джраберд……32.039	43.982
Хачен……..20.546	35.907
Варанда…….21.423	29.508
Дизак……..26.703	26.431
Итого по области……100.703	135.828

Если принять во внимание, что в этой таблице учтен скот всех видов и возрастов, нужно признать количество скота незначительным.

Таким образом, природные богатства Н. Карабаха, эйлаги с их роскошной растительностью, прозрачными горными родниками; мягким климатом предгорной полосы совершенно не использованы для скотоводства. Ежегодно через Н.Карабах проходят многотысячные стада с низменностей, направляющиеся на эйлаги, жители же Н.Карабаха присоединяют к этим стадам только незначительное количество своего скота. Очень многообразны и сложны причины, препятствующие развитию здесь скотоводства. Прежде всего, несомненно, что образ жизни, присущий скотоводческому населению Азербайджана, несвойствен крестьянину Н. Карабаха; он привык к оседлой жизни и считает себя прежде всего земледельцем; даже и в

тех случаях, когда крестьянин имеет много скота, он не сам отправляется на эйлаги, а поручает свои стада соседям тюркам.

Недостаток корма зимою является тоже серьезным препятствием к расширению скотоводства. В то время как кочевники, спускаясь на низменность, находят зимою обильный корм своим стадам в теплых речных долинах Аракса и Куры, крестьянин Н. Карабаха, остающийся на месте, должен заботиться еще с весны о кормах. Между тем, вследствие малоземелья все сколько-нибудь удобные земли отведены под пашню.

Сенокосов почти нет. Травосеяние совершенно не практикуется; зимою крестьянин озабочен только прокормлением своего рабочего скота и лошади, если таковая имеется. Мелкому скоту обычно приходится самому находить себе пищу, срывая зеленеющие побеги кавказского можжевельника и некоторых других растений. Очень распространен в лесистых местностях такой способ кормления скота зимой: подпасок взбирается на дерево и рубит ветви деревьев, внизу скучивается стадо, которое подбирает и ест срубленные ветви.

Вопрос о прокормлении скота приобретает остроту не только зимою, но и в летние и весенние месяцы для тех хозяйств, которые не в состоянии посылать свои стада на эйлаги. Нужно принять во внимание, что лишь меньшая часть крестьянства посылает на эйлаги свои стада, большая же часть держит при себе скот как вследствие малочисленности его, так и вследствие того, что пользуется им летом для работ. Ввиду острого малоземелья, почти полного отсутствия выпасов, скот пускается на жнивье, или на пар, или, наконец, бродит по каменистым холмам. выщипывая тощую выгоревшую траву. В архивах сельских исполкомов Варанды и Дизака пишущему эти строки приходилось находить постановления сельских сходов, воспрещавших крестьянам держать мелкий скот в селениях, ибо содержание его, вследствие отсутствия выгонов, шло в ущерб крупному рабочему скоту. Но и такие героические меры не приносят существенных результатов. Редкий крестьянин имеет запас корма на всю зиму, обычно последние месяцы скот голодает. О качестве корма говорить не приходится; сено и саман-основной корм скота, сочных кормов нет и в помине.

Неудивительно, что при таком уходе скот Н. Карабаха невысокого качества: он малопродуктивен и мелок. Корова здесь дает в среднем 5-10 фунтов молока в день, зимою она обычно не доится, в среднем в год от одной коровы можно получить не более 20 ф. масла. Живой вес крупного скота достигает 8-10 пудов, мясо весит 5-6 пудов.

По сельскохозяйственной переписи 1921 года крупного рогатого скота всех возрастов по области было 58.970 голов. Что касается мелкого скота, овец и коз, то те же источники дают нам следующие цифры: перепись 1921 года - 37.873, данные налогового учета 1924 года - 58.000. Не менее половины указанного количества приходится на коз. Крестьянин предпочитает козу за ее выносливость и неприхотливость, к тому же гористый характер местности как нельзя более соответствует нравам этого животного.

Эпизодические заболевания среди крупного рогатого скота представляет собой явление обычное в Н. Карабахе. Источником заразы являются стада, проходящие ежегодно через Нагорный Карабах. В этих стадах, идущих с низов, вследствие почти полного отсутствия ветеринарного надзора, такие болезни, как чума, ящур и др., не переводятся никогда.

Свиноводство. Свиноводство в крае развито только в некоторых местностях. Эта отрасль животноводства несомненно имеет все данные для успешного развития: леса Карабаха дают обильную пищу, а при быстрой размножаемости в течение небольшого времени можно было бы добиться ощутимых результатов. Наркомземом Карабаха обращается большое внимание на эту отрасль: во вновь открывшемся агрономическом пункте (в Степанакерте) в первую очередь были приобретены ценные породы свиней.

Коневодство. Карабах всегда славился своими лошадьми. Здесь уже давно от скрещивания местных пород с арабскими образовалась новая порода очень легких, быстрых и выносливых

лошадей, обратившая на себя в последнее время внимание иностранцев. Лошади эти предназначались исключительно для верховой езды, ибо здесь, как и везде в Закавказье, сельско-хозяйственные работы совершались при помощи быков или буйволов.

В настоящее время положение, в котором находится коневодство в крае, нужно признать очень тяжелым. Война и особенно гражданская борьба, осложненная здесь еще межнациональными столкновениями, имели чрезвычайно губительное влияние на коневодство. Огромное количество лучших лошадей погибло во время бесчисленных реквизиций, мобилизаций, налетов, обложений и т.п. По сведениям сельскохоз. переписи в 1921 году во всей области насчитывалось 2.043 лошадей всех возрастов, т. е. в среднем до десяти лошадей на селение. По переписи 1924 года, произведенной Наркомфином для налоговых целей, в области оказалось 2.515 лошадей. Количество лошадей по нашим наблюдениям немного ниже, чем это явствует из материала Наркомфина, кроме того, оно и дальше продолжает сокращаться. Причиной этому является конская повинность, которую местная администрация полагает на крестьян. Постоянно нуждаясь в передвижных средствах для различных служебных поездок, не имея их в своем распоряжении, администрация широко пользуется лошадьми крестьян. Собственник хорошей лошади торопится продать ее, ибо боится, что ее могут взять у него, искалечить и вернуть назад негодной. Уже и теперь в селениях Н. Карабаха даже за большие деньги не всегда можно достать лошадей. Если не принять самых энергичных мер, не поставить коневодство в особо покровительствуемое положение, то эта отрасль народного хозяйства, некогда столь славная, окончательно захиреет и отойдет в область преданий.

Между тем, коневодство могло бы играть в крае большую роль. При тех средствах сообщения, при том бездорожье, которым отличается Н.Карабах, лошадь является здесь почти единственным средством связи между отдельными частями области. Природные условия края, наличность хороших горных пастбищ, блестящие испытанные качества карабахской лошади открывают широкие перспективы для развития этой отрасли. Крестьянину гораздо выгоднее и легче было бы взрастить у себя в своем хозяйстве одну лошадь, чем 4-5 пар крупного рогатого скота. Продавая ежегодно одну лошадь среднего достоинства, крестьянин мог бы обеспечить себя зерном на целый год. Следовало бы попробовать организовать кооперативные коневодные товарищества, которые так хорошо прививаются в Центральной России.

Ослы и мулы. Количество ослов в Н. Карабахе числится 7359. Осел является незаменимым помощником крестьянина. Будучи чрезвычайно выносливым, крайне неприхотливым, довольствуясь очень скудной и грубой пищей, осел выполняет ряд очень тяжелых работ, помогая крестьянину в переноске тяжестей по таким дорогам, по которым не в состоянии проехать арба. Осел стоит намного дешевле лошади и почти не требует за собой ухода. Что касается до мулов, то их почти нет в крае; сельскохоз. перепись 1921 года зарегистрировала 147 мулов, главным образом в районе Дизака. Между тем, мулы как нельзя более соответствуют гористому характеру края.

Сравним в заключение степень обеспеченности скотом Н.Карабаха с остальными уездами Азербайджана.

На 100 хозяйств приходится (по данным АзЦСУ):	
Раб. лош.	Раб. круп. рог. ск.: буйволы,буйв-цы.
В Кубинском уезде…….34.8	119.0
В Шамхорском уезде……..44.2	100.3

В Ганджинском……...34.3	88.1
В Курдистанском уезде….18.4	82.5
В Агдамском уезде……..25.4	70.1
В Нагорном Карабахе……6.8	79.2
В Джебраисльком уезде….20.3	59.1
В Бакинском уезде……..28.4	14.0

Молочного и мелкого скота на каждые сто хозяйств приходится:	
Молочн. скот: коровы и буйв-цы	Мелкого скота: баранов и коз.
Шамхорский уезд……..124.9	346.2
Ганджинский уезд……....113.5	314.1
Агдамский уезд……..112.5	400.0
Курдистанский уезд…….108.2	231.2
Кубинский уезд……..89.1	397.9
Джебраильский уезд…….58.4	340.3
Нагорный Карабах…….54.3	151.3

Таким образом, Нагорный Карабах занимает последнее место в АССР в смысле обеспеченности лошадьми, мелким и молочным скотом, в отношении же крупного рогатого скота занимает пятое место в республике, превосходя Агдамский, Джебраильский и Бакинский уезды.

Пчеловодство. Пчеловодство в области слабо распространено и не имеет промышленного значения. По сведениям сельскохозяйственной переписи 1921 года, в области было всего 208 рамочных ульев и 935 колодных. Между тем, Нагорный Карабах представляет собою исключительно благоприятную обстановку для развития пчеловодства. Чрезвычайно богатая и разнообразная флора нагорной полосы, представленная на небольшом протяжении всеми видами растений, от роскошных цветов альпийских лугов до лесных и полевых растений предгорной полосы, способствует образованию продукта высшего качества: мед здесь отличается белизною, прозрачностью и ароматом. Кавказская горная пчела, по признанию специалистов, считается самой трудолюбивой и производительной из всех существующих пород. Особенность ее строения - необыкновенно длинный хоботок, дает ей возможность собирать нектар с таких растений, которые недоступны обыкновенным пчелам. Между прочим, эта ее особенность привлекла к себе внимание не только пчеловодов всех стран, но и полеводов, которые начинают использовать в своих хозяйствах кавказскую пчелу для опыления некоторых растений, недоступных другим пчелам.

Таким образом, пчеловодство в Нагорном Карабахе, при надлежащей организации имеет все шансы занять видное место в хозяйстве крестьянина.

Современное состояние пчеловодства оставляет желать намного лучшего. Большая часть ульев колодные, дающие в год не больше двадцати фунтов меда, рамочные ульи распространены слабо. В области не наблюдается никаких попыток к объединению крестьян в пчеловодные организации. Медоносная флора края совершенно не изучена. На пчеловодство необходимо обратить самое серьезное внимание. Это одна из рентабельных отраслей народного хозяйства, а природные условия Н.Карабаха в связи с качеством самой пчелы являются исключительно благоприятными.

Птицеводство. Птицеводство в крае не имеет промышленного характера и ведется в хозяйстве „между прочим”, как и везде в Союзе. Птица здесь очень мелка, малоноска. Водных

птиц почти совершенно нет; довольно распространены индейки. Птицеводство имеет потребительское значение, украшая стол крестьянина во время каких-либо торжеств. Селения, расположенные вблизи от районных центров, продают в летние месяцы на рынках яйца, цыплят, пух и т.п., но большого значения эти продажи не имеют.

Шелководство. Шелководство в области было сильно распространено до войны. Редкий крестьянин здесь не держал шелковичных червей, грена обычно раздавалась крестьянам владельцами шелкомотальных заведений, распространенных в области. Большая часть коконов поступала в эти же предприятия, но некоторое количество перерабатывалось кустарным способом в крестьянском же хозяйстве (см. куст. промысла).

Шелководство в области носило примитивный характер: червей держали обычно в том же помещении, где и сами жили; уход за ними, их кормление не стояли на должной высоте, не было специальных морилен, сушилен, вследствие чего продукт и по количеству, и по качеству получался невысокий. Крестьянство совершенно не было объединено в товарищества.

Война и революция разрушили этот промысел. Крестьянство стало интенсивно вырубать шелковичные насаждения, отводя земли под огороды и зерновые культуры.

В настоящее время шелководство в области начинает возрождаться. Снова заработали шелкомотальные фабрики. Азшелк организовал раздачу грены крестьянам; кроме того, в марте прошлого года в Гадруте (Дизак) открылась гренажная станция итальянской фирмы Чиче, распространяющая среди населения грену. Насколько широко может развиться шелководство, сказать трудно. Общие условия сейчас мало благоприятны для этой отрасли. Потребление шелка сильно упало в Союзе, цена же его сравнительно не так повысилась, как цена шерстяных и бумажных изделий. Мировая конъюнктура шелковой промышленности сейчас не совсем благоприятна, а между тем большая часть нашей продукции, за сокращением внутреннего потребления, должна идти заграницу. В текущем хозяйственом году твердая цена за пуд сырых коконов была установлена в 18 руб., по каковой цене крестьянство и сдавало коконы.

Эту цену нельзя признать высокой, ибо каждый крестьянин в среднем мог достать от 1-2 пудов коконов, но при современном положении шелковой промышленности рассчитывать на большее не приходится.

В текущем операционном году Азшелком было роздано грены: Джрабердскому району 300 коробок, Варандинскому 500 коробок, Дизакскому 1243 коробки. Кроме того, итальянская гренажная станция раздала населению Дизака 300 коробок.

Торговля и промышленность

Торговля. Торговая деятельность, в силу специфических условий, в которых находится край (отторванность от центров, бездорожье, полунатуральный характер хозяйства), слабо развита в области. Более или менее правильное снабжение населения предметами первой необходимости наблюдается только в Шуши, Степанакерте, Гадруте и в некоторых других пунктах.

Город Шуши в этом отношении выделяется. По сведениям Наркомфина, в нем насчитывается 212 торгово-промышленных заведений, между тем, как во всей остальной области их имеется только 84. Большая часть этих торгово-промышленных заведений - мелкие лавочки, с небольшим запасом товаров; многие из них работают только в летние месяцы. В некоторых селениях (напр., с. Ванк Хаченского района) торговля ведется исключительно с кочевниками, проходящими со своими стадами через Н. Карабах. Когда кочевники сходят с гор, лавки, расположенные обычно на больших дорогах, в стороне от села, заколачивают до следующей весны.

Во всем остальном Нагорном Карабахе торговля происходит на базарах, устраиваемых в определенные дни в крупных селениях. На этих еженедельных базарах крестьяне приобретают все, что им необходимо, и сбывают продукцию своего хозяйства. Сюда сходятся не только крестьяне окрестных селений, но даже и торговцы с низменности. В свою очередь крестьяне Н.Карабаха спускаются на низменность, чтобы принять участие в базарах Агдама, Карягина, Тертера и др. Особенно большое значение имеет Агдамский базар; благодаря своему счастливому расположению, Агдам является наиболее удобным пунктом для всего Н. Карабаха, все ущелья которого расположены таким образом, что выходят к Агдаму. На воскресных Агдамских базарах можно встретить крестьян со всех районов Н. Карабаха.

Главнейшие предметы продажи и обмена на этих базарах: зерно, мануфактура, сахар, чай, мед, глиняная посуда, шерсть и т.п.; кооперация еще слабо развита, продажа таких предметов, как мануфактура, сахар, чай, находится в руках частных торговцев.

Помимо этих базаров, снабжение населения продуктами производится еще и кочующими торговцами, разъезжащими по селениям.

Таким образом, например, доставляется керосин, мануфактура, сахар и т. п. Эти продукты обмениваются на пшеницу, которая в некоторых местностях Н.Карабаха получается особенно высокого качества, на мед, фрукты, ремесленные изделия и т.п. В небольших селениях Карабаха совершенно нет торговых заведений.

Потребительская кооперация еще только пускает слабые ростки и пока не играет никакой роли. Население, неоднократно в прежние годы терявшее свои паевые взносы и обманутое в своих ожиданиях, ныне очень сдержано относится к кооперации.

Промышленность. В Нагорном Карабахе нет сколько-нибудь развитой промышленности: ни добывающей, ни обрабатывающей. Несмотря на многочисленные следы минералов и металлов, обнаруживающихся повсюду, в Н. Карабахе нет, по-видимому, таких богатств, разработка которых могла бы представить большой интерес. Правда и то, что специального обследования Карабаха в этом смысле не производилось. Из ископаемых, обративших на себя внимание, нужно отметить Гасанрисские медные рудники. Здесь первоначальные разведки были произведены в 1909 году, приступлено было даже к работе по добыванию медной руды. Этими рудниками заинтересовалась французская компания, но с началом войны все работы приостановились; в таком положении дело находится и теперь.

Там же в окрестностях селений Ванк и Базаракента добывают камни для жерновов. Эта отрасль промышленности носит сезонный характер и дает заработок нескольким десяткам рабочих. Наконец, в районе Лысогорска до войны добывался асбест, в районе Дагдагача-охра. Вот приблизительно вся добывающая промышленность Н. Карабаха. Вне всякого сомнения, что при специальном обследовании будут обнаружены всевозможные металлы и минералы, но насколько выгодна будет их разработка, сказать трудно. Одно несомненно: больших надежд на эту отрасль промышленности возлагать не приходится, особенно в ближайшие годы.

Обрабатывающая промышленность. Что касается до обрабатывающей промышленности, то она большого развития здесь не имеет. Здесь на первый план можно поставить винокурение. Это единственная отрасль промышленности, которая имеет серьезное значение для края. По данным Наркомфина в Н.Карабахе насчитывается до 320 винокуреных заводов. Однако, нужно заметить, что слово завод нужно понимать не в буквальном смысле слова. Каждый крестьянин, имеющий тутовые насаждения и перекуривающий туту, именуется заводчиком, а медный куб с змеевиком, который в течение 2-2 ½ месяцев путешествует от одного „заводчика" к другому, регистрируется каждый раз как отдельный завод. Все эти 320 заводов (по другим сведениям 500) работают только во время сезона, длящегося от 2 до 2 ½ месяцев. И затем мирно почивают.

И все же, как мы отмечали выше, эта промышленность имеет солидную продукцию-три миллиона градусов в год и является чрезвычайно важным подспорьем для малоземельного крестьянина.

После винокуренной промышленности можно отметить и шелковую: до войны в одном только бывшем Шушинском уезде насчитывалось до 30 шелкомотальных и шелкокрутильных фабрик, которые перерабатывали почти исключительно местное сырье. Во время войны и революции фабрики эти остановились; часть их была разрушена, другие стали приходить в ветхость, проваливались крыши, ржавели машины, терялось оборудование.

Только с 1922-23 года начинается возрождение шелковой промышленности. Более или менее сохранившиеся фабрики приводятся в порядок, принимаются меры к снабжению населения греной. Однако, недостаток сырья не дает возможности фабрикам долго работать. В 1922 г. работало всего 5 фабрик во всей области и все они вместе работали 158 дней.

Колич. фабрик	**Колич. прораб. дней**	**Всего дней**
2	12	24
1	18	18
1	26	26
1	90	90
Итого……5		158

В 1923 г. работало уже 11 фабрик, сделавших 542 дня в общей сложности.

Число фабрик	**Число дней**	**Всего**
1	14	14
1	15	15
1	18	18
2	30	60
3	60	180
1	75	75
2	90	180
Итого….11		542

В среднем, как видно из таблицы, в 1922 г. каждая фабрика работала 32 дня, в 1923 г. уже 50 дней. В истекшем 1924 г. всего работало 7 фабрик: 6 шелкомотальных и 1 шелкокрутильная. На этих фабриках сырье должно было кончиться к 1 октябрю истекшего года. В виду хорошего урожая шелка в Азербайджане, предполагалось, что сырье, необходимое для работы, будет переброшено из Нухи.

Что касается состояния этих фабрик и их продукции, то все они довольно устаревшего типа, к тому же сильно изношены и нуждаются в капитальном ремонте. Размер их обычно незначительный. На самой большой фабрике число работниц достигает до ста.

Число работниц на фабриках, сданных в аренду Коммунхозам.			
фабрики	**женщины**	**мужчины**	**всего**
Дашалтынская (шелкокрут.)			
Дашбулагская	38	2	40
Кишлагкендская	80	2	82

Хндзристанская N 2	62	2	64
Хндзристанская N1	51	2	53
Итого	250	12	262

Кроме того, на государственной фабрике, находящейся в Гадруте, работают 104 работницы, а в Тагасырской фабрике (Дизак), - 48 работниц.

Работа на фабрике тяжелая, требует большого опыта, оплачивается 12-20 руб. в месяц.

Кроме винокуренных и шелкомотальных предприятий, можно отметить еще около 300 водяных мельниц и целый ряд ремесленных заведений. Вот вся промышленность Н. Карабаха. Разумеется, она не в состоянии дать заработка малоземельному крестьянину. Лишь очень незначительная часть населения может найти себе занятие в пределах Н.Карабаха. Об этом красноречиво свидетельствует число членов профессиональных союзов.

На 1-ое октября 1924 года числилось: членов союза рабземлес 130 плюс 754 батраков. Количество батраков в деревне в действительности намного больше, но они еще не объединены в союз.

После рабземлеса идет союз текстильщиков, насчитывающий 419 членов. Здесь нужно оговориться, что члены этого союза большую часть года лишены заработка. Далее следуют союзы совработников – 405 членов, работников просвещения – 320 членов, и, наконец, строителей -130 человек.

Эти незначительные цифры лишний раз свидетельствуют о слабом развитии торгово-промышленной жизни в Нагорном Карабахе.

Кустарная промышленность. Отдаленность Нагорного Карабаха от крупных промышленных центров, отсутствие удобных путей сообщения создают благоприятную обстановку для развития здесь кустарной промышленности. Край обладает большими сырьевыми ресурсами в виде шерсти, шелка, глины, дерева, соломы и т.д.; сельско-хозяйственная же деятельность, ввиду климатических условий и малоземелья, оставляет много свободного времени, особенно зимою. Все это обусловливает широкое распространение кустарной промышленности, ее живучесть и разнообразие.

Из распространенных в крае промыслов не все виды имеют одинаковое значение: одни из них носят чисто местный характер, не выходя за пределы селений или дома, другие отрасли производят на местный рынок; наконец третьи-широко известны и имеют сбыт за пределами области.

Обратимся к рассмотрению некоторых видов кустарной промышленности, распространенных в Н. Карабахе.

Шерсть и ее обработка. На первом плане по своему распространению стоит шерстяной промысел. Из шерсти крестьянка приготовляет для домашнего употребления ткани, чулки, носки, головные уборы; из шерсти ткутся паласы, ковры и войлоки, украшающие дома; каждый крестьянин имеет дома приготовленный хурджин для дороги, ссыпает зерно в чувалы своего приготовления. Из шерсти приготовляются также мафраши, джеджимы, попоны с художественными рисунками.

Нужно отметить, что шерстяные изделия в настоящее время приготовляются исключительно для домашних потребностей. На еженедельных базарах, столь распространенных в Н. Карабахе, почти невозможно достать такие предметы, как хурджины, джеджимы, мафраши. Производство этих высоко художественных изделий заметно отмирает. Точно также умирает ковровое производство, составлявшее некогда гордость Карабаха. Ковры, изготовляемые в Нагорном Карабахе, по красоте рисунка, по окраске занимали первое место среди кавказских ковров; они широко распространялись за пределами области и вывозились даже за границу. Однако, с течением времени этот промысел стал падать. Сильный удар ему

был нанесен распространением дешевых анилиновых красок. Кустари стали применять их в широких размерах для окрашивания шерсти и старые способы получения красок из различных растений стали забываться постепенно. Ковры, окрашенные при помощи анилиновых красок, быстро выцветали, портились, в то время как при прежних приемах окрашивания они сохранялись в течение десятков лет, иногда больше ста лет. В связи с этим сильно упали цены на ковры, и этот промысел, требующий большого труда, стал невыгодным. Последние годы перед войной ковровое производство было сосредоточено главным образом в городе Шуши, где приготовлялись лучшие виды ковров: ковры бархатные (ковры с ворсом), безворсые, как то «зилы», «шада», «верны» и др. События последних лет и особенно разрушение города Шуши подорвали ковровый промысел. Возрождение его дело трудное, требующее сложной организации и детального изучения всех стадий производства.

Шелкоткацкий промысел. Шелкоткацкий промысел менее распространен в области.Он сосредоточен главным образом в районе Гадрут (Дизак) и некоторых других пунктах. Здесь раньше приготовляли шелковые ковры, джеджимы, цветные ткани и т.п. Но уже до войны промысел этот начинает клониться к упадку, а во время войны и революции совсем замирает. В настоящее время, в связи с возрождением шелководства, и шелкоткацкий промысел начинает оживать. Трудно судить, какое место он займет в будущем; одно несомненно, что этот промысел не имеет большого потребительского значения, производя предметы роскоши, и вряд ли можно ожидать большого его развития.

Гончарное производство. Гончарный промысел – один из древнейших, распространенных в Н. Карабахе. На рынках Н. Карабаха всегда можно встретить крестьян, продающих глиняную посуду: кувшины, тарелки, миски, сосуды для хранения вина и т.п. Изделия эти примитивны, отличаются слабым обжигом, глазурью не покрыты, в художественном отношении интереса не представляют. Несмотря на большую распространенность гончарного производства, в Н. Карабахе совершенно не производятся такие предметы из глины, как черепица и кирпичи.

Крыши домов обычно покрыты жестью, которая привозится издалека, стоит очень дорого, страшно накаливается летом и пропускает холод зимой.

Глины Нагорного Карабаха совершенно не исследованы.

Деревообрабатывающий промысел. В деревнях, примыкающих к лесным районам, сильно распространен деревообрабатывающий промысел. Крестьяне готовят из леса арбы, вилы, лопаты, колеса, прялки, в большом количестве клепку, разнообразную домашнюю утварь и т.п. Почти все это производится для домашнего употребления. Однако, некоторое распространение имеет и работа на рынок. Крестьянин часто несет свои изделия на окрестный базар или спускается на низменность, где и меняет свои изделия на другие продукты. При наличности ценных древесных пород этот промысел, при надлежащем руководстве, имеет все шансы на развитие.

Производство плетенных изделий. Производство плетенных изделий также является одним из самых распространенных промыслов. В каждом крестьянском хозяйстве можно найти целый ряд предметов, полученных при помощи плетения; здесь и корзины, в которых хранится и перевозится кладь, различные хозяйственные постройки (саманники, курятники), приготовленные из плетения, заборы, различные решетки и др. Во многих селениях (например, Цоватех) население плетет из соломы шляпы и различные безделушки. Большим художественным вкусом эти предметы не отличаются.

Вот важнейшие виды кустарной промышленности, распространенной в Н. Карабахе. Рыночного значения она не имеет и работает почти исключительно для собственного потребления. При надлежащем руководстве кустарная промышленность могла бы занять

видное место в области; для этого есть все данные и, прежде всего, большой художественный вкус у населения.

Отхожие промыслы. Острое малоземелье, слабая урожайность, связанная с отсутствием орошения, с примитивной обработкой почвы и периодически повторяющимися стихийными бедствиями, почти полное отсутствие добывающей и обрабатывающей промышленности, побуждает крестьянина Н.Карабаха искать дополнительный заработок на стороне в виде отхожих промыслов.

Отхожие промыслы играют чрезвычайно важную роль в бюджете крестьянина; только они дают ему возможность сводить концы с концами. Почти нет дома в Н. Карабахе, который не посылал бы хоть одного своего члена на заработки.

Отхожие промыслы бывают здесь двух видов: отход на низменности и отход в города. Отход на низменности наблюдается повсюду; заключается он в том, что крестьяне летом группами спускаются на низменность, где нанимаются для выполнения различных полевых работ (преимущественно уборки, жатвы) на тюркских землях. Проработав несколько недель, они снова спешат к себе в горы, где начинают уже созревать их хлеба.

Таким образом, отход на низменности основывается, во-первых, на различии вегетационных периодов, дающих возможность крестьянину Н. Карабаха убрать хлеб на низменности до созревания своих хлебов и, во-вторых, на наличности больших земельных участков, расположенных на низменности, для обработки которых периодически требуется большое количество рабочих рук.

Каких-либо статистических материалов, характеризующих этот отход на низменности, не имеется, ибо никто не интересовался этим вопросом. Приходится только констатировать широкое распространение в области этого явления, имеющего существенное значение для крестьянина Н.Карабаха.

Обычная плата за уборку жатвы составляет 15% со всего количества или, как здесь принято считать, три снопа из двадцати. Такая же оплата наблюдалась и до войны.

Работа на низменности чрезвычайно тяжела, вследствие различия в климатических условиях низменности и нагорных частей. Крестьянин Н. Карабаха, спустившийся с прохладных высот на знойную низменность, легко заболевает. Малярия ежегодно уносит большое количество жертв из числа лиц, спускающихся на низменность.

Отход в города. Отход в города на заработки носит уже более длительный характер, оказывает большое влияние на экономику края и не одинаково распространен по всей области. Его нет почти в Джрабердском районе, который в смысле обеспеченности землей находится в относительно лучшем положении. Остальные районы ежегодно поставляют городу большое количество мужского населения. Число лиц, ищущих заработка в городах, сильно увеличивается в случае каких -либо неблагоприятных условий как, например, засуха, градобитие, уничтожение посевов вредителями и т.п., и падает в случае хорошего урожая. Большая часть населения уходит в Баку. Здесь крестьяне находят себе работу в нефтяной промышленности, составляют артели каменотесов, плотников, столяров, нанимаются в дворники, таскают тяжести и т. п. В Варанде есть селения, которые поставляют городу лиц определенной специальности: например, жители селения Нор-Шен славятся как хорошие литейщики, жители Кагардзов, как каменщики и плотники, и т.д. С течением времени часть населения оседает в городах, теряет связь с деревней, превращается в городских жителей. Таким путем образовалась большая армянская колония в городе Баку. Почти все армянское население Закаспийской области и Туркестана является выходцами из Н. Карабаха. Значительная часть персидских армян считает своей родиной Н.Карабах. Помимо этого, выходцев из Н. Карабаха можно встретить по всему СССР. В настоящее время число выходцев из Н.Карабаха в несколько раз превышает число коренных его жителей. Из года в

год происходит отбор населения: наиболее энергичные, деятельные члены покидают свою родину, которая не в состоянии прокормить их.

Отхожие промыслы оказывают большое влияние на экономику страны: помимо того, что из города притекают средства, дающие крестьянину возможность прикупить недостающий инвентарь или скот, город прививает деревне ряд культурных привычек, заметно меняет бытовую обстановку. Уже один внешний вид селений Варанды и Дизака, поставляющих много народу, и Джраберда, откуда нет тяги в город, подтверждает вышесказанное. В Джраберде, как мы уже указывали, жители многих селений живут еще в землянках, в так называемых карадамах, не привыкли к кроватям, стульям и другой мебели. Жители же селений Варанды живут в каменных двухэтажных домах, имеющих несколько комнат. Влияние города сказывается в книгах, в стенных часах, фотографических карточках и т. п.; влияние города чувствуется также и в одежде, разговорах, в новых потребностях. Летом в деревнях можно встретить много лиц, с высшим образованием, много студентов, приезжающих к себе в деревню отдохнуть.

Впрочем, должен отметить, что культурное влияние, которое оказывает город на деревню, не идет дальше отмеченного и не вносит каких-либо изменений в хозяйство крестьянина. Правда он живет в каменном двухэтажном доме, построенном на деньги, заработанные в городе, на эти же деньги прикупает недостающее ему зерно или скот, но продолжает вести хозяйство также примитивно, как раньше, не делая никаких попыток перейти от старых форм к новым. Вся эта городская культура не проникает внутрь, как-то механически уживается со старыми формами хозяйства.

Нам думается, что причина этого глубоко интересного явления заключается в том, что экономическая обстановка карабахской деревни не дает возможности крестьянину применить в ней все то, что он вынес из города. Он, если только не порывает связи с деревней, является в ней только гостем, приезжающим отдохнуть, блеснуть перед своими односельчанами своими богатствами, отдать дань тем воспоминаниям детства, которые влекут его из душного города в привольный Карабах. Если же необходимость заставляет его жить в деревне, то он в силу объективных экономических причин ведет свое хозяйство таким же примитивным способом, каким оно ведется прочими крестьянами.

То же самое наблюдается и в городе Шуши; это был прекрасный благоустроенный город, населеный главным образом богатыми армянами-карабахцами: многие из них в течение десятков лет не приезжали сюда, но считали своим долгом построить здесь дом. В этом городе, соединенном с железнодорожной станцией стоверстной шоссейной дорогой, чрезвычайно неудобной и небезопасной для проезда, в этом городе, не имеющем данных ни для промышленности, ни для торговли, их энергия и капиталы не могли найти никакого применения. Край не мог предоставить им никаких выгод. Сюда они приезжали только для отдыха и развлечений.

И деревня, и город являлись местом, где можно было истратить средства, возвести постройки, развести сады и т.п., но где не было места для производительного применения капитала. Поэтому все эти каменные двухэтажные дома Варанды и Дизака создают лишь видимость благополучия: они не выросли на основе карабахской экономики, они построены на деньги, заработанные за пределами Карабаха, и поэтому с каменными домами так прекрасно уживаются и плетенная волокушка, при помощи которой происходила бороньба, и вель, т. е. доска с вбитыми острыми камнями, употребляемая при молотьбе, и тяжелая допотопная соха, вызывавшая большой интерес к себе на Всероссийской выставке, где она была гвоздем Азербайджанского павильона.

Пути сообщения. Селения Нагорного Карабаха связаны друг с другом грунтовыми дорогами и горными тропами. Единственной шоссейной дорогой является дорога Евлах-

Шуши-Герюсы. Кроме этой дороги, в Джрабердском районе есть еще незаконченная шоссейная дорога, которая должна была соединять Джрабердский район с Ганджой. За исключением этих дорог, все остальные должны быть признаны крайне неудовлетворительными. Благодаря сильно усеченной гористой местности, сообщение по этим грунтовым дорогам крайне затруднительно. Крутые подъемы чередуются со спусками, местами дорогу пересекает русло высохшей речушки, которая во время ливней может надолго прервать сообщение; сплошь и рядом широкая грунтовая дорога переходит в узкую горную тропу, высеченную в скалах, по которой с трудом передвигается лошадь. По этим дорогам разъезжают только верхом, да еще на многострадальной туземной арбе. О других средствах сообщения здесь и речи не может быть. Сообщение с районными центрами-Гадрутом, Хонашеном и Агдарой-на автомобиле или экипаже совершается обходной дорогой через низменность (Агдамское шоссе).

Неисчислимы те жертвы, которые крестьянин несет из-за плохих дорог. Он теряет массу времени на их преодоление, калечит свой скот, портит лошадей, ломает арбы и т. п. Плохие дороги ослабляют связь крестьянина с рынком и сильно повышают накладные расходы на перевозимые продукты. Ближайшей железнодорожной станцией для Н. Карабаха является станция Евлах, отстоящая на расстоянии почти ста верст от Степанакерта. Ныне строющаяся Джульфинская железная дорога подойдет к Н. Карабаху с южной стороны (Дизак) на растоянии 60-80 верст.

До войны был разрешен в положительном смысле вопрос о постройке железнодорожной ветки Евлах-Шуши и было приступлено к ее постройке: во время войны работы были приостановлены, а материалы переброшены на фронт. В настоящее время снова на очереди вопрос о постройке железнодорожной ветки Евлах-Степанакерт. Проведение этой ветки откроет новые возможности для края и послужит сильным толчком к перестройке крестьянского хозяйства на новых, более рациональных началах.

Местные финансы. Изучение местных финансов Н. Карабаха представляет большой интерес, так как дает представление об экономике данной области, подобно тому, как изучение бюджета отдельного лица дает представление о его благополучии. В нашем распоряжении имеются материалы, характеризующие местные финансы Автономной Области Нагорного Карабаха за январь-сентябрь 1924 г. Посмотрим сначала, из чего слагались местные доходы за отчетный период.

В доходной части местного бюджета первое место занимают те отчисления, которые производились от единого сельскохозяйственного налога: они составляют 25.100 руб. Затем следует арендная плата с жилых помещений, составляющая 11 тысяч рублей. Прочие доходы представляются уже незначительными и в массе составляют отчисления от того или другого государственного налога. Если составить таблицу поступления местных доходов Авт. Обл. Нагорного Карабаха, получим следующую картину.

Доходная смета районных исполкомов АОНК за январь-сентябрь 1924 г.

Названия доходов	Хаченский район	Варанд. район	Дизак. район	Джраб. район	Итого по всей обл.
1. отчисление от единого сельхоз. налога	6000	9000	2600	7500	25100
2. арендная плата с жилых помещений	11000	-	-	-	11000
3. отчисления от дополнительного промналога	2100	320	218	140	2840
4. процентные надбавки	2000	320	280	140	2740

к основн. промналогу					
5. процентные надбавки к дополнительному	2100	320	280	140	2840
6. аренд. плата с земель и своб. оброчн. стат.	-	600	420	1000	2020
7. налог со строений в городск. поселен.	1800	-	-	-	1800
8. отчисления от подоходного налога	1500	-	8	-	1508
9. сбор за пользов. обществен. весами	900	-	222	-	1344
10. сбор с пригоняемого на рынок скота	540	-	200	-	740
11. Прочие сборы и отчис.	5050	602	1015	1285	7932
Итого	32990	11162	5083	10185	59864

Таким образом, общая сумма доходов районных исполкомов АОНК равняется почти 60.000 р., составляясь, главным образом, из отчислений от различных государственных налогов. Из доходов неналогового характера видное место занимает арендная плата за жилые помещения; прочие доходы поражают своей незначительностью и лишний раз подчеркивают скудость и отсталость этого богатого природными данными края. Особенно это бросается в глаза при рассмотрении доходов отдельных исполкомов. Прежде всего бросается в глаза, что в смысле доходов в относительно лучшем положении находится Хаченский район. Отдельные районы в процентном отношении ко всему доходу занимают следующее место:

Хачен	32990	55.5%
Варанда	11162	18.7%
Джраберд	10185	17.2%
Дизак	5083	8.6%
Итого	59420	100

Сравнительно благоприятное положение, которое занимает Хаченский район, объясняется исключительно тем, что в пределах этого района находятся два единственных города Н. Карабаха – Шуши и Степанакерт. В то время как другие районы получают средства, главным образом, от отчислений от единого сельскохозяйственного налога, для Хаченского района эти отчисления не играют такой роли. Нижеследующая таблица выявляет роль отчислений от единого сельскохозяйственного налога для бюджета районных исполкомов.

Хачен	6000р.	18.2%
Варанда	9000р.	80.6%
Дизак	2600р.	51.2%
Джраберд	7500р.	73.6%
Для всей области	25100р.	42.2%

Как видно из этой таблицы, отчисления от единого сельскохозяйственного налога являются тем фундаментом, на котором построен бюджет Варанды, Джраберда и Дизака. Хаченский район только 1/5 своего бюджета покрывает отчислениями от единого сельскохозяйственного налога, что касается остальных 4/5, они покрываются поступлениями уже, если можно так выразиться, городского характера. Сюда относится арендная плата за жилые помещения, которая составляет 1/3 всего бюджета, затем отчисления от основного промналога, от дополнительного, процентные надбавки к основному и дополнительному

промналогу, налоги со строений в городских поселениях, налоги на право продажи напитков, табака, сбор за пользование общественными весами и т.п.

В Джрабердском районе некоторую роль в местном бюджете играют отчисления от пастбищного сбора и лесного дохода, составляющие сумму 1000 рублей, а также арендная плата, поступающая с земель и свободных оброчных статей: она составляет также 1000 р.; эти доходы, вместе взятые, составляют почти 20% всего местного бюджета Джрабердского района

В Варандинском районе, местный бюджет которого на 80,6% составляется отчислениями от единого сельскохозяйственного налога, остальные 19.4% падают, главным образом, на отчисления от процентных надбавок к промналогу и на арендную плату с земель и оброчных статей. Таково же и строение местного бюджета Дизака, с той только разницей, что здесь некоторую роль (очень незначительную) играет плата за предприятия, сданные в аренду дизакским исполкомом.

Крайне скудные поступления, характеризующие приходную часть местного бюджета АОНК, едва доходящие до 60 тыс. руб., очевидно совершенно недостаточны для того, чтобы удовлетворить местные потребности. Как известно, жесткая финансовая политика, твердо проводимая НКФ СССР в целях упорядочения нашей валюты привела к расширению расходной части местного бюджета. Целый ряд учреждений, находящихся на госснабжении, должен был перейти на местные средства. Это обстоятельство неблагоприятно отражается на АОНК ибо ни в какой мере не компенсируется каким-либо другими поступлениями.

На местные средства в настоящее время отнесены: 1) расходы по содержанию районых, волостных и сельских исполкомов, 2) расходы органов коммунального хозяйства, 3) расходы по народному образованию, 4) расходы по народному здравию и 5) расходы по содержанию мест заключения.

Посмотрим, в какой мере принимали участие в этих расходах районные исполкомы АОНК за истекшие январь-сентябрь 1924 г.

Расходная смета районных исполкомов Автономной Области Нагорного Карабаха

Районы	**Содержание**		**Расходы**			**Содержание мест заключения**	**Долги**	**ИТОГИ**
	Районных исполк омов	**Участ.вол.и сель.исполко-мов**	**Органов коммунал. хозяйства**	**По народному образованию**	**По народному здравию**			
Хачен	5.517	7.260	1.109	11.229	2.430	-	3.513	31.058
Варанда	5.086	7.135	5.824	9.531	14.251	214	2.194	44.235
Дизак	4.792	6.251	4.955	9.216	18.838	183	5.075	49.310
Джраберд	4.617	8.698	3.244	9.466	14.516	183	6.710	47.161
Итого по всей области	20.212	29.344	15.132	39.442	50.035	580	17.522	172.067
Ко всему расходу в %%	11.6	17.1	8.8	22.9	29.0	0.4	10	100

Из рассмотрения этой таблицы видно, что 52% всех расходов падает на народное здравохранение и народное образование и 30% расходуется на содержание районных, волостных и сельских исполкомов.

Ближайшее рассмотрение каждой расходной статьи в отдельности показывает, что значительную часть везде в расходах составляет заработная плата.

Нижеследующая таблица показывает, какую роль играет заработная плата в каждой расходной статье:

Название расходов	Сумма	Зарплата	% отношение зар. платы к общ. расх.
Содержание райисполкомов…	20.212	13.651	67.5
Содержание участковых, волостных и сельских исполкомов……	29.344	23.281	79.0
Расходы органов коммун. хоз.	15.132	22.16	44.6
Расходы по народному образованию…….	39.442	17.706	44.8
Расходы по народному здравохранению……...	50.035	11.600	23.2
	135.165	68354	44.3

Расходы на заработную плату составляют около трех четвертей в общем бюджете районных и сельских исполкомов. Хозяйственные расходы представляются крайне незначительными и едва составляют 10% всех расходов районных исполкомов и 5% расходов сельских исполкомов. Остальные расходы районных и сельских исполкомов составляют разъездные, отчисления на соцстрахование, расходы по организации съездов советов и т.п.

В расходах органов коммунального хозяйства заработная плата составляет всего 14.6%; главная же масса расходов - 82.7% падает на установку и содержание телефонных пунктов (12.521р.).

В расходах по народному образованию, после заработной платы, видимое место занимают хозяйственные расходы, выражающиеся в сумме 15.165 р., что составляет 38.4% всех расходов по народному образованию; остальные расходы падают на канцелярские, почтовые и др.

В ряду расходов на здравоохранение первое место занимает расход на приобретение медицинских инструментов (хирургических) и перевязочных средств. Эти расходы выражаются в сумме 21.994р., что составляет 43.9% всех расходов по народному здравоохранению. Остальные расходы, как то: хозяйственные расходы в тесном смысле слова, приобретение и ремонт инвентаря, продовольствие больных, выражаются в сумме 14.843 р., составляя 29.6 % всех расходов.

Выяснив приходную и расходную сметы районных исполкомов АОНК сопоставим их вместе.

Хачен	32.990	31.058	+1.932
Варанда	11.162	44.235	-33.073
Дизак	5.083	49.310	-44.227
Джраберд	10.185	47.464	-37.279
Итого по всей области	59.420	172.067	-121.647

Как видим, районные исполкомы (за исключением Хаченского) сводят свои бюджеты с большими дефицитами. Таким образом, удовлетворение местных потребностей, и без того сильно урезанных, своими средствами представляется невозможным, и вся работа ставится в зависимость от дотации со стороны республики.

Налоги и натуральные повинности

В ряду многочисленных налогов и различного рода натуральных повинностей, которые лежат на крестьянине Н. Карабаха, первое место по своей тяжести занимает единый сельскохозяйственный налог. Он исчислен был в истекшем сельскохоз. году в сумме 309.280 руб. 73 к. (вместе с 10%-ной надбавкой на дорожное строительство). Эту сумму в общем нельзя признать высокой, и крестьянин легко справился бы с единым сельскохозяйственным налогом, если бы только этот налог был действительно *единым*. К сожалению, этого утверж-

дать нельзя. В Н. Карабахе, как, впрочем, и во всем Азербайджане, существуют еще чрезвычайно много налогов и различного вида натуральных повинностей, которые еще не изжиты.

Помимо единого сельскохозяйственного налога на крестьян ложится пастбищный сбор (12.615 руб. 80коп.). Как указывалось в главе, посвященной скотоводству, последнее является в крае подсобным занятием к земледелию и пастбищами пользуются, главным образом, крестьяне селений, расположенных поблизости от эйлагов. Пастбищный сбор падает на них всей тяжестью своей. С пастбищным сбором связаны так называемые «чубух-пули», т. е. сбор за право застройки на пастбищной земле. Довольно тяжело ложится также на крестьян и лесной сбор, выражающийся в сумме 45.166 руб. Эта сумма в большей своей части уплачивается крестьянами.

В некоторых селениях попадаются виды обложения, представляющие анахронизм: таковы, например, «одун-пули» и «баш-пули», соответствующие подушному налогу и др.

Но все это представляется незначительным по сравнению с натуральными повинностями. Несмотря на прямое предписание декрета о едином сельскохозяйственном налоге, упразднившем для крестьянского населения все прочие виды налогов, натуральные повинности все еще занимают видное место в практике Н.Карабаха. Более чем скромные местные средства, не дающие возможности сколько-нибудь удовлетворить местные потребности вынуждают очень часто районные исполкомы выходить за пределы дозволенного и облагать крестьян целым рядом дополнительных поборов. Укажем на важнейшие из них.

В целом ряде случаев крестьян обязывают доставлять в район фураж для лошадей, дрова для отопления присутственных мест, подвозить своими средствами материалы для постройки школ.

Подводная и гужевая повинность, казалось бы сданные в архив, оживают в той или другой форме и имеют широкое применение. Крестьян то и дело вызывают, чаще всего во время полевых работ, с арбами и рабочим скотом выполнять те или другие задания. Так, например, все работы, связанные с телефонизацией области, в истекшем году были проведены таким способом. Саранчевая опасность, нависшая над республикой, потребовала нового напряжения сил. В истекшем сельскохозяйственном году для борьбы с саранчой Дизаком и Варандой были выставлены 318 подвод и 910 рабочих. Хачен выставил 28 арб с рабочими (по Джрабердскому району сведений не имеется). Как широко развернулась практика коневой повинности, я уже писал выше. Коневодство стоит перед угрозой полного исчезновения, если не будут приняты решительны меры.

Помимо всего этого, различные должностные лица, приезжающие в деревню, останавливаются у крестьян, которые должны приютить их и позаботиться о корме лошадей.

Вот важнейшие виды натуральных повинностей, распространенных в области. Я подробно не останавливаюсь на этом вопросе, ибо он известен всякому, кто соприкасался с деревней. Винить здесь, разумеется, никого не приходится: слишком велика нужда и так мало сил для удовлетворения неотложных потребностей. Но все-таки надо несколько упорядочить налоговую систему, установившуюся в наших деревнях. Все эти налоги и повинности, вместе взятые, составляют уже бремя, которое не дает возможности крестьянину поднять свое хозяйство.

Заключение

Война и революция ураганом пронеслись над Н. Карабахом, оставив после себя груды развалин, множество могил. До сорока селений с городом Шуши были уничтожены в межнациональных столкновениях. Несколько раз волны авантюристских налетов перекатывались через Н. Карабах (авантюра Тевана и др.). Отрезанное от всего мира население жило

в постоянном страхе, ожидая гибели от голода или от вражеской руки. Только с приходом советской власти воцарился мир в области. Бандитизм, пышным цветом распустившийся, с которым ничего не могло сделать и царское правительство, был искоренен советской властью. Никогда, ни в какое время крестьянин не чувствовал себя в такой безопасности, как теперь; только теперь открылась возможность мирного труда, только теперь можно было приступить к восстановлению разрушенного хозяйства.

Какие перспективы открываются перед крестьянством Н. Карабаха и в каком направлении должна вестись работа по восстановлению, укреплению и расширению крестьянского хозяйства?

Из предыдущего краткого очерка можно было видеть, что Н.Карабах не обладает такими возможностями, которые позволили бы в короткий срок поднять хозяйство. Область в настоящее время не имеет данных для развития добывающей или обрабатывающей промышленности. Во всяком случае на много лет еще вперед Карабах останется страной крестьянского хозяйства. Хозяйство это, как мы видели, ведется очень примитивно и не в состоянии удовлетворить всех потребностей крестьянина. Земледелие здесь является самым неблагодарным занятием, какое можно только себе представить. Крестьянин тратит на него массу труда, содержит для него скот, за которым следит лучше, чем за собой и членами своей семьи, и все же занятие земледелием не в состоянии обеспечить крестьянина. Отхожие промыслы, играющие важную роль в бюджете крестьянина, также не в состоянии обеспечить его; особенно теперь, при медленном росте нашей промышленности, когда в городе трудно найти заработок.

В каком же направлении должно развиваться крестьянское хозяйство, чтобы крестьянин вышел из того необеспеченного тяжелого состояния, в котором находится теперь?

Ответ может быть только один: требуется упорная и систематическая работа над поднятием культурного уровня населения. С хозяйственной точки зрения самой важной в Н. Карабахе нужно считать работу Комиссариата Народного Просвещения. Все силы должны быть устремлены в эту область. Нет никаких других, более быстро действующих средств. Параллельно с этим необходимо более тщательное отношение к таким отраслям, которые имеют важное значение для края, как, например, винокурение.

В области кооперации до сих пор вся энергия обычно устремлялась в потребительскую кооперацию, между тем как не менее важное значение имеет для края развитие различных производительных товариществ: по пчеловодству, коневодству, свиноводству, винокурению и др. Организация таких товариществ сейчас затруднена в силу несколько недоверчивого отношения крестьян к кооперации. Этот предрассудок, имевший основание в прошлом, нужно рассеять.

В области строительства вся энергия должна быть направлена к тому, чтобы ускорить проведение железной дороги Евлах-Степанакерт. Эта дорога может сильно изменить все хозяйственные перспективы и тогда уже можно говорить об интенсификации крестьянского хозяйства.

Крестьянское хозяйство - это сложный продукт большого опыта и знаний, накопленных в течение продолжительного времени. Только поняв закономерность развития крестьянского хозяйства, проникнув в сущность его, выяснив рентабельность отдельных отраслей его, направление развития, только в этом случае можно прийти на помощь крестьянству, приняться за переустройство его хозяйства. Нужно сперва поучиться у крестьянства, прежде чем учить его. Кооперативно-агрономическая помощь крестьянскому хозяйству, экономического изучения особенностей его - здание, построенное на песке. Эта истина усвоена только в сравнительно недавнее время, и русская агрономия стала на этот путь экономического

изучения крестьянского хозяйства, при помощи бюджетных исследований. Необходимо провести такие же бюджетные обследования и по Н. Карабаху.

Наконец, необходимо в той или другой форме привлечь к строительству всех тех, кто временно живет в городах, где собралась большая колония выходцев из Н. Карабаха, не потерявших еще связей с родиной. Здесь есть, например, много молодежи в высших учебных заведениях, которые могли бы взять на себя заботу о культурном развитии тех селений , из которых они происходят. При дружной работе всех слоев советской общественности город может оказать большую поддержку деревне в ее стремлении восстановить и укрепить хозяйство.

Примечание

1. Наиболее значительные леса Нагорного Карабаха расположены в верхней части бассейнов рек Тертера и Хачена - Тертерское лесничество. Площадь их доходит до ста тысяч десятин. Здесь на первом плане нужно поставить Мадагисскую дачу (50,000дес.), расположенную в горах, налево от реки Тертера. Это девственный лес с весьма ценными дубовыми запасами, но благодаря дикому, гористому характеру местности, эксплуатация его возможна только в частях, прилегающих к долинам. Состав Мадагисской дачи: 0,3 дуба, 0,2 граба, 0,2 бука, 0,2 липы, 0,1 ясень и клен. Следующая лесная дача - Чалдыранская (35,000 дес.) между реками Тертером и Хаченом; она уже сильно прорежена; дубовые насаждения молоды и в доступных частях портятся скотом. Бук и граб, по отзывам специалистов, плохого качества. Состав Чалдыранской дачи: 0,6 граба, 0,2 дуба, 0,2 бука.

Кроме того, в состав Нагорного Карабаха входит бывшее Шушинское лесничество и часть Джебраильского. Общая площадь лесных дач бывшего Шушинского лесничества достигает 54,000 дес. Лесничество имеет богатейшие дубовые насаждения - 15,000 дес. чистого дуба. С 1912 года по 1918 год здесь французская компания заготовляла и вывозила клепки. (Долгушин - «Леса Закавказья и их эксплуатация»).

2. Все районы Н. Карабаха имеют старинные армянские названия, но необходимо отметить, что границы их не совпадают с прежними границами районов. Например, в состав прежней Варанды входило селение Чанахчи и целый ряд других селений, которые теперь отнесены к Хачену.

3. Число селений в Н. Карабахе точно установить трудно. Каждое ведомство имеет свои цифры. Это объясняется, главным образом, тем, что целый ряд селений представляет собою отселки, которые одними исследователями принимались за самостоятельные селения, другими включались в состав главного селения. Кроме того, были и спорные селения, которые то включались в состав Н. Карабаха, то приписывались к другим уездам.

4. Город Шуши, (бывший уездный центр) ныне является только районным центром Хаченского района. Впрочем, уже теперь предполагается город Шуши вместе с Малибек-линской волостью выделить в Шушинский район; районный же центр будет перенесен в Степанакерт.

Населения города Шуши по переписи 1897 года было 37.591 чел., в 1909 году-27.714 ч., в 1921 году после разрушения - 9.223 ч., в 1923 году - 6976 ч. В настоящее время можно считать, что население Шуши доходит до 6.000, причем цифра эта заметно повышается в летнее время.

5. Степанакерт-нынешняя столица Нагорного Карабаха (б. Ханкенди)-представлял собою раньше казачий поселок-стоянку Сунженского полка. Он весь состоял из нескольких корпусов казарменного типа, больницы, непременной полковой церкви и нескольких домиков, в которых проживали семьи офицеров и немногочисленное население, состоявшее из армян и тюрок, поставлявших продукты войсковым частям. Когда была провозглашена Автономная Область, в разрушенный во время событий Степанакерт стянулись все деятели Н. Карабаха и принялись в невероятно трудных условиях за работу по воссозданию области. Перепись Степанакерта, состоявшего тогда буквально из нескольких полуразрушенных домов, обнаружила около 300 человек. Все население жило в страшной тесноте, по несколько семей в одной комнате, было лишено самых минимальных удобств и тем не менее упорно работало над переустройством края. В короткий срок Степанакерт стал неузнаваем. Дома стали восстанавливаться, мостовые исправляться, было проведено электричество, построена школа и т.п. Перепись города Степанакерта, проведенная через год после объявления автономии, обнаружила уже 2500 чел.

6. Необходимо отметить, что сельскохозяйственная перепись 1921 года не совсем точно определяла национальный состав населения. Все жители переписываемого селения учитывались как армяне или как тюрки, в зависимости от того, какой элемент преобладал в селении. Между тем, в Нагорном Карабахе имеются селения смешанного типа, с тюркским и армянским населением (с. Туг, Ханкенди, Ванк и др.)

7. Эта цифра не совпадает с итоговыми данными по Нагорному Карабаху, приводимыми во вновь вышедшем сборнике Азербайджанского Центрального Статистического Управления. АзЦСУ включило по недосмотру в состав Нагорного Карабаха Кабарда - Бой - Ахмедлинское сельское общество и целый ряд других, находящиеся в пределах Н. Карабаха АзЦСУ относило к другим уездам.

8. Карадам обычно смешивают с землянкой. Это неправильно. Карадам-дом, построенный на земле; часть стены строится из песка и глины, затем идет дубовый сруб, постепенно суживающийся кверху. Наверху остается небольшое квадратное отверстие для дыма, прямо под отверстием находится очаг. Все части постройки имеют особые названия, форму и расположены по определенному плану. Это-очень старая постройка, восходящая к глубокой древности. Внутри карадама мебели нет, все сидят обычно на земляном полу. Во всю длину карадама стоит, так называемый амбар - большой деревянный ларь с отделениями для хранения зерна. Амбар также составляет непременную принадлежность карадама.

9. Мне приходилось в Джраберде (близ. с. Ванк) видеть такие пашни, которые обрабатывались заступом, без помощи рабочего скота, ибо животные вследствие большой крутизны не могли удержаться на такой пашне.

10. Водный вопрос является одним из самых острых, после малоземелья Н. Карабаха. Достаточно посмотреть страницы карабахского органа «Хорурдаин Карабах», где богато представлен местный материал, как это бросается в глаза буквально нет нигде такого уголка, который не испытывал бы недостатка в воде. Все корреспонденты в один голос жалуются то на недостаток питьевой воды, то на отсутствие воды для орошения. В некоторых местах вода находится очень далеко от селений, в других образуются большие очереди для получения воды, в третьих разрушены старые кягризы и надо их починить и т.д. Очень способствует такому положению то обстоятельство, что селения Нагорного Карабаха расположены обычно на возвышенных пунктах. Стратегические соображения побуждали крестьян искать защиты в горах и на вершинах холмов, а такое расположение селений затруднило, конечно, проведение кягризов.

11. Узунталинский канал пройдет по направлению к селениям: Улу Карабек, Кичин-Карибек, Касапет, Гюль-Ятаг, Джан-Ятаг, Дамурлу, Оратак, Агдаря, Чардахлу, Мингрельское и Люла-Саз.

12. Талышский канал пройдет по очень рыхлой и ползучей почве. Около 50.000 руб. необходимо лишь на обивку трехверстного пути досками, почему и стоимость всего канала должна будет сильно возрасти.

13.Мадагисский канал должен будет орошать земли селений Мадагис,-Верхнее Чайлы и Гайрилар.

14. Пирджамальский «Ленинский канал» из местности Ханбаги должен орошать земли селений: Пирджамал, Нахчеваник, Аранзамин, Шеллу, Нор-Шен. Канал оросит от 2-3 тысяч дес.

15. Балуджинская канава может оросить всего лишь 300 дес. Длина канавы.

16. Летом текущего года в Варанде производились опыты с посадкой хлопка, которые дали блестящие результаты. При условии орошения хлопок здесь может хорошо развиваться (опытная станция в Испаганджуке).

17. В селении Агуас (Козлу) я сам наблюдал, как крестьянки поливали свои огороды кувшинами воды, приносимыми из родников. При таких условиях, обычных в Карабахе, приходится удивляться не слабому распространению огородов, а их существованию.

18. Англичане в бытность свою в Баку вывезли до 30 лошадей карабахской породы.

19. Во всем Нагорном Карабахе в настоящее время нельзя насчитать и десяти чистокровных карабахок. Правительством приняты меры к поддержанию исчезающей породы. Заложено основание конскому заводу, где сейчас находятся несколько экземпляров лошадей карабахской породы.

20. Батрачество представляет собой чрезвычайно распространенное явление в Нагорном Карабахе. Официально их зарегистрировано около 1500 чел., но на самом деле число их значительно выше. Батраки являются или беженцами, осевшими в селениях, или же чаще всего своими крестьянами, не имеющими инвентаря для обработки земли.

21. Насколько глубока экономическая связь между жителями нагорной части и низменной видно из того, что во время межнациональных столкновений из многих селений отход на низменности не прекращался. Тюрки приезжали в армянские селения, оставляли здесь своих заложников и брали партии рабочих. По окончании полевых работ эти лица вместе с зерном, полученным за работу, доставлялись обратно в свои селения. Не было ни одного случая нарушения заключенного условия.

22. Обследование народного питания в Н. Карабахе, производящееся Карабахским Статистическим Управлением, установило, что в исследуемых хозяйствах (для обследования были выбраны в равной доле зажит., средн. и бедные хозяйства, всего 23) всего хлеба …

До 1/X	24 года	2 хоз.	До 1/II	25 года	6 хоз.
До 1/ XI		3 хоз.	До 1/III		4 хоз.
До 1/XII		2 хоз.	До 1/IV		2 хоз.
До 1/I	25 года	2 хоз.	До 1/ V		3 хоз.

Таким образом, до нового урожая своего хлеба не хватало ни в одном хозяйстве. В большей части хозяйств хлеб кончался с середины зимы.

Приложение 1.

Список селений Нагорного Карабаха,

с административным делением на районы и волости.

ДИЗАКСКИЙ РАЙОН.

I.

Гадрутская волость

1. Гадрут	7. Эдиша (Вартанашат)
2. Тагасыр	8. Мелик-Джанлу
3. Ванк	9. Кочбек
4. Так	10. Норашен
5. Сур (Цор)	11. Кущилар
6. Кемракуч	12. Шагах (Сариншен)

II.

Тугская волость

13. Туг	19. Мамедацор
14. Домы	20. Чиракуйс
15. Сусалых	21. Таг
16. Акаку	22. Азох
17. Атагут	23. Трахтик
18. Цакуры	24. Салакатин (не переписано в 1921г.)

III.

Хозабюртская волость

25. Хозабюрт	30. Спитакашен (не переписан)
26. Старый Таг	31. Петросашен (не переписан)
27. Доланлар	32. Тесхараб (не переписан)
28. Агаджакент (Асрик 6.)	33. Гарар (Гарал)
29.Арфа-Гядук (не переписано)	

IV.

Аракюльская волость

34. Аракюль	38. Замзур
35. Баназур	39. Дашбаши (Карачлих)
36. Джилан	40. Мюлькудара
37. Бинятлы	

V.

Эдиллинская волость

41. Эдиллу	45. Гога (арм.)
42. Ахиллу	46. Гога (мусульманск.)
43. Агбулаг	47. Хрманджук
44. Дудукчи (Куратаг)	48. Булутан

ВАРАНДИНСКИЙ РАЙОН

I

Тагавертская волость

1. Тагаверт (Нижний)	5. Сухторашен
2. Шехер	6. Билбиляк
3. Зарданашен (Тагаверт Верхний)	7. Мавас
4. Саркисашен (Джагадуз)	

II.

Сусская волость

8. Сус	13. Машадишен /Арбадуз9
9. Амарас (Аг-Оглы)	14. Мысмна (Агбулах)
10. Мешади-Калер	15. Хирхан
11. Караундж	16. Завадых (Цоватех)
12. Керт (Кузумкенд)	17 Гергер

III.

Чертасская волость

18. Гюней Чертаз	23. Гиши
19. Гюзей Чертаз	24. Мушкапат
20. Гюней Калер	25. Гавахан
21. Гюзей Калер	26. Кендхурд
22. Хунашинак (Испаганджук)	

IV.

Норшенская волость

27. Норшен (Енгикенд)	34. Ашан (Гешан)
28. Мюришен (Мирикенд)	35. Кагардза
29. Авдур (Такир)	36. Барбатум (Параватумб)
30. Гацы	37. Карадахлу (Варандалу)
31. Каракенд (Гызгала)	38. Нинги (Джамият)
32. Емища (Емиджа)	39. Нингиджан (Малый Джамиат)
33. Ахкенд (Спитакшен)	

V.

Хонашенская волость

(Вся волость по ошибке целиком отнесена АзЦСУ к Агдамскому уезду).	
40. Хонашен (Николаевка) (не переписано в 1921 г.)	43. Муганлы
41. Скобелевка (жит. переселились в Россию)	44. Ходжавенд (не переписано)
42 Котляревка	45. Амираллар
	46. Куропаткино (жит. переселились в Россию)

ШУШИНСКИЙ РАЙОН

1. Город Шуши

II.

Малибеклинская волость

1. Малибеклу	7. Джангасан (пропущено при переписи)
2. Кушилар	8. Кесалар(пропущено при переписи)
3. Керпа Апатлы (жителей кочевников во время переписи не застали)	9.Халифаллу
4. Фараджалу (возникли после 1921 г.)	10. Кейбалы (Кейбалыкенд) (жители живут в Степанакерте)
5. Даралагез	11. Киркиджан
6. Ходжалу (мус.)	12.Зарыслы

ХАЧЕНСКИЙ РАЙОН

I.

Дашбулагская волость

1. Степанакерт (с. Ханкенди)	11. Дашбулаг
2. Арменаван (возник после 21 г.)	12. Каракетук (Илис)
3. Пахлюль (жители живут в Степанакерте)	13. Хинзиристан с 3 хут.
4. Джамилли	14. Кишлагкенд с 2 хут. (Гишлах)
5. Ханазах	15. Сейдибеклу с хут. (Сейдишен)
6. Баллуджа	16. Шальва (Рев) с хут.
7. Мехтикенд	17. Урахач (Улубаб)
8. Каябаши (Дагряв) с 2 от.	18. Каракышлаг (Ходжалы русск.)
9. Бадара (Птрецек) с хут.	19. Исмаилбеклы
10.Сарукешиш (Хаск)	

II.

Аскеранская волость

20. Ханабад Верхний	27. Кличбаг Нижний
21. Ханабад Нижний	28. Пирджамал
22. Хорамурт	29. Нахчиваник с хут.
23. Дашбеши (Аравюс, Караглух)	30. Аранзамин с хут. (Варазапюн)
24. Кешишкенд (Норакюг)	31. Агбалаг (Мирушаллу)
25. Енгиджа (Сардарашен) с хут.	32. Даграз
26. Кличбаг Верхний	33. Кятук (Агдар)

III.

Красносельская волость

34. Красное село (Трнаваз)	44. Дашкенд (ДаШуши н)
35. Горов	45. Ленинакерт (Чанахчи)
36. Хачмач	46. Карабулах
37. Сизник Верхний	47. Мадаткенд

38. Сизник Нижний	48. Тухнакал
39. Дагдаган	49. Дамурчилар
40. Шушикенд	50. Кущи-Баба (Мош-Гмат)
41. Дашалты (Каринтак)	51. Сарушен
42. Мхитаракенд	52. Сягнах (Схнах)
43. Гюнот (Гюнот Дашалты)	

IV.

Каладарасинская волость

53. Каладараси с отселками:	в) Херхан
а) Каладараси Новое	г) Чобан Гоне
б) Канач Тала	д) Коризерк

ДЖРАБЕРДСКИЙ РАЙОН

I.

Маргушеванская волость

1. Маргушеван	9. Чайлу Нижний
2. Марага	10. Талыши
3. Гасан Гая (Брудж)	11. Мадагиз
4. Сейсулан	12. Дамирляр (Хорузлу)
5. Ярымджа	13. Танашен
6. Красное село (Кармираван) (образов. после переписи 1921 г.)	14. Дастагир
7. Маралян Саров	15. Тирус (Егекер)
8. Чайлу Верхний	16. Леонарх (в 1918г. пересел. из села Саров. Джеван. уезда)

II.

Оратагская волость.

17. Оратаг	25. Мец-Щен (Улу-Карабек)
18. Мардакерт (Агдара)	26. Магавуз (Чардахлу)
19. Дамирлу	27. Люлясаз (Енгиджа)
20. Касапет	28. Мингрельское
21. Гюлятаг	29. Мехмана (Грек)
22. Джанятаг	30. Геравенд (Аджи Геравенд)
23. Казанчи	31. Манык (Срхавенд)
24. Мухратаг (Кичик-Карабек)	

III.

Довшалинскя волость

32.Довшанлу (Арчадзор) с хуторами: Погосакюмер, Гасарагач, Ахперахам, Врсыкюмер и Правенцор	38. Колатак
33. Ванк	39. Баллу-Кая (Кичан)
34. Базаракенд (Цмака-ог)	40. Аяд (Ахмахлы)
35. Шахмасур	41. Оратаг (Нижний отс. с. Ванк)

36. Горманлу (Кярнакар)	42. Айвалы (Тромбон)
37. Дагмаллу (Тыбуллу)	43. Нориштар (Коджа-Гурд)
	44. Яйджа (Коджагот)
	45. Срховенд (Гюней Фая)

IV.

Атерская волость

46. Арутюна-Гомер (Кизил-Кая)	52. Зардахач
47. Вагаас (Козлу)	53. Умутлу (Архана)
48. Чафар (Усаджик)	54. Заглик новый (Фиф)
49. Чарактар	55. Атерк (Гасан-Рис) с отселками: Джахен, Хламджур. Ветац-Ахпюр и Так-Джур.
50. Иммарат Герравенд	
21. Керамлу	

Приложение II.

И Т О Г И

Азербайджанской сельскохозяйственной переписи 1921 года по Автономной Области Нагорного карабаха

(Исправленные по данным Статистического Бюро Нагорного Карабаха)

Примечание:

Появление настоящих Итогов по Нагорному Карабаху было вызвано тем, что в Итогах АзЦСУ по Нагорному Карабаху были допущены значительные ошибки, без исправления которых пользование данными АзЦСУ не представляется возможным.

АзЦСУ включило с одной стороны в состав Нагорного Карабаха целый ряд селений и сельских обществ, которые относились к другим уездам Азербайджана, с другой стороны - исключило ряд селений из состава Н. Карабаха. Важнейшие из замеченных ошибок следующие:

Название селений, не вошедших в выборочные итоги АзЦСУ по Авт. Об. Наг. Карабаха.

Джрабердский район

1. Маральян-Саров (Маргушеванской волости)
2. Гераенд (Аджи-Геравенд) (Оратагской волости)
3. Ванк (Довшалинской волости)
4. Шахмасур „ „
5. Кярнакар „ „
6. Айвалы (Тромбон) „ „
7. Нориштар (Коджа-Гурд) „ „
8. Заглик Новый (Фиф.)

Шушинский район

9. Малибеклу (Малибеклинской вол.)
10. Кущилар „ „
11. Ходжаллу Мусульманское „ „
12. Халифаллу „ „
13. Зарыслы „ „

Дизакский район „

14. Гарар (Гарал) (Хозабюртской волости)

Варандинский район

15. Муганлы (Хонашенской волости)

Кроме того, встречаются у АзЦСУ неточности, которые нами не отмечаются, ибо они касаются селений, в которых население во время переписи отсутствовало, почему эти ошибки и не имели цифрового выражения. К таковым ошибкам относятся, например, отнесение АзЦСУ целого ряда сел Хонашенской волости к Агдамскому у.или включение с. Орлово-Денисовки в состав Наг. Карабаха и т. п.

Названия селений, излишне включенных в выборочные Итоги АзЦСУ по Авт. Обл. Наг. Карабаха (с.-хоз. перепись 1921 г.).

Маргалинское о-во.

1. Тертер.

2.Бурудж. (Армянское население сел. Гасан-Кая жило во время переписи в тюркском селении Бурудж, почему в выборках и имеется название Гасан-Кая (Бурудж), - но тюркское население Буруджа бежало на низменность, где и было зарегистрировано там в 1921 г. АзЦСУ включило их теперь в свои Итоги по Наг. Карабаху, так что по Н.К. числится два Буруджа).

3. Дамирлы и Дамирляр (Хорузлу). То же самое можно сказать и относительно этих селений. Население Дамирлы (тюрки) в 1921 г. жило на низменности, а на их место переселились с низменности хорузлинцы (армяне). АзЦСУ к хорузлинцам, зарегистрированным в 1921 г на территории Н. Карабаха, прибавило еще и дамирлинцев, переписанных на низменности. Таким образом в Итогах АзЦСУ фигурируют 2 селения вместе одного.

Кабарда-Бой-Ахмедлинское о-во

4. Кабарда-Бой-Ахмедлы
5. Шихавенд
6. Заллар
7. Кизилы-Кангерлы
8. Салахлу-Кангерлы
9. Паправенд
10. Карапирум
11. Али-Агалу
12. Калейчилар
13. Хачин-Дорбатлу
14. Джинлу-Дорбатлу

Тугское о-во

15. Шихимлы
16. Ковшатлу

Эдиллинское о-во

17. Кизил-Кишлаг
18. Кюгуллу
19. Чимап

Все указанные здесь селения не входят в пределы АОНК и были ошибочно включены АзЦСУ в итоги по Нагорному Карабаху.

NN по порядку	Итоги по районам и волостям	Число хозяйств	Преобладающая национальность	НАСЕЛЕНИЕ НАЛИЧНОЕ МУЖЧИН								
				Моложе 8 лет	8-12 л.	13-15 л.	16-17 л.	18-25 л.	26-59 л.	60 и боль.	ИТОГО мужчин	Из них грамотн.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	Всего по Наг. Кар.	26642	Арм.	17720	9182	4402	2377	7227	20703	5231	66842	9720
I	**Дизакский район**	5901	Арм.	3710	2289	1191	567	1548	4799	1314	15418	2548
1	Гадрутская волость	1557	„	926	568	341	137	438	1245	391	4026	1033
2	Тугская „	2119	„	1388	728	397	195	524	1643	411	5286	752
3	Хозабюрская „	545	„	377	305	139	42	129	525	155	1672	155
4	Аракюльская „	939	„	538	378	218	119	319	800	230	2602	431
5	Эдиллинская „	741	„	481	310	116	74	138	586	127	1802	177
II	**Варандинский район**	6369	„	3914	2130	1049	496	1891	5009	1371	15860	2717

6	Тагавертская волость	1095	,,	711	387	166	91	330	835	213	2733	323
7	Сусская ,,	1207	,,	753	384	194	86	306	964	234	2921	366
8	Чертазская ,,	1966	,,	1290	617	343	150	608	1627	436	5071	901
9	Норшенская ,,	2035	,,	1106	726	338	153	639	1527	472	4971	1120
10	Хонашенская,,	66	,,	54	16	8	6	8	56	16	164	7
III	**Шушинский район**	705	Т.а.	438	233	77	48	167	489	156	1608	83
11	Малибеклинс-кая волость	705	Т.а.	438	233	77	48	167	489	156	1608	83
IV	**Хаченский район**	7614	Арм.	4779	2377	1090	697	1893	5509	1336	17681	2372
12	Дашбулагская волость	2548	Арм.	1785	747	342	205	594	1945	392	6010	863
13	Аскеранская ,,	1856	,,	1214	511	591	226	445	1347	300	4334	843
14	Красносельс-кая ,,	2698	,,	1406	959	395	234	721	1901	590	6206	649
15	Каладарасинс-кая ,,	512	Т.а.	374	160	62	32	133	316	54	1131	17
V	**Джрабердский район**	6053	Арм.	4879	2153	995	569	1728	4897	1054	16275	2000
16	Маргушеванс-кая вол.	1598	,,	1131	531	251	147	476	1311	215	4062	449
17	Оратагская вол.	2147	,,	1734	786	368	195	667	1706	457	5913	1168
18	Довшалинская вол.	1478	,,	1242	516	225	128	312	1135	248	3806	355
19	Атерская вол.	830	,,	772	320	151	99	273	745	134	2494	28

I

НАСЕЛЕНИЕ										
НАЛИЧНОЕ									Отсутствующих	
ЖЕНЩИН							Итого лиц об. пола	Из них грамотн.	Всего отсутст. об. пола	Из них в Красной армии
Моложе 8 лет	8-12 л.	13-15 л.	16-54 л.	55 и бол.	Итого женщин	Из них грамотн.				
14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
16105	7074	2916	28950	7383	62401	2081	129243	11801	8838	869
3327	1888	733	6909	1651	14508	612	29926	3160	3128	486
819	521	208	1801	466	3815	412	7841	1445	1363	193
1244	609	282	2364	557	5086	123	10372	875	545	175
358	198	54	670	168	1448	8	3120	163	168	-
495	346	111	1216	272	2440	57	5042	488	847	76
411	214	78	828	188	1719	12	3551	189	205	42
3496	1584	667	7217	1560	14553	469	30413	3186	2229	118
612	274	105	1207	247	2445	51	5178	374	269	32
674	283	116	1340	283	2696	56	5617	422	167	22
1137	425	197	2318	518	4595	105	9666	1006	846	45
1027	592	244	2270	529	4672	257	9643	1377	947	19
45	10	5	72	13	145	-	309	7	-	-
532	173	82	674	197	1658	9	3266	92	123	21
532	173	82	674	197	1658	9	3266	92	123	21
4380	1760	775	7735	2024	16674	482	34355	2854	3143	179
1686	563	257	2636	727	5769	222	11779	1085	459	65
1005	372	225	1853	474	3929	140	8263	983	1291	29
1425	738	239	2702	750	5854	115	12060	764	1393	85
364	87	54	544	73	1122	5	2253	22	-	-
4371	1642	659	6415	1921	15008	509	31283	2509	215	65
1136	380	152	1672	514	3854	49	7916	498	28	16
1482	640	225	2340	720	5371	411	11284	1579	125	24
1043	382	168	1490	412	3495	45	7301	400	50	23
710	276	114	913	275	2288	4	4782	32	12	2

II

NN по порядку	Итоги по районам и волостям	С К О Т О В О Д С Т В О (голов скота)									
		ЛОШАДЕЙ				КР. РОГАТЫЙ СКОТ					
		В рабоч. воз. от 3 л.	Подростков старше года	Жеребят до 1 года	ИТОГО	Волов рабочих	Волов гумных и бугаев	Коров	Подростков старше года	Телят до 1 года	ИТОГО
		25	26	27	28	29	30	31	32	33	34
	Всего по Наг. Кар.	1941	159	277	2377	15576	1164	13049	2060	10845	42694
I	Дизакский район	215	20	20	255	3340	260	2221	471	1579	7871
1	Гадрутская волость	32	1	3	36	709	81	464	115	298	1667

2	Тугская	108	12	11	131	1029	61	801	137	513	2541
3	Хозабюрская	34	-	-	34	491	41	286	59	237	1114
4	Аракюльская	12	4	1	17	708	38	406	100	312	1564
5	Эдиллинская	29	3	5	37	403	39	264	60	219	985
II	**Варандинский район**	399	47	56	502	4156	266	3085	299	2746	10552
6	Тагавертская волость	95	12	9	116	713	68	446	46	396	1669
7	Сусская ,,	57	6	3	66	955	29	617	71	477	2149
8	Чертазская ,,	160	19	29	208	1126	85	969	122	877	3179
9	Норшенская ,,	64	9	9	82	1328	68	982	43	927	3348
10	Хонашенская ,,	21	1	6	30	34	16	71	17	69	207
III	**Шушинский район**	336	16	35	387	282	94	660	149	608	1793
11	Малибеглинс-кая вол.	336	16	35	387	282	94	660	149	608	1793
IV	**Хаченский район**	424	20	41	485	3433	230	2632	370	2335	9000
12	Дашбулагская вол.	122	12	32	166	1437	85	1118	184	976	3800
13	Аскеранская ,,	44	-	-	44	594	12	423	58	379	1466
14	Красносельс–кая ,,	155	8	7	170	1270	126	950	122	848	3316
15	Каладарасинс-кая ,,	103	-	2	105	132	7	141	6	132	418
V	Джрабердский район	567	56	125	748	4365	314	4451	771	3577	13478
16	Маргушеванск ая вол.	154	8	53	215	758	39	1053	107	891	2848
17	Оратагская вол.	188	39	42	269	1931	183	1660	310	1404	5488
18	Довшалинская вол.	70	1	4	75	1050	62	1031	101	782	3026
19	Атерская вол.	155	8	26	189	626	30	707	253	500	2116

С К О Т О В О Д С Т В О (голов скота)												
Б У Й В О Л Ы							О В Е Ц			К О З		
Буйволов рабочих	Бугаев	Буйволиц		Подростков старше года	Телят до одного года	ИТОГО	Овец и баранов взрос.	Ягнят	ИТОГО	Коз и козлов взросл.	Козлят	ИТОГО
		Рабочих	Молочных									
35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47
5050	121	193	1317	225	1116	8022	14489	4745	19234	13436	6753	20199
363	18	14	72	19	52	538	3900	1526	5426	5859	3004	8863
12	-	-	-	1	7	15	1241	456	1697	1323	548	1871
143	11	6	13	4	8	185	625	240	865	1383	703	2086
-	-	-	-	-	-	-	742	355	1097	844	513	1357
-	-	-	-	-	-	-	1044	361	1405	1499	810	2309
208	7	8	59	14	42	338	248	114	362	810	430	1240
1092	35	31	278	56	236	1728	2672	837	3509	1809	730	2539
148	3	1	74	6	65	297	329	137	466	351	205	556
278	8	16	70	8	51	431	588	166	754	522	160	682
306	15	11	77	23	62	494	782	225	1007	388	102	484
344	2	3	50	13	56	468	776	296	1072	552	263	815
16	7	-	7	6	2	38	197	13	210	3	-	2
32	10	9	75	16	77	219	514	260	774	339	239	578
32	10	9	75	16	77	219	514	260	774	339	239	578
915	21	23	240	54	250	1503	1950	700	2650	2430	1313	3743
507	9	16	110	38	136	816	469	159	628	915	530	1445
201	3	3	11	5	14	237	505	204	709	513	270	783
207	9	4	108	9	94	431	794	337	1131	879	486	1365
-	-	-	11	2	6	19	182	-	182	123	27	150
2648	37	116	652	80	501	4034	5453	1422	6875	2999	1477	4476
1006	5	87	295	21	248	1662	1513	208	1721	493	218	711
1120	20	22	193	34	161	1550	3187	947	4134	1738	913	2651
287	5	3	112	11	59	477	424	104	528	534	239	773
235	7	4	52	14	33	345	329	163	492	234	107	341

III

NN по порядку	Итоги по районам и волостям	С К О Т О В О Д С Т В О (голов скота)							
		С В И Н Е Й				В Е Р Б Л Ю Д О В			
		Свиней и боровов старше года	Подсвинков старше 4 месяцев	Поросят моложе 4 месяцев	ИТОГО	Рабочих старше 3 лет	Подростков старше 1 года	Верблюжат до 1 года	ИТОГО
		48	49	50	51	52	53	54	55
	Всего по Наг. Кар.	2690	1145	661	4496	5	13	-	18
I	**Дизакский район**	628	73	268	969	-	3	-	3
1	Гадрутская волость	17	3	14	34	-	-	-	-
2	Тугская ,,	562	50	198	810	-	3	-	3
3	Хозабюрская ,,	1	-	-	1	-	-	-	-

4	Аракюльская ,,	3	-	-	3	-	-	-	-
5	Эдиллинская ,,	45	20	56	121	-	-	-	-
II	Варандинский район	312	186	73	571	-	-	-	-
6	Тагавертская волость	230	138	55	423	-	-	-	-
7	Сусская ,,	66	45	4	115	-	-	-	-
8	Чертазская ,,	13	3	14	30	-	-	-	-
9	Норшенская ,,	3	-	-	3	-	-	-	-
10	Хонашенская ,,	-	-	-	-	-	-	-	-
III	**Шушинский район**	5	-	-	5	-	-	-	-
11	Малибеглинская вол.	5	-	-	5	-	-	-	-
IV	Хаченский район	654	231	228	1113	5	10	-	15
12	Дашбулагская волость	525	203	215	943	1	-	-	-
13	Аскеранская ,,	93	28	9	130	5	10	-	15
14	Красносельская ,,	36	-	4	40	-	-	-	-
15	Каладарасинская вол.	-	-	-	-	-	-	-	-
V	Джрабердский район	1091	655	92	1838	-	-	-	-
16	Маргушеванская вол.	215	44	42	301	-	-	-	-
17	Оратагская вол.	246	138	5	389	-	-	-	-
18	Довшалинская вол.	362	124	10	496	-	-	-	-
19	Атеркская вол.	268	349	35	652	-	-	-	-

С К О Т О В О Д С Т В О (голов скота)								**ПТИЦЕВОДСТВО**					**ПЧЕЛИНЫХ УЛЬЕВ**		
МУЛОВ			**ОСЛОВ**					**КОЛИЧЕСТВО ПТИЦ**							
Рабочих	**Не рабочих**	**ИТОГО**	**Взрослых**	**Ослят до 1 года**	**Итого**	**Зебу**	**Всего скота**	**Индеек**	**Кур**	**Гусей**	**Уток**	**ИТОГО**	**Рамочных**	**Колодных**	**Итого**
56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71
156	11	171	6925	530	7455	-	104666	2506	129932	861	100	133399	241	1023	1264
96	11	107	2207	100	2307	-	26339	695	24126	48	-	24869	-	27	27
10	6	16	657	18	675	-	6011	160	6898	-	-	7058	-	-	-
27	5	32	660	57	717	-	7370	139	8084	35	-	8258	-	-	-
34	-	34	185	6	191	-	3828	11	1618	-	-	1629	-	9	9
24	-	24	485	12	497	-	5819	177	4323	-	-	4500	-	18	18
1	-	1	220	7	227	-	3311	208	3203	13	-	3424	-	-	-
11	1	12	1865	145	2010	-	21423	1041	40860	76	9	41986	83	438	521
1	-	1	178	20	198	-	3726	245	5841	4	-	6090	77	62	146
4	1	5	325	35	360	-	4562	112	6520	34	9	6675	-	16	16
5	-	5	761	61	822	-	6229	161	14006	4	-	14171	6	10	16

1	-	1	595	28	623	-	6412	523	14116	34	-	14673	-	343	343
-	-	-	6	1	7	-	496	-	377	-	-	377	-	-	-
9	-	9	128	1	129	-	3894	-	2104	-	11	2115	30	70	100
9	-	9	128	1	129	-	3894	-	23447	-	11	2115	30	70	100
35	3	38	1745	54	1709	-	20346	45	23447	460	9	23961	66	195	261
1	1	2	416	20	436	-	8236	20	8028	16	-	8064	66	62	128
10	1	11	387	17	404	-	3799	13	6374	441	-	6828	-	-	-
21	-	12	910	14	924	-	7398	12	9045	3	9	9069	-	133	133
3	1	4	32	3	35	-	913	-	-	-	-	-	-	-	-
5	-	5	980	230	1210	-	32664	775	39395	277	71	40468	62	293	355
-	-	-	66	8	74	-	7532	48	8912	25	-	8985	-	24	24
3	-	3	598	201	799	-	15283	588	17738	165	71	18562	22	75	97
1	-	1	202	6	208	-	5584	78	8701	21	-	8800	25	83	108
1	-	1	114	15	129	-	4265	11	4044	66	-	4121	15	111	126

IV

N/N по порядку	Итоги по районам и волостям	ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ (в десятинах)							
		ПЛОЩАДЬ УСАДЕБНЫХ УГОДИЙ ПОД							
		Усадьбой		САДАМИ					
				Плодовыми		Виноградн.		Смешанными	
		Поливной	Неполивной	Пол.	Непол.	Пол.	Непол.	Пол.	Непол.
		72	73	74	75	76	77	78	79
	Всего по Наг. Кар.	90.44	1574.26	771.71	648.95	1084.86	654.64	245.70	202.63
I	**Дизакский район**	-	194.69	182.65	145.03	274.89	190.76	145.95	87.20
1	Гадрутская волость	-	38.69	60.10	73.10	112.04	100.23	-	-
2	Тугская ,,	-	61.30	94.30	41.84	62.42	29.03	136.65	71.10
3	Хозабюрская ,,	-	19.36	1.26.	-	-	-	-	-
4	Аракюльская ,,	-	29.79	26.74	15.36	100.20	20.26	-	-
5	Эдиллинская ,,	-	45.50	0.25	13.92	0.23	41.24	9.30	16.10
II	**Варандинский район**	-	692.40	195.45	485.00	111.31	450.07	10.62	114.87
6	Тагавертская волость	-	111.42	11.21	86.17	-	31.43	10.62	6.92
7	Сусская ,,	-	193.89	10.64	125.83	-	89.35	-	21.48
8	Чертазская ,,	-	168.27	2.48	160.93	-	266.13	-	86.47
9	Норшенская ,,	-	210.02	160.62	112.07	77.11	62.66	-	-
10	Хонашенская ,,	-	8.80	10.50	-	34.20	0.50	-	-
III	**Шушинский район**	-	50.09	7.00	1.27	-	-	-	-
11	Малибеглинская вол.	-	50.09	7.00	1.27	-	-	-	-
IV	**Хаченский район**	-	415.88	351.69	15.91	297.73	8.96	89.13	0.56
12	Дашбулагская волость	-	190.42	78.86	12.16	0.25	-	11.34	-

13	Аскеранская ,,	-	172.79	106.18	1.04	296.71	7.96	67.92	0.56
14	Красносельская ,,	-	47.17	166.65	2.71	0.77	-	9.87	-
15	Каладарасинская вол.	-	5.50	-	-	-	1.00	-	-
V	**Джрабердский район**	90.44	221.20	34.92	1.74	400.93	4.85	-	-
16	Маргушеванская вол.	80.17	31.12	3.56	-	215.65	0.25	-	-
17	Оратагская вол.	0.04	74.02	31.31	1.74	183.78	4.10	-	-
18	Довшалинская вол.	10.23	48.06	0.05	-	1.00	0.50	-	-
19	Атеркская вол.	-	68.00	-	-	0.50	-	-	-

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ (в десятинах)													
ПЛОЩАДЬ УСАДЕБНЫХ УГОДИЙ ПОД				**ПОД ПОСЕВАМИ ХЛЕБОВ И ПРОЧ. ПОЛЕВ. РАСТЕНИЙ**									
Огородами		**Всего под усадьбой**		**Пшеницей озимой**		**Пшеницей яровой**		**Ячменем озимым**		**Ячменем яровым**		**Полбою**	
Полив.	**Неполив.**	**Полив.**	**Неполив.**	**Полив.**	**Неполив.**	**Полив.**	**Неполив.**	**Полив.**	**Неполив.**	**Полив.**	**Неполив.**	**Полив.**	**Неполив.**
80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93
438.37	94.28	2631.08	3174.76	979.41	1198.55	14.54	1447.32	75.86	4196.92	7.46	1299.86	0.20	59.89
37.51	13.81	641.00	631.49	10.86	2928.98	2.35	108.25	3.13	846.56	1.20	436.15	-	3.90
7.45	0.78	179.59	213.61	0.63	656.43	-	7.00	-	149.38	-	126.96	-	-
14.19	11.49	307.56	214.76	6.55	971.96	2.25	57.81	1.70	237.91	0.80	150.88	-	3.65
8.47	-	9.73	19.36	-	172.25	-	-	-	55.58	-	15.21	-	-
1.46	0.46	128.40	65.87	0.75	696.79	-	2.05	-	208.27	-	92.55	-	-
5.94	1.08	15.72	117.89	2.93	431.55	0.10	41.39	1.43	195.42	0.40	50.55	-	0.25
84.33	50.68	401.71	1793.08	12.80	3291.58	-	334.96	2.00	2023.18	-	242.78	0.20	22.15
34.74	30.45	56.57	266.39	-	319.31	-	92.00	-	163.22	-	75.38	0.20	13.60
-	12.62	10.64	443.17	-	1120.42	-	27.83	-	661.80	-	106.40	-	8.55
7.76	2.37	10.24	684.17	2.00	1134.13	-	134.01	2.00	745.99	-	44.25	-	-
41.83	5.24	279.56	389.99	-	715.72	-	81.12	-	451.17	-	16.75	-	-
-	-	44.70	9.30	10.80	2.00	-	-	-	1.00	-*	-	-	-
1.52	0.01	8.52	51.37	2.50	70.18	-	24.63	-	30.44	0.50	31.41	-	1.05
1.52	0.01	8.52	51.37	2.50	70.18	-	24.63	-	30.44	0.50	31.41	-	1.05
230.63	27.86	969.18	469.17	8.09	866.41	1.00	441.83	2.12	590.24	0.75	313.28	-	30.87
77.77	1.59	167.72	204.17	4.09	290.19	0.75	130.57	1.62	207.46	0.75	80.21	-	9.87
16.17	0.50	486.98	182.85	4.00	140.10	0.25	76.37	0.50	171.55	-	42.30	-	-
137.19	3.77	314.48	53.65	-	380.62	-	232.19	-	197.03	-	190.77	-	21.00
-	22.00	-	28.50	-	55.50	-	2.70	-	14.20	-	-	-	-
84.38	1.92	610.67	229.71	945.16	2041.40	11.19	537.65	68.61	706.50	5.01	276.24	-	1.92
4.34	-	303.72	31.37	640.09	382.33	4.75	13.64	36.89	46.82	1.25	33.50	-	-
33.89	1.92	249.02	81.78	305.07	1214.84	6.44	213.38	31.72	409.90	3.76	122.98	-	1.17
33.40	-	44.68	48.56	-	273.80	-	128.13	-	147.85	-	64.92	-	0.50
12.75	-	13.25	68.00	-	170.43	-	182.50	-	101.93	-	54.84	-	0.25

V

NN по порядку	Итоги по районам и волостям	ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ (в десятинах)							
		ПОД ПОСЕВАМИ ХЛЕБОВ И ПРОЧИХ ПОЛЕВЫХ РАСТЕНИЙ							
		Рожью		Овсом		Просом		Горохом	
		Поливной	Неполивной	Пол.	Непол.	Пол.	Непол.	Пол.	Непол.
		94	95	96	97	98	99	100	101
	Всего по Наг. Кар.	-	18.35	0.75	51.39	82.87	911.32	2.05	20.85
I	**Дизакский район**	-	-	0.25	1.10	20.35	105.97	0.52	19.64
1	Гадрутская волость	-	-	-	-	-	3.02	0.08	3.24
2	Тугская ,,	-	-	0.25	0.47	1.70	71.27	0.33	0.39
3	Хозабюрская ,,	-	-	-	-	-	-	0.11	-
4	Аракюльская ,,	-	-	-	-	-	1.21	-	-
5	Эдиллинская ,,	-	-	-	0.63	18.65	30.47	-	16.01
II	**Варандинский район**	-	0.20	-	14.50	-	139.39	-	-
6	Тагавертская волость	-	0.20	-	-	-	29.74	-	-
7	Сусская ,,	-	-	-	14.50	-	60.90	-	-
8	Чертазская ,,	-	-	-	-	-	47.75	-	-
9	Норшенская	-	-	-	-	-	1.00	-	-
10	Хонашенская ,,	-	-	-	-	-	-	-	-
III	**Шушинский район**	-	0.52	-	-	2.00	27.01	-	-
11	Малибеглинская ,,		0.52	-	-	2.00	27.01	-	
IV	**Хаченский район**	-	14.96	0.25	13.48	6.34	330.12	1.53	0.25
12	Дашбулагская волость	-	2.42	0.25	8.98	2.97	237.00	1.53	0.25
13	Аскеранская ,,	-	0.50	-	1.75	3.37	38.00	-	-
14	Красносельская ,,	-	12.04	-	0.05	-	38.32	-	-
15	Каладарасинская ,,	-	-	-	12.70	-	16.80	-	-
V	**Джрабердский район**	-	2.67	0.25	12.31	54.18	308.83	-	0.96
16	Маргушеванская вол.	-	-	0.25	-	53.00	11.13	-	-
17	Оратагская ,,	-	0.17	-	8.56	1.18	55.15	-	0.96
18	Довшалинская ,,	-	2.50	-	3.75	-	216.30	-	-
19	Атеркская ,,	-	-	-	-	-	26.25	-	-

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ (в десятинах)

ПОД ПОСЕВАМИ ХЛЕБОВ И ПРОЧ. ПОЛЕВ. РАСТЕНИЙ													
Бобами и фасолью		Картофелем		Льном		Подсолнухом		Кукурузой		Табаком		Рисом (чалтык.)	
Полив.	Неполив.	Полив.	Неполив.	Полив.	Неполив.	Полив.	Неполив.	Полив.	Неполив.	Полив.	Неполив.	Полив.	Неполив.
102	103	104	105	106	107	108	109	110	111	112	113	114	115
184.14	35.51	109.41	188.33	4.92	51.60	0.04	0.80	0.72	5.33	0.62	0.08	106.15	-
30.24	4.13	57.79	19.77	0.06	-	0.02	-	0.52	0.20	-	-	-	-
4.21	0.24	8.86	1.67	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
22.66	3.69	34.46	18.10	0.06	-	0.02	-	0.52	0.20	-	-	-	-
0.42	-	2.77	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2.55	-	7.20	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
0.40	0.20	4.50	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6.98	1.60	5.89	23.67	-	-	-	0.10	-	0.60	-	-	-	-
6.98	1.60	5.89	23.67	-	-	-	0.10	-	0.60	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
0.05	-	-	1.33	-	-	-	-	-	-	0.12	-	-	-
0.05	-	-	1.33	-	-	-	-	-	-	0.12	-	-	-
143.83	29.10	45.26	124.05	0.18	1.92	-	0.70	0.20	4.53	-	-	-	-
91.45	8.50	9.71	0.98	-	-	-	-	0.20	0.13	-	-	-	-
13.17	0.75	2.71	-	0.18	-	-	-	-	-	-	-	-	-
39.21	19.85	32.84	123.07	-	1.92	-	0.70	-	4.40	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3.04	0.68	0.47	19.51	4.68	49.68	-	-	-	-	0.50	0.08	106.15	-
-	-	0.13	3.53	3.50	-	-	-	-	-	-	-	104.40	-
1.13	0.68	0.24	15.38	1.18	49.68	-	-	-	-	0.60	0.08	1.75	-
0.98	-	0.10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
0.93.	-	-	0.60	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

VI

NN по порядку	Итоги по районам и волостям	ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ (в десятинах)							
		ПОД ПОСЕВАМИ ХЛЕБОВ И ПРОЧИХ ПОЛЕВЫХ РАСТЕНИЙ							
		Хлопком		Кунжутом		Бостанами		ИТОГО под посевами	
		Поливной	Неполивной	Пол.	Непол.	Пол.	Непол.	Пол.	Непол.
		116	117	118	119	120	121	122	123
	Всего по Наг. Кар.	12.00	-	-	2.50	47.65	3.61	1628.79	17492.21
I	**Дизакский район**	-	-	-	-	0.05	-	127.36	4474.65
1	Гадрутская волость	-	-	-	-	-	-	13.78	947.94
2	Тугская ,,	-	-	-	-	-	-	71.32	1516.33
3	Хозабюрская ,,	-	-	-	-	-	-	3.35	243.04
4	Аракюльская ,,	-	-	-	-	0.05	-	10.50	1000.87
5	Эдиллинская ,,	-	-	-	-	-	-	28.41	766.47
II	**Варандинский район**	-	-	-	-	-	-	27.87	6094.71
6	Тагавертская волость	-	-	-	-	-	-	13.07	719.42
7	Сусская ,,	-	-	-	-	-	-	-	2000.40
8	Чертазская ,,	-	-	-	-	-	-	4.00	2106.13
9	Норшенская ,,	-	-	-	-	-	-	-	1265.76
10	Хонашенская ,,	-	-	-	-	-	-	10.80	3.00
III	**Шушинский район**	-	-	-	-	-	-	5.17	186.57
11	Малибеглинская вол.	-	-	-	-	-	-	5.17	186.57
IV	**Хаченский район**	-	-	-	-	-	-	209.55	2771.74
12	Дашбулагская волость	-	-	-	-	-	-	113.32	976.56
13	Аскеранская ,,	-	-	-	-	-	-	24.18	471.32
14	Красносельская ,,	-	-	-	-	-	-	72.05	1221.96
15	Каладарасинская ,,	-	-	-	-	-	-	-	101.90
V	**Джрабердский район**	12.00	-	-	2.50	47.60	3.61	1258.84	3964.54
16	Маргушеванская вол.	-	-	-	-	23.91	-	868.17	490.95
17	Оратагская вол.	12.00	-	-	2.50	23.69	3.61	386.66	2099.04
18	Довшалинская вол.	-	-	-	-	-	-	1.08	837.75
19	Атеркская вол.	-	-	-	-	-	-	0.93	536.80

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ (в десятинах)

ПОД ПОСЕВАМИ ХЛЕБОВ И ПРОЧ. ПОЛЕВ. РАСТЕНИЙ

Несас. пашни, пар, перелог. залежь и пр.		В том числе кос. зал.		ВСЕГО пашни		Сенокоса		ВСЕГО десятин земли	
Полив.	Неполив.	Полив.	Неполив.	Полив.	Неполив.	Полив.	Неполив.	Полив.	Неполив.
124	125	126	127	128	129	130	131	132	133
6109.87	31429.26	91.96	2836.71	7738.66	18921.17	97.13	84.00	10466.87	52180.20
97.68	5225.22	-	4.79	225.04	9699.87	-	0.50	866.04	10331.86
3.38	923.57	-	-	17.46	1871.51	-	-	196.75	2085.12
31.59	1579.41	-	2.54	102.91	3095.74	-	0.50	210.47	3311.00
0.66	698.60	-	-	4.01	911.64	-	-	13.74	961.00
0.25	981.69	-	2.25	10.75	1982.56	-	-	139.15	2048.13
61.80	1041.25	-	-	90.21	1808.42	-	-	105.93	1926.31
5.50	7221.96	-	939.81	33.37	13316.67	-	-	435.08	15109.69
-	1106.50	-	88.50	13.08	1825.92	-	-	69.64	2092.31
-	1217.81	-	169.56	-	3218.21	-	-	10.64	3661.38
-	2718.23	-	447.00	4.00	4824.36	-	-	14.24	5508.53
-	2178.12	-	234.75	-	3443.88	-	-	279.56	3833.87
5.50	1.30	-	-	16.30	4.30	-	-	61.00	13.60
148.05	614.09	31.50	153.68	153.22	800.66	-	4.50	161.74	856.53
148.05	614.09	31.50	153.68	153.22	800.66	-	4.50	161.74	856.53
226.07	9281.65	31.80	1720.43	435.62	12053.39	-	50.86	1404.80	12573.42
35.59	2520.35	20.50	674.60	148.91	3496.91	-	0.86	316.63	3701.94
189.63	3168.05	11.00	724.90	213.81	3639.37	-	-	700.79	3822.22
0.85	2578.75	0.30	320.93	72.90	3800.71	-	-	387.38	3854.36
-	1014.50	-	-	-	1116.40	-	50.00	-	1194.90
5332.57	9086.34	28.66	18.00	6891.41	13050.88	97.13	0.86	7599.21	13308.76
3175.21	1440.99	28.66	11.00	4043.38	1931.94	97.13	-	4444.23	1963.31
2457.36	4176.66	-	4.50	2846.02	6275.70	-	7.00	3095.04	6364.48
-	1789.61	-	-	1.08	26.27.36	-	6.50	45.76	2682.42
-	1679.08	-	2.50	0.93	2215.88	-	14.64	14.18	2298.52

NN по порядку	Итоги по районам и волостям	СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ							
		Сох	ПЛУГОВ однолемешных	ПЛУГОВ Двухлемешных	ПЛУГОВ Многолемешных	Борон железных	Фургонов на железном ходу	Арб на железном ходу	Арб на дерев. ходу
		134	135	136	137	138	139	140	141
	Всего по Наг. Кар.	7219	1071	16	-	-	64	1208	2581
I	**Дизакский район**	1515	72	3	-	-	-	19	106
1	**Гадрутская волость**	346	3	-	-	-	-	2	-
2	**Тугская „**	437	26	3	-	-	-	2	37
3	**Хозабюрская „**	196	-	-	-	-	-	-	-
4	**Аракюльская „**	277	7	-	-	-	-	3	1
5	**Эдиллинская „**	259	36	-	-	-	-	12	68
II	**Варандинский район**	1983	326	-	-	-	9	1019	197
6	**Тагавертская волость**	296	38	-	-	-	-	50	148
7	**Сусская „**	458	68	-	-	-	7	200	37
8	**Чертазская „**	558	106	-	-	-	1	328	-
9	**Норшенская „**	652	114	-	-	-	1	441	-
10	**Хонашенская „**	19	-	-	-	-	-	-	12
III	**Шушинский район**	118	2	-	-	-	53	3	19
11	**Малибеглинская волость**	118	2	-	-	-	53	3	19
IV	**Хаченский район**	1966	132	-	-	-	2	91	871
12	**Дашбулагская волость**	1082	80	-	-	-	2	56	643
13	**Аскеранская „**	430	13	-	-	-	-	-	137
14	**Красносельская „**	428	39	-	-	-	-	35	91
15	**Каладарасинская „**	26	-	-	-	-	-	-	-
V	**Джрабердский район**	1637	539	13	-	-	-	76	1388
16	**Маргушеванская вол.**	292	171	11	-	-	-	20	409
17	**Оратагская вол.**	727	273	-	-	-	-	56	642
18	**Довшалинская вол.**	442	54	-	-	-	-	-	201
19	**Атеркская вол.**	176	41	2	-	-	-	-	136

Город Степанакерт по переписи 1924 г. (декабрь)

Город Степанакерт-областной центр Нагорного Карабаха – в момент объявления автономии в 1923 г представлял полуразрушенное селение, в котором едва было до 10-15 уцелевших строений. Некоторые здания были совершенно разрушены, другие не имели окон, дверей, от некоторых зданий сохранились только четыре стены и т. п.

В невероятно тяжелых условиях, ютясь по несколько семей в одной комнате, принялись деятели Нагорного Карабаха за восстановление разрушенного хозяйства и прежде всего за самый Степанакерт. В течение одного года Степанакерт стал неузнаваем: целый ряд зданий был восстановлен, многие были построены заново, улицы были замощены и выровнены, было проведено электричество, установлена телефонная связь с районами и т. п.

Одновременно с этим росло и число жителей Степанакерта. В момент объявления автономии в Степанакерте едва насчитывалось до 300 человек. Перепись населения, произведенная в декабре 1924 года обнаружила в Степанакерте 2467 человек. По полу они подразделяются: 1370 мужск. пола и 1097 женского. По возрасту: 565 человек до 10 лет. возраста и 1902 после 10л.

Рассмотрим состав населения по роду занятий и по социальному положению.

Прежде всего нужно отметить, что из всего населения Степанакерта к самодеятельному (т.е. экономически самостоятельному) населению нужно отнести 970 чел.: 831 мужского пола и 139 женского пола. Остальные принадлежат к малолетним (565 ч.), к подросткам от 10-14 л. (304 ч.) и только, собственно говоря, 529 чел. в возрасте от 15 и выше лет нужно отнести к несамодеятельному взрослому населению. Безработных зарегистрировано 36 человек, которых, как принято в статистике, следует прибавить к указанному выше числу самодеятельных.

Самодеятельное мужское население по социальному положению и роду занятий.

Служащие	238ч.	Военные	13ч.
Хозяева	181ч.	Лица своб. проф.	1ч.
Рабочие	139ч.	Помог. чл. семьи	29ч.
Прислуга	29ч.	Проч. занятия	203ч.
		Безработные	36ч.
		ВСЕГО	864ч.

Рассматривая подробнее некоторые группы вышеприведенной таблицы, находим:

Служащие составляют 28.64 % всего самодеятельного мужского населения. Наиболее значительные группы здесь: высшая администрация и суд – 64ч.; канцелярские служащие – 56 ч.; учетно-контрольный персонал – 32 ч.; служащие по охране безопасности – 26 ч.; школьные работники – 23ч.; хозяйственники 14 ч.;служащие нарсвязи 5ч. и т.п.

Хозяева составляют 21,07% всего самод. мужск. нас. Большая часть их ремесленники-80ч. Затем идут мелкие торговцы, в том числе и разносчики,-47 ч. Сельские хозяева-44ч.

Рабочие составляют 16,72 % самод. мужск. нас. Первое место по численности занимают строистели-28ч., затем сельскохоз. рабочие-17ч., печатники 10ч. и т.д. Большой процент падает на поденных рабочих, не имеюших определенной специальности,-35ч.

Последняя группа „Прочие занятия"-составляет 24,42 % нас. Эта группа почти целиком состоит из учащихся, живущих на стипендии, в интернатах, в детдомах.

Самодеятельное женское население по роду занятий и соц.пол.

Служащие	40ч.	Лица свобод.проф.	4 ч.
Хозяева	29	Помог. члены семьи	2
Прислуга	28	Прочие занятия	35
Рабочие	1		
		Всего	139

Группа служащих самая значительная по таблице состоит, главным образом, из учительниц-13 ч.:машинисток-11 ч.:сестер милосердия и сиделок-8ч. Последняя группа „Прочие занятия"-состоит исключительно из учащихся, находящихся в интернатах и на стипендии.

Объединяя группу служащих с рабочими, куда относим также прислугу (ибо большая часть лиц, обозначенных под этой категорией, является служащими в учреждениях-сторожами, курьерами, рассыльными и т.п.), мы находим, что 49,07% всего самодеятельного населения г. Степанакерта обоего пола, падает на эту группу служащих и рабочих (476ч.). Помимо них, значительный процент-24,53% составляют учащиеся обоего пола, находящиеся в интернате или получающие стипендию. Число их-235ч.

Следующая по численности группа-хозяева-21,65% (210ч.). Нужно подчеркнуть, что здесь главную массу составляют ремесленники, затем идут крестьяне и мелкие торговцы.

Таким образом, население г. Степанакерта характеризуется преобладанием служащего элемента. Из остальной части населения выделяется значительная группа учащейся молодежи. Остальная часть падает на ремесленников, крестьян и мелких торговцев.

М. Шагинян

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

1.СТРАНА, КОТОРУЮ НЕ ОТКРЫЛИ

Путник видит из окна бакинского поезда, начиная с Тифлиса, скучную плоскую страну, изнемогающую от духоты и безводья. Станции пропылены, сонны. Возле них вышки на сваях в два-три этажа, с наружными лестницами: здесь спят, спасаясь от комаров и москитов.

На одной из таких станций. Евлах,- не хуже и не лучше других,- вы сходите, чтобы пересесть в автомобиль. Плоский горизонт таит неожиданные сюрпризы: несколько часов езды, и вы попадете в страну, чье очарование напоминает сон или сказку, рассказанную в детстве. Пройдут годы, и весь этот край сделается, подобно Крыму, «всесоюзной здравницей», туристы понаедут сюда из отдаленных концов мира, кодаки защелкают, как пулеметы, их мирная стрельба вытеснит память о пулях и лужах крови; а сейчас - это только пустынный клочок земли, чьи особенности делают его необычайно плодотворным для ленинской национальной политики, потому что мудрость этой политики вскрывается как раз там, где было больше всего крови, натравливания, столкновений, неразрешимых узлов.

Нагорный Карабах страна армянская, с преобладающим армянским населением, крайне характерная для понимания недалекого от нее и схожего с ней Зангезура. Но своим географическим и экономическим лицом она обращена больше к Азербайджану. Туда скатываются ее дивные лесные нагорья, стремятся реки, бегут дороги, а по течению рек и по дорогам туда же ползут деревни и люди, неся с собою экономические интересы: торгуют, покупают, обменивают, приспособляются, отвечают на спрос, усваивают бытовые черты, связываются общими целями. Поэтому Нагорный Карабах после советизации отошел к Азербайджанской республике, а в 1923 году получил автономию и ныне называется АОНК - автономная область Нагорного Карабаха. И то, что раньше служило беде и разоренью, сейчас становится удобной средой для сближения двух народов. Нельзя не заметить, что здесь живет и работает какая-то «улучшенная» порода людей, улучшенная хотя бы еще только механически,- как утрясаются в одном мешке положенные туда разные предметы: уменье прятать свои углы, обтесываться, быть социально приемлемым, и перекрестное «мимикри», удвоение наиболее жизнеспособных и доказавших свою пользу внешних признаков. Это, конечно, не вывод, а только впечатление. Пока же читатель должен знать грустный мартиролог, предшествовавший в Нагорном Карабахе его теперешнему миру.

В эпоху националистического взрыва, ту самую, упоминание о которой набивает уже оскомину в речах, брошюрках и юбилейных фельетонах («дашнаки, мусаватисты и грузины меньшевики»), в эту эпоху через Карабах прошли огонь и железо-не фигурально, а буквально. Из общего числа 212 сел было стерто с лица земли 59. Четверть населения (37 000 душ) осталась без крова, 7000 хозяйств сожжено. Города превратились в пустыню. Степанакерт после 1920 года насчитывал уцелевшими 2-3 дома, в Шуши сожжена и превращена в развалины вся армянская часть. После безумных зверств и сплошного обнищания население как бы удержало у себя в памяти горький вкус стыда. Круговая порука забвения - никто ни о чем не напоминает, на прошлом поставлена точка, - и молчаливый упор в работе, страстная тяга к восстановлению. Тюрки и армяне, поставленные во главе маленького правительства, мудро держат курс на это забвение и в результате - стихийный подъем хозяйства, можно сказать, пустыми руками, потому что бюджет этой замечательной страны один из самых трагических в Союзе по своей ущемленности. В Степанакерте с 300 душ население увеличилось до 7000; дома растут, как грибы, строятся молочные фермы, агропункты, показательные участки, открываются разрушенные шелкомотальные фабрики, проделывается огромная

работа по изучению лесов - главного богатства Карабаха, произведено обследование богатых серебро-свинцовых; мехманинских рудников, разработка которых начнется с будущего года. Маленькая страна похожа на птицу, сидящую, подняв крылья: она еще сидит, но уже перед полетом.

Начиная с большого мусульманского села Агдам автомобиль катится в гору. До Агдама-типичная картина низменности: оросительные канавки, села, плоскокрышие дома, сады с тутовыми деревьями, по стволам которых пущены виноградные лозы, к большому ущербу и для туты и для винограда: привычка, которую никак не могут искоренить в местных садоводах агрономы.

Мягкий европейский дождь - они часты в Нагорном Карабахе, как где-нибудь в средней полосе Европы, Баварской Швейцарии, Тироле, Австрии, и так же скоро проходят, и так же меланхоличны и безгрозны. Надвинулись горы, круглые бархатные, ласковые, усеянные черными крапинками- бесчисленными кустиками. Встали живописные развалины крепости из красного массивного камня. Нагорный Карабах - феодальная область, дворянский кусочек Армении. Здесь сохранились старинные княжеские роды, меликства, поставлявшие для русской государственной службы полковников и генералов. Но эти мелики не похожи на мечтательных и гордых грузинских князей. Возвратился седоусый чин к себе в Карабах, снял николаевскую шинель, сам идет на гумно, на молотилку, а спит в таком же исконном карабахском «карадаме» (черной избе без окон, с отверстием для дымохода, как и его крестьяне, разве только построит и побелит его почище, по-генеральски. Такие княжески-крестьянские палаты хорошо сохранились в селении Чанахчи, у рода князей Шах-Назаровых.

Весь Карабах полон остатков своеобразнейшего средневекового уклада. Нет ущелья или речушки без своего монастыря. Эти - «ванки» иной раз безымянны (ванк по-армянски-монастырь), но непременно имеют легенду, восходящую к языческим первоистокам. На вершинах мягких гор, нежные контуры которых резко отличаются от обычных кавказских профилей, водятся священные рощи с могилами безвестных покойников, куда льется бесконечный поток странников, поклоняющихся по-римски «неведомому богу». Есть и весьма ведомый отголосок древнейшего язычества, каменный фаллус; бесплодные женщины проползают под ним, чтобы иметь ребенка. Горы, потоки, быстрые карабахские реки населены «духами». Есть места, где еще не ступал человек, и вы не найдете ни за какую цену проводника, чтоб подвести вас к нему; таково жуткое ущелье у истока реки Колотак, называющееся «Каранлых» (в переводе «полная тьма»); оба берега здесь почти срастаются над рекой каменными стенами и тянутся так до границ Курдистана, несколько верст.

Степанакерт, бывший штаб Ханкенды, а теперь столица Нагорного Карабаха,- в сущности курорт, и первоклассный. Воздух здесь, помимо обычной горной разреженности, необычайно мягок и живителен. Пробравшись вглубь страны, вы понимаете, почему это так: все карабахское нагорье занято «производством хорошего воздуха», И ваши легкие упруго растягиваются от него, прочищают все свои пропыленные уголки. Культура земли отражается на чистоте дыхания. Это особенно заметно в Европе, где воздух кажется дистиллированным. Но в Карабахе земля не культивирована, страна нища, перенаселена, разрушена. И все-таки это фабрика воздуха. Нежная линия гор волниста, как лучшая вентиляция. Снизу идет беспрерывная поставка кислорода, и какого! Весь Нагорный Карабах-сплошное лесничество, усеянное пастбищами. Правда, хвои нет, но лиственный лес дышит густыми испарениями, а в них вливаются запахи лугов, где трава по пояс, цветы рослы, как дети, и быстрые, шумные, свежие реки вентилируют и озонируют эти теплые благоухания внизу с той же равномерностью, с какой полукруги гор гонят воздух вверху. Получается картина беспрерывной воздушной продукции, сильно насыщенной и хорошо распределенной, под веселый, поющий, скороговорчатый шум бесчисленных карабахских речек.

Несмотря на уменьшение населения после резни и разрухи, его все-таки слишком много: 29 человек на один квадратный километр. Наделы ничтожны, сельское хозяйство нерентабельно. Крестьянин собирает 3,4 пуда, то есть значительно меньше годовой нормы, необходимой для пропитания. И даже этот скудный запас не обеспечен. Из-за отсутствия искусственного орошения, машин, правильных мер против вредителей, градобитной пушки и т. д. у крестьян зачастую бывает полная неурожайность. От града, дождя, болезней, вредителей в 1926 году погибли половина хлебов, половина сенокоса и весь виноград. Зайдите в карабахскую деревушку, попытайтесь купить что-нибудь: вам никто ничего не продаст. Даром вынесут лепешку тяжелого вкусного крестьянского хлеба, поделятся, может быть, последним, а за деньги вы ничего не получите. Деньги здесь не стоят хлеба, и даровая отдача прибыльней для души, чем тот кружок, что бездейственно упадет в карман, ни для чего не нужный. При такой нищете понятно угрожающее бегство крестьян из деревень на отхожие промысла. Карабахцы на месте дают самую дешевую рабочую силу, а в Азербайджане переполняют города.

В двух провинциях Карабаха-Хачене и Дизаке-бегство это принимает стихийный характер. Между тем как раз оба района могли бы дать излишку населения побочный заработок, организовав его в рабочую армию: Хачен богат лесами, имеющими промышленное будущее, а Дизак пригоден для шелководства. Путь промышленного развития страны ясен: могучая бесплатная энергия горных речек должна быть собрана и использована (гидростанции). Возле речек, создадутся многочисленные лесопильни. Возле лесопилен деревообделочные фабрики, фабрики гнутой мебели (бук), а отсюда лихорадочная застройка дивных карабахских нагорий дачками, деревянными домиками, начало курортного строительства. Бесплатная электрическая энергия, дешевый человеческий труд, обилие леса и исключительные курортные данные страны,- все это сочеталось и лежит рядом. Американец сказал бы с завистью: «Кое-что из перечисленного есть и у нас, в Скалистых горах, в лучших западных штатах: дивная природа, воздух, лес, даровая водная энергия; вот только нет самого главного, а без него трудно оживить страну, вывести ее из глуши и дичи».

Что же это за главное? Деньги? Но деньги у американцев не занимать-стать. Нет, он ответит другое, и ответ его прозвучит для нас неожиданностью: «Нет лишнего человека, нет дешевого человека, нет человека, который мог бы стать на работу».

Лишние люди, дешевые люди, люди, жаждущие стать на работу, переполняют Карабах. И это добро, лучшее добро, лежащее у нас под руками, мы никак не можем использовать, уберечь, сохранить: оно разбегается, как ртуть, расходится армией каменщиков по всей Армении, терпеливо гнет спину под кладью в бакинских мушах, идет на промысла, на фабрики, на заводы Азербайджана.

Как бы не случилось с Нагорным Карабахом, как с татарином во сне: есть ложка-нет киселя, а добудет кисель - и не окажется ложки. Не пришлось бы ему гнаться за рабсилой и ввозить ее из соседних стран за огромные деньги (как это случилось с Зангезуром), когда заработают, наконец, его фабрики и заводы! Допустить до этого одну из красивейших в мире и богатейших по своим данным стран было бы нерасчетливо и недальновидно. Надо дать ей возможность усилить восстановительный процесс и вывести ее бюджет из комической беспомощности, чтоб она могла, не откладывая на завтра, построить тертерскую гидростанцию, открыть лесопильни и начать разработку мехманинских рудников, приостановив этим стихийное бегство населения.

2. *Главные промыслы*

Тутовое дерево - это своего рода коза растительного царства. Оно неприхотливо, выгодно, не требует ухода, хорошо переносит перемены погоды, растет без заборов, на воле. Пользу приносит и листьями, и плодом.

В Нагорном Карабахе тутовое дерево внизу, у речных долин,- главное слагаемое пейзажа. Проезжаешь неогороженными садами, где красивое дерево посажено не густо, осеняет большое пространство, стоит на крепком, кряжистом стволе, сучковатом у кроны, и роняет вниз бесчисленную белую ягоду, мягкую, хрупкую, сочную, как слеза, истекающую сладостью. А в воздухе стоит острый, слегка гнилой запах, к которому вы постепенно привыкаете: он идет от больших бочек, доверху наполненных тутой. В бочках происходит естественное брожение; вот отчего эти сады, да и все карабахские деревни так тяжело и остро пахнут хмелем. Неподалеку от бочек -каменная печь, куб, змеевик. Здесь дух становится еще острее.

Из туты карабахские деревушки гонят знаменитую тутовую водку в шестьдесят градусов крепости. На цвет она желтовата, на вкус... впрочем, вкус мне так и не довелось узнать, потому что, лизнув ее, я обожгла себе язык! А карабахцы пьют и хвалят, пьют натощак с самого утра, уверяя, что хорошо от малярии.

Тутовая водка - один из промыслов; другой, важнейший,- шелковичные коконы. Ни одна модница не знает, как просто и безыскусно делается красивейшая ткань в мире - шелк. Лучшие вещи берется мастерить сама природа; это она перерабатывает цветочный сок в мед и она же делает переваренный листик тончайшей шелковой нитью; человеку остается только доесть и доделать!

К сожалению, шелковый промысел в Карабахе развивается очень слабо. Он возник «сверху вниз» - от движения денежных щупальцев, а не «снизу вверх» - от избытка сырья. Особенность Карабаха-избыток дешевой рабочей силы - давно привлекала капиталистов. Сюда стали бросаться «лишние деньги» ради заранее обеспеченного барыша. Страна покрылась множеством мелких шелкомотальных фабрик. Сырья перестало хватать. Тогда хозяева принялись закупать сырье на стороне, и дешевка рабочих рук была так велика, что даже работа на переплаченном сырье давала барыш. Так было до революции. Сейчас эти фабрики частью разрушены, частью остановлены. Некоторые, впрочем, приведены в порядок и сданы государством в аренду прежним мелким хозяевам. Но главное, что могло бы поднять шелководство в стране, покрытие всех речных долин и годных для этого мест тутовыми насаждениями и организованное снабжение населения греной, как раз и не делается. Поэтому шелководство пока не имеет и не может иметь развития; естественным тормозом для него станет нехватка сырья.

Между тем природные условия Карабаха, его климат и густота населения могли бы сделать из него нечто вроде маленького Китая или бельгийской провинции - превратить всю страну в образцовое производство шелка. Для этого надо прежде всего обеспечить страну собственным сырьем. Сейчас шелководство стоит здесь на самой первоначальной ступени кустарничества. Грену (личинки шелковичных червей) получают «на руки» (в Карабахе в ходу привозная грена - белая, багдадская, и желтая, итальянская). До 70 деревень занято выкармливанием червя, но только несколько деревень, не больше десятка, выкармливают свыше 50 коробок грены. Выкормить грену - дело нехитрое. Ее мажут на доску, и в мае она вылеживается, а когда из личинок вылупляются червячки, их начинают усиленно кормить тутовыми листьями. Все это проделывают у себя дома; черви не расползаются, а держатся скопом и пожирают огромное количество зелени. Потом, отъевшись, они закуконивaются в хорошенькие медальоны, похожие на восьмерки. Их высушивают на пару; червячок умирает, а кокон делается легким. В таком виде он готов к пряденью. Шелкомотальная фабрика в

высшей степени проста. Возле станка - корытце с кипятком, туда ссыпают сухие коконы, и работница метелочкой собирает с них шелковинки. Потом начинается пряденье: несколько шелковинок сматываются в одну и втягиваются станком; так и ползут они ровными крепкими рядами с коконов на катушку и не рвутся. Пряха то и дело опускает пальцы в кипяток[1], перебирает коконы, подхватывает нитку. За ее спиной вертящееся мотовило принимает смотанную пряжу на свои ребра и накручивает ее в ровные мотки. Так готовится блестящая тонкая нить натурального желтого и белого цвета, не столько человеком и его машинами, сколько червяком и его желудком. Кто знает трудные и сложные операции подготовки хлопка и шерсти к пряденью, тому шелкопряденье кажется чем-то детски легким, и невольно рождается мысль: а не станет ли когда-нибудь шелк самой дешевой тканью и не вытеснит ли он все остальные?

До войны в Нагорном Карабахе ежегодно разматывалось до 35 000 пудов сухих коконов, и пряжи вывозилось на 2 миллиона рублей, и это несмотря на то, что своего сырья имелось не больше восьмой части потребного количества. Итальянская фирма Чиче, одна из первых вступившая с нами в деловые сношения, отлично учла возможность шелководства в Карабахе: еще недавно она открыла в Гадруте гренажную станцию, но почин ее остался бесплодным и заглох.

Почему? Стереотипный ответ - «нет денег: возьмешься за одно, за другое, и все приходится останавливать за отсутствием у государства средств», - этот ответ, разумеется, справедлив, но он далеко не исчерпывает вопроса. Конечно, нужны деньги. Но нужно и еще одно: заинтересованность крестьянского населения в деле. При недостаточности сельского хозяйства для пропитания, ужасающей нужде, отсутствии прожиточного минимума, крестьянин, естественно, должен хвататься за всякий подсобный промысел. Между тем, что мы видим? Выгодно выращивать червя, а крестьянство понижает спрос на грену. Выгодно сеять хлопок, а крестьянство в Карабахе отказывается сеять хлопок. Что это значит? Это значит, что мы лишний раз обернулись к мужичку лицом, а лицо у нас - известно какое: «с выраженьем». Не угодно ли на него полюбоваться: когда надо было получить у крестьян хлопок, наши госучреждения тянули-тянули, водили-водили и дотянули до того, что хлопок залежался и перепрел: в итоге крестьянство понесло огромные убытки. Не лучше вышло и с коконами: их опять-таки удосужились принять у крестьян с таким опозданием, что крестьяне, во избежание порчи коконов, должны были их высушить, а госорганы заплатили им за них, как за сырые, хотя сухие коконы стоят втрое дороже сырых. Поворачиваться подобным лицом к мужику вряд ли уместно; получится нечто вроде турникета: мы к нему передом, а он к нам задом.

В ходу у крестьян ковровый промысел,- говорят, сильно попорченный проникновением в деревню анилиновых красок. Государство с этим борется и ковры, крашеные анилиновыми красками, у кустарей не принимает. Впрочем, мне думается, это зло не так распространено: я объехала много деревень и всюду видела сушившуюся пряжу, крашеную растительными красками: красной - из особого корня, желтой - из молочая, черной - из чабреца: так и легче и пока для крестьянина дешевле.

Карабахские ковры («паласы»-дорожки, тканые при помощи челнока, и собственно ковры, вышитые иголкой, со срезаемой после узелка ниткой для ворсу) очень ценятся и могут быть хорошим экспортным товаром. Палас делается быстро, крестьянка работает над ним день - два. Это практическая пестрая дорожка, повсюду в хозяйстве нужная: она идет и на лошадь, и на тахту, и на стены, и на стол. Ковер берет с месяц, а то и больше.

---

[1] *С течением времени она привыкает к очень высокой температуре воды. Я попыталась опустить палец в одно из таких корытец и тотчас же обожглась*

Подобно персидским, карабахские ковры вышиваются по старинным образцам, с рисунками: лошадками, собачками, портретами, надписями. Но вместо тонкости и филигранности персидского ковра и его изумительной тусклой гаммы, карабахские ковры бросают вызов кричащей жизнерадостностью красок, наивным лубком, первобытной прелестью детских, почти футуристических концепций: это ковры-варвары, ковры-гротески. Но от них весело, и лучшие из них покорили бы утомленную Европу. Лошадка вообще излюбленный карабахский мотив. Он хорош на коврах и он попадается на концах сточных труб или на углах балкона, в виде скачущего железного конька.

То, что выделывается крестьянами из дерева: люльки, маслобойки, прялки и т. д., не может в строгом смысле назваться промыслом. Оно идет не дальше своего дома или дома соседа, почти не поступая на рынок. То же можно сказать и о посуде.

Ценных месторождений в Карабахе немало, промышленное значение выяснено пока только для одного: мехманинского серебро-свинцового рудника. Он разрабатывался и раньше, возле него есть греческое поселение, и греки-рабочие имеют «квалификацию» и даже инструменты, ждут не дождутся, когда рудник снова оживет. Но до сих пор он разрабатывался на серебро, а недавно в нем был выяснен огромный процент цинка, и это имеет важное, общесоюзное значение, так как в цинке у нас острая нужда, и мы его ввозим. Нет сомнения, что будущее у мехманинского рудника обеспечено, и там возникнет и плавильный завод. Но пока об этом только мечтают докладчики, да, пожалуй, греки - крестьяне.

Разрабатывают же в Нагорном Карабахе лишь жерновой камень. Высоко в горах, возле селения Ванклу отбивают и выделывают его в зимнее, свободное от полевых работ время, и рабочие получают сдельно: по 2 жернова за работу.

Вот, пожалуй, и полная картина карабахской промышленности, если не считать ректификационных (спиртных) заводов.

Но главное богатство Карабаха - лес, стоит того, чтоб поговорить о нем отдельно.

3. *Лесное богатство*

Mein Herz ist im Hochland
Mein Herz ist nicht hier,
Mein Herz ist im Hochland,
Im waldgen Revier[1].

Тирольская песенка
про лесничего.

Европа хорошо знает нагорные лиственные леса и поет о них. Да и мы знаем поэзию Тюрингии, Шварцвальда, Аргонны из переводной литературы, знаем лучше, чем собственные края. Лесничий-любимая фигура немецких романистов. Песенки о женихе-лесничем поются во всех углах Европы-швейцарками, немками, тирольками, эльзасками. Но если вдуматься, как непоучительна, обща и бессодержательна эта литература! Что узнаем мы, в конце концов, из бесчисленных романов о лесе и лесничем? Единственное точное знание - о браконьерах и о том, как лесничий их ловит. Отсюда вывод: лес - собственность, браконьеры - воры, лесничий - сторож. Главным поучением, извлекаемым из множества европейских романов, и будет это упорное, на тысячу ладов, вколачивание в читателя догмата собственности.

На самом же деле лес - это жизнь страны, ее легкие. Дыхательный процесс земли совершается через леса. От них зависит климат, ими живут реки; они сберегают влагу, определяя собой урожайность земли. Вырубить лес - обречь страну на умирание. Но и оставить его на произвол времени тоже нельзя. И лес живет жизнью человечества - имеет

[1] *Мое сердце в нагорьи, Мое сердце в нагорьи,*
Мое сердце не здесь, В лесной стороне.

мертвецов, стариков, молодняк. Поколение сменяется в нем поколением, мертвецы должны быть похоронены, молодняку очищено место. В необходимости периодической частичной вырубки, правила которой изучены и узаконены, и заключается промышленное значение леса.

Мы в России знаем главным образом хвойные леса.

Но сейчас по всем углам нашего Союза происходит великая опись советского имущества. Куда, в какие бы дебри вы ни попали, вы обязательно наткнетесь на экспедицию, комиссию, экскурсию или еще что-нибудь в этом иностранно-звучащем роде, наткнетесь на русскую рыжую бородку клинушком, очки над голубым глазом, измерительные палки, трубы, чертежи, бинокли, ящики, непременного ленинградца (всюду ленинградцы!), и узнаете новую подробность о земле советской, об ее червях, полевых злаках, рыбах, птицах, климате, ископаемых, во всех трех ее этажах, от неба до недр. Именно сейчас открывается нам и новое богатство Союза - лиственный карабахский лес, занимающий около полутораста тысяч квадратных десятин[1] и по своей красоте и промышленному значению не уступающий воспетым лесам Тюрингии и Бадена.

В четырех областях Карабаха - Хачене, Варанде, Джераберте, Дизаке - имеются три лесничества с 10 лесными дачами. Во время резни и безвластия крестьяне жестоко вырубали лес, пользуясь отсутствием всякой охраны, не только на топливо, а главным образом на пастбища для скота, опустошая при этом огромные участки. Так погибло за короткое время 15-20% лесов. Сейчас расхищению положен предел. Восстановлена зеленая лесная армия: начальник лесов -«старший лесничий» - и объездчики, отчаянные люди на отчаянных карабахских лошадках, с револьверами за поясом. Но все же объездчиков мало (наполовину меньше, чем в довоенное время), и, разумеется, они не в силах уследить за крестьянами. Главная беда карабахских лесов - общая беда всего Закавказья: отсутствие колесных дорог. Трудно представить, по каким тропам пробирается путник сквозь гущу этих нагорий.

В течение нескольких часов мы мчались по луговым дорогам, мимо пастбищ, исходящих нагретою сладостью клевера, под солнцем, не слишком жарким, зелеными бесконечными пространствами, в которых терялся звон коровьего колокольчика, да посвист объездчиков, скакавших по-тюркски, сидя вполоборота. Нетерпенью моему конца не было: где же лес? И вот, совсем неожиданно, за двумя легкими поворотами, нас охватила тишина и густота черного леса. Тотчас же дорога сузилась в тропку, умная лошадь пошла шагом. Глаз стал глядеть, как сквозь водяные заросли, все погрузилось в прозрачные зеленые сумерки.

Особенность горного леса-фееричность и разнообразие открывающихся панорам. Тропа идет то вверх, то вниз, бесчисленными зигзагами; лошадь проваливается по колено в жидкую черную грязь. Шумя пролетают мимо нас невидимые горные потоки. Птица не поет, не свистит насекомое; дубы в три обхвата: клен, карагач, ясень, между ними - как нечистая сила из Вия; колючки, шиповник, ежевика, кизил - сплошной чащей, и вы слепнете, продираясь впотьмах, прикрываете глаз, нагибаете голову, припадаете к лошадиной шее то справа, то слева, чтоб спастись от ветки, как вдруг волна ослепительного света, солнце, трескотня кузнечика...

Вы выбрались на полянку. С обеих сторон кручи в кудрявых локонах леса. Над ними причудливые каменные выступы: горы увенчиваются скалистым гребнем. Внизу серебристая чешуя реки. Дальше луга, квадратики посевов, сенокос под самыми вашими ногами; терпеливый осел или мул, ожидающий себе на спину огромной клади из сена; загорелый, как бронза, крестьянин, собирающий охапки за 20 верст от своей деревни, а где-нибудь еще за двадцать он будет жать пшеницу. Но... две минуты - и виденье исчезает; разве успеете сорвать и

[1] *140 тысяч квадратных десятин под лесом, из коих 104 885 квадратных десятин удобной площади*

отправить себе в рот черную крупную ягоду ежевики, приятную по кислоте и терпкости: две-три ягоды могут утолить лютую жажду.

Лошадь опять вступила в тишину и тень. На этот раз вы проезжаете буковой рощей.

У бука серебристый гладкий ствол, уходящий в небо. Под ним все становится серебристо-серым, повитым пухом. Трава, кустарники, земля сереют и затуманиваются. Вдалеке встают призраки-седобородые старцы, мертвецы в саванах, кивают, никнут... Гете думал, должно быть, о буковом лесе, когда писал «Лесного царя».

Но вот лошадь фыркает, сгоняя с ноздрей мух, и серебристый туман остается позади. Мы опять на полянке, тысячи прелых запахов, вытянутых солнцем, бросаются вам в ноздри, а вместе с ними встают тысячи живых звуков. Дятел выстукивает, мошки жужжат, ящерицы шуршат; а над вами, в открывшейся синеве неба, огромными плавными кругами, забирая высоту, кружит орел. Их здесь много, и повыше, в Лысогорске, я видела одного совсем близко: сидел на краю дороги, на скале, смотрел спокойным недобрым глазом, потом шевельнулся и нехотя отлетел с изумительным, почти прописным величием: царь-птица.

Объездчик рвет лист, трет его между пальцами, нюхает. Мясистый лист пахнет приятно: мы въезжаем в чащу грецких орехов. Эти берут своей кроной: раскидистая, ветвистая, тяжелая, с веероподобными лапками листьев, отяжеленных зеленым крепким яйцом - молодым орехом в своем панцире. Грецкий орех в Карабахе высокого сорта. Он не так нежен и ломок, как крымский, который можно ломать руками, но зато гораздо сочнее и жирнее.

За мощным рядом орехов нам открывается живописная дикая груша, яблонька, алыча, кизил. Плодовых деревьев множество. Был сделан опыт прививки им хороших черенков, и результаты получились прекрасные: дерево дает садовые плоды, а привычки и вкусы сохранило прежние - ни ходить за ним, ни поить его,- живет, как жило раньше. В Закавказье таких дичков бесчисленное множество. Трудно представить себе всю выгоду превращения их в культурные плодовые деревья, не нуждающиеся в искусственной поливке.

Лес тянется бесконечно от нагорья к нагорью. Можно ехать и день, и два, и три, и все же не выехать из него. Но мы держим путь на деревню Колатак, центр лесной Саксаганской дачи. Она расположена не хуже самого живописного курорта, над ущельем быстрой колатакской речушки, зеленой, как все лесные реки. А прямо перед ней зеленые зубцы гор, с высочайшей точкой - Саксаганской скалой, лежащей как каменная корона или искусственно сделанный бастион. С этой скалой-крепостью связана легенда, а может и быль, об армянах, спасавшихся в ней от персидской осады: они перемерли с голоду и их поклевали вороны, от чего скала и называется «Вороньей» (саксаган).

Не успели слезть с лошадей, хрустнуть костями, потереть коленки, затекшие от десятичасового пути, а уже неожиданная встреча и опять с ленинградцами: лесоустроительная комиссия в составе трех студентов Лесного института с женами. В нищей деревушке, где едва можно достать молоко, они кой-как устроились, обжились, работают, питаются изо дня в день козлятами, которых хозяин, по обычаю, приводит живыми, дает пощупать и тут же, перед покупателем, режет. А работа живая и важная: «устройство леса». Устроить лес, значит узнать его в целом, изучить, как комплекс.

Лес - живой коллектив, в его массе наблюдается своя закономерность. Ведь и дерево, чтобы расти рядом с другим, должно, как человек, быть социально воспитанным: не утеснять другого, занимать свое место, не загораживать солнца. Из этой естественной «социабельности» вытекают законы так называемой «полноты леса», т. е. густоты расположения деревьев друг от друга. Она исчисляется в долях: например для Саксаганской дачи полнота равна 0,6-0,8 на десятину. Но это еще далеко не все. Нужно определить запас деревьев на десятину, процентное соотношение дровяного леса, строевого леса, поделочного леса (высокие сорта), потом определение возраста леса, соотношения стариков, взрослых, молодежи, изучение почвы, дорог,

наконец, перечень лесных пород и количества каждой из них. Узнанный таким образом лес предстает перед нами, как нечто, подобное человеческому обществу. Вы точно высчитываете, чем, когда и насколько он может быть вам полезен, успешно проводите «мобилизацию» части леса на вырубку, создаете «охрану младенчества», запрещая губить молодняк, которым крестьяне сплошь да рядом питают свой скот, выгоняя его в лес. Вы вычислили оборот лесного хозяйства (восемьдесят лет) и можете стать мудрым правителем лесного коллектива, пользуясь всеми его дарами и, в то же время, давая ему постоянно восстанавливаться и не умирать.

Разумеется, до такого полного изучения, полного использования и разумной охраны карабахскому лесу еще далеко. Но основное мы знаем: лес имеет будущее[1]. В нем высокие сорта поделочного материала; большой запас дуба, бука, ясени, липы, граба, бадана (кустарника, из листьев которого добывается дубильное вещество); наконец, в нем имеется драгоценный тисс (taxus baccata), который крестьяне употребляют чуть ли не на колья и который мог бы стать экспортным товаром. Европейские леса оживлены, как детская книжка с картинками: через каждую просеку-лесопилка, фабрика, санатория; на реках мельницы, электростанции, сплавы. Такой книжкой с картинками раскроется в будущем и Карабахское нагорье. Пока же ему нужны: дороги, дороги, еще раз дороги ... и увеличение штата объездчиков, чтоб охрана леса сделалась не только реальностью, но и наукой для карабахских крестьян.

4. *Золотая масть*

Не женися, молодец, Слушайся меня!
На те деньги, молодец, Ты купи коня.
Лермонтов.

«Сколько интересных лошадей я узнал в путешествии!»-фраза эта вырвалась у одного кооператора, посланного в командировку. Она вызвала хохот. Хохотала, признаться, и я.

А сейчас, спустя много недель сойдя с седла и с сожаленьем стянув с себя мужские рейтузы, я вдруг вспомнила эту фразу. Не все люди, встреченные в пути, запомнились. Не обо всех стоило помнить. Но лошади сохранились в памяти все - умные и глупые, хорошие и плохие. И прежде чем рассказать о жемчужине Карабаха-золотистой лошади, мне хочется помянуть здесь и этих безымянных моих спутников, верных товарищей по утомительным горным тропам, в туманах и холоде перевалов, под ядовитым солнцем Кафана, в непролазной грязи карабахских лесов...

Умейте перед дальним путем выбрать коня! Если вы едете ночью (как приходилось мне сплошь да рядом, чтоб избежать непереносной жары), возьмите иноходца. У него спокойный и не тряский ход, смена простого шага на беглый не резка и почти незаметна. Вы можете дремать на нем, не боясь свалиться и быть подброшенным. Но настоящий ездок для дневного пути предпочтет рысистую лошадку.

Рысистый конь-провокатор. Шаг у него короток, отстает от иноходца, мелкая рысь часто несносна и неритмична, поневоле гони его, сменяя галоп на карьер, карьер на галоп. И тут вы попадаете ему в такт, срастаетесь с седлом, подбрасываете собственное сердце с лошадиными копытами, мчитесь, мчитесь.

Иная лошадь сразу разберет, кто вы такой, и начинает относиться к вам, как няня к ребенку. Хочется тебе ехать первым, нарушая принятый порядок - хорошо, умная лошадь снисходительно обгонит вожака отряда и для виду потрусит впереди, деликатно отставая и

[1] *Годичная лесосека в Нагорном Карабахе дает 11 500 куб.* саж., *из коих 4600 куб. саж. строевого и поделочного и 6900 куб. саж. дровяного леса. В Челдаринской лесной даче огромные участки чистого дуба и бука спелых насаждений. Был сделан опыт посадки боржомской сосны, и она отлично привилась. При всем том - нет дорог, нет лесопилен, нет деревообделочных фабрик: нет ни одной фабрики гнутой мебели, страшная отдаленность от рынков*

понемножку возвращаясь на свое место. Но чаще лошадь самолюбива и обидчива, идет наперекор, куснет вас за стремя, если чересчур надоедаете.

Быстрая серая полукровка, на которой я ездила в Карабахе, питала необыкновенную страсть к колючкам. Где увидит жирный репейник, там непременно покосится на меня: можно? и чуть я ослаблю повод, не останавливаясь, откусит его и держит в губе, у самого края, про запас. С чисто женской хозяйственностью, она никогда сразу не ела, а набирала себе в губу множество всякого репья и только потом, во время остановок, со вкусом жевала его, точно шоколад.

Иногда лошади начинают хвастать друг перед другом седоками. Милиционер, спешившись, мыл в воде жеребца. Моя кобылка настойчиво покосилась на меня и, когда я соскочила, гордо подошла к речке, стала повыше (каждая лошадь норовит стать повыше против течения, особенно когда пьет) и хвастливо зафыркала. Пришлось набрать воды в пригоршню и обливать ее под брюхом, как делал милиционер. Она не устала и не вспотела, но ей захотелось из самолюбия - и зря захотелось, потому что жеребец был глуп и не обратил на это никакого внимания.

Большой рыжий конь на дальней кочевке сам учил меня стреножить его, сам раскрывал зубы для уздечки, мотал головой, влезая в поводья, и хохотал надо мной, поднимая десны над желтыми зубами, хохотал так, что и я начинала хохотать. Конь был по темпераменту учительского звания и подо мной он шел превосходно, а под мужчинами бесился и нервничал: ему нравилось, что он знает больше меня, и что я его за это ценю.

Но уважать вас и признавать вашу волю лошадь начинает лишь после того, как проверит, пустой вы человек или солидный. Пустой человек, сойдя с лошади, разомнет себе ноги, покряхтит и норовит прямо в дом, чай пить. Солидный человек слезает не спеша, перекинет лошади поводья через голову, оборотится вокруг, где стойло, и ведет лошадь к стойлу; там он ее привяжет, сбросит седло, исчезнет, а через минуту, глядь, несет в стойло охапку сена или ячменя в решете, и успокоенная лошадь, двигая ушами, начнет медленно работать челюстями: у такого хозяина не пропадешь!

Нежнее всего я запомнила бедную лошадь Ивана Газарова, чекиста и красного партизана. Иван Газаров, красавец, с огромным маузером у пояса, все свои документы показал мне, в виде доказательства. А познакомилась я с ним в каравансарае, среди спящих ослов и верблюдов, у чайного стола, где сидело много погонщиков, кочевников, торговцев, мусульман-паломников, словом, странствующей публики. Мне надо было нанять лошадь до Нахичевани-на-Араксе, т.е. из армянского уезда до персидской границы, два дня верхового пути. Иван Газаров привез почту и возвращался порожняком. Он сторговался со мной на пятнадцати целковых - дешевая цена за двое суток. Она оказалась тем более дешевой, что маузерист Иван Газаров привел красивых лошадей и сдобрил путь необыкновенными рассказами. Расстелив на ладони благодарственную грамоту от Чеки за то, что был «организатором мнимой разбойничьей банды для поимки белогвардейской банды в составе семи человек, что и выполнил удовлетворительно и успешно», он весело передал мне как было дело.

В горах у нас грабили семь человек бандитов. Чека вызывает меня и говорит: «Иван Газаров, надо организовать поимку». Я отвечаю: «Надо создать собственную банду!». Разрешили. Набрал товарищей и ушел в горы. Пришлось три месяца пограбить для виду. Нападали, людей морочили. Наконец, дошел слух до белых бандитов, присылают человека - идти к ним на соединенье. Пошли. Еще две недели вместе поработали. На третью - напились. Я говорю: «Давай поборемся кто сильнее». Они говорят: «Давай». Я начал бороться, да из пулемета четверых уложил, а троих после поймали. Вот эту самую лошадь я тогда у них

отбил. Разбойничья лошадь - начальникова. Три года исполкому служила, а сейчас, как постарела, дешево продали, я у них и купил.

Подо мной была именно эта лошадь. Я ее выбрала за красоту, а потом раскаялась: ход у нее был неровный, то и дело спотыкалась, а как спотыкнется - вздрагивала и рвалась вперед, точно ее хлестнули в зубы. И только сидя я заметила подробность: грива у нее с проседью, длинная, расчесанная, как волосы у старой женщины; до этого дня я совсем не знала, что лошади седеют подобно людям.

Старуха, на один глаз слепа,- оттого и спотыкается. Ударишь, как споткнется, чтоб не падала, вот она и привыкла ждать удара. Поезжу на ней, а потом мусульманам на убой продам!

Лошадь точно поняла. Вытянула седеющую голову, спотыкнулась, судорожно дернулась,- и вдруг повернулась ко мне. Я увидела два глаза: один прямой, спокойный, невидящий, другой зрячий, полный ума, памяти, укора. Глаз говорил: «Запомни: и ты постареешь, и каждый постареет».

Но я чересчур отдалилась от моей темы...

Коневодство было всегда любимым делом Карабаха и не только потому, что здесь были шесть главных феодальных армянских меликств, а и от близкого соседства мусульман и от беспрерывного потока кочевников. Путем долгой культуры коня Нагорному Карабаху удалось создать изумительного метиса, в котором была кровь белого арабского производителя, вывезенного из лучшей конюшни Багдада. Об этом метисе ходила слава далеко за пределами Закавказья. Слово «Карабах» в России вызывало вовсе не географическое представление, а образ необыкновенно красивого и породистого скакуна. Но карабахские кони не вышли на большую арену, не стали добычей военных ведомств и не прославились на мировых скачках просто потому, что хозяева дорожили ими, как женами (восточное отношение к коням и женщинам!) и предпочитали, чтоб о них вовсе не говорили, чем говорили много. Кони их были наперечет, производство носило замкнутый характер. И все же драгоценная кровь просачивалась в лошадиную массу, скакуны оплодотворяли чужих кобыл, начиналось облагорожение всей местной породы. Это можно наблюдать и сейчас по червонному блеску лошадиных крупов в какой-нибудь далекой деревеньке: хоть капля метисовой крови да брызнула в них.

Карабахского метиса нельзя смешать ни с каким другим благодаря его особенности: червонному блеску. Это не гнедая масть длинноногого англичанина, лошади, вытянутой под стать англо-саксонской расе и так и созданной для лошадиного туберкулеза, поджарых мисс в амазонках и фланелевых ножных бинтиков над копытами: слишком стильная лошадь, чтобы не быть скучной. Ни один настоящий горец не позарится на нее. Это и не гнедая русская масть военного ведомства. Разницу определить трудно, но попытаюсь.

Гнедые кони, английские и русские, имеют ту особенность масти, что у них коричневая краска лежит на черном фоне, иначе сказать, кожа темная, а шерсть на ней светлая. Поэтому масть их имеет поверхностную, внешнюю окраску, и стоит такую лошадь облить водой или ввести в речку, как она тотчас же потемнеет. Она вообще легко темнеет-от пота, пыли, усталости.

Совершенно не то золотая карабахская масть. Если вы ее выкупаете, она засияет, как золотое кольцо, брошенное в воду. Золотом отливает не шерсть, а цвет ее кожи, и потому она кажется не поверхностно, а изнутри окрашенной блеском, она светится золотом, наливается им; и благодаря изумительной тонкости этой кожи, обтягивающей ее мускулы, как лайковая перчатка, карабахская лошадь брызжет золотом, бегает в золоте, словно в чешуе.

Но где же теперь эта лошадь?

Коневодство в Карабахе падало с вымиранием армянских меликов. Война окончательно подорвала его, революция разрушила. Когда же пришла советская власть, и Нагорный Карабах вспомнил о драгоценной золотой масти, - оказалось, что масть исчезла.

Во главе карабахского наркомзема стоит мужественный и упрямый человек, тов. Арзоян. Он известен тем, что сумел без единой копейки оборудовать и поставить на ноги не только свой комиссариат (не имевший ко дню его образования даже собственного стола), но и сельскую культуру страны. Сейчас в Степанакерте есть показательный агропункт, (в Лысогорске строится альпийская ферма, открыты при маслобойных и сыроваренных артели, сыроваренный завод, ветеринарные пункты для осмотра кочевого скота, лесные питомники и много другого. Тов. Арзоян не захотел примириться со смертью золотой масти. С великим трудом были отысканы три карабахских жеребца и четыре кобылы, открыт случной пункт. Но изменились времена, изменились и методы. Вместо «благородных дам», двести крестьянских кобылиц были покрыты карабахским производителем и получили охранные грамоты: освобождены от всех повинностей.

Ко времени моего приезда в Карабах маленький конный завод уже расширился и имел несколько чистокровок. Он был послан «на дачу» - на летнее кочевье. А в агропункте, куда мы пошли с предсовнаркома, тов. Каракозовым, была в это время новая жемчужина, случайно найденная у помещика и только что купленная за полторы тысячи: чистейшая карабахская лошадь.

Тюрок огромного роста, мрачный, с изрытым оспой лицом и засученными рукавами вышел нам навстречу. Узнав, что нам нужно, он улыбнулся, оспинки побежали во все стороны, и лицо стало детским. Через несколько минут он снова вышел, ведя за собой на узде... Но разглядеть мы не успели. В глаза вам сверкнуло яркое золото, точно кто-то вырвал из клинка золотой меч и взмахнул им в воздухе. Мощное молодое ржанье, всплеск копыт о камни, веером вставший, волосок от волоска, выхоленный длинный хвост, - животное скакнуло в воздух, вырывая узду, сперва задними ногами вверх, головой вниз, потом присев на задние ноги и передними вверх. Женщины вскрикнули и, подхватив детей, разбежались. У мужчин вырвался крик восторга. Тюрок с налившимися на руках, твердыми, как веревки, мускулами, боролся с конем, натягивая узду, прыгая вслед за прыжками лошади. И вдруг, пробежав, как молния, по полукругу, лошадь играючи подняла десны, сверкнула зубами, опять молодо заржала и остановилась - как балерина, в опадающем веянии золотого хвоста и гривы. Она так и стоит передо мной в памяти. Маленькая узкая голова с надменным взглядом, прямая шея, выпуклые ноздри, легкие, пропорциональные стати с играющими под тонкой кожей мускулами. От ушей до кончика хвоста-арабская лошадь, но смягченная и более гибкая, и вся налитая горящим золотом. Благо тому, кто на нее сядет!

И тюрок, и мы замерли на минуту от восхищенья. А потом, как по уговору, переглянулись. И у каждого из нас (мелькнула одна и та же мысль: почему бы нашей кавалерии - говорят, лучшей в мире-не получить и эту лошадь, лучшую в мире? Поработать над возрождением и разведением этой легкой, гибкой, быстрой и выносливой, благородной золотой породы-вот благодарнейшая задача не для одного только карабахского наркомзема!

5. *Чумный вопрос*

Кто поездил по отдаленнейшим углам Азербайджана и Армении, прочитал множество докладов наркомземов и наговорился всласть с крестьянами и агрономами, знает, что острее всего в Закавказье обстоит дело с чумным вопросом.

Чума беспрерывно губит главное крестьянское добро-скот, и борьба с ней до сих пор не может вылиться ни во что радикальное, а носит хотя и героический, но по существу паллиативный характер.

Возьмем цифры. В 1925 году от чумы в Нагорном Карабахе пало 3 678 голов (на общее количество крупного скота в 42 с лишним тысячи). За два летних месяца 1926 года погибло больше половины всего количества свиней. Из выписанных из-за границы десяти швицеров-производителей девять пало от сибирской язвы. Птицы гибнут десятками тысяч от холеры (главным образом куры). В двух областях, Дизаке и Варанде, сибирская язва угнездилась и стала постоянным явлением.

Не лучше обстоит дело в соседнем с Нагорным Карабахом Зангезуре. Там за лето 1926 года пало 2 576 голов, и падеж еще продолжается. Нетрудно высчитать, что при таком проценте через несколько лет Закавказье потеряет весь скот.

Спрашивается, как же было раньше и почему до сих пор скот не вымер?

Царская власть пришла в Закавказье военным оккупантом. Она его победила силой оружия и должна была сохранить силой оружия. Для этого пускались в ход мирные и военные меры; мирные построены были на раздроблении кавказских народностей, взаимном натравливании, внедрении в их среду «русских колонистов», а военные заключались в проведении дорог, постоянной оккупации, пограничной охране, специально подготовляемых казачьих кадрах и покрытии всей страны пикетами, штабами, лагерями. Следы русской военной культуры попадаются здесь на каждом шагу; ведь недаром же и теперешняя столица Нагорного Карабаха, Степанакерт,- не что иное, как бывший штаб. Это длинное предисловие я веду вот к чему: русская военная культура, надо отдать ей справедливость, была куда выше и человечней русской мирной политики. Ей мы обязаны прекрасными дорогами, ей же мы были обязаны и сравнительным процветанием закавказского скотоводства. Старые, опытные ветеринары расскажут нам, как тогда боролись с эпидемиями и как их радикально прекращали.

Но здесь я опять вынуждена сделать отступление; тема моя похожа на клубок ниток: чем ближе я ее к себе тяну, тем длиннее она разматывается.

Итак, в чем же причина эпидемий и откуда они идут? В Закавказьи множество превосходных альпийских пастбищ. Мусульмане (тюрки, курды) и армяне-горцы все еще сохранили в крови инстинкт кочевого племени. Скотоводство здесь не стойловое, а кочевое. Это значит, что с наступлением летних жарких месяцев целые деревни снимаются с места и угоняют свой скот в горы, проходя для этого иной раз сотни верст. Ясно, что беспрерывный поток кочевников приносит с собой болезни, за которыми трудно уследить, а стада, проходя по лугам, заражают их больною слюной и делают таким образом очаги заразы совершенно неуловимыми и не поддающимися учету.

Но этого мало. Рядом со скотоводческими районами лежит страна, бывшая до сих пор едва ли не самой отсталой в мире, страна, для которой русские издавна являлись культуртрегерами: Персия. С нею мусульмане - кочевники связаны тончайшими нитями религиозного и племенного родства, доброго экономического соседства, исторической памятью. Нити не рвутся, и связь между народами не прекращается. До сих пор льется поток контрабанды особого вида, с которым даже стальная воля покойного тов. Дзержинского не могла бы справиться: контрабанды религиозной. Много наших паломников переходит границу, чтоб побывать у персидских святынь-в Муше, Кербеле, и вернуться оттуда уже в ореоле святости: мешеди, кербелеидами. А из Персии ежегодно в Шуши (а из нее по всему Азербайджану) доносились, как призывный зов, первые стоны Шахсей-Вахсея, первые кличи к праздникам. Наши и персы переходят границу сплошь да рядом. Персы покупают у кочевников наш скот и продают им свой. Вот здесь и лежит ключ ко всем эпидемиям.

Персия - классическая страна болезней. Ни один персидский шах никогда не навязывал своим подданным ничего, похожего на медицину. Шииты верят, что если их похоронят на священной земле, они освобождаются от сотворенных при жизни грехов. Поэтому множество

трупов-среди них, разумеется, и погибшие от страшных болезней: черной оспы, холеры, тифа, бубонной чумы, проказы, сифилиса-ежегодно не хоронятся, а увозятся в простой холстине или циновке вниз по Тигру или Ефрату, а то и на спинах верблюдов караванным путем в священные города - Муш, Кербелу, Хамадан. Там они валяются иной раз по нескольку дней среди десятков тысяч живых паломников, ожидая погребения. Ясно, что эпидемия в Персии не прекращается. Если гибнут люди, то на скот и подавно не обращают большого внимания. Ветеринаров в Персии до сих пор не существует вовсе, никаких медикаментов не имеется, мер против эпизоотий не принимается. Скот болеет и гибнет.

Понятно, что персу выгодно купить животное, перенесшее чуму и нажившее иммунитет. А нашему азербайджанцу приятно купить дешево. С той и с другой стороны идет торговля и обмен; наш платит дешево, перс платит дорого; тот и другой торгуют и меняются охотно. Перс, разумеется, в выигрыше, а наш мусульманин приводит к себе зараженное животное. При кочевом скотоводстве достаточно одного единственного животного, зараженного чумой, чтоб перезаразить всю область. Вот откуда вливается постоянный источник заразы.

До войны у нас хорошо была поставлена пограничная охрана. При вспышке эпизоотии принимались драконовы меры: большой отряд казаков, оцепление опасного района, уничтожение больного скота. На границе был постоянный карантин, обмен и торговля преследовались. Этими, чисто военными мерами развитие эпизоотий душилось в корне, а уже с местными вспышками успешно и легко боролась ветеринария, штат которой, к слову сказать, был достаточно велик.

Посмотрим теперь, как обстоит дело сейчас. Советская система вызвала к жизни героев, и не только тех, о ком все знают и кого все чтут. Множество безвестных героев работают у нас сейчас по захолустьям. Где-то Вересаев обмолвился фразой, что «ни один уважающий себя писатель не напишет больше полулиста в месяц». До советизации, наверное, «ни один уважающий себя ветеринар» не сделал бы за лето более тысячи прививок скоту, да и то крякнул бы от работы, потому что пришлось бы не выпускать из рук шприца.

Но сейчас наши ветеринары проделывают десять-двенадцать тысяч прививок за лето, и делают это не за страх, а за совесть, не за жалованье (грошовое), а потому, что нельзя иначе. На весь Нагорный Карабах, через который беспрерывно идут кочевники из Азербайджана и прогоняется огромное количество скота, всего несколько ветеринарных пунктов, и работники наперечет. Они прививают до глубокой ночи, при фонарях, а в 4 часа утра их опять будят: идут новые полчища - вставай, прививай. Ветеринару приходится быть и лектором, и учителем, и милицией. Кочевники не хотят хоронить умерший от чумы скот, норовят бросить его в реку или овраг; они снимают с него зараженную шкуру, берут рога. Со всем этим ветеринару приходится бороться, увещевать, убеждать, ругаться. Власть идет ему на помощь, но у власти нет сил: сплошь да рядом не хватает местной милиции для элементарных нужд, а не только для слежки за умирающим от чумы скотом. В Зангезуре, куда ежегодно тучами идут кочевники из Азербайджана (Джебраильского, Джеванширского и Карягинского уездов), на всю область всего четыре пункта, да и то два из них номинальны, за отсутствием врачей. Зангезур обслуживается пятью людьми (два врача, два практиканта, один фельдшер), из коих практиканты еще ведут научную работу, готовят диссертации, ставят опыты. Один из таких безвестных героев, совершивший десять тысяч прививок (к слову добавим: за три месяца он еще ни разу не получил жалованья и кормился у крестьян), успел даже сделать открытие: до сих пор в ветеринарии существовало мнение, что прививка дает иммунитет на 2-6 месяцев, не больше; он проделал ряд опытов с больными и здоровыми животными и установил, что прививка обеспечивает от заражения по крайней мере на два года. Когда я спросила этого «не уважающего себя» крепыша, тов. Софоклетова (тоже ленинградца), как он успел и как он ухитряется так много прививать, ветеринар ответил мне простым рассказом:

- Если б вы видели, как у крестьянина гибнет последняя скотина, вы бы сделали то же самое. Вот недавно у старика пала последняя корова. Когда стадо к вечеру возвращалось в деревню, он вышел ему навстречу. В чужие дворы идут коровы, мычат, а к нему не пришла ни одна. Он постоял, посмотрел и пошел домой один. Укора в нем не было, а только взгляда его я всю жизнь не забуду.

С безлюдьем борются. Скоро будет выпущен новый полк ветеринаров из местных сельскохозяйственных институтов. Но беда не в одном безлюдьи. В мае зангезурский уездный ветеринар телеграфно запросил у азербайджанского ЦИКа врачей и сыворотку. Врачи приехали 12 августа (при мне) и мирно проживали в местной гостинице, потому что им не с чем было начать работу - у них не было сыворотки. Нехватка сыворотки ужасная.

Но и это еще не вся беда. Когда присылают сыворотку, то... ветеринары начинают думать, что лучше бы не присылали. Так, в этом году Зангезуром была получена сыворотка от Северо-Кавказского противочумного института, и, вопреки основным правилам ветеринарии, она была прислана в бутылках без этикеток, без обозначений, и оказалась грязным сбродом 1922-1923 годов,- так что ее опасно было впрыскивать здоровой скотине.

Но представим себе, что все эти беды будут изжиты: медперсонала достаточно, сыворотка свежая, прислана вовремя. Остановит ли это чумные эпизоотии?

Нет, не остановит. Пока борьба не будет направлена против источника заразы-пограничной с Персией полосы,- чума будет беспрерывно заноситься к нам и охватывать кочевой скот. И личный героизм, и сверхчеловеческий труд, и государственную помощь мы будем лить в решето. Чумный вопрос надо ликвидировать, взяв его, как быка, за рога. Это можно сделать многими путями. Два из них: создание мощного карантина на персидской границе и помощь самой Персии, посылка туда человек шестьдесят ветеринаров для организации прививочных пунктов во всей пограничной полосе. Дорого? Но каждый обыватель уже знает, что дорогая покупка обходится в итоге дешевле дешевой, и наоборот.

6. *Призрак Шуши*

Прежний центр Карабаха, Шуши, расположен на редкость удачно. На высоте пяти с половиною тысяч футов над уровнем моря, Шуши раскинулась, как удобное аистово гнездо, среди холмов, в фокусе проезжих путей, между Зангезуром, Персией, Азербайджаном. Через нее шел мусульманский тракт в Малую Азию. Через нее из Малой Азии шли вести к русскому мусульманству.

Вода в Шуши превосходная, родниковая, воздух целительный, климат мягкий и, благодаря нежной, безвредной влажности и негустым туманам, напоминает скорее морской, чем континентальный.

В семнадцати верстах от нее находится Лысогорск[1] - горное кочевье с несомненным мировым будущим. Сюда пешком приходят буддисты и мусульмане из самых глухих углов Туркестана-лечиться. Здесь прибавляют по несколько фунтов в неделю, почти ничем не питаясь, а только отлеживаясь и дыша воздухом, густым, как сливки. В Лысогорске семь минеральных источников-железистых, щелочных и серных, с общим дебетом в 1500 ведер в сутки.

Но и на Шуши в Азербайджане смотрят как на курорт. Бакинцы приезжают в нее «на дачу». Таких курсовых насчитывают десятки тысяч, и это несмотря, на жилищный кризис и разрушение наиболее благоустроенной части Шуши, армянской.

Но пройдут годы, а может быть и десятилетия, и в Шуши станут ездить туристы-уже не ради ее красоты и климата, а ради, исторического урока, разыгравшегося в ней как бы в

---

[1] *Местное название Тур-шу — кислая вода. Имеющийся здесь нарзан почти тождествен с кисловодским. Высота кочевья 7 500 футов над уровнем моря*

поучение всему Закавказью, урока, подобного тому, что мы видели в Помпее и Геркулануме. Только там действующем лицом была слепая стихия природы, а здесь слепая стихия зверя, разбуженная в человеческой массе при помощи человеческого слова. Короче сказать, Шуши дает незабываемый урок того, к каким непоправимым безумствам может привести «националистическая пропаганда».

Но сперва немножко истории. Построен был Шуши около двухсот лет назад, причем левая ее часть (если подходить со стороны Степанакерта) более низменная, была типично мусульманской, с 25000 коренного мусульманского населения, а правая раскинутая на холмах, повыше - сплошь армянская, с 55000 коренного армянского населения. Эта последняя образовалась позже и послужила как бы европейским придатком к азиатскому городу, давшим ему экономическую базу и разросшимся значительно больше его.

Те, кто знал Шуши до ее разрушенья, говорят о ней как об одном из красивейших городов. Очаровательно распланированная по возвышенностям и, несмотря на сложность плана, удивительно ясная, Шуши вставала перед путниками, словно сплошной дворец. Отлично мощеные улицы с приподнятыми тротуарами, стройные мраморные часовенки, изящные храмики, фонтаны, кружево базара, занимавшего своими длинными аркадами большое пространство, наконец, широкий и выхоленный бульвар - все это набегало одно на другое, в густоте (но отнюдь не в тесноте) и в удивительной стройности, на два высоких, почти симметричных холма и на соседние возвышенности.

Оба народа - армяне и мусульмане - жили в мире и были тесно связаны экономически. Армяне влили кровь в наивную экономику страны. Шуши стала богатеть, мусульмане были втянуты в быстрое культурное развитие. Строительство пошло лихорадочным темпом, появилось множество школ, причем образование легло мостом между двумя нациями. Торговые связи соединили Шуши не только с основными странами, на проезжих путях которых она лежала (то есть с Персией, Зангезуром и Азербайджаном), но и в большой мере с Грузией, через Тифлис и Батум.

К марту 1920 года, (бывшего трагическим для всего Азербайджана, Шуши еще была цветущим и музыкальным оазисом. Отсюда разливалась, как из соловьиной рощи, тюркская музыка, завоевавшая себе славу «общевосточной музыки». Лучшие певцы выходили из среды шушинских мусульман, лучшие таристы - из среды шушинских армян. Недаром пословица говорит: «армянину-певцу отрежь язык, мусульманину-таристу отруби руку». Так роднились три народа в маленьком восточном оркестре: армянин ворковал на таре, тюрок пел, а перс давал ему слова своих величайших поэтов: Саади, Фирдуси, Омара-Хайяма.

Но если для расцвета и обогащения города достаточно было нескольких десятков лет, то для гибели его оказалось довольно всего трех дней...

Со стороны шоссе я поднималась медленно в гору. Отсюда нам навстречу спускается большое кладбище с бесконечными могильными плитами то лежащими, то стоящими вертикально, с высеченным на них грубым орнаментом. Над кладбищем каркало и носилось воронье, и терпеливо выжидали брошенного куска страшные серые силуэты в чадрах, согнутые, как летучие мыши, старухи-нищенки. Пряча лицо в пыльную чадру и не оставляя, места даже для глаз, эти нищенки лепятся к могильным плитам, как изваяния, и когда внезапно шевельнутся и отступят от них, точно шарахнется стая летучих мышей. Чем они живут, кто их кормит - неизвестно. Подъем, в полной тишине и одиночестве, длился около часу, когда внезапно, вступив в прогалину, я увидела остов Шуши. Два холма стояли передо мною, уставленные скелетами домов. Не осталось ничего, похожего на мясо: ни крыш, ни дверей, ни оконных рам, ни полов, ни железа, ни дерева, ни доски, ни стропила, ни гвоздя: только камни, камни и камни, как вычищенные, обглоданные, высушенные кости анатомического скелета. Зияющие дыры вместо полов, расковырянные подвалы, стоймя торчащие

стены, столбы, столы, прямоугольники, коробки из камней. Все это заострено, оскалено, вытаращено, поставлено стоймя, лезет в глаза колючей щетиной. Все носит мертвенно-белый цвет обглоданного известняка. Церковь прекрасной архитектуры возникает карточным призраком, с кой-где по воздуху висящим карнизом - вот-вот рассыплется. Стекла, крыша, орнамент, роспись - все снято, соскоблено, выпотрошено; остался зыбкий остов, да и он плывет, как умирающий, перед глазами, исколотыми этим виденьем.

Первое, что меня поразило - тишина. Такой страшной тишины я не испытала нигде, никогда, и сразу же она кажется неестественной. Вдруг вам начинает мерещиться, что тишина бормочет: камни Шуши каются, шатаются, шуршат, и волосы у вас на голове встают дыбом. Здесь в течение трёх дней в марте 1920 года было разрушено и сожжено 7 000 домов и вырезано - цифры называют разные - одни говорят: три-четыре тысячи армян, другие-свыше двенадцати тысяч. Факт тот, что из тридцати пяти тысяч армян не осталось в Шуши ни одного. Кой-где в канавах еще можно увидеть пучки женских волос с запёкшейся на них черной кровью. Человеку с воображением здесь трудно дышать: идешь, идешь, идешь сплошным рядом обугленных стен, точнее - кусков стен, торопишься идти и боишься никогда не выйти; ждешь, чтоб тишина развалилась, наконец, на куски над твоей головой и дала тебе набрать в легкие воздуха...

Узкая мощеная дорога приводит в жилое место: краснеет железная крыша, начинается спуск вниз, в мусульманскую часть города. Здесь тоже тише, чем было раньше- из двадцати пяти тысяч мусульман осталось только десять. Мусаватисты и дашнаки могут радоваться: их «забой», забивавшийся годами, хорошо взорвался - ценой тысяч человеческих жизней куплено запустение цветущего города, разорение жителей, гибель столицы Карабаха, разрыв экономической ткани, и все это достигнуто в три дня.

Два года назад (в начале 1925 года) Бакинским партийным комитетом были выделены лучшие силы для работы в Нагорном Карабахе. Молодой и талантливый тюрок, Расул-Заде был послан в Шуши , как предисполкома и одновременно зампред карабахского ЦИКа.

Настроение в Шуши в то время было еще далеко неспокойное. Не забудем, что моральный авторитет Шуши для мусульманского мира чрезвычайно велик. Сюда, как сказано выше, долетали первые вести из Малой Азии, от сердцевины мусульманства, о начале больших праздников: Сюда доходил из Персии первый клич Шахсей- Вахсея и уже отсюда распространялся по Азербайджану.

В течение двухлетней работы Расул-Заде удалось ликвидировать главный источник народного возбуждения. В прошлом году Шахсей-Вахсей был предотвращен, а в этом году - небывало для всей истории существования Шуши - население само отказалось от Шахсей-Вахсея, кровавой процессии, заканчивающейся самоистязанием.

Из 17 мечетей открыта только одна, и одинокий важный мулла в халате и красной бороде, крашеной хной, тихо бродит под ее портиками, перебирая четки. Зато растут школы и растет число посещающей их молодежи. Две школы второй ступени, мужская и женская, школа первой ступени для обоего пола с семьюстами учащейся детворы, педагогическая семинария с тремястами студентов и превосходный женский клуб, где мусульманки, сняв чадру, быстрыми и смелыми глазами учатся глядеть в газетные столбцы, читают, беседуют, проводят собрания, выступают с речами. Берут туда с собой и детвору, если не на кого ее оставить.

Когда тяжелыми шагами и с невольным стыдом в душе я медленно вернулась из армянской части в мусульманский квартал, как бы в ответ на тучи ощущений, вставших во мне, выбежала маленькая чернокудрая тюркская девочка Мерсиэ, так похожая на мою собственную, оставленную на севере, и залепетала ласково, мягко воркуя и протягивая мне ручки:

«Тьетья, тьетья»...

Эти вырастут, будут счастливы и протянут друг другу ручонки - над прошлым!

И. Петрушевский

О ДОХРИСТИАНСКИХ ВЕРОВАНИЯХ КРЕСТЬЯН НАГОРНОГО КАРАБАХА

I.

Содержание настоящей работы сложилось из материала, собранного во время моей летней поездки (в июле-августе) 1928г. по заданию Общества обследования и изучения Азербайджана, в Нагорный Карабах и Зангезур, совместно с преподавателем Г.М. Тер-Саркисяном, уроженцем Дизакского района АОНК, имеющим значительный опыт партийной и общественной работы в области. В цели экспедиции входило ознакомление с современными верованиями армян Нагорного Карабаха и с положением армяно-григорианской церкви в области. Была поставлена задача-выяснить, какое место занимают в религиозных верованиях карабахцев и в каком соотношении находятся христианские и дохристианские элементы в наши дни. В печати появились сведения о необычайно быстром разложении официального армяно-григорианства, о закрытии большинства церквей и массовом отходе крестьянства от церкви. Чтобы выяснить причины этого явления, нам казалось необходимым обратить внимание не только на положение официальной церкви, но и на народные верования в целом.

Нам удалось побывать в большей части Дизакского района Нагорного Карабаха, затем пройти мимо горы Зиарат (Дизапайт) севернее Тей-Дага и через долину реки Акеры в среднюю часть Зангезура (район Дыга, гор.Гориса, Алидзора, Татева), закончив поездку Хаченском районом (преимущественно восточной частью его) АОНК От предположенной поездки в лесистый район Джраберта и, в частности, в Гандзасар пришлось отказаться. Значительная часть пути (до 200км) была проделана пешком по горным тропам. Разумеется, наша экспедиция не могла за столь короткий срок дать исчерпывающих результатов. На нее следует смотреть скорее, как на предварительную. Однако, и собранного материала оказалось достаточно для того, чтобы подтвердить правильность принятого нами подхода к исследуемым явлениям и сделать некоторые обобщения.

Говоря об основных методологических приемах изучения религиозных верований, нам с самого начала представлялось правильным изучать не столько официальные церковные верования, сколько дохристианские верования пробуждавшиеся в сознании крестьянства, искать подлинные верования народа в нижних этажах религиозной идеологии. Не ново говорить о наличии у армян, грузин, мусульманских народов Закавказья «языческих» - дохристианских и домусульманских пережитков. Однако, если отбросить традиции мхитаристов и всякого рода миссионеров, придется говорить не о пережитках, даже не о двоеверии,- придется отказаться от того, чтобы видеть в исламе или христианстве религию социальных низов закавказских народов. Ведь никем не оспаривается то обстоятельство, что хевсуры, пшавы, сваны, числившиеся до революции официально христианами, в действительности остались до наших дней «язычниками», заимствовавшими от христианства только некоторые обряды и отчасти терминологию. Но сделать такой же вывод по отношению, например, к земледельцам армянам и грузинам, находившаяся под церковными и буржуазно-националистическими влияниями историческая литература не могла. Видя в церкви и христианской культуре необходимое орудие в руках буржуазного национализма, она упорно называла то, что составляло основу религии армянского и грузинского крестьянина, лишь «народными обычаями», «поверьями», «бытовыми предрассудками», интересными для этнографа, но не для историка религии.

Для нашей науки такая точка зрения не может казаться приемлемой. Религия, как и все построения идеологического порядка, является продуктом творчества тех или иных

социальных классов, в определенных условиях исторического развития. Исторические религии, как зороастризм, христианство, ислам, распространялись в Закавказье усилиями феодальной и кочевой аристократии и городской торговой буржуазии, тогда, как масса крестьянства лишь пассивно приняла навязанные ей религии господствующих классов; под тонким слоем христианской или мусульманской терминологий жили и развивались в течение веков и тысячелетий старые «языческие» верования, более соответствовавшие социальному и хозяйственному бытию крестьянина.

Следует считаться с тем, что верования крестьян тюрков и армян обнаруживают больше сходства и близости между собой, чем с верованиями мусульманских или христианских социальных верхов. Наблюдения за время нашей поездки вполне подтвердили правильность такого взгляда по отношению к карабахским и зангезурским тюркам и армянам. Таким образом, исследование должно отправляться именно от изучения «пережитков» в их стадиальном развитии, пользуясь методом «религиозной палеонтологии». Палеонтологический метод поможет выявить подлинную структуру религий кавказских народов, происхождение отдельных элементов их верований и степень родства между ними и тем окажет немалую услугу изучению крестьянской идеологии. Яфетидология дала нам в этом отношении неоценимое оружие. Сейчас настало время применить ее методы и к изучению религиозных верований.

Далее, мы исходим из того, что религии (как и языки и все вообще идеологии) - явления синкретические и гибридные, впитавшие в себя разнообразные, перекрещивающиеся между собой религиозные влияния. Это относится и к религии армянского, и в частности карабахского, крестьянства. Невозможно свести ее к одной какой-либо первооснове, к какой-либо «пра религии»; это очень пестрое шитье, в которое вкраплены кусочки разных тканей и цветов. Было бы методологически неправильно искать здесь лишь влияния «исторических» религий – наряду с христианством и исламом – зороастризма, манихейства, древнеармянской мифологии. Не забудем, что последняя, как мы ее знаем, например, по Моисею Хоренскому, была ведь тоже скорее религией господствующих классов, чем социальных низов дохристианской Армении. Если говорить о синкретизме, здесь надо считаться с трудно уловимыми влияниями нижних слоев верований яфетических, иранских и турецких народов Закавказья, близких по своему социально-хозяйственному укладу крестьянскому Карабаху. И здесь метод исследования оказывается аналогичным методам яфетидологии.

II.

При отмеченном нами подходе, судьба официального армяно-григорианства в Карабахе не поражает и не кажется неожиданной. Судьба эта, действительно, печальна для церкви. Остановимся несколько на наших впечатлениях о жизни официального христианства в Карабахе. В сущности, здесь даже нельзя говорить о какой – либо жизни. Не будет преувеличением охарактеризовать состояние церковной веры здесь, как состояние быстрого отмирания. Об этом, говорят, прежде всего, внешние факты. Данные, полученные нами в Карабахском обкоме АЛКСМ., дают следующие цифры закрытых и незакрытых армянских церквей в АОНК.

NN п/п	**Район**	**Число приходских церквей**		
		1917г.	**1928г.**	**% к 1917г.**
1.	Шмавонский /Дизак/	26	7	26,9
2.	Мартунинский /Варанда/	28	4	13,9
3.	Джапаридзе /Джраберт/	29	11	37,9

4.	Степанакертский/Хачен/	24	5	20,8
5.	Шушинский	9	-	-
	Итого по АОНК	116	27	23,3

Таким образом, с 1917г. до августа 1928г. закрылось 89 церквей или 76,7% всех церквей области. Приведенные выше цифры, по-видимому, не вполне точны, так как в Дизаке, например, мы видели церкви, числившиеся официально открытыми (в сел. Аhджакенд, Замзур, Аракюль и др.), а на деле стоявшие пустыми и лишенными утвари; обратно, некоторые церкви, показанные закрытыми, в действительности функционировали (сел. Шаhах). В общем, действительная цифра открытых церквей в августе 1928г. была, вероятно, даже ниже официальной. Священников в области числилось 17, причем некоторые из них проживали в селениях, где церкви закрылись и занимались исключительно сельским хозяйством. Много священников официально сняло сан (некоторые из них сняли рясу, а затем вновь надели ее). В дальнейшем нами были получены сведения, что к лету 1929г. В АОНК осталось не более трех незакрытых церквей, при 111.694 чел. армянского населения (по переписи 1926г.).

Из монастырей остался только один - Гандзасар, в котором до недавнего времени единственным обитателем был вардапет - епархиальный начальник (заместитель епископа).

Беседы с крестьянами выявляют картину почти полного равнодушия крестьянской массы к церкви. Повсюду закрытие церквей не вызывало никакого противодействия со стороны крестьян; нам удалось установить лишь один случай извращения в области религиозной политики и давления со стороны местного сельсовета (сел.Аракюль, в котором, кстати, много зажиточных крестьян-садоводов, виноделов и владельцев шелковичных плантаций). В некоторых селениях священники сами прекращали богослужение в опустевших и не приносивших доходов церквях, иногда тут же слагая с себя сан (селение Тагаверт Варандинск. района). Во многих церквях открылись клубы, причем были случаи мирного сожительства церкви и клуба в одном здании. Хороший клуб с большой любовью оборудован в бывшей церкви крестьянами горного селения Хоцаберт (западный Дизак).

В тех селениях, где церкви остались, посещаемость их незначительна: по 5-7-10 человек, да и то по большим праздникам; в обыкновенные воскресенья богослужение чаще всего и не совершается. Большинство населения не прибегает к помощи священников при совершении брака, рождении ребенка, похоронах. Зато народные обычаи при свадьбах частью сохраняются, в частности, известный обряд поклонения невесты, перед тем как покинуть дом отца, домашнему очагу-тандиру, о котором крестьяне говорят, что он выше и важнее церкви. Для религиозного крестьянина-армянина именно в поклонении тандиру, а не в церковном венчании заключается существо свадебного обряда. Такую свадьбу мы видели в сел. Карahундж (Зангезур) за время нашего пребывания там.

Крещение ребенка заменяется торжественным наречением имени на пирушке с приглашенными гостями, иногда в местном клубе. Церковные похороны совершаются чаще, но и их в общем бывает немного. В сел.Замзур (Дизак), где церковь закрыта, но имеется священник, к последнему обращаются за совершением треб, как удалось установить, меньше 10%селения. В селениях Хоцаберт и Арпагядук, по словам стариков-крестьян, за последние 3-4 года не было ни одного случая, когда крестьяне приглашали бы в село священника или совершали бы церковные обряды. В г.Степанакерте, где не осталось ни церкви, ни священника, как и в Шуши, нам говорили о церковных похоронах с участием специально приглашенного издалека, священника, как об исключительно единственном за последние годы случае. В некоторых селениях (Аhджакенд, Арпагядук, Шушикенд, Кешишкенд) самые

вопросы о том, совершают ли крестьяне обряды, есть ли в селении священник и т.д., вызывали удивление и даже смех, не только со стороны молодежи, но и стариков[1].

Сами священники держатся очень пассивно: не ведут пропаганды среди крестьян, не посещают тех селений, где своего священника нет, даже редко откликаются на вызовы. Так, верующие крестьяне сел.Аракюль (это кстати, единственное селение, в котором нам пришлось встретить значительное число церковнонастроенных крестьян, большей частью из зажиточных) жаловались нам, что священник соседнего сел. Даш-Баши (в 5км.) никогда не заглядывает в Аракюль, даже по приглашению. Чаще всего священники переходят к сельскому хозяйству и лишь изредка отправляют требы. Церковно-приходских советов нет нигде, как нет в области и совета при епархиальном начальнике. Некоторым влиянием Гандзасара, епархиального центра, можно объяснить относительно высокую цифру незакрытых церквей в Джрабертском районе (см.таблицу выше); в остальных районах области влияние Гандзасара ничем не проявляется.

В Зангезуре положение церкви нам характеризовали, как несколько более устойчивое. Однако, эта устойчивость весьма относительна; и здесь общая картина отличается от того, что мы видели в Карабахе, лишь немногим. Здесь, правда, большинство церквей открыто; по данным, сообщенным начальником сюникской епархии, архимандритом (ныне епископом) Тер-Саркисом Шиояном, из 50 церквей до лета 1928г. было закрыто всего 6. В епархиальном совете в г.Горисе (Герюсы) нам сообщили другие цифры: 10 закрытых церквей из общего количества 106, это расхождение объясняется тем, что в последнем случае имелась ввиду вся территория прежнего (в дореволюционных пределах) Зангезурского уезда, а не только сюникская епархия.[2] Однако, посещаемость церквей и здесь ничтожна. В церкви г.Гориса, насчитывающего около 3000 жителей, накануне крупнейшего армянского праздника – аствацадзина (успение) на вечерне присутствовало только 13 человек. По словам уже упомянутого архимандрита Тер-Саркиса, весьма осведомленного в церковной жизни и беспристрастного, такое положение наблюдается во всем Зангезуре. Священники и здесь относятся к своим обязанностям пассивно, церковные советы существуют только на бумаге. Верующие также пассивны, обряды выполняют больше по традиции. Тер-Саркис прибавил, что не знает здесь ни одного лица, которое согласилось бы посвятиться в духовный сан.

Вообще, положение церкви в Зангезуре наш собеседник оценивал очень пессимистически, видя, однако, в том, что «народ так быстро отшатнулся от церкви», явление, обусловленное историческими причинами. О каком-либо давлении со стороны местных властей, по его же словам, не приходится говорить.

Самый образ жизни этого «князя церкви» весьма характерен для современного положения церкви. Резиденция епископа Сюника находится в историческом Татевском монастыре (Хв.), в котором он живет в полном одиночестве. Он сам присматривает за крепостными стенами и монастырскими зданиями, убирает двор, отпирает и запирает массивные крепостные ворота, готовит себе пищу, выполняет все обязанности по епархиальной канцелярии. Единственная жилая комната служит епархиальному начальнику и квартирой, и приемной, и канцелярией. Монастырь, впрочем, с его двумя храмами и гробницами Орбелянов, содержится в порядке. В Татеве нет ни монахов, ни наемных служителей. Ежедневно, утром и вечером, в главной церкви – Аракелоц (апостолов) - вардапетом совершается богослужение, на котором, за исключением очень больших праздников, не присутствует ни одного человека. Крестьяне соседнего селения Татев, расположенного в четверти километра от монастыря, приходят в

---

[1] В Арпагядуке два старика -85 и 98 лет заявили, что не видят никакой нужды в «тертере» и обрядах. При этом беседа носила совершенно неофициальный характер, за обедом

[2] Не могу не отметить,что в Зангезурском уисполкоме и в других советских учреждениях г.Гориса нам отказались сообщить какие бы то ни было официальные данные;отказ мотивировался незнанием, является ли Общество изучения Азербайджана, мандаты которого были предъявлены, государственной или частной организацией.

монастырь почти ежедневно в немалом числе, но не на богослужение, а за лекарствами (в монастыре имеется порядочная аптечка) и почти никогда – за церковными требами. Наш вардапет настолько освоился с таким положением, что, по его словам, имеет обыкновение звонить в колокол (жаждущие лекарств приходят по звону колокола) после окончания богослужения, дабы его не отвлекали во время службы. В самом селении Татев есть еще одна старинная церковь, также посещаемая очень немногими.

Сравнивая положение армянской церкви в Наг.Карабахе и Зангезуре, приходится прийти к выводу, что в общем и там, и здесь масса крестьянского населения или порывает с церковью, или относится к ней пассивно, почти равнодушно, видя в церковной обрядности (о внутренней религиозной жизни говорить совершенно невозможно) старинную дедовскую традицию, с которой не хотят или не решаются расстаться, но которой и не слишком дорожат; эта традиция уже не занимает сколько – нибудь значительного места в быту, она потеряла уже всякую власть над умами молодежи. В Карабахе, однако, процесс отхода массы от церкви протекает быстрее, этот отход выражается в более активных проявлениях, в более резких формах. Массовое закрытие церквей, прекращение отправления богослужения и обрядов в целых районах – явление специфически карабахское (для 1928г.).

Означает ли разрыв крестьянства с церковью также разрыв с религией и религиозными верованиями вообще? Безрелигиозно ли крестьянство Карабаха и Зангезура уже сейчас? Большинство советских, партийных и комсомольских работников, с которыми нам приходилась встречаться и беседовать склонны были понимать происходящие в деревне процессы именно так, видеть, например, в закрытии церквей, торжество безбожия. Мы не можем присоединиться к этому взгляду. Здесь мы имеем дело в сущности все с тем же унаследованным от церковной и буржуазно-националистической традиции взглядом, по которому официальное, церковное григорианское-монофизитское христианство - подлинная и единственная религия «всего народа Հайков», включая сюда и армянское крестьянство; разумеется, для стоящих на такой точке зрения разрыва с церковью равнозначно разрыву с религией вообще; они не могут допустить мысли, что отойдя от церкви «народ» может сохранить свои «языческие» верования, что какие-то «народные поверья и предрассудки» могут оказаться более стойкими и живучими, чем верования полутора тысячелетней церкви с ее организованным аппаратом духовенства и экклезиастической культурой. А между тем это так, и для обследователя, располагающего оружием яфетидологии, это явление представляется вполне естественным и закономерным.

Несомненно, активные слои деревенских работников, в особенности молодежь, комсомольцы, настроены атеистически и притом активно атеистически. Безрелигиозны также карабахские крестьяне и, в особенности, их сыновья, которые уходили на заработки в Баку и другие города, работали там на промыслах, заводах и сезонных работах, пропитались идеями промышленного пролетариата. Эти сравнительно небольшие еще кадры активистов проникнуты ненавистью к религии, как и ко всем проявлениям дореволюционного социального строя и бытового уклада, и ведут с ней борьбу. Во всем Нагорном Карабахе летом 1928г. насчитывалось 20 антирелигиозных кружков, в том числе 16 сельских (привожу данные карабахского обкома АЛКСМ): в г.Герюсах также было 3 кружка. Но всей этой работы было бы, разумеется, недостаточно для того, чтобы сделать всю деревню безрелигиозной. Масса крестьянского населения Карабаха не только пока не затронута антирелигиозным движением, она, разорвав с церковной верой, сохранила свои старые дохристианские верования. Мы постараемся ниже подтвердить это положение фактами. Пока же отметим, что разрушение этой дохристианской религии, более соответствующей социальному и хозяйственному укладу деревни, чем церковное христианство, может последовать лишь в результате

переустройства деревни на социалистических началах и связанных с ним глубоких социальных и культурных сдвигов. Такие сдвиги в 1928г. еще не были достаточно глубоки.

III.

Что касается корней отмеченного нами процесса быстрого разложения и умирания армянской церкви в Карабахе, то выяснение их не представляет особых трудностей. Этот же процесс протекает, хотя, как кажется, не столь быстрым темпом, почти во всех районах Армении. Корни его упираются в историю армянской церкви, в ту социально-историческую роль, которую ей суждено было играть. В сущности, мы здесь и не видим явления совершенно чуждого всей предшествующей истории армянского народа. С самого времени своего возникновения, армянская национальная церковь была созданием определенных групп класса феодалов. Интересы этих групп нахараров и прочих землевладельцев побуждали их деятельно насаждать христианство в Армении, Грузии и Агвании и отстаивать его от конкуренции со стороны зороастризма, манихейства и других религий Ближнего Востока. С развитием в Армении торгового капитала и городской жизни, армянская церковь сумела приспособиться и к стремлениям и запросам торгово-ремесленного города и в эпохи Багратидов и Рубенидов приняла участие в процессе создания армянской культуры смешанного феодально-торгово-капиталистического типа. В Агвании церковь при этом служила орудием арменизации страны; эта ее роль становится особенно заметной с начала VIIIв., после низвержения халкедонитствующего агванского католикоса Нерсеса Бакура (в Партаве) армянским монофизитским католикосом Егией при содействии халифа и после подавления армянофилами монофизитами халкедонитского (православного, грекофильского и грузинофильского) движения в Агвании, отражавшего стремление части духовенства и князей отстоять независимость агванской церкви от армянской. Но никогда, ни в Армении, ни в Агвании, церковному монофизитскому христианству не удалось стать религией крестьянской массы, или хотя бы только приспособиться к ее религиозным воззрениям в форме вульгаризованного христианства, впитавшего в себя большинство черт восточно-эллинистических верований, как это было в Византии и Сирии.

Нельзя сказать, чтобы церковь не делала попыток в этом направлении. Церковное учение, насильственно насаждаемое в крестьянских массах господствующими классами, не останавливалось ни перед какими средствами для того, чтобы сокрушить верования социальных низов. Исторические источники дают очень скудные данные об этой борьбе, но этому удивляться не приходится. Вся средневековая армянская церковная литература (к ней приходится причислить и историческую литературу) на протяжении столетий развивала одну и ту же тенденцию – показать, что христианство в Армении и Агвании одержало быструю и легкую победу над «язычеством» и затем завладело всецело культурной жизнью народа. Эта литература старалась игнорировать все исторические явления в жизни народа, враждебные церкви или проходившие мимо ее влияния.

Акад. Н.Я.Марр в своей работе о сборниках притч Вардана Айгекского выясняет эту тенденцию армянской церковной литературы в ее отношении к народным сказкам.

«Если в древнеармянской литературе,- говорит Н.Я.Марр[1].- игнорировалось не только все восточное, не принявшее христианские формы, но и свое кровное родное, все истинно народное, то, очевидно, этого никак нельзя возводить к народу, объяснять его волей. В указанном неестественном явлении сказывается не народная черта армян…, а характер духовно-схоластической литературы, цепко утвердившейся в Армении…». И дальше: «Армянская литература, посвятившая себя исключительно небесным вопросам и отвлеченным материям, в древности мало интересовалась вообще земным и реальным, а о таких

[1] Н.Марр, ***Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы***. *Ч.I стр.517*

низменных предметах, как народные сказки… она хранила гробовое молчание. Традиции церкви обязывали духовных писателей к такому отношению. К национальному богатству, находившему приют лишь в крестьянской среде, образованные армяне относились с равнодушием и презрением»[1].

Это утверждение Н.Я.Марра мы считаем правильным не только по отношению к народным сказкам и преданиям, но и по отношению ко всем формам крестьянской нехристианской идеологии, в частности религии.

Как ни скудны сообщения источников, однако, и они проговариваются. Моисей Каганкатваци достаточно подробно распространяется о борьбе с язычеством в Агвании, о суровом преследовании сект «бесопочитателей» и «персторезов».

«Вот еще секты бесопочитания. Один бес испещрял, другой ослеплял тех, кто не соглашался служить злу. Те же терзания испещрения и ослепления они производили над теми, которые были предаваемы им чародейством злых духов»[2]. Это особенно интересно для истории христианства в Карабахе, лежащем на территории древней Агвании. Приведем пункт десятый постановления собора, созванного агванским царем Вачаганом: «Тех, которые оплакивают домохозяина, т.е. домового, связать с плакальщиками и привести ко двору царскому и положить наказание. Семейство его отнюдь, чтоб не осмеливалось проливать слезы»[3].

Католикос Нерсес Благодатный (Шнорhали) упоминает о «языческой» секте арев-ордик, существовавшей в XII веке около Самосаты. Тот же Нерсес Благодатный, упорно стремившийся к укреплению влияния церкви во всех областях политической и культурной жизни, вел борьбу с сохранившимися в крестьянской среде дохристианскими верованиями и крестьянским мифотворчеством путем насильственного внедрения в массы церковных легенд и церковной поэзии. Как показывает один армянский церковно-исторический сборник 1320 г. нашей эры, церковь лишала причастия гадателей на зернах, на хлебе, с птицами, наравне с рассказчиками народных преданий и легенд - «пустословами, любителями светских сказок»[4].

Проявление преследования народной веры можно видеть в одном сообщении Вардана Великого: «По его (атабека Иване Орбельяна) приказанию тело одного иерея, по имени Паркешт, было вырыто из могилы и предано огню, а над могилой была зарезана собака»[5]. Здесь обычно видят случай глумления над армянско-монофизитской церковью со стороны халкедонита (православного) Иване. Однако, если обратить внимание на такие подробности, как сожжение (вспомним культовые пляски персидских армян вокруг костра), убийство собаки, важное культово-хозяйственное значение которой у армян проявилось ярче, чем у других кавказских народов, то придется прийти к выводу, что здесь было и глумление феодала над народными, крестьянскими верованиями.

Все эти меры преследования крестьянского религиозного творчества мало помогали церкви, да они и не могли проводиться систематически и последовательно, т.к. духовенство и феодалы слишком часто отвлекались от этой задачи борьбой с иноземными нашествиями и инородными религиями и своими внутренними распрями. Чаще всего довольствовались чисто пассивной покорностью массы земледельцев церкви, внешним охристианиванием ее верований. Насколько равнодушны были массы к церкви в XII веке, веке интенсивной внутренней жизни церкви, показывают признания Нерсеса Ламбронского, архиепископа тарсийского. В рубенидской Киликии во второй половине XII века (около 1177 г.), несмотря

---

[1] *Там же, стр. 521*

[2] Моисей Кагантваци. ***История агван.****ч.1,гл.18.Перевод К.Патканяна..*

[3] *Там же, ч. 1, гл.26*

[4] *Рукопись Азертского музея MARR N5, лист 186 <в>-187<в>: «О тех, которые беспорядочно причащаются тела и крови». Цитир. по Н..Марру. Сб.притч Вардана,, ч.1, стр.289, Примеч. Т.*

[5] Вардан Великий.***Всеобщая история,*** *стр.176. пер. Н.О.Эмина.,М.,1861*

на почти столетнее владычество здесь армян, равнодушие к церковной вере было настолько велико, что во многих областях (при том не только в селениях, но и городах) армянское население обходилось без церквей, духовенства и отправления культа.

«Взгляните на город Сис, на столицу нашу, где князей и народа достаточное количество, что же вы видите? Ни епископа, ни церквей, ни готовности со стороны населения посещать их, ни даже сознания необходимости этого посещения… Таково их положение и в крепостях, и в селениях». Таких примеров у Нерсеса Ламбронаци немало: «Возьмем для примера обширный и богатый город Мараш. Пока он принадлежал армянам, в нем не было ни епископа, ни церквей; переходит он в руки к франкам, является в нем и кафедра, и великолепная церковь». То же говорится о киликийском Анарзабе (Аназарб). Ламбронаци ясно дает понять, чти киликийские армяне не составляли исключения, и что здесь мы имеем дело с отношением к церкви всей массы армянского народа. «Может быть меня спросят, идем ли мы… по стезе благочестия. Нет, у нас нет и благочестия. Мы это говорим не на ветер; сравнивая себя с соседними христианами (имеются в виду франки-крестоносцы, греки и сирийцы. И.П.), находим, что мы только по имени… называемся христианами, но что дела наши лишены духа христианского»[1].

Отношение массы земледельцев к армянской церкви, как и верования ее, в своем историческом развитии, могло бы быть выявлено из произведений устного мирского творчества, если бы церковь не старалась замалчивать и вытеснять их. Все же, в сборник притч Вардана Айгекского попало несколько сказаний, рисующих отношение крестьян к церковной вере, как к чему-то чужому, как к достоянию не народной массы, а социальных верхушек. Приведем в виде примера притчу о церкви и мельнице[2]. «Церковь стала гордиться своей святостью… Тогда является мельница и говорит церкви: «Что ты говоришь-правда… но не забывай, чем ты обязана мне: я днем и ночью тружусь и работаю… Есть люди, которые постоянно работают… как пчелы, а цари, князья, священники и все другие кормятся их трудом и потом идут в церковь благословлять Бога».

Распространение в массах XIX века, со времени основания багратидского царства, когда феодалы и духовенство вновь обрели политическое господство в Великой Армении, манихействующих сект, вроде секты тондракцев, является еще одним из доказательств непопулярности церкви в массах. Анания Нарекский говорит, что успеху тондракцев способствовала ненависть к духовенству. Насколько эти секты оказались живучими, видно из того, что секта со сходными верованиями была обнаружена среди армянских крестьян сел. Арахвили Тифлисский губ. еще в тридцатых годах XIX века, хотя здесь и нельзя доказать непосредственной исторической преемственности с тондракцами, как это делает Ерицов[3]. Халкедонитское движение, очень распространенное и жизненное, как это показывает Марр[4], держалось в Армении и, может быть, также в Агвании до XIII века и также носило, несомненно, следы протеста против феодальной монофизитско-григорианской церкви.

Но жизненнее всего и крепче в армянской и арменизованной агванской деревне оказались дохристианские верования, о которых нам придется говорить ниже. Жизненность их покоилась на незыблемости и известной застойности социальных отношений и хозяйственного уклада в деревне. Это в особенности верно по отношению к территории древней Агвании – нынешнего Азербайджана и, в частности, Нагорного Карабаха.

Археологические экспедиции по Азербайджану И.И.Мещанинова и др. за последние годы позволили с очевидностью установить, что дожившие до наших дней в области Восточного

---

[1] *Цитир.по книге Эмина. Исследования и статьи.*
[2] *Притча CXXVI. Цитир. по Марру. Сборники притч Вардана, ч.1, стр. 253*
[3] А.Ерицов, ***О секте тондракцев, армян. Труды V археологического съезда в Тифлисе,*** *1887года*
[4] Н.Я.Марр. ***Аркоун, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах-халкедонитах.*** *Известия Восточн. Отд. И.Р.А.О., т.16, вып.4*

Малого Кавказа земледельчески-полукочевое хозяйство держалось здесь без особых изменений со времени халдских вторжений. Дохристианские верования не только держались, но оказались, как утверждает Н.Я.Марр, активными в Грузии и Армении еще в XII - XIIIв.в., и притом не исключительно в земледельческой среде. Проявлением их в эту эпоху был, между прочим, культ идеализованной женщины и «святой» экстатической любви, нашедшей отражение и у Шота Руставели[1].

В дальнейшем, особенно с XVII- XVIIIв.в., из внутренней жизни армянской церкви вытравливается почти совершенно религиозное содержание, и церковь превращается в «миллет», в национальную общину, сохранившую религию почти исключительно в качестве палладиума национальности; эта община, номинально возглавляемая духовенством, была в эту эпоху представительством городской торговой буржуазии и отчасти феодальных элементов, поскольку они кое-где сохранились (ишханы и мелики в Лори, Карабахе и Ути). Со второй половины XIXвека, с развитием буржуазно-националистического движения, армянская церковь перестает играть роль главной представительницы нации, превратившись в простой придаток и орудие в руках политических организаций, в последнем десятилетии XIX и в первой четверти XXвека – преимущественно Дашнакцутюна. Масса, в конце концов, перестает видеть в церкви религиозный институт, чувствует в ней почти такую же национально-политическую организацию, как и политические партии буржуазии и мелкой буржуазии.

Это обстоятельство, с одной стороны, облегчало положение крестьянского культа (церковь, занятая вопросами высокой политики, перестала интересоваться им), с другой стороны, в конечном счете, оно не могло сделать церковь более популярной в глазах крестьянской массы, а, наоборот, могло только еще больше подточить корни и без того не крепкой в массе церковной веры. Политическое банкротство буржуазных партий и самой идеологии буржуазного национализма не могло не отразиться и на влиянии церкви в крестьянстве. Политика дашнакцаканов во время империалистической войны 1914-1918г.г. и гражданской войны в Закавказье 1919-1920г.г. с их тактикой кровавых авантюр и искусственного разжигания чуждой крестьянству национальной вражды во имя призрака великого hАйастана «от моря до моря», политика, повлекшая за собой физическое истребление доброй половины армянского народа, дискредитировала в глазах массы церковь не только как религиозный институт, но и как национальную организацию. А советизация Армении и армянских территорий Закавказья, избавившая армянское крестьянство от его «опекунов» и «благодетелей» - дашнаков и других буржуазных националистов и разрешившая проблему национального бытия hайкского народа сделала существование церкви и как национального института ненужным. При этом советизация нанесла удар не только буржуазным политическим партиям, она уничтожила самый класс крупной торгово-промышленной буржуазии, который был истинным проводником церковного влияния на деревню. Быстрый упадок в наши дни церкви понятен и неизбежен. В этом отношении «hайканоц екегеци» (армянская церковь) разделяет участь других восточных христианских церквей, не только грузинской, но и, напр., румыно-болгарской, сербской, греческой, также превратившихся в националистические «миллеты» и переживающих теперь период явного умирания.

Но более быстрый темп развития этого процесса в Нагорном Карабахе, объясняется еще и специфическими местными причинами. Прежде всего Карабах никогда не принадлежал к центрам армянской культуры. Церковь не могла проявлять среди обармянившихся потомков народов Агвании того культурного влияния, какое она проявляла хотя бы в Сюнике в эпоху

[1] Н.Я.Марр. ***Тексты и розыскания по армяно-грузинской филологии***, *Кн. XIII,СПБ.1910*

нахарарства Орбелянов и после них. Церковь не могла здесь играть и роли защитницы от тюрко-мусульманских завоевателей, при наличии в Карабахе армянских ишханов, меликов и агаларов. Гражданская война в Карабахе между дашнаками и мусаватистами 1918-1920гг. встречала здесь значительное противодействие со стороны городских рабочих-выходцев из карабахской деревни, находившихся под влиянием сильных здесь организаций коммунистической партии. Наконец, Шуши-этот центр торговцев и церковников-по милости дашнаков и мусаватистов разрушен. Немудрено, что закрытие церквей здесь началось еще до советизации.

IV.

Разрушение церковной веры, как мы отмечали, не повлекло за собой падение дохристианской веры карабахского крестьянина.

Какова же эта вера? Ее составные части очень многообразны. Здесь мы встречаемся не только со следами многих скрещивающихся влияний, с синкретизмом, но и с элементами идеологий разных стадий исторического развития. Охват их представляет немалые трудности: он вызывает необходимость тщательного изучения социального строя карабахской деревни, его консервативных, архаических форм, пережитков патриархально-родового строя; здесь нужна своего рода социальная палеонтология. Затем, значительная часть карабахских селений населена переселенцами, выходцами из персидского Карадага, турецкой Армении и т.д.: необходимо выяснить их происхождение и время переселения, дабы иметь возможность установить те или иные влияния. Наша краткосрочная экспедиция не могла дать ответа на все эти вопросы. Поэтому мы сознательно отказываемся от попытки дать законченное исследование, ограничиваясь рассмотрением отдельных элементов религии карабахского крестьянина, а в некоторых случаях-только постановкой вопроса.

Предварительно заметим, что эта религия, как и всякая крестьянская вера на определенной ступени развития, не представляет собой целостного здания, построенного по единому плану. Искать системы в этом хаосе, значило бы следовать христианскому шаблону, традициям исследователей-миссионеров и монахов-мхитаристов вроде о.о. Интчитчияна и Арсена Багратуни, пытавшихся отыскать в древнеармянской религии богословскую систему и следы монотеизма. Далее, нам остается повторить, что, говоря о верованиях карабахских армян-крестьян, мы имеем ввиду идеологию не столько этнической, сколько социальной группы; верования карабахских крестьян-армян и их соседей-тюрков - оседлых и полукочевых-в общем аналогичны. Их структура, в значительной степени и терминология святыни, культ – общие. Это зависит не только от того, что значительная часть азербайджанских тюрков-отуреченные потомки различных народов древней Агвании, но и, главным образом, от общих условий социально-хозяйственного бытия и исторического развития.

Переходя к отдельным элементам крестьянской веры, отметим, прежде всего, наличие и значительную живучесть в ней очень архаических черт, представлений, которые следовало бы назвать, следуя Фирханду и некоторым другим этнологам, доанимистической магией. Ряд предметов -камни, утесы, выделяющиеся своей формой или цветом, предметы церковной утвари, крестные камни и т.д. пользуются поклонением, вызывают чувства страха или надежды, но при этом представление об одухотворенном бессмертном двойнике предмета еще не развилось. Предметы эти сами по себе являются носителями сил мощного действия, не персонифицированных и не поддающихся какому-либо определению. Сила эта воздействует на человека, приблизившегося на известное расстояние к предмету - носителю силы; излучение ее может быть вредоносным или благостным в зависимости от поведения человека. Ряд магических приемов может изменить действие этой силы в желательном направлении.

С почитанием таких предметов можно встретиться буквально в каждом карабахском селении. Чаще всего это кучи камней, набросанных вдоль дорог; их очень много в Дизакском районе. Путник, проходящий мимо, обязан сам бросить камень, которым он обычно запасается заранее, подходя к куче; этим он предотвратит несчастье, которое иначе неминуемо постигнет его. Об этих поверьях в свое время писалось достаточно.

Почитанием пользуются и крестные камни. Отметим Спитак-хач - «Белый крест» близ Гадрута, в Дизакском районе, принесенный по преданию каким-то монахом, объявившим о чудодейственной силе хача; хач пробовали переносить в другое место, но он каждый раз водворялся обратно; крест-камень давно исчез, остались лишь развалины церкви. С ней не связано представление о святом или духе, но само место обладает магической силой; человек, поставивший здесь свечу, может рассчитывать на исполнение своих желаний.

На склоне Татевской горы находится Котрац – хач. Это колонна на квадратном основании с обвалившейся капителью; на ней утвержден крестный камень хорошей работы; на кресте изображение распятия, что вообще встречается редко на крест-камнях, надписей нет.

Колонны обожжены от множества прилеплявшихся к ней свечей, вся она закапана воском, местами совсем свежей. Несмотря на ее вполне церковно-христианскую внешность - она, вероятно, поставлена татевскими монахами, - почитание ее, как удалось установить из расспросов, носит характер вполне аналогичный описанному выше.

В церкви исторического монастыря Великий Анапат епископа Иакова (у подошвы Татевской горы, над пенящимся Базарчаем) находится каменная плита, которая, по верованиям окрестных жителей, может вызвать изменения в погоде. Стоит только, обойдя вокруг плиты и поставив свечу, полить на плиту воды, чтобы пошел дождь; разведешь на ней костер, - солнечная погода обеспечена. Уверяют, что камень никогда не заставляет просить себя напрасно. Монастырь теперь совершенно пуст, в нем живет лишь сторож-садовник. Богослужение совершается один раз в год, в церковь молиться никто не приходит, зато крестьяне часто появляются здесь – просить у камня желаемой погоды. Церковь трехнефная, базиличного типа (без купола), с циркульными арками, судя по надписи построена в 1112году арм. эры-1663г. н.э.; наш камень лежит на пороге выхода из левого придела в небольшой гавит. Такое же действие приписывается в Зангезуре и Карабахе многим камням.

Еще чаще с доанимистическими воззрениями мы сталкиваемся, когда некоторым предметам приписывается дар врачевания. В этом отношении интересен, так называемый Красный Утес, близ сел. Кешишкенд (Хачен. район) у подошвы горы Богур-хан. Невысокая, в рост человека, глыба красноватого порфирита вся закапана воском свечей. Женщины приходят сюда выпрашивать исцеление от женских болезней, а бесплодные – беременность.

Доанимистические представления являются реликтовой формой более древних стадий развития и не занимают центрального места в верованиях карабахского крестьянина. Достаточно развиты уже собственно анимистические верования, получившие выражение в культе священных деревьев, гор, родников, ручьев и т.д., с которыми связаны уже представления о персонифицированных двойниках – духах: это дэвы, герои, реже христианские или дохристианенные святые. Культ священных деревьев, стоящих в одиночку или группами, еще известен. Их можно встретить в Карабахе в любом селе, в лесах, на дорогах, при чтимых святынях. В Дизакском районе это тополи, чинары, платаны, шелковицы и т.д.; ореховые деревья здесь не могут быть священными, дэвы не вселяются в них.

Культ священных деревьев, общий для всех народов на определенной стадии развития и широко распространенный по всей Азии, известен у армян с очень давнего времени. Моисей

Хоренский упоминает о священных деревьях, в частности, о поклонении дереву «соси» - вид серебристого тополя или платана[1].

Хоренаци говорит: «Шелест этих деревьев и колебание их при тихом и сильном дуновении воздуха составляли в течение долгого времени предмет гадания в земле Хаев».

В Араманиаке, близ древнего Армавира, находилось, по сообщению Хоренаци, священная роща соси (unu – величественный, гордый), где совершались мистерии, доступные, по-видимому, лишь для посвященных, получавших также имя сосов. Судя по тому, что Хоренаци, вопреки своему обыкновению, не говорит, с почитанием какого божества были связаны эти мистерии, можно предположить, что здесь поклонялись не какому-либо богу государственной армянской дохристианской мифологии, а одному из безымянных дэвов народной религии.

Нерсес Благодатный упоминает о дереве «барти» (также вид тополя), которому поклонялись еще в XII столетии солнцепоклонники арев-ордик: «Дэвы входили в эти деревья и требовали себе поклонения»[2].

Культ священных деревьев, пользующийся очень распространенным почитанием у всех кавказских народов (и у «христиан» и у «мусульман») и в наши дни, труднее других поддавался внешней христианизации. Правда, иногда священные деревья окружают христианские (вернее охристианенные) святыни, как в Татеве, Амарасе и др. монастырях, но чаще всего их почитание связано с верой в дэвов и протекает без всяких признаков христианского культа. Набожные крестьяне навязывают на ветви (чаще на нижние) деревьев яркие разноцветные тряпочки, иногда перевивая их бантами. Эти тряпицы, символизирующие жертвенные приношения, пользуются широким распространением не только на Кавказе, но и среди тюрков Средней Азии[3]

Приношениями служат также рога маралов, козлов и т.д., гвозди, подковы и вообще всякие предметы из железа, что вероятно, связано с хозяйственно-культовым значением железа. Характерный вид имеет, например, священная шелковица по дороге из Аракюля в Замзур; толстый ствол ее до нижних ветвей весь утыкан кусочками железа, у корней навалена груда камней.

Подобные священные деревья, повторяем, встречаются повсеместно, все они более или менее похожи друг на друга. Порубка их считается святотатством. Армянское духовенство, в особенности его низы, насколько нам удалось выяснить из расспросов, в последние десятилетия не проявляло особой активности в борьбе с культом священных деревьев. Исключения в этом отношении немногочисленны. В Дизакском районе крестьяне рассказывали нам об архимандрите Тугского монастыря Аракеле, который лет 50-60 назад начал деятельную борьбу с культом священных деревьев. Он приказывал вырубать их или хотя бы обрубать нижние ветки, чтобы народ не мог вешать тряпочек. Борьба эта «увековечила» его память среди местного населения, но не принесла желанных для церкви результатов: деревья, даже, обрубленные, по- прежнему служили предметом почитания, а ветки вновь отрастали. Нам показывали новые священные деревья, выросшие на месте вырубленных Аракелом, близ горы Топ-Аhач в Западном Дизаке. Любопытно, что вардапет Аракел вел борьбу не со всеми проявлениями дохристианского культа, лишь с культом священных деревьев, т.е. с культом, не прикрытым внешними христианскими формами.

Упомянутый нами уже вардапет Тер-Саркис также, по его словам, в прежнее время (до революции) пробовал бороться с почитанием священных деревьев среди армян Грузии, но встретил ожесточенное сопротивление паствы и не нашел поддержки со стороны Эчмиадзина.

---

[1] *История Армении Моисея Хоренского, кн.1, гл.20. Пер. Н.О.Эмина. Посм. Изд. М.1893*

[2] *Послание Нерсеса Благодатного. Венеция 1838г.,стр.238, цит. По книге Н.Эмина «Исследования и статьи»*

[3] *Нам приходилось видеть совершенно такие же тряпочки на арче и пр. священных деревьях при чтении назарах Самарканда и Коканда и на киргизских в Фергане*

Теми же дэвами населены и многие горы[1]. Из священных гор больше всего почитается, как тюрками, так и армянами Карабаха и соседнего Джебраильского уезда, гора Зиарат (армяне называют ее также Дизапайтом), в западной части Дизака, в 60 км от ст. Горадис и в 25 км от Джебраила. Зиарат поднимается на абсолютную высоту 2400 метров и является южной точкой Карабахского хребта, который здесь разветвляется на несколько второстепенных горных цепей.

Вьючная тропа из Аhджакенда в Хоцаберт скрещивается здесь с вьючной же дорогой через перевал Гюлюджа, мимо подошвы Зиарата, на северную сторону Карабахского хребта. Местность у подошвы Зиарата пустынна, покрыта редким кустарником, склоны его местами почти отвесны, подъем на вершину по крутой обрывистой тропинке очень труден. Это не мешает многочисленным богомольцам постоянно подниматься на Зиарат (кроме поздней осени и зимы, когда покрытая снегом вершина недоступна). На вершине Зиарата стоит безыскусственной постройки церковь. Имя Ziəart (араб. святыня) прилагается к целому ряду священных гор, как в Закавказье, так и в Турции (например, Зиарат близ монастыря Сурб Карапет в районе Муша) и имеет скорее родовое значение. Культ Зиарата, как и многих других гор первоначально, несомненно, часто анимистический, в дальнейшем осложнился иными социально-мифологическими мотивами, поэтому о нем придется говорить отдельно.

Из священных гор, почитание которых носит собственно анимистический характер, можно назвать гору Богур-хан, в Хаченском районе, в 16км к западу от Степанакерта. Богур-хан имеет абсолютную высоту более 1600 метров. Его вершина, северные и восточные отроги одеты густым лесом из фруктовых деревьев в диком состоянии; между двумя отрогами с отвесно нависающими белыми скалами угнездилось сел. Кешишкенд («Священническое село» ныне Кармиркенд - «Красное село»), ближайшие к которому склоны горы покрыты рядом святилищ (сурбов). Обследование этих сурбов производилось нами при участии, помимо моего неизменного спутника Г.М.Тер–Саркисяна, также наркома просвещения АОНК тов. Аршавира Камаляна и д-ра С.Иоаннесяна.

Почитание священных родников также встречается повсеместно и связано с общераспространенным среди всех яфетических народов культом воды. Почитание источников, рек и вообще воды имеет в основе те же анимистические представления. Характерно поверье, что беременная женщина не должна переходить ручей вброд, по крайней мере, в определенных местах, что, по всей вероятности, связано с переживанием общего всем яфетическим народам (в период до утверждения патриархата) культа неба, воды и женщины; беременность превращает эти близкие, родственные женщине стихии во враждебные. Священные родники чаще всего связаны с другими святынями; при них обыкновенно сооружают небольшие каменные бассейны, иногда ставят крестные камни, около которых можно видеть следы свечей богомольцев. Почти всегда около священных родников можно встретить и священные деревья. У родников останавливаются богомольцы, идущие на поклонение святыням, (сурбам) и священным горам. Из родников, бьющих на склонах Зиарата, больше всех почитается Медвежий источник-Арджи Агбюр, который, по преданию, забил по молитве истомившегося от жажды медведя; когда медведь утолил жажду, молния с неба поразила его на месте. Предание до сих пор живет в населении, что, несомненно, связано с тем значением, какое культ медведя занимал и до сих пор занимает в народных армянских сказках, преданиях, поверьях. В сел. Замзур нам говорили, что Арджи Агбюр постоянно посещаются медведями, которые приходят сюда пить воду. Медведи карают человека за неблагоговейное отношение к святыне.

---

[1] *Ср.Моисей Хоренский, ч.3,гл.55, «По камням**(горных ущелий) только дэвам дорога…**»*

Соединение со священными местами, горами, рощами и т.д., почитание животных (змеи, собаки, лошади, быка, медведя, оленя и т.д.) встречается часто в связи с общим для всех яфетических народов на определенных стадиях исторического развития социально-культовым значением животных, первоначально тотемистических, затем одомашненных.

V.

Если бы дохристианские и домусульманские верования карабахского крестьянина исчерпывались лишь доанимистическими и анимистическими представлениями, были бы правы те, кто их считает лишь пережитками. Центральное место в крестьянской религии, однако, занимают не эти верования. Наряду с ними мы встречаем и религиозные представления, связанные с более поздними стадиями, притом объединенные в известную организованную форму. Такой формой является повсеместно в Карабахе и Зангезуре культ, совершаемый при святилищах, так называемых сурбах и хачах, и заключающийся в молениях и жертвоприношениях – групповых и одиночных, - отправлении праздников и разных магических приемах. Эти святилища связаны с религиозными представлениями, унаследованными от различных стадий исторического развития – доанимистическими и анимистическими – и, наряду с ними, с почитанием героев и мучеников, в которых достаточно явно выступают черты распространенного исстари среди земледельческих народов Передней Азии культа растительных и солнечных божеств. Этот последний культ теснее всего связан с хозяйственным укладом карабахского сельчанина и, на наш взгляд, занимает главное место в крестьянском религиозном сознании. Подробнее нам придется коснуться этих верований дальше, пока остановимся на самих святынях (дадим описание некоторых сурбов и хачей) и отправляемом на них культе.

Надо заметить предварительно, что термины «сурб» (святой) и «хач» (крест) в большинстве случаев употребляются не в их прямом значении. Как увидим название «хач» прилагается к святилищам, в которых нет и никогда не было ни крестов, ни вообще каких бы то ни было предметов христианского культа. Оба эти термина употребляются в переносном значении святилищ подобно пирам у «мусульманских» народов Закавказья, джвари у грузин, хати у хевсуров, осетинским дзуарам и т.д. В сущности мы здесь имеем дело лишь с разными терминологическими обозначениями одного и того же земледельческого культа, общего всем народностям Закавказья. Уже это одно говорит о глубокой древности среди армян культа сурбов и хачей, конкурировавших с церковными святынями и вынуждавших церковь то вести борьбу с ними, то пытаться охристианить их. О сурбах, несомненно, говорит Нерсес Ламбронский, когда жалуется на нелюбовь киликийских армян XII века к сооружению церквей: «Там, где было бы достаточно одной церкви, встречаем множество полуразвалившихся часовен, воздвигнутых не во славу божию».

В Дизакском районе термины «сурб» и «хач» имеют как кажется, по славам стариков, некоторый оттенок различия. Термин «сурб» прилагается преимущественно к общепризнанным и широко известным святыням, тогда как почитание хачей имеет более местное и частное значение. Впрочем, здесь речь идет именно об оттенке, который в последнее время сглаживается.

По взаимоотношениям между христианским культом, с одной стороны, и культом сурбов и хачей, с другой, последние могут быть подразделены на три группы: а) святилища, совершенно не подвергшиеся христианскому влиянию, не имеющие никаких внешних знаков церковного культа, который при этих сурбах никогда не отправлялся и не отправляется теперь; б) сурбы, которые церковь пыталась охристианить, введя отправление церковных служб при них, но процесс христианизации которых не был доведен до конца; дохристианская основа и этих сурбов выступает достаточно ясно; в) сурбы при святынях

церковного христианства или охристианенных уже в давние времена, по крайней мере внешне признанных церковью; культ при таких сурбах отправлялся до недавнего времени при участии духовенства, но и здесь носил смешанный характер-с христианскими и дохристианскими чертами.

Из сурбов,относящихся к первой группе, очень характерен так называемый Каму-хач, т.е. Святыня Ветра, на северной окраине сел. Аракюль (в Дизаке). Местные жители называют его также «ванком» в том же переносном значении этого слова, в каком употребляются и «сурб» и «хач»; один внешний вид Каму-хача *(план его см. на чертеже N1)* свидетельствует о том, что это здание не могло быть ни монастырем, ни церковью.

Каму-хач расположен на невысоком холме. Хач обнесен стеной или, вернее оградой, грубо сложенной из необделанных и нецементированных камней высотой в рост человека. Крыши над оградой, по показаниям жителей, не было никогда. В северной стене – вход. Прямо против него, у южной стены[1] - четыре подобия миниатюрных алтариков или жертвенников, высотой до колен человека среднего роста; каждый из них составлен из плоского продолговатого камня, положенного на два меньших камня, поставленных ребрами на землю, и напоминает небольшой дольмен. Под камнями жертвенников образуется род ниш, в которых сложены огарки восковых свечей, металлический подсвечник (не церковный) и несколько стоячих каменных лампад, имеющих в основании и вверху форму трапеции с закругленными углами; на одной из них довольно затейливый орнамент, вырезанный на камне. На «жертвенниках» следы свечей и спички, на земляном полу следы жертвоприношений – петушиные перья. В западной стене снаружи – две небольшие ниши, также со следами свечей, а рядом – священное дерево, на которое верующие вешают тряпочки; при нас таких тряпочек было только две. Ни крестных камней, ни вообще каких-либо признаков церковного культа нет.

Культ Каму-хача носит анимистический характер и связан с почитанием дэва-властителя коклюша и других острых заразных болезней-поветрий. Посещаемость его и сейчас очень велика; наряду с аракюльцами, святыней которых собственно и является хач, приходят сюда из других селений как армяне, так и тюрки. Чаще всего просят избавиться от заразы, благодарят за излечение, но обращаются и с другими просьбами. Каму-хач является частным владением зажиточного аракюльца-садовода, в прошлом владельца шелкомотальной фабрики. По его словам, деды теперешних насельников Аракюля, придя сюда из персидского Карадага лет семьдесят тому назад, уже застали здесь почитание этого хача; дедом нынешнего владельца построена и ограда. Владелец подтвердил, что армянское духовенство никогда не посещало Каму-хача и не признавало его, хотя и не боролось активно с его культом.

Непосредственно в усадьбе того же владельца находится «змеиный сурб» или попросту «оджаh» , т.е. очаг; это действительно, род очага, устроенного в нижнем полуподвальном этаже дома, также без признаков христианской утвари.

Насколько широко распространен издревле среди армян и других народов Кавказа, культ змеи, достаточно известно. В многочисленных сказаниях, в почитании царя змей и гор, служащих его местопребыванием, отразились черты, родственные почитанию змея в восточно-эллинистических культах, обоготворению Офиоморфа «духа змееобразного» у наасенов и различных офитско-гностических сект эпохи раннего христианства. Сурбов, подобных описанному, в Карабахе немало.

Об аракюльском сурбе существует поверье, что змея укусив человека, спешит сюда; если укушенный опередит ее, то не только вылечится сам, но и укусившая его змея умрет, если же, наоборот, змея придет в очаг раньше укушенного, умрет укушенный. По-видимому, мы здесь имеем дело с модификацией мифа о змеином царе, творящем суд над змеями и людьми;

[1] *Алтари армянских церквей всегда расположены на восток.*

укушенный змеей становится подвластным змеиному царю. Приходят сюда со всей округи, радиусом в 80-100 километров.

Интересно, что сам владелец обоих сурбов – набожный христианин. Противоречия между церковной верой и почитанием ветряных и змеиных хачей он не сознает и считает последнее делом вполне христианским. На наш вопрос, почему же духовенство не совершает церковных обрядов при этих якобы христианских хачах, он не нашелся ничего ответить, кроме того, что «так повелось от дедов и прадедов».

Любопытный сурб, также относящийся к первой группе, нам пришлось видеть в горном селе Замзур. Здесь большая трехнефная церковь-базилика, построенная, судя по надписи над входом, в 1145г. арм.эры (1696г.н.э.) закрылась из-за отсутствия посетителей, зато молящиеся продолжают посещать расположенный в центре селения Сурб Оhанес. Это небольшое четырехугольное каменное строение с квадратным оконцем на улицу, темное и пустое внутри. Сурб посвящен не христианскому святому Иоанну, как можно было бы судить по его имени, а старшине и признанному главе селения Оhанесу. Тесть местного священника, старик ста пятнадцати лет, еще довольно бодрый, рассказывал нам, что Оhанес жил «лет двести пятьдесят тому назад», вскоре после переселения его сородичей в Замзур из Карадага, и заслужил общее уважение своим умом, заботой о благосостоянии селения и успешной защитой его от нападений врагов. Нужно заметить, что Замзур древнее других окрестных селений, основан, по-видимому, во второй половине XVIIв. переселенцами из Карадага; часть выходцев из одной и то же сельской общины поселились в Замзуре, а другая часть – в сел. Джан-ятаг Джрабертского района. Замзур и по внешнему виду отличается от других селений: узкие кривые улицы, дома с плоскими крышами, окна выходят только во двор. Невольно возникает вопрос, не были ли когда-то замзурцы членами одного рода и не можем ли мы видеть в Оhанесе главу рода или образ обобщенного предка. И сейчас в селении немало больших не разделенных семейств, хотя фамилии уже разные. Духовенство никогда не признавало Сурб Оhанеса. Аналогичный по типу постройки и характеру почитания сурб мы видели в сел. Аhджакенд; сурб этот при нас был превращен в склад дров и валежника, что не мешало жителям приходить туда на поклонение. Такого же рода, по-видимому, почитание Сурб Рипсиме в Хоцаберте; почитаемая здесь Рипсиме не имеет ничего общего с армянско-христианской св.Рипсимией.

О культе предков в дохристианской Армении и о «культе предков» - Հայրենի կուռք - «hайрени курк» - упоминает Моисей Хоренский[1].

К сурбам первой категории можно отнести также сурб на горе Аh Оhлан с постройкой типа Каму-хача; о нем придется сказать ниже. Многие сурбы связаны с культом животных; упомянем об очень почитаемом святилище Марал-даш, лежащем на лесистой горе в хребте, господствующем над Хоцабертско-Арпагядукским ущельем с юга. Марал-даш связан с почитанием владыки оленей, которые по поверьям жителей, приходят сюда на поклонение в определенные дни; культово-хозяйственным значением оленя объясняется наличие многих оленьих сурбов в Карабахе.

Из виденных нами сурбов, отнесенных ко второй группе, наиболее интересен Сурб-Сарыбек в 5 км. к юго-востоку от г.Степанакерта.

По рассказам окрестных жителей, Сары-бек был благочестивым человеком, жившим во времена нашествий Тимура. Джагатайские воины хотели увести в плен и обесчестить сестру Сары-бека; брат вступился за нее и отбил у похитителей, но вслед за этим скончался от полученных ран и погребен на месте нынешнего сурба. О корнях легенды о Сарыбеке нам еще придется говорить, пока отметим только, что, на вопрос о народности и вере Сарыбека, часть

[1] *История Армении Моисея Хоренского, ч. II, гл.49*

опрошенных нами крестьян не могла ничего ответить, а другие (все опрошенные армяне) заявили прямо, что Сарыбек был мусульманином. Сурб почитается и тюрками, и армянами; почитание «мусульманского» святого нисколько не отталкивало армян, не чуралось его и армянское духовенство, которое пыталось охристианить этот сурб; карабахский епископ учредил здесь (до революции) постоянное дежурство шушинских священников для совершения молебнов и сбора пожертвований. Теперь же культ отправляется здесь без участия духовенства; священник из соседнего Шушикенда никогда не заглядывает сюда, т.к. к его услугам никто не обращается.

О Сурб-Сарыбеке упоминает, наряду с другими карабахскими святынями, епископ Макарий Бархударьян в своей книге «Арцах».

Сурб-Сарыбек расположен у подошвы холма, над дорогой из Степанакерта в Шушикенд. Самый сурб представляет собой в плане площадь, длиной в 17 и шириной в 15 метров, обведенную новой оштукатуренной каменной оградой, высотою в 1 ½ среднего человеческого роста, без крыши; в западной и южной стенах пробиты двери. В южной стене-грубо сделанная арка, окрашенная в голубой цвет. Над ней следующая надпись на карабахском наречии армянского языка:

Այս շինութինը կարուցրի իմ սեպհական ծախսով ի յավերժ յիշատակ իմ անմոռանալի և անփոխարինելի ծնողկներ Սոփիա և Ջհանգիր Յակոբեանների, հուլիսի 1915թ. Արտեմ Յակոբջանեանց.

«Это строение воздвиг на свои собственные средства на вечную память о своих незабвенных и незаменимых родителях Софии и Джангире hАкопджанянах, июль 1915г. Артем hАкопджанянц».

Внутри ограды два армянских церковных престола нового типа (из железа и дерева); оба алтаря, вопреки церковным правилам, обращены к северу. Один из них полуразрушен, другой сохранился. На нем два обломанных железных креста, подсвечники и много свечных огарков, совсем свежих. Справа от алтарей-нагробная плита, без надписей, с грубым изображением креста латинского типа (без орнаментов), вся покрытая копотью и закапанная воском. Плита считается гробницей самого Сарыбека, но она, несомненно, недавнего происхождения. Над алтарями и гробницей, поднятая на три ступеньки терраса с священным деревом, а над нею другая, поднимающаяся на 9 ступеней с двумя деревьями и двумя гробницами. Справа от южного входа и на верхней террасе два очага из камней. На более сохранившемся алтаре надпись:

Յիշատակ Սուրբ Սարիբեկ մանրատարս ծախյուք Ա.Սարգսեանի 1914թ.

«В память святого Сарибека надпись /выбита/ на средства А. Саркисяна в 1914г.»

Вне ограды, у западных ворот, надгробная плита с изображением посоха, что указывает на гробницу священника и вардапета, и надписью:

Այս յիշատակ Տեր-Յոհանես թառամեց /?/1867թ.

«Это память Тер-Оhанеса угасшего /?/ 1867г.».

У южной стены – священное дерево; несколько ниже, у самой дороги,-священный родник с каменным бассейном и крестным камнем. По другую сторону – целая группа священных деревьев, очень почитаемых; сок их, как уверяют, помогает от парши. На них немало тряпочек. Раньше крестьяне остерегались рубить деревья; первый случай порубки был, как говорили нам, в 1928г.

С севера над оградой нагромождение больших камней и утесов образует род пещеры с двумя выходами; хач этот, по верованиям местных жителей, помогает от коклюша. К западу от ограды – полуразрушенное строение (обыкновенный дом с двумя комнатами), когда-то служившее пристанищем для богомольцев. За ним, над нависшим утесом скалы, - также небольшая пещера,

с черным от копоти свечей потолком, пустая. Эту пещеру, связанную с памятью сестры Сарыбека, называют Цица-хач, она помогает при болезни женских грудей.

Никаких следов существования здесь церкви незаметно.

Вся площадь внутри ограды, у западного входа и у обоих хачей, почти сплошь покрыта густым мягким ковром из петушиных перьев - следы жертвоприношений.

Сарыбек пользуется большим почетом во всем Хачене и за пределами его. По словам местных жителей, жертвы приносятся каждое воскресенье (бывает по 50-60 человек). На вардавар 1928года было не менее 300 посетителей, сазандар, было народное гулянье; принесли много жертв - петухов и баранов. Единичные жертвы приносятся во все дни.

Нам советовали не уходить, а подождать, пока подойдет кто–нибудь принести жертву. Случай не заставил себя долго ожидать. Вскоре появилась семья из мужчины, двух женщин средних лет, в одежде городского типа, подростка лет 14 и двух детей 6-8 лет. Принесли с собой живого петуха. Войдя в ограду, зажгли на алтаре два десятка восковых свечей, обнесли петуха три раза вокруг алтаря; затем, перекрестившись, мужчина перерезал петуху горло, в присутствии своих спутников, вне ограды. Затем на одном из очагов сложил костер, ощипал петуха и изжарил на вертеле. По окончании стряпни уселись очень чинно за ритуальную трапезу; к трапезе были приглашены все находившиеся в это время у сурба крестьяне,- так повелевает традиция. Трапеза состояла из жертвенного петуха, зеленого лука, лаваша и неизменной карабахской тутовой водки, которая в таких случаях получает значение культового напитка; первый стакан выпили, помянув имя Сарыбека. Выполнив положенный ритуал, собрались уходить, поставив еще свечи у хача сестры Сарыбека и захватив с собой остаток жертвы. Голова, ножки и перья петуха остались на месте, уносить их считается делом неугодным сурбу.

Нам удалось переговорить с усердными молельщиками. Как оказалось, нам пришлось иметь дело с мелкобуржуазной армянской семьей (ремесленники, выходцы из деревни) из Шуши; дашнакско-мусаватская резня в марте 1920г. заставила их покинуть насиженное место, разбросало по разным городам: одна из сестер постоянно живет теперь в Степанакерте, другая-в Баку, брат – в Пехлеви (в Персии). Теперь они съехались в Степанакерте специально для того, чтобы принести жертву Сарыбеку в благодарность за выздоровление одной из сестер (бакинской) от тяжелой болезни. Этот пример влияния дохристианских верований не только на деревню, но и на мелкобуржуазную среду торгово-ремесленного города, каким был Шуши, любопытен и не единичен; Сарыбек встречает время от времени в своих стенах посетителей из Степанакерта – бывших шушинцев, поселившихся там. Объяснение этого следует искать в том, что ремесло и мелкая торговля в некоторой своей части вплоть до революции 1917 года все еще не вполне обособились от сельского хозяйства, и многие мелкие буржуа продолжали сохранять тесные связи с деревней.

Жертвы Сарыбеку, помимо праздников, связанных с началом и окончанием сельскохозяйственных работ и сбором плодов и винограда - пасхи, вознесения, вардавара (преображение), аствацадзина (успение) и сурб-хача (воздвижение креста) приносят еще в благодарность за исцеление, по обету или, чтобы добиться исполнения просьбы. Часто, как нам передавали, приносят жертвы после «вещих» сновидений, которые истолковываются сведущими старухами. Что касается способностей врачевания, то за центральным сурбом в ограде признается очень большая сила: он помогает решительно от всех болезней, разумеется при условии, если страдающий является не с пустыми руками.

К сурбам второй группы можно отнести также весьма почитаемое в Дизаке святилище близ сел. Шаhах, на пути между Замзуром и Гадрутом с характером культа, вполне аналогичным Сарыбеку. О Шаhахском сурбе упоминает, не приводя, однако, никаких подробностей,

смотритель гадрутского училища Давидбеков в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа[1]».

Упомянутый уже нами стопятнадцатилетний старик из Замзура, очень сведущий в местной мифологии, рассказывал нам, что в Шаhахе погребен христианский мученик, убитый «лет пятьсот назад» какими – то «джуhудами». Враги преследовали его и нанесли множество ран. Мученик нашел в себе еще силы добраться до места своего нынешнего погребения и там истек кровью. На наш вопрос, откуда могли взяться «джуhуды» - евреи в местности, где о них сейчас и не слышно, старик мог только ответить, что так рассказывали ему его дед и другие старики, которых давно нет на свете. Он допускает, что, говоря о джуhудах, его дед имел ввиду и не евреев, а каких-нибудь «язычников». Во всяком случае, - прибавил он,- убийца не был ни мусульманином, ни христианином; те и другие сейчас очень почитают шаhахский сурб. Мученика звали hАрабед (т.е. Айрапет); другой старик в Аракюле говорил, что убийцами hАрабеда были воины «Темурленка», т.е. Тимура, которые окружили его со всех сторон и изранили. То же подтвердили и еще некоторые старики.

Едва ли приходится сомневаться в том, что «джуhуды» нашего замзурского старика – джагатаи Тимура. Джагатайские турки и отуреченные монголы с их традициями чингиз-хановской эпохи часто принимались населением Закавказья не за мусульман, а за «язычников». Впрочем, Иби-Арабшах сообщает, что среди джагатайских воинов попадались и настоящие «язычники», имеющие при себе «идолов»[2]. ПоходыТимура в Карабах и отразились в легенде о hАрабеде Шаhахском, в основе которой все же лежит культ растительного божества, о чем нам еще придется говорить.

Пока приведем описание Шаhахского сурба. Сурб расположен на холме, у подошвы невысокого хребта, в 1км. от сел. Шаhах. Сурб представляет собой незатейливой постройки церковь, с двускатной крышей, без купола, сложенную из необтесанного камня: церковь построена, судя по надписи над входом, в 1865г.

С западной стороны к ней примыкает пристройка вроде гавита, хотя и без двери в церковь, еще более грубо сложенная и относящаяся, по-видимому, к концу XVIII – началу XIXв. Перед нами, таким образом, типичный памятник армянского крестьянского зодчества. Однако, в стены церкви и «гавита» (применяем здесь это название условно) вставлено много крестных камней художественной работы, судя по орнаментам, XIV- XVв.в.; это доказывает, что нынешняя церковь построена на месте более древней, камни которой были частично использованы при постройке гавита и новой церкви.

В плане своем церковь представляет четырехугольник длиной (без абсиды) в 7 и шириной 4 метра. Входная арка с полуколоннами взята, несомненно из более древнего здания. Своды церкви коробовые, аркой она делится на две неравные части. В алтарной абсиде - две ниши и небольшое окно, вырезанное в цельной каменной плите в форме креста с закругленными концами; плита взята, по-видимому, из более древнего здания. В абсиде-старинный каменный престол, на нем две (обычно полагается одна) русских иконы лубочной работы, обе, судя по надписям, с Афона. Красный шелковый, шитый золотом алтарный занавес, новый, на нем дата 1923г. Алтарь обращен на восток. У северной стены церкви надгробная плита, которая и признается гробницей мученика, хотя она явно не старше церкви; на ней несколько простых металлических подсвечников и каменных лампад, вроде найденных в Каму-хаче (см. выше). На плите род шерстяного покрывала с вышитыми цветными изображениями алтарей наиболее

[1] Давидбеков, ***село Гадрут , Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа***, *Вып. VI*
[2] Иби-Арабшах, *стр.237, Приведена по кн. Бертольда «Улуг-Бек и его имя»,стр.27*

чтимых армянских монастырей – Эчмиадзина, Ахтамара, Сурб-Карапета и т.д. Под плитой яма, из которой богомольцы вырывают и едят землю. Хоранов по сторонам алтаря нет.

Гораздо интереснее для нас гавит. Почти квадратное (4 ½ х 4) помещение освещается только через дверь, окон нет. Свод коробовый, закопченный от дыма. В полу квадратный, сложенный из камней очаг. Кроме крестных камней, частью разбитых, которые применены здесь в качестве строительного материала, знаков христианского культа нет никаких. Зато в северной стене, с осыпавшейся местами штукатуркой ясно видны массивные камни с двумя изображениями солнечного диска (от одного уцелела только половина). У восточной стены, прилегающей к церкви, небольшое возвышенние вроде колей во всю длину стены. В него вделана каменная плита с примитивным изображением человеческой фигуры архаического рисунка, также с солнечным диском. 5). В виду несомненной связи этих изображений с солнечным культом, мы будем говорить о них отдельно.

Снаружи к стене гавита прилегает небольшой холмик с двумя священными деревьями, украшенными традиционными тряпочками, подковами и др. железными предметами. На склоне холма - памятник, представляющий собой небольшой (несколько ниже среднего человеческого роста) куб, в верхнюю часть которого вделан старинный крестный камень хорошей работы с изображением птицы сирин. В нижней части памятника – ниша с глиняным расписным подсвечником, очевидно, работы местных кустарей, со многими каменными лампадами, подобными уже описанным; много перьев, свечей, спичек и т.д. Этот хач, как нам объяснили, поставлен на том месте, где мученик истек кровью, напитавшей собой землю, и пользуется большим почитанием, чем плита в церкви; по-видимому, это и есть более старая «языческая» святыня, тогда как гробница обязана своим существованием духовенству, стремившемуся перенести центр поклонения в само здание церкви.

К востоку от церкви, у подошвы холма – священный родник с очень холодной и чистой водой, вытекающий в каменный бассейн с крестным камнем. По всему холму можно видеть следы костров (местами совсем недавние), перья и ножки петухов, кости баранов и т.д.

Нам передавали, что богослужение в церкви изредка совершается, но теперь чаще богомольцы обходятся без священника: сами зажигают свечи на алтаре и у хача «на крови» приносят жертвы. Больше всего сурб посещался во время весеннего праздника вознесения и трех летних праздников – вардавар, аствацадзин и сурб-хач.

Из охристианенных и признанных церковью сурбов, воздвигнутых в честь анимистических духов, можно указать на Вем (местное произношение), т.е. ւեմ - камень, стоящий на одиноком, трудно доступном утесе на склоне Богур-хана и связанный, по-видимому, с почитанием одного из горных духов. В циркульной нише высокой прямоугольной стены помещен старинный художественный крестный камень. Ниже в утес вделано несколько плит с надписями, относящимися к разным эпохам и указывающими на желание церковно-феодальных групп превратить сурб в свою святыню.

Наверху надпись:

Թուի ՇԼ…….	«Года 530 …….[1]
Կամաւն …….ամեն	Волею ……аминь
Ալինայ …….(?)	Алинай(?)»……..

Ниже- неразборчивая надпись, и в самом низу:

Ած միածին……..ամ.	«Бог единственный….аминь

[1] *По армянскому летоисчислению, т.е. 1031г. нашей эры*

Ջխաչո իշխան Հովհաննիսի — Крест ишхана hОвhаннеса»

Ишхан Оhанес или hОвhаннес - может быть, удинский князь (ուտինացի իշխան), участвовавший в восстании армян во время войны Петра I в Закавказье и орудовавший в Карабахе (в начале XVIIIв.).

Раньше у сурба духовенством служились молебны, теперь же паломники, посещающие сурб, обходятся без церковных обрядов. На вардавар 1928г., как говорили нам, здесь было принесено в жертву до 20 баранов и много петухов.

Ко второй группе можно отнести, из особенно чтимых сурбов, Паhлюль к западу от Степанакерта.

По отношению ко всем виденным нами сурбам второй группы можно сделать один вывод: христианизация их носила чисто внешний характер, при том она была результатом явного или скрытого насилия со стороны господствующих классов и их церкви. После того, как революция разбила власть этих классов и нанесла удар их церкви, верхний христианский слой в культе сурбов и хачей отпал, культ здесь стали отправлять не без участия духовенствующих слоев второй группы т.о. сблизились с сурбами первой группы.

К сурбам третьей группы можно отнести созданные церковью монастыри в честь своих святых или дохристианских героев, настолько ассимилированных церковью, что их «языческая» природа может быть вскрыта без труда. Такой характер носит почитание монастырей как Гандзасар, Ирек-Мангук (в Джраберте), Амарас (в Варанде, связан с полулегендарным преданием о св.Григорисе, первом католикосе Агвании; сейчас в этом монастыре помещается большой колхоз), Цицерна-ванк, Татев, hАранц Анапат близ hАлидзора, Лор (все в Зангезуре) и т.д. Принятие их крестьянским религиозным сознанием совершилось, но масса продолжала видеть в них святилища такого же рода, как «языческие» сурбы. Паломники приходили сюда в церковные праздники, присутствовали на церковных службах, но главное место в паломничестве занимало все же жертвоприношение.

Татевский монастырь посещался за последние годы паломниками только в большие праздники, главным образом, на сурб-хач. Паломничество здесь отличалось некоторыми особенностями. Группы паломников из одного селения заказывали сообща обедню, после которой приносилась жертва за все селение; в жертву здесь приносили не только баранов, но и козлов, чего, например, в Карабахе не делается. Жертва благословлялась вардапетом, передававшим паломникам освященную соль для ритуальной трапезы; с каждой группой, приносившей жертву, вардапет обязан был выпить стакан тутовой водки. Тутовая водка при жертвоприношениях у карабахских и зангезурских тюрков и армян играет роль такого же ритуального напитка, как, например, пиво у хевсуров. Передняя правая нога оставляется монастырю.

Официальной святыней Татева является гробница святого Григория Татевского (Сурб Крикор Татеваци), великолепный мавзолей которого в виде базиличной церкви возвышается в боковом гавите, прилегая к главной церкви Аракелоц и господствуя над более скромными надгробными плитами атабеков Орбельянов и сюникских епископов (среди них гробница историка Степаноса Орбельяна). В действительности же большим почитанием паломников пользуется так наз. «вертящийся столб» - высокая колонна во дворе монастыря, близ церкви Сурб Крикор Лусаворич (св. Григория Просветителя); колонну эту, благодаря особому устройству полых внутри частей ее можно раскачивать в разные стороны, так что колонна при этом не падает. Столб этот, как кажется, является одним из переживаний фаллического культа, связанного с земным плодородием и почитанием божеств растительности земледельческими

народами. Но Татев привлекает к себе и скотоводов-кочевников и полукочевников, которые связывают паломничество сюда с почитанием духа-владыки болезней скота. Принесение умилостивительной жертвы здесь и освящение скота должно предохранить последний от всякого рода эпизостий. По словам вардапета, за последние годы Татевский монастырь посещался главным образом, тюрками-кочевниками, армяне же здесь и более редкие, и более скупые гости. Тюрки-паломники в Татеве не слушают молебнов и обеден, но поклоняются «христианским» святыням приносят жертвы при участии вардапета, получают от него освященную соль и оставляют здесь приношения. Период трех летних праздников является вместе с тем периодом перекочевок и привлекает в монастырь кочевников. Любопытно, что такую же картину можно наблюдать в Гандзасаре. Эта прежняя резиденция агванских католикосов теперь почти не посещается армянами, но зато тюрки-кочевники, отправляясь на эйлаги, заходят туда, чтобы принести жертву и тем предохранить скот от чумы и других заразных заболеваний.

Для сурбов третьей группы характерно, что не все церковные святыни крестьянская вера признавала своими. «Не всякая церковь - сурб» - эти слова нам приходилось слышать нередко. Если есть сурбы, совершенно не связанные с церковным культом, то обратно, и многие большие церкви никогда не признавались сурбами.

На вершине Богур-хана стоит небольшой монастырь (в художественном и археологическом отношении не представляющий интереса); сейчас он пуст, церковь служит жилищем пастуха. Значением сурба этот «ванк» не пользовался никогда; паломники не посещают его, а тот, кому случится побывать в нем, входит в бывшую церковь так, как вошел бы в частный дом, без тени трепета или религиозного почтения. Зато на склонах горы много сурбов. Почитанием пользовались лишь те церковные святыни, которые или были там в дохристианскую эпоху или могли быть приспособлены к религиозным наставлениям и запросам массы, к ее социально-культурному бытию.

Эти последние сурбы сохранили для массы свое значение и после ее отхода от церкви. Удаление духовенства и прекращение церковного богослужения в таких сурбах, как, напр., Зиарат, Цицерна-ванк и т.д. не смущает паломников. Посещая эти сурбы, паломники продолжают приносить жертвы, вешать тряпочки, устраивать ритуальные трапезы, переходящие в пирушки, и без духовенства, не видя в нем никакой надобности. Собственно церковные обряды больше не совершаются. Таким образом, грани между сурбами первой, второй и третьей групп исчезают. Все они сохраняются исключительно, как святилища дохристианские. Наше деление их на три группы, таким образом, имело смысл исключительно с точки зрения выяснения взаимоотношений между церковной и крестьянской верой, теперь же это деление имеет лишь историческое значение.

Везде в Карабахе и Зангезуре крестьяне соблюдают праздники, связанные с хозяйственно-культовым значением весны (пасху и особенно вознесение) и конца лета (вардавар, аствацадзин и сурб-хач). Но христианская оболочка, в которую эти праздники были облечены церковным влиянием, теперь разбита. На эти праздники в церковь не ходят, церковных обрядов не совершают, а собираются у сурбов, приносят жертвы (не Христу, а сурбу), устраивают ритуальную трапезу и связанное с ней гулянье. Христианское значение праздников вытравливается из сознания крестьянина. Вардавар, самый чтимый праздник, почти так же мало вызывает воспоминаний о преображении Христа, как и об Астхик, Анаhите и Bahагне Вишапакаре, праздником которых «варди-ор» - վարդի օր - был до появления в Армении христианства.

VI.

Нам представляется несомненным, что в религиозных воззрениях карабахского и зангезурского крестьянина – армянина или тюрка безразлично – очень видное место занимают мотивы, связанные с культом растительных и солнечных божеств. Культ этот, по-видимому, общий для всех земледельческих народов на известном этапе развития, связанном с переходом к культуре зерновых хлебов. Передняя Азия уже в доэллинистическую эпоху создала ряд мифов о страдающих и воскресающих богах-спасителях, которые первоначально были божествами весенней растительности, а затем ассимилировались с божествами астральными и солярными.

С божествами растительными связывается обычно два цикла представлений: 1) представление о постоянном, ежегодно повторяющемся круговороте в природе, о ежегодном возрождении весенней растительности после осенне-зимнего увядания и умирания; 2)представление о летней растительности, погибающей под губительным действием горячих солнечных лучей и вновь оживающей к концу лета. Мифологически истолкованные, эти представления создали образы молодых богов растительности, погибающих в борьбе с враждебными силами и вновь воскресающих или продолжающих жить иной жизнью в лице своих двойников вблизи своих гробниц. Из истории культа сиро-финикийского Адониса (еще не эллинизированного) мы видим, что мифы о смерти играли здесь гораздо большую роль, чем мифы о воскресении, представление о котором на ранних стадиях религиозного творчества еще не развито, есть лишь представление о духе-двойнике. Мифы о насильственной смерти юного бога от рук злых сил, о его крови, оплодотворяющей землю, связаны с развитием умилостивительных кровавых жертв, сперва человеческих (принесение в жертву юноши царского или аристократического рода и пережитки этого обычая в праздниках закеев в Вавилоне, загмук - в Ассирии и т.д.), потом животных или растительных продуктов, символизирующих тело и кровь (хлеб, вино и др. священные напитки). Связь между круговоротом времен года, осенне-зимним «умиранием» солнца и его «рождением» вновь и «умиранием» и «возрождением» растительности, совпадение этих циклов с циклами хозяйственной деятельности земледельца, эта связь повела к созданию аналогичных солярных (солнечных) мифов и к слиянию солнечных богов с растительными. Идея смерти молодого бога в борьбе с враждебными силами и здесь стала господствующей.

Распространение этих культов в Передней Азии и в доэллинистическую, и в эллинистически-римскую, и, наконец, в христианскую эпоху – факт, слишком общеизвестный в истории религии, чтобы на нем нужно было долго задерживаться. Широко распространенные в Индии, Персии, Малой Азии, Сирии, Египте, эти культы были распространены и в Армении, и в Агвании. В Армении почитание солнечных божеств выражалось, прежде всего, в культе Михра (Митры). Затем воплощением солнечного божества был Bahагн Вишапакар, которого Моисей Хоренский, по общей традиции армянской церковно-исторической литературы низводить местных богов в царей[1], пытался изобразить как героя – предка. Припомним, однако, что говорится у Хоренаци о Baharне, припомним приводимую им древнейшую песнь армянской поэзии:

«В муках рождения находились небо и земля;
«В муках рождения лежало и пурпуровое море;
«Море разрешилось красненьким тростником;
«Из горлышка тростника выходило пламя;
«Из пламени выходил юноша;-
«У него были огонь-волосы,
«У него была борода-полымя.

[1] *Об этой традиции см.* Н.Марр, ***Боги языческой Грузии***. *Записки Вост.Отд.. И.Р.А.О, т. XIV, вып. II*

«И глаза /словно два/ солнышка»[1]

«Мы собственными ушами, - прибавляет Хоренаци, - слышали, как пели эту песнь, сопровождая ее бамбирном».

Популярность культа Ваhагна Вишапакара, как культа Анаhит и Астхик, может быть понята лишь в свете связи культа солнца с культом растительных божеств, столь близких земледельцу и садоводу. В такой же связи находится культ солнечного света – арева – արև - клятва аревом - свидетелем и т.д. Культ вишапов (վիշապ) и находка их в разных областях Армении относятся к той же группе религиозных представлений. Припомним приведенное уже нами свидетельство Нерсеса Благодатного о секте солнцепоклонников – арев-ордик близ Самосаты в XII веке.

Культ солнца был известен в Агвании. Страбон говорит: «Албанцы поклоняются солнцу, луне, Зевсу, но особенно луне». Здесь мы имеем дело с культом, общим для народов Кавказа, очень живучим, благодаря своим социально-хозяйственным корням.

Культ этот мог выдержать наступление христианства и долго открыто держался в Агвании, прежде чем перейти к скрытому существованию, замаскированному христианскими формами. Приведенное нами уже сообщение Моисея Каганкатваци о «языческих» сектах в христианской Агвании, судя по характеру совершавшихся ими жертвоприношений, по-видимому, относится также к культу растительных или солнечных божеств. Нужно, однако, остерегаться ошибочного методологического приема – видеть в этих верованиях результаты непосредственного влияния исторических религий – зороастризма и митраизма, культов Адониса, Сандана, Аттиса, Диониса Загрея. Эту именно ошибку и делает М.Ковалевский, усматривая здесь «результат последовательного восприятия… александрийских, фригийских, сиро-финикийских и персидских божеств»[2]. М.Ковалевский видит и в «персторезах» и «бесопочитателях» Каганкатваци тех же зороастрийцев. Что такое отождествление невозможно, показывает сам же Каганкатваци, говоря об этих сектантах: «Проклятые и злые марзпаны персидские часто захватывали их в свои руки, но отпускали за взятки»[3]. Едва ли можно допустить, чтобы «проклятые марзпаны» преследовали и захватывали представителей официального сасанидского зороастризма и брали с них взятки за освобождение. Если бы верования армянских и агванских крестьян были бы заимствованиями митраизма или эллинистических культов, то крестьянская мысль могла бы принять целиком и христианство, которое ведь и было ничем иным, как синкретическим объединением эллинистических культов. В том - то и дело, однако, что в христианстве культ страдающего бога почти утратил свою земледельческую основу, приспособившись к социальным чаяниям торгово-ремесленного города (мессианство). В верованиях же агванского и армянского крестьянства мы видим иную социальную основу. Здесь, как и во всех подобных случаях, правильнее говорить не о прямом влиянии, а об аналогичном, но самостоятельно развивавшемся процессе, коренившемся в социально-хозяйственном бытии агванских и армянских земледельцев и его мифологическом осмыслении.

Под оболочкой армянского христианства эти верования дожили в крестьянской среде до наших дней и даже пережили христианство. Материалы нашей карабахской поездки подтверждают это. Черты растительных страдающих богов, несомненно, носят уже упомянутые нами Сарыбек и шаhахский мученик hАрабед. Смерть этих сурбов в муках от руки врагов слишком похожа на известные нами мифы о насильственной смерти Адониса, Аттиса, Диониса, Загрея. И здесь, очевидно, центральное место занимает представление о крови бога (или мученика), оплодотворяющей землю-кормилицу и приносящей урожай хлеба и плодов.

---

[1] ***История Армении Моисея Хоренского***, *ч I, гл.31.Пер.Н.О.Эмина*
[2] М.М.Ковалевский.***Закон и обычай на Кавказе***, *стр.125*
[3] Моисей Каганкатваци, ***История Агван***, *ч.1,гл.18, Пер.Патканяна*

Недаром место, где «пролилась кровь», пользуется таким почитанием и отмечается особым хачем.

Обратим внимание на одну подробность в поведении богомольцев в Шahахе. Под плитой - «гробницей мученика», как мы говорили, находится яма, вырытая посетителями. Они, приходя в сурб, отгребают немного земли руками, перемешивают ее с пшеничными и ячменными зернами и затем стараются захватить рукой землю с зернами; вынутое зерно пшеницы предвещает рождение мальчика, ячменя-девочки. Подобный же обычай, как говорят, соблюдается паломниками и на Зиарате, и в других местах. Здесь перед нами выраженное в мифологической форме представление о посеве зерна, как о смерти; зерно, брошенное в землю таинственным путем возрождается к новой жизни. Это общее всем народам на известной ступени социально-экономического развития представление является одним из основных элементов мифов о страдающих богах растительности. Такие верования мы находим в мифах эллинистических культов, изученных т. наз. мифологической школой историков раннего христианства (Смит, Ганзен, Иеремиас и др.), а яфетидологическая наука прибавила к этому аналогичные выводы по отношению к «неисторическим» религиям. Не останавливаясь подробно на них, укажем лишь на прослеженную И.Я.Марром семантическую связь между понятиями «бог» с одной стороны, и «зерно», «хлеб», растение с другой, у различных народов; Марр, между прочим, сближает русское «бог» (в архетипе bor-g) с немецким Brod - «хлеб[1]». (ср. Также польскоеz-bor-ze- «неснятый с полей хлеб»).

Любопытна, далее, еще одна черта в легендах о сурбах, родственная восточно-эллинистическим культам страдающих растительных богов. Рядом с юным богом растительности, олицетворяющий активную, творческую «мужскую» деятельность природы, появляется женское существо, воплощение пассивной, рождающей силы природы и земли, это женское божество воспринимается в двойственном аспекте-жены, любовницы (Иштар, Атаргатис, Кибела) и матери (Изида-дева Мир, в культе Митры, Кора в культе Диониса, христианская Мария). Здесь, рядом с Сарыбеком, мы видим его сестру (мотив о преследовании ее также родствен эллинистическим культам). На дороге из Джебраила в Гадрут есть чтимый сурб «Мина-Хорен» с характером культа, аналогичным уже описанному: по объяснениям местных жителей Мина была сестрой, а Хорен – братом. Может быть, влияние аскетически-монашеской традиции церкви превратила возлюбленную в сестру.

Далее черты того же культа мы находим в сурбе горы Зиарат, о котором мы уже говорили. Церковная легенда о горе Зиарате изложенная в книге «Յայսմավարք» «hАйсмавурк[2]» рассказывает, что в V веке, при жизни св.Месропа Маштоца, грузины, тогда еще «язычники», напали на лесную область Арцах (Карабах). Уведенная вместе с другими жителями пленница Такуи, прельстившая своей красотой грузинского полководца и не пожелавшая стать его наложницей, была убита им. Ночью разрубленные части трупа излучали таинственный свет. Пораженный полководец с сыновьями Мовсесом и Ераносом и всеми воинами приняли в день пасхи крещение. За эту «измену» его постигла кара со стороны грузинского царя. Спасаясь от царских воинов, сыновья полководца с группой верных им бойцов укрылись на Дизапайте (Зиарат); после неравной борьбы их убили, разрубили на части, сложили из частей трупов костер в виде стога и сожгли. Отсюда якобы и произошло название горы Дизапайт (Դիզապայտ) «жердь», «стог».

---

[1] Н.Марр. ***Яфетические зори на украинском хуторе**, стр.33 и 71. Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока, т.1 Ранион,1930, Москва*

[2] *Легенда точно приведенная в отрывке из подлинника в ст.* Давидбекова *«село Гадрут» в «Сборнике материалов для описания местности и племен Кавказа», т.* ***VI.*** *Здесь мы приводим легенду в общих чертах*

См. также Моисея Каганкатваци, *ч.1, гл.19*

Приблизительно в таком же изложении (с незначительными вариантами) нам приходилось слышать эту легенду от дизакцев. Однако, знают ее немногие. Большинство паломников, идущих на Зиарат в весенние праздники (на пасху или вознесение) или летом (на вардавар), не знает легенды, а идет поклониться «мученикам». Один старик-замзурец даже говорил, что на Зиарате погребен все тот же шаhахский мученик hАйрапет, который, мол, истек кровью в Шаhахе, но затем собрал силы и добежал до Зиарата. Очевидно, приведенная легенда – продукт церковного творчества, лишь отчасти использовавшего охристианенные общие сюжеты растительного культа - насильственную смерть с пролитием крови и жертвоприношением (костер) юных героев – мучеников (сыновей-полководцев): не обошлось здесь без женского божества с обычным мотивом любовного преследования.

Наиболее яркое проявление организованного дохристианского культа карабахских крестьян жертвоприношение – явно связано с культом растительных божеств; жертвоприношения людей и животных встречаем во всех подобных культах. Жертвоприношения животных дожили до наших дней, а о жертвоприношениях, наряду с быками и баранами, людей в древней Агвании говорит Моисей Каганткатваци[1]. О принесении людей в жертву дэвам и драконам говорит и Хоренаци[2]. Есть основание думать, что пережитки человеческих жертвоприношений удерживались у армян и агванцев долгое время и после принятия христианства. О случаях, когда истребление врагов рассматривалось современниками, как жертвоприношение, рассказывает Вардан Великий.

«В это время (659г.арм.э.-1210 г.н.э.) великий Закаре (Орбелян) опустошил Парсию (Персию) до самого Ардавила (Ардебиля), отмщая за пролитую кровь христианскую. По этой же причине он приказал сжечь их молельню, наполненную людьми, которых он принес в жертву князьям, погибшим в нахчаванских церквах[3], курраев же мухриев (т. е. чтецов корана и мударрисов) - в жертву святым священникам, зарезанным в Багуане…»[4]

«По взятии Ани, он (Алп Арслан, в 1064г.н.э.) зарезал тысячу человек в одной яме и выкупался в их крови. Говорят, он сделал это в виде жертвы, принесенной в честь своих покойников»[5].

С культом растительных страдающих божеств тесно связан культ солнечных божеств. Об его историческом прошлом мы уже упоминали. В наши дни следы его обнаруживаются достаточно явно. Наблюдение нашей поездки дают наиболее интересный материал в этом отношении о горе Ah Ohлан (тюркск. ag oglan - белый юноша) на самой границе Дизакского района А.О.Н.К. и бывш. Джебраильского у.в 5 км к югу от Аракюля.

Гора эта представляет собой скорее холм, возвышающийся метров на 150-200 над окружающей местностью в виде длинного отрога с узким гребнем. На самой высокой точке гребня и находится сурб (пир) Ah Ohлан. Здесь мы увидим такую же каменную ограду, как в Каму-хаче; в ограде - священное дерево, единственное на горе (Ah Ohлан, да и все горные отроги в этом районе, совершенно голы) и видимое издалека. Вокруг ограды, по склонам, - несколько десятков нагробных плит, б.ч. армянских – все не старые, 60-70-х годов XIXв.; зажиточные благочестивые люди в своих завещаниях нередко обязывали наследников похоронить себя на Ah Ohлане. Нечего и говорить, что здесь нет и недостатка в тряпочках на дереве, в следах свечей и жертвоприношений.

Рассказывают, что Ah Ohлан был героем наездником, удачно отражавшим нападения врагов и защищавшим жителей от их насилий. Его храбрость и покровительство слабым создали ему

---

[1] Моисей Каганткатваци, ***История агван***,*ч.1,гл.18*
[2] Моисей Хоренский, ***История Армении.Из парсийских сказаний о Бюраспе Аждахаке***.
[3] Резня армянских феодалов арабами в Нахичевани в 701г.н.э.. *См.* Гевонд Вардапет, *стр.31-33*
[4] Вардан Великий. ***Всеобщая история***, *стр.171. Пер. Эмина М.1861г.*
[5] *Там же, стр.127*

славу. Однажды отряд конных врагов окружил его на вершине горы; Белый Юноша защищался храбро, но силы были слишком неравны: его изранили и убили. Погребен на месте теперешнего сурба.

Ah Ohлан пользуется большим почитанием у тюркских и армянских крестьян. Жертвы приносятся по воскресеньям и пятницам. При нас больная старуха-армянка в Аракюле, которой принесли в кувшине воды из горного источника, текущего со склонов Ah Ohлана, набожно перекрестилась и выпила воду, вполне уверенная в быстром выздоровлении. Мусульманские муллы и имамы игнорируют пир, армянское духовенство также никогда не служило в нем служб, но, как передают, армянский «кешиш» - священник появлялся на Ah Ohлане в дни большого скопления богомольцев и собирал с них пожертвования. За последние 3-4 года «кешишей» на горе больше не видно. Насколько удалось выяснить, почитание дизакского Ah Ohлана распространено в округе радиусом приблизительно в 100км. Но дизакская гора - не единственное место почитания Белого Юноши. Подобно Зиарату, горы или местности с именем Ah Ohлан и с аналогичным культом или пережитками его встречаются и в других районах Карабаха и Зангезура. Нам известны по крайней мере еще три местности с этим именем; гора Ah Ohлан близ сел. Диваналиляр (в Варанде), местность близ Татевского монастря и река, на которой расположен монастырь Цицерна-ванк; может быть, и почитание этих сурбов первоначально было связано с образом Белого Юноши. Более, чем вероятно, что в Закавказье есть еще и другие местности с тем же именем и преданиями. Здесь мы, очевидно, имеем дело не с местным культом, а с мифом, получившим значительное распространение среди крестьян-тюрков и армян.

В культе Ah Ohлана переплетаются черты растительного и солнечного мифа. Он не охристианен даже внешне, образ его не связан с образом св. Георгия, подобно другому кавказскому земледельческому солнечно-растительному божеству - Белому Георгию, Тетри Георгию Грузии; Ah Ohлан – его несомненный родственник, но более счастливо избежавший христианизации. С другой стороны древнеармянский Bahагн Вишапакар, этот юноша, выходящий из пламени с огненными волосами и с глазами, словно два солнышка, не близок ли Белому Юноши Дизака? Битвы Bahагна с драконами –аждahакам, о которых рассказывает Моисей Хоренский, вполне под стать подвигами Ah Ohлана, героя – наездника. Его образ лишь осложнился образом растительного страдающего бога. Нам кажется не слишком рискованным сближение и самих имен Vah-agn и Ah Ohлан (Ag Oglan). Не невозможна мысль, что последнее имя является тюркским осмыслением первого, путем нередкого в армянской речи выпадения начального V (ср. Vorotan – Orotan - крепость и монастырь в Сюнике) и превращения agn, по законам тюркско-азербайджанского языка, в ahan (agan) с ударяемым конечным a; ahan было затем осмыслено, как ohлан (oglan), в соответствии с образом юноши - Bahагна. Ah (=Vah) было при этом также осмыслено, как ag белый. Прежде, чем пережить такой процесс перехода, в связи с появлением тюркского населения в Карабахе или отуречением местных, некогда обармяненных, насельников, имя Bahагна могло прожить в крестьянской среде века, благополучно игнорируемое церковной литературой.

Яфетическая наука устанавливает, что в ряде языков (в том числе и армянском) существует семантическая близость между понятиями «солнце», (которое, как творящая «мужская», сила природы, в свою очередь, обнаруживает хозяйственно-магическую близость с растительностью земли), с одной стороны, и «отрок», «подросток», «юноша» - с другой. Такая близость создается с окончательным установлением патриархата; на более ранних ступенях развития у яфетических народов солнце, наоборот, женского рода.

Выше нам уже приходилось говорить о находящейся в возвышении пола пристройки-гавита шаhахской церкви плите с изображением человеческой фигуры примитивного рисунка. Здесь мы видим вырезанную на камне фигуру совершенно не похожую на изображения человека, встречающиеся, напр., на надгробных плитах армянских кладбищ или на других памятниках армянского крестьянского изобразительного искусства. Техника рисунка, стиль, трактовка отдельных частей тела совсем иные. На плите мы видим почти круглую голову, напоминающую солнечный диск, руки без плеч, отходящие прямо от шеи, с чудовищными кистями, начинающиеся у сгиба локтя; пальцы, обращенные перпендикулярно к груди, с первого взгляда можно было бы принять за ребра, если бы они не отделялись от туловища, очень узкого, заканчивающегося широким квадратным животом, на котором ясно изображен солнечный диск с лучами. Этот диск – единственная деталь, которую можно встретить и на новых армянских надгробных плитах. Короткие ноги, равные по длине кистям рук, поставлены в профиль. При всем этом, изображение не производит впечатления просто неумелой примитивной работы; оно выдержано в своеобразном стиле.

Первое, что нам могло прийти в голову при такого рода находке, было предположение, что мы имеем дело с произведением доисторического искусства, найденным шаhахскими крестьянами и положенным в пристройке сурба. Эту мысль, однако, быстро пришлось отбросить уже хотя бы потому, что присутствие здесь изображения оказалось не случайным. В северной стене гавита, в местах, где штукатурка осыпалась, ясно видны два изображения солнечного диска на старинных камнях. Такое совпадение едва ли можно объяснить простым случаем.

В дальнейшей нашей поездке по намеченному маршруту нам несколько раз случалось наталкиваться на изображения, подобные приведенному. Почти сходное изображение мы видели на плите, лежащей у входа в здание бывшей церкви (ныне клуба) в Хоцаберте; изображение сохранилось хуже шаhахского (стерлись ноги и отчасти руки). По сообщениям крестьян, плита эта была взята с какого-то старого кладбища (теперь несуществующего) и положена на могиле одного из последних хоцабертских священников. В монастыре Великий Анапат близ Татева, к северу от церкви, на монастырском дворе, обрамленном аркадами, среди гробниц мы обрели плиту с верхней частью шаhахского изображения. Близ Кешишкенда, на склоне Богур-хана мы видели церковь - сурб. Церковь новая, постройки 1854г. судя по надписи, маленькая (5м. в длину и 3м. в ширину). В архитектурном отношении она не представляет ничего замечательного, но при постройке ее было использовано много массивных старых каменных плит с изображениями, которые по рисунку можно было бы отнести к XIII- XIVв. Здесь снаружи и изображения воинов с лицами монгольского типа, и церковные сюжеты, расположенные кругом церкви наподобие барельефов известной Ахтамарской церкви, среди них очень своеобразное изображение св.Георгия (тоже ведь солнечного бога); внутри же церкви на северной стене можно различить подобие шаhахского изображения – солнечный диск и слабо сохранившиеся контуры человеческой фигуры. Наконец, как нам передавал в гор. Горисе (Герюсах) местный археолог-любитель А. Г. Минасян, сходное изображение находится и на кладбище в Старых Герюсах, около древней церкви.

Очевидно в Шаhахе и других местах мы встретились со следами или переживаниями солнечного культа. В Шаhахе эти изображения служили культу, отправлявшемуся здесь же еще недавно, тогда как в Хоцаберте, напр., крестьяне положившие плиту на могиле своего «тертера», едва ли знали, что они кладут. Как бы то ни было, ни с чем иным, кроме культа солнечных божеств, связать эти изображения нельзя[1]. Плиты с этими изображениями, может

[1] Н.Я.Марр, ***С которым автору довелось беседовать при поездке его через Баку**, в мае 1930г., вполне согласился с этим нашим предложением*

быть, древнее тех зданий, где их поместили, но, конечно, они не сохранились от дохристианской эпохи. Скорее это стилизация в духе архаической сакральной традиции, доживший до XX века от дохристианской эпохи вместе с солнечными мифами.

Говоря о солнечных и растительных богах, заметим, что нам не кажется грехом допустить мысль, что и имя Сарыбека - Sar-beg -желтый бек, могло быть навеяно образом солнечного героя.

Распространенный в Армении культ быка также связывается с культом солнца. Так было и в исторических солнечно-растительных культах Передней Азии (достаточно вспомнить тавроболии в культах Митры и Аттиса), так было и в Армении; вишапы, найденные у оз. Севан (Гогча), имеют туловище рыбы, голову быка и изображение журавлей - небесных птиц на туловище. С подобным проявлением культа быка мы встретились близ Татева. Здесь, на горе, отделенной от Татевской горы ущельем, возвышается Зиарат-Окюз (Ziarat Oguz) араб. тюрк. (святыня быка). Эта груда массивных камней, о котором рассказывают, что некий благочестивый человек вел быка в Татев, чтобы принести его там жертву, но, почувствовав усталость, стал просить у бога позволения принести жертву, не доходя до монастыря. Получив разрешение, он заколол быка, а место жертвоприношения стало сурбом; по другому преданию, здесь погребен бык, таскавший на своей спине на крутую Татевскую гору массивные глыбы для постройки монастыря и надорвавшийся на этой тяжелой работе. За такой-то подвиг в честь быка воздвигли сурб. Обе легенды представляют собой, по-видимому, церковную переработку народного мифа.

Зиарат - Окюз привлекает, наряду с армянами, много тюрков кочевников, т.к. по распространенному поверью, помогает от эпидемий скота.

VII.

Подведем некоторые итоги. Дохристианские религиозные верования в среде карабахского армянского крестьянства, несомненно, существуют, и при том, не как пережитки только, а как подлинная религия крестьянской массы. Синкретический характер этой религии и наличие в ней представлений, относящихся к разным стадиям исторического развития и разным социальным формациям, не противоречат нашему утверждению, ибо не забудем, что те же черты присущи любой религии. Наряду с доанимистическими и анимистическими представлениями, элементами культа предков и культа тотемических и одомашненных животных, центральное место в этой религии занимает связанный с мифическим осмыслением хозяйственной деятельности крестьянина культ растительных и солнечных страдающих божеств, частью внешне христианизованный, частью отстоявший свое дохристианское лицо. Внешняя христианизация крестьянских верований, влияние церковных верований не должны переоцениваться исследователем, армянское христианство не могло сокрушить крестьянского мифотворчества или хотя бы ассимилировать его, именно потому, что ему никогда не удалось добиться социально-производственного осмысления своего культа крестьянством. Христианское влияние и свелось поэтому к частичному принятию христианской терминологии (боги и духи превратились в «сурбов» - святых и мучеников, иногда с христианскими именами), да некоторых обрядовых магических приемов, которые тем легче были усвоены армянским крестьянством, что сами представляли собой переработку магической обрядности восточно-эллинистических культов.

Этому нисколько не противоречит то обстоятельство, что крестьянин не сознает противоречия между христианскими и дохристианскими элементами своей веры: данной стадии развития вообще чужда мысль о религиозной исключительности. Собственно же идеология христианства никогда не была усвоена армянским крестьянством; больше того, карабахский

крестьянин сами имена бога и Христа теперь употребляет гораздо реже, чем имена своих бесчисленных сурбов и хачей.

Нам пришлось убедиться в почти полном тождестве верований армянских и тюркских крестьян, живущих в условиях одинакового (земледельчески-скотоводческого) хозяйственного бытия. Поэтому дохристианскую религиозную идеологию, о которой мы говорили, мы здесь рассматривали не как наследницу древнего армянского «язычества», или какой–либо другой прарелигии, а как идеологию, созданную определенной общественно – производственной группой – крестьянством, и противопоставляем ее не христианству или мусульманству, а религиям господствующих классов, в данном случае феодалов и торговой буржуазии, независимо от того, какую внешнюю форму (мусульманскую или христианскую) эти идеологии принимали. Мы считаем поэтому методологически правильным относить верования крестьян, армян, удин, грузин, хевсуров, сванов («христиан») и тюрков, татов и т.д. («мусульман») к одной идеологической системе.

Далее, мы подчеркивали, что наша работа далеко не исчерпывает всех проблем изучения крестьянских религий, а в некоторой части является лишь предварительной. Время разрешения ряда проблем еще не настало. Оно станет возможным тогда, когда применение методов социальной и религиозной палеонтологии и «религиозной семантики» приведет нас к познанию основных элементов яфетического и послеяфетических периодов развития «народных» религий и идеологий вообще. Яфетидология, вышедшая за рамки языкознания, указывает путь исследования и в нашей области.

В заключение, несколько слов о перспективе развития крестьянских культов. Нам уже приходилось говорить, что падение тех классов, на которой держалось армяно-григорианское христианство, увлекло за собой и последнее, обнажив скрывавшиеся под верхними христианскими слоями верования социальных низов. Положение ислама несколько более устойчиво, что объясняется тем, что ислам сумел в известной форме приспособиться к идеологии крестьянства; мусульманское духовенствои в последние десятилетия держалось по отношению к крестьянскому культу пиров и сурбов (в Карабахе, по крайней мере) более независимо и активно, чем христианское. Однако, в конечном счете, и оно лишь прикрывало то же «языческое» религиозное творчество крестьянских масс. Последнее проявило больше жизненности и силы инерции, чем религия господствовавших некогда, ныне разбитых, социальных верхов.

Но из того, что крестьянские верования сегодня оказались счастливее христианства и ислама, еще не следует, что историческое завтра застанет их столь же крепкими, что перспективы развития благоприятны для них. Ведь эти верования могут сохранять власть над умами крестьянства лишь в меру устойчивости индивидуального землепользования и хозяйства и того социально-культурного уклада, который с ними связан. Характерно, что уже в 1928г. мы могли во время карабахско-зангезурской поездки подметить, насколько дохристианский культ поддерживается теми слоями деревни, которые заинтересованы в сохранении старых форм хозяйствования и старого социального уклада в селе. Разумеется, здесь меньше всего можно мечтать о том, чтобы привлечь для подтверждения наших впечатлений статистические данные, однако, нам в ряде селений приходилось наблюдать, как культ сурбов, хачей, священных деревьев и т.д. поддерживается зажиточными слоями деревни. Эта поддержка выражается в постройке оград вокруг сурбов, в ремонте их зданий, в попытках придать больше организованности групповым жертвоприношениям в устройстве народных праздников у сурбов.

Наоборот, в тех селениях, где многие крестьяне побывали на работе в промышленном городе и оказались передатчиками влияния идеологии городского пролетариата, роль дохристианского культа сурбов и хачей падает. Процесс падения их, почти так же далеко зашедший, как и процесс падения церковной веры, нам приходилось наблюдать в высокогорных селениях Хоцаберта (в Дизаке) и Герензур (в Зангезуре). В Хоцаберте, например, в котором едва ли не

большинство крестьян имеет родственников среди рабочих бакинских промыслов и заводов, старые сурбы заброшены. Нам передавали, что после 1927г. паломничество на Зиарат прекратилось. На вардавар 1928г. на вершине Зиарата не было ни одного хоцабертца.

Дохристианские верования карабахского крестьянства, дожившие до наших дней и еще живые сегодня, не имеют исторической будущности. Происходящая сейчас коренная ломка социальных и производственных отношений в деревне должна повести к такой же ломке основных элементов крестьянской идеологии, при которой для старой земледельческой мифологии не останется места.

В. Петров

ЭТНОБОТАНИКА НАГОРНОГО КАРАБАХА

Растения в хозяйстве и в быту.

В течение летних месяцев 1934-1937гг. нам удалось охватить ботаническими исследованиями большинство районов Нагорно-Карабахской Автономной Области. Уже в начале обработки собранных материалов выяснилось, что особенности распространения отдельных видов растений по области нельзя объяснить, если не включить в круг исследования вопросы, связанные с взаимоотношениями между деятельностью человека и растительным покровом. Сбор сведений по народному опыту использования отдельных растений, начатый со второго лета полевых работ, продолжался и в последующие годы. Вскоре накопился значительный материал о способах и формах применения различных видов как в настоящее время, так, особенно, в прошлом. Одновременно выделилась довольно значительная группа древесных и травянистых пород, которая в последнее время уже не играла видной роли в хозяйственной жизни населения, но оказалась связанной с пережиточными культовыми преданиями, память о которых не совсем еще изгладилась у стариков и старух.

Материал, послуживший для составления настоящей книги, собирался путем расспросов населения. Перенесение работ в другие области и районы Азербайджана заставило подытожить то, что удалось собрать в Нагорном Карабахе. Публикуемые данные далеко еще недостаточны для создания на основании их целостной картины связи человеческого хозяйства и окружающего его растительного мира. Но есть два обстоятельства, которые побуждают ускорить опубликование собранных материалов.

Лишь при застойных формах полунатурального крестьянского хозяйства могли сохраниться до настоящих дней воспоминания о былом значении растений в быту и в культе. Сейчас, когда новые формы социалистического хозяйства окончательно победили, былая роль дикой флоры с огромной быстротой сошла на нет и самая память о ней почти исчезла. Только фольклор помогает сейчас в значительной мере воссоздать картину, как в мышлении общества определенной стадии развития отражалась извечная борьба человека с природой. Фольклорные данные, связанные с памятниками материальной культуры, собираемыми этнографами и археологами, позволят хорошо иллюстрировать подлинно научную историю Карабаха. Многое из прошлого, вероятно, уже ушло из памяти прежде, чем его удалось записать. Поэтому казалось важным сделать общедоступным то, что собранно к настоящему времени.

Организация в столице НКАО-Степанакерте - Областного краеведческого музея объединит вокруг себя всех краеведов области.

Мы надеемся, что, несмотря на свою неполноту, собранный нами материал во многом поможет краеведам области в сборе новых данных для воссоздания картины прошлого бытия и связанных с ним форм сознания.

Пристальное изучение способов народной технологии, неважно, будет ли это переработка пищевых веществ или архаические приемы керамического производства, открывает перед технической мыслью новые и, подчас, неожиданные горизонты. Задача, стоящая перед нами - со всем вниманием отнестись к многовековому опыту нашей многонациональной семьи народов Советского Союза, взять из него лучшее и передать нашей промышленности.

Одной из наибольших трудностей при систематизации сведений о применении растений является отождествление местного названия с общепринятым в науке латинским. Вероятно в этом и лежит причина незначительного количества ботанических названий, которые собираются во время лингвистических экспедиций.

Первое, с чем приходится считаться - это наличие в народной номенклатуре имен собирательных, общих для самых различных видов растений, если они могут быть объединены по какому - либо определенному хозяйственному признаку.

Так, например, в Карабахе под названием «птрах» (аз.)[1], которому семантически соответствует русское слово «прицепка», объединяются все виды растений, мелкие плоды которых легко прикрепляются к одежде человека и шерсти пасущегося скота. Термин этот в равной мере применяется и по отношению к сорным видам, как представители рода Lappula (из сем. Borraginaceae), репяшок, Agrimonia eupatoria L. (из сем. Rosaceae), зонтичное Torilis infesta Hoffm. (сем. Umbelliferae), так и по отношению к лесной чаровнице, Circaea lutetiana L. (сем. Onagraceae). Под названием «авиль» или «эвиль», соответствующим русскому «веник», объединяются как красильный закавказский дрок, Genista transcaucasika B. Schischk. (из сем. Leguminosae), с прутьевидными ветвями, так и заготовляемый на веники сухоцвет, Xeranthemum cylindraceym Sibth. et Smith (из сем.Compositae) или привозимые для продажи осенью с низменности в виде связанных веников соцветия солончакового кермека Мейера, Statice Meyeri Boiss. (из сем. Plumbaginaceae). Мало того, два низких кустарничка с прутьевидными ветвями, по-видимому никогда не заготавляемые на веники, Cotoneaster Fontanaisii Desf. (из сем. Rosaceae) и желтоцветный жасмин, Jasminum Fruticans L. (из сем. Oleaceae) называются: первый -«цик-авиль», второй «конач-авиль» (оба арм.).

Под именем «наз» (аз.) подразумевается – в Нагорном Карабахе закавказский дрок, Genista transcaucasica B. Schischk. (сем. Legiminosae), в пределах Кура-Араксинской низменности красильная резеда, Reseda luteola L. (сем. Rezedaceae), по южному склону Большого хребта конопляная датиска, Datiska cannabina L. (сем. Datiscaceae). Другими словами, мы встречаемся с объединением ряда несхожих между собой по внешнему виду растений, но сходных по определенному технологическому признаку – способности давать на шерсти выкраски желтого цвета.

Под наимнованием «тал» (арм.) в Карабахе подразумевается щирица, Amaranthus retroflexus L. (сем. Amaranthaceae) и белая марь, Chenopodium album L. (сем. Chenopodiaceae); здесь общим названием объединены два вида растений, которые весной используются в пищу как шпинат.

Иногда семантическая связь названий остается спорной. Под названием «свахот» (арм.), что в переводе означает «черная трава», в Карабахе понимается и горная форма злака овечьей овсяницы, Festuka ovina L. s. lat. (сем. Gramineae), фиолетово-окрашенными антоцианом колосками, и губацветное, душица, Origanum vulgare L. (сем. Labiatae), все надземные части которой также густо окрашены антоцианом в фиолетовый цвет. Но в то же время Origanum vulgare L. вместе с ветвями кустарника «чапки» Cornus australis C. A. M. применяется для получения черных выкрасок на шерстяной нитке. Неясно, называется ли Origanum vulgare L. черной травой потому, что находит применение в народной технологии крашения, или объединена в одно название с Festuka ovina L. s. lat. по признаку окрашенности антоцианом в темный цвет.

Наоборот, в других случаях мы встречаемся с очень тонкими разделительными названиями. Так, отдельные сорта мяты, которые шли в пищу и отличаются между собой по вкусу, но ботаниками объединяются под одним латинским названием Mentha longifolia L., носят различные народные названия: «дагц», «нэнук» и «рehан» (все три арм. в Джрабертском районе). Три вида дикорастущих щавелей имеют различные местные названия: Rumex acetosa L. - «тыртнджук», R. crispus L. - «шэп» и R. pulcher L. - «авялик».

---

[1] *В тексте (аз.) обозначает азербайджанское название, (арм.)- армянское название*

В некоторых случаях намечается как бы родовое название и видовые определения, до известной степени, в соответствии с принципами бинарной номенклатуры. Общее название «мош» (арм.) означает ежевику, т.е. виды рода Rubus из подрода Eubatus. Приставки перед родовыми названиями соответствуют различным видам ежевики: «мра-мош» - Rubus caesius L.; «арчи - мош» - Rubus caucasicus Focke; «эца-мош» - Rubus sanguineus Friv. Однако подобная номенклатура очень неустойчива и непостоянна даже в пределах одного района.

По тому же «бинарному» типу построен ряд других видовых народных названий, но под «родовым» определением объединяется ряд систематически далеких видов растений. «Ткян» (аз.) означает «колючка». «Беюрткян» (аз.) - ежевика, без различия видов, т.е. виды Rubus из подрода Eubatus (сем. Rosaceae); «кара-ткян» (аз.) - держи –дерево, Paliurus spina – christi (Mill.) C. K. Schneider (сем. Rhamnaceae); «сары-ткян» (аз.) - колючий желтый василек, Centaurea solstitialis MB (из сем. Compositae).

Наконец, ряд видов, не имеющих хозяйственного значения, получил народное названия от сходных с ними хозяйственно ценных видов. «Пэки» (арм.) - название зонтичного Hippomarathrum crispum (Pers.) Koch, черешки листьев которого в больших количествах засаливали. «Кюль пэки» (арм.) - название двух зонтичных, листья которых по форме могут быть смешаны с листьями съедобного Hippomarathrum crispum (Pers.) Koch, но которые в народе считаются ядовитыми: Peucedanum ruthenicum MB и Prangos ferulacea Lindl. От настоящего «шириш» (арм. аз.,), Eremurus spectabilis MB. со съедобной молодой листвой и находящими техническое применение толстыми корнями, название «каш-шириш» отличается серо-желтый касатик Iris sulfurea C. Koch, не обладающий хозяйственно - ценными свойствами.

Количество примеров могло бы быть увеличено, но в приведенных достаточно для иллюстрации того, насколько рискованно объединять сведения, связанные с местными названиями, без проверки, к каким ботаническим видам они относятся.

Далее, трудностью для понимания, почему то или иное растение могло играть большую роль в жизни местного населения в прошлом, является иногда почти полная невозможность оторваться от современности и посмотреть на растение глазами человека, живущего в совершенно иных хозяйственных условиях.

Почему в рассказах о применении дикорастущих видов играет такую видную роль «кичь» (арм.), береста дикой черешни, Cerasus avium Moench, или ветви хвойного дерева тисса «кэнэ» (арм.),Taxus baccata L. и ветви гуммитрагакантового астрагала, Astragalus erinaceus F. et. M., «вэси» (арм.) местного населения? Почему сохранилась и до сих пор в ряде сел традиция сеять около дома небольшое количество, иногда всего около половины квадратного метра, масличного рыжика, крестоцветного Camelina sativa Crantz s. l., «сорэк», хотя сейчас нигде уже не бьют рыжикового масла? Почему сейчас, когда в сельских кооперативах всегда можно достать сколько угодно спичек, старики берегут жгуты трута, сплетенные из волосков местной ястребинки, «hапет» Hieracium hypeurium Naeg. et Peter?

Только осмотрев сохранившиеся еще кое-где, главным образом, в Джраберте, правда, уже нежилые курные подземные дома без окон, «карадамы» (черные дома), как их называют в Азербайджане и как принято называть их в литературе, или «мец-тон» (арм., т.е. «большие дома»), как называют их в северном Карабахе; только представив себе, каково было жить в подобном вырытом в склоне холма помещении, со всегда влажным воздухом и светом, который падал сквозь единственное, проделанное в потолке отверстие для выхода дыма, который свободно ходил внутри здания, выедая глаза и покрывая бревна толстым глянцевитым слоем сажи, можно отдать себе отчет, какой гигантский скачок сделала область в наше время, не только перейдя жить из недр земли на поверхность, но и построив у себя дороги, школы, заводы, колхозы, фермы и т. д.

В плане джрабертский карадам имеет форму слегка вытянутого четырехугольника размером 7 на 8 м, 7,5 на 9 м – и даже 8 на 10 м и вполне оправдывает название «мец-тон», т.е. большой дом. Земляной пол карадама врезан в склон холма. Вскрытая раскопкой порода составляет заднюю и большую часть боковых стенок подземного сооружения. Передняя стенка, в которой проделана дверь, сложена из тесаного камня или валуна. Вынутый грунт образует перед домом выравненную площадку. От передней каменной стенки, шага на три или четыре в ширину, отходит укрепленная на резных деревянных столбах земляная крыша, образующая навес – примитивную веранду возле жилого дома.

Приблизительно на расстоянии метра от каждого из углов высятся «сютюны», могучие опорные бревна, имеющие в диаметре нередко свыше одного метра. Для изготовления их привозили огромные кряжи дубов или, реже стволы грецких орехов. Кряжи эти были настолько тяжелы, что для того, чтобы притащить их к месту постройки, в них впрягали по шесть-восемь пар рабочих волов, которые и тянули их волоком по подкладываемым коротким округлым деревянным каткам. На «сютюны», сужающейся кверху пирамидой накладывали горизонтально в три или четыре яруса дубовые бревна - «hphорми». В центре пирамиды, на высоте шести или семи метров от пола, оставляли отверстие «hûрт», приблизительно в один квадратный метр. Прямо под ним врытыми в земляной пол камнями выкладывали четырехугольник очага - «оджах». Поверх бревен сперва клали дубовые плахи «лопha», а на них покрытые хвоей лапки тисса или негной –дерева - «кэнэ» (арм.), Taxus baccata L.Лапки «кэнэ» покрывались слоем ячменной соломы, а поверх нее глины, которую особыми колотушками («так») крепко уколачивали, чтобы крыша не могла пропустить внутрь воду. Образующиеся со временем трещины постепенно замазывали слоем глины, отчего на старых карадамах (возраст их определяют в 60-100 лет) толщина крыши достигала 1,5 м.

Особые обычаи определяли время года и фазы лунного месяца, когда нужно было рубить намеченные для постройки стволы. Для того, чтобы заготовить в нужных количествах лапки тисса, у основания гигантских стволов разжигали костры и покрытые хвоей ветви срезали уже с рухнувших великанов.

Вдоль задней стены, между задними «сютюнами», оставляли свободную земляную площадку около метра шириной и нередко свыше метра высотой; здесь хранили хозяйственный инвентарь. В более позднее время площадку заменяли деревянным шкафом без задней стенки, с резными деревянными дверцами, навешиваемыми на кожаных петлях. Такой шкаф - «дюкан» служил для хранения запасов продуктов: вывернутых бараньих шкур, в которых в соленой сыворотке лежал овечий сыр «мотал»; в шерстяных тканых мешках запас небольших трехгранных кусков сушеного «мацуни» (кислого молока), «чоратан», шедшего зимой для изготовления своеобразного молочного супа, «килингеш», который заправляли сушеными душистыми травами и также высушенными заплетенными в косы крупными листьями щавеля «авялик», Rumex crispus L. Поверх шкафа ставилась вырезанная вручную липовая и карагачевая деревянная посуда (тазы и мерки), кружки и медные казаны, в которых варили и пищу и краски.

Против «дюкана» у передней стены карадама стоял открытый шкаф - «тхтатег», в который на день складывались постели обитателей дома и запасные для гостей. Постели состояли из матрацов, набитых осенней короткой шерстью, и стеганых одеял, наполненных мягкой весенней шерстью. В «тхтатег» помещались и мягкие ковровые сундуки «мафраш», в которых хранились приданое и парадные наряды.

Ряд высоких, в человеческий рост корзин, «амбар» (арм.), сплетенных из веток лещины, «ткогны» (арм.), Corylus avellana L, иногда обмазанных снаружи глиной, в которых хранилось тщательно промытое и высушенное на солнце пшеничное зерно, составляли как бы внутреннюю стенку карадама, разделившую его и отгораживающую вход от очага, к

которому поэтому нужно было подходить по образовавшемуся таким образом корридору. Корзины покрывались дубовыми плахами, на которые ставили деревянные плоские корыта «ташт», служившие для замеса хлеба, выпекавшегося на рубчатых стенках расположенной рядом с «мец-тоном», врытой в землю и защищенной от дождя конической крышей на четырех столбах хлебной печи «тонир» или «торен».

Меблировкой «мец -тона» (карадама) служили ковры «гяба», ткавшиеся женщинами, главным образом зимой, да плоские дубовые торцы «сндалак», которые обычно стояли на ребре возле стен. В холодное время торцы подкатывали к огню и покрывали шерстяными матрацами, на которых сидели. Дрова для очага часто не рубили, а втаскивали в «мец-тон» огромное бревно, наружная часть которого выступала в открытую дверь, горящий же конец лежал на камнях очага. Бревно могло гореть несколько суток, давая тепло и служа в то же время сиденьем.

Обстановку карадама дополняли: несколько медных кувшинов «пгндзи- кож» для воды; выдолбленное липовое бревно со вставленными днищами, подвешенное к «hphорми» на плетеных из разноцветной шерсти веревках («кяндир») и служившее маслобойкой - «хнэци»; ткацкий станок («джлкавер») из грушевой древесины; укрепленная на правом заднем «сютюне» подвеска для резных деревянных ложек («ктûл-аман») и крюк «чрак-кали»- в более старое время для подвески черешневой лучины «кечи» или высушенных стволиков гуммитрагакантового астрагала, служивших лучиной, а позже металлического светильника «чрак», в котором сжигали фитиль, погруженный в льняное масло; высокий отшлифованный деревянный треножник «тшты-кали», на который ставили поднос с хлебом «hац» (для того, чтобы до него не могли добраться мыши), запасной трут из волокна «hапэт» и огниво, лежавшее в неглубокой нише в стене. В таком карадаме жила неразделившаяся семья, достигавшая иногда сорока человек. Сюда входила невеста, осыпаемая зрелыми орехами лещины, чтобы занять место за занавеской в переднем правом углу и провести, пользуясь исключительно языком жестов, первые годы своей семейной жизни.

Если жилище по сохранившимся памятникам материальной культуры и по воспоминаниям удается восстановить с достаточной полнотой, то нельзя сказать того же относительно одежды. По-видимому в горных районах среди растительных волокон господство принадлежало до середины прошлого столетия льну. Сейчас культуры прядильного льна - долгунца и специфически для него свойственных растений - сорняков в Карабахе обнаружить не удается. Между тем народное название разводимого в настоящее время масличного льна-кудряша, «ктавhат», что в переводе означает «холстинное семя», говорит о производственном приоритете именно прядильных, а не масличных сортов.

Не сохранилось в памяти также использование в изготовлении тканей волокна каких-либо дикорастущих растений: конопли, «сиремна» или «кинэп» (арм.), под которой подразумевают и культурную и дикую (Cannabis sariva L. и Cannabis ruberalis Janisch.) и крапиву, «пенджар» (арм., аз.), Urtica dioica L.

Значительно более устойчивым оказался пищевой режим населения, сохранивший еще использование значительного количества дикорастущих видов растений. Однако, несмотря на обилие данных, дать сколько-нибудь правильное представление о пищевом режиме трудно. Взять в правильном масштабе и одновременно в историческом разрезе роль пищевых дикорастущих растений в общем пищевом балансе населения – задача, которую не только не решали, но в полном объеме еще и не ставили. Для своего решения она требует не только прекрасного знания истории изучаемой области, но и подводит к решению таких основных вопросов исторической ботаники, как проблема областей зарождения земледельческих культур и путей образования культурных видов.

Для горных стран, подобных Нагорному Карабаху, вопрос этот решается еще сложнее, так как приходится учитывать посезонное перемещение значительной части населения с его стадами в пределах различных высотных поясов. Там, где горы с их тучными субальпийскими пастбищами находятся в непосредственной близости от обширных низменностей, лишенных снегового покрова зимой, но выгорающих летом, нельзя изучать историю экономического развития равнин и гор отдельно друг от друга. Сопряженность хозяйства равнины и горных лугов в прошлом, когда не земледелие, а скотоводство было основной формой хозяйства, должна была выступать еще более резко. Вместе с тем, нельзя забывать и средние горные пояса, в настояшее время занятые остатками массивов дубовых лесов. Та картина, которую мы видим сейчас, поднявшись на одну из вершин южного Карабаха, является картиной очень далекой от исходного ландшафта, встреченного здесь человеком на ранних стадиях его культурного развития.

Ботанический анализ флоры и растительности Карабаха заставляет думать, что первоначально человек столкнулся здесь со сплошными массивами лесов, среди которых обнаженные, покрытые ксерофитной растительностью, склоны играли совершенно подчиненную роль. Таким образом ассортимент видов дикорастущих растений, находивших пищевое применение, вырабатывался не только в совершенно иных экономических, но и естественно – исторических условиях.

В настоящее время мы еще бессильны проследить, как и в пищевой рацион населения входили отдельные виды растений и в какой постепенности одни сменяли другие. И, хотя во все времена года руководящая роль в питании принадлежит продуктам сельскохозяйственного производства, все же сохранилось отчетливое сезонное распределение состава пищи. При этом в отдельные моменты роль дикорастущих пищевых растений еще достаточно заметна.

По - видимому сезоном, когда дикорастущие пищевые растения играли в пищевом рационе населения наиболее важную роль, была не осень,- период сбора и реализации урожая полевых культур и сбора плодов во фруктовых и ореховых садах,- а весна, когда острее всего ощущалась нехватка сделанных на зиму пищевых запасов. Особенно в неурожайные годы весна была иногда в полном смысле слова периодом травоедения, листоедения и использования хлебных суррогатов.

Подавляющее большинство дикорастущих растений, применение которых сохранилось в Карабахе до настоящего времени, используется ранней весной.

Наибольшее количество видов идет в пищу в отваренном виде. Так приготавливают сахаристые корни «молочной травы», «катнахот», Tragopogon reticulatus Boiss. et Huet, луковицы «хэнджелос», Ornithogalum platyphyllum Boiss., молодые стебли «кырмызюк», Polygonatum polyanthemum (MB) Dietr., «цинэпак», Asparagus verticitillatus L., «шрмышог», Humulus lupulus L., молодые листья «авялик», Rumex pulcher L., «тыртынджук», Rumex acetosa L., «шириш», Eremurus spectabilis MB., наконец, вся молодая надземная масса «тал», Amaranthus retroflexus L., и Chenopodium album L., а особенно излюбленных, дающих богатые слизью отвары, «пиперт», Malva neglecta Wallr., и портулака, «перпер» или «тяндорны», Portulaca oleracea L. Два последних вида не являются также крепко связанными в своем использовании с весенним периодом, как все остальные.

Наименьшее количество видов применяется в пище в сыром виде. Салатное применение находит молодая зелень крапивы, «пенджар», Urtica dioica L., кислого щавеля, «тыртынджук», Rumex acetosa L., пастушьей сумки, «цты-пашар», Capsella bursa-pastoris (L.) Med, мака, «потуткун», Papaver sp.div., особенно же одичавшего Papaver somniferum L., кресса, «чирикутэм», Nasturtium officinale L., и, главным образом, мелкого лесного лука, «хазаз», Allium paradoxum (MB) Don., который, начиная с середины апреля и до середины мая,

заполняет собою местные базары. Помимо салатной зелени, употребляемой в пищу в посоленном виде, а иногда и смешанной с растительным маслом и уксусом, в большом количестве используют очищенные от коры толстые черешки лопуха, «кротны», Arctium tomentosum Mill., «глган», Cousinia macrocephala C .A. M. и водяные побеги «набат», диких видов шиповника, Rosa sp. div. и винограда, Vitis vinifera L.

Наконец, до самых последних дней весны изготовлялись традиционные «женгела-хац», пирожки из пшеничной муки с начинкой из мелко изрезанной зелени различных дикорастущих травянистых растений, тушеной на растительном масле. В качестве начинки использовали листву самых различных видов; сейчас используют, главным образом, три вида сорняков, которые могут без особых затруднений быть собраны в непосредственной близости от человеческого жилища: крапиву, «пенджар», Urtica dioica L., мокрицу, «чурчурок», Stellaria media (L.) Cyrill. и пастушью сумку, «цты-пашар», Capsella bursa - pastoris (L.) Med. В качестве широко распространенной отдушки в начинку женгела-хац кладут молодые листья начинающей в это время зацветать душистой фиалки, «манишак» Viola Wiedemannii Boiss.

В последний раз использование в большом количестве хлебных суррогатов имело место в Нагорном Карабахе 1919-20гг., в период разожженной мусаватистами и дашнаками межнациональной резни, когда большие площади зерновых культур остались вовсе незасеянными, а то, что было засеяно, не везде удалось убрать. В эту чрезвычайно тяжелую для населения пору возродилась, казалось, уже давно забытая традиция пищевого использования дубовых желудей. При сборе сведений, однако, выяснилось, что лишь немногие семьи безнаказанно питались желудевым хлебом; в ряде случаев применение желудей приводило к тяжелым, иногда смертельным, заболеваниям пищеварительного тракта. По-видимому, для пищевого использования без вреда для здоровья желуди предварительно должны были быть подготовленны проращиванием или вымачиванием в воде. Кроме того отдельные формы (если не виды) дубов отличаются между собой по богатству содержания таннидов. Не пострадали только те семьи, в составе которых были старики, умевшие распознавать малотаннидные сорта желуди и подготовить их для еды. Поскольку и желудей не хватало, находили другие заменители. В качестве таковых указывали на зрелые одревесневшие плоды держи-дерева, «цаки», Paliurus spina-christi (Mill.) C. K. Schneid., мука из которых шла на суррогатирование желудовой, и корневища рогоза, «джиль», Typha Laxmanii Lepech., растения в Карабахе достаточно редкого, которое привозили с низменности.

Подобный возврат к, казалось бы, давно забытым традициям, представляет исключительный интерес тем, что проливает свет на очень древние и почти не дошедшие до нас в устном предании приемы архаической технологии и споры использования растений. Здесь уместно вспомнить, что в 1936 г. во время случайного сбора археологического материала из разреза через культурный слой близ с. Дашшен (неподалеку от Степанакерта) пришлось встретить совершенно обугленные дубовые желуди, переполнившие один из участков разреза. Трудно истолковать эту находку иначе, как следы сохранившегося пищевого запаса человека, жившего в эпоху отложения рассматриваемого слоя. Подобранный здесь же кремневый вкладыш в серп позволил археологу А. П. Круглову (Ленинград) высказать предположение, что возраст находки датируется временем поздней бронзы, т. е. приблизительно первым веком до нашей эры. Остатки желудей одновременно с орехами лещины были встречены нами и в верхнем, почти современном культурном слое пещеры Варван близ с. Азох (в Дизакском районе). По преданиям, в этой пещере укрывалось население окрестных сел во время русско-персидской войны начала прошлого столетия.

Таким образом, можно предполагать, что повторившееся в Карабахе в 1919-20 гг., в период мусаватско-дашнакского разгула, пищевое применение дубовых желудей является

последней вспышкой исторической традиции, имевшей за собою многотысячелетнюю давность.

Особое место среди весенних пищевых растений Карабаха занимают степные трюфели, «томбалан», как их называет и армянское и азербайджанское население, Terfezia transcaucasica Tichomir. Распространенный только в восточной части Мартунинского района, томбалан не играет роли в питании основной массы населения области. В пищевом рационе населения восточных предгорий его значение, как источника пищевых белков, вероятно, не меньше, чем в остальных полупустынных районах Средиземноморской области, где распространены виды рода *Terfezia*[1].

Летом пищевой рацион населения может быть характеризован резким снижением количества потребляемых дикорастущих видов растений, заменяемых молочным столом. На смену дикорастущим видам растений приходят также огородные культуры.

На лето в основном приходится заготовка дикорастущих растений на зиму: засолка, сушка, а маринование, по-видимому, вовсе не было в ходу.

В наибольших количествах до настоящего времени ведут засолку «пэки»-листовых черешков зонтичного Hippomarathrum crispum (Pers.) Koch; в меньших заготовляют черешки дригих зонтичных: «киназох» Anthriscus nemorosa MB, и «шошан», Falcaria Rivini L. Перпер (Portulaca oleracea L.) используют лишь в очень небольших количествах: сейчас его засаливают главным образом по традиции: им выкладывают первый ряд при засолке огурцов и помидоров и местной черешковой свеклы «ткатэр», в то время как раньше, по рассказам, засолка портулака играла видную роль среди домашних заготовок на зиму.

В предгорном поясе Мартунинского района до конца прошлого десятилетия были сосредоточены массовые заготовки каперцов, «капар» (арм. аз.), Capparis spinosa. Он находил сбыт не только в пределах области, но и вывозился (частично на экспорт) в количестве нескольких сотен тонн ежегодно. Для домашнего употребления засаливали как молодые цветочные бутоны, так и начинающие распускаться цветы и молодые побеги с еще недоразвившимися листьями.

Процесс засолки по народным рецептам интересен тем, что в нем до известной степени идет саморегулировка микробиологических процессов. Во всех известных нам случаях засолку вели при помощи немолотой каменной соли, обычно доставляемый в Карабах вьючным путем с Нахичеванского соляного месторождения. Обмытые холодной водой плоды только ошпаривают кипятком, после чего их укладывают в глиняную посуду рядами, переслоенными душистыми травами. Изложенная крупными кусками соль чрезвычайно медленно растворяется в отдаваемом растениями соке, в связи с чем также постепенно увеличивается концентрация раствора. На начальных стадиях засолки энергично идет молочнокислое брожение и жидкость приобретает остро-кислый вкус. По мере дозревания снимаемых овощей, к тому моменту, когда они приобретают необходимую степень мягкости, крепость рассола настолько возрастает, что начинает тормозить, а затем, по-видимому, и вовсе приостанавливает молочно-кислый процесс. В условиях хранения при невысоких температурах овощи оказываются законсервированными настолько качественно, что они хранятся больше годабез потери своих вкусовых достоинств.

Летом же ведется и сушка дикорастущих растений: листьев «кыртпыгын», Polygonum aequale Lindm.; листьев двух видов щавеля, «шэп», Rumex crispus L. и «авялик», Rumex pulcher L., которые заплетают косами и вывешивают сохнуть в тени на чердачные стропила. Помимо душистых огородных трав, как «самэд» (укроп) и «кинза», заготовляют благовонные листья пахнущих розами сортов чабреца «хорна» (арм.) или «кяклик-оту» (аз.), Thymus

[1] *Известна важная пищевая роль трюфелей из рода Terfezia в рационе кочевников –арабов Сирии и Палестины*

transcaucasicus Rohn. и другого душистого губоцветного, «цитёран», Satureja hortensis L. Последний собирают частью из дикорастущих зарослей, частью с огородов, где его регулярно подсевают подобно тому, как подсевают Portulaca oleracea L. В небольших количествах сушат мяту «рэhан», один из сортов Mentha longifolia L. Наконец, в период созревания и уборки ячменя велся сбор созревающих к этому времени дикорастущих масличных растений сложноцветного «глган», Cousinia macrocephala C. A. M., губоцветного, эфиопского шалфея, «андуз», Salvia aethyopis L. (который в юго-восточном Карабахе в старину возделывался) и бурачникового «топалар», Echium vulgare L.

Быт и пищевой режим населения, оставшегося в селах и вышедшего на места, в прошлом – летних становищ, в настоящем - высокогорных колхозных ферм, различны. На субальпийских лугах все подчинено интересам обслуживания скота, сбора молочно-масляных скоп, изготовления сыров и сушки консервов из сбоины, «чоратан». Хлеб выпекают внизу в селах и завозят на эйлаги один раз в несколько дней. Засохший хлеб смачивают водой и ставят у тлеющих углей очага. Через несколько минут он приобретает первоначальную свежесть. Пресный молочный стол сдабривается душистыми травами, особенно «хорна», Thymus transcaucasicus Rohn., идущим на отдушку «танов», молочного супа, приготовляемого из кислого молока, «мацуни», в который бросают куски разогретого хрустящего плоского хлеба «hац».

Осенью дикорастущие растения снова начинают занимать важное место в пищевом рационе; но в основном это уже не травянистые части растений, а их плоды. Тогда же начинается заготовка плодов на зиму и весну.

При систематизации материала, относящегося к осенним пищевым заготовкам, мы сталкиваемся с неожиданной трудностью: по какому признаку провести грань между дикорастущими и культурными плодовыми растениями?

Почти до сих пор при разбивке садов для отборки посадочного материала идут в лес: разнообразие дикорастущих сортов необычайно велико. Кусты, молодые деревца пересаживают, побеги режут для прививки; перенесенный в сад материал начинает получать известный уход, в первую очередь регулярные поливы и, таким образом, «дикари» получают такой же уход, как и культурные виды растений. Когда под сад расчищают участок, ранее занятый лесом, дикие плодовые породы не вырубают, а рядом подсаживают культурные сорта. Через несколько десятилетий бывает почти невозможно решить, с чем приходится иметь дело: с остатками леса или с запущенной садовой культурой? Наконец, нередко бывает, что в давно нерубленном лесу отдельные участки насаждения сложены плодовыми породами. Обычно более тщательные поиски позволяют разыскать вблизи остатки разрушенной крепостной башни, старой монастырской стены или площадь бывшего населенного пункта. Сорта растущих здесь фруктовых деревьев мало чем отличаются от тех, которые можно встретить в старых садах, и грань между дикорастущими и культурными растениями оказывается реально неуловимой.

Начинают осенние заготовки обычно с варки кислой пастилы, «лаваша», из плодов собираемых в лесах и садах необлагороженной культурой «шлёре» (арм.), «алча» (аз.), Prunus divaricata Ldb. Алчу отваривают в небольшом количестве воды; мякоть, освобожденную от косточек и кожицы, варят на медленном огне. Затем полужидкую массу разливают в неглубокие деревянные корыта. Когда масса, покрывающая дно, достигает достаточной плотности, ее в виде тонких листов развешивают на солнце для просушки. Лаваш не только весьма важный пищевой запас для изготовления кислых супов, но и вещество, экстрактом которого, смешанным с квасцами, предварительно пропитывают шерстяную нитку при крашении ее мареной в темнокрасный цвет.

Но больше всего в Карабахе любят кизил, Cornus mas L. «hюн» (арм.) или «зоhал» (аз.). До сих пор при закладке садов за посадочным материалом кизила всегда идут в лес. Разнообразие дикорастущих сортов громадно. На пространстве одного километра горного склона можно встретить и мелкоплодные формы; такие, у которых плоды шаровидные и вытянуто-грушевидные; формы, созревающие уже в последних числах июля и не вполне поспевающие в конце сентября; с плодами коричнево-красного, карминного, темнопунцового, исчерно-фиолетового и, как редкость, даже янтарно-желтого цвета.

Изредка из кизила делают лаваш, такой же, как из плодов алчи. Но чаще полузрелый еще плотный кизил отваривают в воде, отбрасывают в длинные плетенные корзинки, «салакна», которые служат решетом, и растилают в деревянных корытцах, «хонча», высыхать на солнце. Слитый сок собирают; он остро-кислого вкуса и его используют в хозяйстве, как уксус. Сушеный кизил «ахта» (без косточек) или «чор - hюн» (с косточкой)- непременная приправа к еде. Он служит приправой к супу, им начиняют курицу, его кладут в плов. Наконец сок сушеных плодов, настоенных в течение суток в воде, наряду с настоем из плодов шиповника широко применяется местным населением, как лечебное средство от малярии и сильного истощения. Для варенья употребляют богатые пектином сорта кизила, благодаря чему получают плотное душистое желе.

Осенью производится также заготовка зрелых красных плодов «сумах», Rhus coriaria L., которые в высушенном, протертом и просеянном виде применяются в хозяйстве, как непременная приправа к мясным блюдам.

Для сушки широко используют плоды собираемых в лесах и садах полукультурных сортов яблони, «тззани» (арм.) или «алма» (аз.), Malus orientalis Uglitzk. и груши «тандзи» (арм.), «армуд» (аз.), Pirus communis L. В пределах нижнего горного пояса, где леса почти полностью уничтожены, нередко можно видеть среди полей одинокие невысокие стволы с совершенно шаровидной кроной серовато-зеленого цвета. Иногда подобные деревья стоят более часто и местность приобретает облик своеобразного «поле-сада». Это деревья иволистной груши Pirus salicifolia Pall., «мохру-тандзи» (арм.), что в переводе означает «пепельная груша», называемая так из-за цвета своих узких серебристо-опушенных листьев, стволы которых не рубят при закладке полей. Ее мелкие душистые шаровидные плоды в большом количестве собирают в августе. Иволистная груша идет в пищу в сыром виде.

Непосредственно в пищу, либо на изготовление варенья используют темнолиловые, покрытые дымкой воскового налета, мелкие плоды дикого терна, «мамхэ»(арм.) «гейям»(аз.), Prunus spinosa L., который образует вдоль дорог непролазные колючие чащи.

В меньших количествах собирают на зиму плоды коричневой глоговины, «тци-тандзи» (т.е. «птичьей груши», арм.), Sorbus torminalis (L.) Crantz и оранжевой цельнолистной рябины, Sorbus umbellate (Desf.) Fritsch, «hалуч» (арм.). Плоды рябин, так же, как и крупноплодного восточного боярышника, Crataegus orientalis Desf., и диких шиповников, «мhассур» собирают в лесах. Глоговину, рябину и боярышник до середины зимы сохраняют в свежем виде.

В совершенно ничтожном количестве заготовляют ягоды восточного барбариса, «кут-цухур» (арм.), Berberis orientalis C. K. Schneid., которые подобно сумаху служат приправой к мясным блюдам. Красноплодную жимолость, «церакоткот» Lonicera xylosteum L., не заготовливают, а при случае используют в пищу осенью; ее плоды, обычно горькие и несъедобные, в Карабахе приторно-сладкого вкуса и почти вовсе не содержат горечи.

Наконец, последней по времени идет на зоготовки мушмула, «шишка», как ее зовут в Закавказье русские, «зыкэр» (арм.) или «азгиль» (аз.)- Mespilus germanica L. Для того, чтобы плоды мушмулы получили свой настоящий вкус, похожий на вкус яблочной пастилы, и приобрели мягкость, их должен побить мороз. Еще твердые, незрелые плоды шишки в очень

больших количествах собирают в лесах в октябре - ноябре и хранят в амбарах, иногда их мочат, после чего они приобретают мягкость и вкус пастилы, но с кваском.

Грибы, играющие осенью такую видную роль в пищевом балансе северных областей Союза, хотя и встречаются в Карабахе, но в пищу почти не идут. Исключение делают для растущего на гнилых дубовых стволах «цмакэтапан», Sparassius ramosus L., который отваривают в соленой воде, а затем поджаривают на масле. Реже применяют шампиньоны, «сойны», Psalliota campestris(L) Fr.

Особое место среди заготовок, проводимых осенью, занимают орехи: мелкие орехи лесной лещины, «ткогны» (арм.), «фындых» (аз.), Corylus avellana L., и грецкие орехи, «чhопур» (арм.), «коз» (аз.), Juglans regia L.

В Карабахе не пришлось встречать садов лещины, как в других районах Азербайджана, например в Закатальском, где в больших количествах разводят культурную лещину, Corylus pontica C. Koch. Естественные заросли лещины в виде подлеска чрезвычайно обильны, а на местах сплошных лесосек в пределах среднего горного пояса Corylus avellana L. образует и чистые насаждения вторичного происхождения. Сбор орехов производится повсюду. Большие запасы их сохраняют на зиму.

Еще большую роль в зимнем, а отчасти и в весеннем питании населения играет грецкий орех, порода не встречающаяся в диком виде, но образующая местами крупные искусственные насаждения. Наибольший из подобных массивов расположен в Джрабертском районе северного Карабаха, на площади около 1000 га между селениями Верхний hоратаг, Арутюна-Кюмир и Вагуас, по правому берегу среднего течения р. Тертер. У села Вагуас, смысловое значение названия которого местным населением забыто, есть азербайджанское название - «Козлу», что означает «ореховое».

Деревья грецкого ореха, иногда образующие здесь на ступенях старых речных террас своеобразные «поле-сады», большей частью разбросаны среди пшеничного поля на расстоянии 75-100 м друг от друга. В обхват стволы имеют от 2,0 до 2,5 м. Выборочное исследование показало, что возраст их приблизительно одинаков, от 175 до 200 лет.

В поле - саду близ с. Арутюна-Кюмир, между деревьями можно подбирать осколки хорошо обожженых изразцов, покрытых прекрасной ультрамариновой глазурью, черепки глиняной посуды и куски дымчатого стекла. По-видимому ореховый поле-сад разросся на месте какого-то жилья, память о котором у местного населения не сохранилась. Местами ореховые деревья смыкаются, образуя лесо-сад; в таких случаях к ним обычно примешиваются разносортные груши, яблони, алча, кизил, мушмула. Подобные орехово-фруктовые лесо-сады тянутся на гектары. Вероятнее всего, что это памятник хозяйственной деятельности расцвета эпохи-середины XVIII века, и было бы чрезвычайно благодарной задачей сравнить сохранившиеся до сих пор посадки с данными исторических документов[1] .

В конце XVIIIв. край был опустошен иранскими захватчиками и распространившейся здесь чумой. Население разбежалось; когда же оно вернулось, деревья сильно выросли. Грецкий орех вошел в новый хозяйственный быт не только как пищевая культура, но и как постоянный источник дохода жителей.

Девяностолетний старик Ишхан Аветисов в с. Арутюна-Кюмир рассказал нам, что к моменту созревания орехов вся жизнь в селах замирала. Имущество выносили из «мец-тонов» в конюшни; очаг вопреки традиции гасили, дверь закрывали, с верхнего дымоходного отверстия крыши снимали предохранительную решетку; таким образом дом превращался в огромный закром, куда ссыпали собранный урожай орехов. Постепенно вьюками орех перебрасывали в с. Нижний hоратаг, невдалеке от Мардакерта, куда съезжались скупщики.

[1] *По преданию, земли с. Арутюна-Кюмир принадлежали монастырю Ирек-Мангук, расположенному вблизи по р. Турага-чай, имевшему здесь мастерские, в которых работали крепостные крестьяне*

Верблюжьими караванами орех везли в Баку, а оттуда «к Макарью». По-видимому, под последним надо понимать Нижегородскую ярмарку.[1]

Другие культивируемые и легко дичающие древесные породы, как «тузны» (арм.) или «инжир» (аз.), Ficus carica L., гранат, «норнэ» (арм.), «нар» (аз.); Punica granatum L. «унаби», Ziziphus vulgaris Lam., «пшат», Elaeagnus angustifolia L. f. Culta Sosn, имеют значение только для низменности и предгорий, так же как и местный «перец», «сэв-тахтег» (арм.), Vitex agnus-castus L., пряные семена которого используются населением для отдушки кушаний, подобно душистому перцу. Одна лишь айва, «сэргэвиль» (арм.), cydonia oblonga Mill., распространена достаточно широко в пределах среднего лесного пояса, легко дичает и образует насаждения на месте исчезнувших жилых площадей. Например, на место развалин города Майракаhак на правом берегу р. Тертер, крепостные башни охранявшего город укрепления называются местным населением «Сэргэвлясэр», то есть «айвовый перевал». Плоды айвы в течение зимы идут в пищу в печеном виде, а осенью на изготовление варений.

При перечислении видов растений, находивших пищевое применение, часто приходилось упоминать об одновременном медицинском их применении. При изучении народного питания во многих случаях бывает чрезвычайно трудно разграничить, что падает на долю чисто калорийного значения продукта и что относится к диетической или тонизирующей роли. Как правильнее расценить заготовку пряных стеблей различных зонтичных? Их калорийность стоит под весьма большим вопросом. Почему же еще в недалеком прошлом они являлись обязательными для стола? Подобными же веществами, не имевшими калорийного значения, были: лаваш из алчи, кизил, сумах, и т.п. Не калорийными были и отдушки, особенно обильно использовавшиеся при однообразном молочном столе.

Если роль водных экстрактов кизила, как универсального лекарства от малярии и истощения, не совсем ясна, потому что мы не знаем его витаминности, то смысл заготовки и приготовления укрепляющих напитков из сырых плодов диких шиповников указывает вполне определенно на применение витаминных концентратов, высоко ценившихся населением задолго до того, как витамины получили широкое признание в современной науке о питании. По–видимому, к этой же группе источников витаминов надо отнести и маловкусные плоды боярышника, Crataegus orientalis Desf., цельнолистной рябины, Sorbus umbellate (Desf.) Fritsch и глоговины, Sorbus torminalis (L.) Crantz, которые заготовлялись на зиму и применялись в пищу только в сыром виде.

К числу кушаний в большей степени диетического значения надо отнести и слизистые супы из «пипэрт», Malva neglecta Wallr. и портулака «тяндорн», Portulaca oleracea L., к которым в домашнем хозяйстве прибегают не только в повседневном столе, но и в случаях желудочных заболеваний.

Широкое применение повсюду находит истертая листва подорожника, «кишнук-корн» (арм.), Plantago major L., способствующая при наложении приостановке кровотечения и быстрой грануляции резаных ран. У азербайджанского населения Шушинского района для той же цели применяется листва «кара-йонджа» (аз.), Trifolium fragiferum L. Подобными же средствами помощи при острых желудочных заболеваниях являются настой на богатых дубильными веществами листьев айвы, Cydonia oblonga Mill, и мушмулы, Mespilus germanica L. С той же целью применяют перемолотые в муку богатые таннидами косточки кизила, Cornus mas L.

Более серьезные и длительные способы лечения приходилось наблюдать только случайно. Так, для лечения ревматизма применяли горячие паровые ванны из листьев крапивы, Urtica dioica L., варящихся с небольшим количеством воды, а в Джраберте с той же целью

[1] *В старых русских источниках Нижегородская ярмарка обычно называлась ярмаркой «у Макария», по церкви «великомученика Макария», считавшегося ее покровителем*

рекомендовали прием внутрь засоленных завязей горького бешеного огурца, «иши - хияр» (арм.), «итхияры» (аз.), Ecballium elaterium L. Как anti aphrodisiacum указывали на валериану, «кочак» (арм.), Valeriana alliariaefolia (Vahl.) Troitzky, которую применяли в виде чая из сушеных цветов. Наконец, при дерматитах, в жирные мази, приготовленные на курдючном сале, вводили красный пигмент корней целого ряда родов и видов семейства бурачниковых, Borraginaceae, чаще всего Echium rubrum L. или Echium vulgare L. Этот красный пигмент, алканнин, прекрасно растворяется в жирах и придает им яркий карминно-красный цвет. Смысл подобных подцветок, вносимых в жирные мази, вероятнее всего сводится к введению светофильтров, защищавших пораженные участки кожи от действия коротковолновой части солнечного спектра, что способствует процессу лечения. В Дизакском районе, например, существует обычай, при котором больные малярией или корью занавешиваются окрашенной в красный цвет материей. Как противоглистное средство, по рассказам, применяли отвары корневищ папоротника Athyrium filix-femina (L.) Roth., «арчи - тантюль» (арм), т.е. «медвежья лапа» и корней граната, «норнэ» (арм.), «нар» (аз.), Punica granatum L.

Относительно ряда видов, как омела, «мhамурч» (арм.), Viscum album L., можжевельник, «цртни» (арм), Juniperus oblonga MB. («ягоды» - правильнее сочные шишечки) и желтый первоцвет, «варта» (арм.), Primula macrocalyx Rupr., (цветы) приходилось только слышать, что они применялись, но при каких заболеваниях, остается неизвестным.

Почти совсем остались неизученными растения, применявшиеся в народной ветеринарии. Наблюдать пришлось применение жирной мази, сделанной из курдючного сала, в котором растирали зелень тысячелистника, «гижи» (арм), Achillea setacea W. K., при лечении побитых мест и гноящихся потертостей кожи у лошади.

Вопросы, связанные с изучением народной технологии обработки объектов растительного происхождения, по своей комплексности далеко выходят за рамки настоящей работы. Восстановление по сохранившимся остаткам всего технологического процесса наталкивается часто на непреодолимые трудности уже в силу того,что многое совсем вышло из употребления, так как в быт прочно вошли фабричные изделия. По мере быстрого развития города Шуши, заложенного в середине XVIIIв., целый ряд производств начал концентрироваться в городских цеховых объединениях, амкарствах, далеко отходивших от технологических традиций полунатурального крестьянского хозяйства. Развитие городского центра потребления вызвало новый спрос на растительное сырье и привело некоторые виды растений практически к полному уничтожению. Так, чрезвычайно характерная для южного Карабаха древесная порода - древовидная оленья лещина, «ткогни-цар» (арм), Corylus cervorum V. Petr., в прежние времена находившая у местного населения лишь самое ограниченное применение в качестве пищевого растения и в конце прошлого столетия образовывавшая в Дизакском районе крупные насаждения, достигавшие нескольких тысяч стволов, в 1936г., по подсчету Карабахского лесхоза, представлена всего лишь 960 деревьями. С середины 1890-х годов Шуши предъявила спрос на красивую розовую древесину оленьей лещины для внутренней отделки жилых помещений. В результате, за короткое время, всего в течение двух-трех десятилетий, дерево оказалось почти полностью истребленным.

По-видимому, в связи с развитием в XIX в., в Шуши производства шорных изделий произошло почти полное уничтожение в ближайших окрестностях Шуши одного из лучших дубителей кож, кустарника «трим» (арм), желтинника, Cotinus coggygria Scop. Листья и ветки желтинника заготовлялись здесь только из дикорастущих зарослей, между тем в Западной Европе этот кустарник давно уже культивировали.

В связи с введением с тридцатых годов прошлого столетия откупной системы, а затем государственной винной монополии, резкие изменения претерпела основа винокуренной промышленности Карабаха – разведение плодовой шелковицы «туты», Morus alba L.

Вовсе неизученной остается технология производства национальных музыкальных инструментов, которыми еще в начале XIX века славились отдельные села Джрабертского района.

Наиболее полной картиной народного технологического процесса мы располагаем лишь в отношении использования растений для крашения шерсти.

Качество и цвет шерсти находили отражение скорее в характере изделия, чем в технике крашения. Для получения светлых тонов применяли обязательно белую шерсть. Выкраски темных тонов выполнялись предпочтительно на черной шерсти, для крашения в красный цвет шла и белая и рыжая шерсть.

Процесс крашения в народном опыте может быть разделен на три основных этапа: предокрасочная подготовка шерсти, крашение и послеокрасочная обработка. Только последний этап всегда бывает отчленен от первых двух.

Первый процесс предокрасочной обработки–мойка шерсти - может производиться также на самом животном, загоняемом в воду до его стрижки. Мойка шерсти в холодной воде оставляла на волокне очень большое количество жировых веществ и была несовершенна, так как не позволяла достигать равномерного окрашивания, например, при проведении через индиговый куб. Более совершенной являлась мойка в холодных растворах зольного щелока; предпочитался щелок из древесины карагача, Ulmus suberosa Moench. Наиболее совершенным типом мойки считались обработка шерсти бродящей мочой крупного скота (главным образом коров и верблюдов). По-видимому, образующийся при процессах аэробного брожения аммиак, как свободная щелочь, способствовал наилучшему удалению избытков жира и прилипшей к нему грязи. По одним указаниямб шерсть после обработки мочой просто сушили на солнце без предварительной промывки, а по другим - крашению или протравливанию предшествовала предварительня мойка и расколачивание в холодной текучей воде.

Следующий процесс предокрасочной обработки - протравливание волокна металлическими окислами (если речь идет о протравном крашении) может идти раздельно от крашения или быть с ним связанным. В случае раздельности протравливания и крашения (какэто проходит при крашении в красный цвет корнем марены, «турун», Rubia tinctorum L.), протравливание велось в кислой среде. Сперва варили экстракт из алчевого (Prunus divaricate Ldb.) лаваша, к которому прибавляли алюминиевые квасцы; в этом экстракте вымачивали шерстяную нитку, просушивали ее без промывки и только после этого погружали в экстракт из корней марены. В случае совмещения процессов протравливания и крашения, алюминиевые квасцы или железный купорос вводили непосредственно в экстракт из красильного растения. Наконец, отмечены случаи, когда сначала экстрактом из красильного растения обрабатывали нитки и только после этого производили протравливание. Производство алюминиевых или железных протрав, для которых сейчас в продаже используют химикалии, в старину было делом не таким простым. Для приготовления алюминиевых протрав применяли минерал алунит. В Карабахе он встречается в естественных месторождениях (например, в 1,5 км к северо-западу от монастыря Ирек-Мангук в Джрабертском районе). После обжига алунит складывали под навесом и давали ему «дозревать» в течение нескольких месяцев, после чего выщелачивали водой. Получаемый раствор переходивших в воду солей применяли в дело.

С железной протравой дело обстояло еще сложнее. Местному населению хорошо известно, что при применении железного купороса нитка может «сгореть»-окислы железа действуют разрушительно на механическую прочность волокна. В старину закладывали «железное гнездо». В глиняный горшок бросали железный лом, заливали его кислым отваром кизила или кизилового лаваша и засыпали зернами ячменя, а затем держали в теплом месте. Вскоре наступало бурное брожение, заканчивавшееся лишь через несколько месяцев, когда «гнездо» считалось «созревшим», а сливаемый с него раствор - пригодным для протравливания. Такая протрава разрушала волокно значительно меньше, чем железный купорос.

Еще более древним был способ погружения волокна в естественную, богатую окисями железа грязь (месторождение подобной грязи указывалось, например, в окрестностях с. Мардакерт). Однако помимо протравного крашения в народном опыте сохранялось и прямое крашение, корой грецкого ореха в коричневый цвет без введения протрав.

Подобная неустойчивость во времена протравливания, наличие процессов беспротравного крашения растительными экстрактами и, наконец, крашение минеральными веществами, которое сохранилось, например, в отношении войлоков, заставляют предполагать, что крашение минеральными суспензиями и растительными экстрактами могло развиваться совершенно самостоятельно и лишь впоследствии, в результате как бы скрещивания технологических процессов, дать начало протравному крашению растительными красителями.

Наконец, послеокрасочная обработка почти всегда, как обязательный элемент, включала в себя выкачивание шерсти в загнившей моче или в слабых экстрактах зольного щелока. Это способствовало тому, что выкраски с одной стороны приобретали окончательный тон, с другой - становились более прочными. И дополнительная послеокрасочная обработка, о которой приходилось только слышать, но проверить не удалось, состояла в том, что либо уже окрашенную и закрепленную мочой нитку вывозили высоко в горы на субальпийские луга и там растилали под лучами горного солнца, либо погружали на 2-3 дня на дно минеральных ключей, придавливая камнями, чтобы они не всплывали и их не унесло,.

Смысл происходящих при этом процессов остается недостаточно ясным. В первом случае возможно, что под действием горного солнца происходят какие-то изменения в строении частиц красочного лака (соединение красителя с металлом протравы), которые делают выкраску более прочной, но возможно, что просто происходит отбор, и те выкраски, которые оказались недостаточно прочными, идут на менее ответственные бытовые изделия, выдержавшие же это испытание нитки шли на изготовление предметов наиболее ценных и предназначенных в длительное пользование, как, например, ковры. Во втором случае неизвестно, в какие собственно родники погружались пряжи и действовали тут в основном кислотность или щелочность воды или те минеральные вещества, которые в ней были растворены.

Анализ одного отдела народной технологии, который был разобран выше, показывает, с каким большим количеством вопросов одновременно приходится здесь сталкиваться и как трудно понять отдельные процессы, дающие в целом то, что мы называем крашением. Между тем именно углубленное исследование открывает широкие возможности не только для культурно-исторических построений, но и для заимствования для нужд нашей социалистической промышленности того ценного, что хранит в себе народный опыт.

На самом деле, если мы сравним, в чем принципиальное отличие между процессами народного крашения и фабричного, установить различия нетрудно. Во-первых, при фабричном крашении мы стремимся работать на возможно более чистых и однородных синтетических красителях; народное же крашение оперирует со всей совокупностью веществ, которые переходят из тканей растения в водный экстракт, а количество этих веществ очень велико. Во-вторых, при фабричном крашении, поскольку речь идет о протравном крашении, мы стремимся работать с возможно более химически чистыми протравами; народное крашение исходит из смесей различных химических элементов, которые получаются при выщелачивании обожженного алунита или «созревании железного гнезда». Если учесть ряд теоретических работ, свидетельствующих о том, что химически чистые гидраты окисей металлов способны к лакообразованию (то есть к образованию на волокне стойкого окрашенного соединения) лишь в присутствии «загрязнителей», хотя бы в ничтожнейших количествах, приходится признать, что приемы народного крашения и с точки зрения фабричной технологии полны глубокого интереса. Если сравнить фабричные и народные выкраски по результатам крашения, то перевес не всегда остается на стороне продуктов

фабричного производства. Это заставляет нас с особым вниманием отнестись к все еще недостаточно оцененной «примитивной» и «не стоящей» внимания в глазах многих народной технологии,- результату многовекового народного опыта, выбрать и перенести все ценное в наше производство.

К сожалению, крашение - единственный раздел народной технологии, который удалось подвергнуть сколько–нибудь полному анализу; прочие разделы еще ждут своих исследователей.

Недостаточное еще знание народного опыта, находившего способы превращать различные плоды и растения, в нашем современном представлении совершенно несъедобные, в основные источники питания (например, дубовые желуди), изготовлять орудия производства, для нас не представляющие практически никакой ценности (например, инструменты для получения огня трением), находить целебные свойства там, где мы их не видим (например, в окраске кожных мазей алканином в красный цвет) – чрезвычайно затрудняет решение стоящего перед нами вопроса: что же служило в каждом случае материальной базой для культовых надстроечных представлений, связанных с отдельными видами растений? А таких видов немало; в Карабахе их можно насчитать до восемнадцати.

До самого последнего времени был широко распространен обычай одевать на шею домашним животным (главным образом быкам и коровам) для защиты их от волков скрученные жгутом ветви гордовины «гильмасрэ» или «гелюсэрэ» (арм.), Viburnum lantana L. Жгуты гордовины одевали также на горлышки глиняных кувшинов для предохранения от опасности быть разбитыми. В настоящее время ни сладко-горькие плоды гордовины, ни ветви, ни листья ее не находят в быту никакого применения. Не дают разгадки о применении гордовины в прошлом и поиски параллелей у других народов и в других странах. Между тем, в остатках свайных построек Швейцарии (относящихся к эпохе поздней бронзы) семена гордовины находились в таких больших количествах, что у исследователей не возникало сомнений в том, что это следы сознательно сделанных заготовок. Для чего же производились эти заготовки? Владела ли народная технология изготовления пищевых продуктов способами делать плоды гордовины съедобными? Или из них готовились опьяняющие напитки? Или быть может, гибкие ветви находили применение для изготовления корзин и сосудов? Мы пока не имеем ответа на эти вопросы, и стало быть остается неясной и материальная база тех надстроечных представлений, которые привели к обычаю применять жгуты из ветвей гордовины для защиты домашних животных.

Также неясен вопрос и с омелой, «молотом смерти», «мhамундж» или «мhамурч» (арм.), Viscum album L., паразитом, образующим крупные вечнозеленые кусты на ветвях дубов, изредка грабов, лесных груш и боярышников. В Джраберте старики уверяли нас, что в конце июля, в день Вартавара, ночью невидимый небесный огонь сходит на ветви вечнозеленого мhамурча, отчего листья делаются как бы опаленными, сморщеннымии и желтоватыми. Кусты омелы избегали рубить даже тогда, когда они уничтожали плодовые сады. Отрывочные рассказы создают впечатление, что омелу использовали при каких-то магических действиях и она находила применение в народной медицине. Карабах решения вопроса не дает. Поиски параллелей говорят о том, что омела была священным растением у большинства народов западной Европы, но материальная база всех этих культовых надстроек пока ускользает от понимания.

Также не хватает оснований для объяснения причин, почему отдельные стволы и рощи козьей ивы, «hорри», Salix caprea L., имели культовое значение. Имела ли здесь решающее значение пищевая роль растения (нам известно только о способах приготовления пищи из ивы у айнов Сахалина) или важнее было значение ивы, как материала для плетения корзин (для чего, кстати сказать, хрупкая древесина ивы непригодна) – остается неизвестным. Дерево

древних армянских летописцев «соси» (арм.), платан или чинар Platanus digitata Gordon, культовые стволы которого сохранились, например, возле с. Сихторашен, где они превосходят иногда 20 м в окружности, относится к этой же невыясненной группе. Моисей Хоренский, автор V-VIв. говорит, что по шуму листьев под ударами ветра жрецы дохристианской Армении гадали о грядущем.

Почти все остальные виды растений, игравшие роль в культе, могут быть объеденены в одну группу по признаку пищевого использования их листьев, плодов или стеблей, хотя в отношении отдельных видов нельзя сказать с уверенностью, что в материальной базе играло ведущую роль – пищевое или техническое их значение. Вероятнее всего, что обе формы применения развивались параллельно и независимо одна от другой.

На первое место здесь надо поставить дерево, карабахское название которого и в настоящее время звучит одинаково со словом «хлеб»,-«hаци», ясень, Fraxinus excelsior L. Мы почти не смогли отметить отдельных культовых стволов ясени, но большая роща его «хацот», расположенная на левом берегу р.Кюнделян в центральном Карабахе еще в начале XXв. играла роль священной рощи, в которой не вели никаких порубок и куда приходили на поклонение не только из всех районов Карабаха, но и из Зангезура. Трехдневное празднество, происходившее в начале лета, календарно приуроченное к христианскому празднику «вознесения», заканчивалось тем, что роще приносили жертву молочными продуктами. В настоящее время никакого применения в быту ясень не находит, если не считать, что из ясени выделывают рукоятки для «цакатов», местных кривых секир-топоров. Во время голода, в 1919г., молодые, только что распустившиеся листья ясени, наравне с молодыми, полными млечного сока листьями кавказского клена, «крзнэнэ» (арм.), Acer ibericum MB и листьями дзелквы, «тагарни», Zelrova carpinifolia (Pall) Dipp. служили важным подспорьем в питании населения в весенние бесхлебные месяцы. Старые культовые рощи дзелквы разбросаны по всему южному Карабаху, а могучий ствол кавказского клена, вместе с «пршнэ», Celtis caucasica Willd., входит в состав рощи у «святилища» Сары-бек возле Степанакерта.

Однако, именно в отношении ясеня, «hаци», возможно наличие и иных материальных основ, на которых выросли культовые явления. В общем составе древостоя лесов ясень, как порода требовательная к условиям среды, играет, как правило, очень подчиненную роль. Однако, если подсчитать процент изделий из древесины ясеня по отношению ко всем остальным деревьям среди находок, определенных из эпохи поздней бронзы свайных построек Швейцарии (общее число анализов приближается к 3000), то оказывается, что на долю ясеня падает свыше 25% - количество, стоящее в явном несоответствии к частоте попадания ясени в лесу; начиная с эпохи La-Tene процент сразу падает до 3,2%. Очевидно, что свойства древесины ясеня делали его излюбленной породой для целого ряда производств. Эта параллель привлекает особенно большое внимание, когда выяснилось, что еще сохранившиеся кое-где в глухих углах Карабаха инструменты для получения огня трением, как правило, изготовляли из древесины ясеня. Все это наводит на мысль, что материальная база для последующих надстроечных представлений в отношении ясеня могла быть двоякой - пищевой и технической. Тогда в совершенно новом свете выступают указания на то,что ясень в древних культах некоторых европейских народов оказывался связанным с божеством огня и молнии.

Подобное же двоякое значение могла иметь в прошлом другая древесная порода Карабаха - вяз, «тэгэ» (арм.), «карагач» (аз.), Ulmus suberosa Moench., культовые деревья которой разбросаны по всей области. Помимо возможности пищевого применения весной молодых листьев вяза, древесина вяза и до настоящего времени остается наилучшей для выделки из нее деревянной утвари, в частности деревянных мисок, «чанахов». В старой части с. Чанахчи в центральном Карабахе, получившего свое название по выделывавшейся здесь деревянной

посуде, стоит огромный ствол старого карагача, обхоженный кругом каменными плитами. Здесь в прошлом собирались старики, чтобы обсудить дела и рассудить по обычному праву спорящие стороны. Чанахчинский карагач необычайно живо напоминает те «придорожные вязы», которые сохранились еще кое-где в центральной Франции у перекрестка дорог; под ними в середине века велся сеньоральный суд, а в более отдаленное время они служили местом общинного суда стариков.

Наибольшее количество рощ и отдельных деревьев, имевших культовое значение, падает на долю дерева «пршнэ» (арм.) «дагдаган» (аз.), так называемого «каменного дерева» или «каркаса», Celtis caucasica Willd. Отдельные стволы его можно встретить у всех пиров, связанных с культом Аг-оглан; роща вековых каркасов венчает собой скалы и родник «святилища» Сары-бек, одного из крупнейших в центральном Карабахе. Как и в отношении ясеня и вяза, материальную базу для надстроечных представлений в случае Celtis можно искать в направлении пищевого и технического использования. Относительно применения в пищу молодых листьев «пршнэ» в Карабахе слышать не приходилось; но Брокман – Ерош связывает именно с этой формой использования культовые рощи ближайшего родственника кавказскому каркасу, Celtis australis L., разбросанные по склонам Атласских гор в северо – западной Африке. Для Карабаха достоверно известно лишь применение в прошлом плодов каменного дерева, как начинки для традиционного новогоднего пирога «кркэни» (арм.), по которому велось гадание на счастье в наступающем году. Наконец, весьма вероятно, что твердая и упругая мелкослойная древесина каркаса находила техническое применение, в первую очередь при изготовлении орудий защиты и производства. На очень древнее применение каркаса и связь его с культом еще в эпоху бронзы дают прямые указания находки, сделанные в последнее время при раскопках, произведенных Я.И.Гуммелем в окрестностях Ханлара. При вскрытии камеры с остатками сожжения человека, которой исследователем придается значение культового помещения, рядом с другим инвентарем культового характера были обнаружены и насыпанные в очень большом количестве в кучу обизвестковавшиеся оболочки семян каменного дерева, которые отсутствовали во всех остальных камерах раскопанного строения. К каменному дереву мы склонны отнести ряд образцов древесины, собранных Я. И. Гуммелем в погребениях той же эпохи.

Относительно пищевой роли желудей, культовые деревья которых так же многочисленны в нагорной части Карабаха, как стволы каменного дерева в поясе предгорий, было уже достаточно сказано выше. Вряд ли можно сомневаться, что путь от употребления в пищу плодов этого растения до культовых представлений, которые оказались с ним связанными, имел отправной точкой именно пищевое, а не какое-либо иное применение обоих местных видов дубов, «кагнэ», Quercus iberica Stev. и Q. macranthera F. et M. Столь же ясна роль орехоплодных: грецкого ореха, «чhопур» (арм.), «коз» (аз.), Juglans regia L., растения, не встречающегося в Карабахе в дикорастущем виде, объекта очень древней культуры, отдельные стволы которого имели собственные названия (вроде «аревай-яхци» около селения Хачмач); обыкновенной лещины, «ткогну» (арм.), «фындых» (аз.), Corylus avellana L., зрелыми плодами которой осыпали невесту при введении ее в дом жениха; и плодовых пород: яблони, «тззани» (арм.), «алма» (аз.), Malus orientalis Uglitzk., вильчато – раздвоенную ветвь, которой считали самым верным средством от «сглаза»; дикой груши, «тандзи» (арм.), «армуд» (аз.), Pirus communis L, иволистой груши, «мохратандзи» (арм.), Pirus salicifolia Pall., ветви которых нередко украшали пестрыми нитками и обрывками тканей; наконец, крупноплодного боярышника «сзнэ» (арм.), Crataegus orientalis Desf., старое дерево которого, называвшегося «Хаченхарт» и имевшее культурное значение, недавно было уничтожено в окрестностях с. Кармир-гюх (оно же Трнаварц и Кешиш- кент).

Наконец, единственным травянистым растением, на которое распространялись культовые запреты, была горная ястребинка, «hапет» (арм.), Hieracium hypeurium Naeg. et Peter, с листьев которой удаляли опушение, служившее затем трутом для разжигания огня.

Этот короткий обзор не дает достаточного представления о том, в каких условиях росли отдельные культовые деревья и насколько комплексно-сопряженными между собой были надстроечные представления, хотя формально они и были связанными с определенным стволом или рощей. В большинстве случаев были связаны между собой культ дерева и культ камня, а иногда дерева, камня и воды (например, в «святилище» Сары-бек). Лишь учет всей сложности связей между отдельными элементами культа позволит в дальнейшем приступить к стадиальному анализу слагаемых, которые составляют единое надстроечное целое.

Сейчас, когда в НКАО организован свой областной краеведческий музей, нет сомнения, что музей приступит к планомерному сбору относящихся к этой области фактов и это можно будет осуществить в значительно более совершенной форме.

В дальнейшем, для большего удобства, сведения, относящиеся к отдельным видам, даются в алфавитном порядке латинских названий растений.

Сбор сведений велся автором И. П. Грунской - Петровой, которой приношу свою благодарность за разрешение использовать собранный ею материал.

ЭТНОБОТАНИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РАСТЕНИЙ

1.Acer hyrcanum F. et M.-клен гирканский

Кар.-арм.: «тхкэ» (Дизак, Джраберт).

В настоящее время мощные деловые стволы сохранились лишь в наименее доступных для вывоза древесины участках лесов среднего и верхнего лесных поясов. По рассказам, дерево, раньше имевшее широкое распространение и подвергавшееся массовой вырубке. Дерево давало наилучшую древесину для седел и широко использовалось шорниками Шуши. Играет видную роль в топонимике и дает начало названию многих урочищ, например: «тхкот» - один из ориентированных к северу склонов горы Тунчунлар в верховьях ручья Таленэ, второго правого притока р. Хорос (Дизак); «тхкот» близ селения Мадагиз.

Местное название «тхкэ» относится, по-видимому, ко всем карабахским кленам, за исключением Acer ibericum MB.

2. Acer ibericum MB- клен кавказский.

Кар.-арм.: «крзнэнэ»
(Дизак, Степанакертский и Мартунинский районы).
Аз.: «акджакаин» (на Главном хребте).

Вид, распространенный на южных склонах возвышенностей, растущий в небольших количествах в лесах среднего пояса; редко дает стволы деловых размеров. Два наиболее крупных дерева расположены: одно в пределах внутренней (теперь разрушенной) ограды «святилища» Сарыбек близ Степанакерта и достигает окружности в 3,5 м; другое - в «священной» роще близ с. Гиши. В 1919г. молодые богатые млечным соком листья использовались весной в пищу. Отражений в топонимике названия кавказского клена пока не зарегистрировано.

3.Achillea setacea WK- тысячелистник.

Кар.-арм.: «гижи» (повсеместно).
Аз.: «бойма-дэрэн» (вне НКАО).

Из числа нескольких видов тысячелистников, встречающихся в Карабахе, *Achillea setacea* WK распространен больше всего на сухих, безлесных, обращенных на юг склонах в пределах нижнего и среднего лесных поясов всей области.

В народной медицине находили применение соцветия, которые сохраняли в высушенном виде, а затем долго (в течение нескольких суток) настаивали в воде. Отжатый сок насыщенного горького вкуса применялся как лекарство при хронических желудочных заболеванях.

В народной ветеринарии растертые между камнями свежие листья затирали вместе с курдючным салом.

Получаемая зеленая мазь считалась наилучшим средством для лечения потертых и изъязвленных мест на спинах лошадей, для чего больное место смазывалось этой мазью раз в сутки.

4. Allium paradoxum (MB) Don.- лук весенний.

Кар.-арм.: «хазаз»(повсеместно)

Обычен ранней весной в лесах среднего горного пояса Карабаха; растет обильнее всего в тенистых и влажных дубняках северных склонов. В соцветии, как правило, развивается всего два-три цветка, прочие же заменены луковками, при помощи которых и происходит размножение растения. Заросли лука бывают настолько велики, что в середине лета горные

ручьи после сильных ливней выносят на почву в большом количестве опавшие после отмирания растения мелкие луковки.

С середины апреля до середины мая производится массовый сбор распускающегося и цветущего лука, который выдергивают из рыхлой почвы вместе с луковицами. В пищу идут в сыром виде главным образом листья, реже также и луковицы. В значительно меньшем количестве зелень использовалась для начинки великопостных пирогов («жнгела-hац») в смеси с зеленью других весенних трав; в случае применения «хазаза» другие отдушки, вроде цветов и листьев фиалки, уже не применяются. Хазаз никогда не применяется ни как приправа для кушаний, ни для каких-либо заготовок. Подобное же поедание только в сыром виде указывалось нам в отношении этого вида в Зангезуре и в Курдистане, где растение весной столь же обильно встречается в лесах.

5.Anthriscus nemorosa MB- купырь лесной.

Кар.-арм. «киназох» (повсеместно)

Образует большие заросли в лесных оврагах среднего и верхнего лесных поясов и часто встречается, как сорняк, по окраинам огородов, вдоль оросительных канав и на местах старых летних стойбищ в пределах пояса субальпийских лугов. Двойственный характер местообитаний купырь разделяет с целым рядом других мусорных сорняков, сопровождающих населенные человеком участки. Примером их могут служить жгучая крапива, глухая крапива, лопух, мокрица и другие. Надо отметить, что многие из мусорных сорняков в сыром или отваренном виде имеют применение в пище человека, хозяйство которого сохранило архаические черты. Признаком, который объединяет оба типа местообитаний, является несвязность травяного покрова и богатство почвы азотистыми соединениями.

Черешки молодых листьев, собранные еще до цветения и не успевшие загрубеть, очищают от коры и в больших количествах засаливают на зиму.

6.Arctium tomentosum Mill.- лопух опушенный.

Кар.-арм.: «кротны» (повсеместно)

Аз.: «птрах» (в районах Кубинской низменности)

Рудеральный сорняк, образующий обширные заросли по окраинам селений и на расположенных в садах огородных участках.

Весной молодые, еще не развившие пластинок, черешки листьев и толстые части корней очищают от корового слоя и применяют в пищу в сыром виде или отваренными в соленой воде. В Западной Европе и в Японии черешки искусственно выбеливаемых листьев различных видов лопуха являются овощами, регулярно поступающими на рынок.

7.Asparagus verticillatus L.- спаржа мутовчатая.

Кар.-арм.: «цинэпак» (повсеместно)

Аз.: «маравджа» (в Кубинском районе)

Ползучие надземные побеги этой спаржи, к осени несущие оранжевые ягоды, очень обычны среди кустарниковых зарослей, вдоль придорожных посадок и в местах скопления перегнойной почвы в садах.

Молодые, еще лишенные хлорофила и не развившие зеленых кладодий, покрытые белой чешуей побеги выкапываются весной (с апреля до середины мая). Спаржа применяется в пищу отваренной в соленой воде или поджаривается затем с маслом и яйцами, как зеленое лоби. Несмотря на легкую горечь, вкусовое достоинство кушанья достаточно высоко.

Близкий вид, огородную спаржу, *Asparagus officinalis L.,* рекомендует для культуры во рвах, наполненных перегноем, еще римский автор II века до н. э. Катон.

8. Astragalus erinaceus F. et M.- трагакант ежевидный.

Кар.-арм.: «вэси» (повсеместно)

Аз.: «гяван» (в Нахичеванской АССР).

Невысокий, редко превосходящий 0,5 м высоты, колючий кустарник. Его густые плоские кроны, скрывающие ствол, ступенчато покрывают крутые, безлесные, обращенные к югу склоны. Особенно большие заросли развиваются в среднем горном поясе, где в результате постоянных вырубок и выпаса скота древесный покров полностью уничтожен.

Еще в недавнем прошлом ветви «вэси», заготовленные зимой, служили в южном Карабахе (Дизак, Варанда) лучиной. Лучину укрепляли к особому металлическому приспособлению, которое помещали на одном из задних «сютюнов» (поддерживающих крышу деревянных колоннах) карадама. В северном Карабахе (Джраберте) для освещения использовали черешневую бересту. Сейчас ветви «вэси» применяют в деревне как факел. Особенностью «вэси» является способность гореть ярким пламенем и не разбрасывать искр.

В старину в Дизаке и Варанде существовал обычай зажигать в ночь декабрьского праздника «введение во храм» большие костры из заранее заготовленных прутьев «вэси». По записи, сделанной в с. Кармир-гюх (оно же Трнаварц или Кешиш-кент), костры раскладывали на расположенном возле селения холме со «священной» рощей после праздничного вечернего богослужения и жгли до полуночи. Через огонь первыми прыгали женихи и невесты, которые должны были повенчаться в течение ближайшего месяца, а затем и вся молодежь деревни.

Больше всего истребляли «вэси» в годы, когда выпавший ранней весной мокрый снег покрывал поросшие таволгой (Spiraea hypericifolia L.) склоны и пасшийся здесь в течение всей зимы скот (главным образом лошади) не находил для себя пищи. Тогда заросли «вэси» опаливали для уничтожения колючек, чтобы можно было собрать ветви, содержащие трагакантовую камедь-слизь, которые перемалывались на мельницах. Получавшейся грубой крупой сдабривали саман, который давали скоту.

Трагакантовая камедь-слизь («трагакант» или «адрагант») находит применение в текстильном деле, для загустки набиваемых красок. Попытки наладить заготовки в НКАО в 1928г. оказались пока нерентабельными и были прекращены. Высшие сорта трагаканта находят применение в пищевой промышленности и для изготовления лекарств, средние сорта применяются помимо текстильной промышленности для изготовления карандашных палочек, низкие для сапожных лаков и подклейки спичечных головок.

9. Athyrium filix-femina (L.) Roth – папоротник.

Кар.-арм.: «арчи-тантюль» (повсеместно в лесных районах)

Аз.: «айы-дошаи» (на Главном хребте).

Папоротник, образующий густые заросли в наиболее влажных участках горных лесов среднего и верхнего поясов, использовался в народной медицине, применявшей отвар корней в воде как глистогонное средство.

В официальной фармакопее как глистогонное средство рекомендуется инфуз корневища «мужского папоротника», *Athyrium filix mas* Roth., который не встречается на территории НКАО.

Заменителем папоротникового корня в народной медицине Карабахской степи является настой на коре корней гранатника (Punica granatum L.), глистогонное действие которого подтверждено клинически.

10. Berberis orientalis C. K. Schneider- барбарис восточный

Кар.-арм.: «кутцухур» (для куста повсеместно);

«кецохли» (для плодов в Дизакском районе)

Аз.: «заринч» (повсеместно).

Невысокий колючий кустарник с кислыми плодами, который образует трудно проходимые заросли по обращенным к югу склонам в пределах среднего и верхнего поясов.

Основное использование - пищевое. Ягоды собирают в ноябре, после того как их побило морозом. Ветки с плодами хранят в течение всей зимы в сараях или на чердаках в подвешенном виде. В районах, где отсутствует сумах, их используют как кислую приправу к мясным блюдам. Окрашенная в желтовато-коричневый цвет, древесина корней при экстракции горячей водой дает темно-желтые настои. В народной ветеринарии настои давали баранам при эпизоотиях в качестве предохранительной меры против заболевания (Дизакский и Джрабертский районы). Те же желтые экстракты в народном крашении позволяли получить светло-желтые выкраски на шерстяной нитке, предварительно протравленной алюминиевыми квасцами (или, вернее, водным раствором пережженного натурального алунита). Однако при обилии растений, позволявших получить выкраски значительно более яркого желтого цвета, применение барбариса было очень ограничено.

11.Camelina sativa Grantz s. 1.- рыжик посевной

Кар.-арм.: «сорэк» (Дизакский район, центральный Карабах).

Аз.: «кюранджа-оту» (повсеместно).

По-видимому, посевной рыжик, карабахская черная морковь, полба и нут относятся к старейшим культурам Карабаха, площадь которых в настоящее время уменьшается и находится на грани исчезновения. В полевой культуре рыжик больше не возделывают и только в отдельных семьях старики засевают по традиции один-два квадратных метра для того,чтобы сохранить семена. Еще в середине прошлого столетия каждая семья засевала рыжиком значительный участок для того, чтобы обеспечить себя на зиму пищевым маслом из семян этого растения. Быстрое исчезновение рыжика из культуры в конце прошлого столетия совпадает заменой льна-долгунца, вытесненного хлопчатобумажной мануфактурой, на культуры масляничных сортов льна-кудряша, исстари возделывавшегося только в северном Карабахе (в Джраберте).

12.Cannabis ruderalis Janisch.- конопля дикая

Кар.-арм.: «сиремна» (Джрабертский район).

«кинэп» (остальной Карабах)

Аз.: «джетана» (Кубинский район).

Дикая, легко осыпающаяся конопля, имеет в Карабахе двойственную экологию. С одной стороны она образует крупные заросли в долинах рек, там, где идет накопление ила; с другой - это рудеральный сорняк, прочно привязанный к местам обитания человека и следующий за его жилищем в пределах всего нижнего и, отчасти, среднего горного пояса. Сортовое разнообразие дикой конопли, которую приходилось наблюдать в северном Карабахе, очень велико, но до настоящего времени остается еще недостаточно изученным. Некоторые экземпляры отличаются исключительными размерами и, вероятно, представят немалый интерес для выведения новых сортов.

В долине среднего течения р. Тертер (в Джрабертском районе) заросли дикой конопли чрезвычайно велики. Местное население выделывает из конопли веревки для хозяйственных нужд, не вводя растение в культуру. Процесс изготовления веревок населением остается неизученным, так же как неясным остается, конопля ли использовалась для этой цели в горных районах, где конопля не встречается, и не употреблялась ли в этом деле крапива.

13.Capsella bursa- pastoris (L.) Medic- пастушья сумка.

Кар.-арм.: «цты-пашар» (повсеместно).

Пастушья сумка относится к другой группе мусорных сорняков, которые в своем распространении связаны с одной стороны с иссушенными приречными склонами, с другой - с выбитыми и бедными почвами и местами распашек. И для этой группы мусорных сорняков наиболее характерным признаком является способность хорошо развиваться лишь в условиях отсутствия связанного растительного покрова. Оба типа местообитаний сближает между собой то, что в одном случае несвязанность покрова обеспечивается размывающей деятельностью воды, в другом - деятельностью человека, вытаптывающего или разрушающего обработкой целостность дерновины. По-видимому, этот момент и объясняет сходство в видовом составе, которое наблюдается между видовым составом флоры речных долин и мусорных местообитаний.

Листву весной (в марте-апреле) употребляют в пищу в сыром виде, как салат, или в смеси с другими весенними травами, как начинку для пирогов с зеленью («женгела-hац»).

14.Carpinus betulus L.- граб обыкновенный.

Кар.-арм.: «пэхи» (повсеместно).

Аз.: «улас, вэлэс» (вне НКАО).

Carpinus orientalis Mill.- грабинник восточный.

Кар.-арм.: «сэва-пэхи» (центральный и южный Карабах); «джганы» (Джрабертский район).

Аз.: «темиркара» (Ленкоранский район).

Первый вид граба играет роль сменной породы на вырубках дубняков среднего горного пояса. Второй - ту же роль в пределах верхней части нижнего пояса на склонах южных экспозиций. В местном хозяйстве оба вида находят применение как источник топлива и корма для скота. С последней целью нередко вели низкоствольное грабовое хозяйство, при котором ствол спиливали на высоте 1.5-2.5 м над уровнем почвы, чем молодую поросль предохраняли от поедания скотом. В топонимике название граба входит в наименование урочищ, например, «пэхи-ахпюр» («грабовый родник») вблизи Шуши.

15.Castanea sativa Mill.- каштан благородный.

Кар.-арм.: «шмбалут» (повсеместно).

Аз.: «шабалыт» (повсеместно).

В литературе было высказано утверждение, что благородный каштан в Карабахе - дикое растение, пережиток поздне-третичного периода. Детальное изучение трех Карабахских местонахождений каштана, в окрестностях урочища Цакори, у монастыря Гондык (в центральном Карабахе) и близ развалин монастыря Ирек-Мангук в Джрабертском районе, привели к заключению, что всюду мы имеем дело только с искусственными посадками. Старейшими надо считать посадки около урочища Цакори, где наиболее крупный экземпляр достигает до 9 м в окружности при возрасте от 205 до 215 лет; все прочие посадки моложе. Весьма вероятно, что культура каштана была распространена раньше в Карабахе гораздо шире. Около 930 г. н. э. арабский географ Ал-Истахрий в книге «Книга путей и царств», говоря о г. Барда (расположенном в Карабахской степи), сообщает: «От него менее, чем в одном фарсахе есть место по имени Андараб. Место это заполнено садами и огородами. В нем произрастают всякие плоды - среди плодов шахибаллут лучше шахибаллута сирийского» (перевод А. Н. Караулова).

Высокие вкусовые свойства цакорийских каштанов, насаженных здесь переселившимися в начале XVIII в. меликами Шах-Назаровами, привлекли внимание населения. Каштаны послереволюционной посадки стали появляться в садах целого ряда селений центрального и

южного Карабаха. Однако на рынки Степанакерта и Шуши каштаны привозят еще сравнительно редко и в малых количествах.

16. Celtis caucasika Willd.- каркас кавказский, каменное дерево.

Кар.-арм.: «пршнэ» (повсеместно).

Аз.: «дагдаган» (повсеместно).

В настоящее время каркас в Карабахе не образует самостоятельных лесных насаждений, однако, сохранение его названия за рядом сейчас совершенно безлесных урочищ в пределах нижнего пояса предгорий указывает на его значительно более широкое распространение в прошлом. Название «пршнот» несет оголенная вершина к северу от с. Солекятин, а название «дагдаганлых» закрепилось за безлесной горой невдалеке от с. Кизил-Кишляг.

Теперь связь между человеком и деревом «пршнэ» почти исчезла. Только осенью мучнисто-сахаристые плоды каркаса служат лакомством для детей. Еще в недалеком прошлом связь была более тесной, хотя шла не по линии пищевого или технического использования, а по линии надстроечно-культовых представлений.

Каркас был непременной породой, которую можно обнаружить вблизи остатков всех культовых мест поклонения, в пределах нижнего и оснований среднего горного пояса восточного и южного Карабаха. Встречается «пршнэ» и вне связи с пирами отдельно стоящими стволами, которые в таком случае обычно носят название «хач», т.е. «крест», хотя ни на них самих, ни на окрестных камнях найти изображение креста не удается.

Наиболее крупную рощу священных в прошлом «пршнэ» мы встречаем у жертвенника солнечного культа - «святилища» Сары-бек в трех километрах к юго-востоку от Степанакерта. Культ Сары-бек уже описан в литературе, поэтому мы остановимся лишь на ботаническом окружении. Сам жертвенник, когда-то обнесенный разобранным сейчас каменным строением, представляет огромную известковую глыбу, разорванную надвое могучим, в настоящее время уничтоженным стволом каркаса. Из-под корней дерева, разбегавшихся на скале, бил холодный источник, теперь отведенный в сторону и взятый в бассейн, но русло которого еще ясно сохранилось. Около десятка стоявших кругом стволов каркаса, каждый из которых имеет в окружности свыше двух метров, покрывают лежащие кругом известковые отторженцы. По подсчету годичных колец прироста древесины, возраст отдельных деревьев можно установить в 300-350 лет. Но современные стволы - только корневая поросль, выросшая на месте когда-то бывшей каркасовой рощи; это видно и по расположению деревьев, собранных по 2-3 вместе, и по остаткам старых, совершенно истлевших иней между ними. Таким образом, существование каркаса у «святилища» Сары-бек может быть оценено периодом по крайней мере вдвое большим, нежели возраст современных деревьев[1]. Два четырехметровых в обхвате ствола карагача, вековое дерево кавказского клена и несколько высокоствольных деревьев «чапки», определяют видовой состав рощи у «святилища» Сары-бек.

Примером одиночного культового ствола кавказского каркаса в прошлом может служить дерево «таза-хач» (т.е. «новый крест»), стоящее на уступе правого борта долины Ах-дара, на дне которой расположилось с.Мардакерт.

По изустному преданию дереву этому всего 100-120 лет. Никаких изображений креста вокруг нет и название относится непосредственно к самому дереву. Ствол «таза-хач» расположен среди причудливо изъеденных карстом известковых глыб; выход одного из поглотительных колодцев расположен под самыми корнями дерева. В жаркий день, когда накаленный воздух поднимается с расположенной к востоку Карабахской степи и пробегает через сообщающуюся систему пустот, пронизывающих весь хребет, он вызывает глухие

[1] *При осмотре рощи Сары-бек в 1939году пришлось констатировать, что почти вся она вырублена и выкорчевана и гигантских стволов сейчас уже не существует*

гудящие звуки. Сюда приходили молиться об исцелении от различных болезней. Жертва дереву состояла в том, что под корнями дерева разжигался светильник. Если дым не поднимался вверх, а током воздуха втягивался вглубь поглотительного колодца и если это совпадало с моментом появления гудящих звуков в недрах хребта, считали, что жертва угодна дереву и просимое исполнится. Густой слой копоти, покрывающий входное отверстие колодца, свидетельствует о том, что к «таза-хач» прибегали очень часто. Раньше под жертвенным огнем резался черный баран или черная курица: впоследствии стали ограничиваться тем, что на нижние ветви вешали шерстинки, окрашенные в черный и желтый цвет.

Большой популярностью в прошлом пользовался ствол пршнэ около с. Норашен. Сквозь дупло ствола, стоящего на холме рядом с селением, заставляли проползать больных детей.

Единственная крупная роща не старых каркасов, которую пришлось встретить во время маршрутов, не оставляет сомнения в своем происхождении, как и рядом растущие чинары, Platanus digitata Gordon. Она покрывает развалины города Майракаhак, по преданию, столицы мелика Атама Великого, ниже развалин крепости Джраберт.

О том, что в местах резиденций правителей это дерево сажали искусственно, свидетельствует аллея нетолстых каркасов, сохранившихся в саду шушинского хана (ныне парк Степанакертской электростанции). Возможно, что декоративным соображениям здесь предшествовали представления, связывавшие носителя власти с деревом, посвященным культу солнца. Отдельные деревья нередко сажали в садах как средство от «сглаза».

17. Cephalaria gigantea (Ldb.) Bobr. – цефалярия гигантская.

Кар.-арм.: «ган-тапа» (Джрабертский район).
Аз.: «сары-гюль» (Шушинский район);
«чай-оту» (на Главном хребте).

Многолетник с высокими, достигающими 2 м, травянистыми стеблями и крупными полушаровидными головками полевых цветов. Особенно обильно произрастает на солнечных опушках верхней границы лесов и на влажных участках субальпийских лугов, а также на местах старых летних стойбищ.

Собранные в период цветения соцветия сушились и находили двоякое применение. Из них часто в смеси с высушенными цветами липы (Tilia caucasika Rupr.) заваривали чай, имеющий темно-желтый цвет и несколько медвяный вкус. В значительно больших количествах высушенные соцветия шли на окрашивание шерстяной нитки (по квасцевой (аллюминиевой) протраве) в темный золотисто-желтый цвет. При повторной окраске в экстракте марены достигалась особенно яркая выкраска красного тона (кизилово-красная). В течение последних десятилетий заготовки все больше сокращались и в настоящее время их вообще не ведут, хотя в соседней Армении цефалярия считается одним из самых ценных красителей ковровой пряжи.

18. Cerasus avium (L.) Moench – черешня дикая.

Кар.-арм.: «гюляс» (повсеместно, применяется как по отношению к несъедобной дикой, так и к культурной черешне).
Аз.: «гиляс» (повсеместно).

Дерево, достигающее средних размеров. Особенно обильно растет в лесах среднего горного пояса южного Карабаха. Плоды мелкие, черно-фиолетовые, очень горькие и несъедобные. Ствол с легко сдирающейся красновато-серой корой, похожей на березовую бересту.

В быту жителей северного Карабаха черешня играла большую роль в качестве источника для получения осветительных материалов. Для добычи «бересты» выбранные в лесу наиболее прямоствольные и несучковатые деревья подсачивали в конце лета, оставляли высыхать на корню в течение всей зимы, следующим летом обдирали, а бересту резали на длинные ленты. Ленты прикрепляли металлическим приспособлением к одному из задних «сютюнов» карадама. Подобно стволикам трагакантового астрагала в южном Карабахе, черешневая береста, называвшаяся «кичь», ценилась за то, что не разбрасывала искр при сгорании и не могла вызвать пожара. Относительная редкость черешни в лесах северного Карабаха определяется, по-видимому, не естественно-историческими факторами, а уничтожением ее человеком.

Помимо основного использования на лучину, небольшие ленты черешневой коры шли на плетение корзин, а крупные пласты ее, как и кору ясеня (Fraxinus excelsior L.), применяли на изготовление больших ульев («кот»).

19. Chenopodium album L. – марь, белая лебеда.

Кар.-арм.: «тал» (повсеместно).

Аз.: «тэрэ» (повсеместно вне НКАО).

Лебеда является одним из наиболее широко распространенных сорняков, от нижнего лесного пояса до оснований пояса субальпийских лугов. Первичным типом местообитаний можно считать отмели рек, где иногда развиваются сплошные чистые заросли, занимающие десятки квадратных метров. Вторичные обитания связаны не только с мусорными местообитаниями вокруг человеческих жилищ, но и с площадями сельскохозяйственных культур. Чрезвычайно устойчивые оболочки семян лебеды хорошо сохраняются в числе растительных остатков, собираемых из древних культурных слоев во время археологических раскопок, и подтверждают давнишнюю связь этого растения с деятельностью человека.

В русском фольклоре многочисленны указания на применение в пищу семян лебеды в годы неурожаев, сведений о чем в Карабахе слышать не пришлось.

Листья и верхняя часть стеблей лебеды весной идут в пищу отваренными, отжатыми и приправленными чесноком и растительным маслом. То же название, что и лебеда, имеет ширица, Amaranthus retroflexus L., которую используют такое же, как и белую лебеду.

20. Cornus australis C. A. M. – свидина южная.

Кар.-арм.: «чапки» (повсеместно).

Аз.: «мирдарча» (повсеместно).

Свидина произрастает в виде кустарника высотой до 3-3,5 м. и образует большие заросли на месте вырубок дубняков в среднем горном поясе Карабаха. Население использует ее для зеленых изгородей. Только в трех священных рощах, около «святилища» Сары-бек, в урочище Хаковик близ с. Гюней-Чертар и в урочище Хачен-Харт, недалеко от с. Кармир-гюх южная свидина встречается в виде невысоких прямоствольных деревцев высотой в 5-6 м. с шаровидными кронами и стволами до 80 см. в окружности. Наиболее крупные экземпляры растут в роще Хаковик. Лишь один ствол (близ с. Кармир-гюх) имел особое культовое значение; весной перед перегоном скота на горные пастбища крупный рогатый скот обводили трижды вокруг ствола «чапки», после чего ломали старые пастушьи посохи; таким образом, думали, что можно предохранить скот от нападения волков на горных пастбищах.

В народном крашении охотно прибегающем к железным протравам, «чапки» играет видную роль для придания шерстяной нитке черного или близкого к черному тона. Обычно для получения глубоких черных тонов применяли двойное крашение «чапки» и «свахотом», иногда с последующей обработкой экстрактом крапивы.

Плоды «чапки» несъедобные; остальные части растения никакого применения, кроме указанного выше, не находят. Тем любопытнее отметить, что плоды Cornus sanguinea L., вида чрезвычайно близкого к кавказскому Cornus australis C. A. M., который некоторые авторы рассматривают, как простую разновидность первого, в огромном количестве находили среди остатков, собранных в свайных постройках Швейцарии. На что их применяло в то время население - остается неясным.

21. Cornus mas L. – кизил.

Кар.-арм.: «hюн» (повсеместно – для плодов);
«hюни» (повсеместно – для кустарников);
Аз.: «зоhал» (повсеместно).

Во всех лесных поясах Карабаха кизил – излюбленная плодовая порода, встречающаяся не только повсюду в садах, вдоль изгородей, но и в виде подлеска среди разреженного рубкой дубово - грабового леса.

Народное название «hюн» нашло многочисленное отражение в топонимике, помимо мелких урочищ в лесах, название «hюнот» имеет и селение возле Шуши, на картах обычно называемое «Дашалты».

Плоды кизила - объект массовых заготовок в течение сентября - октября. Очищенный от косточек и высушенный на солнце кизил и приготовленная из него кислая пастила («лаваш»), которую готовят так же, как лаваш из алчи, играют видную роль в пище населения в зимнее время. Сушенные плоды в смеси с порошком высушенных душистых трав идут на приправу к мясным блюдам, а лаваш - в супы. Как свежие, так и высушенные плоды кизила применялись в народной медицине в качестве противомалярийного средства. Сок, выжатый из свежих ягод или настой из сушеных, приготовляемый путем залива теплой водой на 12 часов (без кипячения), выпивался больным в количестве одного стакана утром, натощак, и еще одного или двух стаканов в течение дня. Прием настоя вызывал сильное потение и понижение температуры. Применение настоя являлось также профилактической мерой при начинающейся простуде; его давали, как укрепляющее питье после всякого рода длительных и истощающих болезней.

Перемолотые на ручных жерновах в муку косточки применяли в народной медицине при лечении поносов; основная же масса косточек скармливалась свиньям.

В с.Чанахчи нам сообщили, что молодые олиственные ветви кизила применяются для получения на шерстяной нитке выкрасок оливково-зеленого цвета. В случаях отсутствия алчовой пастилы, водные экстракты из кизилового лаваша использовали на предварительную обработку шерсти перед окраской ее мареной в красный цвет тона бордо.

22. Corylus avellana L. – лещина обыкновенная.

Кар.-арм.: «ткогны» (повсеместно – для кустарника);
«кацёр» (повсеместно – для плодов).
Аз.: «фындых» (повсеместно).

Corylus cervorum V.Petr.- лещина оленья

Кар.-арм.: «ткогны-цар» (Дизакский район).
Аз.: «пстых» (с. Аладжан в южном Карабахе).

Обыкновенная лещина – один из наиболее широко распространенных в пределах всего лесного Карабаха элементов подлеска, который после сплошных вырубок образует самостоятельные кустарниковые чащи, особенно обильные вблизи от старых населенных пунктов. В топонимике применительно к лещине обыкновенной используется только форма «фындыхлу» (название ряда урочищ), в то время как топонимические названия, связанные со

словом «ткогны» в обоих зарегистрированных случаях оказались связанными с лещиной оленьей - «ткогны-ахпюр» («родник оленьей лещины»), под вершиной горы Тунчунлар на верхнем течении р. Хорос и «ткогнот» близ вершины горы Гёзалдара в северном Дизаке.

В настоящее время специальных посадок лещины в Карабахе нет, но обычно при разбивке садов старые кусты обыкновенной лещины не уничтожают.

Помимо пищевого значения, которое имеют орехи лещины, заготовляемые населением в значительных количествах и в течение всей осени и зимы поступающие на базары, наиболее широко используются молодые ветви, из которых плетут изгороди во всем Карабахе.

О судьбах оленьей лещины, вида, почти полностью уничтоженного за последние 50 лет, было подробно сказано в общей части. В районе распространения этого растения кавказский бук (Fagus orientalis Lipsky) совершенно отсутствует, и поэтому перенесение его азербайджанского названия «пстых» на оленью лещину не вызывает никаких недоразумений при пользовании населением.

23. Cotinus coggygria Scop. – желтинник, сараган.

Кар.-арм.: «трим» (Джрабертский район и центр.Карабах); «бяльгя» (Южный Карабах); «вэльки» (с. Азох Дизакского района).

Аз.: «наринджи-агач» (г.Шуши и Шушинский район); «сараган» (повсеместно вне НКАО).

Ветвистый кустарник до 2 - 2,5м высоты. Растет на обращенных к югу каменистых, особенно известковых склонах. Обычно в нижнем поясе Джрабертского района, но рассеянно встречающийся и в центральном Карабахе, где в результате неумеренных заготовок местами (например, в окрестностях Шуши) почти полностью уничтожен.

В народном крашении применяют как листья желтинника, так и кору его молодых побегов и древесину. Особенно красивы чистые хромово-желтые тона, которые получали в с. Атерк (Джрабертского района) из коры молодых ветвей на шерстяной нитке, протравленной алюминиевыми квасцами. В прошлом листья желтинника заготовляли в большом количестве для дубления кожи, что и привело местами к уничтожению зарослей, так как листья срезали вместе с ветвями. В 1921-22 гг. крупные заготовки вел Азериттифак в окрестностях с. Гюлятаг (Джрабертский район), а по данным Облместпрома в 1926-27гг. бывшим Совнархозом Нагорного Карабаха в Джраберте было заготовлено и вывезено около 375 тонн листа сарагана для кожевенных заводов Тбилиси и Ростова-на-Дону.

24. Cousinia macrocephala C. A. M. – кузиния крупнокорзинчатая.

Кар.-арм.: «глган» (Дизакский район).

Аз.: «гангал» (Джебраильский район).

Один из местных «чертополохов», распространенный в нижнем безлесном горном поясе южного и восточного Карабаха, где на заброшенных пашнях образует местами крупные заросли.

Весной очищенные от коры стебли в большом количестве идут в пищу в сыром виде. Чрезвычайно маслянистые семянки (созревание которых служит приметой того, что ячмень пора убирать) собирают, поджаривают вместе с пшеничным зерном и применяют на изготовление кушанья «аганц».

Факт сохранившегося до настоящего времени пищевого применения семянок дико-растущей кузинии представляет исключительный интерес для понимания технологии использования масличных растений в эпоху собирательства. До настоящего времени в

Карабахе удалось обнаружить три вида некультурных растений, плоды которых использовались в пищу в качестве масличных: эфиопский шалфей, Salvia aethyopis L., синюха, Echium vulgare L., и кузиния. В отношении эфиопского шалфея в Дизакском районе пришлось даже встретиться со следами чрезвычайно примитивного возделывания, заключавшегося в том, что отдельные участки его зарослей обносят загородкой для того, чтобы предохранить растения от стравливания скотом. Плоды обмолачивали простым обтряхиванием выдернутых из почвы засохших стеблей над подостланной тканью.

25. Crataegus sp. div. – боярышник (различные виды).

Кар.-арм.: «сзнэ» (повсеместно).

Аз.: «емшан» (повсеместно).

Все виды боярышников, распространенных в Карабахе на местах вырубок и как подлесок в дубовых лесах, имеют съедобные плоды, потребляемые местным населением. Однако, только кирпично - красные плоды Crataegus orientalis Desf., достигающие размеров некрупной вишни, в поздние осенние месяцы поступают на рынки Степанакерта и Шуши. В селах плоды этого вида сохраняют на зиму подвешенными к стропилам чердаков и сараев. В течение зимы они идут в пищу в сыром виде.

Красновато - коричневую глянцевитую кору молодых побегов всех видов, особенно же Crataegus ryrtostyla Pojark. заваривают вместо чая, но обычно не заготавливают, так как сырье всегда есть под рукой.

Сбор плодов с колючих ветвей боярышника не всегда безопасен. В результате уколов часто развиваются тяжелые дерматиты, при более глубоких ранениях переходящие в трудно поддающееся лечению воспаления надкостницы.

26. Cydonia oblonga Mill. – айва

Кар.-арм.: «сэргевиль» (повсеместно);

«скэвюль» (Джрабертский район).

Аз.: «hэйва» (повсеместно).

Айва в Карабахе имеет только культурное происхождение, хотя легко дичает и в таких случаях может навести на остатки разрушенных человеческих поселений. Крупная роща такой одичавшей айвы отмечает место развалин Майракаhак в Джраберте.

В основном применение находят плоды айвы. В печеном виде они служат приправой к мясу, в больших количествах из них варят варенье. Молодые, только что развернувшиеся листья айвы идут на завертывание мяса при приготовлении блюда «долма», заменяя виноградные листья. Настой из сушенных молодых листьев – широко распространенное народное средство для лечения поносов у грудных детей.

27. Elaeagnus angustifolia L. f. culta Sosn. – лох узколистый

Кар.-арм.: «пшат» (повсеместно).

Аз.: «ийда» (повсеместно).

Лох в Карабахе встречается только в культурном состоянии. Население считает его привезенным из Ирана. Зрелые плоды с суховатой мучнистой мякотью идут в пищу в сыром виде. Растение ценят за то, что оно дает большой взяток меда, а в Шуши его разводят, как ценное декоративное растение, в период цветения наполняющее своим благоуханием весь город.

Население Карабаха считает лох растением, введенным в культуру из Ирана. Вероятноб указание это соответствует действительности, потому что в отличие от других (например, прикаспийских) районов Азербайджанаб в Карабахе приходилось находить одну только

культурную форму лоха. Нужно думать, однако, что введение в культуру произошло уже очень давно. Лох вполне натурализовался, широко распространен не только в садах, но и вблизи заброшенных населенных мест, где идет успешное семенное самовоспроизведение. Распространен он от Карабахской степи до высот в 1400 м. над уровнем моря, например в г. Шуши, где он растет деревьями до 12-15 м.

28. Eremurus spectabilis MB - эрэмурус

Кар.-арм. и аз.: «шириш» (повсеместно).

Эрэмурус образует большие заросли на известковых склонах субальпийского пояса всего Карабаха.

Молодые ростки, собираемые весной в конце мая и начале июля, отваривают в соленой воде и употребляют в пищу либо в вареном, либо в поджаренном на растительном масле виде. Аналогичное применение имеют и другие виды этого рода, встречающиеся в Иране, Афганистане и Средней Азии.

Вздутые корни в прежнее время собирали, сушили и перемалывали; прибавленные в незначительном количестве к известковому растворуб они вызывали необычайно сильное схватывание извести при застывании и использовались местными мастерами - каменщиками и строителями при постройке домов. О случаях варки из корней сапожного клея, на что есть указания в литературе, в Карабахе слышать не приходилось.

29. Euphorbia Seguierana Neck. – молочай Сэгье.

Кар.-арм.: «иша-катнук» (т.е. ослиное молоко,
Центральный Карабах, Дизакский район); «трна-цагик»
(с.Гадрут, Дизакского района)
Аз.: «сары-чоб» (г.Шуши); «сютлю» (повсеместно вне НКАО).

Травянистый многолетник, все части которого богаты едким белым млечным соком (отчего, по-видимому, и происходит армянское карабахское название растения).

В местном народном крашении растение это считают одним из наилучших для получения желтых выкрасок на шерстяной нитке по алюминиевой (квасцовой) протраве. Заготовку его, по рассказам, вели в довольно значительных количествах в период цветения, чтоб в зависимости от высотного положения места сбораб падало на середину или конец мая и начало июня; сам процесс крашения остался неизученным и попытки воспроизвести его в лабораторной обстановке не дали желаемого чисто желтого цвета.

30. Fagus orientalis Lipsky – бук восточный.

Кар.-арм.: «hаджаркэ» (Джрабертский и север
Степанакертского района).
Аз.: «пстых» (повсеместно); «кызыл-гёз»
(в Ленкоранском районе).

Лесообразующая древесная порода северного Карабаха (к северу от течения р. Бадары), где встречается, главным образом, на высотах между 1000 и 1800 м. над уровнем моря, на обращенных к северу склонах.

Древесина бука, в большом количестве идущая на нужды местной деревообделочной промышленности и для изготовления клепки, почти не находила применения в быту населения.

Буковые леса как в прошлом, так и в настоящем использовали, главным образом, для выпаса крупных стад свиней. Деревьев культового значения встретить не пришлось.

В период гражданской войны, когда были большие затруднения с завозом товаров в область, население вернулось к старинному полузабытому сейчас способу изготовления мыла из букового щелока. Для этой цели выбирали старое дуплистое, но еще живое дерево и в дупле разжигали костер. Через несколько дней тления дерево рушилось, а в дупле скапливалась масса спекшейся золы, которую измельчали на ручных каменных жерновах и без какой-либо предварительной обработки смешивали с бараньим жиром. Ввиду того, что углекислые щелочи золы не могли омылить глицеридов жирных кислот сала, мыло не приобретало тех свойств, которое мы от него обычно требуем, и вымытые им вещи оставались всегда немного жирными.

Заготовка букового орешка, которую в больших количествах вел Совнархоз Нагорного Карабаха в 1924-25 гг., была вскоре прекращена из-за трудностей вывоза и неправильного чередования семенных и неурожайных годов.

31. Ficus carica L. – смоковница, винная ягода, инжир.

Кар.-арм.: «тозны» (название плодов в некоторых селах центрального Карабаха); «тузны» (название для дерева).

Аз.: «инжир» (повсеместно).

Если учесть способность легко дичать у культурных форм инжира, то остается пока неясным, какая доля инжира, произрастающего в Карабахе, падает на дикорастущие, какая на одичавшие деревья. В Карабахе население считает мелкие деревья, которые лепятся по карнизам известковых скал и отличаются небольшими темно-фиолетовыми плодами, за дикую форму. В таком случае форма эта не соответствует указаниям «Флоры СССР» (т.V, стр. 381,1936), по которой, дикая форма не приносит плодов. Заросли одичавшего желтоплодного инжира встречаются вне культуры на местах старых человеческих поселений, например, на развалинах г. Майракаhак и руинах монастыря Ирек-Мангук в Джрабертском районе. Плоды инжира массами привозят на базары Степанакерта и Шуши в основном из прилегающих частей низменности. Инжир идет в пищу в сыром виде, сушеном и в вареньях.

32.Fragaria viridis Duch. – полуница.

Кар.-арм.: «твры-мор» (Джрабертский район); «мори» (прочие районы НКАО).

Аз.: «чиалег» (повсеместно вне НКАО).

Заросли полуницы на местах вырубок в пределах среднего горного пояса бывают настолько велики, что в урожайные годы снабжают сырьем кустарную винокуренную промышленность; благодаря низким вкусовым качествам плоды не поступают на базары.

Значительно более редкой в Нагорном Карабахе является настоящая лесная земляника (Fragaria vesca L.- Fr.silvatica Duch.), встречающаяся только по опушкам дубняков среднего горного пояса. Плоды земляники собирают с чисто потребительскими целями и используют в пищу в сыром виде: они поступают на базары Степанакерта и Шуши лишь в виде исключения.

33. Fraxinus excelsior L. – ясень

Кар.-арм.: «hаци» (повсеместно).

Аз.: «вэн» (на Главном хребте).

Древесная порода, равномерно распределенная в лесах среднего пояса, но нигде не встречавшаяся в больших количествах.

О культовой в прошлом роще ясеня на левому берегу р. Кюнделян ниже с.Красный Базар достаточно подробно было уже сказано в общей части.

Помимо изготовления из древесины ясеня рукояток всякого рода хозяйственных орудий (например, топоров - цакатов, молотков и т.п.), в старое время кору ясеня так же, как и кору

дикой черешни, употребляли для изготовления больших ульев («кот»). Для этой цели кору снимали широким пластом, свертывали в трубку, края которой сшивали узкими ремнями из той же коры; днищами служили круглые пластины коры.

В связи с развитием виноградарства в Дизакском районе при крупных виноградниках разводили небольшие плантации ясеня. Сосредоточенный в очень густом насаждении, ясень быстро подгонялся, и после достижения возраста в несколько лет его резали на виноградные тычины, к которым лозы подвязывали узкими лентами из коры годовалых побегов грецкого орешника.

34. Genista transcaucasica B. Schischk. – дрок закавказский.

Кар.-арм.: «авиль» (повсеместно);
«тегна-цагик» (изредка).
Аз.: «наз» (г.Шуши и Шушинский район).

Невысокий кустарничек с прутьевидными ветвями, который сплошными зарослями растет по безлесным, обращенным к югу, склонам в пределах среднего горного пояса всего Карабаха.

Применение надземной массы дрока, собранного в период цветения (в зависимости от высотного положения и условий погоды время сбора падает на конец мая - весь июнь), при крашении шерстяной нитки по квасцовой (алюминиевой) протраве было распространено повсеместно и у местных красильщиц сохранилось до настоящего времени. Массовые заготовки, которые еще в недавнем прошлом производились для нужд ковроткацкой промышленности, не отразились губительно на зарослях дрока, потому что серпами жали только надземные части высоко над уровнем корневой шейки. К концу вегетационного периода растение успевало снова отрастать. С закрытием зимой 1934-35гг. красильной мастерской в Шуши крупные заготовки больше не производятся.

35. Hieracium hypeurium Naeg. et Peter – ястребинка горная

Кар.-арм.: «hапет» (повсеместнов горных районах).

Горная ястребинка покрывает своими небольшими, прижатыми к почве розетками листьев, целые склоны в пределах пояса субальпийских лугов и на опушке верхнего лесного пояса, особенно обильно развиваясь на сложенных мелкоземом и вытравленных пастьбой, обращенных к югу склонах. Листья ее скот не поедает, а прижатость розетки и способность развивать длинные побеги спасает от гибели при вытаптывании.

В старину горная ястребинка была источником для получения трута. С нижней поверхности листьев, которые собирали в период, предшествовавший цветению (главным образом в июне, когда скот перегонялся на горные пастбища), реже в период второго осеннего роста розеток после выпадения первых осенних дождей (в конце сентября–начале октября), руками, без применения каких-либо орудий, стирали покрывающее их войлочное опушение. При небольшом размере листовых пластинок, в среднем достигающих 5-8 см^2, и при малом размере волосков процесс заготовки был крайне длительным и трудоемким. За период сбора один человек мог собрать не более 100 г волокна. Затем также без применения каких-либо орудий, вроде веретена, из волосков сначала ссучивали пальцами тонкую нить, затем отдельные нити сплетали в толстый шнур диаметром около 1 см. Шнур резали на куски длиною от 15 до 20 см, которые на концах обжигали и давали на хранение старейшей женщине в доме. От этого шнура и зажигали огонь на очаге карадама. Считали, что другой дом не должен давать огонь взаймы. Это означало, что из отдавшего огонь дома вместе с последним уйдет и счастье, и благополучие.

Уже много лет прошло с тех пор, как значение трута - «hапет» потеряно, но сила запретов, связанных с ним, сохранилась в памяти стариков, боявшихся, что рассказы о hапете принесут несчастье их дому и потому неохотно делившихся известными им преданиями.

В топонимике нам пришлось встретить урочище «hапет-тала» («трутовая поляна»), которая представляет собою очень старую, свыше чем семидесятилетнюю залежь, по которой ястребинка разрослась огромными кругами. Расположена hапет-тала в верховьях одного из верхних правых притоков р. Хорос (Дизакский район). В свое время здесь вели заготовки трута - hапет.

В Дизаке сохранились в разговорном языке две равнозначные поговорки: «обчистил, как hапет» и «обчистил подобно hапету». Поговорки эти применяются и в прямом и в переносном смысле - в первом случае, например, когда поданное кушание съедено без остатка и блюдо совершенно пусто; во втором, в том же смысле, что и русская поговорка «ободрали, как липку».

Сейчас волокно hапет собирают только ребята-подпаски во время своего пребывания на летних пастбищах.

36. Hippomarathrum crispum (Pers.) Koch – гипомаратрум.

Кар.-арм.: «пэки» (повсеместно).

Единственное, кажется дикорастущее растение Карабаха, относительно использования которого местным населением имеются литературные указания. Г.И. Радде в описании своего путешествия в Карабах, опубликованном в 1890 г., пишет, что неисчислимые заросли «пэки» служат местом заготовок их черешков, которые солят и маринуют, но «на европейский вкус вследствие горечи несъедобны».

Хотя заготовки ведутся и в настоящее время, но неисчислимые заросли уже отошли в область преданий. Под Шуши нам показывали склоны, о которых пишет Радде: на них с трудом удалось разыскать несколько чахлых, не достигающих до цветения экземпляров. В Хачене по линии старинного скотопрогонного пути, ведшего из Карабахской степи на пастбища Курдистана, старики показывали склоны, где некогда велись заготовки «пэки»; сейчас это растение обнаружить не удалось. Несколько лучше «пэки» сохранился в наиболее удаленных от дороги и труднодоступных участках южного Карабаха, но и там непрерывным сбором это растение уничтожено настолько сильно, что с трудом удается разыскать экземпляры, достигающие нормального цветения и плодоношения.

Заготовлялись черешки молодых листьев, которые очищали от корового слоя, отваривали и засаливали. Раньше соленый «пэки» (называвшийся у молокан-переселенцев «пять пальцев» по числу лучей рассеченного на вершине черешка) был предметом не только оживленной торговли на городских базарах, но и вывоза на низменность Азербайджана и даже в Баку. В настоящее время заготовки имеют чисто потребительский характер.

37. Hippophaë rhamnoides L.- облепиха.

Кар.-арм.: «ляпри» (Джрабертский район).

Аз.: «чайткян» (на Главном хребте).

Единственным местом в Карабахе, где сохранился еще неуничтоженным высокоствольный (до 10 м) лес из облепихи, являются подвижные галечники по среднему течению р. Тертер (в Джрабертском районе). Название «ляпрот» повторяется для ряда урочищ, где растет облепиха, в том числе и в долине р. Хачен, где в настоящее время облепихи нет.

По-видимому, тонкомерность стволов облепихи не позволяла пользоваться ею в строительстве карадамов, в то время как в других частях Кавказа, например, у мохевцев по среднему течению Терека (в Грузинской ССР), она была излюбленной древесиной при постройке их высоких сторожевых башен. В Карабахе в большом количестве заготовляли

лишь колючие ветви для того, чтобы складывать из них непроходимые и негниющие в течение нескольких десятилетий изгороди между полями и приречными садами. Плоды облепихи, по-видимому, местное население не использовало. Уничтожение лесов облепихи связано с расчисткой приречных участков под сельскохозяйственные культуры.

38.Humulus Lupulus L.- хмель.

Кар.-арм.: «шрмышог» (Джрабертский район);
«шрмушут» (Дизакский район).
Аз.: «хамырмая» (вне НКАО).

На всех участках, где сохранились хотя бы следы приречных лесов, хмель является непременным их спутником; во вторичных условиях хмель встречается в приречных садах, где играет роль тягостного сорняка.

Культуру хмеля в Карабахе не ведут, так же как и не используют его плоды (шишки). В Дизакском районе, где в некоторых семьях приходилось встречать запас хмелевых шишек в качестве «дрожжей», согласно указывали на недавнее заимствование этого приема от русских. Зато повсеместно в Карабахе распространено использование молодых весенних побегов хмеля в качестве овощи: побеги отваривают в соленой воде, а затем поджаривают с маслом и яйцами.

Вообще в мировом опыте использование хмеля для «охмеления» пива явление, по-видимому, очень недавнее; Плиний (В I в.н. э.) пишет о побегах хмеля, как об овощи, соперничавшей в свое время со спаржей (***Asparagus***). Это же значение хмель продолжал сохранять в Западной Европе в средние века. До сих пор, в тех странах, где хмель разводят для получения шишек и большое количество побегов весной вырезают, последние регулярно поступают на овощной рынок. Особенно излюблена эта овощь в Бельгии, Голландии и Англии.

39. Junglans regia L.- грецкий орех.

Кар.-арм.: «чhопур» (повсеместно);
Аз.: «коз» (повсеместно).

Грецкий орех в Карабахе относится, наряду с каштаном, айвой и чинаром, к вполне натурализовавшимся древесным породам, но не встречается в диком состоянии. Помимо крупного насаждения в долине р. Тертер, описанного в общей части, можно указать еще на большую рощу, насчитывающую около 1500 стволов близ с. Улубаб, на севере Степанакертского района; все остальные насаждения редко когда состоят больше чем из нескольких десятков стволов. Обычно даже отдельные деревья грецкого ореха, стоящие, казалось бы, в давно нерубленном лесу, позволяют найти вблизи либо остатки населенного пункта, либо руины монастырской стены, либо остатки полуобрушенной крепостной башни.

Основное применение грецкого ореха у местного населения - пищевое. Тертые (вернее, мятые) орехи кладутся в разные виды пищи, как источник жира. Нередко лоби варят вместе с орехами, служащими маслянистой приправой. Имеется и специальное кулинарное изделие, начинка которого делается из грецкого ореха для пирога «кркэни». Для начинки «кркэни» на слой пшеничного теста, соответствовавшего размеру очага в центре карадама, накладывали массу из ядер грецкого ореха, предварительно расколоченных особым деревянным пестиком («схтуртаки») вместе с луком. Внутрь начинки запекали одну штуку кизила, высушенного с косточкой, которую называли «доулят» - «счастье», а на верхней тестяной крышке пирога по сырому еще тесту деревянной ложкой, обмакнутой в воду, наносили символическое изображение солнца в виде двух концентрических кругов, соединенных радиальными лучами.

Пирог делили на куски по числу присутствовавших в доме на празднике людей и кроме того выделяли по куску на долю скота, которым владел хозяин сада и полей. Владелец куска с запеченным в него «счастьем» считался на наступающий год носителем счастья данного дома. Как было уже указано, по-видимому, начинке из грецкого ореха предшествовала начинка из плодов дерева «пршнэ». Это показание о переходе функций дикорастущего дерева на культурную породу говорит, казалось бы, в пользу относительно недавнего появления грецкого ореха. Однако лингвистическое исследование Р. И. Шаумяна показало, что карабахское народное название «чhопур», не имеющее ничего общего с общеармянским («попок»), относится к яфетической корневой группе слов. Это заставляет отнести период первых посадок грецкого ореха на современной территории области к достаточно отдаленному времени.

Как источник строительного материала в северном Карабахе орех использовали на опорные колонны («сютюны») карадамов. В последнее время стволы шли для изготовления ценной ореховой фанеры, а главным образом ради наплывов каппа (называемых на месте «фрр»), шедшего на экспорт. В селе Кочегот (Джрабертского района) из древесины грецкого ореха изготовляли наиболее ценные музыкальные инструменты - тары.

В южном Карабахе (Дизакском районе) была распространена культура грецкого ореха в виде постоянно вырубаемой корневой поросли на виноградниках. Узкие ленты коры, которую снимали с годовалых водяных побегов, служили для подвязки виноградных лоз к тычинам; они успешно конкурировали с лубом дикорастущих «церкут-кут» - видов жимолостей (Lonicera sp. div.), особенно Lonicera xylosteum L.

Наконец, особое место занимает использование различных частей ореха (молодой коры, листьев и особенно мясистых околоплодников) в деле крашения ковровой шерстяной нитки, в основном в коричневые тона, вместе с корой дикой яблони (Malus orientalis Uglitzk) в оранжево-коричневый, вместе с лиственными побегами «чапки» в коричнево-черный тон.

Нами зарегистрировано в Карабахе лишь незначительное количество культовых деревьев грецкого ореха. В окресностях села Хачмач в урочище Арева-яхци группу из шести крупных стволов считали помогающей при ревматических заболеваниях; существовало поверье, что непочтительное отношение к указанным деревьям вызывает искривление шеи. Передавали, что два старых дерева, одно в окресностях села Гавахан, другое - Сигнах, в прошлом всегда стояли увешанными лоскутками цветной материи или окрашенными шерстяными нитками, но в каких случаях прибегали к помощи этих деревьев неизвестно. По старому поверью, спать в тени грецкого ореха считалось чрезвычайно опасным; рискнувший на это долгое время испытывает сильное недомогание, похожее на заболевание малярией.

40. Juniperus oblonga MB и J. pygmaea C. Koch- можжевельники.

Кар.-арм.: «цртни» (повсеместное название для обоих видов).

Аз.: «джирджирама» (в Нахичеванской АССР).

За исключением нижнего лесного пояса, где можжевельник редок, Juniperus oblonga MB встречается повсюду в дубняках на обращенных к югу склонах, где после вырубки образует иногда большие кустарниковые заросли до 2-3 м высоты. Juniperus pygmaea C. Koch сменяет первый вид на границе субальпийского пояса, кромка которого местами отмечена круглыми куртинами карликового можжевельника, достигающего едва 30 см высоты. Здесь, на участках усиленного выпаса скота карликовый можжевельник в смеси с высокогорным трагантовым астрагалом, Astragalus aureus Willd., образует пояс своеобразных слаников, своим происхождением всецело обязанный действию стад и отсутствующий на других участках Карабахского хребта. В первичных местообитаниях карликовый можжевельник приурочен к выходам пород на обращенных к югу склонах.

В Дизакском районе указывали, что в периоды голода молодые побеги можжевельников шли в пищу, как примесь к дубовой муке. Сочные шишечки можжевельников находили какое-то применение в народной медицине, но какое именно выяснить не удалось.

41. Linum usitatissimum L. – лен посевной.

Кар.-арм.: «ктавhат» (повсеместно).

Культура льна в Карабахе является одной из интереснейших тем по истории местных культурных растений. В настоящее время разводят в крайне ограниченных размерах только масличный лен-кудряш, в Джраберте, по-видимому, давнего происхождения, в Дизакском же районе, судя по рассказам, лишь сравнительно недавно ввезенный из европейской части Союза. Между тем еще в 60-х годах прошлого столетия разводили дающий волокно лен-долгунец, а не масличный кудряш. В то время как пищевым растительным маслом было рыжиковое (из Camelina sativa (L.) Crantz), льняное шло для освещения. В то же время непременной принадлежностью каждого карадама были ткацкие станки для выделки домотканной холстины из волокна долгунца. В 1880 - 90гг., когда привозные хлопчатобумажные ткани начали вытеснять домотканную льняную холстину, они должны были первоначально имитировать холст, чтобы найти спрос на селе. Сейчас в связи с грандиозным развитием культуры хлопка сведения о долгунце настолько забыты, что многие местные агрономы уверяли нас, что культуры его в Карабахе вообще не было. В связи с исчезновением долгунца не удалось выяснить, как велось прядение и ткание холста и окрашивали ли его на месте или использовали только в натуральном белом виде.

42. Malus orientalis Uglitzk. - яблоня дикая.

Кар.-арм.: «тззани» (повсеместное для диких сортов);
«хндзори» (повсеместное для культурных сортов).
Аз.: «алма» (для культурных сортов- повсеместно);
«джир-алма» (для диких форм в Шуши и в Шушинском районе).

Как было уже указано в общей части, в лесах Карабаха можно встретить различнейшие сорта яблони на всевозможных ступенях окультуривания и проложить грань между дикой и культурной яблоней временами оказывается решительно невозможно. Плоды дикой яблони местное население сушит на зиму; из них приготовляют фруктовый суп и изредка заваривают вместо чая.

Культовое значение яблони в прошлом очень велико. В Карабахе считалось, что вильчато разветвленная ветвь дикой яблони, если ее направить в сторону лица, от которого исходит опасность «сглаза», является безусловно эффективным средством защиты: самый сильный «дурной глаз» может сломать ветку яблони, но на человека, который эту ветку держал, подействовать не может. Возле с. Сигнах растет дуб под названием «хундзюра-хач» (то есть «яблоневый крест»). По преданию, на месте дуба некогда росла священная яблоня, но была срублена святотатственной рукой одного из сельчан. После гибели самого святотатца и всего его рода, на месте яблони вырос дуб, принявший на себя функции культового дерева.

Кору молодых ветвей яблони в народном крашении считали одним из лучших красителей для получения на шерстяной нитке ярко-оранжевых тонов.

43. Malva neglecta Wallr.- просвирняк мелкий.

Кар.-арм.: «пипэрт» (повсеместно).
Аз.: «эмэкюмаджи» (на Главном хребте).

Распространенный сорняк, обильно развивающийся в огородах.

Листья, собранные весной до цветения растения или поздней осенью с озимых экземпляров, при отваривании дают слизистый зеленый отвар, любимый населением. Такой суп обычно приправляют чесноком и лавашом из мякоти алчи или кизила. Весной и осенью листья «пипэрта» в большом количестве поступают на базары Степанакерта и Шуши.

44. Mentha longifolia L. – мята длиннолистная.

Кар.-арм.: «тагци» (Джрабертский район);
«дагц» (Центральный Карабах и Дизакский район).
Аз.: «ярпыз» (повсеместно, в том
числе в Шуши и Шушинском районе).

Длиннолистная мята, образующая заросли вдоль русла речек и ручьев, развивается также вдоль оросительных каналов, на увлажненных участках в садах и на огородах, где из-за мощной системы подземных побегов иногда оказывается трудно искоренимым сорняком.

Листва отдельных форм длиннолистной мяты идет в пищу в сыром виде.

Разнообразие форм мяты хорошо известно местному населению, насчитывающему «тысячу сортов» этого растения. По рассказам стариков, в прошлом отдельные сорта, различавшиеся по вкусу (например, сорта «рэhан» и «нэнук» в Джрабертском районе), разводили на огородах и в садах. В настоящее время культура эта совершенно заброшена. Можно предполагать, что исключительное разнообразие форм мяты, которое наблюдается в Карабахе, является следствием ее культуры в прошлом и гибридизации отдельных форм между собой.

45.Mespilus germanica L.- мушмула, шишки.

Кар.-арм.: «зыкэр» (повсеместно).
Аз.: «азгиль» (повсеместно).

Начиная с нижнего лесного пояса и кончая границей между лесом и поясом субальпийских лугов, мушмула - постоянный элемент подлеска в дубняках на склонах, обращенных к югу. В Карабахе она известна в двух формах: дикой мелкоплодной, встречающейся в лесах и оттуда нередко переносимой в сады, и культурной крупноплодной, поддерживаемой только прививкой.

Плоды делаются съедобными лишь после того, как их побьет морозом; они становятся мягкими и вкусом похожи на яблочную пастилу. Еще незрелые твердые плоды в большом количестве заготовляют в лесах и оттуда вьюком свозят в селения, где хранят 2-3 месяца, пока они не дозреют. В большинстве случаев они идут в пищу в сыром виде, но иногда их замачивают и тогда их вкус значительно улучшается. В большом количестве мушмула вывозится за пределы области.

В народной медицине использовали богатые дубильными веществами листья мушмулы, из которых приготовляли вяжущий отвар для лечения желудочных заболеваний у детей.

46. Morus alba L.- шелковица, тута.

Кар.-арм.: «тот» (повсеместно).
Аз.: «тут» (повсеместно).

Культурная шелковица играет заметную роль и в ландшафте и в экономике Карабаха. Наиболее крупные массивы тутовых садов сосредаточены в центральных и южных районах области, занимают площадь почти в 2000 га и насчитывают около четверти миллиона стволов. Это - промышленные сады; те же несколько десятков тысяч стволов, которые разбросаны на приусадебных участках, имеют чисто потребительское значение.

Население сушит плоды шелковицы на солнце и готовит из них сладкий бекмес, вываривая на слабом огне сок плодов. Бекмес имеет цвет и консистенцию темной патоки, но значительно приятнее на вкус. Однако основная отрасль переработки, ради которой вообще созданы крупные тутовые плантации – гонка тутового спирта из сброженных зрелых плодов. Процесс сбора и переработки плодов предопределил направление, в котором велся отбор отдельных сортов.

К моменту созревания под деревьями растягивают большие полотнища бязи, куда стряхивают плоды туты. Труска туты («тап») в основном протекает в конце июня и первой половине июля, но иногда затягивается до первых чисел августа. Техника сбора определяет первые два требования, которые предъявляет хозяйство к сортам: сжатый период созревания и легкая осыпаемость плодов. Сбитые на бязь плоды складывают в деревянные бочки, стоящие тут же под деревьями; в бочках идет сбраживание. Отсюда третье требование хозяйства – высокая сахаристость плодов. После окончания брожения всю массу подвергают перегонке на крайне примитивной аппаратуре на огне. В результате перегонки получается спирт-сырец (так называемая «тутовка», «тты-араг»), в первых погонах имеющий до 70° и больше крепости. Сырец этот, загрязненный сивушными маслами и веществами, образовавшимися от пригорания, обладает специфическим букетом, особенно ценимым потребителями.

Несмотря на то, что в литературе уже отмечено, что в Карабахе принесение жертвы водкой имело культовое значение, ни одного культового ствола шелковицы нам зарегистрировать не удалось.

Красивая темная ядровая древесина туты идет на изготовление мелких поделок. В Кочоготе (в Джрабертском районе) она ценится мастерами музыкальных инструментов, как материал для изготовления резонаторных коробок инструментов.

47.Origanum vulgare L. – душица обыкновенная.

Кар.-арм.: «свахот» (т.е. черная трава, повсеместно).
Аз.: «кара-оту» (в Джрабертском районе);
«кара-кных» (обычно вне НКАО).

Травянистый многолетник, в первичных местах обитания всречающийся на полянах и по опушкам дубняков, во вторичных – на местах сплошных вырубок и на старых залежах и перелогах, где он образует сплошные, иногда чистые заросли.

Наряду с ветвями «чапки» и в смеси с последними, надземные части цветущей душицы население применяет в крашении шерстяной нитки по железным протравам в близкие к черному тонам, а в комбинации с корой грецкого ореха и последующей обработкой экстрактом крапивы (Urtica dioica L.) – в глубокие угольно-черные тона. Выяснить в Шуши точное азербайджанское название не удалось; во всяком случае приводимое в Азәрбайҹан флорасы (т.III, 176) проф. А. А. Гроссгейма название сычан гулағы в Шуши и в Шушинском районе оказалось неизвестным.

48. Ornithogalum platyphyllum Boiss.- птицемлечник плосколистный

Кар.-арм.: «hнджелос» (Степанакертский и Дизакский районы).

Луковицы этого ранневесеннего растения в большом количестве выкапывают из земли; они идут в пищу отваренными в соленой воде. Подобное же применение находят луковицы этого и других видов птицемлечников в ряде других стран, например, в Италии.

Среди растений, подземные органы которых играют видную роль в весеннем питании населения, наиболее значительную роль играют три вида: птицемлечник, зонтичное Falcaria Rivini L. и козлобородник (Tragopogon).

Первичным типом местообитаний для Ornithogalum platyphyllum Boiss. вероятнее всего считать опушки дубняков среднего горного пояса в тех местах, где близость коренных пород не позволяет пологу сомкнуться. Обильнее всего, однако, птицемлечник развивается на склонах, покрытых делювиальными суглинками, там, где древостой совершенно уничтожен, а господство перешло к злаку бородачу (Andropogon ischaemum L.) и куртинам держи-дерева.

49.Paliurus spina-christi (Mill.) C.K.Schneid. – держи-дерево.

Кар.-арм.: «цаки» (для куста); «цаки-гюль» (для плодов)- повсеместно.

Аз.: «кара-ткян» (повсеместно).

Заросли держи-дерева наиболее характерны для тех участков в пределах нижнего лесного пояса, где первичная растительность уничтожена деятельностью человека и его стад; более редкими они становятся на высоте в 800-850 м, но вдоль линий скотопрогонных путей встречаются до уровня в 1200-1400 м над уровнем моря. В последнем случае обычнее встретить его в виде групповых зарослей, достигающих 10 м в диаметре и 2 м высоты на склонах с выбитым дерновым покровом, сложенным злаком бородачом (Andropogon ischaemum L.).

Как было уже указано в общей части, в голодные годы безвкусные и лишенные таннидов оболочки плодов без семян перемалывали и использовали, как подмесь к желудевой муке. Нужно думать, что пищевая роль держи - дерева была совершенно ничтожной, поскольку в оболочках больше всего клетчатки.

Незрелые плоды, а особенно корни, собранные в период плодоношения, применялись в качестве красителей. Выкраски имели красивый лиловатый или серовато-лиловый цвет и, как и прочие выкраски, основанные на применении дубильных веществ, отличались достаточной устойчивостью.

В лишенных леса предгорных районах держи - дерево – основной топливный ресурс населения. Кроме того, его используют для плотных колючих изгородей.

50. Papaver sp. div. – мак (разные виды).

Кар.-арм.: «потуткун» (повсеместно).

Аз.: «хашхаш» (повсеместно).

Молодые стебли и незрелые коробочки встречающегося в небольших количествах мака Papaver somniferum L. и диких неопушенных однолетних видов идут в пищу в сыром и в отваренном в соленой воде виде.

В прошлом, по рассказам, небольшое количество мака обычно высевали на огородных участках в садах; собранными семенами посыпали хлеб, либо в более редких случаях из них изготовляли маковое молоко («хашхаши - кат»), для чего семена насыпали в большую деревянную миску «чанах» и растирали в ней, подливая немного воды. В настоящее время специальных посевов мака нет. Указания на то, что из мака в Карабахе когда-либо приготовляли опий, слышать не приходилось.

51.Physalis Alrerengi L. – физалис.

Кар.-арм.: «вири тахтер» (Джрабертский район);

«кармир-ками» (с.Арутюна–Кюмир, Джрабертского района.).

Аз.: «кызыл - кайтарма» (повсеместно).

Обычный распространенный по всему Карабаху рудеральный сорняк особенно обильный в приречных садах нижнего и среднего горных поясов.

В прошлом стадовладельцы при продаже масла подкрашивали его в темножелтый цвет (цвет «майского масла») ярко окрашенными и пузыревидно разрастающимися ко времени созревания плодов оранжевыми чашечками физалиса. Для этого высушенные чашечки помещали в марлевый мешок и погружали в масло. Позже окрашивание физалисом уступило, однако, место привозимому красителю-орлеану.

В народной медицине плоды применяли при лечении желудочных заболеваний, а дым от сжигаемых на углях семян при лечении зубной боли.

52. Pirus communis L. – груша обыкновенная

Кар.-арм.: «тандзи» (повсеместно как культурная, так и дикая);
«кола-тандзи» (дикая груша в Джрабертского района.).
Аз.: «армуд»-г. Шуши (как и вообще в Азербайджанской ССР).

Довольно обычная лесная порода, входящая в состав широколиственных лесов среднего горного пояса; в отношении сортового многообразия можно лишь повторить все, сказанное про дикую яблоню (Malus orientalis Uglitzk).

В основном используют плоды дикой груши, которые осенью целыми вьюками собирают в лесах. Долго плоды не хранят, они идут в пищу, главным образом в сыром виде. Особенно ценятся сорта, которые в результате ферментации делаются темными и мягкими и теряют присущую им терпкость. В меньших количествах грушу сушат на солнце; по рассказам, в прошлом из сушеных груш делали муку, которая в смеси с обыкновенной шла на выпечку особых лепешек.

Ряд стволов связан с легендами, запрещающими их рубку.

Из древесины груш изготовляли прялки, веретена, ложки. В Кочогот (Джрабертского района) древесина груши шла на выделку тар и флейт-«дудуков».

53. Pirus salicifolia Pall. – груша иволистная.

Кар.-арм.: «мохра-тандзи» (т.е.пепельная груша; повсеместно).
Аз.: «юташ-армуд» (в Шемахинском районе).

Древесная порода столь же характерная для нижнего лесного пояса, как обыкновенная груша для среднего. Почти все зарегистрированные экземпляры представляют собою более или менее крупные стволы с хорошо оформленными шаровидными кронами, одиночно стоящие посреди пшеничных полей или на приусадебных участках.

Плоды у некоторых форм достаточно мягкие при созревании, душистые и нетерпкие идут в пищу в сыром виде. В садах нижнего пояса, страдающих от недостатка влаги, иволистную грушу подсаживают, как плодовую породу. Ряд экземпляров, наблюдавшихся в Джрабертском районе, несет признаки промежуточные между иволистной и обыкновенной грушей, что заставляет предполагать о происходивших здесь скрещиваниях между этими двумя видами.

Крупный ствол, стоящий на холме среди полей с. Азох (Дизакского района), в старину был также увешан вотивными приношениями, как и стволы обыкновенной груши около селений Кармир-гюх и Сигнах.

54. Pistacia mutica F. et M. – кэвовое дерево.

Кар.-арм.: «сагундз» (Джрабертский район).
Аз.: «саккыз-агач» (соседний с НКАО Агдамский район и
остальные районы Куринской низменности).

В настоящее время нам в Карабахе удалось встретить всего лишь восемь крупных старых деревьев кэвы: одно возле с. Мартуни, два в окрестностях с.Ягловенд (по левой стороне реки), одно по пути из Мардакерта в с. Мингрельское и четыре на холме Пири-Булаг в северо-

восточном Карабахе; кроме того, мелкие неплодоносящие экземпляры собраны на известковых карнизах над Аскеранской крепостью и близ с. Азох. В начале 1920-х гг. по р. Хачен-чай была уничтожена крупная роща кэвы в результате расчистки площадей под хлопок. Роща кэвы, которую в 1895 г. встретил А. Ломакин на границе Карабаха по пути в Карягино, была уничтожена во время мировой войны, когда из древесины здесь выжигали прекрасный кузнечный уголь.

В связи с этим особенно интересно отметить, что в топонимике название сейчас вовсе безлесных урочищ «сагундзот», довольно распространено в предгорной полосе: например, «сагундзот» близ с. Мадагиз в Джрабертском районе.

Относительно применения кэвы местным населением сведений собрать не удалось. Рассказывают, что мартунинская кэва стояла обвешанной разноцветными кусками материй так же, как культовая кэва, стоящая у Пейгамбара в центре Мильской степи.

55. Plantago major L.- подорожник большой.

Кар.-арм.: «кишнук-корн» (Джрабертский и Дизакский районы).

Аз.: «бага ярпагы» (Кубинский район, Апшерон).

Подобно многим другим сорнякам подорожник имеет в Карабахе двоякового рода местообитания. С одной стороны его можно встретить в долинах рек, где он развивается между галечниками, с другой – он чрезвычайно типичен для вытаптываемых участков (отсюда и произошло его русское название) и почти так же обычен в садах и огородах, где входит в группу мусорных сорняков. Несмотря на тщательное сравнение, различий в строении приречных и сорных экземпляров в Карабахе найти не удалось. В роли полевого сорняка подорожник здесь также не был встречаем.

В народной медицине подорожник применяется как сильное кровоостанавливающее средство. Приготовление его состоит в том, что листья растения растирают между двумя камнями (по отдельным указаниям, при растирании в деревянной ступке лекарственные свойства теряются) и полученную зеленую массу накладывают на рану.

56.Platanus digitata Gordon – платан пальчатый, чинар.

Кар.-арм.: «чинари» (повсеместно);

«тнджирэ» (Джрабертский район).

Аз.: «чинар»-Шуши (как и в прочих районах Азербайджанской ССР).

Все экземпляры платана, встреченные на территории Карабаха, имеют культурное происхождение, хотя время начала культуры должно быть отнесено к далекому прошлому. Молодые платановые рощи, как, например, разросшаяся у развалин крепости Севкюласэр (в Джрабертском районе), связанная в своем происхождении со старыми культурными стволами, свидетельствуют лишь о том, что порода эта в Карабахе вполне натурализовалась.

Карабахский платан может считаться типичнейшим представителем той группы реликтов, которая недавно была выделена проф. А. А. Гроссгеймом под именем «вективных». Термин этот объединяет растения, известные в близко сходных формах в ископаемом состоянии в прошлые геологические эпохи, но которые в настоящее время сохранились только в виде посаженных или охраняемых человеком экземпляров, а в дикорастущем состоянии неизвестны. Подобное сохранение человеком отдельных видов обычно бывает либо связано с пищевым их значением или былыми культовыми воззрениями.

Отдельные стволы платанов имели культовое значение. Особенно почитался огромный чинар, диаметром около 8 м в окрестностях с. Сихторашен (Мартунинского района), у ствола которого раньше в день церковного праздника «вознесения» протекало массовое поклонение, заканчивавшееся приношение в жертву молочных продуктов. Другой культовый чинар,

растущий уже за пределами области, около с. Кизил Кишляг (по дороге из Карягино в с. Туг), по рассказам, в старое время был обвешан вотивными приношениями. В двадцатой главе «Истории Армении» летописец Мовсес Хоренаци пишет о платане: «шелест этих деревьев («соси» - древнее название платанов) и колебание их при тихом и сильном дуновении воздуха составляли в течение долгого времени предмет гадания в земле hаев (Армении)». Древнее название «соси» населению Карабаха, видимо, неизвестно; быть может оно дошло до наших дней в виде названия с. Сос (Мартунинского района), смысл которого местными жителями забыт.

Видовая приуроченность местных названий платана необычайно запутана из-за смешения платана с видом тополя Populus. В с. Мардакерт, где платаны и пирамидальные тополи растут рядом, мы пытались сделать опрос о местном названии того и другого дерева. Почти во всех случаях пирамидальный тополь получил название «чинари», в одном или двух случаях его назвали «тнджирэ» или «тнджири». Наоборот, в Дизакском районе тополь обычно назывался «гувахи», платаны же «чинари». Азербайджанское население Шуши называет именем «чинар» и платаны и тополь.

В последнее время в Дизакском районе начали разводить декоративную пирамидальную форму платана, как говорят, около столетия назад завезенную из Ирана.

57. Polygonatum polyanthemum (MB) Dietr. – купена многоцветковая.

Кар.-арм.: «кырмызюк» (повсеместно).

В массовых количествах кырмызюк встречается на относительно влажных тенистых участках дубовых лесов среднего пояса.

Кырмызюк является одной из наиболее излюбленных весенних овощей, которая в большом количестве поступает на базары Степанакерта и Шуши в конце апреля и в начале мая. Собирают молодые, только что вышедшие на поверхность почвы стебли, в верхней половине покрытые чешуевидно-прилегающими, еще недоразвившимися и почти неокрашенными хлорофиллом в зеленый цвет листьями. Побеги отваривают в воде. Отваренная зелень, обладающая горьковатым вкусом, идет в пищу в варенном виде или зажаренном виде.

Аналогичное использование имеет и другой, близко сходный с приводимым, вид купены, Polygonatum glaberrimum C. Koch, которая широко распространена в наиболее глухих и влажных лесах среднего и верхнего лесных поясов Карабаха. Отличия состоят в несколько большем размере цветков и отсутствии опушения на всех бесплодных частях растения у P. glaberrimum C. Koch.

В народной косметике находят применение ползучие, проходящие параллельно поверхности земли корневища всех видов купены. Если свежеразломанным корневищем натереть кожу, а затем смыть холодной водой, то постепенно появляется румянец, который держится от 6 до 12 часов и не связан с опасностью быть стертым или исчезнуть раньше времени.

58. Polygonum aequale Lindm.- спорыш равнолистный.

Аз.: «кыртпыгын» - г.Шуши и Шушинский район;
«кырх-бугум» (в прочих районах Азербайджанской ССР).

Так же, как и Polyganum heterophyllum Lindm. (не имеющий пищевого применения), спорыш равнолистный распространен на свалках в городах и крупных населенных пунктах, с другой стороны оба эти вида можно встретить на свежих речных наносах, где они образуют небольшие чистые заросли.

До самого последнего времени оба вида спорыша объединялись ботаниками-систематиками в один вид, Polygonum aviculare L. Морфологические различия их невелики: у P. aequale Lindm. размер листьев на главном побеге и на ветвях равномерно уменьшается по

направлению к вершине побега, в то время как у P.heterophyllum Lindm. листья на главных побегах значительно превосходят размеры листьев на ветвях. Между тем собирается и находит пищевое применение только P. aequale Lindm. В этом случае глаз человека – собирателя оказался значительно острее и на много веков обогнал оценку, даваемую систематиком.

Аналогичная картина наблюдается с пищевым растением «хорна», Thymus transcaucasicus Ronning., съедобные формы которой хорошо различаются местными сборщиками, в то время как систематикой до сих пор еще не найден морфологический критерий для их распознавания.

Свежие молодые листья мелко рубят и употребляют для заправки приготовляемого из кислого молока кушания «танов» или «доуга». Взрослое растение в Шуши сушат на зиму и применяют для той же цели.

59. Portulaca oleracea L. – портулак огородный.

Кар.-арм.: «тяндорны» (Джрабертский район);
«перпер» (центральный и южный Карабах).
Аз.: «перперан» (повсеместно вне НКАО).

В пределах предгорий и нижнего лесного пояса портулак является сорняком вблизи от человеческого жилища. В среднем лесном поясе он становится реже и должен рассматриваться, как растение полукультурное, подсеваемое в плодовых садах непосредственно под деревьями или вдоль оросительных канав, реже в междурядьях, среди других культур (лук, помидоры). В первых двух случаях предварительная обработка почвы или вовсе отсутствует или сводится к тому, что землю перед посевом слегка взрыхляют. Одичавшим остатком прежней культуры приходится считать и сплошные заросли портулака, покрывающие в средней полосе заброшенные населенные места, например, площадку, прилегающую к остаткам монастыря Ирек-Мангук (в Джрабертском районе), служившую раньше, по-видимому, огородом.

Молодые листья и стебли, собранные до цветения, идут в пищу в сыром виде. Обычно при засолке овощей (огурцы, помидоры) первый ряд на дне боченка занимают портулаком. Осенью в селах заготовляют небольшое количество семян портулака для подсева в садах на следующий год. При срезывании вблизи от корневой шейки растение легко снова отрастает, благодаря чему свежая овощь может быть собрана в течение почти всего лета.

Портулак - одно из древнейших пищевых растений; о нем пишут греческие и римские авторы; средневековый арабский писатель Ибн-эль- Бейтар приводит его под названием «благословенная овощь». Многочисленные крупнолистные сорта до сих пор возделывают во Франции, и они регулярно поступают на зеленый рынок Парижа.

60. Prunus divaricata Ldb. – алча.

Кар.-арм.: «шюлэре» (повсеместно).
Аз.: «алча»-г.Шуши и Шушинский район (как и во всем Азербайджане).

В Карабахе не пришлось встретить в садах облагороженные культурой сорта алча. В ряде случаев, однако, совершенно невозможно решить, представляет ли собой та или иная заросль этой плодовой породы остаток некогда бывшей культуры или вполне самостоятельное насаждение, ничем не связанное с культурной деятельностью человека. По-видимому, исключительно обильное развитие алчи вдоль дорог и вблизи от расположенных в лесах населенных пунктов связано с тем, что ее косточки без потери всхожести проходят пищеварительный тракт человека и животных, которые и являются невольной причиной переноса

зачатков и тем самым бессознательными созидателями зарослей алчи во вторичных условиях местообитания.

Небольшое дерево, являющееся таким же непременным компонентом дубового леса северных склонов, как и лесная груша, и отличающееся необычайным разнообразием своих плодов, имеющих различную форму и окраску меняющуюся от янтарно-желтой до темно-красной и черно-фиолетовой.

Местное население заготовляет плоды алчи из диких зарослей в очень больших количествах; они не только идут для домашнего потребления, но их вывозят и на базары. Используют их в основном на изготовление «лаваша». Для этого плоды короткое время кипятят в воде, которую затем сливают; мякоть и сок отделяют от кожицы и косточек и размазывают на плоских деревянных блюдах-корытах («хонча»), в которых их выставляют на солнце и ветер для просушки. Когда пастила настолько сгустится, что может быть снята, ее в виде тонких полупрозрачных пластинок круглой формы развешивают в дневные часы на веревках для окончательного просушивания. В значительно меньших количествах плоды сушат после короткого отваривания и в дальнейшем хранят крепко посоленными, чтобы воспрепятствовать развитию плесени. Зимой как лаваш, так и сушеные и засоленные плоды используют как кислую приправу.

По-видимому, при заготовке плодов алчи для того или иного пищевого применения не производится сортового отбора, хотя во вкусовом отношении плоды отдельных деревьев сильно различаются между собой, имея при достижении полной зрелости то остро-кислый, почти терпковатый, то почти сладкий и мягкий вкус. Можно предполагать, как о том подробнее сказано при следующем виде, что причиной или во всяком случае одной из причин многообразия форм алчи является ее способность легко гибридизировать с терном (Prunus spinosa L.).

Водный экстракт из алчевого лаваша, иногда в чистом виде, иногда в смеси с растертыми алюминиевыми квасцами, применяют для подготовительного протравливания шерстяной нитки, поступающей затем в красное крашение экстрактом корней марены (Rubia tinctorum L).

В топонимике название алчи применяют для названия урочищ. Так, например, «Шлёрот» - место старого, разрушенного около трех столетий назад населенного пункта в верховьях правых притоков р. Хорос (в Дизакском районе), где на безлесной поляне сохранились еще следы ям карадамов, обгорелые бревна и вокруг них крупная заросль как будто когда-то посаженной алчи.

61. Prunus spinosa L. – терн.

Кар.-арм.: «лкртнэ» (повсеместно);
«мамлух» (Джрабертский район для плодов);
«мамхэ» (центральный и южный Карабах, для куста).
Аз.: «гейям» (общее для Азербайджанской ССР).

Наряду с чистыми зарослями терна на опушках, особенно в старых «лесо-садах», нередко приходится встречать более крупноствольные и крупноплодовые экземпляры, имеющие темноокрашенные фиолетовые или пунцовые плоды с тонким белым восковым налетом. Исследования их в период цветения показывает, что по своим морфологическим признакам они занимают промежуточное положение между терном и алчей. Подобные формы правильнее всего рассматривать, как естественно образовавшиеся помеси, унаследовавшие часть признаков одной из родительских форм, часть от другой. Полученные недавно искусственно терно - алчевые гибриды не отличимы от тех, которые встречаются в природных условиях.

Образует низкорослую, иногда мелколистную и почти сланиковую поросль на опушках и вдоль дорог в нижнем и основании среднего лесных поясов Карабаха.

Плоды терна в большом количестве идут в пищу в сыром виде, а также на изготовление варенья.

62.Punica granatum L. – гранатник.

Кар.-арм.: «норнэ» (повсюду в НКАО).

Аз.: «нар» (повсеместно в Азербайджане).

В еще большей степени чем в отношении инжира можно сомневаться в том, является ли на территории Карабаха гранатник исключительно культурной породой или есть здесь и дикорастущий. Заросли дикого или одичавшего гранатника проникают вглубь области лишь на незначительное расстояние от низменности по долинам рек; весь остальной – заведомо культурного происхождения.

В пищу идут плоды, особенно ценимые при тяжелых горных переходах. Медленно высасываемые по зернышку, они предохраняют полость рта от высыхания и делают менее чувствительной жажду. Выращиваемые в Карабахе плоды идут в пищу в сыром виде; из них же варят сгущенный сок - «нар-шараб».

Широкое применение в народном крашении находила свежая и сушеная кожица плодов, дававшая на шерстяной нитке по квасцовой (алюминиевой) протраве темно-коричневые выкраски. Для крашения в область завозили гранатовую корку из низменных районов Азербайджана.

63. Quercus iberica Stev. – дуб кавказский

Кар.-арм.: «кагнэ» (повсеместно).

Аз.: «палыт» (общее для всей Азербайджанской ССР).

Quercus mac anthera F. et. M. – дуб восточный.

(названия те же).

Основные лесообразующие породы Карабаха: первый вид в пределах среднего, второй в пределах верхнего горных поясов.

В настоящее время дуб - основной источник деловой древесины, используемой в быту и в производстве. В прошлом существовали определенные запреты, регулировавшие сроки рубки. Считалось, что дуб можно валить только начиная с середины каждого лунного месяца и до конца последнего, иначе древесина окажется нестойкой против гнили, а пень не отобьет корневой поросли. В народном опыте различали не два вида дубов, как-то принимает сейчас систематика, а целый ряд, исходя из свойств древесины.

Много фактов подтверждает, что в прошлом дуб играл скорее роль пищевого, чем технического растения. Вопрос о том, применимы ли дубовые желуди в пищу или нет, решается технологией предварительной их подготовки. Зрелые желуди, сорванные непосредственно с дерева, в такой степени богаты дубильными веществами, что применение их или полученной из них муки может принести только вред. По-видимому, наилучший способ подготовки состоял в том, что желуди предварительно были проращиваемы. Танниды при этом или вовсе исчезали, или количество их настолько уменьшалось, что дальнейшее применение в пищу уже не могло принести никакого вреда.

В 1936 году во время случайного сбора археологического материала из разреза культурного слоя, вскрытого при прокладке дороги в с. Дашшен, вблизи от «святилища» Сарыбек, в отвалившейся глыбе лессовидного суглинка, покрывающего здесь коренные известняки, наряду с взятыми in situ остатками, был встречен небольшой участок, переполненный совершенно обугленными и истлевшими остатками дубовых желудей. Исследователи считают эту находку желудей, как след сохранившегося пищевого запаса обитавшего здесь в эпоху бронзы человека. Второе указание, о котором пришлось только слышать, но которое нами лично осталось непроверенным, состоит в том, что несколько

источников указывало, что в лесу выше истоков ручья Кармир- джур, близ с. Тагаверт, в скале есть ряд неглубоких ям, которые рассказчики истолковывали, как древние ступки. Поиски параллелей привели к указаниям северо-американских этнологов на то, что ряд племен, использовавших желуди как пищевое вещество, вели предварительную обработку их на гладких поверхностях скалы. Высушенные желуди расстилали на скале и для их дробления по ним ударяли камнем. В результате ударов образовывались углубления и, когда последнее делалось слишком большим, работа переносилась на рядом лежащий участок ровной скалы. Не таково ли происхождение углублений на ручье Кармир – Джур?

Не оставляет сомнения, что именно в связи с былым пищевым значением дуба ни одна порода кроме Celtis caucasica Willd. не насчитывала в Карабахе такого количества культовых стволов. Мы получили сведения свыше чем о тридцати подобных деревьях, разбросанных по всем лесным районам Карабаха, важнейшими из которых можно считать: огромный дуб возле с. Хац - культовое дерево, «помогавшее» при лечении лихорадочных заболеваний; дуб на урочище Мадара-хут близ развалин крепости Крапашты-кала невдалеке от с. Кармир-гюх: этому дубу приносили жертву для «отвращения налета саранчи»; ствол под именем «Зравор» к югу от с. Хинкятук; большой дуб под именем «Хундзюра-хач» («яблоневый крест»); дуб «Матык-баба» в окрестностях с. Авдур, у подножия ствола которого прохожие оставляли свои посохи или клали палки для того, чтобы иметь «благополучие в дальнейшем пути»; дуб под именем «Царех» в полукилометре от предыдущего с недифференцированными функциями «помощи в болезнях»; дуб на холме рядом с с. Норашен, с теми же функциями, что и предыдущий; старый дуб под именем «Воскэ-хач» («Крест-воске», Воске - женское имя), в 1 км к югу от с. Гиши; четыре дуба возле пира около с.Кэрт, которые «лечили» от экзематозных заболеваний и дерматитов; сейчас уничтоженная группа гигантских дубов, окружавших «Хач-кар» («Крестовый камень») вблизи от с. Кармир-гюх; рухнувший огромный ствол восточного дуба, свыше 2 м диаметром у развалин пира в высокогорном лесу на перевале из долины верхнего течения р. Хорос на с. Аладжан связанный с преданием о бывшей здесь могиле «благочестивого медведя, помогавшего при женском бесплодии».

64.Rhamnus cathartica L. – крушина слабительная.

Кар.-арм.: «бэнди» (Джрабертский район);
«птутни» (Дизакский район).
Аз.: «чумурд» (на Главном хребте).

Слабительная крушина представляет собой невысокое дерево, рассеянно встречающееся по всем лесам Карабаха. Ее ствол лишь в исключительных случаях достигает 0,5 м, обычно же гораздо тоньше. Как правило, крушина входит в состав древостоя дубняков среднего лесного пояса, как порода второго яруса.

В народном крашении использовали кору молодых побегов и незрелые ягоды, которые заготовляли в июле, пока они были еще совершенно зеленого цвета. Крашение проводилось по алюминиевой протраве, причем кора позволяла получить всю гамму оранжево - и красновато-коричневых тонов, в то время как из ягод получались чисто желтые выкраски.

В последние годы использование крушины как красителя было в значительной степени оттеснено и почти сведено на нет другими желтыми красителями, представлявшими меньшие трудности при заготовках. Однако, еще в предреволюционные годы ягоды крушины в Карабахе заготовляли и вывозили в Иран, где они использовались местными коврокрасильными мастерскими.

65.Rhamnus microphylla (Trautv.) Prilipko-крушина мелколистная.

Кар.-арм. и аз.: «даг-чай» (в Степанакертском районе); «сары-чай» (в Джрабертском районе). «кюрди-чай» (в с. Ванклу).

Приземистый кустарничек с прижатыми к почве или поднимающимися вверх ветвями, растущий на скалах в пределах субальпийского пояса на Мров-даге и хребте Кырх-Кыз.

Один из лучших чаев Карабаха. Объект не только потребительских заготовок, но и вывоза на низменность. Особенно крупные заготовки ведутся в ущелье Крылых на юге хребта Кырх-Кыз, в верховьях левых притоков р. Бадары. Неоднократно приходилось слышать жалобы на то, что в результате неумеренного сбора растение сделалось редким или вовсе исчезло. В частности, его нет больше в северной части хребта Кырх-Кыз, прилегающей к главному скотопрогонному пути из низменности в Курдистан, где его раньше заготовляли. В с. Ванк, лежащее на этом пути, сейчас мелколистную крушину доставляют только из Курдистана, где она широко распространена; этим объясняется местное название: «кюрди-чай», т.е. «курдский чай».

66. Rhus coriaria L.- сумах.

Кар.-арм.и аз.: (общие) «сумах» (Джрабертский район, г.Шуши).

Не превышающий двух метров кустарник, встречающийся на лишенных леса южных склонах нижнего горного пояса Джраберта.

Зрелые красные плоды, высушенные и истертые в крупный порошок, осенью привозят в большом количестве из Джрабертского района на базары Степанакерта и Шуши. Порошок этот, мягкого кислого вкуса, является излюбленной приправой ко всякого рода мясным блюдам.

67. Roza sp. div. – шиповник (различные виды).

Кар.-арм.: «варт» (повсеместно); «зира-варт» (Джрабертский район, для обозначения дикорастущих шиповников); «mhассур» (повсеместно для плодов).

Аз.: «гюль» (безразлично для дикорастущих и культурных форм - г.Шуши и Шушинский район); «итбурну» (общераспространенное вне НКАО).

Морфологическое разнообразие шиповников Нагорного Карабаха очень велико и еще совершенно не изучено. Отдельные, хорошо различающиеся между собой виды, встречающиеся в определенных высотных пределах, связаны между собой целым рядом переходов, которые нельзя рассматривать иначе, как естественно возникшие промежуточные гибриды. Усложняет картину то обстоятельство, что рядом с дикорастущими шиповниками оказываются разводимые культуры розы, некоторые из которых легко дичают и могут быть приняты за дикорастущие. К таким формам, на наш взгляд надо отнести желтоцветный шиповник типа Rosa litea L., встречающийся у развалин старинных строений по левобережью Халфаличай южнее Степанакерта и одновременно перешедший на береговые обрывы самой реки.

Местное население имеет обобщающее название для всех многочисленных в Карабахе дикорастущих форм шиповников, которые, особенно на местах порубок, иногда образуют большие заросли. В более редких случаях дикорастущие формы противопоставляют культурным под названием «зираварт», обозначая культурные словом «варт»; чаще, особенно когда речь идет о махровых иранских сортах, применяется и армянским населением термин «гюль».

В форме «варт» или «вэрт» название шиповника участвует в сложных топонимических наименованиях: так, название селений Нижний и Верхний Тагаверт произошло от «таг» - куст и «варт» - шиповник. Обозначение «гюль» также вошло в топонимику: например, название с. Гюль-ятаг является производным от «гюль» - садовая роза и «ятаг»- место ночлега. То же слово «гюль» звучит в названии с. Дастагир (в старинном произношении Дастагюль) в Джрабертском районе, что в переводе означает «букет роз» - по имени дочери албанского царя Вачагана, имевшей здесь, по преданию, летнюю резиденцию.

Обозначение «мhассур» входит в состав названия Шахмhассур, Джрабертского района. Приставка «шах» в карабахском наречии применяется для указания на высокосортность объекта, о котором идет речь: «шах-тот»- сортовая, крупноплодная шелковица; «шах-мhассур»- крупноплодный шиповник.

Население заготовляет и широко использует зрелые плоды диких шиповников, как высоко ценимое лекарство. Плоды шиповника, свежие и сушеные, обваривают горячей водой и в течение суток настаивают в ней без кипячения. Получаемый экстракт отжимают сквозь плотную тряпку для того, чтобы задержать могущие попасть в него раздражающие слизистую оболочку волоски плодоложа. Приготовленную жидкость считают, наравне с соком или экстрактом плодов кизила, одним из наилучших средств при малярии и общем упаде сил. Курс лечения состоит в том, что пациенту в течение двух - трех недель ежедневно дают пить 1-2 стакана экстракта шиповниковых плодов. Приходилось слышать, что чем выше в горах заготовляют плоды, тем сильнее их лекарственное действие. Вероятнее всего, что лечебное действие шиповникового экстракта, приготовляемого без кипячения, сводится к действию витаминов. В этом случае сведения о различном действии питья могут представить достаточный интерес.

Пищевое применение находят и молодые водянистые побеги шиповников, называемые «набат». Подобно молодым побегам винограда, их очищают от коры и в начале лета применяют в пищу в сыром виде. Название побегов также нашло отражение в топонимике: от них получило свое название с.Набатхан или Новотханы, где на месте бывшей здесь летней резиденции Шушинского хана и до сих пор сохранилась поросль одичавших садовых иранских роз.

68.Rubia tinctorum L. – марена красильная

Кар.-арм.: «турун» (повсеместно), реже «торон».

Аз.: «боях» (повсеместно).

В отличии от прикаспийских районов Азербайджана, где красильная марена распадается явственно на две формы: садовую и приморскую, в Карабахе встречается одна лишь садовая форма. Ее цепляющиеся стебли переплетают кустарники и ветви, из которых сложены ограды между садами и огородами, достигают длины, от 2,0-2,5 м и весьма характерны до высот в 1000 -1100 м над уровнем моря. Нигде в НКАО не приходилось встретить марену в условиях, не измененных деятельностью человека. Мелкие морфологические различия сортового характера у растущей по садам марены выражены достаточно ясно, что подтверждает рассказы о многократном введении марены в культуру в разное время и из разных источников.

Корни марены – основа красного крашения шерсти и хлопчатой бумаги, безраздельно господствовавшая на рынке до начала 1870-х годов, когда была вытеснена синтетическим ализарином. Эпохой расцвета плантационной марены были 40-60-ые годы прошлого столетия, когда промышленные площади и культура были сосредоточены в руках крупных землевладельцев, в известной мере монополизировавших и производство «краппа», обогощенного красителем высушенного и перемолотого корня красильной марены. Сейчас неподдержи-

ваемую уходом марену можно встретить повсюду в нижнем лесном поясе в садах, и ее обитания здесь напоминают указания Диоскорида в III в. до н.э. о том, что в Карии «марена растет между слив». Остатки крупной плантации, заложенной в середине прошлого века на Тагавертской низменности (в центральном Карабахе), сохранились в виде рядов известкового плитняка, которым были выложены междурядья. С остатков крупной плантации в долине р.Кюнделян еще в 1901-1902 гг. вели крупную добычу корня, который вывозили в Иран для нужд коврокрасильной промышленности; живую марену можно обнаружить здесь и до сих пор. В период 1926-27 г. Совнархоз Нагорного Карабаха заготовил несколько центнеров корня марены в низменной части Джрабертского района для нужд красильни в Шуши и для вывоза в Баку. В Дизакском районе красильными свойствами особенно славился корень, добываемый в окрестностях с. Дайганы. Относительно большие площади одичавшей плантационной марены сохранились в настоящее время в окрестностях Кент - Хурт (Мартунинского района) и в различных пунктах низменного и предгорного Джраберта.

Насколько тяжела была работа на мареновых плантациях, свидетельствуют две карабахские поговорки: «ушел турун копать» и «уже копает турун», приводившиеся, когда желали сказать что тот или иной человек умер.

Сбор корней в прошлом вели перед началом весеннего роста - в марте или апреле, когда они всего более богаты красителями. После сушки корни на каменных жерновах измалывались в грубую муку, и в таком виде их использовали на крашение. Шерстяная нитка, прежде чем поступить в мареновый экстракт, проходила подготовку: ее вымачивали в кислом алчевом экстракте из лаваша в смеси с квасцами. Красное, тона бордо, центральное поле ковра является одним из колористических отличий старого карабахского ковра.

69. Rubus idaeus L. – малина.

Кар.-арм.: «мориа» (Джрабертский и север Степанакертского района).
Аз.: «морух»-Шуши и Шушинский район (то же название и в других районах Азербайджанской ССР).

Малина распространенная на влажных опушках в пределах верхнего лесного пояса северного и центрального Карабаха, не представляет особой редкости, но вследствие трудности доставки ее плодов в населенные пункты, жителям известна больше понаслышке, особенно в южном Карабахе, где она уже не встречается.

Высушенные молодые (верхние) листья и плоды, заваренные кипятком, дают слабо окрашенный напиток типа чая («морна-чай»), высоко ценимый в Джрабертском районе.

70. Rubus (Eubatus) sp. div. – ежевика (разные виды).

Кар.-арм.: «мош» (повсеместно).
Аз.: «беюрткян» -г. Шуши и Шушинский район (то же название повсеместно в Азербайджанской ССР).

Заросли колючей ежевики – одна из характернейших ландшафтных особенностей Карабаха. Различные виды ежевики распространены от Карабахской степи, где вдоль канав оросительной сети поднимаются непроходимые заросли мелкоплодной сладкой Rubus sanguineus Friv. до границ субальпийского пояса, где обычнее всего невкусная R. caesius L. с плодами, подернутыми сизым восковым налетом и крупноплодная R. caucasicus Focke, которая особенно обильно разрастается по долинам речек в пределах верхнего лесного пояса.

Сбор плодов ежевики является во вторую половину лета занятием почти всего свободного населения. Ежевику едят в сыром виде – из нее гонят спирт (промысел особенно распространенный в районах, где плодовое тутоводство недостаточно развито) и варят варенье. Осенью, когда трава вокруг выгорает, заросли еще зеленой ежевики - любимое пастбище прогоняемых

через Карабах верблюдов, частично сбрасывающих в ежевичниках принесенные ими на шерсти цепляющиеся плоды растений. Для флористов в подобных зарослях интересно бывает найти сорняки низменности, выросшие иногда в горах, где в других условиях их встретить нельзя.

71. Rumex acetosa L. – щавель кислый.

Кар.-арм.: «тыртнджук» (повсеместно).

Аз.: «кузу кулагы» (повсеместно, вне НКАО).

Лишь в самые последние годы, в связи с развитием колхозов с огородническим уклоном, в НКАО стали появляться культурные формы щавеля, в начале лета поступающего на базары Степанакерта и Шуши. Несмотря на широкое распространение дикорастущего щавеля на высотах между 1200 и 2100 м над уровнем моря, он оказывается исключительно мало изменчивым видом.

Особое внимание привлекает сохранившаяся до последнего времени кое-где в Карабахе (например, в ряде горных сел Дизака) весьма архаическая форма «возделывания» дикорастущего щавеля. Любопытно отметить, что аналогичную форму «возделывания», сохранившуюся до нашего времени, швейцарский исследователь Брокман - Ерош указывает для субальпийского пояса центральных и западных Альп для близкородственного вида, альпийского щавеля, Rumex alpinus L. Однако в Швейцарии кроме простого огораживания в отдельных случаях наблюдались и подсев и взрыхление почвы, другими словами, следы постепенного перехода к наиболее примитивным формам сельскохозяйственного возделывания, чего в Карабахе по отношению к кислому щавелю нам видеть не пришлось.

Молодые листья щавеля, растущего по долинам ручьев и по влажным мочажинам на опушках верхнего лесного пояса и пояса субальпийских лугов, употребляют в пищу в сыром виде и отваренными в соленой воде.

72. Rumex crispus L. – щавель конский.

Кар.-арм.: «шэп» (повсеместно).

Аз.: «авялик» (повсеместно).

Конский щавель по своей экологии относится к той же группе мусорных сорняков с двойственным характером местообитаний, что и крапива, мокрица и другие. Крупные заросли его одинаково обычны и в приречных участках лесов и по околицам селений.

Крупный многолетник, развивающийся по тенистым и влажным приречным склонам среднего и верхнего лесных поясов и на увлажненных участках вблизи человеческого жилища.

Горьковатые на вкус молодые листья этого щавеля собирают ранней весной, едят же в отваренном, заправленном маслом и чем–либо кислым, виде.

В отличие от других применяемых в пищу крупных видов щавелей, как Rumex obtusifolius L. и R. pulcher L., листья конского щавеля никогда не идут на заготовки впрок, что местным населением объясняется наличием у листьев конского щавеля горьковато - терпкого привкуса, который сохраняется даже после длительного вымачивания в воде. Привкус этот свойственен и другим видам, и исчезает только после кратковременной варки в воде, которую сбрасывают, или в результате простого окачивания кипятком. Это приводит к тому, что заросли R. crispus L., которые не трогает скот, из года в год делаются все более мощными и исчезают лишь после полной перепашки занятых им участков.

73. Rumex pulcher L. – щавель красивый.

Кар.-арм. и аз.: «авялик» (повсеместно).

Листья собирают в период цветения, сплетают черешками в длинную косу («музюк»), которую высушивают и сохраняют на зиму в чердачных помещениях. Из сушеной зелени или варят зеленый суп, заправленный луком и овощами, или предварительно обваренная кипятком она идет на заправку рисового плова. Заготовки достигают довольно значительных размеров.

Начиная с момента окончания ранних летних дождей, столь характерных для климата Нагорного Карабаха, наличие длинных, сплетенных косой жгутов, которыми обвешаны с теневой стороны стропила чердачных помещений, является картиной общераспространенной по всем селам области. Характер заготовки листьев и даже самых характер заплетания их в косу совершенно тождественен с теми описаниями и рисунками, которые дает Брокман - Ерош в своем исследовании швейцарского субальпийского Rumex alpinus L., как пережитка эпохи собирательства, который сохранился в местных крестьянских хозяйствах.

В народном крашении всю надземную массу щавелей, а иногда и надземную и подземную вместе использовали для окрашивания шерстяной нитки по квасцовой (алюминиевой) протраве в красновато-коричневый, весьма прочный цвет.

74. Salix caprea L. – ива козья.

Кар.-арм.: «hорри» (повсеместно).

Древесная порода, изредка встречающаяся во втором ярусе дубняков среднего пояса, чаще же представленная порослевыми зарослями вдоль течения ручьев. До последнего времени (в отличие от узколистных ив) сохраняла культовое значение, хотя специально посаженных деревьев и не пришлось встречать. В пределах нижнего лесного пояса одиночными деревьями культивируется «бэд-мюск» (аз.)-Salix aegyptica L., благовонные почечные чешуи которой считаются в народной медицине одним из наилучших средств от малярии, а само дерево - «очищающим воздух». По внешнему виду египетская ива имеет черты сходства с козьей ивой, но в дикорастущем состоянии не была нами наблюдаема ни разу.

На границе с низменностью по берегам рек и оросительных каналов в очень больших количествах разводятся узколистные ивы, растущие крупными деревьями. Эти декоративные породы размножаются только черенкованием в виде нескольких морфологически отличных форм, промежуточное систематическое положение которых затрудняет их точное систематическое определение.

По обычаю, существовавшему в с. Чанахчи (в центральном Карабахе), в ночь с четверга на пятницу, на страстной неделе, жених приносил в церковь крупный ствол hорри, обычно еще не покрытый листьями, который был украшен разноцветными нитками и платками, шедшими в подарок невесте. Ствол этот стоял в церкви до пасхального воскресенья, когда его сжигали. Около с. Сигнах большой ствол старой козьей ивы был объектом поклонения и назывался «кананчхач», т. е. «зеленый крест».

В топонимике название отразилось на название урочищ: например, «hор-ахпюр» («ивовый родник») в ивовой роще близ с. Чанахчи.

75. Sambucus ebulus L. – бузина вонючая.

Кар.-арм.: «хиндегны» (повсеместно).

Аз.: «мюрвар» (на Главном хребте).

Повсюду распространенный сорняк на более увлажненных участках полей и пастбищ всего Карабаха.

Зрелые плоды в Джраберте, где не развито плодовое тутоводство, использовали для кустарной гонки спирта; получаемый сырец обладает отвратительным, трудно устранимым запахом.

Выжимки и выварки корней широко применяли в народной ветеринарии при лечении крупного рогатого скота. Отжимки из свежего (сырого) корня накладывали на зараженные насекомыми раны, что вызывало выход личинок наружу. Выварки из высушеных корней в виде повторных компрессов накладывали на опухоли копыт, что способствует, по рассказам, быстрому их рассасыванию. Кустарниковая бузина Sambucus nigra L., растущая в лесах и не находящая применения, называется «арч-хиндегны», т.е. «медвежья бузина».

76. Satureja hortensis L. – сатурея садовая.

Кар.-арм.: «цнтёран» (Джрабертский и Степанакертский районы).

Не являясь, как и портулак, объектом специальной культуры, сатурея садовая в виде формы, отличающейся по запаху от дикого растения, регулярно подсевается на огородных участках северного Карабаха. Собранные в период цветения стебли с листьями сушат, перетирают руками в мелкий порошок и в смеси с другими душистыми травами используют зимой для приправы к кушаньям.

77. Secale cereale L. – рожь.

Кар.-арм.: «шара» (Мартунинский район).

Аз.: «човдар» (вне НКАО).

Местная, по-видимому, многолетняя (?) одичалая рожь, зерна которой в голодные годы применяли в пищу, в большом количестве встречается в восточной предгорной части Мартунинского района. Несмотря на наличие местного названия, в официальных документах она обычно именовалась «hатчар» (то есть полба), что может вызвать недоразумения при пользовании литературными источниками.

78. Sorbus torminalis (L.) Crantz – глоговина.

Кар.-арм.: «цти-тандзи» (повсеместно).

Аз.: «куш-армуд»-Шуши ;

«аппегли» - в Нахичеванской АССР.

Очень разбросанно встречается как дерево второго яруса в дубняках, обращенных к северу склонов среднего лесного пояса Карабаха. Ввиду большого спроса на древесину (так называемая «белая груша») со стороны мебельного производства, уцелела в виде крупных деревьев главным образом в садах, куда дерево переносили из леса, или на месте старых заброшенных плодовых садов (например, у монастыря Ирек–Мангук в Джраберте).

Однако молодую поросль глоговины нередко еще можно встретить в долинах лесных ручьев.

На примере глоговины мы можем проследить начальные стадии одного из путей, который приводит к образованию «вективных» (то есть обязанных своим происхождением деятельности человека) реликтов. Древесная порода в естественных своих местонахождениях выборочно уничтожается; в то же время пищевое использование плодов стимулирует охрану тех немногих экземпляров, которые оказались посаженными или сохранившимися на территории фруктовых садов.

Светло-шоколадные грушевидные, совершенно не имеющие горечи плоды, раньше в больших, сейчас в незначительных количествах заготовляют и хранят подвешенными на чердаках. Они использовались в крестьянских хозяйствах так же, как и плоды цельнолистной рябины.

79.Sorbus umbellata (Desf.) Fritsch. – рябина цельнолистная.

Кар.-арм.: «hалуч» (центральный и южный Карабах);
«агагчи» (северный Карабах).

Растет отдельными небольшими деревцами среди дубняков верхнего пояса и выходит в кустарниковой форме роста далеко за пределы современной верхней опушки леса, в пояс субальпийских лугов. Ввиду пятнового распространения рябины по территории области нередко оказывается, что в одном селении ее знают хорошо, в то время как в другом не только не ведут заготовок, но даже не знают по названию. Особенно обильны заросли цельнолистной рябины на обращенных к югу выходах коренных пород верхнего лесного пояса вблизи от с. Кюрсаляр, где плоды ее не только заготовляют для местного потребления, но и для вывоза на базар в г. Степанакерт.

Осенью суриково-красные плоды являлись предметом крупных заготовок. Плоды хранили подвешенными к стропильным балкам на чердаках или в сараях и использовали в пищу зимой в сыром виде.

80. Sparassius ramosus L. – спарассиус.

Кар.-арм.: «цмакэ-тапан» (Джрабертский и Дизакский районы).

Встречается по всему Карабаху на пораженных стволах дуба; грибы созревают в августе - сентябре и достигают иногда до 1 кг. Почти единственный из надземных видов грибов среди употребляемых местным населением в пищу. Грибы разрезают на куски и отваривают в соленой воде, а затем заправляют маслом и поджаривают.

81.Spiraea hypericifolia L. – таволга зверобоелистная.

Кар.-арм.: «тэбэглэ» (Дизакский и Джрабертский районы).
Аз.: «табулга» (вне НКАО).

Один из ландшафтных кустарников южных склонов в пределах среднего лесного пояса, образующий чистые заросли тщательно поддерживаемые человеком, вырубающим начинающие развиваться под прикрытием кустов древесные породы.

Заросли таволги зимой остаются почти неприкрытыми быстро стаивающим снегом; они служат местом зимних пастбищ для лошадей горных деревень, и тем самым представляют большой хозяйственный интерес для населения.

82.Stellaria media (L.) Cyrill.– мокрица.

Кар.-арм.: «чурчурок» (повсеместно).

Сорняк, повсеместно распространенный по сырым садам и в огородах, начинающий развиваться с поздней осени или в начале зимы и исчезающий к началу мая, сохраняясь до начала июня лишь высоко в горах. Мокрица подобно крапиве, лопуху и другим мусорным сорнякам принадлежит к группе растений с двойственными местообитаниями. Ее в больших количествах можно встретить в тенистых приречных лесах на постоянно влажных глубоких гумусовых почвах. С другой стороны, мокрица - постоянный спутник человеческого поселения. Как и у лебеды, оболочка мелких семян мокрицы очень стойкая, имеет типичную скульптировку поверхности и поэтому легко может быть определена из культурных слоев, вскрываемых во время археологических раскопок. Частота находок ее семян в полуископаемом состоянии свидетельствует о давней связи этого растения с человеком, который создавал благоприятные условия для развития растения, используя в то же время зеленую массу в пищу.

Мокрицу использовали вместе с другими дикими травами на начинку традиционных великопостных пирогов «женгела-hац».

83.Taxus baccata L. – тисс, негной-дерево.

Кар.-арм.: «кэнэ» (повсеместно).

Аз.: «хамэшэ-джаван» - Шуши и Шушинский район; «кара-гёhря» (на Главном хребте).

Тисс известен не только в селах Карабаха, но и в городах, где очень декоративные ветви этого вечнозеленого хвойного дерева используют для декораций зданий и эстрад к дням пролетарских праздников. Ядовитость хвои неоднократно вызывала запрет использовать зелень тисса в местах, где он может попасть в руки детей или быть съеденным скотом. Однако традиция продолжает существовать и поныне, хотя в отдельные годы ветки тисса с успехом заменялись ветвями колючего вечнозеленого кустарника Ilex aquifolium L., который доставляли с единственного известного в Карабахе местонахождения последнего – в долине реки Бадары.

Разбросанно встречается в пределах среднего лесного пояса Карабаха, но редко когда достигает больших размеров. Наиболее крупный массив сохранился в ущелье р. Бадары. Причиной уничтожения являлась, однако, не столь ценимая нами в настоящее время красная, необычайно стойкая против гниения древесина, а покрытые хвоей ветви («лапки»). Как подробнее указывалось в общей части, ветви шли на перекрытие крыш карадамов. Наиболее сильный удар тиссу в Карабахе был нанесен во второй половине прошлого столетия развитием виноградарства, в связи с чем вырос спрос на виноградные тычины. Тиссовые тычины не сгнивали несколько десятков лет, спрос вызвал массовое уничтожение и вывоз подроста.

На месте древесина тисса, как поделочный материал, находила незначительное применение: есть сведения, что шушинские шорники выделывали из нее прекрасные каркасы для седел. Поедание хвои тисса мелким скотом вызывало сильные, нередко смертельные отравления животных. В связи с этим приходится отметить, что жители с. Кюрсалар (выше с. Джангасан, Степанакертского района) ранней весной, как правило, заготовляют с тисса веточный корм на урочище Кырх-кябир («Сорок могил») для крупного рогатого скота, который поедает его без всяких признаков отравления.

В топонимике название тисса - «кэнэ» применяют в наименовании урочищ: например «Кэнот» по верхнему течению р. Хорос, на землях с. Домы, где и сейчас сохранилось несколько толстомерных стволов на тенистом правом обрыве ущелья.

84.Terfezia transcaucasica Tichom. – степной трюфель.

Аз.: «томбалан» - название, общее и для армянского населения.

Единственный из шедших в пищу подземных грибов Карабаха, в своем распространении связанный с полынной полупустыней и на территории области встречающийся в апреле на узкой полосе восточных предгорий от с. Каракенд до Мартуни.

Идет в пищу томбалан печеным на углях или реже поджаренным на масле. В урожайные годы, которые повторяются один раз в семь лет, большое количество трюфелей заготовляют для сушки.

85.Thymus transcaucasicus Ronn. – чабрец (или тимьян) закавказский.

Кар.-арм.: «хорна» (повсеместно).

Аз.: «кяклик-оту» - (повсеместно распространенное название).

Чрезвычайно распространенный по всему Карабаху многолетник, который распадается на ряд морфологически не отличимых, но различных по запаху видов. Вид с запахом розового масла, узнаваемый опытными сборщиками - стариками и на расстоянии, в мелко нарубленном

виде идет на отдушку изготовляемого из кислого молока супа-«танов» (кар.-арм.) или «доуга» (аз.). С этой же целью в сушеном виде хорну запасают на зиму.

Отгонка эфирного масла, пахнущего розой, из карабахского чабреца показала его отличные парфюмерные свойства. Трудность заготовки сырья состоит в том, что легко спутать виды, имеющие различный запах и тем испортить получаемый продукт.

86.Tilia caucasica Rupr. – липа кавказская.

Кар.-арм.: «л**ö**рни» (повсеместно в НКАО).

Аз.: «дж**ö**кя» - (повсеместно распространенное название).

Рассеяно стволы липы встречаются в дубняках северных склонов всего Карабаха, но чистых насаждений, как в соседнем Курдистане, липа не образует. Относительная редкость липы в хорошо сохранившихся лесах объясняется бессистемной рубкой.

По рассказам, лыко липы совсем не использовали, на древесину же всегда спрос был очень велик: из нее выделывали маслобойки («хнэцэ») и, главным образом, лопатки для отвеивания зерна («кмэли» и «тэ»). Ни для того, ни для другого древесина других деревьев не считалась пригодной. Для выделки указанных предметов валили иногда по несколько крупных деревьев, пока не находили безукоризненную древесину.

В топонимике название липы служит для образования названий урочищ. Такова гора «Л**ö**рнот» к юго-западу от с. Чанахчи, где сейчас липы уже почти нет и урочище «Л**ö**рнот» выше Ванского лесопильного завода, в Джраберте, где ее сохранилось еще довольно много.

В качестве декоративной породы в Шуши насажено много липовых деревьев, которые все относятся к форме, описанной Стевеном под названием Tilia begoniifolia Stev.; к ней-то собственно и относится в Шуши азербайджанское название - дж**ö**кя; в дикорастущем состоянии эта форма нигде встречена не была.

87.Tragopogon reticulatus Boiss. et Huet – козлобородник.

Кар.-арм.: «катнахот» (Дизакский район).

Аз.: «емлик» (вне НКАО)

Многолетник с крупными издалека заметными корзинками светло-желтых цветов и млечным соком, характерный для пояса субальпийских лугов. На некоторых участках по нижней кромке пояса субальпийских лугов козлобородник настолько обилен, что в период цветения определяет аспект ценоза, выделяющегося своей светлой палево-желтой окраской на фоне яркой зелени лугов.

По-видимому, в основном на счет козлобородника надо относить предание, сообщаемое нам в «Истории Агвании» Моисея Каганкатваци о том, что некогда агванские войска, оттесненные врагами к вершинам южной части Карабахского хребта, в течение нескольких месяцев смогли просуществовать «поедая траву», поскольку возможность подвезти им продовольствие была отрезана.

Весной, в начале роста, корни этого козлобородника в большом количестве собирались пастухами и шли в пищу в сыром и отваренном виде.

В состав рода входят виды, возделывавшиеся благодаря пищевому значению их корней (Tragopogon porrifolius L.), подобно тому как возделывается другое родственное им сложноцветное, «сладкий корень» - Scorzonera hispanica L.

88.Triticum dicoccum (Schrank) Schuebeler –полба.

Кар.-арм.: «hатчар» (повсеместно).

До середины прошлого столетия полба была, судя по рассказам, основной хлебной культурой Карабаха и в довольно значительном количестве сохранилась в культуре до сих пор, хотя уже в значительной мере вытеснена различными сортами настоящих пшениц. До последнего времени полба применялась для изготовления традиционных кушаний - «куркут» и «ацик», но «аганц», бывший в прошлом основной пищей карабахского крестьянина, делали из пшеничного зерна.

Аганц представляет собой сухое зерно, поджаренное на металлическом листе. Питание им способствовало сильному истиранию зубов и степень развития питания «аганцем» в прошлом может быть определена по состоянию зубов в черепах, вынимаемых из могильников.

Для изготовления «куркута» зерно предварительно замачивали в воде, а затем, после отбивки специальными каменными пестиками («санди-кар») в деревянных ступках («санди»), очищали от кожуры и в таком виде варили в течение 12 часов со свининой или говядиной. Обычно это была утренняя еда.

Значительно сложнее было изготовление «ацик». В глиняном кувшине зерно полбы заливали горячей водой. После хорошего промачивания зерна воду выливали, зерно же держали в кувшине до начала разбухания. После этого зерно рассыпали нетолстым слоем на деревянные подносы, опрыскивали холодной водой и сохраняли до тех пор, пока молодые ростки не достигали 2-2,5 см длины. Затем зерно с ростками, без предварительного просушивания, ссыпали в деревянную (обычно ореховую) ступку - «санди» и насколько возможно тщательнее расколачивали пестиком, а получавшийся сладкий сок отцеживали сквозь холстину. С соком смешивали свежемолотую полбовую или пшеничную муку и всю массу варили на слабом огне до густоты меда. В ту пору, когда сахар в Карабахе был доступен лишь богачам, мед, «ацик» и сушеные плоды туты или тутовый бекмес были единственными сладкими пищевыми продуктами, которыми располагало крестьянское хозяйство.

89.Typha Laxmanni Lepech – рогоз Лаксмана.

Кар.-арм. и аз.: «джиль» (в Джрабертском районе);
«джиян» (в остальных районах Азербайджанской ССР);

Высушенное и перемолотое в муку корневище этого редко встречающегося болотного растения северного Карабаха шло в смеси с мукой из плодов держи - дерева и желудей дубов, как суррогат пшеничной муки в голодные годы.

90.Ulmus suberosa Moench. – карагач, пробковый вяз.

Кар.-арм.: «тэгэ» (повсеместно).
Аз.: «карагач» (повсеместно)

Это дерево, достигающее большой толщины и несущее шаровидную крону, еще в недавнем прошлом, по рассказам, было достаточно обильно в пределах нижнего горного пояса; сейчас в виде крупных стволов встречается как исключение, главным же образом представлено мелколистной корневой порослью.

Раньше древесина карагача играла видную роль в производстве деревянной долбленой посуды - «чанахов»; теперь ее используют главным образом на ступицы и колесные спицы для арб.

В более отдаленном прошлом гораздо важнее было пищевое применение молодых весенних листьев карагача. Вероятно, с этим моментом связано и существование ряда культурных стволов карагача, стоящих на местах древних пиров и на кладбищах. Подобными

культовыми деревьями являлись –мощный карагач в роще «святилища» Сары-бек, через дупло которого пролезали экзематозные больные; карагач в старой части с. Чанахчи, о котором сообщается в общей части; дерево «Джамали – хач» в 1 км к югу от с. Хинкятук; ствол до 4 м в окружности на околице с. Нижний Тагаверт; дерево на холме Арева-яхци около с. Хачмач и недавно срубленный карагач в окрестностях с. Гавахан.

91. Urtica dioica L. – крапива двудомная.

Кар.-арм.: «пенджар» (повсеместно).

Аз.: «кижиткян» (на Главном хребте)

Карабахская крапива, как и восточно-европейская, произрастает в долинах рек поблизости от человеческого жилья.

Молодые листья крапивы смятые руками, чтобы обломать жгучие волоски, идут в пищу в сыром виде. Вместе с другими травами их используют для начинки пирогов «женгела-хац».

Широкое применение находила крапива в народной медицине в виде паровых ванн для лечения ревматических заболеваний.

92. Valeriana alliariaefolia (Vahl.) Troitzk. – валерьяна.

Кар.-арм.: «кочак» (Дизакский и Шушинский районы).

Многолетник, характерный для лесов верхнего пояса.

В народной медицине его рассматривали как anti-aphrodisiacum, высушенные цветы применяли для составления успокаивающего чая, не вызывавшего, по рассказам, вредных последствий даже в результате длительного и систематического употребления.

Как показал опыт сбора в течение мировой войны, корневища этой валерьяны вполне пригодны для изготовления tincturae valerianae.

93. Viburnum opulus L. – калина.

Кар.-арм.: «гильмасрэ» (Джрабертский район);

«гелюсэрэ» (центральный и южный Карабах).

Обычный кустарник подлеска в дубняках среднего лесного пояса.

Исключительно гибкие побеги идут на плетение корзин, для изготовления рукояток плеток и др. В быту прутья калины рассматривали, как вернейшее средство от «сглаза».

94. Viola Wiedemannii Boiss. – фиалка Видемана.

Кар.-арм.: «манишак» (повсеместно).

Аз.: «бэнавша» (вне НКАО)

Из всех многочисленных видов фиалок Карабаха одна темно-фиолетовая, цветущая в середине апреля, сильно душистая фиалка Видемана находит пищевое применение. Ее цветы и молодые листья сушат весной в тени и из них изготовляют чай. Молодые листья в смеси с разной весенней дикорастущей зеленью идут на начинки традиционных пирогов «женгела-хац».

95. Viscum album L. – омела.

Кар.-арм.: «мhамундж», «мhамурч» (Джрабертский район);

«мгамурч» (Дизакский район).

Аз.: «хамэше-джован» (в Кубанском районе).

Вечнозеленый паразит лиственных пород, главным образом дуба, широко распространенный в Джраберте и изредка встречающийся в западной части Дизака.

Как было уже отмечено в общей части, омела входила в список растений, окруженных народными преданиями, связывающими ее с небесным огнем. Само название ее, в переводе

могущее звучать как «молот смерти», находит своеобразную параллель в северном эпосе, сохранившем легенду об омеле, давшей древко для стрелы Бальдура.

В настоящее время в НКАО сохранились лишь неясные воспоминания о том, что раньше омела применялась в качестве лекарственного вещества. Как лекарство она упоминается в средневековых закавказских лечебниках «Карабаги», большое количество которых сохранилось в библиотеках Грузии и Армении.

96.Vitex agnus-castus L. – дикий перец.

Кар.-арм.: «сэв - тахтег» (Джрабертский район).

Аз.: «джир-узюм» (в Куринской низменности).

Несколько натурализовавшихся древовидных экземпляров дикого перца имеются в сел. Марага (Чайлу) и Арчадзор в Джрабертском районе. По рассказам, дикий перец был перенесен сюда из северного Ирана. Плоды обладают сильным приятным запахом; местное население использует их как душистый перец. По – видимому, дикий перец мог бы найти применение в пищевой промышленности. Еще более широкое применение дикий перец может найти в декоративном садоводстве Области. Этот красивый кустарник хорошо развивается и не страдает от морозов не только в низменной части Карабаха, но и на уровне Степанакерта (650-750 м над уровнем моря). Он пригоден для создания небольших декоративных групп и одинаково красив и в листве, и тогда, когда он покрыт кистями мелких фиолетовых цветов, и в плодах. Особенно ценен он для садоводства низменности, так как хорошо развивается и в условиях большого дефицита влаги в летние месяцы.

97.Vitis silvestris Gmel. – виноград лесной.

Кар.-арм.: «тяняг» (Джрабертский район, для лозы); «hагуг» или «гога» (Джрабертский район, для плодов); «ворт» (Дизакский район, для плодов).

Аз.: «узюм» - Шуши и Шушинский район (название повсеместно распространенное).

Так же как в отношении инжира и гранатника, чрезвычайно трудно утверждать, имеются ли в Карабахе наряду с одичавшими культурными лозами винограда и дикорастущие. Помимо общеизвестного применения ягод винограда для изготовления и потребления в сыром виде, пищевое применение находят и листья винограда. Они имеют кисловатый вкус и их употребляют для завертывания мясного фарша, смешанного с рисом, при приготовлении блюда «долма». Заготовок виноградного листа не ведут. Применяют в пищу и молодые, весенние побеги винограда, которые очищают от коры и едят в сыром или отваренном виде.

98.Xeranthemum cylindraceum Sidth. et Sm.– сухоцвет.

Кар.-арм.: «авиль» (повсеместно).

Аз.: «сюпюргя» - (вне НКАО).

Полусорняк, который на сухих, обращенных к югу склонах среднего горного пояса развивается в настолько больших количествах, что в период цветения придает целым склонам светлый лиловато-розовый оттенок. Основным местообитанием его являются глинистые склоны, покрытые разреженным злаковым покровом из бородача (Andropogon ischaemum L.) и куртинами держи - дерева. Во вторичных условиях сухоцвет встречается как сорняк на наиболее иссушенных участках полей.

Сухоцвет используют в качестве веников, для чего его выдергивают в период цветения. С середины лета начинает поступать на базары Степанакерта и Шуши, где успешно конкурирует с привозимыми с низменности вениками из цветущих соцветий Statice Meyeri Boiss.

99.Zelkova carpinifolia (Pall.) Dipp. – дзелква.

Кар.-арм.: «тагарни» (Дизакский район).

Аз.: «азат» и «ниль» - (Ленкоранский район).

Крупное, почти целиком истребленное дерево нижнего и оснований среднего лесных поясов южного Карабаха, сохранившееся главным образом в виде мелколистной поросли в зеленых изгородях и в виде одиночных культовых деревьев. Такова, например, группа старых дзелкв у развалин церкви на холме рядом с с. Домы. Здесь деревья, в отличие от других экземпляров этого вида, на довольно большую высоту лишены сучьев, которые, по рассказам местных жителей, были срублены в пятидесятых годах прошлого столетия усердием настоятеля близлежащего Тугского монастыря, объявившего поход против древопоклонничества. Несколько десятков крупных стволов сохранилось близ с. Таглар, по дороге из села в пещеру с некогда почитавшимся фаллическим алтарем, по левому берегу Гуру-чай. Нижние сучья, на которые вешали приношения, были срублены тогда же, когда рубили сучья на доминских стволах. Из двух культовых дзелков в с. Гюней-Чертар сохранилось лишь одно; другое было срублено местным священником в тот же период похода на деревья. Предание прибавляет, что священник через три дня после святотатства умер. Крупный ствол стоит на кладбище ниже Степанакерта. Старую дзелкву по имени «Бубу-джамали» близ с. Гиши считали обладающей целительными свойствами при детских заболеваниях. Лечение состояло в том, что детей, «которые много плакали», укладывали под «священным» деревом, а на живот им клали соответствующий их физической выносливости камень, на котором украпляли зажженную церковную свечу. Камень держали до тех пор, пока ребенок не переставал кричать.

Никакого применения никаких частей дзелквы у местного населения не зарегистрировано, несмотря на совершенно исключительные технические качества ее древесины.

100.Ziziphora serpyllacea MB. – зизифора.

Кар.-арм.: «хорна» (Джрабертский район).

Аз.: «кэк-оту» - (Шуши и Шушинский район);

«даг-нанаси» (на Главном хребте).

В пределах среднего лесного пояса и оснований верхнего зизифора покрывает целые склоны на экспонированных к югу местах выходов изверженных горных пород. По мере зарастания склонов лесом количество зизифоры быстро сокращается и под пологом даже разреженного леса встретить ее уже нельзя. Азербайджанское название («трава горных курочек») связано с тем, что горные курочки в дневные часы держатся главным образом на покрытых зизифорой открытых склонах, откуда издалека можно заметить грозящую опасность.

Подобно тому, «хорна» идет на отдушку пищи, так в Джрабертском районе используют зизифору с острым мятным запахом. Зизифору применяют в свежем и высушенном виде, как приправу к супу из кислого молока.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Русских, латинских, азербайджанских и армянских названий растений, встречающихся в тексте

Русское название	Латинское название	Армянское название	Азербайджанское название
Айва	Cydonia oblonga Mill.	Սերկևիլ-սեւրկևիլ	Һейва
Алча	Prunus divaricata Ldb.		Алча
Барбарис	Berberis orientalis C. K. Schneider	Կրծուխուր	Зәриш, зәринч
Боярышник восточный	Crataegus orientalis Desf	Սրզնե	Емишән
Бузина вонючая	Sambucus ebulus L.	Խինդեղնը	Мүрвәр, кәндалаш
Бук восточный	Fagus orientalis Lipsky	Հաճարկե	Фыстых
Валерьяна	Valeriana alliariaefolia (Vahl.) Troitzk.	Քոչակ	(Пишикоту)
Винная ягода см.инжир			
Виноград лесной	Vitis silvestris Gmel.	Խաղուղ-դորա	(Чыр үзүм)
Гиппомаратрум	Hippomarathrum crispum (Pers.) Koch		
Глоговина	Sorbus torminalis (L.) Crantz	Ծտի տանձի	
Граб обыкновенный	Carpinus betulus L.	Պեխե	Вәләс
Грабинник восточный	Carpinus orientalis Mill.	Զրկանի	Темиргара
Гранатник	Punica granatum L.	Նոռնը	Нар
Груша иволистная	Pirus salicifolia Pall.	Մոխրատանձի	Юташ армуд
Груша обыкновенная	Pirus communis L.	Տանձի-քոչատանձի	Армуд
Держи-дерево	Paliurus spina-christi (Mill.) C.K.Schneider	Դեղին ցաք	Сарытикан
Дзелква	Zelkova carpinifolia (Pall.) Dipp.	Թաղարնի	
Дрок закавказский	Genista transcaucasica B. Schischk.	Ավուլ-դեղնաձաղիկ	(Загафгазия дроку)
Дуб кавказский	Quercus iberica Stev.	Կաղնե	Палыд
Дуб восточный	Quercus mac anthera F. et. M.		
Душица обыкновенная	Origanum vulgare L.		
Ежевика	Rubus caesius L.	Մոշ	Бөйүрткән
-/-	Rubus caucasicus Focke	Արջի մոշ	Бөйүрткән
-/-	Rubus sanguineus Rriv.	Եծա մոշ	
Желтинник	Cotinus coggygria Scop.	Թրիմ	Сараған
Зизифора	Ziziphora serpyllacea MB.		
Ива козья	Salix caprea L.	Հոռի	Сөйүд
Инжир	Ficus carica L.	Թոզնը	Өнчир

Калина	Viburnum opulus L.	Գյուլը մասրի	Кәрмәшәй
Каменное дерево см.каркас кавказский			
Карагач пробковый (вяз)	Ulmus suberosa Moench.	Թեղե	Гараағач
Каркас кавказский	Celtis caucasika Willd	Փրոշնե	Дағдаған
Каштан	Castanea sativa Mill.	Շրմբալուտ	Шабалыт
Кизил	Cornus mas L.	Հյուն-չոր հյուն	Зоғал
Клен кавказский	Acer ibericum MB	Կրոզնենե	Ағчагайын
Клен гирканский	Acer hyrcanum F. et M.	Թրխկե	Хәдәк
Козлобородник	Tragopogon reticulatus Boiss. et Huet	Կաթնախոտ	Кечисаггалы (емлик)
Конопля дикая	Cannabis ruderalis Janisch.	Սերեմնը	Чәтәнә
Конопля посевная	Cannabis sativa L.	Կինեփ	Кәнәф
Крапива двудомная	Urtica dioica L	Պենջար	Кичиткән
Крушина мелколистная	Rhamnus microphylla (Trautv.) Prilipko	Սարի չայ, քյուրդի չայ	Дағ чайы
Крушина слабительная	Rhamnus cathartica L.	Բենդի	Чумурд (мирдача)
Кузиния крупнокорзинчатая	Cousinia macrocephala C. A. M.	Ղալչան	Гангал
Купена многоцветковая	Polygonatum polyanthemum (MB) Dipp.	Կրոմրզուկ	(Той чичәйи)
Купырь лесной	Anthriscus nemorosa MB	Կինազոխ	(Мәләк оту)
Кэвовое дерево	Pistacia mutica F. et M.	Սաղունձե	(Саггыз ағачы)
Лебеда белая	Chenopodium album L.		
Лен посевной	Linum usitatissimum L.	Կտրվիատ	(Кәтан, зәйәрәк)
Лещина обыкновенная	Corylus avellana L.		
Лещина оленья	Corylus cervorum V.Petr.		
Липа кавказская	Tilia caucasica Rupr.	Ըլորնե	
Лопух опушенный	*Arctium tomentosum Mill.*	Կրոոթնե	Пытрах
Лох узколистный	Elaeaghus angustifolia L. f. culta Sosn.	Փշատ	Ийдә
Лук весенний	Allium paradoxum (MB) Don	Խազազ	Яз соғаны
Мак	Papaver (sp. div.)	Պրտուտկնը, խաշ-խաշ	Хашхаш
Малина	Papaver (sp. div.)		
Марена	Rubus idaeus L.	Տորեն	Гырмызы бояг
Марь см.лебеда белая	Rubia tinctorum L.		
Можжевельник	Juniperus oblonga MB и J. pygmaea C. Koch		
Мокрица	Stellaria media (L.) Cyrill	Ճրոճրոոկ	Чинчилим
Молочай Сегьэ	Euphorbia Seguierana Neck.	Դոնաճաղիկ-եշրե-կաթնուկ	Судлуйән
Мушмула см. шишка			

Мята длиннолистная	Mentha longifolia L.	Դաղծը	Ярпыз
Негной – дерево см. тисс			
Облепиха	Hippophae rhamnoides L.	Լափրե	Чай тиканы
Овсяница овечья	Festuca ovina L. s.lat	Սրվախոտ	Гоюн човдары
Огурец бешеный	Ecballium elaterium L.	Իշի խիյար	Ит хияры
Омела	Viscum album L.	Մխամորջ	Һәмишәчаван, (елшәк)
Орех грецкий	Juglans regia L.	Ճղոպրի	Гоз
Папоротник	Athyrium filix-femina (L.) Roth.	Արջի թանթուլ	Айыдөшәйи
Пастушья сумка	Capsella bursa- pastoris L.	Տրտրպաշար	(Чобан чантасы)
Перец дикий	Vitex agnus-castus L.	Սև տախտեղ	Ябаны истиот
Платан пальчатый	Platanus digitata Gordon	Չինարի	Чинар
Подорожник большой	Plantago major L.	Քիշնշուկ կուռնը	Баға ярпағы
Полба	Triticum dicoccum (Schrank) Schuebeler	Հաճար	(Полба)
Полуница	Fragaria viridis Duch	Տրվրի մորի	Чийәләм, чийәләк
Портулак огородный	Portulaca oleracea L.	Տանդոռնը	Пәрпәран
Просвирняк мелкий	Malva neglecta Wallr.	Փիփերրթ	
Птицемлечник плосколистный	Ornithogalum platyphyllum Boiss.		
Рогоз Лаксмана	Typha Laxmanii Lepech.		Чиян, чил
Рожь	Secale cereale L.	Շարա, հաճար	Човдар
Рыжик посевной	Camelina sativa Grantz.	Սորեկ	Күрәнчә оту
Рябина цельнолистная	Sorbus umbellata (Desf.) Fritsch.	Հալուչ	(Үвәз ағачы)
Сарагана см.желтинник			
Сатурея садовая	Satureja hortensis L.	Ծընթորան	-
Свидина южная	Cornus australis C. A. M.	Ճապկե	Мирдарча
Смоковница см.инжир			
Спарассиус	Sparassius ramosus L.	Ծրմակե թափան	(Ағач көбәләйи)
Спаржа мутовчатая	Asparagus verticilltus L.	Ծնեփակ	(Гушгунмаз)
Спорыш равнолистый	Polyganum aequale Lindm.	Չամիչ եփիս	Гырхбуғум
Сумах	Rhus coriaria L.	Սրմաղ	Сумах
Сухоцвет	Xeranthemum cylindraceum Sidth. et Sm.	Ավիլ	Күпүркә(гарабаш оту,гаракурәи)
Таволга зверобоелистная	Spiraea hipericifolia L.	Թրրրլղե	Табулга
Терн	Prunus spinosa L.	Մամխե	Көйәм
Тисс	Taxus baccata L.	Կենե	Гаракөһрә (тисс)

Тополь пирамидальный	Populus italic L.	Տընջրե	(Гәләмә)
Трагакант ежелистный	Astragalus erinaceus F. et. M.		
Трюфель степной	Terfezia transcaucasica Tichomir.	Տոմբալան	Домбалан вә я ералмасы
Тута белая	Morus alba L.	Գիժի	Тут
Тысячелистник	Achillea setacea W. K.	Թրթի	Беймәдәрән
Фиалка Видемана	Viola Wiedemannii Boiss.	Մանիշակ	Бәнәфшә
Физалис	Physalis Alrerengi L.	Վիրի տախտեղ, կարմիր քամի	-
Хмель	Humulus Lupulus L.	Շրրմրշուղ	Хамирмаясы(мая оту)
Цефалярия гигантская	Cephalaria gigantean (Ldb.) Bobr.	Ղանթափա-Սարի-գյուլ	Гигантцефалярия
Чабрец закавказский	Thymus transcaucasicus Ronn.	Խոռնը	Кәклик оту
Черешня дикая	Cerasus avium (L) Moench	Կեչի	Килас(дәли килас)
Чинар см.платан			
Шелковица см.тута			
Шиповник	Rosa (sp.- div)	Վարդ, զիրավարդ, Միասուր	Итбурну
Шишка	Mespilus germanica L.	Զկեռ	Әзкил
Щавель	Rumex acetosa L.	Թրրթունջուկ	Гузугулағы
-/-	R. pulcher L.	Ավելուկ	Әвәлик(туршәнк)
-/-	R. crispus L.	Շեպ	Әвәлик, аг әвәлик
Щирица	Amaranthus retroflexus L.	Թալ	
Эрэмурус	Eremurus spectabilis MB	Շրիշ	Чириш
Яблоня дикая	Malus orientalis Uglitzk.	Քոլը խնձոր	Чыр алма
Ясень	Fraxinus excelsior L.	Հացի	Көйрүш
Ястребинка горная	Hieracium hypeurium Naeg. et Peter		

Н. Авакян

НАРОДНАЯ ОДЕЖДА АРМЯН АРЦАХА В XIX-НАЧАЛЕ XX В.

Историческая область Арцах, по современному административному делению примерно совпадающая с территорией Нагорно-Карабахской автономной области, всегда привлекала внимание этнографов. Однако далеко не все стороны ее культуры и быта исследованы с одинаковой полнотой. Сравнительно мало изучена народная одежда армян этой территории. Из немногих работ стоит назвать неопубликованное исследование проф. С.Д. Лисицяна «Армяне Нагорного Карабаха», в котором подведены итоги научной экспедиции в Нагорный Карабах, организованной им в 20-ых годах. К сожалению, по независящим от нас причинам, нам не удалось ознакомиться с этой работой. Исследованию народной одежды азербайджанцев Карабаха посвящена кандидатская диссертация Е. Н. Бабаян, в которой содержится также немало материала и по армянской народной одежде.

Известно, что из Карадага (правобережье Аракса), населенного до начала XIX в. преимущественно армянами, после русско-персидской войны 1828 г. несколько тысяч армян перешли за Аракс, в пределы Закавказья, в том числе в Нагорный Карабах. Эмигрировавшее население осело на жительство в основном в селах Гадрутского района. Переселенцы из Сюника-Зангезура, Агулиса, Шагакерта, Казанчи и Мегри осели в Шуши . Часть переселенцев из Агулиса поселились также в Гадруте. Происходила эмиграция и из Карабаха. Переселенцы осели в ближайших уездах Армении, юго-восточной части Грузии, Азербайджана и в других местах за пределами Кавказа и России.

Арцах находился на важных торговых путях. Через Шуши проходил один из самых древних торговых путей Закавказья, связывавших Индию и Персию с Тифлисом и Батумом, а также с Эриванью. Торговцы Агдама привозили в Шуши из Тифлиса и других городов шерстяные, шелковые и хлопчатобумажные материалы для продажи. Привозные ткани, из которых шили некоторые виды местной одежды, мало потреблялись жителями Арцаха, так как большинство населения не могло приобрести такие дорогостоящие товары.

Поэтому в Арцахе развилось кустарное производство различных видов, которое удовлетворяло нужды населения. Вплоть до первой четверти XX в. здесь изготовляли различные виды шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных тканей, из которых шили как женскую, так и мужскую одежду.

В районах уезда была широко распространена обработка шерсти. Шерсть мыли, сушили, расчесывали, пряли на веретенах или прялках, которые делали во всех селах, а также в городе Шуши (самыми лучшими прялками считались прялки, изготовленные в Гандзасаре.

Обрабатывали в этом уезде и низкосортный вид шелковых коконов, из которых готовили крученую шелковую пряжу. Из нее вязали различные части одежды. В Арцахе разводили также итальянский сорт шелковых коконов желтого цвета, но они шли, главным образом на продажу. До 1883 года значительная часть такой пряжи отправлялась в Марсель, а в последующие годы - в Москву.

Занимались в Арцахе и ткачеством. Материалы ткали на станке-чылкаворе. Ткачество в домашних условиях-тяжелый, изнурительный труд, который отнимал очень много времени, а также требовал огромного внимания и большого эстетического вкуса.

Кроме обработки сырья кустарным способом существовало также заводское производство. Уже в середине XIX в. в Гадруте действовал шелкопрядильный завод, существующий поныне. До сих пор вместе со Степанакертским шелковым комбинатом он производит шелкопряжу и

шелковые материалы. Большой шелковый завод был и в селе Шошу, расположенным около г. Шуши. В 1895 году в уезде существовало уже 18 шелковых заводов.

Были в Шуши и красильные мастерские, где красили пряжу, ткани и кожу. Жители сел окраску производили, главным образом, в домашних условиях. Каждая семья делала это для удовлетворения своих нужд. Красили пряжу двумя видами красок-растительного и животного происхождения. Они назывались «хаса» и «амали». Хаса - высококачественный и устойчивый краситель, амали-менее прочный, неустойчивый краситель, как и ализарин. Пряжу для ковровых изделий и тканей, изготовляемых для себя и по заказу, красили краской хаса, а для продажи-краской амали (производство этой краски обходилось недорого).

Были в Арцахе серебряных и золотых дел мастера. Например, в Гадруте работали три серебряных дел мастера. Двое из них занимались только изготовлением украшений - сурмы, пуговиц, шарообразных подвесок, крючков и поясов с богатыми подвесками, а третий-исключительно изготовлением рукояток оружия.

Такие мастера были и в Мардакертском, и в Мартунинском районах, а также в Шуши. Они изготовляли женские и мужские серебряные пояса, серебряные украшения для одежды, серебряные части для головного убранства и другие украшения. Известным мастером серебряных дел был Бадам, выполнявший также эмалевые работы. Он изготовлял не только пояса или украшения, но и разнообразные бытовые предметы[1]*.

После небольшого вступления, кратко охарактеризовавшего кустарные промыслы Арцаха, мы перейдем непосредственно к теме нашей статьи, к народной одежде этого района.

Одежду в Арцахе шили женщины. Шили ее на руках, каждая для своей семьи, а с конца XIX в. также у портных, которые жили в Шуши, в селах Хцаберд, Чартар и Мец Таглар[2]**.

Характерным материалом для народной одежды Арцаха в XIX- начале XX в. были хлопчатобумажные ткани (бязь, ситец, сатин), шелковые гладкие ткани домашнего производства, красного и зеленого цветов, шерстяные грубые ткани, изготовлявшиеся женщинами в домашних условиях, а также (в среде зажиточного населения) шелковые ткани и бархат фабричного производства.

В XIX в. в Арцахе бытовало два комплекса женской народной одежды. Первый-аявари и второй-кахкавари. Айавари являлся традиционной народной одеждой, характерной для жителей Арцаха. Во втором же комплексе-кахкавари - прослеживалось влияние женской народной одежды армян Эривани и Тифлиса. Это особенно ярко отразилось на форме головного убора. В начале XX в. комплект кахкавари вышел из употребления, уступив место одежде городского покроя, традиционная же народная одежда аявари сохранилось почти до наших дней. Переселение армян из Персии в Карабах, происходившее в 20-ых годах XIX в. и оказавшее определенное воздействие на наречие сельских жителей области, совсем не повлияло на местную одежду и даже наоборот: переселившиеся жители со временем стали носить одежду аявари.

В первом комплексе женской народной одежды аявари основной составной частью являлась рубаха-вирви алав, сшитая из бязи или шелковой ткани красного цвета. Для покроя рубахи необходимо было иметь 8 м. ткани шириной 50-60 см. Эту ткань-прямое полотнище длиною 170-240 см- перегибали поперек, получая при этом спину и перед, затем с боков вставляли косые клинья. Рукава шили широкие и прямые, с ластовицами, длиной 45-56 см., шириной 17-20см. Низ рубахи и рукава подгибали и подшивали обыкновенным швом. Круглый ворот и разрез на груди отделывали бархатом или сатином черного цвета, шириной 2 см, к ним пришивали также серебряные украшения-сурма (серебряные мелкие трубочки диаметром 2мм, длиной 2см).

**Многочисленные образцы работ мастера Бадама ныне хранятся в Государственном историческом музее Армении, в этнографическом фонде*

*** Портным в сел. Мец Таглар в начале XIX в. был Аветис Адамян*

Во втором комплексе женской одежды спину рубашки шили из двух видов ткани (бязи и сатина). Верхняя часть спинки была длиной ниже бедра. К нижней части спинки пришивали нижнюю часть рубахи со сборкой. При такой спинке ластовицы были из того же материала. Свадебную или праздничную рубаху шили из шелковой ткани красного цвета-алыша. Эта рубаха называлась дреи. По обычаям Арцаха девушка-невеста получала рубаху дреи в числе других видов одежды, присланной из дома жениха. С начала XX в. эту рубаху шили из фабричного сатина красного цвета.

Носили в Арцахе и нательные рубахи - таки алав. Их надевали под вирви алав. Шили их из бязи белого цвета и такого же покроя, как и рубаха вирви алав. Ворот и разрез на груди у нательной рубахи не украшали.

В комплекс женской одежды входили также штаны, сшитые из шелковой или хлопчатобумажной ткани красного цвета. По покрою штаны в Арцахе можно также отнести к двум типам.

Первый из них представляет следующее. Две штанины сшивались из двух перегнутых клиньями полотнищ, длиной 80, шириной 70-80см, между которыми спереди и сзади вставляли кусок ткани в виде трапеции, шириной 32-35, длиной 41-54см. Ширина узкой стороны трапеции в поясе была равна 14-22 см. Штаны шили на подкладке из тонкой хлопчатобумажной ткани белого цвета. В верхний край штанов продевали вязанную из хлопчатобумажной нитки ленту белого цвета, с помощью которой штаны укреплялись на бедрах.

Такого покроя штанины были распространены в Мартунинском, Мардакертском и Гадрутском районах Арцаха.

Несколько отличался покрой штанов второго типа. Между штанинами вставляли перегнутый поперек ромбовидный кусок ткани длиной 44 и шириной 32 см. Узкие штаны были окаймлены широким бордюром из сукна, бархата или шелка черного цвета. На верхний край бордюра пришивали узкую вышитую полоску, которая виднелась из-под рубахи вирви алава. Такие штаны держались на бедрах таким же способом, как и штаны первого типа.

Штаны второго типа бытовали с конца XIX в. Они распространены и сейчас во всех районах Арцаха. Но если в конце XIX в. их шили из ткани кустарного производства, то с начала XX в. – из ткани фабричной. Штаны обоих типов были распространены как в Зангезуре, так и в Гохтне. В Зангезуре узкая штанина иногда окаймлялась ситцем с растительными узорами.

Основной частью первого комплекса женской одежды Арцаха была верхняя, своеобразной формы распашная одежда-парегот, в местном наречии именовавшая как хылых, хаба (в Гадруте) и ирепишкани. Ирепишкани можно перевести как «трехподольный», так как подол в ней состоит из трех частей. Ирепишкани шили из вырабатываемого на месте одноцветного или темно-зеленого с растительными узорами шелка, а иногда из синего или фиолетового. Например, в Сюник-Зангезуре большей частью использовали ткани зеленого цвета, а в Арцахе-синего или фиолетового. О значении цвета материала, из которого шили ирепишкани, нам пока не удалось собрать соответствующих данных.

Чтобы сшить один ирепишкани нужно было 3,5-4 м. шелка шириной 54-60 см, 3,5м. хлопчатобумажной ткани красного цвета для каймы. Кайму для праздничного ирепишкани обычно шили из шелка, а для будничного-из хлопчатобумажной ткани. Каждая женщина имела два ирепишкани одинакового покроя: рабочий - лиавур и праздничный - донавур. Праздничный шили из дорогой ткани, будничный - из более простой, дешевой ткани.

Ирепишкани шили на тонком хлопковом ватине, простроченном продольными, а на рукавах поперечными строчками, которые прошивали иглой мелким обыкновенным швом.

Бытовала ирекишкани в четырех вариантах, которые отличались друг от друга формой рукавов, длиной и способом украшения. Первый вариант-алиставор, был с остроконечным нижним краем рукава, по краям которого пришивали треугольные подвески, составленные из

мелких серебряных трубочек. По краям разреза рукав украшался шарообразными подвесками-пуговицами-божож (в Зангезуре пучер). У богатых их нашивали до локтевого сустава.

Второй вариант-халыгедак, был с прямым краем рукава. Оба варианта ирепишкани имели в подмышках разрез-хыштак, а по бокам- по одному внутреннему карману.

Ирепишкани обоих вариантов делали обычно без плечевого шва, лишь иногда со швом. Для покроя этой одежды брали две длины ткани шириной 30-46 см, по бокам спереди и сзади вставляли косые клинья, пришитые косой стороной к центральному полотнищу. От подмышек до талии вшивали прямоугольный клин. Пройма рукава была прямая.

В начале XX в. в покрой ирепишкани были внесены изменения: появились плечевые наклонные швы, современная закругленная пройма вместо прямой. В покрое нижней части рукава также произошли изменения: он стал не остроконечным, как в первом варианте, и не прямым, как во втором. Он стал закругленным и украшался только тесьмой с треугольными подвесками из трубочек.

Иногда верхнюю часть рукава ирепишкани шили из другого материала, а сверху надевали нарукавники-крнаман, которые прикрывали рукава. Такие ирепишкани назывались крнадир. Нарукавники прикреплялись к рукавам на плечевых швах двумя пуговицами.

Ирепишкани застегивали на талии двумя миндалевидной формы пуговицами, гравированными растительным орнаментом. Такие пуговицы украшали и головные уборы.

Третий вариант ирепишкани бытовал в Шуши. Его шили из шелка зеленого цвета такого же покроя, как первый и второй, но только на сатиновой подкладке коричневого цвета. Он отличался от первого и второго вариантов по покрою рукавов. Они были двойные: один из них был длинным и остроконечным, с разрезом, доходившим до подмышки-декоративным; второй-прямым, сшитым из узорчатой шелковой ткани красного или желтого цвета. Второй рукав на плечах прикрепляли к подкладке декоративного рукава. Рукава украшали косой полоской серебряных трубочек (сурма) в виде ряда треугольников.

Края ирепишкани третьего варианта, кроме каймы красного цвета, украшали еще бархатной лентой черного цвета. На ней выпуклой гладью золотыми нитками вышивали растительный или геометрический орнамент. Бархатную ленту окаймляли шелковой тесемкой из узких полосок красного, зеленого, белого и черного цветов. Иногда на бархатной ленте вышивали дату изготовления и инициалы носителя.

Декоративные, фальшивые, длинные рукава, которые свисали до подола ирепишкани, украшали еще поперечной полоской, из вышеупомянутой бархатной ленты. Концы рукавов окаймляли золотым галуном, а часто и серебряными шаровидными украшениями. Такую же кайму имели и рукава женской верхней одежды (архалух) района Гохтн, но только с той разницей, что в Гохтне кроме золотой ленты использовали еще и серебряные ромбовидные подвески.

Рукава ирепишкани третьего варианта по покрою были похожи на рукава мужской верхней одежды-чуху,-как данного района, так и для районов Зангезура и Гохтн. Подобные фальшивые рукава, но другого покроя имелись также в женских народных костюмах кабардинцев, карачаевцев, адыгейцев, осетин, кумыков и удмуртов. Фальшивые рукава третьего варианта ирепишкани по покрою и украшению являются комбинированной формой первого и второго вариантов женского архалуха района Гохтн и городской формы этой одежды.

В Карине и в других городах и селах исторической Армении женские верхние плечевые и поясные одежды украшали богатой вышивкой и тесьмой из золотых нитей. Карин особенно отличался своеобразным растительным орнаментом в украшении костюмов. Украшенная вышивкой из растительного орнамента ирепишкани третьего варианта в Арцахе отличалась от верхней одежды Карина.

Четвертый вариант ирепишкани, бытовавшей в начале XXв., по покрою был похож на первый и второй варианты, но только длиннее. Его длина была чуть ниже бедра.

Платье подобного покроя носили лишь городские жители и то изредка, поэтому оно было скоро вытеснено, уступив место традиционной длинной ирепишкани первого или второго вариантов.

Одной из составных частей первого комплекса женской народной одежды был пояс-длинный, около 3,5 м. кусок материи шириной 0,5 м. Пояс шили из хлопчатобумажной или шелковой ткани, большей частью из бязи красного цвета. Этим поясом женщины два раза обматывали себя вокруг талии поверх ирепишкани, причем завязывали этот пояс спереди, а концы закрепляли внутрь. Пояса, приобретенные у гилянских купцов, обвязывали вокруг талии пять раз. Использовали также и кожаный пояс с серебряной пряжкой и нашитыми пластиками, на которых были изображены растительные узоры, исполненные техникой гравировки, филигранью и чернью.

Зимой женщины Арцаха на верхнюю одежду ирепишкани надевали шубу-курк, которая была на 20см короче ирепишкани. Ее шили из бархата или шерстяных тканей темно-красного цвета, на простроченной из хлопчатобумажной ткани и хлопкового ватина подкладке. По своему покрою курк-повторение ирепишкани, но только с короткими прямыми рукавами без разреза. Края курка украшали узкой шелковой лентой зеленого цвета и широкой полоской лисьего меха. Полоска меха, которая шла по краю передних и боковых разрезов, была шире внизу, а в верхней части уже. Обшивали мехом и ворот, ширина обвивки-1см. Самой ширикой полоской меха (11см) обшивали края рукавов.

Как уже было сказано, рукава курка были короче рукавов ирепишкани, едва заходя за локти. Подмышки курка (подобно ирепишкани) имели разрез, вокруг которого пришивали двойную косо сложенную кайму из шелковой ткани зеленого цвета.

Носили еще и другой тип курка, не имевший меховой каймы и сшитый большей частью из шерстяной ткани. Курк, сшитый из бархата, был доступен только сравнителььно богатому слою населения ввиду его дороговизны.

Первый тип курка в XIX в. кроме Арцаха бытовал еще в Зангезуер и Гохтне, а в Зангезуре-даже в начале XX в. Ныне в первом комплекте женского костюма курк не бытует.

Теперь несколько слов нам бы хотелось сказать о чулках, обуви, головных уборах и украшениях женщин.

В комплекс женской одежды входили также вязанные чулки, украшенные разнообразным узором,. Для того, чтобы вязать чулки, женщине было необходимо заготовить большое количество шерстяных ниток. Для вязки чулок в течение целого года требовалось два пуда шерсти, которую каждая женщина пряла за три месяца. Летом шерсть мыли при солнечной погоде, затем сушили, чесали и пряли на прялке или веретене. Из полученных ниток вязали носки и чулки, используя для этого любую возможность (вязали не только сидя, но порой стоя и даже во время ходьбы). Вязали чулки и из хлопковой нити, которую покупали на месте у мелких торговцев. Из одного фунта нитей вязали четыре пары чулок. Чулки вязали разнообразными узорами и орнаментами: в виде трапеции белого цвета узором «чатал», орнаментами «шейтан», «чахмах», «итер», «охтыпати», «ирекпати» и т.д.

При вязании ступня обычно отделялась от лицевой части рамкой с геометрическим узором, а носок чулка вывязывался специальным узором чатал. По названию носка чулки назывались «чатал гулпа».

Преобладающим видом женской обуви района Арцаха были туфли-чмошк, зеленого цвета, с очень острым, удлиненным и загнутым вверх передним концом. В начале XX в. в первом комплекте женской одежды чмошк был постепенно вытеснен, а затем и заменен тапочками черного или коричневого цвета или же зимними закрытыми туфлями со шнуровкой.

Сложным было головное убранство женщин. Прежде чем надеть головной убор, женщина должна была разделить свои волосы на две части, затем закрутить их у висков. После этого на голову надевали треугольный головной платок (таки лачак) из бязи белого цвета, концы которого перекрещивались под подбородком и завязывались на затылке. Потом сверху клали копи (полный круг). Волосы до конца закручивали особым шнурком. Поверх всего этого завязывали второй треугольный платок белого цвета (глхи лачак), затем надевали налобное украшение-джакатаноц, представляющее собой бархатную ленточку темно-красного или зеленого цвета с рядом золотых или серебряных монет. По середине ряда находилась большая монета, которая называлась «миджаноц». Ленту иногда вышивали золотыми и шелковыми разноцветными нитками. После завязывали височные украшения-коконы. Поверх всего этого завязывали кткал, который состоял из трех треугольных косынок или четырехугольных платков разных цветов-зеленого, красного, белого. Они складывались так, чтобы из двух-зеленой и красной косынок виднелось по 2см, а над ними завязывалась косынка белого цвета. Белая косынка была широка и закрывала весь подбородок. Ныне в районах Арцаха бытует кткал только белого цвета.

Сверх кткала надевали большой головной платок треугольной формы, сшитый из бязи белого цвета, а затем еще один головной платок белого цвета (у молодых женщин) и черного (у пожилых), сшитый из четырехугольной шелковой ткани, сложенной треугольником. Сверху посредине платка прикрепляли золотые или серебряные крючки-украшения.

Одежда девушек отличалась от женской только головным убором. Девушки завязывали только один платок красного или белого цвета.

Полностью арцахская форма одежды, а также форма головного убора из уездов Армении была характерна для Зангезура. Крючки использовались в Гохтне, Мегри, а вся вышеупомянутая манера повязывания головы является одной из особенностей женской одежды Арцаха.

Дополнением к комплексу женской одежды были украшения-кольца, браслеты, ожерелья. Предпочтение отдавалось золотым и серебряным обручальным кольцам. Золотые кольца делались с бирюзовыми, а серебряные-с рубиновыми камнями. В день обручения невеста вместе с кольцами получала 30 золотых монет, которые пришивались спереди на груди ирепишкани по 15 штук на правом и левом боках. Кроме указанных выше украшений невеста получала еще золотой крестик на золотой цепочке как «благословение». Она носила этот крестик повседневно.

Одним из украшений состоятельной женщины была булавка с бриллиантовой головкой. Ее прикрепляли на ободке головного убора. Молодые женщины носили булавку на платке, а пожилые на налобнике. Разное расположение булавки на головном платке имело свое особое значение. Например, если булавка была приколота посередине, то это означало, что женщина замужем, если же на левой стороне, то женщина обручена, а если головка булавки повернута вниз, то у девушки неудачное обручение.

Украшения безусловно отражали имущественное состояние женщины: богатые имели дорогие украшения (золото, бриллианты и др.), бедные-дешевые (серебро, бронзу, простые камни). Кроме дополнительных украшений у богатых был еще золотой ряд монет-газма, который размещался на налобнике, и ряд шарообразных украшений-подвесок с двух сторон лица.

Девушки носили также кольца, изготовленные из стали. Оно имело магическое значение-«предохраняло» от несчастья. Такое же значение имел узор в виде дерева, вышитый на спине рубахи у мальчиков.

У богатых девушек были ожерелья, состоящие из ряда золотых монет. При выходе замуж они брали их с собой и пользовались ими всю жизнь.

Перейдем теперь к описанию мужской одежды. Тип мужской одежды, характерной для Арцаха, был распространен также в Лори, Сюнике и Гохтне. Во многом этот тип одежды характерен и для других народов Кавказа.

Мужская рубашка была длиной 75-90 см, шили ее из бязи или ситца белого цвета. Для этого брали две длины ткани, шириной 32 см, перегибали ее поперек, делали стоячий ворот и разрез на правой стороне груди. Застежка была на одной пуговице. По бокам мужской рубашки вставляли косые клинья, которые пришивали к центральному полотнищу прямыми сторонами, рукава делали прямые, широкие с ластовицами. Нательной поясной одеждой служили штаны, сшитые из бязи синего цвета. Верхний край штанов был подвернут и через него продевали узкую ленту ткани (хонджанакап), при помощи которой штаны укрепляли на бедрах. Штанины не имели боковых швов, и каждую из них шили из двух перегнутых по продольной нитке полотнищ длиной 80-95 и шириной 28-36см. Между штанинами вставляли ромбовидный кусок ткани, перегнутый поперек, длиной 34-40 и шириной 26-30см. Иногда клинья между штанинами имели треугольный вид, как у женских штанов второго типа: в таком случае спереди и сзади между штанинами вставляли по одному клину и шили закрытым швом.

Поверх штанов и рубашки мужчины носили шаровары такого же покроя. Шаровары шили из грубой шерстяной материи кустарного производства[1]. Так же как и штаны, они имели подвертку с продевающимся поясом хонджанакап, который вязали из шерстяной пряжи в виде шнура.

Основной частью комплекта мужского костюма был архалух, сшитый из шерстяной или хлопчатобумажной ткани черного цвета. Бедные жители изготовляли его из овечьей шерсти. Ткань архалуха называлась «малуски» и «мандула». Старики носили длинный архалух, ниже колен, а молодые мужчины короткий-выше колен. У стариков архалух застегивался в талии на три пуговицы и петли из тесьмы черного цвета, у молодых застежка была такой же, только она шла от ворота до пояса. Обычно каждый мужчина имел два-три архалуха.

В мужской комплекс одежды входил также и кожаный пояс, который завязывали поверх архалуха. Кожаный пояс имел серебряную пряжку и накладные выпуклые, гравированные растительным орнаментом украшения. Эти серебряные украшения пояса часто были покрыты разноцветной эмалью. Носили мужчины во время свадьбы и серебряный пояс. Они получали его в день свадьбы от родителей невесты.

Мужской теплой одеждой являлась чуха, сшитая из шерстяной ткани черного или темно-синего цвета. Шили ее длиной ниже колен. Была она двух вариантов, которые отличались друг от друга формой рукавов.

Первый вариант чухи кроили так: спереди она была прямой и застегивалась тремя пуговицами с помощью петель из тесьмы; спинка ее выкраивалась из четырехугольных кусков ткани шириной 30-35, длиной 40-45 см, в талии она собиралась в сборку. Чуха имела стоячий воротник. Рукава ее (длиной 48, шириной 22 см) были прямого покроя с разрезом (длиной 13см) и без ластовиц. К нагрудной части чухи пришивали патронницы-пампштакал. Это был ряд продолговатых полых нашивок. На чухе, сшитой из грубой ткани, они отсутствовали, видимо, из-за грубости ткани.

Чуха второго варианта была приблизительно такого же покроя, что и первого, но только более древняя. Ее шили из сукна черного цвета (чуху молодожена шили из шерстяной ткани красного цвета). Рукава у нее были длинные, с разрезом, который доходил до подмышки, иногда левый рукав откидывали на левое плечо, чтобы виднелись рукава архалуха. Края чухи окаймляли тесьмой (трез) черного цвета. В начале XX в. такого типа чухи кроме Арцаха были распространены в Гохтне и Зангезуре.

Важное место в комплексе мужского наряда имели также узорчатые шерстяные носки. Их обычно делали с длинными голенищами, провязывая на широких цветных полосах разнообразные узоры. В эти носки обычно собирали низ штанин шаровар и завязывали их прикрепленным к ним шнурком под коленом. Использовали также ноговицы. Ноговицы большей

---

[1] *В начале XX в. мастерицей шерстяной ткани крупной вязки в сел. Чартар, ныне Мартунинского района НКАО была Варах Тоноян*

частью шили из хлопчатобумажного плотного толстого материала или вязали из разноцветных шерстяных ниток. Надевали их поверх носков и шнурком закрепляли под коленом, как носок.

Обувью мужчинам служили так называемые ирекктани трех. Шнурки их-трхатан-изготовляли из шерстяных ниток синего цвета, а трхатан молодожена-из ниток красного цвета. Эти шнурки мужчины получали вместе с серебряным поясом в виде подарка во время свадьбы от родителей невесты.

В конце XIX в. в Шуши было 57 лавок, которые занимались производством местной кустарной обуви. В это время среди населения Арцаха распространились обувь, изготовленная специалистами-сапожниками, она заменила обувь домашнего производства. Делали ее из козлиной шкуры и красили в черный, красный, зеленый и желтый цвета.

Обычным головным убором мужчин в Арцахе были шапки, сшитые из овечьей шкуры. В Шуши их изготовляли из шкур овец бухарской, ширазской и местной породы. Самой дорогой была шапка, сшитая из шкуры бухарской овцы, которую здесь высоко ценили, а самой дешевой - шапка из шкур местной овцы. Свадебные шапки изготовляли из меха бухарской овцы. Старики же надевали удлиненные, конусообразные шапки, весившие приблизительно 8 фунтов.

Молодежь и дети носили легкие круглые шапочки так называемой карабахской формы. Шапки шили мастера-шапочники и в основном по заказу. Изготовляли они их также для продажи, причем обычно из местных дешевых сортов шкур. Шапки, сшитые из бухарской и ширазской овечьих шкур, носили феодалы-ханы и беки, а из шкур местных овец-крестьяне и бедное население. Цена шапки из бухарской шкуры в предреволюционное время равнялась 8-14 руб., а из ширазской - 5-7 руб.

Свадебная одежда в мужском комплексе костюма была одновременно и праздничной-чуха и шнурки обуви (трхатан) были красного цвета.

Необходимо отметить, что мужская народная одежда Арцаха, будучи одеждой общей «кавказской» формы, все-таки имела свои самобытные элементы. Это сказывалось прежде всего в выборе ткани, сочетании цвета, в форме головных уборов и в типе обуви.

В заключение нам бы хотелось сказать, что женская традиционная одежда Арцаха в своем самобытном виде сохранилась и продолжала бытовать в Сюнике (Зангезуре) в течение долгого времени. Это объясняется тем, что в прошлом женщины мало соприкасались с жителями других районов, отчего их одежда и не подвергалась таким быстрым изменениям, как мужская.

Надо сказать, что отдельные элементы мужского народного костюма Арцаха бытуют и ныне в некоторых селах Нагорно-Карабахской Автономной области.

Б. Мирзоян

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

(Размышления над статистикой)

Как гласит Декрет Азербайджанского ЦИК Советов от 7-го июля 1923 г., Нагорно-Карабахская Автономная область была образована «из армянской части Нагорного Карабаха»[1].

Территория - около 4,4 тыс. кв. км. Численность населения в конце 1923г.-157,8 тыс. человек. Армяне составляли 94,4%[2]. В автономную область умышленно не была включена часть территории Нагорного Карабаха с армянским населением, в частности, нынешний Шаумянский район Азербайджана. Численность и национальный состав населения НКАО изменились следующим образом.

Таблица 1

(по данным переписей населения, тыс. чел.)[3]

	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.
Все население	125,3	150,8	130,4	150,3	162,2
В том числе:					
армяне	111,7	132,8	110,1	121,1	123,1
азербайджанцы	12,6	14,1	18,0	27,2	37,2
русские	0,6	3,2	1,8	1,3	1,3
другие	0,4	0,7	0,5	0,7	0,6

В 1913 г. в Н. Карабахе (в современных границах) проживало 176 тыс. человек[4]. Резкое сокращение численности населения Н. Карабаха за 1913-1926 гг. (на 28,8%) происходило преимущественно за счет армян (погромы, миграция). Тем не менее по переписи 1926 г. более 89% жителей автономной области составляли армяне. Миграция армянского населения усиливается в послевоенные годы. Сопоставление данных переписей 1939 и 1959 гг. показывает, что Великая Отечественная война и ее последствия пагубно сказались на численности карабахских армян (за 20 лет их численность сократилась на 17,1%) и, наоборот, благоприятствовали росту азербайджанского населения (оно увеличилось на 27,7%). Напомню, что за 1940-1959 гг. «население страны в целом возросло на 7,6%, АзССР - на 13%, АрмССР - на 33,6%. Чем это объяснить? В годы войны были мобилизованы и отправлены на фронт 45 тыс. карабахцев, в т. ч. около 2 тыс. женщин - армянок[5]. Лишь 3% мобилизованных составляли азербайджанцы (при их 10% уд. весе в составе населения области). На фронтах погибло 22 тыс. воинов из Н. Карабаха. Потери армян НКАО на войне составляют более 15% их численности перед войной, что почти в 2 раза выше данных в среднем по стране. Более 15 тыс. карабахских воинов были награждены орденами и медалями, 21-стали Героями Советского Союза, из которых 20-армяне, а прославленный летчик Н. Степанян удостоился этого высокого звания дважды. Все

---

[1] *НКАО 50 лет в дружной советской семье (1923-1973), Степанакерт, 1973, с.4*

[2] *Там же, с. 11*

[3] *Там же, с. 33. Переписные данные 1979 г. приведены по: Народное хозяйство Азербайджанской ССР за 60 лет, юб. стат. сборник (далее - НХА за 60 лет). Баку, 1980, с. 350. В этом, а также в других официальных источниках и публикациях по НКАО коренной национальностью армянской автономной области стали называть азербайджанцев. Между тем в статистическом ежегоднике - Народное хозяйство Азерб. ССР в 1972 г. Баку, 1973 (далее - НХА в 1972 г.) - в списке национального состава населения НКАО на первом месте, в качестве коренной национальности, еще назывались армяне, затем азербайджанцы, русские и т. д.*

[4] *Здесь и далее все цифровые данные, охватывающие 50 лет (1923-1973 гг.) социально - экономического развития НКАО и ее районов, рассчитаны по: НКАО 50 лет в дружной советской семье*

[5] *«Вестник архивов Армении», 1985, № 1, с. 112*

закавказские маршалы и адмиралы (И. Х. Баграмян, А. Х. Бабаджанян, С. Ф. Худяков - Хамферянц, И. С. Исаков) являются выходцами из Н. Карабаха и прилегающих к нему армянских районов. Волей судьбы большинство вернувшихся с войны вынуждены были снова покинуть свои родные края, на этот раз в поисках работы. Кроме того, в 1949 г. принудительно были депортированы многие армянские семьи Н. Карабаха и других районов Азербайджана.

Из данных переписей населения видно, что миграция армянского населения из Н. Карабаха (и из Азербайджана в целом) принимает более интенсивный и необратимый характер с конца 60-х годов. Это был период, когда АзССР считалась «образцом» решения национального вопроса и НКАО была тому «ярким примером». Тем временем АзССР единственная в числе советских республик установила своеобразный рекорд: за 9 лет (между переписями 1970 и 1979 гг.) абсолютная численность национальных меньшинств здесь в целом сократилась на 1,7%, в т. ч. русских - на 6,8%, армян – на 1,7%, грузин – на 16,2%, украинцев – на 9,6%[1]. Численность азербайджанцев возросла на 24,7%, в т. ч. в Н. Карабахе - на 36,8%. В целом за 40 лет, между переписями 1939 и 1979 гг. число азербайджанцев в НКАО возросло в 2,6 раза, а армян сократилось на 7,3%. Доля других национальностей в НКАО, как видно из вышеприведенной таблицы, незначительна и также имеет тенденцию к уменьшению, главным образом за счет русских, число которых с 3,2 тыс. (1939 г.) сократилось до 1,3 тыс. (1979 г.).

Азербайджанская ССР была образована на территории, где сами азербайджанцы составляли чуть больше половины населения республики. По переписи 1921 г. их насчитывалось 994,1 тыс.[2], а 1979 г.-4708,8 тыс. чел., т. е. их численность возросла в 4,7 раза. За этот же период численность всех «других наций и народностей», проживающих в АзССР, возросла в целом только на 69%, вследствие чего их удельный вес с 44% снизился почти до 20%. За 20 лет (между переписями 1959 и 1979 гг.) численность населения республики возросла на 63%. в т. ч. Азербайджанцев - на 88,8%, остальных национальностей - на 9,5%, в т.ч. армян - на 7,5%, русское же население сократилось на 5,2%. В результате доля азербайджанцев в республике возросла почти на 11 процентов (с 67,5% до 78,2%). Такого крутого сдвига в сторону национальной однородности не наблюдалось ни в одной республике даже с еще более высоким уровнем рождаемости и значительным удельным весом национальных меньшинств. Так как указанная тенденция в АзССР усиливается и официально поощряется, то нетрудно предвидеть, что процесс окончательной консолидации одной нации в этой союзной республике завершится уже в начале XXI в. Для сравнения укажем, что за те же два десятилетия доля коренных национальностей в четырех среднеазиатских республиках (узбеков, киргизов, таджиков, туркменов) повысилась в целом на 7,5 процентов (с 56,8% до 64,4%). При этом численность этих национальностей увеличилась в 2,1 раза, а национальных меньшинств - на 58%, в т. ч. русских - на 47%. Почему за те же два десятилетия численность русских в АзССР сократилась более чем на 5%? Казалось, должно было быть наоборот: АзССР развивалась наиболее быстрыми темпами и 12 лет подряд (с 1971 г.) становилась победителем всесоюзного соц. соревнования. Совершенно очевидно, что все это не имеет ничего общего с присущими СССР закономерностями миграционных процессов. Наоборот, как отмечалось на XXVI съезде КПСС, за указанный период происходило нежелательное движение народов «с севера на юг и с востока на запад»[3].

АрмССР расположена на небольшой вулканической и гористой территории. Несмотря на огромный приток армян извне и несравненно высокую плотность населения, национальный состав АрмССР не претерпел значительных изменений. По переписи 1926 г. доля армян здесь

---

[1] Здесь и далее данные переписей населения 1959 и 1970 годов расчитаны по: Народное хозяйство СССР в 1970 г. (далее - НХСССР 1970 г.), М,, 1971, с. 18-20. Данные переписи населения 1979 г.: Народное хозяйство СССР 1922-1982 гг., М., 1982, с. 34-40

[2]Здесь и далее данные переписи населения 1921 г. приводятся по: Дж. Б. Гулиев, Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане, Баку, 1970, с. 573-574

[3] Материалы XXVI съезда КПСС, М., 1981, с. 54

составляла 84,6%[1], в 1959 г. - 88%, а в 1979 г. - 89,7%. Между переписями 1959 и 1979 гг. численность населения республики увеличилась на 72,3%, в т. ч. армян - на 75,6%, а национальных меньшинств - на 48%, азербайджанцев - на 49%, русских - на 25,6%, курдов - на 96,4%. За 20 лет (1959-1978 гг.) прирост армян в целом по стране составлял 48,9%, азербайджанцев - 86,3%, русских - 20,4%. За этот период одна треть прироста населения АрмССР-результат притока армян из соседних республик (400 тыс. чел.).

Характерна судьба курдского народа. По данным переписи 1926 г. численность курдского населения в АзССР составляла 41,2 тыс., а в АрмССР-15,2 тыс. человек. По переписи 1979 г. из 116 тыс. курдского населения СССР на долю АрмССР приходилось 44% (51 тыс. чел.), а в АзССР они фактически перестали существовать (по переписи 1970 г. еще числилось 5,5 тыс. курдов). Именно в АрмССР курдский народ поистине переживает период расцвета и возрождения, в то время как в АзССР был ликвидирован курдский национальный округ и был завершен процесс ассимиляции курдов. По переписи 1921 г. талыши, таты, курды, мугалы, персы составляли 266,7 тыс. человек или 15% всего населения АзССР. При таком соотношении их численность к началу 80-х гг. должна была достичь почти одного миллиона. Между тем все эти, а также другие малые национальности по переписи 1979 г. составляли всего 57,1 тыс. чел. (0,9%) и вошли в графу «другие национальности». За этот период (60 лет), по ориентировочным расчетам, «добровольно» превратились в азербайджанцев или «охотно» покинули пределы республики более 1,5 млн. чел.[2] Так в АзССР национальный вопрос был «решен полностью, решен окончательно и бесповоротно»[3].

В то время как идет интенсивный процесс азербайджанизации во всех районах и городах республики и с карты АзССР на глазах «исчезают» целые народы, которые и поныне здравствуют в других частях света, азербайджанские авторы выступают чуть ли не главными «теоретиками» по национальному вопросу, разглагольствуя об «интернационализации общественной жизни», «о явлениях естественной ассимиляции», многонациональном «чуде» и т. д.[4]. Одновременно создаются «серьезные» труды, в которых «доказывается» следующая мысль, осужденная еще XII съездом РКП (б): «Мы, дескать, азербайджанцы коренные, а они армяне - пришельцы», что в резолюции съезда квалифицировалось как «шовинизм азербайджанский (в Азербайджане), направленный против армян...»[5].

Единственным аргументом, которым апеллировали при включении Н. Карабаха в состав АзССР, было: «Экономическое тяготение Нагорного Карабаха к Азербайджану»[6]. И в течение всей истории автономной области азербайджанские правящие круги распространяли миф о том, что «армянский народ Нагорного Карабаха обрел свою государственность в составе Азербайджана и выбрал эту долю добровольно», что только АзССР могла создать наилучшие условия «социально-экономического подъема Нагорного Карабаха», ибо в основе создания автономной области лежали «соображения хозяйственной целесообразности»[7]. Для подтверждения карабахского «чуда» как «яркого образца торжества национальной политики» приводились астро-

---

[1] Здесь и далее национальный состав закавказских республик по переписи 1926 г. приведен из стат. сборника ЗСФСР в цифрах, Тифлис, 1929, с. 7

[2] Видимо не случайно, что границы АзССР начертаны строго по религиозному признаку. Так, К. Мамедов пишет: «этнически консолидирующиеся азербайджанцы», которых именовали «закавказскими татарами» или «тюрками», по переписи 1897 г. составляли 59,8% Северного Азербайджана. Другие «коренные народности»: дагестанцы, таты, талыши, курды-14,1%. «Почти четвертую часть (24,7%) населения Северного Азербайджана составляли представители некоренных национальностей», среди них армяне (18,5%), русские (5,1%), грузины (0,8%), украинцы (0,2%). (К. В. Мамедов, Демографическое развитие в Азербайджанской ССР, Баку, 1980, с. 160-161)

[3] С. Митра, А. Хабра. ***Мы видели братство наций*** *(«Проблемы мира и социализма», 1977, № 6, с. 17)*

[4] «Правда», 26. V. 1979; 7. VIII. 1981

[5] «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. I, М,, 1953, с. 714-715

[6] Центральный партархив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 13, д 384, л. 67

[7] «Проблемы мира и социализма», 1977, № 6, с. 14; «Советакан Карабах», 23 III. 1975 (на арм. яз.)

номические цифры о возросших темпах развития промышленности НКАО - за 50 лет в 369 раз. К 60-летию (1982 г.) эта цифра выросла до 914 раз[1].

Дело в том, что в начале 20-х годов Н. Карабах был разоренным краем. Третий по величине город в Закавказье - г. Шуши в марте 1920 г. стал жертвой чудовищного геноцида. В 1913 г. в Шушинском районе проживало 59 тыс., а в 1926 г.- 10 тыс. человек. В 1923 г. объем промышленной продукции области составил лишь 4% от уровня 1913 года. Это равносильно нулю. Поэтому в статистике за базу сравнения принимают довоенные периоды. За 60 лет (1913-1973 гг.) объем промышленной продукции возрос: в СССР - в 113 раз, в АзССР- в 40, в АрмССР- в 221, а в НКАО - только в 14,8 раза[2].

В 1913 г. население Н. Карабаха составляло 7,5% от всей численности населения Азербайджана (в пределах нынешних границ). Примерно таков был удельный вес промышленного производства (по ориентировочным расчетам-6,6%). В 1972 г. Н. Карабах выпускал уже 2,3% промышленной продукции АзССР, а доля промышленно- производственного персонала составляла 1,9%. Соответственно, уменьшилась и доля численности населения-до 2,9%. И это в краю долгожителей и высокой рождаемости.

За 1966-1980 гг. темпы промышленного развития НКАО ускорились, что объясняется следующими причинами.

Во-первых, застой в промышленном развитии НКАО длился до середины 60-х годов: в 1965 г. продукции выпускалось на 6% меньше по сравнению с 1960 г., что составляло лишь 1,3% всего объема промышленного производства республики. При этом часть предприятий и организаций области с «широким правом автономии» была вывезена или переподчинена другим городам и райцентрам АзССР. Трудящиеся области, доведенные до полного отчаяния неприкрытой политикой дискриминации, обратились в высшие партийные и законодательные органы страны с просьбой воссоединить область с АрмССР, в крайнем случае с РСФСР.

Во-вторых, высокие и опережающие темпы не отражают реальных сдвигов, а преимущественно связаны с валоемкими структурными изменениями. Экономический «бум» Азербайджана и особенно НКАО за последнее десятилетие в основном обусловлен специализацией в развитии виноградарства. В результате, по восходящей линии несколько раз повторяется пресловутый вал. Достаточно сказать, что 54% промышленной продукции области в 1970-1971 гг. приходилось на Карсовхозвинтрест, т. е. на первичную переработку винограда. Небольшой электротехнический завод, выпускающий электроосветительную аппаратуру, не имеет существенного удельного веса (в 1972 г.-11%). А ввод в эксплуатацию обувной фабрики не смягчил отток молодежи, не решил проблему трудоустройства, а лишь еще более усугубил однобокое развитие промышленности (легкая и пищевая).

В своем промышленном развитии Н. Карабах в 5-6 раз отстал от среднесоюзного уровня, если базой для сравнения взять годы 1913 или 1940. Почти такой же огромный разрыв наблюдается в уровне занятости в промышленности. Так, по переписи 1970 г. промышленность НКАО охватывала 10% трудоспособного населения области, против 24% в среднем по стране. Но с учетом того факта, что в НКАО численность населения не увеличилась, а в целом по стране она почти удвоилась, указанный разрыв следует по крайней мере удвоить. Численность населения двух городов области (Степанакерт и Шуши) по переписи 1970 г. составляла 39 тыс. человек, тогда как только в г. Шуши по календарю 1916 г. проживало 41,1 тыс. человек. Всею 6543 чел. составляло число промпроизводственного персонала в 1970 г. По сути дела - это один крупный завод. В течение полувека Н. Карабах оставался забытым краем, аграрным придатком Азербайджана.

---

[1] *Народное хозяйство АзССР в 1982 г., ст. ежег., Баку, 1983, с. 250*

[2] *Народное хозяйство СССР в 1975 г., ст. ежег., М., 1976, с. 198. Нагорный Карабах за 50 лет, ст. сбор., Степанакерт, 1974, с. 27*

Армянская молодежь Н. Карабаха имеет широкую научно-техническую ориентацию. Однако в области фактически отсутствуют отрасли, определяющие научно-технический прогресс. Нет учебных заведений с политехническим уклоном. О науке и научном обслуживании нечего и говорить. В 1975 г. в этой сфере работало всего 349 человек (0,8% всех рабочих и служащих)[1].

Доля НКАО в госкапиталовложениях республики была ничтожной: здесь в довоенный период было введено в строй только одно промышленное предприятие. А после войны, вплоть до 1965 г., было построено всего два предприятия. В 1940 г. капитальные вложения государственных и кооперативных предприятий и организаций составляли 0,4 млн. руб., против 145 млн. руб. по республике, т. е. менее 0,3%. В 50-е гг. эта доля составляла 0,6%, в т. ч. по централизованным средствам - 0,3%. В расчете на душу населения разрыв доходил до 12-14 раз, а исключая столицу (Баку) - 6 раз[2].

За 12 лет (1968-1979 гг.) госкапиталовложения в НКАО остались почти на одном и том же уровне (24-26 млн. руб. в год), тогда как в целом по республике они возросли в 2 раза и достигли в 1979 г. 1820. млн. руб.[3] При этом, не менее половины капиталовложений НКАО составляли средства, отпущенные на строительство Сарсангского водохранилища. Это водохранилище с 130-метровой насыпной плотиной и 560 млн. куб. м водоизмещением построено на реке Тертер (Мардакертскнй р-он). На долю Н. Карабаха приходится 1-2% орошаемых водохранилищем земель (130 тыс. га). Между тем огромные капиталовложения почти 10 лет (начиная с 1968 г.) числились за НКАО, что дало «основание» разглагольствовать о четырехкратном росте капитальных вложений в автономную область по сравнению с 1960 г.[4] Возьмем лишь 2 года (1971-1972 гг.). За это время общий объем капиталовложений составил 61 млн. руб., из коих 11 млн. руб. (18%) составляли средства колхозов, доля промышленного строительства- 7,5% (4,6 млн. руб.), жилищно-коммунального строительства - 9,4% (5,7 млн. руб.), просвещения и здравоохранения - 2% (1,2 млн. руб.). Остальные средства (почти 2/3) направлялись на финансирование «прочих отраслей», т. е. почти целиком на строительство того же водохранилища[5].

Н. Карабах занимает 5,1% общей территории АзССР, а его трудовые и природные возможности следует оценивать выше. Колхозы и совхозы НКАО в начале 70-х гг. выпускали примерно 6% сельскохозяйственной продукции общественного сектора республики. Каждый труженик области заготовлял в общественном секторе в 3 раза больше мяса, чем в районах республики, и в 5 раз больше, чем в Нахичеванской АССР, тогда как в 1940г. «нагрузка» была почти одинаковой. Примерно такова же разница в заготовке молока[6].

Всевозрастающий плановый пресс в условиях резкого уменьшения трудоспособного сельского населения, отсутствие механизации и нерентабельность ведения животноводства давили на колхозы и привели к опустошению особенно горных деревень Карабаха.

Монокультура (виноград) вытеснила многие традиционные виды с/х культур. Так, посевные площади зерновых и картофеля в 1975 г. сократились более чем в 2 раза (по сравнению с 1940 г.)[7]. Резко сократились площадь насаждений и валовый сбор шах-туты. Между тем тутоводство имело весомый удельный вес «в общих денежных и натуральных доходах колхозов»[8].

Нагорный Карабах богат природными ресурсами - полезными ископаемыми, плодородными землями, лесами, реками и т. д. Однако все это богатство оставалось вне компетенции автономной области, использовалось хищнически (особенно леса) со стороны планирующих и хозяйственных

---

[1] *Достижения Нагорного Карабаха в девятой пятилетке, Степанакерт, 1976, с. 97*
[2] *Данные о капитальных вложениях приведены по: Капитальное строительство в АзССР, ст. сб., Баку, 1973*
[3] *НХА за 60 лет, с. 183, 357*
[4] *«Советакан Карабах», 23-24. III. 1975*
[5] *Структура капиталовложений НКАО за 1160-1972 гг., приведена по: НКАО 50 лет в дружной советской семье, с. 117*
[6] *Данные рассчитаны по: НХА в 1972 г.; Нагорный Карабах за 50 лет; Достижения Нагорного Карабаха в девятой пятилетке*
[7] *Достижения Нагорного Карабаха в девятой пятилетке, с. 38, 41*
[8] *НКАО 50 лет в дружной советской семье, с. 89-91*

органов Азербайджана. Все это поставило НКАО в крайне затруднительное положение и способствовало массовой миграции коренного населения.

За 1926-1980 гг. в НКАО «исчезли» 85 сельских населенных пунктов (27%). На 1 января 1980 г. в 206 селах области проживали 90,2 тыс. чел.[1] На каждое из них приходилось в среднем 438 человек. На этом фоне выделяются два крупных хозяйства (колхоз в селе Чартар и совхоз в райцентре Мардакерт), которые широко рекламировались как эталон благополучия жителей НКАО. Но даже в них люди живут в нужде. Они не могут за счет миллионных доходов решить проблему водоснабжения, благоустройства, пользоваться благами, которые сами же производят. Так, Мардакерт считается поселком городского типа. Валовая продукция Мардакертского совхоза ежегодно достигала почти 30 млн. руб. (в том числе чистая прибыль -7 млн.). Но этот крупный райцентр ждет своей «очереди» получения природного газа в 90-х гг. В то же время соседние азербайджанские районы (Агдамский, Мирбаширский) уже много лет пользуются природным газом. В составе АрмССР нет такого сельского района, который сравнился бы с Мардакертским районом по территории, природно - климатическим условиям и экономической мощи. В 1980 г. здесь было собрано более 70 тыс. тонн винограда, что составило почти 1/3 производства винограда АрмССР. На каждого жителя приходится почти две тонны выращенного винограда. Однако тяжелейшие социальные условия вынуждают людей покидать этот действительно богатый район. Даже в трудный довоенный период значительно увеличилось число его населения (1913 г.-26 тыс., 1926 г.-32 тыс., 1939 г.-41 тыс. чел.). По переписи 1970 г., т. е. спустя 30 лет, численность населения района увеличилась всего на 3 тыс. человек, а за 70-е гг. - только на 600 человек. При этом имело место абсолютное сокращение армянского населения. Число азербайджанцев непрерывно росло (особенно за семидесятые годы), достигнув 7053 чел. (15,8%)[2].

В Н. Карабахе «умирают» не только села, но и целые районы. Так, численность населения Гадрутского района в 1913 г. составляла 33 тыс. чел., до войны-27 тыс., а в 1970 г. - 16 тыс. чел. Сравним два одноименных района (Мартуни). По переписи 1926 г. в Мартунинском районе НКАО проживало 29 тыс., а в Мартунинском районе Севанского бассейна АрмССР-27 тыс. человек. По переписи 1970 г. соответственно - 26 тыс. и 62 тыс. человек. В районе, о котором «неустанно» заботятся в АзССР, численность населения сократилась на 10%, а в районе АрмССР, наоборот, число жителей возросло в 2,3 раза. При этом Севанский Мартуни расположен на высоте 2-3 км. над уровнем моря, зима здесь длится почти полгода, к тому же посевных площадей меньше.

Не лучше условия жизни и в областном центре - Степанакерте. Здесь, как и в других населенных пунктах, обеспеченность продуктами почти всецело предоставлена стихии «колхозного» рынка, где преимущественно торгуют азербайджанцы из соседних районов. Среднемесячная заработная плата 42,5 тыс. рабочих и служащих по народному хозяйству области в 1975 г. составляла 109 руб., что в 1,5 раза ниже, чем в среднем по стране. В области высок удельный вес людей пенсионного возраста. В начале 1976 г. здесь насчитывалось 29,4 тыс. пенсионеров, в т. ч. пенсионеры - колхозники составляли 47,5% (по стране-26,2%). На 10 тыс. человек приходилось 19,5 врачей (по стране 32,7)[3]. При этом в сельской местности на 4-5 тыс. чел. приходился лишь один врач (1972):

Трудоспособное население НКАО почти целиком занято в общественном производстве, в то время, как в сельских районах АзССР большой удельный вес составляет население, занятое в личном высокодоходном подсобном хозяйстве. Карабахский армянин редко выступает в роли продавца, ему и некогда заниматься торговлей, да и нечем торговать, так как во многих селах нет

---

[1] *Там же, с. 31. НКАО в цифрах 1976-1980 гг., Степанакерт, 1980, с. 3*

[2] *НКАО 50 лет в дружной советской семье, с. 32; Мардакертский район в цифрах 1976-1980 гг., Мардакерт, 1980*

[3] *Достижения Нагорного Карабаха в девятой пятилетке, с. 95, 99, 117, 118. Данные по СССР и АзССР имеются в соответствующих стат. ежегодниках*

воды для полива садов. Ценой лишений, преодолевая неимоверные трудности в приобретении стройматериалов, с помощью родственников, проживающих главным образом в АрмССР, многие семьи построили собственные дома. По ориентировочным расчетам, примерно 80% жителей НКАО живут в собственных домах, лишенных элементарных коммунальных удобств (природного газа, водопровода и т. д.). К тому же многие дома покинуты или в них остались одни старики. Это создает иллюзию высокой обеспеченности населения жильем. За четыре пятилетки (1956-1975 гг.) доля общей площади жилищ, построенных в НКАО государственными организациями и кооперативами, составляла 25,6% против 63,3% по стране и 50% в АзССР.

Факторы экономического давления хотя и являются определяющими, оказались недостаточными для форсированного изменения национального состава НКАО. Дело в том, что до 70-х гг. механический рост азербайджанского населения Н. Карабаха за счет соседних районов происходил как бы стихийно. Но такой путь азербайджанизации армянской автономной области оценивался как «длительный» и «неэффективный». Поэтому руководство республики решило окончательно лишить коренное население области духовной пищи. Настал зловещий наступательный период антиармянской политики, характеризующийся открытым вмешательством в вопросы духовной и культурной жизни армян, оскорблением национального достоинства, грубой фальсификацией истории. Был созван мартовский (1975 г.) Пленум обкома партии, на котором в искаженном свете были представлены история образования автономной области и процесс ее социально - экономического развития. Это был беспрецедентный антиконституционный акт, проникнутый духом антиармянской демагогии[1]. Решение Пленума гласило о еще большем выдвижении «представителей всех национальностей» (читай - азербайджанцев) на ответственные посты области. Такое постановление следовало бы принять в отношении всей республики, где на ответственных постах армян осталось меньше, чем даже при мусаватистском правительстве. В Баку, где по переписи 1970 г. проживало 207 тыс. армян (16%), был закрыт армянский театр, институт (АПИ), не осталось ни одного национального культурного центра, школ, чинились всяческие препятствия при поступлении в вузы, на работу, при получении жилья, продвижении по службе и т. д.

До Великой Октябрьской революции 55% населения и 2/3 пролетариата Баку составляли русские и армяне, главным образом выходцы из Карабаха. Они сыграли решающую роль в революционном движении и установлении Советской власти в Азербайджане. Достаточно сказать, что из 26 комиссаров лишь двое - азербайджанцы, а большинство - армяне и русские. Из рядов армян Н. Карабаха вышли десятки революционеров, видных государственных деятелей и ученых с мировым именем. И армяне, и русские внесли огромный вклад в развитие экономики, науки и культуры республики. А теперь они оказались «лишними». Видимо, не случайно официальные лица говорят, что «в Азербайджане решена проблема национальных кадров». При этом она решена «с помощью русского народа», который «поставил нас на ноги - потом мы научились ходить самостоятельно»[2].

По переписи 1970 г. в АзССР 71,5% армян проживали в городских поселениях, в т. ч. 42,7% - в Баку. Стало быть, массовую миграцию армян, а также русских, нельзя объяснить, скажем, различием в условиях жизни города и деревни, тем более природно - климатическими условиями. Определяющим фактором односторонних миграционных потоков являются аномалии национальных отношений.

После вышеупомянутого Пленума резко изменился национальный состав НКАО, особенно его административного центра - Степанакерта. Здесь открылся педагогический институт, который

---

[1] *«Советакан Карабах», 23-24. III. 1975. Достаточно сказать, что уже изданный юбилейный статистический сборник - НКАО 50 лет в дружной советской семье был изъят и сожжен за то, что в нем на 7-8 страницах описывалась многовековая борьба карабахцев за свою независимость, перечислялись армянские архитектурные и археологические памятники на его территории. Так было положено начало «культурной революции» в Нагорном Карабахе*

[2] *«Проблемы мира и социализма», 1977, № 6, с. 15, 16*

постепенно стал азербайджанским, ибо численность учащихся в армянских школах продолжала неуклонно снижаться. В правоохранительные, хозяйственные органы принимались преимущественно азербайджанцы. В армянских населенных пунктах в качестве специалистов стали работать азербайджанские кадры, назначенные из Баку. Было наложено «вето» даже на прием радиопередач из г. Еревана. Культурно - духовная связь с АрмССР фактически была прервана.

За последние годы указанные негативные процессы в Нагорном Карабахе еще более усугубились и в условиях гласности и демократизации привели к открытому и всеобщему протесту армянского населения НКАО. Однако и теперь, когда весь мир стал свидетелем массовых провокаций и кровавого сумгаитского погрома, упорно повторяется уже набившая оскомину басня «о ярком примере» и «монолитной дружбе», о превращении Н. Карабаха «в один из высокоразвитых регионов республики с современной индустрией, передовым сельским хозяйством, современной социальной инфраструктурой»[1]. С целью обоснования готовой оценки на полутора страницах республиканской газеты, в частности, приводятся такие данные.

За последние 16 лет (1971-1986 гг.) объем промышленной продукции в НКАО возрос в 3,23 раза, а в целом по республике - в 3 раза. В Н. Карабахе «создана многоотраслевая структура промышленности», в т. ч. «ряд предприятий машиностроения». «За последние три пятилетки в области вступили в строй 15 новых промышленных предприятий и производственных мощностей», а капиталовложений за это время было «в 2,8 раза больше, чем за предыдущее пятнадцатилетие». «За истекшие годы в области транспорт и средства в связи развивались динамично»... «В НКАО душевое потребление услуг выше, чем в среднем по республике». Например, как явствует из приведенной в газете таблицы, число массовых библиотек, клубов, киноустановок в расчете на душу населения в НКАО в 3-4 раза выше, чем в среднем по СССР, АзССР и АрмССР. Здесь почти все школьники обучаются в первой смене. «Охват детей дошкольными учреждениями составляет 35%, что в 1,8 раза больше, чем в целом по АзССР». Разумеется, экономические связи переплелись только с районами АзССР[2].

Газета «Известия» подтверждает, что в «основе этих выводов - точные даннные. По обеспеченности, скажем, жильем НКАО в 1,4 раза опережает средние показатели в остальном Азербайджане. Есть и другие показатели, по которым в области положение лучше, чем в обеих союзных республиках». Но в таком случае зачем понадобилось дополнительно разрабатывать программу социально-экономического развития? Чтобы создать еще больше преимуществ? - спрашивает корреспондент. Ответ примерно таков: упущения исправить, а преимущества развивать[3].

Как видим, эти «преимущества» были уже однажды созданы за 50 лет развития автономной области. Еще в 70-х годах утверждаюсь, что «каждое карабахское село - это небольшой нарядный город-сад. Как правило, у каждой семьи - двухэтажный белокаменный коттедж на четыре-шесть комнат... В каждом селе - Дом и Дворец культуры, клуб, кинотеатр, школа, магазин, автоматическая телефонная станция»[4]. «Дороги здесь не хуже европейских»[5]. По многим показателям, в т.ч. «по числу врачей на каждую тысячу жителей Н. Карабах давно обогнал высокоразвитые капиталистические страны»[6].

Спустя 10-15 лет «многие ученые» Азербайджана приводят другие «точные данные», из которых следует, что именно за последние три пятилетки были обеспечены «опережающее развитие» и «преимущества» автономной области. Наконец, уже в период перестройки

---

[1] *«Бакинский рабочий», 11. III. 1983*
[2] *Там же*
[3] *«Известия», 25. III. 1988*
[4] *Там же, 28. IX. 1979*
[5] *«Советский воин», 1976, № 12*
[6] Б. Кеворков, ***В семье единой,*** *Баку, 1978, с. 82*

выделяются дополнительные средства (порядка 400 млн. руб.), чтобы в Н. Карабахе в третий раз создать настоящий «рай» со «сверхсовременной» индустрией и социальной инфраструктурой.

Статистика фиксирует лишь цифры, если даже они абсурдны. Ее просто могут и не интересовать элементарная логика и здравый смысл. И, как уже было показано, оторванные от целого цифры и фактики в руках «многих ученых» становятся, по меткому выражению В. И. Ленина, «только игрушкой или кое-чем похуже»[1]. В. И. Ленин такой подход характеризует как «субъективную» стряпню для оправдания, может быть, грязного дела»[2]. Достаточно сказать, что во всех публикациях не приводится ни одной цифры о демографической ситуации области, о росте и миграции населения, т. е. о самом человеке и особенностях его материальных и духовных потребностей. Так, в НКАО за 1940-1986 гг. численность учащихся сократилась на 17,4%, между тем как в АзССР (без НКАО) она возросла в 2,1 раза, в т. ч. в НахАССР в 2 раза (АрмССР-1,8 раза)[3].

Огромная разница в демографической ситуации предопределяет соответствующее перераспределение материальных и денежных средств между отдельными регионами страны. Так, НКАО всегда давала государству значительно больше промышленной и сельхозпродукции, чем НахАССР. Между тем доля НКАО в государственных капиталовложениях республики всегда была меньше, чем доля НахАССР (за XI пятилетку - соответственно 1,4% и 3,4%). Постепенно изменилось и соотношение численности населения двух автономных образований: 1923/24 гг.-1,8:1, 1987 г.-1:1,5м[4].

Совершенно очевидно, что ни одна республика не в состоянии самостоятельно обеспечить внутренние экономические и социально-культурные потребности, вытекающие из демографического «взрыва». Так, в начале 70-х годов АзССР в расчете на душу населения производила почти в 2 раза меньше национального дохода, промышленной и сельхозпродукции, чем в среднем по стране. К этому периоду республика располагала 10% орошаемых земель страны и выпускала 1-1,1% сельхозпродукции или почти в 2 раза меньше, чем МССР, хотя и имела больше трудовых и земельных ресурсов[5]. И вот в условиях хронического кризиса в сельском хозяйстве страны, крайнего отставания общественного животноводства, жилищного и культурного строительства, в АзССР ее обширные орошаемые земли превратились в сплошную плантацию по выращиванию технического винограда. При этом с расчетом на реализацию за пределы республики. С какой целью? За 1966 -1980 гг. в АзССР более чем в 10 раз возросла винодельческая продукция. Производство винограда составляло (тыс. тонн): 1965 г.-158, 1970 г.-352, 1984 г.-2126, т. е. возросло в 13,5 раза[6].

По милости нашей статистики «высокие» темпы экономического роста страны за 1971-1985 гг. обеспечивались в значительной мере за счет той же виноградной гипертрофии. Экономические показатели АзССР, в том числе НКАО, еще больше раздувались из-за того же алкогольного «бума». Так, производительность труда в сельском хозяйстве в целом по стране за 1971 -1981 гг. возросла на 21%, а по республикам тот же показатель колеблется от - 2% (ТССР) до +83% АзССР[7]. Но мы получили бы обратную картину, если Туркмения встала бы на путь специализации по виноградарству. И как только началось свертывание виноградарства, тот же показатель производительности труда оказался наихудшим для АзССР, где в 1986 г. сельский

---

[1] В. Ленин, ***ПСС,*** *т. 30, с. 350*

[2] *Там же, с. 351*

[3] *Народное хозяйство АзССР к 70-летию Великого Октября (далее-НХА к 70- летию...), Баку, 1987, с. 195, 268, 281; Народное хозяйство АрмССР, юб. ст. ежегод. к 70-летию Великого Октября, Ереван, 1987, с. 267*

[4] *НХА к 70-летию, с. 257, 266, 270, 279*

[5] *Данные рассчитаны по тем же стат. ежегодникам СССР и АзССР (1972-1975)*

[6] *Народное хозяйство АзССР в 1985 г. (далее - НХА в 1985 г.), Баку, 1986, с. 73*

[7] *Народное хозяйство СССР, 1922-1982, М,, 1982, с. 311. Даже после такого «скачка» производительность труда в сельском хозяйстве АзССР в начале 80-х гг. почти в 2 раза отставала от соответствующего показателя Нечерноземной зоны РСФСР («Народное хозяйство РСФСР в 1982 г.», М., 1983, с. 126)*

труженик выпускал уже на 6% меньше сельхозпродукции, чем в среднем за 1981-1985 гг., тогда как в целом по стране - больше на 16%[1].

Мы теперь признаем «застой в экономике нашей страны за последние полтора десятилетия»[2]. Но, оказывается, в АзССР, тем более в НКАО никакого застоя не было. Вот некоторые статистические данные. С конца 60-х годов до начала 80-х годов, когда республикой руководил Г. Алиев, урожайность хлопка возросла в 2 раза, винограда в 2,5 раза и т. д.[3] Теперь все перевернулось: за 1971-1981 гг. среднегодовые темпы прироста сельхозпродукции в АзССР составили 7,5%, а за 1982-1986 гг. производство сельского хозяйства республики осталось почти на одном и том же уровне[4]. Таковы некоторые парадоксы статистики: чем хуже в жизни, тем лучше в цифрах. Особенно для АзССР периода застоя, «когда в республике и области процветали обман, приписки, очковтирательство»[5]. К этому «чудотворному» периоду относится трехкратный рост объема промышленного производства НКАО, о котором говорится также в мартовском постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР об ускорении социально-экономического развития НКАО за 1988-1995 гг. Заметим, что этот рост был достигнут не за три пятилетки, как указывается в постановлении, а за 12 лет. За последние пять лет все уже стало на свои места. Так, среднегодовые темпы промышленного развития НКАО за 1971-1982 гг. составили 9,3%, а за 1983-1987 гг.-2,8%[6]. И список «многоотраслевой структуры промышленности» представлен почти теми же несколькими предприятиями, что и в начале 70-х гг. За последние 12 лет (1976-1987 гг.) промышленно-производственный персонал увеличился всего на 11,2% (на 958 чел.). При этом 87,4% (8289) этого персонала сосредоточено в г. Степанакерте. Массовый снос виноградных садов (технических) особенно пагубно сказался на сельском хозяйстве НКАО, где благосостояние армянского сельского населения в основном зависело от общественного виноградарства. Сейчас предстоит восстановить разрушенную структуру экономики.

Теперь и «Правда» констатирует «серьезные нарушения при подборе и расстановке кадров», «лакированное отражение» повседневной жизни, полной «трудностей и забот». Проблемы разрастались «как снежный ком», ухудшались дела в промышленности и капитальном строительстве, что «сдерживало развитие социальной сферы» и т. д. Но, оказывается, главной причиной всех «неурядиц» в Н. Карабахе является не «дальновидная» алиевская политика, а всего лишь Б. Кеворков, который, оправдываясь перед Пленумом ЦК КП Азербайджана (май 1988 г.), читал, как «в прежние времена, гладкие тексты об успехах и достижениях области за почти пятнадцатилетний срок своего пребывания на высоком посту»[7]. А ведь он повторял те же «точные данные», которые так широко рекламировались всеми средствами массовой информации в течение тех же пятнадцати лет.

Итак, АзССР, в силу ряда объективных и субъективных причин, не могла обеспечить не только культурный и национальный расцвет армянского населения, но и экономическое развитие Н. Карабаха и других армянских районов, оставшихся в пределах этой республики. Стало быть, и показатели по АзССР не могут служить критерием для оценки темпов и уровня экономического развития, тем более условий жизни населения Н. Карабаха. Армянское население Карабаха и других районов имеет иной численный и возрастной состав, свои национальные особенности в производстве и потреблении материальных и духовных благ, иную производительность общественного труда.

Следует сказать, что уровень индустриального развития и жизни населения НКАО ниже по сравнению с любым экономическим районом АрмССР. Даже по примеру Зангезура, где

---

[1] *Народное хозяйство СССР за 70 лет, М,, 1987, с. 312*
[2] *«Аргументы и факты», 1986, № 43*
[3] *НХА в 1985, с. 98*
[4] *НХА к 70-летию..., с. 79-80*
[5] *«Советакан Карабах», 17. III. 1988*
[6] *НХА к 70-летию..., с. 271*
[7] *«Правда», 2. IV. 1988*

происходила интенсивная миграция населения, в Н. Карабахе численность армян теперь должна была приблизиться уже к 300 тыс. человек.

Достаточно сравнить благосостояние и условия жизни азербайджанских семей приграничных районов, скажем, Араратской долины и Нахичеванской АССР для доказательства того факта, что в АрмССР не прибегали к «гибким» формам их вытеснения, не говоря уже о таких принятых в Азербайджане варварских методах, как закрытие школ, театров, вузов, организация эксцессов и погромов, глумление над памятниками погибшим воинам Отечественной войны, превращение национально-культурных ценностей в стройматериалы.

В той же НахАССР все армянские села вымерли, и по переписи 1979 г. здесь осталось лишь 3,4 тыс. армян (1,4%). Нахичеванский «эксперимент», как видим, успешно переносился на Н. Карабах и другие армянские районы, оставшиеся в пределах АзССР. Его завершению помешала перестройка.

Пример Н. Карабаха (да и вся мировая практика) подтверждает верность ленинской мысли о том, что в решении национального вопроса «экономизм» непригоден, ибо экономический и культурный расцвет невозможен без расцвета национального. Это прежде всего выразилось в исключительном прецеденте: в абсолютном и относительном сокращении численности именно той национальности, ради которой и была создана область «с широким правом автономии». Сам по себе этот факт является более чем достаточным для того, чтобы оспорить автономизацию части нации, имеющей рядом свою подлинную государственность. Поэтому не случайно основной аргумент в пользу включения Н. Карабаха и других армянских районов в состав АзССР за прошедшие десятилетия превратился в свою противоположность. За годы Советской власти центром тяготения, экономического, культурного и интеллектуального развития армян, оставшихся вне пределов Армении, стал Ереван. АрмССР вынужденно приютила у себя больше армян, чем их осталось в НКАО и других районах и городах АзССР, дала им работу, жилье, образование, специальность и перспективу роста.

Следует также учесть, что односторонние, нежелательные миграционные потоки, обусловленные обострением межнациональных отношений, привели к углублению несоответствия между потребностями и ресурсами в Закавказском экономическом регионе. В этом отношении в крайне невыгодном и безвыходном положении оказалась АрмССР, являющаяся неразрывным звеном единого народнохозяйственного комплекса Закавказья.

Судьба Н. Карабаха всецело обусловлена последовательной демократизацией советского общественного строя. «ЦК КПСС считает,- говорится в Тезисах ЦК КПСС XIX Всесоюзной партийной конференции - что проблемы, возникающие в межнациональных отношениях, должны решаться на подлинно демократической основе, в русле перестройки»[1].

[1] *«Правда», 27. V. 1988*

А. Марутян, Г. Саркисян, З. Харатян

К ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ АРЦАХА

Начало этнографического изучения основных историко-культурных областей Армении было положено еще во второй половине XIX в. известным армянским этнографом Е. Лалаяном, охватившим в своих публикациях практически все этнографические районы Армении и сопредельных областей, населенных армянами[1]. Недавно вышел в свет второй том трудов Е. Лалаяна под общим заглавием «Арцах», куда вошли описания материальной и духовной культуры армянского населения двух районов - Варанды и Гандзака.

В 1920-х гг. в НКАО собирал этнографический материал Ст. Лисицян, труд которого - «Армяне Нагорного Карабаха»[2] - увидел свет лишь в 1981 г. Следует упомянуть и брошюру И. Петрушевского[3], отражающую некоторые стороны дохристианских верований и культов, наблюдавшихся среди населения края вплоть до 1930 г. В 1960-х гг. в ряде районов[4] НКАО работала этнографическая экспедиция (научный руководитель - Д. С. Вардумян) Института археологии и этнографии АН АрмССР[5], а в 1970-1980-х гг. - армянский отряд Института этнографии АН СССР под руководством А. Е. Тер-Саркисянц[6]. В последнее время исследование традиционного общественного быта армян Нагорного Карабаха проводилось аспирантом Института этнографии АН СССР (ныне директор Гадрутского краеведческого музея) А. А. Мкртчяном[7]. Отдельные стороны традиционно-бытовой культуры армян НКАО представлены также в ряде работ по этнографии Азербайджана[8].

Настоящая статья, составленная на основе архивных и литературных источников, а также материалов экспедиций Института археологии и этнографии АН АрмССР, ставит своей целью обрисовать общую этнокультурную картину армянского населения части исторического Арцаха - Нагорного Карабаха[9].

Население Арцаха (как и другой северо-восточной провинции исторической Армении - Утика[10]) было армянским с эпохи образования древнего армянского этноса. Антропологически

---

[1] *См.: тт 1-26 журнала Ազգագրական հանդես (Этнографический журнал), первый том которого вышел в Шуши в 1896 г., а остальные 25 томов в Тифлисе с 1897 по 1916гг.*

[2] Ստ. Լիսիցյան, ***Լեռնային Դարաբաղի հայերը, ազգագրական ակնարկ*** *(Հայ ազգագրություն և բանահյուսություն, պր. 12, Երևան, 1981) Работа первоначально была написана на русском языке*

[3] И. Петрушевский, ***О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха.*** *Баку, 1930*

[4] *В настоящее время Нагорно-Карабахская автономная область включает пять районов-Гадрутский, Мартунинский, Аскеранский, Мартакертский, Шушинский. Территория-4,4 тыс. км²*

[5] *Материалы экспедиций хранятся в архиве отдела этнографии Института археологии и этнографии АН АрмССР (далее- АОЭ ИАЭ)*

[6] *Ее работы в основном посвящены современным этнокультурным процессам, в частности проблемам современной семьи у армян. См.: А. Е. Тер-Саркисянц, Современная семья у армян Нагорного Карабаха [Кавказский этнографический сборник (далее - КЭС), т. 6, М., 1976], Новое и традиционное в современном быту армян Нагорного Карабаха [Полевые исследования Института этнографии (далее ПИИЭ), 1975, М., 1977]; Динамика уровня образования армян Нагорного Карабаха (ПИИЭ, 1976, М., 1978); Современные этнические процессы у армян Нагорного Карабаха (в сб.: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе, М., 1978); Некоторые тенденции этнокультурного развития армян Нагорного Карабаха (ՀՍՍՀ ԳԱ Լրաբեր հասարակական գիտությունների, 1988, № 8)*

[7] А. Мкртчян, Межэтнические контакты в Нагорном Карабахе *(вторая половина XIX - начало XX в. (Межэтнические контакты и развитие национальных культур. Сборник статей, М., 1985, с. 54-62); его же, Сельское поселение в системе общественного быта армян Нагорного Карабаха (по материалам XIX - начала XX в.) [Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 24035 от 6.02.86 (Новая советская литература по общественным наукам. История: Археология. Этнография М., 1986, № 8)]*

[8] *См., например:* А. Измайлова, ***К вопросу о карадамах на территории АзССР в XIX - начале XX в.*** *(Азербайджанский этнографический сборник, вып. I, Баку, 1964); Е. Н. Бабаян, Азербайджанская народная одежда конца XIX-начала XX вв. (по материалам карабахской зоны), автореф. канд. дис., М., 1967; ее же, О социалистических преобразованиях в быту и культуре колхозного крестьянства Нагорного Карабаха (Материалы по истории Азербайджана. Труды музея истории Азербайджана, т. 8, Баку, 1973, с. 141-153)*

[9] *О времени возникновения ойконима «Карабах» см.: Нагорный Карабах. Историческая справка, Ереван, 1988, с. 8*

[10] Д. Вардумян, ***Характеристика основных этнографических районов Армении в XIX в.,*** *М., 1964, с. 1. Здесь же см. о других историко-культурных областях Армении: Барцр Айк, Ахдзник, Туруберан, Васпуракан, Вайоц дзор, Айрарат, Гехаркуник, Ширак, Лори, Тавуш и др.*

армяне Карабаха относятся к арменоидному типу и, по мнению известного советского антрополога В. В. Бунака, представляют собой один из наиболее ярко выраженных в этом типе[1].

Согласно сообщению Страбона, уже в I в. до. н. э. население Армении вплоть до р. Куры было одноязычным[2]. В числе других окраинных диалектов армянского языка арцахский (впоследствии карабахский) впервые упоминается в «Грамматике» автора VIII в. Степаноса Сюнеци. Как по охвату территории, так и по численности носителей карабахский диалект занимает первое место среди более пятидесяти диалектов армянского языка[3]. Согласно морфологической классификации армянских диалектов, карабахский относится к ветви um - «ум» и занимает среднее положение между араратским, джугинским, шемахинским диалектами, с одной стороны, и агулисским и мегринским - с другой, иными словами, языковая локализация соответствует географической. Лексика и грамматические формы карабахского диалекта сохраняют как много черт, характерных для общеиндоевропейского периода, так и содержат многочисленные формы древнеармянского литературного языка - грабара. В настоящее время этот диалект функционирует в НКАО и прилегающих районах АзССР, в Баку, а также среди армян-переселенцев из Нагорного Карабаха, ныне проживающих в Армении, на Северном Кавказе, в Средней Азии и других регионах нашей страны[4].

Нашествия арабов (VII в.), тюрок-сельджуков (XI в.) и татаро - монголов (XIII в.), нанесшие значительный урон экономике и социально-политической жизни края, не затронули этно-языкового (на территории Нагорного Карабаха не обнаружено пока иных, кроме армянских» надписей, датируемых периодом от V до XVII вв.[5]) и конфессионального облика коренных жителей Арцаха - армян.

Лишь с конца XIV в., в связи с появлением здесь туркменских кочевых племен (ак-коюнлу и кара-коюнлу), в степных и полустепных и ранее негустонаселенных районах Арцаха постепенно распространяется скотоводческо-кочевой уклад на тюркоязычной и иноэтничной основе. Скотоводы, разводившие в основном мелкий рогатый скот, стали использовать альпийские пастбища Карабаха, тем самым ознаменовав проникновение и в горные области края[6]. В итоге бурных этнических передвижений в Закавказье тюркоязычных кочевых племен[7], известных в дореволюционной литературе под общим названием «татары» или «кавказские татары», а впоследствии и курдов, срединная горная часть Арцаха, уже к XVIII в. опоясанная в основном иноэтничным и иноконфессиональным кольцом, представляет собой как бы остров армянской культуры[8]. В течение всего XIX-начала XX века население Карабаха (в пределах границ НКАО), представляло картину, обрисованную в приводимой ниже таблице.

Приведенные в таблице[9] данные показывают, что основное население Карабаха (в пределах НКАО) в течение всего XIX-начала XX в.

---

[1] В. Бунак, ***Антропологический состав населения Кавказа*** *(Вестник Государственного музея Грузии, т. XIIIA, 1946, с. 94)*

[2] *Страбон, XI, 4*

[3] *Подробнее СМ., например:* Հ. Ամառյան, ***Քննություն Ղարաբաղի բարբառի,*** *Վաղարշապատ, 1801,* Ա. Ղարիբյան, ***Հայ բարբառագիտություն,*** *Երևան, 1953,* Կ. Դավթյան, ***Լեռնային Ղարաբաղի բարբառային բառտեզը,*** *Երևան, 1966,* Գ. Ջահուկյան, ***Հայ բարբառագիտության ներածություն,*** *Երևան, 1972*

[4] *Сведения по карабахскому диалекту любезно предоставил нам языковед-диалектолог А. Е. Хачатрян*

[5] *См., например:* М. Нейматова, ***Мемориальные памятники Азербайджана,*** *Баку, 1981. Ср.: Нагорный Карабах..., с. 18*

[6] *О более позднем (в начале XVIII в.) проникновении сюда кочевников см.: А. К. Алекперов, Исследования по археологии и этнографии Азербайджана, Баку, 1960, с. 139*

[7] *Подробнее об этом см.:* М. Карапетян. ***Динамика расселения тюркоязычных племен в восточной части Армянского нагорья (конец XVI-начало XIX в.)*** *(в сб.: Взаимосвязь социальных и этнических факторов в современной и традиционной культуре, М., 1983, с. 207-216)*

[8] *О густоте армянского населения свидетельствуют документы, приведенные в указанной брошюре - Нагорный Карабах.,., с. 17-18*

[9] *Таблица составлена научным сотрудником Института археологии и этнографии АН АрмССР, к. и. н. Г. Г. Саркисяном на основе следующих источников: за 1823 г. Центральный государственный исторический архив АрмССР (далее - ЦГИА АрмССР, ф. 93, оп. 1, д. 163 (Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 г. действительным статским советником Могилевским и полковником Ермоловым 2-ым, Тифлис, 1866, 260 листов); за 1832-33 гг.- ЦГИА АрмССР, ф. 93, оп. 1, д. 50, 51; за 1850 г. - Кавказский календарь на 1852 г., Тифлис, 1851, с. 430-433 и Кавказский календарь на 1856 г., Тифлис, 1855, с. 358-359, 376-441; за 1873 г. -Сборник сведений о Кавказе, т. VII, Тифлис, 1880, с. XXII-XXV; за 1886 г.- Свод статистических данных о*

Этнический состав и динамика численности населения Карабахской провинции
(в пределах границ НКАО) в XIX-начале XX века

Годы	Провинция, город	Армяне	в %	Татары	в %	Русские	в %	Курды	в %	Прочие	в %	Всего	в %
	Сельск. нас.	27500	97,5	700	2,5	-	-	-	-	-	-	28200	77,4
1823	Нас. г. Шуши	3350	41	4670	56	-	-	270	3	-	-	8290	22,6
	Нас. в целой	30850	84,6	5370	14,7	-	-	270	0,7	-	-	36490	100
	Сельск. нас.							-	-	-	-		
1832-	Нас. г. Шуши	17610	97	564	3	-	-	-	-	-	-	18164	69,8
1833	Нас. в целой	4265	53,9	3665	46,1	-	-	-	-	-	-	7930	30,2 100
	Сельск. нас.	21865	84	4229	16	-	-	-	-	-	-	26094	70,7
	Нас. г. Шуши	29886	97,3	900	2,7	-	-	-	-	-	-	30786	29,3
	Нас. в целой	6355	50	6370	50	5	-	-	-	-	-	12730	100
1850	Сельск. нас.	36241	83,3	7270	16,7	5	-					43516	
	Нас. г. Шуши							-	-	-	-		73,6
	Нас. в целой	65375	95,4	3200	4,6	-	-	-	-	-	-	68575	26,1
	Сельск. нас.	13504	55	10804	44	241		-	-	-	-	24552	100
1873	Нас. г. Шуши	78879	84,7	14001	15	244	0,3	-	-	-	-	93127	77,1
	Нас. в целой	83919	93,2	5839	6,5	276	0,3	-	-	2	-	90034	22,9
	Сельск. нас.	15188	56,6	11595	43,3	21	0,1	-	-	-	-	26806	100
	Нас. г. Шуши	99107	84,8	17434	14,9	297	0,3	-	-	13	-	116840	79,9
1886	Нас. в целой	91943	89,5	9631	9,4	1153	1,1	-	-	287	1	102740	19,4
	Сельск. нас.	14420	55,8	10778	41,7	396	1,5	-	-	300	0,2	25881	100
	Нас. г. Шуши	106363	82,7	204 09	15,9	1549	1,2	-	-	46	-	128621	
1897	Нас. в целой							-	-	74	0,1		74,8
	Сельск. нас.	113210	90,6	11013	8,8	747	0,6	-	-	120	-	125016	25,2
	Нас. г. Шуши	22004	52,3	18864	44,8	1188	2,8					42130	100
1914	Нас. в целой	1352 14	80,9	29877	17,9	1935	1,2	-	-	-	-	167146	
								-	-	-	-		74,1
		+ 85710	75,7	+10313	93,7	-	-	-	-	-	-	96816	25,9
Прирост за		+ 18651	84,7	+ 14194	75,5	-	-					33840	78,2
1823-1914		+ 104364	77,2	+24507	82,2	-	-					130656	

было армянским[1] (около 84%), причем в сельской местности армяне составляли абсолютное большинство - более чем 94%. Существенная разница в процентах между всем населением области и сельским населением объясняется наличием значительного количества «татар» в г. Шуши. Обстоятельство, которое объясняется чисто политическим фактором: с середины XVIII в., до ликвидации Карабахского ханства (1822 г.), Шуши был резиденцией мусульманских правителей, что обеспечивало привилегированное положение «татар» и их постоянный приток сюда извне. Примечательно, что после упразднения ханства, армянское население города начало расти более высокими темпами и к концу XIX в. составляло около 56%.

Как видно из таблицы, население Нагорного Карабаха за период с 1823 по 1914 гг. возросло более чем в 4,5 раза. Армянское население области за этот же период выросло примерно в 4,4 раза, а «татарское» (вернее, тюркоязычные этнические группы) - в 5,5 раза. Подобное соотношение показателей прироста армянского и «татарского» населения объясняется интенсивным процессом постоянного притока тюркоязычного элемента. Постоянное же сокращение армянского населения Нагорного Карабаха в советское время было обусловлено, в первую очередь, процессом непрерывной эмиграции армян в силу различных причин политического и социально-экономического характера. Так, в 1921 г. армяне составляли 94,4% от общего числа населения области, в 1926 г.-89,2%, в 1959 г.-84,4%, в 1970 г.-80,5%, в 1979 г.-75,7%. (123076 чел. от общего количества населения в 162181 чел.[2]).

населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 года. Елизаветпольская губерния, Тифлис, 1893; за 1897 г.- ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 11, д. 637, 638, 646; за 1914 г.- Кавказский календарь на 1915 г., Тифлис, 1914, отдел статистический, с. 81-214

[1] Ср. этническую карту на стр. 10, составленную относительно конца XIX в.

[2] См.: Азербайджанская сельскохозяйственная перепись 1921 г., т. III, вып. XVII, Баку, 1924, с. IV; А. Е. Тер-Саркисянц, Современные этнические процессы у армян Нагорного Карабаха, с. 67; Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., М., 1984, с. 126-127

Традиционный этнокультурный облик армян Нагорного Карабаха созвучен общей модели армянской этнической культуры, но выявляет также локальные особенности, что характерно для любой историко-этнографической области ойкумены.

Армяне Карабаха вели симбиозное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Удельный вес земледелия несравненно выше. Оно является основным видом и обусловливает компонент скотоводства, ориентированный на разведение тяглового скота (буйволы, волы), который количественно преобладает по сравнению с мясо-шерстно-молочным скотом. В земледелии главенствующую роль занимает полеводство с плужным земледелием и с широким видовым и сортовым разнообразием зерновых культур (пшеница, ячмень, просо, рожь, рис и др.). В регионе в земледельческих работах плуг употребляли практически только армяне, соху же они использовали для разрыхления поднятого слоя, а также на участках, расположенных на склонах гор, в то время как, по данным XIX в., проживающие здесь «татары» использовали соху в качестве основного орудия для земледельческих работ[1]. Основные типы и названия земледельческих орудий карабахских армян тождественны общеармянским типам и названиям[2].

По хозяйственному укладу армяне Карабаха резко отличались от окружающего «татарского» населения, о чем имеется множество свидетельств в материалах XIX в. Приведем лишь некоторые из них. Так, А. Г. Деконский пишет: «Татары, как бывшие победители, заняли лучшие места им принадлежат почти исключительно все поливные земли в обоих уездах (имеется в виду Шушинский и Джебраильский - авторы). Хлебопашество у кочевников появилось недавно и составляет второстепенную отрасль хозяйства; оно трудно прививается к кочевникам и ведется ими крайне неудовлетворительно... Уборка и обмолот хлеба совершаются, в большинстве, наемным трудом, вследствие неумения и непривычки кочевников к полевым работам... Армянское население, составляя исключительно земледельческий класс описываемых районов, во многом отличается от татар...»[3]. М. Кучаев, подытоживая результаты крестьянской реформы 1861 г. в Елисаветпольской губернии (куда в XIX в. входил Карабах), отмечает, что нагорные местности были заселены преимущественно армянами, которые, при самых неблагоприятных условиях для земледельческого труда обеспечивали свое благосостояние «мирными сельско-хозяйственными занятиями». Низменная же часть края была занята татарским населением. «В самом наделе землею они (татары-авторы) искали не столько материал для развития личного труда, сколько средства для эксплуатации самого права пользования землею, отдавая ее другим за известную плату (урожаем или деньгами) и, в крайнем случае, возделывая ее первобытными средствами»[4].

Вообще в Закавказье кочевое скотоводство обнаружено только среди пришлого этнического элемента и не имеет местных корней[5]. Как пишет В. М. Шамиладзе, в местном археологическом материале «не выявлено так называемого «цепного процесса», культурные слои дают

---

[1] И. Серебряков, ***Сельское хозяйство в Елисаветпольском уезде.*** *Тифлис, 1862. с. 101*

[2] *Подробнее см.:* Վ.Բդոյան, ***Երկրագործական մշակույթը Հայաստանում,*** *Երևան, 1972*

[3] А. Деконский, ***Экономический быт государственных крестьян Шушинского и Джебраильского уездов Елисаветпольской губернии*** *(Материалы для исследования экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. IV, ч. 1, Тифлис, 1886, с. 233)*

[4] *Крестьянская реформа в Елисаветпольской губернии (извлечение из отчета М. Кучаева) (Материалы для исследования экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. 1, Тифлис, 1885, с. 459)*

[5] *См.:* А. Калантар, ***Задачи и способы исследований скотоводства*** *(Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе, т. 1, Тифлис, 1887);* И. Андронников, ***Скотоводство в Закавказском крае*** *(Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. V, ч. 1);* И. Бахтадзе, ***Кочевники Закавказского края*** *(Свод материалов..., т. III, ч. 2);* Ю. Мкртумян, ***К изучению форм скотоводства у народов Закавказья*** *(в кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX- XX вв., М,, 1971, с. 133);* В. Шамиладзе, ***Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии.*** *Историко- этнографическое исследование, Тбилиси, 1979, с. 297-310*

свидетельства об оседлом образе жизни и соответствующих формах хозяйства»[1], «кочевничество, кочевое скотоводство на Кавказе было присуще только пришлому населению»[2].

Важное место в хозяйстве занимала вторичная обработка сельскохозяйственных продуктов, особенно зерновых. Высокого развития в регионе достигло маслобойное дело, причем ареальное распределение маслобоен в точности соответствует расселению армянского населения.

Ремесла и домашние промыслы Нагорного Карабаха являются органической частью армянской системы ремесленных традиций, представляя собой особую школу Сюника-Арцаха-Утика. Наибольшего развития достигли здесь ремесла, основанные на развитом земледельческом хозяйстве (гончарство, кузнечное, камнетесное, столярное, сапожное, ткацкое, портняжное, оружейное, ювелирное дело). Кроме того, развитию и расширению ремесел способствовала необходимость удовлетворения потребностей все чаще появляющихся здесь кочевых и полукочевых племен. Самым распространенным ремеслом было кузнечное дело, которое обычно передавалось по наследству от отца к сыну. В некоторых селах имелось несколько кузниц, что свидетельствует о повышенном спросе населения на изготовляемые кузнецами разнообразные бытовые изделия и земледельческо-скотоводческий инвентарь. Развитие же столярного дела обусловливалось как наличием леса, так и необходимостью обеспечения многих сфер культуры жизнеобеспечения оседлого населения (жилище и другие постройки, элементы меблировки и утвари, земледельческие орудия и приспособления)[3].

Из арцахских ремесел особо выделяется ковроткачество. Арцахско- утикско-сюникская школа создала много всемирно известных образцов высокого искусства со сложной изобразительной символикой, отражающей модель мира ранних земледельцев. Письменные источники VII в. свидетельствуют о наличии здесь развитого ковроткацкого занятия[4]. О высоком спросе на армянские ковры Арцаха-Утика говорят и арабские авторы VIII-IX вв.[5] В развитом средневековье в Арцахе существовали специальные ковроткацкие мастерские при некоторых княжеских домах, продукция которых встречалась в крупных монастырских центрах Армении[6]. Средневековые традиции искусства ковроделия Арцаха продолжались и в последующие века. Термины, применяемые для обозначения как отдельных деталей, так и всего комплекса технико-технологического процесса ковроткачества, в большинстве своем имеют индоевропейское происхождение и идентичны терминам, употребляемым во всей Армении[7]. Орнаментировка арцахских ковров повторяет многие элементы композиций, присущих армянскому средневековому искусству-миниатюре, скульптуре, в частности, хачкарам (крест-камням).

В ювелирных мастерских Закавказья в XIX-начале XX в. ведущую роль играли мастера-армяне[8]. О высокой художественной ценности продукции этих мастеров (в том числе ювелиров из Карабаха) свидетельствует, например, то, что они неоднократно принимали участие на международных выставках и конкурсах и были отмечены многими призами[9]. Одним из знаменитых центров армянского ювелирного искусства являлся Арцах, где, помимо г. Шуши, этим ремеслом занимались в Мартакерте, Гадруте и других местах. Согласно приводимым Э. Г. Аствацатурян данным, в ассортименте ювелирной продукции Арцаха важное место отводилось

---

[1] В. Шамиладзе, ***О некоторых вопросах классификации и терминологии «скотоводства Кавказа*** *(Советская этнография, 1982, № 3, с. 75)*

[2] *Там же, с. 71*

[3] *Подробнее о ремеслах СМ.:* Ч. Սեդրոսյան, ***Տեղեկանք Արցախի արհեստավորական կենցաղից*** *(АОЭ ИАЭ, папка «Арцах»)*

[4] *См., например:* Мовсес Каланкатуаци. ***История страны Алуанк.*** *Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарий Ш. В. Смбатяна, Ереван, 1984, с. 116*

[5] *См.:* Н. Караулов, ***Сведения арабских географов IX и X вв. по р. х. о Кавказе, Армении и Азербайджане*** *(Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 38, Тифлис, 1908, с. 14-15)*

[6] Կիրակոս Գանձակեցի, ***Պատմութիւն հայոց,*** *Երևան, 1961, էջ 215-216*

[7] *См., например:* Վ. Հացունի, ***Հայուհին պատմութեան առջև,*** *Վենետիկ, 1936, էջ 246-248*

[8] *См., например:* Э.Аствацатурян, История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX-начале XX в., *М., 1977*

[9] *См., например: Каталог российским произведениям, отправленным на Лондонскую выставку 1851 г., СПб., 1851; Указатель русского отдела Всемирной выставки 1862 г., Лондон, 1862; Каталог русского отдела Всемирной и Парижской выставки 1900 г., СПб., 1900*

бытовой и ритуально-церковной утвари, украшениям и, в частности, поясам - обязательным элементам армянского традиционного костюма[1]. Искусствоведческий анализ ювелирных изделий Арцаха выявляет много общих черт с другими центрами ювелирного дела Армении, в частности, с Ваном и Карином (Эрзерум).

Следует отметить, что национальный стиль ювелирного искусства проявляется не столько в технике изготовления или орнаментации изделий (ибо в процессе культурного взаимодействия соседних народов возможны идентичные проявления), сколько в специфичных сочетаниях в технике изготовления, в элементах орнаментировки и т. п. Для сюникско-арцахской школы характерны, например, сочетания техники литья и ковки с гравировкой и покрытием чернью, в орнаментации- преобладание мотивов креста и т. п. Наиболее наглядно это прослеживается на примере поясов, изготовляемых армянскими ювелирами г. Шуши. Велика роль шушинских мастеров и в деле развития техники эмалировки[2]. Ювелирное искусство Арцаха является армянским не столько по национальной принадлежности мастеров, сколько по своим историко-культурным и этническим истокам и особенностям[3].

В системе армянской этнической культуры важное место занимает традиционный народный транспорт, многие своеобразные формы которого были свойственны и армянам Арцаха. Как и во всей Армении, здесь функционировали пеший и вьючный, а также тягловый (безколесный и колесный) типы транспорта. Особенно следует отметить употребление здесь вплоть до 1960-х гг. арбы с двумя массивными трехчастными колесами-транспорт, известный с древнейших времен в Передней Азии, в частности, в Армении[4]. Характерной особенностью всей системы передвижения и перевозок у армян Карабаха, помимо различий в способах навьючивания и погрузки (обусловленной видом транспортируемых вещей), являлся также выбор и использование конкретных видов животных. Например, у армян так и не вошло в быт разведение и использование в транспортных целях верблюдов, что широко было распространено среди соседних тюркоязычных племен, а также у персов[5].

Указанные выше исторические обстоятельства обусловили основной тип поселений в Нагорном Карабахе, традиционно располагавшихся на южных склонах гор. Хозяйственный уклад и, не в последнюю очередь, соображения обороны привели к скученному типу армянских сел. Как правило, селение имело центр в виде небольшой площади, где располагались лавки ремесленников и которая служила местом торговли и обмена, а также общинных сходов. Невдалеке от этого центра обычно располагалась церковь с кладбищем, где хоронили представителей высшего сословия. Основное же кладбище обычно располагалось на окраине села, на возвышении. Наряду с церковью роль священного центра выполняли особые общесельские очаги, по конструкции не отличавшиеся от обычных домашних. Иногда, если в селе не имелось церкви, ее функцию брал на себя такой очаг[6]. К поселению примыкали плодовые сады, виноградники, нередко овчарни, мельницы, маслобойни, гумна. Многие поселения имели один или более отселков, однако жизнь в этих отселках обычно имела сезонный характер, что было связано с ведением отгонного

---

[1] Э. Аствацатурян, *указ. ооч., ч. 1, с. 110*

[2] Ստ. Լիսիցյան, ***Զանգեզուրի հայերը,*** *Երևան, 1969, էջ 167*

[3] *Разделы по ковроткачеству и ювелирному делу основаны на материале, предоставленном сотрудниками Государственного музея этнографии Армении А. Погосяном и Г. Маркаряном. См.: Ա. Պողոսյան, Գորգագործություն Արցախում, Հ. Մարգարյան, Ոսկերչական արվեստ Արցախում 19-րդ դ. – 20դ. սկզբին (АОЭ ИАЭ, папка «Арцах»)*

[4] *Подробнее см.:* Լ. Պետրոսյան, ***«MAR-GID-DA», «MAR»-Մառան սայլ*** *(պատմաստուգաբանական փորձ) (Հանրապետական գիտական նստաշրջան, նվիրված 1982- 1983 թթ. ազգագրական և բանահյուսական դաշտային հետազոտությունների արդյունքներին, Երևան, 1984, էջ 36-38)*

[5] Լ. Պետրոսյան, ***Արցախ-Ղարաբաղի ավանդական փոխադրամիջոցների մասին*** *(АОЭ ИАЭ, папка «Арцах»)*

[6] Ե. Լալայան, ***Երկեր հինգ հատորով, հ. 2,*** *Արցախ, Երևան, 1988, էջ 98-99*

скотоводческого или земледельческого хозяйства. Нередко отселки со временем перерастали в постоянные поселения, образуя самостоятельные села[1].

Как известно, этническая традиция достаточно наглядно проявляется в такой сфере материальной культуры, как жилище[2]. Для армянского населения переднеазиатского (в том числе и закавказского) региона непрерывно, в течение десятков веков характерным было жилище со ступенчато-пирамидальным перекрытием-«глхатун», в основном представленное (в зависимости от различных факторов) двумя типами. Жилища первого типа были характерны для предгорных, богатых лесом районов Армении (Лори, Тавуш, Нагорный Карабах, Сюник, часть Васпуракана и Ахдзника), с умеренным, без резких колебаний температуры климатом. Отличительной особенностью этого типа является конструктивная разделенность жилой и хозяйственной части, в то время как во всех других районах комплексы жилых и хозяйственных помещений составляют одно целое и связаны между собой крытым двором[3].

Как пишет известный исследователь народного жилища Кавказа В. П. Кобычев[4], наиболее распространенным типом жилища у армян в Карабахе в XIX в. был глхатун (известный здесь под названием «кырыкочов тун» (по арм.) - «дом с вогнутыми бревнами перекрытия», а также «карадам» (по-тюркски)-«черный дом»: так он назывался из-за покрытия стен сажей от открытого очага), из трех бытующих разновидностей которого наибольшее распространение имел полуподземный карадам, представляющий собой полуземлянку со ступенчато-пирамидальным перекрытием, засыпанным сверху землей. В. П. Кобычев, уделяя особое внимание выяснению связей жилища с этнической средой, замечает, что «основным жилищем азербайджанцев (проживающих на склонах Малого Кавказа и Нагорного Карабаха) являлся карадам, который строили в большинстве случаев мастера-армяне»[5]. Далее он продолжает: «Жилищем богатых и зажиточных курдов были карадамы, построенные мастерами-армянами»[6]. Относительно наличия глхатунов на юго-западных склонах Главного Кавказского хребта (на территории Азербайджана) он пишет, что они «были занесены на данную территорию, очевидно, армянами»[7]. На северо-восточных и южных склонах Главного Кавказского хребта (Куба-Шемахинская область) также встречались глхатуны, но только у армян, и «были, очевидно, чужеродными элементами в области»[8], т. е. не были характерными для данной территории, лежащей северо-восточней р. Куры. Суммируя свое исследование о народном жилище Азербайджана XIX в., В. П. Кобычев отмечает «тесную связь жилища с этническим составом населения: жилище разных народов резко отличалось одно от другого. Плоскокрышный саманный дом встречался преимущественно у азербайджанцев, каменный - у татов, карадам - у армян...»[9].

О карадамах на территории Азербайджана и, в частности, в Карабахе писали и некоторые азербайджанские ученые. А. А. Измайлова отмечает, что в XIX-начале XX в. карадамы были преобладающим типом жилья в западных и юго-западных районах Азербайджана[10]. Она не обращается к роли этнического фактора, хотя и отмечает, что «туны (имеется в виду армянское

---

[1] А. Мкртчян, *Общественный* ***быт армян Нагорного Карабаха, кандидатская диссертация,*** *гл. II (рукопись хранится в библиотеке ИАЭ)*

[2] *См.:* Ю. Бромлей, ***Очерки теории этноса,*** *М., 1983, с. 221*

[3] *См., например: Народы Кавказа, т. 2. М., 1962, с. 495-496;* Д. Вардумян, *указ. соч., с. 3 4;* Խ. Սամուելյան, ***Հին Հայաստանի կուլտուրան,*** *Երևան, 1941, էջ 203-213*

[4] В. Кобычев, ***Жилище народов Восточного Закавказья в XIX в.*** *(«Советская этнография», 1957, № 3, с. 65); его же, Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. (КЭС, т. III, М,, 1962, с. 24, 36); его же. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX-XX вв., М., 1982;* В. Кобычев, А. Робакидзе, ***Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа*** *(«Советская этнография», 1967, № 2); ср.:* Ստ. Լիսիցյան, ***Լեռնային Ղարաբաղի հայերը,*** *էջ 33*

[5] В. Кобычев, ***Жилище народов Восточного Закавказья в XIX в.,*** *с. 57, 64, 66. См. также:* Ст. Лисициан, ***К изучению армянских крестьянских жилищ*** *(Карабахским карадам) (Известия Кавказского историко-археологического института. т. 3, Тифлис. 1925, с. 97-108); его же, Զանգեզուրի հայերը, էջ 98, 103-104*

[6] В. Кобычев, ***Жилище народов Восточного Закавказья в XIX в.,*** *с. 66*

[7] *Там же, с. 64*

[8] *Там же, с. 60, 62*

[9] В. Кобычев, ***Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в.,*** *с. 66*

[10] А. Измайлова, ***указ. соч.,*** *с. 164-165*

название жилища со ступенчато - пирамидальным перекрытием -авторы) районов Восточной Армении ничем не отличались от карадамов горных районов западного Азербайджана. Внутреннее убранство также почти ничем не отличалось от убранства азербайджанских карадамов...»[1]. Я. А. Рустамову кажется спорным тезис В. П. Кобычева о тесной связи жилища с этническим составом населения на примере Азербайджана[2]. Конкретно не исследуя роль этнического фактора, но и ничего не противопоставляя доводам В. П. Кобычева, он тем не менее пишет, что на строительство домов сложной конструкции приглашались мастера-профессионалы, причем «часто приглашались и армянские мастера из соседних деревень. На постройку дома приглашались и из селений, не граничащих с азербайджанскими селениями (т. е. из армянских селений - авторы)»[3].

Таким образом, наличие глхатуна на территории Нагорного Карабаха и его преобладание в среде армянского населения еще раз свидетельствует о том, что материальная культура (в частности, жилище) жителей этой части исторического Арцаха составляет неотъемлемую часть общеармянской культуры.

Одним из наиболее консервативных элементов материальной культуры является система питания, до наших дней сохранившая у карабахских армян древний компонентный состав. Это крупяно-овощно-молочно-фруктовая модель в виде различных каш (hариса, шила, коркот и т. п.), пловов, молочных и овощных супов (танав, пиперт и т. п.), различных сортов сыра, кислого молока, пахты, всевозможных свежих и сушеных фруктов, сырых овощей. Употребление мяса у карабахских армян, как у армян вообще, имело в основном праздничный и ритуальный характер, причем обрядовые функции связаны с вареным мясом, а праздничные - с жареным. Следует добавить, что основные праздничные и ритуальные блюда все же ориентируются на крупяно-злачные продукты (Нахратох-hариса; св. Саркис -хашил, похинд; Затик (Пасха)-плов, гата; Амбарцум (Вознесение) -катнов; Вардавар- биши и т.п. Основное блюдо свадеб и поминок-шила). Модель питания армян Карабаха повторяет ту же модель, которая сложилась еще в неолите и впоследствии стала характерной для всей Европы и Западной Азии[4]. Эта модель резко отличается от азербайджанской, в основе которой лежат «молочные продукты, мясо, рыба и съедобные растения»[5], а основные блюда - пити, бозбаш, кюфте-бозбаш, люле-кябаб отсутствуют в традиционной армянской кухне. Отсутствуют у карабахских армян также излюбленные напитки азербайджанцев - различные шербеты[6].

Традиционные черты народного костюма Карабаха проглядывают больше всего в женской одежде. В ней прослеживаются два комплекса - айавари (буквально «по-армянски»)-крестьянская одежда, сохранившаяся и в наши дни у пожилых армянок, и кахкавари (буквально «по-городски»), на который заметное влияние оказала одежда армянок Еревана, Тифлиса и который вышел из употребления в начале XX в. Мужская одежда, имея некоторые локальные особенности, в целом представляла собой известный тип восточноармянского костюма[7].

Основной формой организации сельского населения как во всем Закавказье, так и в Нагорном Карабахе во второй половине XIX-начале XX в. продолжала оставаться сельская община. Будучи хозяйственным организмом, социальной организацией и административной единицей, она являлась также основным носителем этнической традиции. В Нагорном Карабахе не встречались

---

[1] *Там же, с. 170*

[2] Я.Рустамов, ***О поселении и крестьянском жилище азербайджанцев Карабахской зоны*** *(Азербайджанский этнографический сборник, вып. 2. Баку, 1965, с. 112-113)*

[3] *Там же, с. 117*

[4] *См.:* С. Арутюнов, ***Система питания*** *(в кн.: Культура жизнеобеспечения и этнос, Ереван, 1983, с. 257).*

[5] *Народы Кавказа, т. 2, с. 129*

[6] *См.,* М. Насирли, ***О некоторых напитках Азербайджана*** *(Азербайджанский этнографический сборник, вып. 1, с. 136-146); Народы Кавказа, т. 2, с. 131*

[7] Н. Авакян, ***Народная одежда армян Арцаха в XIX-XX вв.*** *(в кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX-XX вв., М,, 1971, с. 210)*

общины, которые включали бы больше одного села, а также села, в которых существовали бы две отдельные общины. Все члены общины, проживающие в пределах одного поселения, были тесно взаимосвязаны в бытовом отношении, составляя единый поселенческий коллектив. Этот коллектив фактически исключал из своего состава тех членов общин, которые не жили в данном селе и не были связаны с его внутренней жизнью или же были очень слабо связаны с нею. Следовательно, сельская община в Карабахе помимо поземельной и административно-фискальной единицы являлась также единым поселенческим коллективом, члены которого были вовлечены в общинные отношения[1].

В социальном управлении Карабаха следует выделить, в зависимости от изменения этнической среды, два основных периода: первый - социальное управление страной в моноэтнической армянской (до начала XVIII в.), и второй - в полиэтнической среде. Это в известной степени обусловлено появлением здесь кочевых племен, которые а хозяйственно-бытовом, этническом и конфессиональном отношении совершенно отличались от коренных жителей-армян. Отсюда и трудность «примирения их общих интересов и невозможность устройства их быта на одинаковых началах», и наличие «если не противоположных полюсов», то очень малых «точек соприкосновения между ними»[2].

В организации управления, в силу конкретных исторических условий и под воздействием этнических процессов, прослеживаются три основных этапа этнополитической традиции[3]: а) существование независимых армянских княжеств-«меликутюн» и признание их наследственных прав со стороны шахской Персии; б) узурпация государственной политической власти мусульманами (в силу ослабления шахской Персии) и возникновение самостоятельного Карабахского ханства с полузависимым состоянием армянских княжеских домов (с середины XVIII в.); в) установление административно-политического управления, характерного для царской России, после присоединения в 1805 г. Карабаха к России. Примечательно, что когда политическая власть была захвачена Панах-ханом в 1747 г., армянские мелики повели борьбу против него и его наследников, юридически не признавая его права на законное господство над Карабахом. В диалекте карабахцев по отношению к Панах-хану (бывшему когда-то глашатаем) и его наследникам сохранился термин jar xan - «ложный хан», намекающий на узурпацию политической власти, не полученной в наследство от своих предков[4]. Поэтому армянские княжеские дома выполняли в этот период и этнозащитную функцию. Кстати, тот же этнозащитный механизм сработал фактически и в наши дни, когда армянское население НКАО изъявило свое желание воссоединиться с Армянской ССР.

Среди армян Нагорного Карабаха зафиксированы семьи двух типов: большая патриархальная и малая, синхронно сосуществовавшие еще с раннего средневековья. В XIX в. замечается явное преобладание малых индивидуальных семей. Однако древние патронимические отношения продолжают функционировать вплоть до наших дней. Более того, сегментация неразделенных семей ничуть не ослабила осознания малыми семьями своей принадлежности к той или иной родственной группе-«азг».

Брачные правила карабахских армян сводятся к системе, характерной для общеиндо-европейского ареала, т. е. к круговой системе или к «простой форме обобщенного обмена»[5], и допускают включение неограниченного числа групп (явление, не характерное для соседнего курдского и азербайджанского населения с эндогамным браком). Ранний запрет инцеста и строгое соблюдение экзогамных норм (браки после седьмого колена) и моногамной формы брака четко

---

[1] А. Мкртчян, ***Общественный быт армян Нагорного Карабаха,*** *гл. II*
[2] И. Бахтадзе, ***Кочевники Закавказского края,*** *с. 66-67*
[3] *Подробнее см.:* М. Акопян, *Взаимодействие* ***этнополитических традиций и социальном управлении Карабаха (XVIII-XIX вв.)*** *(АОЭ ИАЭ, папка «Арцах»)*
[4] Հ. Բեկնազարյանց, ***Ղարաբաղի գաղտնիքը,*** *Ս. Պետերբուրգ, 1886, էջ 16, 28*
[5] К. Леви - Строс, ***Структурная антропология,*** *М., 1985, с. 60, 72-73*

прослеживаются и на уровне системы и терминов родства, органически входивших в индоевропейскую модель. Однако это не приводит к частым межнациональным бракам у армян. Подавляющее большинство браков армян Карабаха даже в 1970-ые годы однонациональны (93,4% в городах, 96,9% в селах). Причем, в межнациональных браках наиболее часто муж-армянин, а жена-русская. Армяно-азербайджанские браки несравненно более редки, несмотря на то, что азербайджанское население в области в два раза больше, чем русское[1].

Свадебный ритуал армян Арцаха обнаруживает генетическую общность с общеармянской свадебной обрядностью. С достаточной уверенностью можно отнести армянскую свадьбу к выделенному К. В. Чистовым[2] «вирилокальному» типу, который, в противоположность «уксорилокальному», формировался не на почве скотоводческо-кочевого[3], а земледельческого (оседлого) хозяйственно-культурного типа. При несомненном сходстве многих обрядовых элементов и ритуальных функций в самом общем их значении (сватовство, символическое соединение, дары, совместная трапеза, прощание-приобщение и т. п.) в этих двух типах существенны и структурные различия, связанные собственно с этнически-специфичной традицией-в данном случае армянской и азербайджанской.

Свадьба у армян Карабаха не только повторяет в основных чертах и деталях всеармянскую обрядность, но и во многом отражает архаические пласты индоевропейской модели «брачного обмена». Это, в частности, наблюдается в диалектном термине aiti, обозначающем то поколение в системе родства, между представителями которого был допустим брак, и в то же время обозначающем как в армянском, так и в других и.-е. языках мужчину. Это обнаруживается также в таких названиях брачной пары, как hart'ənə - «невеста» и p'esay - «жених», имеющих один и тот же и.-е. корень *prs-«просить». Другой пример отражения в свадебном ритуале карабахских армян древнейших индоевропейских культурно-языковых традиций дает так называемый обычай hłe ktrel - «перерезать путь», имеющий место непосредственно перед самой свадьбой и являющий собой собственно завершающий этап официальных переговоров между брачующимися сторонами по поводу установления всех условий брачного обмена. Правда, этот обычай под другими названиями был широко известен как в армянской, так и в других этнических средах, однако уникальность его функционирования среди армян Арцаха отмечается в первую очередь тем, что здесь прослеживается известная и в других индоевропейских языках[4] и традициях[5] семантика свадьбы как пути инициируемых, как перехода. В случае hłe ktrel («перерезать путь») эта идея обнаруживается как в естественном языке (диал. форма hłe- от и.-е. корня *ul- «дорога», «путь»), так и в языке ритуала, организующего свадьбу как путь-переход молодой четы от категории неженатых (незамужних) в категорию женатых (замужних).

Примечательно, что другие обряды жизненного цикла, выступая как «переходные», в армянском языке сохранили производные от той же основы названия: hułarkavorel-«отправить, провожать в путь» (о похоронном обряде) и otə camp'i vraya-«вступила на путь» (о беременной), в том случае, когда в свадебном обряде это название сохранилось лишь в карабахском диалекте армянского языка.

Народный праздничный календарь армян Нагорного Карабаха сложился в период завершения консолидации армянского этноса. Как и общеармянский календарь, карабахский имеет несколько уровней в своем развитии, однако основным стержнем в нем является ритуальный цикл, отражающий древний земледельческий уклад. С принятием христианства народный календарь был

---

[1] *См.:* А. Тер - Саркисянц, ***Современная семья у армян Нагорного Карабаха,*** *с. 34-35*

[2] К. Чистов, ***Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда*** *(в сб.: Проблемы типологии в этнографии, М., 1979, с. 224-226)*

[3] *Ср. с «кипчакским комплексом», выделенным Н. Лобачевой. См.: Н. Лобачева, Различные обрядовые комплексы в свадебном ритуале народов Средней Азии и Казахстана (в кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии, М., 1975)*

[4] Э. Бенвенист, ***Общая лингвистика,*** *М, 1974, с. 338-340*

[5] В. Иванов, В. Топоров, Славянские языковые моделирующие семиотические системы, *М., 1965, с. 167-168*

почти полностью включен в официально - церковный либо в виде самостоятельных праздников, либо в виде отдельных ритуалов.

Этничность народной музыкальной культуры в Нагорном Карабахе определяется не только интонационными и ритмическими особенностями, типологически совпадающими с народной музыкой, бытующей в Армении, но и жанровой спецификой. Свадебные обрядовые песни и инструментальная музыка (ввод невесты в дом жениха, обряд ряжения невесты, восхваление жениха и невесты, танцы, обрядовая песня «Аравот лусо») тождественны аналогичной музыке других районов Армении. Похоронная обрядовая музыка, в частности, плачи-причитания, интонационно-испольнительско-импровизационная их специфика имеет широкие параллели с армянской крестьянской песней и гусанским искусством. В Карабахе широко бытовали и бытуют жанры пахотных песен (оровелы), которые являются специфичными для земледельческих народов. Земледельческие обрядовые песни «Нури-Нури», исполняемые при обрядах вызывания дождя, уходят своими корнями в язычество древних армян. Народные и духовные обрядовые песни, связанные с календарными праздниками, исполняются в Карабахе лишь с некоторыми диалектными изменениями. На музыкальную культуру армян Нагорного Карабаха определенное влияние оказала и восточная (персидско-арабская) ашугская культура.

Развитие инструментального искусства в Карабахе обусловило большую распространенность изготовления музыкальных инструментов (доол, дап, зурна, шви, пку, тар, саз, кяманча). В г. Шуши в начале XX в. была создана своеобразная школа исполнительского мастерства инструменталистов (А. Агамалян, Бала-Меликян, С. Согомонян, Л. Карахан, Иоаннисян и др.).

Фольклор Арцаха в силу непрерывного проживания коренного населения на исторической родине меньше всех был подвержен внешним влияниям. Как волшебные, так и реалистические сказки (Азаран блбул, Змей-царевич и др.) не выявляют сколько-нибудь региональных особенностей по сравнению со сказками Айрарата, Гугарка, Васпуракана. В преданиях же красной нитью проходят два основных мотива-героизм во имя спасения родного края и мученичество за христианскую веру. Герои и мученик-наиболее любимые персонажи большинства преданий (Аветараноц, Лусаворич, Катаро, Аван и др.). Если свадебные песни отличаются своей архаичностью, то плачи-причитания, бытующие поныне, имеют явную импровизационную основу. Основной их мотив - опять-таки восхваление погибшего как героя и мученика[1].

Приведенная этнокультурная характеристика, разумеется, является далеко не исчерпывающей. Здесь были вкратце охарактеризованы лишь некоторые стороны этнической традиции, которые хотя бы в общих чертах дают представление о месте Арцаха-Карабаха в общей системе армянской этнической культуры.

---

[1] *О фольклоре подробнее см.: Հայ ժողովրդական հեքիաթներ, հ. 5 (Արցախ), Երևան, 1966, հ. 6 (Արցախ-Ուտիք), Երևան, 1973, հ. 7 (Արցախ-Զանգեզուր), Երևան, 1979, Լեռնային Ղարաբաղի բանահյուսությունը, Երևան, 1978, Ա. Ղազիյան, Արցախ, (Հայ ազգագրություն և բանահյուսություն, հ. 15, Երևան, 1988)*

М. Карапетян

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ НАГОРНОГО КАРАБАХА В 1921 Г.

(По сельскохозяйственной переписи Азербайджана 1921 г.)

В середине августа 1921 г., почти через месяц после известного решения Кавбюро ЦК (б) от 5-го июля 1921г., по декрету Н. Нариманова, в Карабахе и соседних областях была проведена сельскохозяйственная перепись, материалы которой начались издаваться с 1922г. маленьким тиражом (300-500 экз.) Центральным статистическим управлением Азербайджана.

Материалы переписи об этническом составе населения издавались также в 1921-1923 гг. в отдельных номерах «Известий Аз. ЦСУ». В «Известиях Аз. ЦСУ» были опубликованы также аналитические статьи крупных специалистов ЦСУ Азербайджана: Ростовцева («Предварительные сведения о численности населения в городских и подобных им поселениях Азербайджана в 1921 г.»), М. Авдеева («Численность и племенной состав сельского населения Азербайджана по данным переписи 1921 г.»), В. В. Алишевского («Состав населения городов и поселений городского типа в уездах Азербайджана») и др.

Как эти исследования, так и другие материалы, опубликованные в «Известиях Аз. ЦСУ», являются ценнейшими источниками для изучения и оценки динамики численности армянского населения Азербайджана (Обобщающая оценка этих материалов дана в рецензии В. Худадова – см.: «Новый Восток», М., 1923, кн. 3, с. 525-527).

Материалы переписи ясно свидетельствуют о той политике, которую проводили азербайджанские мусаватисты в 1918-1920 гг. в отношении других этнических групп на территории Азербайджана. Советский этнограф Н. Г. Волкова по этому поводу писала: «В Азербайджане, там где ранее жили армяне, оставались пустые земли или были поселены азербайджанцы и курды. В Шемахинском уезде было разрушено 24 селения с 17 тыс. жителей, в Нухинском уезде- 20 селений с 20 тыс. То же наблюдалось в городах Агдаме, Гяндже, Нухе, Шемахе. Армянское население уцелело лишь в местах, куда не проникли мусаватисты: нагорье Елисаветпольской губернии (Казахский, Елисаветпольский, Джеванширский уезды) (см.: Н. Г. Волкова. Этнические процессы в Закавказье в XIX-XX вв., - «Кавказский этнографический сборник», IV, М., 1969, с. 10). Сказанное полностью подтверждается материалами с.-х. переписи Азербайджана 1921 г. Так, если армяне в 1914г. составляли 12,6% общего числа населения Геокчайского уезда, то в 1921 г. уже 4,9%, в Шемахинском уезде соответственно – 13,4% и 7,3% в Агдамском уезде- 19,5% и 0,7%; в Нухинском уезде- 20,2% и 2,4%.

Если в 1914 г. в Геокчайском, Шемахинском, Арешском и Нухинском уездах армяне составляли 73.526 человек, то в 1921 г.- около 12716 человек. Если в 1914 г. в Шемахинском, Геокчайском, Сальянском, Кубинском, Ленкоранском, Гянджинском, Карягинском и Шушинском уездах проживало 84.259 русских то в 1921 г.- около 40.801. В наиболее пострадавших районах Сальянах и Ленкорани в 1921 г. осталось около 14 .291 русских от 40.800 (1914 г.) (см.: «Известия Аз. ЦСУ», 1923, ¹1 (7), с. 47).

Разрушенные армянские деревни только в 4-х уездах имели следующую земельную обеспеченность:

Агдамский уезд	24.896 десятин,
Нухинский уезд	30.754 десятин,
Геокчайский уезд	26.431 десятин,
Шемахинский уезд	10.000 десятин,
Всего	**92.081 десятин**

(см.: «Известия Аз. ЦСУ», 1922, ¹1 (3), с. 6).

В Нухинском уезде, по сравнению с 1917 г., население уменьшилось на 30 тыс. человек, или 29%. Решающую роль в этом процессе сыграли армянские погромы. В момент переписи 1921 г. уже не существовали нижеследующие армянские села, которые в 1917 г. имели:

1. Чартаг (581 чел.), 2. Дашбулаг (1672 чел.), 3. Тарака (362 чел.), 4. Зараф (637 чел.), 5. Ягублы (1229 чел.), 6. Топ (132 чел.), 7. Ахпилакенд (899 чел.), 8. Енгикенд (121 чел.), 9. Джуджамыш (186 чел.), 10. Салибейли (469 чел.), 11. Козлы (766 чел.), 12. Меджлис (311 чел.), 13. Джафар-Абад-Хой (510 чел.), 14. Айдин-Булаг (431 чел.), 15. Сабатлы (1954 чел.). Всего 10260 человек.

Кроме того, армянское население было частично или полностью вытеснено и в подавляющем своем большинстве погибло или же рассеялось по Закавказью, Сев. Кавказу и другим местам из следующих смешанных и чисто армянских населенных пунктов:

	1917г	1921 г
Мирзабейлы	420 армян	занято тюрками и дагестанцами
Гейбулаг	1153 армян	возвратилось 104 армян
Джорлы-арм.	398 армян	
Гейбейлы	244 армян	проживает 77 тюрок
Алиар	313 армян	проживает 61 тюрок
Султан-Нуха	1114 армян	армян совершенно нет
Малых	194 армян	возвратилось 41 армян
Варданлы	66 армян	армян не имеется
Вардашен	ок. 1600 армян	армян осталось 692 ч.
Нидж	ок. 3000 армян	армян осталось 447 ч.

Можно считать, что в 10-ти селах к 1921 г. стало меньше на 1350 армянских дымов, или 7200 человек (подробно см.: «Известия Аз. ЦСУ», 1922 ¹3 (5), май-август, с. 51-52).

Перепись показала, что армяне больше не возвращались в армяно-тюркские смешанные села. Армянами частично были заселены только села Нидж и Вардашен, населенные удинами. С другой стороны, села, покинутые армянами, были заселены дагестанскими народами, нухинскими тюрками и тюрками из Армении. Например, села Мирзабейли, арм.- Джорлы, Гейбейлы, Алиар и Нидж, в последнем из которых в 1921 г. уже проживало около 580 тюрок из Армении (см.: там же).

Материалы азербайджанской сельскохозяйственной переписи 1921г. представляют бесценный материал для изучения этнической структуры населения Нагорного Карабаха.

Кроме всех изданий, в 1924 г. отдельной книгой вышел также материал о Нагорном Карабахе: «Азербайджанская сельскохозяйственная перепись 1921 г. Итоги по сельским обществам во вновь образованных уездах АССР, Нагорного Карабаха и по тем (основным) уездам, в которых произошли изменения границ». Т. III, вып. XVII, Баку, 1924, изд. Аз. ЦСУ, УП+261 с., 400 экз. Фактически книга была опубликована раньше, чем были сформированы точные границы НКАО. Этим и обусловлено то количество ошибок и недоразумений, которые бросаются в глаза.

Издатель книги И. Резников в предисловии отмечал: «Публикуемые таблицы по отделам: а) население, б) скотоводство, в) землепользование, г) мертвый с.-х. инвентарь составлены по материалам всеазербайджанской с.-х. переписи 1921 г.; отбор селений, вошедший в ту или другую административную единицу, произведен по пятиверстной карте, руководствуясь границами, взятыми, как уже отмечено: по Бакинскому у. в Баксовете и по всеми остальными- в НКВД… Не сомневаемся, что в сводках могут оказаться некоторые дефекты в том отношении, что в единичных случаях, пограничные села могли быть включены не в соответствующее административное новообразование. Это объясняется сравнительно грубой наноской на карту границ последних в НКВД» (там же, с. VII). Эти ошибки в свое время были отмечены и исправлены Г. А. Кочаряном в своей книге «Нагорный Карабах» (Баку, изд. Общества обследования и изучения Азербайджана, 1925, с. 52-53).

Составляя таблицы этнического состава населения, нами были учтены как исправления Г. А. Кочаряна, так и списки населенных пунктов Нагорного Карабаха, установленные «Положением об автономной области Нагорного Карабаха», изданным ЦИК Азербайджана 26-го ноября 1924 г. (см. Бакинский рабочий, 26 ноября 1924 г.; переиздание см.: «К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. 1918-1925. Документы и материалы. Баку, Азерб-е гос. изд., 1989, с. 268-270).

Плотность сельского населения НКАО по сравнению с другими уездами согласно переписи характеризуется следующей таблицей:

(на 1 км^2.)

НКАО	31,6 человек
Кубинский уезд	29,1 »---»
Агдамский уезд	20,2 »---»
Джебраильский уезд	16,7 »---»
Гянджинский уезд	16,7 »---»
Шамхорский уезд	16,4 »---»
Бакинский уезд	15,1 »---»
Курдистанский уезд	10,2 »---»

Состав средней семьи выражается следующим образом:

Агдамский уезд	5,0 человек
НКАО	4,9 »---»
Гянджинский уезд	4,7 »---»
Шамхорский уезд	4,6 »---»
Курдистанский уезд	4,3 »---»
Кубинский уезд	4,3 »---»
Бакинский уезд	4,1 »---»

Грамотность сельского населения возрастных групп определяется следующим образом:

Гянджинский уезд	11,17%
НКАО	8,93%
Бакинский уезд	5,20%
Шамхорский уезд	4,94%
Джебраильский уезд	2,37%
Кубинский уезд	2,30%
Агдамский уезд	1,84%
Курдистанский уезд	0,68%

(более подробно см.: Итоги по сельским обществам во вновь образованных уездах АССР, Нагорного Карабаха…., с. III-V).

По словам издателей материалов переписи «национальный признак регистрировался по принципу самоопределения, т. е. регистратор фиксировал ответы на вопросы так, как получал их от опрашиваемых. Разработку же материалов ЦСУ провел в двух вариантах: а) по признаку самоопределения и б) по признаку национально-племенному, руководствуясь, в последнем случае, литературными источниками (работа производилась б. членом коллегии Аз. ЦСУ М. Н. Авдеевым)».

Нижеследующая таблица, составленная специалистами Аз. ЦСУ, дает ясную картину этнического состава населения рассматриваемых уездов Азербайджана по вышеуказанным двум признакам.

Таблица 1

Административные единицы	**Относительные показатели по признакам**															
	а) Национального самоопределения								б) Национально-племенному							
	Азерб. тюрки	Армяне	Вост. Кав. горцы	Курды	Таты	Русские	Немцы	Прочие	Азерб. тюрки	Армяне	Вост. Кав. горцы	Курды	Таты	Русские	Немцы	Прочие
	В процентах															
Автономная область Нагорного Карабаха	5,60	94,40	-	-	-	-	-	-	5,60	94,40	-	-	-	-	-	-
Курдистанский уезд	19,30	-	-	80,70	-	-	-	-	19,30	-	-	80,70	-	-	-	-
Агдамский	100	-	-	-	-	-	-	-	100	-	-	-	-	-	-	-
Джебраильский	99,50	-	-	0,50	-	-	-	-	99,50	-	-	0,50	-	-	-	-
Гянджинский	59,80	35,40	-	-	-	1,40	3,40	-	59,80	35,40	-	-	-	1,40	3,40	-
Шамхорский	75,00	16,60	-	-	-	7,10	1,30	-	75,00	16,60	-	-	-	7,10	1,30	-
Бакинский	85,59	-	-	-	10,21	4,10	-	0,10	12,30	-	-	-	83,50	4,10	-	0,10
Кубинский	50,73	0,40	33,82	-	13,25	1,70	-	0,10	38,78	0,40	33,82	-	25,20	1,70	-	0,10

Как видно из таблицы, если по двум признакам в Нагорном Карабахе преобладают армяне (94,40%), в Курдистанском уезде – курды (80,70%), то в Бакинском уезде по первому признаку преобладают азербайджанские тюрки (85,59%), а по второму- таты (83,50%).

По численности армяне составляли значительное количество также в Гянджинском (35,40%) и в Шамхорском (16,60%) уездах.

Считаем целесообразным привести здесь неполный список армянских сел этих двух уездов: Бадакенд (2188 чел.), Барсум (1220 чел.), Барсум отс. Солер (1837 чел.), Джагир (1584 чел.), Чардахлы (2762 чел.), Нузгер (1211 чел.), Голицино (593 чел.), Ахкенд (Аджикенд (216 чел.), Бананц (2522 чел.), Човдар (1571 чел.), Зурнабад (1295 чел.), Каракешиш (587 чел.), Мирзик (1093 чел.), Морут (472 чел.), Дашкесан верх. (952 чел.), Дашкесан нижн. (343 чел.), Заглик (3414 чел.), Кущи (1659 чел.), Сеидкенд (918 чел.), Ковалевка (1694 чел.), Аллах (267 чел.), Аджикенд (394 чел.), Азат (633 чел.), Михайловка (336 чел.), Геташен (4264 чел.), Агджакенд верхн. (1928 чел.), Агджакенд нижн. (1477 чел.), Борисы-армянские (601 чел.), Гахтут (127 чел.), Гюлистан (721 чел.), Еншикенд (542 чел.), Карачинар (1253 чел.), Харханут (296 чел.), Армавир (470 чел.), Бузлук (371 чел.), Карабулаг

(741 чел.), Манашид (782 чел.), Эркеч (1172 чел.), (см.: «Известия Аз. ЦСУ», 1923, ¹1 (7), с. 106-111).

Ниже приводится таблица этнического состава населения НКАО по данным сельско-хозяйственной переписи Азербайджана.

Таблица составлена на основании следующих источников:

Азербайджанская сельскохозяйственная перепись 1921 г., Баку, 1922.

Т. 1. вып. 5. Джеванширский уезд.

вып. 6. Карягинский уезд.

вып. 8. Шушинский уезд.

вып. 9. Кубатлинский уезд.

вып. 10. Гяджинский уезд.

Т. 3. вып. XVII. Итоги по сельским обществам во вновь образованных уездах АССР, Нагорного Карабаха и по тем (основным) уездам, в которых произошли изменения границ. Баку, 1924.

Как видно из таблицы все население НКАО в 1921 г. составляло 129243 человек, из которого 122426- армяне (94,73%), 6560 азербайджанских тюрок (5,07%), 267 человек – греки, русские, курды (0,20%).

В городе Шуши проживало 9223 человек (4374 мужчин и 4849 женщин) или 8894 азерб. тюрок, 289 армян, 40 человек –др. национальностей (русских, украинцев, грузин, евреев). (см. «Известия Аз. ЦСУ», 1922, ¹2 (4), с. 100). Для сравнения добавим, что в 1914 г. в городе проживало 42 130 человек, из которых одних только армян- 22 004 (т. е. 52,3%) (см. Кавказский календарь на 1915 год. Тифлис, 1914).

Таблица II

№	Уезды, участки, сельские общества и селения	Общее число хозяйств				По народностям							
						Тюрки Азербайджанские				Армяне			
		хоз.	м.	ж.	всего	хоз.	м.	ж.	всего	хоз.	м.	ж.	всего
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
ХАЧЕНСКИЙ РАЙОН													
I	**Дашбулагская волость**	2554	6010	5769	11779	95	218	224	442	2454	5771	5532	11303
1	Степанакерт (с. Ханкенди)	311	683	696	1379	85	194	204	398	226	489	492	981
2	Пахлюль	Жители живут в Степанакерте											
3	Джамилли	29	68	57	125	-	-	-	-	29	68	57	125
4	Ханазах	139	307	291	598	-	-	-	-	139	307	291	598
5	Баллуджа	244	619	589	1208	-	-	-	-	244	619	589	1208
6	Мехтикенд	150	320	288	608	-	-	-	-	150	320	288	608
7	Каябаши (Дагряв) с 2 от.	229	528	489	1017	-	-	-	-	229	528	489	1017
8	Бадара (Птрецек) с хут.	347	693	687	1380	-	-	-	-	347	693	687	1380
9	Сарукешиш (Хаск)	106	266	250	516	-	-	-	-	106	266	250	516
10	Дашбулаг	243	657	601	1258	-	-	-	-	243	657	601	1258
11	Каракетук (Илис)	61	152	158	310	-	-	-	-	61	152	158	310
12	Хинзиристан с 3 хут.	230	546	550	1096	-	-	-	-	230	546	550	1096
13	Кишлагкенд с 2 хут. (Гишлах)	164	420	401	821	-	-	-	-	164	420	401	821
14	Сейдибеклу с хут. (Сейдишен)	106	296	273	569	-	-	-	-	106	296	273	569
15	Шальва (Рев) с хут.	98	200	218	418	-	-	-	-	98	200	218	418
16	Урахач (Улубаб)	33	104	90	194	-	-	-	-	33	104	90	194
17	Каракышлаг (Ходжалы русск)	54*	127*	111*	238*	-	-	-	-	49	106	98	204

* *остальные русские- 5 хоз. - 34 чел.*

18	Исмаилбеклы	10	24	20	44	10	24	20	44	-	-	-	-
II	**Каладарасинская вол.**	512	1131	1122	2253	176	440	403	843	336	691	719	1410
	а) Каладараси Новое	336	691	719	1410	-	-	-	-	336	691	719	1410
	б)Канач Тала	176	440	403	843	176	440	403	843	-	-	-	-
	в)Херхан												
	г)Чобан Гоне												
	д)Коризерк												
III	**Красносельская вол.**	2698	6206	5854	12060	-	-	-	-	2698	6206	5854	12060
1	Трнаваз (Красное село)	197	476	465	941	-	-	-	-	197	476	465	941
2	Гарав	135	325	310	635	-	-	-	-	135	325	310	635
3	Хачмач	102	269	276	545	-	-	-	-	102	269	276	545
4	Сизник верхний	68	192	177	369	-	-	-	-	68	192	177	369
5	Сизник нижний	162	369	343	712	-	-	-	-	162	369	343	712
6	Дагдаган	114	296	289	585	-	-	-	-	114	296	289	585
7	Шушикенд	600	1153	1000	2153	-	-	-	-	600	1153	1000	2153
8	Дашалты (Каринтак)	224	492	497	989	-	-	-	-	224	492	497	989
9	Мхитаракенд	60	135	133	268	-	-	-	-	60	135	133	268
10	Гюнот (Гюнот Дашалты)	37	86	75	161	-	-	-	-	37	86	75	161
11	Дашкент (ДаШуши н)	55	150	143	293	-	-	-	-	55	150	143	293
12	Чанахчи (Ленинакерт)	323	772	776	1548	-	-	-	-	323	772	776	1548
13	Карабулах	127	286	259	545	-	-	-	-	127	286	259	545
14	Мадаткенд	60	133	120	253	-	-	-	-	60	133	120	253
15	Тухнакал	17	45	37	82	-	-	-	-	17	45	37	82
16	Дамурчилар	74	186	161	347	-	-	-	-	74	186	161	347
17	Кущи-баба (Мошх-Мгат)	64	148	139	287	-	-	-	-	64	148	139	287
18	Сарушен	151	416	390	806	-	-	-	-	151	416	390	806
19	Сигнах (Схнах)	128	277	264	541	-	-	-	-	128	277	264	541
IV	**Аскеранская волость**	1856	4334	3929	8263	-	-	-	-	1856	4334	3929	8263
1	Ханабад Верхний	143	411	369	780	-	-	-	-	143	411	369	780
2	Ханабад Нижний	30	96	86	182	-	-	-	-	30	96	86	182
3	Хорамурт	122	275	238	513	-	-	-	-	122	275	238	513
4	Дашбаши (Аравюсь, Караглух)	178	309	302	611	-	-	-	-	178	309	302	611
5	Кешишкенд (Норагюх)	202	452	413	865	-	-	-	-	202	452	413	865
6	Енгиджа (Сардарашен) с хут.	105	262	218	480	-	-	-	-	105	262	218	480
7	Кличбаг Верхний	67	149	133	282	-	-	-	-	67	149	133	282
8	Кличбаг Нижний	84	189	161	350	-	-	-	-	84	189	161	350
9	Пирджамал	143	341	355	696	-	-	-	-	143	341	355	696
10	Нахчиваник с хут.	210	427	401	828	-	-	-	-	210	427	401	828
11	Аранзамин с хут. (Варазабюн)	241	592	510	1102	-	-	-	-	241	592	510	1102
12	Агбулаг (Мирушаллу)	98	266	205	471	-	-	-	-	98	266	205	471
13	Даграв	95	251	240	491	-	-	-	-	95	251	240	491
14	Кятук (Агдар)	138	314	298	612	-	-	-	-	138	314	298	612
	ВСЕГО	7620	17681	16674	34355	271	658	627	1285	7344	17002	16034	33036
	ВАРАНДИНСКИЙ РАЙОН												
I	**Тагавертская волость**	1095	2733	2445	5178	-	-	-	-	1095	2733	2445	5178
1	Тагаверт (Нижний)	419	982	914	1896	-	-	-	-	419	982	914	1896
2	Шехер	105	279	267	546	-	-	-	-	105	279	267	546
3	Занданашен (Тагаверт верхний)	161	390	356	746	-	-	-	-	161	390	356	746
4	Саркисашен (Джагадуз)	136	371	354	725	-	-	-	-	136	171	354	725
5	Схторашен	188	502	370	872	-	-	-	-	188	502	370	872

6	Билбиляк	27	71	61	132	-	-	-	-	27	71	61	132
7	Мавас	59	138	123	261	-	-	-	-	59	138	123	261
II	**Сусская волость**	1207	2921	2696	5617	-	-	-	-	1207	2921	2696	5617
1	Сус	224	537	535	1072	-	-	-	-	224	537	535	1072
2	Амарас (Аг-оглан)	21	48	34	82	-	-	-	-	21	48	34	82
3	Машади-Калер	58	126	119	245	-	-	-	-	58	126	119	245
4	Машадишен (Арбадуз)	203	420	402	822	-	-	-	-	203	420	402	822
5	Мысмна (Агбулах)	65	205	173	378	-	-	-	-	65	205	173	378
6	Хирхан	118	316	293	600	-	-	-	-	118	316	293	609
7	Караундж	46	108	108	216	-	-	-	-	46	108	108	216
8	Керт (Кузумкенд)	189	478	409	887	-	-	-	-	189	478	409	887
9	Завадых (Цоватех)	119	277	242	519	-	-	-	-	119	277	242	519
10	Гергер	164	406	381	787	-	-	-	-	164	406	381	787
III	**Чартазская волость**	1971	5071	4595	9666	-	-	-	-	1971	5071	4595	9666
1	Гюней Чертаз	113	256	253	509	-	-	-	-	113	256	253	509
2	Гюзей Чертаз	305	698	621	1319	-	-	-	-	305	698	621	1319
3	Гюней Калер	236	665	623	1288	-	-	-	-	236	665	623	1288
4	Гюзей Калер	200	502	456	958	-	-	-	-	200	502	456	958
5	Хунашинак (Испаганджук)	207	535	477	2012	-	-	-	-	207	535	477	1012
6	Гиши	296	802	749	1551	-	-	-	-	296	802	749	1551
7	Мушкапат	196	536	466	1002	-	-	-	-	196	536	466	1002
8	Гавахан	118	367	326	693	-	-	-	-	118	367	326	693
9	Кендхурд	300	710	624	1334	-	-	-	-	300	710	624	1334
IV	**Норшенская волость**	2036	4971	4672	9643	-	-	-	-	2035	4971	4672	9643
1	Норшен (Еншкенд)	214	499	463	962	-	-	-	-	214	499	463	962
2	Мюришен (Мирикенд)	125	361	301	662	-	-	-	-	125	361	301	662
3	Авдур (Такир)	128	360	343	703	-	-	-	-	128	360	343	703
4	Каракенд (Гызгала)	303	744	677	1421	-	-	-	-	303	744	677	1421
5	Емища (Емиджа)	95	195	203	398	-	-	-	-	95	195	203	398
6	Спитакашен (Ахкенд)	126	294	256	550	-	-	-	-	126	294	256	550
7	Ашан (Гешан)	214	530	523	1053	-	-	-	-	214	530	523	1053
8	Кагардза	281	661	623	1284	-	-	-	-	281	661	623	1284
9	Барабатум (Параватумб)	77	206	183	389	-	-	-	-	77	206	183	389
10	Карадахлу (Варандалу)	Разрушено											
11	Ннги (Джамиат)	303	682	669	1351	-	-	-	-	303	682	669	1351
12	Ннгиджан (Малый Джамиат)	21	46	54	100	-	-	-	-	21	46	54	100
13	Гацы	148	393	377	770	-	-	-	-	148	393	377	770
V	**Хонашенская волость**	66	164	145	309	66	164	145	309	-	-	-	-
1	Хонашен (Николаевка)	Не переписано											
2	Скобелевка	Жители переселились в Россию											
3	Котляревка	» » » »											
4	Муганлы	66	164	145	309	66	164	145	309	-	-	-	-
5	Ходжавенд	Не переписано											
6	Амираллар	Не переписано											
7	Куропаткино	Жители переселились в Россию											
	Всего	6374	15860	14553	30413	66	164	145	309	6308	15696	14408	30104
	ДИЗАКСКИЙ РАЙОН												
I	**Эдиллинская волость**	741	1832	1719	3551	26	73	47	120	715	1759	1672	3431
1	Агбулаг	86	218	202	420	-	-	-	-	86	218	202	420
2	Ахиллу и Кюгулу	118	253	245	498	3	6	9	15	115	247	236	483
3	Булутан	60	157	144	301	-	-	-	-	60	157	144	301
4	Дудукчин	102	266	222	488	19	54	28	82	83	212	194	406
5	Эдиллу	141	478	410	888	4	13	10	23	137	465	400	865
6	Хрманджук	95	172	184	356	-	-	-	-	95	172	184	356
7	Гога (арм.)	139	288	312	600	-	-	-	-	139	288	312	600
8	Гога (мусульм.)	Не переписано											
II	**Гадрутская**	1557	4026	3815	7841	-	-	-	-	1557	4026	3815	7841

	волость												
1	Ванк	79	206	196	402	-	-	-	-	79	206	196	402
2	Гадрут	404	1106	1079	2185	-	-	-	-	404	1106	1079	2185
3	Кемракуч	122	302	290	592	-	-	-	-	122	302	290	592
4	Кочбек	45	134	123	257	-	-	-	-	45	134	123	257
5	Куцилар	28	83	72	155	-	-	-	-	28	83	72	155
6	Меликджанлу	65	162	175	337	-	-	-	-	65	162	175	337
7	Норашен	49	113	116	229	-	-	-	-	49	113	116	229
8	Сур (Цор)	207	506	521	1027	-	-	-	-	207	506	521	1027
9	Таанк и Тааны	92	265	202	467	-	-	-	-	92	265	202	467
10	Шагах	185	497	397	894	-	-	-	-	185	497	397	894
11	Тагасыр	150	330	350	680	-	-	-	-	150	330	350	680
12	Эдиша	131	322	294	616	-	-	-	-	131	322	294	616
III	**Аракюлская волость**	940	2602	2440	5042	-	-	-	-	940	2602	2440	5042
1	Аракюль	180	550	522	1091	-	-	-	-	180	569	522	1091
2	Баназур	288	604	650	1254	-	-	-	-	288	604	650	1254
3	Бинятлы	53	196	173	369	-	-	-	-	53	196	173	369
4	Дашбаши (Караглух)	80	239	206	445	-	-	-	-	80	239	206	445
5	Джилан	58	213	211	424	-	-	-	-	58	213	211	424
6	Мюлкудара	90	270	233	503	-	-	-	-	90	270	233	503
7	Замзур	191	511	445	956	-	-	-	-	191	511	445	956
IV	**Хозабюртская волость**	546	1672	1448	3120	-	-	-	-	546	1672	1448	3120
1	Хозабюрт	110	374	327	701	-	-	-	-	110	374	327	701
2	Старый Таг	120	418	371	789	-	-	-	-	120	418	371	789
3	Доланлар	200	504	447	951	-	-	-	-	200	504	447	951
4	Агджакенд (Асрик б.)	107	347	277	624	-	-	-	-	107	347	277	624
5	Арфа-Гедук	Не переписано											
6	Спитакашен	Не переписано											
7	Петрсашен	Не переписано											
8	Тесхараб	Не переписано											
9	Гарар (Гарал)	9	29	26	55	-	-	-	-	9	29	26	55
V	**Тугская волость**	2119	5286	5086	10372	-	-	-	-	2119	5286	5086	10372
1	Туг	353	800	789	1589	-	-	-	-	353	800	789	1589
2	Домы	319	888	834	1722	-	-	-	-	319	888	834	1722
3	Сусалых	92	274	242	516	-	-	-	-	92	274	242	516
4	Акаку	31	139	123	262	-	-	-	-	31	139	123	262
5	Атагут	128	308	317	625	-	-	-	-	128	308	317	625
6	Цакуры	76	214	180	394	-	-	-	-	76	214	180	394
7	Мамедацор	93	231	224	455	-	-	-	-	93	231	224	455
8	Чиракуйс	114	296	273	569	-	-	-	-	114	296	273	569
9	Таг	618	1432	1429	2861	-	-	-	-	618	1432	1429	2861
10	Азох	217	511	498	1009	-	-	-	-	217	511	498	1009
11	Драхтик	78	193	177	370	-	-	-	-	78	193	177	370
12	Салакатин	Не переписано											
	ВСЕГО	5903	15418	14508	29926	26	73	47	120	5877	15345	14461	29806
	ДЖРАБЕРДСКИЙ РАЙОН												
I	**Маргушеванская волость**	1598	4062	3854	7916	-	-	-	-	1598	4062	3854	7916
1	Маргушеван	273	672	676	1348	-	-	-	-	273	672	676	1348
2	Марага	198	513	490	1003	-	-	-	-	198	513	490	1003
3	Гасан Гая (Брудж)	109	241	241	482	-	-	-	-	109	241	241	482
4	Сейсулан	60	159	154	313	-	-	-	-	60	159	154	313
5	Яримджа	20	44	43	87	-	-	-	-	20	44	43	87
6	Маралян Саров	72	163	160	323	-	-	-	-	72	163	160	323
7	Чайлу Верхний	147	364	310	674	-	-	-	-	147	364	310	674
8	Чайлу Нижний	76	160	160	320	-	-	-	-	76	160	160	320
9	Талыш	325	859	863	1722	-	-	-	-	325	859	863	1722
10	Мадагиз	53	185	162	347	-	-	-	-	53	185	162	347
11	Дамирляр (Хорузлу)	52	141	129	270	-	-	-	-	52	141	129	270
12	Тонашен	100	243	212	455	-	-	-	-	100	243	212	455
13	Дастагир	31	91	64	155	-	-	-	-	31	91	64	155
14	Тирус (Егакер)	59	165	135	300	-	-	-	-	59	165	135	300
15	Леонарх	23	62	55	117	-	-	-	-	23	62	55	117
16	Красное село (Кармираван)	Образов. после переписи 1921 г.											
II	**Оратагская волость**	2147	5913	5371	11284	106	272	242	514	2023	5598	5081	10679

1	Оратаг	165	441	366	807	-	-	-	-	165	441	366	807
2	Мардакерт (Агдара)	450	1263	1166	2429	-	-	-	-	450	1263	1166	2429
3	Дамирлу	43	100	93	193	-	-	-	-	43	100	93	193
4	Касапет	178	454	403	857	-	-	-	-	178	454	403	857
5	Гюлятаг	192	473	438	911	-	-	-	-	192	473	438	911
6	Джанятаг	204	584	508	1092	-	-	-	-	204	584	508	1092
7	Казанчи	73	199	179	378	-	-	-	-	73	199	179	378
8	Мохратаг (Кичик-Карабек)	225	653	603	1256	-	-	-	-	225	653	603	1256
9	Мец Шен (Улу-Карабек)	176	527	499	1026	-	-	-	-	176	527	499	1026
10	Магавуз (Чардахлу)	220	625	575	1200	-	-	-	-	220	625	575	1200
11	Люлясаз (Енгиджа)	97	279	251	530	-	-	-	-	97	279	251	530
12	Мингрельское	Русские переселенцы покинули сел. в 1917-18гг.											
13	Мехмана	18*	43*	48*	91*	-	-	-	-	-	-	-	-
14	Геравенд (Аджи Геравенд)	Не переписано											
15	Манык (Срхавенд)	106	272	242	514	106	272	242	514	-	-	-	-
III	**Довшанлинская волость**	1478	3806	3495	7301	68	192	218	410	1410	3614	3277	6891
1	Довшанлу (Арчадзор) с хуторами: Погосагюмер, Гасарагач, Ахперахач, Врсыкюмер, Правенцор	428	1113	1043	2156	-	-	-	-	428	1113	1043	2156
2	Ванк	234	689	622	1311	-	-	-	-	234	689	622	1311
3	Цмакаох (Базаркенд)	117	324	273	598	-	-	-	-	117	324	274	598
4	Шахмасур	38	93	79	172	-	-	-	-	38	93	79	172
5	Гарнакар (Горманлу)	44	112	100	212	-	-	-	-	44	112	100	212
6	Дагмаллу (Тыбуллу)	63	139	145	284	-	-	-	-	63	139	145	284
7	Колатак	122	265	273	538	-	-	-	-	122	265	273	538
8	Баллу-кая (Кичан)	59	122	105	227	-	-	-	-	59	122	105	227
9	Аяд (Ахмахлы)	64	161	126	287	-	-	-	-	64	161	126	287
10	Оратаг (Нижний отс. с Ванк)	38	87	78	165	-	-	-	-	38	87	78	165
11	Айвалы (Тромбон)	93	214	186	400	-	-	-	-	93	214	186	400
12	Норишлар (Коджа-Гурт)	13	44	49	93	13	44	49	93	-	-	-	-
13	Яйджа (Коджагот)	110	295	246	541	-	-	-	-	110	295	246	541
14	Срховенд (Балукая)	55	148	169	317	55	148	169	317	-	-	-	-
IV	**Атеркская волость**	830	2494	2288	4782	129	310	336	646	679	2102	1892	3994
1	Арутюна-гомер (Кизил-кая)	73	217	193	410	-	-	-	-	73	217	193	410
2	Вагуас (Козлу)	100	295	246	541	-	-	-	-	100	295	246	541
3	Чафар (Усаджик)	105	322	294	616	-	-	-	-	105	322	294	616
4	Черектар	22**	82**	60**	142**	-	-	-	-	-	-	-	-
5	Иммарат Геравенд	27	61	83	144	27	61	83	144	-	-	-	-
6	Керамлу	33	96	102	198	33	96	102	198	-	-	-	-
7	Зардахач	58	167	122	289	-	-	-	-	58	167	122	289
8	Умутлу (Архана)	69	153	151	304	69	153	151	304	-	-	-	-
9	Заглик (Новый Фиф)	104	345	376	721	-	-	-	-	104	345	376	721
10	Атерк (Гасан-Риз) с отсельами: Джахен, Хламджур; Ветац-Ахпюр и Так-	239	756	661	1417	-	-	-	-	239	756	661	1417

* *Греки*
** *курды*

	Джур.												
	ВСЕГО	6053	16275	15008	31283	303	774	796	1570	5710	15376	14104	39480
ШУШИНСКИЙ РАЙОН													
I	**Малибеклинская волость**	705	1608	1658	3266	705	1608	1658	3266	-	-	-	-
1	Малибеклу	202	499	443	942	202	499	443	942	-	-	-	-
2	Кущилар	57	126	113	239	57	126	113	239	-	-	-	-
3	Керпа Апатли	Кочевники											
4	Фараджалу	Возникло после 1921 г.											
5	Даралагез	Возникло после 1921 г.											
6	Ходжалу (мусульм.)	70	128	190	318	70	128	190	318	-	-	-	-
7	Джангасан	Пропущено при переписи											
8	Кесалар	Пропущено при переписи											
9	Халифалу	198	509	564	1073	198	509	564	1073	-	-	-	-
10	Кейбалы	Жители живут в Степанакерте											
11	Киркиджан	103	179	152	331	103	179	152	331	-	-	-	-
12	Зарыслы	75	167	196	363	75	167	196	363	-	-	-	-
	ВСЕГО	705	1608	1658	3266	705	1608	1658	3266	-	-	-	-
СВОДНАЯ ТАБЛИЦА													
1	**Варандинский район**	6374	15860	14553	30413	66	164	145	309	6308	15696	14408	30104
2	**Дизакский район**	5903	15418	14508	29926	26	73	47	120	5877	15345	14461	29806
3	**Джрабердский район**	6053	16275	15008	31283	303	774	796	1570	5710	15376	14104	29480
4	**Хаченский район**	7620	17681	16674	34355	271	658	627	1285	7344	17002	16034	33036
5	**Шушинский район**	705	1608	1658	3266	705	1608	1658	3266	-	-	-	-
	ВСЕГО	26655	66842	62401	129243	1371	3277	3273	6550	25239	63419	59007	122426

А. Мкртчян

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ АРМЯН НАГОРНОГО КАРАБАХА

(вторая половина XIX – начало XX вв.)

Введение

В последние десятилетия сравнительно мало внимания уделяется изучению многовекового этнокультурного опыта регулирования соционормативных традиций у разных народов Советского Союза, что способствовало бы созданию предпосылок для объективной оценки и прогнозирования ожидаемых результатов целого ряда теоретических и, что особенно важно, практических разработок в этой области.

В современных условиях повсеместного роста этнического самосознания у народов СССР на первый план выдвигается необходимость научного познания содержания и сущности тех этнокультурных традиций, которые питают национальные чувства людей. Это диктуется самим характером предмета этнографии. Поэтому, при всей значимости изучения современных проблем, исследование традиционных компонентов культуры остается составной частью этнографической науки. Перечисленные проблемы можно изучать как в целом, так и на основе отдельных сфер этнической культуры. Общественный быт является одной из сфер, постоянно находящийся в центре внимания этнографов.

Будучи феноменом традиционной соционормативной культуры этноса, общественный быт, хотя и входит органически в систему экономических, социально-политических и государственно-правовых связей и отношений, тем не менее не всегда находится в соответствии с указанными реалиями. В зависимости от этнокультурной среды своего функционирования многие компоненты общественного быта обладают межформационным характером – обстоятельство, которое определяет актуальность изучения традиционных форм организации социальной сферы, выявления закономерностей их сложения и развития, условий бытования различных обычаев и традиций в этой области.

Не менее важным представляется исследование различных сторон общественного быта в пределах отдельных локальных подразделений основных этнических общностей – этносов, ибо невозможно составить целостное представление о том или ином этносе без познания его составляющих. В то же время изучение исторически сложившихся микроэтнических образований дает возможность проследить закономерности формирования общих и локальных черт в единой культуре этноса, выявить собственно этнические и инородные ее пласты на фоне внутриэтнических процессов и межэтнических контактов.

Именно этими обстоятельствами и обусловлен выбор общественного быта армян Нагорного Карабаха в качестве объекта исследования.

Целью работы является историко-этнографическое исследование традиционного общественного быта армян Нагорного Карабаха. Под Нагорным Карабахом подразумевается территория сегодняшней Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР.[1] В этих границах Нагорный Карабах составляет лишь часть обширной области в Восточном Закавказье между реками Кура и Аракс, известной с XIV в. под названием Карабах. С другой стороны, он является частью одной из историко-этнографических областей Исторической Армении – Арцаха.[2] Часто его выделяют как отдельный этнографический район, населенный армянами за пределами Армянской ССР,[3] а также в качестве одной из этнографических зон

---

1 Область образовалась в 1923 г. из горных и предгорных частей Джеванширского, Шушинского и Джебраильского (с 1902 г. Карягинского) уездов бывшей Елисаветпольской губернии

2 Д. С. Вардумян. ***Характеристика основных этнографических районов Армении в XIX веке. – VII МКАЭН (Москва, 1964). Доклады советской делегации.*** *М., 1964*

3 См.: ***Народы Кавказа,*** *т. 2. М., 1962, с. 440*

Азербайджанской ССР, включающей и некоторые прилегающие районы, населенные преимущественно азербайджанцами.[1]

Еще в 1920-х годах известный армянский этнограф С. Д. Лисицян, исследуя культуру и быт армян Нагорного Карабаха, заметил, что вопрос взаимоотношения армянской и азербайджанской культур недостаточно изучен.[2] Это замечание остается в силе и сегодня. Между тем Нагорный Карабах был и по сей день остается одной из самых ярко выраженных этноконтактных зон Закавказья. Именно необходимостью изучения межэтнических контактов, выявления этнодемографической ситуации и этнокультурных процессов в данном регионе и определяется цель нашего исследования.

Относительно понятия "общественный быт" следует сказать, что оно является одним из основных в этнографической науке и обозначает довольно обширную сферу жизнедеятельности этноса. Однако, оперируя данным понятием, этнографы не всегда дают его четкую формулировку. Объясняется это и многозначностью данного понятия. В большинстве случаев исследователи лишь очерчивают круг вопросов, относящихся к "общественному быту". В качестве синонимов используются также понятия "общественная жизнь", "общественный строй", "общинный быт".

На основе анализа существующих мнений Ю. Анчабадзе приходит к выводу, что "в самом общем виде общественный быт может рассматриваться как формы и способы реализации социальных связей и отношений внутри коллективов разного порядка, основанных на достигнутом данным этносом уровне социально-экономического развития".[3] Такое определение можно принять в качестве исходного.

Отметим также, что в последнее время для раздела этнографии, традиционно обозначавшегося термином "общественный быт" или "строй", применяется термин "соционормативная культура", под которым понимается "совокупность тех компонентов культуры, которые обеспечивают детерминацию и регуляцию человеческого поведения; при этом имеются в виду такие институты, как право, мораль, обычай, ритуал, значительная часть религиозных институтов и различные социальные структуры".[4]

Изучение общественного быта предполагает выделение того конкретного человеческого коллектива, в рамках которого реализуется социальная деятельность этноса. В традиционном сельском быту в качестве такого коллектива, как правило, выступала сельская община, являющаяся к тому же лучшим носителем этнической традиции.[5] Рассмотрение сельской общины как целостной системы с характерной для нее социальной структурой составляет одну из основных задач данной работы.

Поскольку в Нагорном Карабахе сельская община пространственно была локализована чаще всего в рамках одного поселения, то в работе ставится также задача изучения связи социальной организации общины с ее территориальной организацией. Другой аспект изучения сельской общины заключается в рассмотрении ее как определенного хозяйственного и административного организма.

Как известно, общественный быт реализуется не только во внутриобщинных, но и в межобщинных отношениях и связях. Изучение характера и форм проявления, а также степени интенсивности межобщинных контактов является следующей задачей исследования, тем более что межобщинные отношения в Нагорном Карабахе часто принимали форму межэтнических контактов.

---

1 А. Г. Трофимова. ***К вопросу об этнографических зонах Азербайджанской ССР. – Краткие сообщения Института этнографии,*** *М., 1959, с. 41-42*

[2] Ստ. Լիսիցյան, ***Լեռնային Դարաբաղի հայերը (ազգագրական ակնարկ).*** *- ՀՍՍՀ, Երևան, 1981, էջ. 12, էջ 17*

[3] Ю. Д. Анчабадзе. ***Общественный быт абхазов во второй половине XIX – начале XX века.*** *Дисс. канд. ист. наук. М., 1981, с. 9*

[4] Ю. В. Бромлей. ***Важная задача современной этнографии.*** *– СЭ, 1983, N 5, с. 71*

[5] *См.:* М. М. Громыко. ***Место сельской (территориальной; соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций.*** *– СЭ, 1984, N 5, с. 70-80. См.также обсуждение статьи в СЭ, 1984, N 6; 1985, N 1-2*

Работа написана на основе сравнительного анализа данных литературных и архивных источников,[1] а также полевых этнографических материалов, собранных автором в 1983-1987 гг. среди армянского населения НКАО.[2]

Данной работой впервые в советской этнографии предпринято монографическое изучение общественного быта крупной историко-этнографической области – Нагорного Карабаха, отличающейся специфическими условиями исторического, социально-экономического, политического и этнокультурного развития. В ходе изложения работы был исследован не только весь опубликованный и рукописный материал, но и по специально разработанной программе осуществлен сбор полевых этнографических материалов в армянских селах Нагорно-Карабахской автономной области. Особое внимание в период полевых изысканий уделялось тем аспектам, которые в наименьшей степени представлены в литературных и архивных источниках. В частности, целиком на основе полевых материалов освещены многие стороны межэтнических контактов, характерные черты обычая кумовства, проблема соотношения пространственной и социальной организаций общины, вопросы репутации личности в сельской общине и другие аспекты, характеризующие общественный быт сельского населения края.

Глава первая.

Этническая и социально-экономическая характеристика Нагорного Карабаха во второй половине XIX-начале XX вв.

Изучение общественного быта того или иного этноса (или какого-либо его локального подразделения) не только предполагает рассмотрение отдельных компонентов, составляющих эту сферу этнической культуры, но и подразумевает определение той социально-экономической, этнодемографической и политической среды, в условиях которой протекает социокультурная жизнь данной этнической общности.

Важным подспорьем этнографического изучения Нагорного Карабаха является выявление этнического состава, определение динамики численности населения и характера его расселения. Немаловажную роль в сложении этнодемографической ситуации в Нагорном Карабахе играли хозяйственный уклад и социальная организация занимавших данную территорию этнических подразделений. Однако отмеченные реалии находились в прямой или опосредованной зависимости от постоянных метаморфоз политической ситуации, во многом обусловливающих сдвиги в различных сферах хозяйственной жизни и изменения в этнодемографической картине края.

Этнический состав населения и характер расселения. В исследуемый период в Нагорном Карабахе жили армяне, азербайджанцы (известные в дореволюционной литературе под названием “татары” или “кавказские татары”), русские, курды, а также незначительное число греков. Благодаря тому, что местные армянские княжеские дома (“меликутюн”) отстояли полунезависимое политическое состояние, в Нагорном Карабахе вплоть до конца XVIII в. сохранилось коренное армянское население. Армяне составляли основное население края и в период функционирования здесь Карабахского ханства (1748-1822). Точные данные об их численности отсутствуют. С. Д. Бурнашев сообщает, что “во владении хана Шушинского христиан 7000 дворов почитается”[3]. Армянские источники того же периода число

---

[1] *Здесь опущен раздел об источниках и историографии вопроса объемом более 14 страниц (прим. составителей)*

[2] *Полевые записи (ԴԱՆ) сделаны на армянском языке в следующих селениях: Гызгала, Чартар, Тагаварт, Сос, Мачкалашен (Мартунинский р-н), Туми, Мец Таглар, Агаджакенд, Хин Таглар (Гадрутский р-н), Чанахчи, Ханацах (Аскеранский р-н), Талыш, Ванк (Мартакертский р-н). Материалы хранятся в архиве Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (ныне – Институт этнологии и антропологии АН России)*

[3] С. Д. Бурнашев. **Описание областей Азербайджанских в Персии и их политического состояния.** *Курск. 1793, с. 15*

армянского населения, подвластного только пяти меликам, определяют в 10000[1] и даже в 12000[2] дворов.

Однако в конце XVIII - начале XIX вв. вследствие борьбы армянских меликов против мусульманских правителей – ханов, опустошительных походов персидского Ага-Магомед-хана в 1795 г. и 1797 г., последовавших за ними голода и чумы,[3] а также русско-персидской войны 1804-1813 гг. (центральной ареной военных действий которой был Карабах), армянское население было частью уничтожено, частью угнано персами в плен, частью же убежало в другие районы Закавказья, особенно в Грузию,[4] Ширван,[5] Шаки.[6] Толпы карабахских беженцев дошли до Северного Кавказа.

В 1805 г. при вступлении области в подданство России она "заключала в себе народонаселение более 10000 семей, но в 1812 году, при переписи жителей Карабаха, имела уже не более 3080, и тех вовсе разоренных и лишившихся своего имущества".[7] После подписания Гюлистанского мирного договора, армянское население Карабаха постепенно увеличивается, в основном за счет возвращения сбежавшего ранее населения. Тем не менее при общей численности населения Карабахской провинции в 1823 г. 18563 семейств, армяне составляли лишь 1/3 часть.[8] Следует учесть также, что сохранялось ядро коренного армянского населения и, по сравнению с другими районами Восточной Армении, Карабах "сохранил относительно больше этнических традиций".[9]

В 1820-30 гг. в регионе наряду с коренным армянским населением появилось пришлое армянское население, переселившееся из Персии согласно Туркменчайскому договору 1828 г.[10] Из 40 тыс. общего числа переселенцев лишь небольшая часть (535 семейств[11]) была направлена властями в Карабахскую провинцию, при этом многие из них вымерли, поскольку вовремя не предпринимались меры по их благоустройству.[12]

Вышедшие из Персии армяне образовали в Нагорном Карабахе более двадцати отдельных поселений,[13] а некоторые их группы поселились в селах вместе с коренными жителями. Поскольку переселенцы в основном были выходцами из персидской провинции Карадаг, в Карабахе местные жители их называли "карадагцами", или же *гялма* (по азерб. "пришелец"). Такое своеобразное "противопоставление" пришлых и коренных армян являлось одной из характерных черт общественного быта в селах со смешанным населением. "Армяне-пере-

---

[1] А. Р. Иоаннисян. **Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия.** *Ереван, 1947, с. 42*

[2] *Там же, с.185. Сведение, сообщаемое в одном из своих рапортов генералом Цициановым о том, что в Карабахском ханстве одних армян было 60000 дворов (АКАК, т.II, N 1240), следует считать преувеличением. В другом своем рапорте Цицианов указывает другую цифру – 40000 дворов (АКАК, т. II, N 1436)*

[3] Мирза Джемал Джеваншир. **История Карабага.** *Баку, 1959, с. 83;* А. Аракелян. **Присоединение Карабаха к царской России. – "Исторический журнал",** *1939, N 10, с. 54*

[4] *АКАК, т. 5, N 696, с. 579, 580*

[5] *Жизнь Артемия Араратского. М., 1981, с. 89. В конце XVIII века имело место также переселение карабахских армянских меликов с подвластным им населением в Ганджинское ханство, а также в районы Болниси, Борчалу и Казах, находившимися тогда в составе грузинского царства. См.: П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869, ч. 2, с. 195; АКАК, т. 1, ч. II, N 34, с. 123; N 50, с. 1163 и др.*

[6] *АКАК, т. 5, N 181, с. 125; N 197, с. 132. Источники конца XIX в. указывают десятки сел в Шаки и Ширване, заселенных армянами-переселенцами из Карабаха. См. напр.: МИЭБГКЗК, т. 5, ч. II, с. 12; т. 6, ч. 1, с. 20;* Մ. Բարխուդարյանց, **Աղուանից երկիր և դրացիք,** *Թիֆլիս, 1893, էջ 169-280*

[7] *АКАК, т. 6, ч. I, Тифлис, 1974, N 1265, с. 836*

[8] *ЦГИА АзербССР, ф. 24, т. 1, ед. хр. 142. В недавно вышедшей брошюре "Нагорный Карабах" приводится точное количество коренного армянского населения на 1823 г. – 5107 дворов, что соответствует нашим данным. См.: Нагорный Карабах: Историческая справка. Ереван, 1988, с. 19*

[9] Ստ. Լիսիցյան, **նշվ. աշխ.,** *էջ 16*

[10] С. Глинка. **Описание переселения армян азербайджанских в пределы России.** *М., 1831*

[11] Н. А. Тавакалян, **Переселение армян из Персии и Турции в Закавказье после присоединения Восточной Армении к России. – ՊԲՀ,** *1978, N 3, էջ 32. Согласно другим данным из переселенцев в Карабахе было поселено 700 семей, из числа которых 300 семей вернулось обратно, а значительная часть оставшихся вымерла в результате эпидемии чумы. См.:* Մ. Գ. Դարբինյան, **Պարսկահայերի գաղթը (նրանց բնակեցումը (1828-1829).** *Переселение персидских армян и их поселение (1828-1829 гг.). – ԼՀԳ, 1973, N 8, էջ 12-22;* Р. А. Мелик-Саркисян. **Переселение армян из Персии в Восточную Армению в 1828-1829 гг. – ԲԵՀ,** *1979, N 2, էջ 42-45*

[12] *АКАК, т. 7, Тифлис, 1878, N 461; КПРЦА, ч. I, с. 204*

[13] А. Г. Деконский. **Экономический быт государственных крестьян в Шушинском и Джебраильском уездах. – МИЭБГКЗК,** *Тифлис, 1886, т. 4, ч. I, с. 230;* Մ. Բարխուդարյանց, **նշվ. աշխ.:** *ԴԱՆ-1983, 1984*

селенцы из Персии, - пишет А. Е. Хан-Агов, - во многом отличаются от коренных армян-карабахцев, как по языку, так и по костюму; наречие персидских армян не вполне понятно для армян туземцев, хотя за последнее время первые значительно утратили свой говор и усвоили несколько карабахское наречие”.[1]

Следует однако отметить, что приток нового населения не внес заметных изменений в этнографическую картину региона, поскольку оно составило небольшой процент, а также по той причине, что “между Карабахом и Карадагом издавна существовали сближавшие их в бытовом отношении хозяйственные и культурные связи”.[2] В дальнейшем существенных переселений армянского населения в Карабах не было, и в этнографическом отношении оно оставалось однородным.

Относительно второй половины XIX - начала XX в. существуют более или менее точные данные о численности и этническом составе населения Нагорного Карабаха. Вот как они выглядят в трех уездах Елисаветпольской губернии, куда вошла территория Нагорного Карабаха.[3]

Таблица 1. Численность и этнический состав населения в трех уездах Елисаветпольской губернии в 1886-1913 гг. (в тыс. чел.)

Уезды	Год	Армяне	Азербайджанцы	Русские
Шушинский*	1886[4]	57.993	41.292	278
Джебраильский		11.669	33.577	213
Джеванширский		16.073	33.354	-
г. Шуши		15.188	11.595	21
Итого:		100.923	119.818	512
Шушинский*	1897[5]	59.533	52.090	1.098
Джебраильский		15.746	49.189	893
Джеванширский		19.551	52.493	204
г. Шуши		14.420	10.788	396
Итого:		109.250	164.560	2.591
Шушинский*	1913[6]	75.104	75.135	5.250
Джебраильский		22.883	57.454	666
Джеванширский		25.594	54.599	1.241
г. Шуши		21.282	18.213	1.254

[1] А. Г. Хан-Агов. **Экономический быт государственных крестьян Джеванширского уезда. – МИЭБГКЗК**, *1887, т. 6, ч. 2, с. 339*

[2] Ստ. Լիսիցյան, **նշվ. աշխ.,** *էջ 21: Как на рубеже XVIII-XIX вв., так и в более ранние периоды, имело место также переселение армян из Карабаха в Персию. См. напр.:* Аракел Даврижеци. **Книга историй.** *М., 1973, с. 47*

[3] *Поскольку приводимая автором таблица отражает состав и численность населения на территории большей, чем Нагорный Карабах, ниже приводится таблица динамики численности и этнического состава населения самого Нагорного Карабаха, а также г. Шуши в 1823-1923 гг. Таблицы составлены Г. Г. Саркисяном в 1989-1990 гг., т.е. позднее защиты диссертационной работы А. А. Мкртчяном (прим. составителей)*

[*] *Без учета населения города Шуши*

[4] *Данные за 1886г. составлены по: Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893*

[5] *Данные за 1897г. составлены по:* **Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.,** *СПб., 1904, т. XIII, с. 72, 73, 78*

[6] *Данные за 1913г. составлены по: Обзор Елисаветпольской губернии за 1913 г. Тифлис, 1915, Приложение N 1*

Итого:		144.863	205.411	8.411

Таблица. Этнический состав и динамика численности населения

Карабахской провинции (в пределах границ НКАО) в 1823-1923 гг. (в тыс. чел.) (составитель – Г. Г. Саркисян)[1]

Этнический состав	1823	%	1897	%	1914	%	1921	%	1923	%
Армяне	30.8	84.6	106.4	82.7	135.2	80.9	122.7	88.6	149.0	94.4
Гюркоязычное население	5.4	14.7	20.4	15.9	29.9	17.9	15.4	11.2	7.2	4.6
Русские	-	-	1.5	1.2	1.9	1.2	-	-	0.2	0.1
Другое население	0.3	0.7	0.3	0.2	0.1	-	0.3	0.2	1.4	0.9
Всего	**36.5**	**100**	**128.6**	**100**	**167.1**	**100**	**138.4**	**100**	**157.8**	**100**

[1] *Таблица составлена на основе следующих источников и литературы: Национальный архив Армении, ф. 93, оп. 1, д. 163; Там же, д. 50-51; Исторический архив России, ф. 1290, оп. 11, д. 636, 638, 645; КК на 1915 г., Тифлис, 1914, Отдел статистики, с. 81-214;* Г. А. Кочарян. ***Нагорный Карабах,*** *Баку, 1925, с. 54-55;* **Закавказье. Статистико-экономический сборник,** *Тифлис, 1925, с. 151;* Գ. Սեյրան, **Ղարաբաղի տնտեսական կյանքը և նրա հեռանկարները,** *Թիֆլիս, 1928, էջ 7-9;* Б. С. Мирзоян. **Нагорный Карабах (Размышления над статистикой). – ԼՀԳ,** *1988, N 7, էջ 43;* Ռ. Հ. Տեր-Գասպարյան, ***Շուշի քաղաքը,*** *Երևան, 1993, էջ 70-84: Տես նաև.* А. Т. Марутян, Г. Г. Саркисян, З. В. Харатян. **К этнокультурной характеристике Арцаха. – ԼՀԳ,** *1989, N 6, с. 5-7*

Анализ таблицы, как считает Г. Г. Саркисяна, показывает, что с 1823 по 1897 гг., т.е. за 74 года населенеие Нагорного Карабаха увеличилось в 3,5 раза или на 71,6%, а среднегодовой прирост составлял 1245 чел. За этот период этнический состав изменился следующим образом: армянское население увеличилось в 3,4 раза или на 71,0%, тюркоязычное – в 3,8 раза или на 73,7%, а малочисленные этнические группы – в 6 раз

Таблица. Динамика численности и этнического состава населения г. Шуши в 1823-1923 гг. (в тыс. чел.) (составитель – Г. Г. Саркисян)[1]

Годы	Армяне (чел.)	%	Татары* (чел.)	%	Русск. (чел.)	%	Курды (чел.)	%	Пр. (чел.)	%	Всего (чел.)
1823	3350	40.4	4670	56.3	-	-	270	3.2	-	-	8290
1833	3850	52.8	3446	47.1	-	-	-	-	-	-	7304
1850	6355	49.9	6371	50.0	5	0.04	-	-	-	-	12731
1854	7760	51.1	7391	48.6	43	0.3	-	-	-	-	15194
1869	6017 мужчин	55.7	4777 мужчин	44.3	-	-	-	-	-	-	10794 мужч.
1873	13504	55.0	10804	44.0	244	1.0	-	-	-	-	24552
1886	15188	56.7	11595	43.2	21	0.07	-	-	2	-	26806
1897	14420	55.7	10778	41.6	396	1.5	-	-	287	1.1	25881
1904	17982	54.2	14548 разные азиатск. народности	43.8	593	1.8	-	-	64	0.2	33187
1914	22004	52.2	18864	44.7	1188	2.8	-	-	74	0.2	42130
1921	289	3.1	8894	96.4	20	0.2	-	-	20	0.2	9223
1926	95	1.8	4900	96.0	-	-	-	-	109	2.2	5104

Если же рассмотреть картину расселения, то выясняется, что армяне компактно населяли горные и предгорные районы указанных уездов, т. е. собственно Нагорный Карабах, где они к

---

[1] Таблица составлена на основе следующих источников: за 1823 г. – Национальный архив Армении, ф. 93, оп. 1, д. 163 (Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 г. действительным статским советником Могилевским и полковником Ермоловым 2-ым, Тифлис, 1866); за 1833 г. – Камеральное описание Карабахской провинции 1832-1833 гг. См.: Национальный архив Армении, ф. 93, оп. 1, д. 51-52; за 1850 г. – КК на 1852 г., Тифлис, 1851, с. 430-435; за 1854 г. – Статистические сведения о Шемахинской губернии, КК на 1856 г., Тифлис, 1855, отдел III, с. 358-359; за 1869 г. – Е. С. Сталинский. Материалы для уголовной статистики Кавказа и Закавказья. Губернии Елисаветпольская и Тифлисская. – Сборник сведений о Кавказе, т. 1, Тифлис, 1871, с. 244; за 1873 г. – Статистические таблицы о народонаселении Кавказкого края. – Сборник сведений о Кавказе, т. VII, Тифлис, 1880, с. XXII-XXV; за 1886 г. – Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г., СПб, 1893, страницы не нумерованы; за 1897 г. – Распределение населения Закавказского края по вероисповеданиям и родному языку по данным переписи 1897 г. – КК на 1907 г., Тифлис, 1906, отдел II, с. 106; за 1904 г. – Сведения о населении городов и местечек Закавказья. Елисаветпольская губерния 1904. – КК на 1907 г., Тифлис, 1906, отдел II, с. 322-323; за 1914 г. – КК на 1915, Тифлис, 1914, Отдел статистический; Национальный архив Армении, ф. 375, оп. 1, д. 78, лист 1-4, Список сельских обществ Елисаветпольской губернии (1914 г.); за 1921 г. – Закавказье. Статистико-экономический сборник, ЗСФСР, 1925, с. 152-153; за 1926 г. – Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XIV, ЗСФСР, М., 1929, с. 10; Ռ. Հ. Տեր-Գասպարյան, նշվ. աշխ., էջ 82-83: Տես նաև. Հ. Գ. Սարգսյան, Շուշի քաղաքի բնակչության էթնիկ կազմը և նրա շարժընթացը (XIX դ. - XX դ. սկիզբ). - Հանրապետական գիտական նստաշրջան. 1986-1988 թթ. ազգաբանական և բանագիտական դաշտային հետազոտությունների հիմնական արդյունքները: Զեկուցումների հիմնադրույթներ: Երևան, 1990, էջ 56-58:

** Значительное количество "татар" или "азербайджанских татар" (во Всесоюзной переписи населения 1926 г. – "тюрки"), как в Карабахе, так и в г. Шуши, по мнению Г.Г. Саркисяна, объясняется чисто политическим фактором: с середины XVIII в. до ликвидации Карабахского ханства (1822 г.) Шуши была резиденцией мусульманских правителей, что обеспечивало привилегированное положение "татар" и их постоянный приток сюда извне. Примечательно, что после упразднения ханства, армянское население города начало расти более высокими темпами: к началу Первой мировой войны число армян увеличилось в 6.5 раза, а "татар" – в 4 раза. В результате армяно-турецких кровавых столкновений в 1905-1906 гг. Шуши была предана огню, погибли сотни людей (в основном армяне), было уничтожено множество домов и магазинов. Фактически с начала XX века численность населения города стала сокращаться. Очередной удар был нанесен Шуше в 1918-20 гг., после чего некогда цветущий город полностью утратил былой облик. В 1923 г., когда была образована НКАО, в городе проживало всего 6965 чел. Росту численности населения Шуши в определенной степени помешало и то обстоятельство, что столицей новообразованной области стал Степанакерт, население которого очень быстро пополнилось за счет Шуши и окрестных сел.*

началу XX в. составляли абсолютное большинство (около 75%), причем в сельской местности их численность была еще больше - 95%. Такая разница объясняется наличием значительного количества азербайджанцев в г. Шуши. С середины XVIII в. до ликвидации Карабахского ханства (1822 г.) Шуши была резиденцией мусульманских правителей, что обеспечивало постоянный приток азербайджанцев извне.

Население Нагорного Карабаха за период с 1823 по 1914 гг. возросло более чем в 4,5 раза. Армянское население области за этот период выросло примерно в 4,4 раза, а азербайджанское – в 5,5 раза. Подобное соотношение показателей прироста армянского и азербайджанского населения объясняется интенсивным процессом постоянного притока азербайджанского элемента.[1]

Низменная часть уездов была заселена преимущественно азербайджанским населением. Этническая граница между армянским и азербайджанским населением в какой-то степени совпала с естественной границей, простиравшейся по западной окраине Мильско-Карабахской степи.

На это своеобразие расселения в регионе обратили внимание еще дореволюционные авторы.[2] “Если мы проведем линию, отделяющую Армяно-Гянджинскую горную систему от Прикуринской низменности, - пишет Е. Науменко, - то эта линия будет вместе с тем отделять армян от татар (азербайджанцев - А. М.); татары населяют сплошь всю равнину Прикуринскую, степную площадь между Курой и Араксом и степи Джебраильского уезда. Армяне же населяют предгорную полосу шириною приблизительно верст в 30”[3]. Армянские села (Саров и др.) на низменности и азербайджанские села (Зарислы, Малибеклы) в горной полосе выглядели как отдельные островки[4].

Указывая на совпадение этнических и естественных границ, мы отнюдь не склонны абсолютизировать его и понимаем всю условность такого совпадения, поскольку “в отдельных случаях естественные рубежи могут, конечно, совпадать с границами этническими, но между теми и другими не было непосредственной связи”[5]. Следуя типологии этнических границ, предложенной П. Кушнером,[6] этническую границу между армянами и азербайджанцами в районе Нагорного Карабаха можно представить в виде непрерывной линии, разграничивающей два сплошных этнических массива. Именно такая ситуация отражена на этнографической карте Елисаветпольской губернии, составленной Е. Кондратенко в конце XIX в.[7]

Этническая группа русских представляется как отдельные вкрапления в общем массиве армянского и азербайджанского населения. Если не считать военнослужащих и чиновников, то появление постоянного русского населения в Карабахе относится к 1833 г., когда на территории Джебраильского уезда было основано село Карабулах из 40 дворов молокан, вышедших из с. Базарчай Зангезурского уезда, куда они в 1830 году были переселены из некоторых внутренних губерний России административным порядком за принадлежность сектантству.[8]

---

[1] *При оценке этнического состава населения Нагорного Карабаха мы пользовались также демографическими подсчетами, любезно предоставленными научным сотрудником Института археологии и этнографии АН Арм.ССР, к.и.н. Г. Г. Саркисяном.*

[2] Ю. А. Гагемейстер. ***Новые очерки Закавказья. СПб.,*** *1848, с. 18;* Г. В. Уразов. ***Медико-топографический очерк Джебраильского уезда. - МСКМО,*** *Тифлис, 1889, N 50, с. 19;* ***Памятная книга Елисаветпольской губернии на 1914 г.,*** *Тифлис, 1914, с. 349.*

[3] Е. Науменко. ***Елисаветпольская губерния. Военно-статистическое описание.*** *Тифлис, 1903, ч. 1, с. 280.*

[4] *Там же;* С. Заварян. ***Экономические условия Карабаха и голод 1906-1907 гг. СПб.,*** *1907, с. 3.*

[5] П. И. Кушнер (Кнышев). ***Этническая территория и этнические границы. - ТИЭ.*** *Новая серия, т. 15. М., 1951, с. 21*

[6] *Там же, с. 32*

[7] Е. Кондратенко. ***Этнографические карты губерний и областей Закавказского края. – Приложение к XVIII тому ЗК0ИРГ0,*** *Тифлис, 1896*

[8] И. Л. Сегаль. ***Елисаветпольская губерния, впечатления и воспоминания. – Кавказский вестник,*** *Тифлис, 1902, кн. 5, с. 27.* ***В настоящее время с. Карабулах составляет часть г. Физули (бывшее Карягино) и еще сохраняет свое молоканское население***

В одном из документов 1844 г. указывается в Карабахском уезде 1747 душ русского населения, расселенных в 6 селах.[1] Из них на территории Нагорного Карабаха находились с. Карабулах и с. Баллукая. Жители последнего затем переселились в другую местность.[2]

Второе поселение с постоянным русским населением образовалось в урочище Ханкенды (ранее Варарак) Шушинского уезда (переименовано в Степанакерт в 1923 г.), которое с 1845 г. служило штаб-квартирой.[3] В 1881 г. здесь было учреждено самостоятельное сельское общество из 47 семейств отставных нижних чинов.[4]

Более значительная группа русского населения водворилась в Карабахе в конце XIX - начале XX в. вследствие осуществления переселенческой политики царизма.[5] В этот период в Джеванширском уезде образовались русские поселки Орлово-Денисовка, Мингрельское, Левонарх; в Шушинском уезде – Николаевка, Куропаткино, Скобелевка, Котляровка, Алексеевка, Сунженское, Лысогорское, Ходжаллу русское; в Джебраильском уезде – Графское, Георгиевское.[6]

Наличие хотя и небольших групп русского населения в непосредственном соседстве с армянами, а также давние связи последних с Россией способствовали проникновению некоторых элементов русской этнической культуры в быт армян Нагорного Карабаха, овладению ими русского языка. Например, о с. Гадрут И. Давидбеков пишет, что “после принятия русского подданства и основания здесь штаба, жители, часто вращаясь между русскими, имели возможность научиться говорить по-русски; теперь почти всякий безграмотный поселянин в состоянии говорить по-русски”.[7] В. Верещагин, побывавший в XIX веке в Карабахе, относительно города Шуши сообщает, что там “у армян вы не найдете ребенка, который бы не понимал по-русски”.[8] Некоторый след остался также в топонимии области, а также в микротопонимии отдельных поселений.

Кроме указанных этнических групп некоторое количество курдского населения проживало в западных частях Джебраильского и особенно Джеванширского уездов[9] (ныне Лачинский и Кельбаджарский р-ны Азерб. ССР).

В Джеванширском уезде в 1850-х годах рядом с заброшенным армянским селом Мехмана образовалось поселение того же названия, заселенное греками, которые эксплуатировали местные медные руды.[10]

Основные черты хозяйства. Армяне Нагорного Карабаха вели симбиозное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Удельный вес земледелия был несравненно выше. Оно являлось основным видом хозяйства и обусловливало компонент скотоводства, ориентированный на разведение тяглового скота. “Армянское население составляет исключительно земледельческий класс описываемых районов” – утверждает исследователь экономического быта государственных крестьян Шушинского и Джебраильского уездов А. Г. Деконский.[11] Из выращиваемых сельскохозяйственных культур преобладающее значение имели хлебные (пшеница, ячмень), а другие, как хлопок, рис (чалтык), лен, просо разводились в незначительном количестве состоятельными домохозяевами для собственных нужд. Огородничество и разведение бостанов также имели ограниченные размеры.

В селениях предгорной и низменной полосы, где были необходимые условия, население занималось также садоводством. Некоторые армянские селения Шушинского уезда обладали

---

[1] *КПРЦА, ч. 2, с. 272*
[2] *КК на 1856 г., с. 378; газета **“Кавказ”**, 1880, N 40; газета **“Шушинский листок”**, 1911, N 5*
[3] *Штаб с полком был расположен также у с. Гадрут с 1838 г. См.:* И. Давидбеков. ***Село Гадрут Елисаветпольской губернии Джебраильского уезда. – СМОМПК**, вып. 6, отд. I, с. 180*
[4] *ЦГИА АзербССР, ф. 23, оп. 2, ед. хр. 571, л. 110*
[5] *Об этом подробнее см.:* Д. Н. Исмаил-заде. ***Русское крестьянство в Закавказье.** М., 1982, с. 94 и сл.*
[6] *Жители всех этих поселков в 1917 г. переселились обратно в Россию. Только в с. Левонарх Мартакертского р-на НКАО и по сей день проживает русское население*
[7] И. Давидбеков. *Указ. соч., с. 186*
[8] В. Верещагин. ***Путешествие по Закавказью в 1864-1865 гг. - Всемирный путешественник.** СПб., 1870, т. 7, с. 262*
[9] Е. Науменко. ***Указ. соч.,** с. 279*
[10] Ս. Բարխուդարյանց, ***Արցախ, Բազու**, 1895, էջ 215: ԳԱՌ-1984*
[11] А. Г. Деконский. ***Указ. соч.,** с. 233*

на низменности поливными участками, на которых имелись фруктовые и тутовые сады.[1] Наибольшее распространение из садовых культур имели виноградники и тутовые плантации. Они служили основой для развития виноделия и винокурения. В Карабахе особенно было распространено винокурение из тутовых ягод. Тутовая водка занимала большое место в быту армян Нагорного Карабаха и имела общее признание в соседних районах.[2]

С разведением тутовых плантаций было связано шелководство, которое имело большое значение как источник крестьянских доходов в низменных селениях. Особенно большое распространение имело шелководство среди армян Козлучайского ущелья Джебраильского уезда.[3]

Скотоводство не имело столь существенного значения, как земледелие. “Даже в селениях, расположенных в нагорных частях, недалеко от эйлагов, исключительно скотоводством заняты единицы, крестьянство же в целом занимается земледелием”.[4] В армянских селениях крестьяне в основном держали крупный скот для работы, “а приплод и шерсть, получаемые от незначительного количества имеющегося у них мелкого скота, служат им для удовлетворения домашних и хозяйственных потребностей”.[5] Только в некоторых селениях Шушинского и Джебраильского уездов часть домохозяев занималась промышленным свиноводством. Свиней держали для продажи и сбывали в Шуши, Елисаветполе, Тифлисе, Баку.[6]

Скотоводство у армян Нагорного Карабаха имело в основном отгонную форму. Летом скот отгоняли на горные пастбища, а зимой держали или в самом селе, или же в специальных зимовниках, расположенных недалеко от сел.[7]

Кустарная промышленность в виде изготовления изделий из шерсти имела значение для домашнего хозяйства. Товарное значение имело только ковроткачество. Карабах был одним из центров ковроделия. В горных селениях Шушинского уезда крестьяне занимались лесными промыслами – заготовкой бревен, досок, гонта и других изделий, а главным образом, рубкой дров на продажу.[8]

Во всех армянских деревнях были местные ремесленники – кузнецы, плотники, каменщики, башмачники, цирюльники, музыканты и др. Примечательно, что общественная репутация отдельных сел среди окружающих селений, а также в пределах целого региона часто была обусловлена наличием в них высококвалифицированных ремесленников определенной категории, или же высокими качествами возделываемых в этих селах сельскохозяйственных культур. Например, с. Гадрут славилось своим шелком и хорошими каменщиками, с. Туми – плотниками, с. Мец Таглар – музыкантами, села Чартар и Мардакерт – урожаем пшеницы, села Гиши, Гызгала – вином, села Дашбулаг, Норшен – напитками и т.д. Преимущественное занятие жителей данного села часто отражалось в его прозвище, даваемом соседними селами. Например, *“լոխ պրուտ ըն ննզրցեք”* (одни гончары - нынгийцы), *“լոխ զարկյար ըն սզնըքեցեք”* (одни ювелиры - сызнийцы), *“սողան ծախող տուղուցեք”* (продающие лук тугийцы), *“խոզ պահող ըն մոշխմեռեցեք”* (свинопасы - мошхматинцы), *“գինի շինող ղզղլեցեք”* (виноделы - гызгалийцы)[9] и т.д.

Сельское хозяйство в целом отличалось натуральным характером. Однако во второй половине XIX в. замечается некоторый рост товарного хозяйства и оживление торговли сельскохозяйственными продуктами. В Нагорном Карабахе больше всего товарное значение

---

[1] *Там же, с. 233, 234*

[2] М. Шагинян. ***Нагорный Карабах. Очерк. М.-Л.,*** *1927, с. 10, 11;* Ստ. Լիսիցյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 14;* И. П. Петрушевский. ***О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха.*** *Баку, 1930, с. 25, 30*

[3] И. Л. Сегаль. ***Указ. соч.,*** *кн. 5, с. 24;* Г. В. Уразов. ***Указ. соч.,*** *с. 18*

[4] Г. А. Кочарян. ***Указ. соч.,*** *с. 25*

[5] А. Г. Деконский. ***Указ. соч.,*** *с. 310*

[6] А. Е. Хан-Агов. ***Указ. соч.,*** *с. 401*

[7] Ю. И. Мкртумян. ***Формы скотоводства в Восточной Армении (вторая половина XIX – начало XX в.). – ՀԱԲ,*** *Երևան, 1974, պր. 6, էջ 50*

[8] А. Г. Деконский. ***Указ. соч.,*** *с. 316;* Г. Осипов. ***Селение Даш-Алты Шушинского уезда Елисаветпольской губернии. – СМОМПК,*** *1898, вып. 25, отд. II, с. 108*

[9] *ՀՊՊԿԱ, Խ. Դաղյանի ֆոնդ (319), ց. 1, գ. 77, թ. 3-5*

приобрело шелководство и винокурение. Во многих деревнях появлялись шелкомотальные и шелкоткацкие фабрики, маленькие винокуренные заводы, в которых применялся наемный труд.

Накануне Первой мировой войны в Карабахе было 36 шелкоткацких и 10 шелкомотальных фабрик, в которых работали 3500 рабочих. Подавляющее большинство рабочих были женщины и девушки. На Гадрутской фабрике "работали исключительно девушки бедных родителей и вдовы жителей Гадрута и окрестных деревень".[1] В с. Каринтак (Дашалты) "девушки бедных родителей идут на работу в шелкомотальный завод, принадлежавший одному шушинцу… на заводе работают девушки от 8 до 20-летнего возраста".[2] Шелкомотальные фабрики были также в селах Туг, Джракуйс, Ханкенды, Шош (Шушикенд) и др.

Если не считать г. Шуши, то в целом в XIX в. внутренняя торговля в Нагорном Карабахе была слабо развита. Торговля в самом г. Шуши была не связана столько с внутренним рынком, сколько носила во многом транзитный характер.[3] Однако уже во второй половине XIX в. замечается некоторое развитие внутренней торговли. В этом отношении большую роль для крестьянского населения Нагорного Карабаха играли так называемые хафтабазары (еженедельные базары), которые устраивались в низменных азербайджанских деревнях, имеющих удобное географическое расположение – в Тертере, Барде, Карягино, Агдаме.[4]

Особенно большое значение имел Агдамский рынок, существовавший с 1867 г. Как описывает современник, к базарному дню "сюда стекаются не только крестьяне и помещики большей части Карабаха с продуктами своих сельскохозяйственных производств, но и многие шушинские торговцы и ремесленники с товарами и изделиями своих мастерских".[5] Эти базары, устраиваемые и в ряде других сел,[6] имели не только экономическое значение, но и играли определенную культурно-бытовую роль, в частности, в сфере межэтнических контактов.

Хозяйственные основы межэтнических контактов. Своеобразие географического расположения двух этнических массивов – армян и азербайджанцев – играло определенную роль в межэтнических контактах. Однако этот фактор следует рассматривать в сочетании с хозяйственно-культурными особенностями, определившими в конечном счете многие стороны межэтнических контактов. В этом отношении на первый план выдвигаются различия в хозяйственном укладе двух народов – пашенного земледелия в сочетании с отгонным скотоводством, к которому принадлежали армяне и часть азербайджанцев, и полукочевого скотоводства, который во второй половине XIX в. еще был характерен для той части азербайджанцев, которая проживала в Куро-Араксском междуречье в непосредственном соседстве с Нагорным Карабахом. По подсчетам Д. Н. Исмаил-заде,[7] наибольшее количество кочевого населения падало на Шушинский и Джебраильский уезды.

Следует отметить, что исследователи уже обращали внимание на значение скотоводства, в частности, на структуры зимних и летных пастбищ как одного из объективных факторов, определявших исторические связи армянского и азербайджанского народов в Восточном Закавказье.[8] Рассмотрим конкретные проявления этих связей в Нагорном Карабахе.

Азербайджанское население в летний период пользовалось пастбищами (эйлагами), расположенными в пределах расселения армян в Нагорном Карабахе. Дороги, ведущие на

---

[1] И. Давидбеков. ***Указ. соч.,*** *с. 175*
[2] Г. Осипов. ***Указ. соч.,*** *с. 115*
[3] *ОРВК, ч. 3, СПб., 1836, с. 313*
[4] Г. А. Кочарян. ***Указ. соч.,*** *с. 30*
[5] И. Л. Сегаль. ***Указ. соч.,*** *кн. 3, с. 61*
[6] Е. Науменко. ***Указ. соч.,*** *с. 406*
[7] Д. И. Исмаил-Заде. ***Некоторые данные о динамике численности кочевого населения Азербайджана во второй половине XIX в.: Материалы по истории Азербайджана.*** *Баку, 1961, т. 4, с. 116*
[8] Т. Н. Тер-Григорян. ***Борьба Арцаха с арабскими захватчиками в IX веке,*** *Баку, 1942, с. 4;* С. А Мамедов. ***Исторические связи азербайджанского и армянского народов во второй половине XVII – первой трети XVIII вв.*** *Баку, 1977, с. 39*

летние пастбища и обратно, часто проходили мимо армянских сел и даже прямо через них.[1] В период весеннего и осеннего перегона стад между армянами и азербайджанцами возникали контакты различного характера. Поднявшиеся в горы азербайджанцы часто делали необходимые покупки у армянского населения. Для этой цели в армянских селах существовали даже специальные лавки, как это имело место, например, в с. Ванк Джеванширского уезда.[2] На обратном пути азербайджанцы сбывали среди армянского населения продукты скотоводческого хозяйства: шерсть, масло, сыр. Приобретение друг у друга необходимых продуктов часто принимало форму натурального обмена.[3] Многие семьи азербайджанцев-пастухов оставляли у знакомых армян часть своего домашнего инвентаря, неиспользуемого ими в горах.[4]

Армянское население также перегоняло свой скот на летние пастбища, где их стада и коши располагались по соседству с азербайджанскими. Но нередки были случаи, когда армянские крестьяне в силу большой занятости в земледельческом хозяйстве сами не отправлялись на эйлаги, а поручали свои стада соседям-азербайджанцам.[5]

Таким образом, в летний период четко выраженная этническая граница как бы стиралась и образовывалась широкая полоса со смешанным населением. Контакты армянского населения с азербайджанским в этот период осуществлялись сразу в двух направлениях: с оседлой его частью на низменности и с той частью, которая содержала скот на летних пастбищах. Следовательно, межэтнические контакты становились и более интенсивными, и более многообразными.

Что же касается использования армянами зимних пастбищ азербайджанцев, то эта практика не имела широкого распространения.[6] Зимние пастбища армян, как правило, располагались в непосредственной близости к их поселениям. Отгон скота на отдаленные зимние пастбища, расположенные в равниной части Азербайджана, практиковался лишь в отдельные неблагоприятные в кормовом отношении годы, к тому же к этому прибегали лишь немногие хозяйства.[7] Поэтому, не отрицая полностью значения зимних перекочевок в процессе межэтнических контактов, отметим, что роль летних передвижений была несравненно более значительной.

Другая форма взаимодействия в сфере экономических контактов была связана с земледельческим хозяйством. Среди армянских крестьян практиковалось отходничество в низменные азербайджанские селения, где армяне нанимались для выполнения различных сезонных полевых работ.[8] Этому способствовало несколько причин: разновременность посевов и уборки зерновых культур в горах и на низменности; наличие свободных рабочих рук в горных селениях из-за острого малоземелья в Нагорном Карабахе;[9] наличие больших земельных участков на низменности и т.п. Эти участки еще более увеличивались по мере возрастания роли земледелия среди азербайджанцев Мильско-Карабахской степи, ведущих в основном образ жизни кочевников-скотоводов. Естественно, что у них отсутствовали прочные навыки к земледельческому труду, вследствие чего скотоводы охотно прибегали к найму оседлого населения,[10] прежде всего, армянского. Плата за различные полевые работы была установлена натурой и носила устойчивый характер.[11]

---

[1] *МУКЛЗПИСК, т. IV, Тифлис, 1899, с. 58-59;* П. С. Варавин. ***Летние и зимние пастбища Закавказского края. – СМИЭБГКЗК,*** *1888, т. 5, с. 119*

[2] Г. А. Кочарян. *Указ. соч., с. 30*

[3] Ե. Լալայան, *Վարանդա. - ԱՀ, Թիֆլիս, 1897, հ. 2, էջ 101*

[4] Փ. Տեր-Մովսիսյան, ***Հայ գյուղական տունը,*** *Վիեննա, 1894, էջ 64:* Ա-Դո, ***Հայ-թուրքական ընդհարումը Կովկասում (1905-1906 թթ.),*** *Երևան, 1907, էջ 224*

[5] Г. А. Кочарян. ***Указ. соч.,*** *с. 25;* Ա-Դո, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 224*

[6] *Сравн.: А.* С. Мамедов. ***Указ. соч.,*** *с. 31, 34*

[7] Ю. И. Мкртумян. ***Указ. соч.,*** *с. 50*

[8] А. Г. Деконский. ***Указ. соч.,*** *с. 315;* Г. А. Кочарян. ***Указ. соч.,*** *с. 35;* Ստ. Լիսիցյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 30*

[9] Ե. Լալայան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 80;* С. Заварян. ***Указ. соч.,*** *с. 41; Г.* А. Кочарян. ***Указ. соч.,*** *с. 13*

[10] А. Г. Деконский. ***Указ. соч.,*** *с. 253*

[11] Ե. Լալայան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 8; ԴԱՆ-1983*

Особенно широко была распространена работа мастеров-армян по строительству жилых домов в азербайджанских селах.[1] Естественно, что переходя постепенно на оседлый образ жизни и не имея при этом необходимых навыков для строительства стационарных жилищ, азербайджанцы прибегали к услугам армян.

Насколько было велико значение экономических связей для обоих народов, указывает тот факт, что даже во время напряженности межнациональных отношений "из многих селений отход на низменности не прекращался. Азербайджанцы приезжали в армянские селения, оставляя здесь своих заложников, и брали партии рабочих. По окончании полевых работ эти лица вместе с зерном, полученным за работу, доставлялись обратно в свои селения".[2]

Между армянскими и азербайджанскими крестьянами происходила постоянная торговля и обмен различными сельскохозяйственными продуктами и изделиями кустарного промысла. Примечательно, что азербайджанцы, проживающие в низменных селах, где были более благоприятные условия для выращивания виноградников, сами вино в быту не использовали в силу своих религиозных убеждений, и часто продавали виноград соседям-армянам, у которых было развито виноделие.

Социальные и земельные отношения. В сословном отношении население Нагорного Карабаха делилось на две основные категории – привилегированное и непривилегированное. В первую категорию входили члены бывшей ханской фамилии, старые потомственные беки и армянские мелики, христианское и мусульманское духовенство, купцы. В 1886 г. в Шушинском, Джебраильском уездах представителей бекского сословия было 5023 человека, а меликов из армян – 1741 человек.[3] В 1902 г. их общее число составляло 9521 человек, или около 4% всего сельского населения.

Вторую большую группу привилегированного сословия составляло христианское и мусульманское духовенство. В 1886 г. в трех уездах духовенство составляло 2381 человек,[4] а в 1902 г. – около 3000.[5]

К непривилегированному сословию принадлежали крестьяне. Всех их официально называли государственными поселянами, однако в зависимости от того, на какой земле они жили, различались категории государственных или казенных и частновладельческих или бекских крестьян,[6] соответственно двум основным формам землевладения в крае.

Государственное землевладение образовалось в основном за счет земель бывшего карабахского хана и земель, конфискованных русским правительством в судебном порядке у некоторых землевладельцев, бежавших в Персию, а также недоброжелательно относившихся к русским властям.[7] Крестьяне пользовались этими землями не как собственники, а как землепользователи.

Частновладельческими были земли, окончательно утвердившиеся "Рескриптом" от 6-го декабря 1846 г. за лицами высшего мусульманского сословия и меликами из армян, "которыми роды их обладали во время присоединения мусульманских провинций к России, и которые ко времени издания рескрипта находились в бесспорном их владении".[8] Часть этих земель находилась в непосредственном пользовании самих владельцев, основная же часть находилась в наделе у крестьян.

Крестьяне, пользовавшиеся владельческими землями, были в положении личной зависимости от владельца, однако не принадлежали им на правах собственности, как это было

---

[1] *Подробнее см.:* С. Д. Лисициан. ***К изучению армянских крестьянских жилищ (карабахский карадам). – ИКИАИ,*** *Тифлис, 1925, т. III;* А. С. Вардапетов. ***Очерк жилищ и строительных кадров Нагорного Карабаха (материалы поездки в Карабах летом 1933 г.). – Труды Азербайджанского филиала АН СССР. Историческая серия,*** *т. 25, Баку, 1946*

[2] Г. А. Кочарян. ***Указ. соч.,*** *с. 47*

[3] Е. Науменко. ***Указ. соч.,*** *с. 330*

[4] *Там же*

[5] *Там же*

[6] *МИЭБГКЗК, т. 2, Тифлис, 1887, с. 83*

[7] *ОРВК, ч. 3, с. 273*

[8] *КПРЦА, ч. 2, с. 106*

с помещичьими крестьянами в России.[1] Личная зависимость выражалась, в первую очередь, в отбывании повинностей отработочной рентой и прислугой, но, согласно положению, они являлись не личной обязанностью крестьян, а отбывались за пользование ими надельной землей.

В Нагорном Карабахе существовало также монастырское землевладение. Однако на землях, принадлежащих карабахской армянской епархии, жило очень небольшое количество армянского крестьянства – около 100 семейств.[2] Эти земли были большей частью лесными и пастбищными угодьями: они в основном не эксплуатировались, были заброшены и стали добычей частных землевладельцев.[3]

Крестьяне-собственники составляли ничтожное количество в общей массе феодально-зависимых крестьян.

Характерной особенностью социально-экономических отношений в Нагорном Карабахе было преобладание частного землевладения над государственным и, соответственно, большой процент частновладельческих крестьян. Если в целом как в Восточной Армении, так и в Азербайджане преобладала доля государственных крестьян и составляла более чем 70%,[4] то в Карабахе наблюдается обратная картина. По данным посемейных списков 1886 г. государственные крестьяне Шушинского уезда составляли 32,53% всего крестьянского населения. В Джеванширском уезде – 37,92%, в Джебраильском уезде – 41,53%.[5] При этом собственно в Нагорном Карабахе из зарегистрированных в этот же период 160 сел с армянским населением частновладельческими были 100, в которых проживало 60% всего сельского армянского населения указанных уездов.[6]

Увеличение размеров частного землевладения в Карабахе относится в основном к периоду правления последнего карабахского хана Мехти-Кули. Пользуясь предоставленными ему правами, он стал раздавать талаги (грамоты) на владение разными деревнями своим приближенным, в том числе и князю Мадатову, бывшему в то время военно-окружным начальником мусульманских провинций.[7] После бегства хана в Персию в Карабах были присланы действительный статский советник Могилевский и полковник Ермолов для учета селений Карабаха и доходов хана. Как сообщают источники, “при описании селений беки, пользуясь незнанием русского правительства и примером князя Мадатова, показывали селения, никогда им не принадлежавшие, своей собственностью, а чиновники, описывавшие Карабах, не рассмотрев доказательства их, записывали со слов те селения за ними, и это неосновательное описание до сего времени служит бекам доказательством прав их на недвижимые имения”.[8] Однако и после бегства Мехти-Кули-хана и его приближенных, несмотря на то, что земля в Карабахе была признана собственностью казны, процесс увеличения частного землевладения продолжался, поскольку в начале своего господства русское правительство не оформило ни сословных прав феодалов, ни их прав как землевладельцев. Конфисковав множество земель у беков, уличенных или даже только заподозренных в “измене”, русское правительство предоставляло комендантам распоряжаться этими землями по своему усмотрению. “Коменданты раздавали эти земли “благонадежным” бекам, но нередко, пользуясь покровительством русских властей, отдельные беки и прямо захватывали

---

[1] Г. А. Дадашев. ***О феодально-крепостнических остатках в пореформенном Азербайджане. – Труды Аз. фил. ИМЛ,*** *Баку, 1957, т. XX, с. 124*

[2] Լեո, ***Պատմություն Ղարաբաղի հայ թեմական հոգևոր դպրոցի 1838-1913 թթ.,*** *Թիֆլիս, 1919, էջ 661:*

[3] *“Ղարաբաղ” թերթ, Շուշի, 1912, N 47*

[4] Ա. Ս. Համբարյան, ***Հայաստանի տնտեսական հարաբերությունների համառոտ պատմություն (19-րդ - 20-րդ դդ. սկիզբ),*** *Երևան, 1983, էջ 11:* А. С. Сумбатзаде. ***Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в.*** *Баку, 1956, с. 156*

[5] И. М. Гасанов. ***Аграрные отношения в государственной деревне Азербайджана в конце XIX века. – Дисс. на соискание уч. ст. докт. ист. наук,*** *Баку, 1964, с. 41*

[6] *“Փայլակ” թերթ, 1915, N 18*

[7] *АКАК, т. 6, ч. I, N 1269, с. 838*

[8] *АКАК, т. 7, N 411, с. 460*

в свои руки земли, обходясь без всяких формальностей и документов”.[1] В Карабахе захват земель усиливался тем, что беки делали это часто самовольно или по подложным, сфабрикованным ими же грамотам.[2]

В 1870 г. в Азербайджане и Армении осуществлялась крестьянская реформа.[3] Она отменила личную зависимость крестьян от беков-землевладельцев, закрепила в их постоянном пользовании земельные наделы и дала им право выкупа этих наделов. Однако в отличие от российских губерний, государство не предоставляло кредиты армянским и азербайджанским крестьянам и, несмотря даже на то, что право требовать обязательный выкуп было предоставлено им, а не землевладельцам, выкуп здесь вплоть до 1913 г. почти не осуществлялся.[4] Крестьяне продолжали отбывать повинности за использование земли, поскольку вся земля признавалась наследственной собственностью “высшего сословия”.

К тому же реформа распространялась только на владельческих крестьян и не касалась государственных крестьян, остававшихся в феодально-зависимом положении от государства. Именно исходя из указанной ограниченности реформы, некоторые исследователи сдержанно оценивали буржуазное значение реформы для Армении и Азербайджана.[5]

Тем не менее реформа сыграла определенную роль тем, что отменила внеэкономическую зависимость крестьян, укрепила за ними в наследственном владении их наделы. Было отменено общинное землепользование, что способствовало развитию арендных отношений, превращению земли в предмет купли-продажи, что, в свою очередь, привело к дальнейшему углублению имущественного расслоения крестьян, обезземеливанию многих из них. В свою очередь землевладельцы, пользуясь своими правами, стали отрезать крестьянские наделы. После крестьянской реформы обозначалась тенденция к расширению помещичьего землевладения за счет крестьянских наделов.[6] Все эти процессы наиболее остро проявились в Карабахе, где преобладало дворянское землевладение. В Шушинском, Джебраильском и Джеванширском уездах обеспечение землей владельческих крестьян доходило до 0,6 дес. на душу, что было едва ли не самым низким в Закавказье.[7]

По сравнению с частновладельческими, несколько более были обеспечены землей казенные крестьяне. Однако эта обеспеченность сильно варьировала по разным районам и охватывала не всех крестьян. К тому же из-за отсутствия четкого межевания государственные земли всегда были предметом захвата разными владельцами, что привело к еще большему обезземеливанию государственных крестьян.[8]

Вторая половина XIX в. была рубежом в истории общины и в сфере экономических и, в первую очередь, земельных отношений.

Как известно, земельная функция считается одной из важных функций общины. Обычно различают две формы землепользования – общинную и подворно-участковую. В результате проведения крестьянской реформы в частновладельческих деревнях окончательно утверждалась подворно-участковая форма землепользования. Этот вопрос фактически решался административным порядком, во многом вопреки желанию самих крестьян.

Казенные же земли распределялись по сельским обществам, и за ними оставалось право распоряжения землями внутри общины. Следовательно, в разных районах существовали

---

[1] И. П. Петрушевский. ***Система русского колониального управления в Азербайджане в первой половине XIX в. – КПРЦА,*** *ч. I, с. 17*
[2] *АКАК, т. VI, N 411, с. 460; т. X, N 295*
[3] *Подробнее см.:* В. Рштуни. ***Крестьянская реформа в Армении в 1870 г. Ереван, 1947; Ц. Агаян. Крестьянская реформа в Азербайджане в 1870 г.*** *Баку, 1956*
[4] ***История Азербайджана.*** *Баку, т. 2, с. 146*
[5] А. С. Сумбатзаде. ***Указ. соч.,*** *с. 153-154;* Ա. Ս. Համբարյան, ***Եշվ. աշխ.,*** *էջ 9*
[6] Д. И. Исмаил-Заде. ***Русское крестьянство в Закавказье,*** *с. 166*
[7] *Там же, с. 169*
[8] *См.:* И. М. Гасанов. ***Захват беками надельных земель государственных крестьян Азербайджана в конце XIX в. – Известия АН АзССР,*** *1961, с.17-34*

различные формы землепользования. При этом ведущей тенденцией в Закавказье в пореформенный период было “расширение подворно-участкового крестьянского землевладения за счет общинного и постепенное утверждение начал частной собственности на землю”.[1]

О форме землепользования в государственной деревне Карабаха сообщают исследователи экономического быта государственных крестьян А. Г. Деконский и А. Е. Хан-Агов. В Шушинском и Джебраильском уездах в основном еще сохранялась общинная форма землепользования. При этом в горных селениях наблюдались периодические переделы земель, тогда как на низменности крестьяне либо вовсе не перераспределяли землю, либо делали это через большие промежутки времени.[2] Армянские села, хотя и были в основном расположены в горной полосе, однако и здесь перераспределению подвергался не весь земельный фонд. Перераспределению не подлежали усадебные земли, сады и огороды. Помимо того, в нескольких селах горной полосы встречались “пахотные участки, на расчистку которых из-под леса было положено немало труда. Такие участки также нелегко поступали в общую массу перераспределяемых пахотных земель”.[3]

По отношению же к другим пахотным землям наблюдались “двоякого рода переделы: коренные, когда перераспределяется вся земля, и частные, когда вследствие изменения состава дымов, крестьяне прирезают недостающие дыму полосы земли, или же отрезают от них лишнюю землю”.[4] Причем коренные переделы встречались всего лишь в девяти селах из общего числа “государственных” сел с армянским населением.

Таким образом, в армянских селах двух уездов в целом при наличии общинного землепользования намечалась тенденция к подворному землепользованию, ставшему в ряде сел преобладающей формой.

В Джеванширском уезде из всех селений только в двух было установлено правильное подушное распределение земли. В остальных же “с отдаленных времен и по настоящее время земля не подвергалась переделу, а переходит как наследственная собственность из рода в род. В редких случаях при действительной нужде и бедности кого-либо из своих членов, крестьяне целым обществом решают урезать участок земли у многоземельного для передачи нуждающемуся”.[5]

Результатом такого положения было неравномерное распределение земли, что свидетельствует о далеко зашедшем имущественном расслоении крестьян. В этом отношении характерно замечание обоих авторов о наличии в селах категории крестьян, которые стоят за подворное использование земли. А. Е. Хан-Агов прямо пишет о “стеснении бедных богатыми”.[6]

Таким образом, суммируя приведенный материал, учитывая, что подавляющее большинство сел в Нагорном Карабахе были частновладельческими, можно сделать вывод о нехарактерности в целом для этого региона общинной формы землепользования. Подобная ситуация создавала благоприятную почву для проникновения в деревню арендных (кабальных) отношений и дальнейшего имущественного расслоения и обезземеливания беднейшей части крестьянства.

Отходничество. Острое малоземелье в Нагорном Карабахе привело к сильно развитому отходничеству. Об отходничестве на низменные азербайджанские села, имевшем давние традиции, было уже сказано выше. Во второй половине XIX в. ведущим становится отходничество в город. Как результат проникновения капиталистических отношений в деревню,

---

[1] В. Д. Мочалов. ***Сельская община в Закавказье в послереформенный период. “Исторические записки”,*** *М., 1960, т. 67, с. 153*
[2] А. Г. Деконский. ***Указ. соч.,*** *с. 258*
[3] *Там же, с. 260*
[4] *Там же, с. 262*
[5] А. Е. Хан-Агов. ***Указ. соч.,*** *с. 365*
[6] *Там же*

оно имело повсеместное распространение.[1] Однако в Карабахе отходничество приобрело несравненно большие размеры и стало чуть ли не самой характерной чертой жизни пореформенной карабахской деревни. Ни один автор, писавший о Карабахе, не прошел мимо этого явления. Вопрос отходничества был одним из злободневных в дореволюционной карабахской прессе.

Карабахские крестьяне в основном шли на работу на нефтяные промыслы г. Баку и пополняли ряды бакинского пролетариата. Однако в поисках работы они уходили и в другие города Закавказья, порой даже далеко за его пределы, в Закаспийский край. В город уходила не только беднейшая часть крестьянства, но и зажиточные крестьяне в торговых и предпринимательских целях. Большой процент среди отходников составляли ремесленники и разного рода мастера, которые в городе выполняли соответствующие работы. Интересно, что в Нагорном Карабахе выделялись целые селения одной специализации: портных, каменщиков, столяров и т.д. Были также селения, дающие исключительно буровых мастеров. Это свидетельствует о прочных традициях отходничества, продолжавшихся и в первые десятилетия после установления советской власти.[2]

По свидетельству А. Г. Деконского, еще в 1886 г. число отходников в Шушинском и Джебраильском уездах достигло 1,5% оседлого населения.[3] А уже в начале XX в., по подсчетам С. Заваряна, из четырех уездов Карабаха (включая Зангезурский) “около 16,5 тыс. душ или 1/6 часть всего населения, или 1/3 часть мужчин ищет заработков в стороне”.[4]

Отходничество обычно имело сезонный характер. Крестьяне полностью не отрывались от сельского хозяйства. Обычно шли в город зимой после сельскохозяйственных работ. Или же после нескольких лет работы, накопив определенную сумму, крестьяне возвращались обратно в деревню. В разных районах и в разные годы отходничество было распространено не в одинаковой степени. Например, в Джраберте, который был относительно обеспечен землей, оно почти не практиковалось. В других районах число лиц, ищущих заработка в городах, особенно увеличивалось в неблагоприятные для сельского хозяйства годы.[5]

Начиная уже с конца XIX в., часть отходников уходит в город со всем семейством. По данным С. Заваряна, в с. Н. Тагаварт, имевшем 250 дымов, сторонними заработками занимались 250 человек, из которых 30 с семьями жили в городе.[6] Со временем образовались большие колонии карабахских армян в г. Баку, а также в городах Средней Азии.[7]

Естественно, контакты с городом посредством отходничества повлекли за собой проникновение многих черт городской культуры в сельский быт, что проявлялось, в первую очередь, в одежде, в формах проведения досуга, в убранстве домов. В деревнях Дизака и Варанды, где больше остальных было распространено отходничество, уже в конце XIX в. стали появляться двухэтажные дома городского типа. Образовались кадры местной интеллигенции, получившей образование в городах.

Уходившие в город крестьяне вовсе не обрывали связи с деревней. Они в определенной степени участвовали в общественной жизни своих деревень тем, что собирали и отправляли туда средства на различные нужды, особенно на организацию школьного дела. Характерно, что представители одной деревни в городах иногда объединялись в так называемые “Земляческие союзы” для организации помощи своей деревне.[8] Связь городских жителей с

---

[1] *Подробнее см.:* М. А. Исмаилов. ***Капитализм в сельском хозяйстве Азербайджана.*** *Баку, 1964*
[2] Г. А. Кочарян. ***Указ. соч.,*** *с. 36;* С. А. Вардапетов. ***Указ. соч.,*** *с. 115-116. См. также:* Գ. Սեյրան, ***ելով. աշխ.***
[3] А. Г. Деконский. ***Указ. соч.,*** *с. 317*
[4] С. Заварян. ***Указ. соч.,*** *с. 42*
[5] Г. А. Кочарян. ***Указ. соч.,*** *с. 36*
[6] С. Заварян. ***Указ. соч.,*** *с. 36*
[7] А. А. Григорянц. ***Армяне в Средней Азии.*** *Ереван, 1984, с. 21, 22*
[8] *“Ղարաբաղ” թերթ, 1911, N 7-9*

деревней выражалась также в том, что они почти каждый год, обычно летом, с семьями возвращались в деревню отдыхать, навещать родственников и т.д.

В результате массовых переселений на рубеже XVIII-XIX вв. и отходничества на рубеже XIX-XX вв., в Закавказье и за его пределами появилось множество колоний карабахских армян. Если группы первых переселенцев с течением времени теряли связь с родиной, то более поздние группы держали постоянную связь с родной деревней, что заметно сказывалось на культурно-бытовом облике их села.

Глава вторая.

Социальные компоненты общественного быта

Основной формой организации сельского населения во второй половине XIX – начале XX вв. как во всем Закавказье, так и в Нагорном Карабахе продолжала оставаться сельская община.[1] Представляя собой единый хозяйственный организм, сельская община к тому же была низшей административной единицей в системе царского управления. Вместе с тем она составляла целостную социальную организацию, одну из форм так называемых "малых социальных групп", являвшихся основными носителями этнической традиции.[2] И если поземельные и административные отношения управлялись непосредственно со стороны государства, то социальная сфера организации крестьянской общины большей частью регулировалась традиционно сложившимися обычно-правовыми нормами.

Состав общины. Согласно "Положению о сельских обществах"[3], они образовывались из всех крестьян, водворенных в одном селении, независимо от того, живут они на казенной, монастырской, или частновладельческой земле. Далее предусматривалось, что "селения малолюдные, а также отселки соединяются в одно сельское общество, или присоединяются к другим ближайшим сельскими обществам, смотря по местным удобствам". Допускалось также, чтобы "крестьяне одного сельского общества, водворенные и имеющие хозяйственные угодья отдельно на земле: казенной, монастырской, частновладельческой (бекской) - образуют, по этому различию, в составе сельского общества, частные крестьянские общества". В результате повсеместно, в том числе и в Нагорном Карабахе, образовывались "сельские общества", которые включали в свой состав несколько селений. Такое сельское общество являлось чисто административной единицей и представляло собой не что иное, как "механическое сочетание поселян, случайно построившихся на пространстве известной территории".[4] Искусственность этих сочетаний проявлялась в том, что сельские общества включали разное количество селений, которые нередко разнились друг от друга не только по категориям крестьян, но и по этнической принадлежности жителей. Правда, им разрешалось организовываться в частные крестьянские общества, однако полномочия их схода, основного органа управления, были минимальны. Тем не менее, по справедливому замечанию М. Акопян, "внешняя связь, созданная законом, нисколько не мешала этим селениям фигурировать в действительной жизни в качестве совершенно независимых друг от друга сельских общин".[5] Следует однако отметить, что селения (сельские общины), входившие в состав одного сельского общества, при всей своей независимости, силою закона приобретали ряд общих интересов, которые вместе с территориальной близостью способствовали также

---

[1] В. Д. Мочалов. ***Указ. соч.,*** *с. 145-186*

[2] М. М. Громыко. ***Историзм как принцип изучения воспроизводства традиций. – СЭ,*** *1985, N 2, с. 70-80*

[3] *ПСЗ. СПб., 1868, т. XI, отд. II, N 43678*

[4] М. Н. Кучаев. ***Отчет по ревизии административных учреждений в Елисаветпольской губернии.*** *Тифлис, 1885, с. 207*

[5] М. В. Акопян. ***Социально-экономический строй и быт армянской сельской общины (конец XIX - начало XX вв.). – Дисс. на соискание уч. ст. канд.ист. наук,*** *М., 1976, с. 79. (Опубликована в качестве монографии: М.В. Акопян. Сельская община в Восточной Армении во второй половине XIX – начале – XX вв. Книга вышла в свет после защиты диссертации А.Мкртчяном – прим. ред.)*

некоторому сближению этих сел в культурно-бытовом отношении. Так или иначе, селения одного сельского общества имели общий суд и единого старшину, которого они выбирали на общем сходе. На этом же сходе они обсуждали вопросы, касавшиеся интересов всего общества. Независимость отдельных селений больше всего проявлялась в хозяйственной и традиционно-бытовой сферах жизни.

В хозяйственном отношении отдельное селение действительно составляло одну сельскую общину. В Нагорном Карабахе мы не встречаем общин, которые включали бы больше одного села, а также сел, в которых существовали бы две отдельные общины. Правда, крестьяне делились на категории казенных и частновладельческих (в том числе и монастырских), но они, как правило, жили в отдельных селах, а весьма редкие случаи совместного проживания не меняли общую картину, ибо "формы жизни и отношения к земле как тех, так и других крестьян совершенно одинаковые, с тем лишь различием, что крестьяне, живущие на землях владельческих, вносят повинности владельцам, а живущие на казенных землях – в казну".[1] Расселение в Нагорном Карабахе имело скученный характер, и каждое армянское село представляло компактное поселение. Многие поселения имели отселки, иногда больше одного. Однако жизнь в этих отселках обычно имела сезонный характер, что было связано с ведением скотоводческого или земледельческого хозяйства. Если же отселки перерастали в постоянные поселения, то в условиях господства подворной формы землепользования их связь с основным селом оставалась в большей степени формальной, и они во многих отношениях фигурировали как самостоятельные общины. Таким образом, в территориальном отношении сельская община в основном не выходила за рамки одного сельского поселения.

В организационном же отношении сельская община включала в свой состав не только представителей крестьянского сословия. Как известно, во всем Закавказье сельская община носила не замкнутый, узкосословный, а всесословный характер. Эта особенность проявлялась в том, что "в деревнях совместно с крестьянами жили, хотя и в ограниченном количестве, и владели государственной землей лица, принадлежавшие к другим сословиям".[2] К ним относились местное сельское дворянство – мелики, беки, и вообще лица, приобретавшие дворянство или почетное гражданство на государственной службе, сельское духовенство, а также представители купечества и горожане, которые путем приобретения поземельной собственности проникали в сельские общества".[3] Так, по сообщению А. Е. Хан-Агова, во многих селениях Джеванширского уезда "казенною землею пользуются также жившие там лица не крестьянского сословия".[4] В одном только с. Касапет их было 10. В Шушинском уезде "многие из городских жителей покупают у крестьян усадебные участки и застраивают их домами, в которых поселяют свои семьи, сами же работают в городе, или уходят на постоянные заработки".[5] В с. Мец Таглар таких усадеб было 20, а в с. Чанахчи – 10.

Нередки были случаи, когда представители некрестьянского сословия, имея земельные участки в деревне, сами там не жили и не занимались сельским хозяйством, а отдавали эти земли в аренду. Однако, не проживая в деревне, они тем не менее считались членами общины и облагались теми же податями, которые несли сами крестьяне, за исключением личных и натуральных повинностей.[6]

Если же рассматривать отношение всех общинников к трем основным сторонам общины – земельной, фискальной и административной в целом, выясняется следующая картина. В общине землей наделялись, помимо крестьян, также представители некрестьянского

---

[1] М. Н. Кучаев. ***Указ. соч.,*** *с. 251*
[2] С. А. Егиазаров. ***Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. 1: Сельская община.*** *Казань, 1889, с. 1*
[3] *Там же, с. 2*
[4] А. Е. Хан-Агов. ***Указ. соч.,*** *с. 368*
[5] А. Г. Деконский. ***Указ. соч.,*** *с. 263*
[6] С. А. Егиазаров. ***Указ. соч.,*** *с. 36*

сословия. При этом часть последних вовсе не проживала в селе. С другой стороны, в селе мы встречаем людей, которые постоянно жили там, но не имели надельной земли. Например, в Джеванширском уезде были обделены так называемые *гялма* (пришельцы), вдовы, малолетние сироты и не попавшие в камеральное описание.[1]

Часть общинников, принадлежавшая неподатному сословию, была освобождена от податей и повинностей. Впрочем, и здесь вопрос решался неоднозначно. Если беки освобождались от всяких податей и повинностей, то другие представители неподатного сословия участвовали в тех повинностях, которые устанавливались не законом, а обычным правом. К ним относились расходы на наем общинного пастуха, полевых сторожей, распределителей воды, а также содержание и ремонт проселочных дорог, канав и т.п. Лица же, входившие в податное сословие, но не проживавшие в селах, наоборот, избегали этих последних повинностей.

В административном отношении все лица некрестьянского сословия, согласно "Положению о сельских обществах", были устранены от участия в общественных делах и управлении. Естественно, что в них не участвовали также общинники, не проживавшие в деревне. Устранение привилегированных лиц от участия в общественных делах не означало, конечно, что они никак не влияли на них косвенным путем. Но здесь примечателен тот факт, что эти лица "юридически поставлены вне общины, несмотря на то, что всеми интересами тесно связаны с крестьянским сословием".[2]

Таким образом, из приведенных наблюдений явствует, что разные группы лиц, считавшиеся членами общины, в разной степени были вовлечены в характерные для нее земельные, податные и административные отношения, но вместе с тем все члены общины, проживавшие в пределах одного поселения, были тесно взаимосвязаны в бытовом аспекте, составляя единый поселенческий коллектив. При организации различных сфер общественной деятельности этот коллектив фактически исключал из своего состава тех членов, которые не жили в данном селе и не были связаны с его внутренней жизнью или же были связаны очень слабо. Отсюда и необходимость при изучении традиционного общественного быта армянского сельского населения Нагорного Карабаха выбора в качестве объекта не сельской общины как поземельной и административно-фискальной единицы, а поселенческого коллектива, выступавшего в роли определенной территориальной и социальной общности. Такой подход не означает противопоставления поселенческого коллектива сельской общине, ибо все члены поселенческого коллектива в действительности были вовлечены в те или иные общинные отношения. Поэтому в дальнейшем изложении будут использованы оба понятия как синонимы.

Органы управления общины. Вторая половина XIX в. в истории сельской общины Закавказья является своеобразным рубежом в том отношении, что если в первой половине XIX в. после присоединения края к России внутреннее управление сельской общины не подверглось каким-либо существенным изменениям, то теперь царское правительство приняло специальное положение, которым определялось устройство и управление сельской общины. 28 сентября 1866 г. императором было утверждено "Положение о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Бакинской губернии",[3] в состав которой входил тогда Нагорный Карабах. После образования Елисаветпольской губернии действие "Положения" распространялось на нее с апреля 1870 г.[4] Этим "Положением" беки-землевладельцы окончательно отстранялись от судебно-поли-

---

[1] А. Е. Хан-Агов. ***Указ. соч.,*** *с. 365*
[2] С. А. Егиазаров. ***Указ. соч.,*** *с. 39*
[3] *ПСЗ. т. 41, отд. II, N 43678, с. 57-68*
[4] А. Мильман. ***Политический строй Азербайджана в XIX – начале XX в. (Административный аппарат и суд, формы и методы колониального управления).*** *Баку, 1966, с. 170*

цейского управления селами, которое было законодательно закреплено за ними “Рескриптом” от 6 декабря 1846 г.[1] Сельское общественное управление составляли сельский сход, сельский старшина и сельский суд. Действия этих традиционных общинных органов во второй половине XIX в. подвергались прямому вмешательству со стороны властей и регулировались специальным “Положением”. Хотя в основу “Положения” легли ранее существовавшие в общине порядки, оно строго регламентировало внутреннюю жизнь общины, управление которой стало придатком общего административно-полицейского управления царизма.

Известно, что вместо сельского и волостного управления, установленного во внутренних губерниях России, в Закавказье было образовано одно сельское управление. Органы управления представляли не каждую отдельную общину, а группу общин, соединенных в “сельские общества”. Высшим его органом был общий сельский сход, который созывался в деревне, являвшейся центром сельского общества. По признанию царских чиновников эти сходы не пользовались самостоятельностью и не выражали волю большинства. “Они служат лишь орудием для замаскирования мирскими приговорами произвольных распоряжений старшин и приставов”, – так оценивает деятельность сходов М. Н. Кучаев, ревизовавший Елисаветпольскую губернию в 1885 г.[2]

Независимо от общего сельского схода “Положение” предоставляло возможность отдельным селениям, входившим в состав одного сельского общества, “собраться особо, на частных сходах, для обсуждения собственно предметов исключительно до их общих интересов касающихся”.[3] Предметами их обсуждения должны были стать распределение земель, раскладка податей, взыскание недоимок и подача жалоб и просьб по делам, относящимся только к данным селениям. При этом совещание на частных сходах, в отличие от общих, “происходит без всяких формальностей и так, как крестьяне сами найдут то удобным”.[4] В этих условиях любое собрание взрослых мужчин деревни могло послужить обсуждению тех или иных вопросов.

При подворном землепользовании сельский сход не так часто обращался к обсуждению земельных вопросов. Раскладка податей совершалась два раза в году – весной и осенью. Хотя она производилась при участии всех домохозяев, но “с преимущественным влиянием наиболее богатых из них”.[5] Сначала выборные лица во главе со старшиной распределяли налоги между дымами, а потом приглашали на общественную площадь по одному лицу от каждого дыма и зачитывали им свое решение; если же кто-нибудь был недоволен, то делали соответствующую поправку, хотя такое случалось редко.[6]

Предметом обсуждения частных сходов был также школьный вопрос, поскольку он находился в ведении церкви, а каждое армянское селение составляло отдельный приход. Однако школьное образование было слабо развито. В конце XIX в. во всем Карабахе, не считая нескольких земских училищ, было всего 9 приходских школ с 500 учениками.[7] В 1909-1910 учебном году число школ возросло до 40, а учеников до 1700.[8]

Во главе сельской общины стоял старшина. В армянских селах Нагорного Карабаха он назывался персидским словом *кехва*, которое встречается уже с начала XVIII в.,[9] заменив армянское слово *танутер*. Хотя “Положение” ввело выборное начало, это отнюдь не означало начало демократизации данного института. Старшина скорее был представителем

---

[1] *КПРЦА, ч. 2, с. 106*
[2] М. Н. Кучаев. ***Указ. соч.,*** *с. 212*
[3] *ПСЗ. т. 41, отд. II, с. 60*
[4] *Там же*
[5] А. Г. Деконский. ***Указ. соч.,*** *с. 320*
[6] Г. Осипов. ***Указ. соч.,*** *с. 121*
[7] ***Подсчеты сделаны по данным книги Մ. Բարխուդարյանց,*** *Արցախ*
[8] ***“Դարաբաղ” թերթ,*** *1912, N 1*
[9] ***Դիվան հայ վիմագրության,*** *Երևան, պր. 5, 1982, էջ 180*

власти, чем выразителем интересов общины. Он избирался, как правило, из влиятельных и богатых семей, часто под диктовку властей. В сельском обществе избирался один старшина из любой деревни, входившей в состав общества. Помощники старшины избирались по одному из каждой деревни. Старшина при себе имел рассыльного (*човуш*, *кзир*) и писаря. Функции последнего часто выполнял сельский священник.

Должностные лица избирались сроком на три года. Старшина утверждался в должности губернским начальником, а помощник старшины – уездным начальником. Практиковался также порядок лишения сельских обществ права выбора.[1] В этих случаях право назначения и замены должностных лиц предоставлялось начальнику губернии. Власти различными способами старались назначить на пост старшины послушного им человека и часто не утверждали в этой должности того, кто избирался самими общинниками. Об этом свидетельствуют корреспонденции крестьян.[2]

Обязанности старшины и его помощника были определены “Положением”. Назначение же жалованья или иного вознаграждения должностным лицам “Положение” предоставляло непосредственному усмотрению сельских обществ. В Шушинском и Джебраильском уездах старшина и его помощники пользовались различными услугами крестьян: предоставление ежегодно по одной паре рабочих волов на один день; отбывание одного и двух рабочих дней с дыма во время уборки хлеба; вознаграждение хлебом.[3] К тому же, согласно “Положению”, крестьяне слагали со старшин и их помощников причитающиеся с них подати и натуральные повинности. Сверх того должностные лица злоупотребляли своей властью, прибегали к взяткам[4] и нередко в “короткие промежутки времени обеспечивали себя имущественно на всю жизнь”.[5]

Несмотря на наличие сельского схода, вся власть в общине фактически сосредоточивалась в руках старшины, который являлся в каждом обществе “строгим начальником и полновластным распорядителем общественных дел”.[6]

Вместе с общественными делами “Положение” предусматривало вмешательство в семейные дела и предоставляло старшине право выносить наказания за такие поступки, как непослушание родителям, оскорбление их, отказ в помощи им в старости и при болезни.

Старшина участвовал также в некоторых общественно-семейных мероприятиях, что, однако, не являлось его непосредственной обязанностью и сложилось традиционно. Так, например, старшина присутствовал при семейных разделах, особенно когда возникали разногласия между разделившимися членами семьи.[7] Принято было получать согласие старшины при брачном сговоре.[8] Во время праздников крестьяне спешили поздравить старшину в первую очередь. Так, в с. Гадрут ранним утром новогоднего праздника “жители целыми толпами рвутся в дом сельского старшины и подносят ему в подарок по яблоку с воткнутыми серебряными монетами и по бутылке водки, чем выражают ему свою признательность за безвозмездные услуги, оказываемые им обществу”.[9]

Указанные обычаи были особенно характерны для того периода, когда не существовало выборного начала и должность старшины длительное время занимало одно и то же лицо, а нередко эта должность становилась наследственной привилегией одной семьи. Человек,

---

[1] М. Н. Кучаев. ***Указ. соч.,*** *с. 216*
[2] ***“Ղարաբաղ” թերթ,*** *1912, N 14, 58 և այլն*
[3] А. Г. Деконский. ***Указ. соч.,*** *с. 320*
[4] ***“Ղարաբաղ” թերթ,*** *1912, N 9, 30, ՎԱՆ-1983*
[5] А. Г. Деконский. ***Указ. соч.,*** *с. 320*
[6] М. Н. Кучаев. ***Указ. соч.,*** *с. 212*
[7] Ստ. Լիսիցյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 38*
[8] *Там же, с. 47*
[9] И. Давидбеков. ***Указ. соч.,*** *с. 190*

занимавший тогда должность старшины, пользовался большим авторитетом, особенно при патриархальном укладе жизни и в условиях политической зависимости, когда старшина был единственным представителем власти в собственной этнической среде.

Согласно “Положению о сельских обществах” функционировали также сельские суды. Они состояли из судей, избираемых сельским сходом сроком на три года и утверждаемых в губерниях по представлению уездного начальника губернатору. Избирались обычно три судьи из разных сел, входивших в состав сельского общества. Например, в Гадрутском сельском обществе “сельский суд составляют три лица – судьи: один из Гадрута, другой из Тагасыра и третий из Ванка.[1]

Круг вопросов, подлежавших рассмотрению сельским судом, а также порядок производства и решения дел определялись “Положением”, согласно которому и действовали суды.[2] Вместе с тем “Положение” допускало возможность обращения крестьян к третейскому суду, “не стесняясь никакими формами, но удовлетворив только особою подпискою о предоставлении своего дела решению таких-то посредников. Решение третейского суда в сих случаях составляется, объявляется тяжущимся и приводится в исполнение тем же порядком, какой установлен для решения самого сельского суда”.[3]

Третейский суд существовал почти в каждом селе и состоял, как правило, из трех наиболее авторитетных лиц, обычно старшего возраста (*ахсахкал*)[4]. Дела придавались решению третейского суда при отсутствии свидетелей. В этих случаях суд прибегал к очистительной присяге. Наиболее распространенной формой была присяга в церкви. Обвиняемый должен был гасить свечи, поставленные рядом с Евангелием.[5] Применялась также присяга у какой-нибудь святыни.[6] Часто виновный, не желая напрасно присягать, сознавался в своей вине.[7]

Сельский суд, как и сельский сход, не пользовался самостоятельностью и находился под властью старшины и других влиятельных лиц общины. Влияние и вмешательство усиливались тем, что “Положением” допускалось избирание в состав суда должностных лиц сельского управления. Судьи служили без особого вознаграждения и часто прибегали к взяткам. Наконец, с изъятием от сельского права разбирать дела по скотокрадству, “суд этот потерял в глазах населения даже признак какого-либо значения”.[8]

Таким образом, органы общинного управления во второй половине XIX в. в целом потеряли свою самостоятельность и превратились в “низшие полицейско-административные органы, находящиеся в постоянном соприкосновении с уездными властями, требования которых они обязаны исполнять для сохранения общественного порядка, для взимания казенных податей и т.п.”[9]

Сельские должностные лица играли заметную роль в сельской общине. Однако их статус определялся вовсе не их личными качествами, а занимаемой должностью. И не случайно, что с назначением новых лиц их предшественники становились предметом насмешек.

Семья в системе общественного быта. Непосредственным структурным элементом сельской общины являлась семья как основная производственно-экономическая ячейка. Вместе с тем семья – одна из основных социальных составных общины. Изучение семьи в системе общественного быта предполагает решение трех взаимосвязанных задач: а) выде-

---

[1] *Там же, с. 176*
[2] *Там же. См. также:* Г. Осипов. ***Указ. соч.,*** *с. 121*
[3] *ПСЗ. т. 41, отд. II, с. 63*
[4] *ԴԱՆ-1983, 1984*
[5] Ս. Հ. Իսրայելյան, ***Ազգագրական նյութեր Լեռնային Ղարաբաղի Փիրջամալ, Նախիջևանիկ գյուղերի և Շուշի քաղաքի մասին,*** *ՀԱԻ ԱԲԱ, N 355-356, էջ 60, 61:* Ստ. Լիսիցյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 65*
[6] *Там же*
[7] Г. Осипов. ***Указ. соч.,*** *с. 121*
[8] М. Н. Кучаев. ***Указ. соч.,*** *с. 234*
[9] А. П. Николаи. ***Воспоминания из моей жизни.*** *– “Русский архив”, 1892, кн. 2, с. 119*

ление основных типов семьи в структуре сельской общины; б) выявление форм проявления семьи в разных сферах общинной жизни; в) рассмотрение тех связей и отношений, посредством которых семья вовлекается в общинную жизнь.

По общепризнанному мнению исследователей, у сельского населения армян в XIX – начале XX вв. существовали две основные формы семьи: малая индивидуальная и большая семья или семейная община (по арм. *Гердастан*).[1] Основным признаком такого деления служат социально-экономические особенности, в частности, характер семейной собственности. В каждой из указанных форм выделяются типы семей по поколенному составу. Большая семья или семейная община считается наиболее архаичной, восходящей к первобытнообщинному строю формой семьи, которая сохранилась в армянской деревне вплоть до XX в. в качестве пережиточного явления. При этом в отдельных районах она сохранилась в различной степени, в зависимости от социально-экономических условий. По мнению Э. Карапетян, "третья четверть XIX в. – период формирования капиталистических отношений в Армении, когда наблюдается процесс распада больших семей в районах, втянутых в процесс капиталистического развития".[2] Исходя из приведенных предварительных замечаний, рассмотрим, какие типы семьи были характерны для армян Нагорного Карабаха. Исследователь современной семьи у армян А. Е. Тер-Саркисянц, ссылаясь на работу С. Д. Лисицяна,[3] отмечала, что "в селах Нагорного Карабаха по сравнению с селами Армянской ССР давно уже наметилось распадение больших семей".[4] Данное обстоятельство, по ее мнению, объясняется большим распространением отходничества среди карабахских крестьян. "Знакомство с бытом рабочих разных национальностей, – пишет она, – оказывало соответствующее воздействие на их семейный быт, в частности, на сохранение большой патриархальной семьи. Решающую роль в этом играл и экономический фактор: заработав деньги, взрослый женатый сын предпочитал отделиться со своей женой и детьми, а не вносить эти деньги в общесемейную кассу, как это было принято в больших семьях".[5] В целом, соглашаясь с такой оценкой, считаем необходимым несколько расширить круг источников по этому вопросу.

В первую очередь обратимся к еще одной работе С. Д. Лисицяна, где автор утверждает, что "еще задолго до XIX в. многочисленные семьи, образованные из трех взрослых поколений, являлись редкостью. Столетние старики утверждают, что не помнят столь большие семьи и что в годы их молодости разделы семей совершались очень рано".[6] Данные Лисицяна относятся к 20-ым годам XX столетия. Еще одно более раннее свидетельство относится к концу XIX столетия: "Гердастаны в Варанде в общем немногочисленны. Очень редко случается, чтобы несколько братьев долгое время жили под одной крышей. Через короткий промежуток после женитьбы братья разделяются, образуя новые гердастаны".[7] С приведенными свидетельствами согласуется утверждение Н. Григоряна, что в с. Саров "несколько братьев вместе не уживаются и делятся даже до женитьбы".[8]

На основе приведенных свидетельств можно заключить, что действительно во второй половине XIX в. для Нагорного Карабаха не были характерны большие семьи. Конечно,

---

[1] Э. Т. Карапетян. ***Армянская семейная община.*** *Ереван, 1958, с. 133;* Վ. Բդոյան, ***Հայ ազգագրություն. համառոտ ուրվագիծ,*** *Երևան, 1974, էջ 123:* М. В. Акопян. ***Указ. соч.,*** *с. 88*

[2] Э. Т. Карапетян. ***Указ. соч., с. 133-134. Автор выделяет три района по степени распространенности и по характеру внутреннего строя, по общественно-экономической роли семейных общин*** *(там же, с. 135-136). Однако Нагорный Карабах не включен в эту классификацию, поскольку не были использованы материалы по Нагорному Карабаху*

[3] С. Д. Лисициан. ***К изучению армянских крестьянских жилищ,*** *с. 100*

[4] А. Е. Тер-Саркисянц. ***Современная семья у армян Нагорного Карабаха.*** *– КЭС, М., 1976, т. 6, с. 17*

[5] А. Е. Тер-Саркисянц. ***Современные этнические процессы у армян Нагорного Карабаха.*** *– В кн.: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978, с. 94-95*

[6] Ստ. Լիսիցյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 38*

[7] Ե. Լալայան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 155*

[8] Н. И. Григоров. ***Село Саров Джеванширского уезда Елисавтпольской губернии.*** *– СМОМПК, Тифлис, 1888, вып. 6, отд. I, с. 128*

нельзя полностью отрицать их существование. Однако кажется неправомерным также их отнесение к пережиточным явлениям, ибо семейная община, как и любое крестьянское дворохозяйство, не представляет собой пережитка первобытнообщинного строя. Даже в условиях разложения крестьянской общины и разрушения натурального хозяйства сохранение больших семей диктовалось экономической необходимостью, поскольку многочисленность, как известно, являлась одним из факторов крестьянского благосостояния. В упомянутом выше районе Варанда при всей нехарактерности больших семей "многочисленными бывают семьи, занимающиеся только земледелием, и это имеет свои уважительные причины. Для земледелия необходимо много рабочих рук, потому братья вынуждены жить нераздельно".[1] Такие семьи, включавшие в свой состав больше одной брачной пары, как показывают и некоторые другие материалы,[2] были довольно распространены. Вряд ли целесообразно называть их "большими семьями", поскольку под этим все-таки понимается архаичный тип семьи. Поэтому мы считаем возможным для их обозначения применять термин "нераздельная семья", который широко распространен в литературе "для определения ее сложных типов, формально в той или иной мере сходных с традиционной большой семьей (например, по составу родственников, числу брачных пар, поколений и т.п.), но отличающихся от нее тенденцией развития, характером интерсвязей, социальной значимостью".[3] Рядом с неразделенными семьями, которые можно отнести к сложным формам семьи, среди крестьянского населения были распространены также простые формы семьи, такие как простая малая семья (называемая также нуклеарной), сложная малая семья (по терминологии Я. С. Смирновой), а также неполная малая семья. Последние обычно состояли из вдовы с детьми или без них.[4] Такие семьи зафиксированы при описании Карабахской провинции еще в 1823 г. [5] Они были всегда и почти во всех деревнях, иногда составляя солидное число.[6] В целом семейная структура сельского населения представляла неоднозначную картину. В каждом из сел в разных соотношениях существовали разные типы семьи. Роль и место каждого из них в повседневной жизни сельской общины также были неоднозначны, равно как и отношение коллектива к ним проявлялось по-разному.

Семья в повседневной речи армян Нагорного Карабаха обозначалась словом *тон* (букв. "дом"), а также *оджах* (очаг), т.е. семья понималась как совокупность людей, проживающих в одном доме, вокруг одного очага. В официальном делопроизводстве, в частности, камеральных описаниях семейства обозначались термином "дым", который являлся официальным субъектом права на надел и объектом налогообложения. При этом податным дымом считалось семейство, которое независимо от своих размеров жило совместно и имело общее хозяйство. Однако сельское население выработало совершенно другие основы для определения прав и обязанностей отдельных семей в общине. Положение семьи в обществе, ее права и обязанности при решении вопросов экономического характера (раздел земли, распределение воды, раскладка податей) зависели не от численного состава семьи, а от ее материального состояния. Последнее, в свою очередь, в разных районах определялось по-разному: по числу рабочих рук, по количеству рабочего скота и т.п. В армянских селах Шушинского и Джебраильского уездов основанием раздела земли служило "количество имеющихся в дыме тягл. Тягло, т.е. женатый член семьи, получающий надел земли и отбывающий за него подати и повинности, называется *баш*ем (*баш* по азерб. голова – А. М.); не достигший совершеннолетия или неженатый, но имеющий более 16 лет, составляет

---

[1] Ե. Լալայան, ***ելկ. աշխ.,*** *էջ 155*

[2] ***Камеральное описание казенных крестьян Карабахской провинции 1832-33 г. – ЦГИА АрмССР,*** *ф. 93, оп. 1, ед. хр. 49*

[3] О. А. Ганская. **Семья:** ***структура функции, типы.*** *– СЭ, 1984, N 6, с. 23*

[4] *В таких случаях вряд ли можно говорить о существовании семьи, однако вдовы часто жили раздельно и воспринимались как отдельный "дом"*

[5] *Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 году действительным советником Могилевским и полковником Ермоловым II-ым. – ЦГИА АзербССР, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 142. Семьи вдов упоминаются, поскольку они были освобождены от налогов*

[6] *По сообщению М. Бархударянца, в одном только с. Гиши число вдов было 70. Если даже не все они жили отдельно, тем не менее число неполных семей выглядит внушительным (Մ. Բարխուդարյանց, Արցախ, էջ 121)*

половину баша; мальчик от 12 до 16 лет при разделе земли принимается за 1/4 баша; остальные дети до 12-летнего возраста, женщины и старики, неспособные к работе, совсем не принимаются в расчет при разверстке надельных участков”.[1]

Экономическая способность “дыма” принималась во внимание и при раскладке податей, хотя по сравнению с распределением земли принципы ее определения отличались большим разнообразием, “в некоторых селениях – по числу душ мужского пола (выше 15-и летнего возраста), в других – по площади земли: в третьих – по числу скота и др.”.[2] Таким образом, при решении вопросов экономического характера семья в общине выступала не как совокупность людей, проживающих совместно, а как экономическая единица. К тому же не все семьи в сельской общине привлекались к решению земельных и податных вопросов. Как уже отмечалось, некоторые семьи не владели землей, а другие были освобождены от налогов. В числе последних были не только семьи привилегированного сословия, но и вдовы, старики, дети, которые не были в состоянии работать и содержать семейство.[3]

В своей внутренней жизни община считалась также с существующей имущественной дифференциацией семей. Например, при строительстве школы в с. Гиши общинный сход решил собрать средства со всех членов, при этом с богатых семей брали по 10 рублей, с середняков – по 5, с малоимущих – по 3, а бедняки должны были предоставить рабочую силу.[4]

Были однако в жизни общины моменты, когда все семьи выступали как определенные социальные единицы независимо от экономических способностей, имущественного состояния, сословной принадлежности. В этом плане характерно общественное жертвоприношение под названием *ахар*, которое имело место в каждой деревне в день пасхального праздника. Во время этого обряда жертвенное мясо распределялось между семьями соответственно их численному составу. К этому жертвоприношению были причастны все без исключения семьи данного села. Примечательно, что в крестьянском быту армян Нагорного Карабаха существовало понятие *մատաղ օտող* (*матах утох* - “вкушающий матах”, от арм. *матах* – жертвоприношение, жертвенное мясо и *утел* – кушать, есть), обозначающее действительное число семей в деревне.[5] Интересно также, что это количество всегда расходилось с количеством “дымов” камерального описания. На вопрос о том, сколько семей живут в деревне, крестьяне обычно отвечали, что по камеральному описанию столько-то, а “матах утох” – столько.[6] Как правило, второе число было больше первого. Дело в том, что во время камеральных описаний ряд “дымов” не принимались в расчет, поскольку крестьяне во избежание больших налогов часто скрывали их: несколько семей, на самом деле проживающих отдельно, выдавались за один “дым”. К тому же за период после камеральных описаний число семейств в селе увеличивалось за счет семейных разделов или же прихода новых семей из других местностей. Именно понятие “матах утох”, а не камеральное описание отражало действительную семейную структуру каждого села.[7]

В делах общинной жизни семью представлял глава семьи. В этой роли обычно выступал отец семейства. В нераздельных семьях после смерти отца или же потери последним работоспособности, первенство переходило к старшему из братьев, но он уже не обладал такими широкими правами, какие имел отец, и часто был вынужден считаться с другими братьями. После того, как мужчина становился главой семьи, “он считался почетным членом общества (ахсахкал) и принимал участие в общественных делах. Он одевался уже прилично и

---

[1] А. Г. Деконский. ***Указ. соч.,*** *с. 262*
[2] А. Е. Хан-Агов. ***Указ. соч.,*** *с. 44*
[3] Г. Осипов. ***Указ. соч.,*** *с. 121*
[4] ***“Ղարաբաղ” թերթ,*** *1912, N 8*
[5] *Нам пока неизвестен факт употребления данного понятия в других районах Армении*
[6] Ф. Տեր-Մովսիսյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 51: ԴԱՆ-1984*
[7] *Характерно, что сами крестьяне в своих корреспонденциях указывали число семейств “матах утох” (“Ղարաբաղ” թերթ, 1912, N 43, 50): А. До в списках армянских сел Нагорного Карабаха приводит данные камеральных описаний, а рядом число семейств “матах утох”. См.:* Ա-Դո, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 169, 170, 209, 231*

чисто, и, что главное, при выходе в “шнамач” (центр села – А.М.) носил башмаки (“чмшкнер”), чего были лишены другие братья”.[1] Глава семьи представлял ее на общинном сходе, на свадьбах, похоронах и т.п.

Повседневная внутрисемейная жизнь отличалась замкнутостью и обычно не терпела вмешательства извне. В этом плане характерен случай, приводимый С. Д. Лисицяном.[2] В с. Сос сельский суд приговорил к аресту односельчанина за то, что он грубо обошелся со своей женой. Однако жена протестовала, мотивируя тем, что никто не вправе вмешиваться в их внутренние семейные дела.

В жизни семьи были однако моменты, когда она не обходилась без участия односельчан. Сюда относятся, в первую очередь, свадьбы, рождение детей, похороны. Обычно в присутствии и при деятельном участии родственников, друзей и соседей совершался акт раздела семьи.[3] В общинах, где практиковались переделы земель, а отец отказывался при разделе наделить сына, общество могло принудить отца “выделить отделяемому сыну надельной земли”.[4]

В присутствии общинников совершался также акт завещания: “В армянских селениях умирающий во время исповеди перед священником и в присутствии 4-5 почетных лиц свидетелей передает свою волю словесно в форме изустной памяти”.[5] При отсутствии наследников мужского пола надельная земля поступала в пользование общества, тогда как движимым имуществом, садами и огородами вправе был распоряжаться только владелец. В общинах, где не практиковались переделы земель, к родным умершего переходили также “полевые угодья”.[6]

Предпринимая какое-либо значительное дело, глава семьи часто советовался с другими членами общины. Например, собираясь построить новый дом, крестьянин “приглашал сведущих людей села, мастеров, стариков и, угощая их, выражал свое намерение и советовался по поводу выбора им места для постройки дома. Приглашенные давали свое добро, поздравляли и благословляли хозяев”.[7]

Каждая семья в общине обладала определенной репутацией, которая во многом играла решающую роль при взаимоотношениях общинников с данной семьей. Важным механизмом сложения репутации служило общественное мнение, с которым считалась каждая семья. Репутация семьи во многом зависела от репутации ее главы. Своего виновного члена общество наказывало не только в судебном порядке, но и тем, что “к нему перестают ходить на крестины, на поминки, на свадьбу и не приглашают его к себе”.[8] Ясно, что от такого отношения страдала вся семья.

В общине особенно выделялись семьи переселенцев из других мест. Отношение к таким семьям часто было недоброжелательным, если не враждебным, что наглядно проявлялось в уже отмеченном факте обделения их землей. По наблюдению А. Е. Хан-Агова, “не только экономический интерес руководит крестьянами, но и родовое чувство заставляет недружелюбно и даже с презрением относиться к пришельцам”.[9]

При всей своей самостоятельности в сельском быту семья во многих отношениях воспринималась не отдельно, а в составе той или иной группы.

Семейно-родственная группа в системе общественного быта. Группа семей, ведущих происхождение от одного предка и связанных определенной хозяйственной, территориальной и идеологической общностью, обозначается в советской этнографической литературе

---

[1] Ե. Լալայան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 154*
[2] Ստ. Լիսիցյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 41*
[3] *Там же, с. 38*
[4] С. П. Зелинский. ***Народно-юридические обычаи у армян Закавказского края***. *– ИКОИРГО, Тифлис, 1898, т. 12, вып. 3, с. 184*
[5] А. Е. Хан-Агов. ***Указ. соч.,*** *с. 366*
[6] С. П. Зелинский. ***Указ. соч.,*** *с. 184*
[7] *ՀՊՊԿԱ, ֆ. 319, ց. 1, գ. 91, թ. 19*
[8] Г. Осипов. ***Указ. соч.,*** *с. 122*
[9] А. Е. Хан-Агов. ***Указ. соч.,*** *с. 365*

понятием патронимия. Вопрос о патронимии неоднократно пересматривался, высказывались различные точки зрения, иногда взаимоисключающие друг друга.[1] Наиболее приемлемой нам представляется концепция, согласно которой "патронимия представляет собой не часть или остаток рода, пусть даже патриархального, а особую форму социальной организации, являющуюся новообразованием эпохи классовых обществ. Она возникает в результате разрастания и сегментации семьи".[2] Будучи явлением "специфичным для крестьянского, а не первобытного общества",[3] она существовала у крестьян вплоть до XX в. в силу господства натурального хозяйства и относительной замкнутости сельской жизни, когда все родственные семьи в основном проживали в рамках одной сельской общины. В ходе обсуждения вопроса о патронимии рассматривался и сам термин "патронимия". Некоторые авторы предлагают вообще отказаться от этого термина в связи с его многозначностью и неопределенностью.[4] А. И. Першиц считает, что сохранение термина "патронимия" оправдывается новым подходом к его пониманию.[5] Но кажется более приемлемым предложение называть данный институт "семейно-родственной группой".[6]

Что же из себя представляла семейно-родственная группа у армян Нагорного Карабаха и какое место занимала она в системе общественного быта дореволюционного села? Она, как и в других историко-культурных районах Армении, была известна под названием *азг*. "Азг" – по формулировке Э. Т. Карапетян, – это семейно-родственная группа, насчитывающая в своем составе семьи нескольких поколений, обычно шести-семи, изредка восьми, по нисходящим и боковым ответвлениям по мужской линии, от предка-основателя азга, имя которого становится общеазговым".[7] Далее она характеризует азг как наиболее широкую родственную группу, которая структурно делилась на ветви, внутри которых, в свою очередь, выделялись еще более узкие группы, состоявшие из семей братьев и двоюродных братьев, их сыновей и племянников.[8] Локально "в семейно-родственный коллектив азг входили те родственные семьи, которые селились в одном и том же селе".[9]

Круг лиц, входящих в состав родственной группы, определяет и В. А. Бдоян: "Помимо кровных родственников, членами азга считались все те лица обоего пола, которые удочерялись или усыновлялись, либо принимались в дом в качестве невестки или *тнпеса* (зятя-примака). Тнпеса-примак становился членом дома своей жены и ее азга. Девушки и женщины, которые, вступив в брак, уходили из отчего дома, считались выбывшими из своего азга. Вступившая в брак женщина оставалась лишь "соплеменницей" для своего бывшего азга. Она принималась в азг своих свекра и свекрови как полноправная родственница".[10] Приведение в таком подробном виде состава азга существенно, ибо в понятии "патронимия", как это показал Ю. И. Семенов, налицо два разных аспекта – родственный и общинный.[11]

В родственном аспекте "патронимия" включала в себя, помимо мужчин, также их дочерей и сестер, исключая из ее состава жен и матерей. А в общинном аспекте, т.е. в качестве локально-хозяйственной группы, она состояла из мужчин, их жен, матерей и незамужних сестер и дочерей, которые после замужества переставали быть членами данной группы и входили в состав другой группы.

---

[1] *Краткий обзор мнений см.:* А. И. Першиц. ***Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии.*** *– СЭ, 1983, N 5, с. 62*

[2] А. И. Першиц. ***Динамика традиций и возможности их источниковедческого истолкования. – Народы Азии и Африки,*** *1981, N 5, с. 90*

[3] Ю. И. Семенов. ***Первобытная коммуна и соседская крестьянская община. Становление классов и государства,*** *М., 1976, с. 45*

[4] Н. А. Кисляков. ***О сущности понятия "патронимия".*** *– Страны и народы Востока, М., 1976, вып. 18, с. 280;* Г. Е. Марков. ***О терминах и понятиях в этнографии.*** *– СЭ, 1983, N 5, с. 75*

[5] А. И. Першиц. ***Социально-экономическая терминология,*** *с. 62*

[6] С. М. Абрамзон. ***Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ.*** *– СЭ, 1970, N 6, с. 71*

[7] Э. Т. Карапетян. ***Родственная группа "азг" у армян.*** *Ереван, 1966, с. 25*

[8] *Там же, с. 26*

[9] *Там же, с. 26-27*

[10] В. А. Бдоян. ***Кровнородственная группа "азг" и родственные отношения у армян.*** *– СЭ, 1952, N 1, с. 189*

[11] Ю. И. Семенов. ***О некоторых теоретических проблемах первобытности.*** *– СЭ, 1968, N 4, с. 80-81*

Общинный и родственный аспект позволяет четко выделить границы родственной группы в реальной жизни. Именно в общинном аспекте родственная группа представляет совокупность семей, при этом родственных по мужской линии. Для армянского “азга”, как видно из вышеприведенного состава, ведущим был общинный аспект, поскольку жены принимались как полноправные члены азга и принимали участие во всех сферах его жизни, и наоборот, из его состава выбывали вышедшие замуж сестры и дочери.

Когда же речь идет о единстве происхождения “азга”, об общем предке, то, естественно, тут не могут фигурировать жены и матери, поскольку у них совсем другое происхождение, однако в реальной жизни “азг”, как совокупность людей одного происхождения, фактически не выступает. Характерно, что после замужества женщина в обществе упоминалась как по имени своего прежнего азга, так и нового. А такой признак идеологической общности, каким является захоронение членов азга на отдельных кладбищах или же на отдельных участках общесельского кладбища, проявлялся также по отношению к женам и матерям и соответственно исключал дочерей и сестер, вышедших замуж. Но наиболее яркой иллюстрацией в этом отношении может служить название азга или его ветви по имени женщин, чаще всего жены основателя азга, которая отличалась какими-то своими качествами.[1]

Родственный и общинный аспекты позволяет выделить также границы азга по количеству поколений и отдельных семей. Когда приводится генеалогическая схема азга, начиная с известного предка-основателя до последних его представителей на конкретном данном этапе, то опять-таки имеется в виду азг в родственном аспекте. Поэтому и эти схемы не могут дать четкого представления о реально действующем азге, тем более, что в схемы включаются только представители мужского пола.[2] Реальный же азг в общинном аспекте состоял из семей, проживавших в данный момент в данном селе и считавших себя потомками одного предка.

В больших разраставшихся азгах выделялись ветви, которые представляли более тесные семейно-родственные группы. Естественно, что семьи внутри ветвей были более сплоченными, и именно они представляли действительную локально-хозяйственную группу. Но до тех пор, пока сохранялась память об общем происхождении, все ветви причислялись к одному азгу, и сама ветвь не обозначалась термином “азг”. Она называлась в отдельных районах по-разному,[3] а в Карабахе армянским словом *чюх* (ветвь) или тюркским словом *тайфа*. В таком плане азг представлял во много только идеологическую общность. В условиях перемещений населения, территориальных разрывов между отдельными частями азга, или же путем механического роста ветви могли стать самостоятельными азгами.

Во второй половине XIX в. экономическая общность азга выражалась слабо. Она не опиралась на общеазговую собственность.[4] Крестьянская взаимопомощь в трудовой сфере не обязательно была азговой. С ростом населения, увеличением размеров поселения и проникновением товарно-денежных отношений в деревне нарушалась и территориальная общность азга.[5] Не все представители одного азга уже селились в одном квартале. К тому же многие представители азга переехали в город. Дольше всего сохранялась идеологическая общность азга, а также тесно связанное с ней единство в общественно-семейном быту.

Идеологическая общность обычно проявлялась как во внутриазговой солидарности, так и в межазговых отношениях. Последние, как правило, проявлялись только в идеологической сфере, так как в реальной жизни фактически существовали отношения и связи не между азгами, а между семьями, представлявшими разные азги. Каждый азг в селе пользовался определенной репутацией, что во многом предопределяло отношение односельчан к нему. Репутация азга отражалась прежде всего в прозвищах, которые давали им помимо их

---

[1] Э. Т. Карапетян. ***Родственная группа “азг”,*** *с. 53; ԴԱՆ-1983:* Գ. Գաբրիելյան, ***Խաթունանք,*** *ՀԱԻ ԱԲԱ, N 9/104, էջ 6*

[2] *См.:* Э. Т. Карапетян. ***Родственная группа “азг”,*** *с. 28-32*

[3] *Там же, с. 26*

[4] *Подробнее см. там же, с. 94-148*

[5] Ռուստամ, ***Արցախ աշխարհը (Ղարաբաղ),*** *“Հայկական աշխարհ” թերթ, Շուշի, 1874, N 1, էջ 29-30:* Ստ. Լիսիցյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 33*

самоназвания. Прозвища следует отличать от названий, которые давались азгам по имени основателя азга или какого-нибудь его члена, и которые с течением времени стали самоназванием азга.[1] Репутационные прозвища в присутствии представителя азга не произносились, поскольку обычно носили оскорбительный характер.[2] Это правило, однако, не соблюдалось, когда между азгами, вернее их представителями, возникали споры. Характерно также, что многим азгам приписывали какую-нибудь смешную историю, связанную с частными поступками отельных его членов, рассказывая их чаще всего в виде шутки, без каких- либо оскорбительных нот.

Репутация азга и репутация семьи во многом переплетались. В крестьянском быту каждая семья воспринималась как принадлежавшая к тому или иному азгу. Отдельные семьи обычно не имели своего особого имени.[3] При их упоминании в первую очередь указывалось имя азга, а затем – главы семьи. Когда же внутри азга были ответвления, то семья упоминалась по названию ветви. Семья выступала в качестве носителя азговой репутации и азговой традиции. Репутация отдельной семьи в свою очередь, могла повлиять на репутацию азга.

В каждом селе выделялись азги, которые пользовались особо положительной репутацией. В этом плане интерес представляет культ “священных очагов”, повсеместно распространенный в Нагорном Карабахе. Культ очага в качестве одного из семейных культов общеизвестен. Однако “священные очаги” (крестьяне их называли просто *оджах*) отличались тем, что они почитались не только членами одной семьи или одного азга, а жителями данного села, а иногда и соседних сел.[4] Эти очаги обычно носили азговые названия: например, Тугуцунц, Ходжанц (с. Чартар), Бахшунц (с. Гызгала) и т.д.[5] Внешне “они ничем не отличаются от очагов обычных “карадамов” (карадам – тип крестьянского жилища в Нагорном Карабахе – А.М.), домочадцы пользуются ими обычным образом, а затем рядом кладут подсвечник и кадильницу, чтобы богомолец мог зажечь прихваченную с собой свечу и кадить”.[6]

Говоря о “священных очагах”, Е. Лалаян и С. Лисицян утверждают, что они принадлежали или азгам-основателям данного села, или же тем азгам, которые выделялись своим древним происхождением, благосостоянием и имели влияние в селе[7]. Исходя из этого можно обрисовать следующую картину распространения культа семейного очага за пределами семьи. Первоначально очаг почитался только членами семьи. После разрастания семьи и образования групп родственных семей сохранился культ дедовского очага. Иллюстрацией тому может служить обычай, согласно которому при переходе в новый дом обособившаяся семья брала с собой огонь из дедовского очага.[8] При известных обстоятельствах имущественного и социального неравенства культ очага, доминирующий в родственной группе семьи, мог превалировать над отдельными семейными культами,[9] а с течением времени выйти также за рамки родственной группы. Характерно однако, что при потере былой мощи и реального влияния последующих представителей азга, сохранялась добрая память об их дедовских очагах, и они продолжали быть почитаемы. Таким образом, культ “очагов” является выражением, с одной стороны, культовой общности азга, с другой стороны – репутации азга среди общинников.

Четко выраженная азговая структура и осознание этой структуры были одной из характерных черт социальной жизни сельского населения. Становление этой структуры тесно связано с образованием и дальнейшей историей села. Естественно, что она не была

---

[1] *О таких названиях см.:* Э. Т. Карапетян. ***Родственная группа “азг”,*** *с. 50, 52*

[2] *ԴԱՆ: Примечательно, что информаторы обычно с неохотой вспоминают об этих прозвищах*

[3] *Ср.:* М. О. Косвен. ***Этнография и история Кавказа.*** *М., 1961, с. 41*

[4] Ստ. Լիսիցյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 59*

[5] *ԴԱՆ-1983*

[6] Ե. Լալայան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 115*

[7] *Там же;* Ստ. Լիսիցյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 59*

[8] Ստ. Լիսիցյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 38*

[9] *Ср.*: А. И. Першиц. ***Динамика традиций,*** *с. 91*

однозначной и со временем подвергалась изменению. Крестьяне обычно различали коренные азги от тех, предки которых пришли из других мест в более поздние времена. Такие азги были почти в каждом селе и часто назывались именем местности, откуда вышел основатель азга. Характерно, что во многих случаях он был выходцем из других сел Нагорного Карабаха или же районов Восточного Закавказья с армянским населением. В каждом селе были большие азги, представленные несколькими ветвями, а рядом с ними – малые, новообразованные, в состав которых входило всего лишь несколько семей. Часть азгов прекратила свое существование вследствие вымирания всех мужчин или же переезда всех представителей в другие места, в исследуемый период – чаще всего в город.

Последнее обстоятельство в связи с большими размерами отходничества наложило определенный отпечаток на азговую структуру в селах Нагорного Карабаха. Выражалось это в том, что многие из азгов как бы разбились на две части, одна из которых продолжала жить в деревне, а другая – переехала в город. Но вместе с тем переехавшая часть продолжала сохранять идеологическое единство со всем азгом.

Между обеими частями разделившегося азга сохранялись тесные связи. В сущности это были связи между отдельными семьями, но они охватывали почти весь круг семей родственного коллектива. Когда кто-нибудь из представителей приезжал в деревню, его навещали почти все родственные семьи и поочередно приглашали в гости. Наличие родственников в селе способствовало тому, что переехавшие в город члены азга не теряли связи с селом. Со своей стороны они способствовали переезду других родственников в город, где им помогали устроиться на работу и получить образование. На это обстоятельство обращал внимание еще С. Д. Лисицян: “достаточно одному человеку получить высшее образование и обеспечить для себя какое-нибудь место, он помогает переезду за собой всех братьев и сестер, создавая для них возможность поступать в средние и высшие учебные заведения”.[1] Благодаря традициям отходничества конца XIX – начала XX вв. генеалогия азгов в Карабахе имеет обширную географию.

Азговая структура села во многом отражалась на микротопонимической картине поселения (названия кварталов, родников, садов, земельных участков, токов и т.д.), изучение которой представляет большой интерес. В топонимах часто сохраняются и названия исчезнувших азгов. Азговое название какого-либо объекта не означает обязательно, что он составлял собственность всего азга.[2] Как уже отмечалось, отдельные семьи также назывались по имени азга, и, может быть, земельный участок, называемый по имени азга, принадлежал только одной семье – семье представителя данного азга.

В свою очередь азгонимия (названия азгов), как показали наши наблюдения, в некоторой степени может быть использована в качестве источника, поскольку она отражает многие стороны истории и быта поселения. Так, например, в подавляющем большинстве сел можно встречать азговые названия типа “Дерунц” (от *տէր* – священник) и “Кюханц” (от *քյոխա* – старшина села). В частновладельческом селе Гызгала зафиксировано азговое название “Дарганц” (*դարգա* – поверенное лицо помещика, собиратель податей).[3] Названия “Далла-канк” (*դալլաք* – цирюльник) и “Зыргаранк” (*զարգար* – ювелир) свидетельствуют о существовавших в селах профессиях. Азговые названия указывают также на наличие в данном селе выходцев из других местностей, что, в свою очередь, говорит о перемещениях населения, о контактах между разными районами.

Вышеизложенный материал свидетельствует, что наличие семейно-родственных групп в селе определяло многие стороны быта сельского населения, хотя азг и не представлял

---

[1] Ստ. Լիսիցյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 39*

[2] *Ср.:* Э. Т. Карапетян. ***Родственная группа “азг”,*** *с. 107*

[3] *ԴԱՆ-1983*

самостоятельную экономическую единицу и рядом с родственными связями развивались также соседские.[1]

Семейно-соседские отношения. В рамках сельской общины семьи находились не только в родственных, но и в соседских связях. Вообще соседство принято считать признаком, лежавшим в основе крестьянской общины (отсюда и название "соседская община"), и в этом плане неправомерно его противопоставление родству. "Биологическое родство, – заметил Ю. И. Семенов, – само по себе никогда никого не связывало и связывать не может… В том случае, когда мы наблюдаем существование кровнородственных объединений, связывают людей вовсе не родственные отношения сами по себе, а те факторы, которые делают их общественно значимыми для людей. Такими факторами являются общественные отношения вообще, социально-экономические в первую очередь".[2] Ясно, что эти факторы могут в одном случае повысить значимость родственных отношений, в других случаях снизить. Однако в условиях крестьянской общины при всей значимости родственных отношений их нельзя считать определяющими. И в тех случаях, когда в общине все семьи родственные, она остается "соседской". Поэтому права М. В. Акопян когда считает соседские связи важным механизмом социальной организации армянской соседской общины: "Посредством этих связей по существу осуществлялось взаимодействие между различными структурными элементами: патронимиями, семьями. Зачастую в форме соседских связей выступали родственные отношения".[3]

В сельской общине не только родственные, но и все неродственные семьи были так или иначе связаны друг с другом, и в этом смысле их отношения можно характеризовать как соседские. Однако в крестьянском сознании соседство имело более конкретное понимание и подразумевало отношения между семьями, проживавшими в близко расположенных домах. Понятие соседства тесно связано с понятием квартала, поскольку соседскими отношениями были обычно связаны семьи внутри одного квартала. Именно поэтому развитие соседских отношений связывается с начавшимся во второй половине XIX в. локальным разобщением азга, когда в кварталы, заселенные родственными семьями, проникали неродственные семьи, и появлялись смешанные кварталы.

В крестьянском быту соседству придавалось большое значение. Наглядной иллюстрацией тому может служить народная пословица, гласившая, что "испытанный сосед лучше неиспытанного родственника".[4] Такое понимание имело под собой реальную основу. Соседские семьи, живя рядом друг с другом, общались ежедневно, даже ежечасно. Они нуждались во взаимной помощи, и характерной чертой этой помощи было ее проявление в повседневном быту и чаще всего во внеэкономической сфере. Если в более или менее значительных хозяйственных и общественно-семейных делах крестьянин мог прибегать также к помощи родственников и других односельчан, то в мелких житейских делах он обращался в первую очередь к соседу.

Соседи обменивались различными вещами, продуктами и услугами, при этом нельзя было отказывать соседу, поскольку на следующий день просящей стороной окажется тот, кого просили сегодня. "Сосед давал постель и все, чего не хватало в доме для приема "с честью" гостя. В минуту горя и радости первым являлся сосед. Длинные зимние вечера коротали в обществе соседа. Соседи объединяли рабочий скот и инвентарь для совместной обработки поля. При переделе сельской земли соседи старались выбрать участки рядом. Дети росли в общих играх и между ними завязывалась дружба прочнее, чем кровная связь".[5] Словом, соседские отношения были многообразны, и им принадлежала большая роль в крестьянском общежитии.

---

[1] Э. Т. Карапетян. ***Родственная группа "азг",*** *с. 149-153;* М. В. Акопян. ***Указ. соч.,*** *с. 86, 87*
[2] Ю. И. Семенов. ***О некоторых теоретических проблемах,*** *с. 84*
[3] М. В. Акопян. ***Указ. соч.,*** *с. 86*
[4] Գ. Մ. Բարխուդարյանց, ***Բարոյական առածներ,*** *Տփղիս, 1898, էջ 41*
[5] С. Д. Лисициан. ***Армяне.*** *– ЦГИА АрмССР, ф. 428, оп. 1, ед. хр. 14, л. 154*

Личность и половозрастные группы. Община или поселенческий коллектив представляли совокупность отдельных индивидов, проживающих в ограниченных пределах сельского поселения. В этих пределах, как правило, все люди знали друг друга, находились в постоянном общении.

Каждый член общины имел свой статус и пользовался определенной репутацией, формировавшейся и поддерживавшейся общественным мнением. В формировании этого мнения решающую роль играли личные качества, способности человека, его поступки, которые должны были соответствовать традиционной морали и этическим установкам крестьян. Вместе с тем, в каждой общине выделялись индивиды, которые были особенно известны и играли заметную роль в жизни общины, особенно ритуально-праздничной.

В этом плане следует различать несколько категорий людей. В условно выделенную первую категорию входят должностные и другие выборные лица, роль которых определялась занимаемыми ими должностями и налагаемыми на них со стороны общины обязанностями. К ним относятся представители сельской администрации и суда, сельский священник, которому в дореволюционной деревне принадлежала исключительно важная роль, а также лица, которых община выбрала, исходя из нужд своей хозяйственной деятельности – распорядитель воды *(ջուվար),* полевые сторожа *(դուրուպչի)*, пастух *(տվարած)* и др. Последние играли значительную роль в жизни общины и были упомянуты также в “Положении” о сельских обществах. Вместе с тем “Положение” решение этого вопроса оставило в полном распоряжении общины.[1] Они могли быть назначены либо по выбору, либо по найму. При этом в последнем случае на упомянутые должности могли наниматься и посторонние лица. Община прибегала к услугам этих лиц, когда нуждалась в этом. Во многих горных селах, где не было необходимости в орошении, специальные распорядители воды не назначались. Полевые сторожа назначались только в период полевых работ. Пастуха часто нанимали не всей общиной, а семейными группами или же каждый сам выпасал свой скот. Роль указанных лиц ограничивалась только периодом, в течение которого они выполняли свои функции, хотя нередки были случаи, когда один и тот же человек постоянно назначался для выполнения этих функций. За свой труд пастухи, распорядитель воды, сторожа получали вознаграждение либо деньгами, либо натурой.[2]

Во вторую категорию входят лица, отличавшиеся среди общинников своими профессиональными качествами. В каждой общине работали ремесленники той или иной профессии. Почти повсеместно были кузнецы, цирюльники, музыканты. В случае отсутствия их приглашали со стороны, например, каменщика при строительстве домов, музыкантов – во время свадеб и т.д. Только с цирюльниками расплачивались всей общиной. Остальные ремесленники получали плату от того крестьянина, который прибегал к их услугам. Отдельные ремесленники славились своим мастерством также за пределами своей общины.

Однако в условиях крестьянской общины наряду с профессиональной имела место и индивидуальная специализация. Индивидуальная специализация выражалась в том, что один человек по сравнению с другими лучше справлялся с каким-либо делом, или же отличался “склонностью”, способностями к выполнению постоянных ролей в календарных или семейных обычаях, в праздничных развлечениях”.[3] Именно такие члены общины и входят в третью категорию.

Народные лекари-костоправы, знахари, повивальные бабки имелись почти в каждом селе. При всевозможных болезнях крестьяне обращались к знахарям.[4] В их роли чаще всего выступали женщины. “Более мудрыми лекарями считаются женщины, между которыми встречаются очень опытные, в особенности во врачевании ран, язв и некоторых глазных

---

[1] *ПСЗ. т. XVI, отд. II, с. 58*

[2] А. Г. Деконский. ***Указ. соч.,*** *с. 320;* А. Е. Хан-Агов. ***Указ. соч.,*** *с. 403-404*

[3] М. М. Громыко. ***Место сельской общины,*** *с. 74*

[4] Н. И. Григоров. ***Указ. соч.,*** *с. 132;* Г. Израелов. ***Село Касапет Елисаветпольской губернии, Джебраильского уезда.*** *– СМОМПК, 1892, вып. 13, отд. 1, с. 55*

болезней, а также в приготовлении мазей для лечения ран. Искусство таких женщин переходило обыкновенно по наследству к их дочерям или невесткам”.[1] Народные лекари пользовались большим признанием и авторитетом, а некоторые, более опытные, были известны за пределами своего села. “Один случай выздоровления достаточен, чтобы слух об искусстве и опытности знахаря распространился по окрестным селениям”.[2] В роли лекаря часто выступали также цирюльники.

В каждом селе были лица, отличавшиеся умением предсказывать погоду, толковать сны, а также другими способностями. В с. Чайкенд был известен “некто Мирза Чилингарянц по прозванию *изчи*, т.е. искатель следов; к нему обращались во время пропажи или воровства скотины и т.д.”.[3]

Каждая деревня имела своего шутника, который отличался остроумием, умением насмешить людей.[4] Большим уважением пользовались народные сказители, знатоки местной истории.

Среди лиц, выполнявших определенную роль в различных обрядах, можно отметить тамаду, который руководил праздничным и траурным столом. Выделялись также женщины-плакальщицы, способные исполнять траурные причитания во время похоронных обрядов.[5]

Индивидуальная специализация во многом определяла репутацию человека в общине. В свое очередь положительная репутация позволяла человеку занять определенное место в общине, выполнять ту или иную роль.

Репутация человека часто определялась его физическими способностями и мастерством в своем индивидуальном труде. В каждом селе выделялся самый сильный человек, лучший пахарь, охотник, наездник, человек, имевший самую хорошую лошадь, хороший скот или собаку.[6] Память о них сохранялась долго и, принимая фольклорное воплощение, передавалась из поколения в поколение. Характерно, что во многих селах Нагорного Карабаха, если не во всех, в фольклорных текстах в роли силача выступает мельник или кто-нибудь другой, кто одной рукой останавливал вращавшийся жернов.

Своеобразным выражением репутации человека являлись надгробные изображения. Если умерший имел определенную профессию, то изображались соответствующие инструменты и орудия, которыми он пользовался. На надгробном камне пахаря изображали плуг с упряжкой, охотника – сцену охоты, наездника – лошадь и т.д.[7]

Среди членов общины были также люди с отрицательной репутацией, соответственно которой проявлялось отношение общинников к ним. К одним оно выражалось в форме общей недоброжелательности, к другим – в виде прямых действий, вплоть до удаления из общества. Особенно презирались воры, которые считались “самыми низкими людьми, и мнение их в народной сходке не принимается во внимание, как бы тот умно и справедливо ни говорил, таких людей скоро выдают в руки правосудия”.[8] Сельская община через сельский сход и сельский суд применяла прямые акты воздействия к своим членам. При этом поступки, подлежавшие наказанию, а также меры наказания определялись “Положением”, которое, однако, не охватывало всех сторон общинной жизни. Поэтому репутация индивида в общине определялась не прямыми действиями властей, а общественным мнением, которое осознавали и с которым считались крестьяне.

Отдельные личности в общине назывались обычно по имени. Вместе с именем часто упоминались название азга или ветви, к которой он принадлежал, или же имя отца, а также

---

[1] С. П. Зелинский. ***Материалы по народной медицине у армян Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии и Шушинского и Зангезурского уездов Елисаветползской губернии.*** *– ИКОИРГО, 1898, т. XII, вып. 1, с. 40*
[2] Н. И. Григоров. ***Указ. соч.,*** *с. 132*
[3] Ф. Джейранов. ***Селение Чайкенд Елисаветпольского уезда, той же губернии.*** *– СМОМПК, вып. 25, отд. II, с. 94*
[4] Ս. Վարդանյան, ***Բանահյուսական նյութեր Լեռնային Ղարաբաղից,*** *ԼՀԳ, 1971, N 8, էջ 92*
[5] Ա. Ղազիյան, ***Լեռնային Ղարաբաղի բանահյուսությունը 1970-1973 թթ. գրառումների հիման վրա,*** *ՊԲՀ, 1974, N 4, էջ 239*
[6] *ԴԱՆ-1983*
[7] *Նույն տեղում*
[8] Г. Осипов. ***Указ. соч.,*** *с. 122*

название профессии, специализации, должности и т.д. Широко практиковались прозвища. Появление фамилий среди армянского сельского населения исследователи относят ко второй половине XIX в.[1] Достоверным источником для такого вывода служат надгробные памятники более раннего периода, на которых указаны только имена покойного и его отца. Собранные нами надгробные надписи в Карабахе также свидетельствуют об этом[2]. В списках же камерального описания крестьян Карабахской провинции 1832-1833 гг.[3] рядом с отчеством глав семей указаны также фамилии. Трудно достоверно утверждать, представляют ли они названия азга, или же это просто имена дедов. Одно ясно, что если внутри села упоминание имени человека и его отца было достаточным для его распознания, то при официальных переписях этого уже не было достаточно и возникла потребность в фамилиях, появившихся в официальных документах, а потом распространившихся в самой крестьянской среде.

Место индивида в обществе, его репутация во многом определялись принадлежностью к той или иной половозрастной группе. Во многих сферах жизни общины проявлялась четкая половозрастная градация. Половозрастные объединения являлись одним из структурных элементов общины. По мнению Л. Варданян, исследователя традиций мужских возрастных групп у армян, в конце XIX – начале XX вв. из всех половозрастных объединений “более четкими (по сравнению с женскими) были мужские объединения сверстников, из мужских же – возрастные объединения холостой молодежи и стариков”.[4] Сообществу молодых сверстников принадлежала большая роль в процессе включения индивида в окружающую его социальную среду. В общине существовала общая репутация молодых, еще не четко проявлялась дифференцированная, индивидуальная репутация. Это относится также к возрастной ступени детей. Значение возрастного объединения стариков можно объяснить их постепенным отходом от активной общественной жизни, хотя их высокий социальный статус в общине сохранялся. В отличие от возрастных групп молодежи и стариков возрастная ступень зрелости предполагает большее проявление индивидуальной репутации.

Вопрос о половозрастных группах у армян подробно исследован Л. Варданян, которая в своей работе привлекла также богатый материал по Нагорному Карабаху. Однако считаем необходимым обратить внимание на один аспект изучения данного вопроса. Л. Варданян практически все проявления половозрастной стратификации рассматривает в качестве пережиточных явлений. Между тем, как правильно отмечено М. М. Громыко, необходимо дифференцировать по меньшей мере два разных диахронных уровня развития половозрастных группировок. Если их архаичный уровень был тесно связан с ритуальным поведением и в XVIII-XIX вв. проявлялся лишь в пережиточных формах, то “совершенно иной характер имели общности молодежи, среднего поколения или стариков в территориальной общине периодов позднего феодализма и капитализма. Они проявлялись в проведении досуга по возрастным интересам (посиделки и хороводы молодежи, сборища людей среднего и старшего возраста для бесед) или в деятельности формализованных социально-возрастных групп (сходка дворохозяев, суд стариков)”.[5] Замечание, высказанное по отношению к русской общине, вполне правомерно и для армянской действительности. Следовательно, при изучении половозрастной стратификации необходимо различать действительно пережиточные явления, которые проявлялись, например, в институте инициаций, от тех, которые никак нельзя рассматривать в качестве пережиточных форм, как например, собрания стариков. Изучение возрастных групп возможно применительно к обществу любого стадиального уровня.[6]

---

[1] Э. Т. Карапетян. ***Родственная группа “азг”,*** *с. 56*

[2] *ԴԱՆ-1983*

[3] *См.: Камеральное описание*

[4] Л. М. Варданян. ***Традиции мужских возрастных групп у армян (конец XIX – начало XX вв.).*** *- ՀԱԲ, Երևան, 1981, պր. 12, էջ 140*

[5] М. М. Громыко. ***Историзм как принцип,*** *с. 75*

[6] *Там же, с. 76*

И по сей день в армянских деревнях для проведения повседневного досуга старики собираются обычно отдельно.

В последние годы в советской этнографической науке определенное значение приобрело изучение обществ с повышенной долей долгожителей. Нагорный Карабах относится к числу наиболее ярких долгожительских ареалов Кавказа. При этом индекс долгожителей здесь самый высокий как у армян, так и у азербайджанцев, по сравнению с другими регионами их расселения.[1]

Как известно, одной из гипотез социальных факторов долгожительства является геронтофильная гипотеза, согласно которой долгожительство связано с прочными традициями уважения к старикам и особым общественным положением последних. Если считать, что "высокий престиж возрастной ступени старости – явление практически универсальное в жизни народов самых различных культурно-исторических уровней",[2] то статус старших в армянском обществе во многом сходен с тем, что наблюдается и у других обществ. Вопрос требует специального изучения, однако, исходя из материалов по быту армян Нагорного Карабаха можно отметить, что армянское сельское общество здесь не отличается той явно выраженной "геронтофильной" традицией, которая наблюдается, например, у абхазов.[3]

Анализ приведенного выше материала показывает, что традиционная общественная жизнь армян Нагорного Карабаха носила четко регламентированный характер. Все неформальные группы, составлявшие сельскую общину, в традиционном быту были тесно связаны друг с другом и даже взаимоопределяли друг друга. Вместе с тем каждая из этих групп имела свой четко выраженный статус в общине и пользовалась определенной репутацией, что, в свою очередь, предопределяло отношение общинников к ней. Органы сельского управления, хотя и продолжали свое существование, однако в изучаемый период во многом уже утратили обычные правовые основы, и их действия все больше регулировались со стороны правительства.

Глава третья.
Материальные компоненты общественного быта

Изучение общественного быта сельского населения предполагает выделение не только конкретной социальной общности, но и определенных материально-пространственных единиц, в чьих рамках функционирует данная общность. И если в роли социальной общности выступает поселенческий коллектив, то в качестве материального компонента следует выделить сельское поселение.

Рассмотрение сельских поселений в системе общественного быта армян Нагорного Карабаха обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, форма социальной организации проживающего на данном пространстве поселенческого коллектива и его структура определенным образом отражались на характере организации и использования этого пространства и его отдельных структурных элементов. Во-вторых, на этом пространстве проходила не только производственная, но и соционормативная жизнь поселенческого коллектива, что обуславливало наличие соответствующих элементов. В свою очередь, ряд элементов поселения, имевших в основном материальное назначение, выполняли также социально значимую функцию. В-третьих, проживая на определенной территории, население связывалось с ней не только экономически, но и духовно, что нашло свое отражение в их сознании, проявлялось в легендах, преданиях и т.п. Материальные объекты поселения нередко становились одной из идеологических основ общины.

---

[1] В. И. Козлов, О. Д. Комарова. *География долгожительства в СССР (этнический аспект). – В кн.:* ***Феномен долгожительства.*** *М., 1982, с. 35*

[2] Л. М. Варданян. ***Указ. соч.,*** *с. 132*

[3] И. И. Крупник. ***Структурно-генеалогическое изучение абхазского долгожительства. Феномен долгожительства,*** *с. 61*

Изучение поселения и содержащихся в нем памятников материальной культуры, несомненно, является плодотворным для выяснения множества вопросов.

Однако вместе с этим оказывается необходимым рассмотрение роли материальных характеристик поселения, его структурных элементов в повседневной жизни его жителей на определенном этапе их истории (в конкретном случае в XIX – начале XX вв.).

Обычно исследователи общественного быта рассматривают типы и формы поселения, их возникновение и формирование населения, поквартальное деление и место общественного центра. Нам кажется, что при изучении общественного быта необходимо включить более широкий круг вопросов, и, что важно, не ограничиваясь лишь изучением общественного быта внутри поселения, по возможности проследить его проявления во взаимоотношениях с другими поселениями. Данное явление находит свое проявление не только в событиях конкретной жизни, но и отражается в виде представлений в сознании жителей конкретного села.

Границы поселения. Поселение, в его пространственном отношении, мы рассматриваем как территорию, на которой расположены не только жилые, производственные, хозяйственные и иные постройки, но также и все сельскохозяйственные угодья вместе с функционирующими сезонными поселениями.[1]

Во второй половине XIX в. земельные границы сельских обществ должны были решаться на государственном уровне путем судебного межевания. Однако принятый 29 июня 1861 г. указ о размежевании земель в Закавказье так до конца и не был выполнен, и многие сельские общества не имели четко определенных границ. При таком положении дел границы крестьянских земель определялись обычно “живыми урочищами, указанием холмов, вершин гор и пр.”.[2] При такой неопределенности границ нередко возникали споры между жителями двух соседних сел. Споры обычно решались судебным порядком со стороны вышестоящей администрации, однако часто крестьяне прибегали к самосуду, между ними происходили столкновения, и на этой почве общины враждовали друг с другом, как например, села Керт и Караундж Шушинского уезда.[3]

Следует отметить, что при отсутствии судебного размежевания жители селений, особенно старых, знали границы своих угодий и строго их придерживались. Это знание границ передавалось из поколения в поколение. В некоторых селениях имелись даже старые документы, где обозначались границы земли, отведенной данной общине. А. Е. Хан-Агов сообщает, что “у священника селения Келадака хранится фирман Шах-Сулеймана от 1682 г., в котором предписывается карабахскому Бегляр-беку вернуть келадакцам земли, захваченные селением Черман. В фирмане обозначены границы земли, находящейся у келадакцев. Подобные же фирманы есть в селениях Улу Карабек и Борсунлу”.[4]

Все сельскохозяйственные угодья на территории поселения по форме использования разделялись на несколько частей. Часть находилась в непосредственном пользовании общины. К ним относились в первую очередь места для выгона скота и пастбища. Пахотные земли и сенокосы находились в подворно-участковом владении отдельных домохозяйств. В зависимости от форм землепользования они могли быть перераспределяемыми. Третью часть составляли усадебно-участковые земли, сады, огороды, которые находились в наследственном владении отдельных домохозяев без каких-либо перераспределений. В низменных и предгорных селениях, где производилось искусственное орошение полей, по территории поселения проводились искусственные каналы. Они принадлежали общине или группе

---

[1] ***Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры).*** *Ереван, 1983, с. 111;* Ա. Վ. Գյուլբուդաղյան, ***Հայ գյուղական բնակավայրի կառուցվածքը 20-րդ դարի սկզբին (ըստ Տավուշի դաշտային ազգագրական նյութերի). - Հայաստանի բնակչության տնտեսական կենցաղի և նյութական մշակույթի պրոբլեմների ուսումնասիրությանը նվիրված գիտական նստաշրջան. Թեզիսներ,*** *Երևան, 1985, էջ 13-14*

[2] А. Г. Деконский. ***Указ. соч.,*** *с. 251*

[3] ***“Փայլակ” թերթ,*** *1915, N 28*

[4] А. Е. Хан-Агов. ***Указ. соч.,*** *с. 363*

общин, которые пользовались водой поочередно. Ряд каналов принадлежал отдельным лицам, за пользование воды которых община вносила определенную плату.[1]

На реках в пределах территории поселений располагалось также множество мельниц, которые обычно являлись собственностью отдельных семей или же группы родственных семей, и которыми крестьяне пользовались за определенную плату.

Все угодья, участки земли, производственные и природные объекты на территории поселения имели свои конкретные названия, составляя микротопонимический фон поселения. С происхождением многих названий крестьяне связывали реальные события, либо легенды и предания. Однако часть топонимов не поддавалась этимологизации даже самими жителями. Знание микротопонимики своего поселения и связанных с ней сказаний было составной частью духовной жизни крестьянского населения. Фактически ни один объект на территории поселения не оставался без названия.[2]

Некоторые особенности образования поселений. Основным типом поселения в Нагорном Карабахе в исследуемый период было село, называемое обычно *шен* (*շեն*)[3]. Это слово в повседневной речи обозначало также "обитаемый, целый, сохранный, благоустроенный". В качестве корня-образователя названий слово "шен" выступает во многих ойконимах региона, таких как Норашен (*Նորաշեն* – Новое село), Мецшен (*Մեծշեն* – Большое село), Мачкалашен (*Մաճկալաշեն* – Село пахаря) и т.д. В ойконимах часто встречается также корень *гюх* (*գյուղ*), что по-армянски означает "село", однако в разговорном языке карабахцев это слово употреблялось редко. Сельские поселения Нагорного Карабаха по характеру расположения на местности, типу застройки и по общей структуре в целом были сходны с поселениями других районов Армении, особенно Зангезура, хорошо представленными в этнографической литературе.[4]

По времени, а также путям образования в Нагорном Карабахе выделяются три группы поселений. К первой группе относятся те поселения, которые имеют древнюю историю и возникли по крайней мере до XIX века. Многие из них засвидетельствованы в средневековых армянских рукописных и эпиграфических источниках. Вторую группу составляют поселения, образовавшиеся в результате переселения армян из Персии в 1820-30 гг. и других местностей. В третью группу следует включить те поселения, которые образовались на основе выселков из основных сел.

Представления об основании поселения и его дальнейшей истории являлись составной частью общественного сознания сельского населения. Если в двух последних группах сел эти представления более или менее конкретны, то в селах первой группы они чаще всего выступали в форме преданий и легенд. Эти предания и легенды часто имеют под собой историческую основу. Так, например, во многих селах Нагорного Карабаха сохранилось предание о переселении их предков из долины в горы. В качестве первоначального места обитания указывается город Оранкала, развалины которого сохранились на Мильской степи. Предание с таким сюжетом зафиксировано нами в с. Чартар Мартунинского района [5] и А. Газиян в с. Мец Таглар Гадрутского района.[6] И. Сегаль, путешествовавший в начале XX века по Карабаху, сообщает, что среди населения сохранились сказания об уничтожении города Бильган Чингисханом, после чего жители всех деревень, бывших на теперешней Мильской степи, искали спасения в горах Карабаха.[7] Древний город Бильган или Байлакан отождествлялся исследователями со средневековым городищем Оранкала. Приведенный пример показывает, как в народной памяти в виде преданий сохраняются отдаленные истори-

---

[1] А. Г. Деконский. ***Указ. соч.,*** *с. 254-258*
[2] *ԴԱՆ-1983, с. 16, 68-70, 134-137*
[3] Ստ. Լիսիցյան, ***եշվ. աշխ.,*** *էջ 32*
[4] Ստ. Լիսիցյան, ***Զանգեզուրի հայերը,*** *Երևան, 1968, էջ 84-96;* ***Культура жизнеобеспечения,*** *с. 118-124*
[5] *ԴԱՆ-1983*
[6] Ա. Ղազիյան, ***Արցախ.*** *- ՀԱԲ, Երևան, 1983, պր. 15, էջ 149*
[7] И. Л. Сегаль. ***Указ. соч.,*** *кн. 3, с. 57-58*

ческие события. Сохранение истории и пересказ ее при каждом удобном случае, особенно когда в деревню приходил новый человек, составляло неотъемлемую часть духовной жизни поселения. Люди, хорошо знающие историю, пользовались уважением. Каждая деревня гордилась своей историей и старалась довести ее до глубины веков. Если даже жители были поздними переселенцами, они осознавали определенную связь с прошлым данной местности, поскольку чаще всего поселялись на местах старых поселений, где сохранились памятники прошлого, особенно церкви. А таких заброшенных сел в Нагорном Карабахе после событий конца XVIII – начала XIX вв. было множество. Указывая на этот фактор в процессе образования новых сел переселенцами, имевшем место также в других районах Восточной Армении, Э. Мелконян отмечает: "оскверненные церкви, построенные еще первыми поселенцами (необязательно их предками), а также сохранившиеся кое-где армянские кладбище как бы обязывали вернувшихся армян поселиться здесь, чтобы привести их в подобающий ("божеский") вид. С другой стороны, наличие самой церкви, сохранившиеся следы жилых комплексов, свидетельствуя о том, что здесь когда-то жили люди, указывали на предпочтительность выбора именно данного, конкретного места".[1] Словом при выборе места для нового поселения руководствовались как морально-психологическими, так и практическими соображениями.

Образование новых сел из выселков было обусловлено, в первую очередь, экономическими причинами. Наличие выселков диктовалось спецификой ведения комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства. Выселки обычно образовывались на местах зимнего и летнего содержания скота, а также у далеко расположенных от деревни пашен. При определенных условиях эти выселки превращались в самостоятельные селения. Для Нагорного Карабаха характерным было превращение зимовок в постоянное селение. Вместе с тем, здесь имело место также образование выселков для ведения земледельческого хозяйства и их постепенное превращение в село. Вот как описывает этот процесс на примере с. Кусапат (Касапет) Г. Израелов: "Причиной тому, что некоторые из касапетцев, оставив главное селение, спустились вниз по касапетскому ущелью и водворились около большой дороги, служит то, что главное селение находится довольно далеко от пахотной земли, и потому доставление сюда сельскохозяйственных произведений затруднительно".[2] Материалы об образовании выселков приводит также С. Лисицян.[3] Указанные две формы выселков соответственно назывались *кюмер* (*կյումեր* - букв. "хлевы") и *калер* (*կալեր* – букв. "гумна").

На первых порах своего существования выселки воспринимались как часть основного села и естественно, что общественная жизнь их была тесно взаимосвязана. Этому способствовало и то обстоятельство, что в выселках обычно жила не вся семья, а только часть ее, занятая в земледельческом и скотоводческом хозяйстве, и к тому же она пребывала там не круглый год, а в определенные периоды. Лишь постепенно часть семейств из основного села стала переходить на постоянное жительство в выселки. Этому способствовали естественный рост населения, распад больших семей, когда отпочковавшиеся семьи часто не имели возможности строить себе дома в основном селе из-за нехватки земли. Однако одно лишь нарастание численности населения в выселке еще не означало его превращения в самостоятельное село с точки зрения его общественного быта. Превращению выселка в постоянное и основное селение способствовало появление в нем объектов общественного значения. В первую очередь это наличие собственного кладбища, когда захоронения совершались уже не в основном селении, а на новом месте. В этом отношении кладбище может служить достоверным источником для определения времени образования села. Это осознавали и сами крестьяне. На одном из надгробных камней, датируемом 1898 г., кладбища села Гюне Калер, которое было выселком села Гюне Чартар (Мартунинский р-н) указано, что этим камнем закладывается основание кладбища.[4]

---

[1] ***Культура жизнеобеспечения и этнос,*** *с. 118*
[2] Г. Израелов. ***Указ. соч.,*** *с. 45*
[3] Ստ. Լիսիցյան, ***Լեռնային Ղարաբաղի հայերը,*** *էջ 33-34*
[4] *ԴԱՆ-1983*

Второй рубеж, характеризовавший самостоятельность нового села, связывался с постройкой в нем церкви, о значении которой уже упоминалось. Наличие церкви означало проведение таких общественно-семейных обрядов, как свадьба, крестины, а также множество праздников уже в самом выселке, а не в основном селе. Образование нового села получало свое окончательное выражение в его названии, которое чаще всего было производным от названия основного села. Эти названия обычно включали в себя компоненты “кюмер” (Арутюнакюмер, Аламанцкюмер) или “калер” (Гюне Калер, Гюзе Калер), которые указывают на их происхождение как выселков. А наличие компонента *тах* (*թաղ* - квартал), как например, с. Оратах (*Հորաթաղ*), которое отделилось от Кусапата,[1] свидетельствует о том, что эти выселки сначала действительно воспринимались в качестве одного из кварталов основного села.

Что касается таких сторон общественной жизни, как управление и суд, то в этом отношении новые села оставались в ведении тех же сельских обществ, от которых отделились. В официальных списках они часто не значились как отдельные села, однако это не мешало им существовать во многих отношениях как самостоятельные социокультурные единицы.

Пространственная организация поселенческого коллектива. Собственно жилая часть села состояла из крестьянских жилищ и пристроенных к ним подсобно-хозяйственных сооружений, совокупность которых составляла крестьянскую усадьбу. Отдельные усадьбы обычно не были огорожены. В этом отношении двор находился не только в пользовании одной семьи. При террасном расположении домов случалось, что крыша низко расположенного дома служила двором для дома, расположенного немного выше, а иногда и местом сбора жителей квартала или села.

Внешний вид села определялся типом крестьянского жилища, хорошо известного в литературе как “карабахский карадам”.[2] Карадам был жилищем всех сословий крестьянского населения, и даже наследственных меликов. Имущественное неравенство выражалось только в размерах и внешнем оформлении. Однако во второй половине XIX в. в селах Нагорного Карабаха распространяется новый тип жилища – одноэтажный и двухэтажный дом, который уже служит знаком социальной и имущественной дифференциации. Внешний вид селений начинает меняться и уже носит отпечаток имущественной дифференциации, характерной для общины. “Почти во всех селениях, а главным образом разбогатевшими в Баку и Закаспийской области воздвигнуты большие, двухэтажные дома с балконами, которые являются примером для сельчан”.[3]

При изучении социальной сущности поселения исследователи чаще всего обращают внимание на его квартальное деление и особенно на родственный принцип заселения кварталов. Вопрос этот был рассмотрен рядом авторов[4] также по материалам сельских поселений армян XIX – начала XX вв. Квартальная структура поселения была тесно связана с социальной структурой общины, в первую очередь, наличием в ней семейно-родственных и семейно-соседских групп. Во всех селах существовали азговые кварталы. Начиная со второй половины XIX в., вследствие разрушения локальной общности азгов и расширения поселений появились также семейно-соседские кварталы. В тех селах, где жили выходцы из разных мест, образовывались отдельные кварталы. Названия кварталов обычно отражали как принцип их заселения, так и расположение. Следует сказать, что в литературе имело место смешение типов кварталов и их названий. Так, М. Акопян вместе с азговыми кварталами и кварталами, образовавшимися по принципу “единства происхождения прародины”, выделяет также

---

[1] *ԳԱՆ-1984*

[2] С. Д. Лисициан. ***К изучению армянского крестьянского жилища,*** *с. 97-108;* В. П. Кобычев. ***Жилище народов Восточного Закавказья.*** *– СЭ, 1957, N 3, с. 65*

[3] С. Заварян. ***Указ. соч.,*** *с. 6*

[4] Э. Т. Карапетян. ***Родственная группа “азг”,*** *с. 70-93;* М. В. Акопян. ***Указ. соч.,*** *с. 82-86;* ***Культура жизнеобеспечения и этнос,*** *с. 117-149;* Ա. Վ. Գյուլբուդաղյան, ***ԽՀվ. աշխ.,*** *էջ 13-14*

“топографические кварталы”, возникшие под влиянием микротопографических условий в переделах территории села.[1] Эти же типы выделяет Э. Мелконян.[2] Нам кажется, что выделение топографических кварталов неправомерно, поскольку они определяют не столько сущность квартала, т.е. принцип заселения, сколько характер местности его расположения. Всякий квартал есть топографическое образование, хотя иногда “разделение кварталов зрительно не воспринималось, и оно существовало в основном лишь в сознании самих сельчан”.[3] Не исключено, что в топографически названном квартале жили представители одного азга. В свою очередь азговые названия часто указывали лишь на преимущественность заселения квартала членами данной родственной группы, поскольку рядом с ними жили и представители других азгов.

Количество кварталов в разных селах варьировало и часто не зависело от их размеров. Следует отметить также, что в одном и том же селе все кварталы могли быть одного или различного типа, соответственно имея различные названия. В с. Гюне Чартар разделились азговые кварталы – Чубананц, Кемаланц, Бабенц, Андрунц, Кеганц.[4] В с. Хандзадзор кварталы разделились по своему расположению – верхний, средний и нижний.[5] В с. Хин Таглар было три квартала: в одном из них жили переселенцы из Персии. Этот квартал назывался *гялманц*. Во втором квартале жили представители одного азга и по их фамилии он назывался Шадунц. Третий квартал назывался нижний, по месту расположения, и там жили представители разных азгов.[6]

Жители одного квартала поддерживали более близкие отношения. В азговых кварталах, естественно, превалировали родственные связи, и внутренняя жизнь квартала отражала в то же время быт родственной группы. В кварталах других типов основными были соседские отношения. Квартальное единство обычно осознавалось его жителями и они часто противопоставлялись один другому – иногда до такой степени, что кварталы враждовали, как это имело место в уже упомянутом с. Хандзадзор. С.Д. Лисицян говорит о существовании своеобразного “квартального патриотизма”.[7]

На основе материалов Нагорного Карабаха можно выдвинуть предположение о том, что носителями общественного единства кварталов выступали в первую очередь женщины и дети. Отдельные квартальные площади не были характерны для сел Нагорного Карабаха, и местом сбора мужской половины населения обычно служил единственный общественный центр. В Нагорном Карабахе не были распространены так называемые “гоми ода” (комната при хлеве), широко известные в некоторых других историко-этнографических районах Армении, служившие своего рода общественными и культурными центрами квартала, где обычно собиралась мужская половина населения.[8] Среди армян Нагорного Карабаха, как правильно заметила Л. М. Варданян, наиболее характерным местом собраний мужчин была центральная площадь села.[9]

Женщины, которым был фактически закрыт доступ к общесельскому центру, собирались на посиделки и для выполнения различных мелких хозяйственных работ главным образом в пределах своих кварталов. Местом сбора служила кровля или свободное пространство перед каким-нибудь домом, расширенная часть улицы и т.д. В этом плане примечательна еще одна характерная черта крестьянских жилищ армян Нагорного Карабаха. Если в традиционном крестьянском жилище типа глхатун многих этнографических районов *тонир* (цилиндрическая яма для выпечки хлеба) помещался прямо в жилой части дома, то в Карабахе тонир (թոնրուն)

---

[1] М. В. Акопян. ***Указ. соч.,*** *с. 82*
[2] *Культура жизнеобеспечения и этнос, с. 138*
[3] *Там же, с. 148*
[4] *ՀԱՆ-1983*
[5] *Там же*
[6] *Там же*
[7] С. Д. Лисициан. ***Армяне.*** *– ЦГИА АрмССР, ф. 428, оп. 2 д. 61, л. 154*
[8] Л. М. Варданян. ***Указ. соч.,*** *с. 134-135*
[9] *Там же, с. 136*

обычно располагался на некотором расстоянии от дома в специальном помещении, часто представлявшем из себя простой навес.[1] Эти помещения носили название “турнатон” (թոնատուն – букв. дом тонира). Но не каждое семейство имело свой турнатон, и часто несколько семей пользовались одним турнатоном, если даже он являлся собственностью одной семьи. Иногда его строили соседи совместными усилиями.[2] Каждый турнатон имел свое название по имени азга, которому он принадлежал, или же по месту нахождения в квартале. Именно эти турнатоны во многих случаях служили своеобразным местом сбора женщин квартала, причем не только во время выпечки хлеба, но и в повседневной жизни, особенно зимой, когда там было тепло после выпечки хлеба. Сознание квартального единства было больше развито у женщин еще и потому, что именно они больше вступали в повседневное общение с соседями при ведении домашнего хозяйства, тогда как мужчины собирались по случаю более крупных работ и значительных событий.

Что же касается детей и подростков, то они обычно играли в своем квартале, а во время общесельских игр или во время праздников группировались по квартальному принципу. Л. Варданян отмечает, что “обычно собрания холостых сверстников проводились у армян по кварталам”.[3] Поэтому естественно, что у сельской молодежи также было сильно выражено сознание квартального единства.

В жилой части поселения располагались также различные мастерские, а во второй половине XIX в. во многих селах к ним прибавились лавки, духаны и др. Значительной общественной нагрузки эти объекты не несли, поскольку принадлежали отдельным лицам и часто находились в их усадьбах. Правда, в определенных условиях они также могли становиться местом сбора мужчин села. В одном официальном источнике сообщается, что “в зимнее и осеннее время, когда после уборки полей жители не имеют чем заполнить наступающий день, они, пользуясь нахождением почти в каждой деревне мелочных лавок (духанов), собираются в них ежедневно значительными группами, ведя между собой самый бессодержательный разговор”.[4]

Более значимым в конце XIX – начале XX вв. явилось появление специальных школьных зданий во многих поселениях, в которых училось довольно большое число детей. При всех своих ограниченностях школа стала местом, где воспитание и обучение детей приобрели более или менее организованный характер. Школьное дело стало одним из важных в жизни общины.

В жилой части поселения между домами или на окраине села иногда располагались тока, если это позволял рельеф местности. В таком случае они в свободное от сельско-хозяйственных работ периоды превращались в игровые площадки для детей и молодежи, становились местом состязаний и выступлений приезжих канатоходцев и ашугов.

Общественный центр. Для сельских поселений Нагорного Карабаха в силу преобладания беспорядочной планировки было характерно отсутствие единого, специально ограниченного и композиционно выраженного центра.[5]

В качестве центра могли служить прицерковная площадь, родник и т.д. В этой роли выступала иногда и кровля какого-нибудь дома, например, в. с. Гюне Калер это была “кровля Пируменц”[6], в с. Сос – “кровля Агуджунц”.[7]

Общественным центром поселения могло служить и отдельно стоящее большое дерево. В с. Чанахчи “стоит огромный ствол карагача, обложенный кругом каменными плитами. Здесь в

---

[1] С. Д. Лисициан. ***К изучению армянских крестьянских жилищ,*** *с. 100*
[2] *ԴԱՆ-1983, 1984*
[3] Л. М. Варданян. ***Указ. соч.,*** *с. 102*
[4] *ЦГИА АзербССР, ф. 62, оп. I, ед. хр. 84, л. 116*
[5] *Ср.:* ***Культура жизнеобеспечения и этнос,*** *с. 120*
[6] *ԴԱՆ-1983*
[7] *Там же*

прошлом собирались старики, чтобы обсудить дела и рассудить по обычному праву спорящие стороны.[1] Такое же дерево карагача стояло в центре села Хандзадзор.[2]

В Нагорном Карабахе центр назывался *шенамач* (*շենամաչ* – букв. центр села). Но в тех случаях, когда он был представлен конкретным объектом, то обычно употреблялось его название. Это дает основание полагать, что общественный центр во многих случаях не был пространственно выраженным структурным элементом поселения, а являлся отвлеченным понятием. В тех случаях, когда для него была отведена специальная площадь или же административное здание, он получал собственное структурное выражение. Однако специальные административные центры вроде канцелярии, которые строились на средства крестьян, имелись не со всех селах, а только в тех, которые были центрами сельских обществ. Часто крестьяне разных сел, представлявшие одно общество, "боролись" за право строительства канцелярии в своем селе. В этом отношении характерен спор между жителями с. Чанахчи и с. Сзнек.[3]

Однако не всегда административный центр (в качестве которого выступал также дом старосты) совпадал с общественным, который сложился традиционно. Вопросы судебно-административного характера обсуждались в канцелярии. Но в повседневном быту крестьяне собирались в общественном центре. Там же происходили общинные сходы, туда же в первую очередь прибывали представители власти, а также бродячие торговцы, ремесленники.

Родники. Повсеместно обязательным элементом поселения были родники. Несомненно, источники воды имели в первую очередь жизненно важное практическое значение для поселения, во многом определяя выбор его места. Однако, будучи необходимым элементом поселения, они в то же время выполняли определенную социальную и символическую функции. Это относится не только к тем родникам, которые находились в самом селе, но и к тем природным ключам, которые были разбросаны на территории вокруг него. Сам процесс строительства родников или же проведение водопроводов являлись неотъемлемой частью жизни сельского быта.

В армянских селах Нагорного Карабаха основными источниками питьевой воды служили естественные ключи, которые находились на территории поселения. В ряде случаев они располагались прямо в жилой части поселения или же очень близко от нее. Тогда необходимо было только застраивать их. В случае же отдаленности ключей воду проводили к селу либо трубопроводами из гончарных труб (*թյունզ*), либо же посредством подземных каналов, так называемых "кягризов" (*քյահրիզ*).[4] Следует отметить, что "кягризы" обычно использовались для оросительных целей, но в ряде сел, расположенных на равнине и в предгорной полосе, они служили для добывания питьевой воды. В нагорной же полосе, как пишет Г. В. Уразов о Джебраильском уезде, "не было селения, где бы не было своего одного, двух или трех источников прозрачной и вкусной воды".[5] Колодцы почти нигде в Армении не практиковались,[6] в том числе и в Нагорном Карабахе, за исключением г. Шуши.[7]

В разговорном языке армян Нагорного Карабаха словами-синонимами *ахпюр* (*աղբյուր* – родник) и *джур* (*ճուր* – вода) обозначался как естественный ключ, так и архитектурное сооружение над ним. Родники имели свои специальные названия по расположению родника в черте поселения, его характера, имени строителя и т.д.

---

[1] В. Петров. ***Этноботаника Нагорного Карабаха.*** *Баку, 1940, с. 33*
[2] *ԴԱՆ-1983*
[3] ***"Ղարաբաղ" թերթ,*** *1912, N 2*
[4] *О конструкциях кягризов подробнее см.:* Я. А. Рустамов. ***Этнографические данные о кягризной системе водоснабжения в Азербайджане в XIX– начале XX вв.,*** *М., 1964*
[5] Г. В. Уразов. ***Указ. соч.,*** *с. 6*
[6] С. Д. Лисициан. ***Очерки этнографии дореволюционной Армении.*** *- КЭС, т. I, М., 1955, с. 203*
[7] ***"Հայկական աշխարհ" թերթ,*** *Շուշի, 1874, N 1-2, էջ 38*

Если в селе было несколько родников, главный из них назывался обычно “Большим родником” (с. Чанахчи, Эдиллу). Единственный родник в деревне так и назывался “Шенин джур” (*Շենին ճյուր* – “вода деревни” – с. Сос, Мачкалашен). Характерны также названия “Верхний родник” и “Нижний родник” (с. Гызгала, Тагаварт); “Близкий родник” (с. Гузе Чартар) и “Дальний родник” (с. Мец Таглар). Родник, вода которого поступает через гончарные трубы (*тюнг* – на местном диалекте) так и называется *тюнг* (с. Хандзадзор), а в случае поступления воды подземными каналами родники назывались “кягризами” (с. Гюне Калер, Мец Таглар). Один из родников с. Туми носил имя строителя – “родник Саака”. Подобных примеров можно приводить множество.[1]

Родники строились либо отдельными лицами, либо же совместными усилиями всех жителей села. Из-за маловодья и трудностей добывания питьевой воды в Нагорном Карабахе “проведение родника в этом крае почиталось делом высокого благочестия и совершалось обычно в память усопших или в виде жертвы. Об этом свидетельствуют многочисленные надписи, сохранившиеся на каменных сводах родников”.[2] Действительно, во многих селах Нагорного Карабаха сохранились родники со строительными надписями, указывающими год строительства, имя строителя, а также повод для строительства. Приведем два примера. Надпись на роднике с. Гузе Чартар гласит: “Родник этот строили сыновья Аракела Амананца Арутюн и Григор Аванесяны в 1900 г.”[3] На роднике села Сос сохранилась следующая надпись: “В память родителей своих Овсепа и Рипсиме строил родник Михаил Хан Овсепян 1902 г.”[4] Последний был зажиточным человеком и за свой счет пригласил трех мастеров из Персии, которые рыли кягризы и проводили воду в деревню.

Построенными отдельными лицами родниками пользовалось все население без каких-либо ограничений. Однако часто крестьяне организовывали строительство родников сообща. Так, например, в одной из газетных корреспонденций 1915 г. из с. Шош сообщается, что крестьяне сдали в аренду пастбищные участки и поступившие доходы использовали для строительства двух родников в районе их зимовника.[5]

Чаще всего община совместно выступала при строительстве кягризов, поскольку это была очень трудоемкая работа, которую выполняли специальные мастера – *кянкан*ы.[6] Обычно они приходили из Персии[7] или же из низменных азербайджанских сел. Однако и в деревнях были свои мастера, например, в с. Гызгала существовал азг Кянкананц, поскольку родоначальник его был “кянканом”.[8] Платили “кянканам” всей общиной, а кягризы, естественно, принадлежали ей (с. Гюне калер, Мачкалашен). Но были случаи, когда “кягризы”, построенные на средства одной семьи или азга, становились их собственностью (в с. Гызгала был кягриз, принадлежавший азгу Бабунц).[9] Согласно местному обычному праву, как это представляет С. А. Егиазаров,[10] предметом частной собственности могли стать так называемые “выведенные” воды, которые изымались из их естественных вместилищ с большим трудом и на частные средства, то есть кягризовая вода, колодезная вода, воды каналов и других ирригационных сооружений, а также родники и ключи. При этом такая вода могла быть предметом частной собственности как сельской общины, так и частного лица.

На практике частной собственностью становилась вода, применяемая для орошения, а также оросительные кягризы. Родники же как источники питьевой воды и кягризы,

---

[1] ***Богатый материал о родниках приводит Ш. Мкртчян в своей книге Լեռնային Ղարաբաղի պատմա-ճարտարապետական հուշարձանները,*** *Երևան, 1985*

[2] Г. А. Кочарян. ***Указ. соч.,*** *с. 17*

[3] *ԴԱՆ-1983*

[4] *Там же*

[5] ***“Փայլակ” թերթ,*** *1915, N 30*

[6] *О работе кянканов подробнее см.:* Я. А. Рустамов. ***Указ. соч.***

[7] Г. В. Уразов. ***Указ. соч.,*** *с. 6; ԴԱՆ-1983*

[8] *Там же*

[9] *Там же*

[10] С. А. Егиазаров. ***Указ. соч.,*** *с. 246-247*

построенные для снабжения питьевой водой, не являлись частной собственностью даже всей общины, поскольку в случае необходимости ими могли пользоваться соседние общины. Надо сказать, что строительство родника означало во многих случаях лишь постройку архитектурного сооружения над естественным ключом, и если даже его воздвигал один человек (мастер или ктитор), то обычно с целью совершения "душеспасительного" дела, как это практиковалось и в старину, о чем свидетельствуют надписи на родниках.[1] Добывание питьевой воды и прокладывание водопроводов также имело подобную цель, но не служило основанием для превращения родника в частную собственность одного лица.

Имея большое хозяйственно-бытовое значение и выраженную архитектурную форму, родники выделялись в общей застройке поселения как один из структурообразующих элементов. Это наиболее ярко проявлялось в тех селах, где площадь вокруг них служила общественным центром (например, в с. Гюне Калер, где крестьяне обычно собирались у родника – "кягриз"[2]). Отметим, что то же имело место и в других районах Армении. Превращению родника в общественный центр способствовало как расположение его в географическом центре села, так и наличие рядом с ними другого значимого объекта, чаще всего большого дерева (с. Хандзадор, Гадрут).

Однако родники больше были местом собрания женской половины населения и в этом можно видеть определенный социальный аспект. В дореволюционной армянской деревне обычно за водой ходили женщины и девушки. "Из Шен-Агбюра", – пишет И. Давидбеков, описывая родник села Гадрут, – воду доставляют крестьянки в глиняных и медных кувшинах; носят их на плече".[3] В Зангезуре доставка воды с родника была прежде всего обязанностью младшей женщины в семье – младшей невестки или взрослой девушки.[4] Кроме этого крестьянки часто занимались у родника стиркой и другой домашней работой. Во многих селах при недостатке питьевой воды за ней выстраивались длинные очереди, и женщины и девушки в беседах и разговорах долгие часы простаивали у родников. Об этом сообщают как корреспонденции самих крестьян,[5] так и многие исследователи.[6] Нередки были также ссоры из-за воды.

Следует отметить еще один социально значимый аспект, связанный с функционированием родников. В сельском быту родник часто служил местом встречи и свиданий юношей и девушек, свободное повседневное общение которых по нормам сельского этикета во многом было ограничено. Поводом для встреч служило то обстоятельство, что обычно девушки ходили за водой. Юноши, в свою очередь, утром и вечером гнали скот на водопой.[7]

Многочисленные родники, разбросанные по всей территории поселения, также занимали определенное место в быту населения. Каждый из них имел свое название, со многими были связаны всевозможные легенды и предания, которые передавались из поколения в поколение.[8] Часть этих родников, как было отмечено, имела культовое значение, им приписывались магические свойства, а вода некоторых действительно имела целебное свойство, и к ним ходили лечиться.[9]

Некоторые родники связывались с конкретными историческими событиями и лицами. "Тагавори ахпюр" (*թագավորի աղբյուր* – Родник царя) у села Туми традиционно

---

[1] С. Д. Лисициан. ***Очерки этнографии,*** *с. 203;* О. Х. Халпахчьян. ***Гражданское зодчество Армении (жилые и общественные здания).*** *М., 1917, с. 230*

[2] *ԴԱՆ-1983*

[3] И. Давидбеков. ***Указ. соч.,*** *с. 162*

[4] Ստ. Լիսիցյան, ***Զանգեզուրի հայերը,*** *էջ 200*

[5] ***"Փայլակ" թերթ,*** *1915, N 22*

[6] Г. А. Кочарян. ***Указ. соч.,*** *с. 47*

[7] Ե. Լալայան, ***Վարանդա,*** *էջ 170, Նույնի,* ***Գանձակի գավառ.*** *- ԱՀ, Թիֆլիս, 1900, հ. 6, էջ 288*

[8] ***Эти предания, разбросанные по разным источникам и сохранившиеся у народа, собрали и издали*** А. Ганаланян (Ա. Ղանալանյան, ***Ավանդապատում,*** *Երևան, 1969, էջ 98-100) и* А. Газиян (Ա. Ղազիյան, ***Արցախ,*** *էջ 152-153)*

[9] Ստ. Լիսիցյան, ***Լեռնային Ղարաբաղի հայերը,*** *էջ 56-57:* Ե. Լալայան, ***Վարանդա,*** *էջ 196-197:* Խ. Սամուելյան, ***Հին Հայաստանի կուլտուրան,*** *Երևան, 1931, հ. 1, էջ 293-296*

приписывается царю Гагику,[1] властвовавшему в Дизаке в X-XI вв. В с. Дахрав есть родник по имени Раффи – великого армянского писателя XIX в. в память того, что он побывал в этой деревне.[2]

Многие родники служили местом отдыха в праздничные и воскресные дни. Около них собирались группами, семьями и проводили досуг. Это особенно характерно было для жителей г. Шуши, излюбленным местом отдыха которых было местечко Лисогорск со своими минеральными источниками "Тту джур"[3] (*Թթու ճուր* – кислая вода) и особенно "Пехи ахпюр" (*Պեխի աղբյուր* – грабовый родник), находящийся в 2-3-х километрах от города. "Пехи ахпюр, – пишет Лео, – первая гордость шушинца. В воскресные и праздничные дни у родника собирается множество людей, и ущелье наполняется их криками и песнями, а в обычные дни, как правило, там была одна или две группы пирующих".[4]

Среди сельского же населения досуг у родника обычно приурочивался к паломничествам и жертвоприношениям у святилищ, поскольку они были расположены на местах поклонения или же сами были предметом поклонения. Так, у подошвы горы Дизапайт, почитавшейся жителями многих окрестных сел, были родники "Арджи ахпюр" (*Արջի աղբյուր* – Медвежий родник) и "Кочи ахпюр" (*Քոչի աղբյուր* – Родник кочевки), где располагались богомольцы после того, как спускались с горы и проводили 2-3 дня в пиршествах и веселье.[5]

Жители каждого села дорожили своими родниками, гордились ими, при каждом удобном случае хвалили доброкачественность воды. Деревни, не имеющие достаточно воды и хороших родников, высмеивались, и им давали разные прозвища, такие, как "нуждающиеся в воде – спитакашенцы" (*ջրու կարոտ սիպտակշնացեք*),[6] или же "продающие много кувшинов, но имеющие мало воды – цакурийцы" (*շատ քրեղան ծախող՝ ջրում պակաս ծըկուռեցեք*).[7]

Таковы в общих чертах место, роль и значение родников в поселенческом комплексе и в быту сельского населения. В целом же они могут стать предметом специального исследования с привлечением исторического материала.

Культовые объекты. Каждое село располагало многочисленными культовыми объектами, которые находились как в самой жилой части, так и за ее пределами, на всей территории поселения. К первой группе относятся прежде всего рассмотренные уже нами "священные очаги" и церкви. Будучи в первую очередь религиозным духовным центром, церковь являлась в то же время материальным объектом, занимающим определенное место в структуре поселения, что позволяет выделить ее в качестве одного из главных сегментов дореволюционного армянского сельского поселения.[8] Именно церковь с небольшой прицерковной площадью служила во многих случаях общественным центром села.

Как отмечалось выше, церковь играла важную роль при образовании новых сел. При ее отсутствии в новообразованных селах крестьяне приступали к ее строительству в первую очередь, поскольку церковь больше, чем какой-либо другой объект, олицетворяла самостоятельность села. Фактически не было села без церкви, а те, которые ее еще не имели, становились предметом пренебрежительного отношения со стороны соседних сел, что также выражалось в прозвищах. Например, жителей села Меликджанлу, которые переселились из Персии и долгое время не имели церкви, называли как "нуждающиеся в церкви" (*ժամու*

---

[1] Բ. Ուլուբաբյան, ***Խաչենի իշխանությունը 10-16-րդ դդ.,*** *Երևան, 1975, էջ 63-64*

[2] Ա. Ղանալանյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 98:* Շ. Մկրտչյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 131*

[3] ***"Հայկական աշխարհ" թերթ,*** *1876, N 1-2, էջ 39*

[4] Լեո, ***Իմ հիշատակարանը*** *(Տեղեկություններ մեր սարերից ու ձորերից), Շուշի, 1890, էջ 6-7: В конце XIX века шушинский мастер Исаак благоустроил родник, оформив его архитектурным сооружением. После этого родник стал называться "Исааки ахпюр" (Родник Исаака) или "Исабулагы" (по азерб. "булаг" – родник). И по сей день он остается местом отдыха шушинцев и жителей окрестных поселений.* Շ. Մկրտչյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 163: Газета "Неделя", 1985, N 33, с. 9*

[5] И. Давидбеков. ***Указ. соч.,*** *с. 159-160*

[6] *ՀՊՊԿԱ, Խ. Դաղյան ֆոնդ (319)*

[7] *Նույն տեղում*

[8] *Культура жизнеобеспечения и этнос, с. 147*

հաւրաթ).[1] Каждое село составляло отдельный церковный приход. В тех селах, где еще не было церкви, жители приписывались к приходу соседнего села.

Само строительство церкви также следует рассматривать как одно из проявлений общинного быта. Обычно церкви строились на средства всего общества, однако бывали и случаи, когда расходы на строительство брал на себя кто-нибудь из состоятельных односельчан, обычно проживающих в городе. Об этом свидетельствуют надписи на стенах самих церквей и отдельные упоминания в литературе. Так, например, на средства всего общества была построена церковь в селе Мец Таглар в 1846 г.[2] Надпись на стене церкви в с. Гавахан гласит: "Строилась эта церковь трудом общества Гавахана в 1871 г."[3] Такого же содержания надпись из села Джракуйс.[4] Церковь села Нижний Тагавард была построена в 1840 г. на средства одного из представителей рода Мелик-Шахназарян.[5] Одна из представительниц этого же рода взяла на себя расходы на строительство церкви в с. Мавас в 1859 г.[6]

Следует отметить, что церковь, вернее прицерковная площадь, в качестве общественного центра села являлась местом сбора мужчин. Но как религиозное учреждение ее посещали также женщины. Во время различных праздников в церковь ходила молодежь и дети. Церковь была обязательным атрибутом при проведении крестин, свадеб, похорон.

Что же касается "священных очагов", то они не были структурообразующим элементом в поселении, поскольку помещались в домах их владельцев. Кроме того, что у "очагов" молились и им приносили жертвы, в жизни общины они имели еще одну важную функцию. Во время свадьбы новобрачные из церкви всегда отправлялись к этим очагам для получения у них благословения; в тех местах же, где не было церкви, многие обряды, в том числе и бракосочетание, совершались над этими очагами.[7]

Ко второй группе культовых объектов можно причислить церкви и часовни, находящиеся за пределами села, многочисленные священные вершины, камни, рощи, родники, деревья и т.д. С ними были связаны различные предания и легенды, их посещали паломники, совершали жертвоприношения с целью избавления от всяких недугов и болезней. При этом каждое священное место имело свое специальное предназначение.[8]

Культовые объекты посещались индивидуально, отдельными семьями, а на более известные из них служили местом паломничества жителей не одного, а нескольких сел. Во многих случаях посещение культовых мест носило не столько религиозный характер, столько являлось формой проведения досуга.

В этом плане особенно характерна роль священных деревьев. Это были обычно отдельно стоящие большие деревья – карагачи или платаны. В повседневной жизни села культовая функция этих деревьев отодвигалась на второй план. В ряде случаев, как отмечалось выше, они превращались в общественные центры. Расположенные на окраине села или на дорогах, они становились местом отдыха, проведения досуга, превращались в предмет гордости, своеобразные символы села. "На восточной стороне села, – пишет И. Давидбеков, описывая село Гадрут, – над родником Хор–Агбюр стоит многолетний в три сажени окружности чинар, который жители прежде считали святым, а потому боялись употреблять засохшие ветви его. Упавшие в разное время большие и толстые сучья этого дерева лежат под ним и служат скамейками для отдыха усталым прохожим. По словам старожилов, этому чинару около 300 лет".[9]

---

[1] *ՀՊՊԿԱ, Խ. Դադյանի ֆոնդ (319)*
[2] Մ. Բարխուդարյանց, ***Արցախ,*** *էջ 84*
[3] *Նույն տեղում, էջ 110*
[4] *Նույն տեղում, էջ 72*
[5] *ԴԱՆ-1983*
[6] Մ. Բարխուդարյանց, ***Արցախ,*** *էջ 103*
[7] Ե. Լալայան, ***Վարանդա,*** *էջ 115: ԴԱՆ-1983*
[8] *Подробно об этом см.:* Ե. Լալայան, ***Վարանդա,*** *էջ 190-200:* Ստ. Լիսիցյան, ***Լեռնային Ղարաբաղի հայերը,*** *էջ 55-60;* И. Петрушевский. ***О дохристианских верованиях,*** *с. 19-43*
[9] И. Давидбеков. ***Указ. соч.,*** *с. 155*

На многих деревьях юноши и девушки подвешивали качели и проводили свой досуг, как например, в с. Нор-Шен.[1] Эти знаменитые деревья фактически стали своеобразными элементами поселения. Село Схторашен знаменито огромным карагачем окружностью около 23 м.[2] Такое же дерево в с. Хандзадзор стало основанием для нового названия села – Агаджакэнд, что на азербайджанском языке означает “село дерева”.[3]

Оборонительные сооружения. Характер обороны поселения является одним из элементов, отражающих его социальную природу.[4] Под характером обороны следует подразумевать как наличие специальных сооружений, так и формы организации обороны сельского населения. С другой стороны, значение этого феномена исторически ограничено, поскольку в периоды стабилизации военно-политической ситуации необходимость организации обороны в общем отпадает. Но оборонительные сооружения остаются и могут служить источником для выявления характера обороны в прошлом. С этой точки зрения большинство армянских поселений Нагорного Карабаха не располагало специальными оборонительными сооружениями (крепостями, башнями, стенами) непосредственно в застроенной части села. Однако само расположение этих поселений в большинстве своем в труднодоступных местностях было обусловлено, в основном, именно оборонительным соображениями, и в случае необходимости жители использовали возможности рельефа и выступали против неприятеля всей общиной. С другой стороны, наличие более или менее независимой политической организации в форме меликств сделало возможным организацию самообороны в более широких масштабах. Именно в этих целях по всему Нагорному Карабаху в главных стратегических узлах построены крепости, принадлежавшие обычно отдельным местным князьям-меликам. В случае опасности эти крепости становились опорными пунктами, и в них собирались жители окрестных сел. Некоторые из этих крепостей давнего происхождения, другие построены в позднее средневековье самими меликами и носят их имена. Третьи же называются по месту расположения, или же просто по-армянски *перт* (*պյորթ* – крепость), или по-азербайджански – *гала* (крепость).

Однако, начиная с первой половины XIX в., когда край вошел в состав Российской империи, и военно-политическая ситуация в Закавказье стабилизировалась, крепости потеряли прежнюю роль, и организация самообороны перестала быть насущным вопросом повседневного быта сельчан. Но, потеряв свою прежнюю значимость, старые крепости приобрели новую функцию памятника истории, продолжая жить в памяти сельского населения, даже если от них остались одни руины. Будучи элементом материальной культуры, в изменившихся условиях они становились элементом духовной жизни населения. Стоявшая рядом с поселением крепость и связанные с ней многочисленные легенды и предания олицетворяли славную историю предков. Эти предания и легенды передавались из поколения в поколение, выполняя воспитательную роль для детей и молодежи. В них часто переплетаются историческое и мнимое и, что характерно, один и тот же сюжет иногда бытует во многих, если не во всех деревнях, где есть крепости.[5]

Каждая деревня гордилась своей историей и окружающими историческими памятниками, будь то крепость, монастырь или же старый мост. Это сознание со временем передавалось и жителям-переселенцам, которые, как было отмечено, часто поселялись на местах старых поселений. Характерно, что один и тот же памятник своим считали жители сразу нескольких сел, хотя между ними могли быть и разногласия по этому вопросу.

Исторические памятники служили своеобразным символом поселения и играли определенную роль в формировании сознания своего единства и привязанности к данной местности.

---

[1] Ե. Լալայան, ***Վարանդա,*** *էջ 198*

[2] Մ. Բարխուդարյանց, ***Արցախ,*** *էջ 103։* Շ. Մկրտչյան, ***ելկ. աշխ.,*** *էջ 121*

[3] *ԴԱՆ-1983*

[4] А. И. Робакидзе. ***Поселение как источник изучения общественного быта***. *– VII МКАЭН, М., 1964, с. 3*

[5] *В одном из распространенных сюжетов повествуется о том, что противник, не сумев побороть защитников, решил победить их, лишив воды. И чтобы найти источник, откуда вода поступала в крепость, нападающие по совету одной старухи продержали мула без воды несколько дней. После того как животное выпустили, оно отыскало источник. ԴԱՆ-1983*

История сохранялась не только посредством материальных памятников, но и воспоминаниями о конкретных событиях и лицах.[1] Однако не везде одинаково сохранялась память о прошлом. Это в свое время заметил Лео, когда говоря о сохранении преданий, утверждал, что "население Джраберта в этом отношении очень высоко стоит по сравнению с населением других провинций Карабаха. Здесь знают те места, где совершались известные исторические события, различают персидские и вообще чужие памятники старины от собственно армянских".[2] Это объясняется тем, что Джраберт больше всех сохранил свое коренное население, которое мало подвергалось перемещениям. Кроме того, именно здесь совершались важнейшие события истории Карабаха, равно как и сохранились многочисленные и более значимые памятники.

Какие же выводы можно сделать на основе рассмотренного материала, исходя из поставленных в начале главы задач? Различные структурные элементы поселения находились в пользовании как всей общины, так и отдельных семей. Это относится, в первую очередь, к сельскохозяйственным угодьям. Ряд объектов находился в собственности отдельных семей, но ими пользовались и другие общинники, как, например, производственные сооружения, дворы, кровли домов, тока, "тонратоны", большие деревья. В этом смысле они воспринимались как общие, принадлежавшие всем. Квартальная структура поселения отражала в определенном смысле родственные и семейно-соседские связи. Существовали объекты преимущественно квартального назначения, например, "тонратоны", квартальные родники. Половозрастная структура отражалась и в характере пользования тех или иных компонентов поселения: мужчины собирались в общественном центре, женщины и дети – в кварталах, родник был больше "женским" объектом и т. д.

В поселении были объекты непроизводственного назначения – церковь, кладбище, административный центр в виде канцелярии, школы. Они строились усилиями общинников, иногда на средства частных лиц. Для дореволюционного сельского поселения было характерно использование объектов другого назначения, а также природных объектов в общественных и культурных целях. Так, например, "турнатоны" служили местом сбора женщин; родники были местом встречи юношей и девушек; тока превращались в игровые площадки; пространства под большими деревьями, природные родники превращались в места проведения досуга и отдыха.

Все объекты на территории поселения осознавались крестьянами как "свое". Безличных объектов на территории поселения не было, все они имели свое название, со всеми были связаны истории, легенды и предания. Осознание жителями каждого поселения своего единства и противопоставление его другим поселениям определялось не только общим происхождением и существующими родственно-локальными связями, но и привязанностью к данной территории с ее культурными и природными памятниками, положительными и отрицательными сторонами. "Любое явление культуры, – писал С. А. Токарев, – будучи присуще какой-то группе людей, тем самым сплачивает эту группу, или способствует ее сплочению, то есть играет интегрирующую роль. Но сплачивая данную человеческую группу, присущие ей явления культуры, тем самым противопоставляют эту группу всему внешнему миру".[3] Такой подход к изучению явлений культуры, как показывают наши наблюдения, правомерен также по отношению к поселению не только в целом, но и к его отдельным структурным элементам.

Сказанное наглядно проявляется в вышеприведенных прозвищах, которые давали жители разных сел друг другу. Характерно, что в ряде прозвищ отражались также топографические

---

[1] *Отметим, что великий армянский писатель Раффи использовал рассказы крестьян (собранные им при во время путешествия по Нагорному Карабаху в 1881 году) при написании истории карабахских меликов. Подробнее см.:* Ռաֆֆի, ***Խամսայի մելիքությունները, Երկերի ժողովածու,*** *Երևան, 1959, հ. 10*

[2] Լեո, ***Իմ հիշատակարանը,*** *էջ 243*

[3] С. А. Токарев. ***Разграничительные и объединительные функции культуры.*** *– IX МКАЭН (Чикаго, 1973). Доклады советской делегации. М., 1973, с. 2*

особенности поселения. Например, жители с. Авдур и Агбулаг, расположенных на теневой стороне склона, назывались “нуждающимися в солнце” (*արևի հասրաթ*).[1] А вот жителей с. Ванк (провинция Дизак), расположенного в таких же условиях, называли “топчущие грязь” (*ցեխ կոխ տվող*).[2] Характерны также прозвища, приписываемые жителями с. Джилан и Гущилар. Первых называли “прислоненные к склону” (*քերծա կացած*), вторых – “расположенные на вершине скалы” (*քերծու պըտկէ*).[3] Примечательно, что в приведенных примерах, в формулировках прозвищ фигурирует не название села, а характеристика его жителей, ибо именно они воспринимаются как носители особенностей своего поселения.

Все сказанное свидетельствует о том, что в целом сельское поселение как материально-пространственная единица со всеми своими элементами отражает особенности социальной организации и тем самым неотделимо от общественной и духовной жизни своего населения.

Глава четвертая.
Обычаи и нормы, регулирующие внутриобщинные и межобщинные отношения

Все структурные элементы сельской общины и все компоненты сельского поселения были определенным образом связаны между собой, в силу чего и община выступала как единое целое.

Основным механизмом жизнедеятельности сельской общины являлась взаимопомощь. Она проявлялась в самых различных сферах и в различных формах.[4]

Кроме взаимопомощи общинное единство проявлялось также в совместном проведении досуга, в участии общинников в тех или иных событиях жизни отдельных семей.

В рамках общины действовали традиционные этикетные нормы, регулировавшие отношения между представителями разных азгов, семей, половозрастных групп, а также между отдельными их членами. Вместе с тем община не была оторвана от внешнего мира, между отдельными общинами существовали различные связи и отношения, и в этих отношениях также в своеобразной форме проявлялось общинное единство.

Участие общины в проведении свадеб и похорон. Вопрос об изучении свадьбы с точки зрения участия в нем общины ставится в армянской этнографической литературе не впервые.[5] Рассмотрим данный вопрос на конкретном материале из дореволюционного быта армян Нагорного Карабаха.

Свадебный обряд примечателен тем, что в нем прослеживаются самые различные стороны общественного быта: взаимопомощь, совместное проведение досуга, участие родственных, соседских, половозрастных групп и отдельных личностей с определенными функциями и обязанностями. Свадьба происходит на территории сельского поселения, охватывая различные его объекты. Тем самым она выходит за рамки семьи и приобретает общественный характер.

Свадебная обрядность обычно делилась на три основных периода: досвадебный, собственно свадебный и послесвадебный. Если при совершении досвадебных и послесвадебных обрядов присутствовали преимущественно родственники и близкие соседи, то во время собственно свадьбы число участников намного увеличивалось.

Обручение обычно совершалось в присутствии “родственников обеих сторон, причем первое место уступают куму”.[6] Непременными участниками обручения были также священник и

---

[1] *ՀՊՊԿԱ, Խ. Դաղյանի ֆոնդ (319), ց. 1, գ. 14, թ. 35*
[2] *Там же, л. 36*
[3] *Там же*
[4] Խ. Սամուելյան, ***Հին Հայաստանի կուլտուրան,*** *Երևան, 1941, հ. 3, էջ 60-76:* Э. Т. Карапетян. ***Родственная группа “азг”,*** *с. 120-126;* Л. М. Варданян. ***Указ. соч.,*** *с. 120-127;* М. В. Акопян. ***Указ. соч.,*** *с. 139-148*
[5] М. В. Акопян. ***Указ. соч.,*** *с. 151-160;* Լ. Պ. Գևորգյան, ***Համայնքային սովորույթների դրսևորումները հայոց ավանդական հարսանեկան ծիսաշարում. - Հայաստանի բնակչության հասարակական կենցաղի և հոգևոր մշակույթի պրոբլեմների ուսումնասիրությանը նվիրված գիտական նստաշրջան: Թեզիսներ,*** *Երևան, 1985, էջ 12, 13*
[6] Г. Осипов. ***Указ. соч.,*** *с. 126. По всей вероятности, автор имеет в виду “посаженого отца” – кавора*

сельский старшина.[1] В таком составе проходили переговоры об условиях свадьбы между родителями жениха и невесты. Когда приближался день свадьбы, также собирались родственники и помогали семьям в приготовлениях к свадьбе.

Гостей на свадьбу приглашали специально. Этим занимался обычно жених с несколькими товарищами. В с. Гадрут в день свадьбы утром один из близких родственников жениха разносит по домам лист бумаги с именами и фамилиями приглашенных на свадьбу гостей.[2] Это следует считать новым явлением для того периода, оно распространялось, наверное, под влиянием города и практиковалось в относительно больших деревнях. В маленьких же деревнях часто именно звуки свадебной музыки служили знаком приглашения.

Гости собирались как в доме жениха, так и в доме невесты. Жених подбирал себе свиту из холостых товарищей (*մակար* – макар), один из которых (макарбаши) стоял во главе свиты. Всей свадебной процессией руководил “той баши” (по азерб. “глава свадьбы”), который в то же время был тамадой за свадебным столом. Специально приглашали цирюльника для обряда “бритья жениха”. Особая роль принадлежала священнику, который освящал одежду жениха в его доме, а после перехода в дом невесты – ее одежду, после чего отправлялся в церковь, где совершал обряд венчания.

Родственники и приглашенные оказывали материальную помощь семьям, справляющим свадьбу. Приданое невесты во многом слагалось за счет подарков. При этом подарки выставлялись напоказ участникам свадьбы.[3] Оплачивался труд цирюльника: “когда он кончит свое дело, все присутствующие гости поодиночке подходят к жениху, целуются с ним и кладут в заранее приготовленный для этой цели платок по несколько копеек в пользу цирюльника”.[4] Оплачивался также труд музыкантов. К ним поступал также так называемый “шабаш” (*շաբաշ*) – деньги, которые давали родственники и участники застолья танцующим.[5]

В последний день свадьбы в доме жениха организовывали сбор пожертвований в пользу новобрачных, что часто покрывало свадебные расходы. Обряд этот назывался “канч” (*կանչ* – зов). Каждый участник вносил деньги или обещал дать какой-нибудь подарок,[6] при этом он был обязан дать не меньше того, сколько дали в свое время родители жениха на свадьбе сына дарителя, если, конечно, такое имело место. В этом наглядно проявляется эквивалентный характер взаимопомощи в крестьянской общине.

Проследим теперь за движением свадебной процессии в границах поселения. Свадьба начиналась одновременно в доме жениха и в доме невесты. Сторона жениха отправлялась в дом невесты, где продолжалось совместное пиршество. На следующий день свадебный поезд отправлялся в церковь. Выйдя из церкви, процессия в первую очередь направлялась к “священным очагам” села,[7] далее поезд возвращался в дом невесты. На всем этом пути процессия несколько раз останавливалась у домов родственников и приятелей, которые выносили стол с угощениями на улицу, а иногда и приглашали в дом. Из дома невесты к вечеру процессия отправлялась в дом жениха, где на следующий день и заканчивались собственно свадебные обряды.

На всем пути свадебная процессия сопровождалась песнями, плясками, выкриками, стрельбой. Все жители села по существу становились участниками этого зрелища в качестве зрителей, “все крыши переполнены бывают женщинами”.[8] Они высказывают свои мнения относительно невесты и жениха, их наряда и других вопросов, связанных с образованием новой семьи.

---

[1] Ե. Լալայան, ***Վարանդա,*** *էջ 120*
[2] И. Давидбеков. ***Указ. соч.,*** *с. 186*
[3] Ստ. Լիսիցյան, ***Լեռնային Դարաբաղի հայերը,*** *էջ 43*
[4] И. Давидбеков. ***Указ. соч.,*** *с. 187*
[5] Г. Осипов. ***Указ. соч.,*** *с. 127*
[6] *Там же, с. 28;* И. Давидбеков. ***Указ. соч.,*** *с. 187;* Ե. Լալայան, ***Վարանդա,*** *էջ 137, 141*
[7] Ե. Լալայան, ***Վարանդա,*** *էջ 137*
[8] Г. Осипов. ***Указ. соч.,*** *с. 128*

В последний день свадьбы жених с родителями и в сопровождении друзей шли на кладбище поминать умерших родных.

Общинное единство наглядно проявляется также в случае смерти кого-либо из односельчан. Во время его болезни, особенно при тяжелом состоянии, все родственники и соседи навещают больного. В случае же его смерти “тотчас являются родственницы, соседки, а иногда даже посторонние женщины, которые садятся кругом трупа умершего и оплакивают его”.[1] При этом, как уже отмечалось, выделялись специальные плакальщицы, которые в своих плачах-причитаниях перечисляли достоинства покойного и примечательные эпизоды из его жизни.

Мужчины прекращали работу и спешили в дом покойного, чтобы утешить родных и по мере возможности помочь им. Выделялись специальные люди из числа соседей, которые омывали труп, копали могилу. Сразу же после кончины являлся священник и освящал труп, после чего его переносили в церковь, где оставляли на ночь.

На следующее утро после совершения церковных обрядов женщины возвращались в дом умершего, а мужчины несли тело на кладбище. С кладбища они также возвращались в дом покойного и принимали участие в поминальной тризне. Следует отметить, что в отличие от свадеб, в похоронных обрядах участвовали в основном представители зрелого и в особенности старшего поколения. Кроме того на похороны и поминки ходила вся совершеннолетняя часть населения без специального приглашения.

Заметим также, что при похоронах помощь семье покойного осуществлялась в форме взаимоуслуг, а не в виде каких-либо материальных пожертвований. Поэтому часто для организации поминальной тризны крестьянам приходилось делать большие расходы, поскольку собиралось много народа. Община боролась против этого явления тем, что выносила решения, согласно которым на поминки ходили по приглашению.[2] А более образованная часть общественности не раз поднимала голос вообще против всяких поминальных трапез, разорявших иногда крестьян.[3]

Общинный характер календарных праздников. Приступая к рассмотрению праздников, мы не ставим цель дать их подробное описание и тем более выявить семантику их архаичных слоев. Наша задача более конкретна: показать, как проявлялось общинное единство во время различных календарных праздников на конкретном этапе развития общины.

При изучении календарных обрядов и обычаев одним из важных является вопрос о том, “кто собственно является субъектом, иначе говоря – носителем обычаев и обрядов календарного цикла? Какой человеческий коллектив?”.[4] Постановка вопроса в таком плане очень важна для выявления общинного единства, поскольку именно община чаще всего выступает носителем календарных обычаев и обрядов. Однако вместе с ней в качестве носителя праздничных обрядов выступает и другой коллектив – семья. Но вряд ли правомерно утверждать, что общинное единство проявляется только при общинных праздниках, тем более что “строгое разграничение обрядов – деление их на “общинные” и “семейные” – вряд ли возможно”.[5]

При рассмотрении праздников в аспекте их общинного значения можно выделить следующие характерные моменты: взаимные поздравления, совместное участие общинников в праздничных церемониях и в проведении праздничного досуга: сбор средств для совершения праздничных мероприятий, в частности, для праздничного жертвоприношения. Все эти моменты с той или иной интенсивностью проявлялись при всех праздниках. С этой точки зрения даже праздники, которые справлялись в семейном кругу, носили в определенной мере общественный характер, ибо нередко семьи поздравляли друг друга и обменивались подарками.

---

[1] Ստ. Լիսիցյան, ***Լեռնային Ղարաբաղի հայերը,*** *էջ 49*

[2] *ՀԱՆ-1983*

[3] *См. например:* ***“Փայլակ” թերթ,*** *1915, N 20, 21*

[4] С. А. Токарев. ***Семья и община.*** *– В кн.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983, с. 194*

[5] *Там же*

Следует отметить также, что во время праздников проявляется не только противопоставление “семья – община” по степени их включенности в праздничную обрядность, но и противопоставление половозрастных групп по степени их активности в той или иной обрядовой системе.

В Нагорном Карабахе, в отличие от многих районов Армении, еще практиковался праздник Нового года по древнеармянскому календарю – Навасард, отмечаемый осенью. Накануне вечером родственники, в частности, сваты, кумы обменивались подарками.[1] Утром праздничного дня крестьяне, взяв по бутылке водки, ходили поздравлять старшину и священника. “Старшина в этот день, чинно сидя у себя дома, – описывает И. Давидбеков, – с особенно приятным удовольствием принимает всех посетителей и, получая от них подносимые подарки, кладет их в лежащий перед ним для этой цели поднос. Затем сажает всех гостей на устланные вдоль стены ковры и угощает их любимым и уважаемым всеми кушаньем – куркутом, водкою, вином”.[2] Здесь налицо также момент совместной праздничной трапезы.

Новый год отмечался первого января только в тех семьях, которые были связаны с городом. В этот день крестьяне, “вернувшиеся из Баку, посещали друг друга и своих родственников и поздравляли их с Новым годом”.[3]

Взаимные поздравления практиковались особенно в первый день великого поста. “Под предлогом поздравления с Великим постом посещают друг друга и малые и великие, но сперва посещаются священник и люди почетные, а потом и другие”.[4]

Этот день считался днем мира, “даже незнакомые и враждующие, встречаясь на улице, подают друг друга руки и мирятся между собой”.[5] Именно в этот день община приступала к примирению враждующих. “Если кто-нибудь из членов во вражде с другими, то обязательно перед церковью он должен изменить свои отношения и установить мир”.[6]

Из других праздников отметим Пасху, во время которой члены общины ходили поздравлять друг друга.[7]

Совместные праздничные церемонии проводились на Рождество Христово (6 января), на “Сретение Господне” и в Вербное воскресенье. Если в первых двух праздниках участвовали все члены общины, то последний был преимущественно молодежным.[8]

Совместное проведение досуга, как правило, в форме игр практиковалось на Масленицу, в первый день Великого поста, в Вознесение и Преображение.

Своим общественным значением особенно выделялась Масленица, в праздновании которой участвовала вся община без исключения. Праздник длился пять дней: “В течение этих дней женщины и дети отдаются разного рода играм и забавам, преимущественно качаются на качелях; а мужчины, не исключая и взрослых, играют в снежки, горелки, жмурки и другие игры”.[9]

Единство общины наглядно проявлялось на Пасху, особенно при общественном жертвоприношении “ахар”. К празднику приготовлялись заранее. Выбирали трех “почтенных людей”, которые собирали деньги с крестьян соответственно их состоянию, за исключением самых бедных. На собранные деньги покупали баранов и муку. Из муки пекли хлеб (*լավաշ* – лаваш), а мясо варили и, разложив по несколько кусков в лаваш, раздавали всем без исключения семьям общины. При этом доля каждой семьи зависела не от того, сколько она вложила денег в общую кассу, а от ее численного состава.[10] Исключение делалось только для нескольких лиц.

---

[1] Ե. Լալայան, ***Վարանդա.*** *- ԱՀ, Թիֆլիս, 1898, հ. 3, էջ 348*
[2] И. Давидбеков. ***Указ. соч.,*** *с. 190*
[3] Ե. Լալայան, ***Վարանդա.*** *- ԱՀ, հ. 3, էջ 348*
[4] Ф. Джейранов. ***Указ. соч.,*** *с. 98*
[5] Г. Осипов. ***Указ. соч.,*** *с. 124*
[6] Ф. Джейранов. ***Указ. соч.,*** *с. 98*
[7] Ե. Լալայան, ***Վարանդա.*** *- ԱՀ, հ. 3, էջ 347*
[8] Ստ. Լիսիցյան, ***Լեռնային Դարաբաղի հայերը,*** *էջ 71*
[9] И. Давидбеков. ***Указ. соч.,*** *с. 191*
[10] Ф. Տեր-Մովսիսյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 51:* Ե. Լալայան, ***Վարանդա.*** *- ԱՀ, հ. 3, էջ 347*

Священник получал окорок и кожу; печень и желудок получал тот, кто резал животных, а голову и ножки животных отдавали лицам, которые собирали деньги и делали покупки.[1]

Межобщинные связи. Будучи замкнутой целостной организацией, сельская община вовсе не была оторвана от внешней среды. Связи с внешней средой с большей или меньшей интенсивностью существовали во все периоды истории общины. Следовательно, проявления общественного быта прослеживаются не только внутри общины, но и в ее отношениях с окружающим миром.

Говоря о внешних связях, следует различать два направления этих связей: первое – между самими сельскими общинами; второе – между селом и городом. В изучаемый период связи сельского населения с внешней средой, особенно с городом, стали более интенсивными, что объясняется общим развитием социально-экономических отношений, вовлечением деревни в товарно-денежные отношения. Наиболее яркой формой связи между селом и городом стало отходничество крестьян в города.

Рассмотрим конкретные проявления межобщинных связей в Нагорном Карабахе во второй половине XIX – начале XX вв. Связи между разными селами обуславливались во многом их принадлежностью к одному сельскому обществу. Жители из разных сел ходили в центральное село общества, где они встречались друг с другом, на общих сходах совместно решали ряд вопросов.

При всем преобладании брачных связей внутри общины они имели место также между жителями разных общин. В таких случаях на свадьбах присутствовали представители обоих сел. Установление свойственных связей между семьями из разных сел в определенной степени способствовало связям между этими селами.

Носителями межпоселенческих связей были ремесленники, которые нередко ходили для работы в другие села. Известных мастеров специально приглашали для выполнения различных работ. Часто крестьяне сами ходили в то село, где работал необходимый им мастер. Между крестьянами разных сел существовал также натуральный обмен продуктами.

Крестьяне разных сел во время праздников нередко собирались вместе в известных центрах паломничества. Например, гора Дизапайт являлась таким местом в Джебраильском и Шушинском уездах. “В день праздника “Преображения Господня”, называемого по местному “Вартавар”, богатые и бедные армяне с разных концов двух уездов, приготовив заблаговременно съестных припасов и захватив по барану, с семействами отправляются на Тизафайтскую гору”.[2]

В рассматриваемый период наличие в одном из сел промышленного предприятия, в первую очередь, шелкомотальных фабрик, притягивало к себе жителей соседних сел. Например, “из с. Джракуйс большое число девушек и юношей ходили в с. Цакури на работу в шелкомотальный завод”.[3] При отсутствии школы в своем селе дети часто учились в школе ближайшего села.

Дети того же села Джракуйс учились в школе с. Туг,[4] а дети из села Киркиджан ходили на учебу в с. Ханкенды.[5]

Все отмеченные явления способствовали тому, что жители нескольких близколежащих сел хорошо знали друг друга и часто участвовали в общественно-семейных событиях друг друга.

Вместе с тем именно между соседними селами иногда возникали конфликтные ситуации, чаще всего на почве земельных споров. Тем не менее выделялся круг сел, которые были более тесно связаны друг с другом. Среди них одно село обычно занимало центральное место. Будучи центром сельского общества и имея удобное расположение, оно располагало также промышленными, бытовыми, торговыми предприятиями и играло роль локального центра для

---

[1] Գ. (Մ.) Բարխուդարյան, ***Արազը տարին կտարի,*** *Շուշի, 1883, էջ 74*
[2] И. Давидбеков. ***Указ. соч.,*** *с. 159*
[3] ***“Ղարաբաղ” թերթ,*** *1912, N 60*
[4] *Там же, с. 16*
[5] ***“Փայլակ” թերթ,*** *1916, N 95*

окружающих сел. Статус поселения как локального центра хорошо известен в историко-этнографической литературе.[1] Поскольку в Нагорном Карабахе поселения располагались вдоль ущелий, то такие группы поселений назывались по имени ущелья или центрального села, например, “деревни Козлучайского ущелья”, или же “деревни ущелья Тог” и т.д.

Взаимоотношения между разными общинами проявлялись и в виде тех характеристик, которые давала одна община другой. В этом плане каждая община пользовалась определенной репутацией среди окружающих общин. Репутация некоторых из них была известна по всему региону. Каждое поселение становилось знаменитым по какому-нибудь признаку. Основой для сложения репутации служили специфика хозяйственного быта, черты характера его населения, конкретные случаи из его истории, структурные особенности.

Наиболее ярким способом выражения репутации являлись прозвища, которые давали жители разных сел друг другу. В Карабахе каждое село имело прозвище. Выражалось оно одним словом или целым предложением, характеризующим разные стороны нравов или быта населения данного села. Нередко прозвища имели негативную окраску, подчеркивающую собственное превосходство. В каждом районе выделялось село, жители которого “славились” своей наивностью. Про них обычно рассказывали всевозможные смешные истории, анекдоты. Про с. Хозабюрт Г. Осипов пишет, что “жители его отличались храбростью, грубостью нравов, но вместе с тем были люди недалекого ума, вследствие чего до сих пор про них говорят разные анекдоты”.[2] Анекдоты рассказывали также про с. Туми, Атерк. Последнее было известно во всем Карабахе. А. Газиян отмечает как общее явление тот факт, что соседние села высмеивают друг друга.[3] Она приводит ряд прозвищ, сложенных в стихотворную форму.[4] Богатый материал о сельских прозвищах был собран в конце XIX века архимандритом Х. Дадяном.[5] Некоторые из них были приведены нами в предыдущем изложении. Приведем еще несколько прозвищ, указывающих на характерные черты жителей: “одни дураки хунашинакинцы” (*լոխ դոնգի ըն խնուշընկեցեք*), “очень трусливые мысманийцы” (*շատ վրխըլկոտ են մսմընեցեք*), “очень красивые хозабюртцы” (*շատ գոզալ ըն խծբրթեցեք*), “тоскующие по соседу тагларцы” (*հրվանու հասրաթ թղլրեցեք*) и т.д. Бывает, что одно и то же село имеет несколько прозвищ, и каждое из них с какой-то стороны характеризует его жителей. Наличие нескольких прозвищ обусловлено также тем, что они приписываются жителями разных сел.

Наличие прозвищ наряду с другими атрибутами являлось одной из характерных черт сельской общины, формальным выражением ее репутации. Возникновение прозвищ всегда обосновано, и они надолго переживают те явления, на основе которых возникли. В этом смысле они могут служить своеобразным источником для выяснения некоторых сторон быта данного села в прошлом.

Общинное единство проявлялось не только во внутриобщинных, но и в межобщинных отношениях, моделирующих известный принцип противопоставления “мы – они”.

Гостеприимство. Одной из форм проявления связи общины с внешним миром являлось гостеприимство, возникновение которого исследователи относят к первобытнообщинной эпохе. Гостеприимство приобрело большое значение именно как “механизм преодоления племенной замкнутости и облегчения межплеменных контактов”.[6] Возникнув в первобытнообщинную эпоху, данный институт прошел длительный путь развития и с каждой новой эпохой приобретал новый характер и новые черты, зачастую сохраняя во многих своих чертах архаичную оболочку. Следовательно, его изучение всегда требует конкретно-исторического подхода.

---

[1] Э. А. Паин. ***Прикладные аспекты этнографического изучения сельских поселений и систем расселения.*** *– СЭ, 1985, N 1, с. 9-10*

[2] Г. Осипов. ***Указ. соч.,*** *с. 128*

[3] Ա. Ղազիյան, ***Արցախ,*** *էջ 10*

[4] *Там же, с. 158*

[5] *ՀՊՊԿԱ, Խ. Դադյանի ֆոնդ (319), ց. 1, գ. 77, թ. 35-36*

[6] А. И. Першиц. ***Возможен ли формационный подход к социальным ценностям этнической культуры? – В кн.: Этнографические исследования развития культуры.*** *М.: Наука, 1985, с. 57*

В изучаемый период как у многих народов, так и у армян и, в частности, армян Нагорного Карабаха, гость считался “божьим гостем”. Существовало благопожелание “чтобы тебе не было стыдно перед гостем”.[1] Во многих семьях держали специальную постель для гостя, а хозяйка дома запасалась продуктами на случай прихода гостей.[2]

Среди армян гостеприимство не отличалось той высокой ритуализованностью, которая наблюдалась, например, у северокавказских народов[3]. Принимали гостя прямо в доме у очага. Специального гостевого помещения типа “кунацкой” не существовало. Наличие в некоторых домах отдельной комнаты для гостей (“конах отах”) следует считать новым явлением для изучаемого периода, связанное с улучшением жилищно-бытовых условий, поскольку она имелась только у состоятельных домохозяев и, как правило, в домах городского типа. Когда рядом со старым жилищем пристраивали комнату городского типа, то последняя в определенное время служила гостевой, хотя название “конах отах” не означает, что комната предназначена именно и только для гостей. Там жили также члены семьи, когда в доме не было гостей. Разумеется, содержание специальной комнаты было не под силу каждому хозяйству. Комната при хлеве, которая в других районах Армении служила также гостевой, в Карабахе, как уже было отмечено, отсутствовала.

Наиболее наглядным ритуалом, который практиковался при приеме гостя, было омовение его ног молодой невесткой либо девушкой семьи. Приличие требовало, чтобы гость отказался от этой услуги, однако хозяин или хозяйка дома настаивали на своем. При этом часто гость в знак благодарности дарил мелкую монету.[4] Покидая дом, гость оставлял подарок. Он давал также денежное вознаграждение за корм лошадей, а иногда и за продукты, приобретенные на стороне.[5]

Во многих случаях хлопоты по приему и устройству не только официальных лиц, но и любого гостя лежали на сельском старшине. Приходивший в село незнакомый человек в первую очередь обращался к нему или к сельскому священнику, которые поселяли гостя либо у себя дома, либо поручали кому-нибудь из односельчан. “Старшина был вправе направить его по своему усмотрению в тот или иной дом, соблюдая при этом некоторую очередность, причем более состоятельные крестьяне даже кичились тем, что гости у них останавливались чаще”.[6]

Именно меньшей степенью ритуализованности следует объяснить тот факт, что в источниках отсутствуют какие-либо подробные описания обычая гостеприимства и встречаются лишь общие оценки, как, например, “касапетцы отличаются гостеприимством”[7] или же “саровцы… гостеприимны, добры и снисходительны к нуждающимся и чужеземцам”.[8] Характерно, что по степени гостеприимства определялась и репутация жителей отдельных сел. Можно встретить характеристики следующего типа: “негостеприимные норшенцы” (*անդունապասեր նորշենացէք*) или “гостеприимные краснийцы” (*դունապասեր քոքսնեցէք*).[9] Подобное противопоставление имело место также у ряда авторов. В своих путевых заметках А. Асланян отмечает, что деревни провинции Варанда известны своим гостеприимством, и в этом плане их можно противопоставлять деревням других провинций Карабаха. Относительно гостеприимства в с. Сарушен он сообщает только, что хозяин дома, где он ночевал, принял его любезно и угостил блюдами, характерными для крестьянского стола.[10]

---

[1] Ս. Հ. Իսրայելյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 125*

[2] *Там же*

[3] В. К. Гарданов. ***Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX вв.).*** *М., 1967;* Б. Х. Бгажноков. ***Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов. Этнические стереотипы поведения.*** *Л., 1985, с. 179-201;* Ю. Д. Анчабадзе. ***Прекрасный обычай гостеприимства.*** *– СЭ, 1985, N 4*

[4] Ф. Տեր-Մովսիսյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 35-37*

[5] *Там же, с. 33;* Ստ. Լիսիցյան, *Լեռնային* ***Ղարաբաղի հայերը,*** *էջ 42*

[6] С. Д. Лисициан. ***Очерки этнографии,*** *с. 235*

[7] Г. Израелов. ***Указ. соч., с.*** *54*

[8] Н. И. Григоров. ***Указ. соч.,*** *с. 128*

[9] *ՀՊՊԿԱ, Խ. Դաղյանի ֆոնդ (319), ց. 1, գ. 77, թ. 3*

[10] ***“Փայլակ” թերթ,*** *1915, N 17*

На основе приведенного материала можно заключить, что гостеприимство у армян Нагорного Карабаха во второй половине XIX в. выступает уже не как институционализированный обычай, а было обусловлено общими морально-этическими установками и приобрело характерные для капиталистического общества черты, когда гостеприимство превращается “в более осознанное и индивидуализированное действие и утрачивает идиллическую межклассовость”.[1]

Вместе с тем следует отметить, что широко практиковалось гостеприимство по отношению к знакомым лицам. В этом плане в быту армян Нагорного Карабаха прослеживается обычай, когда люди разных сел, гостившие друг у друга, связывались узами дружбы. Данное явление в общих чертах напоминает институт куначества, известный у многих народов Северного Кавказа.

По определению В. К. Гарданова, куначество – это институт, “согласно которому два лица, принадлежавшие к разным родам и даже племенам или народностям, вступали друг с другом в близкие, дружеские отношения и оказывали друг другу в нужных случаях всяческую помощь и защиту”.[2] Куначество тесно связано с гостеприимством и появилось в результате частого гостевания одного лица у другого.

О лицах и семьях, связанных узами гостеприимства, упоминает С. Д. Лисицян.[3] Более подробное описание данного явления содержится в работе П. Тер-Мовсисяна,[4] обозначавшего данное явление словом “аспнджаканутюн”, что является архаичной формой понятия “հюрынкалутюн” (гостеприимство). Нам пока неизвестен термин, которым сам народ обозначал данное явление. Характерно, что у адыгов также не было специального термина для этого института. Поэтому считаем возможным пользоваться термином “куначество” и “кунак”.

У армян куначеством чаще всего связывались лица, которые были вынуждены по своим делам оставаться в каком-нибудь селе. Человек, гостивший однажды у кого-либо, оказавшись в следующий раз в этом же селе, останавливался в том же доме, в противном случае он мог обидеть хозяина. Со временем кунаки так тесно связывались, что не оставалось различия между кунаком и близким родственником.[5] Кунаки обменивались подарками, в случае необходимости – продуктами своего хозяйства. При торжественных семейных событиях непременно давали знать кунаку и т.д.

В условиях труднопроходимых путей из одного села в другое, отсутствия специальных приютов, гостеприимство и куначество имели большое значение для сельского населения. При этом куначество играло более значимую роль, поскольку крестьянин старался иметь знакомого в местах своего пребывания.

Межэтнические контакты в системе общественного быта. Специфика расселения в Нагорном Карабахе и определенные экономические интересы являлись необходимыми условиями для развития многосторонних армяно-азербайджанских контактов. Во многом они проявлялись на семейно-личностном уровне, но поскольку эти контакты в основном выходили за пределы не только одной общины, но и одного этнического массива, мы вправе рассматривать их как элементы общественного быта. Тем более что эти отношения всегда были в центре внимания сельской общественности и, что характерно, жители каждого армянского села были наиболее тесно связаны с одним определенным, обычно близлежащим азербайджанским селом.

Число сел с этнически смешанным населением в Нагорном Карабахе на рубеже XIX – XX вв. было невелико и составляло чуть больше десятка.[6] Причем в большинстве это были села, в которых основное население составляла та или иная этническая группа при наличии нескольких

---

[1] А. И. Першиц. ***Возможен ли формационный подход к социальным ценностям,*** *с. 59*

[2] В. К. Гарданов. ***Указ. соч.,*** *с. 308*

[3] Ստ. Լիսիցյան, ***Լեռնային Ղարաբաղի հայերը,*** *էջ 42;* С. Д. Лисициан. ***Очерки этнографии,*** *с. 235*

[4] Փ. Տեր.Մովսիսյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 28-33*

[5] *Նույն տեղում, էջ 29*

[6] *По данным “Свода статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г.”, Тифлис, 1893*

семей другой этнической принадлежности (азербайджанцы в с. Эдиллу, армяне в с. Халафша). Часто в селах с преимущественно армянским населением проживали несколько семей землевладельцев-азербайджанцев, которым принадлежали земли данной общины (с. Ханацах, Дудукчи). Сел с постоянным и более или менее большим числом разноэтнического крестьянского населения было всего несколько (Тог, Ахуллу, Киркиджан, Гога, Кайбали). Во внутриобщинном быту этих сел в ряде случаев проявляется этнический принцип. По сообщению С. А. Егиазарова, в деревнях со смешанным населением "земельные угодья распределяются сперва по национальностям, а затем уже представители каждой нации развертывают их по-своему".[1] Однако по многим вопросам население этих сел выступало совместно и каких-либо резких расхождений между ними не было. В этом отношении заслуживает внимания следующий факт. В 1915 г., когда во многих селах Нагорного Карабаха собирали добровольные пожертвования в помощь армянским беженцам из Западной Армении, в селе Тог Дизагской провинции в сборе средств приняли участие не только армяне, но и азербайджанцы.[2] Естественно, что в повседневном быту в рамках одного поселения крестьянские семьи входили в тесные контакты, а некоторые ограничения были обусловлены разной конфессиональной принадлежностью.

Однако основной чертой межэтнических контактов в Нагорном Карабахе была их направленность за пределы одного поселения. В этих условиях вырабатывались специальные обычаи и нормы, регулировавшие отношения между представителями разных этносов. Следует отметить, что по этому вопросу почти нет никаких сведений в литературных источниках, и он пока еще не рассматривался в специальной литературе по этнографии армян и азербайджанцев. Поэтому основным источником для нас являются полевые этнографические материалы.[3]

Как показывают эти материалы, в Нагорном Карабахе в армяно-азербайджанских взаимоотношениях прослеживался обычай куначества. Здесь во всех армянских селах многие из крестьян имели своих знакомых азербайджанцев, проживавших обычно в соседних, но иногда и в отдаленных селах, куда армяне ходили на сезонные работы. Между знакомыми складывались тесные связи, которые часто превращались в дружественные отношения между семьями и долго сохранялись.

Армяне Нагорного Карабаха различают двоякого рода знакомых среди азербайджанского населения – *ашна* и *кирва*. "Ашна" (по азерб. – друг, приятель) – это хороший личный знакомый, который становился им по разным случаям.[4] Называли его также словом *дост* (друг). Между семьями двух достов не существовало тесных связей, хотя при необходимости они гостили друг у друга и оказывали своему досту необходимую помощь, однако с соблюдением соответствующих предохранительных мер, обеспечивающих взаимную конфессиональную чистоту. Кирва ("кум") становились близкие досты после долгой дружбы. Поводом для этого обычно служило рождение у того или другого доста мальчика, когда предлагалось досту стать "кирвой" новорожденного, т.е. присутствовать на обряде обрезания или крещения.

Следует сказать, что кумовство часто устанавливалось специально в тех случаях, когда дети в той или другой семье рано умирали. Существовало поверье, что присутствие при крещении или обрезании лица другой веры способствует сохранению ребенка. Вот рассказ очевидца, которого выбрали кирвой: "У нашего Боюк-Киши умирали дети. Родился третий сын, Али. Безутешные родители решили взять в крестные армянина, чтобы сын живой остался. Когда у азербайджанского мальчика кирва армянин – аллах хранит такого от всякого несчастья. Поверье такое было".[5] Кстати, согласно народным воззрениям, такую же роль придавали наречению детей иноэтническими именами. Однако для нас в данном случае представляет интерес не

---

[1] С. А. Егиазаров. ***Указ. соч.,*** *с. 96*

[2] ***"Փայլակ" թերթ,*** *1915, N 17, 18, 20*

[3] *Единственное свидетельство мы нашли в уже упомянутой рукописной работе С. А. Исраеляна*

[4] *ԴԱՆ-1983, 1984*

[5] Л. Гурунц. ***Карабахские перекрестки.*** *М., 1981, с. 15*

религиозная сторона обычая, а то, что вышеописанным образом человек одной этнической принадлежности приобретал приятеля в иноэтнической среде.[1]

Семьи, связанные кумовством, считались родственными. Они помогали друг другу в различных хозяйственных работах. Во время распашки азербайджанец уступал своего вола кирве-армянину, а последний, в свою очередь, помогал в строительстве дома.[2] Кумовья часто навещали друг друга при разных торжествах, обменивались подарками, особенно во время праздников. Армянин в случае смерти своего кирвы соблюдал траур.[3] Нередки были случаи, когда дружба семей, связанных кумовством, продолжалась и в следующих поколениях. Примечательно, что даже незнакомые армянин и азербайджанец при встрече обращались друг к другу словом "кирва", выражая этим словом свою доброжелательность. Описывая быт армян села Саров, Н. Григоров, в частности пишет: "При встрече с татарами (азербайджанцами – А.М.) из окрестного селения, саровец всегда любезно здоровался с ним, называя его "кирва", т.е. кум… оба они обмениваются любезностями…".[4] Следует отметить, что, несмотря на дружественные взаимоотношения, все же принадлежность к разным этно-религиозным общностям играла определенную роль и во многом препятствовала более тесным контактам. Это относится, в первую очередь, к межнациональным бракам, которые до революции практически не встречались в Нагорном Карабахе. Крайне редкие случаи таких браков всегда приводили к смене вероисповедания одного из супругов и полному отчуждению от прежней этнической среды.[5] Показательно, что религиозные запреты наблюдались и на бытовом уровне: в армянских домах держали специальную посуду для азербайджанских гостей, а последние, находясь у армянина в гостях, сами пекли себе хлеб.[6]

Таким образом, нормированные взаимоотношения между армянами и азербайджанцами были двоякого рода. При отсутствии исследований, естественно, нет и специальных терминов, обозначающих эти взаимоотношения как в отдельности, так в целом. Можно ли для их обозначения применять термин "куначество"? Как видно из вышеизложенного материала, в народе употребляются термины азербайджанского происхождения и под словом "кирва" часто подразумевается всякий знакомый азербайджанец. Но при этом крестьяне-армяне различают "настоящего" кирву, приравнивая его армянскому слову "кавор", обозначающему кума у армян (на карабахском диалекте также – "пели"). Кумовство, как известно, является одним из видов искусственного родства. Между тем куначество, как показал В. К. Гарданов, по своему происхождению связано с гостеприимством и не предполагает фактора родства.[7] Исходя из этого, его можно применять только для обозначения отношений между "достами". По сути они представляют собой те же самые отношения, что и между двумя армянами из разных местностей, связанных узами гостеприимства.

На основе вышеизложенного материала можно сделать вывод, что при контактах армян и азербайджанцев вырабатывались специальные институты типа "куначества" и "кумовства", которые в определенной степени регулируя взаимоотношения между двумя этническими общностями, в свою очередь способствовали развитию этих отношений в атмосфере терпимости и дружелюбия. В лице многочисленных "достов" и "кирва" каждое поселение имело своих чужеродных, но дружески настроенных представителей, которые принимали участие во многих событиях общественно-семейной жизни данного поселенческого коллектива.

Двуязычие. Рассмотрение вопроса армяно-азербайджанских контактов предполагает также изучение роли языка как средства общения двух этносов, притом неродственных в лингвистическом отношении.

---

[1] *На эту сторону явления обратил наше внимание И. И. Крупник, которому выражаем свою признательность*
[2] Ս. Հ. Իսրայելյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 102*
[3] *Там же, с. 83*
[4] Н. И. Григоров. ***Указ. соч.,*** *с. 130*
[5] Ф. Տեր.Մովսիսյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 3*
[6] Գ. Գաբրիելյան, ***նշվ. աշխ.,*** *էջ 19-20*
[7] В. К. Гарданов. ***Указ. соч.,*** *с. 310-311*

Какая ситуация была в этом плане собственно в Нагорном Карабахе?[1] Мы не располагаем статистическими данными, которые показали бы степень владения представителями двух этнических общностей языками друг друга, а также преимущество употребления того или иного языка в разных сферах жизни. Лишь в одном только известном нам источнике – "Статистические сведения о Шемахинской губернии", помещенном в "Кавказском календаре" за 1856 г., вместе с этническим составом сел указывается также употребляемый жителями язык. По этим сведениям в селах Игирмидордского начала Гасанкая, Саров, Азад Бегумы и Сейсулан, населенных армянами, жители говорили как по-армянски, так и по-азербайджански.[2] Указано также на употребление двух языков в селах Саров и Хорузлу, имевших смешанное население.[3] Необходимо отметить, что все перечисленные села были расположены на низменности, в зоне расселения азербайджанцев.

Ряд указаний на эту тему мы находим и в других источниках. В "Обозрении российских владений за Кавказом" сообщается, что "жители Карабаха говорят армянским, татарским и куртинским языками…".[4] И. Давидбеков о жителях с. Гадрут сообщает, что "армяне при встрече с татарами говорят по-татарски",[5] а Н. И. Григоров о жителях с. Саров – что "саровцы говорят по-татарски лучше, чем на своем языке".[6] Еще одно свидетельство на эту тему находим в рукописных материалах Х. Дадяна: "Во многих армянских селах, – пишет он, – не умеют говорить по-азербайджански, а многие азербайджанцы говорят по-армянски".[7] При этом он приводит смешную историю, связанную с неумением армян говорить на азербайджанском языке. С. Джалалянц в свою очередь приводит анекдотичный рассказ, связанный с незнанием азербайджанца армянского языка.[8]

Анализ имеющихся письменных источников и полевых этнографических материалов позволяет сделать следующие выводы. В целом для армян Нагорного Карабаха было характерно армяно-азербайджанское двуязычие. Оно было больше развито на границе контактной зоны, нежели в отдаленных горных селах. Азербайджанское население также владело армянским языком, особенно в селах со смешанным этническим составом. При общении двух этнических групп предпочтение отдавалось азербайджанскому языку. Как и во всех случаях двуязычия носителем языка другой национальности была в основном мужская половина населения.[9]

Известно, что на возникновение и характер двуязычия влияют различные факторы, однако их действие в каждом конкретном случае неоднозначно. Преимущественное знание армянами азербайджанского языка объясняется несколькими причинами. После образования Карабахского ханства азербайджанский язык являлся языком официальных сношений в регионе. Другой причиной служили особенности взаимообщения армянского и азербайджанского населения: распространение отходничества среди армянского крестьянства, с одной стороны, и скотоводческий уклад азербайджанцев, способствующий проникновению их преимущественно в зону неинтенсивных языковых контактов, с другой стороны.

По своему характеру двуязычие в Нагорном Карабахе в прошлом было стабильным,[10] без каких-либо тенденций к вытеснению того или иного языка из употребления. Применение азербайджанского языка в армянских семьях имело место не в повседневном быту, а лишь при непосредственных контактах с азербайджанцами. В целом, являясь результатом межэтнических контактов, билингвизм в Нагорном Карабахе сам превратился, главным образом, в средство общения двух этнических общностей, приобретая функцию канала, "по которому перени-

---

[1] *Ср.:* А. Е. Тер-Саркисянц. ***Современные этнические процессы в Нагорном Карабахе,*** *с. 86-87*
[2] *КК на 1856 г., с. 434, 438, 440*
[3] *Там же, с. 438-439*
[4] *ОРВК, ч. III, с. 277*
[5] И. Давидбеков. ***Указ. соч.,*** *с. 186*
[6] Н. И. Григоров. ***Указ. соч.,*** *с. 129*
[7] *ՀՊԿԱ, Խ. Դադյանի ֆոնդ (319), ց. 1, գ. 21, թ. 20*
[8] Ս. Ջալալյանց, ***Հանապարհորդություն ի Մեծն Հայաստան,*** *Տփխիս, 1858, մասն Բ, էջ 337*
[9] А. Пранда. ***Влияние билингвизма на некоторые явления народной культуры.*** *- СЭ, 1972, N 2, с. 20-21*
[10] *О стабильным билингвизме см.:* С. А. Арутюнов. ***Билингвизм и бикультурализм.*** *– СЭ, 1978, N 2, с. 7-8.*

маются и осваиваются элементы и ценности другой культуры".[1] Несомненно, что процесс культурных взаимовлияний и заимствований имел место как в Нагорном Карабахе, так и в других армяно-азербайджанских этноконтактных зонах. Данный вопрос заслуживает специального изучения.

Заключение

Нагорный Карабах как историко-этнографическая область прежде всего отличается тем, что в течение многих веков сохранил коренное армянское население, сохранив тем самым самобытность и однородность культурно-бытового облика. Вместе с тем, находясь на периферии армянской этнической территории, Нагорный Карабах одновременно являлся одной из интенсивных этноконтактных зон Закавказья, ареной сложных политических, этноязыковых и культурных процессов.

Традиционные формы организации социальной жизни армянского сельского населения Нагорного Карабаха были отчасти заменены после присоединения края к России в 1805 г. в силу введения здесь новых административно-территориальных, политических и социально-экономических порядков в соответствии с законами царской России. Особенно ощутимы были в Нагорном Карабахе последствия крестьянской реформы 1861 г., так как край отличался преобладанием частного землевладения, преимущественно в виде подворного землепользования. Последствия реформы выражались в остром малоземелье, в высоком проценте отходничества среди армянского населения, повлекшего за собой интенсивные связи с городом и проникновение городской культуры в деревню.

Основной формой организации сельского населения в исследуемый период была сельская община. Если поземельные и административные отношения управлялись непосредственно со стороны государства, то социальная сфера организации крестьянской общины регулировалась традиционно сложившимися обычно-правовыми нормами. Как социальная организация сельская община обладала определенной структурой, элементами которой были такие неформальные малые организации, как семья, семейно-родственные, семейно-соседские и половозрастные группы. При всей подчиненности всех членов этих групп общинным интересам, в общине существовала четкая индивидуальная репутация отдельных ее членов.

В территориальном отношении сельская община, как правило, была ограничена в пределах сельского поселения и тем самым соответствовала поселенческому коллективу. Единство общины выражалось не только в характерных для нее экономических и социальных связях, но в привязанности к данной территории, к отдельным объектам поселения. Такая привязанность осознавалась крестьянами и отражалась в их духовной жизни.

Будучи автономной единицей, сельская община вовсе не была изолирована от внешнего мира. Во второй половине XIX в. все более нарушается ее внутренняя замкнутость и автономность, что, в первую очередь, выражалось в непосредственном вторжении государства во внутреннюю жизнь общины, которое санкционировало и регламентировало многие стороны общинной жизни. С усилением имущественной дифференциации, уходом крестьян из села, появлением здесь предприятий, учреждений еще более нарушается замкнутость и единство общины. Однако это единство не исчезает. Хотя в земельном отношении община часто не играет никакой роли, а в отношении управления и суда превращается в низшую административную единицу в системе судебно-полицейского управления царской России, факт проживания людей в одном поселении во многом определяет социальное, политическое и духовное единство общины (поселенческого коллектива). Многие проявления общинного единства устойчиво сохраняются и по сей день и играют заметную роль в современной жизни армянского сельского населения Нагорного Карабаха.[2]

---

[1] А. Пранда. ***Указ. соч.,*** *с. 22*

[2] *См.:* А. Е. Тер-Саркисянц. ***Современные этнические процессы в Нагорном Карабахе***

Общинное единство проявлялось не только во внутриобщинных, но и в межобщинных отношениях, принимающих в Нагорном Карабахе часто форму межэтнических контактов и моделирующих известный принцип противопоставления “мы” – “они”.

Список сокращений

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией

ЗКОИРГО – Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества

ИКИАИ – Известия Кавказского историко-археологического института

ИКОИРГО – Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества

КК – Кавказский календарь

КПРЦА – Колониальная политика русского царизма в Азербайджане

КЭС – Кавказский этнографический сборник

МИЭБГКЗК – Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края

МКАЭН – Международный конгресс антропологических и этнографических наук

МУКЛЗПИСК – Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе

МСКМО – Медицинский сборник, издаваемый Императорским Кавказским медицинским обществом

ОРВК – Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях

ПСЗ – Полный свод законов Российской империи

СМИЭБГКЗК – Свод материалов для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

СЭ – Советская этнография

ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР

ЦГИА АзербССР – Центральный государственный исторический архив Азербайджанской ССР

ЦГИА АрмССР – Центральный государственный исторический архив Армянской ССР (ныне – Национальный архив Армении)

ԱՀ – Ազգագրական հանդես

ԲԵՀ – Բանբեր Երևանի համալսարանի

ԴԱՆ – Դաշտային ազգագրական նյութեր

ԼՀԳ – Լրաբեր հասարակական գիտությունների

ՀԱԲ – Հայ ազգագրություն և բանահյուսություն

ՀԱԻ ԱԲԱ – Հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտի ազգագրության բաժնի արխիվ

ՀՊՊԿԱ – Հայաստանի պատմության պետական կենտրոնական արխիվ [ներկայում՝ Հայաստանի ազգային արխիվ - կազմողներ]

ՊԲՀ – Պատմա-բանասիրական հանդես

А. Тер-Саркисянц

АРМЯНЕ НАГОРНОГО КАРАБАХА

ТРАДИЦИОННО-БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА АРМЯН НАГОРНОГО КАРАБАХА (XIX – НАЧАЛО XX В.)

Под традиционно-бытовой культурой любого народа в этнологической науке, как правило, принято понимать тот слой культуры (в узком значении слова), который несет основную этническую (этнографическую) нагрузку, при этом в данный слой культуры не входят не только вся профессиональная культура, но и все неустойчивые (нетрадиционные) компоненты бытовой культуры (*Бромлей*, 1973. С. 74, 75).

Хотя фиксация тех или иных компонентов традиционно-бытовой культуры армян Арцах–Карабаха началась после присоединения Карабахского ханства к России, а по специальным программам – в основном со второй половины XIX в., понятно, что корни этой народной культуры уходят в далекие времена. В силу большой устойчивости бытовой сферы жизни народа на протяжении веков вполне правомерно считать, что к началу XIX в. были распространены практически те же ее образцы (за небольшими исключениями), которые описаны в целом ряде трудов ученых, педагогов, общественных деятелей, журналистов, а позднее и в трудах этнографов-арменоведов.

Прежде чем перейти к описанию традиционно-бытовой культуры карабахских армян в XIX – начале XX в., коротко охарактеризую ситуацию того периода в Карабахе, в частности, динамику его этнического состава, а также земельные и сословные отношения.

Динамика этнического состава населения Карабаха в XIX – начале XX в.

В свое время В.А. Потто писал: «Среди обломков некогда великого армянского царства Карабах, принадлежавший персиянам, один сохранил у себя, как памятники минувшего величия, те родовые уделы армянских меликов, которые занимали собою все пространство от Аракса до Куракчая, верстах в 20-ти от Ганжи, нынешнего Елисаветполя» (*Потто*, 1902. С. 1). Повествуя о деятельности карабахских ханов, он же отмечал, что при Панах-хане «в первое время мелики сохраняли еще за собою внутреннее управление, но было очевидно, что при его преемнике Ибрагим-хане самостоятельность эта должна будет рухнуть, потому что Ибрагим принадлежал к числу тех азиатских деспотов, которые не выносят вокруг себя ничьей самостоятельности, а тем более христианских меликов, которым он имел достаточное основание не верить. Окончательный разрыв между ними произошел в 1783 г., когда русская императрица приняла под свое покровительство Грузию. Тогда и все карабахские мелики, составившие между собою тайный договор, присягнули на подданство России. Ибрагим молчал, пока ему грозила близость русских штыков; но едва войска, приходившие в Тифлис, возвратились на линию, как он поторопился наложить на меликов свою тяжелую руку: одни из них были умерщвлены наемными убийцами, другие арестованы, третьи бежали в Грузию или в соседние ханства, и их имущество конфисковалось в пользу ханской казны» (*Потто*, 1902. С. 4).

Постепенно тюркские и курдские кочевники из низинной части Карабаха начинали все ближе продвигаться сначала к его предгорной, а затем и к нагорной части, где оседали в Ходжалинской долине и других местах, поднимались на высокогорное плато к армянской крепости Шуши, оттесняя карабахских армян с насиженных мест все выше в горы либо заставляя их покидать родные места и уходить в Шемаху, Шамшадин, Нуху, Казах, Лори. Миграции армян способствовали также неоднократные выступления армянских меликов против мусульманских правителей – ханов, в частности против вторжения в Карабах в 1795 и 1797 гг. многотысячной персидской армии во главе с Ага Мохаммед-ханом и последовавшие за ними голод и эпидемия чумы.

В результате к концу XVIII в. численность карабахских армян заметно сократилась. Так, в указе Павла I от 1797 г. приведена численность армянского населения Карабаха уже в 11 тыс. семей (ПСЗРИ. Т. XXIV. № 18189. С. 761). В дальнейшем, вследствие начавшейся русско-персидской войны 1804–1813 гг., во время которой боевые действия велись в основном на территории Карабаха, часть армянского населения была уничтожена либо угнана в плен, а часть вынуждена была переселиться вместе со своими меликами в Грузию, Ширван, Шаки и другие места. Переселению армянских семей из Карабаха способствовал и князь П.Д. Цицианов, заключивший от имени России в 1805 г. Курекчайский трактат с Ибрагим-ханом Шушинским. Так, по словам В.А. Потто, «… для увеличения населения Елисаветпольского округа Цицианов всеми мерами привлекал туда земледельцев–армян из Карабаха, достигая в то же время этим способом ослабления производительных сил во владениях Ибрагим-хана. Лисаневич захватил поэтому и вывел с собою 250 армянских семей, которые Цицианов приказал поселить в елисаветпольском форштадте» (*Потто*, 1902. С. 9, 10).

Опустевшие территории заселялись пришлыми тюркскими и курдскими племенами, что всячески приветствовал шушинский хан, заинтересованный в укреплении своих позиций в крае. И хотя после подписания в 1813 г. Гюлистанского договора России с Ираном армяне стали возвращаться в Карабах, число их дворов там, по камеральному описанию 1823 г., составило всего 5107 (Описание Карабахской провинции…, 1866. Без пагинации). Но в дальнейшем, к середине XIX в., армянское население здесь вновь стало расти.

О происходивших в Карабахе миграциях армян свидетельствовал и оставивший после своего путешествия в 1843 г. по Закавказью путевые заметки немецкий барон Август фон-Гакстгаузен: «Кроме собственно Армении, армяне находятся ныне в значительнейшем числе и в Карабахской провинции. С равнин они были все более оттесняемы в горы; здесь они управлялись пятью наследственными меликами, которые состояли под непосредственным владычеством персидского шаха, но могущество и превосходство татарских князей в Карабахе выгнало их оттуда в конце XVIII столетия; по покорении же Карабаха Россиею, они возвратились снова» (*Гакстгаузен*, 1857. Ч. I. С. 208).

Что касается имевшего место переселения армян из Ирана в Закавказье (после заключенного между Россией и Ираном Туркманчайского договора 1828 г.), то, напомню, что Нагорный Карабах оно затронуло в небольшой степени, так как из переселившихся сюда (в основном из находившейся на правобережье Аракса персидской провинции Карадаг, между ним и Карабахом издавна существовали социально-экономические и культурные связи) 700 семей 300 вернулись обратно, а значительная часть оставшихся семей погибла в результате эпидемии чумы (КПРЦА. 1936. Ч. 1. С. 201, 204). О том, что это переселение было незначительным, свидетельствуют и ниже приведенные в табл. 1 сведения о том, что к 1833 г. армянское население Нагорного Карабаха, по сравнению с 1823 г., не только не увеличилось, а, напротив, сократилось с 30 850 до 21 865 чел. По подсчетам С.Д. Лисицяна, переселившиеся в тот период в Карабах армяне составили «едва 10% всего населения» (*Лисицян*, 1992. С. 43).

Напомню, что после присоединения Карабаха к России он сначала вошел в Каспийскую область, затем с 1846 г. в Шемахинскую губернию, а с 1868 г. – в Елисаветпольскую губернию, центром которой стал город Гандзак (Гянджа). Именно с этого времени на территории Карабаха были образованы Шушинский, Джебраильский и Джеванширский уезды, включавшие в себя как Нагорный Карабах (основное население которого составляли армяне), так и его низинные районы, простиравшиеся далеко до Куро-Араксской низменности, основное население которых в то время составляли тюркоязычные мусульмане, особенно активно мигрировавшие в Бакинскую и Елисаветпольскую губернии в конце XIX – начале XX в. из северо-западного Ирана сначала в качестве отходников (до 30–35 тыс. в год), многие из которых обосновывались там уже на постоянное жительство (История Азербайджана. 1960. Т. 2. С. 261).

О том, как менялась численность основных этносов (армян и закавказских татар) в период нахождения Карабахской провинции (в границах Нагорно-Карабахской автономной области) в составе России за период с 1823 до 1914 гг., см. табл. 1.

Таблица 1

Этнический состав и динамика численности населения Карабахской провинции (в границах НКАО) с 1823 по 1914 гг.*

Год	Население	Армяне	%	Татары	%	Прочие	%	Всего	%
1823	Сельское	27500		700	2,5	-		28200	77,4
	г. Шуши	3350	97,5	4670	56,0	270	-	8290	22,6
	В целом	30850		5370	14,7	270		36490	100,0
			41,0				3,0		
			84,6				0,7		
1832-1833	Сельское	17600	97,0	564	3,0	-	-	18164	69,8
	г. Шуши	4265	53,9	3665	46,1	-	-	7930	30,2
	В целом	21865	84,0	4229	16,0	-	-	26094	100,0
1850	Сельское	29886	97,3	900	2,7	-	-	30786	70,7
	г. Шуши	6355	50,0	6370	50,0	5	-	12730	29,3
	В целом	36241	83,3	7270	16,7	5	-	43516	100,0
1873	Сельское	65375	95,4	3200	4,6	-	-	68575	73,6
	г. Шуши	13504	55,0	10804	44,0	244		24552	26,4
	В целом	78879	84,7	14004	15,0	244	1,0	93127	100,0
							0,3		
1886	Сельское	83919	93,2	5839	6,5	276		90034	77,1
	г. Шуши[1]	15188	56,6	11595	43,3	21	0,3	26806	22.9
	В целом	99107	84,8	17434	14,9	297		116840	100,0
							0,1		
							0,3		
1897	Сельское	91943	89,5	9631	9,4	1166		102740	79,9
	г. Шуши	14420	55,8	10778	41,7	683	1,1	25881	20,1
	В целом	106363	82,7	20409	15,9	1849	2,5	128621	100,0

[1] *Я. Зедгенидзе приводит несколько другие данные об этническом составе Шуши в 1886 г.: армян было 18 960 чел. (в том числе мужчин 10 594 и женщин 8 096), или 60,4% от всего населения в 30 945 чел.; татар – 11 940 чел. (в том числе мужчин 6 740 и женщин 5 200), или 38,6%; русских – 315 чел. (в том числе мужчин 264 и женщин 51), или 1,0% (Зедгенидзе, 1891. С. 1)*

							1,4		
1914	Сельское г. Шуши В целом	113210 22004 135214	90,6 52,3 80,9	11013 18864 29877	8,8 44,8 17,9	793 1262 2055	0,6 2,9 1,2	125016 42130 167146	74,8 25,2 100,0
Прирост за 1823-1914 гг.	Сельское г. Шуши В целом	+85710 +18654 +104354	75,7 84,7 77,2	+10313 +14194 +24507	93,7 75,5 82,2	- - -	- - -	+96816 +33840 130656	74,1 25,9 78,2

**Составлено Г.Г. Саркисяном на основе следующих источников: за 1823 г. – ЦГИА Армении. Ф. 93. Оп. 1. Д. 163 (Описание Карабахской провинции…, 1866 (без пагинации); за 1832–1833 гг. – ЦГИА Армении. Ф. 93. Оп. 1. Д 50, 51; за 1850 г. – Кавказский календарь на 1852 г, 1851. С. 430–433 и Кавказский календарь на 1856 г. 1855. С. 358, 359, 376-441; за 1873 г. – Сборник сведений о Кавказе. 1880. Т. VII. С. XXII–XXV; за 1886 г. – Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 года. Елисаветпольская губерния, 1893; за 1897 г. – ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 637, 638, 646; за 1914 г. – Кавказский календарь на 1915 г., 1914. Отдел статистический. С. 81–214 (цит. по: Марутян, Саркисян, Харатян, 1989. С. 42, 43).*

Приведенные данные свидетельствуют о том, что за рассматриваемый 90-летний период подавляющее большинство населения Карабахской провинции (в границах НКАО) составляли армяне, особенно в сельской местности (от 97,5% в 1823 г. до 90,6% в 1914 г.). В то же время в городе Шуши была значительная доля закавказских татар, хотя она не превышала долю армян, за исключением 1823 г. Это объяснялось тем, что в период существования Карабахского ханства (1752–1822 г.г.) город Шуши был резиденцией мусульманских правителей, что способствовало привлечению в него тюрко-татарского населения. Но после упразднения ханства и установления власти России армянское городское население стало расти более высокими темпами и к концу XIX в. составляло около 56%.

Среди этносов, отнесенных в группу «прочие», в 1823 г. в Шуши жили 270 курдов, а со второй половины XIX в. в Карабахе начинает постепенно увеличиваться русское население: с 244 чел. в 1873 г. до 1935 чел. в 1914 г., сначала городское, а затем и сельское. Русские проживали в основанном ими в 1847 г. казачьем поселке Ханкенды Шушинского уезда. Поселок располагался в долине, принадлежавшей жителям старинного армянского села Вараракн[1]. Этот поселок служил штаб-квартирой для отставных солдат (и их детей) Сунженского полка; там им был отведен в бессрочное пользование участок казенной земли. Ко времени исследования А.Г. Деконского в Ханкенды имелось «всего 52 дыма, из которых только 17 дымов принадлежали к разряду государственных крестьян» (*Деконский*, 1886. С. 232). Побывавший там в 1894 г. епископ Макар Бархударянц отмечал, что «войска постепенно отводились отсюда, так что остались одни только женатые русские, немногие военные и казаки. Около 60 армянских дымов из Шуши, Каркажана, Ханацаха, Баллуджи и Пахлула перебрались сюда и ныне живут в Ханкенды» (*Бархударянц*, 2009. С. 134, 135). Штаб, при котором стоял первый Полтавский конный казачий полк Кубанского войска, был расположен также в Гадруте Джебраильского уезда (*Давидбеков*, 1888. С. 180), вернее, в находившимся недалеко от Гадрута (всего в 1 км), но, на высокой горе, в селе Ванк. В том же уезде

[1] *Об основании старинного поселения Вараракн существует следующее предание. Возвращаясь с охоты со своей кавалькадой, царь Агванка Вачаган Барепашт (Благочестивый) (V в.) решает отдохнуть на берегу реки Каркар. Неожиданно уставшие и испытывавшие жажду кони начинают ржать и топтаться на месте. По приказу Вачагана растоптанный участок был разрыт и обнаружен родник, названный Вараракном («Обильный родник»). Возникшее впоследствии на данном месте поселение получило именно это название. В позднем Средневековье Вараракн вошел в состав Хаченского меликства. В конце XVIII в. здесь была основана зимовка Шушинского хана, названная Ханен бах. т.е. Ханский сад. После переименования поселение получило название Ханкенди (Ханское село) (Атлас Нагорно-Карабахской республики. 2009. С. 33)*

молоканами в 1833 г. было основано село Карабулах, состоявшее из 40 дворов. В конце XIX–начале XX в. в Джеванширском уезде образовалось еще несколько русских поселений, однако жители их, за исключением жителей села Левонарх, после 1917 г. возвратились в Россию. В целом за указанный период население Карабахской провинции увеличилось более чем в 4,5 раза, при этом армянское население увеличилось в 4,4 раза, а тюркоязычное (в основном за счет интенсивного притока его в край) – в 5,5 раза (*Марутян*, *Саркисян*, *Харатян*, 1989. С. 44; *Мкртчян*, 2010. С. 35, 36).

Как отмечалось, тюрко-татарское население проживало преимущественно в равнинной степной части края, в Мильско-Карабахской степи, а армянское – в предгорной и нагорной части, «по склонам гор и в горных ущельях», поскольку армяне в то время «избегали селиться на низменности, представляющей неблагоприятные климатические условия для оседлого населения» (*Деконский*, 1886. С. 233). На характер расселения представителей этих общностей в свое время не раз обращали внимание разные авторы. Например, Е.Науменко, составляя военно-статистическое описание Елисаветпольской губернии, писал: «Если мы проведем линию, отделяющую Армяно-Ганджинскую горную систему от Прикуринской низменности, то эта линия будет вместе с тем отделять армян от татар; татары населяют сплошь всю равнину Прикуринскую, степную площадь между Курой и Араксом и степи Джебраильского уезда. Армяне же населяют предгорную полосу шириною приблизительно верст в 30» (*Науменко*, 1903. Ч. 1. С. 280). По словам А.Г. Деконского, «уезды Шушинский и Джебраильский делятся на пять экономических полос: на летние пастбища, горную полосу, предгорье, низменную полосу и степи. Три средние полосы населены оседлыми жителями, а летние пастбища и степи служат, поочередно, убежищем для кочевников» (*Деконский*, 1886. С. 225). Такой же принцип расселения обозначен и на составленной Е. Кондратенко этнографической карте Елисаветпольской губернии (*Кондратенко*, 1896).

В целом к концу XIX в. армянское население Арцах–Карабаха, пройдя через свою многовековую непростую историю, значительно поредело. Об этом епископ Макар Бархударянц оставил следующие, полные горечи, строки: «Армянин-исследователь впадает в подлинное изумление и оторопь, видя, что некогда населенный миллионами армян Арцах, почти полностью обезлюдел. Да, полностью опустело от всего армянского и армянской веры население областей Пиан, Муган, Варданакерт, Аранрот, Три, Роцпатеан, Агуз, Тучкатак, Ути-Арандзнак, Шикашен, Кохт, Бердадзор, Арчланк, Вакунис, Цар и Ырстак, наполовину или по большей части обезлюдели области Гардман, Парисос, Кавс или Кусти, Заве, Джраберд, Хачен, Варанда и Дизак. Куда делось их армянское население? Часть его пала жертвой голода и чумы 1798–1799 годов, другая часть угнана пленниками в Персию. Кто-то перебрался в Турецкую Армению, другие – в Персию, часть в Шаки и Шемаху, кое-кто в Кахетию и Грузию, часть – в Баку, Кубу, Дербент и Россию. Едва ли один из десяти остался ныне в Арцахе, дорогой читатель. Если не веришь, то окинь взглядом перечень развалин, приведенный в конце книги» (*Бархударянц*, 2009. С. 20, 21).

По результатам проведенной в 1921 г. в Азербайджане Сельскохозяйственной переписи[1], общая численность населения Нагорного Карабаха составляла 135,5 тыс. человек, в том числе армян было 127,9 тыс. (94,4%), тюрок – 7,6 тыс. (5,6%). Согласно другим, более подробным данным этой переписи, проанализированных М. Карапетяном, население разделенного на пять районов Нагорного Карабаха (в границах созданной позднее НКАО, без г. Шуши) составляло 129243 чел., из них армян было 122426 чел. (94,73%), тюрок – 6560 чел. (5,07%), греков, русских, курдов – 267 чел. (0,20%). В Шуши проживали 9223 чел., из них тюрок было 8894 чел., армян – 289 чел., других национальностей – 40 чел. Таким образом, после учиненных в марте 1920 г. погромов и резни армянское население в городе сократилось в десятки раз по сравнению, например, с 1914 г., когда оно составляло 22004 чел. (*Карапетян*, 1991. С. 10).

[1] *Эта перепись проходила в очень тяжелых условиях. Жители ряда сел не были переписаны, так как эти села были брошены крестьянами. Сама перепись была сопряжена с опасностью, от рук разбойников погибли два ответственных руководителя переписью (Кочарян, 1925. С. 9).*

По сельским районам армянское и тюрко-татарское население в 1921 г. распределялось следующим образом (табл. 2):

Таблица 2

Распределение армянского и тюркского сельского населения по числу хозяйств и численности в районах Нагорного Карабаха по переписи 1921 г.*

Всего			В том числе			
			Армяне		Тюрки	
Район	**Общее число хозяйств**	**Число в них человек**	**Число хозяйств**	**Число в них человек**	**Число хозяйств**	**Число в них человек**
Варандинский	**6374**	**30413**	**6308**	**30104**	**66**	**145**
Дизакский	**5903**	**29926**	**5877**	**29806**	**26**	**120**
Джрабердский	**6053**	**31283**	**5710**	**29480**	**303**	**1570**
Хаченский	**7620**	**34355**	**7344**	**33036**	**271**	**1285**
Шушинский	**705**	**3266**	**-**	**-**	**705**	**3266**
Всего	**26655**	**129243**	**25239**	**122426**	**1371**	**6550**

**Составлено по: Азербайджанская сельскохозяйственная перепись 1921 г., 1924 (Карапетян, 1991. С. 20).*

Итак, после пережитых трагических событий 1918–1920 годов армян совсем не осталось в селах Шушинского района, где стали проживать только тюрки. В остальных районах Нагорного Карабаха армяне продолжали составлять подавляющее большинство (Азербайджанская сельскохозяйственная перепись 1921 г. 1924. Т. III. Вып. XVII. С. IV).

Земельные и сословные отношения в Карабахе в XIX в.

Если во второй половине XVIII в., при существующей в то время реальной власти армянских *меликов*, номинально правящие в Карабахе ханы не имели права распоряжаться землей, то после присоединения Карабахского ханства к России стали меняться существовавшие там прежде земельные и сословные отношения. Когда в 1805 г. Ибрагим-хан Шушинский по Курекчайскому трактату перешел под покровительство России, он получил права наследственного владетеля. Его сын Мехтикули-хан, пользуясь предоставленными ему наследственными правами, стал, как упоминалось выше, щедро раздавать жалованные грамоты на земельные владения своим приближенным, возводимым иногда даже из низшего сословия в бекское достоинство, положив тем самым начало распространению в Карабахе частного землевладения. Об этом в источниках имеется немало сведений. Так, К.О. Зубарев в «Записке о Карабахской провинции», представленной им графу И.Ф. Паскевичу в рапорте от 20 апреля 1830 г., писал об этих действиях Мехтикули-хана: «Сей, предаваясь азиатской неге и роскоши, пренебрегал делами своего владения, предоставив некоторые селения в управление разным любимцам, дав им титул беков. Беки сии, управляя селениями на правах грабежа и насилия, обязаны были давать хану хлебную и денежную подати для собственного его содержания и для платежа дани России, составлявшей в год 8 тысяч червонцев. Впрочем, хан, как из всех его грамот видно, давал селения не в потомственное владение, а только одному лицу вместо жалованья, и то до тех пор, пока получивший селение находился на службе, но и в этом случае давались не люди, а только доходы с земли, обрабатываемой ими. При описании селений беки, пользуясь незнанием русского Правительства и примером князя

Мадатова, показывали селения, никогда им не принадлежавшие, своею собственностью, а чиновники, описывавшие Карабаг, не рассмотрев доказательств их, записывали со слов их те селения за ними, и это неосновательное описание до сего времени служит бекам доказательством прав их на недвижимые имения. После сего описания военно-окружные начальники Карабага и коменданты, почитая себя полновластными властелинами, раздавали селения, оставшиеся за казною, своим любимцам, не только бекам, но даже переводчикам, есаулам, купцам и другим простолюдинам, находившим средства приобретать их благосклонность. Раздача деревень казенных производится и поныне без ведома главного начальства, и зло сие так усилилось, что ныне в Карабаге находится весьма незначительное число казенных селений» (АКАК. 1878. Т. 7. Док. 411. С. 460).

Тогда же полковник Миклашевский в рапорте И.Ф. Паскевичу от 22 апреля 1830 г. писал: «Известно, что правление Мехти-кули-хана Карабагского было самое расточительное, и что он, как человек слабый, бесхарактерный, был всегда управляем безусловно своими приближенными. Получив богатое наследство от отца своего, Ибрагим-хана, богатое потому, что почти все земли и все имения были в руках отца его, он лучшие свои поместья, откупные статьи и прочие источники доходов, расточил в руки Рустем-бека, Гаджи-агалар-бека, князя Мадатова и других, так, что ныне казна владеет в Карабаге тем, чем владел хан в последний год своего правления, т.е. совершенно ничтожною частью Карабага» (АКАК. 1878. Т. 7. Док. 412. С. 463).

По словам А.Г. Деконского, Мехтикули-хан за различные услуги жаловал беков «имениями населенными и ненаселенными. В первом случае беки заменяли собою хана и сами творили над людьми суд и расправу, облагая их платежами в свою пользу, по своему усмотрению; во втором случае они пользовались землею для выпаса своего скота или табунов лошадей, или же отдавали эти имения в пользование крестьянам из известной части дохода, обыкновенно из 1/10 части урожая. В обоих случаях земли считались бекскими». Когда в 1822 г. Мехтикули-хан бежал в Иран, а вместе с ним и многие подвластные ему беки, Карабах был объявлен русской провинцией, а земля – собственностью царской казны. Однако по возвращении их «им была дарована амнистия и, “согласно Высочайшим рескриптам, от 13-го июля 1830 г. и от 6-го декабря 1846 г.”[1], за ними были утверждены права на те имения, “коими роды их обладали во время присоединения мусульманских провинций” и которые теперь “находятся в бесспорном их владении”. Таким образом, указанными рескриптами была признана в Карабахе частная собственность. И бекам открывалась возможность доказывать свои права на владения имениями… После обнародования Высочайшего рескрипта 1846-го года проявилось в полной силе стремление частных лиц (беков, агаларов и меликов) к завладениям различных казенных земель и угодий. Прибегали даже к подложным ханским грамотам, подкупали свидетелей относительно давностного бесспорного владения». В результате, пишет А.Г. Деконский, «две трети селений Шушинского и Джебраильского уездов принадлежит в настоящее время частным владельцам» (*Деконский*, 1886. С. 226).

В итоге ко времени учреждения Карабахской провинции тюрко-татарские землевладельцы стали в ней преобладать, но их земли по-прежнему находились преимущественно в низменной части Карабаха, где в основном проживало тюрко-татарское население, а в Нагорном Карабахе в их поместьях жили главным образом армяне (*Лисицян*, 1992. С. 44).

Другой формой землевладения было государственное, или казенное. Им стали в основном земли бывшего карабахского хана, земли, конфискованные русским правительством в судебном порядке у некоторых землевладельцев, покинувших Карабах и бежавших в Иран, и земли тех, кто враждебно относился к русским властям (*Мкртчян*, 2010. С. 46).

В сословном отношении население Нагорного Карабаха к середине XIX в. делилось на привилегированное и непривилегированное. К первому принадлежали представители местно-

[1] *Рескриптом от 1846 г. царская администрация официально узаконила земельные права армянских меликов и беков как собственников и частновладельцев, по отношению к которым крестьяне должны были нести определенные повинности и платить налоги.*

го землевладельческого дворянства: члены бывшей ханской семьи, беки, армянские мелики, представители христианского и мусульманского духовенства, купцы. Среди меликов и беков были как наследственно-родовые представители этого дворянского сословия, звание которым было в свое время пожаловано еще персидскими шахами особыми фирманами, так и ханские мелики и беки, которые были возведены в это достоинство позднее ханскими жалованными грамотами. К меликам и бекам в крестьянском обществе XIX в. часто относили и сельских старшин (их называли персидскими терминами *кехва, кедхуда*), которые, в отличие от потомственных меликов, принадлежали по своему общественному положению к земледельческому классу и наравне с крестьянами занимались земледелием (*Акопян*, 1988. С. 41).

Говоря о дальнейших судьбах армянского дворянства, С.Д. Лисицян отмечал, что за время нахождения Карабаха в составе России сословные отношения в нем существенно изменились, поскольку в новых политико-экономических условиях прежние «сословные группировки персидско-армянской общественности оказались совершенно непригодными и стали быстро разлагаться, уступая место новым формам. Прежде всего этот процесс коснулся привилегированного сословия местного землевладельческого дворянства, прямых потомков меликов, которых император Павел называл “державными владетелями” Карабаха. С введением русских учреждений мелики, как и ханы, лишились своих публично-правовых преимуществ, перешедших к представителям нового чиновничества и военной власти. Мелики, как и ханы, были низведены на положение простых помещиков, причем за ними были укреплены в качестве частной собственности обширные земельные пространства, а крестьянское население было поставлено в еще большую, чем до того, экономическую от них зависимость. Но царская власть ловко использовала унаследованную дворянским сословием тягу к военно-административной деятельности и, поддерживая его тщеславие, втягивала одно поколение за другим в ряды своих войск, но значительно в меньшей степени привлекала на административную работу. Двери дворянских военных училищ и кадетского корпуса были широко открыты перед детьми меликских семейств. Они попадали туда с самых юных лет, затем дослуживались до высших чинов в армии, оставаясь по преимуществу во внекавказских войсках, куда их предпочтительно направляла царская политика. Старшее поколение, обеспечив себя пенсиями и другими доходами, возвращалось еще в свои поместья и проводило там остаток своих дней... Вся система родственных связей, построенная на прочных нормах обычного права и достаточно гарантировавшая в дорусские времена внутреннюю родовую спайку, быстро расшатывалась. Авторитет мелика падал в глазах младших членов рода (*беков*), тем более, что первенство определялось в новых условиях не происхождением, а фактически лично приобретенным служебным положением… Дробление дворянских земель – результат российского закона о наследовании собственности, еще в большей мере приводило к нарушению внутриродовых юридических норм. Многие мелкоземельные дворяне как из меликских домов, так и из былых подручников, уже не могли оставаться в деревне и покидали ее, так как с установлением гражданского мира размножение меликских родов не умерялось систематическими потерями эпохи феодальных кровавых междоусобий. Участки до того мельчали, что часть дворян должна была искать иного вида заработка и видела свое спасение в лучшем усвоении русского языка и русского образования, так как тогда открывался доступ к службе в администрации, суде, в войске» (*Лисицян*, 1992. С. 45-47).

В 1886 г. в Шушинском и Джебраильском уездах из числа представителей бекского сословия было 5023 чел., из числа представителей армянских меликов – 1741 чел.; к 1902 г. общее число этих представителей увеличилось здесь до 9521 чел. В 1886 г. в трех уездах – Шушинском, Джебраильском и Джеванширском – христианское и мусульманское духовенство составляло 2381 чел., в 1902 г. – около 3000 чел. (*Науменко*, 1903. С. 330).

К непривилегированному сословию относились крестьяне. Хотя все они назывались государственными, их различали в зависимости от того, на чьей земле они жили: государственные, или казенные и частновладельческие, или бекские. При этом характерной особенностью Нагорного Карабаха было то, что, в отличие от остальной части Восточной

Армении, где преобладали государственные крестьяне, здесь наибольшую долю составляли частновладельческие крестьяне. Крестьяне, жившие на государственной земле, считались не собственниками, а землепользователями. Крестьяне, жившие на частновладельческой земле, находились в личной зависимости от ее владельца, хотя и не принадлежали ему на правах собственности, как принадлежали, например, крестьяне своему помещику в России. В этом случае личная зависимость карабахского крестьянина за пользование им земельным наделом заключалась в отбывании повинностей, в частности отработочной ренты, работы в качестве слуг и т.п. Небольшое число армянских крестьян (около 100 семейств) проживало также на монастырских землях, принадлежавших Карабахской епархии Армянской церкви. Но эти земли большей частью представляли собой лесные или пастбищные участки и практически не были пригодны для земледелия, поэтому были заброшены либо захватывались частными землевладельцами (*Мкртчян*, 2010. С. 46–48).

Крестьянская реформа, осуществленная согласно указу от 14 мая 1870 г. в Закавказье, в Нагорном Карабахе касалась только составлявших наибольшую долю там частновладельческих крестьян, перешедших в категорию «временнообязанных». В отношении этих крестьян реформа отменила их личную зависимость от своих землевладельцев и закрепила за ними находившиеся у них земельные наделы в постоянное пользование, дав при этом им право выкупа этих наделов с согласия частных владельцев. Но, в отличие от проведенной 19 февраля 1861 г. реформы в России, в Восточной Армении государство не предоставило местным крестьянам нужной финансовой помощи в виде ссуды для этих выкупов. Поэтому в течение нескольких десятилетий подобные выкупы земельных наделов практически не велись, и карабахские крестьяне по-прежнему продолжали отбывать повинности за пользование землей, которая, как и прежде, признавалась наследственной собственностью «высшего сословия». Положение изменилось лишь позднее, когда 20 декабря 1912 г. царская администрация приняла решение об освобождении временнообязанных крестьян Тифлисской, Кутаисской, Ереванской, Елисаветпольской и Бакинской губерний от каких-либо обязанностей перед частновладельцами и о выкупе ими с помощью государства земельных наделов в обязательном порядке (ПСЗРИ. Т. 32. Отд. III. 1912 г. (38539); *Акопян*, 1988. С. 42, 43; *Мкртчян*, 2010. С. 49, 50).

В то же время крестьянская реформа 1870 г. повлияла на значительное сокращение доходов карабахского дворянского сословия, что способствовало тому, что дворяне, передавая свои земельные участки в аренду на условиях обычного права крестьянам, все чаще начинали оставлять свои сельские поселения и устремляться в города, где стали заполнять собой ряды офицерства, чиновничества, овладевать профессиями врачей, адвокатов, инженеров, агрономов, а к концу XIX в. стали вовлекаться и в торгово-промышленную жизнь развивающихся городов, прежде всего Баку и Тбилиси, превращаясь в представителей нарождающегося буржуазного сословия. Остававшиеся в Нагорном Карабахе потомки меликских и других армянских родов, в условиях продолжающегося дробления земельных наделов, нередко сливались с зажиточным крестьянским сословием, порой ничем от него не отличаясь (*Лисицян*, 1992. С. 47). Недаром Мариэтта Шагинян писала: «Нагорный Карабах – феодальная область, дворянский кусочек Армении. Здесь сохранились старинные княжеские роды, меликства, поставлявшие для русской государственной службы полковников и генералов. Но эти мелики не похожи на мечтательных и гордых грузинских князей. Возвратился седоусый чин к себе в Карабах, снял николаевскую шинель, сам идет на гумно, на молотилку, а спит в таком же исконном карабахском “карадаме” (черной избе) без окон, с отверстием для дымохода, как и его крестьяне, разве только построит и побелит его чище, по-генеральски. Такие княжески-крестьянские палаты хорошо сохранились в селении Чанахчи, у рода князей Шах-Назаровых» (*Шагинян*, 1927. С. 5, 6).

Происходивший в этот период процесс перехода из сел в города коснулся и довольно сильного в Нагорном Карабахе армянского духовенства, имевшего здесь издавна свой Католикосат. Всецело поддерживая местные социально-политические интересы карабахских

армян, представители духовенства, наряду с меликами неоднократно принимали участие в организации сопротивления мусульманским завоевателям, первыми (как католикос Есаи hАсан Джалалян) поддержали идею присоединения к России, вместе с меликами вели активную переписку с русскими царями, которых просили как об оказании им военной помощи, так и о возможном протекторате со стороны России над Карабахом.

Существовавшие в Карабахе средневековые монастыри владели обширными населенными территориями, в которых они в своих отношениях к крестьянам руководствовались теми же нормами обычного права, что и меликские землевладения. Подобная общность экономических интересов привела к полному сближению сначала влиятельного черного духовенства, а затем и белого с дворянским сословием. Однако после того, как русские власти закрепили за монастырями их земельную собственность, помещики и общества государственных крестьян стали прилагать всевозможные усилия к расширению своих земель за счет монастырских, в результате земельные владения духовенства, а значит и их доходы значительно сократились. Кроме того, с ростом уровня образования и соответственно культурных запросов населения сокращалось и число желающих присоединяться к монастырской братии, поэтому к концу XIX в. в ряде монастырей Нагорного Карабаха, кроме настоятеля, уже не было ни одного инока. Несколько медленнее сокращалось и число белого духовенства. Если раньше их дети, как правило, продолжали священническую службу, то после окончания учебных заведений, в том числе основанной в 1838 г. Шушинской духовной семинарии, они редко возвращались в свое сословие, предпочитая уйти на заработки в города, чтобы поступить на службу в какое-либо правительственное учреждение, стать военным либо заняться торговлей и т.п. (*Лисицян*, 1992. С. 48–52).

В 1914 г. Карабахская епархия Армянской церкви все еще имела 222 действующие церкви, 188 священнослужителей, 206 768 прихожан, 224 армянских сел (Арарат. 1914. С. 637; цит. по: Нагорный Карабах, 1988. С. 19). Спустя три года, к 1917 г., число церквей в Карабахе сократилось до 116, в 1928 г. – до 27 (*Петрушевский*, 1930. С. 3), а к началу 1930-х годов все церкви были закрыты и в 1932 г. была ликвидирована сама епархия.

Что касалось государственных крестьян, в отношении которых реформа не распространялась, то среди них в основном еще сохранялась общинная форма землепользования. Так, по свидетельству А.Г. Деконского, во всех селах Шушинского и Джебраильского уездов существовала общинная форма владения землей, при этом если в горных селах происходили периодические переделы земель, то «на низменности крестьяне переделяют землю или через весьма долгие промежутки времени, или же совсем не переделяют ее». Но и в горных селах, где в основном жили армяне, переделу не были подвержены усадебные земли, сады и огороды, а также некоторые «пахотные участки, на расчистку которых из-под леса было положено немало труда». В отношении других пахотных земель наблюдались «двоякого рода переделы: коренные, когда перераспределяется вся земля, и частные, когда вследствие изменения состава дымов, крестьяне прирезают недостающие дыму полосы земли, или же отрезают от них лишнюю землю» (*Деконский*, 1886. С. 258, 260, 262). В случае перераспределения всей земли, то, например, в Шушинском (как и в соседнем Зангезурском) уезде при таком распределении земли основной единицей служил (причем, независимо от его возраста, поскольку ему могло быть даже 12 лет) только женатый мужчина, считавшийся «целой головой» (*клёх*, т.е. «голова» либо *баш* от перс. «голова») и поэтому получавший полный земельный надел, за который отбывал подати и повинности; неженатый мужчина в возрасте более 16 лет и способный к работе, умеющий управлять сохою или плугом, признавался за «половину головы» (*кес клёх*); мальчики в возрасте от 12 до 16 лет, которые могли быть погонщиками во время пахоты, считались «четвертью головы». Остальные дети до 12 лет, а также не способные к работе старики мужского пола и женщины не принимались в расчет при разверстке надельных участков. Исключение составляли лишь вдовы с малолетними детьми, которые, по усмотрению общества, наделялись землей наравне с мужчинами. Сам земельный раздел происходил следующим образом. Сначала выявлялись размер общего земельного

фонда общины и число «голов» (*клёхов*), входящих в данную общину. После этого общий земельный фонд делился на число «голов», в результате чего определялась площадь пахотной земли и сенокоса, приходившихся на один «*клёх*». Затем подлежащие распределению земли сельские жители делились на «десятки» (*таснак*) таким образом, чтобы в каждый десяток входило равное число «голов». Далее весь земельный фонд по жребию распределялся между *таснаками,* после чего выбранный в каждом *таснаке* «десятник» (перс. *дагбаши*) производил внутреннее распределение земли между членами *таснака* (*Деконский*, 1886. С. 262; *Лисицян*, 1955. С. 244; *Акопян*, 1988. С. 56, 57).

Если в середине XIX в. в Карабахе еще существовали различные формы земельных переделов, то позднее, в 80-х годах XIX в., была введена подушная система переделов земли, при которой каждая семья получала долю, соответствующую числу входивших в нее душ обоего пола (*Егиазаров*, 1889. С. 68). Однако такая форма не всегда соблюдалась. Так, по сообщению А.Е. Хан-Агова, из всех сел Джеванширского уезда только в двух из них было установлено правильное подушное распределение земли, а в остальных селах «с отдаленных времен и по настоящее время, земля не подвергалась переделу, а переходила как наследственная собственность из рода в род. В редких случаях при действительной нужде и бедности кого-либо из своих членов, крестьяне целым обществом решают урезать участок земли у многоземельного для передачи нуждающемуся» (*Хан-Агов*, 1887. С. 365).

Таким образом, во второй половине XIX в. во всех трех уездах Нагорного Карабаха, где большинство сел были частновладельческими, общинное землепользование, хотя в определенной мере и сохранялось среди государственных крестьян, имело тенденцию к сокращению. В целом это приводило к развитию здесь арендных отношений, превращению земли в предмет купли-продажи и в итоге способствовало, с одной стороны, процессу имущественного расслоения крестьян и даже к обезземеливанию многих из них, а с другой стороны, давало возможность землевладельцам расширять свои помещичьи владения за счет приобретения крестьянских наделов. В результате в трех уездах Нагорного Карабаха обеспеченность землей частновладельческих крестьян была в среднем не более, чем 0,6 десятины (1 десятина = 1,09 га) на человека и по этому показателю была едва ли не самой низкой в Закавказье. Хотя жившие на государственной земле казенные крестьяне были несколько более обеспечены землей, но этот показатель варьировал по разным районам и охватывал не всех крестьян. Кроме того, из-за отсутствия четкого межевания отдельные участки государственной земли могли захватываться разными владельцами, что приводило к еще большему обезземеливанию казенных крестьян (*Мкртчян*, 2010. С. 50–53). Таковы были в Нагорном Карабахе в XIX в. земельные отношения между разными сословными группами населения.

Хозяйственные занятия

Традиционный образ жизни, веками сохранявшийся карабахскими армянами, сложился на основе комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, в условиях вертикальной зональности и умеренно континентального климата. Наибольший удельный вес в Нагорном Карабахе составляло земледелие, а скотоводство, хотя и играло немаловажную роль, являлось «подчиненной отраслью хозяйства» (*Хан-Агов*, 1887. С. 389). Именно развитым земледелием был обусловлен здесь характер скотоводства, в котором преобладало разведение тяглового скота (волы, быки, буйволы) по сравнению с мясо-молочно-шерстным скотом (коровы, овцы, козы).

В пахотном земледелии главную роль играло полеводство с широким разнообразием таких зерновых культур, как пшеница, ячмень, просо, рожь, лен, хлопок, рис (чалтык), кунжут. Хотя в разных местах соотношение возделываемых культур было неодинаковым, повсюду преобладала пшеница – яровая и озимая. Например, в Джеванширском уезде пшеница занимала до 70% всех посевов, ячмень – около 25%, остальные 5% отводились под просо, лен, хлопок, рис (*Хан-Агов*, 1887. С. 389). В том же уезде, но в расположенном на низменности селе Саров «хлебопашество имеет здесь широкое распространение, и на него саровец

смотрит, как на источник своего пропитания. Все полевые работы отправляются буйволами и быками. Из злаков разводят здесь пшеницу, ячмень, овес, просо и рис; последний достигает роста человека. Земля здесь очень плодородна, она дает богатый урожай, но у жителей ощущается недостаток земли, вследствие чего они арендуют еще землю у посторонних помещиков, часто верст за 30 от Сарова. Своими неутомимыми трудами в занятиях хлебопашеством саровцы удивляют соседей-татар, которым лень пользоваться, как следует, наделенной землей» (*Григоров*, 1888. С. 127).

Получаемые от земледелия урожаи засеваемых культур зависели от двух главных факторов: от количества и качества обрабатываемой земли и от степени ее орошения. При этом в нагорной и частично предгорной зоне, где из-за частых осадков не ощущалось особой необходимости в искусственном орошении, размеры посевов находились в прямой зависимости от размеров удобной для пахоты земли (которой в горах было мало), от обеспеченности пашен от потрав скотом кочевников, направлявшихся летом из степной полосы на высокогорные пастбища, а также от числа рабочих рук крестьян. В горах сеяли большей частью яровую пшеницу, которая была урожайнее и ценилась дороже озимой. Сев производили в зависимости от природно-климатических условий. Например, в Джеванширском уезде яровую пшеницу засевали весной в средних числах мая, озимую – осенью в начале октября. В горах хлеба созревали во второй половине августа и свозились на гумна в середине сентября (*Хан-Агов*, 1887. С. 389, 390). В то же время в селе Касапет (Кусапат) того же уезда сеяли больше озимую пшеницу, чем яровую. Там, после того как предназначенный к посеву участок земли весной пропахивали плугом, его оставляли незасеянным до осени; затем осенью засевали, перепахивали землю сохой и сразу же поливали; до жатвы поле полагалось полить дважды, но из-за недостатка воды его поливали нередко всего один раз, а то и ни разу (*Израелов*, 1892. С. 57). В селе Даш-Алты (Карин так) Шушинского уезда сев производился раньше, там уже с конца марта, иногда с середины апреля сеяли яровую пшеницу, ячмень, просо и рожь, а осенью, с 15–20 августа, засевали только озимую пшеницу и ячмень. При этом там сеяли обычно пшеницу невысокого сорта – *гюргани*, поскольку хороший сорт – *зарда* не давал должного урожая. По сообщению Г. Осипова, лет за десять до его исследования, один человек привез в это село из Ирана несколько горстей того же сорта пшеницы *гюргани,* но не белого, а красного цвета – *кармраhаск.* Оказалось, что этот сорт, в отличие от белого, стал давать прекрасный урожай, кроме того, легко переносил засуху (*Осипов*, 1898. С. 110). В селе Касапет крестьяне предпочитали сеять пшеницу сорта *зарда*, которая по цвету зерна была четырех видов – *кармир зарда* (красная), *сиптак зарда* (белая), *сев зарда* (черная) и *тегн зарда* (желтая), при этом наиболее засухоустойчивым и поэтому более дорогим был белый сорт *зарда* (*Израелов*, 1892. С. 57).

В основной части предгорной и спускающейся к низменности полосе, особенно в долинах и котловинах, где удобных участков обрабатываемой земли было больше, главным условием для получения урожаев было искусственное орошение, требовавшее немало времени на проведение специальных оросительных канавок, проходящих по пашням.

Карабахские армяне вели земледельческое хозяйство в соответствии с залежной системой, при которой земля предварительно делилась на несколько участков, из которых пока одни обрабатывались в течение нескольких лет, другие находились под паром и предназначались в качестве выгонов для скота, при этом участки с лучшими травами оставлялись для сенокосов. Когда по мере истощения почвы урожаи с земельных участков снижались, их оставляли под паром, распахивали же другие участки. По традиции залежные участки крестьяне оставляли под паром от 6 до 12 лет, но в связи с увеличением численности населения во второй половине XIX в. эти сроки стали постепенно сокращаться до 3-4 лет. В сокращении этих сроков играло роль и то обстоятельство, что новые пахотные угодья, расширяющиеся за счет лесных расчисток, либо находившиеся вблизи леса, быстро зарастали кустарниками и колючкой, что требовало больших усилий при новой обработке земли под посевы. При этом если в горных селах пахотные участки стали оставлять под паром большей частью до 3 лет, то

на низменных участках, где было мало воды, земля отдыхала 2 года, а где была налажена оросительная система, там земля обрабатывалась ежегодно, а иногда даже дважды в год (*Деконский*, 1886. С. 298–300).

В тяжелый период (с 1918–1920-е годы) конфликта с властями Азербайджана карабахские армяне, лишенные возможности распространенного среди них ранее отходничества в города, прежде всего на нефтяные промыслы в Баку или Грозный, где они получали дополнительные заработки, а также не имея возможности вследствие острого малоземелья прокормиться на своей земле, стали еще интенсивнее расширять площади посевов за счет вырубки растущих здесь в изобилии лесов. В результате сокращения, особенно на юге, лесных массивов, которые способны были удерживать в почве влагу, во многих местах произошло нежелательное обмеление рек и усыхание родников.

Командированный «Обществом обследования и изучения Азербайджана» летом 1924 г. в Нагорный Карабах Г.А. Кочарян в своем отчете писал, что «нигде земледелие так скудно не вознаграждается, как в Нагорном Карабахе, и это несмотря на колоссальный труд, который крестьяне вкладывают в обработку земли». Причина тому – острое малоземелье, поскольку «из-за гористой поверхности имеется мало удобной земли для возделывания. Пашни здесь лепятся на скатах гор, сползают на холмы, прячутся между каменистыми грядами, куда слегка нанесло земли». При этом эта Область «являлась в республике самой густонаселенной. Если по переписи 1921 г. на одну кв. версту [1,14 кв. км – А. Т.-С.] приходилось число душ обоего пола в Нагорном Карабахе – 36,1, то, например, в Ганджинском уезде – 19,1, Шамхорском – 19,0, Бакинском – 17,2 и т.д.». Кроме того, урожай здесь бывает под угрозой различных неблагоприятных атмосферных явлений, в частности частого градобития, обильных дождей либо засухи. При этом «недостаток воды – второе зло после малоземелья». Поэтому «обработка земли в Нагорном Карабахе требует гораздо большего труда, чем в других местах в Азербайджане» (*Кочарян*, 1925. С. 6, 7, 13, 16, 18).

Среди карабахских армян издревле были распространены те же типы и названия земледельческих сельскохозяйственных орудий, которые были характерны в целом для армян (подробно см.: *Бдоян*, 1972). Многие века землю здесь вспахивали пришедшей на смену примитивной мотыге деревянной сохой (*hapop, вецки,* мест. *кыр*) с железным лемехом, в которую впрягали одну-три пары волов, быков или буйволов. В долинах и реже в нагорной зоне землю пахали также тяжелым деревянным колесным плугом (*гутан*) с резалом и широким лемехом, в который впрягали, в зависимости от его величины и условий местности, от 6 до 11 пар тяглового скота. Соху использовали для разрыхления поднятого слоя, а также на склонах гор, где пройти с плугом было сложно. Сохою проводились также оросительные канавки; в этих случаях к сохе вместо лемеха привязывали или пучок сучьев, или небольшой брусок с отворотами наподобие крыльев, при помощи которых раздвигалась земля. Для проведения каждой канавки сохой проходили дважды по одному и тому же направлению (*Хан-Агов*, 1887. С. 366). В селе Даш-Алты, например, где земля была не очень хорошего качества и поэтому необходимо было удобрять ее навозом, некоторые участки невозможно было распахивать даже сохой, тогда землю вскапывали заступом. Г.А. Кочаряну приходилось видеть в Джраберде (близ села Ванк) пашни, которые также обрабатывались заступом, без помощи рабочего скота, поскольку животные из-за сильной крутизны не могли удержаться на такой пашне (*Кочарян*, 1925. С. 46, примеч. 9). Но в основном в Нагорном Карабахе пользовались либо плугом, либо старинной сохой, в которую запрягали 4–6 быков. Плуг не могли употреблять в случае слишком гористого ландшафта, например, в том же селе Даш-Алты его почти не использовали, поскольку пахотные участки находились на горных склонах, к тому же земля там была каменистая, с массой корней, поскольку раньше там находились густые леса. Один и тот же участок земли здесь вспахивали через год, отчего земля сильно истощалась. В этом селе многие из крестьян, которые не занимались хлебопашеством, сдавали свои участки в аренду с условием получать от одной трети до половины собранного

урожая (*Осипов*, 1898. С. 109, 110). Соху, в которую впрягали по паре буйволов и волов или три пары волов, использовали при пахоте и в Гадруте (*Давидбеков*, 1888. С. 173).

Поскольку плугом как дорогим орудием владели далеко не все и не каждому его владельцу было под силу выставлять полную тягу, несколько крестьянских хозяйств, как правило, братьев или дальних родственников, иногда соседей, по установившемуся издавна в народе порядку, объединялись вокруг одного из владельцев плуга в товарищества-супряги (*hарках, hракаш*) на определенных правовых началах. Например, по приведенным А.Е. Хан-Аговым сведениям по Джеванширскому уезду, для начала работ одним плугом было необходимо в среднем 8 пар быков, которые стоили в то время приблизительно 320 руб., сам плуг стоил 35 руб., итого 355 руб. Условия, на которых члены товарищества вспахивали землю, были следующие: если, к примеру, шестью хозяевами выставлялось 8 пар рабочего скота (при этом у одного из них было 3 пары, а у остальных по паре), то хозяин плуга, вступая в это товарищество, признавался выставившим две пары скота. Наемных рабочих рук при этом не требовалось, поскольку для каждого из членов товарищества работали сообща все остальные (если кто-либо не хотел лично принимать участие в работе, он должен был вместо себя послать кого-то). Число рабочих дней было прямо пропорционально числу голов рабочего скота. Так, для каждого из пяти членов товарищества плуг должен был работать по одному дню, для владельца плуга – два дня, для выставившего 3 пары скота – три дня. Таким образом, работа велась в течение 10 дней, т.е. столько, сколько членами товарищества было выставлено пар рабочего скота, считая и плуг. К этому числу рабочих дней прибавлялся еще один день работы, предназначенный для ночного сторожа, который караулил скот. Следовательно, если за норму принималась единица, то работа для всех членов товарищества должна была быть закончена за 11 дней, если же за норму принимались две единицы, то работа продолжалась 22 дня. Полагалось, чтобы в период рабочего времени каждый член товарищества в тот день, когда все работали на него, должен был снабдить всех пищей и водой, при этом выставивший три пары скота был обязан обеспечить всех едой в течение трех дней, хозяин плуга – в течение двух дней, а сторож – одного дня. Обычно одну десятину земли можно было вспахать плугом за три дня, а сохою – за 5–6 дней (*Хан-Агов*, 1887. С. 389, 390).

Для боронования применялась борона (*тапан, цакан*), состоящая из длинной ветви дерева, расщепленной на конце в виде широкой метлы, в промежутки которой вплетались дубовые ветви, между которыми укреплялись зубья, разравнивающие вспаханную землю; одновременно ими рыхлили землю и закапывали зерна. Для уборки урожая использовали широкие и узкие серпы (*мангах*), причем одни из них употребляли для жатвы злаков, другие – трав. До жатвы крестьяне косили траву. Жатва проходила обычно во второй половине июня. Поскольку в Нагорном Карабахе к концу лета обычно шли дожди, были часты туманы, во время которых невозможно было молотить зерно, крестьяне старались управиться с этими работами как можно скорее.

В целом такие трудоемкие земледельческие работы, как пахота, сев, жатва, были обязанностью исключительно мужчин. У женщин были другие обязанности. Например, когда с наступлением весны из-за сильных дождей на нивах вырастали сорняки, крестьянки «целыми толпами идут очищать нивы от сорных трав; эта работа самая трудная, тяжелая и продолжительная, ибо они с утра до вечера, с ножами в руках, должны вырывать сорную траву обязательно на всех нивах: иначе никакого урожая они не получат» (*Осипов*, 1898. С. 111). Но в основном женщины включались в работу, когда собранные снопы, перевезенные на лошадях, мулах и ослах, доставлялись на гумно (*кал*). Здесь крестьянки должны были предварительно хорошенько очистить гумно от сорных трав, полить его водой, а сверху засыпать саманом, чтобы гумно не высохло от палящих лучей солнца. Затем они начинали молотить колосья при помощи *кам* – деревянной доски с вбитыми в нее острыми камнями, которую волочили по разостланным на гумне снопам двигавшиеся по кругу быки, буйволы, реже – лошади. При этом зерно отделялось от размельченных колосьев, которые превращались в саман (*дарман*) – корм для скота. Собранный посреди гумна саман с зерном жен-

щины веяли, подбрасывая широкими лопатами или деревянными вилами с 5-6 зубьями; саман относило ветром в сторону, а зерно оседало тут же, после чего его просеивали через несколько сит. Готовые зерна ссыпали в большие, вмещающие до 7 пудов зерен пшеницы, сотканные из шерсти большие мешки (*чувалы*), а саман – в саманник. К вечеру приходили жнецы, которых уставшие за целый день от тяжелой работы женщины должны были накормить ужином, после чего те навьючивали готовое зерно на ослов или катеров (помесь осла и кобылы) и шли домой. Эта работа продолжалась в течение полутора месяцев (*Осипов*, 1898. С. 111, 112).

После обмолота основные запасы зерна хранили в больших, глубиной до 2,5 м, ямах с тщательно обмазанными известковым раствором стенками и с узким отверстием, закрывавшимся каменной плитой. Зерно, подлежащее расходованию в первую очередь, держали в доме или в кладовой (*маран*) в *чувалах*. Зерно и муку хранили (и до сих пор хранят) также в большом, украшенном резьбой, деревянном ящике-шкафу на низких ножках с двумя отделениями – для зерна и для муки, причем каждое отделение имело внизу отверстие с поднимающимся заслоном. Зерно и муку насыпали туда сверху.

Зерно размалывали при помощи либо ручных зернотерок (*ерканк,* мест. *арканк*), либо с помощью водяных мельниц с жерновами. *Ерканк*, широко употребляемая в армянских селах, причем не только Карабаха, и до сих пор, состоит из двух базальтовых камней, обычно округлой формы. Посередине верхнего жернова имеется большое круглое отверстие, через которое насыпают зерно. К этому жернову приделана деревянная ручка, с помощью которой он вращается, а попавшее между двумя камнями-жерновами зерно постепенно превращалось в муку – *алюр.* Крестьяне, имевшие в своем хозяйстве дорогостоящую (в конце XIX в. она стоила от 300 до 500 руб.) мельницу, считались зажиточными и вполне обеспечивали себя, поскольку их мельницей пользовались как местные, так порой и, особенно во время засух, окрестные крестьяне, а также, как например, в селе Даш-Алты, и городские жители Шуши (*Осипов*, 1898. с. 104). Мельницы были во многих карабахских селах. Например, в ущелье села Ннги сохранились следы 22 мельниц (*Мкртчян*, 1988. С. 128). В селе Мец Тагер, на реке Ишханагет, действовали 11 мельниц, которые обеспечивали жителей качественной мукой (*Абраамян*, 2010. С. 105). Всего число водяных мельниц в Нагорном Карабахе к концу XIX в. доходило до 300 (*Лисицян*, 1992. С. 56).

Зерно перемалывали и в крупу, для чего служили большие каменные ступки – *санд, динг.* Они представляли собой базальтовые камни квадратной формы с выдолбленными воронкообразными углублениями. Насыпанное в это углубление смоченное зерно долбили специальным каменным молотом или деревянным пестом, в результате оно очищалось от шелухи и получалась крупа – *коркот* (*куркут*). Обычно для зерна использовали *санд*, а для очистки от шелухи риса – мало отличающийся от него *динг.* С помощью различных видов сит обрабатывали зерновые продукты на всех стадиях, начиная от очистки зерна от мелких камешков и шелухи и заканчивая просеиванием лучших сортов муки – *нашип* (крупчатка), *хорак, гермак.* Из выращиваемых технических культур – льна, хлопкового семени, а также из грецких орехов получали растительное масло.

Из-за нехватки воды и малоземелья огородничество в Нагорном Карабахе было распространено в основном для собственного потребления. Сажали, главным образом, бобовые (фасоль, чечевицу, горох), капусту, тыкву, лук, чеснок, редьку, перец, огурцы, помидоры, морковь, различную съедобную зелень, меньше картофель, поскольку он не везде хорошо произрастал (*Джейранов*, 1898. С. 65; *Кочарян*, 1925. С. 19).

В предгорьях и долинах карабахские армяне исстари занимались также садоводством с разведением фруктовых и тутовых деревьев, а также виноградников. В садах росли грецкий орех, яблоки, груши, сливы, алыча, айва, кизил, инжир, черешня, вишня, абрикосы, персики, дыни, арбузы, кусты роз (*Джейранов*, 1898. С. 65; *Деконский*, 1886. С. 305). Кроме того, многие фруктовые деревья и ягодные кусты в Карабахе встречаются в изобилии и в дикорастущем виде, в числе которых, например, миндаль, ежевика, кизил, малина, шиповник и

многие другие. Достопримечательностью Нагорного Карабаха всегда считались тутовые деревья (шелковица). По образному выражению Мариэтты Шагинян, «тутовое дерево – это своего рода коза растительного царства. Оно неприхотливо, выгодно, не требует ухода, хорошо переносит перемены погоды, растет без заборов, на воле. Пользу приносит и листьями, и плодом. В Нагорном Карабахе тутовое дерево внизу, у речных долин – главное слагаемое пейзажа» (*Шагинян*, 1927. С. 10). По оценке Сельскохозяйственной переписи 1921 г., тутовые насаждения здесь занимали до 1500 десятин, при этом наибольшая их площадь была в Варанде (671,5), а наименьшая – в Джраберде (36,6) (*Кочарян*, 1925. С. 20). Сбор тутовых ягод производился (как и в наши дни) следующим образом: один человек взбирался на дерево и палкой стряхивал их в разостланную внизу материю, концы которой держали стоявшие под деревом четыре человека.

В Карабахе возделывались многие эндемичные сорта винограда, среди которых были известны: *крмрени, шрени, лкени, сиптакени, кананчени, чмчени* и др. (*Хан-Агов*, 1887. С. 396). Больше всего виноградных насаждений было в Варанде и Дизаке. Так, в Гадруте, по словам И. Давидбекова, «сады здесь, преимущественно, виноградные, изредка попадаются тутовые. Виноградные кусты на зиму не зарывают в землю, как в Эриванской губернии, а во всякое время года оставляются на открытом воздухе; с наступлением же весны привязывают их к кольям, называемым, по-местному, *кюлусар;* их втыкают одним концом в землю, около каждого виноградного куста. Виноград во всех садах бывает, исключительно, одного сорта, именно – темно-красный, овальной или круглой формы, с крупными зернышками и толстою кожицей; из него получается вино слабое, кисловатое, темно-красного цвета. Сбор винограда начинается с 15 сентября и продолжается до конца месяца. Если судить по вкусу, здешнее вино заключает в себе весьма малый процент спирта; вследствие слабости, оно не доживает до следующего урожая: от летней жары, оно скоро портится и делается негодным для питья. Вино хранится в больших глиняных кувшинах, называемых *карасами,* конусообразной формы; они вкопаны в землю. Карасы бывают различной величины (от 3 до 15 кож[1]). Почти каждый гадрутец имеет свой собственный виноградный сад, откуда получает несколько кож вина» (*Давидбеков*, 1888. С. 170). К примеру, в начале XX в. в одном из крупных сел Дизака, Мец Тагере, помимо пастбищ и покосов, имелось 1000 га пахотной земли, 55 га тутовых деревьев, 11 га фруктовых садов, 3 га виноградников и 3 га шелковичных плантаций. Недаром жители этого села говорили: «У карабахца двое детей: сын – тутовое дерево и дочь – виноградная лоза» (*Абраамян*, 2010. С. 107, 174). Тутовое дерево использовалось всячески и практически безотходно. Из его листьев готовили желтую краску, из коры – бумагу, лыко, из ствола – бочки, плотницкие инструменты, различные стройматериалы, из тутовых ягод – варенье, компот, джем, водку, ликер, уксус, чай, уваренный сок *дошаб*, применяемый при простуде, кашле, воспалении рта и горла, а в животноводстве – в борьбе с ящуром. Применяемая также в народной медицине тутовая водка обладает бактерицидными, вызывающими аппетит и регулирующими обмен веществ свойствами (*Абраамян*, 2010. С. 174).

По переписи 1921 г., виноградники в Нагорном Карабахе занимали до 1800 десятин. По сведениям Г.А. Кочаряна, приготовленное из винограда вино, как правило, тут же на месте и потребляли. Такое вино было не совсем высокого качества, что объяснялось, с одной стороны, примитивным способом его приготовления в то время, а с другой стороны, тем, что виноград обычно собирали очень рано, не давая ему времени дозреть. Лишь в некоторых селах Варанды виноделие было поставлено на должном уровне, там оно носило и промышленный характер. Особенно прекрасными вкусовыми качествами отличались вина, изготовленные в селах Гиши, Ашан, Норшен, Чартар и др. Эти вина славились по всему Карабаху, их вывозили и в Баку (*Кочарян*, 1925. С. 20).

Гораздо большее развитие в Нагорном Карабахе имело винокурение, оно носило и промышленный характер, являясь подспорьем к земледелию. Водка ценилась значительно

[1] *Один кож вмещал до двух ведер жидкости (Давидбеков, 1888. С. 171).*

дороже вина. Например, в Гадруте, если один кож местного вина в конце XIX в. стоил от 80 коп. до 2 руб., то один кож местной водки – от 5 до 7 руб. В этом поселке было 46 различных по величине винокуренных «заводов». Водку здесь гнали из тутовых ягод, виноградных выжимок и остатков старого вина. По словам И. Давидбекова, «главная принадлежность завода – котел, вместимостью от 5 до 22 ведер. Куб, или, вернее, медный котел, накрываемый, при выделке водки, медною или глиняною выпуклою крышкою, имеет рукав, упирающийся в деревянное корыто, в коем погружена медная, холодильная труба» (*Давидбеков*, 1888. С. 171, 172). Подробнее о процессе винокурения пишет А.Е. Хан-Агов. Так, в Джеванширском уезде, где водку гнали из тутовых ягод и из виноградных выжимок, остающихся в давильнях после получения сусла, он происходил следующим образом. В большой казан (медный котел) емкостью в 24 ведра помещали тутовые ягоды либо виноградные выжимки, которые заливали двумя-четырьмя ведрами воды. После этого казан закрывали крышкой, его края замазывали тестом и затем содержимое нагревали в течение трех-четырех часов. При этом через отверстие в крышке, для выхода винных паров, проводилась трубка шириной в два с половиной аршина, проходящая затем через своеобразный холодильник (канавку с водой), после чего из трубки уже перегнанная слабая водка стекала по капле в подставленный чан. Полученную таким способом из трех-четырех казанов водку от первой гонки сливали в один большой (из 24 ведер) котел и вторично перегоняли на умеренном и равномерном огне, при этом водка (в 45-50 градусов) проходила по трубе в подставленные сосуды, а в котле оставалась вода. В этом уезде водку гнали чаще из виноградных выжимок, чем из туты. Такая водка была дороже тутовой. Но в последние два года, по словам А.Е. Хан-Агова, «винокурение в уезде значительно пало, благодаря введению новых акцизных правил. Во многих селениях крестьяне вырубают свои тутовые плантации, которые с прекращением винокурения дохода уже принести не могут. Во всех селах, где лет 5-6 назад были винокуренные заводы, в настоящее время их или вовсе нет, или же число их значительно уменьшилось. Так, в селе Касапет (одно из самых богатых в уезде) лет 6 тому назад было 13 винокуренных заводов; в 1883–1884 гг. число это упало до 5, в настоящем году там действуют только 2 завода» (*Хан-Агов*, 1887. С. 397).

Дальнейший процесс сокращения винокурения произошел, главным образом за время войны 1918–1920-х гг., когда Нагорный Карабах был отрезан от крупных потребительских центров. В дальнейшем единственными покупателями в автономной области стали органы Карабахско-Агдамского Паевого Товарищества вместе с агентами Азвина, которые скупали водку на невыгодных для крестьян условиях, когда полученная небольшая прибыль (учитывавшая только денежные затраты и не включавшая вложенный в сам процесс производства труд) превращалась на деле в убыток. Поэтому, не имея возможности выгодно сбыть свой продукт, крестьяне, стесненные малоземельем, вновь стали вырубать тутовые насаждения и разводить вместо них хлебные злаки (*Кочарян*, 1925. С. 20–22).

Другой важной отраслью хозяйства карабахских армян после земледелия было скотоводство, хотя оно, как отмечалось выше, носило подсобный характер. Крестьяне держали в основном крупный скот (быки, волы, реже буйволы), который использовали в качестве тяглового при земледельческих работах, «а приплод и шерсть, получаемые от незначительного количества имеющегося у них мелкого скота, служат им для удовлетворения домашних и хозяйственных потребностей» (*Деконский*, 1886. С. 310). В то же время, например, в селе Касапет благоприятные природно-климатические условия и хорошие пастбища позволяли его жителям заниматься разведением не только крупного рогатого скота, но и овец, коз и свиней, а для перевозки тяжестей – лошадей и ослов (*Израелов*, 1892. С. 56).

В Карабахе, как и в ряде других мест Закавказья (Тавуш, Лори, Сюник, части Вайоц-дзора и Джавахка), согласно Ю.И. Мкртумяну, «сложился своеобразный подтип отгонного скотоводства, находящий объяснение в местных природно-хозяйственных условиях. Наличие леса в этих районах оказало заметное влияние и на особенности содержания скота». Летом скот, как правило, отгоняли на горные пастбища, а зимой держали либо в самом селе, либо в

специально построенных на лесных полянах или южных склонах гор зимовниках (*дзмераноц*) (*Мкртумян*, 1971. С. 123; *Мкртумян*, 1974. С. 50). В Джеванширском уезде «мелкий скот зимой держат в закрытых помещениях, а летом на подножном корму. Стригут овец два раза в год – весной на плоскости, без мойки шерсти, и летом, на горах, после мойки». Ослов используют для перевозки дров. «Армяне держат свиней и то в незначительном количестве, хотя богатые дубовые леса дают возможность большему развитию свиноводства в уезде; их держат исключительно для продажи и сбывают в Шуши, Елисаветполе и даже в Тифлисе» (*Хан-Агов*, 1887. С. 400, 401).

В целом местные армяне в конце XIX в. держали небольшое поголовье скота. Например, в Гадруте «домашнего скота на все селение приходится так: 10 лошадей, 20 катеров, 36 ослов, 70 коров, 50 быков, 20 буйволов и 300 коз; всех животных насчитывается до 506 голов; средним числом на каждый двор, при 252 дымах, приходится две головы» (*Давидбеков*, 1888. С. 173). Позднее Г.А. Кочарян писал, что «скотоводство в Нагорном Карабахе, несмотря на наличие целого ряда благоприятных природных условий, не получило должного развития и имеет подсобное к земледелию значение; даже в селениях, расположенных в нагорных частях, недалеко от эйлагов, исключительно скотоводством заняты единицы, крестьянство же в целом занимается земледелием. Здесь богатыми считаются крестьяне, имеющие до 10-15 голов скота всех видов». Он же приводит зафиксированное переписью 1921 г. имевшееся в разных районах Нагорного Карабаха поголовье скота всех видов: в Джраберде – 32 039 голов, в Хачене – 20 546, в Варанде – 21 423, в Дизаке – 26 703; всего 100 703, что в целом составляло незначительное число. В результате он приходит к выводу: «Таким образом, природные богатства Нагорного Карабаха, эйлаги с их роскошной растительностью, прозрачными горными родниками, мягким климатом предгорной полосы совершенно не использованы для скотоводства» (*Кочарян*, 1925. С. 25).

В этом отношении карабахские армяне существенно отличались от татарского населения. Побывавший в 1843 г. в Карабахе Август фон-Гакстгаузен, говоря о татарах, писал, что это «большей частью, народ, кочующий летом; после небрежного возделывания полей, он скитается по горам, богатым лесом и травою, во время сильной жары переходит до снежных гор Асрита, места пребывания Курдских разбойничьих Татар. Осенью, к жатве, они спускаются на равнину, которая, во влажное время года, дает стадам отличный корм и тогда собирают плоды свои. Они зажиточны и гостеприимны. Некоторые из них имеют тысячи овец, сотни и более буйволов и большие табуны лошадей прекраснейшей породы» (*Гакстгаузен*, 1857. Ч. II. С. 151).

Примерно в 1860–1870-е гг. часть татар перешла на оседлость. По словам А.Г. Деконского, «оседлые татарские селения почти все находятся на низменности и в выходах ущелий на долины. Татары, как бывшие победители, заняли лучшие места; им принадлежат почти исключительно все поливные земли. Преимущественное занятие оседлых татар – в разведении фруктовых и тутовых садов; земледелием они занимаются мало; скот держат только как рабочую силу. Занятие кочевого татарского населения – в скотоводстве. Хлебопашество у кочевников появилось недавно и составляет второстепенную отрасль хозяйства; оно трудно прививается к кочевникам и ведется ими крайне неудовлетворительно… Уборка и обмолот хлеба совершаются, в большинстве, наемным трудом, вследствие неумения и непривычки кочевников к полевым работам… Армянское население, составляя исключительно земледельческий класс, во многом отличается от татар» (*Деконский*, 1886. С. 233).

Подытоживая результаты крестьянской реформы в Елисаветпольской губернии, М. Кучаев в своем отчете отмечал, что если проживавшие в нагорной местности армяне, даже при самых неблагоприятных условиях для земледелия, обеспечивали свое благосостояние «мирными сельскохозяйственными занятиями», то проживавшие на низменности татары в имевшем у них земельном наделе «искали не столько материал для развития личного труда, сколько средства для эксплуатации самого права пользования землею, отдавая ее другим за известную

плату урожаем или деньгами и, в крайнем случае, возделывая ее первобытными средствами» (*Кучаев*, 1885. С. 459).

О существенной разнице в хозяйственных укладах армян и татар позднее писал Г.А. Кочарян: «Ежегодно через Нагорный Карабах проходят многотысячные стада с низменностей, направляющиеся на эйлаги, жители же Нагорного Карабаха присоединяют к этим стадам только незначительное количество своего скота. Очень многообразны и сложны причины, препятствующие развитию здесь скотоводства. Прежде всего, несомненно, что образ жизни, присущий скотоводческому населению Азербайджана, не свойственен крестьянину Нагорного Карабаха: он привык к оседлой жизни и считает себя прежде всего земледельцем; даже и в тех случаях, когда крестьянин имеет много скота, он не сам отправляется на эйлаги, а поручает свои стада соседям тюркам. Недостаток корма зимою является тоже серьезным препятствием к расширению скотоводства. В то время как кочевники, спускаясь на низменность, находят зимой обильный корм своим стадам в теплых речных долинах Аракса и Куры, крестьянин Нагорного Карабаха, остающийся на месте, должен заботиться еще с весны о кормах. Между тем вследствие малоземельности все сколько-нибудь удобные земли отведены под пашню. Сенокосов почти нет. Травосеяние совершенно не практикуется; зимою крестьянин озабочен прокормлением своего рабочего скота и лошади, если таковая имеется. Мелкому скоту обычно приходится самому находить себе пищу, срывая зеленеющие побеги кавказского можжевельника и некоторых других растений. Очень распространен в лесистых местностях такой способ кормления скота зимой: подпасок взбирается на дерево и рубит ветви деревьев, внизу скучивается стадо, которое подбирает и ест срубленные ветви». Далее Г.А. Кочарян подчеркивает, что для тех хозяйств (а их было большинство), которые не в состоянии были посылать свой скот на эйлаги, вопрос о его корме приобретал остроту не только зимой, но и летом и весной. В результате из-за «острого малоземелья, почти полного отсутствия выпасов, скот пускается на жнивье, или на пар, или, наконец, бродит по каменистым холмам, выщипывая тощую выгоревшую траву» (*Кочарян*, 1925. С. 25, 26).

Острое малоземелье, трудности, связанные с орошением, с примитивной обработкой почвы в горах, а также с периодически повторяющимися стихийными бедствиями (засухой, обильными дождями, градобитием), вынуждали крестьян Нагорного Карабаха искать дополнительные заработки на стороне в виде отхожих промыслов, которые были двух видов: отход на низменность и отход в города. В результате там почти не было дома, «который не посылал бы хоть одного своего члена на заработки» (*Кочарян*, 1925. С. 35).

Проживание татарского населения на низменности, а армянского в горах, т.е. в различных природно-климатических условиях, при которых сроки посевов, урожайности и уборки зерновых культур в горах и на низменности приходились на разное время, а также существовавшие различия в их хозяйственных укладах способствовали распространению среди армян Нагорного Карабаха такого вида отходничества (сложившегося еще до присоединения Карабаха к России), когда позднее наступление весны и сроков урожая в горах давало им возможность до начала полевых работ у себя спускаться на низменность, чтобы по найму (за определенную обычаем натуральную оплату) принять участие в сезонных земледельческих работах, в которых нуждались полукочевые татары. В дальнейшем процесс постепенного перехода татар к оседлости способствовал расширению пахотных площадей на их территории и тем самым спрос на рабочие руки опытных земледельцев-армян увеличивался (*Лисицян*, 1992. С. 77, 78). После завершения разного рода земледельческих работ армяне возвращались к себе, где приступали к выполнению таких работ у себя. В то же время работа на низменности для крестьян Нагорного Карабаха была довольно тяжела из-за различия в климатических условиях между знойной низменностью и прохладной нагорной частью Карабаха, вследствие чего они нередко заболевали, в частности малярией. Однако, несмотря на это, отход на низменность имел широкое распространение. Насколько прочной была экономическая связь между жителями нагорной части и низменности, свидетельствует тот факт, что даже во время межнациональных столкновений 1918–1920–х годов отход армян из многих

селений на низменность не прекращался. Для этого «тюрки приезжали в армянские селения, оставляли здесь своих заложников и брали партии рабочих. По окончании полевых работ эти лица вместе с зерном, полученным за работу, доставлялись обратно в свои селения. Не было ни одного случая нарушения заключенного условия» (*Кочарян*, 1925. С. 47, примеч. 21).

Со своей стороны, татарское население летом пользовалось горными пастбищами, расположенными в пределах расселения карабахских армян. При этом дороги, ведущие на летние пастбища, нередко проходили мимо армянских сел, а порой и через них (*Варавин*, 1888. С. 119). Во время этих весенних и осенних перегонов скота между местными армянами и кочевниками происходили разного рода взаимовыгодные контакты. Так, в ряде сел, расположенных на пути продвижения скотоводов, например, в селе Ванк близ Гандзасара армяне открывали по обеим сторонам дороги небольшие лавки с различными товарами, в основном собственного кустарного производства, в которых нуждались татары. Это были, к примеру, люльки, сундуки, лопатки, чесалки для шерсти, медная посуда, папахи, шали, подковы, гвозди и т.п. Тут же открывались и ремонтные мастерские для обслуживания татар. Осенью, когда татары со своими стадами спускались с гор, уже армяне у них приобретали продукты скотоводческого хозяйства – сыр, масло, овечью шерсть, кожу, а свои лавки заколачивали до следующей весны (*Кочарян*, 1925. С. 30). Нередко приобретение представителями обеих этнических общностей необходимых для них товаров принимало форму натурального обмена (*Лалаян*, 1897. С. 101).

Естественно, такого рода взаимные хозяйственные контакты, торговля, сезонное отходничество предполагали среди представителей обеих этнических групп развитие двуязычия, без которого невозможно было бы общение. В основном двуязычие было больше развито на границе контактной зоны, нежели в отдаленных горных селах, и преимущественно проявлялось в знании армянскими мужчинами тюркского языка, который для народов Восточного Закавказья служил в то время в качестве «лингва франка». Этому, несомненно, способствовал и тот факт, что после образования Карабахского ханства тюркский язык стал языком официальных сношений в Карабахе (*Мкртчян*, 2010. С. 157). Так, по словам И. Давидбекова, в Гадруте «армяне при встрече с татарами говорят по-татарски» (*Давидбеков*, 1888. С. 186), а Н. Григоров отмечает хорошее знание татарского языка жителями Сарова (*Григоров*, 1888. С. 129). В то же время и среди татарских мужчин некоторые владели неким набором армянских слов, необходимых для взаимного общения.

Другим видом отходничества карабахских армян, носившим более длительный характер, был их отход в промышленный Баку и в другие города Закавказья и Северного Кавказа, а также в Закаспийский край. При этом в город уходили не только бедняки, но и зажиточные крестьяне, заинтересованные в развитии торговли и предпринимательства. Среди отходников было немало ремесленников и разного рода мастеров, которые нанимались в городе для выполнения тех или иных работ, для чего объединялись, например, в артели каменотесов, плотников, столяров; некоторые нанимались в дворники, таскали тяжести и т.д. В области Варанда были села, которые поставляли городу лиц определенной специальности, например, литейщиков, каменщиков, плотников и т.д. В то же время и этот вид отходничества в XIX в. носил преимущественно сезонный характер и практиковался обычно зимой, по окончании земледельческих работ. В результате крестьяне полностью не отрывались от сельского хозяйства. Но иногда крестьянин работал в городе более длительное время, порой несколько лет, после чего, накопив определенную денежную сумму, возвращался в свое село (*Кочарян*, 1925. С. 36; *Мкртчян*, 2010. С. 54, 55).

В отдельных районах Нагорного Карабаха в разное время отходничество среди армян было распространено не в одинаковой степени. Практически оно не было распространено в Джраберде, где крестьяне были лучше обеспечены землей. В остальных районах этот вид отходничества практиковался довольно часто, причем особенно увеличивался в случае каких-либо неблагоприятных для сельского хозяйства условий (засуха, градобитие, уничтожение посевов вредителями и т.д.) и, наоборот, сокращался при получении хорошего урожая

(*Кочарян*, 1925. С. 36). Заметен был рост отходничества также к началу XX в. Так, если в 80-х годах XIX в. число отходников в Шушинском и Джебраильском уездах составляло примерно 1,5% из общего числа оседлого населения (*Деконский*, 1886. С. 317), то уже в начале XX в., по подсчетам С. Заваряна, из четырех уездов Карабаха (включая Зангезурский уезд) «около 16,5 тыс. душ или 1/6 часть всего населения, или 1/3 часть мужчин ищет заработков и на стороне» (*Заварян*, 1907. С. 42).

Постепенно, с течением времени, часть ушедшего на заработки населения оседала в городах и, потеряв связь с селом, превращалась в городских жителей. Таким путем образовались большие колонии карабахских армян, например, в Баку, Грозном, в городах Закаспийского края. Поэтому «в настоящее время число выходцев из Нагорного Карабаха в несколько раз превышает число коренных его жителей» (*Кочарян*, 1925. С. 36).

После этого небольшого отступления продолжу повествование о других хозяйственных занятиях карабахских армян. Остановлюсь на коневодстве. Арцах–Карабах издревле славился своими конями. Напомню, что в свое время, говоря об этом крае, Страбон отмечал, что это плодородная страна и что во время войны она выставляла многочисленную конницу (*Страбон*. XI, IV, 2, 5). Со временем здесь от скрещивания местных пород с арабскими образовалась новая, карабахская, порода очень легких, быстрых и выносливых коней, которые предназначались преимущественно для верховой езды, для участия в скачках. В середине XIX в. в одном только городе Шуши имелось 11 конезаводов. Известно, что карабахские кони пользовались большим спросом и высоко ценились на международных рынках, они не раз участвовали в различных выставках, где завоевывали призовые места и награждались медалями, в частности на Всемирной выставке в Париже (1867 г.), на сельскохозяйственных выставках в Москве (1869 г.), Тбилиси (1882 г.). Но уже к началу 1920-х годов коневодство в Карабахе, как и многие другие отрасли хозяйства, в силу неблагоприятных политических условий, пришло в упадок. По словам Г.А. Кочаряна, «война и особенно гражданская, осложненная здесь еще межнациональными столкновениями, имели чрезвычайно губительное влияние на коневодство. Огромное количество лучших лошадей погибло во время бесчисленных реквизиций, мобилизаций, налетов, обложений и т.д. По переписи 1921 г. по всей области насчитывалось 2 043 лошади всех возрастов, т.е. в среднем до 10 лошадей на селение». Важной причиной сокращения числа лошадей, не говоря уже о чистокровных лошадях карабахской породы, которых во всем Карабахе едва ли можно было тогда насчитать с десяток, он считал конскую повинность, которую местная администрация налагала на крестьян. Кроме того, эта администрация широко пользовалась лошадьми крестьян в своих служебных поездках. Поэтому «собственник хорошей лошади торопится продать ее, ибо боится, что ее могут взять у него, искалечить и вернуть назад негодной. Уже и теперь в селах Нагорного Карабаха даже за большие деньги не всегда можно достать лошадей. Если не принять самых энергичных мер, то эта отрасль народного хозяйства отойдет в область преданий. Между тем коневодство могло бы играть в крае большую роль. При тех средствах сообщения, при том бездорожье, которым отличается Нагорный Карабах, лошадь является здесь почти единственным средством связи между отдельными частями области. Природные условия края, наличие хороших горных пастбищ, блестящие испытанные качества карабахской лошади открывают широкие перспективы для развития этой отрасли. Крестьянину гораздо выгоднее и легче было бы взрастить у себя в своем хозяйстве одну лошадь, чем 4-5 пар крупного рогатого скота. Продавая ежегодно одну лошадь среднего достоинства, крестьянин мог бы обеспечить себя зерном на целый год» (*Кочарян*, 1925. С. 26, 27).

К традиционным занятиям местных армян относились также пчеловодство, охота, различные домашние кустарные промыслы и ремесла. Чрезвычайно богатая и разнообразная флора нагорной полосы, представленная на небольшом протяжении многочисленными видами растений – от роскошных цветов альпийских лугов до лесных и полевых растений предгорной полосы – способствовала образованию высококачественного меда, отличавшегося белизной, прозрачностью и ароматом. Распространенная здесь кавказская горная пчела, по признанию

специалистов, считается самой трудолюбивой и производительной из существующих пород. Этому способствует ее необычайно длинный хоботок, дающий ей возможность собирать нектар с таких растений, которые недоступны другим пчелам.

Найденное в Ворван-Азохской пещере изображение пчелы свидетельствует о том, что еще в III–II тыс. до н.э. человек в этом крае был знаком с пчелой и мог заниматься сначала простейшим сбором меда диких пчел, а впоследствии – бортничеством. Известно, что одна из крепостей в Арцахе имела пасеку, где специально разводили особо злых желтых пчел (вероятно, ос), которых использовали во время войн, в частности, во время обороны от татаро-монгольских войск, когда улья катили на неприятеля (*Гаспарян*, 1990. С. 6).

В Арцах–Карабахе, как и в других лесных районах Армении, вплоть до конца XIX в., был широко распространен весьма архаический способ использования естественных пчелиных гнезд в дуплах деревьев. Обнаружив такое гнездо, крестьяне, а это чаще всего были охотники, делали на нем две метки – на стволе и на корне дерева, что означало, что данный пчелиный рой уже имел своего хозяина, и никто другой не мог завладеть им. Мед использовали как из этих естественных дупел, так и из специально сделанных ульев, куда обычно перекладывали найденные на природе соты. Эти улья представляли собой либо плетенные из веток ивы овальные корзины *ктоц*, обмазанные снаружи пометом, а изнутри слоем глины, либо выдолбленные деревянные колоды *кот*, обмазанные с обеих сторон тонким слоем глины. В конце XIX в. стали появляться улья, в которые клали рамки с восковым листом, что способствовало значительному увеличению собираемого меда (Народы Кавказа. 1962. Т. II. С. 471). В дальнейшем крестьяне стали держать пчелиные улья и в своих садах. Недаром в народе говорили: «Без пасеки нет сада», что «Мед – друг желудка» (*Абраамян*, 2010. С. 179). Однако к началу 1920-х годов пчеловодство в Нагорном Карабахе, несмотря на благоприятные природно-климатические условия для развития, оказалось слабо распространенным. Так, по переписи 1921 г. здесь было всего 208 рамочных ульев и 935 колодных (*Кочарян*, 1925. С. 28).

Богатая фауна Арцах–Карабаха издревле способствовала охоте на многих зверей и птиц – барсов, оленей, диких коз, волков, медведей, кабанов, лисиц, зайцев, орлов, куропаток, перепелов, фазанов и др. Существовали различные приемы, применяемые охотниками. Обычно они расставляли капканы, ловушки, устраивали ловчие ямы. Если в охоте принимали участие несколько человек, то добытую дичь делили поровну, а подстрелившему ее доставались еще голова и шкура животного.

Значительную роль в хозяйственной жизни карабахских армян играли домашние промыслы и ремесла, которыми занимались как в селах, так и в городе. Например, среди городских жителей Шуши в произведенном в 1823 г. «Описании Карабахской провинции» значилось немало разного рода ремесленников, число которых впоследствии росло. Так, к «Описи», составленной в 1833 г. К.О. Зубаревым, был приложен список имевшихся на тот момент в Шуши ремесленников (правда, без указания их этнической принадлежности), среди которых были: «перебивающих шерсть – 6, кожевенников – 9, ткачей бязи – 28, серебреников – 12, кузнецов – 25, медников – 6, лудильщиков – 3, шорников – 15, шапочников – 24, портных – 30, сапожников – 44, перчаточников – 4, плотников – 4, седельников – 10, делающих войлока – 2, попоны – 1, шнурки – 2, ружейные замки – 6, ружейные ложи – 6, сабли и кинжалы – 10, цирюльников – 3, хлебников – 6, изготовляющих обувь (род сандалий) – 2» (ОРВК. 1836. Т. III. С. 309).

Одновременно в Шуши, удачно расположенном на главном пути продвижения скотоводов с прикаспийских низменностей на альпийские пастбища Нагорного Карабаха, а также на пересечении торговых караванных путей, связывавших российскую Шемаху с иранским Тавризом, на складах которого были сосредоточены массы персидских, европейских и даже индийских товаров, пользовавшихся большим спросом, активно развивалась торговля. При этом значительная роль в торговле принадлежала переселившимся в Шуши в середине XVIII в. из области Нахичеван армянским жителям как из села Агулис, издавна связанного торговыми интересами с Тавризом, так и из села Казанчи, торговавшим в свое время

различными товарами, в том числе каменной солью, пользующейся спросом у скотоводов прикуринских районов, и которые к тому же были опытными мастерами по изготовлению медной посуды, отчего их село получило свое название от слова *казан*, т.е. «котел». Обе группы, как отмечалось выше, основали в Шуши свои кварталы – соответственно *Агулецоц* и *Казанчецоц*. С Тавризом были тесно связаны и мусульманские жители Шуши, переселившиеся в этот город из Тавриза и основавшие в нем квартал *Тавризли.* Кроме отдельных мелких торговцев, менял (*сарыф*-ы) и купцов (*ходжа*), в Шуши в 20-х годах XIX в. существовали и специализированные торговые фирмы, среди которых в 1821 г. были зафиксированы две наиболее крупные. Одна из фирм, принадлежавшая дому Ахумянов, была связана торговыми операциями с Ираном, Россией, в том числе с Сибирью, а также с европейскими рынками; другая фирма, принадлежавшая дому Тарумянов, пользовалась монопольным правом рыбной ловли и взимания корабельных пошлин на Каспийском море и другими откупными статьями. Обе фирмы поддерживали связь как с Россией (через Шемаху) и прикаспийскими областями, так и с северо-западным Ираном и Тавризом; они же предоставляли ссуду под проценты различным учреждениям и отдельным лицам. Конкурируя друг с другом, обе фирмы для ведения разного рода торговых операций сформировали каждая свою обширную агентуру из приказчиков, называемых *чраг*-ами (букв. «светильник»). В обязанности этих приказчиков входили как распространение для продажи привозных товаров их фирм по селам, так и сбор в самих селах местной качественной продукции (например, шелка, породистых лошадей), которую легко можно было переправить в те или иные страны для продажи. Но после заключения в 1828 г. Туркманчайского договора между Россией и Ираном персидская граница для транзитной торговли через российские владения была закрыта, соответственно прежний путь Шемаха–Шуши–Тавриз потерял свое значение, а до этого была отменена откупная система. В результате те фирмы в Шуши, которые не успели вложить свои капиталы в другие предприятия, находившиеся либо на местном, либо на российском рынке, стали заметно слабеть, а ушедшие от них приказчики сами начали вступать в сделки с российскими предприятиями, при этом роль сборщиков местного сырья и распределителей мануфактуры по селам стала переходить к зажиточным крестьянским хозяйствам, которые, помимо владения лучшей пахотной землей, дорогим сельскохозяйственным инвентарем, многочисленным скотом, имели и свободные денежные средства. Одновременно в селах росло социальное неравенство, когда наряду с богатыми семьями происходило обеднение значительного большинства сельских семей, вызванное их малоземельем, обострявшимся из-за роста населения, истощением год от года почвы в связи с несоблюдением оставления ее в течение нескольких лет под паром, вынужденным раздроблением разного рода домашнего имущества, сельскохозяйственного инвентаря по мере ускорившегося процесса разделов больших многопоколенных семей на малые двухпоколенные семьи. Обедневшие крестьяне были вынуждены искать дополнительные источники для выживания своих семей, для чего либо отправлялись в города, где устраивались в качестве наемных рабочих, либо становились зависимыми от экономически более сильных хозяйств. К концу XIX в. в селах Нагорного Карабаха оформилось новое расслоение населения: с одной стороны, это были появившиеся здесь ростовщики, а также скупщики, торговцы, которые либо совсем порывали с сельскохозяйственным трудом, либо пользовались в своем хозяйстве трудом батраков или своих должников; с другой стороны, большинство населения по-прежнему состояло из крестьян, продолжавших свой труд земледельца, при этом нередко становясь зависимыми от тех же ростовщиков или скупщиков (*Лисицян*, 1992. С. 53–56, 70, 71).

В то же время важно подчеркнуть, что, несмотря на закрытие границы для транзитной торговли в 1828 г., что, естественно, нанесло существенный удар шушинской торговле, она сумела довольно быстро оправиться, повысив свою роль посредника между российскими фабриками и местным сельскохозяйственным производством. Это способствовало тому, что Шуши, в отличие от Еревана и Нахичевана, которые до присоединения к России снабжали Закавказье привозными товарами, а к концу 30-х годов XIX в. пришли практически к

запустению своих прежних крупных караван-сараев и складов, не стала похожа на них, поскольку ее жители смогли продолжать развивать ремесла и торговлю, остававшиеся для подавляющего большинства единственными источниками дохода, так как шушинцы почти не имели ни пахотной земли, ни садов и виноградников. Развитие в Шуши торговли, ремесел, промышленности стимулировало и сосредоточение в ней разного рода правительственных учреждений, школ. К тому же шушинские торговцы, пользовавшиеся с помощью родственных или иных связей с представителями банков и бирж, большим кредитом на фабричных складах в Москве, Баку и в других городах, развернули в своем городе обширную оптовую и розничную торговлю посредством установленных ими связей с сетью мелких частных торговых пунктов, находящихся не только в самом Нагорном Карабахе, но и в соседних уездах. Оживлению в летние месяцы торгового оборота способствовали и приезжавшие в Шуши, отличавшимся своим здоровым горным климатом, на отдых дачники – прежние жители Карабаха, уехавшие оттуда на постоянное место жительства в другие города. Эти дачники, среди которых было немало учащейся молодежи, несомненно, оказывали определенное влияние и на развитие культурных запросов местных жителей, на формирование их вкусов, изменение внешнего облика, появление новых элементов в быту и одновременно исчезновение ряда традиционных обычаев и представлений (*Лисицян*, 1992. С. 73–76).

Вторым после Шуши ремесленным центром края был поселок Гадрут, славящийся своими каменщиками, кузнецами, плотниками, ювелирами, гончарами, красильщиками, ткачами ковров, шелка. К концу XIX в. из общего числа 2795 его жителей около 300 были ремесленниками. В это время здесь функционировали два базара, состоявшие один из 25, а другой из 15 различных лавок, товары для которых покупались в Шуши и доставлялись в Гадрут на лошадях. Извозом товаров занимались сами гадрутцы и жители ближайших сел. За доставку товаров им платили по 20-25 коп. за каждый пуд. По свидетельству очевидца, в конце XIX в. в лавках и духанах Гадрута, «наряду с мелочным и красным товаром и напитками, можно встретить посуду, табак, папиросы, крупу, фотоген, фуражки, учебные книги, тетради, ветчину, масло, сыр, яйца, деревянные и железные орудия для земледелия и для домашнего употребления» (*Давидбеков*, 1888. С. 172,173). При этом средняя цена на некоторые предметы первой необходимости была в то время следующая: фунт хлеба стоил 2,5 коп., масла – 25 коп., сыра – 10 коп., фунт баранины – 7 коп., говядины – 5 коп., свинины – 4 коп., одна курица – 15 коп., десяток яиц – 6 коп., бутылка молока – 10 коп., вина – 10 коп., водки – 25 коп. (*Давидбеков*, 1888. С.173).

Что касается сельских жителей Нагорного Карабаха, то из них важное место продолжали занимать разного рода традиционные кустарные промыслы, среди которых было ткачество. Наиболее распространенным здесь материалом для получения ниток служила шерсть – овечья, реже козья. После того, как пастухи весной и осенью стригли овец и коз, шерсть тщательно промывали в теплой воде, сушили, а затем во влажном виде дважды расчесывали на специальной доске с вбитыми в нее вертикально двумя рядами длинных игл (*сандерк*). Нити прялись с помощью ручного веретена *илик* или на прялке *чахарак* (*джахарак*) с горизонтальным веретеном, вращающимся при помощи легкого деревянного колеса. В зависимости от назначения нити делали разной толщины. Для окрашивания их применяли различные растительные краски – из цветов и корней растений, некоторых руд, а также из насекомых. Например, для получения красного цвета использовали марену (*торон*). Ее собирали, высушивали, измельчали в порошок и засыпали в котел с кипящей водой, куда клали и шерстяные нити. Издревле большим спросом, в том числе на международных рынках, пользовалась красная краска *кошениль*, называемая «армянской»; ее получали из красных червей *вордан кармир.* Для получения желтого цвета употребляли собираемое весной растение *наз*, которое сначала варили, а затем на 5-6 часов в этот раствор опускали нити; для черного цвета в сосуд с водой клали несколько корок граната и немного квасцов, нагревали их до кипения, после чего в раствор опускали на некоторое время нити; в синий цвет красили раствором синьки (*Израелов*, 1892. С. 111, 112.) Нередко для окрашивания использовали так-

же щавель, мяту и другие растения. Окрашенные таким образом натуральными красителями нити не линяли ни на солнце, ни во время стирки. Из шерстяных ниток ткали ворсовые и безворсовые ковры, грубые сукна, а также такие необходимые в хозяйстве изделия, как *хурджины* (переметная сума), *мафраши* (безворсовый ковровый мешок для хранения постели), *чувалы* (безворсовые шерстяные мешки для хранения зерна), *джеджимы* (плотно сотканная материя, используемая для пошива одеял и тюфяков), носки, веревки и пр. (*Давидбеков*, 1888. С. 113).

Из хлопчатобумажных ниток ткали бязевую материю и джеджимы. Из бязи, которую предварительно окрашивали в синеватый цвет, шили в основном одежду. Нитки, предназначенные для тканья джеджимов, окрашивали в черный, красный, желтый, синий и другие цвета. Джеджимы ткали преимущественно для собственных надобностей, но иногда нужда заставляла крестьян продавать их, обычно по цене от 6 до 8 рублей (*Израелов*, 1892. С. 110, 111).

С VI–VII вв. в Армении стали заниматься шелководством, преимущественно в восточных областях, в частности в Арцах–Карабахе. Так, говоря о плодородии и изобилии страны Алуанк, армянский автор X в. Мовсес Каланкатуаци в числе разного рода благ на ее полях, простирающихся по берегам реки Куры, сообщал и о шелке: «По берегам ее [простираются] поля, где много хлеба и вина, нефти и соли, шелка, хлопка и где [растет] несметное [число] оливковых деревьев» (*Каланкатуаци*, I, V).

Наибольшее развитие шелководство в Карабахе получило в XIX в., когда с разведением плантаций тутовых деревьев шелководство стало одним из важных источников благосостояния местных крестьян. Так, в Джеванширском уезде оно особенно приносило им доход, по словам А.Е. Хан-Агова, «до 1881 г., когда цена на шелк стояла высокая, благодаря сильной конкуренции между приезжими покупателями из Франции, которые скупали шелк-сырец непосредственно у производителей», но впоследствии из-за «малого сбыта, а вместе с тем и упадка цены на шелк, занятие это уменьшилось повсеместно в уезде более чем наполовину. Новых плантаций в настоящее время за невыгодностью не разводят; владельцы же существующих садов продолжают заниматься шелководством как бы по принуждению. Тутовые плантации могут служить кормом для червей до 40–50 лет, после чего листья делаются жесткими и негодными в пищу. Воз тутовых листьев продается (что бывает редко) от 1,5 до 3-х рублей. Выводка червей производится местной греной. Помещением для червей служат камышовые сараи «дага». В продажу поступает сырец, так как размоткой коконов жители если и занимаются, то лишь для домашних надобностей. Из 3 пудов сырца получается 1 пуд размотанного шелка. Фунт грены продается от 4 до 8 рублей и дает сырых коконов до 7 пудов. Сбывают шелк на месте, куда приезжают скупщики из Шуши; пуд сырца покупают за 8–10 рублей. По данным местного уездного управления, за 1885 г. собрано сырых коконов во всем уезде 685 пудов» (*Хан-Агов*, 1887. С. 398).

По сообщению А.Г. Деконского, описавшего процесс получения шелка в Шушинском и Джебраильском уездах, «оживление грены производится в то время, когда начинают распускаться тутовые деревья, т.е. в начале апреля – с 1 по 10 число. Для этого яички кладут в жилом помещении в теплое место, недалеко от очага. Появляющихся червячков кормят мелко изрубленными листьями, посыпая ими кусок бязи, на котором производится оживление яичек. На четвертый день листья с сидящими на них червячками перекладывают на плетенки, где совершается дальнейшее развитие червей. Плетенки помещаются в камышовых сараях – червоводнях. В период до первого линяния червей кормят листьями, очищенными от ветвей, а затем дают листья туты вместе с ветвями, накладывая их понемногу в течение суток. Черви взбираются на свежие ветви, а старые остаются под ними, образуя, ко времени завивки коконов, толстую массу. Развитие червей продолжается от 33 до 35 дней… Труд кормления червей и собирание листьев из садов, отстоящих нередко на довольно далеком расстоянии от усадеб, приходится целиком на долю женщин… Незначительную часть полученных коконов крестьяне оставляют для производства шелковых материй, а остальное количество, не менее

9/10 урожая, продают. Перед размоткой коконы кипятят в воде, в которую добавляют немного мыла. Когда клейкое вещество растворяется, коконы вынимают, промывают водой и сушат на солнце. При помощи веретена или ручного станка крутят нити, из которых ткут джеджимы, материю для штанов, черкесок, подвязки и т.д.» (*Деконский*, 1886. С. 308, 309).

Кроме развития шелководства в качестве домашнего кустарного промысла в Нагорном Карабахе существовало и фабричное его производство, когда в 70-е гг. XIX в. богатые шушинские купцы привезли шелкопрядильные машины из Западной Европы. Снабжая крестьян шелковичной греной, они затем скупали у них коконы, а также подготовленную грену, которую отправляли обычно за границу. В ряде сел существовали небольшие шелкопрядильные фабрики кустарного типа, на которых работали не только взрослые женщины, но и девочки с восьми лет. Так, одна из таких фабрик, находившаяся с 1877 г. в Гадруте, которая принадлежала «трем товарищам: гадрутцу Гули Акопову, шушинцу Ивану Зорабову и норашенцу Аваку Исаханову» производила за восемь месяцев работы в году от 50 до 60 пудов шелка (на это ежегодно расходовалось от 50 до 60 рублей за пуд), который продавали во Францию по 250–300 рублей за пуд. Высококачественный шелк этой фабрики дважды был удостоен медалей – бронзовой на Московской выставке в 1882 г. и золотой – на Американской (Филадельфия) в 1883 г. (*Давидбеков*, 1888. С. 174;175]. Гадрутский шелк был настолько хорошего качества, что в начале XX в. занавеси для Елисейского дворца в Париже были изготовлены именно из него (*Мкртчян*, 1970. С. 29).

С 1880-х годов шелкопрядильная фабрика, являвшаяся собственностью шушинца А. Тер-Мкртычева, а в начале XX в. перешедшая в собственность шушинца А. Муслунянца, была известна в селе Мец Тагер (*Абраамян*, 2010. С. 105). Сравнительно крупная шелкомотальная фабрика была также в селе Шош Шушинского уезда (*Лалаян*, 1897. С. 33). В 1895 г. в этом уезде насчитывалось уже 18 такого рода фабрик (*Авакян*, 1971. С. 222).

События 1918–1920-х годов не могли не повлиять на развитие и этой традиционной для карабахских армян хозяйственной отрасли. Так, по словам Г.А. Кочаряна, «война и революция разрушили этот промысел. Крестьянство стало интенсивно вырубать шелковичные насаждения, отводя земли под огороды и зерновые культуры» (*Кочарян*, 1925. С. 29). Мариэтта Шагинян писала, что во время ее посещения Нагорного Карабаха шелкомотальная промышленность была развита там слабо, поскольку много фабрик было разрушено. Грена была привозная – «белая, багдадская, и желтая, итальянская. До 70 деревень занято выкармливанием червя, но только несколько деревень, не больше 10, выкармливают свыше 50 коробок грены. Грену мажут на доску, и в мае она вылеживается, а когда из личинок вылупляются червячки, их начинают усиленно кормить тутовыми листьями». Процесс прядения начинался после того, как червячки «закупориваются в коконы, их высушивают на пару; червячок умирает, а кокон делается легким. После этого он готов к прядению». Прядение осуществлялось на станке, возле которого находилось «корытце с кипятком, туда ссыпают сухие коконы, и работница метелочкой собирает с них шелковинки. Потом… несколько шелковинок сматываются в одну и втягиваются станком; так и ползут они ровными крепкими рядами с коконов на катушку и не рвутся. Пряха то и дело опускает пальцы в кипяток, перебирает коконы, подхватывает нитку. Пряжа сматывается в ровные мотки. Так готовится блестящая тонкая нить натурального желтого и белого цвета, не столько человеком и его машинами, сколько червяком и его желудком. До войны в Нагорном Карабахе ежегодно разматывалось до 35 тыс. пудов сухих коконов, и пряжи вывозилось на два миллиона рублей, и это несмотря на то, что своего сырья имелось не больше восьмой части потребного количества» (*Шагинян*, 1927. С. 11–13).

И лишь постепенно шелководство стало возрождаться, заработали шелкомотальные фабрики, была организована раздача грены крестьянам; в 1923 г. в Гадруте была открыта гренажная станция итальянской фирмы «Чиче», распространяющая среди населения грену. Однако, по его словам, «общие условия сейчас мало благоприятны для этой отрасли. Потребление шелка сильно упало в Союзе, цена же его сравнительно не так повысилась, как

цена шерстяных и бумажных изделий. Мировая конъюнктура шелковой промышленности сейчас не совсем благоприятна, а между тем большая часть нашей продукции, исключая внутреннее потребление, должна идти заграницу. В текущем хозяйственном году твердая цена за пуд сырых коконов была установлена в 18 рублей, по каковой цене крестьянство и сдавало коконы. Это невысокая цена, ибо каждый крестьянин в среднем мог доставить только от 1–2 пудов коконов» (*Кочарян*, 1925. С. 29, 30).

Ткачество было распространено практически во всех селах. Каждая армянская девочка в крестьянской семье уже с 10 лет должна была уметь прясть, а к 15 годам – ткать.

В Армении, особенно в Арцахе и соседнем Сюнике издревле было известно и искусство ковроделия, здесь создавали ворсовые (*горг, хали*) и безворсовые (*карпет*) шерстяные ковры, отличающиеся богатством разнообразных символов. Эти исторические области были знаменитыми центрами ковроткачества не только Кавказа, но и Передней и Малой Азии. Местной арцах-сюникской школе принадлежит немало всемирно известных образцов ковроткацкого искусства со сложной изобразительной символикой, отражающей модель мира в воображении ранних земледельцев. Орнамент этих ковров повторял многие элементы композиций, характерных для армянского средневекового искусства и встречающихся в рисунках книжной миниатюры, в скульптуре, в частности на *хачкарах* (*Марутян*, *Саркисян*, *Харатян*, 1989. С. 46). На коврах этой школы изображались также многие символы и идеограммы, связанные с архаическими представлениями древних об основных этапах жизненного цикла человека и о сопровождающих их ритуалах. В частности, с зарождением у них особых представлений о загробном мире, в котором человек продолжает свою уже неземную жизнь, на коврах появляются орнаменты как символы возрождения, связанные с их пониманием таких понятий, как смерть и вечность жизни. Поскольку люди верили, что именно ковер выполняет функцию переправы покойного на тот свет, в Древней Армении его хоронили вместе с ковром, о чем свидетельствуют найденные в погребениях бронзового века фрагменты шерстяных тканей и отпечатки шерстяных ковров. Эта традиция сохранилась вплоть до начала XX в., когда умершего человека заворачивали сначала в саван, а затем в карпет, после чего его тело клали на другой ковер или карпет, покрывали ковровыми изделиями и так несли на кладбище, где его хоронили обернутым в карпет (*Аванесян*, 2012. С. 12–14). И до сих пор у армян принято гроб с телом покойного ставить на стол, покрытый ковром.

О развитии ткачества и ковроделия арцах-сюникской школы упоминают письменные источники. Так, Мовсес Каланкатуаци, рассказывая о событиях VII в., связанных с убийством великого князя Алуанка Джуаншера в гаваре Утик, пишет: «Тогда один из патрикеев, племянник князя, взяв полсотни воинов из своего намесского легиона, бросился в погоню за убийцей. Но, не надеясь догнать его, они направились к северу в гавар Арцах, исполненные жаждой мщения. Они разграбили дом его отца и, взяв шелковые и парчовые ткани, разноцветные ковры, золото и серебро, драгоценную утварь и мебель, а затем, разрушив и предав дом его огню, возвратились с воплями и плачем, [горькими] слезами оплакивая князя» (*Каланкатуаци*, II, XXXIV). О высоком спросе на армянские ковры и шелк Арцаха упоминают и арабские авторы. Так, автор X в. ал-Мукаддаси писал: «Вывозится из Берда'а масса шелку… вывозят покрывала и попадаются там превосходные мулы; устраивается в Берда'а в воскресные дни рынок, называемый "Кюркию", на который собираются жители этой области и других округов… Продают на этом рынке шелк и одежды. Нет ничего подобного выделывающимся у них шнурам и коврам, кошенили, покрывалам, краске…» (цит. по: *Караулов*, 1908. С. 14, 15). В средневековом Арцахе при некоторых княжеских домах существовали специальные ковроткацкие мастерские, продукция которых встречалась в крупных монастырских центрах Армении. Об этом сообщает, например, Киракос Гандзакеци, когда упоминает о жене князя Вахтанга из Атерка, Арзу-хатун, соткавшей вместе со своими дочерьми прекрасные ковровые покровы из козьей шерсти, служившие алтарными занавесами в монастырях Нор Гетика, Ахпата, Макараванка, Дадиванка (*Гандзакеци*. I, 14, 215, 216). В

арцахском селе Бананц уезда Гардман в 1202 г. был соткан знаменитый ковер «Ерахоран», хранящийся до сих пор в Вене.

Средневековые традиции искусства ковроделия продолжались в Арцах–Карабахе, как и в целом по Армении, и в последующие века (*Темурджян*, 1965; *Давтян*, 1975; *Погосян,* 2012. С. 198–204). Так, в конце XIX в. в целом ряде поселений Нагорного Карабаха, например, в Гадруте, Касапете, Тоге было налажено изготовление шерстяных ворсовых и безворсовых ковров, хурджинов, джеджимов, чувалов, мафрашей (*Словинский*, 1891. С. 313). Особенно ценились обладавшие высоким качеством шушинские ворсовые и безворсовые ковры из местной овечьей шерсти. Карабахские армянки продолжали также традицию ткать ковры, связанные с погребальным обрядом, в центре которых изображался покойник (об этом см.: *Аванесян*, 2012. С. 17, 18).

В то же время, уже со второй половины XIX в., с активизацией процесса интегрирования армян в процесс капиталистического развития, с миграцией многих из них в крупные города, ковроткачество, как и некоторые другие традиционные ремесла, постепенно сокращается (*Аванесян*, 2012. С. 26). Одновременно ковроткачеством, в частности. в Шуши начинают заниматься в татарских семьях. Так, в конце XIX в. в отношении этого города отмечалось, что по производству ковров «Шуши стоит вполне обособленно от соседних уездов и не имеет никакого влияния на изделия их. Вся связь Шуши в этом отношении с уездами ограничивается закупкою ею там шерсти, затем – тех видов изделий, которых не производит она сама… Это отсутствие влияния Шуши на изделия деревень объясняется тем, что посылать девушек в Шуши на обучение ковротканию затруднительно для крестьянской семьи, – для татарской потому, что там девушка уже с десяти лет считается невестой, для армянской же – потому, что все почти ковропроизводство в Шуши сосредоточено в татарских семьях, а отдать на обучение свою дочь в татарскую семью армянин не согласится по понятным причинам. Кроме того, у крестьян нет и побуждений посылать своих дочерей на обучение в Шуши: в деревнях ткут для себя (продают только в случае нужды), и поэтому не особенно заботятся об изяществе изделий, – даже в ущерб этой стороне дела стараются избегать сложных узоров, имея в виду сберечь время, – тем более, что ткут ковры, большей частью, весною, летом и осенью, когда время в деревне особенно дорого» (*Зедгенидзе*, 1891. С. 1, 2). Тот факт, что в то время в Шуши ковроделием больше занимались в татарских семьях, автор объясняет тем, что «бытовые условия у армян были менее благоприятны для коврового производства, нежели у татар. Татарин ленив, – он даже считает труд постыдным и стремится жить в некоторой степени за счет труда своей жены, которая почти раба в руках его. Поэтому татарка вынуждается посвящать большую часть своего времени не домашнему хозяйству и уходу за детьми, а заработку, – в данном случае – ковротканию. Не то в армянской семье: тут мужчина добывает средства на жизнь; на женщине же лежат домашние хозяйственные заботы и уход за детьми. Отсюда у армянки нет настоятельных побуждений заниматься ковротканием, и она действительно мало занимается им, но зато она лучше, опрятнее ведет хозяйство, больше заботится о детях, нежели татарка» (*Зедгенидзе*, 1891. С. 3).

В Арцах–Карабахе, как и во всей Армении было развито также искусство вышивки и кружевоплетения. Используя различные техники вышивали полотенца, скатерти, салфетки, красочными узорами расшивали шапочки, пояса, национальную одежду, особенно праздничную. В кружевоплетении использовали многообразные орнаменты, в том числе и архаические в виде солярных знаков, крестов, звездочек, а также цветов, птиц, различных геометрических и стилизованных растительных мотивов (подробно см.: *Давтян*, 1966).

Каждый армянский мужчина должен был быть знаком с простейшим способом выделки кожи (без дубления) для изготовления обуви, разного рода мешков, ремней и т.п. Шкуру с животного полагалось снимать целиком, без порезов, кроме нескольких естественных отверстий. Такая шкура была нужна для изготовления бурдюка (*тик*), заменявшего у армян бочку; для этого шкуру сшивали, оставляя только одно отверстие – горло бурдюка. В *тике*

просмоленной шерстью внутрь держали вино или водку, а в *тике* шерстью наружу – молоко, *мацун* (кислое молоко), масло, в нем же готовили особый сорт сыра – *мотал.*

Для дубления кожи употребляли квасцы, соль и золу. Чтобы удалить шерсть, шкуру тщательно промазывали раствором ячменной муки, скатывали и помещали в теплое место. Дня через три шерсть счищали, а кожу мяли. Если *тик* предназначался для хранения жидкости, то оставляли небольшое отверстие, вставив в него трубочку, чтобы выпускать жидкость; вливали же ее через широкое отверстие – горло бурдюка. Из очищенной от шерсти кожи шили мешки различной формы и величины для хранения круп, соли и т.п. Кожаная посуда была особенно удобна в дороге (*Лисицян*, 1955. С. 193, 194).

В традиционном домашнем хозяйстве у карабахских армян преобладала глиняная посуда. О том, что гончарное дело на Армянском нагорье и, в частности в той его части, где расположен Арцах–Карабах, имело глубокие корни, свидетельствует множество великолепных образцов керамики, обнаруженных при археологических раскопках на его территории, в том числе на месте древнего города Тигранакерта (I в. до н.э.).

Сельские гончары, среди которых были и женщины, изготовляли на гончарном круге, а иногда и без него, разнообразные изделия, необходимые в быту, – *карасы,* кувшины, миски, а также черепицу для кровли, плитки для пола и т.п. Особого мастерства требовало создание *тонира* (мест. *турун*) – традиционной печи, служащей для приготовления пищи и выпечки хлеба. Выкладывала *тонир* обычно женщина. Стоя в вырытой в земле яме, она накладывала кругами друг на друга жгуты из глины, давая время нижним рядам подсохнуть и окрепнуть. Затем в этом цилиндре разводился огонь для обжига глины. В *тонире* обжигали разного рода необходимую в хозяйстве глиняную посуду: *карасы* различной величины с одним или двумя ушками для хранения крупы, масла, солений и других продуктов; кувшины для вина; предназначенные для варки пищи сосуды с двумя ручками либо без ручек; доильник с широким горлышком, глубокие миски, остродонные кувшины и кружки для воды, маслобойки (*хноци*), солонки, светильники (*Лисицян*, 1955. С. 194).

В XIX–XX вв. в Карабахе гончарным делом занимались в основном в селе Хндзиристан и особенно в селе Ннги, которое известно как один из древних центров гончарства. Долгое время здесь функционировал знаменитый рынок по продаже гончарных изделий, где можно было приобрести высококачественные, созданные по традиционной технологии и украшенные национальными узорами разнообразные кувшины, карасы, чаши, горшки и другие изделия. В XXв. среди искусных мастеров этого села были известны братья Погос, Петрос и Мухан Хачунцы, а их продолжателем – А. Саакян (*Мкртчян*, 1988. С. 129). Если еще во второй половине XX в. гончарство в этом селе продолжало развиваться, то уже в наши дни оно, к сожалению, перестало существовать (ПМА. 1969; 2011).

Богатый лесами Карабах славился развитым деревообделочным производством. Обычно мужчины изготовляли из ствола дерева путем долбления чаны различной величины, маслобойки, корыта для теста и стирки, всевозможные ложки, солонки, деревянные части сельскохозяйственных орудий. Наибольшее развитие это производство получило в окруженных лесами селах Туми и Мохренес области Дизак.

Карабахские мастера-ремесленники изготовляли также пользовавшиеся большим спросом медные изделия – тарелки, миски, сковородки с длинными ручками, подносы, ступки, кружки для воды, подсвечники, тазы разнообразной формы, котлы.

С глубокой древности в Арцах–Карабахе, как и во всей Армении, развивалось ювелирное искусство. Каждая армянская семья (и городская и сельская) стремилась иметь определенные традиционные украшения – браслеты, кольца, украшения для головного убора, а также серебряные пуговицы, пряжки поясов для национального костюма. Некоторым украшениям придавалась роль оберегов от всевозможных несчастий, в частности от сглаза, бесплодия; верили также, что они могли приносить удачу и богатство. Ювелиры украшали и оружие, рукоятки и ножны клинков различных форм и размеров. Согласно исследованию Э.Г. Аствацатурян, в XIX–начале XX в. в ювелирных мастерских Закавказья, в том числе и Карабаха,

большинство ювелиров и оружейников, которые работали в основном в городах, были армянами. Например, в Шушинском уезде и, в частности, в городе Шуши если среди армян было 79 мастеров по серебру, 54 – по золоту и серебру, 5 – по бриллиантам и золоту, 18 оружейников, то среди татарского населения было 16 мастеров по серебру, 12 – по золоту и серебру и 7 оружейников; в Ханкенды мастеров по серебру среди армян было трое, среди татар – один; в Агдаме был только один армянский ювелир по золоту и серебру; в Джеванширском уезде – три армянских мастера по серебру и один оружейник; в Джебраильском уезде – два оружейника (в обоих уездах татарских мастеров не было) (подсчитано по: *Аствацатурян*, 1977. Ч. II. С. 34–36; 227–255).

Армянскими ювелирами изготовлялись разного рода украшения (кольца, браслеты, серьги), в том числе пояса, которые были непременной частью национального костюма как женского, так и мужского; немалую долю среди их продукции составляла также бытовая и церковная утварь. К концу XIX в. возрос спрос на ювелирные изделия европейского типа (*Аствацатурян*, 1977. Ч. I. С. 103). Национальный стиль изготовленных армянскими ювелирами из Нагорного Карабаха изделий проявлялся, в частности, в том, что они применяли технику, сочетающую литье и ковку с гравировкой и покрытием чернью, в орнаментике у них преобладали мотивы креста, что особенно было видно на примере поясов. В то же время изделия карабахских мастеров имели много общих черт с ювелирной продукцией других развитых центров данного ремесла в Армении, в частности в Ване и Карине (Эрзерум). Нынешние армянские ювелиры из Нагорного Карабаха неоднократно принимали участие в международных выставках и конкурсах, где их высококачественные изделия были отмечены призами (*Марутян*, *Саркисян*, *Харатян*, 1989. С. 46–48).

В Нагорном Карабахе в исследуемый период были широко распространены и многие другие виды кустарных и ремесленных промыслов. Там работали кузнецы, шорники, скорняки, красильщики, портные, производители свеч, варщики мыла, специалисты по изготовлению кирпичей и черепицы, каменщики и каменотесы, заготовители и пильщики дров, плотники, столяры, бондари и др. (*Словинский*, 1891; Атлас Нагорно-Карабахской республики, 2009. С. 85). Их продукция постепенно становилась предметом торговли.

О том, насколько развиты были в Арцах–Карабахе в XIX в. разного рода хозяйственные занятия, продукцию которых его население не только само потребляло, но и могло вывозить, свидетельствуют слова епископа Макара Бархударянца: «Арцахский край вывозит пшеницу, овес, шелк, хлопок, шерсть, рис, фасоль, бобы, лук, чеснок, земляные груши, морковь, свеклу, арбузы, дыни, огурцы, виноград, вино, водку, орехи, масло, сыр, мед, коров, волов, буйволов, овец, коз, свиней, коней, мулов, верблюдов, шкуры леопардов (барсов), медведей, волков, соболей, горностаев, а также буйволиные, бычьи, конские, овечьи, свиные кожи и шкуры, отборные ковры, карпеты, циновки, хурджины, мельничьи жернова, камни для надгробий, рыбу, икру и копченую рыбу» (*Бархударянц*, 2009. С. 21).

Народные средства передвижения

Природно-климатические условия Армянского нагорья и, в частности, той его части, где расположен гористый и покрытый густыми лесами Арцах–Карабах, способствовали появлению особых средств передвижения. Как и по всей Армении, здесь были распространены пеший, вьючный и тягловый виды народного транспорта. С древнейших времен для перевозки людей и грузов использовали домашний скот – ослов, мулов, катеров, лошадей, частично быков, буйволов, но основным вьючным животным был (и остается до сих пор) осел – *эш*. Почти каждое хозяйство имело одного-двух, а иногда и более ослов – этих неприхотливых и выносливых животных. Для удобного навьючивания и езды верхом, а также предохранения скота от всевозможных травм применяли войлочные или набитые соломой седла, укреплявшиеся на спине животного ремнями. Грузы перевозили в мешках или чаще в переметных сумах (*хурджинах*), сделанных из плотной безворсовой ковровой ткани и представлявших собой два одинаковых, скрепленных между собой мешка, которые перекиды-

вали через спину животного. Для перевозки грузов, а иногда и в качестве верхового либо тяглового скота карабахские армяне использовали в хозяйстве мулов (*джори*) и катеров. По словам местных жителей, мулов было выгодно иметь, поскольку они ели сравнительно мало и жили 45–50лет. Хотя лощадь (*дзи*) здесь также использовалась в качестве вьючного животного, но все же чаще на лошадях, тем более знаменитой карабахской породы, как упоминалось выше, ездили верхом, участвовали в скачках.

Снаряжение для вьючно-верхового скота отличалось большим разнообразием, причем наиболее древние образцы относятся еще к эпохе бронзы. Оно делалось из кожаных, войлочных, деревянных и даже металлических деталей.

Народные упряжные средства передвижения были бесколесные (волокуши, летние и зимние сани) и колесные (арба и ее разновидности). Волокуша – *кашан, соран* (от слов *кашел* и *сорал* – букв.: тянуть, волочить, скользить) относится к числу наиболее древних средств перевозки, широко распространенной в лесных районах Армении вплоть до сегодняшнего дня, с той лишь разницей, что если в далеком прошлом ее тянули несколько человек, то в дальнейшем использовался тягловый скот, а в современный период – трактор или другая новейшая техника. Волокушу обычно изготовляли из одного толстого или нескольких тонких стволов дерева либо из длинных веток.

В Арцах–Карабахе, как и в соседнем Сюнике, пользовались более усовершенствованным типом волокуши, называемым *кырыкашан* (букв.: камневоз). Это были два ствола дерева, несколько загнутые сзади, которые служили как бы полозьями, и все сооружение напоминало сани, хотя и было более архаичной и простой конструкции. Нижнюю часть «полозьев» для лучшего скольжения обтесывали, а на верхней в небольших углублениях вертикально укрепляли колья (*чах*) высотой примерно в полметра, на которые параллельно полозьям насаживали жерди (*тарр*). *Кырыкашан* использовали в основном в не зимнее время для перевозки камней и других строительных материалов.

Зимой в горных районах Армении для перевозки сена, сухих листьев, сельскохозяйственных продуктов использовали сани ручной тяги (*дахук*), отличающиеся от обычных саней тем, что их полозья в передней части постепенно поднимались и принимали настолько изогнутую форму, что человек, ухватившись за них, мог сам тянуть сани. Однако такие сани были не очень распространены, поскольку местное население не часто пользовалось перевозками грузов в зимнее время.

В Армении исстари были широко распространены различные типы арб (*сайл, сел*). Известно, например, что на обнажившемся после обмеления дне озера Севан археологи обнаружили двухколесные и четырехколесные повозки и боевые колесницы позднебронзового периода (XIV в. до н.э.); что многочисленные упоминания о колесных средствах передвижения имеются у античных и особенно средневековых армянских авторов. Правда, сообщаемые ими сведения относятся почти исключительно к используемым высшими слоями общества для парадных разъездов изящным, нередко позолоченным двух- и четырехколесным повозкам. В крестьянском быту во многих районах, в том числе в Арцах–Карабахе, армяне пользовались известной с древнейших времен в Передней Азии двухколесной арбой со сплошными массивными колесами (*марран сел*). Эти колеса, изготовленные обычно из трех кусков дерева, были наглухо насажены на квадратные концы оси (*серр*), которая крутилась вместе с ними. Кузов (*тапк*) делался из двух длинных (5–6 м) квадратной формы балок (*аррех*), скрепленных в передней части колышками (*клхапет, клхатур*), продетыми через отверстия на концах балок, на которые были уложены поперечные доски (*коп*). В сквозные отверстия, сделанные в балках и поперечных досках, вставляли колья (*кохачах*), а на них параллельно нижним боковым балкам насаживали жерди (*тарр*). Сконструированный таким образом кузов приобретал необходимую прочность, а его форма была удобна для перевозки различных грузов в горной местности (подробно о народных средствах передвижения см.: *Петросян*, 1972; 1974).

Характерной особенностью системы средств передвижения и перевозок у армян Арцах–Карабаха (как и в целом Армении), помимо различий в способах навьючивания и погрузки (обусловленной видом перевозимых предметов), было также использование определенных видов животных. Например, известно, что армяне не разводили и не использовали в качестве транспортного средства верблюдов, что широко бытовало среди соседних тюркоязычных племен, а также у персов (*Марутян*, *Саркисян*, *Харатян*, 1989. С. 4).

Поселения и жилище

Традиционные типы поселений и жилища у армян, в том числе карабахских, складывались на протяжении длительного времени под влиянием определенных исторических, социально-экономических и природно-географических условий.

В исследуемый период подавляющее большинство армян Нагорного Карабаха были сельскими жителями. Как уже отмечалось в литературе, сельские поселения, как и жилище того или иного этноса, хотя и представляют собой один из важных элементов культуры его жизнеобеспечения, однако развитие их обусловливалось не столько этнической традицией, сколько рядом других факторов. В качестве основного фактора, влияющего на процесс формирования и развития поселений, относится природно-экологический, т.е. природная среда обитания этноса, характеризующаяся рядом необходимых для его жизнедеятельности удобств: спецификой рельефа местности, наличием источников воды, пригодной для обработки земли, возможностями ее орошения, благоприятным климатом и т.п., - словом, теми условиями, которые смогли бы поддержать его витальные потребности. Немаловажными факторами, влияющими на структуру поселений, служат также специфика сельскохозяйственного производства, доминирование той или иной отрасли сельского хозяйства, а также формы социально-экономической организации в сельском обществе. Вместе с тем для армян Арцах-Карабаха, как и в целом для Армении, нельзя исключить и такой существенный фактор, как внешняя социокультурная среда. Наличие на протяжении веков постоянной угрозы извне, многократные войны с иноземными завоевателями за право самостоятельного существования оказывали определенное влияние на многие стороны их культуры, в частности, на необходимость строить в своих поселениях разного рода оборонительные сооружения, в частности крепости, сторожевые башни, не раз вынуждали армян совсем покидать свои прежние поселения и основывать новые в более безопасных местах (Культура жизнеобеспечения и этнос. 1983. С. 113–117).

Ландшафт той части Арцах–Карабаха, где в исследуемый период жили (и до сих пор живут) местные армяне, отличается многочисленными горными хребтами, глубокими ущельями, густыми лесными массивами, покрывающими его значительное пространство, вследствие чего более или менее ровных территорий для поселений здесь довольно мало. Прежде самой большой равниной в крае была Гаргарейская, или Арцахская, равнина, она же Муганская степь, расположенная в самой обширной исторической области Арцаха – Муханк (Муган), но впоследствии она была заселена мусульманами, а к концу XIX в. обезлюдела, превратившись в пустыню. В виде продолжения от нее пролегают небольшие равнины Амараса, Гадрута и некоторые другие (*Бархударянц*, 2009. С. 25, 43).

Из-за создавшегося малоземелья в результате оттеснения со второй половины XVIII в. карабахских армян в горы, а также постоянной угрозы нападения на них со стороны пришлых завоевателей местные армяне были вынуждены селиться большей частью в труднодоступных местах – в небольших ущельях, окруженных горами покрытыми лесами, или чаще на крутых горных склонах, по которым жилые и хозяйственные постройки располагались тесными ярусами, причем крыши нижних ярусов служили двором и улицей для верхних. Это приводило к скученности построек в их селах, при которой невозможно было проследить линии узких и кривых улиц, обычно мощенных камнями. По этим узким улочкам, у которых практически отсутствовала главная улица, перегоняли скот, возили в основном на вьючных животных разного рода поклажу. Так, по словам очевидца, «в селе Касапет существует

единственная улица, по которой можно ехать на арбе, а все прочие улицы представляют собою тропинки или узкие переулки» (*Израелов*, 1892. С. 45). Даже в таком сравнительно большом поселении, как Гадрут, в котором находились «штаб, церковь, некоторые по-европейски выстроенные дома», существовала «только единственная улица, которая, начинаясь у штаба и не доходя до половины села, далее суживалась и уже не представляла возможности проезду экипажам; все прочие улицы – узкие переулки, заваленные разным сором» (*Давидбеков*, 1888. С. 161).

В Карабахе села назывались *шен*, что означало также «обитаемый, целый, благоустроенный». Реже употреблялось распространенное в других областях Армении слово *гюх* (*Мкртчян*, 2010. С. 104). Слово *шен* вошло в названия целого ряда карабахских сел, например, Норашен, Норшен (Новое село), Сарушен (Горное село), Мецшен (Большое село), Спитакашен (Белое село), Схторашен (Чесночное село), Геташен (Речное село), Саркисашен (Село Саркиса), Сардарашен (Село сардара) и т.д. (см.: *Бархударянц*, 2009).

Сельские поселения включали не только находившиеся на их территории жилые, производственные, хозяйственные, культовые, административные и иные постройки, но и все сельскохозяйственные угодья вместе с функционирующими сезонными поселениями.

Во второй половине XIX в. земельные границы сельских поселений должны были определяться официально путем судебного межевания. Но поскольку принятый 29 июня 1861 г. указ о размежевании земель в Закавказье так и не был полностью выполнен, многие местные поселения не имели четко выраженных границ. В таких случаях крестьяне сами определяли границы своего поселения «живыми урочищами, указанием холмов, вершин гор и пр.» (*Деконский*, 1886. С. 251). Нередко из-за такой неопределенности между жителями соседних сел возникали споры, которые решались либо в судебном порядке, либо спорщики прибегали к вражде и даже к самосуду, как, например, жители сел Керт и Караундж Шушинского уезда (*Мкртчян*, 2010. С. 102). В то же время и при отсутствии судебных размежеваний жители ряда поселений, особенно наиболее старых, хорошо знали их территориальные границы и эти знания они передавали своим детям и внукам. Иногда у сельских жителей имелись даже соответствующие документы, подтверждающие границы их земель. Так, по сообщению А.Е. Хан-Агова, в Джеванширском уезде «у священника селения Келадака хранится фирман Шах-Сулеймана от 1682 г., в котором предписывается карабахскому Бегляр-беку вернуть келадакцам земли, захваченные селением Черман. В фирмане обозначены границы земли, находящейся у келадакцев. Подобные же фирманы есть в селениях Улу Карабек и Борсулу» (*Хан-Агов*, 1887. С. 363).

Для Нагорного Карабаха характерны три вида сельских поселений. К первому виду относятся наиболее старые поселения, сведения о которых были в свое время зафиксированы в армянских средневековых рукописях либо в эпиграфических источниках, в том числе в эпитафиях на надгробиях. Например, одно из старейших поселений Атерк области Хачен упоминается в источниках и как известный торгово-экономический центр на пути Двин – Партав (X в.), и как крепость с княжеской резиденцией (XII–XIII вв.), где у князя Вахтанга останавливался прославленный правовед и баснописец Мхитар Гош (*Гандзакеци*, 13). Красочное описание другого старинного поселения – Дог (Тог), в котором находилась резиденция дизакского мелика Егана, оставлено в XIX в. вардапетом Аракелом Костанянцем: «Город-крепость в древности, согласно переписи персидского царя, состояла из тысячи пятисот домов. Жители все были довольно богаты, располагали многочисленными драгоценностями, занимались торговлей. Они разъезжали по разным странам, городам и деревням и, находясь там, прибыльно торговали. Дома и покои их были украшены драгоценными сокровищами. Действовал здесь также ипподром, где проводились учения войск и скачки. Число мастерских по изготовлению кирпича достигало тысячи… А равнина была плодородной, покрытая садами и насаждениями. Здесь можно было отведать вкусные безвредные вина и сладкие плоды, а также купить благородный шелк…» (*Костанянц*, 1913. С. 7, 8; цит. по: *Мкртчян*, 1988. С. 76, 77).

Порой знания о времени основания старых поселений основывались и на разного рода исторических преданиях и легендах. Например, среди жителей ряда сел, в частности Чартар области Варанда, Мец Тагер области Дизак уже в наше время этнографом Артуром Мкртчяном и фольклористом Алвард Газиян было зафиксировано сохранившееся предание о том, что их предки переселились в горы из средневекового города Оранкала (его ученые отождествляют с древним городом Бильган (или Байлакан), находившегося в Мильской степи и уничтоженного Чингисханом) (*Мкртчян*, 2010. С. 105). По свидетельству Макара Бархударянца, прежде в Муганской степи было много армянских поселений, поскольку еще «во времена Агванского царства и княжества местность эта была подобна раю, ибо было проведено из Аракса множество каналов и орошена большая часть степи, из-за чего была она щедрой и благодатной на всякого рода плоды земледелия… Однако сейчас в Муганской степи нет ни воды, ни жителей, ни дерева, ни плодов и фруктов» (*Бархударянц*, 2009. С. 329).

Второй вид представляют поселения, основанные, в силу тех или иных обстоятельств, переселенцами из других мест, что нередко происходило в разных областях Армении. Например, большая часть жителей села Шош «пришла с меликом Баги из Сотка, еще несколько семей из Джраберда и один из Персии»; жители села Карин-так – «переселенцы из села Хцаберд области Бердадзор»; жители села Ханацах «в 1686 году первоначально переселились из села Ханацах Великого Сюника в Джраберд, затем обосновались здесь» (*Бархударянц*, 2009. С. 120, 122, 135); многие жители Гадрута были переселенцами «из разных местностей, обретшие здесь убежище от нашествия персов» (*Давидбеков*, 1888. С. 166). Как упоминалось, после заключенного в 1828г. Туркманчайского договора из общего числа (40 тыс.) армянских переселенцев из Ирана небольшая часть их (по одним данным 535 семей, по другим – 700 семей), преимущественно из области Карадаг, была направлена властями в Карабахскую провинцию. Но, согласно документам, 300 семей вернулись обратно, а многие погибли в Карабахе в результате эпидемии чумы. Оставшиеся переселенцы образовали в Карабахе более двадцати отдельных поселений (*Деконский*, 1886. С. 230); другие их группы поселились в селах с местным населением, которое называло переселенцев *карадагцами* или же *гялма* (тюрк. «пришелец»). Хотя между армянами Карабаха и Карадага исстари существовали взаимные контакты, в основном торговые, между ними, естественно, были определенные культурно-бытовые отличия. Так, «армяне-переселенцы из Персии во многом отличаются от коренных армян-карабахцев, как по языку, так и по костюму; наречие персидских армян не вполне понятно для армян туземцев, хотя за последнее время первые значительно утратили свой говор и усвоили несколько карабагское наречие» (*Хан-Агов*, 1887. С. 339).

Таким образом, несмотря на существовавший в Карабахе основной пласт старых поселений с местным населением, ряд поселений был сформирован позднее. При этом примечательно, что если даже жители были поздними переселенцами, они, осознавая определенную духовную связь с прошлым опустевших сел (которых с конца XVIII в. в Карабахе было множество), чаще всего предпочитали расселяться именно на месте этих старых поселений, где сохранялись следы жилых помещений либо старинных церквей, заброшенных кладбищ (*Мкртчян*, 2010. С. 105, 106). Тем самым вновь возрождались опустевшие поселения. То же самое имело место и в других районах Восточной Армении.

Третий вид составляют образовавшиеся из тех или иных поселений отселки. Образование их было обусловлено прежде всего экономическими причинами, в частности спецификой ведения сельского хозяйства, основанного в Карабахе на комплексном сочетании земледелия и скотоводства. Как отмечалось, с увеличением численности населения возникала необходимость в расширении площади пахотных земель за счет вырубки лесов. Но приобретенные таким образом новые пахотные земли, на которых крестьянам приходилось много времени трудиться, были удалены от их дома на значительное расстояние. В связи с этим для удобства вблизи новых пашен крестьяне начинали строить тока (*калер*) для зерна, а также временные жилые помещения, которые затем постепенно превращались в постоянные, поскольку нелегко было ежедневно остальным членам семьи (в основном это были женщины) приносить из дома

еду для работающих там мужчин; сложно было также перегонять дважды в день скот из села и обратно. Так возникли отселки, например, от старых поселений Чартар, Сос, Тагавард области Варанда, которые не имели своего названия и известны как *Калер*, т.е. тока. Отселки образовывались и на местах зимнего и летнего содержания скота и поэтому назывались *Кюмер*, т.е. хлева. В образовывавшихся отселках было принято поселять и слишком разросшиеся семьи, и тогда эти поселения назывались либо по имени основателя рода, либо по имени главы данного переселившегося семейства (*Лисицян*, 1992. С. 85, 86).

Если в первое время в таких отселках обычно жила не вся семья, а только те ее члены, которые временно были заняты сельским хозяйством, то постепенно, в связи с естественным ростом населения и увеличением численности семей, женитьбой братьев, сыновей, стремлением их жить своими семьями отдельно, но из-за малоземелья лишенных возможности построить себе дом в основном селе, в эти отселки стали переселяться и другие члены семей. Со временем в этих отселках стали появляться объекты общественного назначения, новые кладбища, строились церкви, что позволяло проводить общественные и семейные обряды, отмечать праздники и, в конечном счете, способствовало превращению временных отселков уже в постоянные поселения (*Мкртчян*, 2010. С. 107, 108). О том, что некоторые поселения Нагорного Карабаха прежде представляли собой отселки, свидетельствует включение со временем в их названия слова *таг*, т.е. квартал, например, села Тагавард, Тагасер, Тагер, Таг, Тагут, Мохратаг, Оратаг и др.

В хозяйственном отношении каждое поселение в Нагорном Карабахе составляло одну сельскую общину, которая в исследуемый период продолжала оставаться основной формой организации сельского населения во всем Закавказье. Сельская община была не только хозяйственной, социальной организацией, административно-фискальной единицей, но и основным носителем этнической традиции. В Карабахе не встречались общины, которые включали бы больше одного поселения, а также поселения, в которых сосуществовали бы две общины. В качестве самостоятельных общин здесь фигурировали и те отселки, которые со временем перерастали в постоянные поселения, сохраняя с основным селом уже только чисто формальную связь. Все члены общины были тесно связаны в бытовом отношении, составляя единый поселенческий коллектив (*Мкртчян*, 2010. С. 59).

Для сельских поселений Арцах–Карабаха, как и соседнего Сюника, из-за преобладания в них, в силу схожей специфики горного рельефа, беспорядочной планировки было характерно отсутствие единого, композиционно выраженного центра. В качестве такого центрального места, где могли встречаться и общаться мужчины-односельчане, обычно выступала небольшая прицерковная площадь, кровля чьего-либо дома, родник и т.д. Местом такого общения могло служить и большое раскидистое дерево, как например, в селе Аветараноц (быв. Чанахчи), где «стоит огромный ствол карагача, обложенный кругом каменными плитами. Здесь в прошлом собирались старики, чтобы обсудить дела и рассудить по обычному праву спорящие стороны» (*Петров*, 1940. С. 33). В этом плане жителей села Схторашен и до сих пор продолжает привлекать огромный двухтысячелетний платан высотой более 54 м, из-под которого бьет холодный родник Тенджру; для проведения досуга в селе Таг (около Гадрута) мужчины и сейчас собираются у двух высоких платанов, растущих вблизи архитектурно оформленного сооружения над родником, территория вокруг которых была впоследствии благоустроена (ПМА. 2007, 2011).

Хотя единого, специально отграниченного центра в поселениях Карабаха, как правило, не было, в то же время в них наличествовала характерная и для других регионов Армении разбивка на отдельные кварталы (*таг*), образованные главным образом в соответствии с родственным принципом их заселения. Сначала это были семейно-родственные кварталы, позднее, в связи с расширением поселений со второй половины XIX в. они становились также семейно-соседскими либо родственно-соседскими. Проживавшие в том или ином квартале жители, при этом чаще женщины, признавали между собой и своими семьями определенное квартальное единство, поэтому поддерживали более близкие отношения друг с другом, чаще

общались, а в случае необходимости приходили друг к другу на помощь, например, во время выполнения разного рода хозяйственных работ, в том числе такого трудоемкого занятия, как выпечка хлеба. В пределах своих кварталов происходили игры их детей, общение холостой молодежи, которая группировалась таким образом и во время общесельских игр и праздников. Если в селе была площадка, на которую выходило несколько кварталов, т.е. она была как бы в его центре и общей, то она также нередко служила местом общения мужчин-односельчан, независимо от их родственных связей между собой. Особенно часто такая площадка была местом собраний для мужчин старшего возраста (*Лалаян*, 1897. С. 26, 27). Такие собрания в ряде сел Карабаха, в частности Шушинского района, назывались *шнамач*, т.е. «центр села» (*Варданян*, 1981. С. 136).

Жизненно важное значение для местных жителей имело наличие в их поселении родников, которые были для них обычно единственными источниками питьевой воды. Как правило, в поселениях был не один родник, и все они считались общими. Многие родники имели свои названия, часто по именам строителей, указанных в надписях над ними вместе с годом их постройки и нередко поводом к ней. Некоторые родники были связаны с конкретными историческими событиями или лицами. Например, в селе Туми, у развалин дворца царя Гагика (X–XI вв.) «есть превосходный ключ, над которым в давние времена было выстроено здание из тесаного камня. Ключ этот называют Царский родник» (*Бархударянц*, 2009. С. 82). Родник в селе Даграв был назван по имени побывавшего там в 1881 г. известного армянского писателя-романиста XIX в. Раффи (*Мкртчян*, 1988. С. 156).

Около родников для времяпрепровождения собирались не только мужчины. Сюда обычно приходили за водой также молодые женщины и девушки, причем незамужние девушки могли встречаться здесь с юношами, пригонявшими по утрам и вечерам скот на водопой (такие встречи в других местах по нормам этикета возбранялись); крестьянки полоскали в роднике белье; многие родники, особенно с минеральными источниками, служили местом отдыха в праздничные и воскресные дни; у родников собирались паломники, совершались жертвоприношения. При этом у родников собирались не только сельские жители, но и горожане. Например, излюбленным местом отдыха шушинцев был находящийся недалеко от города *Пехи ахпюр* (Грабовый родник), о котором Лео писал, что этот родник – «первая гордость шушинца. В воскресные и праздничные дни у родника собирается множество людей, и ущелье наполняется их возгласами и песнями, а в обычные дни, как правило, там была одна или две группы пирующих» (цит. по: *Мкртчян*, 2010. С. 122). В конце XIX в. шушинский мастер Исаак благоустроил этот родник, оформив над ним архитектурное сооружение; с тех пор родник стал носить его имя «Исааки ахпюр» (Родник Исаака) или по-тюркски – «Исабулах» (*Мкртчян*, 2010. С. 122).

Помимо таких широко известных в Арцах–Карабахе великолепных средневековых монастырских комплексов и храмов, как Амарас (IV в.), Дадиванк (IV–XIII вв.), Гандзасар (XIIIв.) и др., практически в каждом его поселении в качестве культового объекта обязательно была церковь, олицетворяющая его самостоятельность. Некоторые поселения, например, Туми, Мохренес, Тагавард имели по две церкви. Подавляющее большинство церквей здесь названо именем Пресвятой Богородицы (*Сурб Аствацацин*). Церкви обычно строились на средства всех жителей села, но иногда расходы на строительство брал кто-то из состоятельных односельчан, проживавших обычно в городе, о чем сообщалось в надписях. Например, над окном церкви Кармир в селе Туми была надпись: «В год 449 в царствование царя Гагика, сына Мусэ, я, Воски, дочь Мушэ, построила храм Божий во спасение души своей и родителей моих»; на тимпане входной двери церкви в селе Неркин Тагавард надпись: «Построил церковь сию, посвященную Пресвятой Богородице, на собственные средства свои и расходы сын благородного Берама-аги, полковник Мелик Джумшитян Шахназарянц в память и здравствующих и почивших во Христе родных его. 1840» (*Бархударянц*, 2009. С. 81, 89).

Церковь посещали и мужчины, и женщины; во время различных праздников сюда приходили также молодые люди, девушки, дети. В церкви совершались важнейшие религиозные обряды жизненного цикла – венчание, крестины, отпевание.

В Арцах–Карабахе, как и во всей Армении, широко были распространены *хачкары* (крестные камни). Это укрепленные на широком каменном основании высокие и массивные плиты прямоугольной формы, на лицевой стороне которых представлена композиция с крестом в центре сплошь украшеная ажурной резьбой в виде сложного растительного и геометрического орнамента, причем никогда не повторяющегося. Особый интерес представляют распространенные здесь *хачкары* с большими рельефными сценами из обычной жизни – на них всадники в полном вооружении, священники в ризах, крестьяне в повседневной одежде, сельскохозяйственные и бытовые предметы (*Орбели*, 1963б. С. 196). Интересен *хачкар* из Дарбаснера – родового поместья князей области Хачен Джалалянов, воздвигнутый в конце XII в. в честь женщины-музыканта. На нем изображена трогательная сцена встречи этой женщиной с возвратившимся с поля боя воином-победителем. На поясе у него подвешен лук, рука, держащая копье, опущена. На голове у женщины косынка, длинные концы которой спускаются до груди, правой рукой она держит музыкальный инструмент, а левая слегка отведена в сторону (*Мкртчян*, 1988. С. 20).

Кладбища в старых поселениях Арцах–Карабаха располагались на их окраинах. Как и по всей Армении, и здесь, как правило, отводили под кладбища находившиеся поблизости от поселения возвышенности, холмы. Процесс формирования кладбищ в Арцах–Карабахе, как и по Армении в целом, проходил в два этапа. На первом этапе, совпадающем со временем основания церкви, которая строилась обычно на окраине села, хоронили на прицерковной площади. В дальнейшем, по мере разрастания поселения, церковь оказывалась внутри села, поэтому под кладбище отводился новый участок уже за пределами села. Для большинства местных кладбищ было характерно наличие близко расположенных друг к другу родственных захоронений.

На прицерковных кладбищах продолжали хоронить только духовных лиц высокого ранга. На надгробиях знатных лиц обычно писались эпитафии. Например, в селе Тог, где в пристроенной к церкви часовне похоронены мелики Дизака и члены их семей, в числе таких надписей были и такие: «Это могила отважного князя, великого мелика по имени Еган, что сыном был благочестивого архимандрита по имени Гукас. Возлюблен был он весьма владыкой страны, что звался Надир. Обладал он страной своей, всей провинцией Агванской, удостоился чести более великой, чем остальные князья страны Армянской… 1193 (1744)» или: «Это могила мелика Есаи, сына великого мелика Егана. И был он возведен Шахом Надиром, и владел страной Дизак 33 года, и совершил немало геройств, и множество побед одержал над неверными, и был он в могуществе своем превыше, чем бывшие до него, а оборвалась нить жизни его по воле Божьей 2 октября 1230 года (1781). Кто прочтет, помяните грешного добром, аминь». На кладбище села Аветараноц, где хоронили членов рода Мелик-Шахназарянов, в числе надписей на надгробиях были следующие: «Здесь покоится мелик Шахназар, сын мелика Хусейна, князя областей Арцахских, владыки Варанда. Он был отцом мелика Джумшуда, полковником Российским, преданным нации Армянской, отважным и храбрым полководцем. Прошу помянуть многогрешного единым словом перед Богом. Год 1792». Или вот другие надписи: «Это могила мелика Джаанбахши, правителя области Варанда, благородного сына мелика Шахназара. Скончался в 1822 году»; «Мелик Худат, владетель Варанды, кровный внук мелика Джумшуда. Это его могила, в которой лежит телом, а душой всегда бессмертно живой. В сорок лет ушел он из мира, избегая всякого зла. Камень этот воздвигнуть повелела в честь него супруга его безутешная. Год 1282 (1833)» (*Бархударянц*, 2009. С. 79, 95).

Помимо монастырей, церквей, часовен, *хачкаров,* в качестве культовых объектов для местных армян служили многочисленные священные, по народным представлениям, вершины гор, рощи, камни, деревья, родники, с которыми были связаны различные предания

и легенды. К месту нахождения их приходили паломники, там же совершались обряды жертвоприношения (*Петрушевский*, 1930. С. 14–25). Особую священную роль в Карабахе играли также общесельские очаги, не отличавшиеся по своей конструкции от обычных домашних, поскольку находились в домах их владельцев. У этих очагов молились, совершали обряд жертвоприношения; к ним для получения благословения шли во время свадьбы новобрачные; если в каком-либо селе еще не было церкви, такой общесельский очаг брал на себя ее функцию (*Лалаян*, 1897. С. 115; *Мкртчян*, 2010. С. 125). Таким образом, совершенно справедливо звучат слова Макара Бархударянца о том, что «ни один другой край не может сравниться с Арцахом таким числом святилищ и мест паломничества» (*Бархударянц*, 2009. С. 20).

В селах Карабаха были церковно-приходские школы, небольшие магазинчики - *духаны*, парикмахерские, иногда портняжные, обувные, оружейные мастерские. Распространены были также тока, мельницы, порой маслодавильни, кузницы.

Завершая раздел о поселениях, не могу не сказать о том, что сложная политическая ситуация, в которой не раз оказывался Арцах–Карабах за свою многовековую историю, а также происходивший процесс вытеснения коренного армянского населения с его территории пришлыми племенами привели к тому, что к концу XIX в., т.е. ко времени исследования Макара Бархударянца, оказалось, что «сейчас в Арцахе в руинах и запустении лежат три города, десять поселков и 360 сел», списки которых он приводит в своей книге (*Бархударянц*, 2009. С. 10, 373–377).

Жилище. Для армян в качестве традиционного народного жилища был характерен дом со ступенчато-венцеобразным (или ступенчато-пирамидальным) перекрытием – *глхатун* (т.е. дом с главой), описанный еще Ксенофонтом и представленный двумя типами. Жилище первого типа, отличительной особенностью которого было разделение жилой и хозяйственной частей, было характерно для предгорных, богатых лесом районов Армении – Лори, Тавуш, Сюник, Васпуракан, Ахдзник, в числе которых был и Арцах–Карабах. Во всех других районах преобладал второй, более сложный тип – *глхатун* с многоступенчатым венцеобразным сводом и конусообазной крышей, в котором жилые и хозяйственные части составляли одно целое и были связаны между собой крытым двором.

У армян Нагорного Карабаха *глхатун*, называемый здесь также *кырыкочов тун* (т.е. дом с вогнутыми бревнами перекрытия) и *карадам*[1] (т.е. черный дом), бытовал в трех видах – наземной, полуподземной и подземной постройки, из которых второй вид встречался чаще всего (*Лисицян*, 1925; *Кобычев*, 1957. С. 65). Этот тип жилища, хорошо приспособленный для проживания в нем большесемейной общины и широко распространенный от Закавказья и Средней Азии до Индии и Кореи (*Ильина*, 1946. С. 23–29), отличался особенностями внутренней планировки и формой перекрытия. Это была несколько углубленная в землю каменная постройка квадратной формы со ступенчато-венцеобразным сводом, заканчивающимся квадратом светового отверстия (*ердик*), служившего одновременно единственным окном и дымоходом для устроенного под ним очага. Основной конструктивной особенностью такого жилища было то, что все перекрытие опиралось не на стены, а на массивные, тщательно обструганные дубовые столбы-колонны (*сюн*), которые устанавливались по его углам на некотором расстоянии (немногим менее 1 м) от каждой стены и были надежно закреплены на тяжелых каменных основаниях. На эти столбы параллельно стенам укладывали по одному толстому бревну (*керан*), поперек которых, ближе к центру, укладывали два других, более коротких бревна (*чохтак*, т.е. парные), которые и образовывали с двумя первыми бревнами квадрат. Каждый последующий квадрат составляли бревна чуть короче и тоньше бревен предыдущего квадрата, так что пирамидальный свод по мере возвышения

[1] *По словам С.Д. Лисициана, хотя слово карадам татарского происхождения, оно «не имеет решительно никакой связи с татаро-монгольскими жилыми помещениями. Правда, в некоторых татарских селах можно встретить карадамы, напр. в окрестностях Гадрута, иногда очень обширные, прочно и аккуратно возведенные; однако, они везде построены армянами-мастерами в бывших зимовьях, где население от кочевого или полукочевого скотоводческого хозяйства сравнительно недавно стало переходить или перешло к культуре садовой или зерновой» (Лисициан, 1925. С. 99).*

сужался. Пространство между бревнами этих квадратов (обычно их было четыре) покрывали метровыми деревянными брусками, поверх которых, создавая кровлю, клали хворост, обмазывали его глиной и уже затем покрывали слоем утрамбованной каменным валиком земли. Однако, несмотря на столь тщательно выполненное устройство крыш, они нередко протекали во время даже небольшого дождя. Поэтому заботливые хозяева, как только начинался дождь и земля немного размягчалась, старались еще плотнее утрамбовывать землю на кровле, пока все трещины не закрывались, для чего хлопали по ней специальным приспособлением – бараньей или козлиной шкурой, привязанной к длинному шесту (*Давидбеков*, 1888. С. 181).

Поскольку стены в таком жилище не были несущими, то они часто возводились из нетесаных камней на глиняном растворе, без использования извести и песка. Несколько выдвинутые вперед боковые стены жилища образовывали открытый спереди навес типа сеней (*срах, схар*), из которых входная толстая и низкая дверь вела в дом. Перед дверью, для предохранения попадания в жилое помещение холодного воздуха, обычно ставилась каменная или деревянная перегородка (*дрбзи*). Она же защищала от посторонних взоров находившихся в теплое время года под навесом членов семьи, которые предпочитали выполнять здесь ту или иную домашнюю работу, а также отдыхать. Тут же ставилась широкая и длинная *тахта*, покрытая обычно *карпетом*, а также находились различные сельскохозяйственные орудия, иногда – ковроткацкий станок, большой деревянный ларь-амбар на низких ножках для хранения зерна и муки. Для приготовления летом пищи в боковой стене в небольшой нише устраивали очаг-камин (*бухари, оджах*).

В центре *глхатуна* в небольшом, обложенном камнями углублении для разведения огня помещался открытый очаг. Его топили большими толстыми бревнами, которые по мере сгорания придвигали ближе к огню. Зимой огонь в очаге поддерживали круглые сутки. Такой очаг служил как для обогрева, так и для приготовления пищи на металлическом тагане или просто на двух камнях. Именно из-за исходящего от очага дыма, от копоти которого чернели стены и потолок дома, произошло название этого типа жилища *карадам* (черный дом) (*Лисицян*, 1925. С. 103, 104; *Марутян*, 1989. С. 73). В то же время традиционную глиняную печь *тонир* (мест. *турун*), служившую главным образом для выпечки хлеба, в Карабахе помещали вне дома, в отдельном помещении, имевшем свое дымовое отверстие, либо просто под навесом. Эти помещения с *тониром,* который топили здесь дровами, назывались *турнатон* (букв.: дом тонира), каждый из них имел свое название по имени *азга*, которому он принадлежал, или же по месту нахождения в квартале. Не каждое хозяйство имело свой *турнатон*. Нередко несколько семей пользовались одним таким помещением, если даже оно принадлежало какой-либо конкретной семье. Иногда *турнатон* строили соседи совместными усилиями. Обычно эти помещения находились в разных кварталах села из расчета один *тонир* на несколько домов. Соседские семьи пекли в них хлеб поочередно, помогая друг другу. Здесь же нередко для проведения досуга собирались соседские женщины, особенно зимой, когда там было тепло после выпечки хлеба (*Мкртчян*, 2010. С. 112, 113).

У карабахских армян, как и у всех армян, существовал культ домашнего очага, особое его почитание, связанное с культом огня и плодородия. Огонь очага ассоциировался с благополучием дома, поскольку кормил и грел его обитателей. Поэтому поделиться огнем из своего очага армянин не мог – обычай запрещал это: считалось, что хозяин рискует благополучием своего дома и семьи. Позднее, к концу XIX в., этот запрет был ограничен тремя днями в неделю (понедельником, средой и субботой), ночным временем и некоторыми ситуациями, например, когда в доме был новорожденный, когда на огне кипятили молоко и т.п. В огонь нельзя было бросать мусор, плевать в него, заливать водой. По поверью, огонь мог «наслать проклятие» на того, кто зальет его водой, и человек умрет. Чтобы погасить огонь, его полагалось засыпать золой, но это делалось только в том случае, если переставала существовать живущая около этого очага семья. Когда человеку хотели сказать что-то приятное,

благословить его дом, говорили: «Да будет вечным дым твоего очага», и страшным проклятием для армянина было: «Пусть иссякнет дым в твоем очаге!».

Важно отметить, что традиционное жилище типа *глхатуна-карадама* было характерно в Арцах-Карабахе для всех сословий населения, включая наследственных *меликов*, дворцы которых – *амараты* – мало чем отличались по своей конструкции от крестьянских жилищ. Разница была лишь в имущественном неравенстве их обитателей, которая выражалась в том, что жилища *меликов* были просторнее и лучше оформлены внешне, в частности, для фасадов их домов использовались гладко обтесанные камни, богаче был их интерьер. Сравнительно позднее (не ранее XVII в.) в них произошел и переход от деревянного потолка к каменному (*Лисицян*, 1925. С. 105).

В конце XIX – начале XX в. в селах Нагорного Карабаха, особенно в тех районах (Варанда, Дизак), в которых сильнее было развито отходничество в промышленные города, получили распространение новые для своего времени и выстроенные в подражание городским каменные одноэтажные и двухэтажные дома, с балконами на оба этажа, но не с плоскими крышами, характерными для ряда засушливых регионов Армении, а с двухскатными крышами, покрытыми жестью или черепицей, что было связано с обилием здесь атмосферных осадков. В то же время в этих новых домах повторялись некоторые черты старого народного жилища. Так, задняя стена нижнего этажа такого дома укреплялась в склоне горы, а боковые стены в обоих этажах выдвигались вперед, образуя основу балконов; в них оставляли ниши-очаги для приготовления пищи. В боковых стенах со стороны балкона были окна, узкие снаружи и расширяющиеся вовнутрь. Нижний этаж такого дома отводился для хранения домашних запасов, а верхний предназначался для жилья и приема гостей и представлял собой одну просторную комнату (*Лисицян*, 1925. С. 106, 107). Эти новые дома постепенно вытесняли старые *глхатуны-карадамы.* Например, по наблюдениям Ф.И. Джейранова, в селе Чайкенд Елисаветпольского уезда «жилищами раньше служили землянки, число которых в последнее время значительно уменьшилось, уступив место домам одно-и двухэтажным, с более или менее прочными каменными стенами на известковом цементе; ныне землянок гораздо меньше, чем домов, снабженных окнами. Крыши домов плоские, с земляною насыпью, за исключением 18–30 домов, у которых двускатные, с черепичным покровом. Ввиду несомненных преимуществ, число черепичных крыш увеличивается с каждым годом» (*Джейранов*, 1898. С. 62, 63). В селе Даш-Алты Шушинского уезда постройки жителей «можно разделить на два вида: старинные и новые; старинные дома имеют вообще бедные крестьяне» (*Осипов*, 1898. С. 106).

В дальнейшем «карадамы в Нагорном Карабахе давно уже перестали строиться: мужчины, уходящие на заработки в Баку, Ленкорань, Грозный и в Закаспийскую область, возвращаются с новыми привычками, которым уже не отвечают дымные, зимою плохо отопляемые, темные и сырые подземные жилища предков. Обилие стекла, жести и др. строительных материалов давало возможность уже оставлять оконные просветы не в крышах, а в стенах, тем более, что умение выкладывать каменные печи или возможность ставить железные печи разрешало проблему отопления, не прибегая к открытому очагу посреди комнаты или в широких нишах-каминах. Дома нового городского типа выросли победоносно во всех селениях, вытеснив карадамы» (*Лисицян*, 1925. С. 106). Старинные *карадамы* уже тогда в Варанде, Дизаке и Хачене большей частью сносились, чтобы на их месте можно было построить новый дом. Но иногда они еще служили жилищами для бедняков и осиротевших семей. Кроме того, их использовали и в качестве амбара, хлева или для других хозяйственных нужд. Дольше всего *карадамы* сохранялись в северных районах Карабаха, в частности, в отдаленной Атеркской волости (*Лисицян*, 1992. С. 84).

Об этих же наблюдениях писал и Г.А. Кочарян: «Отхожие промыслы оказывают большое влияние на экономику страны: помимо того, что из города притекают средства, дающие крестьянину возможность прикупить недостающий инвентарь или скот, город прививает селу ряд культурных привычек, заметно меняет бытовую обстановку. Уже один вид селений в

Варанде и Дизаке, поставляющих много народу, и Джраберда, откуда нет тяги в город, подтверждает вышесказанное. В Джраберде жители многих сел живут еще в землянках, в так называемых карадамах, не привыкли к кроватям, стульям и другой мебели. Жители же селений Варанды живут в каменных двухэтажных домах, имеющих несколько комнат» (*Кочарян*, 1925. С. 36).

Армянские мастера строили традиционные жилища не только для себя, но и для представителей соседних народов, перешедших на оседлость. Так, по наблюдениям В.П. Кобычева, «основным жилищем азербайджанцев (проживающих на склонах Малого Кавказа и Нагорного Карабаха) являлся карадам, который строили в большинстве случаев мастера-армяне»; «жилищем богатых и зажиточных курдов были карадамы, построенные мастерами-армянами» (*Кобычев*, 1957. С. 66).

Домашний скот и птицу карабахские армяне держали в специально построенных из камня удлиненных низких помещениях (*гём*), которые по существующей здесь традиции находились несколько обособленно от жилого дома. Свет в них проникал только через дверь и маленькое отверстие в стене, служившее для выкидывания навоза.

Что касается интерьера традиционного жилища местных армян, то в литературе конца XIX в. имеются дополняющие друг друга описания его в ряде поселений. Так, «при входе в карадам гадрутца прежде всего бросается в глаза очаг, где пылает огонь; вокруг него обыкновенно располагаются на разостланных коврах или паласах, поджавши ноги, все члены семьи. Отец, как старший член семьи и глава дома, занимает почетное место около самого очага. В одном из углов жилища хорошего домовитого хозяина помещаются разной величины кувшины с маринованными или посоленными овощами; здесь вы найдете капусту, *похи* (перекати-поле), огурцы, помидоры, перец и проч. В другом углу лежит большое деревянное корыто с печеными круглыми и плоскими хлебами, называемыми, по-местному, *проз.* В третьем стоят мешки, по-местному, *чувал,* вытканные из овечьей шерсти, с мукою и другими хлебными зернами. В четвертом углу помещается курятник, над которым лежат земледельческие орудия, остатки шкур и кож убитых или издохших от разных болезней домашних животных. Перед одною стеною, вдоль ее, сделана деревянная тахта, с аршин высоты и около 10 аршин длины, куда укладывают постель и другие домашние вещи; а под тахтою прячут посуду. Около другой стены стоят *карасы* с водкою. На стенах развешены сушеные овощи, веревки, маленькие мешки с орехами и другими сушеными фруктами. Освещается жилище гадрутца одною глиняною лампадою, в которой горит черная нефть; фитиль делается из остатков старых, совершенно изношенных, бумажных материй. Всякого рода горячие кушанья готовятся женщинами на очаге, а хлеб два раза в неделю пекут в *тондире*» (*Давидбеков*, 1888. С. 181, 182).

В селе Даш-Алты (Карин-так) «внутренность дома не отличается красотой: те же стены и столбы, в которых вбиты гвозди; тут висят разные домашние вещи, оружие и т.п. В одной стороне дома находятся съестные припасы: пшеница, ячмень, печеный хлеб в корыте, кувшины с маринованными огородными растениями, сыр, масло и т.д.; в другой – земледельческие орудия и те вещи, которые не употребляют часто; в третьей – помещается ниша (*тахт*), под которой держится домашняя утварь. В самой средине, против отверстия в крыше помещается очаг, вокруг которого живут домохозяева: обедают, принимают гостей, чистят шерсть, прядут нитки, варят пищу и т.д. От постоянного дыма внутренность дома чернеет, потолок покрывается сажей; дверь и зимою почти всегда бывает открыта» (*Осипов*, 1898. С. 106). Тот же автор оставил описание интерьера нового для того времени дома: «Дома зажиточных даш-алтынцев состоят от 3 до 6 комнат, которые расположены в два этажа; комнаты в нижнем этаже служат для хранения домашних вещей и обыкновенно бывают сыры, а в верхнем этаже живут хозяева. Материалом для постройки этих комнат служит белый известняк, которым очень богато селение… Особой кухни не устраивают, а пищу приготовляют в каминах. В нижнем этаже хранятся всевозможные съестные припасы, земледельческие орудия и, вообще, те вещи, которые не приходится употреблять долгое время. Верхний этаж

содержится гораздо чище и опрятнее, чем нижний: в одной стене комнаты находятся шкафы, в которых держат тарелки, бутылки, чайный сервиз и другие мелкие вещи; в другой – помещается ниша, куда собирают постель и закрывают занавеской; в третьей – находится камин, а в четвертой – окна с железными решетками, рамы со стеклами, которые по вечерам закрываются белыми занавесками. Комнаты убраны по-азиатски: на деревянном полу настилают паласы или килимы, на них, вдоль стен, ковры, на коврах, если имеется, столы и стулья; с середины потолка висит лампа. Зимою ставят железные печи. Летом почти все время живут на балконах. В общем домашняя обстановка даш-алтынцев походит на городскую» (*Осипов*, 1898. С. 107).

В селе Чайкенд (Геташен) «внутреннее убранство жилища у крестьянина среднего достатка таково: у одной из стен стоит длинная тахта, почти по всей длине стены, шириною около 2,5 аршин; она убирается коврами, джеджимами, карпетами и заменяет кровать для всей семьи. Пол земляной, неровный, часто сырой от разливаемой воды, потолок из мелких нетесаных досок, поддерживаемых толстыми балками, толщиною в 5–5,5 верш., тоже не гладких и, обыкновенно, закоптелых от дыма. Стены у редких домов выштукатурены. У одной стены устраивается камин; впрочем, в последнее время вошло в моду употребление железных печей. В одном углу стол или сундук, а на нем постель, обтянутая белым покрывалом, а иногда и ничем не покрытая. Это у одних, а у других постель помещается на нишах, закрываясь с внешней стороны занавескою, края которой обшиты красною лентою или кружевом. Упомянутые сундуки служат для сохранения дорогих вещей, а в особенности женских уборов. Постель приготовляется из обыкновенных ситцев и из шерсти. Подушки бывают пуховые или из перьев и шерсти. Употребление простынь и наволочек не в моде. А для мытья, что производится редко, материя с постели распарывается и, после мытья, снова сшивается. Посуда частью стоит на видном месте, частью прячется в нишах, прикрытых дверцами или занавескою. Она состоит из котлов, фаянсовых, медных и глиняных чашек и тарелок, стаканов, рюмок, самовара, чайника, бутылок, кувшинов, горшков» (*Джейранов*, 1898. С. 63, 64).

По наблюдениям С.Д. Лисицяна, в первой половине 1920-х годов для внутренней обстановки жилища карабахских крестьян по-прежнему были характерны широкие и длинные нары *тахт,* покрытые ковром; чаще же пол просто покрывали ковром, на котором на ночь раскладывали постели. В служивших открытыми шкафами стенных нишах, начинавшихся чаще всего от пола или на высоте около 1 м от него, держали посуду, одежду, постель; зерно и муку хранили в большом деревянном ящике на ножках (амбар). В то же время и в *карадам* стали проникать «фарфоровые тарелки и эмалированные кружки, ножи и вилки, побитый венский стул» (*Лисицян*, 1925. С. 101, 103, 104; *Лисицян*, 1992. С. 87).

Однако уже в этот период в ряде новых домов, особенно в селах Варанды и Дизака, жители которых имели более или менее тесные контакты с городом, появляется первая «городская» мебель – железные кровати, столы, стулья, табуретки, комоды, шкафы; комнаты в этих домах отапливались камином или железной печкой. Влияние города сказывалось также в наличии книг, стенных часов, висевших на стенах фотографий родственников, портретов писателей и видных деятелей коммунистической партии, различных иллюстрированных плакатов, лубочных картин и т.п. В одном из углов можно было видеть целую гору прикрытых ковром постельных принадлежностей – сделанных из овечьей шерсти тюфяков, одеял, пуховых подушек. Одна из стен, а также все тахты покрывались коврами ручной работы; было заметно, что постель и ковры составляли наиболее ценную часть домашней обстановки. Влияние города чувствовалось также в одежде, разговорах, в новых потребностях (*Лисицян*, 1992. С. 87, 88; *Кочарян*, 1925. С. 36, 37).

Впоследствии, в 1930–40-х годах, одновременно с процессом нового жилищного строительства в селах, покупная фабричная мебель распространяется в Карабахе повсеместно.

Такова картина перемен, наблюдавшихся в XIX–первой половине XX в. в характере сельских поселений, формах жилища и его интерьере у армян Нагорного Карабаха.

Одежда

Национальная одежда армян Арцах–Карабаха относится к восточноармянскому комплексу народного костюма, который с древности изготовлялся из широко распространенных здесь шерстяных тканей домашнего производства. Хлопчатобумажные, а затем и шелковые ткани проникли сюда позднее. В основном они были привозными и дорогостоящими, поэтому большинство местных жителей не могло их приобретать. Нужды населения вплоть до первой четверти XX в. удовлетворяло развитое здесь кустарное производство различных видов шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных тканей, из которых шили как мужскую, так и женскую одежду. Шитьем одежды занимались женщины. Шили ее вручную, каждая для своей семьи, а с конца XIX в. некоторые семьи заказывали пошив ее (в первую очередь мужскую одежду) у портных, которые жили в Шуши и в ряде больших сел, например, в Чартаре, Мец Тагларе (Мец Тагер). Для шитья одежды использовали хлопчатобумажные ткани (бязь, ситец, сатин), шелковые гладкие ткани домашнего производства, красного и зеленого цветов, шерстяные грубые ткани, изготовленные также в домашних условиях. Зажиточное население приобретало шелковые ткани и бархат фабричного производства (*Авакян*, 1971. С. 210).

Основу традиционного мужского костюма у карабахских армян составляла сшитая из бязи или ситца белого цвета рубаха *шапик.* Рубаха была длиной 75–80 см, с низким стоячим воротом, разрезом на правой стороне и боковой застежкой на одной пуговице. По бокам рубахи вставляли косые клинья, которые пришивали к центральному полотнищу; рукава делали прямые, широкие с ластовицами. Нательной поясной одеждой служили штаны *похан,* сшитые без боковых швов из бязи синего цвета. Через подвернутый верхний край штанов продевали узкую тканую ленту *хонджан,* с помощью которой они держались на бедрах. Поверх штанов мужчины носили широкие шаровары *шалвар* из грубой шерсти или хлопка, обычно также синего цвета, с широким подрубным швом на талии, в который тоже продевалась опояска *хонджан* – тканая узорчатая и довольно плотная тесьма шириной примерно 2 см с кистями на концах, застегивавшаяся спереди. Сельские жители обычно носили *шалвары* с обмотками, из-под которых был виден узор вязаных шерстяных носков *кюлба*. Такие носки обычно делали с длинными голенищами, на которых провязывали различные узоры. В носки собирали низ *шалвар*, после чего завязывали их под коленом с помощью пришитого к ним шнурка. Использовали также ноговицы, сшитые из хлопчатобумажного плотного толстого материала либо связанные из разноцветных шерстяных ниток. Их надевали поверх носков и также закрепляли шнурком под коленом.

Важной частью мужского костюма был *архалух,* сшитый из шерстяной или хлопчатобумажной ткани черного цвета. Он представлял собой распашную одежду с низким стоячим воротом, застегивающуюся от ворота до талии на крючки или мелкие пуговицы и доходившую до колен. При этом мужчины старшего возраста носили более длинный *архалух* – ниже колен, а молодые – выше колен. Обычно каждый мужчина имел два-три *архалуха.*

В мужской комплекс одежды входил также кожаный пояс, который завязывали поверх *архалуха.* Кожаный пояс имел серебряную пряжку и накладные выпуклые, гравированные растительным орнаментом украшения. Эти серебряные украшения пояса часто были покрыты разноцветной эмалью.

В качестве теплой одежды у мужчин была длинная (ниже колен), сшитая из шерстяной ткани черного или темно-синего цвета, со стоячим воротником *чоха* (тип черкески). Спереди *чоха* была прямой и застегивалась тремя пуговицами с помощью петель из тесьмы; спинка ее, присборенная в талии, выкраивалась из четырехугольных кусков ткани шириной 30–35 см и длиной 40–45 см. К нагрудной части *чохи*, если она была сшита из не чересчур грубой ткани, пришивали патронницы *пампштакал* – ряд продолговатых полых нашивок. Края *чохи* окаймляли тесьмой *трез* черного цвета. *Чоха* подпоясывалась узким матерчатым, чаще кожаным, а позднее (с конца XIX в.) нередко и наборным серебряным поясом с высокой пряжкой. *Чоха* была двух видов, отличавшихся друг от друга формой рукавов. В *чохе* первого

вида рукава (длиной 48, шириной 22 см) были прямого покроя с разрезом в 13 см и без ластовиц. В *чохе* второго вида рукава были длинные, с разрезом, который доходил до подмышки, при этом иногда левый рукав откидывали на левое плечо, чтобы были видны рукава *архалуха.* Зимой мужчины обычно надевали длинные широкие шубы *кюлк* из дубленой овчины, без пояса.

Обувью мужчинам служили так называемые *ирекктани трех* – самодельные постолы, изготовленные из грубой сыромятной кожи, со шнурками *трхатан*, сделанными из кожи либо из шерстяных ниток синего, а для молодежи красного цвета. *Трехи* носили с шерстяными узорчатыми носками. В конце XIX в. в Шуши было 57 лавок, в которых специалисты-сапожники занимались изготовлением кустарной обуви из козлиной шкуры, окрашенной в черный, красный, зеленый и желтый цвета. Это были *коши* – обувь с закрытым и загнутым верхом без задника. Такую обувь надевали во время праздников; ее также обычно предпочитали старики. В городах мужчины носили сапоги на толстой подошве и на каблуках, но тоже с острыми и загнутыми вверх носками.

Распространенным головным убором для мужчин были широкие, конусообразной формы папахи, сшитые из овечьей шкуры. В Шуши их шили из шкур овец бухарской, ширазской и местной пород, при этом самой дорогой была шапка, сшитая из шкуры бухарской овцы, которую обычно носили *мелики*, ханы и беки, а самой дешевой – шапка из шкур местной овцы, распространенная среди крестьян и бедных слоев населения.

Молодежь и дети носили легкие круглые шапочки, которые шили мастера-шапочники как по заказу, так и для продажи, причем для продажи их делали преимущественно из местных дешевых сортов шкур.

Свадебная одежда мужчин, которая была одновременно и праздничной, отличалась тем, что *архалух* был сшит из более дорогой ткани, *чоха* и шнурки обуви (*трхатан*) были красного цвета (этот цвет считался оберегом), а пояс – серебряный, который они получали во время венчания от родителей невесты.

Данный тип одежды карабахских мужчин был распространен и у других восточных армян, в частности в Сюнике, Гохтне, а также в Лори, куда многие карабахские армяне были вынуждены переселиться в конце XVIII в. (*Авакян*, 1971. С. 220–222).

Однако уже с начала XX в. мужской традиционный костюм стал сравнительно быстро исчезать из быта, что было связано с более подвижным образом жизни мужчин, в частности с традицией отходничества их в города за пределы Карабаха. По наблюдениям С.Д. Лисицяна, «прежде всего уступили новому времени головной убор и обувь: папаху заменила низкая круглая шапка с маленьким козырьком, а коши - закрытые сапоги, иногда с очень высокими голенищами… Местная чоха сначала сменилась горско-грузинской чухой, а затем городским пиджаком, надеваемым прямо на архалух, при узких, застегивающихся на пуговицы брюках; наконец, там и сям вместо архалуха появился жилет… Молодые люди, особенно желающие щегольнуть своей молодцеватостью, стали носить низенькие, в 10-12 см прямые папахи из рыжеватой овечьей шкуры с плоским, более темного цвета верхом» (*Лисицян*, 1992. С. 92, 93).

Традиционная женская одежда армян Арцах–Карабаха, называемая *hайавари* (букв.: по-армянски), состояла из длинной рубахи *вирви hалав,* сшитой из бязи или шелковой ткани красного цвета, с косыми клиньями по бокам, с широкими и прямыми с ластовицами рукавами, с круглым вырезом горловины и продольным разрезом на груди, которые отделывали бархатом или сатином черного цвета шириной 2 см и пришивали к ним серебряные украшения *сурма* – мелкие трубочки диаметром 2 мм и длиной 2 см. Со временем под *вирви hалав* женщины стали надевать и нательную рубаху *таки hалав,* сшитую из бязи белого цвета и такого же покроя, как и верхняя рубаха, но в отличие от нее ворот и разрез на груди не украшали. Под рубаху надевали длинные штаны *похан.* Обычно они были из хлопчатобумажной или шелковой ткани красного цвета, присборенные у щиколоток и расшитые золотистыми нитками и тесьмой в той части, которая виднелась из-под рубахи. Поверх рубахи армянские женщины надевали длинный (но короче, чем рубаха) *архалух*, сшитый, в

зависимости от достатка, из ситца, сатина или шелка, обычно синего, фиолетового, а иногда (как в Сюнике) темно-зеленого цвета, с изящным длинным вырезом на груди, застегивающийся только на талии. Ниже бедер *архалух* имел боковые разрезы, так что получалось три полы – широкая сзади и две узкие, распашные спереди, поэтому в Арцахе и Сюнике, помимо распространенных здесь местных названий *хлыг, габа* он имел еще одно – *ирек пешкани* (букв. «три полы»). Края *архалуха* окаймляли каймой красного цвета. *Ирек пешкани* шили на тонком хлопчатобумажном ватине, простроченном продольными, а на рукавах поперечными строчками мелким швом. Каждая женщина имела два *архалуха* одинакового покроя – будничный и праздничный, который был сшит из более дорогой ткани.

Непременной частью традиционного костюма карабахской армянки был пояс – длинный, около 3,5 м, кусок материи шириной 0,5 м. Его шили из шелковой или хлопчатобумажной ткани, чаще из бязи красного цвета. Этим поясом женщины два раза обматывали себя вокруг талии поверх *архалуха,* после чего его завязывали спереди, а концы закрепляли вовнутрь. Были даже такие длинные пояса, которыми женщины могли обмотать талию пять раз. Позднее (с конца XIXв.) использовали также и кожаный пояс с серебряной пряжкой и нашитыми на нем серебряными пластинками с изображением растительных узоров, выполненных техникой гравировки, филигранью и чернью.

По торжественным случаям поверх *архалуха* женщины надевали платье (*минтана*) такого же покроя, как *архалух*, но без боковых разрезов. В этих случаях на талии также завязывали пояс в виде длинного шелкового или шерстяного шарфа красного цвета, сложенный в несколько слоев, либо это был серебряный или позолоченный пояс. Как у *архалуха*, так и у платья края рукавов (с разрезом от локтя до кисти) были обшиты тонким шнуром. По краям разреза рукав украшался серебряными шарообразными подвесками-пуговицами *божож.* В состоятельных семьях их нашивали до локтевого сустава. На эти же серебряные пуговицы рукава застегивались, а у запястья вместо пуговиц пришивали тонкие серебряные трубочки *сурма*, нанизанные на нитку и свисающие в виде треугольников.

Очень сложным был головной убор карабахской армянки. Прежде чем надеть его, замужняя женщина должна была разделить свои волосы на две части и закрутить их у висков. Затем на голову надевали треугольный головной платок (*таки лачак*) из бязи белого цвета, концы которого, перекрещиваясь под подбородком, завязывались на затылке. После этого женщинам одевали на голову *копи* – своеобразную «башенку» высотой от 8 до 15–18 см, сделанную из нескольких слоев проклеенной мучным клейстером бумажной ткани. Эта «башенка», называемая в Арцахе и Сюнике также *палти,* прикрывала половину лба, ее переднюю часть украшали расшитой лентой из бархата красного или синего цвета, обычно с геометрическим, реже с растительным орнаментом. Поверх всего этого завязывали второй треугольный платок белого цвета (*глхи лачак*). Затем под «башенку» надевали налобное украшение (*тчакатаноц*), представляющее собой бархатную ленточку темно-красного или зеленого цвета с рядом серебряных или золотых монет, между которыми посередине находилась большая монета (*миджаноц*). Ленту иногда вышивали золотыми и шелковыми разноцветными нитями. После этого по обеим сторонам лица через виски укрепляли серебряные шарики (*шах*), иногда вместе с кораллами, из-под которых слегка виднелись закрученные в локоны особым шнурком волосы. Поверх всего этого завязывали *кткал,* состоящий из нескольких (сложенных треугольником) белых платков из хлопчатобумажной ткани. Одновременно эти платки обхватывали и шею. Нижнюю часть лица, до ноздрей, туго повязывали сначала белым, и затем и цветным, как правило, красным или зеленым, платком, а иногда был и третий. Концы этих платков завязывали или скрепляли на затылке. Сверху голову покрывали еще одним цветным платком и укрепляли его серебряной или золотой цепочкой с крючком. Этот головной убор носили в течение нескольких дней, а на ночь для удобства под шею клали длинную узкую подушку *мутаку.* Снимать его старались тогда, когда в доме не было мужчин; простоволосой нельзя было попадаться и на глаза свекрови.

Зимой карабахские армянки на верхнюю одежду *архалух* надевали шубу *кюлк*, которая была короче него на 20 см. Шубы шили из бархата или шерстяной ткани красного либо темно-красного цвета, со сборками на талии и высокой застежкой, на простроченной из хлопчатобумажной ткани и хлопкового ватина подкладке. По своему покрою они напоминали *архалух*, но только с короткими, прямыми, без разреза рукавами. Края шубы были оторочены узкой шелковой лентой зеленого цвета и широкой полосой куньего или лисьего меха. Мехом были обшиты также ворот и наиболее широкой полосой края рукавов.

В комплекс женской одежды входили также связанные из шерсти или хлопка чулки с разнообразными узорами и орнаментами. Распространенной обувью у женщин были туфли *чмошк* с удлиненным и загнутым вверх передним концом без задника. Их надевали непременно с чулками или носками. Ходить босиком женщинам, особенно молодым, было крайне неприлично. Тот же комплекс женской одежды был и у армян Сюника.

Косметикой женщины почти не пользовались, но зато любили украшения – кольца, браслеты, ожерелья. Предпочтение отдавалось золотым и серебряным обручальным кольцам. Золотые кольца чаще делали с бирюзовыми, а серебряные – с рубиновыми камнями. Во время обручения невеста вместе с кольцами получала 30 золотых или серебряных монет, которые пришивались на груди по 15 штук на правой и левой стороне *архалуха.* Одним из украшений состоятельной женщины была булавка с бриллиантовой головкой. Молодые женщины прикрепляли ее к головному платку, а пожилые – на налобник. Конечно, далеко не все женщины могли иметь дорогие украшения. Многие обходились более дешевыми украшениями из серебра, бронзы, с простыми камнями. Девушки носили также колечко из стали, которое, по народным представлениям, должно было предохранять их от какого-либо несчастья. Кстати, одежда девушек отличалась от женской в основном головным убором. Девушки завязывали только один платок красного или белого цвета (*Авакян*, 1971. С. 211–220).

В отличие от мужского костюма женский традиционный костюм сохранялся в Нагорном Карабахе, как и в соседнем Сюнике, значительно дольше. Изменения, которые он претерпевал с начала XX в., касались, в основном, ношения женщинами не одной, а двух нательных рубах, включая нижнюю белую, замены штанов красного цвета на белые, а остроносой обуви без задников на сапожки на каблуках. Постепенно полный традиционный костюм в селах Карабаха продолжали носить лишь женщины старше 50 лет, а более молодые стали носить свободные платья, отрезные по талии и присборенные, обтянутые узким кожаным поясом, с длинными рукавами, темных тонов, передник, «а голову покрывать цветным платком, с той лишь разницей, что концы этого платка соединяются под подбородком так, что прикрывают нижнюю часть лица - рот и нижнюю губу» (*Лисицян*, 1992. С. 94). Этот костюм, получивший распространение в 1920–30-е годы, по всей видимости, можно назвать переходным от традиционного, к которому он приближается по своему общему силуэту, к городскому.

Пища

Национальная пища карабахских армян, как и всех армян, формировалась в тесной связи с преобладающим у них хозяйственно-культурным типом, представляющим собой сочетание пашенного зернового земледелия с отгонно-пастбищным и оседлым скотоводством. В соответствии с этим в их традиционной пище, из всех видов материальных культур наиболее полно сохранивших до наших дней свою специфику, что было обусловлено «домашним» характером ее производства и потребления, сочетаются растительные (зерновые) и животные (мясомолочные) продукты. Первенство, безусловно, принадлежало зерновым продуктам, по-прежнему составляющим у армян основу питания.

Самым главным из зерновых продуктов на армянском столе был и остается пшеничный хлеб – *hац.* Не случайно, что слова «завтракать», «обедать» или «ужинать» у армян часто заменяются словами *hац утел,* что значит «есть хлеб», под которыми подразумевается не только сам хлеб, но и всевозможная еда. В отличие от безлесных районов Армении, где *тонир*

нагревали кизяком и выпекали национальный хлеб в виде плоских и очень тонких *лавашей*, в Арцах–Карабахе *тонир* (мест. *турун*) нагревали дровами и пекли хлеб в виде толстых круглых лепешек *проз* – летом на 3-4 дня, а зимой – дней на 10. Чтобы восстановить свежесть хлеба, его обрызгивали немного водой и подогревали. Но по праздникам, во время свадеб либо в дни жертвоприношений хлеб здесь выпекали и в виде тонких *лавашей.* Как в целом и по Армении, здесь также полагалось, чтобы тесто для хлеба, в которое добавлялась специальная закваска (обычно кусочек теста от предыдущей выпечки), в большом деревянном корыте *ташт* месила старшая в доме женщина. Обычно, замесив тесто, она выдавливала на нем крест и произносила молитву: «Господи, прости мои грехи, и да будет этот хлеб праведным по воле Твоей» (*Абраам*ян, 2010. С. 112). Готовое тесто затем раскатывали скалкой на традиционном низком круглом или четырехугольном столике *hаци тахтак* (букв. «доска для хлеба»), сидя на полу. Как правило, это делала невестка. Затем она передавала раскатанное тесто свекрови, которая, сидя у *тонира*, натягивала его на специальную круглой формы подушку *тэп* с плетенной из ивы основой, а затем, низко нагнувшись, одним ловким движением налепляла на раскаленные стенки печи. После того, как выпекалась одна сторона хлеба, она его поворачивала к стенке печи другой стороной, а затем вытаскивала пропеченный хлеб специальным железным прутом с острым загнутым концом, после чего раскладывала хлеб на разостланную на полу скатерть, чтобы дать ему остыть.

С тестом и хлебом у всех армян было связано немало ритуально-магических действий. Например, по сообщению С.Д. Лисицяна, ни один мужчина, пусть даже грудной младенец, не должен был находиться рядом с *тониром*, иначе хлеб мог отлепиться от стенки *тонира* и упасть в огонь. Хлеб не полагалось резать ножом, а можно было только отламывать рукой, чтобы он не потерял свою «способность» поддерживать изобилие в доме. В народе верили, что если «отрезать чей-то хлеб», то можно «лишить человека благосостояния» Перед тем как начать есть хлеб, старики подносили кусок ко лбу. Грешно было ронять хлеб на землю, наступать на него или оставлять на земле крошки, иначе они могли попасть к злым духам, которые, по поверью, жили там. Если же хлеб все-таки падал, то его с извинениями поднимали и целовали, прося прощения. Беря за столом из рук постороннего человека хлеб, требовалось коснуться слегка своим пальцем руки подающего. Клялись хлебом и на хлебе (*Лисицян*, 1955. С. 218).

К праздникам, торжественным дням, при посещении родных и близких пекли толстые сдобные лепешки круглой формы (*гата,* мест. *кята*) на масле, со сладкой начинкой, с узорчатым верхом, который полагалось в нескольких местах проколоть вилкой.

К числу весьма архаических блюд из пшеницы и муки относится *похиндз* (*ахандз*), которое готовилось из прожаренных, а затем грубо смолотых зерен пшеницы. Эти зерна, нередко смешанные с другими семенами, например, семенами конопли, кунжута, употребляли как в сухом виде, в основном как лакомство, так и для приготовления обрядовой каши – *хашил.* Сваренную кашу поливали топленым маслом и сывороткой, клали сахар или мед, а также изюм и орехи. Обрядовым блюдом, в первую очередь для рожениц, был *хавиц* – каша из поджаренной на топленом масле пшеничной муки, в которую, помешивая, добавляли горячий сахарный сироп и варили до загустения, а в конце варки – свежие сливки. Когда у ребенка появлялся первый зуб, готовили *кчехаш* – сладкую кашу из пшеницы, гороха и фасоли. Поминальным блюдом была пшеничная каша с маслом.

Очень распространены были блюда из риса. Праздничным блюдом был плов (*пилав*). Его готовили «откидным» способом, т.е. рис, предварительно замоченный в теплой воде, сначала отдельно отваривали в кипящей подсоленной воде до полуготовности, затем откидывали на сито, после чего засыпали в глубокую кастрюлю с предварительно растопленным маслом и варили на слабом огне до готовности. К плову полагалось подавать мясо, курицу или рыбу, поджаренные на небольшом огне, с сахаром сухофрукты. Будничным блюдом была обычная рисовая каша с маслом – *кашови.*

В пищу карабахские армяне употребляли и зернобобовые культуры – горох (*сисер*), чечевицу (*восп*) и особенно красную и зеленую (стручковую) фасоль (*лоби*). Их ели как самостоятельные блюда либо добавляли к другим блюдам.

Наряду с зерновыми в систему питания всех армян входили продукты скотоводства, особенно молочные. Цельное молоко как в сыром, так и позднее в кипяченом виде, нередко с сахаром, давали в основном детям, старикам или больным. Из слегка разбавленного водой молока готовили также молочный суп с рисом – *катнапур.*

Повсеместно был распространен кисломолочный продукт – *мацун.* Для его приготовления молоко кипятили, а затем остужали примерно до 45–50 градусов и заквашивали с помощью закваски *меран*. используя обычно оставшийся от предыдущего раза *мацун.* Затем сосуд ставили на несколько часов в теплое место или укрывали чем-нибудь теплым. *Мацун* использовался широко и разнообразно, поэтому его часто заготавливали впрок. В свежем виде он хранился в глиняных кувшинах почти неделю, а для более длительного хранения его выцеживали в мешочке из плотной ткани, получая *камац мацун,* который затем перекладывали в кожаный мешок и так хранили месяц и даже дольше, в зависимости от степени подсаливания. Как правило, из *мацуна* сбивали сливочное масло – *караг*, применяя один из древних способов. В одном случае две женщины ритмично раскачивали висячую деревянную или глиняную маслобойку – *хноци.* В другом – женщина, сидящая на земле, мерно перекатывала глиняный сосуд, служивший маслобойкой. Для приготовления разных блюд употребляли главным образом топленое масло.

Оставшуюся после сбивания масла сыворотку *тан* пили как прохладительный напиток либо использовали как основу для различных блюд, например, для кисломолочного супа с пшеничной или рисовой крупой, приправленного мукой, яйцом и зеленью мяты. Такой суп, называвшийся у карабахских армян *танов*, *танапур*, ели как в горячем, так и в холодном виде. Для приготовления этого супа, а также всевозможных подливок использовали заготовленную впрок после кипячения *тана* и последующего отжимания творожистой массы и ее высушивания на солнце сухую сыворотку в виде шариков – *чоратан*, которые по мере надобности растирали в молоке. *Мацун* добавляли к различным мясным блюдам, к плову, лоби, яичнице и т.д. Особенно ценился *мацун* из буйволиного молока. Он такой консистенции, что его можно резать ножом. *Тан* можно было приготовить и из *мацуна* (его в таких случаях называли *мацнатан*), разбавив его водой и немного подсолив.

Необходимым компонентом пищи у всех армян всегда был сыр – *панир.* Наиболее популярны в Нагорном Карабахе был сыр в виде сплюснутого сверху и снизу шара – *глух панир* (букв. «головчатый сыр») и рассыпчатый сыр – *мотал.* Сыры готовили из сырого как цельного, так и снятого молока, преимущественно путем сычужного заквашивания. Для *глух панира* использовали овечье, коровье, козье молоко или их смесь. Из снятого молока готовился рассыпчатый сыр *мотал*, в который добавляли измельченные пряные травы, в основном тимьян. Такой сыр хранили в бурдюках. Кроме Арцах-Карабаха, он был распространен также в Сюнике, Тавуше, Лори. В селах использовали также соленый *шор* – нечто среднее между сыром и творогом, который готовили путем кипячения оставшейся после сбивания масла сыворотки и помещения ее под гнет. Сыр для армян был такой же повседневной пищей, как хлеб. Хлеб с сыром (*hац у панир*) всегда считался вполне достойным угощением для гостя.

Мясные продукты по степени распространенности уступали молочным и были, как правило, рассчитаны на непосредственное употребление. Мясо – баранину, говядину, свинину, домашнюю птицу, дичь – ели и в отварном, и в жареном виде. Одним из любимых и популярных мясных блюд у армян, как и у других народов кавказского региона, был шашлык – *хоровац.* Для его приготовления кусочки баранины, говядины, свинины либо дичи обжаривали нанизанными на шампур – в старину деревянный, позднее металлический. К числу излюбленных мясных блюд у карабахских армян была *толма* – голубцы из виноградных либо капустных листьев и овощей, начиненные мясо-крупяным фаршем; *куркут* – пшеничная каша

с сильно разваренным мясом, предпочтительно куриным; *чхртма* – куриный суп, в который к концу варки добавляют предварительно обжаренный с мукой лук, яичные желтки с уксусом, зелень; *хаш* – густой и клейкий бульон из говяжьих, иногда бараньих, ножек и желудков, который варят всю ночь и едят рано утром очень горячим с толченым чесноком и хлебом. Если с шашлыком непременно подавалось вино, то с *хашем* – водка, поскольку хаш традиционно считался мужской едой. Популярными мясными блюдами считались также *хашлама* – разваренное мясо, *кололак* – хорошо отбитое мясо, сваренное в виде крупных шариков и политое маслом. Сохранилось описание приготовления *кололака,* его автор XIX в. называет «большими голубцами»: «Голубцы большие приготовляют так: свежее и мягкое мясо, без жира, преимущественно из ляжек, безостановочно размельчают на камне деревянным молотом (*толма-так*) до тех пор, пока мясо не превращается почти в жидкость; после чего мясо кладут в глубокую посуду, туда добавляют разную зелень, подмешивают водку, перец, соль и очень долго помешивают. Затем кладут эту массу в большую чумычку (*шереп*) и опускают осторожно в котел, с нагретой водой, который находится на огне. После этого засыпают туда крупу и варят. За обедом эти голубцы вынимают и, смешав с коровьим маслом, едят с репою» (*Осипов*, 1898. С. 116).

В связи с развитой в Карабахе охотой в питании нередко использовали мясо диких животных, особенно кабана. Высоко ценилась рыба, хотя ее употребляли не столь часто.

Как и многим другим народам, армянам, в том числе и карабахским, были известны различные способы длительного хранения мяса. Это, в частности, *тыал* (мест. *каурма*) – хорошо прожаренное мясо, которое хранили залитым слоем топленого масла, реже курдючного сала, в глиняных кувшинах.

В прошлом малоимущие семьи ели мясо сравнительно редко, в основном в праздник или как обрядовую пищу, причем во время праздников мясо жарили, а при выполнении каких-либо обрядов, например, поминальных, жертвенных, его полагалось варить.

Значительное место в питании карабахских армян традиционно отводилось яйцам. Их употребляли в сыром, вареном, печеном и жареном виде. В сыром виде их пили как лекарство от простуды. Варили яйца вкрутую, всмятку или «в мешочек». Их ели густо посоленными, с черным перцем, иногда с пряной зеленью. Весьма была распространена приготовленная на топленом или сливочном масле яичница с помидорами, луком и зеленью; это блюдо считалось достойным угощением. Подавая яичницу на стол, ее иногда заливали *мацуном* с чесноком. Яйца всегда использовали при приготовлении многих блюд; их добавляли в тесто, кондитерские изделия. Они выполняли и определенную ритуальную функцию, когда их как символ возрождения жизни красили на Пасху, преподносили в качестве подарка в домах жениха и невесты, когда в доме невесты ее мать угощала жениха яичницей; перед началом весенней пахоты яйцо разбивали о лоб быка.

Для карабахских армян, как и всех армян, было характерно широкое употребление различных видов свежей и сушеной пряной зелени, а также овощей и фруктов. Особенно распространены были кориандр, киндза (*hамэм*), кресс-салат (*котэм*), базилик (*реhан*), эстрагон (*тархун*), укроп (*самит*), петрушка, мята, зеленый лук и пр. Из множества дикорастущих трав наиболее популярны были щавель (*авелук*), крапива (*банджар*), портулак (*дандур*), конский фенхель (*бохи*), шпинат (*спанах*), лебеда (*телак*), мальва (*пиперт*). Зелень отваривали, иногда жарили на масле с луком, заливая яйцами, солили и мариновали. Ее в изобилии добавляли во многие блюда. Любимым для карабахских армян был (и остается) *жингялов hац,* когда в тесто запекали зелень и подавали в виде пирога (*кутап*).

Из овощей были распространены лук, чеснок, тыква, огурцы, морковь, редиска, редька, баклажаны, капуста, позднее появились картофель, помидоры, болгарский перец. Овощи употребляли в сыром виде, жарили нанизанными на шампур или на сковороде. Их использовали для приготовления различных блюд. Например, капусту, помидоры, баклажаны, перец употребляли для *толмы;* баклажаны, помидоры и лук шли на приготовление икры и

овощных блюд и т.д. Было принято солить, мариновать, особенно на зиму, помидоры, огурцы, капусту, перец, свеклу, чеснок и лук.

Арцах–Карабах богат различными сортами фруктов и ягод: это виноград, тута (шелковица), абрикосы, персики, яблоки, груши, айва, гранат, черешня, слива, ежевика, малина, вишня, кизил, лох (*пшат*), инжир, шиповник, миндаль, грецкие и лесные (фундук) орехи. В лесах множество дикорастущих фруктовых деревьев и ягод. Фрукты хранили как свежими, так и сушили на зиму, особенно персики, абрикосы, виноград, туту, инжир, сливу, вишню, кизил. Многие фрукты, прежде всего айву, гранаты, алычу, кизил, изюм добавляли в различные блюда и соусы. Из винограда и тутовых ягод готовили уваренный сладкий сок – *дошаб*, имевший также лечебные свойства, особенно при кашле. В виноградный *дошаб* обмакивали нанизанные на нитку половинки ядер грецких орехов, которые затем высушивали, посыпали мукой из пшата, корицей, толченой гвоздикой и кардамоном, и получалась традиционная сладость *суджух.* Другая сладость – *алани* – это тоже нанизанные на нитку и высушенные на солнце персики без косточек, начиненные толчеными ядрами грецкого ореха с сахаром, корицей и кардамоном. Традиционной сладостью был мед, его употребляли с хлебом, маслом, *мацуном*, добавляли в печенье, халву, каши, яичницу.

Жизненно важным напитком всегда была вода. В Нагорном Карабахе, как и повсюду в Армении, вода – родниковая. Источники с питьевой водой имелись в каждом поселении. К родникам относились с большим почитанием. Этикет не позволял осквернять воду плевком или другим способом. Были родники, которым приписывалась чудесная сила исцеления от разных недугов. В Карабахе немало источников и с минеральной водой.

Повседневным напитком была подслащенная вода с фруктовым соком. Популярен был и *меграджур* – мед, разбавленный водой, который употребляли от головной боли и как успокаивающее средство. Позднее появился чай, ставший в Нагорном Карабахе широко распространенным повседневным напитком. Наряду с настоящим фабричным чаем, который был привозным и дорогим, кипятком заваривали душистую сушеную траву – *хорн* (*урц*) или плоды шиповника, иногда для аромата в заваренный чай добавляли корицу.

Один из древнейших алкогольных напитков у армян – приготовленное из винограда вино (*гини*). Его хранили в больших глиняных сосудах – *карасах,* вкопанных в землю, либо в отдельном помещении – *маране,* где держали необходимый для приготовления вина инвентарь и разного рода сосуды для вина. Очень популярна среди карабахских армян была (и остается до сих пор) и традиционная 60–70 градусная водка, приготовленная как из выжимок винограда, так и из ягод туты. Водку применяли и в лечебных целях. Например, из нее делали компрессы при ушибах. В народной медицине известно, что рюмка домашней тутовой водки способна была сбить температуру, помочь избавиться от боли в горле, кашля, что после нее не бывало похмельного синдрома.

Вино и домашняя водка играли значительную роль в традиционных обрядах жизненного цикла карабахских армян, обязательно подавались во время календарных праздников, особенно новогодних, рождественских, на Масленицу.

Характерными особенностями национальной пищи карабахских армян, как и всех армян, было обильное сдабривание ее разного рода приправами и пряностями (множество видов пряной зелени, черный и красный перец, чеснок, корица, гвоздика, тмин), а также употребление большого количества поваренной соли, которая издревле считалась наиважнейшим и необходимейшим компонентом пищи, особенно в условиях жаркого климата. К соли у армян всегда было подчеркнуто уважительное, почти сакральное отношение. Как и у многих других народов, хлеб и соль (*hац у ах*) были символами гостеприимства, особого расположения, дружбы. В народе, например, говорили: «Хлебом-солью клянутся, что говорят правду; хлеб и соль не дадут соврать; пусть хлеб и соль будут всегда в нашей дружбе; принесите хлеб и соль, чтобы судить по справедливости» (*Абраамян*, 2010. С. 112). В качестве приправ широко употреблялись также сухофрукты, сделанный из слив или кизила кислый лаваш (*тту лаваш*), винный уксус.

Для карабахских армян традиционно трехразовое питание, причем первая, утренняя, трапеза была самой легкой. Днем летом ели и в поле, и дома, зимой – дома. Наиболее обильной была вечерняя трапеза, когда после работы дома собирались все члены семьи.

Для приготовления пищи использовали глиняную или медную луженую посуду. Большим разнообразием формы и величины отличались горшки с двумя ушками, за которые их с помощью двух железных прутьев, загнутых на концах, опускали на дно очага и вынимали оттуда. Готовящееся кушанье помешивали длинной деревянной ложкой или, плотно прикрыв горшок крышкой, тушили. Среди кухонной посуды имелись также котлы, глубокие сковородки с длинными ручками, тяжелые дуршлаги, разного рода гончарная утварь – *карасы* для солений, сосуды для воды, масла, *мацуна*, кувшины для вина, водки.

После пережитого в начале XX в. тяжелого времени, негативно повлиявшего на бытовую культуру карабахских армян, некоторые изменения произошли и в их пище. Так, из-за сокращения в хозяйствах разных видов скота, особенно коров, вместо которых многие стали содержать лишь коз, существенно снизилось в их рационе потребление молочных продуктов – сыра, масла, *мацуна.* Соответственно заметные трудности наблюдались и с мясом, за исключением курятины (*Лисицян*, 1992. С. 88, 89).

Семья

Для традиционного армянского быта были характерны большие патриархальные семейные общины – *гердастан*[1], объединявшие до 50 и более родственников нескольких поколений, с четко выраженной половозрастной регламентацией прав и обязанностей их членов. Перевод слова *ынтаник*, обозначающего семью, означает «под кровлей», т.е. имеются в виду живущие в одном доме, под одной крышей. Но в народе для обозначения семьи чаще употребляли слова *оджах* (очаг), *мец оджах* (большой очаг), *тсух* (дым), *тун* (дом), или, как говорили в Арцах–Карабахе, *тон* (дом), *мец тон* (большой дом).

В больших семейных общинах вместе жили родители и взрослые сыновья, в свою очередь имевшие детей и даже внуков. Во главе такой общины стоял пользовавшийся неограниченной властью старший в доме мужчина – *тантер*, хозяин дома, который единолично распоряжался как движимым и недвижимым имуществом *гердастана*, так и личными судьбами членов семьи. В его функции входили организация семейного хозяйства, руководство мужскими хозяйственными работами, главным образом земледельческими и скотоводческими, контроль над всеми доходами семьи, в том числе и заработками отдельных ее членов. В то же время при решении самых важных вопросов он советовался со старшими членами семьи, особенно со своими братьями, если они жили вместе с ним.

По отношению к главе семьи были приняты определенные нормы этикета: при его появлении все вставали, его указания выслушивали стоя, в его присутствии нельзя было громко разговаривать и курить; *тантер* первым садился за стол, занимая центральное место у очага, и первым ложился спать, а младшая невестка должна была его разуть, раздеть, вымыть ноги и уложить в постель (*Карапетян*, 1958. С. 37–43, 82–89, 106–113, 119–122).

Исключение составляла только пользовавшаяся большим авторитетом в семье старшая в доме женщина – *тантируи* или *тантикин*, хозяйка или госпожа дома. Обычно это была жена главы семьи, но если она умирала раньше мужа, то ее права переходили к жене следующего по старшинству мужчины – старшего брата или сына. В этом случае ее авторитет признавался всеми родными и был выше авторитета ее мужа, который при живом старшем брате или отце оставался подчиненным членом семьи (*Лисицян*, 1955. С. 233).

Т*антикин* руководила всеми женскими работами в семье – домашним хозяйством, переработкой сельскохозяйственных продуктов и животноводческого сырья, распределяла работы между другими женщинами, следила за их выполнением, за чистотой и порядком в

[1] *Широко употребляемый ныне в этнографической литературе термин гердастан введен в научный оборот Е. Лалаяном только в значении большая семья. Об этимологии этого термина, употреблявшегося в средневековой армянской литературе в значении слуга, имущество, имение, см.: Карапетян, 1958. 56–60. В народном быту этот термин употреблялся довольно редко*

доме, сама пекла хлеб, варила обед, распределяла его большой деревянной разливательной ложкой (*шерер*) между членами семьи. В ее ведении были все материальные ценности дома и ключи от него, продукты, без ее разрешения никто не мог ничего взять. В ее непосредственной компетенции, по выражению Е. Лалаяна, «был руль семьи», где она пользовалась всеобщим уважением (*Лалаян*, 1988. С. 126). Ее статус подчеркивался правилами семейного этикета. *Тантер*, переступив порог дома, обращался с ней уважительно и сам во всем подчинялся порядку, установленному ею. Недаром народная поговорка гласила: «Муж – наружная стена дома, а жена – внутренняя». Мнение *тантикин* было решающим при выборе жены для сына, к ней в первую очередь обращались сваты, когда дело касалось замужества ее дочери. Только *тантикин* могла обращаться к *тантеру* по всем домашним вопросам и была единственной из женщин семьи, которая имела право садиться за стол вместе с мужчинами. Подчинение остальных в доме женщин *тантируи* подчеркивалось их обязанностью не только всячески угождать ей, но и обслуживать ее в быту. Каждая пришедшая в дом новая младшая невестка должна была ухаживать за свекровью: приводить в порядок ее одежду, мыть ей ноги, стелить постель, помогать укладываться спать и т.п. В случае смерти мужа *тантируи* нередко становилась главой семьи, принимая участие и в общественных делах, представляя свою семью в сельской общине.

На особое положение старшей в армянской семье женщины не раз обращалось внимание в исторической и этнографической литературе[1]. Впервые на это обратил внимание Август фон Гакстгаузен, который отметил, что эту женщину «слушаются с таким же уважением, как отца, патриарха дома… Положение ее не может быть сравнено с положением женщин на Востоке, ибо она пользуется даже большим уважением, нежели женщины в Европе». При этом он указал не только на почетное положение старшей в доме женщины, но и на относительно независимое положение всех армянских женщин по сравнению с женщинами Востока. По его словам, «армяне в одном отношении существенно отличаются от других азиатских народов, а именно – в отношении к положению женского пола, признания его самостоятельности: равенства прав и достоинства выказываются в семейном устройстве и в личности женщин» (*Гакстгаузен*, 1857. Ч. I. С. 192, 188).

То же почетное положение главы семьи и хозяйки дома было характерно и для карабахских армян. У них также отец, глава «семейно-хозяйственной группы» (по определению С.Д. Лисицяна), которого здесь обычно называли *патрон*, «распределял по своему усмотрению все работы внутри группы, распоряжался всем ее достоянием (обменом, продажей, передачей во временное пользование), являлся вне ее полномочным представителем на сходах и собраниях, на свадьбах, похоронах и т.п. В присутствии отца никто из сыновей, а тем более женщин, не смел садиться без его разрешения, даже еслиэтому члену семьи было далеко за 50 лет. Молодые люди обязаны вставать при приближении его на улице. Правда, в стенах дома власть главы стушевывалась перед властью жены-хозяйки, тут он не давал распоряжений по домашнему хозяйству – было даже унизительным вмешиваться в женские дела, – но со вступлением его в дом прекращались все громкие разговоры и смех, все ходили бесшумно, воцарялась всеобщая тишина. Лишь полная дряхлость и неспособность заведовать хозяйством лишали отца власти, тогда его замещал старший сын. Внутри дома полнота власти принадлежала матери – хозяйке, которая бесконтрольно ведала всеми припасами, распределяла между женщинами многочисленные женские работы и следила за нравственностью всех» (*Лисицян*, 1992. С. 97, 98).

В случае потери *патроном* работоспособности либо после его смерти, когда первенство переходило к старшему из братьев, тот уже не мог обладать столь широкими полномочиями, какие имел отец, и при принятии каких-либо решений был вынужден считаться с другими братьями. Однако став главой семьи, он, как прежде его отец, представлял свою семью в

[1] *Подобное почетное положение старшей в доме женщины было характерно и для других народов Кавказа (об этом см., например: Смирнова, 1984)*

сельской общине, принимал участие в ее сходах, в различных общественных делах, участвовал в свадьбах, похоронах и считался «почетным членом общества». Он должен был одеваться «уже прилично и чисто», и, что главное, при выходе в центр села он, в отличие от своих братьев, надевал башмаки (*чмишкнер*) (*Лалаян*, 1897. С. 154)

В традиционных больших армянских семьях, в соответствии с нормами обычного права, строго придерживались принципа половозрастного разделения труда. Мужчины трудились в поле, по уходу за скотом, закладывали сад, занимались виноделием и винокурением, пчеловодством, охотой, различными кустарными промыслами и ремеслами, удовлетворявшими не только потребности семьи, уходили на сезонные работы и т.п. Женщины доили коров, заквашивали молоко, готовили сыр, масло, творог, горячую еду, пекли хлеб, приносили воду, убирали, стирали, ухаживали за детьми и стариками, шили одежду, занимались обработкой шерсти и изготовлением шерстяных, реже – хлопчатобумажных и шелковых тканей, ткали грубые сукна, ворсовые и безворсовые ковры, хурджины, чувалы, мафраши и другие изделия, шили постельные принадлежности – наполненные шерстью одеяла и тюфяки, вязали шерстяные носки, ухаживали за шелковичными червями, помогали мужчинам в сельскохозяйственных работах, приносили им в поле еду и т.п. Большинство мальчиков, начиная с 10–12-летнего возраста, пасли вместе с отцом скот, были подпасками во время пахоты, участвовали в жатве и обмолоте, помогали обрабатывать сад и огород. Незамужние дочери были более свободны. По мере надобности они помогали невесткам по хозяйству, но в основном были заняты рукоделием и приготовлением своего будущего приданого.

Взаимоотношения членов традиционной семьи во многом регламентировались одним из широко распространенных в мире архаических обычаев – обычаем избегания. Под этим термином понимается совокупность различных запретов, соблюдаемых супругами в отношении друг друга, своих детей и определенного круга родственников и свойственников. Эти же формы избегания были характерны и для армян, но сохранялись они в разной степени. Так, материалы XIX в. показывают, что избегание мужчиной родственников его жены носило к этому времени чисто реликтовый характер, проявляясь только в некоторых свадебных обрядах, но не в повседневной жизни. Дольше всего у армян сохранялось избегание женщиной старших родственников ее мужа, что объяснялось патриархальностью их семьи и положением в ней женщины, несмотря на ее активную роль в ведении хозяйства.

В традиционной семье у армян, в том числе и у карабахских, стойко сохранялся запрет даже произносить имя жены или мужа, для супругов считалось «особым стыдом» называть друг друга по имени, сказать «мой муж», «моя жена». Эти слова заменяли другими, например, муж называл жену *ахчи* («девушка»), жена мужа – *мард* («человек»), а в присутствии посторонних – «сын» или «брат» либо соответственно «дочь» или «сестра» такого-то. Если мужу нужно было что-то передать жене, он обращался к ней обычно через свою мать, говоря: «Скажи ей, что …». При обращении к свекрови невестка, не называя имени мужа, говорила: «Твой сын», а в разговоре с матерью или отцом – «твой зять». Избегание в отношениях между родителями и детьми в армянской семье в большей степени касалось отца, чем матери. Отец в присутствии не только посторонних лиц, но даже при своих старших родственниках не должен был брать ребенка на руки, играть с ним и т.д. Родители старались не показывать, что этот ребенок принадлежит им. Если их спрашивали, чей это ребенок, отвечали так: «К стыду сказать, наш», и тут избегая произнести «мой» (*Израелов*, 1892. С. 54;55; *Лисицян*, 1955. С. 232, 233).

В литературе встречается немало сообщений об избегании армянкой старших родственников мужа. Например, А. Гакстгаузен в свое время заметил, что замужняя армянка «ни с кем не должна говорить… она разговаривает с мужем – и то тогда, когда она с ним наедине; со всеми прочими она объясняется только жестами» (*Гакстгаузен*, 1857. Ч. I. С. 191, 192). По сообщению И. Давидбекова, в Гадруте молодая «до истечения года обязана ходить не иначе, как с закрытым лицом; а до первых родов она не вправе говорить как с родителями мужа, так и со старшими членами ближайших его родственников. В течение всего этого времени ей в

случае надобности дозволяется объясняться с ними только при посредстве переводчиков; роль последних исполняют маленькие дети» (*Давидбеков*, 1888. С. 188). С.Д. Лисицян писал, что «невестке не разрешалось говорить со “старшей” иначе, как знаками. Сложилась особая речь при помощи знаков, которою пользовались невестки, обращаясь к старшим мужчинам, в особенности к свекру и старшим деверям, а тем более к посторонним в присутствии домашних; со своим посаженым или крестным отцом она всю жизнь, до глубокой старости, говорила только шепотом. Если уж нужно было что-нибудь сказать и в комнате не было девочки или мальчика, через которого можно передать, то она обращалась к сидящему в люльке ребенку, иногда к коту, петуху и говорила: “передай, что сосед просит одолжить ему осла” или пилу и т.п.» (*Лисицян*, 1955. С. 233). По его словам, существовавшее в Нагорном Карабахе «понятие о женской стыдливости и чести (обозначаемом словом *намус*), не позволяло замужней женщине ходить при мужчинах, особенно при свекре, с открытым подбородком. При встрече с мужчиной на улице или в поле женщина отходила в сторону, отворачивалась и еще выше поднимала на лицо концы головного платка. Она не говорила с посаженым отцом и со свекром до самой смерти, а со свекровью – до рождения первого ребенка, с деверем – десять лет. Целый ряд запретов обрекал ее на молчание. Если ей нужно было кому-либо из этих домашних что-то сказать, она передавала через детей или незамужнюю дочь, а если их не было в комнате, то она, глядя в сторону и обращаясь как бы к постороннему лицу, вполголоса говорила: “Скажи, такой-то тебя зовет”, или: “такой-то сказал: приходи к нам сегодня”, или же, обратив на себя внимание глухим восклицанием: “ы, ы!”, передавала свою мысль жестами. Язык жестов здесь вырабатывался веками… Даже с мужем жена при людях не смела свободно говорить и обращаться к нему по имени. Идя по улице или из одной деревни в другую с мужем, она шла несколько позади» (*Лисицян*, 1992. С. 100, 101).

О сохранении обычая избегания в селах Нагорного Карабаха и в самом конце XIX – начале XX в. свидетельствуют и зафиксированные мною примеры. Так, жительница села Тагавард С. (1876 г. рожд.), вышедшая замуж в 1892 г., не разговаривала со свекром (патроном) 22 года, вплоть до его смерти, а со свекровью – 10 лет; жительница села Сос А. (1890 г. рожд.), вышедшая замуж в 1906 г., не говорила со своим свекром в течение 28 лет, также вплоть до его смерти, а со свекровью – 10 лет; жительница села Ннги Д. (1884 г. рожд.), вышедшая замуж в 1899 г., не разговаривала со свекром вплоть до его смерти, в присутствии родителей мужа не брала на руки собственных детей, со своим мужем никуда не ходила. Житель села Туми А. (1882 г. рожд.) сообщил, что жена его старшего брата не разговаривала со свекром в течение 25 лет, также до конца его жизни. Женщины строго придерживались обычая избегания и в отношении старших братьев мужа, а также посаженого отца, с которыми часто они не говорили и старались не встречаться в течение всей жизни. Житель села Цор Б. (1888 г. рожд.), рассказывая о своем роде, которому в селе принадлежало несколько домов, заметил, что если в одном из домов молодые родители оставались наедине со своими детьми, то старики, находившиеся в это время в соседнем доме, строго осуждали их поведение. Жительница села Тог Д. (1904 г. рожд.) сообщила, что она не могла не только ласкать своих детей в чьем-либо присутствии, но даже стыдно было как-то показать, что это ее ребенок (ПМА. 1969; 1972; 1974; 1975).

Для армян всегда были характерны тесные родственные связи. Кровные родственники входили в одну большую родственную патронимическую группу – *азг. Азг* образовывался путем деления разросшейся семейной общины на малые и большие дочерние семьи, которые, став самостоятельными, продолжали сохранять определенные хозяйственные, территориальные и духовные связи. Со временем эти семьи, разрастаясь, вновь распадались, и в результате такой последовательной сегментации образовывался коллектив родственных семей, насчитывающих в своем составе до семи-восьми поколений, ведущих свое происхождение от одного общего предка и связанных между собой главным образом духовными интересами (подробно см.: *Бдоян*, 1952; *Карапетян*, 1966).

Патронимические связи во многом дополнялись соседско-общинными и при локализованном расселении семей одной патронимии тесно с ними переплетались. Эти связи принимали формы взаимопомощи, влияли на формирование общественного мнения.

В традиционном быту для карабахских армян, как и для остальных армян, было обязательным строгое соблюдение широко распространенного на Кавказе обычая гостеприимства. «Гость от бога», – говорили в народе, и поэтому каждому путнику, постучавшемуся в дом, должны были оказать почет – *патив тал*, т.е. принять его в дом, предоставить кров и пищу, а его коню – овес и воду. При этом считалось приличным, в случае необходимости, попросить еду для гостя у соседа, поскольку гость считался как бы общим. С особым почетом относились к гостям, прибывшим издалека. По этикету полагалось, чтобы такой гость был в центре внимания семьи и не оставался в одиночестве. Его сажали на почетное место, с ним беседовали, для него приглашали родственников и соседей, его развлекали, дарили подарки и всячески старались угодить. На ночь младшая невестка должна была вымыть ему ноги, при этом полагалось, чтобы гость одарил ее какой-нибудь мелочью – монеткой, расческой, заколкой. Даже в тяжелые 1920-е гг. в Нагорном Карабахе С.Д. Лисицян писал, что «если вы и как частное лицо постучитесь в дверь крестьянина с просьбой впустить вас – отказа не встретите; обычай повелевает принять гостя и оказать ему всяческое внимание» (*Лисицян*, 1992. С. 105, 106). В те же годы Мариэтта Шагинян свидетельствовала: «Зайдите в карабахскую деревушку, попытайтесь купить что-нибудь; вам никто ничего не продаст. Даром вынесут лепешку тяжелого вкусного крестьянского хлеба, поделятся, может быть, последним, а за деньги вы ничего не получите. Деньги здесь не стоят хлеба, и даровая отдача прибыльней для души, чем тот кружок, что бездейственно упадет в карман, ни для чего не нужный» (*Шагинян*, 1927. С. 8).

Если во многих историко-этнографических областях Армении, особенно в отдаленных горных районах Западной Армении (Дерсим, Сасун и др.), большие семейные общины сохранялись в течение долгого времени, порой до начала XX в. (*Карапетян*, 1958. С. 38), то в Нагорном Карабахе ситуация была иная. Там уже во второй половине XIX в. такие большие семьи были довольно редкими. Так, по наблюдениям Е. Лалаяна, «гердастаны в Варанде в общем немногочисленны. Очень редко случается, чтобы несколько братьев долгое время жили под одной крышей. Через короткий промежуток после женитьбы братья разделяются, образуя новые гердастаны» (*Лалаян*, 1897. С. 155). В Нагорном Карабахе иногда случалось, что братья, которые вместе не могли ужиться, разделялись даже до женитьбы (*Григоров*, 1888. С. 128). По свидетельству С.Д. Лисицяна, здесь «уже задолго до конца XIX в. редко можно было встретить многолюдную семью, состоящую из трех взрослых поколений». Проведенные им в 1924 г. опросы даже столетних стариков показали, что те не помнили таких семей, что в годы их молодости семейные разделы наблюдались очень рано. Как на исключение, ему было указано только на одну семью в селе Таглар, в которой вместе с родителями жили восемь взрослых и женатых сыновей. Чаще взрослые сыновья, женившись, отделялись вскоре после смерти отца – главы семьи. Но бывали случаи раздела и при живом отце (*Лисицян*, 1992. С. 95). Однако в народе такие разделы братьев при жизни отца-патриарха не одобрялись и резко осуждались.

При разделе общесемейное имущество делилось по принятым нормам обычного права. Раздел происходил чаще всего полюбовно, но в присутствии родственников, соседей, а в случае разногласия, то и сельского старшины (*кехва*), иногда священника. Предварительно выделялось приданое невесток, затем то, что требовалось на содержание матери и незамужних сестер, в том числе и на их приданое (белье, одежду, постель – *хардж*). Остальное движимое и недвижимое имущество, включая землю, делилось поровну между братьями. Такой порядок назывался в народе *ахперабажан* (букв. «раздел по-братски»). При этом неженатому брату, кроме постельного белья, выделялась дополнительная доля, равная среднему расходу на свадьбы братьев. Если был жив отец, то он получал такую же долю, как и каждый из братьев. Иногда с общего согласия сыновей ему выделяли дополнительную сумму

на похороны и поминки, так называемую *hогебажин* (букв. «доля души»). При разделе доли распределялись по жребию, причем самому младшему брату нередко предоставлялось право выбирать первым. Если к моменту раздела кого-нибудь из братьев не было в живых, его долю получали его дети. Годовой запас продуктов, посуда делились по числу душ. Отцовский дом распределялся, как правило, по взаимному соглашению либо по жребию, причем жребий тянул какой-нибудь мальчик или кто-то из посторонних взрослых лиц. Дом доставался самому старшему или младшему из братьев. Для остальных братьев строили дома на общие средства либо выделяли соответствующее имущество с учетом расходов на строительство. Если была жива овдовевшая мать, которая считалась хранительницей семейного очага, то ей также предназначалась определенная доля. Обычно она вместе с незамужними дочерьми оставалась жить в семье старшего сына, к жене которого она больше привыкла и к детям которого, как к первенцам, была сильнее привязана. В таком случае отцовский дом доставался старшему сыну. Но бывало, что мать переходила жить к младшему сыну, чтобы помогать его не столь опытной жене вести хозяйство. Если же матери не было в живых, то в этом доме оставался старший сын, как главный наследник, достойный занять место отца. Поэтому именно ему выделялось что-нибудь сверх его доли, поскольку он раньше других начал трудиться. Находившиеся в собственности прежней семьи такие дорогостоящие производственные сооружения, как мельницы, маслодавильни, небольшие винокуренные заводы, не подлежали разделу и оставались в общем пользовании разделившихся братьев. Позднее, в конце XIX в., постепенно стал входить в жизнь обычай делить имущество по числу душ в семьях братьев (*Лисицян*, 1955. С. 234; *Лисицян*, 1992. С. 95, 96; *Карапетян*, 1958. С. 89–101).

Таким образом, прямыми наследниками у карабахских армян, как и у всех армян, считались только мужчины. В то же время дочери – до замужества, вдова – до второго замужества (что бывало нечасто) не теряли права пользования землей покойного *тантера.* Когда в семье не было наследников ни по мужской, ни по женской линии, пашни и сенокосы переходили в собственность сельской общины, а остальную недвижимость (сады, мельницы, хозяйственные постройки) и движимое имущество наследовали ближайшие родственники. После смерти одного из братьев его доля переходила к другому брату вместе с обязательством содержать вдову и ее детей до замужества дочерей и до наступления совершеннолетия сыновей, после чего последние вступали во владение имуществом отца. Обычно это право опеки над семьей покойного брата оформлялось через сельского старшину (*Лисицян*, 1955. С. 235).

Отсутствие наследников для семьи считалось большим несчастьем. В этом случае обычно прибегали к усыновлению, как правило, дальних родственников. Обряд усыновления символически означал превращение усыновленного в кровного родственника и сводился к ряду процедур. Например, усыновляемого трижды проводили через рубашку *тантикин*, либо он прикасался губами к ее груди; иногда усыновляемого ребенка женщина накрывала своим передником, имитируя при этом роды. Усыновленный пользовался всеми правами кровного родственника (*Зелинский*, 1899. С. 6; *Карапетян*, 1958. С. 36, 37).

Среди карабахских армян было распространено побратимство между мужчинами или между девушкой и юношей, а также посестримство. При этом девушки становились как бы родными сестрами, а юноши – братьями. Для закрепления этих уз они подходили вместе в день Пасхи с зажженными свечами к алтарю, прикладывались губами к Евангелию и получали благословение священника. Ставшие таким образом братом и сестрой юноша и девушка уже не имели права пожениться (*Лисицян*, 1955. С. 234, 235).

Семьи, не имевшие наследников мужского пола, прибегали также к допускаемому обычным правом примачеству – *тнпесаутюн.* В этом случае, как сообщает Е. Лалаян, обычно одну из дочерей выдавали замуж за человека, который соглашался отделиться из своего *гердастана*, стать примаком (*тнпеса* – букв. «домашний зять»), принять фамилию тестя и наследовать его имущество (*Лалаян*, 1897. С. 132). Однако примачество у армян, как и у других народов Кавказа, не было популярным, считалось даже позорным жить в доме тестя. В целом

же традиционная армянская семья строилась на основе патрилокального поселения, т.е. жена поселялась в доме родителей мужа.

В дальнейшем, к концу XIX – началу XX в., семейные разделы в Нагорном Карабахе становились все более частыми, чему во многом способствовало распространенное среди местных армян отходничество, главным образом в промышленные города Баку, Грозный, в Закаспийский край. Знакомство там с бытом рабочих разных национальностей оказывало соответствующее воздействие на их семейный быт, в частности на отделение от большой патриархальной семьи. Решающую роль в этом играл и экономический фактор: заработав деньги, взрослый женатый сын предпочитал отделиться со своей женой и детьми, а не вносить эти деньги в общесемейную кассу, как это было принято в больших семьях.

В конце XIX в. число дымов (т.е. семей), численность в них населения и средний размер семьи в пяти областях Карабаха были следующие (табл. 3):

Таблица 3

Средняя численность сельской семьи в Нагорном Карабахе в конце XIX в.*

Область	Число селений	Число дымов	Численность населения	Средняя численность семьи
Дизак	**33**	**2051**	**15587**	**7,6**
Варанда	**61**	**7003**	**43367**	**6,3**
Хачен	**36**	**2395**	**15387**	**6,4**
Джраберд	**29**	**1430**	**8717**	**6,1**
Гюлистан	**13**	**679**	**5717**	**8,4**
Итого	**172**	**13558**	**88775**	**6,5**

**Составлено по: Бархударянц, 2009. С. 382. Средняя численность семьи вычислена автором.*

В городе Шуши, где было этнически смешанное население и где в то время в 3056 семьях жили 15189 человек, средняя численность семьи составляла 5,0 чел. (*Бархударянц*, 2009. С. 382).

Те же показатели по конкретным селам трех областей Нагорного Карабаха (были отобраны те села, в которых впоследствии мною собирался полевой материал) были следующие (табл. 4):

Таблица 4

Средняя численность семьи в селах Нагорного Карабаха в конце XIX в.*

Дизак				Варанда				Хачен			
Село	**Число дымов**	**Число чел.**	**Ср. числ. семьи**	**Село**	**Число дымов**	**Число чел.**	**Ср. числ. семьи**	**Село**	**Число дымов**	**Число чел.**	**Ср. числ. семьи**
Норашен	**20**	**225**	**11,3**	**Таглар**	**450**	**2470**	**5,5**	**Хидзирис-тан**	**90**	**482**	**5.4**
Таг	**35**	**225**	**6,4**	**Азох**	**140**	**807**	**5,8**	**Ванк**	**189**	**1536**	**8,5**
Ванк	**35**	**269**	**7,7**	**Тагавард**	**307**	**2035**	**6,6**	**Атерк**	**70**	**694**	**9.9**
Ворд-нашат	**50**	**385**	**7,7**	**Аветараноц**	**257**	**1740**	**6,8**				
Тагасер	**110**	**1160**	**10,5**	**Нги**	**230**	**1859**	**8,1**				
Кармра-куч	**50**	**468**	**9,4**	**Сос**	**107**	**687**	**6,4**				
Кочбек	**25**	**135**	**5,4**	**Гиши**	**127**	**1065**	**8,4**				
Тог	**280**	**1460**	**5,2**	**Пирджамал**	**146**	**832**	**5,7**				
Туми	**120**	**1033**	**8,6**	**Нахиджева-ник**	**193**	**1139**	**5,9**				
				Шош	**367**	**2348**	**6,4**				
				Карин-так	**174**	**1068**	**6,1**				

**Составлено по: Бархударянц, 2009. Средняя численность семьи вычислена автором.*

Таким образом, в целом по пяти областям Нагорного Карабаха средняя численность сельской семьи в конце XIX в. равнялась 6,5 чел., при этом наибольший показатель отмечен в областях Гюлистан (8,4 чел.) на севере и Дизак (7,6 чел.) на юге, в остальных областях она была примерно одинаковой (от 6,1 чел. в Джраберде до 6,4 чел. в Хачене). Что касается

конкретных сел, то, за исключением сел Норашен и Тагасер (Дизак), средняя численность семьи в которых была более 10 чел., в большинстве остальных сел этот показатель колебался от 5 до 7 чел. В результате приведенные данные означают, что в то время в Нагорном Карабахе были распространены преимущественно малые семьи – как простые (родители и их неженатые дети), так и сложные малые семьи, включавшие в свой состав одного или обоих родителей мужа. В селах Кармракуч (Дизак), Ванк, Атерк (Хачен), Гиши (Варанда), средняя численность семьи которых была соответственно от 8,4 до 9,9 чел., могли встречаться и неразделенные семьи, объединявшие родителей (или одного из них) с двумя женатыми сыновьями. Примерно такой же средней численности и, следовательно, состава были семьи армян в селах Джеванширского уезда. Там, по данным А.Г. Хан-Агова, в 940 дымах жили 7513 армян (в том числе 3969 мужчин и 3544 женщин), что соответствовало средней численности семьи в 8 чел. (*Хан-Агов*, 1887. С. 414).

В то же время важно подчеркнуть, что уклад, сложившийся в Арцах–Карабахе в течение веков в условиях патриархальной большой семьи, сохранялся как в малых, так и в неразделенных семьях. Поэтому по существу все семьи карабахских армян по своему внутреннему строю, авторитарному характеру межличностных внутрисемейных отношений, положению главы семьи, особенностям быта оставались в конце XIX– начале XX в. семьями патриархальными. В них существовало то же строгое распределение между мужским и женским трудом. При этом весьма широкий круг каждодневных обязанностей по хозяйству по-прежнему лежал на женщине, особенно он был тяжел, если в семье не было молодых невесток. По словам С.Д. Лисицяна, женщина «доставляет воду, готовит пищу, содержит дом в чистоте, доит коров и коз. Она чистит зерно, сушит фрукты, ткет шерстяные ткани – *шал*, бязь, ковры, вяжет чулки, обмывает домашних. Она же помогает мужчинам во всех полевых работах, кроме пахоты, особенно на току, часто сама же отвозит на осле зерно на мельницу. Целый день посвящен труду, не только летом, но и зимой, когда мужчина отдыхает. Народная пословица гласит: “Женщина – это конь, вложив в рот ей узду, заодно надо накинуть ей на спину седло”» (*Лисицян*, 1992. С. 100).

Вот еще одно высказывание по поводу нескончаемых хозяйственных обязанностей карабахской армянки: «Даш-алтынки, можно смело сказать, бесподобно трудолюбивые женщины. Занятия женщин очень разнообразны и многочисленны; они работают больше мужчин, но, несмотря на это, даш-алтынка здорова и красива; даже в старости они не вполне теряют свою красоту… Старухи говорят: “Когда работаем, то себя легко чувствуем, а когда сидим без дела, то не здоровится”. И в самом деле, где ее нельзя видеть: с наступлением весны, взяв кусок сухого хлеба, она идет на ниву очистить ее от сорных трав; она наравне с мужем работает в огороде во время сеяния, а поливка всецело лежит на ней; летом… хлеб молотит она. Кроме этих работ, она исполняет также домашние работы: ткет ковры, мафраши, килимы, хурджины, чувалы, попоны для катеров и ослов, вьет веревки, вяжет носки, шьет шаровары, платье и т.д. Для приготовления этих вещей они покупают шерсть, от 3,5 до 5 руб. пуд, моют ее, чистят на гребне и прядут нитки на прялках; нитки окрашивают в разные цвета и ткут, что им нужно. Особенно хорошо ткут ковры и паласы, но только в малом количестве – для домашнего употребления» (*Осипов*, 1898. С. 114, 115).

Дальнейший процесс нуклеаризации сельской семьи карабахских армян был усилен последующими общественно-политическими событиями советской эпохи. Так, по переписи 1921 г., средняя численность семьи, рассчитанная по данным численности населения и числу хозяйств, была в районах Нагорного Карабаха следующей (табл. 5):

Таблица 5

Средняя численность семьи по переписи 1921 г.*

Районы	Число хозяйств	Преобладающая национальность	Наличное население			
			Мужчины	Женщины	Общее число человек	Средняя численность семьи
Дизак	5901	Армяне	15418	14508	29926	5,1
Варанда	6369	Армяне	15860	14553	30413	4,8
Шушинский	705	Татары, армяне	1608	1658	3266	4,6
Хачен	7614	Армяне	17681	16674	34355	4,5
Джраберд	6053	Армяне	16275	15008	31283	5,2
Всего	26642	Армяне	66842	62401	129243	4,8

**Составлено по данным Азербайджанской сельскохозяйственной переписи 1921 г., 1924 (цит. по: Кочарян, 1925. С. 54, 55). Средняя численность семьи вычислена автором.*

Таким образом, по сравнению с данными конца XIX в., средняя численность семьи в Нагорном Карабахе к 1921 г. существенно снизилась как из-за тяжелой политической ситуации 1918–1920 гг., так и из-за происходивших в то время семейных разделов и соответственно общего увеличения числа хозяйств. Сокращение средней численности семьи карабахских армян, продолжалось и в дальнейшем, когда с середины 1920-х годов шло перераспределение земель.

Брак и обряды свадебного цикла

В традиционном, преимущественно крестьянском обществе карабахских армян, как и остальных армян, вступление в брак считалось обязательным для всех, за исключением людей с физическими или умственными недостатками. Женить и выдать замуж своих детей старались как можно раньше. В брак полагалось вступать по старшинству, т.е. младшие женились и выходили замуж после своих старших братьев и сестер.

При вступлении в брак действовал ряд запретов, определенных нормами обычного права и церковным законодательством. Так, категорически запрещались браки между кровными родственниками до пятого, а иногда и до седьмого колена. Это во многом определялось экзогамным характером *азга* у армян, внутри которого браки не допускались, поскольку члены его считались близкими родственниками (*Карапетян*, 1966. С. 67).

Другим видом брачных запретов были ограничения по свойству. Полагалось, чтобы степень свойства вступающих в брак была не ближе пятого колена. Не допускался брак двух родных братьев с двумя родными сестрами.

Строгим препятствием к браку, как уже отмечалось, было искусственное родство. Так, усыновленный *гердастаном* не имел права жениться на девушке того же *гердастана*, поскольку считался близким родственником. Запрещались также браки между молочными братьями и сестрами, между лицами, скрепленными узами побратимства или посестримства (*Мхитар Гош*. Ч. I. Ст. 92; *Лисицян*, 1955. С. 234, 235; *Карапетян*, 1958. С. 37).

Весьма распространенным у армян был институт кумовства (*каворутюн*), которое нередко считалось, независимо от того, свадебным оно было или крестильным, даже более близким, чем кровное родство. Поэтому брачные связи запрещались не только с представителями семьи кума (*кавора, кнкавора,* мест. *пелли*), но и между потомками кумовьев.

Этнически смешанные браки живших компактно карабахских армян практически не отмечались, при этом браки с мусульманами резко осуждались.

Не располагая более ранними сведениями, приведу в качестве примера данные за 1935 г., рассчитанные мною по материалам архива областного ЗАГСа НКАО. Так, из общего числа зарегистрированных в том году 569 браков 563 (98,9%) были однонациональные, в том числе браки армян из общего числа браков составили 72,7%, азербайджанцев – 24,3%, русских – 3,0%; из общего числа 6 (1,1%) межнациональных браков было зарегистрировано только 2

брака, в которых один из супругов был армянин, в одном случае армяно-русский, в другом – русско-армянский (ПМА. 1975).

Брачный круг, как правило, был ограничен и территориально. Соблюдение локальной эндогамии было обусловлено социально-экономическими причинами, особенно введенной в пореформенное время подушной системой наделения землей, при которой любое увеличение той или иной сельской общины (в данном случае за счет невесты из чужого села) вело к нежелательному сокращению подушного земельного участка, которые в Карабахе были и без того небольшие. Не поощрялись также браки между городскими и сельскими жителями, а также неравные в социальном отношении браки.

Но, несмотря на все существовавшие брачные ограничения, в традиционном быту народа имели место и отступления от принятых норм. Однако подобные факты были редки и осуждались обществом.

Традиционным способом заключения брака у армян, в том числе и у карабахских, был брак по сговору, основанный на уплате стороной жениха стороне невесты определенного выкупа, который назывался *hарси гин*, *глхагин* (букв.: цена невесты, цена головы). Первоначально выкуп включал определенный набор продуктов, а также различные подарки невесте и ее близким родственникам. Обязательный подарок, который преподносили матери невесты, носил символическое название *катнагин, цицагин* (букв.: цена молока, цена груди). Позднее, с развитием денежных отношений, род жениха стал выплачивать за невесту также и определенную денежную сумму. Так, во второй половине XIX–начале XX в. брачный выкуп за невесту в Армении включал денежный взнос от 30 до 150–200, а иногда и до 300–400 руб. в зависимости от состоятельности семей жениха и невесты. Кроме денег сторона жениха должна была преподнести стороне невесты определенный набор продуктов, а также одарить невесту и ее близких родственников.

Переговоры родителей жениха и невесты об условиях выкупа за невесту обычно происходили за несколько дней до свадьбы в доме отца невесты в присутствии близких родственников с обеих сторон, сельского старшины, священника и крестного отца. Зачастую эти переговоры принимали характер откровенного торга, что нашло отражение даже в их названиях, например: *тур ев ар* («дай и возьми»), *галан ктрел* («определить выкуп»), *джанапар днелу* («установить дорогу»), *ктрвацк* («условие») (*Карапетян*, 1950. С. 109). В Нагорном Карабахе эти переговоры назывались *hге ктрел* («установить путь», «резать путь», т.е. «идти в путь»). На них определялось, сколько сторона жениха должна была уплатить деньгами отцу невесты, сколько ткани она должна была купить для платьев невесты, ее матери и родственниц; сколько послать в дом невесты продуктов. Например, в селе Даш-Алты Шушинского уезда во время этих переговоров «отец невесты предлагает, чтобы родители жениха дали быка или барана, несколько ведер вина, подарки близким родственницам. Со стороны жениха требуют приданое» (*Осипов*, 1898. С. 126). Одновременно составлялся список предметов, которые отец должен был дать дочери в приданое. Эти переговоры были завершающими между обеими сторонами по поводу определения всех условий брачного обмена.

В состав традиционного приданого армянской невесты входили постель, ковер, *хурджин*, посуда, одежда, украшения (в основном серебряные), предметы туалета, сундук и *мафраш* для хранения приданого (*Лисицян*, 1992. С. 112, 113; *Карапетян*, 1978. С. 13). Сюда входили также и полученные невестой во время свадьбы подарки, в частности, со стороны родственников жениха.

Другим, менее распространенным был способ заключения брака путем похищения невесты, главным образом в форме увода, т.е. с согласия девушки, но вопреки воле ее родителей. К похищению прибегали в основном из-за невозможности заплатить выкуп за невесту, из-за разницы социального положения семей юноши и девушки, из-за отказа со стороны родителей девушки.

Браки у армян обычно заключались очень рано. Хотя Армянская церковь в XIX в. руководствовалась российским законодательством, установившим для жителей Кавказского

края возраст для жениха 15 лет, а для невесты – 13 лет, в крестьянском быту, по свидетельству очевидцев, нередко встречались браки, заключенные и в более раннем возрасте, например, между 13–14-летним юношей и 11–13-летней девушкой. По данным Е. Лалаяна, в Нагорном Карабахе нередко венчали 11–12-летних девочек (*Лалаян*, 1897. С. 123). С.Д. Лисицян пишет, что дочерей здесь «выдавали замуж в раннем возрасте (часто до 12-13 лет; девушка 15 лет уже попадала в разряд “старых дев”)»; в то время как юноши «вступали в брак в более зрелом возрасте, от 18–25 лет» (*Лисицян*, 1992. С. 111, 112).

В сельском быту случалось, когда разница в возрасте между будущими супругами была весьма велика: например, девушку в 12–15 лет выдавали замуж за 30-летнего мужчину либо 13–15-летнего юношу женили на 18–19-летней девушке. Подобные браки заключались главным образом по экономическим причинам и в народе не одобрялись.В большинство же браков муж был старше жены на несколько лет.

Как и у других народов Кавказа, у армян был широко распространен сговор между родителями относительно обручения младенцев или малолетних детей, иногда даже еще не родившихся. Особенно частым было так называемое люлечное обручение – *оророци ншана-друтюн*, *оророци хаз*, тюрк. *бешик кяртма.* В знак свершения уговора отец мальчика делал на люльке девочки отметку, а иногда перекладину люльки трижды перевязывали хлопчато-бумажными нитками, вешали на люльку кусочек серебра или золота, серебряную монету. Такая форма обручения была вызвана главным образом желанием обеих сторон путем будущего брака детей установить тесные родственные отношения. К сговору прибегали и в том случае, если дети в семье умирали: полагали, что счастье ребенка из благополучной семьи «перейдет» на обрученного, и он останется жить (*Лалаян*, 1899. С. 245).

Однако эта часто практиковавшаяся в народе и допускаемая обычным правом традиция входила в противоречие с нормами армянского законодательства и церкви, которые запрещали обручение и брак малолетних. «Никто не вправе венчать детей, пока они не достигнут возраста, когда осознают собственные желания. Священника, дерзнувшего венчать, лишить священнического сана и подвергнуть штрафу в пользу церкви в размере ста драхм», – гласит статья 91 Судебника Мхитара Гоша. И далее: если молодые люди «обвенчаны в детском возрасте и по достижении совершеннолетия не пожелают быть супругами, то пусть невольное для них венчание не служит препятствием ко вступлению в брак с другими» (*Мхитар Гош*. Ч. I. Ст. 91). В народе же считалось недопустимым, чтобы такой брак не состоялся. С течением времени, однако, обычай «люлечного обручения» стал исчезать и к концу XIX – началу XX в. из обихода карабахских армян, как и остальных армян, «совершенно исчез» (*Лисицян*, 1992. С. 112).

В старину сговор о предстоящем браке был исключительно делом родителей, и желание юноши и девушки не имело никакого значения. Наметив невесту, родители после долгого обсуждения объявляли о своем решении сыну, а «нравится или нет ему невеста – это не принималось во внимание: дело его – вполне повиноваться родителям» (*Осипов*, 1898. С.125). Более того, считалось даже неприличным для молодых выражать свои чувства по этому поводу. Родители юноши были заинтересованы в том, чтобы взять в дом здоровую и хозяйственную невестку, а родителей девушки заботил в основном выкуп, который должна была заплатить сторона жениха за невесту, в связи с чем отец девушки старался подороже «продать» свою дочь. Нередко случалось, когда жених и невеста впервые видели друг друга только во время венчания, а иногда только в брачную ночь. Бывало, что родители обручали сына с выбранной ими девушкой в его отсутствие; и в таких случаях они просто «берут его шапку и совершают обряд обручения. Излишне говорить, что священник, не придавая особого значения взаимному согласию брачащихся, даже не спрашивал у молодых их согласия» (*Лалаян*, 1897. С.123).

Брак считался нерушимым, особенно в крестьянской среде; разводы были большой редкостью. Но в ряде случаев развод разрешался: если, например, степень родства супругов была ближе дозволенной обычным правом; если супруги (либо один из них) были обвенчаны

насильно; в случае неверности одного из супругов. Вполне обоснованным поводом к разводу в глазах общества было бесплодие жены, поскольку именно рождение детей, т.е. продолжение рода, считалось предназначением женщины в доме мужа. Однако в этих случаях не всегда прибегали к разводу, поскольку обычное право разрешало мужу сожительствовать с другой женщиной, причем, как правило, с согласия бездетной жены. Если же причиной отсутствия потомства был мужчина, обычное право проявляло снисходительность к его жене, которая, как образно говорили армяне, «меняла подушку» (*бардз похел*), т.е., не разводясь с мужем, сожительствовала, обычно с ведома матери мужа, с другим мужчиной, чтобы иметь детей (*Карапетян*, 1950. С.91, 92).

Свадебный цикл у карабахских армян, как и у всех армян, при браке по сговору состоял из предварительного этапа (сватовство, сговор, обручение), собственно свадьбы (обряд бракосочетания и переезд новобрачной в дом мужа) и обрядов послесвадебного цикла.

Инициатива в выборе невесты для сына, как правило, принадлежала матери юноши. Остановив свой выбор на той или иной девушке, она предварительно совещалась с мужем и со своими родственниками, прежде всего с родным братом. Затем они старались собрать интересующие их сведения о предполагаемой невесте и ее семье. Основное внимание обращали на скромность, трудолюбие и хорошее здоровье будущей невестки. Внешности не придавали особого значения, о чем свидетельствует и известная поговорка: «Пусть будет некрасивой, лишь бы хорошей женой была». В то же время они внимательно присматривались к характеру родителей девушки, особенно матери; недаром говорилось: «Беря в жены дочь, посмотри на ее мать».

Выбрав невесту, родители юноши обращались к одной из своих родственниц, знавшей семью девушки, с просьбой быть посредницей в переговорах с матерью их избранницы и уговорить ее получить согласие отца на замужество дочери. Чтобы обеспечить успех переговоров, родители юноши во время визита посредницы в дом девушки вешали на столб своего дома расческу или *шереп* – большую разливательную ложку (*Вардумян*, *Карапетян*, 1963. С.110). Узнав о намерении родителей жениха, мать девушки, как и мать юноши, в первую очередь советовалась со своим родным братом.

Через несколько дней происходило основное сватовство. В дом родителей девушки отправлялись сваты из числа близких родственников-мужчин по отцовской линии, с которыми шла посредница, а иногда и мать жениха. О приходе сватов родителей девушки, как правило, оповещали заранее. После обычных приветствий сваты в иносказательной форме сообщали о цели своего прихода: «Мы пришли взять из вашего дома горсть золы, чтобы смешать ее с золой нашего очага; пришли, чтобы от вашего светильника зажечь наш светильник; пришли, чтобы ваш камень заложить в нашу стену».

Даже если родители девушки были согласны выдать дочь замуж, этикет не позволял им принять предложение сразу. Обычно они отвечали, что им надо подумать, посоветоваться с родственниками, тем самым стараясь повысить «цену» невесты. Поэтому сваты приходили во второй, а иногда и в третий раз. Только после того, как отец девушки объявлял о своем согласии, которое также нередко выражалось в иносказательной форме (например, говорилось так: «Не будем спорить, платок наброшу на вашу руку» или «Платок пусть будет ваш» и т.д.), накрывали стол и выпивали по стакану принесенной сватами водки. Ранее сватов не полагалось угощать, поскольку считалось, что «если свату хлеба дать, нужно и дочь отдать» (*Карапетян*, 1950. С.112, 134).

Момент, когда родители девушки давали положительный ответ, считался официальным сговором. Его называли по-разному, например: *хоск арнел*, *хоск кап* («взять слово», «скрепить слово»), *арах хмел* («выпить водки»), *hац ктрел* («преломить хлеб»). Сговор скрепляли подарком, обычно дарили шаль, кольцо или другое украшение для невесты; этот обряд так и назывался – *беh тал* («дать задаток»).

Полагалось обязательно устраивать смотрины невесты – *hарснтэс, ахчиктэс*, *ересатэс* (букв.: виденье невесты, девушки, лица). Обычно они проходили во время одного из

посещений сватов либо через месяц после сватовства. Во время смотрин знакомились с физическими достоинствами и способностями девушки.

Наиболее важным обрядом предварительного этапа свадебного цикла было обручение, или помолвка, – *ншандрек, ншанадрутюн* (букв. «поставить метку, знак»). О его дне, числе участников с обеих сторон, о посылаемой из дома жениха в дом невесты доле угощения договаривались во время специального визита отца юноши к родителям девушки.

В назначенный для обручения день отец жениха, послав в дом невесты обещанное угощение (мясо, напитки, сладости), приглашал к себе родственников, священника, *кавора* (мест. *пелли*), нередко и музыкантов. В доме жениха приглашенных угощали. Собравшиеся желали благополучного свершения предстоящего обручения. Затем сторона жениха, взяв с собой *ншан* – обручальный подарок невесте (обычно это было обручальное кольцо, в основном из серебра) и несколько больших деревянных или медных подносов со сладостями, сухофруктами, головкой сахара, вином и водкой, в сопровождении музыкантов направлялась к дому невесты, где и совершался обряд обручения.

Он начинался праздничной трапезой, во время которой провозглашались поздравительные тосты с пожеланием счастья и долгой совместной жизни молодым. Священник освящал принесенные стороной жениха подарки, после чего совершался основной акт обручения – передача *ншана* невесте. В Карабахе обычно жених сам надевал кольцо на палец невесты, но если он в обручении не участвовал, то его символически заменяла его шапка *папах*, а кольцо невесте надевала ее мать, она же накидывала шаль на голову дочери. Если же и невеста не присутствовала на обручении, то *ншан* передавали ее матери.

В Армении были приняты и другие способы сговора и обручения, происходившие обычно во время народных праздников. Например, в Гандзаке во время летнего праздника *Вардавар* мать юноши, заранее получив согласие родителей избранной девушки, во время танцев набрасывала ей на голову красный платок и вручала яблоко с воткнутым в него кольцом или серебряной монетой, а в карман насыпала немного сушеных фруктов. В Арцах–Карабахе и соседнем Сюнике бывало, что во время утренней службы в Вербное воскресенье какая-нибудь родственница юноши давала избранной девушке зажженную свечу, к которой было привязано кольцо, и одновременно набрасывала ей на голову красный платок (*Лалаян*, 1900. С.246, 247; *Чурсин*, 1902). По народным представлениям, обручение в свадебном цикле было одним из важнейших обрядов, равнозначных самой свадьбе.

От обручения до свадьбы устанавливались различные сроки – от 5–6 месяцев до нескольких лет, что бывало связано со слишком ранним возрастом жениха или невесты. Но обычно этот срок равнялся одному-двум годам. И в это время жених и невеста не имели права встречаться на людях, хотя тайные их свидания допускались, мать невесты, ее сестры и тетки по материнской линии были осведомлены об этом. В тайну не были посвящены только отец, братья и родственники невесты со стороны отца (*Вардумян*, *Карапетян*, 1963. С.112). Во время таких встреч мать невесты непременно готовила для будущего зятя яичницу, которая имела некое магическое значение.

После обручения оба семейства становились свойственниками – *хнами* и старались во всем помогать друг другу, особенно в хозяйственных работах. Между ними начинался традиционный обмен подарками по большим праздникам – на Новый год, Крещение, Пасху, *Вардавар*, при этом «обычай точно устанавливал характер и размер этих подношений» (*Лисицян*, 1992. С.112). Как правило, это были печеные сладости, вино, водка, фрукты, на Пасху – крашеные яйца, сдобный хлеб, нередко ягненок, которого закалывали у порога обрученной девушки в качестве пасхальной жертвы – *ахар* (*Харатян*, 1989. С.32).

Незадолго до свадьбы между обеими сторонами начинались переговоры организационно-хозяйственного характера *hге ктрел*, основной целью которых было, как об этом упоминалось, установление размера выкупа за невесту и характер ее приданого. Во время этих переговоров назначался день свадьбы, определялось число гостей со стороны невесты, оговаривалось, сколько и какой ткани должна купить сторона жениха для свадебного наряда

невесты, кройка и шитье которого обставлялось особым обрядом – *шордзевек*, *шорктрел.* Он совершался в торжественной обстановке в доме невесты, на него специально приглашали хорошую портниху, а также близких родственниц с обеих сторон.

Собственно свадьбу – *hарсаник* обычно справляли поздней осенью или зимой, часто на Масленицу, когда сельскохозяйственные работы были закончены и урожай собран.

Хотя в разных областях Армении свадебные обряды отличались деталями, в основной своей части они были едины, в том числе и в Карабахе. Так, во время свадьбы повсюду были определенные свадебные персонажи. Главную роль играл посаженый отец – *кавор*. Обычно *каворство* у армян было наследственным, переходило из поколения в поколение, правда, иногда бывали случаи замены *кавора*, если, например, молодая женщина рожала только девочек, либо ее дети умирали младенцами, либо она была бездетна.

Важную роль на свадьбе играли также дружки – холостые товарищи жениха, составлявшие его свиту. В Восточной Армении, в том числе в Нагорном Карабахе, дружка назывался *макар*. Главным в свите *макаров* был *макарбаши*, который всюду сопровождал жениха, оправдывая и другие свои титулы – *песахпер* («брат жениха») или *хачахпер* («крестный брат»). Свита жениха и *макарбаши* оберегали жениха и невесту от порчи и сглаза, выполняли различные хозяйственные и развлекательные функции, а главное – принимали непосредственное участие во всех обрядах, знаменовавших переход жениха из одного статуса в другой (подробно см.: *Варданян*, 1981. С.110–121).

Свадебными персонажами со стороны невесты были «брат невесты» (*hарснахпер*) и особенно «сестра невесты» (*hарснакуйр*, мест. *hарснакир*), в роли которой была или сестра, или близкая подруга невесты, обязательно незамужняя, она выполняла роль телохранительницы невесты в течение всей свадьбы. Из среды ближайших родственников-мужчин выбирали распорядителя свадьбы – *тамаду* или *тойбаши.* Отец жениха считался «хозяином свадьбы» (*hарсанкатер*).

Свадебное торжество длилось, как правило, три дня, а иногда неделю, в зависимости от материальных возможностей семей жениха и невесты. Начало свадьбы приурочивали к вечеру понедельника, среды или пятницы, с тем расчетом, чтобы совершение церковного венчания приходилось на вторник, четверг или субботу. Чаще всего свадьбу начинали в пятницу и заканчивали в воскресенье.

Приглашение гостей поручали молодым людям, иногда детям. Но чаще бывало, что каждый односельчанин, обычно глава дома, едва услышав, как пишет С.Д. Лисицян, знакомый свадебный мотив у дома жениха, а затем невесты, «не дожидаясь специального приглашения, направлялся на место свадьбы “гостем”» (*Лисицян*, 1992. С. 114). Однако со временем в обычай вошло поименное приглашение. Так, в Гадруте утром в день свадьбы один из близких родственников жениха обходил дома со списком приглашенных; то же делалось со стороны невесты. Приглашенные на свадьбу, «прочитав свои имена, отмечают, согласны ли они, или нет, присутствовать на торжестве» (*Давидбеков*, 1888. С. 186). В других карабахских селах жених сам со своими друзьями ходил по домам приглашать гостей. С особым почетом отцом жениха или его братом приглашался на свадьбу *кавор.*

Традиционная свадьба включала целый ряд предварительных обрядов. К их числу относилось, например, широко распространенное у многих народов купание жениха и невесты, символизировавшее очищение перед свадьбой. Обрядовое купание жениха происходило в хлеву; в нем принимали участие дружки. В процедуре купания невесты, проходившей в хлеву ее дома, участвовали ее подруги и родственницы. Обряд сопровождался импровизированными песнями, танцами, угощением (обычно это была яичница с медом). Но со временем, в частности в 1920-е гг. в Нагорном Карабахе «это предбрачное купание совершалось уже без особой торжественности, в обычном порядке» (*Лисицян*, 1992. С. 113).

К числу предсвадебных обрядов относилась и торжественная выпечка свадебного хлеба и сладкой *гаты* (мест. *кяты*), которая проходила как в доме жениха, так и в доме невесты. Важной частью обряда было просеивание муки, которое в Карабахе, как и в соседнем

Сюнике, было женским делом. Начинала просеивание муки через сито самая старшая из женщин, после нее – жена *кавора*, а затем другие женщины. Заканчивала просеивание, а затем и месила тесто специально приглашенная для этой цели женщина. В той же очередности солили тесто, причем старшая женщина посвящала соль сначала памяти недавно умершего родственника, а затем всех остальных умерших родственников и просила у них благословения для молодых. В Гандзаке этот обряд совершали мальчик и девочка. Девочка, стоя на коленях перед корытом с ситом в руках, просеивала муку, а затем пекла хлеб, причем весь процесс сопровождался музыкой и исполнением круговых танцев. День обрядовой выпечки свадебного хлеба назывался *таштадрек* (букв. «ставить корыто») (*Лисицян*, 1969. С.189; *Лалаян*, 1899. С.251). Накануне свадьбы в доме жениха в присутствии стариков, его родственников, открывали *карасы* с вином и разливали его в кувшины.

Перед свадьбой отец жениха со священником посещал кладбище, чтобы отслужить панихиду на могилах родственников. Полагалось также, чтобы жених со священником обошли все дома, где в течение последнего года был покойник. Эти обычаи, несомненно, связаны с культом предков (*Лисицян*, 1955. С. 237).

За день до свадьбы или утром в день свадьбы жених в сопровождении своей свиты, *кавора* и музыкантов направлялся к дому невесты с предназначенным для свадьбы бараном или быком. Рога животного окрашивали в красный цвет, а шею украшали гирляндами яблок. Под звуки зурны его закалывали. Но чаще ритуальное закалывание «свадебного быка» (*ез ктрел, мис мортел, мсацу*) происходило во дворе дома жениха вечером первого дня свадьбы. К опрокинутому наземь связанному быку или барану подходили жених и *кавор.* Жених, сделав складным ножом крестообразный надрез на шее животного, закрывал окровавленный нож и клал его в карман. *Кавор* кровью быка смазывал жениху лоб. Иногда жених или *кавор* обмакивали в кровь раскрытый замок или лезвие кинжала, после чего их также закрывали, иногда мать жениха мочила в крови красную нить, которую хранила у себя до брачной ночи. В Мартакерте, например, в хлынувшую кровь животного клали лемех от сохи, а затем бросали его в огонь, на котором должно было вариться свадебное мясо. Кровью смазывали также ключи от дома, один конец платка, которым опоясывался или повязывал себе грудь через плечо жених (*Лисицян*, 1992. С.114). Нож, кинжал, замок открывались только на брачном ложе. По представлениям народа, это должно было способствовать беспрепятственному соединению молодых. Поскольку бык у армян, как и у многих земледельческих народов, издревле ассоциировался с производительными силами природы и считался символом плодородия, то все упомянутые магические действия должны были способствовать деторождению (*Карапетян*, 1950. С. 94).

К вечеру первого дня свадьбы приглашенные со стороны жениха гости собирались в его доме, где их у дверей встречали несколько молодых людей с кружками, тазом, медным кувшином и полотенцами, предлагая каждому гостю вымыть руки. Бывало, что это омовение рук происходило в самом доме после того, как все рассаживались на коврах вокруг очага. Поскольку начало свадьбы проходило в пятницу, то гостей в этот день угощали постными блюдами, а также «с обильным возлиянием вина и водки» (*Лисицян*, 1992. С.115). В этот же день, в торжественной обстановке, в сопровождении игры музыкатов проходили обряды бритья и одевания жениха. Не везде бритье начинали с жениха, чаще специально приглашенный цирюльник сначала брил дружек (*макаров*), затем *кавора* и после этого жениха. Во время обряда жених сидел в окружении дружек, рядом с ним были *кавор* и *песахпер* (*макарбаши*). Брея жениха, цирюльник временами прекращал работу, ссылаясь на плохое качество бритвы, и ждал, пока *кавор*, *макары* и многие из присутствующих не положат по несколько монет в его пользу, и лишь затем заканчивал бритье.

Во время обряда одевания жених также сидел в окружении дружек, а рядом с ним были *кавор* и *песахпер.* Прежде всего одежду жениха, его *чоху*, шапку, два цветных платка, кинжал освящал священник. Во время церемонии жених и *кавор* стояли рядом с зажженными свечами в руках. Затем *кавор*, высоко поднимая для всеобщего обозрения каждый предмет свадебного

костюма, одевал жениха. Один платок он привязывал сбоку к поясу жениха, а другой – к поясу *кавора.* У каждого из дружек были кинжал, сабля или ружье, чтобы охранять новобрачных от злых духов. Обряд сопровождался песнями и шутками.

В это время из дома невесты приходил кто-нибудь из молодых людей с яблоком в руке, чтобы пригласить жениха. Поскольку было уже поздно, многие пожилые гости расходились, а остальные с песнями и плясками, со стрельбой в воздух, криками «ура!» отправлялись шумной толпой к дому невесты на *hарснаар* (букв. «взятие невесты»). Справа от жениха, окруженного *макарами* с зажженными свечами или факелами, шел *кавор*, слева – *песахпер,* впереди – музыканты, а позади – родственники и гости. Если свадебный наряд невесты не был заранее отослан к ней в дом, то кто-то из *макаров* нес на голове поднос с ним. Родителям жениха полагалось оставаться дома. Если невеста проживала в другом селе, то за ней выезжали раньше либо с самого раннего утра следующего дня. Нередко жених и *кавор* ехали верхом в окружении верховых или пеших дружек. При приближении процессии к дому невесты путь преграждали ее родственники, требуя выкуп. Навстречу выходили и родители невесты. Мать, выступая вперед, целовала жениха и *кавора* в лоб и приглашала войти в дом. Жена *кавора*, взяв поднос со свадебным нарядом, передавала его близким невесты (*Лисицян*, 1955. С. 238; *Лисицян*, 1992. С. 116).

Войдя в дом, *кавор* и *песахпер* подходили к свадебному занавесу (*гардак*), за которым в одном из углов (*пучах*) сидела невеста. *Макары* рассаживались перед этим занавесом; тут же становился жених с *кавором.* Родственники невесты начинали одаривать и угощать жениха и *макаров.* Глава дома дарил жениху обычно пояс. К столу выносили несколько деревянных подносов с курами, яйцами, фруктами, пловом, обсыпанным изюмом и другими сладостями, с вином и водкой. Уже после полуночи выносили *луйс* (букв.: свет) – большое круглое металлическое блюдо (*мэжмахи* или *налбаки*), наполненное яблоками и другими фруктами, а также сладостями, с кувшином водки или вина посередине, с горящими по краям свечами. Ближайшие родственники невесты преподносили *hарсаники царр* – «свадебное дерево». Сделанное, как правило, из веток ивы и украшенное разноцветной бумагой и лоскутками, орехами, изюмом, фруктами (обычно яблоками и гранатами), а сверху иногда и курицей, оно символизировало плодородие. Вносившие это «дерево» приветствовали присутствовавших словами «*Пари луйс*» («Доброе утро»), на что *макары* в ответ громко отвечали «*Асцен пари*» («Добро от Бога»).

Свадебное торжество в доме невесты продолжалось в течение нескольких часов, затем гости расходились, а жених, *кавор*, *песахпер* и несколько *макаров* оставались здесь на ночь. Вместе с невестой ночевала *hарснакуйр.*

Утром звук зурны вновь собирал приглашенных гостей в дом невесты, где за занавесом должен был происходить обряд одевания ее в свадебный наряд. Предварительно священник освящал присланное женихом подвенечное платье невесты, а вместе с ним и подаренный отцом невесты жениху пояс. Невесту, сидевшую за занавесом в окружении подружек, которые веселыми шутками старались развеять ее грусть, одевала одна из молодых замужних родственниц, имевшая первенца-сына. Церемонию сопровождала печальная мелодия зурны. Свадебный наряд невесты по покрою не отличался от повседневного костюма, но сшит был из более дорогой ткани, с богатыми украшениями.

Наиболее важная часть обряда – замена девичьей прически и девичьего головного убора женскими – мест. *клохы капэл* (букв.: повязать голову), т.е. сняв девичий платок, убирали ей голову традиционным сложным убором замужней карабахской женщины. Лицо невесты закрывали вуалью. Пояс повязывал ей *кавор* и, ударяя по спине, выражал пожелания здоровья, счастливого материнства, многих сыновей (*Лисицян*, 1992. С. 118).

После того как невеста была одета, жених и невеста отправлялись в церковь венчаться. Но иногда в Карабахе, как и в соседнем Сюнике, венчание происходило у очага (*тонира*) и называлось *тонри псак.* Его совершали, когда в селе еще не было церкви или вступающие в брак не достигли установленного брачного возраста, степень родства не превышала шести

ступеней, а степень свойства – пяти или в брак вступали вдова и вдовец, в церкви находился покойник и т.д. При таком венчании к верхней части *тонира* прикрепляли свечи; священник совершал обряд, трижды обводя молодую пару вокруг очага, после чего жених и невеста, встав по обе стороны *тонира*, опускались на колени и целовали его края. Карабахские армяне считали венчание у *тонира* даже «выше венчания в церкви, потому что *тонир* их кормит, греет и очищает» (*Лалаян*, 1897. С. 115, 116; *Лисицян*, 1992. С. 119). Этот обряд сохранялся здесь до конца 1920-х годов. По словам И. Петрушевского, «именно в этом, а не в церковном венчании они видят сущность свадебного обряда» (*Петрушевский*, 1930. С. 4). Видимо, это было связано также и с происходившим в Нагорном Карабахе в этот период закрытием церквей.

По дороге в церковь впереди свадебного поезда шли музыканты, за ними *тойбаши* с высоко поднятым «знаменем» – цветным платком, привязанным к концу длинного шеста, за ними шли жених и невеста, которых называли *тагавор* («царь», «венценосец») и *тагуи* («царица», «венценосица»). Они держались рядом, он – с левой, она – с правой стороны. Рядом с женихом шел *кавор*, рядом с невестой – *hарснакуйр.* Их плотным кольцом окружали *мАкары* со свечами или факелами в руках. Позади процессии следовали гости. Шествие сопровождалось песнями, плясками, стрельбой в воздух, криками «ура!». Весь этот шум должен был отгонять злых духов. У церкви стража из *макаров* внимательно следила, чтобы никто не посмел бросить камень на крышу церкви и тем самым навлечь на молодую бесплодие; с той же целью подружки невесты, тесно обступив ее в церкви, оберегали от некой злой женщины, которая вознамерилась бы вшить ей нитку в подол. *Тойбаши* передавал священнику четки сельского старшины в знак того, что с его стороны имеется согласие на венчание этой молодой пары. Во время венчания *кавор* держал над головами молодых скрещенные меч и ножны, чтобы уберечь их от сглаза и нечистой силы. С той же целью при выходе новобрачных из дверей церкви, а также во время прохода их через любые двери в этот день меч над их головами держал *песахпер.* В церкви священник повязывал жениху на шею, а невесте на правую руку выше кисти *нарот* – шнур, свитый из зеленой и красной нитей (мест. *кыныч-кармур*, букв.: зеленый-красный), и скреплял концы его воском от своей свечи. До снятия *нарота* (а это мог сделать только священник с чтением молитвы на следующий день вечером) они не имели права взойти на брачное ложе.

На севере Нагорного Карабаха, в области Джраберд, на головы жениха и невесты надевали венцы (*таг*) – узкие, тканые золотом шелковые диадемы с ниспадающей бахромой из шелковых ниток, концы которых украшали серебряные шарики. На юге, в области Дизак, такой венец надевали на голову только невесты, а жениха отличали по длинному цветному платку, повязанному накрест на груди. В Варанде венцов не было, их заменял зелено-красный *нарот* (*кыныч-кармур*) (*Лисицян*, 1992. С. 119, 120).

Из церкви новобрачные либо шли рядом, либо чаще молодая немного отставала от мужа (как неравная ему), держась за конец платка, привязанного к его поясу. Рядом с ними с одной стороны шел *кавор*, с другой – *hарснакуйр.* Вся процессия направлялась сначала к священным очагам – *оджахам*, которых в Карабахе, как упоминалось, было немало; они сохранялись либо в полуразрушенных *глхатунах-карадамах*, либо еще в жилых домах; причем в отличие от других священных мест они носили родовые названия по фамилиям основателей того или иного села (*Лисицян*, 1992. С. 150). У этих очагов новобрачные, опускаясь на колени, зажигали свечи, курили ладан, после чего свадебный поезд медленно направлялся к дому родителей невесты. Чтобы обмануть злых духов и избежать встречи с ними, домой полагалось возвращаться другой дорогой. Шествие вновь сопровождалось громкими песнями, танцами, стрельбой и криками «ура!». По пути следования родственники молодых, а также *кавора* выносили из своих домов подносы со сладостями, фруктами, курами, пловом, яичницей, угощали всех вином и водкой, жениха и невесту одаривали платками. После непродолжительных пиршеств, сопровождаемых плясками и шутками, свадебная процессия возвращалась в

дом невесты, где ее родители (они не присутствовали во время церковного венчания) ждали всех с «тронным обедом» – *тахтачаш* (букв.: обед на тахте).

Молодая опять уходила за занавес, где ее окружали дети (в знак пожелания ей много детей). По обычаю, за стол[1] сначала садились мужчины, потом женщины. Молодой не должен был садиться за стол и притрагиваться к еде до тех пор, пока не получал от родителей жены в качестве подарка за «открытие рта» несколько пар носков и шапку. Застолье начиналось с тостов в память о покойных родственниках, затем провозглашались тосты за счастье молодых, их родителей, родственников с обеих сторон. Пиршество сопровождалось песнями, плясками в доме и во дворе и длилось несколько часов. Затем обычно устраивали *канч* (букв.: клич, зов), т.е. сбор денег. В доме молодой в нем участвовали только женщины. Собранная сумма передавалась ее матери (*Лалаян*, 1897. С. 138).

Когда гости расходились и оставались только молодой, *кавор, песахпер, макары*, а также близкие родственники новобрачной, начиналась демонстрация ее приданого. Отец или кто-либо из старших в семье приносил приданое, а барабанщик (*тэнчи*) брал по отдельности каждую вещь, высоко ее поднимал и показывал всем под общее одобрение, произнося, например: «Господа! Такой-то отдал дочери в приданое такую-то вещь, которая стоит самое малое … рублей». В ответ все кричали: «*Шен кена, шен*» (букв.: Пусть будет он в довольстве). В селе Даш-Алты, например, приданое составляло «почти целое хозяйство: ковры, паласы, постель, самовар, котлы, мафраши, сундуки, одежду, иногда быка или корову и т.д.». Приданое навьючивали на лошадь или катера, сверху сажали мальчика, обычно младшего брата невесты и затем впереди свадебного поезда отправляли в дом жениха. Там мальчик не позволял взять приданое, пока не получал за него небольшой денежный выкуп – от 20 коп. до 3 руб. (*Осипов*, 1898. С. 128; *Лисицян*, 1992. С. 121).

В воскресенье наступал кульминационный момент свадьбы, когда невесту перевозили в дом жениха. В этот день в обоих домах вновь собирались гости. После небольшого угощения в доме жениха он, его отец и близкие родственники шли за невестой в дом ее родителей. Отец невесты выводил дочь за руку и передавал ее отцу жениха со словами: «Передаю тебе добро, пользуйся им на счастье». Отец жениха давал обещание беречь ее как «свет своих очей». Обряд прощания невесты с родительским домом сопровождался особой грустной мелодией. Прощаясь с домом, молодая целовала руку отцу и матери, молодой – всем ее родным. Особым ритуалом сопровождалось прощание с домашним очагом. Трижды обойдя вокруг него, молодожены целовали его края. В Гандзаке перед выходом из родительского дома невеста подходила к очагу и, опустившись на колени, брала из него немного золы; после этого немного золы брал и жених. В Варанде только жених клал щепотку золы из очага невесты в карман (*Лалаян*, 1897. С. 139; *Лалаян*, 1899. С. 259; *Лисицян*, 1992. С. 121). В дом жениха посылался свадебный занавес (*гардак*), которым отгораживался угол (*пучах*), где должна была сидеть невеста.

Когда участники свадьбы покидали дом молодой, один из ее родственников (обычно младший брат), держа дверь, не выпускал их до тех пор, пока не получал выкупа от *кавора.* Шествие к дому жениха сопровождалось еще более громкими и веселыми песнями, плясками, выстрелами, возгласами «ура!». *Макары* еще внимательнее следили за тем, чтобы между новобрачными никто не прошел. По пути следования свадебного поезда родственники опять выносили столы и подносы с разнообразным угощением, желая новобрачным благополучия, осыпали их сушеными фруктами, орехами, зерном.

Перед вступлением новобрачных во двор дома жениха или на его пороге у ног невесты закалывали жертвенного барашка или петуха. Молодых встречали родители жениха. В это время с крыши дома кто-то из родственников сыпал на молодых сушеные фрукты, орехи, зерно, монеты. Мать жениха, высоко подняв над головой большое медное блюдо (мест. *Межмахи*), на котором на нескольких хлебах, положенных друг на друга, на углях курился ладан,

[1] *Столов в нашем понимании в прошлом не было. За едой размещались на расстеленных на тахте и на полу коврах*

и приплясывая, трижды обходила вокруг новобрачных и *кавора* справа налево и целовала в лоб молодую невестку. Хлеб этот затем раздавали детям, которые также с шумным весельем подбирали сыпавшиеся с крыши сушеные фрукты и орехи. В селе Даш-Алты, например, навстречу молодым выходили отец и мать жениха, оба они долго танцевали, затем подходили к новобрачным, целовали их и говорили: «Приход ваш пусть будет на добро; чтоб вы на одной подушке состарились» и т.п. (*Осипов*, 1898. С. 128). Из дома выносили *ошнак* – горшочек с маслом, который ставили перед молодой; кинув в него несколько монет, она слегка смазывала маслом косяк двери и волосы свекрови в знак пожелания богатства дому и своей покорности свекрови, которой будет служить («умасливать» ее). Свекровь, со своей стороны, желая невестке богатства, говорила: «Чтобы пальцы твои были в масле» (*Лалаян*, 1897. С. 140). После этого молодая разбивала одним ударом ноги положенную на пороге дома глиняную миску и переступала через порог. Войдя в дом, жених вел невесту к очагу, где они оба опускались на колени, целовали его края, при этом невеста бросала в огонь ладан, а жених – щепотку золы, принесенную из дома невесты, что символизировало вступление молодой в семью, т.е. к очагу мужа. После этого старший в доме благословлял молодую пару. Затем невесту вели за занавес, где она стояла до тех пор, пока не получала подарка от свекрови. Свекровь также передавала в объятия невестке маленького мальчика с пожеланием: «Да родишь и ты на счастье мальчика» (*Лисицян*, 1992. С. 122, 123).

Свадебное пиршество (мест. *мецарк* – чествование жениха в роли *тагавора,* т.е. «царя») отличалось обильным угощением, множеством тостов, чередующихся песнями, танцами; родственники жениха приносили «свет» (*луйс*) и «деревья» (*цар*). По окончании танцев в пользу музыкантов собирали *шабаш.* К концу пиршества барабанщик (*тэпчи*) просил священника благословить барабан и начинался *канч* – на этот раз сбор денег в пользу *тагавора. Тэпчи* ставил перед сельским старшиной барабан наподобие стола, покрывал его красной шелковой шалью, а присутствующие гости поочередно давали деньги в зависимости от своего достатка – от 20 коп. до 20 руб. При этом *тэпчи* громко объявлял: «Такой-то из любви к нашему “царю” принес столько-то рублей. Дай Бог ему больше добра». Присутствовавшие вторили: «Ему больше добра!». В результате набиралась сумма (от 50 до 200 руб.), иногда даже превышавшая свадебные расходы (*Лалаян*, 1897. С. 140, 141; *Осипов*, 1898. С. 128: *Лисицян*, 1992. С. 123).

После *мецарка* вечером, когда гости расходились, священник в присутствии *кавора* снимал с жениха и невесты *кыныч-кармур,* развязывал узел нитки, окровавленной при закалывании «свадебного быка», вынимал нож или меч из ножен. Во время этой процедуры *кавор* держал над головами новобрачных обнаженный меч, скрещенный с ножнами. Иногда этот обряд совершался после кутежа дружек – *мыкыркочек*, который происходил либо в тот же день после *мецарка,* либо на следующий день, т.е. днем в понедельник; тогда он заканчивался тем, что жених вместе с родителями и *макарами* отправлялся на кладбище посетить могилы умерших родственников.

Брачное ложе молодым готовилось родственницами жениха. У постели ставили вино, фрукты, мед, сладости. В эту ночь в доме молодого не должен был оставаться никто из домашних. Все уходили ночевать к родственникам или соседям, а рано утром молодой муж, «стыдясь показаться кому-нибудь на глаза», убегал к одному из родственников. И только под вечер близкие родственники приводили его домой, где он, смущаясь, подходил к родителям и целовал им руки (*Лалаян*, 1897. С. 142; *Лисицян*, 1992. С. 124).

В Карабахе, как и в других областях Армении, большое значение придавалось целомудрию невесты. С целью удостовериться в нем утром в дом приходили близкие родственницы. Поздравив молодую, они дарили ей яблоко, в которое были вставлены ребром серебряные монеты, а ее матери с поздравлениями посылали зарезанную курицу и простыню с брачной постели.

Со свадьбой был связан также обряд «охоты жениха», когда он должен был с одного раза отсечь голову курице. В Варанде он происходил у дома невесты, в Гандзаке – при освящении

могилы умершего отца жениха. Испытание силы и ловкости жениха и его свиты практиковались и в иной форме: например, в Гандзаке жених (а в случае его промаха – дружка) одним выстрелом из ружья должен был сбить яблоко, привязанное за длинную нитку к одной из ветвей дерева или же укрепленное на конце шеста; в Карабахе стреляли также в яблоко, либо в конфеты, яйцо, голову курицы. Подобного рода физические испытания, имевшие место и среди других историко-этнографических групп армян в исследуемый период в свадебных обрядах, сохранились, как справедливо показала Л.М. Варданян, остатки древнейших коллективных инициаций, связанных с переходом посвящаемых юношей в следующую возрастную группу (*Варданян*, 1981. С. 112, 113).

Свадьба обычно заканчивалась пирушкой холостой молодежи. Повсюду свадьбу старались провести как можно веселее, считая это залогом счастливого продолжения семейной жизни.

Через неделю после свадьбы совершался широко распространенный обряд *глухлванек* (мест. *кылхылва*) – «мытья головы» невесты. В дом к зятю приходила мать молодой (одна или с близкими родственницами). Она приносила с собой мыло, расческу, нитки, повседневную одежду дочери, купала ее, стирала одежду, оставалась на ночь, а утром возвращалась домой (*Лалаян*, 1897. С. 143).

В течение сорока дней (*каррасунк,* мест. *кррасунк*) молодые считались «нечистыми». В это время молодая жена пряталась от всех за занавесом, там же и обедала, выходила она оттуда только по приглашению и после того, как получала в подарок монету. Даже за водой она могла идти только поздно вечером, когда можно было не опасаться случайных встреч с кем-либо из односельчан. Молодому мужу 40 дней запрещалось присутствовать ни на чьей свадьбе или входить в дом, где была роженица, даже пройти по крыше этого дома, так как считалось, что он принесет несчастье; он не мог войти также в хлев и т.п. Встретив где-либо старика, он должен был подойти к нему и поцеловать руку. До истечения года или до рождения первого ребенка молодая должна была ходить с закрытым лицом (*Лисицян*, 1992. С. 124, 125). Она начинала придерживаться архаического обычая избегания старших родственников мужа, а также *кавора.*

Таким образом, традиционный брачно-свадебный цикл у карабахских армян, практически единый в основных своих чертах и даже во многих деталях с общеармянским брачно-свадебным циклом, характеризовался сложным сочетанием различных и в разное время возникших обрядов, многие из которых имеют глубокие исторические корни и отражают особенности семейно-брачных порядков родового строя и дохристианских воззрений. Отголосками родового строя следует считать непосредственное участие на всех этапах свадьбы широкого круга родственников с обеих сторон, угощение ими свадебного поезда на пути его следования к дому жениха, материальную взаимопомощь, выражающуюся в сборе денег, свадебный дарообмен, участие в свадьбе половозрастных групп: друзей – сверстников жениха и подруг – сверстниц невесты и те посвятительные обряды, которые знаменовали собой переход этих сверстников из группы холостых в группу женатых.

Значительная часть свадебных обрядов связана с пережитками ранних форм религии – культом предков, домашнего очага, культом природы и пр. Особую роль играли многочисленные магические церемонии, направленные главным образом на то, чтобы уберечь молодых от сглаза и порчи, обеспечить им плодородие и благополучие в будущей жизни.

Обряды, связанные с рождением ребенка

Естественным смыслом брака у карабахских армян, как и у всех армян, было рождение детей для продолжения рода, поэтому бесплодие считалось одним из самых больших несчастий и даже Божьим наказанием. Бездетная женщина постоянно подвергалась оскорблениям, особенно со стороны свекрови; она часто слышала, как о ней говорят: «сухая балка», «бесплодное дерево». Спасаясь от этой беды, которую, по народным представлениям, насылали злые духи, женщина носила на щиколотках браслеты с подвесками, чтобы позвякиванием отгонять их (эти браслеты надевали девочкам еще в детстве). В Арцах–

Карабахе, как и в других областях Армении, бездетные женщины искали помощи у знахаря, «святых», часто посещали места паломничества, совершая при этом обряд жертвоприношения. Верили, что во время богомолья может помочь такой магический прием: женщина с тяжелым камнем на спине трижды обходила святыню с целью, чтобы также «отяжелеть» (*цынрана*). Бывало, чтобы забеременеть, бесплодные женщины приводили белого барана к «вратам святого»; там они становились на колени, и какой-нибудь маленький мальчик клал на шею женщины камень. В это время священник накидывал на нее ризу и читал молитву, а сама женщина давала обет обойти семь сел, собрать деньги для жертвенного барана и принести его в жертву «у ног святого». С этой же целью нередко женщина, положив тяжелый камень на затылок, трижды обходила храм на коленях, после чего священник (или монах) в церкви, покрыв ее подолом своей ризы, читал над ней молитву. Этот камень женщина затем уносила с собой домой. Не менее принятым было также прохождение бесплодной женщины сквозь отверстия в камнях (*Лалаян*, 1897. С. 144, 190, 191; *Лисицян*, 1992. С. 125, 158). В Гандзаке бесплодная женщина во время паломничества обычно снимала пояс, клала его на Евангелие и оставляла там на ночь. На следующее утро она шла в церковь, где священник, читая молитву, завязывал ей этот пояс. Нередко пояс завязывал ей *кавор* либо многодетный мужчина (*Лалаян*, 1899. С. 272). В Карабахе, как и в соседнем Сюнике, весьма почитаемы были так называемые пупочные камни – *портакар,* – на которые женщина ложилась животом и вращалась на них, надеясь забеременеть. В Сюнике изготовлялись специальные кольца из волчьей пасти и шкуры, через которые проходили бесплодные женщины (*Лисицян*, 1969. С. 200). У армян существовали и многие другие приемы, с помощью которых, как верили, можно было избавиться от бесплодия (подробно см.: *Харатян*, 1989. С. 21–25).

Во время беременности женщина вела обычный образ жизни, однако, считаясь «нечистой», она не должна была месить тесто, печь хлеб, сбивать масло. Беременной запрещалось садиться рядом с бездетной женщиной из опасения «заразы». Полагалось во всем угождать ей, особенно в пище, чтобы ребенок ее был здоровым.

Как только начинались роды, мужчин выпроваживали из дома и с роженицей оставались повитуха – *татмер* (букв.: бабушка-мать) и пожилые родственницы. Армянка рожала в жилом доме, стоя на коленях на постланной на земляном полу соломе. Для облегчения родов, для защиты от злых духов (*кашки*), которые, как считалось, роились в это время над домом и вокруг роженицы, в доме широко открывали двери, окна, снимали крышки с посуды, развязывали всевозможные узлы и пояса, расстегивали одежду, у ног роженицы разбивали яйцо, а около нее ставили заряженное ружье, под подушку прятали кинжал, шампуры, веретено, кусочки железа либо у порога кидали тяжелую железную цепь – обереги от нечистой силы.

Если роды затягивались либо роженица теряла сознание, использовали различные магические приемы, способные разогнать или обмануть злых духов: женщины выбегали из комнаты и начинали громко кричать, стреляли из ружья, зажигали порох, надевали на голову роженице шапку *кавора*, пытаясь сбить духов с толку (чтобы они приняли ее за мужчину), иногда приглашали и его самого, и он теребил роженицу, чтобы выгнать из нее бесов; свекровь, налив в подол воды, предлагала роженице выпить ее; через дымовое отверстие выбрасывали печень козла; одна из женщин поднималась на крышу и, присев около *ердика* наподобие курицы, кричала: «Рожаешь – рожай, а не то вот я рожаю» – и при этом будто бы сбрасывала вниз снесенное ею яйцо и т.п. Не разрешалось произносить имя роженицы, дабы злые духи, услышав его, не завладели ее душой (*Лалаян*, 1897. С. 145, 146; *Лисицян*, 1955. С. 241; *Лисицян*, 1992. С. 125, 126).

Послед зарывали в землю, поскольку верили, что существует связь между будущим человека и его пуповиной. Отрезанную пуповину новорожденного мальчика зарывали где-нибудь на видном месте, например, в хлеву, у стены магазина или церкви либо посреди села, чтобы из него со временем вышел хороший скотовод, ремесленник, священник, а пуповину

девочки, напротив, прятали в дальнем углу дома, чтобы она выросла скромной и хозяйственной (*Лалаян*, 1897. С. 146; *Варданян*, 1981. С. 94).

Приняв новорожденного, повитуха первым делом посыпала его солью, поскольку соль у армян (как и у некоторых других народов, например, у греков, болгар) считалась оберегом. По этой же причине всякий, входивший в дом после рождения ребенка должен был, прежде чем подойти к матери, положить руку на сосуд с солью. О появлении на свет нового человека повитуха в первую очередь сообщала отцу ребенка и *кавору*, причем особенно радовались рождению мальчика как продолжателя рода. В этом случае повитуха, поздравляя (*мыштылых*) отца, могла шутя сорвать с него шапку и бросить на землю, требуя выкупа. В некоторых карабахских поселениях (Таглар, Мартакерт) повитуха, обмыв и посыпав солью новорожденного ребенка, тотчас выносила его на крышу и, став лицом к востоку, произносила: «Боже, даруй этого ребенка его отцу и матери». В селе Вагуас (Джраберд) при первом (после рождения ребенка) появлении отца в доме, повитуха сначала предварительно выносила ребенка из дома, а затем, пропустив отца впереди себя в комнату, входила за ним и передавала ему на руки новорожденного младенца, что символизировало признание им того, что он является родителем этого ребенка. В селе Чартар (Варанда) этот обряд повитуха совершала с целью получения от отца подарка.

Услышав радостную весть, близкие родственницы приходили с особыми поздравлениями – *ачкед луйс* (мест. *ашкет лус*) (букв.: свет твоим глазам) и приносили яичницу, плов, печенье, фрукты. Вскоре приглашали и священника, чтобы «очистить» дом и всю посуду от следов пребывания злых духов.

Сама же роженица еще 40 дней считалась «нечистой» и не должна была прикасаться к чему бы то ни было из того, чем пользовалась вся семьи. Особенно строго запреты соблюдали в первую неделю, до крестин ребенка; в это время роженицу кормили и поили из отдельной посуды, причем давали специальные блюда, в частности *хавиц*, а также сладости, вместо воды – выдержанное красное вино; ей не разрешали прикасаться даже к собственному ребенку, которого купала и пеленала повитуха или кто-нибудь из пожилых женщин этого дома. Даже встав с постели (обычно на десятый день), молодая мать все еще не имела права готовить еду, месить тесто, стричь ногти, кроить и шить, появляться на улице и днем, и после захода солнца, купать своего ребенка, выливать горячую воду на землю (*Лисицян*, 1992. С. 126–128; *Варданян*, 1981. С. 94).

Эти первые сорок дней, как считалось у армян (и у многих других народов), были наиболее опасны для новорожденного и его матери. Именно в это время на них, особенно на ребенка, могли подействовать вредоносные силы, вызывающие болезнь *кох*, и если ребенок до истечения «сорокадневия» заболевал или умирал, то говорили, что он *кохвац.* Причиной могли быть, по поверьям, злые духи, сглаз, бесплодные женщины, покойник, сырое мясо и еще многое другое. Если в дом приносили мясо, то ребенка купали, держа мясо под ним, либо ребенка предварительно выносили за порог дома. Ребенка выносили и в том случае, если в дом входил отец либо даже посторонний мужчина, у которого в семье имелась роженица, находившаяся в периоде «сорокадневия». По этой же причине нельзя было входить к роженице новобрачным, у которых не истекли еще 40 дней после свадьбы. Если мимо дома, где был новорожденный, проходила похоронная процессия, то его вместе с колыбелью приподнимали и ставили на какое-нибудь возвышение.

Чтобы избежать несчастья, принимались разнообразные предохранительные меры. Так, в течение 40 дней у изголовья ребенка постоянно горел светильник, поскольку верили в очистительную силу огня. На колыбель младенца вешали разные амулеты-обереги; колыбель украшали резными изображениями крестов, под подушку прятали записки с заговорами от порчи, кусочки хлеба, угля; около люльки ставили миску с водой и т.п.

Если ребенок все же заболевал и становился *кохвац* по вине злых духов, то прибегали к разным обрядам. Так, приглашали того человека, который якобы был причиной попрания ребенка злыми духами, и купали ребенка над его ногами; если же считали, что это был отец

ребенка, то, помимо такого купания, выносили ребенка на крышу и оставляли там, пока отец не уходил из дома. Если же причину заболевания не могли установить, то ребенка купали над щенком или же над черепом околевшей собаки, найденной в поле; иногда мыли ноги ребенка на могиле убитого человека и вокруг его головы обводили камнем, взятым с этой могилы, после чего закапывали около могилы яйцо и гвоздь с надеждой, что этим действием будет покончено с болезнью или порчей (*Лисицян*, 1992. С. 128, 129). Если причину болезни видели исходящей от покойника, то ребенка также относили на кладбище и мыли ему руки и ноги на надгробном камне. В Гандзаке, например, это делалось так. Рано утром относили ребенка на кладбище и, соблюдая обет молчания, мыли его руки и ноги на могиле человека, похороненного без причастия. После этого разбивали посуду с водой и «хоронили» в земле специально изготовленную из теста фигурку «покойника» (*Лалаян*, 1899. С. 284).

Чтобы защитить маленького ребенка от разного рода невзгод, к его одежде прикрепляли обереги-амулеты – *ачкиулунк* (мест. *ашкаулунк*; букв.: бусина от сглаза). Обычно это были сине-белые глазчатые стеклянные бусинки. Их пришивали детям к плечикам одежды; порой дети до юношеского возраста носили нашивку в виде небольшого стального огнива (*Лисицян*, 1992. С. 129; *Варданян*, 1981. С. 95, 96).

«Сорокадневие» завершалось ритуальным купанием ребенка и матери (*Лалаян*, 1897. С. 150). Роженицу купали над соломой (которую потом сжигали), а затем «выводили на солнце» люльку, ребенка и мать. К вечеру в доме собирались близкие родственницы и сопровождали мать с ребенком в церковь, где происходило окончательное «очищение» (*Лисицян*, 1992. С. 129; *Харатян*, 1989. С. 29, 30).

К первому году жизни ребенка были приурочены некоторые обряды. Так, когда у ребенка появлялся первый зуб, устраивали семейное торжество с приглашением близких родственников. Ребенка сажали на пол, накрывали головку скатертью и сверху насыпали *кчехаш* – вареную пшеницу либо наливали жидкую пшеничную кашу с изюмом; все радовались, когда ребенок пытался брать это в рот. Во время этого торжества перед ним клали нож, гребень или зеркало и смотрели, к чему ребенок потянется; если тот брал нож, это означало, что следующим у него родится брат, а если гребень или зеркало – то сестра. До года ребенку не стригли ногти и волосы. Первые срезанные ногти и волосы никогда не выбрасывали, а прятали в щелях стены дома или – чаще – церкви, считая, что если они попадут на землю и их затопчут, ребенок может лишиться своей жизненной силы и заболеть.

Крещение (*кнунк*) происходило вскоре после рождения ребенка, обычно через неделю. Во время крещения ему давали имя. Оно выбиралось по желанию родителей или по имени святого этого дня; нередко ребенку давали имя его деда или бабки. Имени обычно придавали символическое значение и иногда даже меняли, чтобы обмануть злых духов, если ребенок рос слабым и болезненным. С целью обмана злых духов в семьях, в которых были случаи смерти детей, детям давали тюркские имена.

Обычай крещения детей в Нагорном Карабахе стал исчезать по мере того, как здесь с 1920-х годов стали закрываться многочисленные прежде церкви. Тогда в эти годы в большинстве случаев крещение ребенка заменялось «торжественным наречением имени на пирушке с приглашенными гостями, иногда в местном клубе» (*Петрушевский*, 1930. С. 4).

Обряды похоронного цикла

Особое место в традиционной народной культуре карабахских армян, как и всех армян, занимают похоронно-поминальные обряды. По сравнению с другими обрядами жизненного цикла они наиболее консервативны, поскольку отражают медленно меняющиеся представления человека о смерти, о душе, о взаимоотношениях живых и мертвых.

Армяне верили в судьбу – *тчакатагирь* (букв.: надпись на лбу), и, по их представлениям, день смерти был предопределен в момент рождения человека. Когда наступал этот день, человеку являлся ангел или дух смерти и забирал его душу, которая покидала тело с последним дыханием умирающего. По поверью, если человеку не хотелось умирать в этот

день, дух смерти силой отнимал у него душу, а иногда и сама душа не хотела покидать тело, предпочитая оставаться в этом мире. В таких случаях в момент предсмертной агонии использовались различные приемы: вынимали подушку из-под головы умирающего, широко раскрывали все окна и двери в доме, чтобы дух смерти мог беспрепятственно удалиться с душою, и т.п. Повсеместно был распространен обычай класть на умирающего разные предметы, с которыми он хотел бы попрощаться: фотографии, одежду родных, которые в этот момент находились вдали от дома, орудия труда, которыми много лет пользовался покидавший сей мир человек.

В Карабахе верили, что душа человека покидала тело в виде птицы, причем если покойный был добродетельным человеком, то душа оказывалась белым голубем, а если он был грешен в чем-либо, то его душа вылетала в виде черной птицы (*Лалаян*, 1897. С. 185). Верили также, что «ангел смерти» являлся лишь за праведными душами, которые отлетали легко, лепестком розы, а души грешников, за которыми прилетали злые духи, покидали тело с трудом, приняв образ безобразного зверя (*Лисицян*, 1992. С. 130). Местопребыванием душ умерших людей считалось небо, куда те уходили вместе с «ангелом смерти», чтобы предстать перед судьей загробного мира (*Лалаян*, 1897. С. 179). При этом души безгрешных людей, чьи добрые дела бывали весомыми, направлялись в рай, куда они легко переходили по сделанному из волоса мосту, а души грешников попадали в ад, поскольку этот мост не выдерживал тяжести их грехов. Души остальных людей оставались на полпути между адом и раем (*Харатян*, 1989. С. 35).

Весть о смерти односельчанина распространялась очень быстро. Родственники и соседи тут же приходили в дом родных покойного, чтобы выразить им свои соболезнования и утешить. Если смерть односельчанина происходила вне села, то существовал обычай с высокого холма либо с крыши дома дважды выстрелить из винтовки, что, помимо оповещения, было нацелено на то, чтобы оградить путь плохой вести, не дать ей повториться. До погребения полагалось соблюдать определенные запреты, например, нельзя было работать в поле, саду или огороде, копать или «переворачивать» землю, стирать в домах родственников умершего, так как считали, что «ангел смерти» еще находился в селе и мог за собой еще кого-то «потянуть» (*Лалаян*, 1897. С. 179; *Лисицян*, 1992. С. 129, 130). Бывало, когда после смерти человека друг за другом умирали и некоторые другие члены его семьи или же кто-либо из односельчан, что Е. Лалаян объяснял низким уровнем гигиены. Однако в народе подобные случаи приписывали сакральной «нечистоте» умершего (*Лалаян*, 1897. С. 184; *Лалаян*, 1899. С. 93).

Поскольку верили, что отлетевшая душа оставалась около покойника до погребения, сразу же после смерти начинали подготовку к похоронам. Приглашали священника, чтобы он освятил саван (*патан*), в который должны были завернуть покойного, и воду, которой надо было его обмыть. Тело обмывали обычно пожилые люди, нередко родственники, одного с умершим пола. В качестве вознаграждения они получали одежду покойного. Покойника укладывали на предназначенную для этого случая доску лицом к востоку и мыли прохладной водой с мылом специальной рукавичкой начиная с головы. Оставшейся водой омывали руки и ноги членам семьи умершего с тем, чтобы их покинул страх. Посуда, в которой была вода для обмывания, разбивали; там, где обмывали покойника, зажигали светильник, который горел семь-восемь дней, чтобы, как говорили в народе, «осветить душе путь на небеса».

Чтобы злой дух не поселился в опустевшем теле, покойника со скрещенными на груди руками заворачивали в саван, который затем зашивали. На ночь его переносили в церковь, предварительно заворачивали в *карпет* и укладывали на погребальные плетеные носилки, называемые *наж*, *наш, пышапад, пышкапад, деринпад,* которые хранились при церкви. В конце XIX в., под влиянием города, случалось, что зажиточных крестьян начинали хоронить в гробах. Младенцам и умершим в раннем возрасте вкладывали в руки свечку, чтобы они могли, когда умрут их родители, выйти им навстречу и осветить путь.

Перед выносом покойника собравшиеся в его доме родственницы, соседки и специально приглашенные женщины-плакальщицы (обычно в каждом карабахском селе было по несколько таких одаренных женщин) садились вокруг умершего и начинали его оплакивать песнями-плачами – *суг асел* (букв.: говорить плач), *ерг асел* (букв.: говорить песню). В зависимости от возраста, занятия, образа жизни покойного плакальщицы сами сочиняли импровизированные песни и исполняли их столь искусно, что в народе говорили: «От их плача даже камень слезы прольет». Во время оплакивания было принято распускать и теребить волосы (а в далеком прошлом и обрезать их), посыпать голову золой, о чем свидетельствовали сохранявшиеся в народе своего рода проклятия: «Чтобы мне золой посыпать твою голову», «Чтобы волосы тебе отрезали», «Чтобы твоя мать волосы на тебе теребила» (*Газиян*, *Сехбосян*, 1971. С. 8). В этих печальных песнях-плачах рассказывалось о жизненном пути покойного, его достоинствах, восхвалялось его добросердечное отношение к членам семьи и соседям, кроме того, плакальщицы просили дух умершего не беспокоиться об оставшихся на земле родных (*Газиян*, 1990. С. 28). Каждую часть своего обрядового плача они заканчивали громким воплем, который подхватывали остальные женщины. После этого мужчины выносили умершего, и обязательно ногами вперед.

Испытывая перед смертью и покойником суеверный страх, армяне, как и многие другие народы, использовали ряд магических приемов, чтобы помешать умершему «возвратиться» домой и «потянуть за собой» кого-нибудь из родных. Поэтому, например, покойника выносили из дома не сразу через открытую дверь: ее сначала закрывали, затем троекратным ударом носилками с телом покойного как бы пробивали ее и только тогда выходили через открытую дверь. Полагали, что после этого покойник потеряет дорогу домой и не сможет возвратиться никогда. С этой же целью клали тяжелый камень на то место, где он только что лежал, как бы «занимая» его, чтобы «нога покойника была тяжелой на семье», чтобы никто другой из этого дома скоро не умер либо чтобы память о покойном была так же тверда, как камень.

После отпевания покойного в церкви женщины должны были вернуться домой, поскольку им не полагалось идти на кладбище и принимать участие в погребении. Но прежде чем попрощаться с покойным и покинуть церковь, они вновь начинали его оплакивать, причем на этот раз голосили, доходя порой до самоистязания – царапали себе лицо, били себя в грудь и по голове, срывали головной убор, выражая так свою скорбь, а иногда от перенапряжения даже падали в обморок. Свой плач они продолжали и по возвращении из церкви в доме покойного над тяжелым камнем, остававшимся на том месте, где до этого он лежал, над его постелью, одеждой, и затем в течение целой недели, когда родственники и друзья собирались утешать его семью.

Через семь дней этот камень относили как можно дальше от дома, постель тщательно стирали, а одежду раздавали прежде всего тем, кто обмывал покойника, рыл могилу, церковным служителям, а также распределяли между родственниками «на память»: если покойник надумает вернуться домой по следам своей одежды, ему будет трудно понять, к кому возвратиться.

Во время траурного шествия никому и особенно священнику не следовало оглядываться назад, чтобы невольно не указать покойнику путь к дому, иначе в этой семье несчастье могло повториться. По пути к кладбищу процессия трижды останавливалась для прощания с покойным. При этом носилки троекратно поднимали и тяжело опускали на землю, по словам С.Д. Лисицяна, как бы «пригвождая» их к месту и тем самым отмечая дорогу от церкви к кладбищу. Так же поступали при выносе покойника из церкви и у самой могилы; при перенесении же его из дома в церковь этого не делали. Иногда покойника поворачивали по ходу солнца три раза. В народе объясняли это так: если он захочет вернуться домой, то теперь не сможет, потому что в его памяти отпечатался только путь от могилы до церкви, а не от церкви до дома. С той же целью «дезориентации» покойного железное лезвие лопаты, которой копали могилу, насаживали на черенок наоборот.

Суеверный страх испытывали и перед духом покойного, поэтому символически стремились разорвать возможные материальные связи между ним и живыми. Для этого, например, поднимая носилки с умершим, откидывали край ковра, на котором они стояли; при выносе тела из дома кто-нибудь разбивал глиняную миску или чашку; посуда разбивалась и на кладбище; священник своим крестом чертил над могилой крест, как бы «запечатывая» ее. Каменная плита – памятник на могиле – не только отмечала место погребения, но и еще «не давала покойнику встать». С той же целью в древности по контуру могилы насыпали крупные и мелкие камни – *кромлехи*, создавая магическое кольцо, из которого покойнику невозможно было выйти. Могилу для умершей женщины рыли глубже, чем для мужчины, так как полагали, что «женщина дружит с чертями, возбуждает зло».

В народе верили, что покойники могут навещать родных, особенно в субботние ночи, поэтому в доме, где недавно случилось несчастье, оставляли зажженный светильник. Считалось, что если покойник часто снится, а еще хуже – зовет во сне своего родственника, то это не к добру и означает, что он не окончательно погребен и может навлечь на семью новую смерть. В таких случаях вбивали длинный кол или кинжал в могилу у того места, где должно было находиться его сердце. Если оказывалось, что в доме вскоре после чьей-либо смерти кто-то из членов семьи заболевал, это приписывали тому, что покойник еще не окончательно умер и что его сердце «тоскует» по живым. Тогда посыпали его могилу ячменем, подводили коня и следили за его поведением. Если конь начинал спокойно есть зерно, то считали, что покойник на самом деле мертв; но если конь отказывался от еды, то это было плохим знаком. В таких случаях выкапывали мертвеца и прокалывали длинным гвоздем или кинжалом его сердце либо доставали сердце, перерезали его пополам, обмывали и клали обратно; иногда даже небольшой кусочек от этого сердца приносили домой, обмывали водой, а затем эту воду давали выпить больному (*Лалаян*, 1897. С. 179, 181; 1899. С. 323; *Лисицян*, 1992. С. 129, 132, 133; *Харатян*, 1989. С. 35, 36).

Обряд погребения совершался согласно церковной традиции. Труп опускался в могилу завернутым в саван, а впоследствии – в гробу. Первым в могилу кидал горсть земли (предварительно дав священнику благословить ее крестом) один из ближайших родственников. За ним то же самое делали и остальные, при этом они давали как бы напутствие покойному со словами: «Доброго пути, передавай привет нашим покойникам» (*Лисицян*, 1992. С. 131). На этот счет существовало старинное изречение, своего рода пожелание, с которым старшие члены семьи обращались к младшим, обычно сыновьям: «Чтобы мне удостоиться горстки земли твоей», чем выражалось пожелание родителей быть похороненными своими сыновьями, внуками, а не наоборот (*Газиян*, *Сехбосян*, 1971. С. 4). Издревле у армян существовал архаический обычай класть в могилу различные предметы, которые, как считалось, будут необходимы и самому покойнику, и давно умершим родственникам. Так, кузнецу «давали с собой» молот, плотнику – топор, цирюльнику – бритву, священнику – Евангелие и посох, умершим ранее детям «посылали» яблоки.

После погребения все присутствовавшие на кладбище подходили к родным покойного и пожимали им руки в знак скорби и утешения. Затем их приглашали на поминальный обед, который в Карабахе назывался либо *жымаhац* («церковный хлеб»), либо *быдарак* («похоронная служба»). В качестве поминального блюда подавали *куркут* – хорошо разваренную пшеничную кашу с бараниной или говядиной, а также отварную фасоль. Готовили обычно родственницы хозяйки, так как сама она считалась в то время «нечистой». Из напитков подавали водку домашнего приготовления и белое вино.

Прежде чем сесть за поминальную трапезу, все должны были вымыть руки, смыть с себя все, что было связано с покойным, чтобы «очиститься». За столом священник читал молитву за упокой души умершего, все присутствовавшие не чокаясь выпивали за это, за его «светлый путь», за то, чтобы он «в том мире» был «ходатаем» за оставшихся на земле родных. Тосты были короткими и в основном утешительными. За обедом делились воспоминаниями о покойном (*Лисицян*, 1992. С. 131).

По традиции члены *азга* должны были помочь семье умершего, в дом которого они приносили в основном сахар, водку, мыло, отрезы ткани.

Как и многие другие народы, армяне, в том числе и в Карабахе, верили, что смерть – это не окончательное исчезновение человека, а только переход от одной формы жизни к другой. Поэтому мертвых следовало кормить. Такое кормление начиналось уже с первого дня смерти, когда на грудь покойного клали кусок хлеба (*Лалаян*, 1897. С. 179).

Среди карабахских армян существовало поверье, что душа умершего после погребения некоторое время остается около могилы, поэтому на следующее утро после похорон, до восхода солнца, один или два самых старших члена семьи или всего *азга* шли на кладбище, причем по дороге им не полагалось ни с кем разговаривать и оглядываться назад. Дойдя до могилы, они трижды громко восклицали: «Вай!, после чего, как полагали, душа покойного возносилась на небо, либо шептали: «Свет добрый!» и далее: «Ну, отправляйся спокойно, отправляйся», тем самым как бы провожая душу покойного в потусторонний мир. Этот обычай в одних местах назывался *никям* [«мимолетное посещение»], в других – *луснынгяhох* [«лунная земля»], в отличие от следующего посещения *экнаhох* [«солнечная земля»] (*Лалаян*, 1897. С. 182; *Газиян*, *Сехбосян*, 1971. С. 5).

После этого посещения, тем же ранним утром, но уже вскоре после восхода солнца, родственники и близкие умершего, в основном женщины, взяв с собой еду и напитки, шли на кладбище. Это посещение называлось *экнаhох.* Священник освящал могилу, женщины вновь оплакивали умершего, одни из них сыпали себе на грудь горсть земли с его могилы, чтобы сколько-нибудь утешиться, «прохладиться», другие сыпали эту землю с затылка под рубашку, чтобы освободиться от всякого страха. Помянув покойного, немного выпив и закусив, пришедшие выливали часть вина или водки на могилу и оставляли остатки еды как долю умершего либо раздавали бедным. Затем шли в дом покойного, где садились за поминальный обед, устроенный для близких родственников (*Лисицян*, 1992. С. 132).

Накануне седьмого дня после смерти (мест. *охны*) родственницы и соседки приходили в дом покойного, чтобы снять траур с женщин этого дома, для чего они мыли им и себе головы, помогали убрать постель покойного, постирать все белье; мужчинам разрешалось побриться; этими действиями, которые не полагалось совершать до этого дня, они «смывали» всякий след, который мог еще остаться в семье от пребывания покойника (*Лисицян*, 1955. С. 260). На седьмой, сороковой (*каррасунк*) день и через год (*тари*) после смерти устраивали поминки. В эти дни родственники и соседи вновь шли сначала на кладбище, где над могилой совершались панихида и оплакивание, а затем в дом покойного, где садились за поминальный стол. Особенно многолюдными поминки были в годовщину, когда приглашались практически все взрослые жители селения, которые пили и ели за упокой души не только самого покойного, но и всех его умерших родственников.

Могилы родственников было принято посещать также на второй день после больших церковных праздников, в особенности Пасхи, и в дни поминовения усопших (*мерелоц*). В эти поминальные дни, например, в Гадруте, по описанию И. Давидбекова, «тянутся со всех сторон к кладбищу толпы мужчин, женщин и детей, неся с собою, заблаговременно приготовленные для этой цели, всякого рода съестные припасы. Там, со всех сторон, раздается монотонное пение священников, плач, рыдание и вопли сердобольных плакальщиц; этими воплями оглашаются все окрестности кладбища; отовсюду от курения ладаном подымается дым. По совершении всего этого, раздав остатки взятых с собою припасов нищим, все возвращаются к вечеру домой» (*Давидбеков*, 1888. С. 189).

К первой годовщине после смерти (*тари*) полагалось поставить на могилу камень. По обычаю, на надмогильных памятниках изображали орудия труда, которыми пользовался покойник при жизни. Данная традиция сменила связанный с первобытной магией архаический обычай класть эти предметы в могилу, чтобы можно было «работать» ими в загробном мире. На старинных кладбищах в Нагорном Карабахе и сегодня можно встретить такие надмогильные камни с высеченными на них изображениями различных предметов обихода,

орудий труда, а также самих покойных, какими они были в земной жизни: в костюме пастуха, землепашца, ремесленника, охотника, с кувшином вина, хлебом в руках, молотильной доской. Иногда встречаются целые бытовые сцены, например, охота, когда всадник стреляет из лука в дикого козла или оленя, либо пахота, когда за запряженным несколькими парами быков плугом идет пахарь, держа правой рукой рукоятку плуга.

Примечательно, что во время персидского господства в Карабахе в ночь после погребения у могилы было принято выставлять сторожей для караула, чтобы никто из мусульман не посмел разрыть могилу и отрезать покойному голову с целью представить ее хану и получить вознаграждение как за убитого христианина (*Лисицян*, 1992. С. 133).

Календарные праздники и обряды

Календарные праздники и сопровождавшая их обрядность у карабахских армян, как и у всех армян и других земледельческих народов, носили явно выраженный аграрный характер и отражали их древние взгляды на природу и нелегкие заботы об урожае. Такие праздники издавна проводились по народному сельскохозяйственному календарю, отмечавшему начало и конец сельскохозяйственных работ. Позднее, с распространением христианства, многие древние праздники были приспособлены церковью к соответствующим датам церковного календаря, получили новые, христианские названия, но проводились в те же дни, что и раньше, и по своей сути оставались языческими.

Одним из самых торжественных и радостных праздников всегда был Новый год – *Нор тари*, однако в ходе исторического развития дата Нового года и сопровождавшие его формы праздничной обрядности менялись. Наиболее архаичным новогодним праздником считался *Барекендан* (от слов *бар, бари*, *барик*, что значит «плод», «добро», «блага») или *Навасард* (букв. Новый год) – день весеннего равноденствия 21 марта. Именно март в армянском календаре в тот период назывался *Навасард,* а 22-е марта было первым днем *Навасарда.* Этот праздник означал наступление весны, и именно с него начинался новый хозяйственный год, и все обрядовые действа вокруг этого праздника связывались с заботой о плодородии почвы и будущем хорошем урожае. После упорядочения армянами календаря по лунно-солнечной системе в 406 г. до н.э. в праздновании новогоднего цикла произошли изменения. Новогодний праздник *Навасард*, как с тех пор стал называться и первый месяц календаря, был перенесен на август, став осенним праздником сбора урожая. Но если во многих областях Армении он праздновался (в зависимости от времени сбора урожая), начиная с середины августа, либо в сентябре или в октябре, то в Арцах–Карабахе, по климатическим условиям, он отмечался в ноябре. После принятия христианства в 301 г. и с переходом к юлианскому календарю, Новый год, названный *Аманор*, был перенесен на 6 января, когда по армянской традиции праздновались Рождество и Крещение. Если вначале осенний праздник *Навасард* с трудом входил в народный быт, то в дальнейшем он с таким же трудом уступал свое место христианскому Новому году. После вхождения Восточной Армении в состав России датой *Аманора* стало 1 января.

Дольше всего *Навасард* сохранялся в восточных областях Армении, в частности в Карабахе, где отмечался крестьянами вплоть до 1920-х годов. В то же время в его центре – Шуши – *Навасард* к этому времени «был предан забвению и заменен празднованием 1-го января со взаимными посещениями и поздравлениями» (*Лисицян*, 1992. С. 171).

К новогоднему празднику в карабахских селах пекли разные обрядовые сладкие печенья, ночью варили ритуальное блюдо – *куркут* из пшеничной крупы и баранины или свиной головы (*хозклох*), которое ели рано утром; покупали для всех членов семьи, особенно для детей, обновки, угощались фруктами и сладостями; семья жениха одаривала невесту подарками – платком, отрезом на платье, фруктами, причем иногда, как того требовала традиция, эти подарки, завернутые в платок, накануне вечером незаметно опускали в ее дом через дымовое отверстие в крыше; небольшими подарками обменивались друзья и соседи; на деревьях во дворах вешали красного цвета платья и красные лоскутки. В этот день считалось

обязательным поздравить и одарить (вином, фруктами) сельского старшину, священника и *кавора.* В Гадруте, например, «ранним утром этого дня жители целыми толпами рвутся в дом сельского старшины и подносят ему в подарок по яблоку, с воткнутыми серебряными монетами, и по бутылке водки, чем выражают ему свою признательность за безвозмездные услуги, оказываемые им обществу. Старшина в этот день, чинно сидя у себя дома, с особенно приятным удовольствием принимает всех посетителей и, получая от них подносимые подарки, кладет их в лежащий перед ним для этой цели поднос. Затем сажает всех гостей на устланные вдоль стен ковры и угощает их любимым и уважаемым всеми кушаньем – куркутом, водкою и вином» (*Давидбеков*, 1888. С. 189, 190; *Осипов*, 1898. С. 124; *Лисицян*, 1992. С. 171, 172).

Христианские праздники Рождество и Крещение отмечались один за другим, с вечера 5 января (после заката солнца) до вечера 6 января. Накануне, 4 января, в домах пекли в горячей золе пресный обрядовый пирог *кыркени* на постном масле из муки и орехов с запеченной в нем горошинкой, фасолинкой или мелкой серебряной монеткой как знаком благосостояния – *довлат.* Этот пирог торжественно, в присутствии всей семьи, разрезали на части, каждому по одной, считая и отсутствующих членов семьи, а нередко и домашних животных, причем отдельную часть выделяли и домашнему очагу. В чьей доле оказывался *довлат*, тому и предусматривалось благосостояние в течение всего наступающего года. Особенно хорошей приметой считалось, если запеченный предмет доставался домашнему очагу. В ряде карабахских сел выпечку и раздел пирога *кыркени* совершали накануне *Навасарда* (*Лисицян*, 1992. С. 172, 173).

Во время первого дня недельного поста перед Рождеством по домам ходили ряженые. Обычно это были дети и мальчики–подростки. Распевая церковные песни *аветисы* (мест. *аллелия*), они гурьбой заходили в дом, пели, плясали, разыгрывали шуточные представления, выражали пожелания благополучия, богатого урожая и приплода каждому дому, взамен требуя подношений. Хозяева вознаграждали их мукой, крупой, маслом, яйцами, хлебом, сладостями, мелкими деньгами и даже дровами. Обойдя таким образом дома нескольких ближайших селений, мальчики спустя неделю, до Крещения, возвращались по домам, после чего устраивали коллективную трапезу. Часть собранной добычи они делили между собой, а часть ее продавали и на вырученные деньги покупали то, что им хотелось (*Давидбеков*, 1888. С. 190; *Газиян*, 1990. С. 28).

В начале февраля, когда погода крайне неустойчива и часты сильные снегопады, особенно опасные в горах, армяне праздновали день Святого Саркиса (*Сурб Саркис*), бывшего когда-то языческим богом бурь и вихря. Согласно преданию, в этот день мчался *Сурб Саркис* с запада на восток на белом коне, увозя похищенную им девушку и поднимая по дороге вихри снега и пыли там, где не было снега. Этому празднику предшествовал строгий недельный пост, когда запрещалось есть днем и разрешалась только растительная пища один раз в день после захода солнца; при этом девушки, чтобы приобрести благосклонность *Сурб Саркиса* и иметь на своей будущей свадьбе ясную погоду, а не тучи и бурю, совсем воздерживались в течение пяти дней от еды кроме сухого хлеба. В эти дни запрещалось также мыть голову и стирать белье.

В домах к этому празднику заранее заготовляли жареную пшеницу – *похиндз* как символ снега и пыли. Обычно в канун праздника хозяйка выставляла его на ночь на подносе у порога дома или в каком-нибудь другом доступном месте, а утром всей семьей проверяли, нет ли там следа подковы коня *Сурб Саркиса.* Верили, что ночью святой разъезжал по всем дворам и там, где он был доволен хозяевами и их подношениями, оставался след копыта его белого коня. Это означало, что *Сурб Саркис* будет милостив к ним и сможет спасти их, если они окажутся в какой-нибудь беде в пути. После этого хозяйка варила из *похиндза* обрядовую кашу *хашил*, которую ели с горячим топленым маслом и сывороткой.

Во время этого праздника были и другие формы гадания, в основном о будущих женихах и невестах. Например, сваренный вечером *хашил* размешивали водой с сахаром, медом или

сладким виноградным соком, затем из полученной массы делали небольшие шарики, которые раздавали членам семьи. Взрослые девушки и парни, откусив от шарика кусочек, из оставшейся части скатывали свой шарик, который на следующий день рано утром выставляли на крыше дома и следили, куда, клюнув его, полетит с ним птица. Если она отнесет шарик на чужую крышу и станет клевать там, то из этого дома и будет будущий жених (или невеста), если же начнет клевать его тут же на крыше, то свадьбе в этом году не бывать. Другое гадание заключалось в том, что девушка, желая увидеть во сне будущего жениха, съедала на ночь пересоленный хлеб, веря в то, что тот, кто даст ей во сне напиться, и будет суженым (*Лалаян*, 1897. С. 251; *Лисицян*, 1992. С. 174; *Харатян-Аракелян*, 2000. С. 51–59).

Через 40 дней после Рождества и Крещения начинался праздник, в основе которого был древний культ огня как символа «новой жизни, возродившегося Солнца». Этот праздник, отмечаемый 14 февраля, армяне называли *Дерендез* (букв.: стог у дверей). Позднее он был приурочен христианской церковью к празднику Сретенья Господня, но его церковное название – *Теарнындарач* (букв.: Навстречу Господу) в народе практически не прижилось. Правда, в Карабахе сохранялось происшедшее от него название в форме *Дырдоранч* – на юге и, *Дондоронч* – на севере (*Лисицян*, 1992. С. 180).

Накануне вечером, 13 февраля, молодые люди, вступившие в этом году в брак, приносили на церковный двор по вязанке можжевельника и зажигали большой общесельский костер, при этом в его основании ветки раскладывались крестом, а выше - четырехугольниками. Молодые девушки и недавно вышедшие замуж женщины водили вокруг костра хоровод и кружились до тех пор, пока пламя не снижалось. Затем юноши и недавно женившиеся молодые люди начинали прыгать через костер. Потом через огонь прыгали молодые невестки, а также бездетные женщины. Поскольку огонь в представлениях армян издревле был связан не только с верой в его очистительную и целебную силу, но и с культом плодородия, все это делалось для того, чтобы обеспечить всем потомство. Вера в благодатную силу пламени заставляла внимательно следить, в какую сторону оно направляется и куда стелется дым: если они были направлены в сторону пашни, то год предполагался урожайным, если же в другую сторону – неблагоприятным. С этой же целью по окончании праздника пепел костра рассеивали по пашням, сыпали под деревьями в садах, насыпали в курятниках и хлевах. От общественного костра присутствующие уносили по горящей головне или по зажженной от костра свече домой, где также разжигали костры возле своих домов, что должно было способствовать благополучию каждого из них, либо разводили огонь в очаге и спешили вскипятить свежее молоко, чтобы его было в изобилии (*Эмин*, 1864. С. 60, 61; *Лалаян*, 1897. С. 342; *Лалаян*, 1899. С. 366; *Лисицян*, 1992. С. 179, 180; *Харатян*, 1989. С. 17; *Харатян-Аракелян*, 2000. С. 44–50).

Ярким внецерковным праздником, отмечавшимся на переломе сезонов года, была Масленица, называемая армянами, как и древний Новый год, *Барекендан* (букв.: Оживление плодов). Уже в самом названии этого праздника, а также в характере его проведения отразилась идея обновления, а приуроченность его к переломному моменту в жизни природы свидетельствовала о вере в то, что это возрождение могло наступить только в результате полного отказа от всего старого и привычного. Поэтому армяне, как и другие земледельческие народы, на время этого праздника нарочито отказывались от всякого рода социальных норм и ограничений, принятых в обыденной жизни в отношениях между представителями разных возрастных групп, сословий и пр. Любого разрешалось подвергнуть осмеянию и шуткам, иногда непристойным, причем младшие приравнивались к старшим, могли не только высмеивать их, но даже бить, шутливо сводя старые счеты. При этом житейское веселье сочеталось с весельем ритуальным и присущим ему смехом, который играл, как известно, магическую роль заклинания природы.

К масленичным дням было приурочено множество народных игр, смысл которых был связан с магией плодородия. Большинство мужского населения участвовало в кулачных боях, играх в самодельный мяч, в перебрасывание палочки, перепрыгивание через «козла», в разыгрывании шуточных сцен с ряжением «в дрессированного» медведя и его поводыря. Для

девушек на праздники устраивали высокие качели, на которых их азартно раскачивали юноши. Нередко к девушкам присоединялись и пожилые женщины, которые брали с собой тяжелую каменную ступку в надежде на то, что природа, также «раскачавшись» даст им много масла. Этот обычай, столь характерный для земледельческой обрядности многих народов, имел древнейший магический смысл – содействовать быстрейшему пробуждению и расцвету природы, поскольку действия, связанные с подъемом вверх, подбрасыванием чего-либо, будучи приемами плодородия, должны были, по поверью, стимулировать рост растительности, в первую очередь посевов, помочь им подняться.

На Масленицу полагалось пить и много и сытно есть, что, согласно имитативной магии, должно было побудить воскресающую природу даровать человеку такое же изобилие и обеспечить благополучие его семьи.

Кульминацией праздника была игра «в хана» или «в пашу», превращавшаяся в яркое театрализованное представление с ряжением основных персонажей. С.Д. Лисицян подробно описывает эту народную инсценировку: во время игры кто-нибудь из видных юношей наряжался «ханом» (или «пашой»); на него надевали вывернутые наизнанку шубу и *шалвары*, высокую шутовскую меховую шапку, часто изодранную, на раскрашенное лицо прикрепляли длинные усы и бороду из козьей шерсти и меха, на грудь вешали кости и кусочки металла в качестве «орденов», на пояс – деревянную саблю без ножен, в рот всовывали длинную трубку с широким мундштуком, наполненную курящимся кизяком, на ноги натягивали какую-нибудь забавную обувь, иногда с ослиными копытами, в руки давали палку-«скипетр» и сажали на «трон» - перевернутую вверх дном корзину. Рядом становились его *везир* в обычной одежде с палкой в руке, причудливо одетый *мирза* – секретарь с большой книгой, в маске из разноцветного войлока, с длинной козлиной бородой, *кёса* – его друг, ряженый в вывернутый наизнанку овечий тулуп, узкие *шальвары*, туго стянутые у голени выше ступни для придания им вида наподобие козлиных копыт, закрывавшую шею и лицо, кроме отверстий для рта и глаз войлочную шапку с козлиными рогами, опоясанный веревкой с привязанной к ней длинной деревянной шашкой, с кинжалом и короткой палкой в руках. Недалеко от «трона» сооружалась «виселица» с петлей, у подножия которой становились два «палача» – *фэраш.* После этого музыканты приглашали народ на представление.

«Хан» имел неограниченное право судить, наказывать, налагать взыскания на любого, даже самого почтенного человека, получать с него «неуплаченные долги» и назначать штрафы за «небывалые преступления». При большом стечении народа разыгрывалась сцена собирания податей с «провинившихся» под угрозой наказания ударами палки или виселицей. Начиналась она с того, что «хан» шептал что-то на ухо *везиру,* после чего тот приказывал привести к нему требуемого «ханом» человека, который мог находиться не только среди публики, но даже дома. *Кёса* тут же бросался исполнять приказание. Когда «арестованного» доставляли, *везир* начинал его допрашивать: «Как ты смел не платить Хану подати?» Допрашиваемый обещал заплатить долг, с ним начинали торговаться о количестве пшеницы или денег. Если кто-то не мог тут же внести подать, «хан» приказывал *мирзе* записать ее за ним, чтобы тот на завтра все собрал. *Мирза* аккуратно заносил в книгу сведения о собранных деньгах и пшенице, которую рекомендовалось продать и на вырученные деньги устроить кутеж, а остаток поделить между собой. Затем «хан» садился на шутовски украшенного осла лицом к хвосту и, держась за него вместо узды, под музыку и соленые шуточки собравшихся пускался со своей свитой по селу. Впереди всех, строя гримасы и угрожая своими рогами окружающим, подпрыгивал, приплясывая в такт, *кёса.* Участники веселого действа обходили все село и переходили в соседние. Встретив такую же процессию из другого села, затевали с ней драку, поскольку каждая группа была заинтересована в том, чтобы собрать как можно больше продуктов и денег.

В последнее воскресенье Масленицы участники игры все собранное делили между собой или съедали во время совместных пирушек. Остаток продуктов доедали в понедельник, в первый день Великого поста. Друзья и родственники проводили воскресный вечер перед

семинедельным постом обычно вместе; в домах готовились разного рода кушанья, среди которых обязательным был плов. Всем полагалось плотно наедаться, много пить, а под конец съесть по одному яйцу для «замыкания рта», чтобы на Пасху также яйцом его «разомкнуть». В Гадруте после ужина дети подавали отцу поднос с различными фруктами, за что отец вознаграждал их несколькими копейками. На поднос дети клали также кнут и веревку, означавшие, что в случае, если отец их не одарит, они смогут «взбунтоваться», в шутку связать отца по рукам и ногам и побить его кнутом. Почти из всех домов в этот вечер слышалась ружейная стрельба (*Давидбеков*, 1888. С. 191, 192; *Лисицян*, 1955. С. 262, 263; *Лисицян*, 1992. С. 174–178; *Харатян-Аракелян*, 2000. С. 60–95).

После Масленицы наступал Великий пост. Его первый день считался днем мира и согласия. Все враждовавшие должны были помириться, часто с помощью посредников. Если кто-то не подчинялся этому обычаю, его лишали права причащения. В этот день полагалось навещать друг друга и поздравлять. В первую очередь обойти соседей и родственников должны были мальчики. Молча открыв дверь, они подходили сначала к старшим, а затем к младшим членам семьи, целовали им руки, поздравляли семью с наступлением Великого поста и преподносили фрукты – яблоки, груши, гранаты, айву. В этот день учащиеся мальчики не забывали посетить своих учителей. Старшие члены семьи шли с поздравлениями к сельскому старшине, священнику, другим почетным людям, взяв с собой для каждого помимо фруктов бутылку вина или водки. Пополудни молодежь, завершив кутеж с остатками еды и напитков, начинала джигитовку или игру в лахту – *джызлахти* под звуки зурны и барабана. Обычными были и представления с ряжением. Например, Е. Лалаян описывает сценку в карабахском селе Хачмач: одну из женщин с вымазанным сажей лицом сажали на осла и возили в сопровождении музыкантов по селу, собирая в домах деньги на предстоящие жертвоприношения, что он объясняет общим стремлением благополучно встретить и провести Великий пост (*Лисицян*, 1992. С. 178; *Давидбеков*, 1888. С. 192; *Лалаян*, 1897. С. 343).

Чтобы не потерять счет семи неделям, в течение которых длился Великий пост, к потолку на шпагате подвешивали луковицу со вставленными в нее перьями и каждую субботу выдергивали по одному перу. При этом каждое перо обычно перевязывали цветной шерстяной ниткой, цвет которой символизировал ту или иную неделю поста, например, зеленый – Вербную, красный – Страстную.

Отголоском древнего культа растений, также связанного в народе с культом плодородия, было Вербное воскресенье, которое церковный календарь называет *Цахказард* – «Украшение цветами» (следуя преданию о встрече Иисуса Христа в Иерусалиме), а народ – *Царзардар*, в том числе в Карабахе – *Зырызартар* – «Украшение деревьями». В этот день дома убирали молоденькими, едва распустившимися ветками ивы, что означало обновление жизни. Ветки, в свою очередь, украшали цветными лоскутками, изюмом на нитках, фруктами, восковыми свечами, которые готовили пожилые женщины для молодых членов семьи, прикрепляя тонкую свечу накрест к более толстой и загнув ее концы вверх. В этот день девушки и парни надевали самые дорогие и нарядные платья, при этом в Карабахе, как и в Сюнике, девушки красили ногти хной. Ветками ивы украшали ризницу и алтарь церкви, а чтобы злые духи не навредили пробуждающимся растениям, молодые люди шумом жужжалок и трещоток (*чырчыран* и *чыхчыхкан*) отгоняли их.

Вечером мать и близкие родственницы жениха приводили невесту в церковь и там ей вручали вместе с зажженными свечами и освященные ветки ивы с молодыми побегами. Иногда мать невесты сохраняла эти свечи и ветки до рождения у дочери первенца (*Харатян*, 1989. С. 15). Такие же освященные ветки ивы несли из церкви домой, затем их сажали в землю, чтобы они пустили корни, либо прикрепляли к маслобойке (*хноци*) и при сбивании масла этой веткой проверяли, готово ли оно. Иногда (например, в селе Аветараноц) ветку ивы кидали в огонь во время кипячения на нем молока, чтобы оно не свернулось. В некоторых селениях женщины отправлялись со свечами на кладбище, где укрепляли ивовые ветки на надгробных плитах покойных родственников.

В этот день в церкви проходило одаривание сторонами жениха и невесты друг друга: сторона жениха одаривала невесту, а сторона невесты – жениха. Мать или сестра жениха набрасывала на голову невесты платок, а подругам раздавала сладости. Нередко в эту ночь по предварительному согласию обручались новые пары. В этом случае мать или близкая родственница юноши надевала на палец избранной девушке кольцо и набрасывала ей на голову платок (*Лалаян*, 1897. С. 251; *Лисицян*, 1992. С. 181, 182).

На Страстной неделе в среду полагалось тщательно убрать весь дом и изгнать всякую нечисть. В четверг варили и красили яйца, которые у армян, как и у многих народов, служили символом жизненной силы и плодородия. В пятницу кузнецы изготовляли различные амулеты из железа, которые, по народным представлениям, были оберегами от злых духов и от поражения молнией: маленькое стальное огниво (*орпатарур*), чтобы нашить ребенку на правое плечо рубашки или положить ему под подушку, колечко для девушки, которое она носила на среднем пальце левой руки, чтобы ее не посещали нежелательные видения. Невеста посылала жениху раскрашенное яйцо; его как оберег от сглаза вешали на стену. В субботу пост заканчивался, народ разговлялся яйцами, которые было принято съедать рано утром вне дома, глядя на восток, на восходящее солнце.

Следующим воскресным утром встречали Пасху – *Затик*, имевшую кроме христианской обрядности древнюю аграрную, связанную с обеспечением хорошего урожая. В этот день в домах было принято готовить плов с рыбой или курицей. Помимо семейной церемонии устраивалось общественное жертвоприношение – *ахар.* Несколько мужчин обходили дома селения, собирая деньги на покупку быка. Все заранее знали об этом, так что сразу давали столько, сколько могли, иногда даже совсем мало, но тем самым подтверждая свое участие в этом общественном ритуале. Жертвенное животное трижды обводили вокруг церкви и затем возле нее забивали, причем голова животного должна была быть обращена на восток. Мясо варили в большом котле, взятом из церкви, и затем раздавали всем односельчанам. В некоторых районах при принесении жертвы кровью животного окропляли веточки одного из священных деревьев, которые каждый хозяин потом втыкал в землю на своем участке пашни с уверенностью, что это обеспечит богатый урожай.

Первый понедельник после Пасхи был днем поминовения всех усопших – *мерелоц.* Взяв с собой еду и напитки, все шли на кладбище, где, пригласив священника для освящения могил, поминали своих покойных родственников. Оставшуюся еду полагалось оставлять на кладбище в качестве доли покойного – *hокебажин* (букв.: доля души) (*Лисицян*, 1955. С. 263; *Лисицян*, 1992. С. 182; *Акопян*, 1988. С. 136, 137).

На 7 апреля, т.е. точно за девять месяцев до Рождества, приходился день Благовещения – *Аветум*. И хотя это был церковный праздник, в народе, в основном среди западных армян, он сочетался с аграрной обрядностью, сохранившей отголоски представлений древних земледельцев об отождествлении родящей земли как стихии плодородия с женщиной, дарящей новую жизнь. Поэтому в этот день принесенную с полей землю освящали в церкви, а затем быстро относили обратно и вновь разбрасывали по пашне с возгласами: «Привет тебе, нива! Благословенна ты, благословен плод твоей утробы! Да наполнишься ты благостью божьей!». Но в восточных провинциях Армении, в том числе в Карабахе, этот день «ничем особым не отмечался» (*Лисицян*, 1955. С. 263).

В середине мая, в воскресенье, через 40 дней после Пасхи, отмечался день Вознесения – *hАмбарцум* (букв.: всеобщее вырастание). Этот праздник, особенно любимый молодежью, ассоциировался с ростом цветов и сопровождался во многих провинциях Армении разного рода имевшими магический смысл обрядами, в том числе и гаданиями девушек. Хотя в Карабахе гаданий не было, но там так же, как и повсюду в Армении, полагалось в этот день дома варить молочную крупяную кашу и раздавать ее как жертвоприношение, что тоже имело магический смысл. Многие варили такую ритуальную кашу не дома, а на меже своих пашен, угощали ею прохожих, после чего остатки каши разбрасывали в качестве жертвы по

засеянным участках для благоприятного роста посевов и сохранению их от засухи, градобития, саранчи и других бедствий (*Лисицян*, 1992. С. 182).

Одним из самых распространенных и популярных народных праздников в Армении был *Вардавар*, сохранивший в своем названии имя языческого бога воды *Варда.* Этот подвижной праздник, приуроченный христианской церковью к празднику Преображения и связанный с солнцеворотом и разгаром летней жары, отмечался в воскресенье в середине июля. В Карабахе он назывался *Вырттывор* или *Вырттевур* и также не сопровождался гаданиями, как в центральных провинциях Армении, причем, чем ближе к югу, к области Дизак, тем более упрощались формы его празднования. Но здесь также в эти жаркие сухие дни все старались по возможности подняться в горы, к летним пастбищам, посетить святые места. Это были многолюдные поездки на арбах, лошадях, а чаще пешком.

Самой активной на этом празднике была неженатая и незамужняя молодежь, особенно девушки. Накануне, в субботу, девушки собирали полевые цветы. Почти повсеместно в Карабахе это была красная полевая гвоздика, которая в одних селах, например, в селе Аветараноц, так и называлась – *вырттевур*, в других селах – *гюлум-hай.* Собрав большой букет, девушки рассаживались где-нибудь в саду или на поляне в кружок, а на некотором расстоянии от них, также кругом, устраивались юноши. Между ними начиналось соревнование в исполнении *джан-гюлум* или *гюлум-hай,* ритуальных песен-четверостиший, состоящих из семисложных строк, с припевом после каждого нечетного стиха: «Джан, гюлум, джан, джан!» (букв.: «Душка, роза, душка, душка»), а после четного: «Джан, цахик, джан, джан!» (букв.: «Душка, цветок, душка, душка»). Импровизируя, молодежь включала в эти стихи любовного содержания различные шутки, подзадоривая друг друга. В этом соревновании, длившемся иногда до утра, каждая группа старалась припомнить как можно больше куплетов, некоторые из которых пелись даже по-тюркски, хотя у тюрок этого праздника не было. Побежденной оказывалась та сторона, у которой истощался запас четверостиший. Победителям доставался букет, а побежденные должны были принести для предстоящей на следующий день пирушки закуску и вино для юношей и сладости – для девушек. Иногда вопрос об угощении решался по-другому. В селе Аветараноц, например, девушки шли с цветами к отдаленному роднику, чтобы смочить букет водой и побрызгать ею друг друга, а на обратном пути юноши устраивали засаду и старались отнять у них этот букет. Если это им удавалось, они получали угощение, а если нет, то они угощали девушек. В селе Сос девушки относили к роднику не букет, а яблоки, груши, огурцы и другие свежие плоды с воткнутыми в них цветами, где они смачивали их водой и брызгали друг на друга. В воскресенье утром девушки выбирали из своей компании младших и лучше одетых подруг, вручали им по деревянному или медному подносу со свежими фруктами, в которые были воткнуты цветы – *гюлум-hай,* и отправляли их по дворам петь четверостишия и дарить фрукты и цветы. Взамен сельские жители одаривали девушек различными продуктами – яйцами, мукой, маслом, фруктами, сладостями. Собрав все эти подношения и принеся недостающее из дома, девушки устраивали пир. Недалеко от них угощались юноши. Обе группы поочередно пели куплеты *гюлум-hай.* От одного «стола» другому посылали закуски и сладости, причем каждый раз это адресовалось определенному лицу, что было знаком симпатии. Гулянье заканчивалось раскачиванием девушек на высоких качелях, при этом подруги старались слегка ударить качающуюся девушку по ногам, чтобы заставить ее назвать имя своего избранника, а юноши заинтересованно наблюдали за происходящим со стороны. Как правило, качели в этот день устраивали лишь на севере Карабаха, в Джраберде и Хачене, где сильнее были связи с внутренними областями Армении, в которых следы поклонения в дни солнцестояния живительным силам воды и праздник цветов вместе с культом богини любви *Анahит* сохранялись в более архаичных формах. В Варанде и Дизаке развлечение на качелях происходило на Масленицу.

Хотя по народной традиции праздник *Вардавар* связывали с легендой о всемирном потопе, правильнее было бы видеть в нем, как справедливо отмечал С.Д. Лисицян, пережитки

языческой магии вызывания дождя в самое засушливое время года (*Калашев*, 1894; *Лисицян*, 1955. С. 264; *Лисицян*, 1992. С. 182–185).

У карабахских армян были и другие магические обряды вызывания дождя, например, во время засухи несколько женщин по двое впрягались в соху (или в плуг) наподобие волов, тащили ее к реке, ручью или роднику; сохой управляла женщина, обычно вдова или пожилая, одетая в мужское платье, в папахе, другие женщины их погоняли, обливая водой и браня самыми площадными словами. Женщины, исполнявшие роль волов, в платьях заходили в воду и проводили по ней сохой несколько борозд, а собравшаяся вокруг толпа женщин, обратившись с воплями к небу, просила ниспослать дождь (*Лисицян*, 1992. С. 157). Имеются и другие похожие описания этого обряда. Так, в селе Даш-Алты «во время долгих засух шесть старух идут пахать реку. Четыре из них запрягаются в соху, одна служит плугатарем, другая – погонщицею. Они, не снявши платья, заходят в воду и пашут воду так же, как и участок земли, прося Бога, чтобы Он намочил пахарей так же, как их» (*Осипов*, 1898. С. 132). В селе Мец Тагер (Дизак) в годы засухи три женщины надевали мужскую одежду, на ноги – *трехи.* После этого «две из них впрягались в соху, а третья держала рогаль, хворостиной стегала “волов”, ругалась по-мужски и, запевая “Оровел”, пахала в овраге посреди села. Сельский староста одаривал их деньгами из сельской казны, чтобы они купили жертвенного барана» (*Абраамян*, 2010. С. 76).

В случае же продолжительных дождей (что порой бывало в Карабахе), которые также были губительны для будущего урожая, прибегали к обряду вызывания солнца, которое было, по мнению народа, существом женского рода. Для этого женщины собирались в ограде церкви и помогали маленьким девочкам лет 8–10 делать из накрест связанных палочек куклу по имени *Чоли* (*Джоли*), которую одевали в женское платье и украшали цветными лоскутками. После этого девочки ходили с этой куклой по дворам, распевая песню-заклинание, например: Чоли, Чоли, нет Чоли!/ Сделаю хавиц, масла нет,/ Чоли упал в море;/ Никого нет вытащить из моря./ Принесите веревку: вытащим./ Дайте яйца, – положим на рученьку,/ Масло дайте, – помажем волосы,/ Покушаем, выпьем, попируем (*Осипов*, 1898. С. 133).

Или вот похожее описание этого обряда в селе Мец Тагер. Там, по словам очевидца, вплоть «до середины XX в. в дождливые годы на сельских улицах часто слышались женские и детские голоса, взывающие к Солнцу: Чоли, Чоли – Чоли нет,/ Халву сварить – масла нет,/ Друг мой в море попал,/ Некому его спасти./ Дайте яйца – волос смазать,/ Дайте масла – лапки смазать,/ Дайте денег – купить петуха,/ Красного солнца хотим, / Зеленого листа хотим» (*Абраамян*, 2010. С. 76).

Собранные продукты (яйца, масло, муку, рис, хлеб) дети приносили в ограду церкви, где женщины готовили специально предназначенную по этому поводу кашу, которую они затем ели в присутствии куклы. Примечательно, что как при вызывании дождя, так и при вызывании солнца, действующими персонажами в этих обрядах были только женщины, а мужчины были в роли зрителей (*Лисицян*, 1992. С. 157;158; *Газиян*, 1990. С. 28, 29).

На воскресенье в середине августа приходился праздник Успения Богородицы. К этому дню жатва должна была закончиться. В церкви освящали виноград и пшеницу. Виноград раздавался тут же народу, а пшеницу приносили домой и смешивали с той частью нового урожая, которая была отобрана на семена, что, по народным представлениям, должно было содействовать особой урожайности зерна (*Лисицян*, 1992. С. 186).

Годовой цикл праздников завершался в середине сентября днем *Воздвижения Святого Креста* (*Хачверац, Сурб хач,* мест. *Срб хеч*), которое в народе сводилось к посещению могил умерших родных. Если в старину в этот день армяне совершали паломничества к разного рода святыням, то в начале XX в. стало принято ходить в церковь и на кладбище, навещая могилы близких. На кладбище устраивали общесельские трапезы, где основным блюдом было отварное мясо жертвенных животных.

Практически все большие праздники у карабахских армян, как и у всех армян, издавна сопровождались древним языческим обрядом жертвоприношения – *матах.* К нему готовились заранее. Обычно группа выбранных лиц собирала со всех поселян, богатых и бедных, деньги на покупку одного-двух быков или – чаще – нескольких баранов и заказывала выпечь большую партию лавашей. Животных, украшенных цветами, разноцветными лентами, три раза обводили вокруг церкви (при этом никакого церковного обряда не проводилось), после чего давали ему немного соли и совершали акт заклания. Жертвенное мясо сырым, а позднее сваренным в больших котлах, заворачивали по порциям в лаваши и раздавали всем поселянам, а также странникам и нищим, которые собирались в эти дни у церкви. Остатки мяса, кости зарывали поблизости от того места, где проходила ритуальная трапеза; шкуру отдавали церкви.

Матах нередко совершался и отдельными лицами, как правило, когда происходило выздоровление тяжелобольного, особенно ребенка, избавление от какого-нибудь несчастья. В этих случаях обычно приносили в жертву барана или петуха. Обряд происходил около имевшегося в каждом селе священного места – *сурба,* причем это могли быть не только церковь, часовня или *хачкар*, но и священные, по народным представлениям, камень, дерево, родник, гора. *Матах* можно было делать в любой день, за исключением понедельника, среды и пятницы. Жертвенное животное трижды (с востока на запад) обводили вокруг *сурба*, после чего, расположив его головой к западу, резали. Голову животного и шкуру вешали на ветви деревьев, а мясо начинали варить. После того, как жертвенное мясо было готово, на земле расстилали скатерть и начинали его вкушать. При этом участники обряда, чокаясь друг с другом рюмкой водки, произносили: «Да будет принята жертва» (*Абраамян*, 2010. С. 45, 46). Остатки жертвенного мяса домой не уносили. Как правило, его полагалось разделить на семь домов. Об архаичности и укорененности этого обычая свидетельствует тот факт, что в армянский язык давно и прочно вошло в качестве ласкательного выражения *ес ке́с матах* или, как чаще говорят карабахские армяне: *ко́ матах ем*, что буквально означает «я тебе жертва» или «я твоя жертва».

Таким образом, распространенные среди карабахских армян, как и среди всех армян, народные календарные праздники и связанные с ними многочисленные обряды, включавшие различные поверья, игры, песни, представляли собой, как и у других земледельческих народов мира, сложный комплекс архаических культов и магических действ, уходящих своими корнями к первобытным временам и направленных на особое почитание Матери-земли, на ее вечное возрождение и плодородие.

Большинство традиционных праздников сохранялось в Нагорном Карабахе вплоть до середины 1920-х годов, о чем И. Петрушевский писал, что во время его поездки в 1924 г. везде в Карабахе «крестьяне соблюдают праздники, связанные с хозяйственно-культовым значением весны (пасху и особенно вознесение) и конца лета (вардавар, аствацадзин и сурб-хач). Но христианская оболочка, в которую эти праздники были облечены церковным влиянием, теперь разбита. На эти праздники в церковь не ходят, церковных обрядов не совершают, а собираются у сурбов, приносят жертвы (не Христу, а сурбу), устраивают ритуальную трапезу и связанное с ней гулянье. Христианское значение праздников вытравливается из сознания крестьянина» (*Петрушевский*, 1930. С. 32). Эта тенденция отхода народа от церкви в Нагорном Карабахе прежде всего объяснялась, как об этом было упомянуто, закрытием к тому времени там почти всех действующих церквей. По всей видимости, полное исчезновение из быта карабахских армян народных праздников относится уже к послевоенному времени – к концу 1940-х годов. Во время сбора мною полевого материала в конце 1960-х – первой половине 1970-х годов многие пожилые уроженцы Карабаха сообщали, что в период их молодости все эти праздники отмечали в селах в обязательном порядке, однако на мой вопрос, в какое время года совершался тот или иной праздник, они часто затруднялись отвечать (*Тер-Саркисянц*, 1978. С. 113).

***

Итак, изложенные этнографические материалы традиционно-бытовой культуры карабахских армян свидетельствуют о том, что традиционный этнокультурный облик армян Арцах–Карабаха как одной из историко-этнографических групп восточных армян практически идентичен общеармянской модели этнической культуры, хотя имеет, как и любая другая историко-этнографическая группа данного этноса, некоторую локальную специфику, обусловленную прежде всего природно-географической средой обитания и социально-экономическими и политическими судьбами.

А. Тер-Саркисянц

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ АРМЯН НАГОРНОГО КАРАБАХА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

Данная глава написана преимущественно по полевым материалам, собранным мною за 9 поездок (с перерывами) в города и в 35 сел[1] Нагорного Карабаха в 1968–2011 гг. за два качественно различных периода. Сначала это был период (до 1987 г. включительно) нахождения карабахских армян в административных границах автономной области Азербайджанской ССР, где десятилетиями искусственно сдерживалось их социально-экономическое и культурное развитие, нарушались их права, оскорблялись национальные чувства, намеренно фальсифицировалась их история, последовательно, на государственном уровне, велась целенаправленная политика, заставлявшая армян уезжать с их исконных земель, на которых расселяли азербайджанцев. Второй период отмечен началом активного движения карабахских армян за независимость в 1988 г., последующими со стороны Азербайджана погромами, этническими чистками, трагизмом навязанной им широкомасштабной войны и ее тяжелыми гуманитарными последствиями, а также провозглашением 2 сентября 1991 г. независимой Нагорно-Карабахской республики.

Этническая, социально-демографическая и культурная ситуация в Нагорно-Карабахской АО во второй половине XX в.

Меняющийся под целенаправленным давлением властей Азербайджана этнический состав населения Нагорно-Карабахской АО во второй половине XX в. (до начала Карабахского национально-освободительного движения), по материалам Всесоюзных переписей населения 1959, 1970 и 1979 гг., был следующий (табл. 1):

Таблица 1

Динамика этнического состава населения Нагорно-Карабахской АО

Национальный состав	Годы переписей					
	1959		1970		1979	
	Число чел. (тыс.)	%	Число чел. (тыс.)	%	Число чел. (тыс.)	%
Армяне	**110,1**	**84,4**	**121,1**	**80,6**	**123,1**	**75,9**
Азербайджанцы	**18,0**	**13,8**	**27,2**	**18,1**	**37,2**	**23,0**
Русские	**1,8**	**1,4**	**1,3**	**0,9**	**1,3**	**0,8**
Прочие	**0,5**	**0,4**	**0,7**	**0,4**	**0,6**	**0,3**
Итого	**130,4**	**100,0**	**150,3**	**100,0**	**162,2**	**100,0**

**Составлено по: ИВПН 1970 г. 1973. Т. IV. С. 272; Численность и состав населения СССР. По данным ВПН 1979 г. 1984. С. 126. Проценты вычислены автором.*

Если сравнить показатели этих переписей с данными Сельскохозяйственной переписи 1921 г., когда в границах будущей НКАО из 135,5 тыс. человек 127,9 тыс. (94,4%) составляли армяне, 7,6 тыс. (5,6%) – азербайджанские тюрки, то выясняется, что к 1979 г., т.е. за 58 лет армянское население здесь не только не увеличилось, но, напротив, сократилось на 4,8 тыс.

[1] *За эти годы я побывала в следующих 35 селах Нагорного Карабаха, причем в 23-х из них неоднократно, что позволило выявить определенные этнокультурные тенденции в развитии их населения: Бадара, Даш-Булах, Нахиджеваник, Пирджамал (ныне – Вардадзор), Ханацах, Хндзиристан, Чанахчи (ныне – Аветараноц), Шушикенд (ныне – Шош) Степанакертского (ныне – Аскеранского) р-на; Атерк, Ванк, Марага, Мохратаг, Талыш Мардакертского (ныне – Мартакертского) р-на; Гиши, Каракенд, Ннги, Сос, Тагавард, Цоватех, Чартар, Шехер Мартунинского р-на; Азох, Аракюль, Ванк, Камракуч, Кочбек (ныне – Айгестан), Мец Таглар (ныне – Мец Тагер), Норашен, Тагасер, Тог, Туми, Таг, Эдиша (ныне – Вардашат), Цор, пос. Гадрут Гадрутского р-на. Полевые материалы автора 1968–1969, 2001, 2011 гг., а также материалы Армянской группы 1972, 1987 и 2007 гг. и материалы Армянского отряда 1974 и 1975 гг. хранятся в Научном архиве Института этнологии и антропологии РАН (АИЭА. Материалы автора. 1968 г. Ф. 12. Д. 3702; 1969 г. Д. 3706. Материалы Армянской группы. 1972 г. Д. 3707. Тер-Саркисянц А.Е. 1974 г. Научный отчет; она же. 1975 г. Научный отчет; она же. 1987 г. Научный отчет; она же. 2001 г. Научный отчет; она же. 2007 г. Научный отчет; она же. 2011 г. Научный отчет). В тексте книги даются современные названия*

человек, а азербайджанское население увеличилось на 29,6 тыс. человек, причем, если доля армян в общей численности населения сократилась с 94,4 до 75,9%, то доля азербайджанцев соответственно возросла с 5,6 до 23,0%. Этот факт был обусловлен чрезвычайно высоким уровнем вынужденной миграции из области армян, преимущественно молодого поколения, что, несомненно, повлияло и на сокращение среди армян уровня рождаемости, и одновременно притоком на эту территорию, особенно начиная с 1960-х годов, азербайджанцев, в том числе и молодого возраста, для которых был характерен и высокий уровень рождаемости. Помимо вызвавшей эти процессы дискриминационной политики властей Азербайджана по отношению к карабахским армянам, на сокращение их доли в автономии повлиял и тот факт, что во время Великой Отечественной войны Азербайджан отправил из НКАО на фронт беспрецедентно большой процент ее граждан, преимущественно армян, – 35%, составивших 45 тыс. человек, из которых 22 тыс. погибли, что, естественно, также повлияло на рост армянского населения области.

Поскольку на этнокультурный облик народа определенное воздействие оказывают социально-демографические факторы, в частности, его социальная структура, приведу данные переписей 1959 и 1970 гг. о распределении населения НКАО по общественным группам (табл. 2)[1]. Для сравнения приведены идентичные сведения и по Армянской ССР.

Таблица 2

Соотношение рабочих, служащих и колхозников (% ко всему занятому населению)*

Год	Нагорно-Карабахская АО			Армянская ССР		
	Рабочие	Служащие	Колхозники	Рабочие	Служащие	Колхозники
1959	23,2	15,8	60,9	39,3	19,5	41,0
1970	41,6	24,3	33,3	56,3	29,1	13,5

**Составлено по: ИВПН 1970 г. 1973. Т. IV. С. 32, 33, 40, 41.*

Таким образом, для социальной структуры населения Нагорного Карабаха, как и Армении, был характерен в эти годы один и тот же процесс: рост числа рабочих и служащих, причем степень роста числа рабочих в Нагорном Карабахе была даже несколько выше (в 1,8 раза), чем в Армении (в 1,4 раза), поскольку в 1959 г. доля рабочих в автономии была ниже, чем в республике. Процент служащих возрос в одинаковой степени – в 1,5 раза. Но в целом в Нагорном Карабахе доля рабочих и служащих в 1970 г. оставалась по-прежнему гораздо меньшей (65,9%) по сравнению с Арменией (85,4%), что прежде всего было связано с преобладанием в области сельского населения.

Естественно, доля рабочих и служащих была связана с наличием в поселении различных производственных объектов, культурно-просветительных, медицинских учреждений. Поэтому в тех селах, где было больше таких объектов, процент рабочих был выше и служащих. Например, большинство рабочих села Ванк Мартакертского района (около 150 человек) работали на деревообрабатывающем комбинате, из села Хндзиристан (около 100 человек) – на шелкомотальной фабрике, из села Атерк (около 300 человек) – на строительстве находившегося в 15 км от него Сарсангского гидроузла (ПМА. 1972, 1975).

Другая важная характеристика населения – соотношение его городских и сельских жителей. После образования автономии, помимо старого города Шуши, центром области стал город Степанакерт, численность населения которого в 1926 г. составляла 3,2 тыс. человек (из них 85,4% армян, 10,8% тюрок). В Шуши после учиненных в марте 1920 г. погромов население резко сократилось и в 1926 г. составило всего 5,1 тыс. человек, при этом тюрок стало 96,0%, армян – 1,8% (ВПН 1926 г. 1929. Т. XIV. С. 79). В целом же по переписи 1926 г. городское население области составило всего 8,3 тыс. человек (6,6%), причем среди горожан

[1] *Эти и приведенные ниже статистические материалы разрабатывались ЦСУ, как правило, лишь в административно-территориальном разрезе, без учета этнической специфики. Но поскольку армянское население в области составляло в те годы более 80%, т.е. подавляющее большинство, эти данные в какой-то степени могут служить иллюстрацией тех или иных процессов, протекавших у армянского населения области*

армян было 33,9%, тюрок – 63,2%; среди 117,0 тыс. сельских жителей армян было 93,1%, тюрок– 6,3% (Там же. С. 55, 57).

В последующие годы процент горожан в области постепенно повышался: до 10,5% в 1939 г., 21,2% в 1959 г., 38,0% в 1970 г., 39,6% в 1974 г. и 44,0% в 1979 г. В эти же годы процент горожан в Армении составлял в 1926 г. 19%, в 1939 г. 28,6%, в 1959 г. 50,0%, в 1970 г. 59,4%, в 1974 г. 62,3%, в 1979 г. 66,0% (Достижения Советского Нагорного Карабаха за 40 лет в цифрах. 1963. С. 29; ИВПН 1959 г. Армянская ССР. 1963. С. 11; ИВПН 1970 г. 1972. Т. 1. С. 18, 19; Советская Армения за 50 лет. 1970. С. 32; СССР: Административно-территориальное деление союзных республик. 1974. С. 447, 487; Численность и состав населения СССР. По данным ВПН 1979 г. 1984. С. 14). Хотя темпы роста горожан в НКАО были даже несколько выше, чем в Армении (что связано с низким процентом их на исходный момент – 1926 г.), в целом доля городского населения в области была ниже. Это объяснялось, с одной стороны, тем, что здесь было всего два города – Степанакерт и Шуши, население которых пополнялось главным образом за счет внутриобластной миграции, и с другой стороны – непрекращающейся миграцией армянского населения, как городского, так и сельского, за пределы области.

Миграционные процессы армянского сельского населения, происходившие в области и в 1920-е, и в 1930-е годы, заметно усилились после Великой Отечественной войны. Во всех обследованных мною селах был зафиксирован сравнительно большой процент жителей, которые, порвав с сельским хозяйством, переехали в различные города СССР; при этом если в довоенный период армяне Нагорного Карабаха продолжали мигрировать в основном в города Азербайджана и Средней Азии, то в послевоенный период и особенно со второй половины 1960-х годов миграционный поток карабахских армян устремился в города Армении. Главным мотивом стала учеба в средних специальных и высших учебных заведениях, причем большинство из получивших образование оставалось там либо переезжало в города России из-за невозможности получить работу по специальности в Нагорном Карабахе, поскольку структура наличных рабочих мест там далеко не соответствовала доле образованной молодежи. В результате армянское население, имевшее довольно высокий образовательный потенциал, оказывалось трудоизбыточным и было вынуждено покидать родные места. Другие мотивы миграции были связаны со стремлением приобрести в городе профессию, работать по специальности, улучшить бытовые условия и т.д.

О происходившем в Нагорно-Карабахской АО в 1960-е гг. механическом движении армянского населения см. табл. 3:

Таблица 3

Механическое движение населения*

Годы обследования	Всего по области (человек)		В том числе			
			Городские поселения		Сельские поселения	
	Прибыло	Выбыло	Прибыло	Выбыло	Прибыло	Выбыло
1960	2660	2835	2081	1742	579	1093
1962	2215	2874	1722	1660	493	1214
1964	2215	2527	1844	1639	371	888
1966	2418	2789	1908	1832	510	957
1968	1640	1891	1225	1160	415	731

**Составлено по данным текущего архива Статистического управления Азербайджанской ССР (Материалы поездки автора 1970 г.).*

Таким образом, в целом по НКАО в эти годы число выбывших (12 916 чел.) превысило число прибывших (11 148 чел.) на 1768 чел. При этом если среди городского населения больше было прибывших (8780 чел.), чем выбывших (8033 чел.) на 747 чел., то среди сельского населения число выбывших (4883 чел.) превысило число прибывших (2368 чел.) на 2515 чел., т.е. более, чем в два раза. Часть из числа выбывших сельских жителей становилась горожанами, но большая их часть мигрировала за пределы области.

Миграция армянской молодежи из Нагорного Карабаха оказывала заметное влияние на возрастную структуру населения. Так, материалы переписей показывают, что к 1970 г. городское население почти всех возрастов увеличилось в области по сравнению с 1959 г. более чем в 2 раза, а по сравнению с 1926 г. – почти в 7 раз. В то же время сельское население, напротив, уменьшилось, составив 90% к 1959 г. и 80% к 1926 г. (ВПН 1926 г. Т. XIV. С. 54–57; ИВПН 1970 г. 1972. Т. II. С. 234). Это можно было объяснить как результат урбанизационного процесса. Однако обращает на себя внимание резкое уменьшение в 1970 г. по сравнению с 1926 г. (в 2,3 раза) и особенно с 1959 г. (в 2,5 раза) среди сельского населения молодого возраста – 20–29 лет, т.е. возраста, который приходится обычно на годы учебы в средних специальных и высших учебных заведениях и на начало трудовой деятельности. Конечно, нельзя не принять во внимание то обстоятельство, что это поколение рождения военных и первых послевоенных лет (1941–1950 гг.), когда рождаемость была по всей стране резко снижена. Однако, судя по данным переписи 1970 г., нигде по Союзу, за исключением ряда областей РСФСР, не произошло столь значительного сокращения сельского населения в возрасте 20–29 лет. Этот же возраст составил наименьший прирост (14%) и среди горожан, что свидетельствовало о том, что молодежь мигрировала за пределы области. Соответственно происходил и процесс «старения» населения, особенно сельского. Так, в 1926 г. доля лиц в возрасте 60 лет и старше составляла среди сельского населения 10,4%, в 1959 г. – 12,6%, в 1970 г. – 14,5% (ВПН 1926 г. Т. XIV. С. 54–57; ИВПН 1970 г. Т. II. С. 234).

Для характеристики культурной ситуации в области остановлюсь на одном из существенных показателей культуры населения – уровне его образования. Правда, судить о его динамике по материалам переписей (табл. 4, 5), следует с некоторой оговоркой, поскольку только в 1926 г. была учтена национальная принадлежность населения, а в 1959 и 1970 гг. уровень его образования был дифференцирован.

Таблица 4

Распределение армянского населения Нагорного Карабаха по грамотности (по данным переписи 1926 г.)*

Все население	Всего человек	В том числе грамотные	
		Число	%
Оба пола	111 694	25 792	23,09
Мужчины	56 225	17 249	30,68
Женщины	55 469	8 543	15,40
В том числе городское население			
Оба пола	2 817	1 619	57,47
Мужчины	1 517	1 010	66,58
Женщины	1 300	609	46,85
Сельское население			
Оба пола	108 877	24 173	22,20
Мужчины	54 708	16 239	29,68
Женщины	54 169	7 934	14,65

**Составлено по: ВПН 1926 г. 1929. Т. XIV. С. 21. Процент вычислен автором*

Таблица 5

Уровень образования населения Нагорного Карабаха в 1959 и 1970 гг.*

Год переписи	На 1000 человек в возрасте от 10 лет и старше приходится лиц с образованием						
	высшим	незаконченным высшим	средним специальным	средним общим	неполным средним	начальным	Итого
Городское и сельское население							
Оба пола							
1959	21	12	43	83	232	229	620
1970	31	11	53	136	206	280	717

Мужчины				**82**			
1959 1970	**31**	**13**	**39**	**136**	**247**	**256**	**668**
Женщины	**41**	**11**	**49**		**215**	**302**	**754**
1959 1970				**84**			
	13	**11**	**47**	**136**	**219**	**206**	**580**
	21	**11**	**57**		**198**	**260**	**683**
Городское население							
Оба пола							
1959		**17**	**64**	**138**	**266**	**228**	**751**
1970	**8**	**14**	**74**	**188**	**216**	**268**	**809**
Мужчины							
1959 1970	**9**	**17**	**49**	**133**	**277**	**261**	**776**
Женщины		**13**	**60**	**180**	**228**	**297**	**839**
1959 1970							
	9	**16**	**77**	**142**	**256**	**202**	**722**
		14	**86**	**195**	**295**	**243**	**782**
	1						
	9						
	9						
Сельское население							
Оба пола							
1959		**11**	**38**	**69**	**223**	**228**	**585**
1970	**6**	**10**	**40**	**103**	**199**	**287**	**658**
Мужчины		**12**					
1959 1970	**9**	**10**	**37**	**68**	**239**	**254**	**636**
Женщины		**10**	**42**	**107**	**206**	**305**	**699**
1959 1970		**9**	**39**				
	6		**39**	**69**	**209**	**207**	**542**
				98	**194**	**271**	**621**
	9						
	0						

**Составлено по: ИВПН 1970 г. Т. III. С. 314.*

Приведенные материалы показывают, что в 1926 г. процент грамотных армян в целом по области был сравнительно невысоким, особенно среди сельского населения. Кроме того, наблюдался значительный разрыв в числе грамотных мужчин и женщин как городских, так и сельских. С введением в СССР в начале 1930-х годов всеобщего начального обучения к 1959 г. произошло существенное повышение числа лиц с образованием как среди городского, так и, особенно, сельского населения, в результате чего разница между этими группами в уровне образования значительно сократилась. К 1959 г. намного возрос процент образованных женщин, в результате чего также значительно сократилась разница в уровне образования мужчин и женщин как городских, так и сельских. В 1970 г. было отмечено дальнейшее повышение уровня образования как городского, так и сельского населения, а также некоторое сокращение разницы в уровне образования сельских мужчин и женщин. Вместе с тем наряду с ростом числа лиц с образованием на 1 тыс. человек к 1970 г. по сравнению с 1959 г. заметно возрос и качественный уровень образования: увеличился процент мужчин и женщин с высшим, средним специальным и средним образованием, особенно среди горожан; в то же время уменьшился среди них процент лиц с неполным средним образованием.

Для сравнения приведу материалы переписи 1979 г., хотя по ее итогам представлены аналогичные данные только в целом по Нагорно-Карабахской АО, без разбивки на городское и сельское население и по полу. Так, в целом по области на 1 тыс. человек в возрасте от 10 лет и старше имели образование: высшее – 49 человек, незаконченное высшее – 12, среднее

специальное – 85, среднее общее – 235, неполное среднее – 232, начальное – 260 человек, итого: 873 человека (Численность и состав населения СССР. По данным ВПН 1979 г. 1984. С. 46). Судя по этим данным, уровень образования населения более молодого и среднего возраста, по сравнению с 1970 г., повысился, так: увеличилась доля лиц с высшим (с 31 до 49), средним специальным (с 53 до 85) и средним общим (со 136 до 235) образованием. В то же время практически малозаметно увеличилась доля лиц с неполным средним (с 206 до 232) и сократилась доля лиц с начальным (с 280 до 260) образованием, что можно отнести к старшему поколению.

Материалы переписей позволяют судить и об уровне образования различных социальных групп населения Нагорно-Карабахской АО (табл. 6).

Таблица 6

Уровень образования занятого населения в 1959 и 1970 гг.*

	На 1000 занятых имеют высшее и среднее (полное и неполное) образование					
	1959 г.			1970 г.		
	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
Городское и сельское население						
Все общественные группы	467	464	470	638	625	656
Рабочие	476	473	482	584	589	577
Служащие	952	936	969	970	960	976
Колхозники	337	342	331	455	441	473
Городское население						
Все общественные группы	651	614	695	752	733	771
Рабочие	513	492	540	622	620	624
Служащие	927	891	964	968	960	976
Сельское население						
Все общественные группы	425	429	420	560	552	570
Рабочие	438	455	408	531	547	506
Служащие	968	964	972	970	962	979
Колхозники	337	342	331	454	438	475

**Составлено по: ИВПН 1970 г. Т. V. С. 139.*

Приведенные данные показывают, что и в 1959, и в 1970 г. уровень образования рабочих (в городе и на селе) значительно отставал от уровня образования служащих, но был несколько выше, чем у колхозников. В связи с тем, что к 1970 г. уровень образования рабочих (в городе и на селе) и колхозников заметно возрос, разница по этому показателю между ними сократилась. Уровень образования городских служащих возрос незначительно, а сельских остался таким же. Уровень образования женщин всех социальных категорий в городе в 1959 и 1970 гг. был выше, чем у мужчин; на селе в 1959 г. он был несколько выше только у женщин-служащих, а в 1970 г. – как у служащих, так и у колхозниц.

По данным переписи 1979 г., в целом по Нагорно-Карабахской АО на 1 тыс. занятых имели образование: высшее – 82 человека, незаконченное высшее – 11, среднее специальное – 135, среднее общее – 336, неполное среднее – 238, начальное – 147 человек, итого 949 человек (Численность и состав населения СССР. 1984. С. 68).

Таким образом, за 20 лет число лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием в автономии на 1 тыс. человек занятых увеличилось со 467 человек в 1959 г. до 638 человек в 1970 г. и до 802 человек в 1979 г., что иллюстрирует тенденцию к постепенному повышению уровня образования как городского, так и сельского населения области.

Разница в уровнях образования представителей различных социальных и возрастных групп карабахских армян накладывала, безусловно, отпечаток на их культурные запросы. Естественно, что с ростом образования повышалась потребность людей в притоке новой информации. Этой цели служили такие средства массовой информации, как радио, телевидение, кино, печать, а также сеть культурно-просветительных учреждений. Большую роль играли сельские клубы, где в те годы проходили торжественные собрания в дни революционных и общегосударственных праздников, демонстрации кинофильмов, гастроли различных театральных и самодеятельных коллективов, лекции и беседы, вечера отдыха. В 1973 г. в области имелось 225 клубов и 179 киноустановок. Примечателен такой факт: по статистическим данным 1972 г. каждый житель области почти 20 раз посетил кинотеатр, причем по числу таких посещений Нагорный Карабах занимал одно из первых мест в бывшем СССР (50 лет в братской семье. 1973. С. 84).

Показателем, характеризующим культурные запросы населения, было пользование им массовыми библиотеками, число и книжный фонд которых в области постепенно росли: от 160 библиотек с книжным фондом в 149,7 тыс. экз. книг и журналов в 1950 г. до соответственно 166 и 856,6 тыс. экз. в 1960 г., 179 и 1157 тыс. экз. в 1970 г. и до186 и 1281 тыс. экз. в 1973 г. (Достижения Советского Нагорного Карабаха за 40 лет в цифрах. 1963. С. 139; Нагорно-Карабахская автономная область в цифрах. 1974. С. 32; Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1973 г. 1974. С. 347). Основная масса библиотек приходилась на сельскую местность: например, в 1973 г. там было 159 библиотек с книжным фондом в 753 тыс. экз. Сельские жители активно пользовались библиотеками, особенно это относилось к представителям интеллигенции и молодежи. Так, читателями библиотек являлся каждый второй житель села Тагавард, каждый третий житель села Сос, трое из четырех жителей села Мец Тагер и т.д. На долю каждого читателя в среднем в год приходилось 9–10 книг. Особой популярностью пользовались произведения художественной литературы, как армянской, так и переводной (ПМА. 1972, 1974).

Однако, несмотря на повышенные культурные запросы карабахских армян, материальная база учреждений культуры существенно отставала от них. Так, сельские клубы занимали нередко старые, не приспособленные для культурно-массовой работы помещения (например, в селах Атерк, Азох, Мец Тагер, Тагавард); в сельских библиотеках, как правило, отсутствовали читальные залы.

Другим показателем, характеризующим культурную среду, было число выписываемых семьями газет и журналов. В Нагорно-Карабахской АО с 1923 г. выпускались на армянском языке областные газеты «Советакан Карабах» («Советский Карабах») и «Метаксагорц» («Шелководство»); кроме того, в 4-х районах выходили районные газеты на армянском языке. В 1970-е гг. почти каждая сельская семья выписывала газеты, реже – журналы, причем нередко семьи выписывали сразу по нескольку газет и журналов. Например, в селе Мец Тагер в 1974 г. из 450 подписчиков 114 получали по 5–6 экз. газет и журналов, 320 – по 2–3 экз., 10 – по 2 и 6 – по 1 экз. Обзор подписки показал, что население выписывало в основном местные газеты и республиканские из Армении. Так, в этом же селе 237 подписчиков (52,7%) получали газеты «Коммунист» (на русском языке), 113 (25,1%) – «Авангард» (на армянском языке), 110 (24,4%) – «Пионер канч» (на армянском языке), 90 (20,0%) – «Советакан Айастан» (на армянском языке) из Армянской ССР; 145 подписчиков (32,2%) получали областную газету «Советакан Карабах», 223 (49,6%) – районную газету (ПМА. 1974). В селе Талыш в 1975 г. 435 семей из 532 (81,8%) получали газеты «Коммунист», 225 (42,3%) – «Авангард», 304 (57,1%) – «Пионер канч», 182 (34,2%) – «Советакан Айастан», 346 (65,0%) – «Советакан Карабах», 494 (92,9%) – районную газету (ПМА. 1975). Центральные газеты и журналы выписывались библиотеками и школами.

Естественно, что культурные запросы людей обусловливались, помимо уровня образования, и такими факторами, как пол и возраст. Поэтому среди читателей сельских библиотек лиц среднего (в основном мужчины) и молодого возраста было больше; среди

посетителей клубов также чаще можно было встретить юношей, девушек и мужчин среднего возраста. Немалую роль в этом продолжала играть и традиция. Поэтому пожилые, особенно женщины, за исключением представительниц сельской интеллигенции, считали предосудительным для себя появляться в молодежном клубе, но в то же время дома с интересом слушали радио и смотрели телевизор, хотя, как упоминалось выше, телевизионные программы в области шли только на русском и азербайджанском языках (впоследствии из Ирана, но без звука), что вызывало законное недовольство карабахских армян.

Неоднократные наблюдения в армянских селах Нагорного Карабаха позволяли говорить о том, что чтение литературы, выбор кинофильмов, прослушивание радиопередач, музыкальных концертов носили преимущественно этнический характер. Однако если старшее поколение отдавало явное предпочтение тем или иным формам своей национальной духовной культуры, то образованная молодежь и представители сельской интеллигенции, для которых языковой барьер в той или иной степени был преодолен и культурные потребности которых были значительно шире, стремились приобщиться также и к духовным ценностям других народов. Поэтому они нередко были зрителями Государственного армянского драматического театра им. Максима Горького (ныне – им. Ваграма Папазяна) (театр был открыт в г. Степанакерте в 1932 г.), в репертуар которого наряду с пьесами армянских писателей входили пьесы русской и мировой классической драматургии; Государственного ансамбля песни и танца Нагорного Карабаха (ансамбль начал работать с 1959 г.), исполнявшего песни и танцы многих народов, и других коллективов.

Важно отметить, что для карабахских армян (преимущественно мужчин) уже издавна было характерно армяно-русское двуязычие и в меньшей степени – армяно-тюркское. Распространению среди них русского языка способствовало (после присоединения Карабаха к России) ведение здесь официального делопроизводства на русском языке, открытие русских школ, в том числе Реального училища в Шуши, которое считалось одним из лучших средних учебных заведений на Кавказе. В конце XIX–начале XX в. наиболее образованные и обеспеченные карабахские армяне посылали своих детей учиться в высшие учебные заведения в Москву, Петербург, Дерпт, Новороссийск и другие города, где те, естественно, совершенствовали свои знания в русском языке. Немаловажную роль в распространении русского языка в прошлом сыграло также и отходничество многих карабахских армян в Баку, Грозный, закаспийские области, где они сталкивались с разноязычным населением и где русский язык становился одним из языков общения. Развитию армяно-тюркского двуязычия у карабахских армян способствовали разного рода хозяйственные контакты, торговля, сезонное отходничество в районы с тюркским населением. В качестве иллюстрации приведу зафиксированное в конце XIX в. свидетельство очевидца о знании армянами Гадрута этих языков: «Армяне при встрече с татарами говорят по-татарски, а с русскими – по-русски. После принятия русского подданства и основания здесь с 1838 г. штаба … жители, часто вращаясь между русскими, имели возможность научиться по-русски; теперь почти всякий безграмотный поселянин в состоянии говорить по-русски» (*Давидбеков*, 1888. С. 186).

В советское время влияние русского языка в Карабахе заметно усилилось, чему способствовали повышение образовательного уровня, межнациональные контакты на производстве, во время службы в рядах Советской армии, средства массовой информации и т.п.

Наблюдения показывали, что знание русского языка в качестве второго в большей мере было распространено среди горожан, особенно среди интеллигенции, а также тех, кто работал в государственных учреждениях, предприятиях, в сфере обслуживания.

Это подтверждалось и статистическими материалами. Данные переписи 1970 г. (табл. 7) свидетельствуют о том, что свободное знание русского языка гораздо шире было распространено среди городского населения в целом (32,97%) по сравнению с сельским (8,11%), а также среди мужчин, как городских (38,19%), так и сельских (11,75%) по сравнению с женщинами – соответственно 28,17 и 4,76%. В то же время среди сельского

населения была больше доля лиц, главным образом мужчин, свободно владевших «другим» (в основном азербайджанским) языком: в селах 6,51% мужчин и 1,81% женщин, а в городе – соответственно 0,29 и 1,72%.

Таблица 7

Распределение армянского населения Нагорно-Карабахской АО по родному языку и второму языку, которым свободно владеет население (по данным переписи 1970 г.)*

	Всего чело-век	С родным языком, %			Из общего числа свободно владеют вторым языком, %		
		своей национальности	русским	другим	своей национальности	русским	другим
Все население							
Оба пола	121068	98,24			1,32		
Мужчины			1,74	0,02	1,10	17,21	3,44
Женщины	58032	98,52					
				0,02	1,53	21,42	5,25
	63036	97,98	1,46				
				0,00			
			2,00			13,34	1,77
В том числе городское население							
Оба пола		95,25	4,72		3,60		
Мужчины	44320			0,03	3,01	32,97	2,36
Женщины		96,00	3,98				
	21225			0,00	4,15	38,19	0,29
		94,55	5,42				
	23095			0,02		28,17	1,72
Сельское население							
Оба пола		99,97	0,02		0,01	8,11	
Мужчины	76748			0,00	0,01		4,06
Женщины		99,97	0,02			11,75	
	36807			0,00	0,01		6,51
		99,97	0,03			4,76	
	39941			0,00			
							1,81

**Составлено по: ИВПН 1970 г. Т. IV. С. 272.*

По переписи 1979 г., из 123076 армян родным считали язык своей национальности 118559 чел. (96,3%), русский – 4500 чел. (3,6%), азербайджанский – 15 чел. (0,1%), другой – 2 чел. (0,0%). При этом из общей численности армян свободно владели в качестве второго языка языком своей национальности 3497 чел. (2,8%), русским – 38653 чел. (37,4%), азербайджанским – 4611 чел. (3,7%), другим – 24 чел. (0,2%) (Численность и состав населения СССР. 1984. С. 126,127. Процент вычислен автором).

Однако, если принять во внимание высказанную в литературе точку зрения, согласно которой за объективную основу двуязычия принимался сам факт общения и обмена мыслями между людьми разных национальностей (при этом степени владения вторым языком не придавалось решающего значения, важна была лишь способность установления контакта с лицом другой национальности и согласования действий в различных сферах жизни) (*Брук*, *Губогло*, 1975. С. 19, 20), то фактически процент карабахских армян, владевших вторым языком (в основном русским), был бы значительно выше. Надо учитывать также и тот факт, что данные переписи могли быть в ряде случаев формальными, поскольку не всегда опрашиваемый мог оценить, насколько хорошо он владел тем или иным языком. Мои неоднократные наблюдения свидетельствовали о том, что степень распространения в той или иной мере русского языка среди сельского армянского населения Нагорного Карабаха была в те годы существенно шире, чем среди сельских жителей Армянской ССР.

Одновременно для армян Нагорного Карабаха всегда была характерна высокая степень устойчивости родного языка, в том числе в форме карабахского диалекта. Так, в 1926 г. (табл. 8) 99,94% армянского населения области считали родным язык своей национальности, 0,05% – русский и 0,01% – тюркский. Между городским и сельским населением разница была небольшой.

Таблица 8

Распределение армянского населения Нагорно-Карабахской АО по родному языку (по данным переписи 1926 г.)*

	Всего человек	С родным языком (%)			
		своей национальности	тюркским	русским	Прочими
Все население					
Оба пола	**111 694**	**99,94**	**0,01**	**0,05**	**0,00**
Мужчины	**56 185**	**99,93**	**0,01**	**0,05**	**0,00**
Женщины	**55 439**	**99,95**	**0,00**	**0,05**	**0,00**
В том числе городское население					
Оба пола	**2817**	**98,58**	**0,04**	**1,24**	**0,04**
Мужчины	**1517**	**98,29**	**0,07**	**1,48**	**0,07**
Женщины	**1300**	**98,92**	**0,00**	**1,01**	**0,00**
Сельское население					
Оба пола	**108 877**	**99,97**	**0,01**	**0,02**	**0,00**
Мужчины	**54 708**	**99,97**	**0,01**	**0,01**	**0,00**
Женщины	**54 169**	**99,97**	**0,00**	**0,02**	**0,00**

**Составлено по: ВПН 1926 г. Т. XIV. С. 21. Процент вычислен автором.*

В 1959 г. (табл. 9) при сохранении в целом высокого процента (98,24%) армян с родным языком своей национальности, несколько увеличился процент армян с родным русским языком (1,74%), главным образом за счет городского населения (7,28%). В 1970 г. эти показатели в целом по области оставались такими же, как и в 1959 г. Небольшая разница заключалась в некотором увеличении процента мужчин с родным армянским языком и соответственно уменьшении процента женщин этой группы. Если же сравнивать городское и сельское население, то здесь наблюдалась большая разница. Материалы обеих переписей фиксировали, что среди горожан был значительно выше процент армян с родным русским языком, причем среди женщин этот процент был несколько больше, чем среди мужчин. Очевидно, этот факт объяснялся тем, что женщины-армянки, выйдя замуж за неармян, в основном за русских, начинали говорить в семье, а также с родственниками мужа по-русски, и это обстоятельство иногда становилось причиной признания ими русского языка родным. В эту же группу могли попасть и девушки (второе младшее поколение) из национально смешанных семей.

Таблица 9

Распределение армянского населения Нагорно-Карабахской АО по родному языку (по данным переписи 1959 г.)*

	Всего человек	С родным языком (%)		
		своей национальности	русским	другим
Все население				
Оба пола	**110 053**	**98,24**	**1,74**	**0,02**
Мужчины	**51 654**	**98,33**	**1,63**	**0,02**
Женщины	**58 399**	**98,15**	**1,84**	**0,02**
В том числе городское население				
Оба пола	**20 159**	**92,63**	**7,28**	**0,08**
Мужчины	**9 325**	**93,19**	**6,75**	**0,05**
Женщины	**10 834**	**92,15**	**7,73**	**0,11**
Сельское население				

Оба пола	**89 894**	**99,49**	**0,48**	**0,01**
Мужчины	**42 329**	**99,47**	**0,51**	**0,01**
Женщины	**47 565**	**99,52**	**0,47**	**0,00**

**Составлено по: ИВПН 1959 г. Азербайджанская ССР. 1963. С. 140–145.*

В целом за период между переписями 1959 и 1970 гг. несколько увеличилась, главным образом среди горожан, доля лиц с родным армянским языком (на 2,62% в городе и на 0,48% в селах) и соответственно уменьшилась доля лиц с родным русским языком (на 2,56% в городе и на 0,46% в селах). В результате в 1970 г. в селах этот процент стал таким же, каким был в 1926 г. Думается, что одной из причин, способствовавших устойчивости родного армянского языка, стало повышение уровня образования на нем, в частности учеба карабахских армян в высших и средних специальных учебных заведениях городов Армянской ССР, чтение литературы и периодической печати на армянском языке. В то же время нельзя не учитывать и того факта, что за прошедший период из Нагорного Карабаха мигрировало много армянской молодежи, среди которой русский язык был распространен все же шире, чем среди старшего поколения. Кроме того, в перепись 1970 г. была включена графа о втором языке, которым владел опрашиваемый. Поэтому те лица, которые более или менее свободно владели русским языком в 1959 г., вполне могли указать, что их родной язык русский, а в 1970 г., когда этот вопрос был разделен, опрашиваемые могли отвечать уже более точно. В целом материалы переписей свидетельствовали о сохранении устойчивости родного армянского языка у карабахских армян.

Этнокультурные изменения в материальной сфере

Во второй половине XX в. традиционная культура армян Нагорного Карабаха, как и других жителей страны, подверглась значительным изменениям. Внедрение современной техники в народное хозяйство, развитие автомобильного транспорта, электрификация и газификация населенных пунктов, стандартизация и унификация материальной культуры приводила к постепенному сокращению в этой области быта этнической специфики, в результате чего в различных формах материальной культуры наблюдался синтез традиционного и нового, но в разной степени их сочетания.

Так, в хозяйственной жизни карабахских армян, как и в прошлом, основными занятиями оставались земледелие и скотоводство. В ведении хозяйства по-прежнему использовался трудовой опыт народа, его многовековые производственные навыки. В колхозах и совхозах развивались такие традиционные отрасли, как зерноводство, виноградарство, виноделие, винокурение, садоводство, овощеводство, шелководство, пчеловодство. Однако в этот период произошли заметные изменения в системах их ведения, структуре, степени интенсивности, в соотношении различных отраслей, оснащенности техникой. Поскольку о развитии экономики Нагорно-Карабахской АО в эти годы, об имевших место проблемах в хозяйственной сфере жизни карабахских армян, в частности о факторах экономического давления на них со стороны властей Азербайджана уже говорилось выше, считаю возможным здесь на этом больше не останавливаться.

Хотя в области большую роль стал играть автомобильный транспорт, тем не менее при полном бездорожье в селах для внутрихозяйственных перевозок по-прежнему использовались такие народные средства передвижения, как волокуши, двухколесная арба, а в качестве вьючного транспорта – домашние животные: лошадь, мул и особенно осел.

Одновременно этническая специфика продолжала прослеживаться и в других компонентах материальной культуры карабахских армян.

Начну с поселений. Несмотря на резкое сокращение армянского сельского населения в послевоенный период, а также в дальнейшем, средняя людность сельских поселений в исследуемый период оставалась сравнительно высокой – около 500 человек. Наиболее крупным было село Чартар с населением около 4000 человек. Среди других относительно многолюдных поселений оставались села Атерк, Ванк, Талыш, Аветараноц, Гиши, Мец Тагер,

Тог, Туми и др. Но при этом важно отметить, что сохранение относительно высокого среднего показателя людности сельских поселений свидетельствовало не о царившем в автономии благополучии, а объяснялось целенаправленной ликвидацией властями мелких сел, в которые (в условиях непрекращающейся миграции сельского населения) превращались прежде средние по численности поселения (*Валесян*, *Мурадян*, 1989. С. 30).

Если в прошлом для армянских поселений Нагорного Карабаха была характерна в основном неупорядоченная, но довольно плотная застройка, что во многом обусловливалось горным рельефом местности, то планировка поселений во второй половине XX в. стала уже не однотипной. Традиционная бессистемная планировка по-прежнему сохранялась в некоторых горных селах, где оставалось много старых домов, нередко постройки конца XIX–начала XX в., расположенные уступами по горным склонам (например: Туми, Цор). В таких селах нередко даже новые дома располагались, как и раньше, в зависимости от рельефа (например: Мец Тагер, Тагавард). Для поселений, которые были расположены в более плоскостной части и где интенсивнее велось жилищное строительство, стало характерным новое расположение домов – вдоль улицы (например: Атерк, Нахиджеваник, Аветараноц, Чартар). Однако большинство поселений имело смешанную планировку: новые дома ставили, как правило, вдоль улицы, а старые сохраняли прежнюю традиционную застройку (например: Ванк, Ннги, Сос, Талыш, Хндзиристан).

В исследуемый период общественным центром в поселениях, где происходили встречи и беседы односельчан, главным образом мужчин старшего поколения, стали преимущественно административные и культурно-бытовые учреждения села – правление колхоза или дирекция совхоза, сельсовет, клуб, магазин. В то же время не потеряли своего значения как места сбора односельчан считавшиеся по-прежнему священными родники, большие раскидистые деревья, очаги, *тонратуны* (последние оставались местом сбора женщин). В 1960–1970-е гг. практически во всех селах Нагорного Карабаха (как и Армении) на средства их жителей (в том числе и живших в то время в других местах, но продолжавших принимать участие в крупных событиях своих родных сел) были построены памятники односельчанам, павшим в годы Великой Отечественной войны.

Большое значение для преобразования внешнего облика поселений имело строительство новых домов, наряду с которыми в 1968–1974-х гг. в карабахских селах оставалось много домов и старой постройки, относящейся к периоду до 1918 г. (табл. 10).

Таблица 10

Строительство жилых домов (по годам), %

Село, район	Всего семей	Год обследо-вания	До 1918	1919-1940	1941-1945	1946-1955	1956- к году обследо-вания	Дома нет
Шош, Аскеранский	1178	1968	114,1	43,3	-	5,6	28,6	8,4
Нахиджеваник, «-«	127	1968	330,7	22,1	-	10,2	34,6	2.4
Хндзиристан, «-«	227	1968	118,5	44,0	0,9	7,0	22,5	7,1
Сос, Мартунинский	243	1968	112,8	18,9	-	4,9	62,6	00,8
Тагавард, «-«	167	1972	29,9	16,2	-	6,0	26,4	21,5
Тог, Гадрутский	221	1974	228,1	117,2	0,9	4,5	25,8	223,5
Ванк, «-«	44	1969	75,0	6,8	-	-	2,3	15,9
Айгестан, «-«	46	1969	73,9	4,4	-	-	-	21,7
Норашен, «-«	20	1969	85,0	5,0	-	-	-	10,0
Тагасер, «-«	144	1969	54,9	7,0	-	1,4	16,7	20,1
Таг, «-«	39	1969	71,8	10,2	-	-	-	18,0
Вардашат, «-«	47	1969	70,2	-	-	-	2,1	27,7

Ванк, Мартакертский	331	1968	3,3	28,4	2,1	9,1	50,7	6,4
Талыш, «-«	508	1968	0,4	30,1	1,4	16,5	50,8	0,8

**Рассчитано по данным похозяйственных книг сельских Советов. Процент вычислен автором (ПМА. 1968, 1969, 1972, 1974).*

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в большинстве обследованных поселений (за исключением небольших сел Гадрутского района) Нагорного Карабаха жилищное строительство развернулось в основном с 1956 г. Например, к 1968 г. новый дом в селе Шош имела 51 семья (из 178, или 28,6%), в селе Нахиджеваник – 44 семьи (из 127, или 34,6%), в селе Хндзиристан – 51 семья (из 227, или 22,5%). Более половины семей имели к этому году новые дома в селах Ванк (Мартакертского района) – 168 семей (из 331, или 50,7%), Талыш – 258 семей (из 508, или 50,8%) и особенно в селе Сос – 152 семьи (из 243, или 62,6%). Одновременно повсюду (за исключением сел Ванк и Талыш) сохранялось немало старых домов, выстроенных до 1918 г. Такие дома в те годы имели около трети семей в селах Нахиджеваник (30,7%), Тагавард (29,9%), Тог (28,1%), но особенно много семей жили в старых домах в небольших селах Гадрутского района – от 79 семей (из 144, или 54,9%) в селе Тагасер до 17 семей (из 20, или 85,0%) в селе Норашен. Кроме того, почти во всех селах были зафиксированы вновь образованные семьи, которые на момент обследования не имели собственного дома и фактически продолжали жить совместно с прежней, чаще родительской, семьей. Наибольшая доля таких семей была отмечена в селах Тог (23,5%) и Вардашат (27,7%).

Процесс строительства новых домов продолжался и в последующие годы. Так, к 1975 г. в ряде сел в новых домах жили более половины семей, например: в селах Ванк (Мартакертский район) – 54,2% семей, Нахиджеваник – 54,9%, Талыш – 60,6%, Вардадзор – 68,4%, Атерк – 74,8% (ПМА. 1975).

При строительстве нового дома семьям оказывалась помощь: с одной стороны, колхоз предоставлял своим членам долгосрочную ссуду, а с другой стороны, в селах сохранялся традиционный обычай взаимопомощи, когда в постройке жилого дома принимали участие родственники и соседи, главным образом своим личным трудом.

Особый интерес в этом отношении представляло село Чартар Мартунинского района. Исстари его жители строили жилища в скалах, приспособив для этой цели естественные углубления в них (подобные жилища были характерны и для соседнего Горисского района Армении). И только в 1930-х годах они начали переселяться на равнинную плоскость, где стали строить новые дома. Усилился этот процесс после 1950-х годов, когда уже все село расположилось на равнинной плоскости. Застройка его общественными зданиями и жилыми домами велась по заранее составленному проекту. В результате облик села Чартар был в корне изменен. К 1974 г. оно стало самым большим селом в области, насчитывающим около 1000 домов, большинство из которых были новыми, отвечающие возросшим к тому времени культурным требованиям. В центре села было построено красивое здание из розового туфа – Дворец культуры, построенный по образцу здания Театра оперы и балета им. А. Спендиарова в Ереване. В селе было много различных культурных и бытовых учреждений – 4 школы, больница, 4 магазина (из них 2 универмага), гостиница, дом отдыха для колхозников, ателье, комбинат бытового обслуживания, баня, пекарня. Это село колхозом-миллионер, стало показательным для Нагорного Карабаха (ПМА. 1974).

Сохранявшиеся в 1960–1970-е гг. во многих поселениях Карабаха дома старой постройки представляли собой, как правило, довольно добротные каменные двухэтажные дома, с балконами на оба этажа, с двухскатными крышами, покрытыми жестью или черепицей. В свое время (конец XIX–начало XX в.), как упоминалось выше, эти дома, построенные в подражание городским, были новшеством для карабахских сел. Их строили в основном в тех районах (Варанда, Дизак), в которых сильнее было развито отходничество в крупные города. Поэтому именно в этих бывших районах (позднее Мартунинский и Гадрутский) они дольше всего сохранились. Например, в Гадрутском районе дома, построенные до 1918 г., в 1974 г. составляли в селе Мец Тагер – 29,1%, в селе Туми – 74,7%. В то же время, поскольку в более

отдаленных горных селах Хачена и Джраберда в первой трети XX в., а иногда и позднее еще продолжали бытовать традиционные жилища – *глхатуны* (*карадамы*), там все чаще, уже с 1920-х годов, вместо них стали строить дома нового типа. Однако в новых домах, по наблюдениям С.Д. Лисицяна, повторялись некоторые черты старого народного жилища: задняя стена нижнего этажа дома укреплялась в склоне горы, а боковые стены в обоих этажах выдвигались вперед, образуя основу для балконов, в них оставлялись ниши-очаги для приготовления пищи. Нижний этаж такого дома отводился для хранения домашних запасов, а верхний предназначался для жилья и приема гостей. Окна, узкие снаружи, и расширяющиеся вовнутрь, проделывались в боковых стенах со стороны балкона (*Лисицян*, 1925. С. 106, 107).

Новые дома в селах Карабаха со второй половины XX в. строили также из камня, в основном двухэтажными, с балконами в два этажа, но, в отличие от прежних лет, их уже не ставили вплотную к склону горы. Нижний этаж по традиции был приспособлен для хозяйственных нужд, а верхний – жилой. Однако вновь построенные дома заметно отличались от традиционных своей благоустроенностью. Так, вместо одной большой комнаты верхнего этажа делали две (иногда три) жилые комнаты – обычно спальню и гостиную, что обеспечивало более удобный быт для семьи; значительно увеличилось по размеру и число окон; стали просторнее балконы, почти всегда остекленные, причем не только балкон второго этажа, что делали иногда и раньше, но нередко и первого. В нижнем этаже дома с одной стороны находилась, как правило, кухня с газовой плитой, там же хранилась различная утварь, а также заготовленные впрок продовольственные припасы: домашние сыр и масло, соленья, маринады, вино, компоты и т.д. С другой стороны этого этажа часто размещалась еще одна жилая комната, в которой обычно обедали и спали старшие члены семьи с внуками, особенно летом, так как там было прохладнее. Позднее в нижнем этаже дома некоторые семьи, в основном интеллигентные, стали устраивать ванные комнаты с душем. Полы комнат верхнего этажа делали деревянными, их обычно красили, а нижнего – как правило, глинобитными.

Домашний скот содержался в хлеву. Это были специально построенные из камня удлиненные низкие помещения (*гом*, мест. *гём*), которые по существовавшей здесь традиции находились несколько обособленно от жилого дома.

Постепенно менялось и внутреннее убранство жилища, его интерьер. Уже в 1930–40-х годах в Карабахе повсеместно стала распространяться покупная фабричная мебель – столы, стулья, платяные шкафы. С конца 1950-х годов в быт сельских семей, в первую очередь рабочих и служащих, стала входить и более дорогая современная на тот период мебель – серванты, деревянные кровати, диваны, трюмо и т.п. Однако происходившие изменения в интерьере жилища, отвечающие возросшим на тот период культурным потребностям сельского населения, не означали исчезновение национальных традиций, которые продолжали жить в 1960–80-е гг. Так, в домах карабахских армян прочно сохранялись такие традиционные элементы национального убранства, как ворсовые и безворсовые (*карпет*) ковры, большей частью домашнего производства. Ковроткачество сохранялось и в 1970–80-е гг., однако им занимались лишь пожилые женщины. Большое внимание в семьях по-прежнему уделялось постельным принадлежностям, причем число их в силу стойко сохранившимся обычаям гостеприимства часто намного превышало число членов семьи. По традиции одеяла и тюфяки шили из овечьей шерсти, которую периодически мыли и взбивали. Особенно много новых постельных принадлежностей было в семьях, в которых росли дочери, поскольку полагалось в те годы давать им в приданое по два их комплекта. Многочисленные постельные принадлежности, которые складывали друг на друга чуть ли не до потолка, занимали две-три, а иногда и четыре кровати в доме. По сравнению с прошлым значительно увеличилось количество постельного белья, улучшилось качество применяемых для шитья одеял тканей, в частности для лицевой части одеял стали использовать дорогие шелковые ткани.

Во многих сельских домах в 1970–1980-е гг. сохранялись еще такие предметы традиционного быта, как «ларь-амбар» для хранения зерна и муки, который стоял тогда не в жилом помещении, как раньше, а на балконе или на кухне; традиционная люлька – *оророц,* заменяемая постепенно детской кроваткой; старинная деревянная прялка с горизонтальным веретеном – *чахарак,* за которой продолжали прясть шерсть женщины старшего поколения; специальные деревянные, покрытые цветными жестяными украшениями сундуки, которые невестка приносила с собой из родительского дома и в которых она хранила свою одежду и украшения, хотя в то время в таких сундуках хранили свою одежду только пожилые женщины. Повсеместно сохранялись традиционные печи *тониры*, которых по существующей здесь традиции продолжали строить в стороне от жилого дома под специальными навесами в разных кварталах села из расчета один *тонир* на несколько домов.

Одежда сельских армян Нагорного Карабаха, претерпев на протяжении XX в. существенные перемены, в 1960–80-е гг. в целом характеризовалась определенным сочетанием национальных форм (а чаще отдельных их элементов) с новыми общеевропейскими. В основном в те годы наблюдались возрастные различия в одежде. Традиционный народный костюм карабахской замужней армянки – *hайавари* продолжал бытовать, как и в соседнем Сюнике, только среди женщин старшего поколения. Но это не всегда был полный комплект старинной одежды. Чаще всего это была традиционного покроя красного цвета рубаха – *вирви hалав*, поверх которой надевали традиционную распашную одежду, обычно из сатина или шелка синего, зеленого или фиолетового цвета– *хлыг* (мест. название *архалуха*) или *габу*, подол которой состоял из трех частей и доходил почти до пяток. Непременной принадлежностью костюма служил пояс – *готи, кямар* – как и в прошлом, обычно из длинного куска материи красного цвета или реже кожаный пояс с серебряной пряжкой и нашитыми пластинками также из серебра.

Что касалось сложного традиционного головного убора со старинными украшениями замужней карабахской армянки, то его продолжали носить только самые старые женщины (обычно в возрасте старше 80 лет). У некоторых пожилых армянок полный комплект национальной одежды, включая и головные украшения, и серебряный пояс, хранился в те годы дома в сундуке (по их словам, они хотели быть похороненными в этой одежде), а носили они тогда платья темных тонов, отрезные по талии и присборенные, с длинными рукавами, передник, на голове – платок или косынку, на ногах – туфли или тапочки фабричного производства. Женщины среднего поколения обычно носили одежду европейского типа – костюмы, платья, юбки с кофтами и т.д. Однако среди этого поколения женщин еще продолжали устойчиво сохраняться традиционные представления о «приличии»: поэтому их платья были обычно неярких тонов, с небольшим вырезом и длинными рукавами, в любую погоду они ходили в чулках, голову нередко покрывали косынкой.

В то же время одежда молодых женщин и девушек уже почти ничем не отличалась от одежды горожанок. Как и горожанки, они предпочитали носить, особенно в праздники, нарядные платья модного покроя из дорогих тканей, красивые трикотажные изделия, туфли на каблуках. Но замужние молодые женщины по-прежнему придерживались традиции носить чулки даже в теплую погоду, надевать платья более строгого фасона и сдержанных тонов. В 1970–1980-е гг. общеевропейская мода все шире проникала в быт сельских жителей и активно воспринималась прежде всего молодежью и сельской интеллигенцией.

Мужской национальный костюм карабахских армян, во многом близкий к общекавказскому, в те годы практически не сохранился. Можно было отметить лишь некоторые его элементы, использовавшиеся в качестве производственной одежды. Это были удобные в полевых и горных условиях вязаные шерстяные орнаментированные носки – *гюльба* и сделанная из сыромятной кожи обувь – *трех.* Эти же элементы национального костюма, а также иногда и шапки из овечьей шкуры продолжали носить старики. Мужчины же среднего поколения и особенно молодежь носили одежду только городского типа, причем юноши предпочитали костюмы и сорочки модного для того времени покроя.

В праздники сельские жители – как мужчины, так и женщины, особенно молодые – носили также городскую одежду, модного покроя но из более дорогих тканей. Свадебной одеждой у армян также стала общераспространенная в городах одежда: у невесты весь ансамбль должен был быть белого цвета – платье современного покроя, фата, украшенная цветами, перчатки, туфли, у жениха – черного цвета костюм и белая сорочка. Специальной траурной одежды у сельских жителей, как правило, не было. Обычно молодые и среднего поколения женщины присутствовали во время похорон и поминок в повседневных, нередко пестрых платьях. Лишь пожилые женщины дополняли свой будничный костюм черным головным платком. Мужчины надевали обычную повседневную одежду.

Таким образом, основная тенденция развития одежды сельского армянского населения Нагорного Карабаха во второй половине XX в. сводилась к ее сближению с общеевропейской формой одежды, что наглядно проявлялось в костюме сельской молодежи и представителей среднего поколения, особенно интеллигенции.

Наибольшую устойчивость сохраняет, как известно, национальная пища. Как и в далеком прошлом, во второй половине XX в. она по-прежнему сохраняла среди карабахских армян свой традиционный характер. Так, большой удельный вес в их рационе продолжал занимать пшеничный хлеб, который сельское население предпочитало тогда, особенно в праздники, выпекать дома, что свидетельствовало о стойкости традиции. Значительное место в пищевом рационе по-прежнему отводилось таким разнообразным традиционным мясным, молочным, крупяным и овощным блюдам, как, например, *толма* (*долма*), *хоровац, хашлама, хаш, боз-баш, танов, мацун,* домашние сыры и масло, *куркут, хашил, хавиц, плав, лоби* и т.д. Сохранялось и такое любимое и распространенное только в Карабахе мучное изделие с зеленью, как *женгялов հац.* В качестве сладких блюд употребляли фрукты в свежем и сушеном виде, а также приготовленные в домах сладости – *кяту,* халву, *дошаб,* разные сорта варенья и т.д. Как и в прошлом, широко было распространено маринование и соление овощей и дикорастущих съедобных растений. Эти растения, а также огородную зелень ели в большом количестве в свежем виде, а зелень также сушили и заготовляли впрок для приготовления специальных блюд. К числу традиционных обрядовых блюд по-прежнему относились *куркут* (пшеничная каша) с мясом, отварная курица, яичница с медом, отварная фасоль, из напитков – тутовая водка.

Однако несмотря на устойчиво сохранявшийся в те годы традиционный характер пищи, тем не менее и в ней происходили некоторые изменения. Так, в связи с развитием государственной и кооперативной торговли, пища карабахских армян, как и других народов страны, обогащалась за счет введения в рацион новых продуктов промышленного изготовления, например, макарон, кондитерских изделий и т.д. Кроме того, наблюдалось расширение ассортимента излюбленных блюд за счет освоения рецептов национальной кухни других народов. В частности, во многих сельских семьях, не говоря уже о национально смешанных, стали нередко готовить борщ, соусы, всевозможные салаты, винегреты, котлеты. Примечательно, что соус (отварное мясо с картофелем) вошел в число обрядовых блюд и стал обязательным в свадебной и поминальной пище. Новым стало консервирование на зиму компотов из фруктов и ягод, приготовление разнообразных соков.

Заметные изменения произошли в бытовой утвари местных армян, в традиционной сервировке их стола. В тот период прочно вошла в сельский быт фабричная фарфоровая посуда, металлические ложки, вилки, алюминиевые и эмалированные кастрюли, миски, тазы и т.д. Одновременно продолжала употребляться в быту и традиционная деревянная, медная и глиняная посуда. Так, всюду были распространены глиняные кувшины для хранения вина, молока, *мацуна*, сыра, солений, медная посуда для приготовления некоторых традиционных блюд, медные и деревянные подносы. Воду приносили из родника и хранили в большом деревянном сосуде – *куж.* Широко использовались выдолбленные из ствола дерева или сделанные из глины традиционные маслобойки – *хноци*, деревянные корыта для теста, стирки – *ташт*, различной величины чаны – *кот*, деревянные ложки и черпалки. Традиционную

деревянную и гончарную посуду изготовляли сельские мастера, в частности такими мастерами продолжали славиться села Туми, Хндзиристан, Ннги. Эта посуда пользовалась большим спросом, особенно глиняная, так как была необходимой для приготовления традиционных блюд.

Суммируя приведенные данные по материальной культуре армян Нагорного Карабаха, отмечу, что в 1960–1980-е гг. во всех ее компонентах в той или иной степени наблюдалось своеобразное сочетание традиционных форм с новыми, характерными в целом для армян и других историко-этнографических областей, в результате чего прежняя локальная специфика материальной культуры карабахских армян постепенно стиралась. Важной тенденцией развития материальной культуры всего народа являлось исчезновение значительных в прошлом социальных различий, сближение элементов материальной культуры сельского населения с городским.

Этнокультурные изменения в семье

Известно, что семья как один из важнейших социальных институтов обладает устойчивой этнической спецификой, поскольку основные черты семейного уклада у каждого народа сформировывались на основе глубокой национальной традиции и тесно связаны с его культурой и национальным характером. С одной стороны, семья органически связана со всей жизнью общества, а с другой стороны, она сама как продукт определенной этнической среды оказывает на него влияние главным образом через семью осуществляется важнейший процесс воспроизводства населения в его этническом своеобразии, происходит социализация подрастающего поколения, формирование его духовного облика, национальной идентичности. Поэтому исследование основных процессов, происходящих в семейном быту различных этносов, всегда представляло научный интерес.

Одним из существенных признаков семьи является ее структура, на которую оказывают влияние социально-экономические, этнические, культурно-бытовые и иные факторы.

Собранные материалы свидетельствуют о том, что в исследуемый период преобладающей формой сельской семьи у карабахских армян была малая семья, включавшая обычно родителей, их малолетних или не состоявших в браке детей, нередко престарелых родителей главы семьи (или чаще одного из них – овдовевшего). Малые семьи включали также малолетних или не состоявших в браке братьев и сестер главы семьи.

Проведенное мною по данным похозяйственных книг сельских Советов в 1968–1987 гг. обследование 9886 семей (включая хозяйства одиночек) 24 сел области (в том числе в 19 из них неоднократно) показало (табл. 11), что около половины (46,0%) составляли семьи из двух поколений, но при этом доля их, по сравнению с 1960-ми годами, постепенно снижалась: с 48,9 до 47,7% в 1970-е гг. и 41,4% в 1987 г. Наиболее заметно это произошло в селах Нахиджеваник (с 55,1 до 37,5%), Хндзиристан (с 48,0 до 36,1%), Сос (с 49,8 до 34,8%), Ванк (Мартакертский район) (с 59,3 до 42,2%). К 1987 г., по сравнению с 1970-ми годами, существенно сократилась доля таких семей в селах Вардадзор (с 58,6 до 45,3%), Вардашат (с 66,0 до 35,2%), Атерк (с 55,9 до 45,0%). В то же время в некоторых других селах доля таких семей к 1987 г., напротив, несколько увеличилась: в селах Гиши (с 44,9 до 49,1%), Таг (с 33,3 до 45,5%) и особенно Кармракуч (с 39,2 до 64,9%). По своей структуре двухпоколенные семьи в подавляющем большинстве представляли собой семьи из родителей (намного реже – одного из них) и их неженатых (незамужних) детей. Наряду с ними были зафиксированы и такие двухпоколенные семьи, многие из которых состояли из представителей старшего поколения (либо одного из них) и их внуков.

Треть семей (33,1%) составили однопоколенные семьи (включая хозяйства одиночек), но доля этих семей варьировала в исследуемый период не столь заметно: от 31,7% в 1960-е гг. до 34,2% в 1970-е гг. и 33,4% в 1987 г. Наибольшее увеличение доли таких семей к 1987 г., по сравнению с 1960-е гг., произошло в тех же селах, в которых наблюдалось сокращение доли семей из двух поколений: в селах Нахиджеваник (с 25,2 до 43,0%), Хндзиристан (с 37,0 до 45,9%), Сос (с 16,1 до 29,6%), Ванк (Мартакертский район) (с 22,7 до 37,4%), Талыш (с 13,8

до 36,5%). Однопоколенные семьи представляли собой главным образом семьи одиноких стариков-родителей (или одного из них), дети которых жили либо в этом же селе, но отдельно, либо, что наблюдалось чаще, переехали в города, в основном Армении или России. Обследование 1970-х и 1987 гг. показало, что из общего числа (2362) однопоколенных семей в 2066 семьях, т.е. в 87,5%, жили либо только пожилые супружеские пары (в 777 случаях), либо одиночки – пожилая женщина (в 1151 случае) или старик (в 138 случаях). Наличие во всех селах столь большого числа подобных семей, доля которых увеличилась с 85,3% в 1970-е гг. до 90,7% в 1987 г., было связано с интенсивным процессом вынужденной миграции из области армянской молодежи.

Меньший удельный вес составили семьи из трех поколений (20,1%), объединявшие, как правило, родителей (чаще одного из них – овдовевшего) и одного женатого сына с детьми. Доля таких семей к 1987 г., по сравнению с 1960-ми гг., несколько увеличилась: с 18,8 до 24,1%, что можно было объяснить, с одной стороны, трудностями, связанными с постройкой нового дома для женившегося сына, а с другой стороны, нежеланием детей оставлять своих пожилых родителей одних.

Семьи с четырьмя поколениями составляли буквально единицы и то не во всех селах. Их было зафиксировано в 1960-е гг. в 14 селах -14 (0,6%), в 1970-е гг. в 23 селах– 33 (0,7%), в 1987 г. в 11 селах – 33 (1,1%); всего за эти годы процент их составил 0,8%.

Неразделенные семьи в те годы были крайне редкими. Если еще в 1950-х–начале 1960-х годов можно было их встретить, то в дальнейшем они почти все разделились. Так, в 1972 г. в селе Шош была зафиксирована только одна неразделенная семья из 13 человек, состоявшая из родителей и трех женатых сыновей. Но эта семья была уже накануне своего раздела, так как старший сын построил в селе новый дом и должен был вскоре переехать в него с женой и двумя детьми, а средний сын с женой и сыном собирался переехать в город Степанакерт. С родителями оставался, как того требовала традиция, младший сын с женой и двумя детьми. В том же году одна неразделенная семья двух женатых братьев из 6 человек была отмечена мною в селе Ванк Мартакертского района (ПМА. 1972).

Известно, что в селах Нагорного Карабаха давно уже наметилась тенденция к делению больших патриархальных семей. Так, еще во время своей поездки в 1924 г. С.Д. Лисицян отмечал: «Есть, однако, основание думать, что в древности, как это и теперь замечается даже в самых глухих районах Нагорного Карабаха, здесь не любили селиться вместе обширными, разросшимися семействами, охватывающими несколько поколений, и очень рано взрослые женатые сыновья или братья откалывались от основного очага в самостоятельную хозяйственную единицу и обзаводились своим отдельным домом. По крайней мере, все опросы относительно последних 3-4 поколений указывают на установившийся издавна обычай такого раннего выделения взрослых сыновей и братьев. При этом очень характерным является тот факт, что при переходе в новое помещение обособившаяся семья не имела обыкновения (как это делалось в других провинциях) брать с собой огонь из родительского очага для разведения первого огня у себя» (*Лисицян*, 1925.С. 100).

В исследуемый мною период в Нагорном Карабахе встречались также семьи, в которые входили и родственники по боковой линии. Так, в поселке Гадрут в двух семьях жили племянницы глав семей (дочери братьев); в селе Сос в семье А. жила вдова брата главы семьи, в семье Х. – двое детей умершей сестры главы семьи, в семье А. – неженатый брат его отца (1893 г. рожд.); в селе Ванк Мартакертского района в одной семье жила дочь сестры главы семьи; в селе Хндзиристан в одной семье жила дочь *керри* (дяди по материнской линии) главы семьи. Иногда с семьей брата жила его незамужняя сестра, например, в двух семьях в селе Сос, в одной семье в селе Ванк (ПМА. 1972).

В некоторых сельских семьях жили зятья-примаки, и хотя отношение к ним в те годы, по сравнению с прошлым, во многом переменилось, среди старшего поколения продолжала еще бытовать традиция отрицательного отношения к примачеству. Обычно в доме жены поселялся приезжий мужчина, который еще не успел обзавестись собственным хозяйством,

или же когда его жена была единственной дочерью и мужчин в семье не было. Например, в селе Сос в семье А. было 9 человек: глава семьи, его жена, дочь с мужем (примаком), четверо их детей и жена внука. В семье М. в этом же селе было 6 человек: глава семьи – женщина, ее дочь с мужем (примаком) и трое их детей. В обоих случаях сыновей в семье не было (ПМА. 1972).

Для сравнения приведу собранные мною в тот же период в разных историко-этнографических областях Армении полевые материалы по поколенному составу семей (табл. 12), резко отличавшиеся по этому признаку от семей карабахских армян и иллюстрировавшие иную тенденцию, в частности к сокращению и без того небольшой в них доли однопоколенных семей (с 14,3 до 7,4%) и к увеличению доли семей из двух (с 59,9 до 62,8%) и трех (с 25,3 до 28,7%) поколений, что свидетельствовало о разных условиях формирования семейной структуры армян в Нагорном Карабахе и в Армении.

Таблица 11

Распределение семей по числу поколений в Нагорно-Карабахской АО*

Село, район	Годы обследования	Всего семей (включая одиночек)	В том числе с числом поколений, в %			
			1	2	3	4
Аветараноц, Аскеранский	1974 1987	261 252	32,6 28,6	51,7 48,8	15.8 21,8	0.4 0,8
Вардадзор, «-«	1975 1987	128 117	26,6 29,9	58,6 45,3	14,8 23,1	- 1,7
Нахиджеваник, «-«	1968 1975 1987	127 130 128	25,2 33,8 43,0	55,1 46,9 37,5	19,7 18,5 17,9	- 0,8 1,6
Хндзиристан, «-«	1968 1974 1987	227 220 194	37,0 39,1 45,9	48,0 49,1 36,1	13,7 10,9 18,0	1,3 0,9 -
Шош, «-«	1968 1972	178 164	35,4 36,0	50,6 50,6	14,0 12,8	- 0,6
Гиши, Мартунинский	1974 1987	254 287	16,1 17,4	44,9 49,1	37,0 32,8	2,0 0,7
Нги, «-«	1974	123	36,6	46,3	17,1	-
Сос, «-«	1968 1974 1987	243 256 247	16,1 18,0 29,6	49,8 49,2 34,8	33,3 32,0 35,2	0,8 0,8 0,4
Тагавард, «-«	1972	167	27,5	50,3	21,6	0,6
Азох, Гадрутский	1974 1987	181 181	44,2 32,6	46,4 42,5	9,4 24,3	- 0,6
Айгестан, «-«	1969 1974	46 49	23,9 24,5	58,7 49,0	17,5 24,5	- 2,0
Ванк, «-«	1969 1974	44 35	31,8 25,7	36,4 40,0	29,5 31,4	2,3 2,9
Вардашат, «-«	1969 1974	47 71	21,3 45,1	66,0 35,2	12,7 18,3	- 1,4
Кармракуч, «-«	1969 1974	74 57	40,5 24,6	39,2 64,9	20,3 10,5	- -
Мец Тагер, «-«	1974	445	36,4	48,5	14,2	0,9
Норашен, «-«	1969 1974	20 10	75,0 80,0	25,0 20,0	- -	- -
Таг, «-«	1969 1974	39 55	53,9 43,6	33,3 45,5	12,8 10,9	- -
Тагасер, «-«	1969 1974	144 127	35,4 37,8	49,3 48,0	14,6 14,2	0,7 -
Тог, «-«	1974 1987	221 196	45,7 48,5	44,8 39,8	9,5 11,7	- -
Туми, «-«	1974	297	42,4	41,4	15,5	0,7

Атерк, Мартакертский	1975 1987	587 545	21,3 18,2	55,9 45,0	22,6 34,1	0,2 2,7
Ванк, «-«	1968 1975 1987	331 282 348	22,7 30,9 37,4	59,3 52,5 42,2	17,7 16,3 19,3	0,3 0,3 1,1
Мохратаг, «-«	1968	210	11,9	54,3	33,3	0,5
Талыш, «-«	1968 1975 1987	508 532 501	13,8 19,7 36,5	59,6 57,1 34,9	24,6 22,4 27,0	2,0 0,8 1,6
Итого	1960-е гг.	2238	31,7	48,9	18,8	0,6
	1970-е гг.	4652	34,2	47,7	17,4	0,7
	1987 г.	2996	33,4	41,4	24,1	1,1

Таблица 12

Распределение сельских семей по числу поколений в Армянской ССР*

Годы обследования	Всего семей (включая одиночек)	Число поколений в семье (%)			
		1	2	3	4
1965–1967	4062	14,3	59,9	25,3	0,5
1971, 1976, 1977	4970	13,9	61,3	24,3	0,5
1979, 1981, 1983, 1985	11 088	7,4	62,8	28,7	1,1

**Составлено по данным похозяйственных книг сельских Советов 20 сел в 1960-е гг., 23 сел в 1970-е гг. и 46 сел в 1979 и в 1980-е гг. (Тер-Саркисянц, 1998.С. 144).*

Со структурой семьи связан вопрос и о ее численности. Проведенное обследование 9886 семей карабахских армян (табл. 13) показало, что в целом за почти 20-летний период с 1968 по 1987 гг. примерно в каждом пятом случае (19,5%) жили только одиночки, а вместе с малочисленными семьями в 2–3 человека их было большинство (47,1%), т.е. почти половина. Чуть больше четверти (25,7%) представляли собой семьи в 4–5 человек; примерно каждая пятая семья (21,4%) состояла из 6–7 человек и только 5,8% семей были многочисленными – в 8 и более человек. При этом в 1970-е гг., по сравнению с 1960-ми гг., несколько увеличилась доля одиночек и малочисленных семей в 2–3 человека (соответственно с 19,7 до 20,1% и с 26,4 до 29,1%). Особенно заметно это произошло в селах Нахиджеваник (с 12,6 до 16,2%), Вардашат (с 14,9 до 31,0%) и Талыш (с 6,0 до 11,3%). К 1987 г., по сравнению с 1970-ми гг., доля одиночек и семей в 2–3 человека, хотя и несколько сократилась до 46,1%, но по-прежнему оставалась высокой.

Собранные мною в первой половине 1980-х годов идентичные материалы по 12 264 хозяйствам 46 сел Армении выявили иную картину: там одиночки составили лишь 9,6%, малочисленные семьи в 2–3 человека – 20,2%, многочисленные семьи в 8 и более человек – 11,4% (ПМА. 1981, 1983, 1985).

Эту же разницу в численном составе армянских семей в Нагорном Карабахе и в Армении иллюстрируют и материалы переписи 1979 г.: в Нагорном Карабахе средний размер городской семьи (в эту рубрику не были включены одиночки) равнялся 4,4 чел., сельской – 4,6 чел., в Армении – соответственно 4,5 и 5,2 чел. (Численность и состав населения СССР. 1984. С. 248, 249, 316, 317).

Таблица 13

Распределение семей по численному составу в Нагорно-Карабахской АО*

Село, район	Годы обследования	Всего семей (включая одиночек)	В том числе одиночки, %	Семьи, состоящие из (число человек), %			
				2-3	4-5	66-7	88 и более
Аветараноц, Аскеранский	1974 1987	261 252	22,6 22,2	20,7 21,0	21,1 30,6	28,7 21,8	6,9 4,4

Вардадзор, «-«	**1975** **1987**	**128** **117**	**9,4** **12,8**	**30,5** **32,5**	**26,5** **30,8**	**28,9** **18,8**	**4,7** **5,1**
Нахиджеваник,«-«	**1968** **1975** **1987**	**127** **130** **128**	**12,6** **16,2** **21,1**	**30,6** **30,8** **32,0**	**16,6** **24,6** **24,2**	**26,8** **19,2** **18,8**	**13,4 9,2** **3,9**
Хндзиристан,«-«	**1968** **1974** **1987**	**227** **220** **194**	**26,4** **27,3** **26,8**	**23,8** **25,9** **33,0**	**19,4** **19,5** **21,1**	**22,9** **20,5** **15,5**	**7,5 6,8** **3,6**
Шош, «-«	**1968** **1972**	**178** **164**	**21,9** **22,0**	**25,8** **32,9**	**26,4** **22,0**	**20,8** **21,3**	**5,1 1,8**
Гиши, Мартунинский	**1974** **1987**	**254** **287**	**7,5** **9,0**	**18,9** **20,6**	**22,0** **33,8**	**33,9** **31,0**	**17,7 5,6**
Нги, «-«	**1974**	**123**	**21,1**	**35,0**	**26,0**	**13,0**	**4,9**
Сос, «-«	**1968** **1974** **1987**	**243** **256** **247**	**8,2** **9,0** **15,8**	**22,2** **23,8** **24,7**	**23,9** **23,4** **24,7**	**35,8** **34,4** **28,7**	**9,9 9,4** **6,1**
Тагавард, «-«	**1972**	**167**	**18,6**	**26,9**	**20,3**	**24,0**	**10,2**
Азох, Гадрутский	**1974** **1987**	**181** **181**	**33,7** **23,8**	**23,8** **21,5**	**23,2** **24,9**	**14,3** **26,5**	**5,0 3,3**
Айгестан, «-«	**1969** **1974**	**46** **49**	**8,7** **8,2**	**30,4** **26,5**	**37,0** **44,9**	**21,7** **16,3**	**2,2 4,1**
Ванк, «-«	**1969** **1974**	**44** **35**	**27,3** **5,7**	**20,4** **31,4**	**31,8** **40,0**	**15,9** **17,1**	**4,6 5,8**
Вардашат, «-«	**1969** **1974**	**47** **71**	**14,9** **31,0**	**25,5** **36,6**	**38,2** **14,1**	**21,4** **16,9**	**-** **1,4**
Кармракуч, «-«	**1969** **1974**	**74** **57**	**32,4** **17,5**	**27,1** **22,9**	**28,4** **42,1**	**10,8** **17,5**	**1,3** **-**
Мец Тагер, «-«	**1974**	**445**	**20,0**	**33,5**	**23,2**	**17,5**	**5,8**
Норашен, «-«	**1969** **1974**	**20** **10**	**8,7** **8,2**	**30,4** **26,5**	**37,0** **44,9**	**21,7** **16,3**	**2,2 4,0**
Таг, «-«	**1969** **1974**	**39** **55**	**33,3** **36,3**	**25,6** **20,0**	**23,1** **32,8**	**12,8** **10,9**	**5,2 -**
Тагасер, «-«	**1969** **1974**	**144** **127**	**22,2** **24,4**	**30,6** **32,2**	**27,1** **26,0**	**16,0** **15,8**	**4,1 1,6**
Тог, «-«	**1974** **1987**	**221** **196**	**23,5** **29,6**	**38,9** **30,6**	**19,4** **28,1**	**16,7** **11,2**	**1,5 0,5**
Туми, «-«	**1974**	**297**	**24,9**	**34,0**	**20,9**	**16,2**	**4,0**
Атерк, Мартакертский	**1975** **1987**	**587** **545**	**12,8** **9,9**	**19,1** **22,6**	**19,4** **27,9**	**33,9** **31,2**	**14,8 8,4**
Ванк, «-«	**1968** **1975** **1987**	**331** **282** **348**	**16,3** **18,1** **18,1**	**23,6** **24,8** **29,3**	**25,7** **25,9** **28,4**	**27,8** **24,8** **21,3**	**6,6 6,4** **2,9**
Мохратаг, «-«	**1968**	**210**	**6,2**	**20,0**	**32,4**	**30,5**	**10,9**
Талыш, «-«	**1968** **1975** **1987**	**508** **532** **501**	**6,0** **11,3** **17,0**	**18,4 9,4** **33,5**	**19,5** **16,2** **22,9**	**33,9** **34,6** **19,2**	**22,2** **18,5** **7,4**
Итого	**1960-е гг.**	**2238**	**19,7**	**26,4**	**26,0**	**21,2**	**6,7**
	1970-е гг.	**4652**	**20,1**	**29,1**	**24,1**	**20,7**	**6,0**
	1987 г.	**2996**	**18,7**	**27,4**	**27,0**	**22,2**	**4,7**
Всего	**За 1960-87 гг.**	**9886**	**19,5**	**27,6**	**25,7**	**21,4**	**5,8**

**Рассчитано по данным похозяйственных книг сельских Советов (ПМА. 1968, 1969, 1972, 1974, 1975 и 1987).*

Соответственно и средняя численность семьи в карабахских селах была сравнительно невысокой. Особенно низкой она была в селах Гадрутского района: в селах Азох – 3,3 чел., Туми и Тагасер – по 3,4 чел., Мец Тагер – 3,7 чел., а также в селах Шош и Хндзиристан Аскеранского района – 3,7 и 3,8 чел. Несколько выше она была в селах Нахиджеваник (4,0 чел.), Аветараноц (4,1 чел.), Вардадзор (4,3 чел.) Аскеранского района, селе Тагавард Мартунинского района (4,1 чел.), а наиболее высокой – в селах Атерк (4,9 чел.), Талыш (5,2

чел.) Мартакертского района и в селах Гиши и Сос Мартунинского района – 5,1 чел. (ПМА. 1972, 1974, 1975).

Чтобы представить, насколько изменилась средняя численность семей, например, в 1969 г., по сравнению со средней численностью семей в конце XIX в. в одних и тех же поселениях Нагорного Карабаха, приведу включенные в табл. 14 следующие данные:

Таблица 14

Средняя численность семьи

Поселение	Данные камерального описания 1886 г.*			Данные 1969 г.**		
	Число дымов	Число душ обоего пола	Средняя численность семьи	Число семей (включая одиночек)	Число человек	Средняя численность семьи
Гадрут	252	1873	7,4	318	1189	3,7
Тагасер	104	831	8,0	144	503	3,5
Ванк	30	259	8,6	44	164	3,7
Таг	33	301	9,1	39	124	3,2
Норашен	17	219	12,9	20	40	2,0
Кармракуч	47	451	9,6	74	223	3,0
Айгестан	20	122	6,1	46	187	4,1
Всего	503	4056	8,1	685	2430	3,5

**Данные камерального описания 1886 г. составлены по: Давидбеков, 1888. С. 167. Средняя численность семьи вычислена автором.*

***Рассчитано по данным похозяйственных книг Гадрутского поселкового Совета. В пос. Гадрут было обследовано 50% семей (ПМА. 1969).*

Таким образом, за 83 года во всех обследованных селах Гадрутского района в результате существенного сокращения численности их населения и одновременно увеличения числа дымов (семей) наблюдалось заметное сокращение средней численности семьи, что произошло под влиянием происшедших за эти годы разного рода негативных факторов, в частности политических, социально-экономических, культурно-бытовых, постоянно вызывавших миграции армянского сельского населения.

В связи с неоднородной социальной структурой населения Нагорно-Карабахской АО в исследуемый период, естественно, были неоднородны в социальном отношении и сельские семьи. Например, в 1969 г. в селе Туми из 312 семей 259 (83,0%) были семьями колхозников, а 53 (17,0%) – рабочих и служащих; в селе Тог из 351 семьи – соответственно 184 (52,4%) и 167 (47,6%); в селе Мец Тагер из 429 семей 274 (63,9%) были семьями рабочих совхоза, а 155 (36,1%) – рабочих и служащих промкомбината, ковровой фабрики, лесхоза, больницы, школы (ПМА. 1969).

В этом плане небезынтересно проследить, какое влияние социальная структура оказывала на численный и поколенный состав различных в социальном отношении семей. В качестве примера приведу материалы по Гадрутскому поселковому Совету, которые, как было отмечено, дают возможность распределить семьи по социальной принадлежности только главы семьи. Но поскольку в этих селах преобладали семьи сравнительно небольшие, в которых часто только глава семьи принимал участие в общественном производстве, то с некоторой поправкой распределение семей по социальной принадлежности главы семьи должно было отражать также и картину социальной принадлежности семьи в целом (табл. 15, 16).

Таблица 15

Численность различных в социальном отношении семей*

	Численный состав семей (%), где главы:											
	колхозники						рабочие или служащие					
Селение	1 чел.	2–3 чел.	4–5 чел.	6–7 чел.	8 и более	Всего семей	1 чел.	2–3 чел.	4–5 чел.	6–7 чел.	8 и более	Всего семей
Гадрут	20,0	31,0	27,0	19,0	3,0	100	17,4	25,2	38,6	16,1	2,7	218
Тагасер	30,2	30,5	15,1	16,3	7,0	86	10,3	29,3	44,9	15,5	-	58
Ванк	30,3	21,2	30,3	15,2	3,0	33	18,2	18,2	36,3	18,2	9,1	11
Таг	36,0	28,0	16,0	16,0	4,0	25	28,6	21,4	35,7	7,1	7,2	14
Норашен	40,0	45,0	15,0	-	-	20	-	-	-	-	-	-
Кармра-куч	31,0	31,1	24,1	12,1	1,7	58	37,5	12,5	43,7	6,3	-	16
Айгестан	9,1	27,3	36,3	24,3	3,0	33	7,7	38,4	38,5	15,4	-	13
Варда-шат	19.5	25,0	36,1	19,4	-	36	-	27,3	45,4	27,3	-	11

**Рассчитано по данным похозяйственных книг Гадрутского поселкового Совета. В пос. Гадрут было обследовано 50% семей (ПМА. 1969).*

Таблица 16

Число поколений в различных в социальном отношении семьях*

Селение	Число поколений в семьях (%), где главы:									
	колхозники					рабочие или служащие				
	1	2	3	4	Всего семей	1	2	3	4	Всего семей
Гадрут	27,3	48,5	24,2	-	33	15,4	84,6	-	-	13
Тагасер	46,5	33,7	18,6	1,2	86	19,0	72,4	8,6	-	58
Ванк	36,4	30,3	30,3	3,0	33	18,2	54,5	27,3	-	11
Таг	64,0	20,0	16,0	-	25	35,7	57,2	7,1	-	14
Норашен	75,0	25,0	-	-	20	-	-	-	-	-
Кармракуч	41,4	36,2	22,4	-	58	37,5	50,0	12,5	-	16
Айгестан	27,3	48,5	24,2	-	33	15,4	84,6	-	-	13
Вардашат	25,0	58,3	16,7	-	36	9,1	90,9	-	-	11

**Рассчитано по данным похозяйственных книг Гадрутского поселкового Совета. В пос. Гадрут было обследовано 50% семей (ПМА. 1969).*

Сравнивая численный и поколенный состав различных в социальном отношении семей, нетрудно заметить, что семей колхозников по численному составу, как правило, были меньше, чем семей рабочих и служащих. Среди них было много одиночек и семей из 2–3 человек. Большинство же семей рабочих и служащих состояло из 4–5 человек. Это объясняется тем, что рабочими и служащими были обычно люди среднего и молодого поколения, имевшие полную семью, т.е. жену и детей, а колхозниками – в основном представители старшего поколения, дети которых большей частью переехали в города. В связи с этим среди колхозников в большинстве обследованных селений преобладали однопоколенные семьи, затем шли двухпоколенные, а среди рабочих и служащих четко прослеживались семьи с двумя поколениями. Поэтому и средняя численность этих семей была выше, чем численностьсемей колхозников. Например, в пос. Гадрут средняя численность семей рабочих и служащих была равна 3,8 чел., а семей колхозников – 3,6 чел.; в селе Ванк – соответственно 4,2 и 3,5; в селе Тагасер – 3,8 и 3,3; в селе Вардашат – 4,4 и 3,7 и т.д.

Между тем в селах Армянской ССР наблюдалась иная картина. Во-первых, там все семьи, независимо от социальной принадлежности, по численности были больше, чем семьи карабахских армян, а во-вторых, семьи колхозников превосходили по численности семьи рабочих. Так, средняя численность семей колхозников в республике равнялась 5,1 чел., а семей рабочих – 4,8 чел. (*Тер-Саркисянц*, 1972б. С. 60, 61).

Понятно, что размер семьи во многом зависит от числа в ней детей, число которых, в свою очередь, связано с возрастным составом семьи, особенно с возрастом женщины. От числа детей в семье зависела в известной мере и возможность участия женщины в общественном производстве, ее социальная активность в разные возрастные периоды. Мои наблюдения показали, что полные сельские семьи карабахских армян, в которых имелись женщины фертильного возраста, по-прежнему стремились иметь нескольких, нередко трех-четырех детей, что отражало их конкретную ценностную ориентацию. Однако постепенно в селах отмечалось снижение уровня рождаемости. Происходившие по вопросу детности семей изменения на примере обследованных мною 6 сел Нагорного Карабаха за период с 1974–1975 годов до 1987 г. включительно иллюстрируют данные табл.17:

Таблица 17

Распределение семей по числу в них детей до 17 лет (в %)*

Село, район	Годы обследования	Всего семей	Число детей в семье				Нет детей
			1	2–3	4–5	6 и более	
Нахиджеваник, Аскеранский	1975 1987	130 128	13,1 11,7	27,7 25,8	11,5 5,5	0,8 -	46,9 57,0
Вардадзор, «-«	1975 1987	128 117	10,9 15,4	32,0 26,5	14,8 5,1	0,8 -	41,5 53,0
Хндзиристан, «-«	1974 1987	220 194	13,2 12,9	23,8 21,6	22,5 4,2	3,5 1,0	37,0 60,3
Атерк, Мартакертский	1975 1987	587 545	12,1 18,7	29,8 36,1	21,1 8,2	4,6 -	33,4 36,9
Ванк, «-«	1975 1987	282 348	17,7 10,9	18,1 32,2	12,1 7,1	1,0 0,3	51,1 49,4
Талыш, «-«	1975 1987	582 501	12,6 13,6	28,0 23,3	19,0 8,8	3,9 0,6	36,5 53,7
Итого	1972, 1975 гг.	1886	13,2	26,5	16,8	2,4	41,1
	1987 г.	1833	13,9	27,6	6,5	0,3	51,7

**Рассчитано по данным похозяйственных книг сельских Советов. Процент вычислен автором.*

Таким образом, к 1987 г., по сравнению с серединой 1970-х годов, доля многодетных семей, имевших от 4-х детей и более в возрасте до 17 лет, в целом в 6 селах существенно снизилась – с 19,2 до 6,8%. Подобные изменения были зафиксированы во всех селах, особенно в селах Хндзиристан – с 26,0 до 5,2%, Атерк – с 25,7 до 8,2% и Талыш – с 22,9 до 9,4%. Одновременно в целом несколько увеличилась доля семей, имевших от одного до трех детей – с 39,7 до 41,5%. Однако это увеличение произошло только в двух селах – Атерк (с 41,9 до 54,8%) и Ванк (с 35,8 до 43,1%). В остальных четырех селах доля и этих семей снизилась, правда, не на много: в селе Нахиджеваник – с 40,8 до 37,5%, Вардадзор – с 42,9 до 41,9%, Хндзиристан – с 37,0 до 34,5%, Талыш – с 40,6 до 36,9%. Поскольку в селах Нагорного Карабаха, как было отмечено выше, довольно широко были распространены семьи, состоящие из пожилых супружеских пар (либо одинокой пожилой женщины или старика), имевших уже взрослых детей, которые жили отдельно от них, постольку большой процент обследованных семей попал в графу «не имевших детей в возрасте до 17 лет». Причем доля таких семей за данный период в целом существенно увеличилась – с 41,1 до 51,7%, особенно в селах Вардадзор – с 41,5 до 53,0%, Хндзиристан – с 37,0 до 60,3%, Талыш – с 36,5 до 53,7%. Конечно, этот факт можно объяснить и общим снижением рождаемости в бывшем СССР, что было вызвано, в частности процессом урбанизации, увеличением занятости женщин в общественном производстве, ростом образовательного и культурного уровня населения. Однако, по моим данным, среди армян в селах Армянской ССР такие семьи составляли лишь немногим более четверти всех семей (*Тер-Саркисянц*, 1990. С. 413), что свидетельствовало о разных условиях социально-экономического быта армян Нагорного Карабаха и армян Армении.

С сокращением количества детей в семьях шло сокращение и числа детей школьного возраста. Например, если в средней школе села Туми Гадрутского района в 1943/44 учебном году было 469 учеников, то в 1950/51 г. их стало 310, в 1955/56 г. – 218, в 1965/66 г. – 215, в 1975/76 г. – 198, в 1985/86 г. – 142, а в период конфликта в 1990/91 г. число школьников в этой школе сократилось до126 (*Газарян*, 2003. С. 86, 87).

К числу немаловажных показателей для определения различных типов семьи относится решение вопроса о главенстве в семье. Анализ собранных материалов показал, что в исследуемый период для армян Нагорного Карабаха (как и Армении) оставался характерным традиционный подход к определению главы семьи, т.е. большинство семей возглавлял старший в доме мужчина. Таких семей в 1968–1969 гг. было зафиксировано 1035 из 1725, или 60,0%, а в 1974–1975 гг. – 2708 из 4503, что составило тот же процент (60,1). Однако несмотря на то, что на роль главы семьи продолжала оказывать влияние традиция, тем не менее глава семьи в те годы уже не являлся единоличным распорядителем семейной собственности, его власть основывалась не на имущественных правах, как в прошлом, а на моральном авторитете, уважении со стороны остальных членов семьи.

Хотя сравнение результатов проведенного мною по данному вопросу обследования 1725 семей 13 сел в 1968–1969 гг. и 4503 семей 18 сел в 1974–1975 гг. (причем в 12 из них обследование было проведено повторно) не могло, естественно, выявить существенных отличий за столь небольшой временной срок, все же можно было наметить некоторую тенденцию. Так, в 1968–1969 гг. из 129 трехпоколенных семей, в которых вместе с семьей женатого сына жили его родители или только отец, в 119 семьях (92,3%) главой был отец, а в 10 (7,7%) – сын; из 278 трехпоколенных семей, в которых вместе с семьей женатого сына жила только мать, 138 семей (49,6%) возглавляла она, а 140 (50,4%) – сын. В 1974-1975 гг. сохранялось почти то же соотношение, лишь несколько увеличился процент семей, возглавляемых женатым сыном при матери (с 50,4 до 52,4%).

Как при первом, так и при втором обследовании были выделены семьи, возглавляемые вопреки традиционным нормам представителями молодого поколения при жизни более старших по возрасту членов семьи, например, овдовевшей невесткой при свекрови, неженатым сыном или незамужней дочерью при матери, зятем при тёще и даже при тесте. Противоречило традиции и главенство женатого сына при отце, что в прошлом случалось исключительно редко: когда отец был слишком стар или болен и не мог более управлять семьей. Подобных семей в 1968–1969 гг. было отмечено 40, или 2,3%, а в 1974–1975 гг. – 135, или 3,0%. Хотя и в исследуемый период такие семьи были весьма редкими, тем не менее появление их было важным фактом, в чем решающую роль играло образование и общий культурный уровень молодого поколения. Сохранял свое значение и материальный фактор, когда представители молодого поколения – главы семей вносили основную долю в семейный бюджет, являясь иногда и единственными кормильцами в семьях. В то же время важно отметить, что хотя в большинстве семей по традиции главой формально считался старший по возрасту, к которому относились с должным уважением, признавая его жизненный опыт, все же получившие образование представители молодого поколения имели в семье значительный авторитет, к их мнению прислушивались и старшие.

Семейная касса находилась, как правило, у жены главы семьи, а в тех семьях, где главой была признана женщина, она ведала и бюджетом семьи. Однако все более или менее крупные денежные расходы в семье производились с согласия всех ее взрослых членов.

Таким образом, при сохранении в целом традиционного определения главы семьи в то же время в семьях карабахских армян того периода наблюдались и некоторые изменения: появлялись семьи, фактически возглавляемые образованными представителями молодого поколения при жизни более старших по возрасту, происходило постепенное сокращение авторитарных семей и соответственно увеличение числа семей, для которых было характерно становление эгалитарных связей между родителями и их взрослыми детьми. Подобные изменения были характерны и для армян Армянской ССР.

Отмечалось и новое положение карабахской армянки в семье, рост ее авторитета и независимости. Если в прошлом, не принимая участия в общественном производстве, молодая женщина в семье мужа, кроме приданого, не имела своего личного имущества, то теперь, когда она участвовала наравне с мужем и остальными членами семьи в общественном производстве, она уже имела собственный источник дохода. Экономическая самостоятельность, роль женщины в обществе повлияли на изменение ее положения и в семье.

Разумеется, вовлечение женщин в общественное производство было сложным и длительным процессом. Надо было преодолеть традиционный взгляд на армянку как на домашнюю хозяйку, принадлежащую только семейному очагу. Поэтому потребовалось немало времени, прежде чем женщины стали активными участниками общественного производства. Большую роль сыграли в этом суровые испытания Великой Отечественной войны, когда женщинам пришлось заменить мужчин во всех отраслях колхозного производства. В 1970-е гг. женщины составляли заметную долю занятого населения в колхозах и совхозах Нагорно-Карабахской АО. Так, в селе Шош из 332 колхозников было 180 женщин, в селе Атерк из 324 колхозников – 189 женщин, в совхозе села Мец Тагер из 214 рабочих – 97 женщин и т.д. Среди женщин было немало награжденных орденами и медалями. В области были широко известны имена женщин – Героев Социалистического Труда: Гоар Саринян (село Сейдишен), Катан Авагимян (село Кятук), Кнарик Аракелян (село Сарушен), Гоар Амирян (село Гиши). Особо прославилась Герой Социалистического Труда, дважды награжденная орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени Егуш Лалаян (село Нижний Оратаг). Среди женщин были депутаты ВС Азербайджанской ССР, например звеньевая колхоза «Нор кянк» Мартакертского района Лемма Арушанян, зоотехник колхоза им. Ленина Степанакертского района Женя Манасян. В селах работали заслуженный хлопкороб Марал Маркарян (село Талыш), заслуженные учителя Сарик Аванесян (село Цоватех) и Галина Бадасян (село Мец Тагер). Ответственный пост председателя сельского Совета села Шош занимала Нерсик Арушанян (ПМА. 1972, 1974, 1975).

Социальный состав сельских семей накладывал определенный отпечаток и на их бюджет, который складывался не только из заработков, получаемых за труд в сельском хозяйстве. В бюджет семьи входила и зарплата тех ее членов, которые были заняты на промышленных предприятиях или в учреждениях. Но основную роль продолжал играть доход, получаемый от сельскохозяйственного производства, поскольку большая часть сельского населения области была занята в колхозном (или совхозном) производстве. На конец 1968 г. в автономии было 70 колхозов и 10 совхозов (Нагорный Карабах за годы Советской власти. 1970. С. 75).

Определенный дополнительный доход сельская семья имела от своего личного хозяйства. Он складывался из продукции, получаемой от приусадебного участка и от находившегося в личном пользовании скота. Размеры приусадебных участков, зависевшие от земельного фонда того или иного колхоза или совхоза, не были одинаковы. В большинстве это были участки от 1000 до 1500 кв. м. Например, в селах Нахиджеваник, Шош Аскеранского района и Талыш Мартакертского района приусадебные участки были распределены между семьями следующим образом (табл. 18):

Таблица 18

Размеры приусадебных участков сельских семей*

Размер приусадебного участка, кв. м	Нахиджеваник		Шош		Талыш	
	число семей	%	число семей	%	число семей	%
До 1000	67	52,8	92	51,7	112	22,1
1500	44	34,6	80	44,9	148	29,1
2000	15	11,8	2	1,1	101	19,9
2500	1	0,8	-	-	147	28,9
Нет участка	-	-	4	2,3	-	-
Всего семей	127	100,0	178	100,0	508	100,0

**Рассчитано по данным похозяйственных книг сельских Советов. Процент вычислен автором (ПМА. 1968)*

В число обследованных семей входили все сельские семьи, среди которых семьи рабочих и служащих имели меньшие по размеру приусадебные участки. Например, в селе Туми Гадрутского района семьи колхозников имели участки в среднем по 1500 кв. м, а семьи рабочих и служащих – по 1000 кв. м; в селе Аракюль этого же района – соответственно по 1500 и 750 кв. м, в селе Ванк Мартакертского района – по 2000 и 1200 кв. м (ПМА. 1968, 1969). На приусадебных участках карабахские армяне сажали главным образом огородно-бахчевые культуры, а также яблоневые, грушевые и тутовые деревья. В основном эти продукты шли на собственное потребление в семье и лишь небольшая часть – на рынок.

С повышением доходов сельских семей менялась и структура их расходов: хотя расходы на питание в целом росли, доля их в общей сумме расходов становилась меньше; в то же время заметно увеличивалась доля расходов на покупку промышленных товаров, в том числе шерстяных, шелковых тканей, кожаной обуви, а также мебели, посуды, радиоприемников, телевизоров, холодильников, стиральных машин и других предметов, свидетельствовавших не только о материальных возможностях сельских семей, но и об их возросших культурных запросах. Например, если в 1964 г. сельскими семьями области было куплено 118 стиральных машин, 154 холодильника, 132 телевизора, мебели на сумму 386,8 тыс. руб., то в 1968 г. эти показатели были значительно выше: 890 стиральных машин, 613 холодильников, 972 телевизора, мебели на сумму 1006 тыс. руб. (Нагорный Карабах за годы Советской власти, 1970.С. 166, 167). Заметную статью расходов, особенно в семьях интеллигенции, составляли расходы на культурные и общественно-бытовые нужды (посещение кинотеатров и театров, покупка книг, подписка на газеты и журналы).

Однако в целом доходы семей карабахских армян существенно уступали доходам армянских семей в Армении, где к тому же гораздо лучше было и обеспечение основных потребностей населения товарами народного потребления, в том числе товарами культурно-бытового и хозяйственного назначения (см., например: *Тер-Саркисянц*, 1972б. С. 34–37).

Одновременно следует отметить, что, несмотря на некоторые позитивные изменения в социально-бытовой сфере жизни, карабахские армяне в течение всего периода пребывания в составе Азербайджанской ССР, особенно с середины 1970-х годов, постоянно ощущали ущемление своих национальных прав, при этом не чувствовали себя и в социальной безопасности, поскольку жили в обстановке межнациональной напряженности, отягощенной памятью о полной конфликтов прошлой истории армяно-азербайджанских отношений, а также нередко подвергаясь хулиганским действиям и оскорблениям; их потребности и интересы в культурно-языковой, экономической и особенно социально-политической сферах не просто игнорировались, но и целенаправленно ущемлялись, а их история намеренно фальсифицировалась. В результате они видели своими глазами происходившие в Нагорном Карабахе значительные изменения этнического состава его населения, ясно понимая, что при сохранении существующего положения отмеченная тенденция развивалась бы и дальше и в ближайшие десятилетия они перестали бы быть преобладающим большинством на своей земле, что случилось в Нахичеванской АССР, полностью лишившейся в 1980-е гг. своего коренного армянского населения.

Изменения в брачно-семейных обычаях и обрядах

Изменения, происшедшие в быту и культуре армян Нагорного Карабаха во второй половине XX в., отразились на ряде сторон института брака и прежде всего на брачном возрасте. Исчез обычай ранних браков, особенно девушек, которых прежде обычно выдавали замуж в возрасте 12–15 лет. Начиная с 1920-х годов, шел процесс повышения среднего брачного возраста, ускоренного во многом последствиями войны 1941–1945 гг. Эта тенденция оставалась характерной до конца 1950-х–начала 1960-х годов. С середины 1960-х годов, по мере того как послевоенное поколение девушек и юношей достигало брачного возраста, вновь произошло некоторое понижение среднего брачного возраста. Например, в 1970 г. карабахские армяне вступали в брак в следующем возрасте (табл. 19):

Таблица 19

Возрастной состав вступивших в брак армян в 1970 г.*

Возраст (лет)	Всего по области		В том числе			
			в городских поселениях		в сельских поселениях	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Моложе 20	7	227	5	79	2	148
20 – 24	297	383	123	179	172	204
25 – 29	244	49	105	22	138	27
30 – 34	136	37	63	21	72	16
35 – 39	35	20	20	10	15	10
40 – 44	19	21	8	11	11	10
45 – 49	12	14	5	5	7	9
50 – 54	5	13	2	4	3	9
55 – 59	13	23	5	10	8	13
60 и старше	64	24	25	9	39	15
Всего	832	811	363	350	469	461

**Рассчитано по материалам архива областного ЗАГСа (ПМА. 1974).*

Таким образом, подавляющее большинство мужчин, как городских, так и сельских, в 1970 г. зарегистрировали свой брак в возрасте от 20 до 29 лет (541 из 832, или 65,0%), причем число мужчин, зарегистрировавших свой брак в 20–24 года (297, или 35,7%), было несколько больше, чем в 25–29 лет (244, или 29,3%). Браки в возрасте до 20 лет среди мужчин встречались как исключение: всего по области их было 0.8%.

Девушки в основном вступали в брак в более раннем возрасте, чем мужчины: от 20 лет и моложе до 24 лет: в этом возрасте вступило в брак из 811 девушек 610 (75,2%); из них среди городского населения зарегистрировали свой брак в этом возрасте из 350 девушек 258 (73,7%), а среди сельского населения – из 461 – 352 (76,3%).

Браки, зарегистрированные в 1970 г. лицами от 40 лет и старше, относились либо к повторным, либо к заключенным фактически ранее, но по тем или иным причинам не оформленным юридически сразу.

О динамике брачного возраста девушек и юношей в области за 1968–1973 гг. см. табл. 20, в которой приведены процентные соотношения заключенных в эти годы браков в наиболее преобладающих возрастах: моложе 20 лет и в 20–24 года у девушек и в 20–24 и 25–29 лет у юношей. Всего за эти годы было зарегистрировано 6368 браков, примерно равное число браков ежегодно.

Таблица 20

Преобладающий брачный возраст армян Нагорного Карабаха, %*

Год	Брачный возраст (лет)	Женщины			Мужчины		
		Всего по области	Городское население	Сельское население	Всего по области	Городское население	Сельское население
1968	До 20	36,7	28,8	43,1	-	-	-
	20–24	32,7	35,4	30,5	20,1	20,2	20,0
	25–29	-	-	-	43,1	42,7	43,3
1969	До 20	38,4	31,4	44,3	-	-	-
	20–24	35,1	41,1	30,0	29,9	28,8	30,9
	25–29	-	-	-	33,1	34,0	32,3
1970	До 20	29,7	25,9	33,2	-	-	-
	20–24	45,1	47,1	43,3	34,2	31,6	36,5
	25–29	-	-	-	28,4	28,6	28,3
1971	До 20	27,8	24,7	31,2	-	-	-
	20–24	50,8	53,6	47,6	42,1	40,2	44,1
	25–29	-	-	-	23,0	24,5	21,5
1972	До 20	29,7	28,1	31,2	-	-	-
	20–24	48,3	48,9	47,8	36,5	36,1	37,0
	25–29	-	-	-	33,3	31,8	31,7

1973	**До 20**	**30,4**	**27,0**	**33,6**	**-**	**-**	**-**
	20–24	**48,2**	**49,6**	**46,8**	**39,8**	**38,4**	**41,1**
	25–29	**-**	**-**	**-**	**34,5**	**33,7**	**35,1**

**Рассчитано по материалам архива областного ЗАГСа. Процент вычислен автором (ПМА. 1972, 1974).*

Приведенные материалы показывают, что в селах Нагорного Карабаха в 1968 г. наибольшее число браков было заключено между девушками в возрасте моложе 20 лет (239 из 554, или 43,1%) и юношами в 25–29 лет (240 из 554, или 43,3%); в 1969 г. у девушек остался преобладающим тот же возраст (240 браков из 541, или 44,4%), а у юношей уменьшился процент браков в возрасте 25–29 лет (с 43,3 до 32,3%) и увеличился процент браков в возрасте 20–24 лет (с 20,0 до 30,9%). В последующие годы – 1970 и особенно 1971 г. – у юношей продолжалась эта тенденция, в результате чего в 1971 г. браки в возрасте 20–24 лет регистрировались более чем в 2 раза чаще, чем в возрасте 25–29 лет. В 1972–1973 гг. не наблюдалось уже столь большого перевеса в заключении браков у юношей в 20–24 года; в эти годы продолжалась тенденция к увеличению в целом числа браков юношей в возрасте 20–29 лет (от 63,3% в 1968 г. до 76,2% в 1973 г.) за счет сокращения числа браков в более позднем возрасте. У девушек в 1970 и особенно в1971 г. произошло изменение соотношения браков, зарегистрированных в возрасте моложе 20 лет (доля их сократилась с 44,3% в 1969 г. до 31,2%) и браков в возрасте 20–24 лет (доля их, напротив, увеличилась с 30,0% в 1969 г. до 47,6%). В 1972–1973 гг. осталось примерно то же соотношение.

Для брачного возраста городских юношей была характерна та же тенденция: резкое изменение соотношения преобладающих брачных возрастов в 1970 и особенно в 1971 г. по сравнению с 1968 г. За этот период процент браков, зарегистрированных ими в 20–24 года, увеличился с 20,2 до 40,2%, а процент браков в 25–29 лет соответственно сократился – с 42,7 до 24,5%. У городских девушек по сравнению с сельскими уже в 1968–1969 гг. заметно преобладали браки, зарегистрированные в возрасте в 20–24 года, над браками до 20 лет. К 1970 и особенно к 1971 г. это преобладание еще более усилилось. Так, в 1971 г. 295 из 550 (53,6%) браков было зарегистрировано с девушками в возрасте 20–24 лет и 136 браков (24,7%) – в возрасте моложе 20 лет. В 1972–1973 гг. эта разница, так же как и среди юношей, стала менее заметной.

Таким образом, анализ приведенных материалов свидетельствует о том, что 1971 год стал определенным рубежом в изменении брачного возраста: как среди сельского, так и среди городского населения возраст в 20–24 года стал преобладающим брачным возрастом карабахских юношей и девушек. В последующие годы это соотношение, несколько сгладившись, сохранялось с тем же заметным преобладанием брачного возраста в 20–24 года. Этот возраст юношей и девушек совпадал со временем окончания ими школы, техникума, а иногда и вуза. Тенденция к выравниванию преобладающего брачного возраста городской и сельской молодежи Нагорного Карабаха свидетельствовала об их одинаковом стремлении получить сначала образование, а затем уже вступить в брак. Та же тенденция была характерна в это время и для армян Армянской ССР (*Тер-Саркисянц*, 1972б. С. 113).

Заметно изменилась за эти годы и возрастная разница между супругами. Рассчитанные по тем же материалам архива областного ЗАГСа данные показали, что если в 1968 г. сравнительно большое число браков – 134 из 554 (24,2%) в селах и 67 из 461 (14,5%) в городах (там в этом году было зарегистрировано больше браков между юношами 25–29 лет и девушками 20–24 лет – 88 браков, или 19,1%) – было заключено между юношами в возрасте 25–29 лет и девушками моложе 20 лет, то в 1971 г. таких браков было зарегистрировано всего 30 из 506 (5,9%) в селах и 32 из 550 (5,6%) в городах, но зато значительно увеличилось число браков между юношами и девушками в возрасте 20–24 лет: 120 браков (23,7%) в селах и 132 брака (24,0%) в городах. В 1972–1973 гг. при некотором преобладании таких браков (соответственно 19,7 и 21,7% в селах, 18,7 и 21,8% в городах) несколько увеличилось также и число браков между юношами 25–29 лет и девушками 20–24 лет (соответственно 19,1 и 19,8% в селах, 18,5 и 19,3% в городах). Таким образом, возрастная разница между супругами,

значительно сократившись к 1971 г., в последующие два года вновь несколько увеличилась, однако в целом, по сравнению с 1968 г., она стала меньше.

За указанные годы было зарегистрировано небольшое число браков, в которых жена была старше мужа. Как правило, такая разница бывала небольшой – от одного до трех-четырех лет. Большая возрастная разница была скорее исключением и относилась в основном к социально смешанным бракам, когда жена была учительницей, врачом, а муж – колхозником или рабочим. Например, в селе Тог в семье Х. муж 1932 г. рожд. имел среднее образование и работал в колхозе, а его жена 1926 г. рожд. имела высшее образование и работала педагогом в школе; в селе Аракюль была зафиксирована подобная же семья: муж колхозник, 1939 г. рожд., со средним образованием и жена-педагог, 1929 г. рожд., с высшим образованием (ПМА. 1974).

Что касается разводов, то в селах Нагорного Карабаха, как и в селах Армении, они случались очень редко. Например, по материалам ЗАГС за 1970 г. (табл. 21), число разводов в целом по области среди армянского населения составляло 87 среди мужчин и 82 среди женщин, причем в селах было отмечено всего 6 случаев. Большее число разведенных мужчин объяснялось тем, что мною принималось во внимание только армянское население, без учета разведенных женщин-неармянок.

Таблица 21

Возрастной состав разведенных армян в 1970 г.*

Возраст (лет)	Всего по области		В том числе			
			в городских поселениях		в сельских поселениях	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
18 – 19	2	1	2	1	-	-
20 – 24	17	19	17	19	-	-
25 – 29	35	14	35	12	-	2
30 – 34	16	19	14	18	2	1
35 – 39	11	14	8	12	3	2
40 – 49	1	11	-	10	1	1
50 – 59	5	3	5	3	-	-
60 и старше	-	1	-	1	-	-
Всего	87	82	81	76	6	6

**Рассчитано по материалам архива областного ЗАГСа (ПМА. 1974).*

Таким образом, подавляющее большинство разводов было зарегистрировано среди горожан. Основной причиной разводов в среде сельского населения, как и в прошлом, оставалось бесплодие одного из супругов, но которое всегда приписывалось только женщине.

Хотя по-прежнему сельское население придерживалось традиционных норм, не допускавших браков между родственниками до 7-го колена, в то же время важным моментом, характерным для исследуемого периода, становилось расширение брачного круга. Все чаще заключались браки между армянской молодежью разных сел и районов Нагорного Карабаха, тогда как в прошлом предпочтительными были браки молодежи из одного села. Нередкими были браки между городской и сельской молодежью, а также между армянами Нагорного Карабаха и других историко-этнографических областей Армении. Обычными становились и социально неоднородные браки, что в прошлом также не поощрялось.

Особый интерес представляли межнациональные браки, которые являлись следствием частых трудовых миграций карабахских армян, службы их в рядах Советской армии, преодоления национальных и других традиционных барьеров в сфере семейно-брачных отношений. В табл. 22 приведены данные о зарегистрированных в 1970 г. браках по национальности супругов.

Таблица 22

Распределение браков по национальности вступивших в брак в 1970 г.*

Национальность мужчин	Национальность женщин				
	Всего вступивших в брак	в том числе			
		армянки	азербайджанки	русские	прочие и не указавшие национальность
Городские поселения					
Всего вступивших в брак	513	350	120	27	16
В том числе:					
армяне	363	346	1	12	4
азербайджанцы	126	1	119	2	4
русские	21	1	-	13	7
прочие	3	2	-	-	1
Сельские поселения					
Всего вступивших в брак	573	461	95	12	5
В том числе:					
армяне	469	460	1	4	4
азербайджанцы	102	1	94	6	1
русские	1	-	-	1	-
прочие	1	-	-	1	-
Всего по области					
Всего вступивших в брак	1086	811	215	39	21
В том числе:					
армяне	832	806	2	16	8
азербайджанцы	228	2	213	8	5
русские	22	1	-	14	7
прочие	4	2	-	1	1

**Составлено по материалам архива областного ЗАГСа (ПМА. 1974)*

Анализ приведенных материалов показывает, что подавляющее большинство браков в 1970г. были однонациональными (в городах 93,4% от общего числа браков, в селах 96,9%), причем в основном такими, в которых оба супруга были армянами (в городах 72,2% от общего числа браков, в селах 82,9%). Доля межнациональных браков невелика. Большая часть их относилась к городскому населению. Наиболее часты были браки, в которых муж был армянин, а жена русская. Таких браков было зарегистрировано в городах 57,1% от общего числа межнациональных браков, в селах – 40,0%. Армяно-азербайджанских браков было заключено всего два (один – в городе, один – в селе). Столько же было зарегистрировано браков и азербайджанцев с армянками.

Для выяснения динамики соотношения одно и межнациональных браков был проведен также анализ всех браков, зарегистрированных в Нагорном Карабахе в течение продолжительного периода – с 1949 по 1985 г. с перерывами, в основном в 10 лет.

Хотя подавляющее большинство браков в Нагорно-Карабахской АО было и в эти годы однонациональными, анализ приведенных в табл. 23 материалов позволил выявить, что за 35-летний период соотношение таких браков у основных национальностей изменялось в соответствии с менявшимся за этот период этническим составом области: сократилась в общем числе браков доля однонациональных браков армян (с 89,6 до 73,3%) и русских (с 3,1 до 0.2%), а доля браков азербайджанцев, напротив, заметно возросла (с 7,1 до 26,5%). Доля

межнациональных браков оставалась небольшой – в пределах 2-3-х процентов. Большинство межнациональных браков в указанные годы, за исключением 1959 г., были такими, в которых мужья были армяне, а жены русские. Доля браков русских мужчин с армянскими женщинами, понизившись в 1959 г., по сравнению с 1949 г. на 11,9%, в последующий период стала постепенно расти и достигла в 1985 г. 19,3%. Что касается браков между армянами и азербайджанцами, то удельный вес таких браков (в основном между азербайджанскими мужчинами и армянками) среди общего числа межнациональных браков был наиболее высоким в 1959 г. (57,2%), но уже в 1969 г. он заметно снизился (до 18,1%), что объяснялось происходившими в 1967–1968 гг. в области межнациональными столкновениями. К 1979 г. он поднялся до 35,3% но в 1985 г. снизился до 16,1%.

Абсолютное преобладание в Нагорном Карабахе этнически однородных браков объяснялось большой ролью национальной предпочтительности как у армян, так и у азербайджанцев, связанной с сохранением в их быту многих этнокультурных традиций. Известное влияние оказывал и религиозный фактор.

Таблица 23

Браки по национальностям в Нагорном Карабахе*

	1949 г.	1959 г.	1969 г.	1979 г.	1985 г.
Однонациональные					
число	646	1752	947	1672	1648
%	96,9	98,4	96,6	98,0	98,1
В том числе, %					
армянские	89,6	82,5	76,9	79,7	73,3
азербайджанские	7,1	17,1	22,3	20,1	26,5
русские	3,1	0,2	0,7	0,2	0,2
Межнациональные					
число	21	28	33	34	31
%	3,1	1,6	3,4	2,0	1,9
в том числе, %					
армяно-русские	47,6	25,0	48,5	26,5	19,5
русско-армянские	19,0	7,1	12,1	14,7	19,3
армяно-азербайджанские	-	3,6	3,0	11,8	6,4
азербайджано-армянские	14,3	53,6	15,1	23,5	9,7

**Рассчитано по материалам архива областного ЗАГСа. Процент вычислен автором. В процентный расчет по межнациональным бракам не были включены другие сочетания брачащихся по национальностям (ПМА. 1975, 1987).*

Как показывали наблюдения, в национально смешанных семьях с течением времени женщины-неармянки (в основном русские или украинки), как правило, хорошо овладевали разговорным армянским языком, особенно если в семье жили и родители мужа, усваивали тонкости национального быта и, в свою очередь, вносили в быт армянской семьи некоторые элементы своей национальной культуры. Это находило некоторое отражение в интерьере жилища, в пище, в именах детей, в овладении детьми русским языком. Дети в таких семьях в большинстве своем были двуязычны, хотя вне семьи из-за окружения говорили только по-армянски. Сами русские (украинские) женщины в семье с мужем и детьми говорили обычно и по-русски (особенно в первое время после замужества), и по-армянски, а с родителями мужа и сельскими жителями, особенно со старшими женщинами, в силу незнания теми русского языка – только по-армянски. Армянский язык, как правило, воспринимался в дальнейшем потомством таких брачных пар как родной язык.

Национальность детей в смешанных семьях определялась по отцу, хотя бывали и исключения в тех случаях, когда отец был неармянин.

В национально-смешанных семьях несколько по-другому складывались и внутренние взаимоотношения. Так, между супругами, как правило, устанавливались ровные, дружеские отношения, муж в такой семье больше помогал жене по хозяйству, в воспитании детей; в то же время невестка-неармянка свободнее чувствовала себя и с родителями мужа, которые не требовали от нее соблюдения тех или иных правил традиционного этикета.

Приведу примеры национально-смешанных семей. В 1972 г. я познакомилась с украинкой Ириной Никифоровной Арзуманян (1918 г.рожд.), которая более 30 лет жила в селе Чартар Мартунинского района. У нее с мужем было двое детей – Коля и Лазарь, с которыми она говорила и по-русски, и по-армянски. Интерьер ее дома не отличался от интерьера дома армянской семьи: на стенах – ковры и *карпеты*, на кроватях – много постельных принадлежностей – сделанных из шерсти ее руками одеял и тюфяков. Ирина Никифоровна готовила как украинские блюда (борщ, вареники и др.), так и армянские (толму, лоби и др.); хлеб пекла в *тоние*, несмотря на то, что в селе была общественная пекарня и хлеб продавался в магазине (ПМА. 1972). В селе Мец Тагер Гадрутского района с 1958 г. жила русская женщина Любовь Андреевна Куранова (1933 г. рожд.), вышедшая замуж за армянина. В 1974 г. у них было пять дочерей (их имена: Таня, Аня, Маня, Вера, Тамара). Примечательно, что уже вскоре после замужества она как с мужем, так и со своими детьми говорила только по-армянски, в результате дети, за исключением старшей дочери, совсем не говорили по-русски. Сама Любовь Андреевна переняла обычаи, характерные для армянской женщины: например, когда в доме бывали гости-мужчины, она за стол не садилась; хлеб научилась печь в *тоние;* раз в год перемывала и перебивала всю шерстяную постель; сама пряла нитки и соткала из них два *карпета* с традиционным армянским орнаментом, которые готовила в приданое дочерям (ПМА. 1974).

Данные факты свидетельствовали о том, что в национально-смешанных семьях Нагорного Карабаха (как и Армении) носителями этнической традиции являлись, как правило, представители коренной (в данном случае армянской) национальности.

Заметные изменения в исследуемый период происходили в семейных обычаях и обрядах карабахских армян, которые приводили к постепенному исчезновению устаревших форм. Например, в эти годы совершенно исчез из их быта широко распространенный в прошлом архаический обычай избегания. Опрос женщин разных поколений показал, что молодые невестки не придерживались этого обычая, хотя и были хорошо осведомлены о нем. Обычай избегания среди сельских армян Нагорного Карабаха начал исчезать примерно с 1930-х годов, изживание его проходило постепенно, полное же исчезновение этого обычая почти повсеместно относилось к 1950-м годам. Если в 1970-е гг. женщины старшего поколения, замужество которых пришлось на начало XX в., сообщали о длительном соблюдении ими после свадьбы этого обычая как в отношении старших родственников мужа (особенно свекра, с которым они не могли разговаривать вплоть до его смерти),так и в отношении супругов друг с другом и их детей, поскольку супруги не могли называть друг друга по имени, говорить друг с другом и ласкать своих детей в присутствии старших, что весьма осложняло их взаимоотношения, то женщины среднего поколения уже не столь строго придерживались этого старинного обычая. Например, жительница села Ннги Мартунинского района Д. (1901 г. рожд.), вышедшая замуж в 1928 г., не разговаривала со свекром только в течение трех лет, а со свекровью стала говорить вскоре после свадьбы. По свидетельству жительницы села Ванк Гадрутского района Б. (1921 г. рожд.), вышедшей замуж в 1939 г., она совсем уже не придерживалась традиционного запрета и свободно говорила и со свекром, и со свекровью, и со старшим деверем. Но в довоенные годы еще нередки были и длительные сроки избегания. В то же время карабахские армянки молодого поколения после замужества обычно сразу же начинали говорить с родителями мужа и называть их «папой» и «мамой», а те в свою очередь называли их по имени. В этом отношении характерно высказывание жителя села Сос А. (1908 г. рожд.) о том, что если его жена после свадьбы в 1928г. в течение 20 лет не разговаривала с

его старшим братом, то теперешняя их невестка, окончившая экономический факультет Ереванского университета, свободно говорит и с ним, и с его женой (ПМА. 1974).

Изживание обычая избегания положительно сказалось на характере внутрисемейных отношений как между супругами, так и между родителями и детьми, между старшим и младшим поколениями в семье.

Говоря о взаимоотношениях членов сельской семьи карабахских армян в исследуемый период, нельзя не указать и на тот факт, что в то время уже не было строгого разграничения домашних обязанностей между свекровью и невесткой, как в прошлом, когда свекровь в основном только готовила обед и пекла хлеб, а всю остальную домашнюю работу распределяла между невестками. Порой свекровь только руководила невестками и указывала, какую работу им следует делать. Так, один из моих информаторов Б. (1888 г. рожд.) сообщил, что раньше, когда они всей семьей, состоящей из родителей и четырех женатых сыновей, жили в одном *глхатуне,* основную работу по дому, в том числе приготовление обеда, выполняла старшая невестка, а свекровь только приказывала ей и остальным невесткам, что надо делать (ПМА. 1972). Позднее, когда невестки в большинстве случаев стали принимать участие в общественном производстве, свекрови нередко приходилось выполнять почти всю домашнюю работу. Так сложилось, например, в семье И. в селе Хндзиристан, где невестка работала в колхозе, а свекровь готовила обед и занималась уборкой дома (ПМА. 1974). Однако чаще всего в семье домашние дела выполнялись поочередно теми, кто в данный момент был свободен. В иных семьях обед готовила невестка, а свекровь занималась уборкой, следила за детьми и т.д. Но наиболее трудоемкая работа – выпечка хлеба в *тонире* – производилась совместно, причем обязанности невестки и свекрови здесь по-прежнему были разграничены: невестка раскатывала тесто, а свекровь налепляла его на стенки печи и вынимала готовый хлеб. О характере новых взаимоотношений в семье рассказала жительница села Тог Д. (1900 г. рожд.): «Сейчас жизнь другая, свободная. Невестка мне помогает, свободно со мной говорит, а ведь раньше невестка не могла ни разговаривать, ни садиться за стол вместе со свекром и свекровью» (ПМА. 1974).

Много внимания в семьях стало уделяться детям. Если в прошлом, в условиях полу-натурального хозяйства сельская семья стремилась иметь побольше детей, при этом радовались только мальчикам, то со временем рождение ребенка, независимо от того, мальчик это или девочка, стало восприниматься как семейный праздник. В 1972 г. в селе Сос я присутствовала на таком торжестве в семье А., устроенном в честь рождения их дочери. Это торжество по традиции называли *кнунк* (что означает «крестины»), хотя самого обряда крещения в эти годы давно уже в селах Нагорного Карабаха не было. По случаю этого торжества в доме были накрыты праздничные столы со всевозможными национальными блюдами. В числе гостей (их было более 100 человек) родителей пришли поздравить друзья, родственники, соседи.

Хотя по-прежнему в армянской семье сохранялось убеждение родителей в том, что дети обязательно должны помогать им в домашнем хозяйстве, фактическая помощь детей уже существенно отличалась от той большой, настоятельно необходимой работы, которая лежала на детях в прежней сельской семье. Теперь реальный объем их обязанностей по дому заметно сократился. В самой семье заинтересованность в детях стала принципиально отличаться от той, какая существовала в прежней крестьянской семье, когда родители возлагали на детей надежды, как на своих будущих кормильцев, поэтому рождение и воспитание детей становилось не столько материальной, сколько эмоциональной функцией семьи. Детей старались получше одевать, покупали им игрушки, все большее внимание уделяли учебе школьников и их духовному развитию. Положительную роль в воспитании детей сыграло исчезновение обычая избегания между родителями и детьми.

Если все дети школьного возраста учились, то для детей младшего возраста в области было недостаточно дошкольных учреждений, например, на все села Нагорного Карабаха в 1960 г.

приходилось только 9 детских садов, в 1965 г. – 19, в 1968 г. – 22 (Нагорный Карабах за годы Советской власти. 1970. С. 157).

В исследуемый период в селах Карабаха, как и Армении, наиболее значительным и торжественным семейным обрядом оставалась свадьба. Хотя в те годы свадьба[1] и значительно упростилась по сравнению с традиционной, этот обряд продолжал привлекать своей яркой эмоциональностью и исключительной торжественностью. Большинство свадеб устраивалось, как и в прошлом, осенью, после завершения сельскохозяйственных работ и нередко приурочивалось к ноябрьским праздникам.

Свадебный ритуал, как того требовала традиция, по-прежнему включал три основных момента: сговор (*хнамхоск, хнамахос*), обручение (*ншандрек*) и собственно свадебное торжество (*hарсаник*). Поскольку в большинстве случаев молодые люди уже сами знакомились и договаривались между собой о браке, сговор часто стал носить формальный характер, хотя и считался непременным обрядом. Обычно когда юноше нравилась та или иная девушка, он, заручившись ее согласием, сообщал об этом сначала матери, а та в свою очередь ставила в известность своего мужа. Затем готовили сватов, в число которых входили родственники жениха: в одних случаях в дом девушки направлялись отец жениха, его брат, обычно старший, и их близкие родственники, в других – мать жениха и кто-нибудь из родственников отца; иногда состав сватов был и другим. Например, во время сговора о свадьбе Д. в 1970 г. (село Чартар) в дом ее родителей пришли жених, его родители и два дяди по материнской линии (*керри*). Родители девушки были заранее оповещены о приходе гостей и также со своей стороны приглашали двух-трех близких родственников. Войдя в дом, сваты, как того требовала традиция, после разговоров о различных, не имевших отношения к цели их визита вещах, переходили к главному, и один из них говорил: «Мы хотим вашу дочь взять для нашего парня» или более образно: «Мы пришли, чтобы из вашего дома сорвать один цветок» и т.п. Если обеим сторонам этот брак был по душе, то они договаривались о дне обручения и о том, кто будет посаженым отцом (*кавор*, мест. *пелли*). В этом случае мать девушки накрывала на стол, а сваты доставали принесенные ими сладости и коньяк, и собравшиеся выпивали за благополучие предстоящего события. Иногда во время сговора родственники жениха приносили ценные подарки. Так, во время сговора о свадьбе А. в 1972 г. (село Чартар) сваты принесли в залог золотое кольцо с камнем, два отреза на платье, белье, конфеты и коньяк (ПМА. 1974).

В назначенный для обручения день (обычно через один-два месяца после сговора) в доме жениха собирались близкие родственники, которые приносили с собой подарки, накрывался стол, и после угощения жених, его отец, *кавор* с женой и близкие родственники в сопровождении музыкантов и молодежи отправлялись в дом невесты. Нередко вместе со всеми шла и мать жениха, что раньше не было принято. Основной смысл обручения оставался прежним – это преподнесение невесте со стороны жениха обручального подарка, или залога – *ншана.* Обычно это было золотое (вместо в основном серебряного в прошлом) кольцо, цепочка или наручные часы. *Кавор* также, как правило, преподносил невесте золотое кольцо. В этот день сторона жениха приносила с собой коньяк, сладости, а также предметы парфюмерии. Обряд сопровождался общим весельем с песнями, танцами, провозглашением тостов и длился около 4–5 часов. По его окончании обе стороны назначали день свадьбы. До свадьбы обрученные, в отличие от прошлого, могли встречаться.

Накануне свадьбы приступали к традиционному обряду – выпечке хлеба. В этот день приглашали родственников и соседей для поздравления. Обряд выпечки свадебного хлеба включал в себя различные моменты. Так, из дома жениха в дом невесты полагалось послать несколько свежевыпеченных хлебов, причем обязательно нечетное число (3, 5 и т.д.), из дома невесты в свою очередь посылали в дом жениха уже четное число хлебов (4, 6 и т.д.). Того, кто приносил хлеб, одаривали небольшим подарком.

[1] *Описание свадьбы дается по полевым материалам автора 1960-х–1970-х годов.*

Свадьба начиналась одновременно в обоих домах обычно в субботу часов в 7–8 вечера. В назначенный час в доме жениха собирались его гости, а в доме невесты – ее гости. В те годы в практику вновь вошло (как это нередко делалось и в прошлом, особенно среди горожан) приглашение гостей по пригласительным билетам. Обычно их печатали типографским способом в виде небольших разукрашенных открыток.

До начала свадьбы жених (*песа*), глава холостой молодежи (*макарбаши*) и холостые парни (*макары*) шли с подарками (обычно это были сорочка, коньяк, конфеты) в дом посаженого отца, чтобы пригласить его и его жену на свадьбу. Накануне свадьбы из дома жениха в дом невесты по традиции посылали мясо (иногда целого барана) и напитки.

Во время свадьбы собиралось много гостей – до 150–200 человек в каждом доме. В обоих домах начиналось веселье с песнями и танцами. Все садились за праздничный стол, избирали тамаду и до полуночи пили и веселились. После этого участники свадьбы со стороны жениха готовились идти за невестой, причем заранее договаривались, кто именно должен был пойти. Обычно шли человек 30-40: жених, *кавор* с женой, брат и сестра жениха, его товарищи и близкие родственники в сопровождении музыкантов. Купленную семьей жениха свадебную одежду для невесты и сладости раскладывали на подносе или клали в чемодан. Их несла сестра жениха. Полагалось покупать для невесты свадебную одежду полностью белого цвета– от фаты до туфель. Причем, если в селах Армении покупка свадебной одежды для невесты была обязанностью посаженого отца, то в селах Карабаха – жениха.

В это время в доме невесты за торжественным столом сидели ее гости – родственники. Сама невеста за стол не садилась до тех пор, пока не приходила сторона жениха и пока не надевали на нее свадебный наряд. С приходом «стороны жениха» часть гостей дома невесты расходились и оставались только самые близкие. Свадебный наряд на невесту в отдельной комнате (но не за занавесом, как в прошлом) должна была надеть *каворкин.* Облачение невесты в свадебный наряд сопровождалось разного рода шутками.

После этого невесту в сопровождении музыкантов выводили к гостям и все садились за стол. В центре на почетном месте садились жених и невеста. Рядом с женихом – *кавор,* а рядом с невестой – *каворкин.* Родители невесты за стол не садились. В доме невесты готовили «свадебное дерево» (*hарсаники царр, hарси царр*), на которое вешали яблоки, конфеты, прикрепляли бутылку коньяка, а сверху обязательно вареную курицу с головой. *Кавор* давал выкуп тому, кто готовил это «дерево», и держал его при себе. Этот древний обряд – «украшение древа жизни», символизировавшее плодородие, сохранялся и в ряде районов Армении (*Тер-Саркисянц*, 1972б. С. 135).

В одних районах Карабаха (например, в Гадрутском) свадебное шествие уже под утро направлялось к дому жениха, причем, если в прошлом из дома невесты вначале шли в дом *кавора,* то теперь участники свадьбы шли сразу в дом жениха. Но в селе Туми во время свадьбы в 1969 г. участники ее, прежде чем направиться в дом жениха, побывали в доме *кавора.* В других районах (например, Мартунинском) гости в доме невесты сидели за столом до утра, а затем расходились отдыхать: одни шли к себе домой, а другие оставались в доме невесты. В это время жених, невеста и *кавор* садились за отдельно за накрытый для них стол. К 10 часам утра гости собирались вновь, и свадьба продолжалась. За общим столом невеста по обычаю ничего не ела, ей полагалось быть грустной, так как в эти минуты она прощалась с родительским домом. Тамада провозглашал многочисленные тосты: за счастье «двух цветков», за их родителей и т.д. Так продолжалось часов до двух дня. Затем отец невесты брал за руку своего будущего зятя и передавал ему дочь со словами: «Она теперь принадлежит тебе». Невеста, ее мать и сестры в этот момент, прослезившись, прощались друг с другом. Во двор выносили приданое невесты. В те годы в него входили обычно постель, *карпет*, мебель, стиральная машина, холодильник и т.д., в зависимости от достатка семьи. Приданое погружали на грузовую машину, а сверху по обычаю садился маленький мальчик из родни невесты. В доме жениха он получал выкуп за приданое, обычно от брата жениха. Машина с приданым следовала позади свадебного поезда. По дороге к дому жениха

родственники его и соседи во дворах накрывали праздничные столы и приглашали участников свадьбы, а молодым и *кавору* преподносили небольшие подарки. Так, во время свадьбы в селе Чартар в 1968 г. можно было наблюдать, как свадебное шествие останавливалось 4 раза: дважды у родственников невесты, дважды – у родственников жениха. На приготовленных заранее столах были фрукты, сладости, напитки, а также обрядовые блюда – вареная курица и яичница с медом. Этот же обычай был распространен и в селах Армении (*Тер-Саркисянц*, 1972г. С. 132, 133). Участников свадебного поезда обычно было принято приглашать в гости по пути следования с тем, чтобы им, направлявшимся к дому жениха, не пришлось возвращаться обратно по той же дороге. В противном случае, по представлению местных жителей, молодая невестка не останется надолго в доме мужа и вскоре должна будет вернуться в родительский дом.

У дома жениха его мать по традиции обсыпала молодых зерном и сладостями, а под ноги им клала две тарелки. Полагалось, чтобы первым, согласно обычаю, разбивал тарелку жених, чтобы быть главой семьи. В ряде же районов области на порог дома свекровь клала только одну тарелку, которую должна была разбить невеста. В доме жениха невеста обычно не садилась до тех пор, пока не получала от свекрови подарка. В те годы обычай сажания на колени невесте маленького мальчика в знак пожелания ей сына соблюдался уже далеко не всегда. Затем все садились за стол в том же порядке, и веселье возобновлялось вновь. Во время танцев гости обычно давали «шабаш» – деньги в пользу музыкантов, особенно большая сумма собиралась во время танца жениха и невесты. К вечеру воскресного дня свадьба, как правило, заканчивалась.

В 1972 г. в селе Каракенд Мартунинского района я присутствовала на свадьбе с того момента, когда в дом жениха привезли невесту. Поскольку невеста была из другого села, то привезли ее в легковой машине, которая была украшена разноцветными лентами и куклой. Вместе с ней приехали жених и *кавор*, его жена, а также отец, брат, сестры и подруги невесты. Жених (шофер 25 лет) был одет в черный костюм, белую сорочку, невеста (медсестра 22 лет) – в модный для того времени наряд (белое платье, белые туфли на каблуках, на голове белая фата). Во дворе дома навстречу молодым вышла мать жениха и поцеловала невесту. В этот момент заиграли музыканты и начались танцы, во время которых к молодым поочередно подходили родственники жениха и преподносили невесте подарки, в числе которых было 10 золотых колец и две золотые цепочки. Затем невесту повели к дому жениха. На пороге дома свекровь обсыпала молодых орехами и сладостями, а под ноги положила две тарелки. После того как невеста вошла в дом жениха, внесли ее приданое в двух тюках: два полных комплекта постели (шерстяные тюфяки, одеяла, постельное белье), ковер ручной работы, *карпет*, самодельные подушки для стульев. Кроме того, невесте родители дали в приданое деньги, на которые молодые могли бы купить себе в Ереване, где они собирались жить после свадьбы, мебель. В доме жениха молодых в сопровождении *кавора*, его жены, друзей жениха и невесты посадили за стол в отдельной комнате. На столе были только фрукты и печеные сладости. Там они находились минут 20. Скорее всего этот момент был отголоском обычая, когда молодые не должны были присутствовать на собственной свадьбе и находились в отдельном помещении. Затем музыканты вновь заиграли, и молодых повели к тому месту, где во дворе под навесом были накрыты праздничные столы и где уже сидели приглашенные гости. До позднего вечера продолжался свадебный пир, на котором было произнесено множество тостов, исполнены народные и эстрадные песни и танцы.

Жительница села Мец Тагер А., 1937 г. рожд., рассказала об обычае, бытовавшем у них в прошлом и иногда встречавшемся и в 1970-е гг.: после окончания свадьбы жених вместе с *кавором* шел в дом матери невесты, чтобы получить у нее особое разрешение на брачную ночь с ее дочерью. В ответ мать невесты в знак согласия угощала их и одаривала.

Как и в прошлом, после первой брачной ночи полагалось послать из дома жениха матери невесты, в знак девственности ее дочери, красные яблоки (*кармир хндзор*) и бутылку красного вина или коньяка, перевязанную красной лентой.

К послесвадебному циклу относился обряд «мытья головы» молодой невестки (*клохлван, клхылва*), который происходил обычно в первую субботу после свадьбы. В дом зятя приглашалась мать невесты, которая приносила с собой повседневную одежду дочери, сладости, а также имевшие уже чисто символическое значение мыло, расческу, мочалку, полотенце. Новым для того времени был иногда и приход в дом зятя тестя вместе с женой, как, например, во время свадьбы А. в 1971 г. в селе Чартар. В селе Тагавард во время этого обряда в дом зятя приходили сестра невесты и близкие родственницы, а матери невесты приходить не полагалось (ПМА. 1972). В день этого обряда в доме жениха собирались также по несколько близких как его семье, так и семье невесты женщин. После этого обряда родители невесты приглашали молодую пару к себе в гости (*гонах*), а затем уже невестка могла свободно, но с согласия свекрови, ходить в дом своих родителей.

Таким образом, свадебный обряд карабахских армян во второй половине XX в. заметно отличался по сравнению с прошлым. Так, из-за закрытия церквей из свадебного цикла исчезло венчание, которое прежде было одним из главных моментов свадьбы. Значительно сократились как продолжительность самой свадьбы (с 7 до 1–2 дней), так и время между обручением и свадьбой, равное обычно 1–2 месяцам, а в прошлом составлявшее от года до нескольких лет (поскольку нередко обручали малолетних девочек). Характерной чертой брака становилась свобода выбора молодыми друг друга. Хотя к мнению родителей по-прежнему прислушивались, непременным условием брака стало согласие самих брачащихся – и, что особенно важно, согласие девушки. Поэтому традиционный ритуал сватовства (сговора) стал совершаться нередко формально. Появилось и такое новшество: если в традиционной свадьбе жених и невеста почти не играли никакой роли, а иногда даже и вовсе не присутствовали ни во время обручения, ни во время свадебного торжества, находясь в отдельном помещении, то теперь они занимали почетное место, к ним были обращены многочисленные тосты с добрыми пожеланиями здоровья и счастья. Исчезли либо потеряли свой прежний смысл многочисленные в прошлом обряды религиозно-магического характера, направленные на то, чтобы уберечь молодых от «злых сил», обеспечить им плодородие. Сельские жители часто затруднялись объяснять назначение того или иного ритуала. Некоторые обряды сохранялись в качестве увеселительного зрелища, например, украшение «древа жизни», обсыпание молодых на пороге дома жениха орехами, сладостями, разбивание тарелок и др.

В то же время в свадьбе карабахских армян устойчиво сохранялись такие традиционные моменты, как основные ее этапы – сговор, обручение и свадебный пир; одновременное начало свадьбы и в доме жениха, и в доме невесты; ее кульминационный момент – перевоз невесты в дом жениха; значительная роль многих свадебных персонажей – *кавора*, *макаров* и *макарбаши*, *hарснакуйр*; обряд одевания невесты, ее прощание с родительским домом; некоторые предсвадебные и послесвадебные обряды (например, обряд выпечки свадебного хлеба, отправление из дома жениха в дом невесты накануне свадьбы мяса и напитков, совершаемый через неделю после свадьбы обряд «мытья головы» молодой невестки (*клохлван, клхылва*), приглашение молодых в гости в дом родителей невестки (*гонах*) и т.д.

Одновременно по-прежнему немалое значение сельское население придавало приданому (*ожит, бежинк*, тюрк. *джеhез*) невесты, причем отмечалась тенденция к его значительному увеличению. Если в прошлом карабахская невеста приносила в приданое лишь постель, *карпет*, что-либо из кухонной, обычно металлической посуды и сундук с личными вещами, то теперь помимо этой обязательной части приданого (за исключением, разумеется, сундука) родители давали дочери также посуду (чайную или обеденную, нередко сервизы), швейную машину, а наиболее обеспеченные и что-либо из мебели, например: сервант, платяной шкаф, диван, деревянные кровати, а иногда также телевизор, холодильник либо стиральную машину. Стало принятым включать в состав приданого по два комплекта постельных принадлежностей, каждый из которых состоял из тюфяка, одеяла, двух подушек и по 6 простынь, пододеяльников и наволочек.

Например, вышедшей замуж в 1969 г. С. 1950 г. рожд. (село Чартар) родители дали в приданое два комплекта постели, сервант, платяной шкаф, телевизор, холодильник. Приданое А., 1953 г. рожд. (то же село), вышедшей замуж в 1971 г., состояло также из двух комплектов постели, кровати, платяного шкафа, серванта, стола, 6 стульев. Вышедшей замуж в 1973 г. А., 1953 г. рожд. (село Туми) родители дали в приданое два комплекта постельных принадлежностей, кровать, *карпет*, ковер, стиральную машину, 24 полотенца, 6 покрывал, 2 бархатные скатерти, чайный сервиз, чайник, ножи и вилки. К предстоящей свадьбе Б., 1955 г. рожд. (село Аветараноц), было подготовлено приданое: импортный мебельный гарнитур «Жилая комната», два ворсовых и два безворсовых ковра, два комплекта постельных принадлежностей, кухонная и чайная посуда (ПМА. 1974) и т.д.

Увеличивалось также число и стоимость преподносимых родственниками жениха невесте во время обручения и свадьбы ценных подарков. Нередко невеста получала сразу по нескольку золотых колец, цепочек, отрезов и т.д. Например, во время свадьбы А. в 1963 г. (село Тагавард) невеста получила в подарок 6 золотых колец и 4 отреза на платья. 6 золотых колец получила в доме жениха в 1970 г. Г. (село Шош). Во время обручения в 1971 г. А. (село Чартар) сторона жениха подарила ей обручальное золотое кольцо, золотые часы, белье, духи, конфеты; золотое кольцо преподнес ей также *кавор.* В 1973 г. Е. (село Азох) получила в подарок от родственников жениха 7 золотых колец, золотую цепочку, часы и 6 отрезов на платья. Во время свадьбы Х. в 1975 г. (село Талыш) невесте подарили 10 золотых колец, золотые серьги, часы с золотым браслетом и несколько отрезов на платья (ПМА. 1972, 1974, 1975) и т.д.

Наблюдалась определенная тенденция к пышности и многолюдности (иногда до 500 человек приглашенных в каждом доме) свадебного застолья.

Подчеркну, что многие из отмеченных у карабахских армян тенденций в исполнении свадебного обряда были характерны в те годы и в Армении. Основное отличие заключалось в том, что в сельских районах Армении сохранялось больше традиционных обычаев и обрядов (см., например: *Тер-Саркисянц*, 1972б. С. 126–142).

Существенные изменения претерпели и родильные обряды. Если в прошлом они включали в себя всевозможные религиозно-магические обряды, направленные на то, чтобы уберечь роженицу от злых духов, то в исследуемый период, когда большинство женщин рожали в больницах, эти обряды отпали. В то же время во многих сельских семьях с целью оградить маленького ребенка от всякого рода болезней и невзгод продолжали по традиции надевать ему на руку или пришивать к плечикам его одежды либо к шапке амулеты *ачкаулунк* (мест. *ашкаулунк, ышкыһелунк*) из синих бусинок от сглаза. Существовал также обычай (с целью оберега обмануть злых духов) давать детям тюркские имена, главным образом в семьях, в которых были случаи смерти детей. Например, в селе Сос Мартунинского района в семье Д. сыновьям дали имена Махмуд, Бейбут и Балаш (ПМА. 1968).

Постепенно упрощалась и похоронная обрядность, хотя, как известно, по сравнению с другими обрядами жизненного цикла, она была наиболее консервативна. Соблюдавшиеся в те годы различные древние обряды, связанные с культом предков, прежнее осмысление которых уже было забыто, исполнялись чисто автоматически, главным образом из уважения к памяти покойного и сочувствия его родным. Особенно ревностно заботились о выполнении традиционного ритуала пожилые женщины. Так, сельские жители продолжали соблюдать некоторые обряды, связанные с кругом древних представлений о загробной жизни (на могилу родные приносили еду – мясо, хлеб, сыр, а также водку, при этом часть выпивали в память покойника, а остальное оставляли на могиле в качестве его «доли»; к умершему обращались те лица, которые недавно потеряли своих родственников, с просьбой передать им привет и рассказать о тех переменах, которые произошли в семье после их смерти и т. д.); многое в обряде оставалось от магических представлений (при выносе гроба из дома трижды ударяли им по двери изнутри, как бы навсегда закрывая путь для подобного выноса; когда поднимали гроб со стола, где он был установлен для прощания, на это место клали камень, чтобы

показать, что место уже занято и чтобы подобное не повторилось и т.д.). В селах сохранялись также плачи с традиционными причитаниями. Как и в прошлом, песни-плачи носили импровизированный характер и сочинялись женщинами-плакальщицами соответственно возрасту, занятию, образу жизни покойного. Одновременно, под влиянием города, на похороны стали нередко приглашать музыкантов (*Газиян*, *Сехбосян*, 1971. С. 9).

Похороны, как и в прошлом, были очень многолюдны. В них принимали участие не только близкие родственники и друзья умершего, но и знакомые и соседи. На похороны приезжали и родственники, жившие в других селах или в городе, а те из них, кто по какой-либо причине не мог приехать, посылали телеграммы с соболезнованием. Хоронили, как правило, на третий день после смерти, но были и исключения: если покойник был тяжело больным, то хоронили его раньше, а если умер молодой или ждали из города родственников, то похороны на день-два откладывались (ПМА. 1969).

В день похорон утром покойника по обычаю обмывали лица одного с ним пола, за что их одаривали его одеждой. На покойника полагалось надеть хорошую одежду, цвет которой не имел значения, особенно для молодых. Сверху его покрывали материей либо черной (если он был пожилой), либо цветной (если молодой).

Всех хоронили в гробах. К тому времени исчез обычай захоронения на носилках. Траурная процессия шествовала в следующей последовательности: впереди несли цветы, затем крышку от гроба, сам гроб, потом шли музыканты и народ, причем впереди обычно шли мужчины. Женщины, вплоть до 1940-х годов, не могли присутствовать на похоронах.

Во время похорон в 1969 г. 102-летнего старика в Гадруте, на которых я присутствовала, траурная процессия шла через весь поселок. По дороге к ней присоединялись многие местные жители. Пожилые, близкие к семье покойного женщины были в черных платьях с черной шалью на голове, а остальные женщины и молодежь – в обычных, нередко пестрых платьях. Мужчины также были в повседневной одежде. На кладбище состоялась гражданская панихида, во время которой особо уважаемые родственники и односельчане произносили речи о достоинствах покойного (в частности, о том, что он любил труд, много работал в колхозе, воспитал хороших детей). Обращаясь к покойному, они говорили: «Спи спокойно, не беспокойся за своих детей». Когда гроб опустили в могилу, все бросили по горсти земли. Пока засыпали могилу, женщины отошли в сторону – отголосок обычая, не допускающего женщин присутствовать на похоронах. После этого все сели в машины и направились к дому покойного, где были устроены поминки (*бадаряг*, тюрк. *келех*). У дверей дома молодые женщины встречали вернувшихся с кладбища с водой, мылом и полотенцем. Столы уже были накрыты. В те годы, если место позволяло, мужчины и женщины садились за стол вместе, но, как правило, по разным концам стола, а если места было недостаточно, то садились поочередно – вначале мужчины, а затем женщины. На столе, кроме традиционных поминальных блюд – *куркута* со свининой и отварной фасоли, были и появившиеся в те годы под влиянием города разнообразные закуски, винегреты, салаты. За столом было произнесено несколько тостов, в основном за упокой души покойного, а также его близких, умерших ранее, в зависимости от степени родства и времени смерти. Говорили также о добрых делах и достоинствах покойного и закончили поминальную трапезу словами утешения родным и близким.

Сохранялись и другие традиционные послепохоронные обряды, в частности совершаемый на следующее утро после похорон до восхода солнца обряд «провода души в загробный мир» – *лусынкайһох* (т.е. лунная земля), когда на кладбище шли один или двое мужчин из числа родственников покойного, которым по дороге туда не полагалось ни разговаривать с кем-либо, ни оборачиваться назад. Дойдя до могилы, они обращались к покойному со словами: «Доброго тебе пути, не думай ни о чем, лежи спокойно». В этот же день, но уже после восхода солнца могилу посещали обычно женщины, но впоследствии к ним стали присоединяться и близкие родственники-мужчины. Во время этого посещения, называемого *экнаһог* (солнечная земля), на кладбище полагалось брать с собой еду и напитки. У могилы

покойного оплакивали, затем немного выпивали и закусывали, остальное раздавали и оставляли на могиле.

На 6-й день после смерти по традиции члены семьи мыли голову и стирали одежду покойного. На 7-й день в дом покойного приглашались, причем уже по заранее составленному списку, родственники, соседи, музыканты, а также те лица, которые помогали в организации похорон (обмывали покойного, рыли могилу), для участия в поминках. В этот день приглашенные приносили в дом умершего различную еду: кур, рис, фасоль, фрукты, сладости, напитки. В ряде сел, например в Мартунинском и Гадрутском районах, в те годы стал распространяться и другой обычай, когда вместо продуктов начали приносить деньги (по 3–5 рублей), в результате чего собиралась довольно значительная сумма – 500–700 рублей. Большую часть этих денег родные тратили на надгробный памятник.

Часть принесенной еды относили на специальных подносах на кладбище, где после оплакивания умершего его близкими родственниками разливали в стаканы вино и водку, причем вначале мужчинам, и немного закусывали. Небольшую часть оставшейся еды, в особенности фрукты и сладости, раздавали детям, большую же часть оставляли на могиле как «долю» покойного. Приносить еду домой обратно не полагалось. После кладбища возвращались опять в дом покойного и садились за поминальный стол. В этот день готовили обычно *толму*, жаркое и плов. Собравшиеся за столом в течение полутора–двух часов говорили о покойном, его достоинствах, вспоминали его предков, даже далеких.

После этого дня, вплоть до сорокового, в дом умершего приходили те, кто не смог по какой-либо причине присутствовать на похоронах. В сороковой день после смерти (*каррасунк*) в доме покойного собирались, также по приглашению, родственники и соседи, и все происходило так же, как на седьмой день. До сорокового дня самые близкие родственники покойного в знак траура не брились и только после того, как собравшиеся на поминки в этот день расходились, кто-нибудь из товарищей вел их в парикмахерскую, причем сам платил за бритье. Женщины – близкие родственницы покойного – обычно носили черную траурную одежду 40 дней, а иногда, если умерший был молодым, то в течение года. После сорокового дня одежду покойного раздавали родственникам и тем, кто обмывал покойного или рыл могилу.

Поминки устраивали также через год после смерти. По прошествии годовщины (обычно за неделю до нее) родные покойного ставили на его могиле надгробный памятник. Иногда сохранялся обычай изображать на надгробных памятниках те инструменты и орудия, которыми работал покойный при жизни. Например, в селе Шош на надгробном памятнике шоферу была изображена грузовая машина. Этот обычай относился к тому отдаленному времени, когда с покойником клали в могилу различные предметы, которые ему пригодились бы в «загробном» мире (*Лисицян*, 1955.С. 260).

После установления советской власти в селах Карабаха появился новый обычай – отмечать память умерших не по церковному календарю (как это сохранялось в ряде районов Армянской ССР), а на следующий день после таких праздников, как 1 Мая, 7 Ноября, Новый год. Эти праздники сельские жители проводили дома за праздничным столом, а на следующий день, взяв с собой еду и напитки, шли на кладбище. После традиционного оплакивания своих близких около их могил присутствующие собирались на общую поминальную трапезу, причем эта процедура уже совсем не носила траурного характера (*Газиян*, *Сехбосян*, 1971. С. 5). Тот же обычай бытовал и в селах Тавуш и Сюник в Армении.

Хотя в похоронной обрядности армян Нагорного Карабаха, как и армян Армении, во второй половине XX в. сохранялось немало архаических традиционных черт, тем не менее и в ней произошли и продолжали происходить изменения. Так, постепенно исчезали поминки на седьмой день. В этот день в ряде сел могилу посещали лишь самые близкие родственники, а поминальный стол готовили очень небольшим. Многолюдные поминки устраивали в основном на 40-й день. Совершенно новым являлся тот факт, что сельская общественность стала брать на себя расходы (а они были немалые), связанные с похоронами. Такие решения

принимались на общем собрании колхозников (*Газиян*, *Сехбосян*, 1971. С. 7). Поскольку во время поминок собиралась масса народу, во многих селах, например Тагавард, Мец Тагер, Шехер и др., для этих целей на общественные средства на кладбище были установлены столы и скамейки под навесами, приобретена кухонная и столовая посуда. Особенно большое, рассчитанное на 200 человек, застекленное помещение было выстроено в 1970 г. в селе Шош. В селе Цор поминки устраивали в здании клуба (ПМА. 1968, 1972, 1974). Новым был и сбор денег для семьи умершего.

Из быта армян Карабаха, как и соседнего Сюника, к концу 1940-х годов исчез целый ряд как христианских, так и дохристианских праздников. По сообщениям многих пожилых уроженцев Карабаха, в период их молодости все эти праздники отмечались в селах в обязательном порядке, а в 1970-е гг. они часто даже затруднялись сказать, в какое время года был тот или иной праздник. В то же время в селах Карабаха продолжал устойчиво сохраняться древний языческий обряд жертвоприношения – *матах*. Но совершался он в те годы в основном отдельными лицами, как правило, в случае выздоровления, особенно ребенка, избавления от несчастного случая и т.д. В качестве жертвы резали барана или петуха. Мясо жертвы отваривали и угощали собравшихся. Сохранялись и некоторые отголоски языческих верований, связанных с культом деревьев, гор, родников. На этот факт в свое время обратил внимание И. Петрушевский, когда писал, что «христианская религия не имеет такого значения для карабахцев, как дохристианские религиозные верования» (*Петрушевский*, 1930. С. 5). В Карабахе, как и в Армении, можно и сейчас увидеть «священное» дерево, увешанное разноцветными тряпочками, что якобы избавляет от болезней.

В советское время возникли новые революционные и общегосударственные праздники: годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, праздник Международной солидарности трудящихся – День 1 Мая, Международный женский день 8 Марта, День Победы, праздник Советской армии и др. В той или иной степени они вошли в быт и карабахских армян. В эти дни в сельских клубах устраивали торжественные заседания, после чего обычно проводились концерты участников художественной самодеятельности. В День Победы 9 мая вошло в обычай всем селом собираться у памятника погибшим в годы Великой Отечественной войны односельчанам. К памятнику шли в сопровождении музыкантов, взяв с собой по традиции для поминовения еду и напитки.

Повсеместное распространение получил праздник Нового года, который стали отмечать в Карабахе, как и везде по Союзу, в ночь на 1 января. Стало традицией устанавливать в клубах, школах, детских садах украшенные елки, а некоторые семьи, в основном имевшие маленьких детей, ставили елки и у себя дома. О праздновании Нового года, который отмечался в семьях особенно торжественно, мне говорили все информаторы без исключения. К новогоднему столу готовили разнообразные традиционные кушанья, например: *толму*, плов, курицу, начиненную сушеным кизилом, а также печеные сладости – гату (мест. *кята*), халву, пахлаву и т. д. По-прежнему было принято, чтобы младшие шли с новогодними поздравлениями к своим старшим родственникам, соседям. Взаимные поздравления обычно длились в течение нескольких дней.

У карабахских армян в те годы появились такие новые семейные торжества, как празднование окончания детьми учебного заведения. На одном из таких торжеств, посвященном получению дочерью диплома после окончания ею Ереванского государственного университета, наша экспедиционная группа присутствовала в 1972 г. в селе Сос Мартунинского района. В доме был накрыт праздничный стол с обильным угощением. Девушку пришли поздравить ее друзья, родственники, соседи.

Вошло в обычай отмечать в семье также проводы призывников в Советскую армию и возвращение их после демобилизации. В этот день в доме собиралось много друзей и родственников, приглашали музыкантов и устраивали торжественное застолье.

Таким образом, при сравнительно устойчивом сохранении в целом традиционной обрядности у армян Нагорного Карабаха во второй половине XX в., она в то же время претерпевала

заметные изменения, которые в общем не меняли присущего ей этнического колорита, выражавшегося в национальных песнях, танцах, музыке, национальных блюдах и т.д.

Социально-экономическая, культурная и демографическая ситуация в Нагорно-Карабахской республике в начале XXI в.

Прошло почти четверть века, как после состоявшегося 10 декабря 1991г. в присутствии международных наблюдателей референдума о статусе Нагорного Карабаха, Нагорно-Карабахская республика (сокращенно НКР) была объявлена независимым государством. В настоящее время, в обстановке «ни войны, ни мира», продолжается миротворческая деятельность международных организаций по урегулированию конфликта, которая до сих пор так и не принесла положительных результатов как из-за противоположных позиций конфликтующих сторон по ключевым вопросам, так и в связи с исключением из переговорного процесса (по требованию Азербайджана) основной заинтересованной стороны – Нагорно-Карабахской республики.

Вместе с тем, даже в условиях столь хрупкого перемирия, периодически нарушаемого на линии соприкосновения сил сторон выстрелами снайперов со стороны Азербайджана, Нагорно-Карабахской республике удалось за эти годы стать существующим де-факто государством со всеми необходимыми органами государственной власти и управления, в том числе пятикратное проведение демократичных президентских и парламентских выборов, принять после прошедшего в 2006г. референдума Конституции. Трудности, связанные с непризнанием до сих пор Нагорно-Карабахской республики мировым сообществом, компенсируются социально-экономическими и культурными связями с Республикой Армения, через которую осуществляются все взаимоотношения НКР с внешним миром. Постоянные представительства НКР в настоящее время действуют помимо Еревана в Москве, Вашингтоне, Париже, Сиднее и Бейруте, которые тесно координируют свою работу с посольствами Республики Армения. Значительную роль в преобразовании НКР играет также налаженная связь с армянской диаспорой, при содействии которой в республике были построены сотни километров дорог, десятки зданий школ, детских садов, медицинских учреждений, комфортабельных гостиниц, открыты новые высшие учебные заведения, благоустраивались города, ремонтировались и строились церкви, жилые и административные здания, развивался туризм, решались проблемы городского и сельского населения, связанные, в частности, с газификацией и водоснабжением, а также проблемы армянских беженцев.

На 1 января 2009 г. административно-территориальное деление Нагорно-Карабахской республики было следующим (табл. 24):

Таблица 24

Административно-территориальное деление Нагорно-Карабахской республики*

Район	Площадь (км)	Население (тыс. чел.)	Количество общин	Райцентр	Население (тыс. чел.)
1.Аскеранский	1196,3	17,6	42	Аскеран	2,1
2.Гадрутский	1876,8	12,4	30	Гадрут	3,0
3.Кашатагский	3376,6	8,6	53	Бердзор	2,0
4.Мартакертский	1795,1	19,3	43	Мартакерт	3,8
5.Мартунинский	951,1	23,4	36	Мартуни	4,9
6.Шаумянский	1829,8	2,8	52	Карвачар	0,5
7.Шушинский	381,3	4,8	7	Шуши	3,3
г. Степанакерт	25,7	51,0	1		
Итого	11432,7	139,9	264		

**Составлено по: Атлас Нагорно-Карабахской республики. 2009. С. 11.*

В период существования Нагорно-Карабахской республики мне удалось побывать там во время своих экспедиционных поездок трижды – в 2001 г. (после 14-летнего перерыва), а также в 2007 и 2011 гг. Выехав ранним утром 28 сентября 2001 г. из Еревана и проехав по Армении около 300 км, последние 65 км до столичного города Нагорно-Карабахской республики

Степанакерта я впервые ехала (до этого мне неоднократно приходилось проезжать этот участок по совершенному бездорожью) по новому, построенному в соответствии с мировыми стандартами шоссе. О прошедшей войне напоминали время от времени встречавшиеся по его краям таблички с надписью: «Внимание, мины!». Во время следующей моей поездки в 2007 г. этих надписей уже не было, поскольку территория к тому времени была разминирована.

Благоприятное впечатление я получила также уже в самом Степанакерте, который приятно поразил меня своей чистотой, ухоженностью, богатой растительностью, нарядно одетой публикой, особенно молодежью. За последние годы в нем появилось немало новых современных зданий, в которых разместились различные учреждения, гостиницы, жилые дома горожан. Несмотря на то, что во время войны город существенно пострадал от бесконечных бомбардировок и артобстрелов[1], а его жители были вынуждены месяцами ютиться в подвалах, уже в 2001 г. трудно было себе представить все это, поскольку разрушенных зданий, за некоторым исключением, практически не было видно, так как их старались, по мере возможности, тут же восстанавливать, чтобы поднять моральный дух горожан.

В 2007 и 2011 гг. в Степанакерте повсюду продолжалась стройка, кругом высились башенные краны, народ благоустраивал свой город. Любой приехавший сюда человек мог отметить, что город живет полноценной жизнью. В нем имеются все учреждения, присущие столицам: здания Правительства и Национального собрания, министерства, созданный на базе областного Педагогического института Арцахский государственный университет (в нем учатся более 5 тыс. студентов, что составляет 71,8% от общего числа студентов НКР (более 6,5 тыс.); имеется своя аспирантура, в которой обучается несколько десятков аспирантов по различным научным специальностям) и несколько вузов (филиал Аграрного университета Армении, а также негосударственные вузы – университеты «Григор Нарекаци» и «Месроп Маштоц», Институт прикладного искусства «Акоп Гюрджян»). В числе средних учебных заведений в городе имеется несколько колледжей – Сельскохозяйственный, Хореографический, Медицинский им. Т. Камаляна, Музыкальный им. Саят-Новы, Ремесленное училище; функционируют две гимназии (одна представляет собой филиал Ереванской физико-математической школы им. А. Шагиняна, другая организована от Арцахского университета). В 2009/2010 учебном году из 252 человек профессорско-преподавательского состава государственных вузов республики 88 имели ученую степень (8 – доктора наук, 80 – кандидата наук), 67 – ученое звание (11 – профессора, 56 – доцента). Дети учатся в школах (в 2010 г. в республике были 232 общеобразовательные школы с более чем 20,5 тыс. учащихся), в том числе в музыкальных, спортивных, школе искусств (Статистический ежегодник. 2010. С. 89).

В Степанакерте функционируют три общественные библиотеки – Республиканская библиотека им. Месропа Маштоца, Детская республиканская библиотека им. Ованеса Туманяна и Городская библиотека им. Мурацана; богатый экспонатами (на конец 2009 г. их было 56 437) Арцахский государственный историко-краеведческий музей (основан в 1938 г.), Музей борцов за свободу и Музей без вести пропавших борцов за свободу; действуют Союз писателей (преобразованный из организованной в 1928 г. ассоциации писателей Нагорного Карабаха, а затем переименованный после Великой Отечественной войны в региональное отделение писателей), Союз художников (с 1973 г.), преобразованный в 2007 г. в «Международный Союз художников Арцаха», Союз композиторов (с 1993 г.), Дворец культуры и молодежи, Центральный дом шахмат и шахматная школа, рассчитанный на 15 тыс. зрителей, Центральный стадион, 10 спортивных федераций. В Степанакерте успешно работают такие старейшие государственные коллективы, как Драматический театр им. Ваграма Папазяна (основан в 1932 г.), организованный в 1958 г. Ансамбль танца Нагорно-Карабахской республики, а также созданные в 1990-е гг. и тоже получившие статус государственных этнографический ансамбль «Мы и наши горы», эстрадный ансамбль «Карабах», фольклорный ансамбль «Вернатун»,

[1] *С ноября 1991 г. по май 1994 г. на Степанакерт упало свыше 21 000 реактивных снарядов «Град», 2700 ракет «Алазань», более двух тысяч артиллерийских снарядов, 180 шариковых бомб, около 10 пятисоткилограммовых авиабомб, в том числе восемь вакуумных (Заргарян, 2011.С. 229)*

камерный оркестр, Джаз - оркестр, камерный хор «Мракац», камерный хор «Варарак», детско-юношеский ансамбль «Дети Арцаха», не раз с успехом гастролировавшие с концертными программами за рубежом. Кроме того, в Степанакерте работают различные магазины, в том числе бутики, рынки, кафе, рестораны, салоны красоты, новые благоустроенные гостиницы, в числе которых гостиницы «Армения», «Европа», гостиничный комплекс «Vallex Garden». 24 сентября 2013 г. здесь открылся новый Республиканский медицинский центр.

Таким образом, после тяжелейших разрушений в Степанакерте удалось не только восстановить, но и построить немало новых зданий, создать новые образовательные и культурные учреждения. Приезжавшие в столицу НКР деловые люди и туристы отмечают ее благоприятный облик. Так, по словам участвовавшего в работе миссии международных наблюдателей за президентскими выборами в НКР в 2012 г. члена Общественной палаты РФ Дениса Дворникова, «Степанакерт сегодня – это европейский город. Инфраструктура, спокойный уют улиц, парков и дружелюбие жителей – напоминают один из небольших городов Испании или докризисной Греции. Уровень преступности стремится к нулю, ее практически нет. Сидя напротив восхитительных поющих фонтанов, можно работать в Интернете, т.к. центральные улицы города покрывает бесплатный wi-fi. Современные гостиницы, кафе, рестораны, а также заметное количество туристов из разных стран создают атмосферу курортного центра» (*Дворников*, 2012.С. 10).

Учебные и культурные учреждения имеются и в других городах республики. Так, в Шуши работают драматический, кукольный и детский театры, Ансамбль народных инструментов, Историко-краеведческий музей, Музей ковров (в нем насчитывается 250 ковров XVII–XIX вв.), Гуманитарный колледж им. А. Хачатряна, Музыкальная школа им. Д. Казаряна, Центральная библиотека, Детско-юношеская спортивная школа, новый стадион. В последние годы здесь построен Центр искусств, ремесел и туризма, в 2010 г. открыта Картинная галерея им. Мартироса Сарьяна (в ней собрана солидная коллекция живописных, графических и скульптурных работ армянских и зарубежных мастеров), в 2013 г. – Музей изобразительного искусства, на фасаде которого мемориальная надпись: «Фонд музея создан на основе даров друзей Арцаха по инициативе и при поддержке профессора Григория Габриэлянца»; в 2014 г. по инициативе доктора геолого-минералогических наук Григория Габриэлянца был открыт Геологический музей. Для туристов была построена комфортабельная гостиница «Shoushi Grand Hotel». В 2013 г. состоялась торжественная церемония открытия Сквера дружбы между городами Шуши и Лос-Анджелес, в котором была установлена скульптура Ангела, являющегося символом этих городов; в здании Министерства культуры и по вопросам молодежи открылся Центр изучения арцахского диалекта армянского языка и этнографии карабахских армян, которым предусмотрено издание книг и отдельных исследований по этим проблемам. В Шуши, как и в Степанакерте, проводятся разного рода мероприятия – фестивали, концерты, спортивные соревнования, международные научные конференции.

После освобождения в 1992 г. город Шуши, в котором вскоре был отреставрирован величественный кафедральный собор XIX в. *Сурб Аменапркич* (Христа Спасителя), стал административным центром и резиденцией главы Арцахской епархии Армянской апостольской церкви, предводителем которой долгие годы является архиепископ Паргев Мартиросян.

В последние годы правительство НКР пытается восстановить исторический облик Шуши и привлечь сюда иностранных туристов, для чего в 2006 г. была принята специальная программа и создан Фонд «Возрождение Шуши» – этого многострадального города, трижды пережившего в XXв. варварские разрушения – в 1905, 1920 и 1991–1992 гг. За прошедшие годы Фондом сделано немало. Шуши получил новый герб, флаг и гимн; были реализованы многие социально-экономические и строительные проекты, разработан генеральный план города, в котором новые строения должны будут гармонично сочетаться с его прежним обликом. В рамках государственной программы восстанавливаются такие историко-архитектурные памятники XIX в., как здание знаменитого Реального училища (в нем планируется открыть Национальный музей), гимназия для девочек «Марьямян». На частные средства будут восстанавливаться и

другие исторические здания, в которых будут размещены объекты туризма и здравоохранения. В качестве первоочередной задачи велась работа по реконструкции всей городской системы водоснабжения. 19 января 2008 г. состоялся телемост «Ереван – Шуши – Вифлеем», связавший Шуши с армянами всего мира с целью напомнить им о том, что восстановить этот старейший город можно лишь совместными усилиями всего народа (*Григорян*, 2005. С. 4, 5; Свободный Шуши восстанавливается и благоустраивается. 2012. С. 24, 25).

На сегодня в Шуши проживают около 4,5 тыс. человек, хотя он рассчитан на 20 тыс. Однако программа активного заселения города, как и других регионов НКР, в частности освобожденного Кашатахского района (в нем проживают свыше 10 тыс. человек) осуществляется не столь активно, что связано с серьезными финансовыми расходами. Так, подсчитано, что для переселения одной семьи, строительства для нее жилья и обеспечения минимально необходимых жизненных условий требуется до 30 млн драмов.

Культурная жизнь развивается и в других районах республики. Например, музыкальные школы имеются в Мартакерте, Гадруте, Мартуни (школа носит имя Арама Хачатуряна). В Аскеране, Мартуни, Мартакерте и Гадруте работают историко-краеведческие музеи (в Гадруте музей носит имя безвременно погибшего первого Председателя ВС НКР Артура Мкртчяна), в Карвачаре – Историко-археологический музей, в селе Бердашен – Музей боевой славы, в Бердзоре – Краеведческий музей-галерея. В ряде сел имеются Дома-музеи знаменитых уроженцев этих мест– Н. Думана в селе Цахкашат, М. Парсегова в селе Колхозашен, Б. Кнунянца в селе Ннги, А. Ханферянца в селе Мец Тагер. Во всех районных центрах публику радуют ансамбли народных инструментов: в Мартуни – «Кнар», в Гадруте – «Дизак», в Мартакерте – «Джраберд», в Аскеране – «Берд», в Карвачаре – «Вайкуник», в Бердзоре – «Берд-зор», в Шуши – «Шуши» (Атлас Нагорно-Карабахской республики. 2009. С. 94).

В девяти общественных библиотеках НКР на конец 2009 г. насчитывалось около 386,5 тыс. экземпляров книг и журналов, в том числе по 2733 экз. приходящихся в среднем на 1000 чел. населения. Количество читателей этих библиотек доходило 20,8 тыс. чел., которым было выдано 357,4 тыс. экземпляров книг и журналов, т.е. в среднем на одного читателя – 17,1 экз. (Статистический ежегодник. 2010. С. 94, 95).

По данным на конец 2009 г. в столице и в районных городах был налажен выпуск свыше 30 периодических изданий, действовали 34 телевизионные станции, 13 радиотрансляционных точек, в пользовании населения было 25 тыс. телефонных аппаратов, число абонентов сотовой связи составило 41,1 тыс. (Статистический ежегодник. 2010. С. 217).

С 2004 г. в Степанакерте при поддержке государства проводится «Всеармянский интеллектуальный фестиваль», в котором принимают участие несколько команд – из НКР, Джавахка (Грузия), Гориса, Гюмри и других городов Армении. В июле 2006 г. был создан Центр культурологических исследований «Диалог», основной целью которого является разработка научно-практических проектов по развитию культуроведения.

Экономика Нагорно-Карабахской республики понесла серьезный урон от войны и нарушения традиционных хозяйственных связей, существовавших в советский период. В частности, пострадали такие крупные промышленные предприятия, как Карабахский шелковый комбинат, конденсаторный завод радиоэлектронной промышленности, обувная фабрика, ковроткацкие фабрики, на которых работало несколько тысяч человек. Хотя с конца 1990-х годов начали функционировать и отдельные промышленные предприятия (например, по производству винно-водочных и хлебобулочных изделий, плодоовощных консервов, обуви, стройматериалов), многие из них были вынуждены работать не на полную мощность, в том числе конденсаторный и электротехнический заводы.

Поэтому правительство НКР уже многие годы проводит последовательную политику по привлечению иностранных инвестиций, в частности капиталов армянской диаспоры, и всячески поддерживает частное предпринимательство. Для этого в республике создан благоприятный инвестиционный климат: довольно ощутимо либеральное налоговое законодательство, до простейших элементов доведены отношения хозяйствующих субъектов с государственными

структурами, законодательно закреплена защита прав инвесторов. Для разработки различных инвестиционных программ, направленных прежде всего на обеспечение потребностей внутреннего рынка и соответственно более активного привлечения инвестиций в экономику республики, в течение уже многих лет в НКР действует соответствующая структура – Арцахский инвестиционный фонд, одной из самых крупных программ которого является ипотечное кредитование жилья.

В результате завершившейся к 2000 г. приватизации малых и средних объектов, в основном в сфере обслуживания, и начавшейся вслед за ней приватизации крупных предприятий, в НКР уже заметно, по мнению специалистов, оживление предпринимательской деятельности в сфере мелкого и среднего бизнеса, в банковско-финансовой системе и торговле. С 1994 г. за короткое время были восстановлены разрушенные во время войны линии электропередач, а также построено много новых линий и трансформаторных подстанций, что позволило полностью возродить всю систему электроснабжения республики. Кроме того, была разработана и уже осуществляется программа перспективного развития электроэнергетики. Помимо крупнейшего источника электроэнергии в республике – Сарсангской ГЭС на реке Тартар, производящей в год до 100 млн кВт.ч., особенности речной системы республики позволили предусмотреть здесь строительство в разных районах 18 малых гидроэлектростанций на местных реках. В 2010 г. впервые в НКР было проведено публичное размещение акций компании «Арцах ГЭС». Активно ведутся работы по проведению газопровода.

Важное стратегическое значение имеет начавшееся в 2000 г. на средства международного Всеармянского фонда «Айастан» строительство главной внутриреспубликанской автомагистрали «Север–Юг» протяженностью 169 км, которая соединит не только районные центры от северного Мартакерта до южного Гадрута, но и порядка 70 сел республики. Торжественное открытие одного из участков этой современной автомагистрали я наблюдала в 2001 г. в Мартакертском районе. В настоящее время сооружение этой главной дороги завершено. Теперь на очереди – благоустройство внутрисельских дорог.

Автомобильный транспорт в республике имеет особое значение, поскольку железная дорога до сих пор заблокирована. Если в 2003 г. протяженность всех внутренних автодорог общего пользования в НКР составляла 1248 км, из которых 224 км были к тому времени заасфальтированы, то к концу 2006 г. асфальтом было покрыто уже 430 км, а к концу 2009 г. длина автомобильных дорог увеличилась в республике до 2255 км, из которых 748 км были с твердым асфальтобетонным покрытием (Статистический ежегодник. 2010. С. 213, 214). Это немалое достижение, если учесть, что в советское время дороги здесь совершенно не благоустраивались, и чтобы проехать из одного населенного пункта в другой, надо было обязательно ехать через азербайджанские города Агдам или Физули. Поэтому реконструированная во второй половине 1990-х годов по мировым стандартам автомагистраль протяженностью в 65 км, связывающая Нагорный Карабах с Арменией, позволяет осуществлять внешние связи НКР.

Позднее из Армении стало возможным проехать в Нагорный Карабах и через высокогорный (2366 м над уровнем моря) Варденисский (Зодский) перевал на границе с Карвачарским районом. Правда, эта дорога сложная и опасная: ширина ее на некоторых участках не допускает встречного движения, использовать ее можно только в теплый период года и в светлое время суток. Несмотря на эти ограничения, дорога активно используется, уже намечены и имелись планы по превращению ее в более стабильную и комфортную транспортную артерию (*Заяц*, 2004. С. 12, 13). К 2012 г. уже было построено 35 км (80%) этой дороги, завершение ее планировалось в 2013 г. К 2012 г. был практически готов к приему пассажиров разрушенный во время войны и построенный заново аэропорт в Степанакерте. Если в советское время в этом аэропорту могли производить посадку только малогабаритные самолеты (типа «Як-40), то новый аэропорт сможет не только значительно увеличить свою пропускную способность, но и принимать большие пассажирские лайнеры, а в будущем осуществлять и грузовые перевозки.

О значительном увеличении объемов строительства в НКР за счет разного рода средств, в основном госбюджета, см. табл. 25.

Таблица 25

Объем строительства (млн драмов)*

Год	2003		2006		2009	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%
Всего	8 694,4	100,0	17 602,0	100,0	34 480,8	100,0
в том числе за счет госбюджета	2 772,2	31,9	8 342,2	47,4	12 469,8	36,2
средств гуманитарной помощи	1 490,3	17,1	2 499,7	14,2	2 235,5	6,5
иностранных инвестиций	1 688,6	19,4	1 589,0	9,0	2 494,4	7,2
собственных средств организаций	867,7	10,0	969,3	5,5	5 201,8	15,1
средств индивидуальных застройщиков	287,5	3,3	366,1	2,1	1 706,8	4,9
других средств	588,1	18,3	3 835,7	21,8	10 372,5	30,1

**Составлено по: Статистический ежегодник. 2010. С. 202.*

В настоящее время Нагорно-Карабахская республика обладает развитой сферой услуг. Основу банковской системы составляют частный «Арцахбанк», главный офис которого разместился в здании бывшей гостиницы «Карабах» в Степанакерте, а также филиалы банков Армении и «Юнибанка» России. Через их счета в республику поступает иностранная валюта от представителей армянской диаспоры, в том числе и от уроженцев Нагорного Карабаха, живущих за пределами своей родины.

Сейчас уже многие объекты промышленности и сферы услуг находятся в собственности представителей армянской диаспоры, например, ковроткацкая фабрика в Степанакерте принадлежит армянину из США, сотовая связь «Карабах–Телеком» зарегистрирована в Ливане. Для привлечения туристов в этот богатый историко-культурными памятниками край (их по последним данным насчитывается около 4 тыс.) в разных его районах швейцарской компанией «Сиркап Армения» выстроено несколько современных гостиниц. Среди них особенно выделяется упомянутый выше пятизвездочный отель «Армения» в Степанакерте, не уступающий по своей комфортности лучшим мировым отелям.

В 2007 г. правительством утверждена государственная программа развития туризма, который является перспективной сферой развития экономики НКР. Иностранные туристы (причем это не только этнические армяне) из разных стран приезжают сюда не только с деловыми целями, но и для проведения отдыха и досуга, чтобы иметь возможность увидеть своими глазами замечательные древние и средневековые памятники, полюбоваться красивой природой, ее неповторимыми пейзажами, подышать чистым горным воздухом. Об интересе в мире к Нагорно-Карабахской республике свидетельствует рост туристических визитов. Так, по данным Министерства иностранных дел НКР, если в 2008 г. республику посетил 5351 турист из 66 стран, то в 2009 г. – 5 546 туристов из 72 стран. В эти годы наибольшее число иностранных туристов посетили край из следующих стран (табл. 26):

Таблица 26

Международный туризм в НКР*

2008 г.				2009 г.			
В том числе из стран	Всего визитов туристов	в том числе деловые	с целью отды-ха и досуга	В том числе из стран	Всего визитов туристов	в том числе деловые	с целью отдыха, досуга

	5 351	851	4 446		5 546	728	4 763
США	**1 036**	**50**	**986**	**США**	**883**	**47**	**836**
Россия	**302**	**22**	**272**	**Россия**	**823**	**9**	**801**
Франция	**967**	**111**	**856**	**Франция**	**698**	**94**	**604**
Иран	**623**	**343**	**280**	**Иран**	**629**	**207**	**420**
Грузия	**67**	**19**	**36**	**Грузия**	**199**	**103**	**88**
Германия	**216**	**18**	**198**	**Германия**	**165**	**18**	**147**
Швейцария	**160**	**13**	**147**	**Швейцария**	**151**	**7**	**144**
Великобритания	**160**	**37**	**123**	**Великобритания**	**147**	**34**	**113**
Канада	**250**	**8**	**242**	**Канада**	**138**	**23**	**115**
Ливан	**145**	**58**	**87**	**Ливан**	**114**	**23**	**91**
Сирия	**106**	**18**	**88**	**Сирия**	**98**	**4**	**86**
Австралия	**96**	**1**	**95**	**Австралия**	**68**	**3**	**65**
Турция	**65**	**43**	**22**	**Турция**	**67**	**37**	**30**
Австрия	**56**	**1**	**55**	**Австрия**	**66**	**2**	**64**
Япония	**34**	**2**	**32**	**Япония**	**45**	**2**	**43**
Греция	**83**	**-**	**83**	**Греция**	**27**	**-**	**27**
Израиль	**54**	**3**	**51**	**Израиль**	**19**	**-**	**19**
Финляндия	**31**	**5**	**26**	**Финляндия**	**16**	**6**	**10**
Латвия	**17**	**1**	**16**	**Латвия**	**13**	**-**	**13**
Индия	**18**	**13**	**5**	**Индия**	**12**	**7**	**5**
Румыния	**13**	**1**	**12**	**Румыния**	**11**	**2**	**9**
Норвегия	**28**	**-**	**28**	**Норвегия**	**10**	**-**	**10**
Кипр	**15**	**-**	**15**	**Кипр**	**10**	**-**	**10**

**Составлено по: Социально-экономическое положение НКР в январе-декабре 2009 г. Информационный квартальный доклад. Степанакерт, 2010. С. 79.*

В последующие годы число туристов в НКР еще больше возросло. В Консульской службе МИД НКР 7 октября 2011 г. был зарегистрирован 10-тысячный посетитель за текущий год; им стал гражданин России, поэт и переводчик Вадим Рахманов; число иностранных граждан, посетивших НКР за 9 месяцев 2011 г., превысило на 64% показатели того же периода 2010 г. (цит. по: КК. 2012. № 1. С. 12). В 2012 г. здесь побывали 15500 иностранцев (КК. 2013. № 4. С. 21).

В 2002 г. в НКР с привлечением иностранного капитала было создано ООО «Basemetals». С этой компанией было заключено соглашение о начале разработок месторождений золота и меди в селе Дрмбон Мартакертского района. Добываемая на его приисках руда перерабатывается на местном горно-обогатительном комбинате, на котором круглосуточно, в 4 смены, работают 1150 человек, в том числе и из Армении. Полученный концентрат вывозится в Армению, где подвергается металлургической переработке на медеплавильном заводе в городе Алаверди, после чего продукция – медь, содержащая золото – выносится на европейский рынок. Сейчас этот комбинат является лидером промышленного производства НКР. Так, в 2010 г. из обработанной около 365 тыс. тонн руды было добыто 27 тыс. тонн концентрата и внесено в госбюджет НКР 4,3 млрд драмов (примерно 12 млн долларов США). Средняя зарплата работников составила 186 тыс. драмов (520 долларов США) в месяц. Результат деятельности комбината благоприятно отразился на жизненном уровне жителей Мартакертского района, который существенно пострадал во время Карабахской войны. Одновременно ведутся исследовательские работы и в Цахкашенском горнорудном комплексе (вблизи села Неркин Оратаг того же района), где планируется в ближайшие годы уточнить запасы меди, молибдена и золотосодержащей руды (КК. 2012. № 1. С. 4, 5).

Динамичный рост в НКР получила ювелирная отрасль. Сейчас здесь действуют несколько предприятий по обработке драгоценных камней и изготовлению ювелирных изделий. В целом экономика НКР тесно интегрирована с экономикой Республики Армения в единый комплекс с

общими собственниками и правовой базой. Общей является и денежная единица – армянский драм.

За период с конца 2003 г. до конца 2009 г. общее число трудовых ресурсов в НКР возросло с 76 884 до 84 352 чел., в том числе экономически активное население увеличилось с 53 437 (69,5%) до 62 323 чел. (73,9%), большинство из них (соответственно 50 123 чел., или 65,2%, и 58 792 чел., или 69,7%) было занято в различных отраслях экономики. За эти годы число работавших в разных отраслях промышленности увеличилось с 3443 чел. (6,9%) до 5170 чел. (8,8%), в строительстве – с 3041 чел. (6,1%) до 4050 чел. (6,9%), в торговле – с 2541 чел. (5,1%) до 4470 чел. (7,6%), в образовании, культуре и искусстве – с 8250 чел. (16,5%) до 10 069 чел. (17,1%). В то же время наибольшее число работавших по-прежнему было занято главным образом в сельском и лесном хозяйстве, хотя за эти годы число их сократилось с 20 216 чел. до 17 270 чел. (с 40,3 до 29,4%). Одновременно увеличилось и число официально зарегистрированных безработных – с 3314 до 3531 чел., но доля их в общем числе трудовых ресурсов немного сократилась (с 4,3 до 4,2%). Если среди мужчин число безработных практически не изменилось (248 чел. в 2003 г. и 250 чел. в 2009 г.), то среди женщин и молодежи в возрасте от 18–30 лет число их возросло – соответственно с 3066 до 3281 чел. и с 1501 до 1820 чел. Среди общего числа зарегистрированных безработных за эти годы, с одной стороны, увеличилось число лиц с высшим (с 330 до 627 чел.) и средним специальным образованием (с 764 до 1097 чел.), а с другой стороны, сократилось число лиц со средним (в том числе и неполным) образованием (с 2220 до 1807 чел.) (Статистический ежегодник. 2010. С. 52, 54–56).

Следствием развития экономики является и постепенное повышение основных показателей уровня жизни, в частности денежных доходов на душу населения, которые за указанные годы увеличились с 251,2 тыс. драмов в 2003 г. до 624,0 тыс. драмов в 2009 г. (один доллар США в те годы стоил около 375 драмов) как за счет повышения среднемесячной зарплаты (с 33,7 до 88,8 тыс. драмов, или с 58,2 до 244,3 долларов США), особенно возросшей у работников, занятых в промышленности (с 38,3 до 91,6 драмов), строительстве (с 44,3 до 115,0 тыс.), транспорте (с 20,1 до 98,1 тыс.), в сфере образования (с 22,1 до 70,4 тыс.), финансов (с 71,7 до 170,6 тыс.), так и пенсий (с 6,6 до 27,8 тыс.). В то же время среднемесячная зарплата женщин была более чем в два раза ниже зарплаты мужчин (в 2009 г. она составляла у женщин 51 979, а у мужчин – 115 337 драмов), поскольку женщины, как правило, больше заняты в менее доходных отраслях экономики (Статистический ежегодник. 2010.С. 70–73, 75).

В числе основных социальных гарантий государство предоставляет своим гражданам пособие по безработице (средний размер его за эти годы возрос с 7,2 до 18,0 тыс. драмов), пенсии по инвалиднисти, размер которых увеличился за эти годы с 14,9 до 29,5 тыс. драмов инвалидам I группы, с 13,5 до 26,3 тыс. драмов – II группы, с 13,5 до 21,0 тыс. драмов – III группы (общая численность инвалидов, многие из которых являются инвалидами Карабахской войны, составляла в 2009 г. 10 207 чел.); минимальный размер стипендии в месяц студентам вузов, средних специальных учебных заведений и аспирантам с отрывом от производства – соответственно 5,0, 3, 9 и 10,0 тыс. драмов в 2009 г. (Статистический ежегодник. 2010. С. 77, 78, 108).

В то же время, несмотря на небольшие размеры зарплат и пенсий, число банковских вкладов населения увеличилось за этот период более чем в 2,5 раза – с 16 943 до 43 187, хотя средний размер вклада несколько сократился – с 233,5 до 211,0 тыс. драмов (Статистический ежегодник. 2010. С. 77, 78).

В связи с тем, что Нагорно-Карабахская республика живет в условиях «ни войны, ни мира», а власти Азербайджана не устают повторять, что намерены силой вернуть утраченные территории, ее руководство вынуждено большое внимание уделять содержанию Армии обороны, бойцов которой отличают высокие морально-волевые качества и строгая дисциплина.

Служить в армии здесь обязан каждый молодой человек, достигший 18 лет; никаких отсрочек от призыва не предусмотрено, за исключением тех случаев, когда в семье погибшего отца или сына остается единственный сын. Имеются и контрактники, которые несут вахту в горах на границе с Азербайджаном на высоте до 3600 м над уровнем моря. После одного месяца такой непростой службы контрактники в течение двух месяцев находятся дома, где могут заниматься своим хозяйством, причем зарплату за эти месяцы они также получают.

В начале послевоенного периода, в 1995 г., численность карабахских армян, по сравнению с данными переписи 1989 г., сократилась со 145,5 тыс. до 122,6 тыс. чел., что произошло как за счет вынужденных переселенцев и беженцев, в том числе подвергшихся депортации, так и в результате многочисленных жертв войны – как среди гражданского населения, так и среди воинов, светлую память о которых здесь свято чтут. Их называют воинами-освободителями (*азатамартикнер*), на кладбищах им поставлены памятники из черного мрамора с изображениями в полный рост и, как правило, в военной форме; в городах и селах сооружены мемориальные памятники с их портретами и именами; их портреты висят в семьях, школах, клубах; за столом обязательный тост произносится в память о них; их матери и вдовы пользуются большим уважением. Семьям погибших строили и ремонтировали дома в первую очередь. Школа в селе Сос носит имя погибшего Айка Акопяна, ученика этой школы. Одна из главных улиц Степанакерта названа в часть Воинов-освободителей; в память о них в республике регулярно проводятся состязания-мемориалы по различным видам спорта.

Через 10 лет, в 2005 г., в республике была поведена первая в условиях независимости перепись, согласно которой численность населения в НКР была следующей (табл. 27):

Таблица 27

Численность наличного и постоянного населения НКР*

В целом по НКР	Всего	Наличное население	Постоянное население
	Мужчины	134862	137737
	Женщины	65120	66555
		69742	71182
В том числе			
Городское население	Всего	69465	70512
	Мужчины	32587	33115
В том числе	Женщины	36878	37397
г. Степанакерт	Всего	49300	49986
	Мужчины	22842	23175
	Женщины	26458	26811
г. Шуши	Всего	3105	3191
	Мужчины	1453	1518
	Женщины	1652	1673
Сельское население	Всего	65397	67225
	Мужчины	32533	33440
	Женщины	32864	33785

**Составлено по: Результаты переписи населения Нагорно-Карабахской республики 2005 г. (показатели НКР). Степанакерт, 2006. С. 47, 56, 69 (на арм., англ., рус.яз.).*

Приведенные данные свидетельствуют, во-первых, о произошедшем за 10 лет повышении численности населения на 15,1 тыс. чел. и, во-вторых, о заметном преобладании в 2005 г. женщин, особенно среди горожан, что, несомненно, в первую очередь было результатом пережитой войны. Что касается разницы между постоянным и наличным (на момент переписи) населением, то в НКР она была не столь заметной, как в Республике Армения, что косвенно свидетельствует о гораздо меньшей миграции карабахских армян за пределы своей республики. Это показали и опросы населения, главным образом мужчин, которые отвечали, что не намерены теперь покидать родные места.

По возрасту и полу население НКР распределялось следующим образом (табл. 28):

Таблица 28

Распределение наличного и постоянного населения НКР по возрасту и полу*

Возраст	Наличное население			Постоянное население		
	Всего %	Мужчины %	Женщины %	Всего %	Мужчины %	Женщины %
0–9	21913 16,2	11138 17,1	10775 15,4	22299 16,2	11342 17,0	10957 15,4
10–19	23227 17,2	11892 18,3	11335 16,3	23756 17,2	12156 18,3	11600 16,3
20–29	22495 16,7	11373 17,5	11122 15,9	23310 16,9	11836 17,8	11474 16,1
30–39	15689 11,6	7609 11,7	8080 11,6	16046 11,6	7803 11,7	8243 11,6
40–49	18304 13,6	8485 13,0	9819 14,1	18580 13,5	8600 12,9	9980 14,0
50–59	12499 9,3	5847 8,9	6652 9,5	12686 9,2	5927 8,9	6759 9,5
60–69	8638 6,4	3978 6,1	4660 6,7	8789 6,4	4033 6,1	4756 6,7
70–79	9054 6,7	3836 5,9	5218 7,5	9171 6,7	3881 5,8	5290 7,4
80 и старше	3043 2,3	962 1,5	2081 3,0	3100 2,3	977 1,5	2123 3,0
Всего	134862 100,0	65120 100,0	69742 100,0	137737 100,0	66555 100,0	71182 100,0

**Рассчитано по: Результаты переписи населения Нагорно-Карабахской республики 2005 г. 2006. С. 81–83.*

Приведенные данные показывают, с одной стороны, преобладание доли мужской части населения в возрасте до 29 лет включительно, а с другой стороны, начиная с 40 лет и старше, сокращение этой доли по сравнению с женским населением, что во многом объясняется гибелью многих мужчин во время прошедшей войны.

Хотя Нагорный Карабах всегда славился своими долгожителями[1], сейчас их доля заметно сократилась, что также связано с войной и трудными условиями блокадной жизни. Так, по данным переписи 2005 г., из общего числа наличного населения в возрасте 85 лет и старше насчитывалось 999 чел., (из них мужчин – 241, женщин – 758), а из общего числа постоянного населения в этом возрасте зафиксирован 1021 чел., (из них мужчин – 245, женщин – 776) (Рассчитано по: Результаты переписи населения НКР 2005 г. 2006. С. 83).

В целом в наше время средняя продолжительность жизни населения Нагорного Карабаха заметно сократилась (табл. 29):

Таблица 29

Средняя продолжительность жизни населения НКР по полу*

Год	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины
2003	71,4	68,3	74,4
2004	69,4	65,3	73,5

[1] *Так, епископ Макар Бархударянц, обошедший в конце XIX в. практически весь край, при описании тех или иных поселений, непременно указывал, до какого возраста доживали в них люди, обычно от 80–85 до 100, а иногда и более лет (об этом см.: Епископ Макар Бархударянц. Арцах. Баку, 1895 (на арм. яз.); СПб., 2009 (2-е изд.). Недаром в 1970--80-е гг. именно в Нагорном Карабахе, как и в Абхазии, сотрудниками Института этнографии АН СССР изучался феномен долгожительства, по результатам чего был опубликован сборник «Феномен долгожительства». М., 1982*

2005	70,6	65,8	75,3
2006	69,6	65,5	73,7
2007	71,8	67,6	76,0
2008	70,8	66,9	74,9
2009	71,2	66,8	75,8

**Составлено по: Статистический ежегодник. 2010. С. 40*

После долгой кровопролитной войны НКР стала по своему составу практически мононациональной. Согласно переписи 2005 г., ее постоянное население в возрасте 7 лет и старше распределялось по национальному составу следующим образом (табл. 30):

Таблица 30

Распределение постоянного населения НКР в возрасте 7 лет и старше по национальности*

Национальность	Население от 7 лет и старше		В том числе			
			Мужчины		Женщины	
	число	%	Число	%	число	%
Всего	122051	100,0	58558	100,0	63493	100,0
Армяне	121725	99,73	58448	99,81	63277	99,66
Русские	154	0,13	47	0,08	107	0,17
Украинцы	21	0,017	7	0,010	14	0,02
Греки	21	0,017	11	0,019	10	0,016
Грузины	10	0,008	3	0,000	7	0,011
Азербайджанцы	6	0,004	2	0,000	4	0,006
Другие	114	0,093	40	0,068	74	0,120

**Рассчитано по: Результаты переписи населения Нагорно-Карабахской республики 2005 г. 2006. С. 199–201.*

Таким образом, подавляющее большинство постоянного населения НКР (99,73%) составляли армяне. Представителей других народов были единицы, при этом среди них преобладали женщины, большинство которых были замужем за армянами.

По возрасту, полу и семейному положению население НКР в возрасте от 15 лет и старше распределялось, по данным этой переписи, следующим образом (табл. 31):

Таблица 31

Распределение населения от 15 лет и старше по возрасту, полу и семейному положению*

Все население			В том числе			
			Мужчины		Женщины	
	Число	%	Число	%	Число	%
Всего	**104761**	**100,0**	**49653**	**100,0**	**55108**	**100,0**
В т. ч.: никогда не состояли в браке	**26723**	**25,5**	**15357**	**30,9**	**11366**	**20,6**
В браке	**64367**	**61,5**	**32031**	**64,5**	**32236**	**58,7**
Вдовец, вдова	**11250**	**10,7**	**1633**	**3,3**	**9617**	**17,5**
В разводе	**2421**	**2,3**	**632**	**1,3**	**1789**	**3,2**
Городское население			**В том числе**			
			Мужчины		**Женщины**	
	Число	**%**	**Число**	**%**	**Число**	**%**
Всего	**54815**	**100,0**	**25076**	**100,0**	**29739**	**100,0**
В т. ч.: никогда не						

состояли в браке	15866	29,0	8259	32,9	7607	25,6
В браке	31956	58,3	15744	62,8	16212	54,5
Вдова, вдовец	5436	9,9	733	2,9	4703	15,8
В разводе	1557	2,8	340	1,4	1217	4,1
Сельское население			В том числе			
			Мужчины		Женщины	
	Число	%	Число	%	Число	%
Всего	49946	100,0	24577	100,0	25369	100,0
В т. ч.: никогда не состояли в браке	10857	21,7	7098	28,9	3759	14,8
В браке	32411	64,9	16287	66,3	16124	63,6
Вдова, вдовец	5814	11,7	900	3,6	4914	19,4
В разводе	864	1,7	292	1,2	572	2,2

**Рассчитано по: Результаты переписи населения Нагорно-Карабахской республики 2005 г. 2006. С. 88, 89.*

Приведенные данные показывают, что число как мужчин, так и женщин, состоявших в браке, была выше среди сельского населения (соответственно 66,3 и 63,6%), чем среди горожан (62,8 и 54,5%), что прежде всего объясняется более ранним возрастом вступления в брак сельской молодежи. Результатом войны в Нагорном Карабахе стало большое число вдов как среди горожан (15,8%), так и среди сельского населения (19,4%).

Если в советское время армяне Нагорного Карабаха, как и Армении, наряду с национальными именами, нередко давали своим детям имена, заимствованные из русского языка, либо западноевропейские имена, особенно имена героев пьес Шекспира, то в наше время в обиход вошли преимущественно национальные имена, особенно при наречении мальчиков. Например, наиболее распространенными в 2009 г. были следующие имена (табл. 32):

Таблица 32

Наиболее часто повторяющиеся имена новорожденных по полу в 2009 г.*

Родившиеся девочки – 1337		Родившиеся мальчики – 1484	
Анна	70	Гор	83
Ани	69	Арман	71
Мариам	58	Давид	63
Мария	39	Тигран	63
Ангелина	38	Гайк	46
Милена	33	Арен	46
Мане	31	Нарек	39
Лилит	29	Армен	37
Наре	23	Арсен	35
Яна	23	Артур	32

**Составлено по: Статистический ежегодник. 2010. С. 87.*

О проистекшей за период с 1995 по 2009 гг. динамики численности населения НКР и соотношения ее городских и сельских жителей см. табл. 33:

Таблица 33

Численность населения НКР на конец года*

Год	Всего тыс. чел.	Городское тыс. чел.	Сельское тыс. чел.	Городское %	Сельское %

1995	122,6	67,5	55,1	55,1	44,9
1996	124,2	67,9	56,3	54,7	45,3
1997	128,7	68,0	60,7	52,8	47,2
1998	130,6	67,8	62,8	51,9	48,1
1999	133,3	68,2	65,1	51,2	48,8
2000	134,4	68,4	66,0	50,9	49,1
2001	135,7	68,7	67,0	50,6	49,4
2002	136,6	69,3	67,3	50,7	49,3
2003	137,0	69,1	67,9	50,4	49,6
2004	137,2	69,8	67,4	50,9	49,1
2005	137,7	70,5	67,2	51,2	48,8
2006	137,7	70,8	66,9	51,4	48,6
2007	138,8	71,6	67,2	51,6	48,4
2008	139,9	72,7	67,2	52,0	48,0
2009	141,4	74,2	67,2	52,5	47,5

**Составлено по: Статистический ежегодник. 2010. С. 32, 33.*

Таким образом, за 14 лет население республики увеличилось на 18,8 тыс. чел., при этом если доля городского населения в целом уменьшилась с 55,1 до 52,5%, то доля сельского населения, напротив, увеличилась с 44,9 до 47,5%. В то же время за период с конца 2003 г. до конца 2009 г. это соотношение было направлено в сторону увеличения уже доли городского населения (с 50,4 до 52,5%) за счет сокращения доли сельского населения (с.49,6 до 47,5%). Увеличение доли горожан происходило как за счет внутренней миграции, так и за счет естественного прироста, т.е. разницы между числом родившихся и числом умерших. О динамике естественного прироста населения как в целом по республике, так и среди жителей городов и сел за период с конца 2003 до конца 2009 г. см. табл. 34:

Таблица 34

Родившиеся, умершие и естественный прирост населения*

	Всего человек			На 1000 чел. населения		
	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост
Год	Все население					
2003	2058	1232	826	15,0	9,0	6,0
2004	2095	1306	789	15,3	9,5	5,8
2005	2004	1260	744	14,6	9,2	5,4
2006	2102	1235	867	15,3	9,0	6,3
2007	2145	1227	918	15,4	8,8	6,6
2008	2418	1317	1101	17,3	9,4	7,9
2009	2821	1266	1555	20,0	9,0	11,0
	Городское население					
2003	1106	579	527	16,0	8,4	7,6
2004	1235	662	573	17,7	9,5	8,2
2005	1132	640	492	16,1	9,1	7,0
2006	1202	605	597	17,0	8,6	8,4
2007	1259	580	679	17,6	8,1	9,5
2008	1390	618	772	19,1	8,5	10,6
2009	1240	593	947	16,7	8,0	8,7
	Сельское население					
2003	952	653	299	14,0	9,6	4,4
2004	860	644	216	12,8	9,6	3,2
2005	872	620	252	13,0	9,2	3,8
2006	900	630	270	13,4	9,4	4,0
2007	886	647	239	13,2	9,6	3,6
2008	1028	699	329	15,3	10,4	4,9

2009	**1281**	**673**	**608**	**19,1**	**10,0**	**9,1**
		Шаумян				
2003	**42**	**6**	**36**	**16,8**	**2,4**	**14,4**
2004	**36**	**9**	**27**	**14,4**	**3,6**	**10,8**
2005	**51**	**4**	**47**	**20,4**	**1,6**	**18,8**
2006	**48**	**8**	**40**	**17,1**	**2,8**	**14,3**
2007	**52**	**12**	**40**	**18,6**	**4,3**	**14,3**
2008	**68**	**17**	**51**	**24,2**	**6,1**	**18,1**
2009	**77**	**18**	**59**	**25,7**	**6,0**	**19,7**
		г. Шуши				
2003	**60**	**26**	**34**	**13,9**	**6,0**	**7,9**
2004	**50**	**33**	**17**	**11,4**	**7,5**	**3,9**
2005	**62**	**28**	**34**	**14,1**	**6,4**	**7,7**
2006	**62**	**34**	**28**	**13,8**	**7,6**	**6,2**
2007	**46**	**35**	**11**	**10,0**	**7,6**	**2,4**
2008	**80**	**30**	**50**	**16,6**	**6,2**	**10,4**
2009	**91**	**28**	**63**	**17,8**	**5,5**	**12,3**

**Составлено по: Статистический ежегодник. 2010. С. 37–39.*

Приведенные данные показывают, что если в 2003–2005 гг. показатель естественного прироста населения в целом по НКР, в том числе среди горожан, несколько снижался, то с 2006 г. шло его заметное увеличение (с 867 до 1555 чел., в том числе среди горожан с 679 до 947 чел.). Среди сельского населения уровень естественного прироста населения в 2004 г., по сравнению с 2003 г., резко сократился (с 299 до 216 чел.), но потом наблюдалось его повышение, за исключением 2007 г. В целом по НКР на 1000 человек населения естественный прирост составил на конец 2009 г. 11,0 (из расчета 20,0 родившихся и 9,0 умерших), в том числе среди городского населения 8,7, среди сельского – 9,1. При этом повышение показателя естественного прироста населения на 1000 человек населения наблюдалось к концу 2009 г. в Шаумяне (19,7) и в Шуши (12,3).

Повышению естественного прироста в НКР способствует определившаяся в последние годы тенденция к увеличению рождаемости. Например, если в 1999 г. в целом по НКР родилось около 1500 детей, то в последующие годы ежегодно рождалось свыше 2000 детей, а в 2009 г. родился 2821 ребенок, что на 403 новорожденных, или на 16,7% превысило показатель 2008 г., что в целом дает благоприятную перспективу на будущее. Немалую роль в этом играет разумная демографическая политика властей НКР, направленная на материальное стимулирование рождаемости и многодетности, причем это материальное стимулирование постепенно растет. Так, в 2001 г. мои информаторы говорили, что, начиная с третьего ребенка, в банке на его имя открывается счет на определенную сумму, которую он сможет получить по достижении совершеннолетия, а родители до этого могут пользоваться начисленными банком процентами. Особенно большая сумма, а также новый дом и автомашина «Нива» были обещаны родителям в случае рождения десятого ребенка. Спустя несколько лет, уже после рождения первого ребенка родители получали 100 тыс. драмов (а в случае, если мать была безработной, то ей выдавали единовременно 150 тыс. драмов), при рождении второго ребенка – 200 тыс., третьего ребенка – 500 тыс., четвертого и последующих детей – по 700 тыс. драмов и на такую же сумму сертификат; семьям с шестью детьми правительство строило новый дом (ПМА. 2001, 2011). 26 января 2010 г. постановлением правительства НКР была утверждена концепция демографической политики, направленной главным образом на решение вопросов рождаемости, здоровья, продолжительности жизни (*Маилян*, 2010. С. 6).

Что касается механического прироста населения НКР, то в разные годы наблюдался то его рост, например, в 2003 и 2005 гг., то, напротив, его падение, например, в 2004, 2006, 2007 гг. Но в 2008–2009 гг. в НКР наметился заметный механический прирост населения, когда число прибывших в республику стало превышать число выбывших (табл. 35):

Таблица 35

Миграционные движения населения*

Год	Прибывшие	Выбывшие	Механичес-кий прирост	На 1000 чел. населения		
				Прибывшие	Выбывшие	Механический прирост
2003	872	692	180	6,4	5,1	1,3
2004	1295	1657	- 362	9,4	12,1	- 2,6
2005	956	721	235	6,9	5,2	1,7
2006	865	1310	- 445	6,3	9,5	- 3,2
2007	831	102	- 195	6,0	7,4	- 1,4
2008	1142	775	367	8,2	5,5	2,6
2009	914	403	511	6,5	2,9	3,6

**Составлено по: Статистический ежегодник. 2010. С. 46.*

О том, как распределялось городское и сельское население НКР по районам в 2003–2009 гг., см. табл. 36:

Таблица 36

Численность населения НКР по районам (на конец года)*

Год	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Всего	137,0	137,4	137,7	137,7	138,8	139,9	141,4
городское	69,1	69,8	70,5	70,8	71,6	72,7	74,2
сельское	67,9	67,4	67,2	66,9	67,2	67,2	67,2
Степанакерт							
городское	49,8	49,9	50,0	50,4	51,0	51,6	52,3
Аскеран	16,8	16,9	17,0	17,0	17,4	17,6	17,7
городское	1,9	2,0	2,0	2,1	2,1	2,1	2,1
сельское	14,9	14,9	15,0	14,9	15,3	15,5	15,6
Гадрут	11,9	11,9	12,0	12,4	12,2	12,3	12,4
городское	2,8	2,7	2,8	3,0	3,0	3,0	3,3
сельское	9,1	9,2	9,2	9,4	9,2	9,3	9,1
Мартакерт	18,8	18,8	18,9	18,9	19,0	19,4	19,6
городское	3,8	4,0	4,2	3,8	3,9	4,1	4,2
сельское	15,0	14,8	14,7	15,1	15,1	15,3	15,4
Мартуни	23,0	23,0	23,2	23,1	23,2	23,5	23,5
городское	4,5	4,8	4,9	4,9	5,0	5,3	5,4
сельское	18,5	18,2	18,3	18,2	18,2	18,2	18,1
Шаумян	2,5	2,5	2,5	2,8	2,8	2,8	3,0
городское	0,5	0,5	0,4	0,5	0,5	0,5	0,6
сельское	2,0	2,0	2,1	2,3	2,3	2,3	2,4
Шуши	4,3	4,4	4,4	4,5	4,6	4,8	5,1
городское	3,1	3,1	3,3	3,3	3,4	3,6	3,9
сельское	1,2	1,3	1,1	1,2	1,2	1,2	1,2
Кашатаг	9,9	9,8	9,7	8,6	8,6	7,9	7,8
городское	2,7	2,8	2,9	2,7	2,7	2,5	2,4
сельское	7,2	7,0	6,8	5,9	5,9	5,4	5,4

**Составлено по: Статистический ежегодник. 2010. С. 35, 36.*

Таким образом, в течение взятого для исследования периода с 2003 по 2009 гг. включительно постепенно шел процесс небольшого увеличения как городского (особенно города Степанакерта – на 2,5 тыс. чел.), так и в меньшей степени сельского населения, за исключением сельского населения Гадрутского и Шушинского районов, остававшегося на прежнем уровне, и сельского населения Мартунинского р-на, сократившегося на 400 чел., а также сократившегося городского и сельского населения Кашатагского района, где из-за постоянных угроз

руководства Азербайджана возобновить военные действия люди все еще боялись там поселяться.

Такова в целом была социально-экономическая, культурная и демографическая ситуация в Нагорно-Карабахской республике в первое десятилетие XXI в., свидетельствующая о более или менее стабильных показателях ее экономического роста, о заметном повышении жизненного уровня населения. Однако при всем этом жизнь народа, особенно в селах, оставалась пока еще трудной, поскольку молодое государство в те годы было вынуждено преодолевать нанесенный войной и ее последствиями серьезный урон. В результате, по мнению руководства НКР, наиболее актуальными продолжали оставаться вопросы социально-экономического характера, в том числе наиболее приоритетными – повышение жизненного уровня населения, особенно его социально уязвимых слоев, осуществление мер по улучшению демографической ситуации, развитие приоритетных направлений экономики, в частности, развитие гидроэнергетики, горнодобывающей и перерабатывающей промышленности, сельского хозяйства, производственной инфраструктуры, а также проблемы водоснабжения для удовлетворения бытовых нужд населения, создание эффективной ирригационной системы. Для решения этих жизненно важных проблем власти республики опираются прежде всего на свои собственные силы, на рациональное использование всех имеющихся у них ресурсов – естественных, трудовых, интеллектуальных, а также на политико-экономический потенциал мирового армянства (из интервью президента НКР Бако Саакяна; цит. по: Арцах. 2010. № 2 (17). С. 6, 7).

Показателем фактически состоявшейся государственности Нагорно-Карабахской республики и развития ее по пути демократии и стабильности служит тот факт, что за годы независимости в республике сформировались устойчивые политические институты, действуют легитимные органы власти, влиятельное правительство. Как отмечалось, в НКР по пять раз проводились парламентские (1991, 1995, 2000, 2005, 2010 гг.) и президентские (1996, досрочные в 1997, 2002, 2007, 2012 гг.) выборы, на референдуме 2006 г. была принята Конституция республики. За прошедшими в НКР 19 июля 2012 г. пятыми президентскими выборами, в ходе которых на альтернативной основе на второй срок был избран действующий президент Бако Саакян, следили как местные представители гражданского общества и политических партий, так и международные наблюдатели из 22 стран Европы, Америки и Азии, все делегации которых признали эти выборы свободными, легитимными, открытыми, демократичными, полностью отвечающими избирательному законодательству республики, а также соответствующими имеющимся международным стандартам в отношении демократических выборов. Российские наблюдатели в своем заявлении подчеркнули «эффективное в целом функционирование органов власти Нагорно-Карабахской республики» По их словам, «усилия, направленные на построение и совершенствование демократической избирательной системы, требуют соответствующего внимания со стороны сопредседателей Минской группы ОБСЕ, мирового сообщества в целом, что способствовало бы скорейшему мирному урегулированию азербайджано-карабахского конфликта, установлению стабильности и действительно прочного мира в регионе» (цит. по: *Заргарян*, 2012. С. 14, 15).

Социально-экономическая и этнокультурная ситуация в селах Нагорно-Карабахской республики в начале XXI в.

По данным на конец 2009 г. удельный вес сельского населения в НКР составлял 47,5%, т.е. почти половина жителей республики проживала в селах, при этом подавляющее большинство их по традиции продолжало заниматься сельскохозяйственным, главным образом земледельческим, трудом. В связи с нехваткой рабочих мест большинство сельских жителей имели основной источник дохода от собственного хозяйства, даже в том случае, если они работали или получали пенсию или какое-либо пособие. Бесплатная раздача земли была осуществлена в

НКР с осени 1998 г. из расчета 0,6 га на одного члена семьи. Приватизация земли была проведена только один раз, поэтому, если даже в дальнейшем число членов семьи возрастало, земельный участок больше не увеличивали. Желающие получить больше земли могли ее только арендовать. Однако, как говорили старики, если в прошлом их предки умели обрабатывать землю, не применяя особой техники, то нынешнее поколение не может обойтись без современных машин. А они к тому времени были уже заметно изношены, запчасти достать было не всегда легко, кроме того, за использование техники, находящейся сейчас в частном владении, надо платить, а также покупать солярку, бензин, на что денег не хватало. Трудности заключаются также в том, что пашни, где посеяны зерновые культуры, находятся вдали от сел, порой за 20-30 км, и чтобы проехать туда, нужно нанимать машину, тратиться на бензин. И хотя правительство уже несколько лет подряд осуществляет политику льготного кредитования крестьянских хозяйств, многие считали, что срок в девять месяцев, на который отпускался кредит, недостаточен для того, чтобы успеть расплатиться, и с ностальгией вспоминали колхозы, где они были обеспечены постоянной работой, техникой, удобрениями и гарантированной зарплатой. Приходилось слышать и мнение о том, что если в советское время все работали, то современная молодежь уже не всегда хочет работать на земле. Говорили также о том, что не надо было раздавать землю всем, а только тем, кто мог и хотел на ней работать.

К середине 2010 г. более половины (52%) общей площади земель НКР были заняты сельскохозяйственными угодьями, посевные площади которых включали менее одной десятой этой площади. Подавляющее большинство посевных площадей было засеяно зерновыми культурами (пшеницей, ячменем, в последнее время и кукурузой, большая часть которой идет на изготовление кормов), причем доля их за 2003–2009 гг. возросла с 93,6 до 95,1% (Статистический ежегодник. 2010. С. 188, 189). Важно отметить, что во время войны площади сельскохозяйственных угодий значительно сократились, в том числе под посевы зерновых и особенно (в несколько раз) под виноград, что во многом произошло из-за трудностей с его реализацией, а также в связи с необходимостью увеличения злаковых для питания в условиях блокады. Поэтому после войны правительством была разработана специальная программа «Виноград», предусматривающая в ближайшие годы восстановление этой важной отрасли сельского хозяйства. Результаты этой программы уже видны, так как производство винограда в республике заметно увеличивается.

Хотя, как и в прошлом, животноводство у карабахских армян играет второстепенную роль, они продолжают содержать в своих хозяйствах крупный и мелкий рогатый скот, птицу, многие по-прежнему имеют в качестве необходимого в горах транспортного средства осла, иногда – мула либо лошадь. Положительным фактом следует считать появление во многих селах крупных фермеров, которые содержат в своих хозяйствах по несколько десятков голов скота. Например, в 2011 г. в селе Карин-так было три фермера, два из которых имели приблизительно по 20 коров, один – 80 коров; в селе Тагавард трое фермеров держали по 40 коров, в собственности у трех братьев Г. было 35 буйволов и 50 коров, у некоторых фермеров по 100-200 овец; в селе Азох 5 фермеров содержали от 50 до 100 коров и овец. Для ухода за большим поголовьем скота фермеры нанимали рабочих из числа местных жителей. Получаемое ежедневно молоко фермеры, как правило, либо сдавали в ближайшие приемные пункты в Степанакерте, Красном базаре, Гадруте (по 100-120 драмов за литр, в зависимости от жирности), где в специализированных цехах готовили масло, творог, сыр, либо сами готовили сыр, который продавали по 2000 драмов за кг. Кредиты на покупку скота (например, одна хорошая корова стоит 1 тыс. долларов США) дает государство, но на небольшой срок, хотя и под мизерные проценты – от 2 до 5%.

Во время своих поездок в 2001, 2007 и 2011 гг. в Нагорно-Карабахскую республику основную работу я проводила в селах, в которых собирала полевой материал в прежние годы.

Это давало возможность для выявления определенных тенденций этнокультурного развития карабахских армян за прошедшее время, особенно за последний период, отмеченный трагизмом пережитой войны и ее последствиями. В 2001 и 2007 гг. это были села Аветараноц, Вардадзор, Нахиджеваник, Хндзиристан Аскеранского района, Гиши и Сос Мартунинского района, Азох и Тог Гадрутского района, Атерк и Ванк Мартакертского района; в 2011 г. – села Шош Аскеранского района, Карин-так Шушинского района, Ннги и Тагавард Мартунинского района, Азох,Айгестан, Ванк, Вардашат, Кармракуч, Мец Тагер, Норашен, Таг, Тагасер и Туми Гадрутского района.

Численность населения первых 10 сел по данным республиканской переписи 2005 г. была следующей (табл. 37):

Таблица 37

Численный состав мужского и женского населения в селах*

Село, район		Наличное население	Постоянное население
Аветараноц, Аскеранский	**Всего, в том числе**	**920**	**1039**
	мужчины	**456**	**527**
	женщины	**464**	**512**
Вардадзор, « - «	**Всего, в том числе**	**248**	**248**
	мужчины	**111**	**111**
	женщины	**137**	**137**
Нахиджеваник, « - «	**Всего, в том числе**	**211**	**201**
	мужчины	**103**	**103**
	женщины	**108**	**108**
Хндзиристан, « - «	**Всего, в том числе**	**751**	**814**
	мужчины	**369**	**410**
	женщины	**382**	**404**
Гиши, Мартунинский	**Всего, в том числе**	**1207**	**1234**
	мужчины	**600**	**613**
	женщины	**607**	**621**
Сос, « - «	**Всего, в том числе**	**1011**	**1016**
	мужчины	**502**	**506**
	женщины	**509**	**510**
Азох, Гадрутский	**Всего, в том числе**	**795**	**806**
	мужчины	**396**	**408**
	женщины	**399**	**398**
Тог, « - «	**Всего, в том числе**	**679**	**700**
	мужчины	**325**	**335**
	женщины	**354**	**365**
Атерк, Мартакертский	**Всего, в том числе**	**1526**	**1531**
	мужчины	**724**	**727**
	женщины	**802**	**804**
Ванк, « - «	**Всего, в том числе**	**1280**	**1284**
	мужчины	**610**	**610**
	женщины	**670**	**674**

**Составлено по: Результаты переписи населения Нагорно-Карабахской республики 2005 г. (показатели НКР). Степанакерт, 2005. С. 47–56 (арм., англ., рус.).*

Таким образом, почти во всех этих селах (за исключением Аветараноц и Хндзиристан) численность населения постоянного и наличного на момент переписи населения либо мало отличалась, либо была одной и той же, что свидетельствовало о довольно редких случаях отъезда их жителей за пределы села.

Обследованные в 2000-е годы села в разной степени пострадали от войны. Наибольшим разрушениям были подвергнуты села Карин-так и Шош, расположенные недалеко от Шуши, откуда постоянно шел прицельный огонь, Вардадзор и Нахиджеваник, расположенные на

границе с Агдамским районом Азербайджана, а также находившееся в течение восьми месяцев в оккупации одно из наиболее крупных карабахских сел – Атерк. Села Гиши, Аветараноц, Хндзиристан, Туми практически избежали разрушений. В остальных селах разрушения были частичные.

Постепенно в селах восстанавливаются разрушенные жилые дома, школы, больницы, здания администрации как за счет зарубежной финансовой помощи, так и на благотворительные средства уроженцев данных сел, проживающих вне пределов Нагорного Карабаха. Так, большую помощь в восстановлении оказывала Католическая организация «Giving Hope to a World of Need. Caucasus Office in Armenia»; на средства Красного креста США была восстановлена больница в селе Ванк Мартакертского района. 5 октября 2000 г. в этом селе был заново открыт восстановленный на средства известного благотворителя и предпринимателя, уроженца села Ванк, Л.Г. Айрапетяна деревообрабатывающий комбинат, оснащенный импортным оборудованием и рассчитанный на 250 рабочих мест. На его же средства отреставрирован находящийся рядом с селом, на высокой горе, храм XIII в. Гандзасар, вновь ставший с 1989 г. духовным центром восстановленной Арцахской епархии Армянской апостольской церкви, и построена асфальтированная дорога к нему; выстроены гостиница, ресторан, два кафе, здание филиала «Юнибанка»; в 2007 г. строились новая школа, больница, еще одна гостиница, искусственное озеро, водохранилище, дорога в селе, мотель недалеко от села. В результате в селе Ванк появилось немало рабочих мест, что очень важно в современных условиях, в то время как не только в пережившем войну Нагорном Карабахе, но и в Армении после тяжелых 1990-х годов прекратили работу большинство промышленных предприятий.

Впечатляющим событием в НКР стала организованная по инициативе Л.Г. Айрапетяна и в основном на его средства коллективная «Большая арцахская свадьба», когда в один день, 16 октября 2008 г., объявленный в республике нерабочим, в храме Гандзасар и в церкви *Сурб Аменапркич* (*Казанчецоц*) в Шуши были обвенчаны около 700 молодых пар. Затем, после кратковременного отдыха и обеда в домах торжеств «Эдем», «Ной», «Надежда», «Олимп» г. Степанакерта, свадебное торжество продолжилось на обновленном столичном стадионе им. Ст. Шаумяна, куда молодожены прошли по ступенчатой дороге, названной «Аллеей влюбленных», и где состоялся праздничный концерт. В этот памятный день каждая молодая пара получила от своих благотворителей банковскую «Золотую карту» на сумму 2,5 тыс. долларов США. Им также было обещано, что при рождении первого ребенка родители получат 2 тыс. долларов, второго ребенка – 3 тыс., третьего – 5 тыс., четвертого – 10 тыс., пятого – 20 тыс., шестого – 50 тыс., седьмого – 100 тыс. долларов. Кроме того, каждой сельской семье в этот день было подарено по корове, «одетой» также в «свадебный наряд».

В селе Атерк Красный крест США и представитель Всеармянского фонда «Айастан» в Нагорном Карабахе помогли отремонтировать школу, больницу, детский сад. На очереди были ремонт клуба, здания администрации, строительство дороги, проведение газопровода. Но в 2007 г. в этом селе еще оставалось более 200 разрушенных домов. За счет помощи США в селе Вардадзор были отремонтированы здания администрации, медпункта, Дома торжеств для проведения свадеб и поминок, ряд жилых домов; в селе Нахиджеваник – здание медпункта. На средства французских армян в 2002 г. было выстроено здание детского сада в селе Норашен; в 2008 г. на средства семьи Багдасарянов из США была восстановлена частично разрушенная во время войны школа в селе Карин-так. Существенную помощь молодой республике в реализации многих гуманитарных программ оказывало отделение Всеармянского фонда «Айастан» в Торонто, в частности по прокладке газопровода, ремонту водоснабжения, в строительстве новых школьных зданий в селах Шош, Матагис, Верин Оратаг, в создании во многих школах компьютерных кабинетов, присылке дорогостоящих лекарств. По инициативе и реальной помощи уроженца села Мец Тагер, известного политического деятеля, генерал-

лейтенанта А.А. Агабекяна было осуществлено в этом селе несколько благотворительных акций: в 2005 г. отремонтирована дорога, ведущая к селу; бывшее здание филиала конденсаторного завода перестроено в Зал торжеств на 280 мест; открыта чайная «Каж» (названа по имени основателя этого старинного села Даниела Кжеци);в 2006 г. перестроенные бывшие гостиница и столовая превращены в Молодежный центр, в котором открылись шахматная школа, курсы по компьютерному обучению, установлены биллиардные столы, в зале открыт бар; в том же году был построен Салон красоты; в присутствии районного руководства, гостей и жителей села состоялось торжественное открытие «Площади Победы 28 июня», завершившееся салютом; в 2009 г. в присутствии высшего руководства республики была открыта детская игровая площадка «Аревик» («Солнышко») с искусственным водопадом, горками, каруселями, качелями.

В селе Тог на средства благотворителей в 2004 г. была открыта музыкальная школа, куда первоначально было принято 30 учеников и пять педагогов с высшим образованием. Педагоги приезжают на три дня в неделю из Степанакерта, где они живут. Занятия проводятся по классу фортепиано, скрипки и народного музыкального инструмента канон; также организован хор. В 2005 г. в этом же селе был построен Дом торжеств, затем был открыт на средства частного предпринимателя мукомольный завод, оснащенный дорогостоящей техникой, привезенной из России, позднее – новое здание школы. На всех построенных либо восстановленных зданиях висят таблички (обычно на трех языках – армянском, английском и русском) с именами благотворителей.

Недалеко от села Тог в живописном месте с 2006 г. началось строительство частной зоны отдыха «Нор кянк» («Новая жизнь»). К лету 2007 г. здесь уже были построены помещения для кухни, два бассейна, раздевалки, туалеты, установлены пляжные шезлонги, беседки, столы, скамейки, получены наборы необходимой посуды. Ежедневно сюда привозят свежее мясо для шашлыков и другие продукты. Жители окрестных сел и других районов республики с удовольствием проводят здесь свой досуг. Мне удалось присутствовать на торжестве, посвященном празднованию дня рождения дочери-студентки Ереванского медицинского института (17 лет) и сына (21 год) бывшего командира полка Х. Овсепяна. Собрались уважаемые жители села Тог, педагоги, друзья сына, приехали из Степанакерта однокурсники дочери. Столы ломились от обильного угощения; было много танцев, песен, тостов. В другой день я наблюдала, как там же отдыхали после окончания учебного года приехавшие из села Чартар Мартунинского района ученики двух девятых классов со своими педагогами. Их веселье сопровождалось песнями, танцами, играми, разжиганием костра и перепрыгиванием через него.

Сказанное выше – это только часть тех весомых благодеяний, которые оказываются молодой республике со стороны как отдельных меценатов, так и ряда организаций, главным образом армянской диаспоры, по развитию ее экономики и культуры.

Однако, несмотря на активно ведущееся строительство, во многих карабахских поселениях еще остается немало объектов, требующих либо капитального ремонта, либо построение новых зданий. В основном это клубы, библиотеки, музеи, в том числе и такие крупные, как Историко-краеведческие музеи в Гадруте и Степанакерте.

В ряде сел Гадрутского и Мартунинского районов (например, в селах Азох, Мец Тагер, Туми, Кармракуч, Ннги, Тагавард), откуда больше в свое время было развито отходничество в крупные города, до сих пор сохраняются некоторые дома старой постройки – конца XIX–начала XX в. Построенные в начале как новшество в подражание городским, эти каменные двухэтажные дома, с балконами на оба этажа, под двухскатными крышами, крытые жестью или черепицей, давно уже стали традиционными для Карабаха. Дома более поздней постройки выстроены также из камня, в основном они двухэтажные, с балконами на два этажа. Нижний этаж по традиции приспособлен для хозяйственных нужд, а верхний – жилой, в котором

расположены, как правило, несколько комнат: гостиная и две-три спальни. Во время Карабахской войны и спустя несколько лет после ее окончания жители (из-за отсутствия газа и из-за необходимости обогревать помещение печкой и на ней же готовить еду) были вынуждены все время проводить только на нижнем этаже. В 2011 г. я еще наблюдала это в селе Ннги, где в то время пока не было газа. Многие дома во время обстрелов серьезно пострадали и находились в аварийном состоянии.

К 2007 г. положение несколько улучшилось: во-первых, в ряд сел начал поступать постоянный газ, в другие села проводился газопровод; во-вторых, многие аварийные дома, в первую очередь их крыши, были отремонтированы. В то же время не очень вписываются в народную культуру сравнительно небольшие типовые одноэтажные дома за счет зарубежной финансовой помощи для семей погибших, беженцев и многодетных семей.

Хотя в большинстве сельских домов сохранялась мебель старых образцов, к 2007 г. и особенно к 2011 г. интерьер некоторых из них, преимущественно жилищ глав администраций, успешных предпринимателей, заметно обновился: сделан ремонт, приобретены новая мебель, импортная бытовая техника и сантехника. Большинство семей приобрели в последние годы (чаще в кредит) импортные телевизоры, во многих семьях появились импортные видео-магнитофоны, холодильники, в некоторых – музыкальные центры, иногда и компьютеры. Сельские жители выражали большое удовлетворение тем, что стало возможным смотреть телепередачи из Еревана и Степанакерта, чего они были лишены прежде. Приобретенные спутниковые антенны позволили смотреть телеканалы и из Москвы.

По-прежнему в семьях большое внимание уделяется постельным принадлежностям, количество которых по традиции намного превышает число членов семьи. В то же время в домах карабахских армян, к сожалению, практически исчезли традиционные ворсовые и безворсовые (*карпеты*) ковры ручного производства. Причина этого в том, что, с одной стороны, во время Карабахской войны многие армянские дома были разграблены, а, с другой стороны, семьи из-за нужды были вынуждены продавать ковры, которые вывозили в Армению, где их охотно скупали в основном зарубежные армяне. Кроме того, еще задолго до этой войны множество армянских ковров было вывезено из Нагорного Карабаха азербайджанцами. По словам директора Музея ковров в Шуши Вардана Асцатряна, «пожилые люди рассказывали, как азербайджанцы ходили по домам и спрашивали, нет ли старых ковров? Взамен скупщики предлагали новые изделия фабричного производства. “Старье” реставрировали и включали в списки “шедевров азербайджанского декоративно-прикладного искусства”. В основном брали те, где не было изображения креста» (цит. по: *Бегларян*, 2012. С. 22, 23).

Сейчас некоторые женщины старшего поколения продолжают носить распространившийся еще в 1920–30-е гг. костюм, являющийся переходным от традиционного, к которому он приближается по своему общему силуэту, к городскому. Он состоит из платья, отрезного по талии, с длинными рукавами, темных тонов, передника, головного платка или косынки и туфель либо тапочек фабричного производства. Женщины среднего возраста носят общеевропейскую одежду – костюмы, платья, юбки с кофтами. Эта же одежда распространилась в 2000-е гг. и среди старшего поколения.

Еще раньше исчез из быта мужской традиционный костюм. Уже к 1987 г. некоторые его элементы, в частности вязаные шерстяные орнаментированные носки (*гюльба*) и сделанная из сыромятной кожи обувь (*трех*) встречались только у стариков и уже в виде редкого исключения. В 2001 г. я встретила только одного старика в селе Атерк, на ногах которого были *трехи.* Мужчины старшего и нередко среднего поколения надевают на голову кепку. Воевавшие мужчины до сих пор иногда носят камуфляжную форму.

Современная одежда молодого поколения – и мужчин, и женщин, уже давно почти не отличается от общеевропейской. Как и горожане, они предпочитают, особенно в праздники,

нарядную одежду модного покроя. Большое распространение среди молодых женщин и девушек получили заимствованные из города удлиненные юбки с боковым разрезом, сшитые из черного бархата. В то же время, если в 2001 г., в отличие от горожанок, редко кто из сельских девушек или молодых женщин надевал брюки, то уже к 2007 г. это новшество стало привычным для большинства из них.

Современная свадебная одежда сельских жителей, как это было принято еще в 1970-е гг., такая же, как и в городе: у невесты весь ансамбль светлых тонов, преимущественно белого цвета – платье современного покроя, фата, украшенная цветами, перчатки, туфли; у жениха – костюм черного цвета и белая сорочка.

Специальной траурной одежды у карабахских армян по-прежнему нет. Обычно молодые и среднего поколения женщины присутствуют на похоронах в повседневных платьях, а мужчины – в повседневных костюмах. Лишь пожилые женщины иногда надевают платья темных тонов и покрывают голову черным платком. После войны платья черного цвета нередко носят вдовы.

Несмотря на трудности послевоенного времени питанием карабахские армяне себя обеспечивают, чему во многом способствуют благоприятные для развития сельского хозяйства природные условия, а также то, что помимо земли они содержат и по несколько голов домашнего скота, а также птицу, нередко – пчелиные улья. Кроме того, сельские жители по традиции широко используют в своей пище растущие здесь в изобилии ягоды, орехи, дико-растущие фрукты и травы. Особенно это помогало им во время войны, когда пища была довольно скудной. В первые послевоенные годы, когда денежной массы не хватало, между жителями разных районов Нагорного Карабаха (как и в Армении) был налажен натуральный обмен продуктами, например, картофель обменивали на лук, пшеницу – на виноград или привозимые из Армении овощи и рыбу. Сейчас население не прибегает к подобному обмену продуктами.

Уже к началу 2000-х годов среди здешних армян вновь стали популярны разнообразные традиционные мясные, молочные, крупяные и овощные блюда. Любимым мучным изделием с зеленью остается *жингялов հац.* По-прежнему широко распространено маринование и соление овощей и дикорастущих съедобных растений. Эти растения, а также огородную зелень едят в большой количестве в свежем виде. Кроме того, зелень сушат и заготавливают впрок для приготовления разнообразных блюд, а также как приправу.

В качестве сладких блюд по-прежнему употребляют различные фрукты, как в свежем, так и в сушеном виде, орехи, мед, а также такие сладости, как халву, пахлаву. Новшеством в эти годы стало приготовление разного рода тортов, пирожных, кексов домашней выпечки. В то же время такое традиционное печеное изделие, как *кята,* стало редкостью. Сладким блюдом остается и *дошаб* (уваренный сок тутовых ягод). По-прежнему распространено консервирование компотов из фруктов и ягод, приготовление различных сортов варенья, джемов, соков. Сейчас стали готовить варенье из плодов шиповника. Традиционным крепким напитком остается тутовая водка домашнего приготовления, которую теперь готовят и заводским способом, поэтому ее можно купить в магазине. Наряду с традиционной минеральной водой в качестве новых прохладительных напитков распространение получили «Фанта», «Кока-кола», «Пепси-кола», имеющиеся сейчас в продаже во всех сельских магазинах. В то же время следует отметить, что если еще в 1970–1980-е годы наиболее распространенным напитком карабахских армян был чай, в который нередко для аромата добавляли душистую траву (*хорн*) или корицу, то теперь в быт широко вошел перенятый из Армении обычай употребления кофе, и гостя (если он заранее не был приглашен) стало престижно угощать чашечкой крепкого кофе с ломтиками шоколада.

По-прежнему в питании местных армян большую роль продолжает играть пшеничный хлеб. Если в 1980-е годы сельские жители в повседневном быту все чаще стали пользоваться покупным хлебом и лишь в торжественных случаях предпочитали выпекать его дома в виде

толстых лепешек круглой формы, то во время войны и в первые послевоенные годы, вплоть до 2001 г., из-за отсутствия хлеба в сельских магазинах, употребляли только хлеб домашней выпечки. И хотя к 2007г. в ряде сел появились частные пекарни, где всегда можно было купить свежий хлеб, хозяйки предпочитали чаще выпекать его дома в традиционных печах-*тонирах.* При выпечке хлеба новшеством стало использование с 1990-х годов сухих дрожжей, в отличие от прошлого, когда в качестве закваски использовали кусок теста от прежней выпечки. Новшеством стала и некоторая помощь мужчин в выпечке хлеба, что не допускалось в традиционном быту. К 2011 г. частных пекарен в Карабахе стало больше и сельские жители теперь чаще покупают в них с утра свежий хлеб.

В селах меня прежде всего интересовал вопрос, какие изменения в семейно-бытовую культуру карабахских армян привнесла война и каковы сейчас основные тенденции развития структурного состава их семей, обрядов жизненного цикла, праздничной культуры.

Для выявления динамики определенных тенденций, произошедших в структурном составе семей сельских армян за последнюю треть века, приведены данные, полученные в ходе обработки похозяйственных книг в одних и тех же 10 селах (Аветараноц, Вардадзор, Нахиджеваник, Хндзиристан, Гиши, Сос, Азох, Тог, Атерк и Ванк) за два качественно различных периода: с середины 1970-х годов до осени 1987 г. и с осени 1987 г., т.е. по существу с начала Карабахского движения до 2007 г. включительно.

В целом за оба периода в этих селах шло сокращение числа семей (включая хозяйства одиночек) – с 2520 до 2495 и затем до 2221. Однако если в первый период подобное сокращение, особенно в селах Хндзиристан (с 220 до 194), Тог (с 221 до 196), Атерк (с 587 до 545) происходило за счет интенсивной миграции молодежи на учебу и работу за пределы Карабаха, то изменения за второй период объясняются главным образом войной. Поэтому в тех селах, которые были подвергнуты большему разрушению, число семей в 2007 г., по сравнению с довоенным 1987 г., заметно сократилось, например, в селах Нахиджеваник (со 126 до 62), Вардадзор (со 117 до 93), Атерк (с 545 до 408), Сос (с 247 до 212).

По численному составу обследованные в эти годы семьи (включая хозяйства одиночек) распределялись следующим образом (табл. 38):

Таблица 38

Распределение семей по численному составу*

Годы обследования	Всего семей	В том числе				
		одиночки, %	семьи, состоящие из (число человек), %			
			2– 3	4–5	6–7	8 и более
1974–1975	2520	18,0	25,7	22,5	25,5	8,3
1987	2495	17,4	25,7	27,8	4,2	4,9
2001	2375	16,1	27,4	32,8	19,3	4,4
2007	2221	15,1	25,5	3,0	21,2	5,2

**Рассчитано по данным похозяйственных книг сельских администраций (в 1974–1087 гг. – сельских Советов). Процент вычислен автором.*

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в целом за оба периода в численном составе семей (включая хозяйства одиночек) отмечено постепенное снижение доли одиночек (с 18,0% в середине 1970-х годов и до 15,1% в 2007г.) и увеличение доли семей в 4–5 человек (соответственно с 22,5% до 33,0%). В то же время в селах, наиболее сильно пострадавших во время войны, доля одиночек заметно возросла, например,.в селах Вардадзор (с 12,8% в 1987 г. до 33,3% в 2007 г.) и Атерк (соответственно с 9,9% до 19,6%). Что касается семей,состоящих из в 6 и более человек, то если в довоенный и первый послевоенный периоды, к 2001 г., шел процесс сокращения их удельного веса (с 33,8% до 23,7%), то к 2007 г. он несколько возрос – до 26,4%.

Та же тенденция к сокращению общего числа семей в тех же 13 селах, обследованных в первой половине 1970-х годов (в 1972 г. – села Шош и Тагавард, в 1974 г. – Ннги, Азох, Айгестан, Ванк, Вардашат, Кармракуч, Мец Тагер, Норашен, Таг, Тагасер и Туми) наблюдалась в 2011 г. – с 1791 до 1637 (сравнительно небольшое общее число семей в этих селах объясняется малочисленностью многих из них). В этих селах к 2011 г. также отмечены снижение доли одиночек (с 29,4 до 25,8%) и некоторое увеличение доли семей в 4–5 (с 29,3 до 32,0%) и в 6 и более человек (с 20,4 до 25,1%). В селе Карин-так в 2011 г. из 129 семей процент одиночек составил 13,7%, семей в 2–3 человека – 33,3%, в 4–5 человек – 34,0%, в 6 и более человек – 28,0%.

Соответственно менялось и распределение семей по числу поколений (табл. 39):

Таблица 39

Распределение семей по числу поколений*

Годы обследования	Всего семей	В том числе с числом поколений, в %			
		1 (включая одиночек)	2	3	4
1974–1975	**2520**	**30,8**	**50,0**	**18,7**	**0,5**
1987	**2495**	**33,1**	**42,1**	**23,8**	**1,0**
2001	**2375**	**29,3**	**44,6**	**24,8**	**1,3**
2007	**2221**	**26,9**	**41,6**	**29,3**	**2,2**

**Рассчитано по данным хозяйственных книг сельских администраций (в 1974–1987 гг. – сельских Советов). Процент вычислен автором.*

По этому показателю отмечена следующая тенденция. Если к 1987 г., по сравнению с серединой 1970-х годов, происходил рост доли однопоколенных семей (с 30,8 до 33,1%) и семей из 3–4-х поколений (с 19,2 до 24,8%), то к 2001 г. и особенно к 2007 г. удельный вес однопоколенных семей снизился (до 26,9%), а доля семей из 3–4-х поколений продолжала расти (до 31,5%). Так, за 6 лет (с 2001 до 2007 г.) доля многопоколенных семей особенно возросла в селах Хндзиристан (с 15,8 до 26,5%), Аветараноц (с 23,2 до 30,9%), Ванк (с 29,8 до 40,4%). В то же время в наиболее пострадавших от войны селах доля семей из 3– 4-х поколений, напротив, сократилась, в основном за счет отъезда или гибели части населения, в частности насильственной смерти стариков, которым трудно было выехать за пределы края. Так, с 1987 по 2001 г. доля таких семей сократилась в селе Вардадзор – с 24,8 до 6,3%, в селе Атерк – с 36,8 до 20,9%.

Та же тенденция отмечена и в 13 других селах, где за период с 1970-х годов до 2011 г. доля однопоколенных семей снизилась с 38,8 до 26,6%, а доля семей из 3–4-х поколений возросла с 16,1 до 28,5%. Особенно заметно это, например, в селах Шош (соответственно с 36,0 до 27,5% и с 13,4 до 32,0%), Мец Тагер (с 36,4 до28,2% и с 15,1 до 26,6%) и Туми (с 43,4 до 27,0% и с 16,2 до 25,8%). Примерно те же показатели в 2011 г. были зафиксированы в селе Карин-так, в котором из 129 семей доля однопоколенных семей составила 26,3%, а доля семей из 3–4-х поколений – 31,8%.

О распределении семей по числу в них детей до17 лет (что косвенно позволяет судить о динамике рождаемости в целом по обследованным селам за период с середины 1970-х годов до 2007 г.) см. таблицу 40:

Таблица 40

Распределение семей по числу детей до 17 лет*

Годы обследования	Всего семей (включая одиночек)	Число детей, %				Нет детей, %
		1	2–3	4–5	6 и более	
1974–1975	**2520**	**13,4**	**26,2**	**6,4**	**2,1**	**41,9**

1987	**2495**	**15,6**	**30,8**	**7,0**	**0,3**	**46,3**
2001	**2375**	**4,6**	**1,5**	**4,8**	**0,1**	**49,0**
2007	**2221**	**17,7**	**33,8**	**4,0**	**0,3**	**44,2**

**Рассчитано по данным хозяйственных книг сельских администраций (в 1974–1987 гг. – сельских Советов). Процент вычислен автором.*

Приведенные данные свидетельствуют о том, что к 1987 г., по сравнению с серединой 1970-х годов, в 10 селах была отмечена тенденция к снижению рождаемости, в частности к увеличению доли семей с одним ребенком (с 13,4 до 15,6%), двумя–тремя детьми (с 26,2 до 30,8%) и одновременно к резкому сокращению доли многодетных семей с четырьмя и более детьми (с 18,5 до 7,3%), а также к увеличению (с 41,9 до 46,3%) доли семей, не имевших детей в возрасте до 17 лет (обычно это семьи, дети которых были уже взрослыми, либо хозяйства одиночек). К 2001 г., еще в тяжелый послевоенный период, наблюдалось очень небольшое увеличение доли семей с двумя–тремя детьми (с 30,8 до 31,5%), продолжающееся сокращение доли многодетных семей (с 7,3 до 4,9%) и увеличение доли бездетных к тому времени семей (с 46,3 до 49,0%). Заметный рост доли семей с двумя–тремя детьми был отмечен лишь в селах, наименее пострадавших от войны: в селах Аветараноц (с 31,4 до 39,5%), Хндзиристан (с 21,6 до 30,8%), Сос (с 25,9 до 34,9%) и Гиши (с 34,9 до 40,8%). К 2007 г. во всех селах, кроме села Гиши, увеличилась доля семей, имевших детей до 17 лет, что привело к сокращению удельного веса семей, не имевших детей в этом возрасте, особенно в селах Аветараноц (с 46,4 до 38,2%) и Ванк (с 48,2до 38,6%). В целом по всем селам процент семей без детей сократился с 49,0 до 44,2%, что объясняется определившейся тенденцией к увеличению рождаемости.

Обследование семей в 14 селах (включая село Карин-так) в 2011 г. (в 1970-е гг. данные по этому селу отсутствуют) показало, что из общего числа 1766 семей доля семей с одним ребенком составила 14,8%, с двумя–тремя детьми – 29,1%, с 4 и более детьми – 5,7%; чуть более половины составила доля семей без детей (50,4%), что объяснялось малочисленностью многих сел, в которых преобладали люди старшего поколения, а среди них был довольно высок процент одиночек, например, в селах Норашен – 20,5%, Ванк – 21,2%, Таг – 23,1%, Кармракуч – 25,0%.

Наличие детей в семьях, безусловно, влияет на структурный состав семей. Проведенное обследование показало, что в целом по родственному составу во всех селах как в 1987 г., так и в 2000-е годы наибольшую долю представляли семьи, состоявшие из родителей с их неженатыми (незамужними) детьми или из брачной пары без детей, хотя доля их к общему числу семей постепенно снижалась (с 48,8% в 1987 г. до 45,2% в 2001 г., 43,4% в 2007 г. и до 42,1% в 2011 г.). Особенно заметное снижение их доли произошло к 2001 г., например, в селах Нахиджеваник (с 50,0 до 42,7%), Сос (с 41,2 до 33,9%), Гиши (с 51,6 до 38,8%), т.е. в военный и в первые годы послевоенного периода. Однако к 2007 г. удельный вес таких семей вновь увеличился: в селах Нахиджеваник – до 53,3%, Сос – до 40,1%, Гиши – до 43,5%. В 2011 г. наибольший удельный вес таких семей был отмечен в селах Ннги (52,8%) и Норашен (63,6%), наименьший – в селах Кармракуч (30,6%), Карин-так (38,0%), Азох (38,2%), Тагавард (38,6%) и Вардашат (40,0%).

За период с 1987 г до 2001 г., как результат войны, во всех селах увеличилась доля нехарактерных для сельских армян неполных семей, состоявших из матери (чаще всего вдовы) с детьми, особенно в селах Нахиджеваник (с 3,1 до 12,1%), Хндзиристан (с 1,0 до 10,1%), Гиши (с 1,7 до 7,0%), Атерк (с 3,8 до 8,6%). В ряде случаев вдова с детьми переходила жить либо к родителям (или одному из них) погибшего мужа, либо к своим родителям. В этот период стали наблюдаться и случаи левирата, когда вдова выходила замуж за брата своего погибшего мужа. К 2007 г. доля неполных семей в этих селах несколько снизилась: в селах Нахиджеваник – до 9,7%, Хндзиристан – до 7,6%, Гиши – до 6,8%, Атерк – до 5,4%. В селах Вардадзор, Аветараноц, Азох и Тог она, напротив, стала еще выше: соответственно 11,8; 9,3; 10,5 и 12,8%. В 2011

г. наиболее высокая доля таких семей была отмечена в селах Карин-так (13,2%), Туми (13,5%) и особенно Таг (23,1%).

Практически мало изменилась за почти четверть века доля сложных семей, включающих в свой состав одного или обоих родителей мужа (в 1987 г. она составила 20,7%, в 2001 г. – 20,0%, в 2007 г. – 20,9%, в 2011 г. – 18,6%) и доля более усложненных семей, в которых родители жили с женатыми и неженатыми (незамужними) детьми и внуками (соответственно 3,4;2,8; 3,1; 3,7%). Одновременно несколько увеличилась доля «прочих» семей: с 6,5% в 1987 г. до 7,9% в 2001 г., 9,2% в 2007 г. и до 10,2% в 2011 г.

Как показали мои наблюдения, в семьях карабахских армян в целом продолжают сохраняться такие этнокультурные традиции, как гостеприимство, взаимопомощь, главенство старшего в доме мужчины, лежащее в основе взаимоотношений старшего и младшего поколений глубокое уважение к старшим, признание их авторитета, трудовых заслуг. Правда, приходилось слышать и мнение стариков о том, что война отрицательно повлияла на отношения между людьми: они стали жестче и прежнего уважения к старшим уже нет.

Этническая специфика в основном сохраняется и в таких важных обрядах жизненного цикла, как свадебные и похоронно-поминальные, в меньшей степени – в праздничной культуре. В 2001 г. в селе Сос мне удалось присутствовать на свадьбе и похоронах, в селе Хндзиристан – на поминках по случаю годовщины смерти одной пожилой жительницы села, в селе Гиши – на предсвадебном обряде «взятия невесты в *гонах*», т.е. в гости в семью жениха; в 2007 г. в селе Тог – на дне рождения дочери-студентки и сына, в селе Хндзиристан – на проводах призывника в армию. Кроме того, в эти годы и в 2011 г. я просмотрела несколько видеокассет с записями свадеб, дней рождения детей-подростков, крещения маленького ребенка, школьного праздника «Последний звонок».

Этот ставший сейчас характерным не только для городского но и для сельского быта карабахских армян обычай видеосъемки знаменательных событий, в первую очередь свадеб, был перенят из Армении, где он, появившись в 1980-е гг., получил довольно широкое распространение в 1990-х годах сначала в городской среде, а затем и в сельской. В результате оператор с видеокамерой постепенно становился новым и довольно важным персонажем армянской свадьбы (*Шагоян*, 1999. С. 46–55).

Просмотр видеокассет с записями как городских, так и сельских свадеб, проведенных в Карабахе в 2000-е гг., показал, что отмечаются они, как правило, с большим размахом. Приглашается множество гостей, накрываются столы с обилием закусок, напитков, обязательным набором из трех-четырех горячих блюд, фруктами, печеными сладостями; веселые торжества сопровождаются игрой музыкантов, народными танцами и песнями, провозглашением мночисленных тостов за здоровье молодых, их родителей и родственников.

По-прежнему свадьба карабахских армян включает в себя три обязательных момента: сговор (*хнамахос, хнамхоск*), обручение (*ншандрек*) и свадебный пир (*hарсаник*). Сговор уже в 1980-е гг. совершался, как упоминалось выше, нередко формально, так как молодые люди в большинстве случаев предварительно сами решали вопрос о браке. Обязательным обрядом, как правило, считается обручение, когда в дом девушки приходят жених, его родители (либо один из родителей), кто-нибудь из близких родственников жениха и преподносят ей обручальное кольцо в качестве залога (*ншан*).

Во время самой свадьбы по-прежнему большое значение придается ее кульминационному моменту – перевозу невесты в дом жениха, роли многих свадебных персонажей – посаженого отца (*кавор*, мест. *пелли*) и его жены (*каворкин*), свиты жениха и ее главы (*макары и макарбаши*), брата и сестры невесты (*hарснахпер* и *hарснакуйр*), некоторым послесвадебным обрядам, например, совершаемому через неделю после свадьбы обряду «мытья головы» молодой невестки (*глухлванек*, мест. *клохлван, клхылва*), последующему визиту молодых в дом

родителей невестки (*гонах*). Многочисленные в прошлом обряды магического характера, направленные на то, чтобы уберечь молодых от «злых сил», обеспечить им плодородие и благополучие в будущей семейной жизни, либо исчезли, либо потеряли свой прежний смысл. Но некоторые из них устойчиво сохраняются, например, в доме невесты готовится «свадебное дерево» (*hарси цар, hарсаники цар*), украшенное фруктами, сладостями, курицей, мишурой, его для молодых выкупает посаженый отец; когда невесту приводят к дому жениха, его мать обсыпает невесту орехами, конфетами, зернами пшеницы; под ноги молодым кладут принесенные из дома невесты две тарелки, которые они должны разбить одновременно либо первой разбивает тарелку невеста; в знак пожелания молодой первенца-сына ей на колени сажают (но уже не всегда) маленького мальчика.

В ряде случаев сохраняется сопровождающийся игрой музыкантов и танцами традиционный обряд *мсацу*, когда накануне свадебного пира в доме жениха режут теленка или другой скот для приготовления «свадебного мяса»; при этом в дом невесты сторона жениха по традиции отправляет барана, украшенного красной лентой, а также несколько бутылок вина и водки.

В день свадьбы из дома жениха в дом невесты было принято также посылать нечетное число испеченных сладких изделий – *биши* – с начинкой из муки, сахарного песка и масла (вместо свежеиспеченных хлебов в прошлом), а для самой невесты – одно такое изделие и халву. В ответ сторона невесты посылает в дом жениха уже четное число подобных изделий. Стойко существует обычай, когда после брачной ночи мать жениха посылает матери невесты в знак «чистоты» ее дочери красные яблоки и бутылку красного вина или коньяка, перевязанную красной лентой. Напомню, что в прошлом по этому поводу посылали простыню с постели новобрачных, при этом звали соседей, чтобы все удостоверились в девственности невесты.

Коротко опишу свадьбу в селе Сос, на которой мне довелось присутствовать в 2001 г., куда также был приглашен оператор для видеозаписи. К 11 часам утра, вместе с сельским старостой мы подошли к дому жениха. Во дворе уже собрались мужчины, главным образом друзья жениха – *макары*; приехали также его родственники из Армении, в частности, из Раздана. До этого, рано утром, жених вместе с оператором ходил на кладбище к могилам павших в Карабахской войне воинов-односельчан, чтобы, как он сказал, «в знак глубокого уважения почтить их память». Вскоре для друзей жениха во дворе накрыли стол, на нем были хлеб, сыр, помидоры, водка, в качестве горячего блюда подали сначала *хаш*, а затем *хоровац.* Около 12 часов дня заиграли музыканты, женщины начали танцевать круговые танцы. Из дома жениха его родственницы вынесли подносы со свадебной одеждой для невесты, фруктами, сладостями, огромным тортом, коробками шоколадных конфет, бутылками коньяка. Глава свиты жениха взял в руки перевязанный красной лентой и украшенный гранатом шампур с нанизанными кусочками шашлыка. У жениха и посаженого отца в петлицах было по одному белому цветку. Затем часть участников процессии села в пять легковых машин, первая из которых, главная, где сидел жених, была украшена изображением двух белых голубей с двумя белыми кольцами в клювах, а также белыми цветами, и они поехали к дому невесты. Не доезжая до него, все вышли из машин, немного подождали шедших пешком друзей жениха и музыкантов, а затем в сопровождении танцующей молодежи, которая высоко над головой держала свадебные подносы, направились к дому невесты. Там внесли подносы в дом, где в отдельной комнате за занавесом начался обряд одевания невесты в свадебное платье.

Это готовое платье, купленное стороной жениха, было бледно-сиреневого цвета, с широко стоящей, наподобие кринолина, юбкой, для чего внутрь нее была специально пропущена тонкая проволока. Невесту одевала *каворкин*, помогали одевать, а также причесывали невесту ее подружки. Когда невеста была одета, в руки ей дали букет белых цветов, открыли коробки шоколадных конфет и всех угостили, после чего невесту в окружении ее подружек сначала заснял видеокамерой оператор, а потом один из родственников сфотографировал на память.

Затем жених и *кавор* вывели невесту на веранду, где был накрыт «сладкий стол» с шампанским. Поскольку отец невесты погиб в Карабахской войне, новобрачных поздравил и пожелал им счастья ее дед. Когда невесту выводили из дома, ее младший брат, по традиции, преградил процессии дорогу, требуя выкупа от *кавора.* Во дворе вновь начались танцы, во время которых танцующим давали деньги (*шабаш*), которые предназначались музыкантам. Немного танцевала и невеста.

После этого с танцами, громкими возгласами «ура!» все направились к Дому торжеств. Там сели за пять длинных столов, причем мужчины с одной стороны, а женщины и дети – с другой. Для жениха и невесты, *кавора*, *каворкин* и *макарбаши* был накрыт отдельный стол на сцене, на фоне ковра, на котором ватой были изображены два голубя с кольцами в клювах и были написаны на армянском слова: любовь, надежда, вера. На столах были различные салаты, рыба, блинчики с мясом, бастурма, маслины, зелень, сыр, хлеб, виноград, печеные сладости, напитки (вино, водка, лимонад, минеральная вода «Джермук» и «Фанта»). Затем в следуюшем порядке подали четыре горячих блюда – рис с отварным мясом, *хоровац*, *хашламу*, *долму.* Перед женихом и невестой поставили «свадебное дерево» (*hарси царр*), украшенное гранатами, конфетами, а сверху курицей, а также несколько коробок шоколадных конфет. Торжество сопровождалось многочисленными тостами (в частности, за новобрачных, их родителей, за павших в Карабахской войне воинов-односельчан, за присутствующих), а также народными танцами, в основном быстрыми, и песнями. Во время танца жениха и невесты друзья жениха (*макары*) с громкими возгласами трижды подкидывали жениха вверх. К 16 час. 30 мин. торжество закончилось, и свадебный поезд направился к дому жениха. Жених и невеста шли в окружении посаженого отца, его жены и свиты жениха, молодежь вновь по дороге много танцевала и громко кричала «ура!» На пороге дома жениха молодых встречали его родители, посыпали им на головы конфеты, а под ноги положили две тарелки, причем первой тарелку разбила невеста.

Вечером того же дня свадьба продолжилась снова в Доме торжеств, но уже со стороны жениха. В 20 час. 30 мин. здесь собрались гости, которые были приглашены стороной жениха. Большинство из них приносили с собой деньги, которые вручали матери жениха. Близкие родные жениха, уже во время застолья, преподносили невесте в качестве подарков золотые украшения – кольца, серьги, кулон, золотые наручные часы с браслетом. На столах был примерно тот же набор блюд, только вместо *хашламы* подали *куркут* со свининой. Вновь звучали многочисленные тосты, при этом тот, за чье здоровье он произносился, должен был выйти на сцену и присоединиться к танцующим. Читали стихи, мать жениха взяла слово и спела песню, затем все хором спели новую песню «Мой любимый Арцах» («*Им сиров Арцах*»). Танцы продолжались почти без перерыва до 12 час. ночи. Но этом свадебное торжество закончилось, и жених и невеста стали считаться в глазах общества мужем и женой. По существовавшей у армян традиции, молодожены оформляют гражданскую регистрацию брака, как правило, позднее, обычно накануне рождения первого ребенка.

На просмотренной в 2007 г. видеокассете, на которой была заснята происшедшая в 1999 г. в селе Азох свадьба Масиса (22 лет) и Ирины (20 лет), был зафиксирован сопровождавшийся танцами торжественный обряд *мсацу*, когда накануне свадебного пира в доме жениха резали теленка для приготовления «свадебного мяса». Кроме этого, в дом невесты сторона жениха отправила барана, украшенного красной лентой, а также несколько бутылок вина и тутовой водки. На следующий день в доме жениха начались танцы. Глава свиты друзей жениха *макарбаши* (его еще называют *тойбаши*, т.е. глава праздника) с красной лентой на рукаве, держа в одной руке перевязанный красной лентой шампур с кусочками шашлыка, а в другую руку – бутылку вина, возглавил шествие родных жениха в сопровождении музыкантов к дому *кавора*, чтобы пригласить его и его жену на свадьбу. С собой они несли корзину со сладостями,

коньяком и рубашкой для посаженого отца. В доме *кавора* был накрыт стол, тамада приветствовал пришедших, сказав, что они пришли «с добром». После этого свадебный поезд направился к дому невесты, где также был накрыт торжественный стол. Жениха и невесту, которая была одета в платье белого цвета, взятое напрокат с белой шляпкой на голове, посадили за отдельный стол, за которым на ковре ватой было написано на армянском: «Бог благословляет вашу свадьбу». В доме невесты было приготовлено «свадебное дерево» (*hарсаники цар, hарси цар*), украшенное фруктами, конфетами, а сверху – курицей. *Кавор* выкупил его за 5 тыс. драмов. Невесте преподнесли подарки ее родственники, в основном золотые украшения. После этого новобрачные с зажженными свечами в руках направились к дому жениха.

На просмотренной в том же году и в том же селе видеокассете с зафиксированной 6 октября 2001 г. свадьбой Гамлета Г. (29 лет) и Сусан (20 лет) в качестве *мсацу* зарезали свинью. В день свадьбы утром жених пошел сначала на кладбище к памятнику погибшего в Карабахской войне своего дяди – брата матери. В 12 час. дня сторона жениха была готова направиться в дом невесты. На подносах и в специальных свадебных корзинах (их нередко берут напрокат) были предназначенные для невесты ее свадебная одежда, фрукты (яблоки, бананы), плитки шоколада, бутылка коньяка, духи, набор косметики. К дому невесты шествие направилось в сопровождении музыкантов с танцами и громкими возгласами «ура!». К 13 час. невеста уже была одета в свадебный наряд, в руках у нее был букет цветов. Присутствующие начали ее поздравлять. Во время танцев невесте давали деньги, предназначенные музыкантам в качестве *шабаша.* В 13 час. 30 мин. все сели за накрытые столы, причем мужчины и женщины отдельно. Тамадой был глава сельской администрации. Перед новобрачными на столе было «свадебное дерево», украшенное красными яблоками, а сверху курицей, которое выкупил *кавор*, а также приготовленный на заказ торт. Перед тем, как покинуть свой дом, невеста бросила букет цветов своим подружкам, чтобы та, которая поймает его, скорее бы вышла замуж. Этот новый для армян обычай был заимствован ими, как признаются в этом сельские жители, из зарубежных кинофильмов. В селах Армении этот обычай был также распространен. Около 17 час. все покинули дом невесты, чтобы направиться к дому жениха. С собой взяли не две (как принято), а три тарелки, из которых одна была предназначена для *кавора*. Эти тарелки должны были положить на пороге дома жениха, чтобы новобрачные и посаженый отец разбили их одним ударом.

В селе Хндзиристан (материалы 2007 г.), по сведениям информаторов, на *хнамахос* (сговор) обычно идут жених, оба его родителя: они берут с собой бутылку коньяка, коробку шоколадных конфет, иногда золотое украшение, если уверены, что получат согласие со стороны невесты. Сейчас, как правило, в этом есть уверенность, поскольку юноша и девушка сами предварительно договариваются о предстоящем браке. Во время обручения родственники жениха готовят до 12–15 подносов (*хонча*) с фруктами, конфетами, бутылками коньяка, шампанского, подарками для невесты. Сторона невесты готовит праздничный стол. *Кавор* или его жена открывает эти подносы и показывает, кто что принес, чтобы все присутствующие со стороны невесты могли видеть их содержимое. Руководит столом тамада. Во время церемонии обручения жених преподносит невесте обручальное кольцо. От обручения до свадебного пира проходит год или два в случае, если жених служит в армии либо учится.

В последнее время в проведении свадебного обряда появилось несколько новшеств. Так, само свадебное торжество обе стороны стали иногда отмечать вместне в специально предназначенном для торжественных случаев здании. Теперь нередко вместо «свадебного дерева» в доме как невесты, так и жениха ставят на стол приготовленный на заказ большой торт. Этот торт жених, держа руку невесты, режет ее рукой, после чего они мажут им лица друг друга. Этот же обряд распространился и в Армении. Свадебное платье для невесты в основном стали брать напрокат (его приобретение стоит примерно 30 тыс. драмов, но если такое платье

берут впервые, то стоимость его повышается до 70 тыс. драмов). Сейчас отошел в прошлое обычай, когда на пороге дома жениха перед ногами новобрачных резали петуха. В расположенном в трех км от села Хндзиристан селе Хачен в жизнь вошел обычай, когда сторона жениха, взяв невесту из ее дома, идет сначала к памятнику павшим в Карабахской войне односельчанам, где возлагает цветы, затем свадебное шествие направляется в районный центр Аскеран для регистрации в ЗАГСе брака, после чего молодые идут в церковь венчаться. Поскольку, как правило, молодые бывают некрещеными (как и почти все население Нагорного Карабаха, так как здесь, как упоминалось, в начале 1930-х годов все церкви были закрыты), священник их сначала крестит, а затем венчает. После этого все во главе со священником направляются в специально предназначенное для свадебных торжеств здание.

Примерно так проходили в селах Нагорного Карабаха в первое десятилетие XXI в. свадьбы. Конечно, несмотря на то, что свадьба рассматривается как важнейшее событие в жизни каждого человека, которое полагается достойно отметить, и поэтому к ней готовятся заранее, пышность той или иной свадьбы во многом зависела от благосостояния людей, переживших огромные трудности военного и послевоенного времени. Мне встречались некоторые семьи, которые не в состоянии были отметить весь свадебный цикл для своих детей, дать дочери большое приданое (в эти годы приданое в целом стало, по сравнению с 1970–1980-ми годами, намного скромнее и включало в себя в основном только два комплекта постельных принадлежностей, посуду и одежду, а мебель, телевизор, холодильник и т.п. уже, как правило, не дают), преподнести невесте много дорогих украшений (наибольшее число таких украшений – 48 – получила в 2000 г. во время своей свадьбы жительница села Азох; у остальных женщин, вышедших замуж в конце 1990-х – начале 2000-х годов, насчитывалось обычно от 5 до 10 таких изделий).

В отношении современной похоронно-поминальной обрядности следует отметить, что если с конца 1970-х годов в здешних селах, как и в селах Армении, наметилась тенденция к сокращению поминальных дней, в частности, к объединению некоторых из них, то затем, вследствие большого числа жертв пережитой войны, весь поминальный цикл был восстановлен. Поминки вновь стали в обязательном порядке проводить в день похорон, на следующий после похорон день (*инкнаhог*), на 7-й, 40-й дни после смерти и в годовщину (ее отмечают ровно через год в день смерти), когда примерно за неделю раньше срока на кладбище устанавливают памятник (его стоимость составляет от 150 до 200 тыс. драмов). В 2001 г. только жители села Гиши мне говорили, что они по-прежнему, как правило, объединяют 7-й и 40-й дни, причем многолюдные поминки устраивают на 7-й день, а на 40-й день в доме покойного собираются только самые близкие. По материалам 2007 г., этот обычай вошел в жизнь и в селах Ванк (Мартакертский район) и Хндзиристан, особенно в тех случаях, когда некоторые родственники приезжали издалека. При этом похороны, включающие в себя целый ряд традиционных элементов, в послевоенный период стали еще более многолюдными и требуют еще больших материальных затрат (в частности, поминальный стол стал мало чем отличаться от свадебного), что вызывало обоснованное недовольство со стороны некоторых стариков.

По традиции покойника хоронят на третий день. Но в понедельник по-прежнему не полагается хоронить. Если же иногда обстоятельства так складываются, что все же приходится это делать, то тогда похороны назначают на час позже положенного срока (например, вместо 12 час. дня – в 13 час.), а на *инкнаhог* идут, наоборот, на час раньше. Во многих селах на кладбищах для проведения поминок еще в 1960–1970-е гг., как об этом упоминалось выше, были построены специальные помещения. В них имеются столы, стулья, необходимая посуда, место для приготовления горячих блюд. В день похорон в дом покойного принято приносить деньги (в то время обычно по 1 тыс. драмов), в другие дни – коньяк, водку, коробку шоколадных конфет.

Коротко опишу похороны, на которых я присутствовала в 2001 г. в селе Сос. 4 октября, в четверг, скончался 42-х-летний воин, инвалид первой группы. Поскольку в селе на субботу была уже заранее назначена свадьба, решили, вопреки традиции, похоронить его на следующий день, в пятницу. К 11 час. утра к дому покойного стали собираться жители села. Мужчины оставались во дворе, а женщины проходили в дом, где происходило оплакивание покойного. Звучали традиционные душераздирающие песни-плачи, особенно со стороны его матери и сестры. Вскоре мужчины поднялись в дом и вынесли гроб с телом покойного во двор, где поставили на покрытый ковром стол. Там в течение 15 минут вновь происходило оплакивание женщинами, после чего мужчины подняли гроб и все направились к кладбищу. В процессии, в которой участвовало более 500 человек, т.е. практически все взрослое население села, сначала шли в основном мужчины, а за ними – женщины. Впереди всей процессии двое мужчин несли крышку гроба, затем несколько мужчин – сам гроб. Придя на кладбище, гроб поставили у вырытой могилы. Там опять началось оплакивание, после которого все женщины отвернулись (отголосок обычая, когда женщинам нельзя было присутствовать на похоронах), а мужчины опустили гроб в могилу и стали засыпать землей. Как полагается, каждый из присутствующих бросил в могилу горсть земли. После этого многие прошли к могилам своих родных, погибших во время Карабахской войны. Затем все прошли в специальное крытое застекленное помещение, вмещавшее более 400 человек. Сначала за два длинных стола сели мужчины, потом за два других таких же стола – женщины. На столах были хлеб, сыр, соленья, отварная зеленая фасоль, колбаса, бастурма, маслины, отварная рыба, зелень, яблоки, груши, виноград, пахлава, водка, красное вино (чего раньше не полагалось), лимонад. В числе горячих блюд подали сначала рис с изюмом и отварным мясом, затем соус (*хашламу* с картофелем) и *долму* в капустных листьях. За столом было произнесено несколько тостов, в частности, в память покойного, за здоровье членов его семьи, в память погибших воинов-односельчан. Вся процедура длилась около часа. Сначала встали и вышли на улицу мужчины, потом женщины. На следующее утро после похорон, до восхода солнца, чтобы никого не встретить, двое самых старших мужчин из рода покойного должны были пойти на кладбище, причем по дороге им не полагалось оглядываться назад. По традиции они должны были, дойдя до могилы, прошептать: «Свет добрый!» и далее: «Ну, отправляйся спокойно, отправляйся», тем самым как бы провожая душу покойного в потусторонний мир. После этого односельчане вновь должны были собраться на кладбище на поминки следующего дня – *инкнаhог.*

В том же 2001 г. в селе Хндзиристан я присутствовала на годовщине смерти 76-летней жительницы этого села. Поскольку дочь покойной работала главным бухгалтером Арцахского государственного университета, в село приехали его ректор и несколько профессоров. Сначала собравшиеся, взяв с собой бутылку коньяка, коробку шоколадных конфет и цветы, посетили на кладбище могилу покойной, где незадолго до этого был установлен памятник. После этого примерно 150 участников поминального обряда прошли в Дом торжеств (в этом селе не было специального помещения для поминок) и сели в том же порядке – сначала за двумя столами мужчины, затем за двумя другими столами – женщины. На столах был примерно тот же набор блюд – различные салаты («столичный», из помидоров и огурцов, из тертой свеклы с орехами), хлеб, сыр, соленья, отварная стручковая фасоль, отварная рыба, колбаса, бастурма, маслины, зелень, яблоки, груши, пахлава, сладкие трубочки с ореховой начинкой, конфеты, водка, вино, лимонад. В числе горячих блюд подали *куркут* и *хашламу.* Поминальный стол вел бывший староста села. Было произнесено пять тостов – в память покойной, за здоровье членов ее семьи, в память о погибших во время Карабахской войны односельчан, за благополучие карабахских армян и за то, чтобы никогда больше не было войны. Поминки длились примерно час. После этого встали и вышли на улицу сначала мужчины, а за ними – женщины.

К числу новшеств, зафиксированных мною в 2007 г. в отношении похоронно-поминального цикла, можно назвать следующие. Так, по рекомендации Тер-Ованеса, местного священника села Ванк Мартакертского р-на, пользующегося большим авторитетом, жители этого села с 2004 г. стали готовить для поминального стола вместо нескольких горячих блюд только одно – *хашламу* с отварным картофелем, а также различные салаты. Кроме того, он рекомендовал вернуться к традиционному обычаю, когда женщины на похоронах не участвовали, и с 2004 г. сельчане стали придерживаться его совета. Если раньше полагалось на кладбище приносить еду и напитки (старинный обычай «кормления покойного»), то теперь приносят только цветы.

В 2011 г. в селе Мец Тагер мое внимание привлекла небольшая книга об этом селе, написанная местным агрономом Е. Абраамяном. Он пишет, что во время похоронно-поминального обряда все взрослые жители села, придя в дом покойного с соболезнованиями, должны вручить этой семье в качестве помощи деньги (обычно 1–2 или более тысяч драмов), эту сумму вносят в соответствующий список; случается, что число людей, пришедших с соболезнованиями, доходит до 400 и все они затем присутствуют на поминках, что чрезвычайно обременительно для данной семьи. По его мнению, желательно изжить обычай сбора денег по спискам, пусть все выскажут свои соболезнования, но на поминки придут только близкие родственники (человек 15–20), а что касается поминальных обрядов 7-го, 40-го дня и годовщины, то желательно, чтобы они стали только внутрисемейным делом. Хотя, по его словам, об этом не раз писалось и говорилось, но пока ничего не изменилось. Поэтому он предлагает, чтобы руководитель сельской администрации собрал народ и обсудил вместе с ним эти наболевшие вопросы (*Абраамян*, 2010. С. 257).

К числу официальных праздников, отмечаемых сейчас в Нагорно-Карабахской республике, относятся, помимо новогоднего, праздник Материнства и Красоты – 7 апреля, День Победы, День освобождения Шуши и День создания Армии обороны НКР – 9 мая, День провозглашения Нагорно-Карабахской республики – 2 сентября, День независимости Республики Армения – 21 сентября. Постепенно восстанавливаются и такие забытые здесь в советский период христианские праздники, как Рождество, Крещение, Пасха, а также обряды венчания и крещения. Прежде всего это происходит в селах, находящихся поблизости от действующих церквей, в особенности в селе Ванк, расположенном рядом со средневековым храмом Гандзасар. Уже к 2001 г. в Нагорном Карабахе были отреставрированы и открыты 17 церквей, в том числе построена одна новая, проводились работы по восстановлению и строительству других.

Поскольку сейчас, как отмечалось, жители Карабаха получили наконец возможность смотреть телепередачи из Армении, то они узнали, по их словам – «из телевизора», о распространенном там древнем празднике *Дерендез*, основанном на культе огня как символа возродившегося Солнца. Замечательная инсценировка этого праздника с театрализованной постановкой традиционной армянской свадьбы и последующим разжиганием костра и перепрыгиванием через него новобрачных была организована 14 февраля 2001 г. энтузиастами из отдела культуры Гадрутского района и школьным театральным коллективом в селе Азох. Я имела удовольствие посмотреть это мероприятие на видеокассете и убедиться, с каким восторгом оно было воспринято сельскими жителями, заполнившими до отказа клуб.

Во время своих поездок я посещала школы, клубы, библиотеки, детские сады, больницы. Все эти учреждения, многие из которых заметно пострадали во время войны, находились в состоянии разрухи. Целый ряд из них, особенно клубы и библиотеки, оставались и к 2011 г. еще в плохом состоянии, другие, в основном школы и медицинские учреждения, построенные заново либо отремонтированные главным образом за счет зарубежной помощи, производили благоприятное впечатление. Но даже в тех случаях, когда, например, школьные здания и имеющийся в них инвентарь оставались еще старыми, они по возможности отремонтированы (в

том числе и спортивные залы), в помещениях очень чисто, школьники аккуратно и даже нарядно одеты; практически все учителя имели высшее образование; более половины выпускников продолжали свою учебу в высших и средних специальных учебных заведениях Карабаха и Армении. Например, в селе Азох из 8 выпускников 2006 г. четверо поступили в Арцахский государственный университет, трое – в училища. В 2007 г., по сравнению с 2001 г., в сельских школах, главным образом за счет благотворителей, появились компьютеры. Так, целый компьютерный класс, подаренный Всероссийской общественной организацией «Союз армян России», имелся в школе в селе Аветараноц. Компьютеры школе села Азох подарило правительство НКР, школе села Шош – отец Сержа Саргсяна, президента Республики Армения. К 2011 г. число компьютеров в сельских школах заметно увеличилось, в ряде из них обновилось лабораторное оборудование кабинетов физики, химии и биологии.

Отмечу, что если в 2001 г. ни в одном из обследованных мною 10 сел не было детских садов, то в 2007 г. детские сады работали уже в 8 из этих сел, за исключением небольших сел Нахиджеваник и Вардадзор. 23 мая 2007 г. детский сад на 50 мест был открыт в селе Хндзиристан. В нем две группы; в младшей – дети от двух с половиной до четырех лет, в старшей – от четырех до пяти с половиной лет. В отремонтированном помещении – две спальни и две игровые комнаты с хорошей мебелью. Персонал детского сада состоит из заведующей, двух воспитательниц, двух нянь, музыкального работника, повара и его помощника, санитарки и сторожа. За счет благотворительного Всеармянского фонда «Айастан» все дети содержались в этом детском саду бесплатно. Ничего не платили за находившихся в детском саду детей и родители в селе Тог. В других селах родители платили за детский сад в 2007 г. по 2 тыс. драмов в месяц; к 2011 г. плата увеличилась до 4-х тыс. драмов. К концу 2009 г. в сельской местности НКР функционировало только 24 детских сада, в которых находились 836 детей, что составляло лишь 13,8% от численности детей соответствующего возраста (Статистический ежегодник. 2010.С. 83, 84).

В заключение отмечу, что собранные мною в 2000-х годах полевые материалы показывают, что в целом на сохранение карабахскими армянами этнокультурных традиций война фактически не так уж сильно повлияла, за исключением того, что народ стал жить беднее, поэтому многие обряды, кроме похоронно-поминальных, проводились, по словам местных жителей, «по сокращенной программе». Конечно, при этом я не имею в виду те огромные человеческие жертвы, которые были принесены в борьбе за независимость. Разумеется, в Нагорно-Карабахской республике еще многое предстоит сделать и по залечиванию губительных ран, нанесенных войной, в том числе и тяжелейших травм в душах людей, и по развитию социально-экономической и культурной жизни, а для этого важно не только мирное политическое урегулирование застарелого азербайджано-карабахского конфликта, но и уже, наконец, признание мировым сообществом независимости состоявшейся де-факто Нагорно-Карабахской республики. Если в регионе будет стабильный мир, то вполне обоснована надежда на его экономическое, культурное и демографическое процветание, поскольку для этого уже имеются определенные предпосылки: наметившееся оживление экономики, приостановление миграции молодежи, сокращение доли однопоколенных семей, состоящих из лиц пожилого возраста, тенденция к повышению уровня рождаемости. Немаловажную роль играет и такой фактор, как высокий моральный дух карабахских армян, присущий им на протяжении всей их многовековой истории, их безграничная любовь к своей земле и стремление к свободе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абраамян Е., ***Мец Тагер***, *Степанакерт, 2010*
2. Авакян Н., ***Народная одежда армян Арцаха в XIX – начале XX в.***, *«Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX – XX вв. Материалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу», Вып. I., Москва, 1971*
3. Аванесян Л., ***Связ изображений армянских ковров с погребальным обрядом***, *«Анив», Минск, 2012, N3(42)*
4. ***АКАК*** *(Акты, собранные Кавказской археографической комиссией), Тифлис*
5. Акопян М., ***Сельская община в Восточной Армении во второй половине XIX- начале XX в.***, Ереван, 1988
6. Аствацатурян Э., ***История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX – начале XX в.. Дагестан и Закавказье***, *Москва 1977, часть I-II*
7. Бархударянц М., ***Арцах***, *Санкт-Петербург, 2009*
8. Бдоян В., ***Кровнородственный*** *азг* ***родственные отношения у армян***, *«Советская этнография», Москва , 1952, N1*
9. Бегларян А., ***Карабахские ковры-нетьемлемая часть истории и быта арцахцев***, *«Карабахский курьер», Москва, 2012, N3*
10. Бромлей Ю., ***Этнос и этнография***, *Москва, 1973*
11. Брук С., Губогло М., ***Двуязычие и сближение наций в СССР***, *«Советская этнография», Москва, 1975, N4*
12. Валесян Л., Мурадян Ю., ***О некоторых итогах и проблемах экономического развития Нагорного Карабаха***, *«Правда о Нагорном Карабахе», Ереван, 1989*
13. Варавин П., ***Летние и зимние пастбища Закавказского края***, *«Свод материалов для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края» т. 5, Тифлис, 1888*
14. Варданян Л., ***Традиции мужских возрастных групп у армян (конец XIX- начало XX в.)***, *«Армянская этнография и фолклор», вып. 12 Ереван, 1981*
15. Вардумян Д., Карапетян Э., ***Семья и семейный быт колхозников Армении***, *Ереван, 1963 (на арм. яз.)*
16. ***ВПН (Всесоюзная перепись населения)***
17. Газарян Х., ***Туми***, *Ереван, 2003 (на арм. яз.)*
18. Газиян А., Сехбосян К., ***О похоронных обрядах и причитаниях армян Нагорного Карабаха. Рукопись доклада, прочитанного на Всесоюзной отчетно-экспедиционной сессии полевых этнографических и антропологических исследований***, *Тбилиси, 1971 /Архив автора/*
19. Газиян А., ***Устное народно-поэтическое творчество Арцаха (обзор)***, *«Вестник общественных наук», Ереван, 1990, N7*
20. Гакстгаузен А., ***Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями***, *Санкт Петербург, 1857, часть I - II*

21. Гаспарян А., ***Пчеловодство в Армении. Автореф. дис. канд. ист. наук***, *Ереван, 1990 (на арм. яз.)*

22. Григоров Н., ***Село Саров Елисаветской губернии Джеванширского уезда***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. шестой, Тифлис, 1888, отд. I*

23. Григорян Г., ***Карабахский дневник (1988-1992)***, *Ереван, 2005*

24. Давидбеков И., ***Село Гадрут, Елисаветпольской губернии, Джебраильского уезда***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. шестой, Тифлис, 1888. отд. I*

25. Давтян С., ***Армянские карпеты***, *Ереван, 1975 (на арм. яз.)*

26. Давтян С., ***Армянское кружево***, *Ереван, 1966 (на арм. яз.)*

27. Дворников Д., ***Пока Косово признано, а Карабах -нет, инфляция мевдународного права неизбежна***, *«ИА Регнум. 23-07-2012, «Карабахский курьер», Москва, 2012, N3*

28. Деконский А., ***Экономический быт государственных крестьян Шушинского и Джебраильского уезда Елисаветпольской губернии***, *«Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. IV, Тифлис, 1886*

29. Джейранов Ф., ***Селение Чайкенд Елисаветпольского уезда той же губернии***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис, 1898, вып. двадцатьпятый, отд. II*

30. Заварян С., ***Экономическая условия Карабаха и голод 1906-1907 гг.***, *Санкт - Петербург, 1907*

31. Заргарян Д., ***Азербайджан: Убийство на национальной почве возведено в ранг государственной политики***, *«Новое Восточное обозрение». Интернет журнал, 2012, 4 сентября*

32. Заяц Д., *Нагорно-Карабахская республика, «География», Москва, 2004, N43*

33. Зедгенидзе Я., ***Город Шуша. Производство ковров и паласов***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. одиннадцатый, отд. I, Тифлис, 1891*

34. Зелинский С., ***Народно-юридический обычай у армян Закавказского края***, *«Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества», Тифлис, 1899, N3*

35. ***ИВПН*** *(Итоги Всесоюзной переписи населения)*

36. Израелов Г., ***Село Касапет Джевамширского уезда Елисаветпольской губернии,*** *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XIII, Тифлис, 1892, отд. I*

37. Израелов Г., ***Село Касапет Джевамширского уезда Елисаветпольской губернии,*** *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XIII, Тифлис, 1892, отд. I*

38. Ильина М., ***Древнейшие типы жилищ Закавказья***, *Москва, 1946*

39. ***История Азербайджана . От присоединения Азербайджана к России до февральской буржуазно-демократической революции***, *Т.2, Баку, 1960*

40. Калашев А., ***Вардавар (сел. Чайкенд, Елисаветпольской губернии, Шушинского уезда)***, *вып. восемнадцатый, Тифлис, 1894, отд. Второй «Карабахский курьер», Москва, 2012, N1, 2013, N4*

41. Карапетян М., ***Этническая структура населения Нагорного Карабаха в 1921 г. (По сельско-хозяйственной переписи Азербайджана 1921 г.)***, *Ереван, 1991*

42. Карапетян Э., ***Армянская семейная община***, *Ереван, 1958*

43. Карапетян Э., ***Выкуп в свадебных обрядах армян и его социально-экономические корни***, *Ереван, 1950*

44. Карапетян Э., ***Приданое у армян (историко-этнографическое исследование)***, *Ереван, 1978 (на арм. яз.)*

45. Карапетян Э., ***Родственная группа азг у армян (вторая половина XIX- начало XX в.)***, *Ереван, 1966*

46. Караулов Н., ***Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 29, часть I, Тифлис, 1991*

47. Кобычев В., ***Жилище народов Восточного Закавказья в.*** XIX, *«Советская этнография», Москва, 1957, N3*

48. Кондратенко Е., ***Этнографические карты губерний и областей Закавказского края***, *«Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества», т. XVIII, Тифлис, 1896*

49.Костанянц А., ***История княжества Дизак***, *Вагаршапат, 1913 (на арм. яз.)*

50. Кочарян Г., ***Нагорный Карабах***, *Баку, 1925*

51. ***КПРЦА*** *(Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х годах XIX в.), Москва, Ленинград, 1936, часть I*

52. ***Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт энокультуогического исследования (на материалах армянской сельской культуры)***, Ереван, 1983

53. Кучаев М., ***Отчет по ревизии одминистративных учреждений в Елисаветпольской губернии. Крестьнская реформа в Елисаветпольской губернии (извлечение из отчета М. Кучаева), «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края» , т. I, Тифлис, 1885***

54.Лалаян Е., ***Варанда***, *«Азгагракан Андес», кн. 2, Тифлис, 1897 (на арм. яз.)*

55.Лалаян Е., ***Ганзак***, *«Азгагракан Андес», кн. 5, Тифлис, 1899 (на арм. яз.)*

56. Лисицян С., ***К изучению армянских крестьянских жилищ (Карабахский карадам)***, *«Известия Кавказского историко-археологического института» , Тифлис, 1925, т.III*

57. Лисицян С., ***Армяне Зангезура***, *Ереван, 1969 (на арм. яз.)*

58. Лисицян С., ***Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк***, *Ереван, 1992*

59. Лисицян С., ***Очерки этнографии дореволюционной Армении***, *«Кавказский этнографичвский сборник», I, Москва, 1955*

60. Маилян З., ***Стимулирование рождаемости-задача приоритетная***, *«Арцах», Москва, 2010, N1*

61. Марутян А., ***Интерьер армянского народного жилища (вторая половина XIX – начало XXв.). Материалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу»***, *«Армянская этнография и фолклор», Ереван, 1989, быт. 17*

62. Марутян А., Саркисян Г., Харатян З., ***К этнокультурной характеристике Арцаха***, *«Правда о Нагорном Карабахе, Ереван, 1989*

63. Мкртумян Ю., ***К изучению форм скотожодства у народов Закавказья***, *«Хозяхство и материальная культура народов Кавказа в XIX- начале XX в. Материалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу», Москва, 1971, N1*

64. Мкртумян Ю., ***Формы скотоводства в Восточной Армении (вторая половина XIX-начало XX в.) (Историко-этнографическое исследование)***, *«Армянская этнография и фолклор», Ереван, 1974, вып. 6*

65. Мкртчян А., ***Общественный быт армян Нагорного Карабаха (вторая половина XIX-начало XX в.)***, *Ереван, 2010*

66. Мкртчян Ш, ***Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха***, *Ереван, 1988*

67. Мкртчян Ш, ***Нагорного-Карабахская автономная область***, *Баку, 1970*

68. Науменко Е., ***Елисаветпольская губерния. Ваенно-статистическое описание***, *Тифлис, 1903*

69. ***Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 г. действительным действительным статским советником Могилевским и полковником Ермоловым 2-ым*** , *Тифлис, 1866*

70. Орбели И., ***Избранные труды***, Ереван, 1963б

71. *ОРВК (Обозрение Российских владений за Кавказом в историческом, финансовом, этнографическомотношениях, т. III, ч. 2, Санкт-Петербург, 1836*

72. Осипов Г., ***Селение Даш-Алты, Шушинскаго уезда, Елисаветпольской губернии***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. двадцатьпятый, Тифлис, 1898, отд. II*

73. Петров В., ***Этноботаника Нагорного Карабаха***, *Баку, 1940*

74. Петросян Л., ***Армянские народные сухопутные средства передвижения***, *«Кавказский этнографичвский сборник», V, Москва, 1972*

75. Петросян Л., ***Армянский народный транспорт***, *«Армянская этнография и фолклор», вып. 6, Ереван, 1974 (на арм. яз.)*

76. Петрушевский И., ***О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха***, *«Известия АзГНИИ. Историко-этнографическое и археологическое отделение», том 1, вып. 5, Баку, 1930*

77. ***ПМА*** *(Полевые материалы автора)*

78. Погосян А., ***Ковроделие***, *«Армяне», Москва, 2012*

79. Потто В., ***Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества***, *Тифлис, 1902*

80. ***ПСЗРИ*** *(Польное собрание законов Российской империи), Санкт-Петербург*

81. Словинский А., ***Общие выводы относительно промысловых занятий в Закавказье***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 11, отд.I, Тифлис, 1898*

82. Темурджян В., ***Ковроделие в Армении. Историко-этнографическое исследование***, *Ереван, 1965 (на арм. яз.)*

83. Тер-Саркисянц А., ***Армяне. История и этнокультурные традиции***, *Москва, 1998*

84. Тер-Саркисянц А., ***Современная семя у армян (по материалам сельских районов Армянской ССР), Москва, 1972б***

85. Тер-Саркисянц А., ***Современные этнические процессы у армян Нагорного Карабаха***, *«Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе», Москва, 1978*

86. Хан-Агов А., ***Экономический быт государственных крестьян Джеванширского уезда Елисаветпольской губернии***, *«Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края» , т.VI, ч.2-ая , Тифлис, 1887*

87. Харатян З., ***Культовые мотивы семейных обычаев и обрядов у армян***, *«Армянская этнография и фолклор», Ереван, 1989, вып. 17*

88. Харатян-Аракелян Г., ***Армянские народные праздники***, *Ереван, 2000 (на арм. яз.)*

89. Чурсин Г.Ф. ***Армяне Зангезура (краткий этнографический очерк).*** Тифлис, 1931

90. Чурсин Г.Ф. ***Свадебные обычаи и обряды на Кавказе //«Кавказ»***, Тифлис, 1902, N2

91. Шагинян М., ***Нагорный Карабах. Очерк***, *Москва - Ленинград, 1927*

92. Шагоян Г., ***Оператор как новый персонаж армянской свадьбы***, *«Этнографическое обозрение», Москва, 1999, N2*

93. Эмин Н., ***Очерк религии и верований языческих армян***, *Москва, 1864*

Г. Саркисян

НАСЕЛЕНИЕ НАГОРНОГО КАРАБАХА ЗА 100 ЛЕТ (1823-1923 гг.)[1]
(Этнодемографическое исследование)

Нагорный Карабах в нынешнем понимании – это наиболее гористая часть Арцаха - десятой губернии (наанг) исторической Армении. В разные периоды своей многовековой истории эта область называлась по-разному: в урартских клинописях она именуется Уртехе-Уртехини; к этому названию восходит армянское традиционное название Арцах[2].

Горная часть края представляет собой продолжение северо-восточной окраины Армянского нагорья. С давних пор она в основном имела монолитную этническую структуру, т.е. была заселена армянами.

Однако начиная с XI столетия в Закавказье и Малую Азию из Средней Азии стали проникать многочисленные тюркоязычные кочевые племена, а впоследствии население Закавказья периодически подвергалось нашествиям различных мусульманских завоевателей. И хотя армяне Карабаха каждый раз давали отпор натиску завоевателей, им часто приходилось оставлять свой очаг и искать убежище в труднодоступных местах, где было сравнительно безопасно. Уже в XVI-XVII вв. в пределах нынешней территории Азербайджана вырисовывалась пестрая этническая структура: в гористых местах в основном жили армяне, а на равнинах же постепенно обосновались тюркоязычные племена. «Лишь с начала XVIII в. на политическую ситуацию нагорной части Карабаха стали оказывать влияние перебравшиеся из Средней и Малой Азии и Курдистана и поселившиеся в прилегающих равнинных районах еще в начале XVI в. неармянские этнические массивы»[3]. «Возникает закономерный вопрос: когда же в Карабахе появился неармянский элемент и в его числе тюркские племена, т.е. предки нынешних азербайджанцев? Достоверные исторические сведения относят его появление к XVI в. Именно в этом столетии конгломерат курдско-тюркских племен проник в низменную часть Карабаха - Мильскую равнину. По сообщению Шариф-хана Битлиса, это были «двадцать четыре курдских рода», а также племенной союз «Отузики»; именно в состав последнего входили и мелкие тюркские племена. Среди них главенствовало племя джеваншир - его предводитель был и главой всего «Отузики»... Часть джеванширцев со временем постепенно перебралась в предгорные и горные районы Карабаха, но их ханам так и не удалось сломить сопротивление местного коренного армянского населения, и они в этой части Карабаха всегда составляли незначительное меньшинство[4]. К этому времени относится и изменение этнического состава населения в западной части Карабаха, когда в верховьях рек Тартар и Агари обосновались многочисленные курдские племена. Таким образом, кочевые и полукочевые племена постепенно овладели низменной частью Арцаха, а затем постепенно проникли в горную часть Карабаха, которая всегда представляла собой как бы «остров» компактно проживающих армян.

В этнической истории армян всего Карабаха произошло немало перемен: непрерывные нашествия кочевых племен, с одной стороны, войны между великими державами Россией, Персией и Турцией, – с другой, привели армянский народ в крайне тяжелое положение. В конце XVIII в. распалось могучее меликство Хамса (объединявшее пять армянских княжеств, которые с XVI в. существовали в Карабахе), что привело к массовым переселениям армян в основном на территорию Грузии. Мелики Абов, Джумшуд, Фридон и Каграман со своими на-

---

[1] *В пределах границ Нагорно-Карабахской Автономной Области.*
[2] *Нагорный Карабах. Историческая справка, Ереван, 1988, с. 7.*
[3] *Там же, с. 13.*
[4] *Нагорный Карабах в 1918-1923 гг. Сборник документов и материалов, Ереван, 1992, с. X.*

родами переселились на территорию Грузинского царства и обосновались в Лори, Болнисе, Шулавере и других местах[1]. Напомним, что причиной распада меликств и миграции армянского населения было не только появление здесь самозванца-хана Панах-Али и продолжительные раздоры (с середины XVIII в.) между армянскими меликами, а также нашествия Ага Могаммед-хана в 1795-1797 гг.

О многочисленности и густоте армянского населения нагорной части Карабаха свидетельствует послание карабахских меликов Екатерине I от 1725 г., согласно которому в каждом из шести магалов Карабаха насчитывалось 30, 40, 50 селений, а в каждом селении – 600, 500, 400, 200, 100, 50 дворов[2]. В записке Ираклия II от 1769 г. говорится, что в меликстве Хамса «народ весь армянского закона», а в 1783 г. Г. А. Потемкин в своем рапорте Екатерине II сообщает: «Не имев еще повеления В.И.В., я дал резолюцию ген. пор. Потемкину об Ибрагим- хане Шушинском, обложенную его к повиновению. Тут подлежит рассмотрению, чтоб при удобном случае область его, которая составлена из народов армянских, дать в правление национальному и чрез то возобновить в Азии христианское государство, сходственное высочайшим В.И.В. обещаниям, данным чрез меня армянским меликам»[3].

До переселения в вышеупомянутые края армянские мелики обратились с письмом к царскому правительству: «...Если же оба сии прошения (Вашему императорскому Величеству – *Г. С.)* не благоудобны будут, то по крайней мере удостойте повелеть Грузинскому царю – во владении его впусте лежащую землю, по древнему Кукария (Гугарк – *Г. С.)* называемую, ныне Хазах (Казах – *Г. С.)* именуемую и простирающуюся до провинции Лори, на которой и прежде были селения Армянские, опустошенные в разные времена от разорения Персиян, – оную нам отдать для поселения...»[4]. Естественно, после такого организованного переселения в крае численность армян сократилась, а этнический состав претерпел изменения. Однако через 10-15 лет часть вынужденно переселившегося населения Карабаха снова вернулась на свои земли – уже после вхождения Карабахского ханства в состав России.

Начало XIX в. в политической жизни закавказских народов было переломным, постепенное присоединение целых регионов к Российской империи повлекло за собой коренные изменения в этноструктуре населения. Новое качество получило миграционное течение, что относится и к Карабаху в целом. Так, согласно докладу одного русского чиновника своему правительству, в «Карабаге при вступлении в подданство России 1805 г. по моим расспросам считалось до 10000 семейств, а по ведомости, сделанной в 1808 году, – 7474 семейства. Из сего числа увлеченных неприятелем и разбежавшихся за границу, а именно: в 1806 г. увлечено Персиянами – 367, бежало – 84; в 1809 г. увлечено – 323, бежало – 412; в 1810 г. увлечено – 276, бежало – 248; в 1911 г. увлечено – 274, бежало – 707; в 1812 г. увлечено – 977, бежало – 1177. Всего увлеченных и разбежавшихся – 4845 семейств. Следовательно, оставаться должно в Карабаге ныне до 5000 семейств, а противу ведомости полк. Асеева остается 3080 сем., из того в Шекинском владении перешедших туда при владениях неприятеля находится – 1000 семейств»[5]. В докладе подробно изложены статистические данные о вынужденной иммиграции населения в короткий промежуток времени. Данные показывают, что динамика численности мигрантов возрастает, более половины их стали беженцами. К сожалению, в докладе нет данных об этническом составе мигрантов и численности эмигрантов, хотя их и было сравнительно немного.

Не следует забывать, что столь сложная этнополитическая и социально-экономическая ситуация была вызвана русско-персидской войной 1804-1813 гг.: огромные потоки переселен-

---

[1] *Лео*, ***Сочинения****, т. 4, Ереван, 1984, с. 30-31 (на арм. яз.).*
[2] *Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Сборник документов, т. II, ч. II, Ереван, 1967, с. 249.*
[3] *Иоаннисян А. Р.,* ***Россия и армянское освободительное движение в 80-х гг. XVIII столетия****, Ереван, 1947, с. 434.*
[4] *Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею (далее – АКАК), т. 1, Тифлис, 1866, с. 632.*
[5] *АКАК, т. 5, ч. II, Тифлис, 1873, с. 579.*

цев-представителей разных народов и этнических групп, побеги, погромы, нашествия на мирное население, опустошение целых селений со стороны не только персидских войск, но и лезгинов, а также других кочевых племен. Девятилетняя война закончилась победой русских войск, и в селе Гюлистан (в Карабахе) между Россией и Персией в октябре 1813 г. был заключен договор, по которому Персия признала господство России над Карабахским, Гянджинским, Ширванским, Шекинским, Дербентским, Кубинским, Бакинским ханствами, а также над частью Талыша, Дагестана, Грузии, Гурии, Мингрелии и Абхазии[1].

После присоединения к России, в 1822 г., Карабахское ханство было упразднено и организовалась Карабахская провинция, в состав которой вошли следующие административные единицы (согласно административным границам 80-х годов XX в.): Нагорно-Карабахская АО, Кельбаджарский, Лачинский, Кубатлинский, Зангеланский, Имишлинский, Агджабедский, Агдамский, Бардинский, Мир-Баширский, Шаумяновский районы Азербайджанской ССР, Сисианский, Горисский, Кафанский, Мегринский районы Армянской ССР.

Вскоре, в 1840 г., в Закавказье было осуществлено новое административно-территориальное деление. Карабахская провинция вошла в состав Грузино-Имеретинской губернии. Вместо мелких делений (уезды, округа, провинции и т.д.) впервые в Закавказье была образована более крупная административная единица – губерния. В 1846 г. в Закавказье существовали уже четыре губернии (Дербентская, Шемахинская, Тифлисская и Кутаисская). Карабахская провинция оказалась теперь в составе Шемахинской губернии. В середине XIX в. была образована Ереванская губерния, а через некоторое время Шемахинская губерния была переименована в Бакинскую, а Дагестанский округ вошел в состав Закавказья. Через некоторое время, в 1868 г., была образована новая губерния – Елисаветпольская. В итоге территория бывшей Карабахской провинции была раздроблена на пять уездов: Елисаветпольский, Казахский, Нухинский, Шушинский и Зангезурский[2].

Такие частые административные переделы со стороны царского правительства не исходили ни из этнических, ни из хозяйственно-географических, ни из этнокультурных соображений. Поэтому подобные деления часто вызывали справедливое недовольство среди армянского населения восточной части Закавказья. Примеров административной суматохи местной власти более чем достаточно, вот как характеризует данную ситуацию А. Шахатунян: «...Некоторая часть армянского плоскогорья была выделена из грузинской и татарской областей. Но в этом отношении процесс остановился на полдороге: значительная часть армянского нагорья осталась в пределах административных единиц, по преимуществу грузинских и татарских. Большая часть армянской горной страны (Карабаха) к востоку от Эриванской губернии осталась в пределах восточного равнинного татарского Закавказья, в Шемахинской губернии»[3] – речь идет о делении середины XIX в. Или же: «Если бы кавказская высшая власть руководствовалась соображениями естественно-хозяйственного и этнографического характера, то немедленно же после ликвидации явлений военного периода (русско- турецкая война 1877-1878 гг. – *Г. С.*) и устроения населения, эти новые земли вместе с соседними областями образовали бы однообразно естественно-этнографические единицы. Нужно было или присоединить Карсскую область к Эриванской губернии, или же к небольшой Карсской области присоединить совершенно сходные земли – Александропольский и Ахалкалакский уезды и часть Ахалцыхского уезда Тифлисской губернии. Тогда получилась бы единица, по размерам несколько напоминающая кавказские губернии»[4]. Административно-территориальное деление Закавказья в основном не претерпело изменений

---

[1] *Лео, указ. соч., с. 565.*
[2] *Шахатунян А.,* ***Административный передел Закавказского края****, Тифлис, 1918, с. 85-97; Кавказский календарь (далее – КК) на 1870, Тифлис, 1869, отд. III, с. 407.*
[3] *Шахатунян А., указ. соч., с. 90.*
[4] *Там же, с. 94.*

до Октябрьской революции в России (до 1917 г.). Со стороны администрации были выдвинуты новые проекты административного передела Закавказского края, но все они остались на бумаге, хотя в них и были учтены некоторые недостатки прошлого опыта. Наконец, в 1920 г., после установления Советской власти в Закавказье, было упразднено старое деление и установлены новые границы. На фоне указанных административно-территориальных делений попробуем представить динамику численности и этнического состава населения исследуемого края в данный период времени, что особенно актуально сегодня, в процессе разрешения вопроса о Нагорном Карабахе.

До присоединения Карабахского ханства к России в нем не проводилось более или менее подробных учетов населения. Если во времена ханского правления число дворов армянского населения всего Карабаха можно было приблизительно оценить, т.к. оно было оседлым и была возможность такой фиксации, то в отношении мусульманского, особенно кочевого населения, это было затруднительно. Здесь, по нашему мнению, следует кратко охарактеризовать жизнедеятельность кочевого населения Карабахской провинции в целом и нагорной ее части – в отдельности. Известно, что альпийские луга являлись превосходными летними пастбищами, а степи использовались для зимней выпаски скота. В этом отношении наиболее ценные, главным образом летние пастбища, находились на юго-восточных склонах Малого Кавказа, иными словами – в Карабахском нагорье. Особенно надо отметить Зангезурский участок, где находились «обширные безлесные равнины, занимаемые одними только пастушескими племенами с их стадами и посевами»[1]. Основным достоинством карабахских эйлагов являлось обилие родников и рек, а в более возвышенных местах нехватка родников восполнялась достаточным количеством снеговой воды[2].

Кочевое население осенью с летних пастбищ со своими стадами отправлялось на зимние пастбища, которые находились в Муганской, Мильской и Ширванской степи. Как видно из вышеизложенного, «одним из характерных районов распространения кочевых обществ был Карабах, охватывавший территорию четырех уездов Елисаветпольской губернии. Первое место по количеству кочевого населения занимал Шушинский уезд, за ним следовали Джеванширский, Джебраильский и Зангезурский уезды. В Зангезурском уезде, преимущественно в его западной части, кочевали главным образом курдские кочевые общества... Следует прибавить, что в район Карабаха, проделывая огромный путь, пригоняли свои стада и кочевые жители Нухинского, Арешского и даже Джеватского уездов»[3]. Что касается исследуемой территории, т.е. нагорной части Карабаха, то весной кочевники-мусульмане туда отгоняли свой скот на летние пастбища, а осенью возвращались обратно в свои зимовники. Они в летний период пользовались пастбищами, расположенными в пределах расселения армян в нагорной части Карабаха. Дороги, ведущие на летние пастбища и обратно, часто проходили мимо армянских сел и даже прямо через них[4]. Известно, что учеты населения обычно проводились в зимнее время, а так как кочевники уже спускались в степь на зимовки, поэтому при учетах они не вошли в состав наличного населения нагорной части Карабаха.

После присоединения Карабахского ханства к Российской империи царское правительство в крае проводило учет населения, который был осуществлен в 1823 г. во главе со статским советником Могилевским и полковником Ермоловым II[5]. О том, в каких трудных этнопо-

---

[1] *Гагемейстер Ю. А.,* ***Топографическо-хозяйственное описание Прикаспийского края в Закавказье*** *// Журнал Министерства внутренних дел, ч. 32, СПб., 1850, с. 143.*

[2] *Исмаил-Заде Д. И.,* ***Из истории кочевого хозяйства Азербайджана первой половины XIX в.*** *// «Исторические записки АН СССР», 1960, № 66, с. 107.*

[3] *Там же, с. 110.*

[4] *Варовин П. С.,* ***Летние и зимние пастбища Закавказского края*** *// Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края (далее – СМИЭБГКЗК), т. 5, Тифлис, 1888, с. 119.*

[5] *Национальный архив Армении (далее – НАА), ф. 93, оп. 1, д. 163. – Описание Карабахской провинции, оставленное в 1823 г. действительным статским советником Могилевским и полковником Ермоловым II, Тифлис, 1866.*

литических условиях собирались статистические данные о населении Карабаха, видно из их рапорта главному управляющему в Грузии А. Ермолову: «При нынешнем нашем описании, сколь ни тщательное прилагаемо было старание с точностью дознать настоящее число народонаселения в Карабаге, но как сведения о сем мы должны были основывать на одних расспросах и словесных показаниях магальных беков, кетхудов или старост деревенских и самих помещиков, то нельзя с некоторою достоверностью не предполагать, чтобы при сем случае не было, во избежание платежа податей, утаено пред правительством значительное число семейств, населяющих Карабаг. Почему мы считаем необходимо нужным, дабы по примеру других ханств, также и в Карабаге сделана была, при первом удобном случае, поверка через камеральное на месте описание каждой деревни и кочевья. Нет сомнения, что в сем случае, а особливо при наблюдении, дабы семейства, подлежащие платежу податей, были, на основании общих правил, разделяемы на тягла, то есть на мужа с женою и детьми, от них еще неотдаленными, не смешивая в одну семью женатых братьев и других родственников, – прибавится против нынешнего описания Карабага, по крайней мере, треть народонаселения, с чем вместе значительно умножатся и доходы в казну его имп. величества... Беспорядочное разделение Карабага на магалы, из коих иные имеют одни только наименования, между тем как жители, к ним принадлежащие, рассеяны по разным другим местам и к коим имения частных людей, наипаче же кочевые народы, вовсе не причислены, – много замедляло наше описание тем, что мы находились в необходимости для частных владельцев составлять особые ведомости и полагаться на их собственные показания. Большая часть из таковых имений, хотя и не с равнодушием со стороны помещиков, ныне приписана нами к ближайшим магалам, равно как и кочевья, в особенности же казне принадлежащие. За всем тем, для лучшего порядка необходимо нужно сделать новое разделение Карабага на магалы, с причислением к оным всех помещичьих имений и с определением в каждый магальных беков, кои обязаны были бы ответственностью за устройство в порученном ему округе...»[1].

Как выше сказано, все показатели приводятся в пределах границ НКАО, однако в источниках, как известно, данные соответствуют административным делениям XIX столетия. С этой целью мы попытались выделить из проведенных учетов те населенные пункты и население, которые охватывались границами НКАО, и хотя учеты XIX в. были далеко не полными, они дают возможность составить общее представление о численности и этническом составе населения края. Так, в 1823 г. на изучаемой территории насчитывалось около 36,5 тыс. человек, из них армяне составляли 30.8 тыс., или 84.6% всего населения края, татары (так в источниках этого времени назывались представители тюркоязычных этнических групп) – 5.4 тыс., или 14.7%, курды – всего 0.3 тыс. человек, или 0.7%. Численность сельского населения Карабаха в данный период имела следующую картину: в селах проживало всего 28.2 тыс. человек, из них 97.5% (27.5 тыс.чел.) составляли армяне, а 2.5% (около 700 чел.) – татары. Показатели городского населения таковы: в единственном городе Шуши проживало 8.3 тыс. человек, среди них армян было меньше, чем татар – 3350 чел., или 40.3%, 4670 чел., или 56.2% татар, остальное население (около 300 чел.) или 3.5% составляли курды. Такое преобладание городского мусульманского населения при почти однородном армянском составе сельского населения края, по нашему мнению, связано с тем обстоятельством, что со времен Панах-хана и после него в городе обосновалось значительное их число.

В Карабахской провинции по данным 1823 г. было 17520 семей, из них 5185 семей – армянские, 3880 – татарские, 365 – джебраильские (курды – *Г. С.*), кроме того, насчитывалось около 8090 кочевьев. Если считать в среднем по 5 человек на каждую семью, то получается,

[1] *Там же, д. 2-3.*

что во всей провинции проживало около 85-90 тыс. человек, из них почти половина жителей кочевала, а армяне составляли 30% всего населения.

Через десять лет, в 1832-1833 гг., в Карабахской провинции был проведен новый учет населения[1]. Как показано выше, основное население нагорной части Карабаха составляли армяне, данные о них более подробны (число дымов, мужчин, женщин), чем мусульманского населения (число дымов, мужчин), поэтому женщин-мусульманок приходилось подсчитывать приблизительно. На исследуемой территории в данный период по нашим подсчетам проживало около 26,1 тыс. человек, из них армян – 21.9 тыс. чел., или 84% всего населения края, татар – 4.2 тыс.чел., или 16%. Сельское население (всего – 18.1 тыс. чел.) распределилось следующим образом: армяне – 17.6 тыс.чел., или 97% всего сельского населения края, татары – 564 чел., или 3%. В городе было 1698 домов, в которых находились 5059 чел. муж. пола. В общем народонаселении было 762 семейства армянских и 936 – татарских[2]. Считая в одном доме 5 чел., получаем около 8.5 тыс. чел., из них магометане составили 55% всего населения города, а 45% – армяне. Приводимые данные показывают, что население города в этот период росло медленно, что, по нашему мнению, связано с диспропорцией половой структуры населения, так как численность мужчин значительно преобладала по сравнению с женщинами, за счет большого количества мужчин-ремесленников и торговцев-одиночек.

Известно, что г. Шуши в 30-х годах XIX в. был одним из крупных городов Закавказья, а и по численности населения был пятым после Тифлиса, Нухи, Еревана и Шемахи. Город был не просто центром провинции, но и средоточием ремесленников и торговцев. В городе было: сапожников – 44 чел., шапочников – 24, портных – 30, кузнецов – 25, ткачей бязи – 28, серебряников – 12, шорников – 15, седельников – 10, изготавливающих сабли и кинжалы – 10, ружейные ложи – 6, хлебников – 6, перебивающих шерсть – 6, кожевников – 9, медников – 6 и др. торговцев красным товаром – 94, зеленью, съестными припасами и разной мелочью – 44, лекарствами и красками – 30 человек[3]. Среди мусульманского населения, кроме татар и курдов, в источниках не отмечены другие национальные меньшинства, а также численность временно проживающих.

Для получения общей картины о населении Карабахской провинции, площадь которой составляла более 18 тыс. кв. км, представим данные Камерального описания 1832 г. В г. Шуши и 741 селениях было 20546 дымов, в том числе: магометанских – 13965 дымов, армянских – 6491, остальные принадлежали цыганам (боша) и несторианам (айсоры), в этих дымах проживало около 54841 чел. муж. пола[4]. По приблизительным оценкам в провинции проживало около 102 тыс. человек, из них 68% составляли магометанское, а 32% – армянское население, а также небольшое число цыган (боша) и несториан (айсоры).

Сопоставление данных[5] десятилетнего периода (1823-1833 гг.) показывает, что население нагорной части Карабаха не только не прибавилось, а наоборот – уменьшилось, убыль составила 10,4 тыс. человек, или более 28%. Такое значительное уменьшение численности населения, как уже отмечалось, было связано со сложной политической ситуацией региона, которая дала большой размах миграционным процессам – в основном в сторону Персии и Турции из так называемых «мусульманских провинций». Не следует забывать также, что в те-

---

[1] Там же, д. 50-51.

[2] Обозрение российских владений за Кавказом в историческом, финансовом, этнографическом отношениях, СПб., 1836, ч. III, с. 308 (далее – Обозрение...); Тер-Гаспарян Р. О., ***Город Шуши****, Ереван, 1993, с. 75-76 (на арм. яз.).*

[3] Обозрение..., ч. III, с. 308.

[4] Там же, с. 267; Тер-Гаспарян Р. О., указ. соч., с. 75-76; Исмаил-Заде Д. И., ***Население городов Закавказского края в XIX – начале XX в****., М., 1991, с. 57-58.*

[5] Здесь и далее при анализе динамики и этнического состава населения нагорной части Карабаха мы вынуждены ограничиваться только данными общего характера. Известно, что важнейшую роль в динамике численности населения играют естественное и миграционное движения. В данной работе не отражены эти показатели, потому что указанные границы (НКАО), в рамках которых представлены наши подсчеты, установлены лишь в 1923 г., а подробные демографические показатели для этого региона (рождаемость, смертность и др.) появились только во второй половине XIX в.

чение первых 30 лет XIX в. территория Закавказья становилась ареной трех крупных войн между Россией, Персией и Турцией. Сравнивая прирост сельского и городского населения за 10 лет, можно увидеть, что сельское уменьшилось более чем в 1.5 раза, а городское (г. Шуши) почти не изменилось (уменьшилось всего на 360 чел.), и, что важно, доля армян-горожан повысилась почти на 13%, а мусульман – наоборот, понизилась. Здесь, как нам кажется, причина одна – из сельских местностей армяне переселились в город, поэтому доля их в сельских местах уменьшилась на 0.5%. По версии азербайджанских исследователей в 1828-1830 гг. из Персии было массовое переселение армян в Карабах, что якобы привело к коренным изменениям этнического состава, при том, что о числе лиц коренных армян можно судить по камеральному описанию 1823 г., но эти данные тоже игнорируются. Вот что пишет Х. Д. Халилов: «При составлении реестра появилась шовинистическая и националистичская тенденция. Так, например, любая азербайджанская деревня, где были поселены армянские семьи, в реестре необоснованно причисляются к армянским деревням. Другим недостатком этого источника является следующее: ввиду того, что численность армянского населения, переселенного в Карабах до составления реестра, включена в реестр без оговорок, весьма трудно определить численность армянского населения до присоединения Карабаха к России»[1]. Подобных курьезов и неточностей в этом коротком сообщении очень много.

С 30-х по 70-е годы XIX столетия каких-либо серьезных подсчетов населения не проводилось. Известны лишь отдельные приблизительные оценки администрации того или иного региона, которые относятся к середине XIX в. Взяв за основу эти данные, получаем следующую картину: в исследуемой нами части Карабахской провинции проживало около 43.5 тыс. человек[2], из них более 83% составляли армяне, 16.7% – татары. Население г. Шуши достигло 12.7 тыс. человек, число армян и татар почти уравнялось. Известно, что в г. Шуши в середине XIX в. было 500 ремесленников. Сельское население составило около 30.7 тыс. человек, подавляющее большинство которых были армяне (97.3%).

Любопытно, что в середине XIX в. на всей территории Карабахской провинции проживало около 113 тыс.человек, из них армяне составляли лишь 34%, а татары, вернее, мусульманское население – 65.9%, остальную часть населения составляли русские. Население провинции за 20 лет увеличилось в 2 раза, при этом численность армян – всего в 1.6 раза, мусульман – в 2 раза, и это при том, что естественный прирост армянского населения имел более высокие показатели, чем мусульманского (на этом мы подробнее остановимся ниже).

Причина этого явления, по нашему мнению, заключается в том, что, с одной стороны, имело место переселение армянского населения из равнинных мест в горные, а с другой стороны – в регион после Крымской войны стали проникать небольшие потоки переселенцев: в основном курды и тюркоязычные этнические группы.

Но вернемся к изучаемой нами территории Карабаха и рассмотрим ее этническую картину за первую половину XIX века. Население края возросло незначительно, большую роль в этом сыграла неустойчивая политическая ситуация, приведшая к возрастанию передвижения населения. Хотя число армянского населения возросло, но их доля в процентном отношении снизилась с 85% до 83%, тогда как среди тюркоязычных этнических групп подобная доля возросла с 14% до 16.7%.

Доля армянского сельского населения осталась почти без изменения (убыло 0.2%), а среди тюркоязычных групп увеличилась на 0.2%. В городе Шуши армянское население в середине XIXв. составило половину населения, увеличившись за 50 лет более чем в 2 раза.

После 50-х годов XIX в. как в России, так и в Закавказье в целом, наметилась стабилизация политической ситуации, что, в свою очередь, привело к постепенному увеличению населения.

---

[1] *Халилов Х. Д.,* ***Из этнической истории Карабаха****, http://karabakh-dok.azerall.info/ru/- azerpeople/ap003.htm, 4.10.2006 г.*
[2] *КК на 1852 г., Тифлис, 1851, с. 430-433; КК на 1856 г., Тифлис, 1855, с. 358-359, 376-441.*

Хотя до начала 70-х годов не проводилось полноценных переписей населения, тем не менее, были проведены изменения в административно-территориальной структуре Закавказья. В 1873г. Елисаветпольская губерния была разделена на 8 уездов: Елисаветпольский, Казахский, Нухинский, Арешский, Джеванширский, Шушинский, Зангезурский и Джебраильский[1]. Территория прежней Карабахской провинции была разделена на четыре уезда – Джеван- ширский, Шушинский, Зангезурский, Джебраильский, исследуемая же территория стала охватывать отдельные части этих уездов. По данным учета населения 1875 г. (Списки населенных мест Кавказского края) в горной части Карабаха проживало 93.1 тыс. человек,[2] из них армян было 78.8 тыс. чел., или 84.7% всего населения, тюркоязычные этнические группы (в источниках второй половины XIX в. они упоминаются и как «адербейджанские татары») составляли 14 тыс. человек, или 15%, остальные 0.3% составляли русские (около 250 чел.). Примерно за 20 лет сельское население возросло более чем в два раза (68.5 тыс.чел.), численность армян также увеличилась в два раза (65.4 тыс.чел.), однако среди тюркоязычных этнических групп этот показатель оказался выше – сельское население у них возросло в 3.5 раза. В г. Шуши проживало всего 24.5 тыс. человек, из них 55% составляли армяне, 44% – «адербейджанские татары», остальные – русские. Число армян возросло более чем в 2 раза, мусульман – лишь в 1.6 раза. Такой сравнительно бурный прирост населения всего края был связан с социально-экономическими сдвигами в политике царского правительства, что было обусловлено проведением аграрной реформы в государстве в целом и в регионе – в частности. В конце 60-х и в начале 70-х годов XIX столетия в результате этой реформы в крае вновь стали оживляться миграционные процессы. Обманутое аграрной политикой сельское население оставляло свое хозяйство и переселялось в города в поисках работы. В Закавказье такими городами стали Тифлис, Шемахи, Баку, Ереван, Шуши и Нухи. Многочисленные переселенцы-армяне из сельских местностей, особенно ремесленники, а также разнорабочие, обосновывались в городах. Приведенные выше показатели – подтверждение этому; большой процент армян в г. Шуши и высокие показатели среди тюркоязычных этнических групп в сельских местностях. Сельчане-армяне, переселяясь, обосновывались не только в закавказских, но и в среднеазиатских и северокавказских городах. Число отходников из Карабаха (в основном мужчин) в середине семидесятых годов XIX в. достигло 16-17 тыс. человек[3].

В 1873-1875 гг. на территории бывшей Карабахской провинции в трех уездах в целом проживало 195,8 тыс. человек.[4] При сравнении этих данных с итогами середины XIX в. выясняется, что прирост за 20 лет составил 82.8 тыс.человек, т.е. в среднем 4.2 тыс. человек за год. Этнический состав населения выглядел следующим образом: армяне составляли 38.8% всего населения (75.9 тыс. чел.), «адербейджанские татары» – 59.4% (116.3 тыс. чел.), курды – 1.4% (2.7 тыс. чел.), русские – 0.4% (0.7 тыс. чел.).

Анализ показателей свидетельствует о том, что число жителей в исследуемой части Карабаха, занимавшей менее шестой части территории бывшей провинции, тем не менее, составляло около половины всего населения.

В 1886 г. в Закавказском крае был проведен учет населения, известный как «Посемейные списки». Они были сравнительно более подробными, чем «Списки населенных мест 1873 г.», несмотря на то, что здесь тоже отсутствовало четкое различение данных о жителях мусульманского вероисповедания, что и понятно, так как процесс ассимиляции и консо-

---

[1] *КК на 1878 г., Тифлис, 1877, с. 327; Шахатунян А., указ. соч., с. 93.*
[2] *Сборник сведений о Кавказе (далее – ССК), т. VII, Тифлис, 1880, с. XXII-XXV.*
[3] *Оганесян О. А.,* ***Установление Советской власти в Нагорном Карабахе****, Ереван, 1971, с. 13 (на арм. яз.).*
[4] *ССК, т. VII, 1880, с. XXII-XXV.*

лидации среди тюркоязычных этнических групп проходил не особенно заметно и в принципе продолжался до середины XX столетия.

«Посемейные списки» 1886 г. для нагорной части Карабаха отражали следующую картину: население в целом – 116.8 тыс. человек[1], из них 84.8% (99.1 тыс.) составляли армяне, 14.9% – татары (17.4 тыс.), русских – не более 0.3% (около 300 человек).

Сельское население составляло более 77% всего населения, или 90 тыс. чел., из них армян было 83.9 тыс. чел., или 93.2%, татар – 5.8 тыс., или 6.5%, русских – 276 чел., или 0.3% всего сельского населения.

Число жителей г. Шуши достигло 26.8 тыс. чел., здесь в основном жили армяне и татары, временно проживающие не учитывались. Армяне составляли 56.6% населения г. Шуши, или более 15.1 тыс., а татары – 43.3%, или 11.5 тыс. человек.

Для сравнения сопоставим данные по трем уездам в целом: общая численность населения составила 228.1 тыс. человек, из них армян – 44.2% (100.8 тыс.чел.), татар – 52.5% (119.8 тыс.чел.), курдов – около 3% (6.9 тыс. чел.), русских было всего 512 человек. На этой территории сельское население составляло 88.2% всего населения, а единственным городом оставался Шуши.

Через 11 лет после проведения «Посемейных списков» царским правительством в 1897 г. была организована Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Подготовкой к этой труднейшей работе занимался Центральный статистический комитет России с участием выдающихся ученых того времени.

Перепись как таковая была не только первой, но и результаты ее были сравнительно точными, полными и достоверными.

Для исследуемой территории мы выделили из общих данных следующие показатели: в 1897г. в горной части Карабаха проживало всего 128.6 тыс. чел.[2], из них 82.7%, или 106.4 тыс. чел. составляли армяне, 15.9%, или 20.4 тыс. чел. – татары, кроме того, здесь проживало 1.5 тыс. русских и 300 чел. из других народностей.

Сельское население края преобладало – 79.8% всего населения. В г. Шуши проживало всего 25.8 тыс.человек, армяне составляли 55.8% всего населения города, остальные были татары, русские и около 300 чел. – представители разных народностей и этнических групп. Преобладающее население края по вероисповеданию составляли христиане – 84% всего населения, остальные – мусульмане: 16%, в сельских местностях эти показатели соответственно были следующие: христиане – 90.6%, мусульмане – 9.4%.

Для территории бывшей провинции имеем следующие данные: общая численность населения достигла 303.7 тыс. чел., преобладало тюркоязычное население (татары) – 174.8 тыс. чел., или 57.5% всего населения, армяне же составляли 40.7% (123.6 тыс. чел.) всего населения. Из остальных этнических групп отметим русских – 1% (3 тыс. чел.) и курдов – 0.3%[3]. На этой территории более 91% всего населения проживало в сельской местности.

Как было указано выше, после аграрной реформы 1870 года до конца XIX века в Закавказье, в том числе в нагорной части Карабаха, было проведено три сравнительно подробных учета населения (1873, 1886, 1897 гг.). Анализ этнодемографической характеристики последнего тридцатилетия XIX столетия показывает, что сложная этнополитическая ситуация и связанное с нею социально-экономическое положение влияло на темпы роста населения, а также на расселение этнических групп края. Чтобы не быть голословным, приведем некоторые данные, характеризующие общий прирост населения Карабаха в

---

[1] *Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 года (далее – ССНЗКИПС). – Елисаветпольская губерния, Тифлис, 1893, с. 438-463, 510-527.*

[2] *Исторический архив России, ф. 1290, оп. 11, д. 636, 638, 645. – Елисаветпольская губерния.*

[3] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897, Елисаветпольская губерния, СПб., 1904, с. 60-63.*

указанный период. Сравнивая показатели 1875 и 1886 годов, получаем следующую картину: общий прирост населения Карабаха за 11 лет составил 23718 человек, т.е. 2155 чел. в среднем за год. Для армян эти показатели таковы: общий прирост составил 20228 чел., или за год – 1838 чел., для татар – соответственно 3430 и 311 человек.

Сравнивая данные 1886 и 1897 гг., имеем следующую картину: общий прирост за 11 лет составил 11781 чел. (в среднем 1071 чел. за год). По г. Шуши прирост имел отрицательное значение (- 925 чел.), т. е. в 1886 г. население города составляло 26.8 тыс. человек, а в 1897 г. – 25.8 тыс. человек. Такая убыль населения г. Шуши, по нашему мнению, связана не только с интенсивным перемещением населения, но и тем обстоятельством, что в «Посемейных списках» 1886 г. отражено и постоянное, и временно проживающее население. Кроме того, данные учета 1886 г. неполны и приблизительны, а в Первой всеобщей переписи населения России показано лишь наличное население. За этот период армяне имели прирост примерно 7256 человек, что за год в среднем составляло 659 человек, а для татар этот показатель был равен 2973 человек (270 чел. за год). Сравнение показателей 1875 и 1897 годов дает следующие данные: во-первых, прирост общего числа населения составил более чем 35.4 тыс.чел., т.е. население возросло в 1.4 раза. Армянское и тюркоязычное население за этот период имели почти одинаковое приращение (в 1.3 и 1.4 раза). Хотя в абсолютных оценках число армян и татар увеличилось, но если в процентном отношении в удельном весе армян наметилось уменьшение, то у татар – наоборот, увеличение. Так, если в 1875 г. армяне составляли 84.7% всего населения, то этот же показатель в 1897 г. снизился до 82.7%, а у татар повысился – с 15% до 15.9%.

Как уже было сказано, послереформенный период для населения Закавказского края в силу неустойчивой политической ситуации характеризуется высоким показателем миграции населения, но при этом господствующим в приросте населения было естественное движение: так, с 1892 по 1900 гг. в трех уездах Елисаветпольской губернии (т.е. бывшей Карабахской провинции) естественный прирост населения в основном имел положительный показатель. Естественно, что за этот период ежегодный прирост населения колебался, что подтверждают источники того времени[1]. Так, если в 1892 г. естественный прирост населения составлял +237 человек (из трех уездов лишь Джебраильский имел отрицательный показатель – 184 чел.), то через 8 лет, в 1900 г., прибыль населения составляла уже 2485 человек, хотя в 1892 г. было зарегистрировано +2546 человек. Очень низкая прибыль населения в 1892 г. объясняется высоким показателем детской смертности, особенно в равнинных местностях, что связано с распространением инфекционных болезней. Известно, что в большей мере пострадало мусульманское население, основная часть которого проживала на равнинах, а остальная часть вела кочевой образ жизни.

За этот период (1870-1900 гг.) естественный прирост населения края среди разных этнических групп был неодинаковым. В этом отношении выделялись армяне, характерными чертами которых в этно-демографическом аспекте были следующие: сравнительно высокие темпы роста, положительный показатель естественного движения, стабильность населения, традиции и т.п.

Интересные показатели, подтверждающие вышесказанное, выясняются при подсчете численного состава семей, обитателей исследуемой территории. Если в армянской семье в среднем насчитывается 7-8 чел., то у тюркоязычных этнических групп – 4.5-5, у курдов – 4.5-6 человек. В среднем около 4-5 человек приходится на одну семью у остальных этнических групп[2]. Высокие темпы роста всего населения, в частности у армян, наметились за первые одиннадцать лет послереформенного периода (1875-1886 гг.), когда прирост армян за год

[1] *Обзор Елисаветпольской губернии за 1892-1900 гг., Тифлис, 1893-1901 гг., Приложение 1-4.*
[2] *См.: ССНЗКИПС, 1886. – Елисаветпольская губерния, Тифлис, 1893, с. 438-463, 510-527.*

составил 1838, татар – 311 человек. При нормальных условиях жизни и стабильной политической обстановке приращение должно было сохраняться в указанном темпе, и число армян в 1897 г. оценивалось бы в 119.3 тыс. человек, а не 106.3 тыс. Для тюркоязычных народов имеем следующую картину: по оценке должно было быть 20.8 тыс., но в 1897 г. фактически было 20.4 тыс. человек. Данные свидетельствуют о том, что татарское население края, имея сравнительно низкие показатели естественного прироста, тем не менее, увеличилось больше (в 1.2 раза), чем армянское, которое при интенсивном приращении не достигло своего нормального роста. Такие противоречивые показатели говорят о том, что механический прирост среди татар очевиден, а у армян сальдо миграции имеет отрицательный показатель, т.е. количество эмигрантов превышает количество иммигрантов[1].

Динамика плотности населения горной части Карабаха выясняется следующими данными: в 1875 г. на одном кв. километре проживало 21.1 чел., в 1886 г. – 26.5, а в 1897 г. – 29.2 человека. Тенденция повышения абсолютного числа населения на одной и той же территории приводит к повышению плотности населения. При рассмотрении состава населения по полу в качестве примера взяты данные по Шушинскому уезду[2]: так, на 1000 мужчин в 1895 г. приходилось 812 женщин, при этом только в уезде (без города) это число составляло 836, а в городе – 773. Среди армян на 1000 мужчин приходилось 826 женщин, в уезде – 853, в городе – 769. Среди тюркоязычных этнических групп соответственно: в целом – 794 женщин, в уезде – 808, в городе – 786.

Сопоставление данных по численности населения бывшей территории Карабахской провинции и горной части Карабаха (в границах НКАО) показывает, что в 1875 г. почти половина населения этой сравнительно обширной территории проживала в исследуемом нами крае, по данным 1886 г. эта пропорция изменилась – в крае оказалось в 1.9 раза меньше людей, чем во всей бывшей провинции. По переписи же 1897 г. картина иная – в крае проживало менее половины населения (в 2.3 раза меньше). Это говорит о том, что население равнины увеличивается быстрыми темпами в связи с притоком новых пришельцев (отметим, что равнинная часть провинции была заселена слабо); в горной части такой высокий темп не намечался, что было связано с вынужденной эмиграцией населения (притеснения со стороны мусульман-кочевников, нехватка земель из-за повышения плотности населения и др.).

Начало XX столетия ознаменовалось переходом России в стадию империализма. В Закавказье значительное развитие получила промышленность, формировался рабочий класс, сельские жители оставляли свои земли и обосновывались в крупных городах, образовались новые города. Наряду с развитием промышленности, мелких предприятий и торговли, наметилось оживление сельского хозяйства и строительство автомобильных и железных дорог, после чего тесные экономические связи с Россией стали реальными и интенсивными. Значительно активизировалось национально-освободительное движение[3].

Вышеприведенные факты и интенсивность малоземелья стали причиной переселенческих потоков населения, закавказские города принимали многочисленных эмигрантов, особенно из сельских местностей.

С начала XX в. до 1917 г. политическая ситуация во всей стране и, в частности, в Закавказье, постепенно стала усложняться. Опасаясь новых волнений рабочих и крестьян, царская администрация увеличила число полицейских, установила строгий режим учета населения, особенно на периферии империи. Такие учеты проводились и на территории Закавказья. Почти каждый год местная администрация собирала данные о числе жителей в том или ином уезде или участке, а результаты этих учетов издавались в Кавказском

---

[1] *Демографический энциклопедический словарь, М., 1985, с. 385.*
[2] *Лалаян Е.,* ***Сочинения****, т. 2, Ереван, 1988, с. 50 (на арм. яз.).*
[3] *История армянского народа, т. 6, Ереван, 1981, с. 299-303, 444 (на арм. яз.).*

календаре. Хотя приведенные в этих книгах показатели на этот период, по-видимому, завышены (ср. данные статистических комитетов и полицейских участков на один и тот же год), в результате они дают общее представление о динамике численности населения.

Несмотря на трудные времена, до начала Первой мировой войны, т.е. до 1914 г., прирост населения Карабаха имел положительный показатель: в 1906 г. население в целом прибавилось на 919 человек[1]. Такой низкий показатель (в 1900 г. прибыль составляла 2489 чел.) в основном был обусловлен кровавыми событиями 1905-1906 гг., когда татарское население близлежащих уездов, воспользовавшись сложной политической ситуацией, напало на армянскую часть г.Шуши, учинив здесь погромы, унесшие сотни человеческих жизней[2].

Через два года, в 1908 г., прибыль составила 2630 чел., и хотя на следующий год опять имело место сравнительное понижение, прибыль составила 1916 чел., но уже в 1911 г. она достигла 2743 человек.

В начале 1914 г. на исследуемой территории Карабаха насчитывалось 167.1 тыс. человек, из числа которых армяне составляли 80.9% всего населения, или 135.2 тыс.чел., тюркоязычное население – 17.9%, или 29.8 тыс. чел., русские – 1.2%, или 1.9 тыс. чел., а также 120 человек разных этнических групп (грузины, поляки, немцы, евреи и др.).

Сельское население по этническому составу распределялось таким образом: всего 125 тыс. человек, из них армяне – 113.2 тыс. чел. (90.6%), татары – 11 тыс. чел. (8.8%), русские – 747 чел.(0.6%) прочее население – 46 человек[3].

Городское население представлено в г. Шуши, где проживало 42.1 тыс. человек. Этнический состав города выглядел следующим образом: армяне – 22 тыс. чел., или 52.3% всего населения города, татары – 18.8 тыс. чел., или 44.8%, русские – 1.1 тыс. чел., или 2.8%, прочие – 74 человека. Сельское население края составляло 74.8%, городское – 25.2%. Плотность населения края на одном кв. километре составляла 37.9 человек. Вышеприведенные данные о населении горной части Карабаха были взяты из Кавказского календаря (из общего списка населения Кавказа были выбраны те селения, которые входили в пределы границ НКАО), где, как уже было сказано, абсолютные цифры в некоторой степени завышены. Что же касается этнической картины, то, по нашему мнению, относительное число армян явно занижено, так как учеты Календаря, преследуя лишь административные цели, проводились на низком профессиональном уровне, в частности, они не учитывали подвижность кочевого и полукочевого населения, что приводило к повышению относительного числа татарского населения.

Сопоставление данных 1897 и 1914 гг. выявляет следующую картину: население Карабаха в целом увеличилось почти в 1.3 раза, или на 38525 чел. (28.3%), что в среднем за год составляло 2266 человек. Если за этот период сельское население увеличилось только в 1.2 раза, то городское – в 1.6 раза. О причинах такой неравномерности мы уже говорили.

Анализируя эти же данные по армянам, обнаруживаем, что их число в целом увеличилось более чем в 1.2 раза, на столько же увеличилось и сельское армянское население, а городское – в 1.5 раза. Численность тюркоязычного населения выросла соответственно в 1.4 раза, 1.7 и 1.1 раза. Русское население – в 1.2, 3.0 и 1.5 раза, как видно, за счет сельского русского населения в три раза увеличилось число русских-горожан. В первые десятилетия XX века в политической жизни Российской империи обозначились признаки революционного подъема. Его волна захлестнула окраины России. В Закавказских городах началось забастовочное

---

[1] *Обзор Елисаветпольской губернии за 1906, 1908, 1909, 1911 гг., Тифлис, 1909, 1911, 1912, Приложение 1-4.*
[2] *См.* ***А-До****, Армяно-турецкие столкновения на Кавказе (1905-1906 гг.), Ереван, 1907 (на арм. яз.).*
[3] *КК на 1915 г., Тифлис, 1914, Отдел статистики, с. 81-214 и подсчеты автора.*

движение. Этот подъем был прерван Первой мировой войной, которая унесла множество жизней; большие потери понес и армянский народ[1].

Летом 1914 г. началась Первая мировая война. Для защиты Закавказья от турецких захватчиков был создан Кавказский фронт – от Черного моря до озера Урмия. Военные действия на этом фронте начались в октябре 1914 г. План турецкого правительства и его союзников на Кавказе не осуществился, но на территории Турции в 1915-1916 годах произошли ужасные события. Находившиеся под османским владычеством армяне и люди других национальностей стремились избавиться от жестокого турецкого ига. Чтобы предотвратить подобные попытки и навсегда покончить с Армянским вопросом, младотурки решили воспользоваться вспыхнувшей мировой войной и осуществить свою чудовищную программу – программу геноцида армян[2].

В годы Первой мировой войны, главным образом в конце 1914 г. и летом 1915 г., многим западным армянам удалось с помощью русских войск перебраться на Кавказ и тем самым избежать резни. В течение 1914-1916 гг. на Кавказ переселилось около 350 тыс. человек, которые обосновались главным образом в Восточной Армении, Грузии и на Северном Кавказе[3].

После образования национальных республик в Закавказье «на протяжении 1918-1920 гг. население Нагорного Карабаха неоднократно отражало попытки мусаватистских банд и турецких войск захватить край. Население Карабаха выражало свою твердую волю войти в состав родины-Армении. В 1918-1920 гг. Нагорный Карабах управлялся Армянским национальным советом, который организовал и возглавил борьбу против захватнической политики мусаватистского Азербайджана. 22 июля 1918 г. в Шуши был созван первый съезд армян Нагорного Карабаха, который провозгласил Нагорный Карабах независимой административно-политической единицей, избрал Национальный совет и Народное правительство губернии»[4].

В такой сложной политической обстановке армянское население Карабаха неоднократно поднимало вопрос о присоединении края к Армении.

Несмотря на сопротивление местных жителей, нашествие мусаватистов и турецких регулярных войск сопровождалось погромами и поджогами, в результате были разрушены многочисленные населенные пункты Карабаха. В 1918-1920 гг. в наибольшей степени пострадало армянское население Шушинского уезда и особенно г. Шуши, около 20% населения которого стали жертвой насилия.

Весной 1920 г. в Азербайджане была установлена Советская власть. Однако правительство не отказалось от намерений своих предшественников и потребовало присоединить Нагорный Карабах, Нахичеванский край и Зангезур к Азербайджану. Вопрос о дальнейшей судьбе этих регионов освещен достаточно подробно[5]. Нам остается констатировать тот факт, что и Нагорный Карабах, и Нахичеван стали жертвой махинаций со стороны азербайджанских властей и Москвы при прямом вмешательстве турецких властей.

После долгих политических игр 4-5 июля 1921 г. для решения вопроса о Нагорном Карабахе был созван пленум Кавказского бюро ЦК РК(б), который первоначально решил оставить Нагорный Карабах в составе Армянской ССР, а затем после повторного протеста и

---

[1] *История армянского народа, Ереван, 1980, с. 255-256 (на арм. яз.); Марутян А. Т., Саркисян Г. Г., Харатян З. В.,* ***К этнокультурной характеристике Арцаха*** *// «Вестник общественных наук» (далее – «ВОН») НАН РА, № 6, 1989, с. 6-7.*

[2] *Там же, с. 264.*

[3] *Там же, с. 268.*

[4] *Барсегов Ю. Г.,* ***Право на самоопределение – основа демократического решения межнациональных проблем. К проблеме Нагорного Карабаха****, Ереван, 1989, с. 6.*

[5] *См.: Нагорный Карабах. Историческая справка, Ереван, 1988; Барсегов Ю. Г., указ. соч.; Глазами независимых наблюдателей: Нагорный Карабах и вокруг него... Сборник материалов, Ереван, 1990; Правда о Нагорном Карабахе. Материалы и документы, Ереван, 1989.*

угроз Н. Нариманова, при активном участии наркомнаца И. Сталина, принял решение о включении Нагорного Карабаха в Азербайджанскую ССР с предоставлением ему областной автономии. Вслед за этим размежевание между Армянской и Азербайджанской ССР было проведено таким образом, чтобы Нагорный Карабах не имел общей границы с Армянской ССР, между ними был образован пятикилометровый кордон.

Естественно, армянское население Арцаха не мирилось с таким положением и требовало воссоединения с родиной-Арменией, что каждый раз служило причиной обострения положения в регионе. Наконец, в июле 1923 г. была образована Нагорно-Карабахская автономная область в составе Азербайджанской ССР. Кстати, через год, 9 февраля 1924 г., таким же образом была образована Нахичеванская АССР – в составе Азербайджана.

Нагорный Карабах в новых административных границах, без Северного Арцаха – Шаумяновского района, был разделен на четыре района – Джрабердский (ныне Мардакертский р-н), Хаченский (Аскеранский и Шушинский р-ны), Варандинский (Мартунинский р-н) и Дизакский (Гадрутский р-н).

Известно, что во время Первой мировой войны в Закавказье, кроме локальных специальных учетов населения, никаких переписей не проводилось. Спустя некоторое время, в 1921-1923 годах, в Закавказских республиках была проведена сельскохозяйственная перепись населения. В Азербайджанской ССР, в том числе и в автономных образованиях, та же перепись была проведена в 1921 г.

По этой переписи в Нагорном Карабахе (без г. Шуши) проживало 129.2 тыс. человек[1], по районам они распределялись таким образом: в Джраберде – 31.3 тыс. чел., в Хачене – 37.6 тыс., в Варанде – 30.4 тыс., в Дизаке – 29.9 тыс. человек. Если к этим показателям прибавить численность населения г. Шуши в 9.2 тыс. чел., то получим общее число жителей Нагорного Карабаха – 138.4 тыс. че- ловек[2].

О достоверности данных сельскохозяйственной переписи 1921 г. Г. Кочарян пишет: «Появление настоящих Итогов по Нагорному Карабаху было вызвано тем, что в Итогах АзЦСУ по Нагорному Карабаху были допущены значительные ошибки, без исправления которых пользование данными АзЦСУ не представляется возможным. АзЦСУ включило, с одной стороны, в состав Нагорного Карабаха целый ряд селений и сельских обществ, которые относились к другим уездам Азербайджана, с другой стороны – исключило ряд селений из состава Нагорного Карабаха»[3]. По данным автора, в состав НКАО не были включены 15 селений разных районов, но зато были включены 19 селений близлежащих районов Азербайджанской ССР. Кроме того, были трудности и во время самого учета населения (от рук разбойников погибли двое руководителей переписи), в связи с этим ряд селений не был переписан счетчиками, имелись также временно пустующие селения и т.п. Особенно трудным оказалось разделение населения по этническому признаку, потому что «сельскохозяйственная перепись 1921 года не совсем точно определяла национальный состав населения. Все жители переписываемого селения учитывались как армяне или как тюрки в зависимости от того, какой элемент преобладал в селении. Между тем в Нагорном Карабахе имеются селения смешанного типа с тюркским и армянским населением (с. Туг, Ханкенды, Ванк и др.)[4].

Этнический состав и размещение населения Нагорного Карабаха в 1921 г. имели следующую картину: сельское население составляло 66.8 тыс. мужчин и 62.4 тыс. женщин, всего 129.2 тыс. жителей, из них армян было 122.4 тыс. чел., или 94.7% всего сельского

---

[1] *Кочарян Г. А.,* ***Нагорный Карабах****, Баку, 1925, с. 54-55.*
[2] *Количество общего числа жителей и сельского населения НКАО в источниках неодинаково, часто фигурирует цифра 126.4 тыс. чел. сельских жителей.*
[3] *Кочарян Г. А., указ. соч., с. 52-53.*
[4] *Там же, с. 46.*

населения, тюркоязычное население – 6.5 тыс. чел., или 5.0%, греки, русские, курды – около 0.3%[1].

Численность населения г. Шуши резко сократилась после кровавых событий 1918-1920 годов, когда в результате нашествия мусаватистских банд, при поддержке турецких войск, армянский квартал города был сровнен с землей, и число жителей, составлявшее в 1914 г. более чем 42 тыс. человек, всего через 7 лет уменьшилось более чем в 5 раз. После этой трагедии число армян в г. Шуши уменьшилось в 75 раз! В городе осталось всего 9223 жителя, из которых армяне составляли только 3.2% всего населения (290 чел.), тюркоязычное население – 96.4% (8893 чел.), малочисленные группы – 0.4% (40 чел.)[2].

Таким образом, в 1921 г. в нагорной части Карабаха проживало 138.4 тыс. чел., из них армяне составляли 122.7 тыс., или 88.6% всего населения края, тюркоязычное население[3] – 15.4 тыс., или 11.2%, остальные группы – 307 чел., или 0.2%. По этой переписи половозрастная структура наличного населения края имела следующую картину: лица до 15 лет составляли более 44% всего населения, 16-59 лет – более 46%, 60 лет и старше – около 9%. В этом числе мужчин до 15 лет – около 47%, 16-59 лет – более 45%, 60 лет и старше – около 8%, женщин до 15 лет – 42%, 16-54 лет – более 46%, а 55 лет и старше – около 12%. Приведенные данные показывают, что удельный вес мужчин и женщин репродуктивного возраста (15-49 лет) имеет высокие оценки, которые предопределяют значительный прирост естественного движения населения.

После сельскохозяйственной переписи 1921 г. отдельные ведомства в своих целях проводили учет населения. Заслуживают внимания учеты населения 1923 г., по которым в новообразованной Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) проживало около 158 тыс. человек[4], из них более 94% составляли армяне. После события 1918-1920 гг. население г.Шуши продолжало уменьшаться, и в 1923 г. оно составило 6.9 тыс. человек, среди которых преобладало неармянское население. Уменьшение числа жителей (в основном армян) обусловлено переселением населения в новообразованный центр Нагорного Карабаха – Степанакерт, значение которого с каждым годом возрастает, а г. Шуши – наоборот, падает. Для большей наглядности приводим таблицу.

Таблица 1.

Динамика численности и этнического состава населения Нагорного Карабаха в 1823-1923 гг.

Этнический состав	**1823**	**%**	**1897**	**%**	**1914**	**%**	**1921**	**%**	**1923**	**%**
Армяне	30.8	84.6	106.4	82.7	135.2	80.9	122.7	88.6	149.0	94.4
Тюркоязычное насел.	5.4	14.7	20.4	15.9	29.9	17.9	15.4	11.2	7.2	4.6
Русские	-	-	1.5	1.2	1.9	1.2	-	-	0.2	0.1
Другое население	0.3	0.7	0.3	0.2	0.1	-	0.3	0.2	1.4	0.9
Всего	**36.5**	**100**	**128.6**	**100**	**167.1**	**100**	**138.4**	**100**	**157.8**	**100**

Таблица составлена по следующим источникам: НАА, Ф. 93, оп.1, д.163; Там же, д. 50-51; Исторический архив России, ф. 1290, оп. 11, д. 636, 638, 645; КК на 1915 г., Тифлис, 1914, Отдел статистики, с. 81-214; Г. А. Кочарян, Нагорный Карабах, Баку, 1925, с. 54-55; Закавказье. Статистико-экономический сборник, Тифлис, 1925, с. 151; г. Сейран, Экономическая жизнь Карабаха и его перспективы, Тифлис, 1928, с. 7-9 (на арм. яз.); Б. С.

---

[1] *Карапетян М. М.,* ***Этническая структура населения Нагорного Карабаха в 1921*** *г., Ереван, 1991, с. 10.*
[2] *Закавказье. Статистико-экономический сборник, Тифлис, 1925, с. 152-153.*
[3] *В 1918 г. территории бывшей Бакинской и Елисаветпольской губерний были искусственно переименованы в Азербайджан, что автоматически сделало их обитателей азербайджанцами, хотя для них долгое время такое название оставалось чуждым.*
[4] *Мирзоян Б.* ***С.,*** ***Нагорный Карабах (Размышления над статистикой)*** *// «ВОН», 1988, № 7, с.*

Мирзоян, Нагорный Карабах (Размышления над статистикой) // «ВОН», 1988, № 7, с. 43; Р. А. Тер-Гаспарян, Город Шуши, Ереван, 1993, с. 70-84 (на арм. яз.).

Анализ таблицы показывает, что с 1823 по 1897 гг., за 74 года, население Нагорного Карабаха увеличилось в 3.5 раза, или на 71.6%, а среднегодовой прирост составлял 1245 человек. За этот период этнический состав изменился таким образом: армянское население увеличилось в 3.4 раза, или на 71.0%, тюркоязычное – в 3.8 раза, или на 73.7%, а малочисленные этнические группы – в 6 раз.

Сравнивая данные 1897 и 1914 годов, получаем следующую картину: общий прирост населения составляет 38.5 тыс. чел., или 23% при среднегодовом приросте 1.3%. Число армян увеличилось в 1.3 раза, или на 21.3%, среднегодовой прирост – 1.2%. Для тюркоязычных групп соответственно 1.4 раза, или 31.6%, а среднегодовой прирост – 1.8%.

Иная картина предстает в период с 1914 по 1921 годы. За 7 лет население края в целом сократилось на 28.7 тыс. чел., или 17.1%, по этнической принадлежности имеем: армяне – 12.5 тыс. чел., или 9.2%, тюркоязычное население – 14.4 тыс. чел., или 48.4%, малочисленные группы – 1.7 тыс. чел., или 82.8%. Причина такого уменьшения численности населения в целом и отдельных народов связана с интенсивным оттоком населения, так как анализ половозрастной структуры населения Нагорного Карабаха показывает, что данный период характеризуется сравнительно высокими темпами естественного движения.

Первая мировая война, которая унесла более 20 тыс. жизней, а затем гражданская война, сложная политическая обстановка в Закавказье и связанное с этим усиление миграционной подвижности привели к значительному изменению демографической ситуации Нагорного Карабаха.

Сопоставляя данные переписи 1921 г. и учетов 1923 г., получаем следующую картину: население в целом возросло на 12.2%, в том числе армяне – в 1.2 раза, или на 17.6%, число же тюркоязычных народов и остальных групп уменьшилось, первых – в 2.1, вторых – в 1.6 раза. Причина резкого колебания за короткий промежуток времени, по нашему мнению, связана со сложной политической обстановкой в регионе, где в процессе решения находился вопрос о статусе Нагорного Карабаха. Заметная убыль среди тюркоязычных групп обусловлена переселением их в восточные равнинные районы (Мильская и Муганская степи) с целью освоения новых земель.

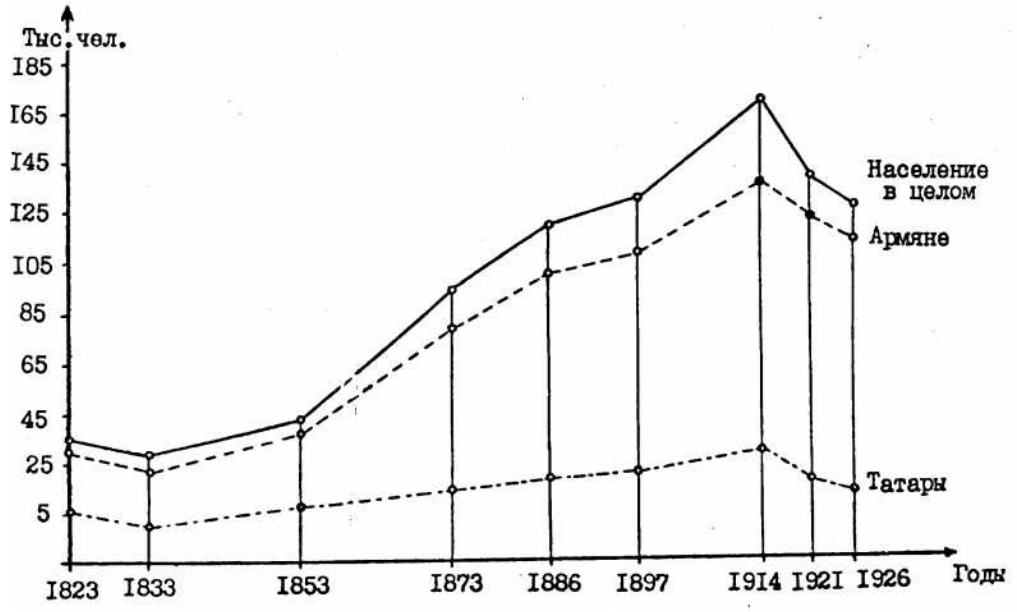
Таким образом, как видно из вышеизложенного, за весь исследуемый период этнодемографичаская картина в крае имела следующий вид: с 1823 по 1923 гг. население Нагорного Карабаха увеличилось на 121.3 тыс.чел., или в 4.3 раза. За этот период прирост армянского населения составил более 118 тыс. чел., или в 4.8 раза, а тюркоязычных народов – 1.8 тыс. чел., или в 1.3 раза. Отметим, что их численность до 1914 г. увеличилась в 5.6 раза и во столько же уменьшилась с 1914 по 1923 гг.

Сельское население за этот период увеличилось в 5.3 раза, прирост армян составил 118.1 тыс. чел., или 79.3%, а тюркоязычных народов – 1.8 тыс. чел., или 25.8%. В этническую картину всего региона свои коррективы внес г. Шуши, так как тюркоязычное население города почти всегда в два раза превышало число сельских жителей, в итоге их удельный вес поднимался в среднем в 4 раза, что в какой-то степени снизило процентный показатель армянского населения.

Если городское население до Первой мировой войны увеличилось в 5 раз, то после ее окончания и до 1923 г. уменьшилось в 5.8 раза. Доля городского армянского населения в 1823 г. составила более 40%, в 1914 г. – 52.3%, но в 1923 г. была незначительна. Соотношение сельского и городского населения за вышеуказанные годы соответственно составило: 77.3 и 22.7%, 74.8 и 25.2%, 95.4 и 4.6%. Плотность населения Нагорного Карабаха в 1823 г. была 8.3 чел. на кв. км, в 1914 г. – 38, а в 1923 г. – 35.8 чел. на кв. км.

Для того чтобы обобщить итоги за 100 лет и проследить дальнейший процесс динамики населения края, в качестве более или менее достоверных данных использованы итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. По этой переписи в Нагорном Карабахе проживало 125.3 тыс. человек[1]. Из них армяне составляли подавляющее большинство – 111.7 тыс. чел., или 89.1% всего населения области, азербайджанцы (в источнике – «тюрки») – 12.6 тыс. чел., или 10%, остальные этнические группы – 1 тыс. чел., или 0.9%.

Нижеприведенная диаграмма показывает численность и этнический состав населения Нагорного Карабаха в 1823-1926 гг.



Отметим, что в своей книге В. Ходжабекян указывает, что данные переписи 1926 г. по Нагорному Карабаху были фальсифицированы, так как по архивным документам края в НКАО проживало 140.1 тыс. человек, из них армяне – 125.5 тыс. чел., или 89.6% всего населения, мусульмане – 14 тыс. чел., или 10%, русские – 500 чел., или 0.4%, греки – 100 чел., или 0.1%.[2] Вышесказанное говорит о том, что после образования НКАО в составе Азербайджанской ССР численность в целом уменьшилась более чем на 20%. Политика вытеснения армян привела к тому, что если количество азербайджанцев за три года увеличилось в 1.7 раза, или на 42.5%, то армянское население уменьшилось более чем в 1.3 раза, или на 25%. И в дальнейшем, в течение всего советского периода, продолжалась политика вытеснения армян и процесс азербайджанизации края.

[1] *Население Закавказья, Тифлис, 1928, Таблицы, с. 3-7, 12; Сейран Г.,* ***Экономическая жизнь Карабаха и его перспективы****, Тифлис, 1928, с. 7-10 (на арм. яз.).*

[2] *Ходжабекян В. Е.,* ***Арцах в час испытания****, Ереван, 1991, с. 66 (на арм. яз.).*

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абелов Н., ***Экономический быт государственных крестьян Елисаветпольского уезда***, *«Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», Тифлис, 1887, т. VII, с. 1-141*

2. Абих Г., ***Геологические наблюдения в нагорной стране между Курой и Араксом /Извлечение и пер. Л.Н. Маркова/***, *«Записки Кавказского отделения Императорского Русского географического общества», Тифлис ,1873, т. 8, с. 29–69.*

3. Абраамян Е., ***Мец Тагер***, *Степанакерт, 2009, 348 с. + 17 с. вкладыш* (на арм. яз.)

4. Абрамян Ж., ***Даграв: Воспоминание о родине,*** *Аскеран, 2005, 60с.* (на арм. яз.)

5. Абрамян Л., ***Народ на площади: Карабахское движение глазами этнографа***, *«Вопросы этнологии Кавказа. Первая международная конференция (Ереван, 19–21 мая 1999 г.)» Ереван, 1999, с. 3–6*

6. Абрамян Г., ***Керт (с древнейших времен до наших дней),*** *Ереван, 2010,* 176 с. (на арм. яз.)

7. Абрамян Г., ***Панорама Шуши (19-ый век),*** *«Вестник университета Месроп Маштоц», Степанакерт, 2013, с.4-15* (на арм. яз.)

8. Авагимян Н., ***Демографическая ситуация Шуши 1813-1917гг.***, *«Научный Арцах», Ереван, 2018, N1, էջ 81-84* (на арм. яз.)

9. Авагян Н., ***Армянский национальный костюм (тараз) (19-начало 20-го века),*** *Ереван, 1983, 110с.* (на арм. яз.)

10. Авакян Н., ***Народная одежда армян Арцаха в XIX-начале XX в.,*** *«Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX – XX вв.. Материалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу», вып. I, Москва, 1971, с. 209-223*

11. Аванесов Г., ***О вопросе формирования шелкоткачество в Арцахе***, *«Цивилизационный вклад Армении в историю шелкового пути. Материалы международной научной конференции, 2011г. ноябрь 21-23», Ереван, 2012, с.336-338* (на арм.яз.)

12. Аванесян Л***.,*** ***Арцахский ковер с изображением похоронного обряда***, *«Проблемы армянской этнологии и археологии. II. Материалы X республиканской научной конференции молодых ученых», Ереван, 2003, с. 112–120* (на арм. яз.)

13. Аванесян Л., ***Ковроткачество в советских и постсоветских регионах Армении и Арцаха (по полевым данным 2008г.),*** *«Искусства армянского ковроткачества. Первая республиканская научная конференция. Сборник материалов, Ереван, 18-19 ноября, 2011» Ереван, 2011, с. 17-24* (на арм.яз.)

14. Аванесян Л., ***Раннеземледельческие обряды в современном Арцахе***, *«Историко-филологический журнал», Ереван, 2008, N3, с 209-218*

15. Аванесян Л., ***Связь изображений армянских ковров с погребальным обрядом***, *«Анив», Минск, 2013, N3(42), с. 12-23*

16. Авдеев М. Н., ***Мильско- Карабахская степь: Кочевое и оседлое хозяйство. Территория-население-экономика (Обследование 1926-28 гг.)***, *Баку, 1929, 269 с.*

17. *Аветисян А.*, ***Празднично-обрядовая трапеза в Арцахе связанная с социальным началом,*** *«Вопросы исследования армянской культуры. Арцах. Научная сесия. Тезисы докладов», Ереван, 1992, с. 7-8* (на арм.яз.)

18. Аветисян Н., ***Агорти***, *Степанакерт, 2009,216 с+ 32с вкладыш* (на арм.яз.)

19. Агаджанян М., ***Атерк. История с античных времен до наших дней,*** *Степанакерт, 2012, 688с.* (на арм.яз.)

20. Агасарян Г., ***История села Хндзристан,*** *Степанакерт, 2002, 176с.* (на арм. яз.)

21.Агасян А., ***Колатак. Краткие истории о селе и о его жителях,*** Степанакерт, 2013, 64 с.
22.Азербайджанская сельскохозяйственная перепись 1921 года: Итоги, Баку, 1924
23.Айвазян А., ***Демографическая ситуация Карабаха 1710-1920-х годах,*** *«Вестник общественных наук», Ереван, 2010, N1-2, с. 59-67* (на арм. яз.)
24.Айкуни (Егише (Оваким) Гегамянц), ***Путевые очерки****, Ереван, 2010, 104 с.* (на арм.яз.)
25.Айрапетян М., ***Бердадзор (История, родословие),*** *Ереван, 2011, 256с+32с выкладыш* (на арм. яз.)
26.Айрапетян Т., ***Субэтносные слои переселенных армян нижней долины Хаченагета. Вопросы перекультуризации****, «Армянская этничость в своей и инонациональной среде: Опыт, задачи и перспективы исследования. Сборник материалов конференции», Ереван, 2014, с.44-51* (на арм. яз.)
27.Айрапетян Т., ***Константин Мелик-Шахназарян (Тмблачи Хачан). Жизнь и деятельность.*** *«Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования», Ереван, 2007, т.24 с. 7-119* (на арм. яз.)
28.Айрапетян Т., ***О двойственном восприятии обрядов по вызыванию и прекращению дождя,*** *«Историко-филологический журнал», Ереван, 2004, N3, с 217-227* (на арм. яз.)
29.Айрапетян Т., ***Этнографическая деятельность Константина Мелик-Шахназаряна (Тмблачи Хачан).*** *«Нагорно-Карабахская республика. Прошлое, будушее и настояшее. Международная научная конференция. Сборник докладов, июнь 21-24, 2006г., Степанакерт», Ереван, 2007, с. 342-347* (на арм. яз.)
30.Акобян Г., ***Искусство средних веков Арцаха****, Ереван, 1991, 96 с.* (на арм. яз.)
31. Акобян М., ***Этнополитическая власть в Нагорном Карабахе****, «Республиканская научная сессия. Основные результаты этнографических и фольклористических полевых исследований 1986-1988гг. Тезисы докладов, 5-7 июня, 1990», Ереван, 1990, с.33-35* (на арм. яз.)
32.Акобян Н., Бабаян Ф., Жамкочян А., ***Единичные экземпляры церемониальных пренодлежностей из територии Арцаха,*** *«Нагорно-Карабахская республика. Прошлое, будушее и настояшее. Международная научная конференция. Сборник докладов, июнь 21-24, 2006г.», Ереван, 2007, с. 360-372* (на арм. яз.)
33.Акобян П., ***История села Дрмбон,*** *Степанакерт, 1999, 216с.* (на арм.яз.)
34.Алексанян О., ***Армянское население Шуши и Карабаха 1916-1926гг****., «Шуши – колыбель армянской цивилизации. Материалы научной конференции посвященной 15-летию освобождения города», Ереван, с.115-124.* (на арм. яз.)
35.Алишан Г., ***Арцах****, Ереван, 1993, 124 с.* (на арм. яз.)
36.Амирбекян А., ***Растительно цветочные композиции в ковроткацких центров Лори и Арцах-Сюника****, «Искусства армянского ковроткачества. Вторая республиканская научная конференция. Сборник докладов. Ереван, 25 ноября, 2016», Ереван 2016, с. 7-11* (на арм. яз.)
37.Амирджанян С., ***Дизак,*** *Ереван, 2006, 232с.* (на арм. яз.)
38.Амирджанян Т., Арзуманян В., ***География Нагорного Карабаха****, Степанакерт, 1994, 112с.* (на арм. яз.)
39.Аракелян А., ***Шелководство в Нагорно-Карабахской автономной области,*** *Степанакерт, 1936, 206с.* (на арм.яз.)
40.Аракелян М., ***Сказание о Карабахе и о селе Ннги. Этнографическая история (с начала 16-ого до конца 20-ого веков)****, 576 с+16 4с. вкладыш* (на арм. яз.)
41.***Армянские народные игры*** *(трудолюбием В.Бдояна), т.1, Ереван, 1963, 298 с.+13 с. вкладыш, т. 2, Ереван, 1980, 240 с.+4 с. вкладыш, т.3, Ереван, 1983, 264 с.* (на арм. яз.)
42.***Армянская традиционная одежда: с древних времен до наших дней (Исследование и иллюстрации А. Патрика),*** *Ереван, 1983, 200с. (на арм. яз.)*

43.Арстамян А., ***Демографическая ситуация и политика переселения в НКР (1991-2002гг.),*** *«Арменоведческий журнал АрГУ», Степанакерт, 2010, с.94-101* (на арм.яз.)
44.Арутюнян А., ***Ремесла старой Шуши****, «Шуши-2017» летопись, Степанакерт, 2017, с.32-36* (на арм. яз.)
45.Арутюнян Г., ***Из неизвестных страниц армянского искусство пения и музыки Шуши****, «Вестник университета Месроп Маштоц», Ереван, 2012, N1, с. 63-71* (на арм.яз.)
46.Арутюнян Л., ***Реликвии арцахского фольклора****, Ереван, 1991, 400 с.* (на арм.яз.)
47.Арутюнян М., ***Декоративно-прикладное искусство в Арцахе во второй половине XVII века и в начале XVIII века****, «Интернаука», Москва, 2017, N4, Часть 1, с. 20-23*
48.Арутюнян М., ***Культурная жизнь в Нагорном Карабахе (Арцахе) во второй половины 19-ого и начало 20-ого века****, Степанакерт, 2010, 160с+8с. вкладыш* (на арм. яз.)
49.Арутюнян Ш., ***Арачадзор,*** *Ереван, 2014, 464с+84с. вкладыш* (на арм. яз.)
50.***Арцах*** *(Фотографии ` А. Мурадян, Д.Акобян), Ереван, 2016, 140 с.* (на арм., англ., русс. яз.)
51.Асатрян А., ***Классический драконовый ковер Армянского этнографического музея.*** *«Армянский узел: традиции ковроткачества. Международная научная конференция, Ереван, 20-22 ноября, 2013. Доклады», Ереван, 2016, с. 49-51.* (на арм.яз.)
52.Асоян Л., ***Армянское население Елизаветпольской губернии в конце 19-ого века (по данным переписи 1897г.)****, «Вестник общественных наук», Ереван, 2008, N1, с. 241-246* (на арм. яз.)
53.*Асоян Л.,* ***Расселение и рост армян в Закавказье по переписи 1897 г.****, «Вестник общественных наук», Ереван, 2003, N3, с. 99 – 105* (на арм.яз.)
54.Асцатрян В, ***Искусство древнего ковроделия Арцаха-Карабаха. Ancient rug weaving art of Artsakh-Karabakh****, «Армянский узел: традиции ковроткачества. Международная научная конференция, Ереван, 20-22 ноября, 2013. Доклады», Ереван, 2016, с. 34-37*
55.Атабеков Н., ***Карабахские армяне****, «Кавказ», Тифлис, 1857, N 56, 58*
56.***Атлас Нагорно-Карабахской республики / Ред. М. Варданян и др./****, Ереван, 2009, 95 с.* (на арм., русс., англ яз.)
57.Ахвердов А., Долуханов А., ***Очерк растительности летних пастбищ Карабахского хребта****, «Труды по геоботаническому обследованию пастбищ С. С. Р. Азербайджана», Серия В. Летние пастбища, Выпуск 3-й, Баку, 1930, 94 с.*
58.Бабаян Е., ***О женской одежде Карабаха****, «История и философия», N 7, Баку, 1966, с. 85-91*
59.Бабаян Ж., ***Арцахская кухня****, Ереван, 2007, 240 с.* (на арм. яз.)
60.Багдасарян А., ***Вопросы инструментальной народной музыки Арцаха****, «Нагорно-Карабахская Республика. Прошлое, настоящее и будущее. Сборник докладов международной конференции, 21-24 июня, 2006 г.», Ереван, 2007, с. 282-294* (на арм.яз.)
61.Багдасарян А., ***Религиоведческие исследования в советском кавказоведении (на примере Армении и Нагорного Карабаха)****, «Вестник московского университета», серия 8. История, Москва, 2015, N4, с. 61-73*
62.Багдасарян А., ***Родной край. Исторический очерк****, Степанакерт, 2004, 248 с* (на арм. яз.)
63.Багдасарян Н, ***Сословные отношения в Карабахе за первые 30 лет утверждения российского владения (1813- 1840гг.),*** *«Ученые записки АрГУ», Степанакерт,2014, с 143-148* (на арм. яз.)
64.Багдасарян Н, ***Развитие шелководство в Карабахе 1810-1860-х гг.,*** *«Вестник университета Месроп Маштоц», Степанакерт, 2011, N 1, с. 20-25* (на арм. яз.)
65.Багдасарян Н., ***Административно-политическая и социально-экономическая ситуация в Карабахе в 1813-1867 гг.****, Ереван, 2015, 256с*

66.Багдасарян Н., ***Коммерческая жизнь в Карабахе в 30-60-х годов 19-ого века***, *«Становление демократии в постсоветском периоде. Проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции, 21-22 мая, 2010г., Степанакерт, Университет Месроп Маштоц», Ереван, 2010, с.204-206* (на арм. яз.)
67.Багдасарян Н., ***Налоговая политика царской России в Карабахе в 20-50-х гг. 19-ого века***, *«Материалы международной научной конференции посвященный 40 летию основания АрГУ», Прак 1, Степанакерт, 2009, с. 232-232* (на арм. яз.)
68.Багдасарян Н., ***Налоговая политика царской России в Карабахе в первом квартале 19-ого века,*** *«Арменоведческий журнал АрГУ», Степанакерт, 2011, с.104-116* (на арм. яз.)
69. Багдасарян Н., Оганесян Л., ***Демографические передвижения в Нагорном Карабахе после заключения Гюлистанского и Туркменчайского договоров: возвращение на родину, миграция армян Персии***, *«Сборник научных статьей. Центр системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН.Университет Месроп Маштоц. Южнороссиское обозрение», Вып. 77, Москва-Ростов-на Дону, 2013, с. 122-135*
70.Багдасарян Н., ***Развитие ремесла в Карабахе (1810-1860гг.)***, *«Вестник университета Месроп Маштоц», Ереван, 2012, N 2, с. 42-53* (на арм.яз.)
71.Багдасарян Н., ***Роль Шуши в формировании и развитии комерческого капитала Закавказья в 30-60-х гг. 19-ого века,*** *«Мирный Кавказ фактор развития региона. Материалы международной научной конференции посвященный 20-и летию провозглашения независимости НКР и АР. Степанакерт, 4 ноября, 2011, Университет Месроп Маштоц», Ереван, 2011, с. 245-253* (на арм. яз.)
72.Багдасарян Н., ***Русские переселенцы Карабаха 30-40-х гг. 19-ого века (Демографическая политика России)***, *«Вестник университета Месроп Маштоц», Ереван, 2012, N1, с 50-53* (на арм. яз.)
73.Багдасарян Н.,***Особенности коммерческой жизни в Карабахе в первой трети утверждения русского доминирования,*** *«Вестник университета Месроп Маштоц», Ереван, 2015, с. 52-59* (на арм.яз.)
74.Баграмян Ф., ***Под тенью Гандзасара. Ванк (Исторические очертание. Вчера и сегодня),*** *Степанакерт, 2018, 96 с.* (на арм. яз.)
75.Базеян К., ***Школа вышивки Шуши***, *«Шуши – колыбель армянской цивилизации. Материалы научной конференции посвященной 15-летию освобождения города», Ереван, 2007, с. 244-251* (на арм. яз.)
76.Балаян В., ***Гиши. Историческое прошлое и настояшее,*** *Ереван, 1997, 80 с+ 8с вкладыш* (на арм.яз.)
77.Балаян В., ***Очертание истории поселений Арцахского государства,*** *Ереван, 2020, 752 с.* (на арм.яз.)
78.Балаян В., ***Социально-экономическое положение в Арцахе в 19-ом веке***, *«Арменоведческий журнал АрГУ», Степанакерт, 2011, с. 94-103* (на арм.яз.)
79.Балаян В., ***Шелководство в Нагорном Карабахе со второй половины 19-ого века до наших дней.*** *«Ученые записки АрГУ », Степанакерт, 2000, N1, с. 88-92* (на арм.яз.)
80.Балаян Г., ***О село Ашан и его жителей***, *Степанакерт, 2006, 80 с.* (на арм.яз.)
81.Балаян Г., ***Село Ашан и ашанцы***, *Степанакерт, 1999, 48 с.* (на арм.яз.)
82.Балаян М., ***Коллекция тканей арцахского государственного историко - краеведческого музея (ковры, карпеты, хурджины, мафраши)***, *Ереван, 2012, 128с.* (на арм.яз.)
83.Балаян М., ***О вопросе исследования ковроткацкого исскуства Арцаха*** *«Армянский узел. Традиции ковроткачество. Международная научная конференция, Ереван, 20-22 ноября, 2013. Доклады», Ереван, 2016, с.82-89*

84.Балаян М., ***О новых достижениях коллекций ковров и ковров без ворса арцахского государственного историко - краеведческого музея*** *«Искусства армянского ковроткачества. Вторая республиканская научная конференция. Сборник материалов, Ереван, 25 ноября, 2016» Ереван, 2016, с. 11-19* (на арм. яз.)
85.Балаян М., ***Политика присвоения арцахского коврового искусства в Азербайджане,*** *«Арменоведческий журнал АрГУ», Степанакерт, 2011, с.162-169* (на арм.яз.)
86.Балаян М., ***Рукодельные ковры Арцахского государственного историко – краеведческого музея,*** *«Искусства армянского ковроткачества. Первая республиканская научная конференция. Сборник материалов, Ереван, 18-19 ноября, 2011», Ереван, 2011, с. 36-39* (на арм. яз.)
87.Баратов Б., ***L' ange d'Artsakh les monuments d 'architecture armènienne du Haut-Karabakh. Ангел Арцаха. Памятники армянского исскуства Нагорного Карабаха****, Москва, 1992, 218 с.*
88.Баратов Б., ***Разоренный рай: Путешествие в Карабах****, Москва, 1998, 184 с.*
89.Барсе С., ***Нагорный Карабах. Краткое краеведческое пособие****, Баку, 1963, 84с.* (на арм. яз.)
90.Бархударянц М., ***Арцах /Пер. с арм. Н. Алексаняна; изд. подгот. Б. Григорян и В. Григорян/****, Санкт-Петербург, 2009, 384 с.*
91.Бархударянц М., ***Арцах****, Баку, 1895, Ереван, 1996, 300с.* (на арм. яз.)
92.Бахши Ким, ***Духовные сокровища Арцаха****, Москва, 2012, 320 с.*
93.Бдоян В., ***Земледельческая культура в Армении****, Ереван, 1972, 528с.* (на арм. яз.)
94.Бегларян Г., ***Арцах-Наме, книга пятая****, Степанакерт, 2007, 640с.* (на арм. яз.)
95.Бегларян М., ***Наш Караундж Карабаха****, Степанакерт, 2004, 208 с.* (на арм. яз.)
96.Борисов В., ***Описание города Шуши и его окрестностей****, Москва, 1851*
97.Валесян Л., Мурадян Ю., ***О некоторых итогах и проблемах экономического развития Нагорного Карабаха****, «Вестник общественных наук», Ереван, 1989, N5, с.3-18*
98.Ванян Г., ***История села Кочогот****, Степанакерт, 2009, 216с+168с вкладыш* (на арм. яз.)
99.Варданян Л., ***Традиции мужских возрастных групп у армян в конце XIX-начале XX вв. (Историко-этнографическое исследование)****, «Армянская этнография и фольклор», Ереван, 1981, т. 12, с. 85–142*
100. Варданян Л., ***Из истории этнографического изучения Нагорного Карабаха (конец XIX-начало XX вв.)****, «Нагорно-Карабахская Республика. Прошлое, настоящее, будущее. Международная конференция. Сборник докладов, июнь 21-24, 2006г., Степанакерт» Ереван, 2007г., с. 488-495*
101. Варданян С., ***Культовые элементы в арцахских вариантах песен «Аллилуйя»*** *«Историко-филологический журнал», Ереван, 2002, N2, с 148-156* (на арм. яз.)
102. Варданян С., ***Артур Мкртчян. Общественный быт армян Нагорного Карабаха (вторая половина XIX - начало XX в.), Ереван, издательство «Гитутюн» НАН РА, 2010, 168 с.****, «Историко-филологический журнал», Ереван, 2010, N2, с 266-267* (на арм. яз.)
103. Варданян С., Саркисян С., ***Этнографические исследования Нагорного Карабаха в 1920-х годах.,*** *«Эчмиацин», Ноябрь, С. Эчмиацин, 2008,с 88-109* (на арм. яз.)
104. Вардумян Д., ***Арцах. Попытка экономико-культурного описания,*** *«Вопросы исследования армянской культуры. Арцах. Научная сессия. Тезисы докладов», Ереван, 1992, с. 38-41* (на арм. яз.)
105. Вартапетов А., ***Очерк жилищ и строительных кадров Нагорного Карабаха (Материалы поездки в Карабах летом 1933 г.),*** *«Труды Азербайджанского филиала АН СССР. Историческая серия», т. 25, Баку, 1946, с.99-119*

106. Верещагин В., ***Путешествие по Закавказью в 1864-1865 гг. Василия Верещагина***, *«Всемирный путешественник», т. 7. Санкт Петербург, 1870, с. 209-305*
107. Волкова Н.Г., ***Этнические процессы в Закавказье в XIX–XX вв.***, *«Кавказский этнографический сборник», Москва, 1969, т. IV, с. 3–54*
108. Газарян Х., ***Туми***, *Ереван, 2003, 212с.* (на арм. яз.)
109. Газиян А., ***Этографическая и фольклорная деятельность Хачика Ц. Вардапета Дадяна***, *«Андес Амсоря», Виенна, 1999, N 1-12, с 387-402* (на арм. яз.)
110. Гакстгаузен А., ***Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями***, *Санкт Петербург, 1857, Часть I, 248с., Часть II , 215 с.*
111. Галстян А., ***Победа,*** *Степанакерт, 2000, 252 с.* (на арм. яз.)
112. Гарин С., ***Нагорный Карабах (Географический очерк)***, *«Наша страна», Москва, 1938, № 1*
113. Гаспарян Л., ***Плетение в таразах (национальных костюмах) Сюник-Арцаха***, *«Нация и наследствие» всеармянская молодежная научная конференция. Степанакерт, 26-30 сентября, 2006г.», Степанакерт, 2006, с.169-171* (на арм.яз.)
114. Григоров Н., ***Село Саров Елисаветской губернии Джеванширского уезда***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. шестой, Тифлис, 1888, отд. I, с.123-132*
115. Григорян Г., ***Мохратаг***, *Степанакерт, 2004, 80 с.,* (на арм.яз.)
116. Григорян Ж., ***Улубаб,*** *Степанакерт, 2011, 116с.* (на арм.яз.)
117. Григорян К., ***Аспекты иерархии идентичности карабахских армян, проживающих в Краснодарском крае; азг***, *«Нагорно-Карабахская Республика. Прошлое, настоящее, будущее. Международная конференция. Сборник докладов, июнь 21-24, 2006г., Степанакерт» Ереван, 2006г., с. 162-164*
118. Григорян Ф., ***Армянская традиционная одежда(тараз),*** *Ереван, 2011, 256с* (на арм.яз.)
119. Гриневецкий Б., ***Предварительный отчет о путешествии по Армении и Карабаху в 1903 году***, *«Записки Кавказского отделения Императорского Русского географического общества», Тифлис, 1904, № 3, с. 355-398*
120. Гулян (Гулунц) С., ***Банадзор,*** *Ереван, 2013, 320с* (на арм. яз.)
121. Гучинова Э.Б., Шахназарян Н.Р., ***Гендерные стереотипы армян Арцаха***, *«Проблемы исследования семьи. Материалы республиканской научной сессии, посвященной памяти Э.Т. Карапетян», Ереван, 2001, с. 81–87*
122. Дабахян А., Габриелян М., ***Шуши в 1992-2002гг.. Возврашение армян в освобожденный город (этнографический очерк),*** *Ереван, 2004, 96с* (на арм.яз.)
123. Дабахян А., ***Общественная жизнь Шуши по «Кавказскому летописю»,*** *«Шуши – колыбель армянской цивилизации. Материалы научной конференции посвященной 15-летию освобождения города», Ереван, 2007, с.244-251* (на арм. яз.)
124. Давидбеков И., ***Село Гадрут, Елисаветпольской губернии, Джебраильского уезда***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. шестой, Тифлис, 1888. отд. I, с.153-192*
125. Деконский А., ***Экономический быт государственных крестьян Шушинского и Джебраильского уезда Елисаветпольской губернии***, *«Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», Тифлис, 1886, т. IV, с. 1-157*
126. Джалалянц С., ***Путешествие в Великую Армению***, *Часть 1, Тифлис 1842, Часть 2, Тифлис, 1858* (на арм. яз.).

127. Джейранов Ф., ***Селение Чайкенд Елисаветпольского уезда той же губернии***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис, 1898, вып. двадцать-пятый, отд. II, с. 59-100*
128. Долженко В., ***К истории образования русских поселений Закавказья (1830-1840-е гг.)***, *«Нагорно-Карабахская Республика. Прошлое, настоящее, будущее. Международная конференция. Сборник докладов, июнь 21-24, 2006г., Степанакерт» Ереван, 2007г., с. 313-320*
129. Евецкий О., ***Статистическое описание Закавказского края***, *Санкт-Петербург, 1835.*
130. Егиазаров С., ***Исследования по истории учреждений в Закавказье. Городские цехи. Организация, внутреннее управление закавказских амкарств***, *Казань, 1891. т. 2*
131. Егоров П., ***Мои поездки по Карабаху***, *«Русский инвалид», 1857, № 217, 218, 221, 239, 241, 244*
132. Заварян С., ***Экономическая условия Карабаха и голод 1906-1907 гг.***, *Санкт-Петербург, 1907, 87 с.*
133. ***Записка о Карабахской провинции от 20 апреля 1830 г.***, *«Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», Тифлис, 1878. т. 7, Док. 411, с. 461*
134. Захаров В., ***Как в армянском Карабахе впервые появились тюрки-кочевники***, *«Нагорно-Карабахской республике 20 лет (к годовщине провозглашения независимости). Доклады к юбилейной сессии 20–22 мая 2011 г., город Степанакерт», Москва, 2011, с. 150–164*
135. Зелинский С., ***Материалы по народной медицине у армян Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии и Шушинского и Зангезурского уездов Елисаветпольской губернии***, *«Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества», т. XII, вып. 1-й, Тифлис, 1898, с. 31-64*
136. Зубов П., ***Карабахский астролог (основание крепости Шуши)***, *Москва, 1834*
137. Иессен А., ***Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи***, *«Труды Азербайджанской экспедиции», Москва, 1965, т.2, с.10-36*
138. Израелов Г., ***Домашнее воспитание армян Джеванширского уезда Елисаветпольской губернии***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. седьмой, Тифлис, 1889, отд. II, с.73-76*
139. Израелов Г., ***Описание минеральнаго источника Истису (теплый ключ), Елисаветпольской губернии, Джеванширского уезда***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. седьмой, Тифлис, 1889, отд. II, с.84-85*
140. Израелов Г., ***Село Касапет Джевамширского уезда Елисаветпольской губернии,*** *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XIII, Тифлис, 1892, отд. I, с. 42-58*
141. Ильина М., ***Древнейшие типы жилищ Закавказья***, *Москва, 1946*
142. ***Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Азербайджанская ССР***, *Москва, 1963, 160 с.*
143. ***Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.***, *Москва, 1972. т. II; 1973. т. IV*
144. ***Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года по Азербайджанской ССР (Для служебного ползования)***, *том I, Баку, 1972, 500 с., том II, Баку, 1973, 288 с.*
145. ***Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года по Нагорно-Карабахской Автономной Области***, *Степанакерт, 1981, 83 с.*
146. ***Итоги Всесоюзной переписи населения 1989г.. Численность наличного и постоянного населения по каждому сельскому населенному пункту по Нагорно-Карабахской Автономной Области***, *Москва, 1989, 22 стр.*
147. Каграманян А., ***Справочник социально-экономических показателей административных единиц Нагорно-Карабахской республики,*** *Ереван, 2015, 396с.* (на арм. яз.)
148. Каграманян К., ***Книга очага. Реликвии***, *Ереван, 2002, 278 с.* (на арм. яз.)

149. Калашев А., ***Вардавар (сел. Чайкенд, Елисаветпольской губернии, Шушинского уезда)***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. восемнадцатый, Тифлис, 1894, отд. второй, с.1-36*
150. ***Карабахские казенные летние пастбища (с картой карабахских летних пастбищ)***, *«Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения ското-водства на Кавказе», Тифлис, 1899. Т. IV. с. 1–203*
151. Кара-Мурза Г., ***Из сельскохозяйственной жизни Джеванширского уезда***, *«Кавказское сельское хозяйство», Тифлис, 1903, № 497*
152. Кара-Мурза Г., ***Производство арб и колес в Шушинском и Джеванширском уездах***, *«Кавказское сельское хозяйство», Тифлис, 1903, № 503*
153. Карапетян М., ***Этническая структура населения Нагорного Карабаха в 1921 г. (По сельскохозяйственной переписи Азербайджана 1921 г.),*** *Ереван, 1991, 21 с.*
154. Карапетян С., ***Северный Арцах***, *Ереван, 2018, 640 с.*
155. Карапетян С., ***Геташен***, *Ереван, 1992, 42с+38 с вкладыш* (на арм.яз.)
156. Карапетян С., ***Мосты Арцаха,*** *Ереван, 2009, 144 с*
157. Карапетян С., ***Северный Арцах,*** *Ереван, 2004, 584 с +32 с вкладыш* (на арм. яз.)
158. Карапетян Э., ***Приданое у армян***, *Ереван, 1978, 120 с+8 вкладыш*
159. Кисибекян А., ***Воспоминания***, *т.1. Ереван,2011, 519 с., т.2, Ереван, 2011, 606с.* (на арм. яз.)
160. Кобычев В., ***Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в.***, *«Кавказский этнографический сборник», Москва, 1962, т.III. с. 3–68*
161. Константинович, ***Шуши***, *«Кавказский календар на 1852 г. », Тифлис, 1851, с. 430-435*
162. Кочарян В., ***Саргсашен***, *Степанакерт, 2015, 196с+16с вкладыш* (на арм.яз.)
163. Кочарян Г., ***Нагорный Карабах***, *Баку, 1925, 68 с.*
164. ***Краткая статистическая сведения о Елисаветпольской губернии за 1894 год***, *«Записки Кавказского отделаения Иператорского Русского географического общества», книжка XVIII, Тифлис, 1896, с. 423-439*
165. Лалаян Е., ***Арцах. Гандзак***, *«Лалаян Е., Труды в пяти томах», т. 2, Ереван, 1988, 505с.* (на арм. яз.)
166. Лалаян Е., ***Варанда***, *«Азгагракан андес», Тифлис, кн.2, 1897, с. 5–244, кн. 3, 1898, с. 338-349* (на арм. яз.)
167. Лалаян Е., ***Гандзак***, *«Азгагракан андес», Тифлис, кн. 5, 1899, с.213-360, кн 6, 1900, с. 231-382, кн. 7-8, 1901, с. 255-270* (на арм. яз.)
168. Лео, ***Записи паломника***, *«Сборник сочинений», восьмой том, Ереван 1985, с.7-31* (на арм.яз.)
169. Лео, ***Мои записи***, *«Сборник сочинений», восьмой том, Ереван 1985, с.32-178* (на арм.яз.)
170. Лисициян С., ***О книге В. А. Петрова «Этноботаника Нагорного Карабаха», Изд. АЗФАН, Баку, 1940 г.***, *«Известия Армянского филиала академии наук СССР», Ереван, 1942, N1-2, с 187-190*
171. Лисициян С., ***Армяне Зангезура***, *Ереван, 1969, 339 էջ + 133 с. вкладыш* (на арм. яз.)
172. Лисициян С., ***Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк***, *«Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования», Ереван, 1981, т. 12. с. 9–84* (на арм. яз.)
173. Лисициян С., ***Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк***, *Ереван, 1992, 240 с.*
174. Лисициян С., ***К изучению армянских крестьянских жилищ (Карабахский карадам)***, *«Известия Кавказского историко-археологического института», т.III, Тифлис, 1925, с. 97-108*
175. Лисицян С., ***Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк***, *Ереван, 1992, 240с.*

176. М., ***Шуши и типы ее жителей***, *«Нива», 1877, № 32*
177. Манасян М., Сучян С., ***Влияние естественных факторов на расселение в Нагорно-Карабахской Республике,*** *2011, N1-2, с. 109-116 (на арм.яз.)*
178. Манукян М., ***Районы, города, села Нагорно-Карабахской республики. Историко-культурные, физико-географические, административно-экономические описания,*** *Ереван, 2016, 566с.* (на арм.яз.)
179. Маргарян Г., ***Ювелирное искусство Арцаха XIX – начало XX вв. Арцаха***, *«Вопросы исследования армянской культуры. Арцах. Научная сессия. Тезисы докладов» Ереван, 1992, с.19-20* (на арм.яз.)
180. Маргарян Н., ***Сосуществование речевых обращений в Арцахе,*** *«Вопросы исследования армянской культуры. Арцах. Научная сессия. Тезисы докладов», Ереван, 1992, с.21* (на арм. яз.)
181. Маркосян С., ***Народные музыканты Арцаха***, *Ереван, 2004, 256 с.* (на арм. яз.)
182. Марутян А., ***Интерьер армянского народного жилища (вторая половина XIX – начало XXв.). Материалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу»***, *«Армянская этнография и фольклор», Ереван, 1989, т.17, с. 63-142 + 48 с вкладыш*
183. Марутян А., Саркисян Г., Харатян З., ***К этнокультурной характеристике Арцаха,*** *«Вестник общественных наук», Ереван, 1989, N6, с. 3-18*
184. Мелик-Бахшян С., ***Армянские культовые места***, *Ереван, 2009, 432 с+8 с вкладыш* (на арм.яз.)
185. Мелик-Саркисян Р., ***Переселение армян из Персии в Восточную Армению в 1828–1829гг.***, *«Вестник Ереванского университета», Ереван, 1979, № 2, с. 42–45*
186. Мелик-Шахназаров Е., ***Из древностей селения Ченахчи (Елисаветпольской губернии, Шушинского уезда)***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. девятнадцатый, Тифлис, 1894, отд. I, с.78-83*
187. Мелик-Шахназарян К., ***Материалы для армянской этнографии Карабаха,*** *«Андес Амсоря», Виенна, N3-5, 1931, с. 246-252, N5-6, 1932, с.331-337* (на арм.яз.)
188. Мелик-Шахназарян К., ***Обработование шерсти и изготовление ковров Карабаха,*** *«Андес Амсоря», Виенна, 1928, N9-10, с. 475-478* (на арм.яз.)
189. Мелкумян С., ***Арцах-Карабах. Нагорно-Карабахская республика (Историко-экономическо-географическое исследование)***, *Ереван, 2010,415 с.* (на арм.яз.)
190. Мелкумян С., ***Чартар***, *Ереван, 2003, 144с.+ 26 вкладыш* (на арм.яз.)
191. Минасян С., ***Чапар (Акаракаберд),*** *Степанакерт, 2010, 320 с.+48 с вкладыш* (на арм.яз.)
192. Мирзоян Б., ***Нагорный Карабах (Размышления над статистикой)***, *«Вестник общественных наук», Ереван, 1988, N7, с. 43-56*
193. Мириманов Г., ***Шелкомотальные заводы в Шушинском и Джебраильском уездах***, *«Труды Кавказской шелководственной станции», Тифлис, 1891. т. II, с. 145–151*
194. Мкртумян Ю., ***Формы скотоводства в Восточной Армении (вторая половина XIX-начало XX в.) (Историко-этнографическое исследование)***, *«Армянская этнография и фольклор», Ереван, 1974, т.6, с. 5-90*
195. Мкртчян А., ***Разъединение сельских поселений и образование новых в Нагорном Карабахе в XIX – начале XX в. (материалы для изучения общественного быта)***, *«Научная сессия, посвященная проблемам изучения хозяйственного быта и материальной культуры населения Армении. Тезисы», Ереван, 1985. с. 26–28* (на арм. яз.)
196. Мкртчян А., ***Межэтнические контакты в Нагорном Карабахе (вторая половина XIX – начало XX в.)***, *«Межэтнические контакты и развитие национальных культур. Сборник статей», Москва, 1985, с. 54–62*
197. Мкртчян А., ***Общественный быт армян Нагоного Карабаха (вторая половина XIX–начало XX в.)***, *Ереван, 2010, 168 с.*

198. Мкртчян А., ***Репутация личности в сельской общине (по материалам Нагорного Карабаха конца XIX – начала XX в.)***, *«Вопросы изучения народной культуры. Тезисы докладов», Ереван, 1986. с. 26, 27* (на арм. яз.)
199. Мкртчян С., ***Праздники в традиционном быту карабахцев***, *«Нагорно-Карабахская Республика: Прошлое, настоящее, будущее. Международная конференция. Сборник докладов, июнь 21-24, 2006г., Степанакерт» Ереван, 2007г., с. 395-401* (на арм.яз.)
200. Мкртчян С., ***Праздники. Армянские народные обряды, традиции, верование (Традиция и современность)***, *Ереван, 2010, 192с.* (на арм.яз.)
201. Мкртчян Т., ***Шушинские ковры в ковровом искусстве Арцаха***, *«Проблемы исследования армянской культуры. Научная сессия. Сборник докладов», Ереван, 1992 г., с. 27-28* (на арм.яз.)
202. Мкртчян Ш., ***Арцах. Краткий культурно-исторический очерк***, *Ереван, 1991*
203. Мкртчян Ш., Давтян Щ., ***Шуши. Город трагической судьбы***, *Ереван, 1997*
204. Мкртчян Ш., ***Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха***, *Ереван, 1988*
205. Мкртчян Ш., ***Сокровища Арцаха***, *Ереван, 2000, 272 էջ* (на арм. и русс. яз.)
206. ***Нагорно–Карабахская автономная область в цифрах. Статистический сборник***, *Степанакерт, 1974*
207. ***Нагорно–Карабахская республика. Статистический ежегодник***, *Степанакерт, 2010*
208. ***Нагорный Карабах в цифрах. Статистический сборник***, *Степанакерт, 2007* (на арм. яз.).
209. ***Нагорный Карабах за 50 лет. Статистический сборник***, *Степанакерт, 1974*
210. ***Нагорный Карабах за годы Советской власти. Краткий статистический сборник***, *Степанакерт, 1970*
211. ***Нагорный Карабах***, *Баку, 1983*
212. ***Нагорный Карабах. Историческая справка*** /Ред. Г.А. Галоян, К.С. Худавердян/, Ереван, 1988
213. ***Народоведение Арцаха. Этнография (с трудолюбием и под общим редактированием А. Ю. Саркисяна)***, *Степанакерт, т.1, 2019, 736 с., т.2, 2019, 754 с., т. 3, 2020, 726 с., т.4, 2020, 768 с.* (на арм.и русс. яз.)
214. Науменко Е., ***Елисаветпольская губерния. Военно–статистическое описание***, *Тифлис, 1903*
215. Нерсисян А., ***Пища как средство выражения особенностей социо-нормативной культуры арцахских армян***, *«Проблемы исследования армянской культуры. Научная сессия. Сборник докладов», Ереван, 1992 г., с. 29-30* (на арм.яз.)
216. Никитин К., ***Географическое описание Шушинского уезда***, *«Кавказ», Тифлис, 1872, № 149; 1873, № 1, 2*
217. Никитин К., ***Шуши***, *«Кавказ», Тифлис, 1871, № 25*
218. ***Обзор Елисаветпольской губернии за 1892 г.***, *Тифлис, 1893;* ***то же за 1895 г.,*** *Тифлис, 1896;* ***то же за 1901 г.,*** *Тифлис, 1902;* ***то же за 1906 г.***, *Елисаветполь, 1909;* ***то же за 1910 г.,*** *Тифлис, 1912;* ***то же за 1913 г.,*** *Тифлис, 1915.*
219. ***Обзор экономического состояния Елисаветпольской губернии***, *«Кавказский календарь», Тифлис, 1893. с. 64–85*
220. ***Обозрение Российских владений за Кавказом в историческом, финансовом, этнографическом отношениях***, *Санкт-Петербург, 1836, т. III, ч. 2*
221. Обосян С., ***Культура маслоделия в Армении (вторая половина XIX-первая половина XXвв.): Историко-этнографическое исследование***, *«Армянская этнография и фольклор», Ереван, 2007, т.23, с. 5-98* (на арм.яз.)
222. Оганесян Л., ***Осколки насильно исламизированных армян в Карабахе*** *«Армено-логический журнал АрГУ», Степанакерт, 2011, с 187-192* (на арм.яз.)

223. Оганесян Л., ***Население Арцаха по данным первой Всероссийкой переписи населения 1897г.***, *«Арменоведческий журнал АрГУ», Степанакерт,2010, с 60-63* (на арм.яз.)
224. Оганесян Л., ***Этнический состав и этнические передвижения Арцаха,*** *«Проблемы науки и искусства Арцаха» материалы республиканской научной конференции посвященный 1700-летию принятия в Армении христианства в качестве государственной религии (17-18 ноября, 2000г.)», Степанакерт, 2000, с.39* (на арм.яз.)
225. Овсепян Г., ***Армяне Карадаха I этнография***, *Ереван, 2009, 502с.* (на арм.яз.)
226. Оганян Н., ***Талиш,*** *«Арцахапатум», книга 4, Степанакерт, 2015, с 3-144+12 с вкладыш* (на арм.яз.)
227. Одабашян А., ***Аманор в армянском народном праздничном календаре***, *«Армянская этнография и фольклор», Ереван, 1978, т.9, с.7-72* (на арм. яз.)
228. ***Описание кавказского шелководства (Джеванширский уезд***, *с.87-90,* ***Шушинский уезд***, *с.90-95,* ***Джебраильский уезд***, *с.96-111), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. одиннадцатый, Тифлис, 1891, отдел II*
229. ***Описание Карабахской провинции, составленное в 1823г. действительным действительным статским советником Могилевским и полковником Ермоловым 2-ым***, *Тифлис, 1866*
230. Осипов Г., ***Селение Даш-Алты, Шушинского уезда, Елисаветпольской губернии***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. двадцать пятый, Тифлис, 1898, отд. II, с. 101-136*
231. ***От Шуши до Татева***, *«Кавказ», Тифлис, 1882, № 108*
232. Папазян Е., ***Армянская одежда***, *Ереван, 2002* (на арм. яз.)
233. ***Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Елисаветпольская губерния***, *Санкт Петербург, 1904. кн. 63, 184 с.*
234. Петров В., ***Этноботаника Нагорного Карабаха***, *Баку, 1940, 167 с.*
235. Петрович П., ***Мильско–Карабахская степь***, *Баку, 1927.*
236. Петросян А., ***«Записи паломника» Лео (Аракела Бабаханяна) как первоисточник энтографических исследований Арцаха,*** *«Вестник университета Месроп Маштоц», Степанакерт, 2011, N1, с 50-60* (на арм.яз.)
237. Петросян В., ***Неркин шен.Скрепленная тоска***. *Москва, 2008, 412 с.* (на арм.яз.)
238. Петросян Г., ***Недавно изобретённый храм Караблура и почитание «Святых очагов» в Арцахе,*** *«Армянские святыни и святые места. Истоки, типы и почитание», Ереван, 2001, с. 347-356* (на арм.яз.)
239. Петросян Л., ***Армянские народные сухопутные средства передвижения***, *«Кавказский этнографический сборник», Москва, 1972, т.V, с. 98–118.*
240. Петросян Л., ***Армянские народные средства передвижения***, «Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования», Ереван, 1974, т .6, с. 93-159 (на арм.яз.).
241. Петросян Э., ***Этнопсихологические особенности космогонии армян Арцаха***, *«Сборник научных статей», Ереван, 2006. с. 505–511*
242. Петрушевский И., ***О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха***, *«Известия АзГНИИ. Историко-этнографическое и археологическое отделение», том 1, вып. 5, Баку, 1930, 43 с.*
243. Пикичян Г., ***Музыкальное строение традиционного свадебного обряда в Равниным Карабахе***, *«Нагорно-Карабахская Республика. Прошлое, настоящее, будущее. Международная конференция. Сборник докладов, июнь 21-24, 2006г., Степанакерт» Ереван, 2006г., с. 177-178* (на арм.яз.)
244. Плузян М., ***Джрабердский уезд Арцахской губернии***, *«Арарат», Вагаршапат, 1871, N8, с.440-443* (на арм.яз.)

245. Погосов М., ***Тамерлан по рассказам джеванширских армян***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. седмой, Тифлис, 1889, отд. II, с. 86-89*
246. Погосян А., Балаян М., ***Коллекция серебряных украшений историко-краеведческого музея Арцаха***, *Ереван, 2020, 164 с.* (на арм., русс. и англ. яз.)
247. Погосян А., ***О вопросах генеологии ковров группы «Джраберд» Эчмиацин»***, *февраль, с.* Эчмиацин***,*** *2008, 12, с.38-49* (на арм.яз.)
248. Погосян А., ***О традициях культуры вышивки гладью***. *«Эчмиацин», ноябрь-декабрь, с.* Эчмиацин***,*** *2011, 7, с.53-60* (на арм.яз.)
249. Погосян А., ***Об ареале распространения традиций культуры арцахского ковроткачества*** *«Материалы международной научной конференции посвященный 40-летию основания АрГУ», Степанакерт, 2009, Прак 1, с.256-259* (на арм.яз.)
250. Погосян А., ***Об ареалах распространения ковроткацких традиций Арцаха и их взаимоотношениях с ковроткацкими центрами юго-восточного Кавказа***, *«Вестник арменоведения», 2015, N 2-3, с 78-10* (на арм.яз.)
251. Погосян А., ***Шуши как центр культуры ковроткачества (в конце 19-ого начало первой четверти 20-ого века),*** *«Эджмиацин», 2014, N 2, 42-49* (на арм.яз.)
252. Погосян С., Степанян А., ***Ряд таразов Сюник-Арцаха в системе армянского тараза,*** *«Нагорно-Карабахская Республика: прошлое, настоящее, будущее. Международная конференция. Сборник докладов, июнь 21-24, 2006г., Степанакерт», Ереван, 2007г., с. 417-424* (на арм.яз.)
253. Погосян С., ***Традиционный тараз Арцаха и его эволюция***, *«Культуро-просветительская работа», Ереван, 1988, N5-6, с 37-43* (на арм.яз.)
254. ***Познай свою страну. Арцах. Альбом-каталог,*** *Ереван, 2015, 32с.* (на арм.яз.)
255. ***Промысловые занятия в некоторых населенных пунктах Закавказья*** *(*Зедгенидзе Я., Захар-беков С., Тер-Егиазаров А., ***Город Шуши***, *с.1-79,* Ибрагимбеков Б.*,* ***Шушинский уезд: Агдамское общество***, *с.79-87,* Погосов М.*,* ***Шушинский уезд: селение Туг***, *с.87-88,* Погосов М.*,* ***Шушинский уезд. Селение Мухренес***, *с.88-89,* Израелов Г., ***Джеванширский уезд. Селение Касапет***, *с.105-113,* Давидбеков И.*,* ***Джебраильский уезд. Село Гадрут***, *с.113-116), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. одиннадцатый, Тифлис, 1891, отдел I*
256. ***Распределение армянского населения по Закавказью и Кавказу, на основании «Свода статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г., изданном Закавказским статистическим комитетом в 1893 г.» и других официальных источников,*** *«Записки Кавказского отделения Иператорского Русского географического общества», книжка XVIII, Тифлис, 1896, Приложение, III, с. 41-47*
257. Раффи, ***Два месяца от Агванка до страны Сюника,*** *«Лума», Тифлис, 1896, книга 1, с. 60-109, книга 2, с. 193-228* (на арм.яз.)
258. ***Результаты переписи Нагорно-Карабаской республики 2015г. (Показатели Нагорно-Карабаской республики)***, *Степанакерт, 2016, 290 с.* (на арм.яз.)
259. ***Результаты переписи населения Нагорно-Карабахской Республики 2005 г. (Показатели НКР)***, *Степанакерт, 2006, 326с.* (на арм., русс. и англ, яз.)
260. Самвелян Э., ***Зов тоски***, *Ереван, 2004, 240с.* (на арм.яз.)
261. Саркисян А. (Адела), ***Арцахские национальные костюмы***, *«Азат Арцах», Степанакерт, 24 апреля, 2004, с. 8*
262. Саркисян А.(Адела), ***Кружева Арцаха***, *Степанакерт, книга 1, 2006, 224с.* (на арм. яз.)
263. Саркисян *А.,* ***Исследование этнографии Арцаха в годы независимости***, *«Арцахский государственный университет. Научные чтения (сборник статьей)», Степанакерт, 2016, прак 1, с 255-260* (на арм.яз.)

264. Саркисян А., Саркисян Л., ***Этнография Арцаха в исследовании «Варанда» Ерванда Лалаяна***, *«Вестник университета Месроп Маштоц», Ереван, 2018, с. 347-352* (на арм.яз.)
265. Саркисян *А.,* ***Словарь Карабаьского диалекта***, *Ереван, 2013, 846 с. (2-ое изд., Ереван, 2019, 846с.)* (на арм.яз.)
266. Саркисян *А.,* ***Этнография Арцаха в страницах журнала «СМОМПК (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа)»*** *Научные чтения (сборник статьей). АрГУ», Степанакерт, 2017, с. 86-90* (на арм.яз.)
267. Саркисян А., ***Этнография, фольклор и диалект Арцаха в исследованиях Степана Лисицяна,*** *«АрГУ. Арменологические исследования», Степанакерт, 2016, с.67-86* (на арм. яз.)
268. Саркисян А., ***Этнография, фольклор и диалект Арцаха на страницах «Азгагракан андес»***, *«Ученые записки АрГУ», Степанакерт, 2017, с.59-66* (на арм.яз.)
269. Саркисян Г., ***Динамика числа населения и этнического состава Нагорного Карабаха в 19-ым веке,*** *«Нагорно-Карабахская Республика: Прошлое, настоящее, будущее. Международная конференция. Сборник докладов, июнь 21-24, 2006г., Степанакерт» Ереван, 2007г., с. 455-464* (на арм.яз.)
270. Саркисян Г., ***Население Нагорного Карабаха за 100 лет (1823-1923гг.) (Этнодемографическое исследование)***, *«Вопросы арменологии. Ереванский государственный университет», Ереван, 2016, N2, с. 59-81*
271. Саркисян Г., ***Темпы роста армянского населения Нагорного Карабаха с начала 19-ого века до 1914г.***, *«Вопросы исследования армянской культуры. Арцах. Научная сессия. Тезисы докладов», Ереван, 1992, с 33-34* (на арм.яз.)
272. Саркисян М., ***Родники Дизака н архитектура их сооружений,*** *«Вестник обшественных наук», Ереван, 1986, N11, с. 59-64* (на арм.яз.)
273. Саркисян С., Аракелян Ю., ***Патара,*** *Ереван, 2006, 24с+20 с вкладыш* (на арм.яз.)
274. Саркисян С., ***Поселения Арцаха***, *Ереван, 2018, 232с+48 с вкладыш* (на арм.яз.)
275. Саркисян С., ***Талиш,*** *Ереван, 2007, 176с.* (на арм.яз.)
276. Саркисян С., ***Хнапат. С древнейших времен до наших дней***, *Ереван, 2006, 304с+44 вкладыш (на арм.яз.)*
277. ***Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 года Елисаветпольской губернии***, *Тифлис, 1893*
278. Севян В., ***Шуши***, *Ереван, 1991, 130с.* (на арм.яз.)
279. Сегаль И., ***Елисаветпольская губерния, впечатления и воспоминания***, *Тифлис, 1902, 104с.*
280. Сегаль И., ***От Елисаветполя до Шуши***, *«Кавказ», 1892. № 42, 43*
281. Сейран Г., ***Экономическая жизнь в Карабахе и его перспективы*** *Тифлис, 1928, 80с.* (на арм.яз.)
282. Скибицкий М., ***Карабагские казенные летние пастбища***, *«Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе», Тифлис, 1898. т. 4.*
283. Словинский А., ***Общие выводы относительно промысловых занятий в Закавказье***, *«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. одиннадцатый, Тифлис, 1891, отд вып. одиннадцатый, Тифлис, 1891, отдел I, с. 303–376*
284. ***Состояние шелководства в Шушинском уезде***, *«Кавказ», Тифлис, 1890, № 140*
285. Срвандзтянц Г., ***Вид на отчий край: край Сюнакан и город Шуши***, *«Арцуи Васпуракан», Ван, 1862-1863, N 4, с 87-108* (на арм.яз.)
286. Степанян А., ***Орнамент армянской народной одежды (ритуальная, цветовая,знаковая системы).*** *«Армянская этнография и фольклор», Ереван, 2007, т.22, с. 5-86+40 с. вкладыш* (на арм.яз.)

287. Суджян С., ***Демографическая ситуация в Нагорно-Карабахской Республике***, *«21-я век», Ереван, 2010, N1, с. 42-58* (на арм.яз.)
288. Тагиадян М., ***Путешесетвие в страну Айка***, *Калькута, 1847, 382 с.* (на арм.яз.)
289. Тадевосян А., ***Кузнец в армянской ритуальной системе (Историко-этнографическое исследование),*** *«Армянская этнография и фольклор», Ереван, 2007, т.23, с.99-184* (на арм.яз.)
290. Тадевосян А., ***Попытка семантического анализа одного арцахского ковра,*** *«Вопросы исселдования армянской культуры. Арцах. Научная сессия. Тезисы докладов», Ереван, 1992, с. 9-10* (на арм.яз.)
291. Тадевосян А., ***Семантика ритуального образа кузнеца в контексте верований арцахцев (19-20вв.),*** *«Нагорно-Карабахская республика. Прошлое, будушее и настояшее. Международная научная конференция. Сборник докладов, июнь 21-24, 2006г., Степанакерт», Ереван, 2007, с. 321-324* (на арм.яз.)
292. Тадевосян Г., ***Старый и новый Аветараноц***, *Степанакерт, 2006, 142с.* (на арм.яз.)
293. Татикян В., ***Выражаюшие особый смысл арцахские ковры,*** *«Результаты этнографических и фолклорных полевых исследований 1978-1979 гг. Тезисы докладов, май 5-7, 1980», Ереван, 1980, с.13-14* (на арм.яз.)
294. Татикян В., ***Родовые ковры Арцаха***, *Ереван, 2004, 208с.* (на арм.яз.)
295. Татикян В., ***Роль Арцаха в сохранении и развитии традиций армянского ковроткачества*** *«Нагорно-Карабахская республика. Прошлое, будушее и настояшее.Международная научная конференция. Сборник докладов, июнь 21-24, 2006г., Степанакерт», Ереван, 2007, с. 207-208* (на арм.яз.)
296. Темурджян В., ***Ковроделие в Армении. Историко-этнографическое исследование***, *Ереван, 1955, 234с.* (на арм. яз.)
297. Тер-Саркисянц А. Е., ***Сельская семья у армян Нагорного Карабаха. Основные тенденции развития***, *«Семья. Традиции и современность», Москва, 1990, с. 139-169*
298. Тер-Саркисянц А. Е., ***Некоторые тенденции этнокультурного развития армян Нагорного Карабаха***, *«Вестник общественных наук», Ереван, 1988, N8, с. 14-23*
299. Тер-Саркисянц А., ***Динамика уровня образования армян Нагорного Карабаха***, *«Полевые исследования института этнографии АН СССР, 1976», Москва, 1978, с. 99-109*
300. Тер-Саркисянц А., ***Динамика этнокультурной ситуации (опыт Нагорного Карабаха)***, *«Феномен идентичности в современном гуманитарном знании», Москва, 2011. с. 511-526*
301. Тер-Саркисянц А., ***Изучение современного и традиционного быта армян Нагорного Карабаха***, *«Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги работ института этнографии АН СССР в 1972 г. », Москва, 1974, с. 179-189*
302. Тер-Саркисянц А., ***Изучение современной сельской семьи у армян Нагорного Карабаха***, *«Итоги полевых работ института этнографии АН СССР в 1970г.», Москва,1972, с. 93-102*
303. Тер-Саркисянц А., ***Историко-этнографическое исследование «Армяне Нагорного Карабаха»***, *«Вестник РГНФ», Москва, 2013, № 3, с. 41-54*
304. Тер-Саркисянц А., ***Мои впечатления от поездки в Нагорный Карабах***, *«Армянский вестник», Москва, 2002, № 1-2. с. 77-91*
305. Тер-Саркисянц А., ***Нагорно-Карабахская Республика: Тернистый путь в будущее длиною в двадцать лет***, *«Кавказские научные записки», № 2(11), Москва, 2012, с. 75-99*
306. Тер-Саркисянц А., ***Нагорный Карабах: политическая и этнокультурная ситуация в конце XX - начале XXI в.***, *«Caucasica. Труды института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона», т. I. Москва, 2011, с. 138-175*)

307. Тер-Саркисянц А., ***Новое и традиционное в современном быту армян Нагорного Карабаха***, *«Полевые исследования института этнографии АН СССР, 1975», Москва, 1977, с.99-110*
308. Тер-Саркисянц А., ***Современные этнические процессы у армян Нагорного Карабаха***, *«Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе», Москва, 1978, с. 62-117*
309. Тер-Саркисянц А., ***Структура современной семьи у армян Нагорного Карабаха***, *«Всесоюзный симпозиум по демогрофическим проблемам семьи», ч. II, Ереван, АН Армянский ССР, 1975, с. 176-183*
310. Тер-Саркисянц А., ***Тенденции современного этнокультурного развития сельских армян Нагорного Карабаха,*** *«Нагорно-Карабахской республики 20 лет (к годовщине провозглашения независимости). Доклады к юбилейной сессии 20-22 мая 2011г., г. Степанакерт», Москва, 2001, с. 122-129*
311. Тер-Саркисянц А., ***Этнографическая поездка в Нагорный Карабах***, *«Вестник РГНФ», Москва, 2009, № 1, с. 163-171*
312. Тер-Саркисянц А., ***Этнокультурное развитие карабахских армян в постсоветский период,*** *«Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений», Санкт-Петербург, 2009, с. 407-408 и др.*
313. Тер-Саркисянц А., ***Структура современной семьи у армян Нагорного Карабаха***, *«Всесоюзный симпозиум по демографическим проблемам семьи», ч. II, Ереван, 1975, с. 176-183*
314. Тер-Гаспарян Р., ***Город Шуши***, *Ереван, 1993, 128 с.* (на арм. яз.)
315. Тер-Гаспарян Р., ***Население Шуши с XVIII в. до наших дней.*** *«Известия Армянского филиала академии наук СССР», Ереван, 1963, N9, с 67-76*
316. Тер-Саркисянц А., ***Армяне Нагорного Карабаха. История. Культура. Традиции***, *Москва, 2015, 920 с.*
317. Тер-Саркисянц А., ***Армяне Нагорного Карабаха: тенденции этнокультурного развития***, *«Полевые исследования института этнологии и антропологии РАН, т. I., вып. I., Москва, 1993, с. 70-82*
318. Тер-Саркисянц А., ***Полевые исследования в Нагорном Карабаха в 2001 г.***, *«Полевые исследования института этнологии и антрополонии РАН», Москва, 2002, с. 116-137*
319. Тер-Саркисянц А., ***Современная этнокультурная ситуация в Нагорно-Карабахской республике*** *«2-й межд. арменоведческий конгресс «Арменоведение и вызовы современности. 17–19 октября 2013 г.», Ереван, 2013, с. 258–260*
320. Тер-Саркисянц А., ***Тенденция и развития сельской семьи у армян Нагорного Карабаха в постсоветский период***, *«Нагорно-Карабахская Республика. Прошлое, настоящее, будущее. Международная конференция. Сборник докладов, июнь 21-24, 2006г., Степанакерт», Ереван, 2007г., с. 465-473*
321. Тер-Саркисянц А., ***Город Степанакерт и его жители во время и после Карабахской войны***, *«X конгресс этнографов и антропологов России. Москва, 2–5 июля 2013. Тезисы докладов», Москва, 2013, с. 95*
322. Тер-Саркисянц А., ***Карабахский город Шуши: прошлое и настоящее***, *«Лавровский сборник. Материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений. Этнология. История, археология, культурология. 2012–2013», Санкт Петербург, 2013, с 78–82*
323. Тер-Саркисянц А., ***Современная политическая и этнокультурная ситуация в Нагорном Карабахе***, *«Исследования по прикладной и неотложной этнологии», № 203, Москва, 2008, с. 3-32*

324. Тер-Саркисянц А., ***Тенденции развития структурного состава семьи у армян Нагорного Карабаха в постсоветский период***, *«V конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов», Москва, 2003. с. 99*
325. Уразов Г., ***Медико-топографический очерк Джебраильского уезда Елисаветпольской губернии***, *«Медицинский сборник», Тифлис, 1889. № 50*
326. Фарамазян Л., ***Об особенностях очерка Мариэтты Шагинян «Нагорный Карабах»***, *«Образование и наука в Арцахе», Ереван, 2014, N1-2, էջ 151-154*
327. ***Фольклор Вардудского уезда (составил Ким Каграманян),*** *Ереван, 2011, 278 с.* (на арм.яз.)
328. Хан-Агов А., ***Экономический быт государственных крестьян Джеванширского уезда Елисаветпольской губернии***, *«Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», Тифлис, 1887, т.VI, ч.2-ая, с.335-435*
329. Харатян З., ***Культовые мотивы семейных обычаев и обрядов у армян***, *«Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования», Ереван, 1989, т.17, с 5-62*
330. Харатян З., ***Отображение древнейших свадебных традиций в карабахском диалетке***, *«Вопросы исследования армянской культуры. Арцах. Научная сессия. Тезисы докладов», Ереван, 1992, с. 11-13* (на арм. яз.)
331. Харатян-Аракелян Г., ***Праздники армянского народа***, *Ереван, 2005, 360с.* (на арм. яз.)
332. Хачатрян Ж., ***«Лечение» одержимости танцами***, *«Вестник общественных наук», Ереван, 1980, N10, с. 89-96* (на арм.яз.)
333. Хачатрян С., ***Возрождение арцахских ковров в предприятиях компании «Карабах карпет»,*** *«Армянский узел. Традиции ковраткачество. Международная научная конференция, Ереван, 20-22 ноября, 2013. Доклады», Ереван, 2016 с.188-194, (на арм.яз.)*
334. Хемчян Э., ***Сбор и публикация этнографических материалов в городе Шуши (с 60-х гг. 19-ого века по 60-е гг.20-го века),*** *«Шуши – колыбель армянской цивилизации. Материалы научной конференции посвященной 15-ой годовшине освобождения Шуши», Ереван, 2007, с. 335-351* (на арм. яз.)
335. Хуршудян Ж., ***Арцах-Средняя Азия-Шулавер: сопоставительный очерк,*** *«Республиканская научная сессия. Основные результаты этнографических и фольклористических полевых исследований 1986-1988гг. Тезисы докладов, 5-7 июня, 1990», Ереван, 1990, с.30-31* (на арм.яз.)
336. Шагинян М. *С.* ***Нагорный Карабах. Очерк***, *Москва - Ленинград, 1927, 41с.* (Впервые очерк был опубликован в 1926г. */«Звезда», Санкт-Петербург, N 6, с.136-156/*
337. Шагоян Г, ***Семь дней, семь ночей: панорама армянской свадьбы***, *Ереван, 2011, 616 с. + 32 с. вкладыш* (на арм. яз.)
338. Шахназарян Н., ***В тесных объятиях традиции: патриархат и война***, *Санкт-Петербург, 2011, 276*с.
339. ***Шуши***, *«Московские ведомости», Москва, 1848, № 137*
340. Шушаньянц, ***Шуши***, *«Кавказ», Тифлис,1870, № 97*
341. ***Шуши. Столетие культурной жизни (1820–1920)***, *Ереван, 1992*
342. Шушинский Ф., ***Шуши***, *Баку, 1968*
343. ***Этнографические карты губерний и областей Закавказского края, составленная правителем дел Кавказского отдела Императорского русского географического общества Е. Кондратенко по своду статистических данных о населения Закавказя, извлеченных из посемейных списков 1886 года, изданному по распаряжению главноначальствующего Закавказским статистическим комитетом в 1893 г.***, *«Записки Кажказского отделения Иператорского Русского географического общества», книжка XVIII, Тифлис, 1896, Приложение, I, с. 1-46*

344. Юзбашян., ***Я жил в городе Шуши***, *Ереван, 2017 г., 136 с* (на арм.яз.)
345. Ямсков А., ***Традиционное землепользование кочевников исторического Карабаха и современный армяно-азербайджанский этнотерриториальный конфликт***, *«Фактор этно-конфессиальной самобытности в постсоветском обществе» (Под ред. М. Олкотт и А. Малашенко), Москва, 1998, с. 168-197*
346. Pogosyan A., ***Rug weaving Culture of Artsakh, Historico-Ethnographic illustrated study,*** *Saarbrucken, 2015*

СОДЕРЖАНИЕ

1. *От редактора*……... 3
2. *Введение*…….. 5
3. Константинович, *Шуши*…… 28
4. А. Гакстгаузен, *Закавказский край. Заявки о сельской и общественной жизни и отношениях городов, обитающих между черным и каспийским морями* …… 32
5. И. Давидбеков, *Село Гадрут Елисаветпольской губернии Джебраильского уезда*…… 35
6. Г. Израелов, *Домашнее воспитание армян Джеванширскаго уезда, Елисаветпольской губернии*……. 55
7. *Промысловые занятия в некоторых населенных пунктах Закавказья*
   Я. Зедгенидзе, Захарбеков С., Тер-Егиазаров А., *Елисаветпольская губерния. Город Шуши*……. 57
8. Б. Ибрагимбеков, *Шушинский уезд: Агдамское общество*…….. 94
9. М. Погосов, *Селение Туг*……... 98
10. *Селение Мухренес*…….. 98
11. Г. Израелов, *Селение Касапет. Джеванширский уезд*……. 99
12. И. Давидбеков, *Джебраильский уезд. Село Гадрут*…… 103
13. *Описание кавказского шелководства*…….. 105
14. Г. Израелов, *Село Касапет Елисаветопольской губернии, Джеванширского уезда*…….. 116
15. Г.Осипов, *Селение Даш-Алты Шушинского уезда, Елисаветпольской губернии*…….. 124
16. С.Зелинский, *Материалы по народной медицине у армян Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии и Шушинского и Зангезурского уездов Елисаветпольской губернии*…… 139
17. Л. Сегаль, *Елисаветапольская губерния, впечатления и воспоминания*……. 155
18. С.Заварян, *Экономические условия Карабаха и голод 1906-1907гг*…… 189
19. С. Лисицян, *К изучению армянских крестьянских жилищ (Карабахский карадам)*……... 234
20. С.Лисицян, *Армяне Нагорного Карабаха. (Этнографический очерк)*…… 241
21. Г. Кочарян, *Нагорный Карабах*……. 313

22. М. Шагинян, *Нагорный Карабах*……... 371
23. И. Петрушевский, *О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха*…… 388
24. В. Петров, *Этноботаника Нагорного Карабаха*……... 419
25. Н. Авакян, *Народная одежда армян Арцаха в XIX-начале XX в*….. 483
26. Б. Мирзоян, *Нагорный Карабах (Размышления над статистикой*)….. 491
27. А. Марутян, Г. Саркисян, 3. Харатян, *К этнокультурной характеристике Арцаха*……... 502
28. М. Карапетян, *Этническая структура населения Нагорного Карабаха в 1921 г. (По сельскохозяйственной переписи Азербайджана 1921г.)*……... 513
29. А. Мкртчян, *Общественный быт армян Нагорного Карабаха (вторая половина XIX – начало XX вв.)*……... 523
30. А. Тер-Саркисянц, *Армяне Нагорного Карабаха* ….…….. 584
31. Г.Саркисян, *Население Нагорного Карабаха за 100 лет (1823-1923 гг.) (Этнодемографическое исследование)*…….. 752
32. *Библиография*…….. 769

АРЦАХСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭТНОГРАФИЯ НАГОРНОГО КАРАБАХА

Составитель и главный редактор к.фил.н., доцент,
заслуженный деятель науки НКР
Армен Юрикович Саркисян

Технический редактор: Р. Осипян

Объем : 98.5 п.л.

Тираж: 150

Տպագրված է «Էդիթ Պրինտ» ՍՊԸ տպարանում:

ԷԴԻԹ ՊՐԻՆՏ
Երևան, Թումանյան 12
հեռ.՝ (374 10) 520 848
www.editprint.am
info@editprint.am

EDIT PRINT
12 Toumanyan str., Yerevan
Tel.: (374 10) 520 848
www.editprint.am
info@editprint.am